Российская академия наук
Институт славяноведения
Научный центр славяно-германских исследований

А. Ф. Литвина
Ф. Б. Успенский

Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.

• Династическая история сквозь призму антропонимики

МОСКВА «ИНДРИК» 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов 7

ГЛАВА I. Родовые имена Рюриковичей 11

ГЛАВА II. Варьирование родовых имен в княжеском антропонимиконе: опыт династической морфологиии 31

ГЛАВА III. Стрыи и сыновцы: о наречении племянника именем живого дяди 71

ГЛАВА IV. Взаимодействие двух именословов: становление родовых христианских имен у Рюриковичей 111

ГЛАВА V. Формирование христианской двуименности 175

ГЛАВА VI. Тезки и их патрональные святые в семье Рюриковичей 215

ГЛАВА VII. Из наблюдений над женскими мирскими именами в роду Рюриковичей 238

Основные положения и некоторые итоги 265

Экскурс 1. «Отнее имя» в династической практике Рюриковичей домонгольской поры 267

Экскурс 2. Заметки о бытовании отчеств в домонгольской и Московской Руси ... 323

Экскурс 3. Два рассказа о Рогнеде, дочери Рогволода Полоцкого 335

Экскурс 4. Брак Мстислава и Кристины: к вопросу о русско-шведских династических связях XI — начала XII в. 355

Экскурс 5. Кем была Мария «Всеволожая»? Отчество и происхождение трех русских княгинь XII в. 368

Экскурс 6. Иконы и даты: заметки о христианской двуименности в роду Рюриковичей 382

Экскурс 7. «...А прямое имя ему Уар»: два Дмитрия Ивановича в семье Ивана Грозного 389

Экскурс 8. Иваны, Елены и Феодосии в семье Ивана III 396

Экскурс 9. Некоторые замечания о святых патронах русских князей по имени *Федор* (по поводу одной группы княжеских печатей XII в.) 404

Экскурс 10. Устойчивые сочетания крестильных и мирских имен у домонгольских Рюриковичей 419

Экскурс 11. Имена и формулы: о характеристиках князей-тезок из рода Рюриковичей 433

Summary 448

Приложение. Сведения о христианских именах Рюриковичей 461

Сокращения и литература 627

Указатель таблиц 659

Указатель имен 661

От авторов

Род Рюриковичей занимает совершенно уникальное место в русской истории, не менее уникально и его положение среди других европейских средневековых династий. Более шестисот лет власть над русской землей переходила в этом роду от предка к потомку, от родича к родичу. Московские великие князья твердо помнили о том, что власть, которой они обладают над Русью, перешла к ним от прародителей, что их наследственные права ясно, без каких-либо сбоев и отклонений просматриваются в череде поколений вплоть до X в.

В XII в. русский князь Изяслав Мстиславич, сын шведской принцессы Кристины и внук англосаксонской принцессы Гиды, может поддерживать теснейшие связи с венгерским правящим домом и постоянно пользоваться военной помощью венгерского короля, своего шурина. Тем не менее летопись вкладывает в его уста традиционную формулу, характеризующую княжеские права на часть наследия Рюриковичей: «...мне отчины въ Угрех нетуть ни в Ляхох токмо въ Рускои земли».

Право на власть порой провоцирует жестокую борьбу между родичами, но в то же время именно оно продлевает родовую память, побуждает князей из далеко разошедшихся ветвей рода декларировать: «...единого деда есмы внуци».

Через три с половиной столетия после Изяслава его отдаленный родич Иван III так отвечает на предложение просить императора о королевской короне: «Мы Божьею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители».

Едва ли в европейской истории можно привести еще хоть один пример столь многочисленной и долговечной династии, сохранявшей власть над столь обширной территорией. Одним из важнейших факторов, поддерживавших единство рода и идею родовой преемственности, несомненно, были княжеские имена. Имя нередко оказывалось той минимальной единицей информации, которая доходила от давно умерших предков или отдалившихся родственников-Рюриковичей. Выбор имени, тем самым, был важной частью династической стратегии, он подчинялся целой системе правил, тесно связанной с идеей наследования власти.

Хорошо известно, что княжеские имена повторялись из поколения в поколение, однако еще более устойчивыми оказываются модели подбора этих имен. Принятие христианства, стремительное разрастание рода, разделение различных его ветвей, концентрация власти в руках князей московского дома — эти и многие другие отрезки династической истории отражаются в истории выбора имен.

Достаточно рано складывается своеобразный язык имен, с помощью которого члены семьи, нарекающие ребенка именем, обращались к современникам и потомкам, пытаясь определить не только связь с родовым прошлым, но и династическое будущее каждого наследника.

Сменяющиеся культурные и идеологические требования различных эпох могут наполнять новым содержанием устойчивые модели, неизменность же общих принципов имянаречения олицетворяет незыблемость права на власть. Языческие имена князей постепенно сменяются христианскими, а принципы выбора имени лишь несколько видоизменяются, но при этом проявляют исключительную стабильность.

Консерватизм именослова, обычай наречения в честь предка, многоименность, позволяющая обозначать одно и то же лицо в разных системах координат — все эти характеристики были унаследованы традицией имянаречения из домонгольской эпохи истории рода. Выбор имени всегда служил одним из инструментов передачи власти, и изменение в системе власти влекли за собой, естественным образом, и некоторые изменения в системе имен.

В нашей работе мы попытались определить те принципы, по которым выбирались имена Рюриковичей, выяснить меру гибкости и стабильности этой системы правил и продемонстрировать, каким именно образом она связана с концепцией власти и родовой преемственностью. Разумеется, мы далеко не всегда знаем конкретные причины наречения князя тем или иным именем, но исследование системы именослова в целом нередко позволяет реконструировать, «вычислить» эти причины.

В предлагаемом читательскому вниманию исследовании есть некоторые особенности изложения, которые авторы хотели бы оговорить заранее.

Наша работа не содержит отдельного историографического обзора, хотя, выдвигая то или иное предположение, мы стремились учесть, обсудить или упомянуть мнения наших коллег и предшественников по соответствующему вопросу.

Таблицы, размещенные внутри каждой главы и в экскурсах, ни в коей мере нельзя рассматривать как полноценные генеалогические схемы, традиционно помещаемые в исторических исследованиях. В подавляющем большинстве наших таблиц указаны, например, далеко не все отпрыски той или иной ветви рода, а лишь те из них, о которых идет речь в данном разделе текста. Некоторые из таблиц, кроме того, фиксируют несколько возможных (а зачастую и взаимоисключающих) моделей родства в династии Рюриковичей. Порой они отражают не реальные родовые связи, а представления о родстве тех или иных действующих лиц, сложившиеся у летописца или у историка Нового времени. В первую очередь таблицы призваны облегчить чтение и проиллюстрировать некоторые из предлагаемых нами построений.

Как правило, год, когда произошло то или иное событие, в книге приводится в соответствии с тем, под каким годом оно помещено в летописи. Для избранной нами темы исследования иногда более значима внутренняя, «от-

носительная» хронология летописного повествования, нежели хронология «абсолютная». Случаи, когда в летописных указаниях встречаются определенные противоречия, по возможности оговариваются специально.

В главах, где речь идет о князьях Рюриковичах, живших в XIV — XVI вв., мы остановились лишь на некоторых принципах имянаречения тех князей, которые наиболее тесно были связаны с правящим московским домом. Целостный анализ богатейшей и интереснейшей россыпи имен всех известных нам Рюриковичей той эпохи является, по-видимому, делом будущего.

Помимо указателя имен, где названы все персонажи, упоминающиеся в исследовании, в конце книги читатель найдет Приложение, охватывающее более ограниченный круг лиц. Там фигурируют только представители династии Рюриковичей, причем лишь те из них, о чьих крестильных именах сохранились хотя бы какие-то сведения. Христианские имена многих членов династии устанавливаются в результате исследовательской реконструкции, зачастую такая реконструкция становится объектом многолетней научной полемики. Мы не ставили перед собой задачу сколько-нибудь подробного обзора этих дискуссий, отмечая скорее их результаты — различные варианты атрибуции того или иного христианского имени. Сам по себе этот свод данных не является полным и не носит исчерпывающего характера. Авторы были бы весьма благодарны читателям за любые уточнения, исправления и пополнения материалов Приложения.

Авторы выражают свою глубокую признательность всем тем, кто помогал на разных этапах написания этой книги. В первую очередь хотелось бы поблагодарить Т.В. Гимона, А.А. Гиппиуса, Е.Б. Громову, А.А. Гущина, Д. Домбровского, Е.А. Мельникову, А.А. Молчанова, А.В. Назаренко, А.П. Павлова, А.В. Поппэ, В.В. Рыбакова, Б.А. Успенского, Б.Н. Флорю. Отдельная благодарность — участникам семинара и спецкурса исторического факультета МГУ, принимавшим в 2003 — 2004 гг. живое участие в обсуждении этой работы.

Исследование выполнено в рамках программы ОИФН РАН «История, языки и литература славянских народов в мировом социокультурном контексте», при поддержке исследовательского гранта РФФИ «Историческая семантика имени» и Фонда содействия отечественной науке («Russian Science Support Foundation»).

Глава I

Родовые имена Рюриковичей

Подавляющее большинство наших сведений об именах русских князей почерпнуты из источников, составленных в то время, когда Русь уже была крещена. При этом не вызывает сомнений, что, начиная с Владимира Святого, каждый представитель династии Рюриковичей обладал христианским именем. Тем не менее, если речь идет о периоде с конца X до начала XIII в., мы лучше знаем исконные, языческие по происхождению, имена Рюриковичей, нежели их христианские, крестильные имена. Именно эти, мирские, имена русских князей X — XII вв. (такие как *Владимир, Ярослав, Святополк, Игорь, Рюрик, Всеволод, Мстислав* и др.) чаще всего фигурируют в летописях. Почему же так происходит?

К моменту «экспансии» христианского именослова на Руси, по-видимому, существовала устойчивая традиция имянаречения. Наречение именем было одной из важнейших составляющих культа рода[1], оно поддерживало его непрерывность. Чтобы войти в мир рода, ребенок должен был получить имя, связывающее его с предками, родовое имя. Династическая традиция княжеского дома была весьма консервативна, и должно было пройти не одно столетие, прежде чем христианские имена, поначалу никак не связанные с миром княжеских предков, могли сделаться родовыми. Поэтому древний именослов Рюриковичей, состоящий из языческих по происхождению имен, еще несколько веков никуда не исчезает, а существует параллельно с христианским. В эпоху крещения Руси у каждого князя было по крайней мере по два имени: мирское и христианское. Каким же образом выбирались эти мирские имена?

Одним из главных принципов, которым руководствовались, выбирая имя, было наречение в честь умершего предка, чаще всего в честь предка по мужской линии. И у живых, и у умерших родичей в этой процедуре была своя функция. Живущий предок выбирал, кто из умерших станет своеобразным прототипом ребенка и, соответственно, чье имя он получит[2]. Роли жи-

---

1 О культе рода у русских князей см., например, классическую работу: [Комарович 1960. С. 84–104].

2 В летописи есть ряд описаний акта имянаречения, в которых специально указано, кто дает имя ребенку. Ср., например, начальную часть «Поучения» Владимира Мономаха или летописную статью о появлении на свет Юрия, сына Всеволода Большое Гнездо, которую мы подробнее рассматриваем в другой части работы. По-видимому, решающая роль живущего главы семьи или главы рода в имянаречении — явление универсальное для многих культур.

вых и умерших при выборе имени ни в коем случае не смешивались — существовал строгий запрет на наречение именем отца, если тот был еще жив[3]. У княжича связь с отцом присутствовала уже в его именовании по отчеству, а совпадение имен и отчеств у дальнего предка и потомка делало их постулируемое подобие еще более наглядным. Иногда, впрочем, ребенок по тем или иным причинам мог получить имя из рода матери, а порой у князя могло быть два родовых имени — с отцовской и материнской стороны[4]. В редких случаях имя могло прийти «извне», от побратима, покровителя рода и т. п., но это было скорее исключением, нежели обычаем.

В русской княжеской традиции домонгольского периода не встречаются случаи совпадения мирских имен у живых родных братьев[5]. Однако никако-

---

3 Подробнее об этом запрете см. ниже. Экскурс № 1 на с. 267–322.

4 Так, старший сын Владимира Мономаха помимо вполне традиционного имени *Мстислав* обладал еще и именем *Харальд*, пришедшим к нему из рода его матери Гиды, дочери английского короля Харальда Годвинсона. Один из сыновей Ярослава Мудрого в Скандинавии, на родине его матери, был известен под именем *Хольти Смелый* [ÓT Oddr. Bls. 21; Hkr. Bnd. II. Bls. 182; КЗ. С. 235]. По сообщению «Синопсиса» Иннокентия Гизеля, у князя Андрея Боголюбского до крещения (sic!) имелось еще одно имя — *Китай* [Синопсис 1798. С. 114; Синопсис 2000. С. 446]; ср. [Карамзин. Т. III. Примеч. 26. Т. VIII. Примеч. 65; ПВЛ 1996. С. 516]. Разумеется, к сведениям этого позднего источника, не подкрепленным ни одним из сохранившихся летописных свидетельств, необходимо относиться с осторожностью. Известно, однако, что Андрей Боголюбский был сыном половчанки, дочери половецкого хана Аепы Осенева. Таким образом, выглядящее весьма правдоподобно имя *Китай* могло быть его родовым, «некрестильным» именем, унаследованным из рода матери.

5 При этом младшего брата, по-видимому, могли назвать в честь умершего старшего. Ср. сообщение летописи о смерти сына Давыда Ростиславича — Мстислава Давыдовича — в 1187 г. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 654–655] и о рождении у Давыда Ростиславича другого сына — Мстислава-Федора Давыдовича — в 1193 г. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 679]. Кроме того, тверской князь Ярослав (ум. в 1271/72 г.) сперва назвал *Михаилом* своего сына от первого брака, а затем то же имя получает его сын от второго брака, родившийся, по всей вероятности, в год смерти единокровного брата [Клюг 1994. С. 56. Примеч. 49. С. 390]. Следует отметить, что Михаил Ярославич младший родился после смерти своего отца (Ярослава Ярославича) [ПСРЛ. Т. VII. С. 170–171], однако наречен он был не в его честь, а в честь своего покойного брата.

Гораздо позднее в семьях Рюриковичей двух братьев могли звать одинаково (см. подробнее гл. VI). Так, например, у Юрия, сына Дмитрия Донского, было два сына по имени *Дмитрий*, оба они — Дмитрий Красный и Дмитрий Шемяка — были живы к моменту смерти отца и упоминаются в его завещании. Та же картина представлена и в семье Василия II Темного, у которого после смерти осталось два сына *Андрея*. При этом еще один из сыновей Василия II был назван *Юрием*, по-видимому, в честь недавно умершего брата Юрия. См. подробнее гл. VI, с. 235.

го запрета на совпадение имен у двоюродных братьев, а тем более у дальних родичей, принадлежащих к одному поколению, в княжеском обиходе не существовало. Напротив, имя умершего предка очень часто давалось нескольким представителям одного поколения его потомков.

Существенно, что имена, которые получали княжичи, были не только родовыми, но и династическими. Сыновьям князя предстояло унаследовать не только права на имущество, но и права на власть. Нередко эти права становились объектом борьбы и соперничества. Поэтому было чрезвычайно важно, кто из живых предков дает имя и кто из умерших предков избирается в качестве «прототипа» для вновь появившегося члена рода. В сложной и многоступенчатой системе наследования столов, сложившейся на русской почве, имя нередко определяло те династические перспективы, на которые новорожденный мог рассчитывать по замыслу своих ближайших родственников. Так, если ребенка называли в честь близкого родича, при жизни обладавшего определенным княжеским столом, то зачастую это означало, что его прочили на княжение в том же городе.

С помощью имен нередко пытались закрепить вновь обретенные права на более высокий статус в родовой иерархии или заявить о своих претензиях на него. Младшее поколение могло буквально подражать в последовательности имен старшему. Имена способствовали примирению враждующих ветвей рода и в то же время сами вступали в своеобразную борьбу и конкуренцию. Имя предка, таким образом, всегда было попыткой определить династическую судьбу потомка.

Важность принципа наречения в честь умершего предка для огромной семьи Рюриковичей трудно переоценить. В самом деле, этот принцип был крайне важен для родового мира вообще, но в княжеской семье он приобретал совершенно особое значение. Совпадение имени молодого правителя с именем его умершего родича, уже княжившего на этой земле, означало прежде всего легитимность его права на власть[6]. Быть живым подобием деда или прадеда означало быть законным преемником, наследником его княжеских полномочий[7].

Однако все известные нам примеры одинакового именования одновременно живущих братьев относятся к тому времени, когда практически все княжеские имена были уже христианскими.

6 Порой родовые имена отца, деда или дяди могут употребляться в летописи по отношению к князю в качестве своеобразного величального эпитета, подчеркивая при этом законность его прав на власть в том или ином городе. Подробнее см. об этом Экскурс № 11, с. 434–435.

7 Регулярное воспроизведение имен предков у Рюриковичей, разумеется, отмечался исследователями. Однако чаще всего полностью упускался из виду строгий запрет на использование имен живых отца и деда (ср., например: [Ивакин 1901. С. 53–54; Свердлов 2003. С. 575–576]). С точки зрения системы имянаречения фигура деда — едва ли не более показательна, чем фигура отца. При самом беглом взгля-

Рассмотрим, как выбирались родовые имена для княжичей во второй половине XI — первом десятилетии XII в. Это время — своего рода «классический период» для исследования исконных княжьих имен. Род Рюриковичей к этому времени, безусловно, является правящей династией со своими традициями, со своей историей и с собственными представлениями об этой истории. Род сохраняет относительную цельность, но при этом разрастается настолько, что все более распространенными становятся внутридинастические браки, вторичным образом соединяющие и сближающие отдалившиеся было родовые ветви. В то же время могущество рода в эту эпоху проявляется и во множестве междинастических браков, вовлекающих Рюриковичей в новые отношения родства и пополняющие, в той или иной степени, их именослов. Иными словами, родовой быт огромной княжеской семьи представляет к этому времени сложную и разработанную систему.

Не менее сложной была, на наш взгляд, и система имянаречения в этом роду, тем более что в нее были вовлечены не только живущие члены рода, но и все поколения родичей умерших. В эту эпоху вполне возможно проследить некоторые принципы и закономерности, по которым имена скрепляют родовую историю и определенным образом объединяют представителей многих поколений.

В качестве точки отсчета или своеобразного среза родовой истории нами была выбрана первая семья Владимира Мономаха[8] и, соответственно, родовая линия его предков и потомков (см. табл. №№ 1, 2 к настоящей главе). Попытаемся пронаблюдать, как этот князь выбирает мирские имена для своих сыновей, как в их имянаречении запечатлевается родовая преемственность.

Владимир Мономах явно рассматривает себя как основателя новой династической ветви рода, свою семью — как некое обновление ветви Ярославичей. Возможно, он видит в самом себе прямое подобие своего прадеда Вла-

---

де на княжеский антропонимикон множественные совпадения имен у внуков и дедов заметны и очевидны. Именно это обстоятельство позволяло утверждать, что княжеская традиция предписывала называть внука в честь деда. Однако именование по деду как таковое никак не может быть выдвинуто в качества принципа династического имянаречения. Дело в том, что в культурном обиходе многих народов мы обнаруживаем обычай называть детей в честь живых дедов по отцовской и материнской линии. У Рюриковичей же в XI — XII вв. такая практика не только не была распространена, но попросту отсутствовала — мы не находим ни одного достоверного примера, когда княжич получил бы мирское имя своего деда по мужской линии при жизни последнего. Таким образом, речь должна идти о принципе наречения в честь умерших родичей и, соответственно, о запрете на имена ближайших прямых предков.

8 Известно, что Владимир Мономах был женат по крайней мере дважды, а, возможно, даже и трижды. Об истории его браков см. подробнее: [Назаренко 1993; Кучкин 1999; Назаренко 2001. С. 585–616]. В этой главе речь пойдет об именах его сыновей от брака с Гидой, дочерью английского короля Харальда Годвинсона.

димира Святого. По крайней мере, в имянаречении своих сыновей он явно возвращается именно к этому отрезку родовой истории.

В роду Рюриковичей при наличии общего княжеского антропонимикона в разных ветвях рода намечался, как кажется, собственный круг излюбленных имен. Такой круг не был замкнут и изолирован — имена из одной ветви рода более или менее легко попадали в другую, существовал и некоторый «базовый», общий фонд имен, которыми пользовались все[9]. При этом у полоцких князей, например, из поколения в поколение поддерживается определенное своеобразие именослова, отличающее их, скажем, от Ярославичей. Среди прямых потомков Ярослава Мудрого, в свою очередь, наблюдается некоторое разделение предпочтений в том, что касается родовых имен[10].

Условно говоря, можно отметить, что для Владимира Мономаха (и его сына Мстислава) наиболее актуальны прежде всего те мирские имена, которые выбирали для своих детей Владимир Святой (прадед Мономаха), Ярослав Мудрый (дед Мономаха), Всеволод (его отец) и Изяслав (его старший дядя по мужской линии). Иными словами, если говорить о ближайшей родовой перспективе, то Изяслав Ярославич, Святослав Ярославич, Всеволод Ярославич и Игорь Ярославич по разным причинам подбирали для своих сыновей разные группы имен, а Владимир Мономах и его сын Мстислав в имянаречении поддерживают линии Изяслава и Всеволода, скорее дистанцируясь от линий Игоря и Святослава. Тем более им чужда линия полоцких князей, хотя ничего невозможного в пересечении именословов, принадлежащих любым ветвям рода Рюриковичей, повторяем, никогда не было[11] (см. табл. №№ 1, 2 к настоящей главе).

---

9 Наличие общеродового фонда имен, с одной стороны, и групп имен, передаваемых лишь в отдельных линиях рода, с другой стороны, характеризует династию Рюриковичей и в гораздо более поздний период. О специфике имянаречения, присущей князьям московского дома, см. подробнее гл. V и гл. VI.

10 Предположения о возможных политических мотивах тех или иных предпочтений при выборе имен в разных ветвях рода Рюриковичей см. в работе: [Свердлов 2003. С. 576–578].

11 В этом отношении показателен выбор князя Ростислава Владимировича (сына, умершего еще при жизни отца, Владимира Ярославича) (см. табл. № 1 к настоящей главе). Ростислав называет своего сына *Рюриком*, т. е. тем именем, которое со времен легендарного основателя династии не воспроизводилось в княжеском роду. Этот факт интересен по крайней мере по двум причинам.

Во-первых, он свидетельствует о том, что князь, которого родные дядья считали изгоем, стремится утвердить права своих потомков, абстрагируясь от ближайших родовых связей и подчеркивая связь с общим для всех родоначальником — т. е. ту связь, которая делает его полноправным князем по рождению (см. [Пчелов 2001. С. 59]).

Во-вторых, подобное имянаречение указывает на актуальность древней династической истории и хорошую в ней осведомленность, по крайней мере в том, что касалось имен и родословия. Можно сказать, что имя было той минимальной порци-

Сам Мономах назван, с одной стороны, именно в честь Владимира Святого — у него с прадедом совпадают и мирские и крестильные имена[12]. С другой стороны, на выбор родового имени для этого князя повлиял, по-видимому, и еще один, более близкий по времени родич-прототип. Старшего сына Ярослава от Ингигерд звали *Владимир*, и умер он в год, предшествующий рождению Владимира, старшего сына Всеволода[13]. Летописные статьи о кончине одного и рождении другого следуют непосредственно друг за другом[14].

Мы не располагаем точными сведениями о порядке старшинства сыновей Мономаха. Как кажется, не вызывает сомнений, однако, что старшим сыном был Мстислав. Что касается его братьев, то одним из основных аргументов, позволяющих судить о порядке их появления на свет, является тот порядок, в котором они впоследствии получали право на занятие старших столов[15]. Другим дополнительным аргументом, на наш взгляд, могут служить особенности их имянаречения, тем более что в большинстве случаев порядок занятия столов и порядок именования не опровергают, а поддерживают друг друга.

Трое сыновей Владимира-Василия Мономаха названы, по-видимому, в честь сыновей Владимира-Василия Святого — Изяслава Владимировича-Васильевича, Мстислава Владимировича-Васильевича, Святослава Владимиро-

---

ей информации, которая так или иначе доходила до всех членов рода, даже удаленных друг от друга в простра́нстве (как это бывало при межэтнических браках) и во времени.

12 О повторяющихся именных парах ‘мирское имя — крестильное имя’ см. [Назаренко 2001. С. 593–594; Литвина, Успенский 2001], а также Экскурс № 10.

13 По-видимому, в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях Владимир Ярославич трактуется вообще как старший сын Ярослава Мудрого. Ср., в частности, эпитет «старъ», употребленный при упоминании о его кончине в летописи. В Комиссионном списке Новгородской первой летописи фигурирует еще один сын Ярослава Илья, причем по логике изложения он оказывается самым старшим из сыновей князя. Возможно, он был сыном Ярослава от первого брака (об этом см. подробнее: [Назаренко 2001. С. 484–486, 488–499]). Известно, в частности, что при Ярославе в Новгороде была возведена церковь пророка Ильи на Славне. Существенно, однако, что Илья Ярославич, по-видимому, оказывается вне сферы внимания составителей Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. Кроме того, имя *Илья* в качестве имени для старшего сына в роду Рюриковичей не зафиксировано. Невольно напрашивается вывод, что потомки Ярослава и Ингигерд и их окружение считали именно Владимира старшим в поколении Ярославичей.

14 См. «...Престависѧ Володимеръ сн҃ъ Ꙗрославль старъ Новѣгородѣ и положенъ бы^с^ в ст҃ѣи Софьи юже бѣ самъ создалъ» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 160 под 1052 г.] и «...Ѿ Всеволода родисѧ сн҃ъ и нарече имѧ єму Володимеръ ѡ ц^с^рцѣ Грькынѣ» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 160 под 1053 г.]. См. [Поппэ 1995. С. 66].

15 См. [Строев 1844. Роспись IV; Baumgarten 1927. P. 22. Tab. V. № 7, 11; Янин 1960; Кучкин 1984. С. 68; Кучкин 1999].

вича-Васильевича (см. табл. № 1 к настоящей главе). В то же время Мономах называет *Изяславом* именно своего второго сына[16], поскольку так звали двоюродного деда новорожденного — Изяслава Ярославича. Изяслав Ярославич был также вторым (после Владимира Ярославича) сыном Ярослава Мудрого и Ингигерд:

«и родиса [у Ꙗрослава] другыи сн҃ъ и нареч има єму Изаславъ»[17].

По крайней мере, можно предположить, что в родовой памяти Изяслав остался в качестве второго сына Ярослава.

Изяслав Ярославич умирает в 1078 г. Точная дата рождения Изяслава Владимировича, сына Владимира Мономаха, нам неизвестна, зато известна дата его смерти — 6 сентября 1096 г.[18] При этом известно также, что к моменту своей гибели этот князь был совсем молод и недавно женился[19]. Естественно предположить поэтому, что он появился на свет вскоре после смерти своего двоюродного деда и был назван именем недавно умершего предка. Удивительным образом выбор имени оказался буквально соответствующим выбору судьбы: старший Изяслав погиб во время междоусобной войны с Олегом Святославичем, и этот же «злой гений рода» Олег Святославич оказался причиной гибели Изяслава Владимировича[20].

Третьего сына Владимира Мономаха[21] звали *Святославом*. По-видимому, он, как и его брат Изяслав, был наречен в честь своего двоюродного деда — Святослава Ярославича[22] (см. табл. № 1 к настоящей главе). Оба, и предок и потомок, были, скорее всего, третьими сыновьями своих отцов (Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха). По крайней мере, Святослав Ярославич был третьим сыном в семье Ярослава и Ингигерд[23], а Ярослав Мудрый в за-

---

16 См. [Янин 1960. С. 120; Кучкин 1999. С. 58].

17 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 149].

18 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 227].

19 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 253–254].

20 Смерть князя в бою сама по себе не делало его имя «несчастливым» для потомков. Для того, чтобы имя исчезло из родового обихода, явно нужны были неудачи иного характера. Ср., например, ниже случай исчезновения имени *Судислав* из династического именослова Рюриковичей.

21 См. [Кучкин 1999. С. 58–59].

22 По данным Любечского синодика Святослав Ярославич получил при крещении имя *Николай* [Зотов 1892. С. 24]. В летописях крестильное имя этого князя не упоминается. Следует отметить, что сочетание родового имени *Святослав* и христианского *Николай* принадлежит к числу излюбленных у черниговской ветви Рюриковичей. Впоследствии так звали, например, внуков Святослава Ярославича, двоюродных братьев Святослава Давыдовича (знаменитый князь-инок Никола-Святоша), сына Давыда Святославича, и Святослава Ольговича, сына Олега Святославича. См. [Назаренко 2001. С. 593–594] и Экскурс № 10.

23 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 149].

вещании, как известно, всячески подчеркивал преимущество того факта, что все оставшиеся в живых его сыновья — дети одной матери[24]. Судя по всему, среди ближайших потомков Ярославичей помнились и учитывались в качестве «образцовых предков» именно сыновья от Ингигерд. При такой интерпретации, как уже говорилось, второй сын Мономаха получает имя в честь второго сына Ярослава, а третий, соответственно, в честь третьего.

Замечательно при этом, что в процедуре наречения Мономашичей проявляется своего рода пренебрежение к сиюминутным внутриродовым распрям. Крестным отцом Изяслава Владимировича (как, впрочем, и его брата Мстислава Великого) был уже упоминавшийся князь Олег Святославич, оказавшийся со временем виновником гибели своего крестника. По предположению В.А. Кучкина, Олег мог крестить Изяслава не позднее 10 апреля 1078 г., т. е. до начала его распри с Всеволодом и его сыновьями[25]. Мы выдвинули бы иную версию развития событий.

Изяслав Ярославич погибает именно в этой распре, помогая своему брату Всеволоду[26]. Всеволод, как сказано в летописи, прежде выступал против Изяслава[27] и примирился с ним в 1077 г.[28] По нашему предположению, высказанному выше, внук Всеволода получил имя в честь Изяслава, от которого Всеволод унаследовал киевский стол, и, следовательно, был наречен после гибели Изяслава, указанной в летописи под 3 октября 1078 г.[29]

Тот факт, что Олег Святославич становится его крестным отцом после начала распри, как кажется, не противоречит обычаю. Крещение могло произойти в краткий момент замирения между князьями. В пользу такого предположения свидетельствует целый ряд фактов семейной истории Рюриковичей, говорящих об относительной независимости имянаречения от многих обстоятельств текущих столкновений. Так, в частности, еще один сын Мономаха, родившийся явно позже 1078 г., получает имя *Святослав*, совпадающее (а, на наш взгляд, данное в честь) с именем отца Олега — Святослава Ярославича. Кроме того, существенно позже сын Олега, Всеволод, женится на внучке Владимира Мономаха, дочери его старшего сына Мстислава Великого[30]. К этому времени в распре с Олегом успевает погибнуть второй Изяслав (Изяслав Владимирович) — родной брат Мстислава, однако это событие не препятствует подобному браку.

Мы полагаем, что принципы имянаречения были призваны в первую очередь поддерживать родовую цельность и стабильность. В некоторых случаях выбор имени, как и династический брак или отношения духовного род-

---

24 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 161].

25 См. [Кучкин 1999. С. 58].

26 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 200–203].

27 Ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 171, 199].

28 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 199].

29 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 202].

30 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 308–309 под 1140 — 1141 гг.; Т. II. Стб. 308–309].

ства, должен был упрочить недавно заключенный мир. При этом в повторе имен, на наш взгляд, запечатлелось представление о мире и преемственности внутри рода как о норме. Вражда, убийство и распри, сколь бы частыми они ни были, по-видимому, всякий раз рассматривались как трагические, но случайные отступления от этой нормы[31].

Еще один сын Владимира Мономаха, по-видимому, получает имя в честь двоюродного дяди — Ярополка, сына Изяслава Ярославича (см. табл. №№ 1, 2 к настоящей главе). Ярополк Изяславич был убит неким Нерадцем 22 ноября 1086 г.[32] К этому времени состоялось его примирение с Всеволодом и его сыновьями (в частности, они присутствовали на похоронах Ярополка в Киеве). Таким образом, мы можем предположить, что следующий Ярополк — Ярополк Владимирович — родился не ранее конца 1086 г.

Его брат Вячеслав был назван, по-видимому, в честь еще одного Ярославича, умершего в 1057 г., Вячеслава[33] (см. табл. №№ 1, 2 к настоящей главе). Как известно, Вячеслав Ярославич был князем смоленским. Интересно, что Смоленск же получает еще при жизни отца и Вячеслав Владимирович. Однако здесь необходимо некоторое уточнение. Если считать, что Вячеслав Вла-

---

31 В этом отношении весьма характерны два рассуждения князей, приведенные в летописи, по поводу гибели двух *Изяславов*. Одно из них приводится от имени самого погибшего Изяслава Ярославича [ПСРЛ. Т. I. Стб. 202–203], тогда как другое содержится в письме Мстислава Великого, брата убитого Изяслава Владимировича. И в том, и в другом тексте говорится, что распри между родичами великое зло, и при этом подчеркивается, что гибель кого-либо из членов княжеской семьи не должна служить причиной продолжения распри, не может или, во всяком случае, не должна вызвать распад семьи, распад рода. Эту гибель следует оплакивать, но с момента примирения она должна рассматриваться как несчастная случайность, и, строго говоря, за нее не полагается мстить.

Разумеется, месть и распри между родичами происходили постоянно. В описании кончины Изяслава Ярославича летописец апеллирует скорее к идеальной ситуации исполнения христианского долга. Важно, что при этом христианский долг, по-видимому, совпадает с долгом княжеским, родовым: «Всеволоду пришедшю побѣжену к нему не реч҃ ѥму колико ѿ ваю прѧхъ не вдасть зла за зло но ѹтѣши рек҃ ѥлмаже ты брате мои показа ко мнѣ любовь введе мѧ на столъ мои и нарек҃ мѧ старѣишину собѣ се азъ не помѧну злобы первыꙗ ты ми ѥси братъ а ꙗ тобѣ» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 202–203 под 1078 г.]. Ср. также письмо Владимира Мономаха к Олегу Святославичу о заключении мира: «...дивно ли ѡже мужь оумерлъ в полку ти лѣпше суть измерли и роди наши да не выискывати было чюжего ни мене в соромъ ни в печаль ввести наѹчиша бо и паропци да быша собѣ налѣзлино ѡному налѣзоша зло да же начнеши каѧтисѧ Бу҃ и мнѣ добро ср҃це створиши...» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 254 под 1096 г.].

32 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 206–207].

33 Исследователи, основываясь на найденных в Смоленске княжеских печатях, полагают, что христианским именем этого князя было *Меркурий* [Янин 1970. Т. I. С. 16]. В летописях крестильное имя князя не упоминается.

димирович младше Ярополка Владимировича и полагаться на наше предположение о том, что Ярополк был назван в честь Изяславича, погибшего в 1086 г., то получается, что Вячеслав Владимирович родился не ранее конца 1087 г. В таком случае Вячеслав был совсем юным, когда, по свидетельству летописи, помещенному под 1096 г., отец послал его с войском на помощь брату Мстиславу[34].

Существует, впрочем, и другая возможность: Вячеслав мог быть старше Ярополка. Казалось бы, это противоречит той последовательности, в которой они претендовали на старшие княжеские столы. Действительно, в летописной статье, говорящей о смерти Владимира Мономаха, его оставшиеся в живых сыновья перечисляются в следующем порядке:

«плакахуса по немъ вси людие и сн҃ве его Мьстиславъ Ꙗрополкъ Вачьславъ Георгии Андрѣи и внуци его»[35].

Однако перечни сыновей Владимира в летописи весьма непоследовательны, и мы не можем полностью основываться на этих данных[36].

После смерти Мстислава Великого место киевского князя занимает его брат — Ярополк Владимирович. Вячеслав жив и княжит в Смоленске и Турове[37]. Лишь после смерти Ярополка он решается претендовать на киевский стол и занимает его[38]. Однако самый характер этой попытки может свидетельствовать, на наш взгляд, о несколько необычном положении этого князя среди родичей. Едва заняв киевский стол, Вячеслав тотчас же подчиняется требованию Всеволода Ольговича и оставляет Киев[39]. Когда впоследствии Изяслав занимает киевский стол, он поначалу действует в обход своего дяди Вячеслава, но, не вступая в борьбу с ним, а затем предоставляет ему почетное право старшинства, впрочем, старшинство это с согласия обеих сторон имеет характер, скорее, номинальный[40]. Характерно, что, согласно летописи, киевляне заявляют, что Вячеславу одному все равно не удержать города.

---

34 Впрочем, представляется вполне возможным, что Владимир Мономах послал на помощь старшему сыну совсем юного младшего. В своем «Послании» Олегу Святославичу, говоря о своих двух сыновьях, противостоящих Олегу, он обозначает Мстислава как Олегова крестника, а о втором сыне говорит как о малолетнем, находящемся при старшем брате: «сн҃ъ твои хрь^с^тныи с малы^м^ братомъ своимь хлѣбъ ѣдучи дѣдень» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 254]. Хорошо известны случаи, когда малолетние сыновья занимали княжеские столы и вместо них поначалу распоряжались специально приставленные их отцами люди. Ср. Экскурсы № 1, с. 297–298 и № 9, с. 413–415.

35 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 289 под 1126 г.].

36 Более подробно о различных точках зрения на старшинство сыновей Мономаха см. [Янин 1960. С. 118–121; Кучкин 1999].

37 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 276].

38 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 306; Т. II. Стб. 302].

39 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 306–307; Т. II. Стб. 302–303].

40 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 419].

Впоследствии, еще при жизни Вячеслава, на киевском столе оказывается его единокровный младший брат Юрий.

Можно предположить, что по каким-то особым причинам Вячеслав занимал в княжеской иерархии не то место, на которое он мог бы претендовать по рождению. Иными словами, он мог быть и старше Ярополка, однако родичи поступали с ним как с младшим. В качестве косвенного свидетельства в пользу его «биологического» старшинства может служить то хорошо известное обстоятельство, что в свое время его отец, Владимир Мономах, выведя своего сына Святослава из Смоленска в Переяславль, посадил в Смоленске именно Вячеслава, как если бы тот был следующим по порядку старшинства сыном. Не исключено, что по каким-то причинам Вячеслав поначалу получает то, что положено ему по праву рождения, а позднее — теряет в глазах родичей право на естественное продвижение в княжеской иерархии[41].

Возвращаясь к порядку имянаречения, можно сказать, что он, скорее, свидетельствует в пользу старшинства Вячеслава, хотя не делает это старшинство обязательным. Действительно, если наше предположение верно, и он назван в честь Вячеслава Ярославича (а других подходящих кандидатур в ближайшей родовой перспективе, как кажется, не просматривается), то это имя было «вакантным» с 1057 г., года смерти Вячеслава Ярославича. Имя же *Ярополк* — если следовать нашему предположению о том, что Ярополк Владимирович назван в честь Ярополка Изяславича — «освободилось» лишь в ноябре 1086 г[42].

---

41 Можно допустить, что какую-то роль здесь сыграло то обстоятельство, что после смерти Михаила Вячеславича у Вячеслава [ПСРЛ. Т. II. Стб. 293 под 1130 г.], по-видимому, не остается сыновей. Впрочем, наше построение о значимости этого факта для «карьеры» князя является сугубо гипотетическим. Любопытно, однако, что со времен примирения племянников, Изяслава и Ростислава, с этим своим дядей в летописи они регулярно именуются его «сыновьями» (а не «сыновцами» или каким-либо другим сходным термином); он же устойчиво именуется их «отцом» (ср., например: [ПСРЛ. Т. II. Стб. 430]). Таким образом, обязательства, принятые обоими князьями при крестных целованиях в 1150 — 1151 гг. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 399, 417–418], буквально воплощаются в летописной лексике. Ср. также гл. III, с. 78.

42 Разумеется, порядок имянаречения не может служить безусловным аргументом в пользу старшинства кого-либо из князей или сделаться единственным основанием для установления дат их рождения. Мог ли Ярополк Владимирович получить свое имя при жизни Ярополка Изяславича? Ничего невозможного в этом в принципе нет. Ярополк Изяславич приходился двоюродным дядей Ярополку Владимировичу и, соответственно, был кузеном его отца. Не исключено, что между старшим Ярополком и Мономахом был заключен договор, подобный тем, которые заключались между родными братьями, и сын Мономаха, родившийся примерно в это время, был назван по живому дяде (о наречении племянника в честь живого дяди см. гл. III). И все же гораздо более вероятным нам представляется, что младший Ярополк был назван в честь старшего потому, что родился после его гибели. Когда одного из млад-

Итак, имена четырех сыновей Владимира Мономаха имеют соответствия с именами их предков в двух ближайших поколениях (*Изяслав*, *Святослав*, *Ярополк*, *Вячеслав*). В то же время имена и отчества трех старших княжичей тождественны именам и отчествам трех сыновей Владимира Святого (*Мстислав Владимирович*, *Изяслав Владимирович* и *Святослав Владимирович*) (см. табл. №№ 1, 2 к настоящей главе).

Весьма интересным в этой связи представляется имя старшего сына Владимира Мономаха — *Мстислав*. До него и в его время мы знаем в роду Рюриковичей четырех обладателей этого имени. Первый — знаменитый Мстислав Тмутараканский, сын Владимира Святого[43]. С этим князем у Мономашича совпадает не только имя, но и патроним. Однако Мстислав Владимирович Тмутараканский, в отличие от интересующего нас Мстислава Владимировича Великого, не был старшим сыном своего отца[44].

Среди Ярославичей первенец с таким именем был, по-видимому, у Изяслава. Мы имеем в виду Мстислава Изяславича, которому отец дал новгородский стол[45], отводимый, как правило, старшему сыну киевского князя (см. табл. № 2 к настоящей главе). Не исключено, что уже к моменту рождения старшего сына Владимир Мономах прочил себя в киевские князья, а этого сына — в князья новгородские. Как мы увидим ниже, подобное соответствие или совпадение имен и желательных столов в стратегии имянаречения играло не последнюю роль, хотя, разумеется, замыслы, воплощенные в имени младенца, далеко не всегда могли реализоваться на практике.

Любопытно, что в честь Мстислава Изяславича был со всей очевидностью назван еще один его младший родич. *Мстиславом* назвал своего сына от наложницы[46], князь Святополк Изяславич, родной брат Мстислава Изяславича, получивший непосредственно после брата полоцкий стол[47] (см. табл. № 2 к

ших сыновей называли в честь живого дяди, предполагалось, что старший родич станет покровителем всех детей этой семьи, если они лишатся отца. Связь же с родом Изяслава Ярославича, особенно в свете вновь обострившейся борьбы за киевский стол, была для Владимира Мономаха и его отца Всеволода весьма напряженной и актуальной. Однако ее можно охарактеризовать скорее как соперничество, нежели как сотрудничество. О конкретных обстоятельствах этого соперничества см. ниже, с. 24 настоящей главы.

43 Согласно Любечскому синодику, крестильным именем Мстислава Владимировича было *Константин* [Зотов 1892. С. 6–7, 24]. В летописи оно не упоминается.

44 Кроме того, Мстислав Тмутараканский умер, не оставив по себе наследника, а его земли полностью перешли к его брату Ярославу Мудрому, который благодаря этому сделался — по выражению летописи — «самовл^а^стець Русьстѣи земли» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 150].

45 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 161, 191, 470].

46 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 270; Т. II. Стб. 245].

47 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 174 под 1069 г.].

настоящей главе). По-видимому, Святополк пытался закрепить здесь власть за своей ветвью рода. Называя старшего сына тем именем, которое носил старший сын Изяслава (родной дядя новорожденного), уже княживший в Новгороде и в Полоцке, Святополк пытался, вероятно, сформировать для своих наследников парадигму преемственности власти. Однако семье Святополка не удалось закрепиться в Полоцке[48], когда же Святополк становится князем киевским, его побочный сын получает не новгородский и не полоцкий, а владимирский стол[49].

Скорее всего, ближайшим прототипом при наречении Мстислава Мономашича послужил именно Мстислав Изяславич — его двоюродный дядя, старший сын киевского князя, умерший незадолго до рождения Мстислава Владимировича Великого[50]. Тем не менее определенную роль при выборе имени для старшего сына Мономаха сыграло, на наш взгляд, и то обстоятельство, что он превращался в полного тезку сына Владимира Святого — Мстислава Владимировича Тмутараканского. Тот же самый принцип уподобления по имени и патрониму использовался, как мы помним, и при наречении двух младших братьев Мстислава Великого.

Нельзя не отметить в этой связи, что и Ярослав Мудрый при выборе имен для своих сыновей также ориентировался «по мере возможности» на именослов княжеской семьи, заданный Владимиром Святым. Мы не знаем, было ли у его сына Ильи, упоминающегося лишь в Новгородской первой летописи, мирское имя. Первое среди известных нам княжеских имен сыновей Ярослава — *Владимир*. Родившийся в 1020 г. Владимир Ярославич[51] назван так со всей очевидностью в честь умершего в 1015 г. деда. Трое других сыновей Ярослава получают имена братьев своего отца, умерших к моменту их рождения. Изяслав (второй сын от Ингигерд)[52] наречен, видимо, по своему дяде, Изяславу Владимировичу. Соответственно, в честь дядьев названы еще два сына Ярослава — Святослав (род. в 1027 г.)[53] и Всеволод (род. в 1030 г.)[54]. Иными словами, за исключением загадочного случая с Ильей,

---

48 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 174 под 1071 г.].

49 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 270].

50 В качестве современника Мстислава Владимировича и Мстислава Святополчича можно указать также Мстислава, внука Игоря Ярославича. В летописи его отчество не указывается. В.Л. Янин отождествляет его с князем Мстиславом-Андреем Всеволодичем из списка русских князей в «Хождении игумена Даниила» [Янин 1960. С. 121, 122, 126, 129–130 примеч.]; ср. [Baumgarten 1927. P. 7, 9. Tab. I. №№ 34, 35]. Так или иначе, о родовой линии этого князя известно слишком мало, чтобы пытаться определить, почему он получает имя *Мстислав*.

51 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 146].

52 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 149].

53 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 149].

54 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 149].

Ярослав при наречении старших мальчиков использует только имена своего отца и братьев[55] (см. табл. №№ 1, 2 к настоящей главе).

Таким образом, сделавшись киевским князем, Ярослав в именослове своей семьи как бы «сужает» и «выпрямляет» родовую перспективу, отсекая все боковые ветви. Он переносит на своих прямых потомков все родовые функции своего отца и братьев. Ярослав стремится не только закрепить свое абсолютное старшинство в роду (хотя по рождению он не был старшим), но и сократить род до своих непосредственных наследников.

Владимир Мономах в своей стратегии имянаречения, как уже говорилось, отчасти следует Ярославу, воспроизводя имена Ярославичей и сыновей Владимира Святого. Однако Мономах не мог не считаться с реально существовавшей раздробленностью и разделением власти между разными ветвями рода. По-видимому, одной из задач в его стратегии имянаречения было стягивание, собирание в один узел этих разделившихся нитей родства и власти.

Стратегические замыслы, разумеется, нередко совпадали с более насущными, сиюминутными целями: немедленным примирением с теми или иными родичами, демонстрацией лояльности и преемственности по отношению к ним. Так, Ярополк Владимирович получает свое имя, по-видимому, очень скоро после смерти Ярополка Изяславича, с которым Мономах и его отец Всеволод некоторое время враждовали[56]. Ярополк был старшим сыном Изяслава Ярославича, киевского князя, и потому Всеволод Ярославич опасался его претензий на власть. Как мы знаем, Ярополк был предательски убит и торжественно, с большим почетом погребен в Киеве[57].

Не исключено, что обстоятельства гибели Ярополка вызывали различные подозрения у современников. Не случайно Ярополк описывается в летописи как невинная жертва, а его смерть напрямую уподобляется кончине свв. Бориса и Глеба[58]. В этом случае Всеволоду и его сыну Владимиру важно было подчеркнуть, что их конфликт с Ярополком закончился до его гибели, они никоим образом не виновны в ней и чтут связывающее их родство. Быть мо-

---

55 Любопытно, что имя *Игорь*, которое носил один из родоначальников династии Рюриковичей, появляется не у старших, а у одного из младших сыновей Ярослава (ср. гл. II, с. 38). Еще одного его младшего сына называют *Вячеслав*. Он родился в год смерти (1036 г.) брата Ярослава — Мстислава Тмутараканского, но, как мы видим, не был наречен в его честь. Происхождение и предшествующая судьба имени *Вячеслав* не вполне понятны. У В.Н. Татищева Вячеслав указывается среди сыновей Владимира Святого, но, по-видимому, историк смешивает в данном случае имена *Вышеслав* и *Вячеслав* (см. подробнее: [Пчелов 2001. С. 200–201]).

Строго говоря, на наречение этого Ярославича мог повлиять укрепляющийся в славянском мире культ св. Вацлава (Вячеслава), чешского князя. Однако, судя по всему, имя *Вячеслав* было дано княжичу в качестве мирского, а не христианского.

56 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 205 под 1085 г.].

57 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 206–207 под 1086 г.].

58 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 207].

жет, Всеволод и Владимир устраивают ему столь торжественные похороны, желая продемонстрировать свою непричастность к его гибели. Выбор имени для сына Владимира Мономаха также отчасти мог объясняться этими целями.

Необходимо помнить и о том, что имянаречение было явным образом ориентировано в будущее и апеллировало к «вечным ценностям» рода или к символическому значению каких-либо событий. Сиюминутная интерпретация конфликта с умершим предком на глазах теряла актуальность, а его место в роду, как правило, оставалось незыблемым. В некоторых случаях древние распри внутри рода оказываются при выборе имен более значимыми, чем недавние столкновения. Так, из именослова Рюриковичей навсегда выпадает имя *Судислав*, которое носил один из братьев Ярослава Мудрого, на долгие годы заточенный им в порубе (см. табл. № 1 к настоящей главе). Судислав умер через несколько лет после того, как был отпущен племянниками в монастырь, и не обладал к моменту своей смерти княжеским столом[59]. Тем самым он, по-видимому, исключался из родовой истории в гораздо бóльшей степени, чем князь осиротевший (т. е. изгой)[60]. Такое имя, вышедшее из употребления в династии, по-видимому, может подхватываться ее ближайшим окружением[61].

---

59 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 151, 162, 163].

60 Вообще имена могли иногда превращаться в «неудачные», непригодные для князя и выпадать из родовой традиции, если их носители не успевали при жизни получить никаких властных привилегий. Так, несколько веков спустя после смерти Судислава Владимировича имя *Даниил*, являвшееся у нескольких поколений Рюриковичей престижным родовым именем, в определенный момент уходит из династического обихода. Это имя носил знаменитый московский князь, сын Александра Невского и отец Ивана Калиты, названный так, по-видимому, в честь своего дяди — Даниила Ярославича. Позднее это имя получает правнук Калиты, сын Дмитрия Донского. Затем оно появляется у племянника Даниила Дмитриевича, сына Василия I. Этот последний умирает ребенком, не успев занять сколько-нибудь значимого места в истории рода. Как мы знаем, отцу в десятилетнем возрасте наследует его брат, Василий II (Темный). Имя *Даниил* может фигурировать и в следующих поколениях Рюриковичей, но в семьях московских великих князей оно уже не встречается. Ср. гл. IV, с. 167–168, примеч. 166.

61 В частности, имя *Судислав* встречается у галицкого боярина конца XII — начала XIII столетия. Впрочем, необходимо отметить, что в той части Ипатьевской летописи, где встречается боярское имя *Судислав* и описаны события этого периода, упоминается несколько галицких бояр с княжескими или похожими на княжеские именами [ПСРЛ. Т. II. Стб. 718, 719, 724, 728, 729, 730]. Нам представляется, что такое бытование имен могло быть вызвано несколькими различными причинами. С одной стороны, оно может быть обусловлено контактами с западнославянским именословом, где распределение династических и нединастических имен было устроено иначе, чем в восточнославянском. С другой стороны, речь может идти о родстве (законном или незаконном) галицких бояр с княжеским домом и об отражении этих

Пример классического порядка имянаречения представляет собой семья старшего сына Владимира Мономаха — Мстислава-Федора Великого (см. табл. № 3 к настоящей главе). Он успел создать из имен своих детей законченную и совершенную композицию, где были тщательно учтены сиюминутные родовые связи и вечные родовые ценности.

Первый сын Мстислава родился еще при жизни своего деда, но уже после смерти прадеда. Соответственно, он был назван *Всеволодом* в честь своего прадеда Всеволода Ярославича, великого князя киевского, от которого киевский стол со временем перешел к его старшему сыну Владимиру, а в желательной перспективе должен был перейти к старшему внуку, Мстиславу Владимировичу, и, наконец, к старшему правнуку, Всеволоду Мстиславичу (см. табл. № 3 к настоящей главе).

Второй сын назван, как мы полагаем, в честь своего дяди Изяслава Владимировича, убитого в 1096 г. Немаловажно, что рано погибший Изяслав Владимирович был князем курским[62], а Курск был первым известным нам княжеским столом, который получил его племянник и тезка[63]. По-видимому, наречение в честь дяди свидетельствовало о том, что и в княжеской иерархии ему намечалось такое же место, тем более что, по-видимому, оба Изяслава были вторыми сыновьями в своей семье[64] (см. табл. № 3 к настоящей главе).

Напрашивается предположение, что еще один сын Мстислава, Ростислав (в крещении *Михаил*), получил свое мирское имя в честь двоюродного деда — единственного известного нам брата Владимира Мономаха (см. табл. № 3 к настоящей главе), утонувшего во время отступления с поля битвы в 1093 г.[65] Не исключено, что у Ростислава Всеволодича и у его внучатого племянника Ростислава Мстиславича совпадали не только мирские, но и крестильные имена. Мы располагаем косвенным указанием на то, что Ростислава Всеволодича могли звать в крещении *Михаилом*[66]. Так, в летописи сообщение о его рождении представлено следующим образом:

родственных уз в имянаречении. Не исключено, что могли иметь место и какие-то иные причины, во всяком случае, этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании. Ср. также примеч. 78 к гл. II.

62 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 229].

63 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 296 под 1127 г.].

64 Хотя мы не всегда точно знаем порядок появления на свет княжеских сыновей, имя *Изяслав* в линии Владимир Святой — Ярослав Мудрый — Владимир Мономах — Мстислав Великий может считаться с определенными оговорками «именем для второго сына». При этом престиж этого имени, по-видимому, весьма велик, так как в ряду поколений оно несколько раз оказывается именем старшего из братьев к моменту смерти отца.

65 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 220].

66 Подробнее см. Экскурс № 10, с. 422.

«Родися оу Всеволода снъ и нарекоша именем Ростиславъ в се же лѣто заложена бы^с^ цр҃кы ста^г^ Михаила в монастырѣ Всеволожи»[67].

При этом Ростислава Мстиславича, судя по данным летописи, безусловно, звали *Михаилом*, и так же — *Ростиславом-Михаилом* — во второй половине XII в. называют его внука — Ростислава-Михаила Рюриковича:

«...а и бы^с^ на Лучинѣ верьбноѣ недѣлѣ в пѧтокъ слнцю въсходѧщю родисѧ оу него <Рюрика> сн҃ъ и нарекоша и въ стмъ крщньи дѣдне имѧ Михаило а кнѧже Ростиславъ дѣдне же имѧ и бы^с^ радость велика ѡ роженьи его и дасть ему оц҃ь его Лучинъ городъ вѣ нѣмже родисѧ и поставиша на томь мѣстѣ цркв҃ь ст҃го Михаила кде сѧ родилъ»[68].

Вместе с тем, нельзя не учитывать, что в том же году умирает еще один родич — внук Изяслава Ярославича Ростислав Мстиславич[69] (см. табл. № 3 к настоящей главе). По-видимому, для потомков Владимира Мономаха родственная связь с ним не столь важна, как с Ростиславом Всеволодичем, однако, как кажется, в имянаречении новорожденного сына Мстислава Великого могло сыграть роль то обстоятельство, что он становился полным тезкой недавно умершего троюродного брата. Тот приходился, по-видимому, старшим внуком Изяславу Ярославичу, по крайней мере, был сыном его старшего сына. «Новый» Ростислав Мстиславич, таким образом, в известном смысле должен был занять это престижное место в княжеской иерархии.

В свою очередь, Святополк — один из младших детей Мстислава — получает свое княжеское имя, вероятно, в честь Святополка-Михаила Изяславича, одного из внуков Ярослава Мудрого. Он приходился двоюродным братом Владимиру Мономаху и был великим князем киевским с 1093 по 1113 г. (см. табл. № 3 к настоящей главе). Как мы знаем, именно от него (а не непосредственно после своего отца, Всеволода) Владимир Мономах унаследовал киевский стол[70].

Примеры такого имянаречения не только и не столько по родству, сколько по наследованию власти (иногда и после политического противника) известны уже в XI в. Так, сам Святополк Изяславич, по-видимому, унаследовал свое имя от Святополка Окаянного, врага своего родного деда. Отец Святополка Изяслав получил Турово-Пинское княжество, которое перед ним принадлежало Святополку Окаянному. Давая своему сыну имя *Святополк*, Изяслав, возможно, стремился подчеркнуть преемственный характер его прав на это княжество[71].

---

67 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 174 под 1070 г.].

68 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 567 под 1173 г.].

69 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 225–226 под 1093 г.].

70 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 290].

71 См. [Поппэ 1995. С. 65].

На выбор имени для Ярополка, еще одного сына Мстислава Великого[72], по всей видимости, повлиял договор, заключенный между Мстиславом и его родным младшим братом, Ярополком Владимировичем. Княжич был, скорее всего, назван в честь живого дяди, который должен был в будущем защищать интересы всех детей своего старшего брата[73] (см. табл. № 3 к настоящей главе).

Существенно, что при этом в именах младших сыновей Мстислав воспроизводит семейную ситуацию Изяслава Ярославича. Потомки Изяслава Ярославича — Ярополк и Святополк — были, по-видимому, по родовому счету старше Мономаха[74]. Желая закрепить власть за своей ветвью рода, сначала Владимир, а потом и его сын Мстислав, называют в честь них своих детей, очевидно потому, что уподобление этим Изяславичам добавляло легитимности их правам на старшие столы. Мономах использовал имя лишь одного Изяславича — Ярополка, Мстислав же задействовал оба имени сыновей Изяслава с основой *–полк*. Имена на *–полк* в роду Рюриковичей, по-видимому, традиционно связывались друг с другом, они воспринимались как парные для двух братьев или для отца и сына[75].

Наконец, последний сын Мстислава Великого со всей очевидностью нарекается *Владимиром*[76] в честь умершего незадолго до его рождения родного деда[77]. Таким образом, мы видим, как замыкается родовой круг — старший сын получает имя в честь прадеда, младший же в честь деда[78] (см. табл. № 3 к настоящей главе).

---

72 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 378–382].

73 См. об этом подробнее гл. III, с. 75–77.

74 Ср. «Володимеръ же нача размышляти река аще сѧду на столѣ ѡц҃а своюго то има^м^ рать съ Стополко^м^ взати ꙗко єсть столъ пре^ж^ ѿ ѡц҃а юго былъ» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 217].

75 См. подробнее гл. II, с. 50–51.

76 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 294 под 1132 г.].

77 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 293 под 1125 г.; Т. II. Стб. 289 под 1126 г.].

78 Любопытно, что никто из детей Владимира Мономаха и Мстислава Великого не получил княжеского имени основателя собственной ветви рода — Ярослава Мудрого. Насколько нам известно, из всех внуков Ярослава только Ярослав Святославич носит имя своего деда. Он не был старшим сыном своего отца, но, впрочем, старший из Святославичей и не мог быть назван *Ярославом*, как не мог быть назван этим именем и Владимир Мономах, поскольку и тот и другой появились на свет еще при жизни деда. Однако и впоследствии, в поколениях правнуков и праправнуков Ярослава, это имя более употребительно в родовых линиях Изяславичей и Святославичей и относительно поздно появляется у потомков Всеволода Ярославича.

С одной стороны, в нескольких поколениях ближайших потомков Ярослава Мудрого существенным при имянаречении мог оказаться не только тот политический статус, которого этот князь добился собственными усилиями, но и то положение, которое принадлежало ему по праву рождения: Ярослав не был старшим сыном

Итак, мы рассмотрели практику имянаречения в нескольких поколениях одной из семей Рюриковичей на протяжении второй половины XI — начала XII в. Разумеется, в эту эпоху род Рюриковичей не исчерпывается одними потомками Всеволода Ярославича, однако принципы имянаречения внутри этой ветви рода нам представляются достаточно универсальными. Это означает, прежде всего, что данные принципы так или иначе были актуальны и для других княжеских семей. История рода воплощается в именах — на протяжении четырех поколений имена в династии не просто воспроизводятся, а образуют своего рода систему, где замещение умершего предка живым потомком одновременно олицетворяет и символическое бессмертие родового древа и вполне практические притязания на определенную ступень в иерархии власти. Как мы убедились, потомок порой нарекался в честь целого ряда предков-прототипов, принадлежавших к разным поколениям, но носивших одно и то же имя. Порядок имянаречения в одном поколении семьи отчасти воспроизводит порядок имянаречения в поколениях предыдущих, но при этом он обслуживает и более сложную структуру родственных связей[79]. Последовательное воспроизведение имен создает, таким образом, дополнительный «стержень», который может скреплять по вертикали многие поколения Рюриковичей.

Чтобы стать полноправным членом рода и со временем унаследовать власть, княжич должен был получить родовое, династическое имя. При этом нарекаемому могло даваться как имя прямого предка (отца, родного деда, прадеда), так и имя более отдаленного родственника. Иногда, по-видимому, в конкретной семейной традиции у имени появляются еще более четко очерченные династические функции: так, определенное имя может более или менее устойчиво воспроизводиться как имя второго сына[80].

Владимира Святого и потому, вероятно, его имя не столь популярно в качестве имени для первенца в княжеских семьях. С другой стороны, потомки Всеволода Ярославича могли не использовать этого имени и по другой, прямо противоположной причине. Для его носителя оно означало бы заявку на столь высокий родовой статус, который не мог принадлежать Всеволодичам, потомкам четвертого от Ингигерд сына, согласно старой родовой иерархии. Кроме того, существовала и еще одна, на наш взгляд, самая существенная причина, по которой Мономашичи относительно редко использовали мирское имя Ярослава Мудрого. Судя по всему, в своей династической практике они предпочли — в качестве наследственного — его крестильное имя *Георгий*. Подробнее об этом см. гл. IV, с. 118–122.

79 В.Ю. Франчук, справедливо отмечая обычай называть в честь умерших, утверждает, что в честь родичей по отцу должны были именоваться, так сказать, нечетные (первый, третий и пятый) сыновья князя [Франчук 1987; Франчук 1998. С. 168, 170], однако никакой аргументации в пользу существования такой традиции вообще и в русском княжеском роду в частности исследовательница не приводит. Имянаречение мальчиков в семьях Рюриковичей XI — XII вв. со всей очевидностью полностью противоречит этой схеме.

80 См. с. 17, 26 и примеч. 64 в настоящей главе.

Круг династических имен был особенно устойчив, консервативен и ограничен. Тем не менее, на наш взгляд, не стоит переоценивать эту замкнутость и консервативность. В династии все же могли появляться новые имена и изменяться отношение к старым. В именах и в самом деле запечатлевалась история рода, а она, как и всякая история, изобиловала самыми неожиданными поворотами и коллизиями. Например, основателем новой могущественной династической ветви мог стать отнюдь не старший, а один из младших сыновей князя, сместив все акценты княжеской иерархии и изменив тем самым ориентацию рода в практике имянаречения. Род в целом мог, как это случилось с ближайшими потомками Рюрика, изменить «национальную окраску» именослова, переключившись со скандинавских имен на имена преимущественно славянские. Разумеется, столь резкие перемены случались в династическом антропонимиконе нечасто, и требовались весьма значительные события в судьбе правящего рода, чтобы они могли произойти.

Необходимо учитывать, что природа имени как таковая в определенном смысле безразлична родовой традиции. Славянское или скандинавское, языческое или христианское — имя должно отсылать к уже существовавшему в роде «прототипу», тем или иным образом связывать с родичами. Упрощая дело, можно сказать, что родовое имя вовсе не обязательно должно быть местного, автохтонного происхождения, но нужно, чтобы оно было именем предка (желательно по мужской линии или, в крайнем случае, именем предка по женской линии, побратима, легендарного прародителя). Именно поэтому новые, неродовые имена входят в династическую традицию с немалым трудом, и на Руси их проникновение носит постепенный, единичный характер. Столкнувшись с массовой «экспансией» христианского именослова, княжеская традиция, как уже говорилось, немедленно выработала в качестве «ответной стратегии» двуименность. Тем не менее со временем нехристианские имена вытесняются из именослова династии. При этом родовая традиция именования, на наш взгляд, отнюдь не исчезает, а лишь несколько видоизменяется. Многие принципы выбора имени, претерпев некоторую трансформацию, сохраняются на протяжении многих веков, но при этом постепенно заменяются единицы именослова — имена.

ТАБЛИЦА № 1

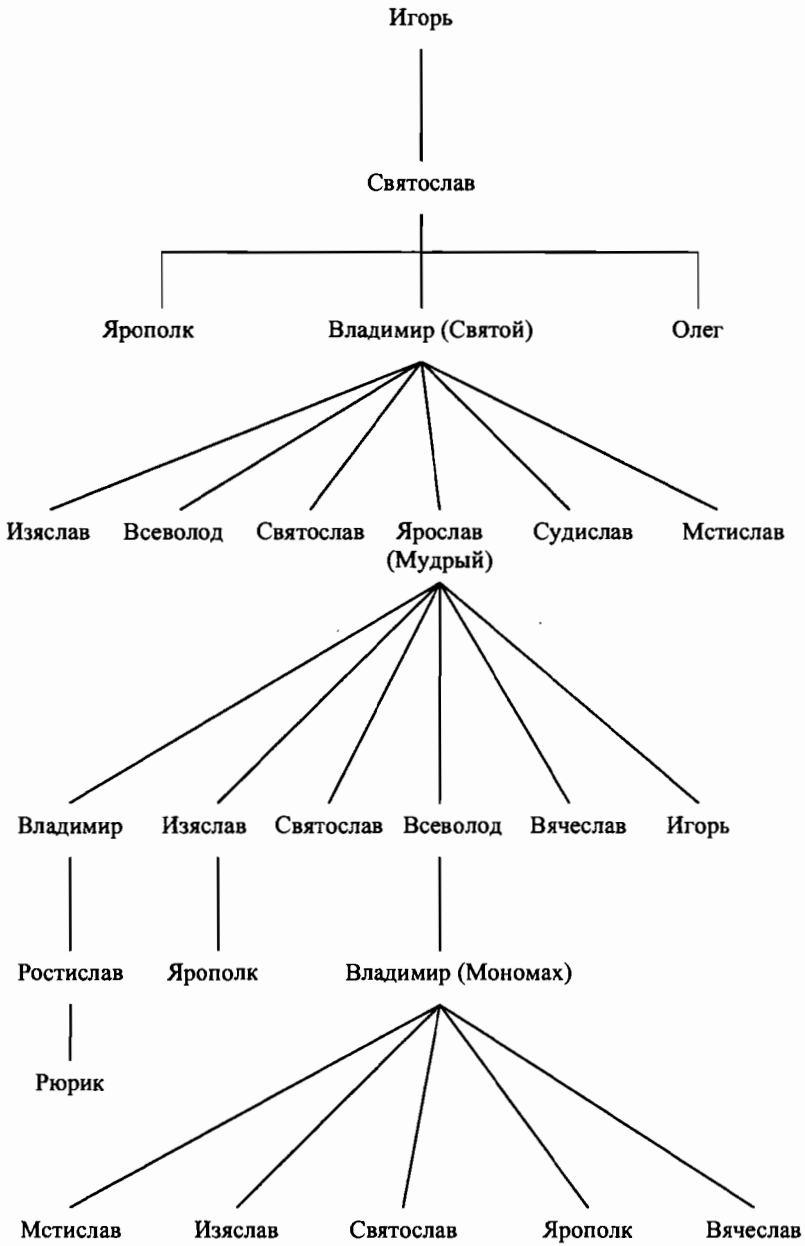

Игорь
Святослав
Ярополк
Владимир (Святой)
Олег
Изяслав
Всеволод
Святослав
Ярослав (Мудрый)
Судислав
Мстислав
Владимир
Изяслав
Святослав
Всеволод
Вячеслав
Игорь
Ростислав
Ярополк
Владимир (Мономах)
Рюрик
Мстислав
Изяслав
Святослав
Ярополк
Вячеслав

ТАБЛИЦА № 2

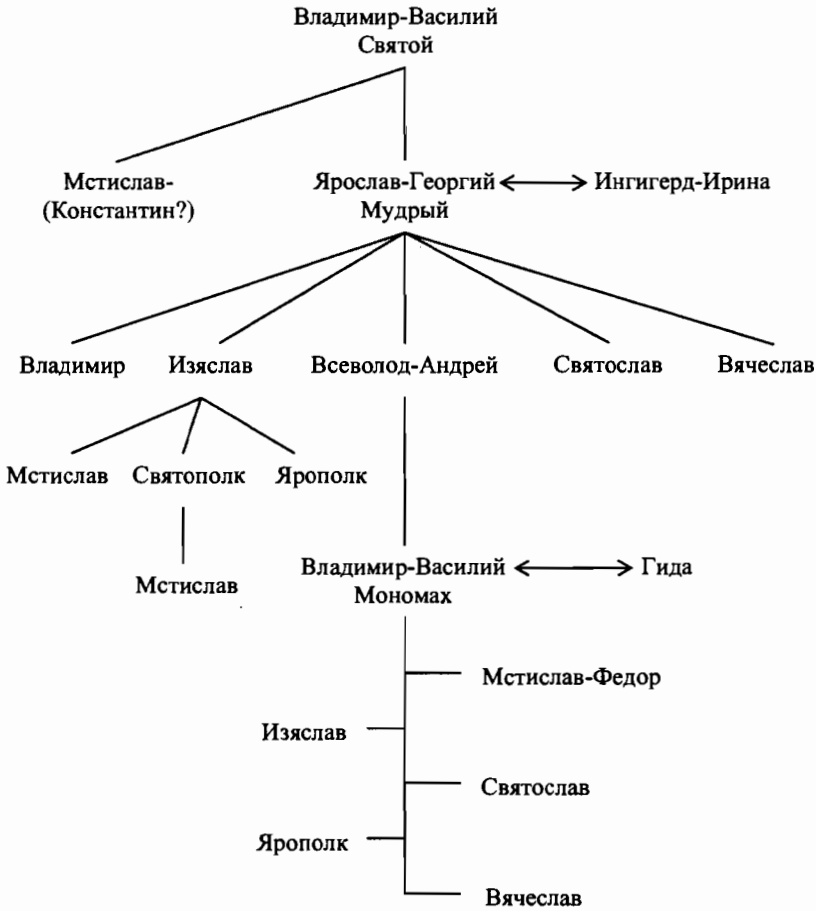
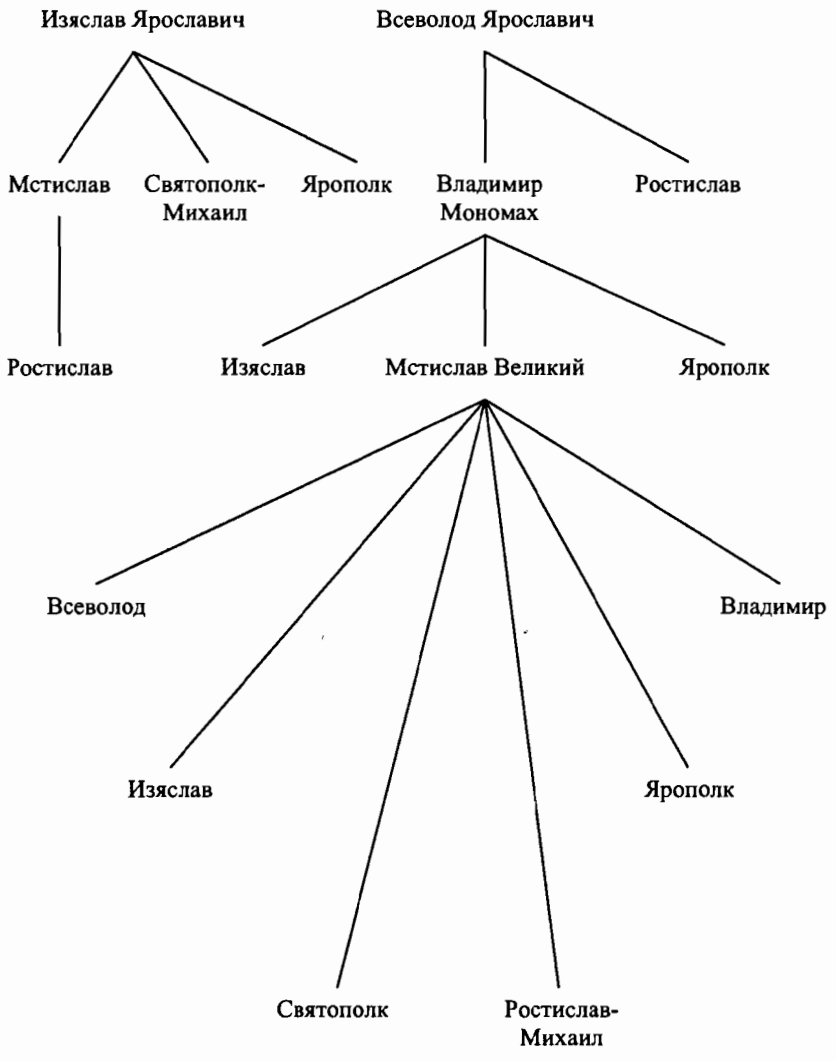

Владимир-Василий
Святой
Мстислав-
(Константин?)
Ярослав-Георгий
Мудрый
Ингигерд-Ирина
Владимир
Изяслав
Всеволод-Андрей
Святослав
Вячеслав
Мстислав
Святополк
Ярополк
Мстислав
Владимир-Василий
Мономах
Гида
Мстислав-Федор
Изяслав
Святослав
Ярополк
Вячеслав

ТАБЛИЦА № 3


Изяслав Ярославич
Всеволод Ярославич
Мстислав
Святополк-Михаил
Ярополк
Владимир Мономах
Ростислав
Ростислав
Изяслав
Мстислав Великий
Ярополк
Всеволод
Владимир
Изяслав
Ярополк
Святополк
Ростислав-Михаил

Глава II

Варьирование родовых имен в княжеском антропонимиконе: опыт династической морфологии

Продемонстрированные в предыдущей главе закономерности формируют довольно стройную и последовательную картину выбора родовых имен у Рюриковичей. Тем не менее только повтором имен умерших предков не могут быть объяснены все особенности имянаречения в княжеском роду. На наш взгляд, есть целый ряд случаев, когда выбор того или иного родового имени обусловлен действием неких дополнительных культурных механизмов.

В самом деле, продемонстрированный выше принцип именования в честь умерших родичей полноценно «работает», если речь идет об эпохе, начинающейся приблизительно со второй трети XI в., условно говоря, с сыновей Ярослава Мудрого. С этого времени множество имен предков с неизменной последовательностью буквально воспроизводятся в именах потомков. Если же мы обратимся к поколению братьев Ярослава, то увидим, что у них встречаются такие имена, которые более не повторяются в княжеском атропонимиконе. Их исчезновение может быть объяснено различными причинами. При этом нельзя не отметить, что иные из этих имен (например, *Позвизд*) кажутся современному читателю «странными», непохожими по структуре на другие имена Рюриковичей. Действительно, те из имен князей, которые были славянскими по происхождению, как правило, двусоставны и в большинстве из них повторяются одни и те же основы. Имена, не содержащие этих основ, поневоле кажутся нетрадиционными, выпадающими из общего ряда. Добавим сразу же, что такие «странные» имена встречаются и в ранней династической истории других славянских стран.

Кроме того, и во второй половине XI — XII в., когда корпус имен Рюриковичей, казалось бы, уже сформировался, у некоторых князей вдруг появляются такие имена как *Володарь* или *Ингвар(ь)*. Эти имена «похожи» на традиционные княжеские — такие, как *Володимир* и *Игорь*. Данное сходство уже обращало на себя внимание исследователей, с точки зрения этимологии самих антропонимических форм, найти ему объяснение не так уж трудно. Однако до определенного времени подобные формы у Рюриковичей, как уже говорилось, отсутствуют, а в указанный период могут встречаться в составе таких сочетаний, как *Володимир Володаревич* и *Ингвар(ь) Игоревич*.

Каким же образом при столь отлаженной системе именования в честь умерших предков отдельные княжеские имена исчезают, как бы уходят в никуда, тогда как появление других новых имен не мотивировано династиче-

скими связями — они словно приходят ниоткуда? Когда и как закрепляется определенная структура княжеского имени, почему некоторые основы двусоставных имен регулярно повторятся и максимально востребуются при формировании именослова рода Рюриковичей? Иными словами, какие способы имянаречения актуальны для династии, кроме воспроизведения имен умерших князей-родичей?

С точки зрения преемственности власти была чрезвычайно важна преемственность сына по отношению к отцу. Княжичей не могли назвать именем живого отца[1], но при этом имя отца сохранялось в отчестве. Отчеством обладал каждый князь из династии Рюриковичей[2]. Иногда в источниках князь или несколько князей-братьев могут называться только по отчеству или по имени деда (*Ольговичи*, *Ярославичи*, *Ярополчичи*, *Вячеславли внуци* и т.д.). Именование по отцу и деду ситуативно заменяет князьям имя, имена предков оказываются более значимыми, чем их собственные.

Зачастую имя предка, в честь которого будет назван княжич, подбиралось к его отчеству. Так, Ростислав Мстиславич, третий *Ростислав* в роду Рюриковичей, называет своего сына *Рюриком*, тем же именем, что выбрал для одного из своих наследников первый *Ростислав*, Ростислав Владимирович. Таким образом, оба княжича стали *Рюриками Ростиславичами* (см. табл. № 1 к настоящей главе). В нескольких поколениях повторяются, например, и такие сочетания княжеских имен, как *Олег Святославич*, *Владимир Всеволодич*[3] или *Владимир Ярославич* и т. п. Несомненно, отчества играли важную роль в системе имянаречения, как уже говорилось, тот факт, что предок и потомок обладали не только одинаковыми именами, но и одинаковыми отчествами, дополнительным образом подчеркивал связь между ними.

Тем не менее в системе именования Рюриковичей связь между ближайшими предками и потомками демонстрировалась не только с помощью патронимики. На наш взгляд, на определенных этапах истории династии для манифестации этой связи (и, в частности, связи с ближайшим родичем, с отцом) использовался еще один особый прием, который мы могли бы условно назвать принципом варьирования родового имени. Имя сына могло воспроизводить лишь одну из частей имени отца, и имена сына и отца содержали, таким образом, как совпадающие, так и несовпадающие компоненты. Запрет на наречение именем живого отца в этом случае, несомненно, соблюдался. Однако подчеркивалась и важная для любого рода вообще, а для правящего рода в особенности, непосредственная преемственность по отношению к отцу. В определенном смысле при таком имянаречении имена отца и сына оказываются одновременно тождественны и нетождественны друг другу. Обы-

---

1 Подробнее о запрете на наречение именем живого отца см. Экскурс № 1.

2 См. [Ф.Б. Успенский 2002. С. 65–110].

3 Так, в частности, зовут прадеда и правнука — Владимира Всеволодича Мономаха и Владимира-Дмитрия Всеволодича, сына Всеволода Большое Гнездо (см. табл. № 2 к настоящей главе).

чай же называть князя по имени и отчеству делал созвучие между их именами особенно наглядным, особенно очевидным (ср. *Ярослав Ярополчич*, *Ярополк Ярославич*, *Изяслав Мстиславич*, *Всеволод Володимирович*, *Володимир Всеволодич* и др.).

Действительно, прямое и полное воспроизведение имени предка исходно было связано с верой в «реинкарнацию», с верой в то, что в новорожденном вновь оживает дух умершего родича[4]. Когда будущий наследник появляется на свет, а его отец или дед еще живы, невозможно представить дело так, что их дух переселяется в новорожденного. Тем не менее родственники стремятся предусмотреть ту ситуацию, когда ребенок после смерти своего отца станет главой рода, получит родовое имущество и власть. Именно тогда станет особенно важным, что он с рождения является членом рода, прямым преемником и «продолжением» отца. Подобный подход к властным привилегиям в династической истории, по-видимому, надолго переживает буквальную веру в реинкарнацию. Однако самый принцип варьирования родового имени достаточно архаичен и действует, скорее, на ранних этапах истории знатного рода.

Особенно широко такой принцип частичного повтора или варьирования родового (и, в частности, отцовского имени) известен у германских народов. Высказывалось предположение, что в германских королевских династиях варьирование основ как средство имянаречения поначалу преобладало над принципом буквального повтора имени того или иного умершего предка[5]. Примеры подобного варьирования обнаруживаются уже в эпоху Великого переселения народов. Так, у вандалов король *Гундегизель* (Gundegisel) назвал своих сыновей *Гундерих* (Gunderich) и *Гензерих* (Genserich). В свою очередь, один из его сыновей Гензерих дает своим детям имена: *Хунерих* (Hunerich), *Теодерих* (Theoderich) и *Гензо* (Genso). У Гензо был сын *Геларих* (Gelarich), который нарек своего сына *Гелимер* (Gelimer) (см. табл. № 3 к настоящей главе).

Аналогичный вариативный ряд прослеживается в V в. и у восточных готов[6]. Здесь мы обнаруживаем у короля Теодемира / Тиудемер (Theodemir) сыновей по имени *Теодерих* (Theoderich), *Теодемунд* (Theodemund) и дочь *Амалафреду* (Amalfreda). Из них Теодерих называет своих дочерей *Теодегото* / *Тиудигото* (Theodegoto), *Острогото* (Ostrogoto) и *Амаласвинта* (Amalasuntha), тогда как его сестра Амалафреда дает своим детям имена *Амалаберга* (Amalaberga) и *Теодахад* (Theodehat). Наконец, Теодахад подбирает для своих сыновей имена *Теодегизль* (Theodegisl) и *Теоденантис* (Theodenantis) (см. табл. № 4 к настоящей главе)[7].

---

4 О подобного рода представлениях и их важности для имянаречения см. классические работы: [Storm 1893; Комарович 1960].

5 Из недавних работ об этом см. [Le Jan 2002. P. 31–50], с указанием литературы.

6 См. [Storm 1893. S. 205].

7 Аналогичный принцип варьирования родового имени присутствует у лангобардов в VI в.: у *Аудвина* (Audvin) был сын *Албвин* (Albvin) и дочь *Албсвинда*

Из приведенных примеров видно, что в этих германских династиях, где подавляющее большинство имен двусоставны, формируется набор излюбленных именно в данном роду основ. Часто имя составляется из двух таких традиционных для династии основ, иногда задействуется только одна из них, а второй компонент оказывается несколько более свободным. Не исключено, впрочем, что произвольность этого компонента иллюзорна и связана с недостатком наших генеалогических сведений. Ниже мы увидим, что в подобного рода именах одна из основ могла быть взята из отцовского имени, а другая из материнского.

В то же время достаточно часто у германцев принцип варьирования имени родича сочетается с принципом прямого повтора имен умерших предков. Так, на протяжении V — первой половины VI в. у бургундских правителей в Восточной Галлии трижды повторяется имя *Годомар* (Godomar) и дважды *Гундобад* (Gundobad). При этом в роду присутствуют и вариативные ряды *Гизлахар* (Gislahar) — *Годегизль* (Godegisl) — *Гизлахад* (Gislahad), *Сигимунд* (Sigimund) — *Сигерих* (Sigerich) и *Гундеух* (Gundeuch) — *Гундобад* (Gundobad).

В раннем Средневековье такое же сочетание принципов варьирования имен родичей и буквального повтора имен умерших можно наблюдать у франков, в династии Меровингов и у ранних Каролингов. Впрочем, у последних достаточно скоро принцип буквального повтора явно возобладал. Более того, именно в династической истории Каролингов рано становится возможным и полный повтор имени живого отца. Подобное явление имело место в родовой истории многих правящих домов Европы, в частности и у Рюриковичей. Однако на Руси такой повтор родового имени живого отца характеризует существенно более поздний этап развития династического именослова и вплоть до XVI в. сочетается с запретом на полное антропонимическое уподобление сына живому отцу.

На англосаксонском генеалогическом материале принцип варьирования прекрасно прослеживается с VI по XI в. Здесь мы располагаем достаточным количеством данных, чтобы увидеть различные пути построения подобных вариаций. Так, здесь довольно распространены случаи, когда одна из основ имени отца повторяется в именах всех его детей: *Эадмунд*, например, называет своих сыновей *Эадвиг* (Eadwig) и *Эадгар* (Eadgar)[8] (короли, правившие

(Albsvinda), в VII в. у родителей по имени *Гарибальд* (Garibald) и *Вальдрада* (Valdrada) были сыновья *Гундовальд* (Gundovald) и *Гримвальд* (Grimvald); в свою очередь у *Гундовальда* были сыновья *Гундоберт* (Gundobert) и *Ариберт* (Aribert), у Ариберта сыновей звали *Бертари* (Bertari) и *Годиберт* (Godibert), а у Бертари — *Кунинкберт* (Kunincbert). См. табл. № 5 к настоящей главе.

[8] Отметим, кстати, что сыньями Эадгара были *Эадверд* (Эдвард) Мученик (Eadweard) и *Этельред* Нерешительный, а дочерью (по-видимому, незаконной) — некая *Эадгива*, ставшая настоятельницей монастыря в Винчестере. Следует вообще отметить, что у англосаксов принцип варьирования родовых имен вплоть до X в.

в конце X в.), а братьев епископа *Эдильвини* (Aediluini) (VII в.) звали *Альдвини* (Alduini) и *Этельхун* (Æthelhun), сестра же их, аббатиса, носила имя *Эдильхильд* (Aedilhild).

Повтор одной из основ иногда объединяет имена людей одного поколения. При этом имена мужчин в семье могут объединяться с помощью одной регулярно повторяющейся основы, а имена девочек — с другой. Ср., например распределение имен в семье короля Мерсии *Меревальда* (Merewald) и королевы *Эорменбэорги* (Eormenbeorg) (вторая половина VII в.): их сын получает имя *Мерефин* (Merefin), тогда как дочери называются *Мильдбурга* (Mildburga), *Мильдгита* (Mildgitha) и *Мильдрюд* (Milđryđ). Любопытно, что основа Mild–, содержащаяся в именах всех сестер, отсутствует в именах обоих родителей.

Иногда имя ребенка создается путем сложения одной из основ имени матери с элементом из имени отца. Так, сына *Эльфгивы* (Ælfgifu) и короля *Этельреда* II (Æthelred) звали *Эльфред* (Ælfred). Подобный способ конструирования личных имен был отрефлектирован в источниках, относящихся к более позднему времени, когда самый принцип варьирования родительских имен уже требовал комментариев и объяснений. Уильям Мальмсберийский описывает такой процесс создания имени будущего епископа. Мать ребенка звали *Вульфгева*, а отца — *Этельстан*. Соответственно, их сын назван *Вульфстаном*[9]. В начале XI в., когда Вульфстан появился на свет, такое имянаречение было вполне обычной практикой. Еще в середине этого столетия распространены случаи подобного составления имен: так, в 1046 г. в Суффолке родители по имени *Эльфвине* (Ælfwine) и *Вульфгит* (Wulfgyth) называют свою дочь *Эльгит* (Ælgyth), а в 1053 г. в Кенте супружеская пара с именами *Эадгева* (Eadgefa) и *Бридмер* (Briđmēr) дают своему сыну имя *Эадмер* (Eadmēr).

Итак, даже при самом беглом обзоре можно убедиться, что варьирование родового имени у германцев было достаточно разнообразным. Чаще всего мы имеем дело с двусоставными именами, причем повторяться в следующем поколении могли как первые, так и вторые части таких имен. Хотя отцовскому имени, несомненно, отдавалось предпочтение, при варьировании могло использоваться также и имя матери, имена других живущих родичей. Вероятно, существовали и какие-то более тонкие механизмы образования новых имен в роду. Не исключено, что они несколько отличались от семьи к семье, от династии к династии. Тем не менее сам этот принцип со всей очевидность был представлен у различных германских племен и народов. Многочислен-

---

представлен куда более широко, чем принцип буквального повтора имен умерших (ср. [Le Jan 2002. P. 43]).

9 Pater Æthelstanus, mater Wlfgeua nominati <...> Puero Wlfstanus uocabulum datum; ex anteriore materni, et ex posteriore paterni nominis compositum. Spei felicis infans felici auspicio utrorumque parentum nomen mutuatur; qui utrorumque sanctitatem in se transfunderet... [WM. P. 4].

ные свидетельства о его бытовании охватывают период со времен Великого переселения народов до второй половины XI в., впрочем, как будет показано ниже, в некоторых родах он не утрачивает своей силы и позже, по крайней мере, до середины XII в.

Германский эпос и старшие рунические надписи сохраняют немало свидетельств о таких варьируемых родовых именах. Так, отца *Сигурда* (Sigurðr) Драконобойцы, как известно из «Старшей Эдды» и «Песни о Нибелунгах», звали *Сигмунд* (Sigmundr). В древненемецкой «Песни о Хильдебранде» мы обнаруживаем персонажа по имени *Херибрант* (Heribrant), который приходится отцом главному герою *Хильтибранту* (Hiltibrant). В свою очередь, сына Хильтибранта, согласно этому же источнику, зовут *Хадубрант* (Hadubrant) (см. табл. № 6 к настоящей главе). В англосаксонском эпосе «Беовульф» одним из действующих лиц является *Хродгар* (Hrōðgār), сын Хеальфдэне (Healfdene). Брата Хродгара звали *Хеорогар* (Heorogar), а сына Хеорогара — *Хеоровэрд* (Heoroweard). В эпосе перечисляются и имена сыновей самого Хродгара: *Хредрик* (Hrēðrīc) и *Хродмунд* (Hrōðmund) (см. табл. № 6 к настоящей главе). Примеры подобного рода легко можно было бы умножить, варьирующиеся ряды имен для эпической поэзии — явление, на наш взгляд, далеко не случайное.

С одной стороны, аллитерирующий строй германского стиха естественным образом требовал и аллитерирующего созвучия в именах. С другой же стороны, при выборе имени для реальных исторических лиц, несомненно, имела место ориентация на язык поэзии. Поэтический язык был «языком богов», языком выстроенным и оформленным. Личное имя, связывающее человека с его земными и небесными прародителями, обозначающее его место в мироздании, также принадлежало сакральному языку. Иными словами, генеалогический перечень является существенным элементом поэтического языка, а поэтический язык, в свою очередь, формирует, так сказать, эвфонический поход к выбору имени. В сущности, любой генеалогический перечень строился как поэтический аллитерирующий ряд. Такой «сплав» поэтического и исторического в сочетании имен мы можем воочию наблюдать в старших - рунических надписях, где подобное аллитерирующее варьирование имен реальных людей заключено в достаточно жесткую формулу; ср., например, надпись на камне из Истабю (Istaby):

HaþuwulfR HeruwulfiR wrait runaR þaiaR aftiR Hariwulfa «Хадувульф сын Херувульфа написал эти руны по Харивульфу» (см. табл. № 6 к настоящей главе).

Реальная практика имянаречения закреплялась в своего рода мнемонических формулах рунического и эпического текста, а эти «формулы», в свою очередь, задавали образец для последующего выбора имен. При этом варьирование имен не ограничивается только повтором одной из основ имен живущих предков. Коль скоро речь идет о рунических надписях и поэтических

текстах, мы имеем дело с созвучием родовых имен и, прежде всего, с аллитерирующим варьированием. В известном смысле, имя потомка должно было быть уподоблено по звучанию имени предка. Повтор одной из основ имени оказался крайне эффективным способом такого уподобления, тем более что он делал очевидным не только звуковое, но и семантическое сходство имен предка и потомка. Реализация этого способа у германцев не ограничивается исключительно королевскими домами. У разных народов он зафиксирован в генеалогической истории знатных, «родовитых» семей.

Генеалогии скандинавских родов, в которых принцип варьирования имени представлен исключительно широко, демонстрируют, как в одних королевских династиях он рано вытесняется принципом буквального повтора имени умершего предка, а в других королевских и некоролевских семьях интересующие нас принципы сосуществуют и взаимодействуют в течение длительного времени. Так, при всей сложности структуры имянаречения в норвежской королевской династии X — XII вв. можно, как кажется, утверждать, что принцип варьирования имен не играл здесь сколько-нибудь существенной роли. Между тем у норвежских переселенцев в Исландию он, напротив, был в эту эпоху активно задействован. Обращаясь к «Книге о взятии земли» (Landnámabók), повествующей о заселении Исландии, мы находим, например, такие генеалогические последовательности: *Торбьёрн* (Þórbiörn) — *Торбранд* (Þórbrandr) — *Асбранд* (Ásbrandr) — *Вэбранд* (Vébrandr), *Торбьёрн* (Þórbiörn) — *Торбард* (Þórbarðr) — братья *Торарин* (Þórarinn) и *Торгильс* (Þórgils), *Сэмунд* (Sæmundr) — *Гейрмунд* (Geirmundr) (ср. при этом имя его сестры: *Торлауг*) — *Сёльмунд* (Sölmundr) — *Гудмунд* (Guðmundr), или *Торлак* (Þórlákr) и его сыновья *Бергтор* (Bergþórr) и *Стейнтор* (Steinþórr) (см. табл. № 7 к настоящей главе).

У датских конунгов принцип варьирования, судя по свидетельствам «Беовульфа», был актуален в древности (см. некоторые примеры выше). В IX в. мы еще обнаруживаем этот принцип в именах королевских семей, но ко второй половине X в. его следы в правящей династии теряются и он уступает место практике наречения в честь умершего предка. Однако рунические камни, оставшиеся на территории Дании и относящиеся к X — XI вв., свидетельствуют о сохранности принципа варьирования за пределами королевского рода.

В этом отношении интересную картину являют собой имена правителей Швеции. Здесь в династии Инглингов мы видим совпадение основ у некоторых легендарных конунгов, таких как *Домальди* (Dómaldi) и *Домар* (Dómarr) или *Инг(в)и* (Yngvi, Ingi), *Ингвар* (Ingvarr) и *Ингьяльд* (Ingjaldr). В более позднюю, «историческую» эпоху мужские имена Иглингов не подвержены варьированию, в XI в. здесь, как и в других скандинавских династиях, преобладают случаи буквального повтора имен умерших предков. Однако принцип варьирования остается в Швеции актуальным инструментом династической стратегии. С одной стороны, у самих Инглингов продолжают варьироваться основы женских имен. Так, Олав Эйрикссон (Шведский или Шётконунг) называет своих дочерей от наложницы по имени Эдла — *Астрид*

(Ástríðr < Ásfríðr) и *Хольмфрид* (Hólmfríðr)[10]. Кроме того, в имени его законной дочери *Ингигерд* (Ingigerðr) повторяется имя легендарного основателя династии *Инг(в)и-Фрейра* (Yngvi-Freyr); как мы увидим ниже, использование этого имени и в дальнейшем окажется значимым для правителей Швеции (см. табл. № 8 к настоящей главе).

Нельзя не упомянуть также, что Ингигерд выходит замуж на Русь, за Ярослава Мудрого, и, по-видимому, принимает здесь христианское имя *Ирина*. Не исключено, что при выборе христианского имени для шведской невесты русского князя, наряду с прочим, учитывали и эвфоническую близость имен *Ирина* и *Ингигерд*.

Насколько можно судить по «завещанию» Ярослава Мудрого, все его сыновья, остававшиеся в живых к моменту смерти отца и унаследовавшие от него власть над Русью, являлись также и сыновьями Ингигерд. Сыновья Ярослава Мудрого и Ингигерд получают имена, традиционные для рода их отца. При этом нельзя не отметить, что многие из этих имен содержат повторяющуюся основу *–слав*, о чем подробнее см. ниже. Вместе с тем, один из младших детей Ярослава и Ингигерд был наречен *Игорем* (см. табл. № 8 к настоящей главе). Имя *Игорь*, скандинавское по происхождению (Ingvarr), носил, как известно, один из первых Рюриковичей, сын основателя династии, и потому его появление в семье Ярослава не кажется полной неожиданностью. Существенно, однако, что между первым в династии Игорем и Игорем Ярославичем лежат три поколения князей, среди которых мы не знаем ни одного носителя этого имени[11], кроме того, Игорь Ярославич остается единственным обладателем имени *Игорь* в роду Рюриковичей на протяжении всего XI в.

---

10 См. [Hkr. Bnd. I. Bls. 457; Hkr. Bnd. II. Bls. 162; Fms. Bnd. IV. Bls. 179; ÓHm. Bnd. I. Bls. 59; КЗ. С. 166, 228]. Впрочем, в некоторых источниках Хольмфрид упоминается не как дочь, а как сестра Олава Шведского [ÓHm. Bnd. I. Bls. 59]. Не исключено, что у Олава Шведского действительно была сестра с этим именем. В таком случае это означает, что побочная дочь конунга была названа именно в ее честь.

11 Строго говоря, мы не встречаем имени *Игорь* у сыновей, внуков и правнуков Игоря Рюриковича, т. е. у его прямых потомков по мужской линии. При этом в договоре с греками 944 г. упоминается, как известно, «Слуды Игоревъ·нети Игоревъ» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 46]. На основании этого фрагмента не раз высказывалось предположение, что у князя Игоря был племянник-тезка (ср., например: [Melnikova 2004. P. 20, 22], с указанием литературы). Если принять такое прочтение, то вероятной представляется гипотеза о том, что Игорь приходился Игорю Рюриковичу племянником по женской линии. С другой стороны, нельзя полностью исключить возможность того, что у Игоря Рюриковича был брат (родной или двоюродный), который нарек своего сына в честь живого родича-правителя, оставляя ребенка на попечение последнего. Подобные примеры нам известны из более поздней династической истории Рюриковичей (см. подробнее гл. III). Впрочем, существование таких родственников Рюрика не подтверждено никакими документальными известиями.

Подобное воскрешение родового имени, долгое время остававшегося вакантным, — явление не столь уж редкое в истории европейских династий. Тем не менее каждый такой случай обусловлен, как правило, особыми обстоятельствами, некоторой спецификой в ситуации имянаречения. В то же время можно предположить, что к середине XI в. на русской почве была не вполне утрачена связь между исходным скандинавским Ingvarr и освоенным на Руси *Игорь*. С появлением у Ярослава жены-шведки по имени *Ингигерд* связь этих имен могла быть вновь актуализирована. Во всяком случае, имя *Игорь* по принципу созвучия родовых имен могло соотноситься с именем его матери.

Если наше предположение верно, то наречение одного из сыновей *Игорем*, с одной стороны, апеллировало к истории отцовского рода, а с другой стороны, подчеркивало связь с родом матери, носившей имя *Ингигерд* (Ingigerðr) и принадлежавшей к династии Инглингов. В пользу такого допущения свидетельствует и то обстоятельство, что Игорь был младшим сыном Ярослава. При той жесткой ориентации на род отца в выборе династических имен Рюриковичей, связь с материнским родом Инглингов могла, как кажется, проявиться лишь в именах младших наследников.

Когда со смертью сыновей Олава Шведского династия Инглингов прекратила свое существование, конунгом Швеции стал Стейнкель, приходившийся не то зятем, не то пасынком, не то племянником последнему Инглингу Эймунду Олавссону[12]. Для нас существенно, что конунг Стейнкель дает своему сыну имя *Инги* (Ingi), — не являясь прямым потомком древней шведской династии, с помощью такого имянаречения Стейнкель, по-видимому, пытался подчеркнуть и усилить связь своего рода с родом Инглингов. Показательно при этом, что потомки Стейнкеля подхватили такую стратегию своего родоначальника, и имя *Инги* тем или иным образом воспроизводилось или варьировалось в составе имен, которые они давали своим детям. Одна из внучек Инги Стейнкельссона (Старого) получила имя *Ингирид* (Ingiríðr), а ее сын от брака с норвежским королем носил не использовавшееся ранее в норвежской династии имя *Инги* (Ingi). Другая внучка Инги Старого получила

Возможно также другое прочтение фразы «Слуды Игоревъ·нети Игоревъ», при котором в договоре фигурирует не два родича *Игоря*, а один — Игорь Рюрикович. Соответственно, родичем Игоря здесь назван Слуды и в тексте лишь представлена его дополнительная характеристика. Он является еще одним посланником от князя Игоря, будучи одновременно его родственником.

Кроме того, у нас нет оснований определенно утверждать, какую именно степень родства отражает здесь славянское «нети», точнее, насколько оно терминологизировано в тексте договора. Словом «нети» мог обозначаться довольно широкий круг младших кровных родичей: ‘потомок, внук, племянник, сын сестры’ и т. п.

12 Понятия ‘зять’, ‘тесть’, ‘пасынок’ могли обозначаться в древнеисландском одним и тем же термином mágr / mágar ‘свойственник’. О происхождении Стейнкеля см. подробнее: [Ф.Б. Успенский 2002а. С. 226–231] и Экскурс № 4, с. 359–361.

имя *Ингибьёрг* — она была дочерью русского князя Мстислава Великого и шведки Кристины (Христины) (см. табл. № 8 к настоящей главе).

Приведенные выше примеры не исчерпывают и малой доли того материала, который подтверждает существование принципа варьирования родового имени у германцев. В пределах знатного рода имена могли быть созвучны, уподоблены друг другу. Мы рассмотрели лишь несколько способов такого уподобления. В процесс варьирования прежде всего вовлекались имена живых родичей, отца и матери, но нередко в него втягивались и имена родичей умерших. Иногда уподобление осуществлялось при помощи повтора одной из основ уже присутствовавших в роду имен. Иногда же созвучие строилось на менее наглядных основаниях. Такое варьирование могло подчеркивать, выявлять родовые связи «по вертикали» — с отцом, матерью, дедами и прадедами с обеих сторон, с легендарными прародителями. Оно могло актуализировать и «горизонтальные» родовые связи, формировать выделенные группы в пределах одного поколения — всех детей одних и тех же родителей, внуков или внучек одного и того же деда или бабки. Разумеется, варьирование имен создавало прекрасные возможности для учета «вертикальных» и «горизонтальных» связей одновременно или, например, для закрепления союза объединяющихся между собой родов.

Принцип созвучия, как кажется, предполагал не столько прочерчивание какой-либо магистральной линии родовых связей, сколько всевозможное комбинирование и сведение воедино всех генеалогических отношений рода. Емкость этого древнего принципа была, по-видимому, больше связана с концепцией единства и упрочения рода, нежели с идеей единовластия. Превращение того или иного знатного рода в правящую династию в некотором смысле постепенно отодвигало этот принцип на периферию практики имянаречения. Тем не менее в династической стратегии выбора имени еще долгое время продолжают эксплуатироваться различные возможности, предоставляемые принципом варьирования. Обращаясь к какому-либо из способов варьирования родовых имен, члены правящей династии формируют дополнительные культурные механизмы, напрямую связанные с преемственностью власти. Полный повтор имени живого или умершего предка мог по тем или иным политическим причинам быть выгоден и невыгоден одновременно, и тогда на помощь приходило варьирование, созвучие, неполный повтор. В другой ситуации принцип созвучия, варьирования лишь подкреплял какие-либо другие установки при имянаречении, служил «дополнительным аргументом» в пользу определенного имени.

Межэтнические и в особенности междинастические браки со всей очевидностью способствовали как усвоению новых имен, так и «трансляции» определенных принципов имянаречения. Поскольку мы коснулись истории не только мужских, но и женских династических имен, это естественным образом подводит нас к теме «германского» принципа варьирования за пределами собственно германского мира. Исследуя принцип варьирования в династии Рюриковичей, необходимо учитывать, что его действие было связано с различными этапами истории и, по-видимому, предыстории Руси.

Важнейшим событием в истории именослова Рюриковичей стал выбор славянского имени для наследника Игоря и Ольги — князя Святослава Игоревича, выбор, ознаменовавший собой новую точку отсчета в истории рода[13]. Происхождение имени *Святослав* в роду Рюриковичей вызывало немало споров у исследователей. Ни во времена Святослава Игоревича, ни раньше мужская версия этого имени у представителей славянских правящих родов в источниках не зафиксирована. Впрочем, это никоим образом не может надежно свидетельствовать об отсутствии такого имени у знатных славян, так как наши сведения об антропонимиконе той эпохи крайне ограниченны. Обе основы, входящие в это имя, вне всякого сомнения, широко использовались у славян: достаточно упомянуть хотя бы имена моравских правителей IX в. — *Ростислава* и *Святоплука* (*Святополка*). Кроме того, сохранились сведения о хорватском князе Святославе, сыне Стефана-Держислава, который действовал в конце X — начале XI в. и, вероятно, мог быть младшим современником Святослава Игоревича.

Кроме того, сохранилась женская версия этого династического имени — *Святослава* — его носила сестра Кнута Великого, жившая на рубеже X — XI вв. (см. табл. № 9 к настоящей главе). По-видимому, это имя пришло к датчанам из рода матери принцессы, жены конунга Свейна Вилобородого, происходившей из польской династии Пястов[14]. Имя принцессы, чуждое по происхождению для скандинавов, тем не менее фонетически перекликается с именем ее отца Свейна и таким образом, при всей своей чужеродности, хотя бы отчасти встраивается в династическую традицию имянаречения.

Для скандинавского рода, каким были первые поколения Рюриковичей, адаптация славянских имен не могла не представлять немалых сложностей. Эти имена не были для них родовыми, и только насущная необходимость жить и править в новых условиях, сопровождающаяся неизбежной «славянизацией» рода, могла привести к столь кардинальной смене типа родовых имен. При этом дело не обошлось, на наш взгляд, без некоторого уподобления вновь осваиваемых славянских имен более привычным для варяжской среды скандинавским антропонимам. Подобное уподобление, как кажется, могло происходить при определенном посредстве принципа варьирования родового имени.

---

13 Принципу варьирования родовых имен вполне соответствует предположение, высказанное А.М. Членовым об имени *Святослав*. По версии исследователя, это имя представляет собой искусственный конструкт, объединяющий в себе перевод имени Рюрик (Hrörekr «могучий славой, прославленный») и Олег (< Helgi «святой») [Членов 1970, 327]. Такая интерпретация появления имени *Святослав* представляется нам остроумной, но не вполне правдоподобной. В скандинавской родовой традиции имя потомка могло быть производным от имени предка, но, как кажется, ни у скандинавов, ни у их соседей не известны случаи подобного комбинирующего перевода двух родовых имен на чужой народно-разговорный язык.

14 См. подробнее: [Ф.Б. Успенский 2002. С. 24–25, 50, 57].

Так, все известные нам по договору 944 г. славянские имена «княжья» содержат элемент *–слав*. Не исключено, что имена такого рода легче усваивались скандинавским окружением их носителей, потому что связывались для них по звучанию с традиционным скандинавским антропонимическим элементом –leifr / láfr. Семантически *–слав* и –leifr / láfr не имеют ничего общего: –leifr / láfr означает 'некто, оставшийся после предка, потомок, наследник, преемник'[15]. Этимологически *–слав* и –leifr / láfr возникают, скорее всего, вне всякой зависимости друг от друга. Объединяться они могли лишь на основании фонетической близости, однако для скандинавской традиции, культивирующей звуковое подобие варьируемых родовых имен, это вполне могло служить дополнительным аргументом в пользу адаптации того или иного антропонима.

Имена на –leifr / láfr были достаточно распространены в Скандинавии. Несомненно, что среди варягов, окружавших Игоря, Ольгу и Святослава, были люди, чьи имена включали в себя элемент –leifr / láfr. Об этом свидетельствует, в частности, упоминания в договорах с греками таких имен, как *Рулав* (Hróðleifr, Hrolleifr), *Фрелав* (Friðleifr), *Вузлѣвъ* (Óleifr?) и др. Не исключено, что в скандинаво-русской среде и ряд других скандинавских имен, содержащих этимологически иную вторую основу — (например, *Фарлоф* (Farulfr?), могли восприниматься как сходные с именами на –leifr / láfr и именами на *–слав*. Повторим еще раз, что если подобного рода ассоциативный процесс имел место, то историческая этимология и исходная семантика именных основ могла не играть в нем вовсе никакой роли. При том кардинальном изменении культурной ориентации и «антропонимического кода» в династии Рюриковичей, которое пришлось на третье поколение варяжских правителей, важной оказывалась возможность синхронного звукового уподобления новых имен привычным.

Любопытно, что элемент *–слав* так же, как и элемент –leifr / láfr, мог свободно входить в состав не только мужского, но и женского имени: –leifr / láfr означало 'потомка, преемника' и мужского, и женского пола[16]. В династии Рюриковичей *–слав* становится самой значимой основой для образования мужских и женских имен, притом что такие именные основы, как, например, *–полк* или *–волод*, фигурируют в качестве второго элемента исключительно в мужских именах.

Разумеется, все наблюдения, связанные с возможным ранним сближением славянского *–слав* и скандинавского –leifr / láfr, достаточно гипотетичны. Тем не менее в пользу этой гипотезы может свидетельствовать более поздняя скандинавская практика «вторичного пересчета», когда уже хорошо укоренившиеся имена русских князей с элементом *–слав* стандартным образом передаются в сагах с элементом –leifr / láfr[17].

---

15 См. [Vries 1977. S. 350–351].

16 См. [Janzén 1947. S. 107].

17 Подробнее см. ниже, с. 51–54.

Мы очень немного знаем о том, каким именно образом налаживались культурные и в особенности языковые контакты в ту эпоху, когда род скандинавских правителей превращался в династию русских князей. Родовые имена были одной из самых важных составляющих в обеих традициях. Акт имянаречения в княжеской семье X в. порождал ситуацию, требующую или прямого предпочтения одного традиционного набора имен другому, или некоторого компромисса между двумя именословами. Можно предположить, что имя *Святослав* означало в ту пору несомненную победу местной традиции, но при этом победу, подразумевающую определенный компромисс.

На протяжении нескольких последующих десятилетий закладывается основа будущего династического антропонимикона Рюриковичей. Значительная часть имен (таких, как *Святослав*, *Ярополк*, *Володимир*), появившихся в именослове именно в это время, впоследствии будет полностью или частично воспроизводиться из поколения в поколение. Однако мы не можем сказать ничего определенного о том, каким образом эти имена впервые попадали в княжеский обиход.

Очевидно одно — это имена славянские, двусоставные, сходные как с теми, что носила славянская знать из окружения Рюриковичей во второй половине X — XI в., так и с теми именами, что использовались в правящих династиях других славянских стран. Существенно, что у каждого правящего дома довольно быстро складывался собственный набор излюбленных имен, повторяющихся из поколения в поколение. Антропонимикон Рюриковичей имел, как уже говорилось, довольно замкнутый характер, их имена, несмотря на структурное сходство с именами различных знатных родов, в большинстве случаев все же остаются принадлежностью собственно княжеской традиции. Такие имена, как *Мстислав*, *Ярослав*, *Владимир*, *Рюрик*, *Святослав*, на Руси не встречаются ни у кого, кроме князей Рюриковичей[18].

---

[18] На страницах летописей периодически появляются люди, скорее всего, не связанные с княжеским домом по мужской линии и при этом носящие княжеские исконные имена (см. список таких лиц [Ивакин 1901. С. 51. Примеч.]). Если речь идет о таких именах, как *Борис*, *Глеб* и *Владимир*, то их появление легко объяснимо. Князья Борис, Глеб и Владимир, носившие эти имена, были прославлены как святые, и их имена могли даваться в качестве христианских. Характерно в этой связи, что имя князя Владимира появляется за пределами княжеской семьи достаточно поздно, лишь в XIV в. (ср. [ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 380 под 1395 г.]). К этим именам примыкает, по-видимому, и имя *Вячеслав* — св. Вацлав Чешский был известен на Руси по крайней мере с конца XI в., в новгородской Минее 1095 — 1096 гг. есть служба этому святому [Лосева 2001. С. 84–85], а следовательно, его имя также могло даваться в качестве крестильного. Более сложной представляется судьба таких княжеских имен, как *Игорь*, *Ярополк* и *Судислав*. Не исключено, что они могли даваться родичам князей по женской линии, побратимам Рюриковичей, детям их воспитателей. Ср. также ниже, примеч. 78.

При этом нельзя не отметить, что славянские и германские имена знати образовывались по весьма сходному принципу. Двусоставность таких имен была, по-видимому, исключительно распространенным явлением. Концепты же, использовавшиеся для их образования, в обеих культурах были, судя по всему, также достаточно близки: 'слава', 'доблесть', 'могущество', 'битва', 'война', 'месть', 'мир', 'святость', 'победа', 'рост', 'жизнь' и т. п. Основы с подобной семантикой считались приемлемыми для имен воинов и правителей, они являли собой своеобразный «конструктор», из которого эти имена собирались и разбирались[19].

Едва ли можно отрицать влияние германской системы имянаречения на славянскую, но до середины X в. следы этого влияния не так легко зафиксировать. В самом деле, двусоставные имена с довольно определенной семантикой компонентов могли появиться у родовитых славян не без воздействия германских культурных образцов. Возможно, в иных случаях заимствовались и переосмыслялись и некоторые из лексических компонентов этих имен. Нельзя полностью исключить и того, что архаический запрет называть ребенка именем живого отца пришел к восточным славянам от германских народов. Тем не менее все перечисленные явления могли развиться самостоятельно, в пределах самого славянского культурного ареала. Во всяком случае, утверждение о заимствовании нуждается, как кажется, в сколько-нибудь развернутом исследовании конкретных путей и механизмов этого процесса.

На русской почве вычленение «германской составляющей» в древнейшей славянской системе имянаречения тем более затруднено, что во второй половине X в. возможные отголоски ранних славяно-германских контактов в этой сфере были поглощены позднейшим более наглядным и верифицируемым воздействием скандинавской традиции имянаречения. Варяги, осевшие на Руси в X в., несомненно, принесли сюда не только свои родовые имена, но и свои принципы имянаречения, в частности — принцип варьирования родового имени. В складывающейся династии Рюриковичей этот принцип начинает функционировать самостоятельно, в соответствии с требованиями династической стратегии русского княжеского рода. Не исключено, что иногда его действие поддерживалось позднейшими скандинаво-русскими контактами, как это происходит при описанном выше имянаречении Игоря, младшего сына Ярослава Мудрого и Ингигерд (см. табл. № 8 к настоящей главе). Однако эти контакты, начиная с XI в., играли относительно скромную роль в системе выбора родового имени.

---

19 Существует ряд примеров, когда в одной славянской стране имя фигурирует как династическое, а в другой — остается принадлежностью именослова знатных людей, но не правителей. Так, мы знаем, например, мазовецкого князя Моислава и Моислава новгородца [ПСРЛ. Т. III. С. 41, 181, 234]. Возможность «обмена именами» между различными родами разных стран нуждается в дополнительном исследовании. Ср. также об этом в гл. VII.

Мы располагаем вполне определенными сведениями о том, что в варяжских семьях на Руси практиковалось варьирование основ имен, принадлежащих живым предкам. Возвращаясь к эпохе Святослава Игоревича и его сыновей, отметим, что пример такого варьирования зафиксирован, в частности, в «Повести временных лет», где полоцкий князь носит имя *Рогволод* (Rögnvaldr, Ragnvaldr), а его дочь зовется *Рогнедой* (Ragnheiðr). Как известно, Рогнеда Рогволодовна стала женой Владимира Святого и матерью нескольких его сыновей, в частности Изяслава Полоцкого и Ярослава Мудрого. Имена Рогволода и Рогнеды наследуются династией Рюриковичей и буквально воспроизводятся в именах их потомков. Имя *Рогволод*, в частности, закрепляется в именослове полоцких князей.

В перспективе варьирования родовых имен более любопытна история имени *Рогнеда* на Руси (см. табл. № 9 к настоящей главе). Это имя зафиксировано в летописи у одной из дочерей Мстислава Владимировича Великого, праправнучки Ярослава Мудрого. Вполне вероятно, что между Рогнедой Рогволодовной и Рогнедой Мстиславной в роду Рюриковичей были и другие носительницы этого имени — женские имена сохранились в источниках гораздо хуже мужских[20]. Тем не менее именно в семье Мстислава Великого подобный выбор имени для девочки оказывается предельно мотивированным. Как уже упоминалось выше, Мстислав Великий был женат на шведской принцессе Кристине, дочери шведского конунга Инги Старого[21] (см. табл. № 8 и № 9 к настоящей главе). Единственный брат Кристины носил то же самое имя, что и полоцкий князь во второй половине X в.: наследника конунга Инги звали *Рёгнвальд* (Rögnvaldr). Таким образом, имя интересующей нас дочери Кристины повторяло одну из основ имени ее родного дяди по материнской линии и полностью воспроизводило имя ее прапрапрабабки по отцовской линии Рогнеды Рогволодовны. Если мы вспомним, что имя родной сестры Рогнеды Мстиславны — *Ингибьёрг* — варьирует имя их деда по материнской линии (отца Кристины и Рёгнвальда), то можно говорить о немалой устойчивости принципа варьирования в семье Мстислава. Во всяком случае он, несомненно, использовался здесь при наречении девочек.

Замечательно, что принцип варьирования запечатлелся с разрывом более чем в век в одной и той же антропонимической паре — *Рёгнвальд* / *Рогволод* и *Рогнеда*. При этом семейная ситуация Мстислава Великого свидетельствует, как мы попытаемся показать ниже, об укорененности этого принципа на русской почве, а не о необходимости его регулярного подпитывания извне.

Рассмотрев судьбу антропонимов *Рогволод* и *Рогнеда*, вернемся к событиям второй половины X в., к ситуации имянаречения сыновей Святослава Игоревича. Как мы помним, Святослав, отец Владимира Святого, был первым носителем славянского имени в династии Рюриковичей. Ни один из известных нам сыновей Святослава не получил имени, которое воспроизводи-

---

20 См. гл. VII.

21 См. с. 40.

ло бы какие-то элементы отцовского двусоставного имени. Как известно, двое из его сыновей получили двусоставные имена *Ярополк* и *Володимир*, тогда как третий был назван нечленимым на несколько основ скандинавским именем *Олег* (см. табл. № 10 к настоящей главе).

Пожалуй, только это последнее имя уже может быть названо родовым для династии Рюриковичей, но и здесь необходимы некоторые оговорки. Действительно, мы ничего не знаем о том, в каком именно родстве с Рюриковичами состоял Олег, преемник Рюрика и воспитатель его сына Игоря. Иными словами, мы не знаем, кем приходились друг другу «вещий» Олег и интересующий нас Олег Святославич. Имя матери Олега Святославича, время и обстоятельства его появления на свет — все это также остается нам неизвестным. По-видимому, он не был старшим сыном князя Святослава, но при этом занимал более высокое место в семейной иерархии, нежели его единокровный брат Владимир. Таким образом, с определенной долей условности Олега можно считать вторым из трех братьев, унаследовавших власть над Русью от Святослава Игоревича.

При всей скудости летописных известий о семейной жизни Святослава Игоревича, бросается в глаза, что главная роль в воспитании княжичей принадлежала их бабке, княгине Ольге. Иерархический статус и властные права княгини Ольги, после гибели ее мужа Игоря, несомненно, отличались от статуса других женщин княжеского рода, а потому естественно предположить, что и ее имя приобретает особый статус в княжеском именослове. На наш взгляд, имя ее второго внука непосредственно апеллирует к ее родовому имени. Строго говоря, скандинавские по происхождению имена *Ольга* (Helga) и *Олег* (Helgi) являются мужской и женской версией одного и того же односоставного имени.

С формальной точки зрения, в скандинавской перспективе не вполне правомерно говорить в данном случае о варьировании — основы этих имен полностью идентичны, и различаются они лишь окончаниями. Тем не менее можно предположить, что и в Скандинавии изменение грамматической формы имени воспринималось как его варьирование. Различия по полу создавали некоторую «лазейку», позволявшую предельно сближать имя живого предка с именем его прямого потомка. Примеры с подобного рода мужской и женской версией имени у предка и потомка на скандинавской почве известны.

Можно указать два случая, когда в Исландии X в. отец по имени *Хельги* (Helgi) называл свою дочь *Хельга* (Helga): речь идет о Хельге Хелгадоттир, дочери Хельги Тощего[22], и о ее полной тезке, Хельге дочери Хельги, упоминаемой в «Книге о заселении земли»[23]. Сохранился и пример наречения сына мужской версией материнского имени: так, из «Саги о Золотом Торире» мы знаем о Бьёрне сыне Беры[24]. При этом такие случаи никак нельзя назвать

22 См. [Ísl. Bls. 25; Ldn. Bls. 79, 196].

23 См. [Ldn. Bls. 106, 217–218].

24 См. [GulÞ. Bls. 8]. Ср. [Keil 1931. S. 13, 14, 125. Fn. 10].

многочисленными, а подобный способ варьирования родового имени — широко распространенным. На русской почве, насколько мы можем судить по не слишком обильному материалу женских княжеских имен, дочь не могла получить при жизни отца имя, отличающееся от отцовского только родовым окончанием[25].

По-видимому, перед династией Святослава Игоревича, стремившейся окончательно закрепить свои властные полномочия на Руси, стояла задача как можно более эффективного использования той части родового именослова, которая уже была связана с Русью, так или иначе известна на Руси. Имя *Олег* связывало новорожденного мальчика с его знаменитой бабкой, под чьим покровительством ему предстояло расти, и с уже когда-то правившим на Руси Олегом, родичем или, по крайней мере, ближайшим союзником Рюриковичей[26].

Ко времени появления следующего поколения Рюриковичей, детей Владимира Святославича, династия уже располагала некоторым набором укоренившихся родовых княжеских имен и некоторым набором основ, пригодных для их варьирования (таких, как *–слав*, *–свят*, *–яр*, *–полк*, *–перед* (*пред*)[27], *–волод (влад)*, *–мир*). Именно в эту эпоху княжеский антропонимикон существенно расширяется, можно сказать, что закладываются основы для имянаречения многих поколений Рюриковичей. Постепенно создается «традиционная», привычная форма русского княжеского имени.

Большинство сыновей Владимира Святого получают двуосновные имена, причем почти все эти имена содержат уже фигурировавшие в роду Рюриковичей основы[28]. Условно говоря, эти имена либо состоят из комбинации двух компонентов, уже зафиксированных у предков, либо старый компонент фигурирует в сочетании с новым. Преемственность же с именословом предков в этих двусоставных именах сохраняется в любом случае[29]. Господствующее положение в поколении сыновей Владимира Святого занимает элемент *–слав*, входивший в имя их деда Святослава. Напомним, что по лето-

---

25 См. подробнее гл. VII, с. 242–245, 256.

26 О возможной корреляции имени княгини Ольги с именем вещего Олега см. [Ф.Б. Успенский 2002. С. 45–47].

27 Из договора 944 г. мы знаем женское имя *П(е)редслава*. Мы не можем с полным основанием утверждать, что П(е)редслава состояла в родстве с домом Рюриковичей, однако это представляется вполне вероятным, так как ее имя несколько раз повторяется впоследствии в княжеской династии (см. гл. VII, с. 245–246).

28 Единственное исключение из этого ряда — Позвизд, чье имя раз и навсегда выпадает впоследствии из княжеского антропонимикона.

29 Мы не знаем большинства имен родственников сыновей Владимира по женской линии. Не исключено, что компоненты имен, представляющиеся нам новыми, черпались именно из этого источника. С другой стороны, мы полагаем, что на протяжении XI — первой половины XII в. при наречении мальчиков Рюриковичи в максимальной степени ориентировались на род отца.

писным источникам вычленяются следующие имена детей князя Владимира, содержащие эту основу: *Вышеслав*, *Изяслав*, *Мстислав*, *Ярослав*, *Святослав*, *Станислав*, *Судислав* и *П(е)редслава* (см. табл. № 10 к настоящей главе). Повтор основы *–слав* не является варьированием имени живого предка — дед, Святослав Игоревич, умер до появления на свет этих своих внуков. Существенно, однако, что Владимир не ограничился простым повтором имени *Святослав* в имени одного из своих сыновей, а включил этот формант в имена большинства детей. Здесь уместно говорить о многократном закреплении составных элементов имени деда в именах его внуков.

Прямое и непосредственное варьирование имени живого отца имеет место лишь в одном из известных имен сыновей крестителя Руси. Оно связано с повтором основы *–волод*. Речь идет об имени *Всеволод*, которое получил сын Владимира и Рогнеды, родной брат Ярослава Мудрого (см. табл. № 10 к настоящей главе). Всеволод Володимирович, судя по всему, умер еще при жизни отца, т. е. до 1015 г. Интересно, что здесь имеет место хорошо известный нам по германскому (и, в частности, по скандинавскому) материалу прямой повтор одной из основ имени живого отца с изменением ее позиции в слове[30]: *Володимер — Всеволод*. В имени сына отцовская основа перемещается с первого места на второе, при этом «новая» основа *–все* в дальнейшем регулярно входит в состав и других княжеских имен. Так, существует, например, мужское княжеское имя *Всеслав*, особенно характерное для полоцкой династии, и женское имя *Всеслава*, встречающееся у потомков Всеволода Ярославича. Основа же *–волод* встречается в составе еще одного типа княжеского имени, о чем подробнее см. ниже[31].

---

30 Случаи подобного варьирования отцовского имени с перестановкой одной из основ в изобилии встречаются в древнеисландских источниках. Так, в X в. исландец по имени *Гримольв* (Grímólfr) называет своего сына *Торгримом* (Þorgrímr) [Ldn. Bls. 123, 230] (интересно, что в некоторых источниках этот Торгрим назван просто *Грим* [Eg. Kap. XXVIII. Bls. 75]). Из родовых саг известны такие персонажи, как *Торфинн* (Þorfinnr) сын *Финнгейра* (Finngeirrsson) [Eb. Kap. VII. Bls. 15], *Торгейр* (Þorgeirr) сын *Гейррёда* (Geirrøðarson) [Eb. Kap. IX. Bls. 21], *Торкатла* (Þorkatla) дочь *Кетильбьёрна* (Ketilbiarnardóttir) [Nj. Kap. XLVI. Bls. 105], *Бергтор* (Bergþórr) и *Стейнтор* (Steinþórr) сыновья *Торлака* (Þorlákssynir) [Eb. Kap. XII. Bls. 31–32] и др.

Женские имена на скандинавской почве могли образовываться путем варьирования основы как из отцовского, так и из материнского имени. Например, одну из дочерей уже упоминавшегося Хельги Тощего и женщины по имени *Торунн* (Þórunn) звали *Ингунн* (Ingunn) [Nj. Kap. XCV. Bls. 216; Kap. CXIII. Bls. 259]. Напомним, что имя другой дочери Хельги и Торунн представляло собой женскую версию отцовского имени (Хельга).

31 Здесь же упомянем и о характерной ошибке в «Польской истории» Яна Длугоша, где по ходу повествования появляется русский князь **Всеволодимир* (Wszevoldimirus) [Щавелева 2004. С. 164, 165, 167, 168, 317, 318, 320, 321]. По-видимому, хронист ощущал связь между этими именами и потому воспринял их как единое це-

Сложнее обстоит дело с единственным именем, которое содержит в себе элемент *–полк*. В имени *Святополк* воспроизводятся не только первая основа имени деда, но и основа, входившая в имя старшего брата Владимира — Ярополка Святославича. Очевидно, что благодаря этой основе имя Святополка Окаянного резко контрастировало с другими двусоставными именами детей Владимира. Хорошо известно предание о появлении на свет этого княжича: наиболее ясным в нем представляется сообщение, что Святополк родился вскоре после смерти Ярополка. Сообщается также, что мать Святополка была женой Ярополка Святославича, и Володимир «залѣже жену братьню Грѣкиню и бѣ непразднна ѿ неѩ же роди Стополка»[32]. Кроме того, в летописи утверждается, что Владимир не любил Святополка «бѣ бо ѿ двою ѡцю ѿ Ѩрополка и ѿ Володимира»[33].

Этот рассказ может восприниматься как легендарный, т. к. в летописи он служит объяснением для последующих злодеяний Святополка Окаянного, однако ряд исследователей склоняется к его буквальному прочтению. Показательно, что Святополк был единственным из детей Владимира, кто получил имя, содержащее элемент *–полк*, т. е. со всей очевидностью воспроизводящее одну из основ имени *Ярополк*. Разумеется, это не может быть прямым доказательством отцовства Ярополка Святославича, однако, на наш взгляд, такое имянаречение скорее подтверждает предание о его появлении на свет. Имя новорожденного не воспроизводит буквально имени одного из возможных отцов, но при этом явно актуализирует связь с ним. Необходимо учитывать, что наречение в честь дяди по отцу было бы делом вполне обычным, между тем как подобное комбинирование с использованием одной из основ имени старшего родича может, по-видимому, отражать те «сомнения» Владимира, о которых повествует летопись и другие источники. Вместе с тем первая из основ имени Святополка демонстрирует, что он, во всяком случае, был внуком Святослава Игоревича[34].

лое. Кроме того, Длугош мог обладать какими-то сведениями о тех периодах истории, когда князь-отец носил имя *Всеволод*, а князь-сын был *Володимиром* (или наоборот), и смешивал фигуры этих князей.

32 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 66 под 980 г.; Т. I. Стб. 78].

33 Ср. «Сказание о святых мучениках Борисе и Глебе»: «Сего <Святополка. — *А.Л., Ф.У.*> мати преже бѣ чьрницею, гръкыни сущи, и поялъ ю бѣ Яропълкъ, братъ Володимиръ, и ростриг ю красоты дѣля лица ея, и зача отъ нея сего Святоплъка оканьнааго. Володимиръ же, поганъй еще, убивъ Яропълка и поятъ жену его, непраздьну сущю, отъ нея же родися сий окаяньный Святопълкъ. И бысть отъ дъвою отцю и брату сущю, тѣмь же и не любляаше его Володимиръ, акы не отъ себе ему сущю» [Абрамович 1916. С. 27–28; ср. С. 82, 99, 179].

34 Весьма любопытно, что на реверсе монет Святополка изображался княжеский двузубец с крестом (а не трезубец, как на деньгах Владимира Святого и Ярослава Владимировича). Возможно, изображение двузубца должно было подчеркнуть связь Святополка

Само по себе имя *Святополк*, разумеется, не было сконструировано Владимиром — это одно из древних славянских династических имен. Его носил, в частности, один из могущественных правителей Великой Моравии во второй половине IX в. (891–894 гг.). Так звали и одного из сыновей польского князя Мешко I, оно встречается в изобилии и у поморских князей. Характерно, что со смертью Святополка Окаянного это имя отнюдь не исчезает из династии Рюриковичей вплоть до середины XII в. Можно предположить, вслед за А. Поппэ, что в княжеской традиции на протяжении всего XI — начала XII столетия Святополк не считался прямым виновником гибели свв. Бориса и Глеба[35]. Лишь позднее, когда агиографическая версия вытесняет родовое предание, это имя постепенно уходит из именослова правящей династии.

Элемент *–полк* (по-видимому, достаточно древний) на русской почве зафиксирован только в двух уже упоминавшихся княжеских именах *Святополк* и *Ярополк*. Показательно, что после Святополка Окаянного имя *Святополк* регулярно фигурирует в паре с именем *Ярополк*. Так, у Изяслава Ярославича были сыновья: Мстислав, Ярополк и Святополк. У внука Святополка Изяславича, Юрия Ярославича, были дети: Иван, Ярослав, Глеб, Святополк и Ярополк. В другой линии потомков Ярослава Мудрого Мстислав Великий дает двоим из своих сыновей имена *Ярополк* и *Святополк* (см. табл. № 11 к настоящей главе).

Любопытно, что носителей имени *Ярополк* в династии Рюриковичей известно довольно много, тогда как имя *Святополк* зафиксировано в источниках всего у четырех князей, причем у всех *Святополков*, которые были моложе Святополка Окаянного, было по брату с именем *Ярополк*. Иными слова-

---

с предыдущими поколениями Рюриковичей, прежде всего с дедом, Святославом Игоревичем (ср. [Сотникова, Спасский 1983. С. 82 и след.; Петрухин 2002. С. 107]).

35 См. [Поппэ 1995]. Не исключено, что здесь мы наблюдаем некоторое расхождение собственно родовой и христианской традиции. Точнее говоря, здесь проявляется определенное своеобразие этой родовой традиции Рюриковичей. Действительно, косвенная вина в гибели братьев (участие в распре с ними) с точки зрения родовой традиции, по-видимому, не могла быть причиной исключения князя из семейной истории, не могла сделать запретным воспроизведение его имени. Подобный конфликт в рамках родовой практики был делом более или менее обычным и еще мог подлежать разрешению и, в определенном смысле, забвению (достаточно напомнить в этой связи то знаменитое письмо Владимира Мономаха Олегу Святославичу, о котором нам уже приходилось говорить в другой главе, см. гл. I, с. 19, примеч. 31). Однако с того времени, когда убитые братья-князья становятся одними из самых популярных общерусских святых, ситуация давнего внутриродового конфликта приобретает совершенно иной статус: Святополк оказывается виновником кончины святых мучеников. Борьба за власть, да и вся родовая природа конфликта отныне как бы уходит на второй план и служит лишь отягчающим обстоятельством вины Святополка, чей образ отчасти начинает осмысляться в рамках противопоставления христианского и языческого.

ми, мы наблюдаем здесь пример регулярного соотнесения имен братьев по тождеству одной из основ, как это мы видели в германских династиях. Однако имена братьев-князей *Святополк* и *Ярополк* в приведенных выше «поздних» случаях не варьируют основ родительского имени и, по всей видимости, буквально совпадают с именами кого-либо из умерших родичей.

Как мы видим, Владимир Святой использовал все основы двусоставных имен, присутствующие в династическом обиходе Рюриковичей. Исключение составило только входившее в состав его собственного имени основа *–мир*. Характерно, что и в дальнейшем в княжеском антропонимиконе эта основа фигурировала исключительно в имени *Володимир*, хотя за пределами этой династии мы находим такие славянские имена, как *Хотемир*, *Творимир*, *Казимир*, *Боремир*, *Станимир*, *Яромир*, *Ратьмир*, *Звенимир*, *Мирослав* и др.

Не было полностью произвольным и расположение основ внутри княжеского имени. Основа *–слав* в династических именах Рюриковичей устойчивым образом занимает второе место. Поскольку, начиная с поколения детей Владимира Святого, это основа занимает господствующее положение, то имена значительной части князей могут быть условно представлены следующим образом: регулярно воспроизводимая основа *–слав* на втором месте и какая-либо из более разнообразных основ на первом.

Наглядным свидетельством такого доминирования форманта *–слав* в династии Рюриковичей могут служить женские княжеские имена. Они сохранились в источниках гораздо хуже, чем мужские, однако в этих дошедших до нас именах княжон и княгинь элемент *–слав* с женским родовым окончанием, т. е. *–слава*, явно преобладает. Точнее говоря, нам известно всего несколько женских родовых имен (*Добронега*, *Рогнеда*, *Мальфредь* и т. п.), в которых эта основа отсутствует[36].

Итак, элемент *–слав* употреблялся не только в правящей русской династии. Не был он и единственно возможной второй основой в именах самих Рюриковичей. Однако из-за своей частотности в династическом антропонимиконе он становится своеобразным показателем княжеского достоинства. В частности, он является таковым с точки зрения иностранных источников XI — XIII вв. Так, у византийских историков, нередко до неузнаваемости искажавших имена русских князей, элемент *–слав* в приводимых ими фантастических формах опознается без всяких затруднений. Иоанн Скилица пишет о русских князьях-родичах с именами *Несислав*, *Иерослав* и *Зинислав*. В свою очередь, Иоанн Киннам упоминает русские княжеские имена *Иерослав*, *Примислав* и *Росислав*[37].

Сходным образом дело обстоит и в скандинавских текстах, в частности в знаменитой «Пряди об Эймунде». Как известно, уговаривая своих людей ехать на службу к русским князьям, Эймунд называет трех братьев, остав-

---

36 Подробнее о женских именах на *–слава* у Рюриковичей см. гл. VII, с. 242–245.

37 См. [Бибиков 1999. С. 136–137].

шихся после смерти Владимира Святого правителями на Руси: *Бурицлав* (Búrizlafr), *Ярицлейв / Ярицлав* (Jarizleifr, Jarizlafr) и *Вартилав* (Vartilafr)[38]. Большинство трудностей с идентификацией этих князей связаны с искажениями в начальной части их имен. Вторая часть расшифровывается без труда, видимо, потому, что с нею скандинавы сталкивались в княжеских именах очень часто, хорошо усвоили ее и легко воспроизводили как устойчивый для них элемент именования русских правителей[39]. В скандинавских текстах

---

38 См. [Flat. Bnd. II. Bls. 119–120].

39 Как уже говорилось, крайне затруднительно определить, какой именно князь скрывался в византийских и скандинавских источниках под тем или иным из приведенных выше имен. Любые возможные реконструкции имен (за исключением имени *Ярослав*) скорее порождают новые историографические споры, нежели вносят ясность в этот вопрос. Тем не менее, если допустить вслед за целым рядом исследователей, что под именем *Бурицлав* (Búrizlafr) скрывается Борис Владимирович, то оказывается, что скандинавы снабжают элементом *–слав* даже те княжеские антропонимы, которые на русской почве изначально его не содержат. *–Слав* превращается, таким образом, в «стандартный показатель» княжеского имени.

Необходимо оговориться, впрочем, что на основании скандинавских источников можно было бы сделать вывод о том, что имя одного из князей-мучеников и на Руси имело форму *Борислав* и было, таким образом, вполне традиционным славянским двусоставным именем. Иными словами, имя этого сына Владимира Святого могло бы быть соотнесено не с именем болгарского царя Бориса-Михаила, а с встречающимся на Руси (и, в частности, в Новгороде) именем *Борислав* [ПСРЛ. Т. III. С. 57, 258 под 1218 г.; Зализняк 1995. С. 410–411 № 390] (ср. [Селищев 1968. С. 120]). Однако такое предположение все же представляется нам малоубедительным. Именно в силу традиционности элемента *–слав* в составе княжеского имени было бы крайне трудно объяснить столь полную его утрату в имени одного из сыновей Владимира, при его полной сохранности во множестве имен других детей крестителя Руси. Вообще, как кажется, не существует ни одного примера, чтобы имя князя в домонгольский период бесследно утрачивало элемент *–слав*.

В то же время в одном из сюжетов Ипатьевской летописи, относящемся к середине XII в., один и тот же человек, боярин Изяслава Мстиславича, называется и Петром Бориславичем, и Петром Борисовичем [ПСРЛ. Т. II. Стб. 452, 461 под 1152 г.]. Однако, на наш взгляд, это свидетельство не имеет прямого отношения к отождествлению имен *Борис* и *Борислав*, по крайней мере, к отождествлению этимологическому (иначе: [Селищев 1968. С. 120]). К середине XII в. имена князей-мучеников, едва ли не самых популярных святых на Руси, были весьма распространены. Поэтому в системе русской двуименности имя *Борис*, ставшее к тому времени христианским, могло вторичным образом отождествляться с родовым нехристианским *Борислав*. Сходным образом родовое скандинавское по происхождению *Якун* (из Hákon) могло отождествляться с *Яков*, *Иаков* (подробнее о процессах такого рода см. [Гиппиус, Успенский 2000]). Иными словами, для автора летописного текста середины XII в. *Борис* было формой имени *Борислав*, или правильнее было бы сказать, что *Борислав*

–слав осмысляется как традиционный для скандинавского именослова элемент –leifr / láfr. Возможно, подобный процесс уже имел место в варяжской среде на Руси X в.[40]

На скандинавской почве, таким образом, происходит своего рода переразложение основ славянского двусоставного имени и трансформация его в некоторое подобие собственно скандинавского. Иными словами, имя русского князя для составителя скандинавского текста включает в себя вторую основу –leifr / láfr, а славянское *–с–* утрачивается или прикрепляется к начальной основе антропонима[41]. В целом, подобное переразложение и видоизме-

---

воспринималось как развернутая форма привычного и прославленного христианского имени *Борис*. Подчеркнем, однако, что подобный вторичный процесс мог коснуться имени *Борис* только тогда, когда *Борис* со всей определенностью стало именем каноническим. Следует отметить также, что Петр Бориславич (Борисович), о котором идет речь в летописи, не был князем, что существенно, так как процессы, происходящие в именослове правящей династии, заметно отличаются от процессов, характеризующих систему имянаречения в целом. В частности, элемент *–слав*, по-видимому, не был столь значимым атрибутом в некняжеском именослове.

40 См. выше, с. 42.

41 Имя *Ярослав* занимает особое место среди княжеских имен в иностранных источниках. Как кажется, в византийских текстах только у этого имени первый элемент «семантизируется», наделяется актуальным смыслом. Этот элемент трансформируется здесь в *иеро–*, соответствующее греческому ‘высший, главный’.

Князь с таким именем достаточно часто упоминается и в древнеисландских источниках. Далеко не всегда можно отождествить персонаж, стоящий за этими упоминаниями, с каким-либо определенным историческим лицом (хотя трудностей с идентификацией имени как такового не возникает). В сагах речь, по-видимому, идет чаще всего о Ярославе Мудром, но его образ пополняется легендарными и внеисторическими деталями. В определенном смысле за именем *Ярицлейв* может стоять как описание конкретного правителя Руси XI в., так и обобщенное описание русского князя. Более того, это имя появляется в тексте, повествующем о событиях, происходящих отнюдь не на Руси и с Русью, казалось бы, никак не связанных. Речь идет о записи эддической песни («Вторая Песнь о Гудрун»): «Вальдар Датский с Ярицлейвом // Эймод третий с Ярицкаром // вошли в <палаты>, подобные князьям, // воины лангбарда <‘длиннобородый’, эпитет, применяемый здесь к Атли — *А.Л., Ф.У.*>...» Valdar Dönom með Iarizleifi // Eymóðr þriði með Iarizkári // inn gengo þá, iöfrom líkir, // langbarz liðar... [Gðr. II 19. Bls. 221]. Имя *Ярицлейв* повторяется и в «Саге о Вёльсунгах», которая представляет собой прозаический пересказ некоторых эддических песен Нибелунговского цикла: «Ехало с ними всего человек пятьсот; и захватили они с собою знатных людей: там были Валдимар Датский и Эумод и Ярислейф. Вошли они в палату Халфа-конунга; были там лангобарды, франки и саксы, они приехали в полном вооружении...» [Корни Игдрасиля 1997. Гл. XXXIV. С. 241]. Каким именно образом имя *Ярицлейв* проникает в эти тексты — неизвестно. Тем не менее очевидно, что имя русского князя Ярослава было хорошо известно в скандинавском мире, так же, впрочем, как и имя другого участника сцены, *Вальдемар* (*Владимир*).

нение основ играли немалую роль в передаче и адаптации инокультурного имени, а также в процессе его дальнейшего варьирования, коль скоро оно по тем или иным причинам осваивалось в качестве родового.

Столь же неизменно на втором месте в именах Рюриковичей оказывается основа *–полк*. Однако, как уже упоминалось, она распространена гораздо меньше. Именно поэтому имя *Святополк* — единственное, содержащее эту основу среди имен сыновей Владимира — оказывается столь отчетливо противопоставлено именам братьев, из которых большинство содержат на втором месте основу *–слав*. *–Слав* довольно быстро, как говорилось выше, становится одним из «нейтральных показателей» имени Рюриковича. Благодаря этому показателю имя Ярослава Мудрого, например, которое также содержит одну из основ имени его дяди по отцу Ярополка Святославича, не выпадает из ряда имен его братьев, не противопоставляется им.

Разумеется, совпадение первой основы в именах *Ярослав* и *Ярополк* также могло использоваться при имянаречении княжичей. Так, во второй половине XI в. у Ярополка Изяславича был сын Ярослав (см. табл. № 11 к настоящей главе). Внук (вероятно, старший) киевского князя Изяслава мог быть назван *Ярославом* в честь своего великого прадеда Ярослава Мудрого. Тем не менее при выборе имени могло сыграть роль и совпадение основ в именах *Ярослав* и *Ярополк*.

Еще более показателен в этом отношении тот факт, что в конце XII в. в династии черниговских князей появляется Ярополк Ярославич, внук Всеволода Ольговича (см. табл. № 12 к настоящей главе). Хотя все предшествующие *Ярополки* приходились этому княжичу родственниками, но родство это было отдаленным, среди его ближайших предков по мужской линии мы не обнаруживаем ни одного *Ярополка*. Поэтому можно утверждать, что с наибольшей вероятностью появление такого имени у потомка Олега Святославича обусловлено именно варьированием отцовского имени. Правда, нельзя полностью исключить возможность того, что оно было взято из рода матери мальчика, или же он мог быть назван в честь кого-либо из союзников отца. Примеры подобного рода в династической практике не столь уж распространены. Однако с именем *Ярополк* такой случай как раз известен, правда, не у Рюриковичей, а у половецких князей — в летописи мы встречаем половецкого князя Ярополка Томзаковича[42].

Итак, начало столь бурной экспансии элемента *–слав* положил, как уже говорилось выше, Владимир Святой. Следующий важный шаг в этом направлении сделал Ярослав Мудрый. Как кажется, можно утверждать, что Ярослав вслед за своим отцом создает своеобразный «культ» своих личных имен. Основывая города, он закрепляет свои имена (крестильное и мирское) в их названиях — Ярославль и Юрьев. По-видимому, княжеское имя и его отдельные элементы, в первую очередь формант *–слав*, как-то использовались при нем в риторической практике. Так, в «Слове о законе и благодати» Иларион

42 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 671 под 1190 г.].

называет Ярослава его христианским именем *Георгий*, но явно обыгрывает семантику имени его деда «славнааго свѧтослава». Подобное сближение эпитета и одной из основ имени едва ли могло быть случайным, тем более что Иларион вскоре повторяет и усиливает данный прием, говоря о князе Владимире:

«сїи славныи ѿ славныихъ рожьсѧ благороденъ ѿ блгородныихъ»[43].

В некотором смысле, с помощью такого риторического построения на Владимира переносятся и отцовская слава и отчасти отцовское имя. Естественно допустить, что для слушателей Илариона это актуализировало и семантику ныне живущего и правящего князя Ярослава, внука Святослава и сына Владимира.

Имянаречение сыновей Ярослава Мудрого становится образцовым для многих поколений Рюриковичей. Их княжеские имена — *Володимир*, *Изяслав*, *Святослав*, *Всеволод*, *Вячеслав*, *Игорь* (см. табл. № 13 к настоящей главе)[44] — буквально воспроизводятся в именах их потомков. Строго говоря, массовый приток новых славянских основ, пригодных для двусоставных имен князей, завершился при имянаречении детей Владимира Святого. Как уже говорилось, Владимир имел в своем распоряжении основы *–яр*, *–свят*, *–волод (влад)*, *–слав*, *–полк*, *–мир* или *–мер*. Выбирая имена для своих сыновей, он добавил к ним *–мьсти*, *–из-я*, *–все*, *–суди*, *–выше*, *–стани*. Из этого «расширенного списка» в династическом обиходе прочно закрепляются основы *–яр*, *–свят*, *–волод / влад*, *–слав*, *–полк*, *–мир*, *–мьсти*, *–из-я*, *–все*.

Новая основа *–брячи* появляется в династии Рюриковичей несколько позже, в имени внука Владимира Святого — Брячислава Изяславича, родившегося, вне всякого сомнения, при жизни своего деда[45]. И, наконец, еще одна основа *–рости* включается в династический обиход при жизни Ярослава Мудрого: его внук (по-видимому, старший) получает имя *Ростислав*, ставшее впоследствии весьма популярным среди князей.

Определенная часть подобного рода основ (таких, например, как *–твори* или *–рати*), вполне распространенных в других знатных славянских родах, у Рюриковичей оказалась неупотребительной. Сформировался, как уже говорилось, и ряд ограничений на расположение основ в составе княжеского имени. За большей их частью было закреплено исключительно начальное или исключительно конечное положение внутри антропонима. Так, основы *–слав*, *–полк* и *–мир* всегда занимают в двусоставных именах Рюриковичей второе место, хотя в других родах *–мир*, например, могло выступать и в качестве начального элемента имени. В сущности, список возможных «вторых элементов» членимых мужских имен к XII в. у Рюриковичей исчерпывался

---

43 См. [Молдован 1984. С. 91–92].

44 О сыне Ярослава Мудрого по имени Илья см. гл. I, с. 16, примеч. 13.

45 Существенно иметь в виду, что Изяслав Владимирович, отец Брячислава, умер еще при жизни собственного отца, Владимира Святославича [ПСРЛ. Т. I. Стб. 129 под 1001 г.; Т. II. Стб. 114].

четырьмя основами *–мир*, *–волод*, *–полк*, *–слав*, с явным преобладанием последней.

Очень многие основы закрепляются за одним единственным именем, теряют способность свободно присоединяться к произвольным элементам. В частности, как уже упоминалось, конечная основа *–мир* присутствует у Рюриковичей только в имени *Володимир*.

Разумеется, все эти ограничения в составе и расположении именных основ не могли не ограничивать и действие самого принципа варьирования родового имени. Собственно говоря, все эти ограничения являются, на наш взгляд, признаком усиления другого принципа — принципа буквального повтора имени умершего предка. Этот принцип явно приобретает главенствующую роль в династической стратегии имянаречения.

В то же время варьирование не исчезает из династического обихода полностью, формируя дополнительный механизм для выбора родовых имен. Это варьирование может осуществляться несколькими разными способами. Во-первых, это может быть вполне традиционное сложение одной из основ из имени предка с другой основой, в имени данного предка отсутствующей. Такое «элементарное сложение» обыкновенно лишь дополняет принцип буквального повтора. Так, Всеволод Ярославич называет своего старшего сына *Володимиром*. Подобный выбор может объясняться удачным совпадением двух принципов. Действительно, имя ребенка напрямую воспроизводило имя его великого прадеда Володимира Святого и имя его умершего родного дяди Володимира Ярославича. С другой стороны, в нем явно повторялась одна из основ имени отца новорожденного.

Еще более показателен в этом отношении пример имянаречения сына Всеволода Большое Гнездо (см. табл. № 14 к настоящей главе). В крещении князя Всеволода звали *Дмитрием*, и он дает одному из сыновей свое собственное христианское имя, что нисколько не противоречило традиции[46]. Мирское же имя княжича не должно было совпадать с мирским именем живого отца. Ему было дано княжье имя *Володимир*, совпадающее с именем прославленного прадеда ребенка Володимира Мономаха, причем предок и потомок становились полными тезками: обоих звали *Володимир Всеволодич*.

Само по себе это последнее обстоятельство уже могло служить достаточным основанием для такого имянаречения, однако Владимир Мономах умер задолго до того, как у Всеволода Юрьевича начали рождаться дети, и его имя было «вакантным» задолго до появления на свет Владимира-Дмитрия, который не был старшим сыном своего отца. Почему же *Володимиром* стал именно этот княжич, один из младших сыновей в семье Всеволода Большое Гнездо? Можно предположить, что при имянаречении этого ребенка в подборе именной пары — 'мирское имя — христианское имя' — определяющую роль сыграло имя крестильное. Действительно, в летописи говорится, что

---

46 Подробнее об этом см. гл. IV, с. 141–143, Экскурс № 10, с. 427–429.

мальчик родился в день св. Дмитрия[47] или в канун его[48], иными словами, на отцовские именины, что и определило совпадение их христианских имен[49]. Мирское же имя мальчика повторяло имя отца лишь отчасти, точнее, воспроизводило одну из его основ. Показательно, что другая составляющая основа отцовского имени воспроизводится у сестры Владимира-Дмитрия Всеславы Всеволодовны[50].

Очевидно, впрочем, что имена *Володимир* и *Всеволод* могли даваться и вне явной связи с принципом варьирования основ. Не следует забывать, что это были вообще одни из самых распространенных имен в роду Рюриковичей. Существуют, однако, имена, само возникновение которых на русской почве непосредственно связано с принципом варьирования. Одним из таких имен является, на наш взгляд, имя *Володарь*.

Вообще говоря, варьированию у Рюриковичей могли подвергаться не только славянские двусоставные имена, и результатом такого варьирования также вовсе не обязательно было появление двусоставного имени. Начиная со второй половины XI в. принцип варьирования ярче всего проявляется, пожалуй, в именах, где происходит отпадение основы, переразложение основ или там, где мы имеем дело со значительной трансформацией двусоставного имени, не позволяющей опознавать его в качестве такого.

Имя *Володарь* настолько тесно примыкает по звучанию к двусоставному имени *Володимир*, что в историографии ему нередко отказывали в статусе самостоятельного антропонима. В частности, *Володарь* приводится как форма имени *Володимир* в указателе П.М. Строева к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, равно как и в указателях к летописям[51]. Между тем игнорировалось то обстоятельство, что у двух известных в источниках носителей этого имени — у Володаря Ростиславича (правнука Ярослава Мудрого) и у Володаря Глебовича Минского — были сыновья по имени *Володимир* (см. табл. № 15 к настоящей главе). Если бы имена *Володарь* и *Володимир* осознавались их носителями как тождественные, едва ли два княжича могли получить имена, совпадающие с именами их отцов (при жизни последних). В самом деле, запрет называть сына мирским именем живого отца нарушался в княжеском роду домонгольской Руси исключительно редко, если нарушался вообще[52]. Трудно предположить, что два случая такого нарушения коснулись воспроизведения одного и того же имени *Володимир*.

Кроме того, Володарь Ростиславич, внук Володимира Ярославича, всюду фигурирует исключительно как *Володарь* и нигде не назван *Володимиром*.

---

47 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 674–675 под 1192 г.].

48 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 412 под 1194 г.].

49 Об обстоятельствах выбора имени для этого княжича см. также Экскурс № 10, с. 428.

50 О женском имени *Всеслава* см. также гл. VII, с. 242, 264.

51 См. [ПСРЛ. Т. 1; Т. II; Т. III; ПВЛ 1996].

52 См. подробнее Экскурс № 1.

Точно так же отчество его сына Володимира (Володимирко) — всегда *Володаревич*, но не *Володимирович*. Другой носитель имени *Володарь* — Володарь Глебович Минский — тоже, как кажется, не называется *Володимиром* в русских источниках. Соответственно, и его дети тоже фигурируют с отчеством *Володаревич*, а не *Володимирович*. В летописи встречается и женский патроним *Володаревна*[53].

В скандинавских же источниках в качестве соответствия имени *Володимир*, как правило, употребляется *Вальдемар* (Valdemar, Valdimarr). Так в сагах названы Володимир Святой, Володимир Ярославич или Володимир Мономах. Имя *Вальдемар* носит и датский конунг Вальдемар Великий, названный так в честь родного деда — Володимира Мономаха (см. табл. № 8 к настоящей главе). Имени же *Володарь* соответствует в сагах *Валад* (Valað) или *Валадар* (Valaðarr):

«Вальдемар конунг данов взял в жены Суффиу, дочь Валада <речь идет о Софье, дочери Володаря Глебовича, князя Минского. — *А. Л., Ф. У.*>, конунга Пулиналанда <Польши. — *А. Л., Ф. У.*> и королевы Рикицы»[54].

Аналогичное разграничение имен *Володарь* (Waledar, Walerde) и *Володимир* (Waldemarus) последовательно проводится и в латиноязычной «Генеалогии датских королей аббата Вильгельма» (Wilhelmi abbatis genealogia regvm Danorvm)[55].

Кроме того, не вполне понятно, на каком основании имя *Володарь* соотносилось исследователями непременно с именем *Володимир*, а не, скажем, с именем *Всеволод*, в котором также присутствует основа *–волод*.

По-видимому, имя *Володарь* воспринималось в княжеской традиции как автономное имя, содержащее все ту же основу *–волод*. Тем не менее это имя очевидным образом выделяется на фоне большинства имен Рюриковичей. Оно не является двуосновным, не встречается в других знатных славянских родах, а у самих Рюриковичей появляется лишь в восьмом поколении правителей Руси и остается достаточно редким. Все это свидетельствует, на наш взгляд, в пользу того, что имя *Володарь* было «сконструировано» непосредственно на Руси и тесно связано с династическими установками тех ветвей рода Рюриковичей, в которых оно появляется. Действительно, князь Ростислав Владимирович, отец одного из интересующих нас *Володарей*, был, как известно, сыном Володимира Ярославича, занимавшего новгородский стол и умершего при жизни своего отца Ярослава Мудрого (см. табл. № 15 к настоящей главе). Поэтому Ростислав, с одной стороны, был обделен своими дядьями при разделе княжеского наследия, а с другой стороны, его ветвь ро-

---

53 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 276].

54 См. [Fask. Bls. 300; Knýtl. Bls. 242].

55 См. [SmHD. Vol. I. P. 184, 185]; ср. [Gallén 1976. S. 273–288, особенно s. 275 и 280; Джаксон 2000. С. 180–181; Ф.Б. Успенский 2001. С. 87–88].

да не отказалась от своих претензий на старшинство по отношению к другим внукам и правнукам Ярослава Мудрого. Этими обстоятельствами, по-видимому, и объясняются особенности имянаречения в семье Ростислава.

Как известно, одного из своих сыновей Ростислав Владимирович называет *Рюриком*, воскрешая впервые после длительного периода имя основателя династии (см. табл. № 15 к настоящей главе). Второй же его сын получает имя *Володарь*, разумеется, коррелирующее с именем *Володимир*, которое носили как прапрадед ребенка (креститель Руси), так и его родной дед Володимир Ярославич. Имя *Володарь* актуализирует «семантику власти», присутствующую в именах *Володимир* и *Всеволод*, но не является тождественным им, воспроизводя лишь одну из содержащихся в них основ. Не исключено, что мальчик не был назван напрямую именем деда, Володимира Ярославича, потому что династическая судьба последнего сложилась явно неудачно — он умер, не успев передать власть своим прямым потомкам. Ситуация, как уже отмечалось, была двойственной: все претензии рода Ростислава на власть были связаны с тем, что он был сыном Володимира Ярославича, но именно ранняя смерть Володимира Ярославича и мешала этим претензиям осуществиться. Возможно, как раз поэтому сын Ростислава получает в качестве родового, княжеского имени несколько необычный «конструкт», апеллирующий к имени деда, но не совпадающий с ним.

Говоря о форме *Володарь*, можно еще раз вспомнить и о том, что не все имена русских князей бытовали в качестве двусоставных. По-видимому, некоторые имена, заимствованные из скандинавского антропонимикона, могли до поры до времени восприниматься на русской почве как односоставные, хотя этимологически некоторые из них состояли из двух основ. Так, мы не находим следов какого-либо «расчленения» имени *Глеб*, хотя изначально в своей скандинавской форме (Guðleifr) оно включало в себя две основы. Аналогичным образом, скорее всего, обстояло дело и с именем *Рюрик* (Hrœrikr < *Hrōþirīkaz).

Иными словами, славянские имена Рюриковичей были в подавляющем большинстве двусоставными, двусоставными же были и заимствованные германские имена, однако в процессе усвоения и естественной фонетической трансформации последних исконная германская двусоставность конкретных имен, по-видимому, неизбежно утрачивалась. Утрачивалась, разумеется, и возможность актуализации семантики входящих в него основ. Так, едва ли имя Рюрика Ростиславича, внука Мстислава Великого, напрямую связывалось с понятиями ‘могущества’ (ríkr) и ‘славы’ (hróðr), тем более что к этому времени в некоторых скандинавских языках внутренняя форма собственных двусоставных имен в значительной степени стерлась.

Вообще говоря, далеко не каждое употребление того или иного имени непременно вызывает к жизни общеязыковое значение его составляющих. Речь, скорее, идет о том, возможна ли в принципе такая актуализация семантики конкретного имени, или исторические изменения облика антропонима

сделали ее невозможной[56]. Как кажется, принцип варьирования основ в имянаречении свидетельствует, по крайней мере, о возможности выделения двух основ в составе имени. Однако граница выделяемых основ может не всегда при этом совпадать с исходной, и их семантика может отличаться от первоначальной. Что же касается более общего принципа созвучия родовых имен, то его реализация еще дальше отстоит от исконной этимологии имени, его первоначального состава и внутренней формы. Так, можно предположить, что скандинавское по происхождению имя *Рогволод* (Rögnvaldr), популярное в династии полоцких князей, на русской почве продолжало восприниматься как двусоставное. Его вторая основа более или менее совпадала по звучанию с основой, входящей в имена *Всеволод* и *Володимер* (*Володимир*).

Что же касается происхождения и семантики этой основы, то здесь дело обстоит несколько сложнее. При этом, на наш взгляд, целесообразнее говорить не о переводе германской основы –valdr 'властитель', но о фонетической трансформации в русле «народной этимологии», которая удачным образом совпадает с исторической этимологией соответствующего корня.

Конкретные лексемы, входящие в те или иные имена у славян и германцев, разумеется, чаще всего не совпадали. Однако иногда по разным причинам германские основы оказывались «понятны» в славянском мире. С одной стороны, германское и соответствующее славянское слово могли восходить к общему индоевропейскому корню, и эта общность была узнаваемой в обоих языках. С другой стороны, заимствованная германская основа из-за фонетического сходства могла на славянской почве приобрести семантику, не свойственную ей изначально, но вполне вписывающуюся в область привычной семантики двусоставных имен[57]. По-видимому, в ряде случаев подобного ро-

---

56 О случаях обыгрывания семантики княжеских имен см. Экскурс № 11.

57 Разницу между исторической этимологией и той «народной этимологией» имени, которая актуальна для родичей ребенка в момент имянаречения, можно продемонстрировать на примере имени *Володимѣръ*. Епископ Титмар Мерзебургский (ум. в 1018 г.) приводит этимологию нескольких славянских имен и, в частности, в качестве общераспространенной — трактовку имени Wlodemirus как «власть мира» [Назаренко 1999. С. 319]. При этом Титмар говорит о разделении власти сиюминутной и вечной, о мире (покое) истинном и ложном. Между тем, как уже неоднократно отмечалось исследователями, основа –měr, присутствующая в имени *Володимѣръ*, вероятнее всего, восходит не к славянскому 'мир, покой', а к древнегерманскому měr 'слава' (см. [Schmidt 1957. S. 77; Milewski 1969. S. 210; Hertel 1980. S. 114–115; Назаренко 1999. С. 319 и примеч. 22]). Однако высказывание Титмара отнюдь не лишено для нас актуальности, так как демонстрирует, что современниками Владимира Святого конечная основа его имени воспринималась как семантически прозрачная и наделялась семантикой, связанной с собственно славянской лексемой 'мир, покой'. Не исключено при этом, что měr в таких именах, как *Володимер* или *Казимир*, могло ассоциироваться и со славянской лексемой «мѣра», причем одна связь вовсе не ис-

да сходство было результатом отнюдь не случайных преобразований. В языке, естественным образом, присутствовала тенденция к превращению «непонятного» в «понятное», «бессмысленного» в «осмысленное». Так, имя *Рогнеда* в ряде списков Ипатьевской летописи трансформировалось в «полуславянское» *Ярогнеда*[58]. Такая трансформация тем более интересна, что имя жены Владимира Святого соотносилось в этом случае с именем их сына Ярослава на основе принципа варьирования. Ср., например, в Погодинском списке под 1000 г.:

«В се же лѣ^т^ престависа Ярогнѣд мт҃и Ꙗрославла»[59].

Иногда сходство — как в случае с именем *Рогволод* (Rögnvaldr) — могло быть этимологически обусловленным, и новое значение основы совпадало с исходным (valdr = *волод*).

При этом не стоит ни преувеличивать, ни недооценивать силу этой тенденции к семантизации княжеского имени. Определенная часть родовых имен переходила из поколения в поколение, вне зависимости от прозрачности или непрозрачности их внутренней формы. Родовое имя несло смысловую нагрузку само по себе, и необходимость в прояснении его структуры или семантики обычно была вызвана какими-то специфическими причинами. О такого рода нестандартных явлениях речь и пойдет ниже.

По-видимому, вычленение основы *–волод* в имени *Рогволод*, популярном в династии полоцких князей, способствовало тому, что этой ветвью рода, занимавшей совершенно особое место в семье Рюриковичей, было подхвачено и имя *Володарь*. Как известно, *Рогволодами* звали родного дядю и двоюродного брата нашего Володаря Глебовича (Рогволод Всеславич и Рогволод Борисович, соответственно, см. табл. № 16 к настоящей главе). При этом один из родных братьев Володаря носил имя *Всеволод* (см. табл. №№ 15, 16 к настоящей главе)[60], что как нельзя лучше соответствует принципу варьирования основ в

ключала другую. Истинное же происхождение этой реликтовой основы, с большой вероятностью, было попросту неизвестно восточным славянам на рубеже X–XI вв.

Показательно, что в столь аутентичном источнике, как надписи на монетах Владимира Святого, мы обнаруживаем исключительно написание «Владимиръ» (см. [Сотникова, Спасский 1983. С. 115–180]).

58 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 64, 67, 114], варианты Хлебниковского и Погодинского списков, а также разночтения Ермолаевского списка; ср. [Абрамович 1916. С. 179; ПСРЛ. Т. XL. С. 38].

59 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 114].

60 Другая основа имени *Всеволод* могла повторять одну из основ имени его деда Всеслава Брячиславича, едва ли не самого знаменитого и могущественного полоцкого князя. Существенно учитывать, что имя *Всеволод* до тех пор не встречалось у полоцких князей. Разумеется, это имя — весьма популярное у других Рюриковичей — могло прийти из материнского рода или от каких-либо более отдаленных родичей.

именах братьев. Вообще, по-видимому, антропонимикон полоцких князей сохраняет не только отдельные элементы старого именослова, но и разнообразие самих принципов имянаречения. Имена родных братьев здесь чаще тесно связаны друг с другом[61].

Любопытно также появление в следующем после Володаря и Всеволода Глебовичей поколении имени *Волод(ь)ша* (см. табл. № 16 к настоящей главе). Волод(ь)ша, по-видимому, был сыном Василька Святославича[62]. У него, в свою очередь, были сыновья, один из которых в летописи напрямую назван с отчеством «Андрѣи Володьшичь»[63]. Упоминания этой ветви княжеской семьи в источниках, как кажется, слишком малочисленны, чтобы мы могли достоверно проследить все их родственные связи и вывести какое-либо определенное суждение о форме имени *Волод(ь)ша*.

Форму *Волод(ь)ша* можно считать как самостоятельным именем, так и уменьшительной формой от *Володимир* или *Володарь*[64]. В пользу последнего предположения говорит наличие в этом именовании стандартного гипокористического суффикса, известного нам в таких именах, как, например, *Гѣрша* (?) или *Святоша*. При этом представляется невозможным определить, от какого из нескольких имен образована форма *Волод(ь)ша*: строго говоря, к вероятным «кандидатам», помимо *Володимир* и *Володарь*, можно причислить и имя *Всеволод*. Если же, напротив, считать, форму *Волод(ь)ша* самостоятельным именем, то перед нами со всей очевидностью еще один пример варьирования родовых основ.

Возвращаясь к имени *Володарь*, необходимо указать, что самой «подозрительной» его частью, видимо, являлась не прозрачная по внутренней форме основа *–волод*, а суффикс *–ар'-ь*. Этот суффикс, как кажется на первый взгляд, неупотребителен в составе личных имен (как полных, так и гипокористических). Поэтому, даже если признавать имя *Володарь* гипокористической формой от *Володимир* (или от любого другого имени), придется обосновывать появление здесь этого суффикса.

Из слов с суффиксом *–ар'-ь* одним из наиболее распространенных и для нас интересных является лексема «господарь», зафиксированная, в частности, в берестяной грамоте, относящейся, скорее всего, к сер. 20-х — сер. 50-х гг. XI в.[65] и означающая 'хозяин, владетель'. Как мы видим, княжеское имя *Во-*

Однако нельзя преуменьшать и роль того обстоятельства, что обе составляющие этого имени для полоцких князей были вполне употребительны и актуальны.

61 Речь может идти о повторе основ (как в данном случае), или о смысловой парности имен братьев, таких как *Борис*, *Глеб*, *Роман*, *Давид*. Подробнее см. гл. IV, с. 115.

62 Ср., например: [Соловьев 1988. С. 502, 503; Baumgarten 1927. P. 33. Tab. VIII. № 32].

63 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 620 под 1180 г.].

64 Обе эти версии подробнее рассматриваются в гл. IV, с. 132–134 нашей работы.

65 См. [Зализняк 1995. С. 223. № 247]. О других ранних фиксациях слова «господарь» в восточнославянских памятниках см. [Золтан 1983. С. 72–74]. Слово «господарь» является общеславянским обозначением хозяина, владельца. В качестве кня-

лодарь тождественно по семантике и отчасти по структуре этой лексеме, хотя словообразовательное тождество здесь весьма относительно, поскольку «господарь» образовано от именной основы, тогда как *Володарь* явно от глагольной.

Суффикс *–ар'-ь* возводится, как известно, к латинскому –ārius, где он служил для образования существительных мужского рода со значением деятеля. Именно в таком значении данный суффикс заимствуется и в славянских и в германских языках. Пути проникновения этого суффикса в славянские языки, по-видимому, могли быть различными. Отдельные слова с этим суффиксом попадают в славянские языки из германских (ср. «боукарь», «мытарь»). По-видимому, ряд других слов образовывался в славянских и германских языках независимо, путем присоединения этого суффикса к основам, имеющим одинаковую семантику (ср. «рыбарь» и древнеанглийское fiscere, древневерхнемецкое fiskâri).

Таким образом, суффикс *–ар'-ь* / –ari, имеющий близкую форму и одну и ту же функцию в славянских и германских языках, легко опознавался и очень рано формировал своего рода «нейтральную зону», в которой германские и славянские лексемы скорее объединялись, чем противопоставлялись, по семантике и отчасти по звучанию. Суффикс *–ар'-ь* оказывался, таким образом, весьма удобным формантом для варьирования родовых имен Рюриковичей, одни из которых были изначально германскими (скандинавскими), а другие — славянскими.

Весьма существенно, что в XII в. в антропонимикон русских князей вошло еще одно имя, оканчивающееся на *–ар* / *–ар'-ь*. Речь идет об имени *Ингвар(ь)* (< Ingvarr). От антропонима *Володарь* его отличает многое: происхождение, исходная структура, внутренняя форма. Тем не менее с точки зрения принципа варьирования родового имени созвучие конечных элементов могло играть едва ли не бóльшую роль, чем все эти расхождения. Традиционно имя *Ингвар(ь)* считается повторным заимствованием скандинавского имени Ingvarr, которое в свое время послужило прототипом для ставшего на Руси династическим имени *Игорь*. Высказывалось предположение, что этимологи-

жеского титула этот термин начинает употребляться не позднее середины XIV в. в русской канцелярии польского короля Казимира III [Золтан 1983. С. 75]. Высказывались, однако, предположения, что в значении 'государь' слово «господарь» употреблялось на восточнославянской территории и существенно раньше (см. [Срезневский 1893–1903. С. 735]). Так, можно упомянуть надпись на чаре черниговского князя Владимира Давыдовича: «а сє чара кнѧ[жѧ] володимирова давыдов[и]ча кто из нєє пь[є] томꙋ на здоровьє а хвалѧ Бога [и?] своєго ѡсподарѧ вєликого кнѧ[зѧ]» [Срезневский 1882. С. 60–61; Рыбаков 1964. С. 28. № 24]. Несомненно, в княжеской родовой традиции понятие 'хозяин', 'владетель', 'господин', 'правитель' были связаны очень тесно, и потому слово «господарь» было в высшей степени применимо к князю и наверняка нередко употреблялось при его имени (хотя «господарем» в ту эпоху мог называться не только князь).

ческая связь русского *Игорь* и скандинавского Ingvarr была полностью утрачена и, соответственно, *Ингвар(ь)* и *Игорь* уже воспринимались как два совершенно различных имени[66]. При этом возникает вопрос, каким образом в династическом антропонимиконе, настолько устоявшемся и определившемся к середине XII в., вообще могло появиться новое родовое мужское имя, ничем не связанное с остальными.

На наш взгляд, такого рода повторное заимствование осуществляется как раз благодаря тому, что связь между именем *Ингвар(ь)* и уже привычным именем *Игорь* ясно осознавалась. Не исключено, что речь может идти даже об осознании их этимологической общности, т. е. того факта, что оба они восходят к скандинавскому Ingvarr. С другой стороны, не исключено, что в династическом имени *Игорь* — под влиянием имен *Володарь* и *Ингвар(ь)* — мог актуализироваться конечный элемент гласный + *р* (*р'*). Никаких данных, свидетельствующих об этом со всей определенностью, у нас нет, однако в любом случае этимологическое сближение тех или иных имен играло в родовой традиции существенную роль. При этом речь, разумеется, не шла о такой этимологии, которая могла бы считаться достоверной и надежной с точки зрения современного исследователя. Дело, скорее, было в том, что имя *Ингвар(ь)* удачным образом соответствовало принципу варьирования родового имени. С одной стороны, оно не совпадало с именем *Игорь*, а с другой стороны, по своему фонетическому облику было явным образом с ним связано. При этом имя *Ингвар(ь)* благодаря своему конечному элементу могло соотноситься в восприятии рода и с именем *Володарь*. Действительно, хотя имя Ingvarr (> *Игорь*, *Ингвар*) первоначально было двухосновным (*InguhariR), оно, будучи заимствованным, могло подвергаться вторичному переосмыслению. Его внутренняя форма и составляющие элементы, постепенно утратившие прозрачность, могли члениться на иные составляющие (имеющие мало общего с первоначальным обликом антропонима)[67].

---

66 См. [Мельникова 1997. С. 91–92]; ср., однако: [Braun 1910. S. 117]. Ср. также: [Ивакин 1901. С. 54–55].

67 Показательно, что конечный элемент *–аръ / –арь* является «стандартным» для летописной передачи целой группы неславянских имен в договорах с греками от 912 (911) и 944 (945) гг. Некоторые из них по происхождению, несомненно, скандинавские (например, *Гунарь* < Gunnarr, *Рюарь* < Hróarr), в них *–арь* воспроизводит часть второй основы. Другие же антропонимы подверглись столь существенному искажению, что опознаваем в них только финальный элемент *–аръ / –арь*: *Каницаръ* (*Канецаръ*)?, *Либиаръ* (*Иабиаръ*)?, *Пубькса́рь* (*Апубькаръ*, *Апубкаръ*)? [ПСРЛ. Т. I. Стб. 46–47; Т. II. Стб. 23, 35–36]. Ср. еще антропоним *Вигарь* в берестяной грамоте второй половины XIV в. [Зализняк 1995. С. 500. № 130], возможно передающий скандинавское имя Végeirr [Мельникова 1994. С. 24].

Упомянем также о существовании соответствующих русских форм христианских имен с элементом *–аръ / –арь*, таких как *Лазарь* или новгородское *Фларь* (*Феларь*) < *Фрол* [Зализняк 1995. №№ 553, 234, 443, 409, 615, 262, 263, 92].

Варьирование родового имени *Игорь* предоставляло сразу несколько новых возможностей при имянаречении. В черниговско-рязанской ветви Рюриковичей, где это имя было одним из излюбленных, оказывалось возможным непосредственное варьирование имени отца в имени сына. Так, в конце XII в. среди рязанских князей появляется Ингвар(ь) Игоревич, сын Игоря Глебовича. В то же время это был уже не первый случай употребления имени *Ингвар(ь)* у Рюриковичей.

Самым первым известным нам носителем этого имени был, по-видимому, луцкий князь Ингвар(ь) Ярославич, внук Изяслава Мстиславича и правнук Мстислава Великого (см. табл. № 17 к настоящей главе). Любопытно, что появление имени, столь близкого по звучанию к исходному скандинавскому Ingvarr, происходит именно в этой ветви рода, у потомков Мстислава Великого и шведской принцессы Кристины, т. е. у тех Рюриковичей, которые долее других обновляли свои скандинавские связи. Двоюродную бабку Ингваря Ярославича, дочь Мстислава Великого и внучку шведского короля Инги Стейнкельсона, звали, как известно, *Ингибьёрг*[68]. При этом в имянаречении девочки гораздо свободнее задействовался именослов родни по женской линии, появление же мужского имени *Ингвар(ь)* связано, по-видимому, как с отдаленными скандинавскими родичами[69], так и с уже присутствовав-

---

68 О выборе имени для этой княжны см. также в гл. VII, с. 255. Напомним еще раз, что элемент Ing- на протяжении всего XI в. несколько раз возникал в именах женщин, связанных с родом Рюриковичей. В частности, жену Ярослава Мудрого, прародительницу всех живших в XII в. Ярославичей звали *Ингигерд*, а жену ее родича, осевшего на Руси ярла Рёгнвальда Ульвсона, звали *Ингибьёрг*.

69 Мы знаем, например, что *Ингваром* звали близкого родича Ингигерд, жены Ярослава Мудрого (см. табл. № 8 к настоящей главе). С его именем связана известная сага о походе скандинавской дружины на Восток, а также целый ряд рунических надписей. Согласно этой саге, Ингвар был сыном некоего Эймунда, внука шведского короля Эйрика Победоносного по женской линии [YS. Bls. 1–2]. Если эти сведения верны, то Ингвар, очевидно, приходился Ингигерд двоюродным племянником. В саге рассказывается, что отец Ингвара, Эймунд, был в очень близких отношениях со своей кузиной Ингигерд, и когда ее выдали замуж за Ярослава Мудрого, то Эймунд не только навестил ее на Руси, но и помог князю Ярославу в борьбе против его брата Бурислейва [YS. Bls. 4–5] (о чем более подробно рассказывается в знаменитой и уже упоминавшейся здесь «Саге об Эймунде»).

С другой стороны, в конце той же самой «Саги об Ингваре Путешественнике» приводится совершенно иная генеалогия Ингвара, к которой, правда, сам составитель саги относится с явным недоверием. Согласно этой версии, Ингвар приходился Ингигерд не двоюродным, а родным племянником, поскольку был сыном ее единокровного брата Эймунда (в саге ошибочно: Энунда) Олавссона [YS. Kap. XIV. Bls. 47–48], последнего короля из династии Инглингов, занимавшего шведский престол в первой половине XI в. Как показал Ф. Браун, данная генеалогия в бóльшей мере соответствует действительности, тогда как связь Ингвара с древней династией

шим в отцовском роду созвучным именем *Игорь* (ср. табл. №№ 8, 17 к настоящей главе).

Можно допустить, что сын Ярослава Изяславича не стал *Игорем* потому, что это общеродовое имя закрепилось, как уже было сказано выше, скорее за чернигово-рязанской частью рода, соперничавшей с Мстиславичами. Если принять такую гипотезу, то оказывается, что княжич получил самостоятельный вариант старого общеродового имени *Игорь*, отделяющий его от Игорей-современников, рязанских и черниговских князей. Тем не менее такое отделение не было обязательным образом заложено в имени *Ингвар(ь)* — рязанские князья, как уже упоминалось, позднее подхватили его и использовали в собственном именослове.

Так или иначе, наиболее тесно в традиции были связаны имена *Ингвар(ь)* и *Игорь*[70]. Прочность этой связи и относительная редкость имени *Ингвар(ь)* видны, в частности, в памятниках, относящихся к несколько более позднему времени. Так, например, в той части Синодального списка Новгородской первой летописи, которая относится, по-видимому, к первой половине XIV в., под 1238 г. упоминаются князья рязанские «Гюрги, Инъгваровъ братъ, Олегъ, Романъ Инъгоровичь»[71], причем отчество князя Романа и во второй раз приводится в летописи в той же форме «Инъгоровичь»[72]. Под тем же отчеством «Инъгоровичь» фигурируют и пять князей, упоминающиеся в круге сказаний о разорении Рязани: Юрий, Давыд, Глеб, Олег и Ингвар(ь)

по женской линии (см. выше) является вымыслом составителя саги [Braun 1910. S. 7–117] (обзор точек зрения на происхождение Ингвара см. [Korpela 1995. S. 162]).

В заключение отметим, что этот племянник Ингигерд, Ингвар Эймундссон (Путешественник), провел на Руси три года при дворе Ярослава Мудрого и своей тетки [YS. Bls. 12].

70 Не исключено, кроме того, что у Рюриковичей существовало еще одно имя, созвучное именам *Ингвар(ь)* и *Игорь*. Речь идет о надписи на печати, датируемой не позднее второй четверти XII в.: +СПСИ ГИ КЪН(-)ЗА ИВЕРА ВСЕВОЛО(--)ВИ [Янин 2001. С. 449]. Возможно, князь, упоминающийся в этой надписи, носил имя *Ивор*, скандинавское по происхождению (из Ívarr). В.Л. Янин отождествляет его с сыном Всеволода-Гавриила Мстиславича, умершим еще ребенком. Исследователь полагает, что этот князь, известный в летописи под крестильным именем *Иоанн* (*Иван*), носил мирское имя *Ивор*. Имя *Ивор* в XI — XIV вв. относительно часто встречается на Руси, как правило, у людей знатных (ср., например: [Тупиков 1903. С. 221; Melnikova 2004. P. 20]). При этом надежных случаев его употребления собственно в роду Рюриковичей мы не знаем. Маловероятно, кроме того, чтобы отчество от имени *Всеволод* в это время имело форму «Всеволодович», поскольку отчества от двуосновных имен в эту эпоху образовывались без участия притяжательного суффикса *–ов* и имели, соответственно, форму «Ярославич», «Святославич», «сын Мстиславль», «сын Всеволожъ» (см. [Якобсон 1966. С. 520–527]).

71 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 74].

72 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 75].

Ингоревичи[73]. Скорее всего, в памятниках XIV — XVI вв. мы имеем дело не с естественной фонетической адаптацией имени *Ингвар(ь)*, — как кажется, в такой адаптации попросту не было нужды, так как в эту эпоху имя *Ингвар(ь)* более не использовалось в династии. Вероятнее, составители и переписчики текстов смешивали «старое» и редкое *Ингвар(ь)* с более привычным *Игорь*.

Близость имен *Игорь* и *Ингвар(ь)* порождает в ряде позднейших памятников своеобразные династические «фантомы», в особенности, когда речь идет об истории Рязани в первой половине XIII в., по понятным причинам довольно скудно и противоречиво освещенной в источниках. Так, в сказаниях о рязанских князьях фигурирует князь Ингвар(ь) Ингоревич (ср. табл. № 17 к настоящей главе). Его отчество, как нетрудно заметить, представляет собой вариант в некотором смысле промежуточный между именами *Игорь* и *Ингвар(ь)*. Хотя в первой половине XIII в. мы уже встречаем случаи буквального повтора имени живого отца в имени сына[74], в именовании этого князя присутствует определенное «расподобление» имени и отчества. Можно было бы предположить, что существовало еще одно самостоятельное княжеское имя **Инъгорь*, тесно связанное с именами *Игорь* и *Ингвар(ь)*. Однако такое допущение представляется нам малоправдоподобным. Скорее, речь идет о смешении этих последних имен в позднейших источниках. По-видимому, один из немногих уцелевших рязанских князей, о котором сохранился минимум неясных генеалогических сведений, в литературном памятнике обрел имя, отчество и родство благодаря принципу варьирования родовых имен[75].

В первой части главы нам уже приходилось говорить о связи имен Ингигерд, жены Ярослава Мудрого, и ее сына Игоря Ярославича (ср. табл. № 8 к настоящей главе). Подводя итоги рассмотрения форм *Инги*, *Ингвар(ь)*, *Ингибьёрг*, *Ингигерд*, **Ингор*, вернемся еще раз к специфике наиболее частотного на Руси элемента в этой группе имен — к имени *Игорь*. Необходимо еще раз подчеркнуть, что оно является одним из не столь уж многочисленных одноосновных княжеских имен. По крайней мере, на русской почве семантика и внутренняя форма его скандинавских основ (*InguhariR), как кажется, была достаточно рано утрачена. Не исключено, что в имени *Ингвар(ь)* отразилось своеобразное переосмысление этого имени и наделение его основой и суффиксом *–ар*, *–арь* по образцу формы *Володарь*. Скорее всего, такое переосмысление произошло не без влияния скандинавского Ingvarr. Однако обращение к скандинавскому антропонимикону в семье Ярослава Изяславича (см. табл. № 17 к настоящей главе), у которого, насколько нам известно, не было близких родичей со скандинавским именем Ingvarr[76], оказалось воз-

---

73 Наиболее ранний список датируется XVI в. [Приход чудотворного Николина образа. С. 11–21; Повесть о разорении Рязани Батыем. С. 184–199].

74 Ср. гл. IV нашей работы.

75 Подробнее о рязанском князе, известном под именем *Ингвар(ь) Ингоревич*, см. Экскурс № 1.

76 Напомним, что от Ингвара Эймундссона, племянника Ингигерд (см. о нем выше, примеч. 69), Ингваря Ярославича отделяло шесть поколений, от Инги Старо-

можным только по причинам, связанным с уже исключительно «русскими», внутриродовыми отношениями. Важную роль здесь сыграло присутствие в именослове русских князей имени *Игорь*, с одной стороны, и имени *Володарь*, с другой.

Итак, можно ли назвать появившееся в середине XII в. имя *Ингвар(ь)* «вторичным заимствованием» скандинавского имени Ingvarr?[77] Можно ли утверждать, что имена *Игорь* и *Ингвар(ь)* воспринимались как два самостоятельных имени? Были ли они полностью независимы друг от друга?

На второй вопрос, на наш взгляд, можно ответить утвердительно — *Ингвар(ь)* было самостоятельным именем, одним из доказательств чему может служить появление в конце XII в. князя Ингваря Игоревича, родившегося при жизни своего отца, Игоря Глебовича (см. табл. № 17 к настоящей главе). Однако проникновение этого имени в антропонимикон русских князей было возможным именно благодаря уже существовавшему традиционному имени *Игорь*. Неполное совпадение этих имен могло так или иначе использоваться в стратегии имянаречения, но едва ли можно утверждать, что эти имена воспринимались как совершенно изолированные друг от друга.

Поскольку в середине XII в. мы не наблюдаем хоть сколько-нибудь массового притока новых скандинавских (и каких бы то ни было) имен в княжеский антропонимикон, то наиболее существенным для истории имени *Ингвар(ь)* является не источник, а причина его появления. Основанием для его возникновения, как мы попытались показать выше, послужил принцип варьирования родового имени, объединяющий имя *Ингвар(ь)* с именем *Игорь* и уподобляющий его другим, уже присутствовавшим в антропонимиконе именам с конечным элементом *–ар / –арь*.

Как уже говорилось, наиболее ярко принцип варьирования родового имени проявлялся приблизительно до середины XI столетия. Благодаря ему сформировалось стандартная, ставшая привычной и традиционной структура двусоставного княжеского имени. Не без его влияния доминирующим вторым элементом княжеского имени стала основа *–слав*. Определился и ряд других закономерностей выбора имени, связывающих русских князей между собой и с их иноземными родичами. Позднее этот принцип отнюдь не исчезает, но явно отодвигается на второй план другим принципом — принципом полного, буквального повтора имени умершего предка. В конце XI — XII столетии действие принципа варьирования чаще всего лишь дополняет, подкрепляет принцип повтора родового имени.

Однако в отдельных случаях, по-видимому, по тем или иным династическим соображениям повтор оказывался невозможным или нежелательным: допустимой оказывалась лишь аллюзия, своего рода отсылка к имени предка.

го — четыре поколения, а Ингибьёрг (дочь Мстислава и Кристины) приходилась ему двоюродной бабкой (ср. табл. № 8 и № 17 к настоящей главе).

[77] См. [Мельникова 1997. С. 91].

Такого рода ситуация могла возникнуть, например, в семье князя Ростислава Владимировича, осиротевшего при жизни деда[78]. Не исключено, что за таки-

---

[78] О семейной ситуации этого князя ср. выше, с. 58–59. Особый интерес представляют имена ближайшего окружения князей, «чади» княжеского дома. Часть этого окружения могла приходиться Рюриковичам родичами по женской линии, часть же была связана с ними службой на протяжении нескольких поколений. В родовой традиции отношения службы и родства не были противопоставлены: длительная служба до некоторой степени уподоблялась семейным отношениям. Любопытен в этой связи довольно поздний пример из летописи, когда один из приближенных галицких князей оказывается обладателем княжеского имени *Ярополк*, а его братьев зовут *Володислав* и *Яволод* (*Ясволод*, по Ермолаевскому списку) [ПСРЛ. Т. II. Стб. 718, 719, 724, 728, 729, 730]. Перед нами очевидный случай варьирования родовых основ у братьев (правда, необходимо оговориться, что этот случай не только довольно поздний, но и имеющий отношение к той части Руси, где особенно сильны были контакты с инокультурными традициями имянаречения, в частности польской и чешской). Володислав при этом именуется в летописи «кормиличичем». Братья, и прежде всего Володислав, в течение короткого времени правили Галичем при малолетнем князе Даниле, а несколько позднее Володислав сам, по-видимому, предпринял безуспешную попытку сделаться галицким князем: «Володислав же воѣха в Галичь и вокнѧжисѧ и сѣде на столѣ» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 729]. Однако он не удержал галицкий стол, был заточен «и в томь заточеньи оумре нашедъ зло племени своемоу и дѣтемь своимъ кнѧжениѧ дѣлѧ вси бо кнѧзи не призрѧхоу дѣтии его» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 731 под 1211 г.]. Тот факт, что «кормиличич» (сын кормилицы? потомок кормилицы? молочный брат какого-либо князя?) Володислав во время усобиц претендовал на княжеский стол наравне с Рюриковичами, более того, на время даже был признан галичанами в качестве князя, на наш взгляд, может свидетельствовать и о том, что он состоял с княжеским домом в прямом родстве. Противники Володислава подчеркивают, что он всего лишь боярин («не є^{с} лѣпо боѧриноу кнѧжити в Галичи» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 731]), поэтому возникает предположение, что это родство не по законному браку. В самом деле, именно в галицкой земле с середины XII в. внебрачные сыновья князей играли особую роль в политической борьбе, и их претензии на власть могли в разной степени признаваться отцовским княжеским родом. Достаточно вспомнить судьбу Олега Настасьчича, внебрачного сына Ярослава Осмомысла, а также участь двух сыновей Владимира Ярославича Галицкого от некой попадьи. За одного из этих сыновей Владимира, как известно, Роман Мстиславич отдал свою дочь Феодору [ПСРЛ. Т. II. Стб. 660]. Внебрачные сыновья, с одной стороны, вполне могли претендовать в Галиче на отцовский престол, с другой же стороны, незаконность их происхождения и послужила основанием для их изгнания. Разумеется, вопрос о том, были ли «кормиличичи» Володислав, Ярополк и Яволод кровными родичами галицких князей, нуждается в дополнительном исследовании, но такое допущение могло бы объяснить и их особую роль в династической борьбе, и происхождение их несколько необычных для людей некняжеского рода имен.

ми аллюзиями в именах *Володарь* или *Ингвар(ь)* порой могло присутствовать стремление очистить имя предка, так сказать, от «позднейших напластований». Иными словами, в наиболее типичной ситуации называя княжича *Игорем* или *Володимиром*, родители устанавливали его связь как с первым носителем этого имени в княжеском роду, так и со всеми последующими *Игорями* и *Володимирами*, названными в его честь. Таким образом, ребенок входил во все нарастающий ряд тезоименитых ему князей, связанных между собой узами кровного родства.

Если варьирование ограничивается сложением двух вполне традиционных основ имени, то его действие остается неявным, не противоречащим общему строю повтора имен предков. Вариация же, создающая имя близкое к традиционному, но прежде в династии не существовавшее, выделяет своего обладателя и ставит его в особые отношения с другими носителями сходного, но традиционного имени. Иными словами, Володимир, сын Всеволода, правнук Володимира и родич множества других *Володимиров* из рода Рюриковичей, объединен своим именем как с отцом, так и со всеми тезками. Ингвар(ь) же может быть объединен со всеми князьями Игорями, жившими после Игоря Рюриковича, но может быть и противопоставлен им.

Помимо простого сложения традиционных основ и их переразложения, изменения, на Руси, как и в германском мире, существовал и еще один способ варьирования родового имени. Речь идет о мужских и женских версиях имен, иногда не отличающихся ничем, кроме родовых окончаний, а иногда приобретающих в результате постепенной языковой трансформации более существенные отличия[79]. Необходимо еще раз напомнить, что идея подобия, сходства антропонимов, которая лежит в основе принципа варьирования, в Средние века трактовалась достаточно широко. Сходство звучания, подлинная или искусственная семантическая близость, калькирование структуры имени — все эти и многие другие признаки могли определять схожесть нескольких имен в восприятии средневекового человека[80]. Принцип варьирования родового имени зачастую осуществлялся, таким образом, в рамках куда более широких, чем те, что задаются исторической этимологией имени или его исходным морфологическим строением.

Порой в династическом обиходе имена братьев в одной семье или имена отца и сына могут подбираться на основе некоторых нефонетических и даже внеязыковых соответствий. Такого рода явления, когда родные братья получают, например, имена *Борис*, *Глеб*, *Роман* и *Давид*, относятся к сравнительно поздней эпохе становления христианского имени в качестве родового. Однако трудно не связать их с той интенцией, которая была заложена в более древнем принципе варьирования родового имени.

---

79 Подробнее мы коснемся этой темы в главе, посвященной женским именам у Рюриковичей; см. гл. VII, с. 242.

80 Ср. [Ф.Б. Успенский 2001а].

ТАБЛИЦА № 1

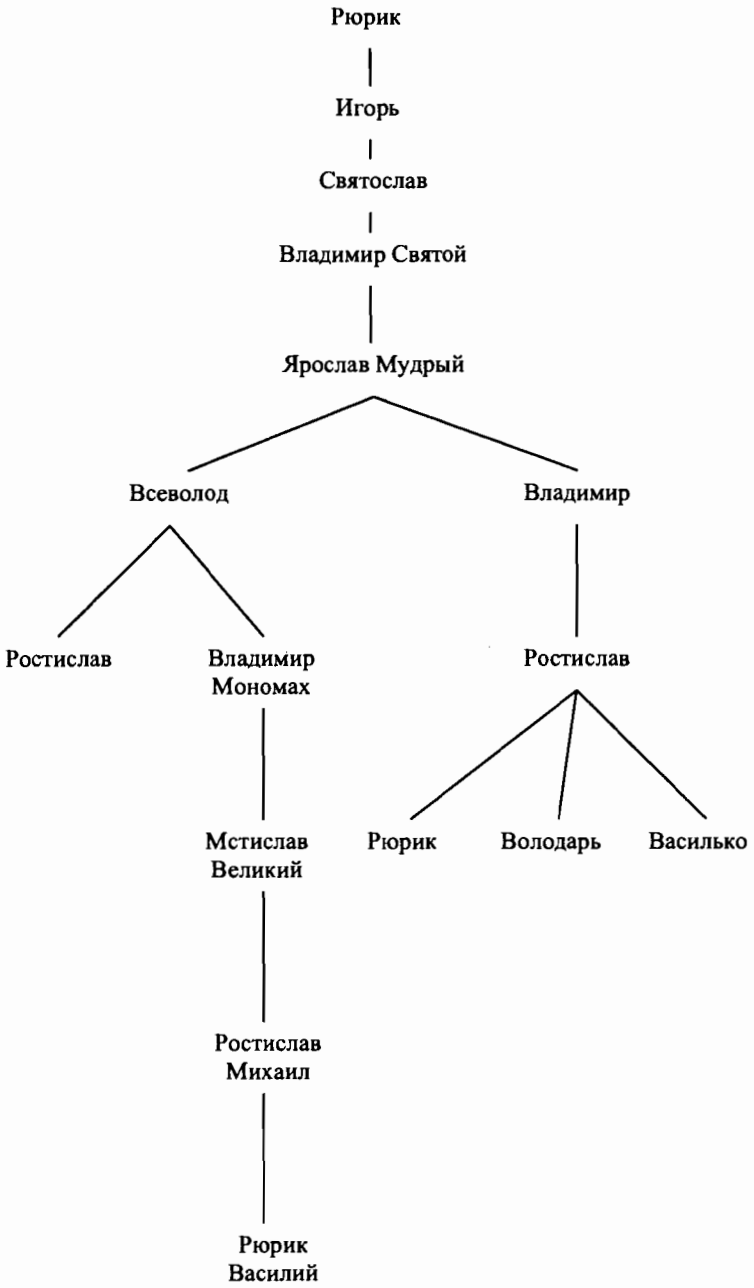

Рюрик
Игорь
Святослав
Владимир Святой
Ярослав Мудрый
Всеволод
Владимир
Ростислав
Владимир Мономах
Ростислав
Мстислав Великий
Рюрик
Володарь
Василько
Ростислав Михаил
Рюрик Василий

ТАБЛИЦА № 2

Владимир Мономах

Юрий Долгорукий

Всеволод Большое Гнездо

Владимир-Дмитрий

ТАБЛИЦА № 3

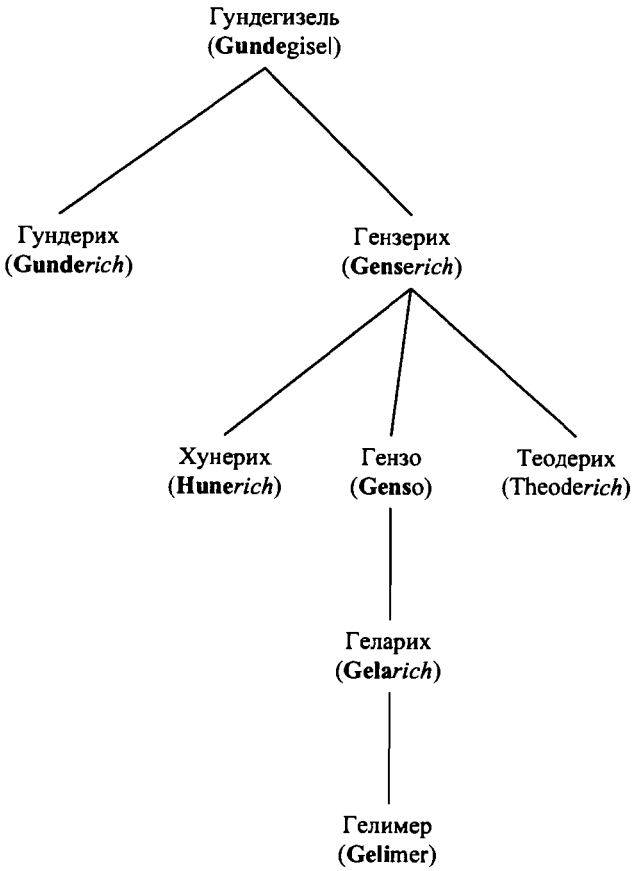

Гундегизель
(**Gunde**gisel)
Гундерих
(**Gunde***rich*)
Гензерих
(**Gense***rich*)
Хунерих
(**Hune***rich*)
Гензо
(**Gens**o)
Теодерих
(Theode*rich*)
Геларих
(**Gela***rich*)
Гелимер
(**Gelim**er)

ТАБЛИЦА № 4

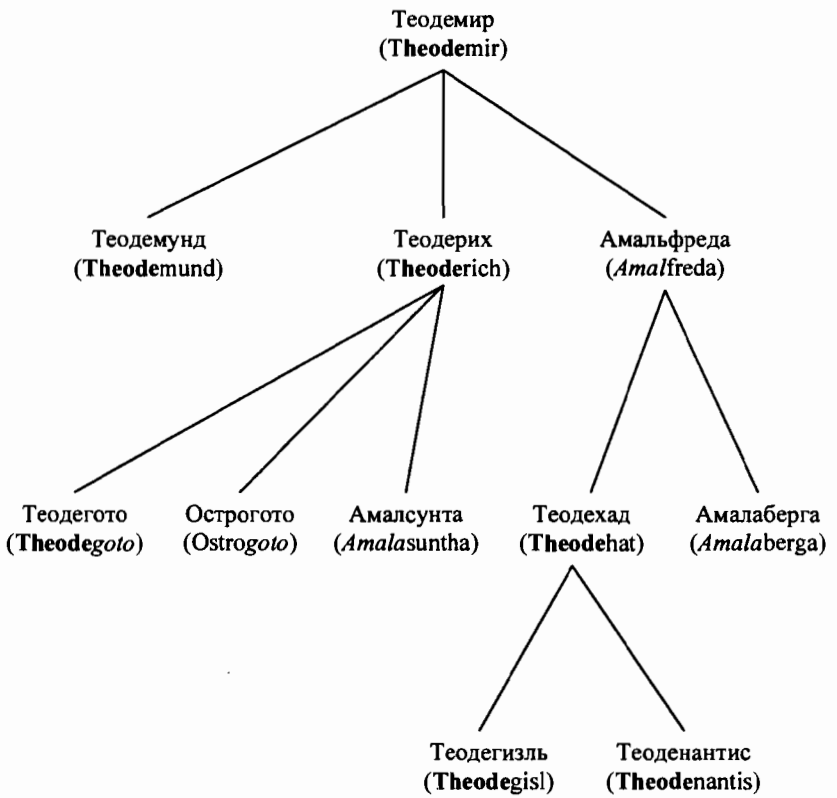

Теодемир
(**Theode**mir)
Теодемунд
(**Theode**mund)
Теодерих
(**Theode**rich)
Амальфреда
(*Amal*freda)
Теодегото
(**Theode***goto*)
Острогото
(Ostro*goto*)
Амалсунта
(*Amala*suntha)
Теодехад
(**Theode**hat)
Амалаберга
(*Amala*berga)
Теодегизль
(**Theode**gisl)
Теоденантис
(**Theode**nantis)

ТАБЛИЦА № 5

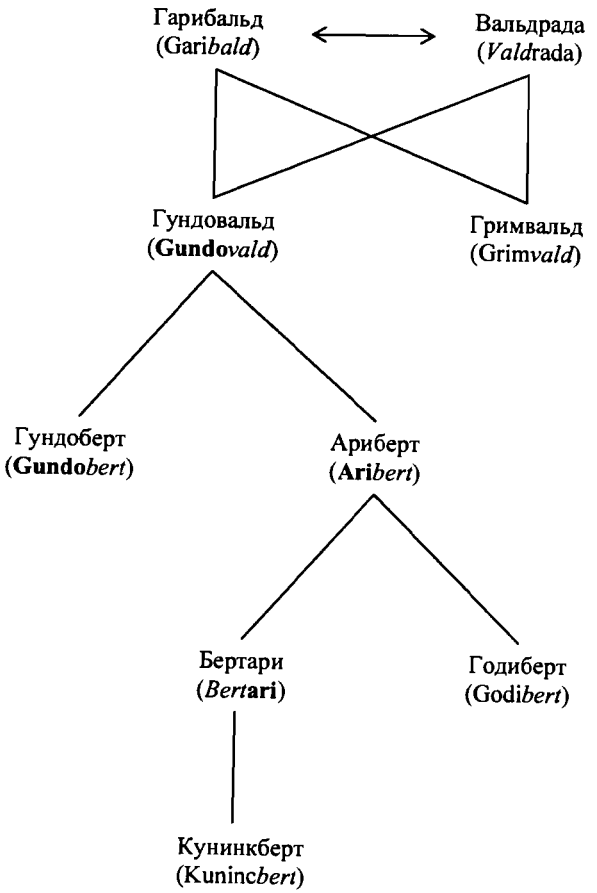
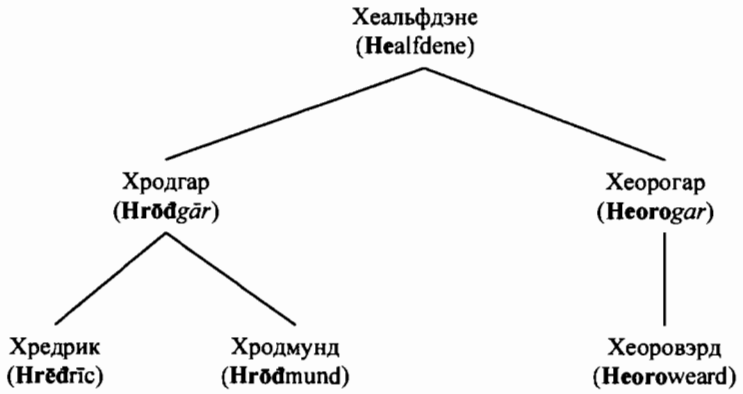

Гарибальд
(Gari*bald*)
Вальдрада
(*Vald*rada)
Гундовальд
(**Gundo***vald*)
Гримвальд
(Grim*vald*)
Гундоберт
(**Gundo***bert*)
Ариберт
(**Ari***bert*)
Бертари
(*Bert***ari**)
Годиберт
(Godi*bert*)
Кунинкберт
(Kunin*cbert*)

ТАБЛИЦА № 6


Хеальфдэне
(**He**alfdene)
Хродгар
(**Hrōð***gār*)
Хеорогар
(**Heoro***gar*)
Хредрик
(**Hrēð**rīc)
Хродмунд
(**Hrōð**mund)
Хеоровэрд
(**Heoro**weard)

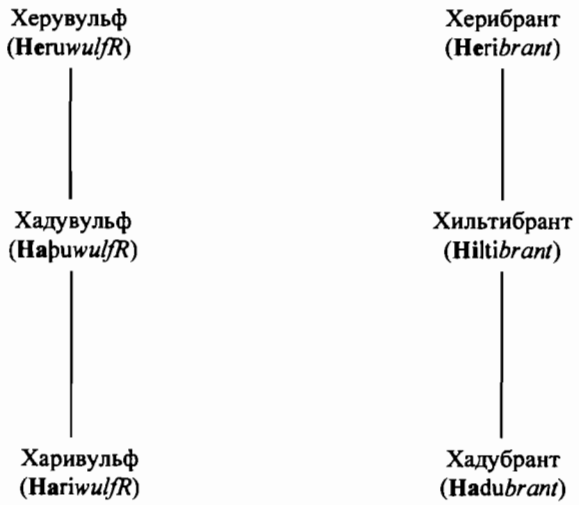

Херувульф
(**He**ru*wulfR*)
Хадувульф
(**Ha**þu*wulfR*)
Харивульф
(**Ha**ri*wulfR*)
Херибрант
(**He**ri*brant*)
Хильтибрант
(**Hi**lti*brant*)
Хадубрант
(**Ha**du*brant*)

ТАБЛИЦА № 7

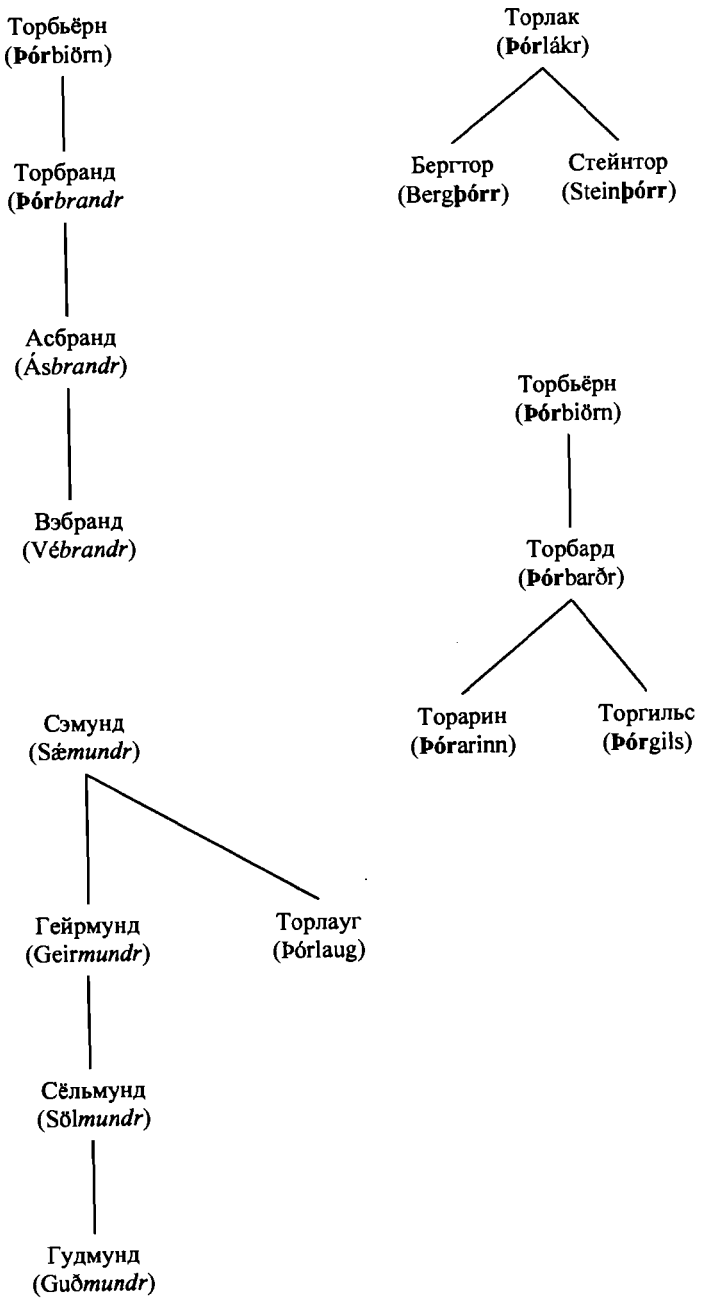

Торбьёрн
(Þórbiörn)
Торбранд
(Þórbrandr
Асбранд
(Ásbrandr)
Вэбранд
(Vébrandr)
Торлак
(Þórlákr)
Бергтор
(Bergþórr)
Стейнтор
(Steinþórr)
Торбьёрн
(Þórbiðrn)
Торбард
(Þórbarðr)
Торарин
(Þórarinn)
Торгильс
(Þórgils)
Сэмунд
(Sæmundr)
Гейрмунд
(Geirmundr)
Торлауг
(Þórlaug)
Сёльмунд
(Söl*mundr*)
Гудмунд
(Guð*mundr*)

ТАБЛИЦА № 8

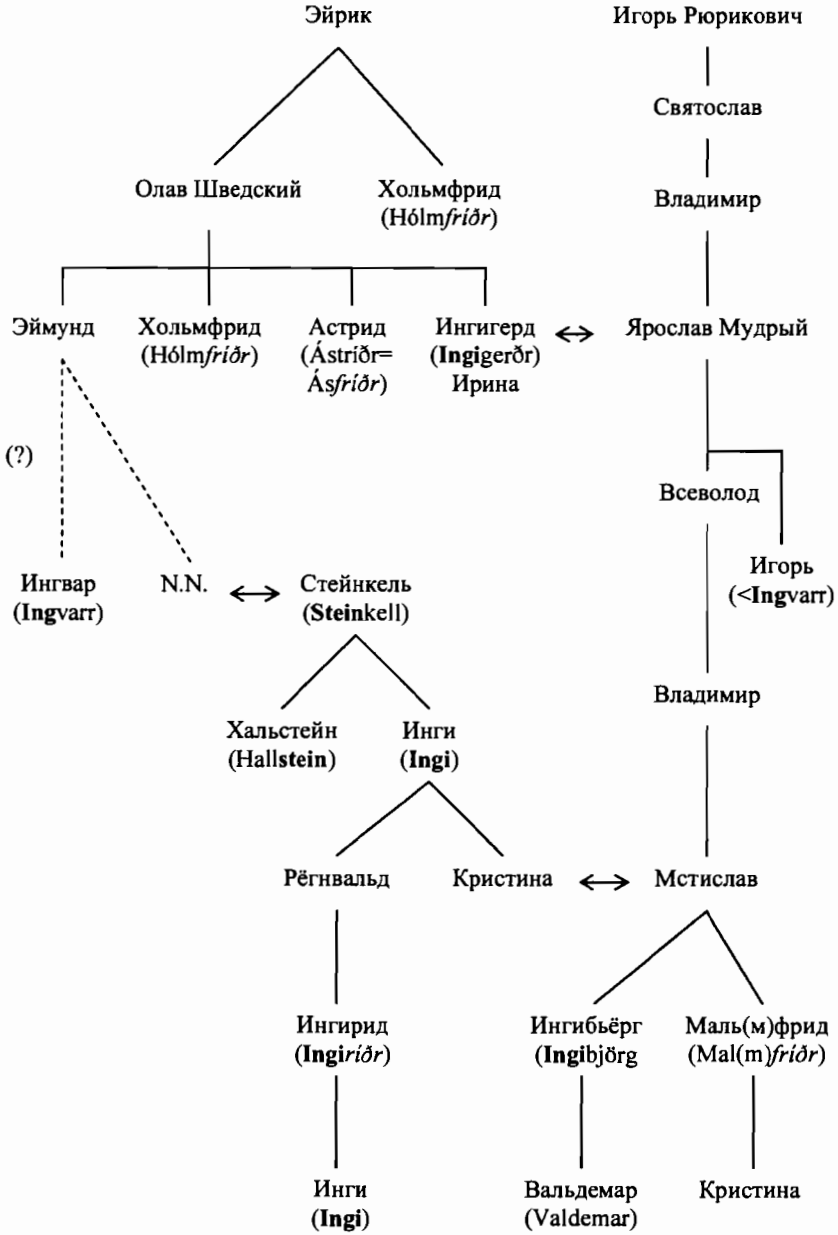

Эйрик
Игорь Рюрикович
Святослав
Олав Шведский
Хольмфрид
(Hólm*fríðr*)
Владимир
Эймунд
Хольмфрид
(Hólm*fríðr*)
Астрид
(Ástríðr=
Ás*fríðr*)
Ингигерд
(**Ingi**gerðr)
Ирина
Ярослав Мудрый
(?)
Всеволод
Игорь
(<**Ing**varr)
Ингвар
(**Ing**varr)
N.N.
Стейнкель
(**Stein**kell)
Владимир
Хальстейн
(Hall**stein**)
Инги
(**Ingi**)
Рёгнвальд
Кристина
Мстислав
Ингирид
(**Ingi***ríðr*)
Ингибьёрг
(**Ingi**björg
Маль(м)фрид
(Mal(m)*fríðr*)
Инги
(**Ingi**)
Вальдемар
(Valdemar)
Кристина

ТАБЛИЦА № 9

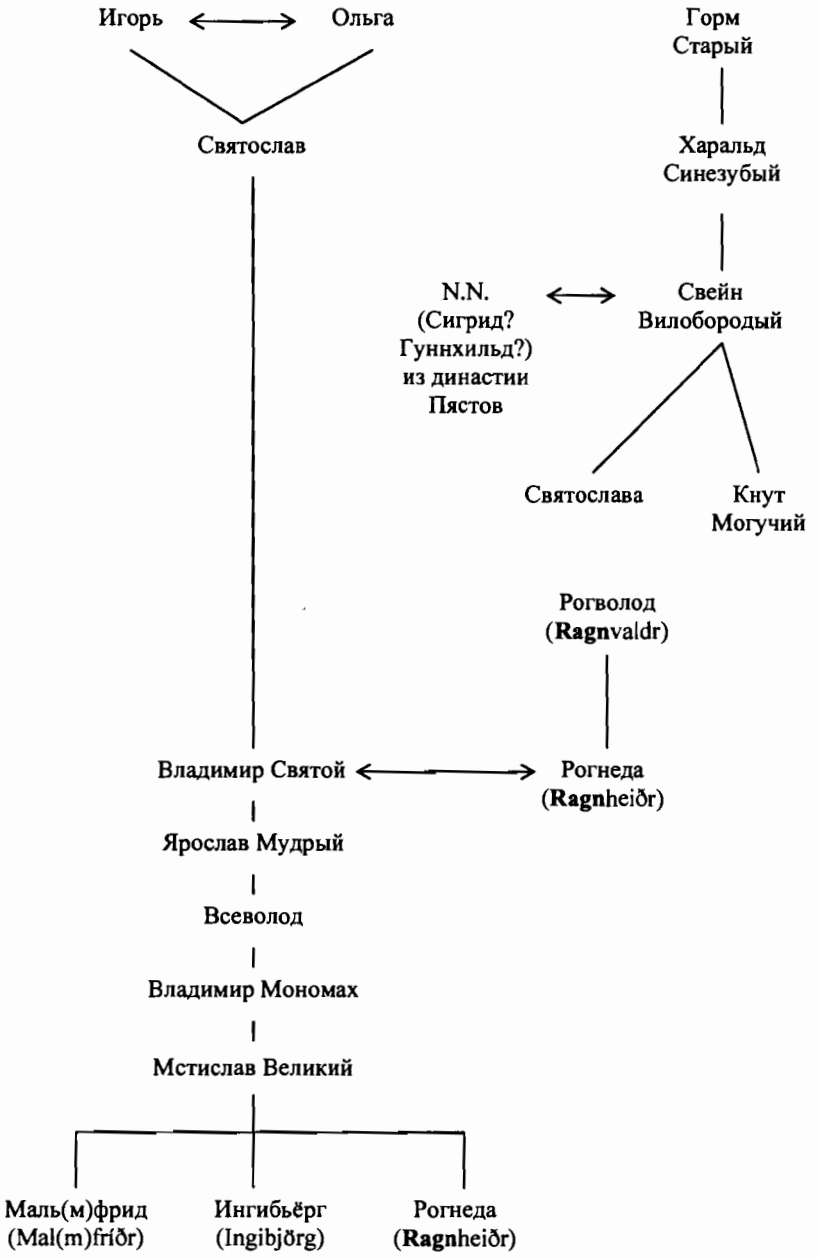

Игорь
Ольга
Святослав
Горм Старый
Харальд Синезубый
N.N. (Сигрид? Гуннхильд?) из династии Пястов
Свейн Вилобородый
Святослава
Кнут Могучий
Рогволод (**Ragn**valdr)
Владимир Святой
Рогнеда (**Ragn**heiðr)
Ярослав Мудрый
Всеволод
Владимир Мономах
Мстислав Великий
Маль(м)фрид (Mal(m)fríðr)
Ингибьёрг (Ingibjörg)
Рогнеда (**Ragn**heiðr)

ТАБЛИЦА № 10

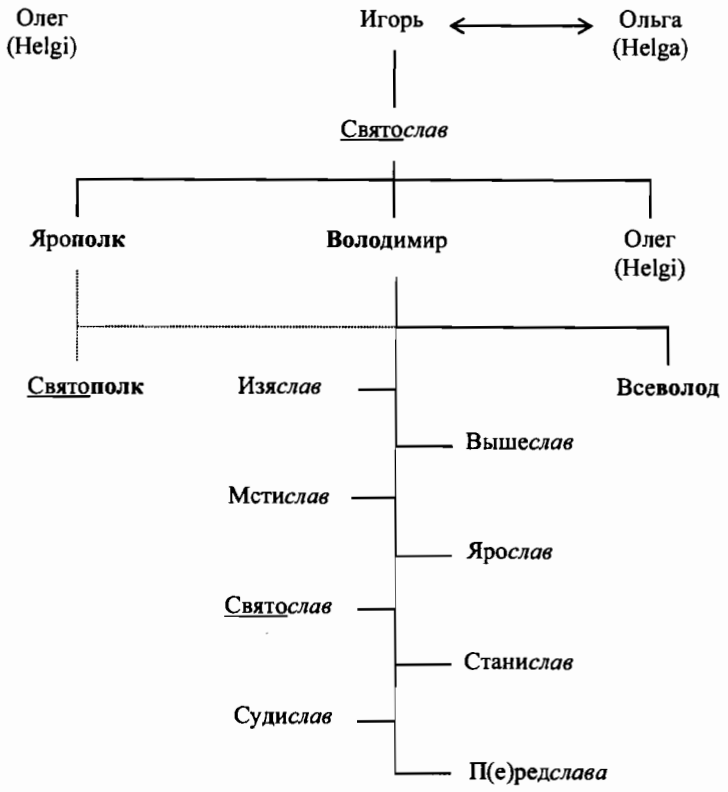

Олег
(Helgi)
Игорь
Ольга
(Helga)
Святослав
Ярополк
Володимир
Олег
(Helgi)
Святополк
Изяслав
Всеволод
Вышеслав
Мстислав
Ярослав
Святослав
Станислав
Судислав
П(е)редслава

ТАБЛИЦА № 11

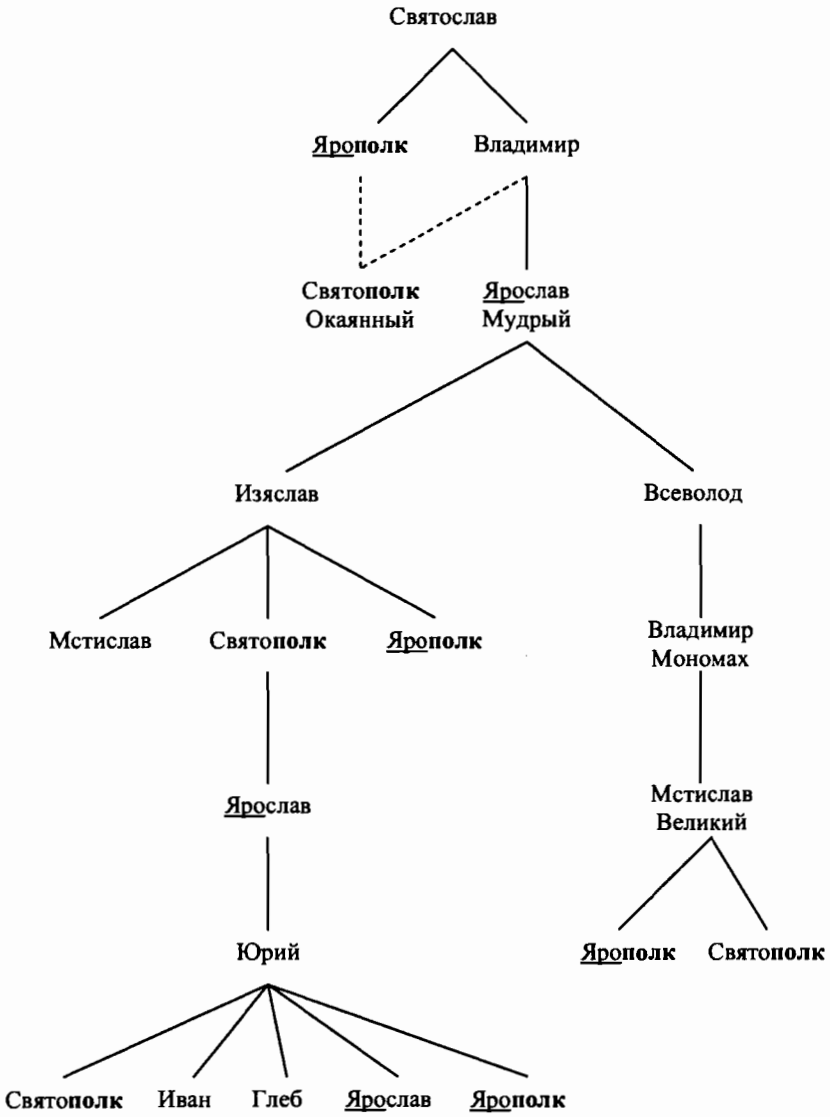

Святослав
Ярополк
Владимир
Святополк Окаянный
Ярослав Мудрый
Изяслав
Всеволод
Мстислав
Святополк
Ярополк
Владимир Мономах
Ярослав
Мстислав Великий
Юрий
Ярополк
Святополк
Святополк
Иван
Глеб
Ярослав
Ярополк

ТАБЛИЦА № 12

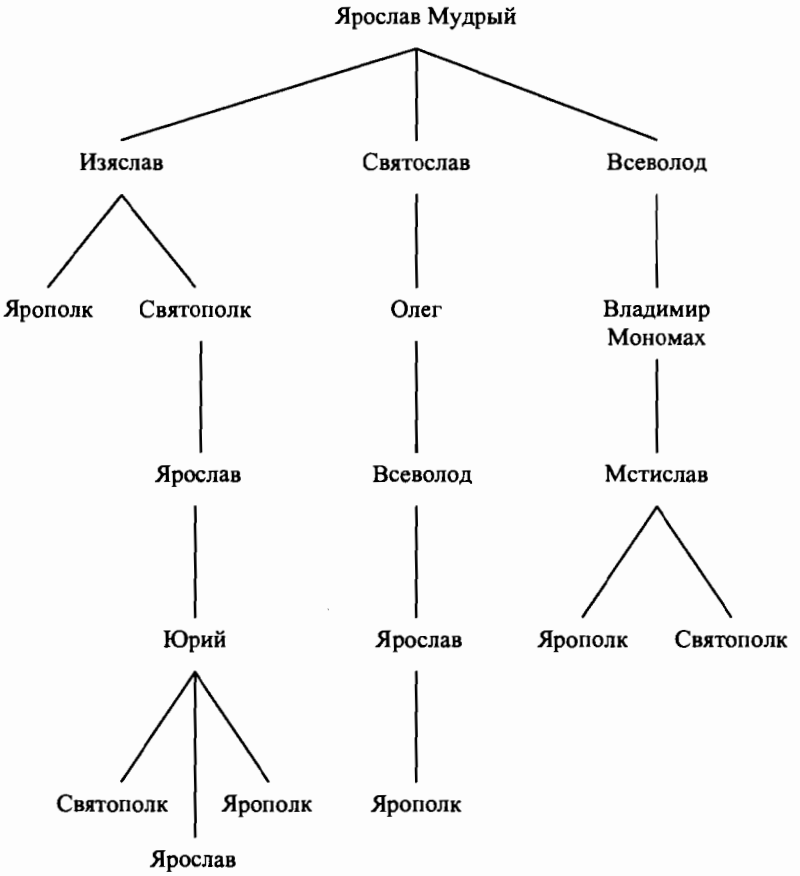

Ярослав Мудрый
Изяслав
Святослав
Всеволод
Ярополк
Святополк
Олег
Владимир Мономах
Ярослав
Всеволод
Мстислав
Юрий
Ярослав
Ярополк
Святополк
Святополк
Ярополк
Ярополк
Ярослав

ТАБЛИЦА № 13

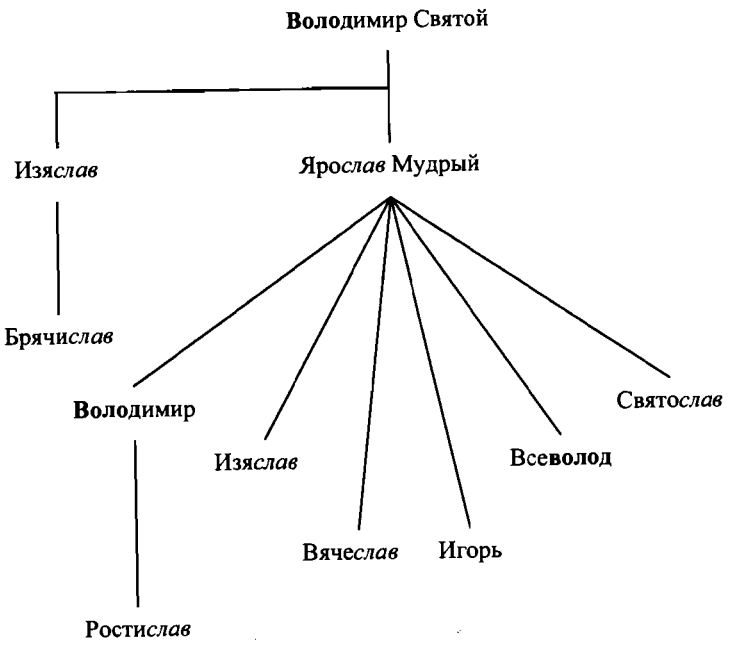

Володимир Святой
Изяслав
Ярослав Мудрый
Брячислав
Володимир
Изяслав
Святослав
Всеволод
Вячеслав
Игорь
Ростислав

ТАБЛИЦА № 14

Володимир Святой

Ярослав Мудрый

Володимир | **Всеволод**

Володимир Мономах

Юрий Долгорукий

Всеволод-Дмитрий
Большое Гнездо

Володимир-*Дмитрий* | Всеслава

ТАБЛИЦА № 15

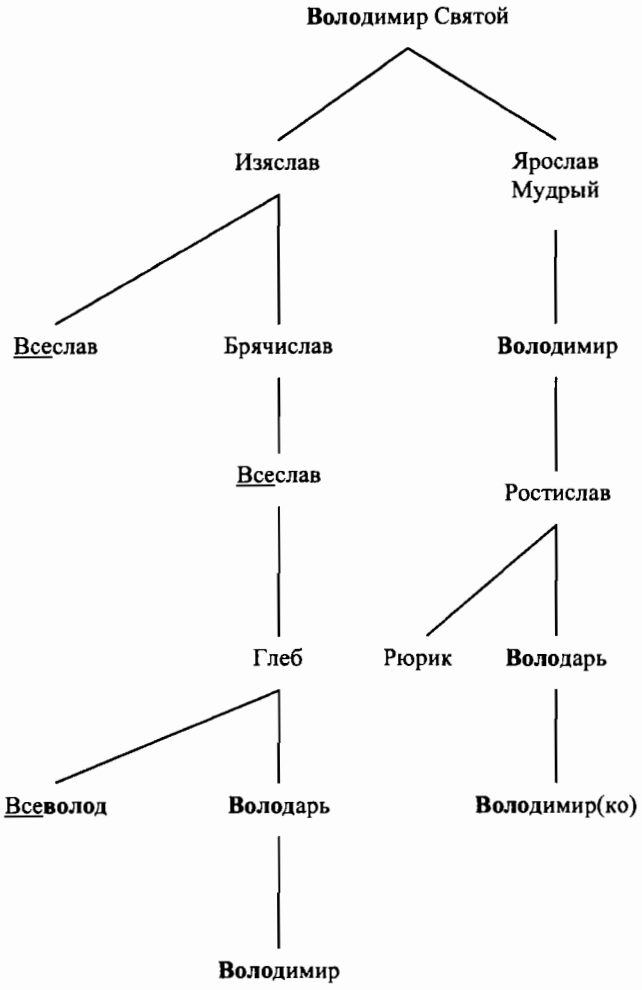

Володимир Святой
Изяслав
Ярослав Мудрый
Всеслав
Брячислав
Володимир
Всеслав
Ростислав
Глеб
Рюрик
Володарь
Всеволод
Володарь
Володимир(ко)
Володимир

ТАБЛИЦА № 16

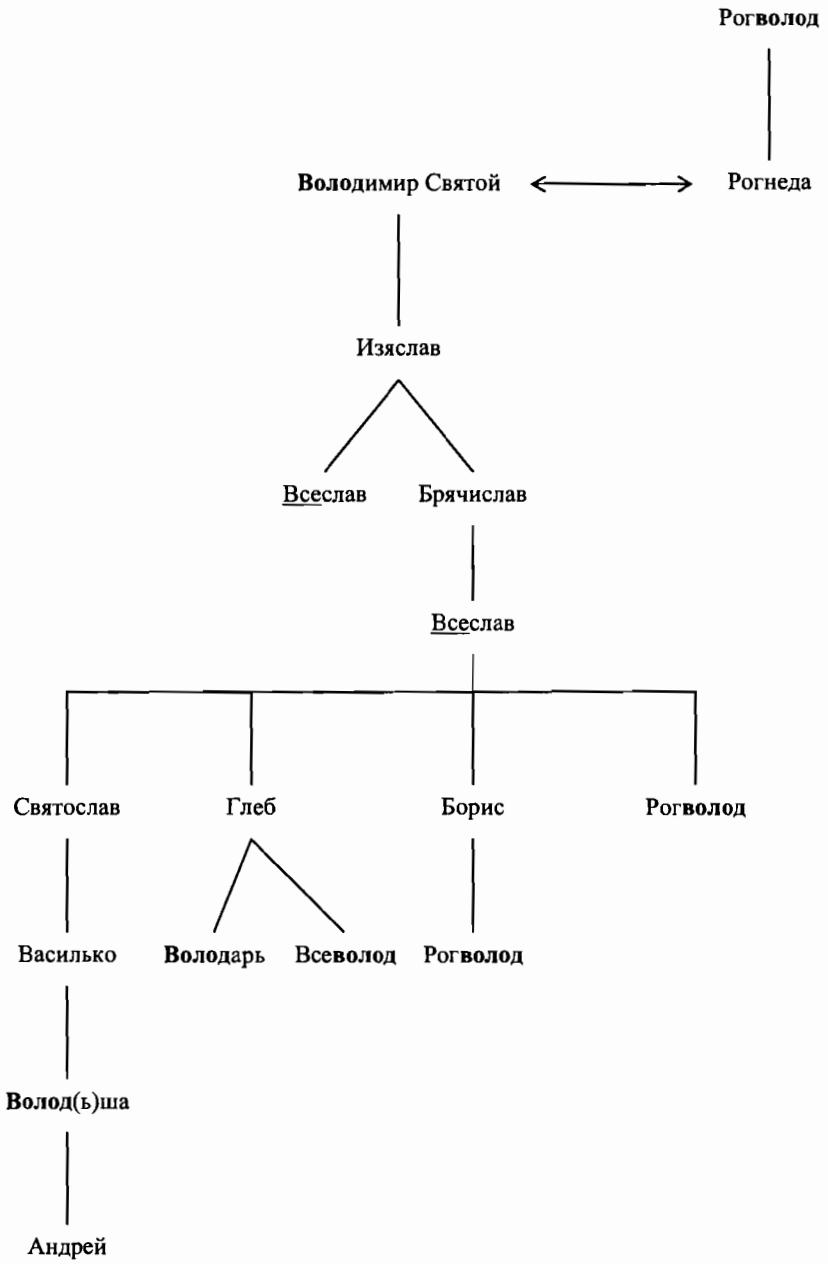
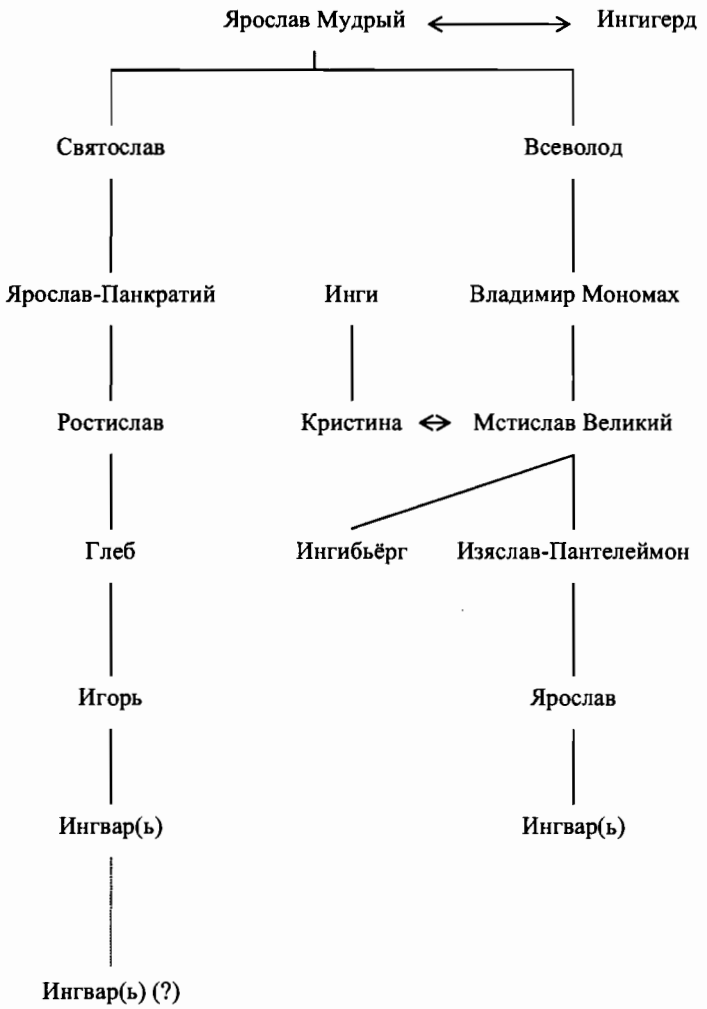

Рогволод
Володимир Святой
Рогнеда
Изяслав
Всеслав
Брячислав
Всеслав
Святослав
Глеб
Борис
Рогволод
Василько
Володарь
Всеволод
Рогволод
Волод(ь)ша
Андрей

ТАБЛИЦА № 17


Ярослав Мудрый
Ингигерд
Святослав
Всеволод
Ярослав-Панкратий
Инги
Владимир Мономах
Ростислав
Кристина
Мстислав Великий
Глеб
Ингибьёрг
Изяслав-Пантелеймон
Игорь
Ярослав
Ингвар(ь)
Ингвар(ь)
Ингвар(ь) (?)

Глава III

Стрыи и сыновцы: о наречении племянника именем живого дяди

Два принципа, на которых строилась стратегия имянаречения у ранних Рюриковичей, — наречение в честь умершего предка и варьирование родового имени, — разумеется, не были исключительной прерогативой правящего дома. Эти принципы, как мы попытались показать, были в высшей степени характерны для родовой традиции в целом. Если бы мы могли подробно наблюдать родовую практику имянаречения в чистом виде, то убедились бы, что в очень многих культурных традициях знать (т. е. люди, осведомленные о своем происхождении) действовала при выборе имен для наследников сходным образом. Чем же династическое имя в таком случае отличается от имени родового?

В династии, как во всяком роду, концепция выбора имени была связана с концепцией наследственных прав. И в том, и в другом случае речь могла идти как о наследовании прав владельческих, так и о наследовании статуса главы рода, имеющего определенную власть над имуществом и судьбой всех членов большой семьи. Обладание землей, богатством и наличие властных полномочий неразрывно связаны, неотделимы друг от друга. Когда власть главы рода основана на родственных узах, все отношения с людьми, принадлежащими к его дому, в определенной степени осмысляются как родственные: служба и кровное родство во многих ситуациях не противопоставлены.

У правителя, старшего князя, круг младших родичей, «людей дома», стремительно расширяется. К ним, безусловно, относится его непосредственное окружение, его семья и домашние. Расширение же этого круга происходит одновременно в двух направлениях. С одной стороны, в него могут включаться его дружина и все те, кого он по обоюдному согласию считает своими подданными. С другой стороны, разумеется, в несколько ином смысле, в этот круг входят все князья-родичи со своими «чадами и домочадцами». Со временем концепция родственных отношений как основы верховной власти становится все более абстрактной, однако семейное покровительство еще долго не утрачивает своей роли. Отношения правителя со своими подданными могут вновь и вновь осмысляться в терминах родства в самые различные эпохи. Разумеется, семантическое наполнение этих терминов и задаваемой ими культурной парадигмы в разные периоды могли быть весьма различными.

Что же касается русского Средневековья, то в династической традиции уже в домонгольскую эпоху отношения кровного родства подкреплялись правовыми, а порой и договорными отношениями. Вместе с тем, то обстоятельство, что вся княжеская иерархия продолжала описываться в терминах

родства, по-видимому, оказывало немалое влияние на самый характер этой иерархии. Политическая структура разветвленного рода, правящего на огромной территории, конечно же, не могла строиться исключительно на семейных основаниях, однако покуда язык родовой терминологии оставался употребительным, он, несомненно, оказывал влияние на действительные политические отношения. Подобное (не столь уж редкое) влияние языка на действительность связывало династическую традицию с более архаической родовой. Ценности династии постоянно соотносятся с ценностями рода, хотя, по-видимому, во многом не совпадают с ними.

В родовой традиции выбор имен для детей служит средством сохранения целостности рода и, лишь во вторую очередь, определению порядка старшинства наследников. В династической же стратегии имянаречения главной целью становится передача власти. Архаическая идея права всех отпрысков княжеского рода на управление определенной частью общего наследия вступает в конкуренцию с идеей единства всей наследуемой территории под прямой или опосредованной властью одного правителя. Характер этой конкуренции в той или иной стране, в тот или иной период влияет на стратегию династического имянаречения. При этом существенным оказывается целый ряд факторов, как, например, наличие или отсутствие механизма выборности правителя, обширность и разветвленность правящего дома, частота смены династий и т.д. Все эти условия необходимо учитывать, когда мы стремимся определить, что именно пытались передать новорожденному старшие родичи, давая ему имя, какой смысл они вкладывали в акт имянаречения.

Действительно, систему имянаречения у Рюриковичей, чей род разрастался и дробился в каждом следующем поколении, невозможно описать, исходя исключительно из вертикальных связей (т. е. от предков к потомкам). Если отец, определяющий династические перспективы ребенка, и располагал к этому моменту максимальной полнотой власти, он в той или иной степени все же вынужден был считаться с существованием властных претензий всех ныне живущих родичей — князей и княжичей.

Едва ли не самыми существенными при этом оказывались претензии его братьев — дядьев нарекаемого наследника. Противостояние между дядьями и племянниками, младшими сыновьями и старшими внуками вообще составляет львиную долю династических конфликтов европейского Средневековья. Разумеется, в подобного рода конфликты нередко бывали вовлечены и более отдаленные родственники. Особенно часто это происходило в обширном роду Рюриковичей, где правнуки и праправнуки одного князя то и дело делят между собой наследство общего предка. Парадоксальным образом, княжеские права одновременно и разобщают род, т. е. служат поводом для постоянной внутриродовой борьбы, и объединяют его. Именно притязания на власть формируют длительную генеалогическую память, актуализируют достаточно отдаленное кровное родство и вторичным образом делают «братьями» всех многочисленных Рюриковичей, которые во внединастической родовой практике были бы, по-видимому, куда более изолированы друг от друга.

При этом династическая пара 'дядя — племянник' представляет собой наиболее наглядную модель столкновения различных подходов к проблеме престолонаследия, различных принципов структурирования династии. В самом деле, в ранней истории ряда европейских династий явно прослеживается тенденция к переходу от принципа corpus fratrum (равного наследования братьев) к сеньорату, когда один из братьев получал некие выделенные привилегии, которые в случае его смерти наследовались следующим по старшинству братом[1]. Лишь постепенно правитель получает возможность по собственной воле назначать единоличного наследника вне соответствия с архаическим правом и родовым старшинством. Еще позднее на Руси утверждается со всей определенностью принцип наследования по вертикали (от отца к сыну). Хронологически этот процесс далеко выходит за рамки истории домонгольской Руси.

Возвращаясь к проблеме выбора имени, необходимо учитывать, прежде всего, следующие обстоятельства. Акт имянаречения сына — это выражение личной воли правителя, своеобразное «высказывание» князя, обращенное к современникам и потомкам. Именно такие «высказывания», наряду с княжескими завещаниями и другими правовыми текстами, и являются тем материалом, на основании которого можно судить о взглядах на преемственность власти. Однако воля отца, запечатленная в выборе имени, может как существенно опережать господствующие тенденции престолонаследия, так и демонстрировать крайний консерватизм, апеллировать к предшествующим обычаям передачи власти.

Анализируя механизмы выбора имени в той или иной династии, мы неизбежно сталкиваемся с соотнесением «должного» и «сущего», с тем, как представители правящего рода пытаются учитывать и прагматику реальной политической ситуации, и представление об идеальном порядке вещей. При этом, разумеется, представление о «должном» и тем более оценка «сущего» изменяются во времени. Иногда все эти изменения происходят на протяжении жизни одного человека. Рассматривая случаи наречения племянника тем же именем, которое уже носит его родной дядя по отцу, мы зачастую имеем дело с фиксацией именно таких быстро меняющихся ситуаций.

Действительно, имя дается новорожденному задолго до того, как он в реальности займет какое-либо место в иерархии власти. Старшие родичи пытаются воздействовать на его династическую судьбу, на судьбу своей ветви рода. Руководствуясь более или менее отчетливыми знаниями о текущей политической ситуации, они стремятся не только разглядеть смутные очертания будущего, но сформировать его желательным для себя образом. Личные качества ребенка еще не могут быть приняты в расчет, он является лишь точкой приложения различных династических чаяний.

Таким образом, выбор имени в известном смысле не менее важен, чем практика десигнации, т. е. назначение главного наследника при жизни прави-

---

1 См. [Назаренко 2000а. С. 500–519].

теля, или, скажем, чем «ряд», который князь дает всем своим сыновьям. При этом имянаречение представляет собой самостоятельный культурный механизм. Оно осуществляется в совершенно особых условиях, тесно связано с общеродовой традицией и призвано определить место каждого из наследников в будущей иерархии власти.

Как уже говорилось, наречение новорожденного именем живого дяди со стороны отца подразумевает наиболее непосредственную реакцию на текущую политическую ситуацию. Напомним еще раз о существовании в родовой традиции достаточно жесткого запрета на именование в честь живого предка по прямой линии, в первую очередь отца или деда[2]. При этом запрета на совпадение имен у родичей отдаленных в династии Рюриковичей не было. Дядя в этом отношении представлял собой, по-видимому, фигуру двойственную с точки зрения допустимости использования его имени.

В самом деле, с одной стороны, дядя был ближайшим кровным родственником по мужской линии после отца и деда, поэтому, коль скоро он был жив, использование его имени могло быть нежелательным. В то же время строгого запрета на такое использование, судя по всему, не было. Двойственное положение по отношению к детям брата дядя занимал и по другой причине. Действительно, именно он — в случае смерти брата — был потенциальным покровителем и защитником осиротевших племянников. При этом на протяжении всей известной нам домонгольской истории Рюриковичей дядья по отцу зачастую оказывались естественными врагами и конкурентами подрастающих сыновей своих братьев[3].

Можно было бы предположить, что в именах династической пары ‘дядя’ и ‘племянник’ отражается зарождающаяся борьба двух принципов престолонаследия: горизонтального (от брата к брату) и вертикального (от отца к сыну). Действительно, все возможные случаи совпадения имен живого дяди и племянника, по сути дела, сводятся к двум схемам. Племянник получает имя в честь живого дяди, или оба они называются в честь общего умершего предка. Первая схема, как кажется, устанавливает скорее особую связь дружбы и покровительства между старшим и младшим родичами. При реализации же второй схемы речь может идти, скорее, о конкуренции, своего рода вытеснении дяди из цепи преемственности наследников власти. Буквальное же разделение «на вертикаль и горизонталь», по-видимому, чрезмерно упрощает

---

2 Подчеркнем, что речь идет исключительно об исконных родовых именах князей, поскольку крестильные имена живых родичей как раз вполне могли совпадать. См. подробнее гл. IV, с. 140–142 и Экскурс № 1.

3 Как кажется, ни на одном этапе известной нам истории рода Рюриковичей мы не наблюдаем мирного сосуществования в рамках corpus fratrum. Коль скоро речь идет о земельном и властном разделе между князьями-братьями, речь идет и о борьбе между ними. Однако о включении в эту борьбу племянников мы можем по имеющимся у нас данным со всей определенностью говорить лишь с середины XI в., со времен сыновей и внуков Ярослава Мудрого.

дело. Специфика выбора имени выявляет существование иных, более сложных взаимоотношений внутри родовой ветви и всей обширной династии в целом. Эти сложные взаимоотношения, на наш взгляд, и оказывались зачастую более актуальны для княжеского рода в домонгольский период.

Соглашение между братьями: сыновья и внуки Владимира Мономаха

Пример закрепления дружеских отношений между родными братьями с помощью имянаречения сына одного из них можно наблюдать в уже неоднократно привлекавшей наше внимание семье Мстислава Великого. Одного из сыновей Мстислава Владимировича, как мы помним, звали *Ярополком* (см. табл. № 1 к настоящей главе). Упоминания о нем в летописи весьма немногочисленны[4]. Все они относятся к 1149 г., когда Ярополк Мстиславич помогает своим братьям Изяславу и Ростиславу в их борьбе с дядей Юрием Долгоруким. Если учесть, что этот князь никак не упоминается при описании событий, последовавших за смертью его отца, а в 1149 г. он фигурирует среди младших сподвижников и советчиков Изяслава Мстиславича (рядом с Владимиром Мстиславичем, родившимся незадолго до смерти Мстислава Великого)[5], естественно предположить, что Ярополк был одним из младших сыновей знаменитого князя. Вероятно, таким образом, из братьев он ближе всех по возрасту был к Владимиру Мстиславичу. Можно допустить даже, что он родился во времена киевского княжения своего отца, т. е. не ранее 1128 г.[6]

Как известно, между Мстиславом Владимировичем и его младшим братом Ярополком Владимировичем существовало определенное соглашение,

---

4 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 378, 380, 382].

5 «Изѧславъ же <...> нача думати съ бра^т^мъ свои^м^ Ростиславо и съ Изѧславомъ Дв҃двичемъ и съ бра^т^ма своима Володимеромъ и съ Ꙗрополко^м^...» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 381–382].

6 Скорее всего, Ярополк Мстиславич умер молодым, так как после 1149 г. он никак не упоминается в письменных источниках. Возникает вопрос, были ли у него дети. Никаких определенных данных на этот счет, как кажется, не существует. Косвенные же летописные свидетельства, скорее, указывают на то, что сыновей у него не было. Дело в том, что Ярополк Мстиславич был, видимо, князем поросским, во всяком случае в 1149 г. на помощь братьям, согласно летописи, он приходит «с поршаны» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 378], а в 1155 г. Юрий Долгорукий распоряжается Поросьем как своей волостью: он «тогды же сѣдъ раздаꙗ волости дѣтемъ Андрѣꙗ посади Вышегородѣ а Бориса Туровѣ Глѣба в Переꙗславли а Василкови да Поросье» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 478–479].

С другой стороны, в летописи несколько раз упоминается некий Василько Ярополчич (о нем см. подробнее ниже, примеч. ‡ на с. 109 к данной главе). Едва ли именно о нем идет речь в приведенном свидетельстве от 1155 г. — у Юрия был собственный сын по имени *Василько*. Однако полностью отрицать возможность существования у Ярополка Мстиславича сына Василько мы, как кажется, не можем.

скрепленное крестным целованием. Очевидно, этот «ряд» был самым непосредственным образом связан с распоряжениями их отца Владимира Мономаха:

«...акоже сѧ бѧше оуряди^л^ с брато^м^ свои^м^ Мстиславомь по ѡтню повелѣнью...»[7].

Деталей этого «ряда» между братьями мы не знаем, однако из летописного текста следует, что Мстислав заранее, договариваясь о передаче киевского стола, обязал Ярополка блюсти интересы его племянников:

«...оставивъ кн҃жение брату своему Ꙗрополку ему же и дѣти свои съ Бм҃ъ на руцѣ предасть»[8].

Из летописи известно, что по смерти брата Ярополк Владимирович стремился соблюсти условия договора и вынужден был искать компромисс между интересами старших племянников и собственных младших братьев[9]. Возможно, надежность заключенного договора подкреплялась еще и тем, что своих сыновей к тому времени у Ярополка, как кажется, не было, и потому не только племянники нуждались в его покровительстве, но и он был заинтересован в оказании им помощи.

Итак, перед нами случай почти идеального перенесения функций отца на родного дядю, причем это перенесение осуществляется по заранее заключенному договору. Ярополк Мстиславич со всей определенностью получает имя при жизни Ярополка Владимировича. На наш взгляд, трудно подыскать для этого имянаречения какой-либо иной прототип, кроме этого брата Мстислава Великого. Какого-либо другого недавно умершего Ярополка в ближайшей родовой перспективе не просматривается. Едва ли новорожденного Ярополка Мстиславича могли напрямую сопоставлять, выбирая ему имя, и с умершим в 1086/87 г. Ярополком Изяславичем (сыном Изяслава Ярославича)[10], в

---

7 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 301 под 1132 г.].

8 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 294 под 1133 г.].

9 Характерно, что летопись рассказывает о помощи Ярополка Владимировича во времена его киевского княжения Всеволоду и Изяславу, т. е. старшим племянникам. Владимир же, родившийся во времена киевского княжения своего отца, в связи с Ярополком не упоминается по понятным причинам: он был еще слишком мал в тот период, когда его дядя правил в Киеве. Так же, по-видимому, обстояло дело и с Ярополком Мстиславичем. См. табл. № 1 к настоящей главе.

10 В то же время фигура и судьба Ярополка Изяславича, вне всякого сомнения, играли определенную роль при наречении всех последующих князей *Ярополков*. По-видимому, предательское убийство этого князя произвело на современников и потомков большое впечатление. Летописец, как мы помним, уподобляет этого князя свв. Борису и Глебу, и его кончина описывается в рамках того же агиографического канона, с которым так или иначе связаны и описания убийства некоторых других князей, например Игоря Ольговича и Андрея Боголюбского.

честь которого когда-то был назван, по-видимому, его дядя Ярополк Владимирович[11]. Соперничество и союз с этой ветвью рода (Изяславичами) ко времени появления на свет Ярополка Мстиславича, скорее всего, утратили былую важность.

Возможно, Мстислав и Ярополк из всех братьев Мономашичей были наиболее тесным образом связаны друг с другом, и Мстислав всегда видел в Ярополке будущего покровителя своих детей и потому назвал одного из младших сыновей *Ярополком*. Мы, однако, склонны допустить, что акт наречения напрямую связан с возникновением пресловутого «ряда» между братьями, и, следовательно, княжич, как уже говорилось, появился на свет во времена киевского княжения своего отца, т. е. не ранее 1128 г.

Весьма показательно, что при жизни Ярополка Владимировича еще один родной племянник получает его имя. Речь идет о Ярополке Андреевиче. Его отец Андрей Владимирович Добрый приходился Ярополку Владимировичу младшим единокровным братом (см. табл. № 1 к настоящей главе). При этом старший сын Андрея был назван *Владимиром*, несомненно, в честь своего деда по отцовской линии. Мы не знаем точного времени появления на свет его младшего брата, интересующего нас Ярополка Андреевича, однако в летописи он впервые появляется под 1158 г.[12], а следующее упоминание о нем относится к 1160 г., когда он, среди других князей, отправляется под предводительством Мстислава Изяславича в поход на Туров[13]. Можно предположить, что этот младший сын одного из младших сыновей Владимира Мономаха родился в период киевского княжения своего дяди Ярополка Владимировича, или, во всяком случае, незадолго до вокняжения последнего в Киеве, когда Ярополк Владимирович уже воспринимался братьями как естественный преемник Мстислава Великого. Таким образом, два кузена Ярополка (Мстиславич и Андреевич) получают имена по сходным, но не вполне совпадающим причинам (см. табл. № 1 к настоящей главе). Чем же отличаются обстоятельства их имянаречения?

Подобно тому, как Мстислав Великий при жизни заключил «ряд» со своим братом Ярополком, подразумевающий прежде всего охрану интересов племянников, Андрей Владимирович также заключил соответствующий «ряд» с другим братом, Юрием Владимировичем Долгоруким. Ср. слова князя Юрия, обращенные в летописи к Владимиру Андреевичу, старшему сыну Андрея Доброго:

«...азъ есмь с твоимъ ѿцмь а съ свои^м^ братомъ Андрѣемъ хр^с^тъ цѣловалъ на томъ ꙗко кто сѧ наю ѡстанетъ то тыи буде^т^ ѡбоимъ дѣтемъ ѿць и волость оудержати а потомъ к тобѣ хр^с^тъ цѣловалъ есмь имѣти тѧ снмъ собѣ и Володимирѧ искати ны^н^ же сну аче ти есмь Володимирѧ не до-

11 См. гл. I, с. 19 нашей работы.

12 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 491].

13 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 510].

былъ а се ти волость и да ему Дорогобужь и Пересопницю и всѣ Погориньскиꙗ городы»[14].

Судя по летописному свидетельству, речь в этом «ряде» шла о помощи всем детям того из братьев, кто умрет раньше. Сам по себе этот «ряд» весьма любопытен, так как свидетельствует (вместе с рядом Мстислава и Ярополка) о регулярной практике подобного рода договоров и демонстрирует тот сплав семейного и политического, договорного начал, на котором строились отношения между князьями — родными братьями, или дядей и племянниками.

---

14 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 487–488 под 1158 г.]. Строго говоря, если племянники были достаточно взрослыми, речь могла идти даже о двух договорах. Первый заключался между братьями при жизни их обоих, тогда как второй имел место между осиротевшими племянниками и дядей. Договор второго типа уже в XII в., по-видимому, мог заключаться и в отсутствии первого. Так, Изяслав и Ростислав Мстиславичи, сыновья Мстислава Великого, прибегают к подобному соглашению с еще одним своим дядьев, Вячеславом Владимировичем (см. табл. № 1 к настоящей главе): «Изѧславъ посла оу Вышегородъ къ ѿцю своему Вѧчеславу и реч ему ѿце кланѧю ти сѧ а чо ми Бъ ѿца моего Мистислава ѿꙗлъ а ты ми еси ѡць ныи кланѧю ти съгрѣшилъ есмь и первое а того сѧ каю а изнова коли ми Бъ далъ побѣдити Игорѧ оу Кыева а ѧ есмь на тобѣ чсти не положилъ а потомъ коли оу Тумаща ныи же ѿце того всего каюсѧ пред Бмъ и пред тобою ѡже ми ѡче того ѿдаси ты то и Бъ ми ѿдасть нъи же ѿче ѡсе даю ти Киевъ поѣди сѧди же на столѣ дѣда своего и ѿца своего Вѧчеславъ же реч сну Бъ ти помози ѡже на мене еси чсть възложилъ то аще бы ты и давно тако оучинилъ то ци мене еси почстилъ Ба еси почстилъ аже дѣеши ты мои еси ѡць а ты мои и снъ оу тебе ѿца нѣту а оу мене сна нѣтуть а ты же мои снъ ты же мои братъ и на томъ хрстъ чстьныи целоваста ꙗко не разлучитси има ни въ добрѣ ни въ злѣ но по ѡдному мѣсту быти» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 417–418 под 1150 г.].

Изяслав и Ростислав Мстиславичи с определенного времени подчеркивают свои сыновние отношения со своим дядей Вячеславом Владимировичем, а тот, в свою очередь, охотно признает это почетное отцовство. Между племянниками и дядей был заключен договор с крестоцелованием на этот счет. С момента его заключения договор, очевидно, соблюдался заинтересованными сторонами. Однако не менее очевиден и «поздний» характер такого соглашения. Едва ли Мстислав Великий рассматривал брата Вячеслава в качестве основного покровителя своих детей. В этом отношении, как уже говорилось, он явным образом ориентировался на Ярополка Владимировича.

Роль Вячеслава оказалась достаточно своеобразной: под конец жизни он располагал не столько реальной властью, сколько символическими правами, связанными с его родовым старшинством в колене Мономашичей. В силу этого старшинства Вячеслав попеременно оказывается своего рода знаменем легитимности то для младшего брата Юрия [ПСРЛ. Т. I. Стб. 322–326 под 1149 г., 326 под 1150 г.], то для вполне взрослых племянников Мстиславичей в борьбе за киевский стол [ПСРЛ. Т. II. Стб 428–431, 437 под 1151 г.].

Для нас существенно, однако, что, заключая такой «ряд», Андрей Добрый не ограничился этой единственной гарантией прав своих детей. Младшего сына, как уже говорилось, он назвал в честь другого своего брата, Ярополка (см. табл. №№ 1, 2 к настоящей главе).

Кроме того, в летописи сохранились сведения о том, что один из сыновей Андрея, вероятнее всего Владимир, пользовался покровительством своего дяди Вячеслава Владимировича[15]. Показательно, что Вячеслав, надеясь на «старейшинство», при первой возможности захватил в обход племянника Изяслава город Владимир и отдал его под власть другого племянника «Андреевича». Он стремился, таким образом, предоставить наследнику Андрея Доброго тот же город, который позднее пытался добыть для этого же племянника Юрий Долгорукий. Можно предположить, что именно город Владимир изначально предназначался потомкам Андрея по договоренности между всеми братьями — сыновьями Мономаха. При этом Андрей, по всей видимости, лавируя в сложной политической ситуации, вступал в дополнительные соглашения с некоторыми братьями, и соглашения эти закреплялись в имянаречении его детей.

Как кажется, такая стратегия Андрея Владимировича Доброго оказывается сравнительно эффективной. Его старший сын Владимир пользуется покровительством своего дяди Юрия Долгорукого и действует с ним заодно. Что же касается младшего сына, Ярополка Андреевича, то о его участии в предприятиях Юрия ничего не известно. Предначертание же отца, заложенное в его имени, по-видимому, осуществилось на деле: Ярополк действовал заодно с Мстиславичами. Впрочем, и для Владимира Андреевича они также остаются потенциальными старшими союзниками[16]. Можно предположить, что все это вполне соответствовало замыслу их отца.

Действительно, Ярополк Владимирович умер тремя годами ранее, чем Андрей Владимирович Добрый (в 1139 г.). Речь не могла идти, таким образом, о буквальной передаче племянника Ярополка Андреевича на руки дяде. Скорее всего, это имя включало его в «дом» Ярополка, членами которого с некоторых пор становились и Мстиславичи. Важного места в княжеской иерархии он, по-видимому, никогда не занимал, на что, впрочем, ему и трудно было бы рассчитывать по рождению — он был младшим сыном, а его отец, Андрей Добрый, умер рано (в 1142 г.), когда Ярополк, по-видимому, был еще достаточно юным.

Итак, и Ярополк Андреевич, и Ярополк Мстиславич отдаются под покровительство могущественного дяди, киевского князя, который в летописи описывается как миротворец и братолюбец, искусно сводящий к минимуму конфликты между своими ближайшими родичами. Однако отец Ярополка Мстиславича, судя по всему, дает ему имя, располагая всеми властными привилегиями и намереваясь передать их своему младшему брату, тогда как Ан-

---

15 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 314 под 1146 г.].

16 Ср. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 510 под 1160 г.].

дрей Владимирович, будучи одним из самых младших сыновей в семье, заручается для своих детей поддержкой сразу двух своих старших братьев, Ярополка и Юрия.

Возвращаясь к договору между Андреем Добрым и Юрием Долгоруким, необходимо отметить, что и для семьи Юрия он отнюдь не прошел бесследно, хотя его детям и не пришлось на практике воспользоваться покровительством своего рано умершего дяди. Один из сыновей Долгорукого, по-видимому, третий по счету, был назван *Андреем* именно в честь этого родного дяди (см. табл. № 2 к настоящей главе)[17], который — переживи он Юрия Долгорукого — должен был, согласно договору, стать гарантом прав своих племянников. Можно допустить, что Андрей (Боголюбский), третий сын своего отца, и Владимир, первенец Андрея Доброго, родились приблизительно в одно и то же время, и тогда-то и был заключен пресловутый «ряд» между братьями Мономашичами. Разумеется, такое предположение — не более чем догадка. Однако именно эта последовательность событий объясняла бы, почему именно третий сын Долгорукого был назван в честь дяди, и почему Долгорукий заботился прежде всего об интересах своего старшего племянника[18].

Имя *Ярополк* у внуков и правнуков Мономаха

Несколько сложнее обстоит дело с наречением еще одного *Ярополка*, принадлежащего к следующему поколению Мономашичей — речь идет о Ярополке Изяславиче, внуке Мстислава Великого (см. табл. № 2 к настоящей главе). Можно предположить, что практика наречения одного из младших сыновей в честь живого дяди подхватывается потомством Мстислава. С определенной вероятностью Ярополк Изяславич родился при жизни брата своего отца Ярополка Мстиславича, о котором мы уже говорили выше (напомним, что Ярополк Мстиславич фигурирует в летописи лишь под 1149 г.). Есть все основания считать Ярополка Изяславича третьим сыном князя Изя-

---

17 Необходимо учитывать, что *Андрей* было христианским именем, принявшим на себя функции родового, княжеского (подробнее об этом процессе см. гл. IV, с. 122–131). Запрета на повтор крестильного имени живого родича (включая повтор крестильного имени живого отца) у Рюриковичей не существовало. При этом в случае с Андреем Добрым и Андреем Боголюбским христианское имя *Андрей* выполняло во взаимоотношениях дяди и племянника такую же функцию, как и любое родовое имя.

18 В определенном смысле связь между племянниками и дядьями не забывалась и после смерти. Ростислав, старший сын Юрия, умер при жизни своего отца, приблизительно через десять лет после смерти своего дяди Андрея Доброго. При этом в летописи его кончина и погребение описываются следующим образом: «Престависа Ростиславъ Гюргевичь Переяславли свитающи велицѣи пятницѣ и положиша и братьа Андрѣи Глѣбъ и Мстиславъ в цр҃кви ста҃г Михаила близь стрыа своего Андрѣа и С҃тослава» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 330 под 1152 г.].

слава. Впервые он упоминается в летописи под 1160 г.[19] Ярополк Изяславич участвует в военном походе вместе со своими братьями, Мстиславом и Ярославом, и назван в этом свидетельстве третьим по счету. Под 1161 и под 1162 гг. он упоминается как второй при своем брате Ярославе[20]. При этом, однако, необходимо учитывать ряд обстоятельств, как будто бы противоречащих ситуации наречения в честь живого дяди или, во всяком случае, существенно ее уточняющих.

Во-первых, Ярополка Мстиславича вполне могло не быть на свете к моменту рождения племянника. После 1149 г. он раз и навсегда исчезает со страниц летописи. Если предположить, что он умер вскоре после похода, датируемого этим годом, его племянник, родившийся после смерти дяди, к 1160 г. в принципе мог бы участвовать в военной операции под началом старших братьев ‡.

Во-вторых, даже если Ярополк Изяславич родился до смерти Ярополка Мстиславича, то, как кажется, у Изяслава могло и не быть каких-либо специальных оснований называть сына в честь собственного единокровного младшего брата, не располагающего значительным уделом и не имеющего — при столь обильной и могущественной родне — никаких особенных перспектив на продвижение в княжеской иерархии.

При этом имя мальчика могло апеллировать к памяти его умершего двоюродного деда, киевского князя Ярополка Владимировича, послужившего прототипом, как уже говорилось, и для наречения Ярополка Мстиславича. Кроме того, вновь могли оживать реминисценции, связанные с событиями конца XI в., с родом князя киевского Изяслава Ярославича (см. табл. № 2 к настоящей главе). Дело в том, что новорожденный Ярополк становился полным тезкой предательски убитого Ярополка Изяславича-старшего. Как уже указывалось, политическую актуальность эти давние события для потомков Мономаха уже утратили, но в родовой традиции совпадения не только имен, но и отчеств предка и потомка имели своеобразную самостоятельную ценность, тем более что Ярополк Изяславич-старший был первым сыном киевского князя, а Ярополк Изяславич-младший, по-видимому, лишь третьим сыном своего отца. Такое совпадение имен и отчеств предка и потомка могло считаться весьма почетным.

Разумеется, если Ярополк Мстиславич к моменту рождения племянника был еще жив, едва ли его существование полностью игнорировалось братом Изяславом при имянаречении ребенка. Использование имени живого дяди не было запретным (тем более что в предыдущем поколении семьи такая практика присутствовала). Возможно, установление связи с дядей могло трактоваться как небесполезное для племянника, а тот факт, что он был существенно младше отца ребенка, мог иметь двоякое значение. С одной стороны, как уже говорилось выше, Ярополк Мстиславич занимал скромное место в кня-

---

19 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 510].

20 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 516, 517].

жеской иерархии. С другой стороны, он имел шансы намного пережить своего старшего брата Изяслава и в течение долгих лет оказывать поддержку его детям, своим племянникам. Совпадение имен двух более знаменитых умерших родичей Ярополков и одного живого родича, дяди новорожденного, в этом случае не вело к антропонимическому конфликту, а скорее давало дополнительные основания для наречения сына Изяслава Мстиславича именем Ярополк.

Преемственность договорных отношений между князьями нескольких поколений

Итак, соглашение между взрослыми братьями было одним из важнейших элементов в целой цепи договоров и волеизъявлений, связывающих несколько поколений одного княжеского рода. Действительно, такое соглашение могло заключаться непосредственно после смерти отца договаривающихся братьев. В этом случае их соглашение подтверждало ряд, выраженный в предсмертной воле отца, или было направлено на изменение условий отцовского ряда.

Подобные соглашения могли, по-видимому, несколько раз пересматриваться и перезаключаться на протяжении жизни братьев. При этом они не просто были обращены в будущее, но и содержали в себе элементы завещательного характера, так как предусматривали возможность смерти одного из участников и оговаривали судьбу его детей и условия попечительства над ними. Непосредственно перед смертью кто-то из братьев мог оставить отдельное завещательное распоряжение, в той или иной степени апеллирующее к его договору с остальными братьями, а, возможно, и к ряду, данному им отцом.

Позднее подросшие племянники могли заключить еще один договор со своим дядей-покровителем. Этот новый договор призван был подтвердить или вновь определить и развить «сыновство» племянников по отношению к дяде. Можно предположить, что подобного типа договоры между старшими и младшими родичами задают образец для последующих договорных оснований княжеской иерархии. В определенном смысле родовая традиция делала возможным «отцовство» каждого старшего родича (в первую очередь, дядьев по отцу) по отношению к осиротелым младшим. Династическая же договорная практика избирала и закрепляла наиболее актуальные из всех возможных вариантов. Разумеется, далеко не всегда при этом все связи между несколькими поколениями князей прослеживаются в полной цепочке договоров, и далеко не все договоры подобного рода запечатлеваются в имянаречении. Как уже упоминалось, договор между дядей и племянниками мог, вероятно, быть заключен и в отсутствии соответствующего договора между покойным отцом князей и его братом.

Ряд между братьями, определяющий, в частности, судьбу детей, мог заключаться незадолго перед смертью одного из братьев и выполнять, по-видимому, заодно и функцию его завещания. Впрочем, в этом случае речь могла, кажется, идти о гарантиях невмешательства дяди в наследие племянни-

ков, а не о покровительстве им. Именно так, судя по всему, обстояло дело у внуков Мстислава Великого, сыновей Изяслава (см. табл. № 3 к настоящей главе). Мстислав Изяславич, тяжело заболев во Владимире, «нача слати къ брату Ꙗрославу рѧдовъ дѣля ѡ дѣтехъ своихъ оурѧдивса добрѣ съ братомъ и крстъ цѣловавъ ꙗкоже ему не подозрѣти волости подъ дѣтми его»[21].

Вскоре после заключения этого ряда Мстислав Изяславич скончался. При жизни Ярослав Изяславич был постоянным союзником своего брата Мстислава. Имя этого брата не исчезло из именослова — одного из младших детей (во всяком случае, не старшего) Ярослава звали *Мстислав*. Впервые он упоминается в летописи под 1183 г., когда отправляется в общекняжеский поход против половцев, находясь при своем брате Всеволоде Ярославиче[22]. Точно определить время рождения Мстислава Ярославича невозможно, но в 1183 г. он не мог быть совсем маленьким ребенком (коль скоро принимал участие в походе). Если же верить приведенному в летописи описанию битвы с татарами, в 1223 г. Мстислав Немой был еще достаточно крепок, чтобы лично принимать участие в битве[23].

При всей широте подобных хронологических рамок появление на свет племянника Мстислава Изяславича, Мстислава Ярославича Немого (см. табл. № 3 к настоящей главе), допустимо отнести приблизительно к тому времени, когда его дядя и тезка умирает. В таком случае выбор имени для этого княжича вполне мог быть обусловлен договором между братьями, как бы скреплять этот договор. Правда, княжич мог быть назван не в честь живого дяди, а в честь дяди, совсем недавно умершего. Это, с одной стороны, вполне соответствовало бы родовой практике вообще, а, с другой стороны, могло служить для кузенов новорожденного залогом соблюдения воли их отца и невмешательства дяди в «волости» племянников.

Разумеется, такое построение достаточно гипотетично: Мстислав Немой мог появиться на свет и за несколько лет до смерти дяди. Строго говоря, его имянаречение могло быть связано с каким-то из предыдущих соглашений между братьями-союзниками. Тем не менее общая линия взаимоотношений и стратегии имянаречения у Изяславичей представляется достаточно ясной и последовательной. Между братьями существует упоминающийся в летописи ряд, в котором оговариваются права детей и обязательства дяди. Отношения между дядей и племянниками остаются мирными, при этом один из младших сыновей договаривающихся братьев назван в честь другого брата.

Рассмотрим еще один пример имянаречения племянников, связанного с «рядом» между их отцами и дядьями, еще один пример оставления племянников «на роуцѣ» дяде, тезке одного них. Мстислав Ростиславич, внук Мстислава Великого, умирая, оставляет следующее распоряжение:

---

21 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 559 под 1172 г.].

22 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 631].

23 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 507–508].

«се приказываю дѣтѧ своє Володимѣра Борисови Захарьичю и съ симъ даю братоу Рюрикови и Дв҃дви с волостью на роуцѣ а что ѡ мнѣ Бъ҃ промыслить и тако приказавъ дѣти свои братьѣ своєи и воздѣвъ роуцѣ на н҃бо и воздохноувъ из лоубины ср҃ца прослезивсѧ и предасть дш҃ю свою в роуцѣ Бж҃иѣ престави же сѧ кнѧзь Мстиславъ сн҃ъ Ростиславль внoукъ великаго кн҃зѧ Мьстислава м҃ца июнѧ въ г҃і ст҃ыꙗ мч҃нца Анкюлины въ дн҃ь пѧтничныи...»[24].

Обратим внимание, что Мстислав оставляет детей на попечение своих родных братьев Рюрика и Давыда. При этом у Давыда к моменту его смерти были сын по имени *Мстислав*, тезка своего родного дяди[25] (у Рюрика же, насколько нам известно, *Мстислава* не было). В свою очередь, у самого Мстислава Ростиславича был сын Давыд, тезка одного из живых дядьев, которым отец завещал попечение о своих сыновьях. Таким образом, есть основания полагать, что трое из братьев — Рюрик, Давыд и Мстислав — заключают при жизни некую договоренность, касающуюся попечения о детях в случае смерти кого-нибудь из них. Это соглашение скрепляется своеобразным «антропонимическим союзом» (см. табл. № 4 к настоящей главе)[26]. Давыд, который, вероятно, был ближайшим к Мстиславу Ростиславичу по возрасту, дает своему сыну имя *Мстислав*, которое одновременно является именем их прославленного умершего деда (Мстислава Великого), целого ряда их умерших родичей и именем его ныне живущего брата (Мстислава Ростиславича), возможного покровителя его детей[27]. Мстислав Ростиславич же называет своего

---

24 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 609 под 1179 г.].

25 В 1187 г. этот Мстислав Давыдович умирает [ПСРЛ. Т. II. Стб. 654–655]. Показательно, однако, что когда у Давыда в 1193 г. рождается еще один сын, он называет его *Мстиславом*: «Тое же зимы родисѧ оу Дв҃два сн҃ъ нарекоша во крщ҃нии Феѡдоръ а кнѧже Мьстиславъ» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 679]. Наречение этого княжича свидетельствует о том, сколь большое значение придавалось имени *Мстислав* в семье Давыда (см. табл. № 4 к настоящей главе). Новорожденный, благодаря своему имени, связан с чередой умерших родичей: прадедом (Мстиславом-Федором Великим), родным дядей (Мстиславом Ростиславичем) и собственным старшим братом (Мстиславом Давыдовичем).

26 Не исключено, что некая договоренность о наследовании земель существовала между всеми братьями Ростиславичами, подобно тому как она существовала в поколении их дедов, сыновей Владимира Мономаха. При этом между некоторыми из братьев могли иметь место и дополнительные дружественные союзы в рамках этого общего соглашения, закрепляемые в имянаречении детей.

27 Как известно, сын *Мстислав* был и у Романа Ростиславича (Мстислав-Борис) (см. табл. № 4 к настоящей главе). Естественно было бы предположить, что соглашение между братьями о покровительстве племянникам изначально распространялось и на этого самого старшего из Ростиславичей. Почему же Роман не упомянут в предсмертном распоряжении Мстислава Ростиславича? Вслед за С.М. Соловьевым можно допустить, что причиной тому была размолвка между братьями [Соловьев

сына (по-видимому, второго)[28] — в связи с все тем же соглашением — *Давидом*, в честь одного из своих живых братьев.

Волею судьбы именно Мстиславу Ростиславичу суждено было первым воспользоваться договоренностью и завещать своих детей (вместе с волостью) «на роуцѣ» дядьям. Рюрик Ростиславич, судя по всему, выполнил взятые на себя обязательства и принял на свое попечение племянников. Во всяком случае, полки княжича Владимира под предводительством упомянутого в предсмертном распоряжении Бориса Захарьича действуют в качестве младшей дружины по указаниям Рюрика Ростиславича[29]. Со временем Владимир и Давыд Мстиславичи вступили во владение волостями (одного из них мы видим князем новоторжским, а другого — князем торопецким).

По-видимому, договор между братьями во многом был соблюден с редкой последовательностью и буквальностью. Давыд Ростиславич, принимая постриг перед смертью, оставил смоленский стол своему «сыновцу» Мстиславу Романовичу, «а сна своего Костантина в Роусь посла братоу своемоу Рюрикови на роуцѣ»[30].

Как мы убедились, внутрисемейный договор между ближайшими родичами, с одной стороны, подразумевал достаточно длительную перспективу, а, с другой стороны, нуждался в периодическом возобновлении, не только в тех случаях, когда умирал кто-то из старших родичей, но и тогда, когда дети, оставленные на попечение старших, подрастали и становились самостоятель-

---

1988. С. 579, 707–708. Примеч. 388]. Кроме того, Роман очень ненадолго пережил своего брата и умер в 1180 г. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 616–617]. В принципе не исключено, что Мстислав знал о болезни брата и мог предвидеть его скорую кончину.

28 Подробнее о старшинстве детей Мстислава Ростиславича, и в частности, о появлении на свет его сына Мстислава см. Экскурс № 1.

29 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 621–622 под 1180 г.].

30 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 704–705]. Как мы помним, у Давыда был и еще один сын, Мстислав-Федор, которому к тому времени было около четырех лет (см. табл. № 4 к настоящей главе). Однако в летописном тексте, посвященном его завещательному распоряжению, упоминается о передаче на попечение только одного сына, Константина. Точно так же, как мы помним, в завещательном распоряжении его родного брата, Мстислава Ростиславича, упоминается о передаче на попечение дядьям только Владимира, тогда как в дальнейшем в летописи фигурируют еще двое его сыновей, Давыд и Мстислав. По-видимому, в такого рода распоряжении принято было упоминать только старших из малолетних детей или тех, кто был близок к возрасту «княжеской дееспособности». Те же мальчики, которые, подобно трех-четырехлетнему Мстиславу-Федору Давыдовичу, еще не участвовали в жизни рода (даже под руководством старших), могли в таких текстах специально не выделяться. Невозможно сказать, попадали ли они под покровительство дяди заодно со старшими братьями или оставались на попечении матери, но во всяком случае при благоприятном развитии событий впоследствии они не исключались полностью из родового счета и не лишались властных родовых прав.

ными политическими фигурами. Условно говоря, несколько взрослых братьев договаривались друг с другом о разделе властных полномочий и об охране интересов детей каждого из них, апеллируя к некогда высказанной воле своего отца. Позднее же подросшие племянники, внуки одного деда, так или иначе могли подтвердить договор, заключенный родичами предыдущего поколения, их отцами и дядьями.

Нередко, как в рассмотренном нами случае с Ростиславичами — Мстиславом, Давыдом и Романом, — договор о попечении над племянниками заключался не с одним, а с несколькими родными братьями. Такое положение дел создавало в будущем некоторое «пространство для маневра», позволяло племянникам лавировать между могущественными дядьями и пренебрегать теми, чья помощь не сулила особенной пользы.

Из летописи известно, что вскоре после смерти Всеволода Большое Гнездо между его старшими сыновьями заключались договоры, касавшиеся распределения волостей. Отношения между братьями первое время были весьма напряженными, ситуация то и дело менялась, соглашения заключались и перезаключались несколько раз. Как кажется, по выбору имен для детей старших Всеволодичей можно проследить, когда и кому отдавались под покровительство племянники, как складывалось соотношение сил в противостоянии братьев, как со временем это противостояние переходит в некое равновесие, а в дальнейшей родовой перспективе внутрисемейная распря вовсе теряет актуальность. Собственно говоря, ко времени смерти Всеволода Большое Гнездо сыновья были, по-видимому, только у одного, самого старшего брата — Константина Всеволодича. О судьбе его детей в основном и пойдет речь ниже (см. табл. № 5 к настоящей главе).

Для рассказа о судьбе детей Константина Всеволодича весьма существенно, кто именно из их дядьев заключал «поряды» в 1212 — 1217 гг. Действительно, на первый взгляд, может показаться, что после смерти их отца Константина в 1218/19 г.[31] племянники целиком и полностью остаются на руках своего дяди, Георгия, следующего по старшинству из оставшихся сыновей Всеволода Большое Гнездо. Именно этот дядя упоминается в предсмертной воле Константина, зафиксированной в летописи:

«...ꙗко ѿшествиѥ моѥ близь приближаеѥтсѧ ѿ свѣта сего и се поручаю ва^с^ Бу҃ и прч^с^тѣи ѥго Мт҃ри и брату и г^с^ну Гюргю»[32].

Именно Георгий ходит с племянниками в военные походы[33] и посылает их в самостоятельные военные экспедиции[34]. Георгий Всеволодич же устраивает их матримониальные дела[35]. Что еще более существенно с точки

31 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 442].
32 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 442].
33 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 448, 451–452].
34 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 446, 450].
35 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 450].

зрения истории рода, в летописном тексте молитва покойного отца (Константина) и живого стрыя (Георгия) одинаково действенны при спасении одного из племянников, Василько Константиновича, от гибели:

«Се же слышавъ Василко приключьшеєсѧ в Руси възвратисѧ ѿ Чернигова схраненъ Бо҃мь и силою кр^с^та ч^с^тнаго и млт҃вою ѡц҃а своюго Костѧнтина и стрыꙗ своюго Геѳргиꙗ»[36].

Словом, Георгий Всеволодич в максимально возможной мере занимает для племянников место отца, действуя в полном соответствии с заключенным когда-то договором и завещанием Константина.

Между тем уже в 1213 г. в договорах с Константином принимал участие и следующий по возрасту брат Константина и Юрия, Ярослав Всеволодич (см. табл. № 5 к настоящей главе):

«приходи Юрги кнѧ^з^ съ Ꙗрославо^м^ к Ростову и оумиришасѧ с Костѧнтино^м^ и разидошасѧ кождо в своꙗ си <...> Во второє приходи Юрги съ Ꙗрославо^м^ к Ростову и створша порѧдъ с Костѧнтино^м^»[37].

Говоря о закреплении договорных отношений в именах детей, можно упомянуть то обстоятельство, что в летописи фигурирует сын князя Ярослава по имени *Константин*. Мы не знаем, правда, родился ли он при жизни или после смерти своего дяди-тезки, Константина Всеволодича[38]. При этом не возникает никакого сомнения, что Константин Ярославич был назван именно в честь этого родича.

Для сыновей Константина переход под покровительство другого дяди — Ярослава — оказывался вполне возможным и естественным, и эта возможность не остается нереализованной. Племянники становились своего рода «разменной монетой» в отношениях между двумя Всеволодичами:

«Того^ж^ лѣ^т^ Ꙗрославъ оусумнѣсѧ брата своюго Юргѧ слушаꙗ нѣкыихъ льсти и ѿлучи ѿ Юргѧ Костѧнтиновичи г҃ Васїлка Всеволода Володимера и мыслашеть противитисѧ Юргю брату своюму но Бъ҃ не попусти лиху быти»[39].

---

36 См. [ПСРЛ. Т. I. С. 447 под 1223 г.]. Об «отней молитве» см. еще гл. IV, примеч. 57 на с. 126. Строго говоря, описание молитвы умерших родичей в летописи тесно соприкасается с описанием молитвы живых родителей за своих детей. Так, Андрей Добрый надеется на силу молитвы своего отца Владимира Мономаха [ПСРЛ. Т. II. Стб. 287–288 под 1123 г.], а его тезку и племянника, Андрея Боголюбского, спасает от половцев молитва родителей [ПСРЛ. Т. I. Стб. 333, 334], причем один из этих родителей, Юрий Долгорукий, в ту пору, несомненно, был жив.

37 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 437–438 под 1212 и 1213 гг.].

38 Первый раз Константин Ярославич упоминается в летописи под 1239 г. в перечислении сыновей [ПСРЛ. Т. I. Стб. 439].

39 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 451–452].

По-видимому, восстановление status quo в отношениях между братьями и племянниками требовало некоторой формальной процедуры, оно подтверждалось крестным целованием[40], что лишний раз демонстрирует договорной характер такого рода отношений.

Однако были ли племянники отданы под покровительство Юрия и Ярослава в договорах, заключенных непосредственно после смерти Всеволода Большое Гнездо? Для ответа на этот вопрос необходимо подробнее вспомнить расстановку сил в семье после смерти их деда (см. табл. № 5 к настоящей главе). Старший, владимирский стол получил отнюдь не Константин, а его младший брат Георгий. Ярослав — третий по старшинству — выступает в ту пору как союзник Георгия. Что же касается младших сыновей Всеволода Большое Гнездо, то их позиции, согласно описанию Воскресенской летописи, довольно неустойчивы. Святослав Всеволодич уезжает к Константину в Ростов, Иван остается при Георгии, тогда как Владимир сперва поддерживает Георгия, однако вскоре (после заключения братьями мира у Ростова) переходит на сторону Константина[41]. При этом бывший при Константине Святослав уходит от него и, вступив в союз с Георгием, получает от него Юрьев-Польский.

Иными словами, в определенный момент Владимир-Дмитрий оказывается единственным союзником своего старшего брата Константина Всеволодича. По-видимому, именно Константин наделяет его волостью — первоначально Владимир идет «на Волок», а затем Константин посылает его в Москву. Георгий же, по собственному произволу или по новому соглашению, заключенному между старшими братьями, выводит Владимира из Москвы и посылает в Переяславль-Русский[42].

В этих условиях, когда Константин и Георгий борются за власть и, в частности, за право распределять столы между младшими родичами, Константин очевидно и заключил определенного рода соглашение с Владимиром-Дмитрием, четвертым по старшинству братом. Договор между ними явным образом закрепляется при помощи имянаречения. Родившийся на следующий год, третий по счету сын Константина получает княжеское имя *Владимир*, а крестильное *Дмитрий*, и становится, таким образом, полным тезкой своего дяди (см. табл. № 5 к настоящей главе)[43]. Симптоматично, что Кон-

---

40 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 452].

41 См. [ПСРЛ. Т. VII. С. 118]; ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 437].

42 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 438].

43 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 438 под 1214 г.]. Разумеется, имя *Владимир* могло быть дано ребенку и в честь прадеда, Владимира Мономаха. В какой-то степени так оно и было, поскольку, как мы помним, имя связывает ребенка со всеми предками-тезками. Однако, если говорить о непосредственном прототипе, то им, несомненно, был дядя княжича — Владимир-Дмитрий Всеволодич. Действительно, имя прадеда было «вакантно» уже очень давно, Константин мог назвать в честь него своего старшего сына, что он в определенном смысле и сделал, дав ему крестильное имя прадеда *Василий*. Второй сын Константина получил имя родного деда, *Всеволод*, незадолго до

стантин ведет себя в этом случае совершенно так же, как и его дед, Юрий Долгорукий, называя в честь младшего брата одного из своих младших сыновей.

Был ли какой-либо фрагмент, оговаривающий судьбы детей, также и в договорах, заключенных 1212 — 1213 гг. между Константином, Георгием и Ярославом? Определить это достаточно трудно. Сын, родившийся у Георгия в том же 1213 г., становится тезкой не кого-либо из дядьев, а своего деда — он нарекается *Всеволодом-Дмитрием* (см. табл. № 5 к настоящей главе). Но если учесть, что этот ребенок, судя по всему, был старшим сыном своего отца (Георгий женился в 1211 г.[44], и о наличии у него других детей до 1213 г. мы ничего не знаем), то такое имянаречение представляется более чем закономерным при любых условиях его договора с братьями. Тем не менее ситуацию, в которой братья ведут переговоры, трудно назвать мирной. Во всяком случае трудно предположить, что условия попечительства над племянниками (если о таком попечительстве вообще шла речь) могли оставаться неизменными до самой смерти Константина Всеволодича. Можно допустить, что на каком-то этапе в качестве возможного попечителя племянников, сыновей Константина, мыслился преимущественно Владимир-Дмитрий.

Нам практически ничего не известно о каком-либо реальном покровительстве, которое Владимир Всеволодич оказывал бы своим племянникам. Отчасти в том не было прямой необходимости, так как в 1217 г. отношения между Константином и Георгием изменились, племянники оказались при своем старшем дяде. При этом они не пережили Георгия, а Владимир Всеволодич умирает достаточно рано (в 1227 г.). Кроме того, «династическая карьера» самого Владимира Всеволодича оказалась несколько неожиданной. К 1213 г. он был еще неженат и бездетен, но при этом уже считался взрослым и полноценным членом рода (род. в 1194 г.[45]). Получив во владение Переяславль, он в 1215 г. женится на дочери князя Глеба Святославича, о его детях ничего не известно, вероятнее всего, сыновей у него не было[46]. Вскоре после женитьбы Владимира Всеволодича постигает военная неудача: в тяжелой

смерти последнего, что противоречило исконной родовой традиции. Младший же сын Константина, как уже говорилось, становится тезкой своего дяди как по княжескому, так и по крестильному имени.

Строго говоря, тезкой своего живущего дяди, Ивана Всеволодича, был и средний сын Константина Всеволодича, однако у него с дядей совпадали лишь крестильные имена. Оба они были *Иоаннами*, но у дяди христианское имя было, по-видимому, единственным и выполняло функцию родового, тогда как у племянника, как уже говорилось, было еще и отдельное родовое имя *Всеволод*. Подробнее об этом имянаречении см. гл. IV, с. 158–161, примеч. 150.

44 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 435].

45 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 411–412].

46 Во всяком случае, когда в 1238 г. Ярослав Всеволодич становится великим князем владимирским, он отдает Стародуб своему самому младшему брату Ивану [ПСРЛ. Т. I. Стб. 467].

битве с половцами он попадает к ним в плен. На несколько лет этот князь как бы выпадает из жизни рода, и это выпадение оказывается обратимым лишь отчасти. Когда в 1218 г. Владимир возвращается «к братьѣ своюи», внутрисемейная политическая ситуация выглядит уже совершенно иначе. Константин, победив в противостоянии своих братьев, сидит на владимирском столе, их отношения с Юрием, по-видимому, окончательно приобретают мирный характер, помощь Владимира-Дмитрия теряет для старшего брата актуальность. По возвращении Владимир-Дмитрий не получает назад своего Переяславля[47], но лишь Стародуб и «ину властьцю»[48], однако его отношения с братьями остаются достаточно ровными. Таким образом, есть основания полагать, что место этого князя в родовой иерархии оказывается более скромным, чем до пленения, но все же вполне достойным.

В том же (1218) году у Георгия рождается еще один сын. В Лаврентьевской летописи, упоминающей о его рождении, имя княжича пропущено:

«Родисѧ сн҃ъ кнѧзю Геѡргию и нарекоша имѧ ѥму въ ст҃омь крш҃ньи»[49].

При этом известно, что кроме родившегося в 1213 г. Всеволода у князя Георгия было еще двое сыновей — Мстислав и Владимир (см. табл. № 5 к настоящей главе). Время их появления на свет неизвестно, с наибольшей вероятностью, в летописном свидетельстве 1218 г. речь идет о рождении одного из них. Если в тексте имеется в виду Владимир Георгиевич, то такое имянаречение вполне может быть приурочено к благополучному возвращению его родного дяди, Владимира Всеволодича, из половецкого плена.

Не исключено, впрочем, что Георгий выбрал это имя для своего сына, оттесняя Владимира-Дмитрия Всеволодича на периферию рода из-за его пленения, бездетности или по каким-либо иным причинам. Однако подобная версия представляется нам менее вероятной, чем наречение в честь живого дяди, тем более что Владимир Георгиевич был одним из младших сыновей своего отца, а, с другой стороны, его отец, Георгий Всеволодич, и дядя, Владимир Всеволодич, жили в мире до самой смерти последнего[50].

Наиболее полно идея покровительства дяди по отношению к племянникам воплощена, разумеется, в отношениях сыновей Константина и его брата Георгия (см. табл. № 5 к настоящей главе). Вероятнее всего, такая близость возникла благодаря соглашению или соглашениям, заключенным в 1217 — 1218 гг. В 1217 г., после поражения Георгия и Ярослава, Константин заклю-

---

47 В Переяславле остается старший брат Владимира, Ярослав Всеволодич.

48 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 442].

49 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 441].

50 В 1224 г. старший брат, Георгий Всеволодич, в частности, посылает Владимира Всеволодича вместе с одним из племянников (Всеволодом Константиновичем) в военный поход [ПСРЛ. Т. I. Стб. 447]. При этом после 1218 г. мы вообще ничего не знаем о каких-либо самостоятельных предприятиях Владимира Всеволодича.

чил с ними договор, по-видимому, хотя бы в какой-то мере устраивавший обе стороны:

«но пакы Бъ и крстъ чстныи и млтва ѡца ихъ и дѣдна введе ꙗ в великую любовь и сѣде Костантинъ в Володимери на столѣ а Юрги Суждали и быс радос велика в земли Суждальстѣи а дьꙗволъ єдинъ плакаше своєꙗ погыбели»[51].

В следующем году, еще при жизни, Константин раздает столы двум своим старшим детям. Первенцу, Васильку Константиновичу, достается Ростов, а Всеволоду Константиновичу — Ярославль. Константин не пытается закрепить за своими совсем юными сыновьями владимирский стол: он должен перейти к его брату Георгию. Георгий же должен всячески поддерживать своих племянников.

Иными словами, реализуется приблизительно та же схема, что и в договоре между сыновьями Мономаха, Мстиславом и Ярополком (см. табл. №№ 1, 2 к настоящей главе). Мстислав собственноручно отдает старший стол не сыновьям, а брату, при этом брат берется оказывать особое покровительство племянникам. Характерно в этом отношении, что Василько Константинович получает именно Ростов, т. е. тот стол, которым его отец владел еще при жизни деда. Правда, в случае с Константином, Георгием и Ярославом ситуация осложняется тем, что у младших братьев были собственные дети. Можно думать, что Константин также брался оказывать покровительство своим племянникам подобно тому, как это практиковалось в соглашении Романа, Давыда, Рюрика и Мстислава Ростиславичей (см. табл. № 4 к настоящей главе). Однако главной в только что стабилизировавшейся ситуации, как кажется, могла быть линия ‘сыновья старшего князя — братья старшего князя’. Весьма вероятно, что подобные отношения между дядьями и племянниками оговаривались уже в соглашении 1217 г., а завещание Константина, относящееся к 1218 г., лишь апеллирует к ним и подтверждает их.

Возможно, впрочем, болезнь и предвидение скорой смерти заставили Константина поспешить с вокняжением сыновей в Ростове и Ярославле и еще раз, особым образом, оговорить их отношения именно с Георгием, самым старшим из дядьев. Подчеркнем, что Георгий, несмотря на все столкновения с Константином при жизни последнего, полностью принимает Константиновичей «на руки» после его смерти.

Имена племянников упоминаются в летописи рядом с именем Георгия Всеволодича едва ли не чаще, чем имена его родных сыновей. Как известно, дядя и три его племянника сражались с татарами на реке Сити. Двое из них погибли, причем Василько был взят в плен и принял мученическую кончину от рук татар. Весьма показательно, что пока летописец рассказывает о жизни Константиновичей он регулярно называет их «сыновцами» Георгия, а самого Георгия их «стрыем». Таким образом, племянники максимально сближены с дядей, но все же отделены от его родных сыновей. Когда же речь заходит об

---

51 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 440].

их кончине, то Георгий именуется «отцом» Василька и Всеволода Константиновичей[52]. Не исключено, впрочем, что такое словоупотребление в летописи связано с тем, что у Георгия к моменту кончины уже не оставалось в живых ни одного родного сына. По-видимому, все его сыновья погибли при взятии татарами Владимира, которое произошло незадолго до битвы на реке Сити[53].

Любопытно, что у двух старших сыновей Всеволода Большое Гнездо значительная часть детей становятся тезками. У каждого из них есть по сыну *Всеволоду* и по сыну *Владимиру* (см. табл. № 5 к настоящей главе). При этом третий брат, Ярослав Всеволодич, придерживается в имянаречении своих сыновей несколько иной антропонимической линии. Тем не менее у каждого из трех при наречении сыновей задействуются имена кого-либо из братьев, родных дядьев новорожденных (ср. Владимир Константинович, Владимир Георгиевич, Константин Ярославич).

Приведенные выше примеры наречения ребенка в честь живого дяди позволяют сделать некоторые предварительные выводы о том, каким образом это могло происходить в ветви рода, занимающей в течение нескольких поколений высшее место в княжеской иерархии. Напомним, что речь шла об эпохе, когда прямые потомки Мономаха весьма успешно борются за киевский стол, который не успел еще потерять своего главенствующего значения. При таком положении дел наречение в честь живого дяди связано с неким соглашением между братьями, соглашением, порой принимающим форму договора с крестоцелованием, а порой ограничивающимся, по-видимому, некоторой менее строгой договоренностью. Подобного рода договор отдает под покровительство дяди всех племянников. Имя же в честь дяди получает один из младших, не являющийся главным претендентом на родовое наследие. Не исключено, что его имянаречение непосредственно связано со временем заключения соглашения между братьями. Имя новорожденного призвано послужить своего рода виртуальной гарантией того, что дядя, оказавшийся его тезкой, не оставит племянников после смерти брата, а старшие племянники, в свою очередь, не станут действовать против дяди.

При реализации такой схемы племянник, названный в честь дяди, разумеется, не претендует при жизни последнего на его место в княжеской иерархии. В описанных выше ситуациях дядя, скорее, призван обеспечить всем племянникам (и, в первую очередь, старшим из них) наиболее высокую роль в иерархии среди людей их поколения. Иными словами, он должен был позаботиться о том, чтобы другие братья не ущемляли их прав и чтобы по воз-

---

52 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 467].

53 В этой связи можно вспомнить о сходной ситуации в другом поколении Мономашичей. Оставшийся без родных сыновей Вячеслав Владимирович называется «отцом» своих взрослых племянников Изяслава и Ростислава Мстиславичей, а они, соответственно, его «сыновьями» (см. табл. № 1 к настоящей главе).

можности им было отдано предпочтение перед всеми кузенами. Разумеется, и такой «ряд» и, тем более, такое имянаречение могли отражать лишь пожелание того, кто выбирал имя, и коль скоро эти пожелания были направлены в отдаленное будущее, они далеко не всегда осуществлялись на практике. Ярополк Мстиславич и Ярополк Андреевич остаются малозначительными князьями, уступающими своему дяде — киевскому князю Ярополку Владимировичу (ср. табл. №№ 1, 2 к настоящей главе). Андрей Боголюбский же, напротив, далеко превосходит могуществом и славой Андрея Владимировича Доброго, в честь которого когда-то был назван (ср. табл. № 2 к настоящей главе).

Конкуренция между кузенами-тезками

Совпадение имен живых родичей у потомков Мономаха могло возникнуть и по другим причинам. В частности, речь может идти не об антропонимической связи между дядей и племянником, но и о своеобразной конкуренции между кузенами-тезками, получившими одинаковые имена. Не всегда возможно определить, была ли подобная ситуация соперничества заранее спрогнозирована их отцами — родными братьями, выбирающими имена для своих сыновей. Иногда вражда между братьями, их стремление «захватить» определенные имена, оттеснить племянников от родового наследия более или менее очевидны. В других случаях совпадение имен кузенов выглядит результатом каких-то более мирных, естественных процессов, хотя и здесь трудно предположить, что отцы не придавали никакого значения тому обстоятельству, что их дети получают одинаковые имена.

Примером такого рода совпадения может служить имянаречение двух кузенов, внуков Владимира Мономаха. Напомним, что в честь деда Владимиром был назван один из самых младших сыновей Мстислава Великого, родившийся незадолго до смерти своего отца[54]. В честь деда был наречен, как мы помним, и старший сын Андрея Владимировича Доброго (ср. табл. №№ 1, 2 к настоящей главе). Эти Владимиры (Мстиславич и Андреевич), как и Ярополки (Мстиславич и Андреевич), приходились, таким образом, двоюродными братьями друг другу.

На первый взгляд, здесь едва ли оправданно говорить о соревновании, соперничестве их отцов. Оба ребенка родились вскоре после смерти их общего деда, одного из самых могущественных князей Рюриковичей, и наречение его именем было более чем естественно. О соперничестве их отцов, Мстислава и Андрея, трудно говорить также и из-за различия в их статусе: Мстислав был первенцем Мономаха, киевского князя, а Андрей одним из младших детей Мономаха от второго брака. Тем не менее едва ли можно забыть и о том, что Владимир Мстиславич был одним из последних (а, вероятнее всего, самым последним) сыновей Мстислава, тогда как Владимир Андреевич — старшим сыном своего отца. К тому же эти княжичи — старший

---

54 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 294 под 1132 г.].

сын младшего сына и младший сын старшего сына — были почти ровесниками. Следовательно, по родовому счету в княжеской иерархии они стояли не так далеко друг от друга.

Совпадение имен, наречение в честь одного и того же предка-прототипа еще более усиливало эту близость позиций. Действительно, много позже эти князья, несмотря на все различие в их династических судьбах, нередко претендуют на одни и те же волости. Камнем преткновения в их соперничестве, как известно, становится город Дорогобуж. Интересы обоих *Владимиров* связаны с Волынью. Как кажется, в 1152 г. Дорогбужем владел Владимир Мстиславич, а Владимир Андреевич сидел в Пересопнице[55]. При этом Владимир Андреевич, как мы помним, получил в 1158 г. и Дорогобуж, и Пересопницу из рук своего дяди Юрия Долгорукого[56]. Под 1171 г. мы находим в летописи упоминание о том, что он не пускает в этот свой город Владимира Мстиславича[57]. Под тем же годом в Ипатьевской летописи помещен рассказ о том, как немедленно после смерти Владимира Андреевича[58] Владимир Мстиславич входит в Дорогобуж, поклявшись дружине покойного князя и его княгине не причинять им зла и ущерба. Овладев городом, Владимир Мстиславич нарушил клятву, разграбил имущество своего двоюродного брата и выгнал из города княгиню с телом покойного мужа[59].

Разумеется, Мстислав Великий и Андрей Добрый не могли заранее предвидеть такого развития событий. Тем не менее в родовой иерархии эти двоюродные братья, их сыновья, занимают такое положение, что вынуждены претендовать на одни и те же владения. Не исключено, что подобная ситуация хотя бы отчасти являлась результатом династических расчетов их отцов, давших им, кроме всего прочего, одинаковые имена[60].

---

55 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 446]. Ср. [Соловьев 1988. С. 467, 691. Примеч. 274].

56 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 487–488].

57 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 537].

58 Согласно Лаврентьевской летописи, князь Владимир Андреевич скончался в 1170 г. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 362].

59 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 546–548].

60 В этом отношении показательна история волынского Дорогобужа, который стал предметом спора для множества двоюродных братьев. Этот город несколько раз оставался выморочной волостью. Юрий Долгорукий отобрал его у своего единокровного брата Вячеслава Владимировича (ср. табл. № 1 к настоящей главе). В 50-е гг. XII в. Юрий отдавал его то своим сыновьям, то племянникам. Как кажется, это происходило отчасти потому, что Вячеслав не только не имел достаточно сил, чтобы отстаивать свои права, но и не имел наследника, которому он мог бы эти права передать — его сын Михалко умер в 1130 г. Таким образом, кузены Владимир Андреевич, Владимир Мстиславич и сыновья Юрия Долгорукого спорят из-за волости, исходно принадлежавшей их дяде, который к тому времени остался без детей. Иными словами, оставшиеся в живых двоюродные братья оспаривают освободившееся наследие, освободившееся место брата умершего, Михалко Вячеславича.

В роду Мономаха мы можем наблюдать и еще более изощренный случай игры на совпадении имен, не имеющий, как кажется, прямого отношения ни к соперничеству, ни к покровительству. Двух ближайших потомков этого князя, его родившихся примерно в одно и то же время внука и правнука, называют одним и тем же именем Владимир (см. табл. № 6 к настоящей главе). Так нарекли в свое время не только младшего сына Мстислава Великого от второго брака, уже упоминавшегося только что Владимира (Мачешича)[61], но и внука Мстислава, сына его дочери Ингибьёрг и Кнута Лаварда, — Вальдемара (будущего конунга Дании Вальдемара I Великого). Связь между этим племянником и дядей была весьма сложной.

Во-первых, они не были родственниками по мужской линии. Во-вторых, Ингибьёрг Мстиславна приходилась Владимиру Мстиславичу лишь единокровной сестрой. И, наконец, как уже говорилось, эти дядя и племянник, Владимир Мачешич и Вальдемар Кнутссон, родились приблизительно в одно и то же время.

Сын Ингибьёрг и Кнута Лаварда, по свидетельству саг, родился на Руси, вероятно, в доме своего деда[62]. Отец Вальдемара, правитель славян-ободритов, умер примерно тогда же, когда мальчик появился на свет (в 1131 г.). Едва ли мы можем точно определить, какие династические планы были «зашифрованы» в имени новорожденного, но, скорее всего, они были связаны со славянским миром[63]. При этом нам не известны случаи, когда бы потомок получал на Руси от родичей с материнской стороны какие-либо значимые властные или земельные права.

Не исключено, что племянник (по женской линии), Вальдемар Кнутссон, был старше своего дяди и, соответственно, получил свое имя первым. Его имянаречение, однако, не послужило препятствием к тому, чтобы дядя (Владимир Мачешич) — внук Мономаха по мужской линии — получил «дедне» мирское имя. Потомок по женской линии, таким образом, отчасти находился как бы вне родового счета. Если бы речь шла о родстве по отцовской линии, дело обстояло бы иначе, даже если отец и дядя ребенка были не родными, а единокровными братьями[64].

Противостояние между племянником и дядей, носящими одно и то же имя

Богатейший материал, относящийся к проблеме совпадения имен живых родичей и, в частности, имен дядьев и племянников, дает еще одна могущественная ветвь Рюриковичей — потомков Святослава Ярославича. Говоря об имянаречении в этой родовой линии, необходимо помнить о том, что прин-

---

61 Об имянаречении этого князя см. гл. I, с. 28.

62 См. [Knýtl. Bls. 216].

63 О выборе имени см. подробнее: [Ф.Б. Успенский 2002. С. 34–35, 43–44].

64 Ср. настоящую главу, с. 108.

ципы выбора имен у князей домонгольской Руси были общими, как общим был и сам корпус имен. В то же время некоторые имена, как нам уже приходилось отмечать в предыдущих главах, были гораздо более популярными в одной ветви рода, нежели в другой. Точно так же и определенные подходы к выбору имени могли формировать своего рода локальную, узкосемейную традицию. При этом не стоит и переоценивать замкнутость такого семейного именослова. Поскольку имя было элементом династической стратегии, многое при его выборе объяснялось конкретной политической ситуацией, сиюминутной расстановкой сил. Уходя в тень или волею судеб выдвигаясь на первый план, та или иная линия рода вырабатывала свою специфику имянаречения или отказывалась от нее, в то время как общединастические принципы выбора имен оставались незыблемыми.

Как известно, сын Ярослава Мудрого, Святослав, после смерти в 1076 г. не оставил киевского княжения своим сыновьям (см. табл. № 7 к настоящей главе). При этом его брата Всеволода Ярославича, о потомстве которого речь шла выше, фактически пережил только один сын — Владимир Мономах[65]. У Святослава Ярославича же, судя по источникам, сыновей было пятеро: Глеб, Роман, Давыд, Олег и Ярослав[66]. Отношение его сыновей с дядьями Ярославичами складывались непросто, во всяком случае, они как будто бы не были отданы отцом под покровительство кого-либо из его братьев. Киевский стол переходит от брата к брату, позднее же его получает сын Изяслава, Святополк, а вслед за ним сын Всеволода, Владимир. Между тем трое оставшихся в живых Святославичей, которые по родовому счету были старше Владимира Всеволодича, оказываются обойденными. Судя по их стратегии имянаречения, братья с самого начала задают параметры той жесткой и чрезвычайно плотной конкуренции, которая будет определять политику этой ветви черниговских, рязанских и муромских князей в дальнейшем.

Прежде чем рассматривать ситуацию совпадения имен живого дяди и племянника в этой ветви рода, упомянем о некоторой специфике других принципов имянаречения в этой семье. Имена сыновей в семьях Давыда, Олега и Ярослава во многом совпадают (см. табл. № 8 к настоящей главе)[67].

---

65 Как мы помним, Ростислав Всеволодич, князь переяславский, не пережил своего отца и на два месяца, утонув при отступлении в мае 1093 г.

66 В Воскресенской летописи, в перечне сыновей Святослава Ярославича, фигурирует также некий Борис [ПСРЛ. Т. VII. С. 232, 242]. В.Н. Татищев полагал, что этот Борис был князем вщижским и погиб в битве, сражаясь против своих дядьев, Всеволода и Изяслава, в 1078 г. [Татищев. Т. II. С. 92–93]. Однако все доступные источники указывают, что в этой битве пал не сын Святослава, а Борис Вячеславич. О Борисе Святославиче же в источниках, кроме указанных примеров из Воскресенской летописи, не упоминается вовсе. Отметим также, что Борис отсутствует на выходной миниатюре Изборника 1073 г., где изображена семья князя Святослава Ярославича [Кондаков 1906. С. 41].

67 О потомстве двух других рано умерших сыновей Святослава Ярославича, Глеба и Романа, нам, в сущности, ничего не известно.

Так, сыновей Давыда зовут *Святослав*, *Всеволод*, *Владимир*, *Изяслав* и *Ростислав*. Соответственно, сыновей Олега Святославича звали *Всеволод*, *Игорь*, *Глеб* и *Святослав*, а сыновей Ярослава Святославича — *Святослав*, *Ростислав* и *Юрий*. В определенном смысле Святославичи соревнуются в наречении детей, стараясь заполнить — каждый своими сыновьями — важные с династической точки зрения «антропонимические вакансии». При этом можно предположить, что Ярослав, как младший, несколько отстает от братьев и подражает им.

Точное время появления на свет внуков Святослава нам неизвестно. У каждого из его детей, оставивших потомство, есть по сыну, названному в честь деда (Святослав Давыдович, Святослав Ольгович и Святослав Ярославич, соответственно) (см. табл. № 8 к настоящей главе). Безусловно, Святослав Ярославич, киевский князь и основатель этой ветви рода, был самой значимой фигурой в ее истории. При этом у двух старших братьев Святославичей есть сыновья по имени *Всеволод*. Судя по первым упоминаниям их в летописи, можно предположить, что рождение и Всеволода Давыдовича, и Всеволода Ольговича приходится, с одной стороны, на время после смерти их двоюродного деда Всеволода Ярославича, а, с другой стороны, и не слишком далеко отстоит от времени его кончины.

Как мы помним, киевский стол после Всеволода наследует не сын, а племянник, отпрыск Изяслава Ярославича. В некотором смысле на этом этапе осуществляется та редко воплощаемая на практике модель, когда младшим братьям наследуют сыновья старших, когда поколение дядьев сменяется на киевском столе поколением племянников в строгом соответствии с родовым старшинством[68].

Не исключено, что, называя сыновей в честь своего дяди (Всеволода Ярославича), Святославичи апеллируют к законности именно такого порядка наследования. В его рамках после Святополка Изяславича киевский стол должен был перейти к ним, к Святославичам, и когда-то киевским князем суждено было бы стать кому-то из новых *Всеволодов* (внуков Святослава). Показательно, что текущая распря с Всеволодом Ярославичем и его потомками, как и во многих других случаях, не препятствовала использованию их родовых имен. Важно отметить, однако, что приблизительно в эту же пору Мстислав Великий, родной внук Всеволода Ярославича, называет своего старшего сына *Всеволодом*[69], «выпрямляя» и «перетягивая» на свою сторону воплощаемую в именах линию престолонаследия.

---

68 Такой порядок престолонаследия специально отмечается в летописи и, как кажется, ставится в заслугу миролюбию Владимира Мономаха, уступившему стол своему кузену: «Володимеръ же нача размышлати река аще саду на столѣ ѡца своюго то имамъ рать съ Стополокомъ взати ꙗко есть столъ пережѡ ѡца ꙗго былъ и размысливъ посла по Стополка Турову а самъ иде Чернигову а Ростиславъ Переꙗславлю...» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 217]; ср. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 208].

69 Подробнее об этом см. гл. I, с. 26.

Не столь очевидны мотивы выбора имени для двух *Ростиславов* (Ростислава Давыдовича и Ростислава Ярославича) (см. табл. № 9 к настоящей главе). Возможно, в качестве прототипа избирается здесь тот самый Ростислав Владимирович, который был сыном одного из старших Ярославичей, но, оставшись без отца еще при жизни деда, был обделен дядьями при разделе столов[70]. Такая ориентация на умершего предка остается, однако, несколько двусмысленной. В свое время Ростислав Владимирович был, с одной стороны, представителем старшей ветви потомков Ярослава Мудрого, но, с другой стороны, оказывался в положении князя-изгоя.

Более близким по времени прототипом для имянаречения мог служить другой Ростислав, князь переяславский, сын Всеволода Ярославича, брат Владимира Мономаха, умерший в 1093 г. Хотя он и не успел сыграть самостоятельной роли в истории Рюриковичей, в ветви Мономаха имя его, несомненно, почиталось. Так, в частности, был назван один из сыновей Мстислава Великого. Не исключено, что в данном случае Святославичи снова вступали в своеобразную конкуренцию с Мономашичами в области родового антропонимикона. Можно упомянуть также нескольких внуков Святослава, названных в честь сыновей Ярослава Мудрого: Изяслава Давыдовича (несомненно, в честь Изяслава Ярославича), Игоря Ольговича (в честь Игоря Ярославича) и Владимира Давыдовича (см. табл. № 9 к настоящей главе).

Что касается наречения последнего, то здесь может просматриваться несколько причин выбора имени *Владимир*. С одной стороны, при имянаречении едва ли мог быть забыт Владимир Святой, мог приниматься в расчет и Владимир Ярославич. С другой стороны, несомненно, существенным было и то обстоятельство, что *Владимиром* звали здравствующего в ту пору сына Всеволода Ярославича — Владимира Мономаха, главного противника Святославичей в борьбе за старшие столы.

При этом, однако, не стоит рассматривать отношения Мономаха и потомков Святослава Ярославича исключительно в перспективе противостояния и конкуренции. Всем трем братьям (Давыду, Ярославу и Олегу) случалось, как мы помним, вступать в союз и родство с Владимиром Всеволодичем и его потомством. Так, Олег Святославич был крестным отцом старших сыновей Мономаха. Не исключено, таким образом, что его брат Давыд назвал сына в честь Владимира Мономаха — в данном случае отдаленность родства делала такой выбор возможным, так сказать, при жизни прототипа.

В целом нетрудно заметить, что в поколении внуков Святослава Ярославича выделяются две группы имен. Одна из них принадлежит, так сказать, общеродовому фонду и охотно используется всеми Рюриковичами, а другая особенно любима именно этой ветвью рода, хотя и не является полностью «запретной» для других княжеских домов. С помощью этой излюбленной группы имен и формируется потомками Святослава особая плотность родовой группы.

---

70 См. об этом также гл. II, с. 55, 58–59.

Борьба за имя *Святослав* в черниговской ветви Рюриковичей

Всеволод, старший сын наиболее предприимчивого из черниговских князей Олега Святославича, называет своего сына *Святославом*, при том, что у ребенка живы и родной дядя-тезка, Святослав Ольгович, и его двоюродные дядья — Святослав Давыдович и Святослав Ярославич[71] (см. табл. № 10 к настоящей главе). Такой выбор имени для старшего сына, вероятнее всего, отражает стремление Всеволода Ольговича заявить о себе и о своем наследнике как о главном «правопреемнике» наследия Святослава Ярославича. В самом деле, Всеволод достаточно рано становится самым могущественным из живущих потомков Святослава, причем речь идет в данном случае не только о людях его поколения. Как известно, в 1127/28 г. он выгнал из Чернигова своего «стрыя» Ярослава[72]. Много позже, сделавшись киевским князем, Всеволод стремился уравновесить интересы наиболее могущественных князей Рюриковичей из разных ветвей династии.

При этом устремления подобного рода, по-видимому, были заложены в его династической политике изначально. Всеволод женился на дочери Мстислава Великого[73] и сумел обойтись без военного конфликта со своим тестем во время ссоры с родным дядей[74]. После смерти Мстислава ему приходилось воевать как с Владимировичами (сыновьями Мономаха), так и с Мстиславичами, однако его предпочтение собственной «братии» не было столь уж безоговорочным.

Для нас особенно существенно, что с именем Всеволода связана прямая фиксация в летописи факта противопоставления интересов родных братьев правителя и его собственного старшего сына:

«...и бы^с^ братьи его тѧжко ср^д^це Игореви и С҃ославоу волости бо даеть с҃нви а братьи не надѣли ничимъ же»[75].

Подобные претензии нельзя, однако, рассматривать как симптом полного отстранения родных братьев от родового наследия, как переход от «горизонтального» принципа наследования власти к «вертикальному». Всеволод

---

71 Родной дядя умер в 1164 г., в то время как его племянник Святослав Всеволодич в 1143 г. уже женился. Святослав Давыдович упоминается в 1142 г., а Святослав Ярославич умер в 1145 г.

72 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 296–297; Т. II. Стб. 290].

73 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 308–309 под 1140 — 1141 гг.; Т. II. Стб. 308–309, 310, 313].

74 Мстислав Великий, как известно, был связан обещанием о помощи Ярославу Святославичу. Ярослав, изгнанный своим племянником из Чернигова в Муром, стал просить об обещанной по крестному целованию помощи. Всеволод же уговаривал Мстислава не вступаться за Ярослава, «болѧры подъоучаꙗ и дары даꙗ» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 297]. Мстислав и в самом деле не стал помогать Ярославу, однако решающее воздействие на него оказало, судя по летописи, мнение игумена Григория и собора иереев.

75 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 310 под 1142 г.].

Ольгович вынужден, в конце концов, раздать волости и братьям, как он вынужден впоследствии передать киевский стол не сыну, а своему брату Игорю (см. табл. № 10 к настоящей главе). Стратегия имянаречения (и стремление наделить сына как можно бóльшим при своей жизни) связана с желанием обеспечить его властью «на будущее». Иными словами, если бы отношения между князьями мыслились ими исключительно в русле интересов рода, то для черниговских князей потомки Святослава Ярославича в качестве обладателей старших столов априори были бы предпочтительнее всех остальных Ярославичей, родные братья предпочтительнее двоюродных, а в отдаленной перспективе сыновья были бы предпочтительнее племянников.

При этом реальная политическая ситуация могла быть такова, что князья объединялись с более отдаленными родичами против более близких. Не всегда и сами семейные планы столь буквально соответствовали традиционной родовой последовательности. Родной дядя мог оказываться главным препятствием на пути собственного племянника, а отец мог стремиться передать власть своему сыну в обход братьев. Однако возможности князей в этом отношении были довольно существенно ограничены традицией, как был ограничен и тот культурный язык, на котором подобные интенции могли быть выражены. Имена были одним из тех способов, с помощью которых делались такие «высказывания».

Видел ли Всеволод в родном брате Святославе прямого покровителя своего старшего сына? Заключали ли братья между собой какое-либо соглашение, аналогичное тем, которые были у сыновей Мономаха? Едва ли мы можем полностью отрицать такую возможность. Однако некоторые основания для того, чтобы усомниться в столь однозначной трактовке выбора имени для первенца Всеволода Ольговича, у нас все-таки есть. Во-первых, Всеволод еще при своей жизни прочит киевский стол не Святославу, а Игорю:

«...Володимиръ посадилъ Мьстислава сн҃а своего по собѣ в Киевѣ а Мьстиславъ Ꙗрополка брата своего а се а мольвлю ѡже мѧ Бъ҃ поиметь то азъ по собѣ даю братоу своемоу Игореви Киевъ и много замышлавъ Изѧславоу Мьстиславичю ноужа бы^с^ цѣловати кр^с^тъ и сѣдшимъ всеи братьи въ Всеволода на сѣнехъ и ре^ч^ имъ Всеволодъ Игорю цѣлоуи кр҃тъ ꙗко имѣти братью въ любовъ а Володимиръ и С҃тославъ и Изѧславъ цѣлоуите кр^с^тъ ко Игореви что вы начнеть даꙗти но по воли а не по ноужи и цѣловаша на всеи любви кр^с^тъ»[76].

Более того, Всеволод еще до своей смерти успевает возвести Игоря на киевский стол[77]. Таким образом, видя в течение долгого времени в Игоре своего преемника, Всеволод должен был, как кажется, именно Игоря сделать главным гарантом прав племянников, именно с ним в первую очередь договариваться о помощи своим детям, если подобного рода договор вообще

76 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 317–318 под 1145 г.].

77 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 320–321].

имел место. В подобном соглашении младшему брату Святославу Ольговичу вероятнее могла быть отведена лишь второстепенная роль, поэтому не вполне понятно, зачем старший племянник мог быть назван непосредственно в его честь[78].

Во-вторых, особое покровительство Святослава Ольговича по отношению к Святославу Всеволодичу вызывает определенные сомнения еще и потому, что «Всеволодичь» был на протяжении долгих лет своей молодости весьма близок со своими дядьями по материнской линии (сыновьями Мстислава Великого). Точнее было бы сказать, что в юности этот князь колеблется между своими «уями» и «стрыями», дядьями по матери и дядьями по отцу[79]. Своеобразная роль «сестричича», которую играет в течение определенного периода Святослав Всеволодич, на наш взгляд, была бы не вполне совместима с особым покровительством Святослава Ольговича. Действительно, то недолгое время, пока Игорь является киевским князем, Святослав Всеволодич действует с ним заодно, но когда Игорь терпит полное поражение, племянник решается прибегнуть к милосердию победителя (Изяслава Мстиславича) в Киеве, а не бежит с другим своим дядей по отцу (Святославом Ольговичем) «на оустье Десны за Днѣпръ»[80].

В-третьих, при жизни Всеволода его брат и сын занимают по его указанию чуть ли не одни и те же позиции. В самом деле, Всеволод сначала пытается отдать новгородское княжение своему брату Святославу, а потом, когда тот не поладил с новгородцами, своему сыну Святославу (что тоже, впрочем, не увенчалось успехом)[81]. Гораздо позднее, когда спустя довольно долгое время после смерти Всеволода тезки (дядя и племянник) вновь объединяются, в летописи они зачастую описываются как два равноправных участника событий (см. табл. № 10 к настоящей главе). Ср., например, ситуацию противостояния двух потомков Мономаха, Изяслава и Юрия Долгорукого. Здесь дядя и племянник действуют на стороне Юрия против Изяслава и именуются вместе и на равных:

«Сѯославома <дательный падеж двойственного числа от имени *Святослав. — А.Л., Ф.У.*> же перебредшома Днѣпръ с Половци въздаша вѣсть к Гюргеви рекуще поиди вборзѣ^х оуже ѥсмы перебрели Днѣпръ»[82].

---

78 Впрочем, необходимо учитывать, что расстановка сил в семье легко могла перемениться за время, прошедшее между рождением Святослава Всеволодича и последними годами княжения в Киеве его отца.

79 Ср., например, замечание летописца: «Сѯославъ же <Всеволодич> не хоташе ѿступити ѿ оуга своего Изѧслава <Мстиславича> но неволею ѣха строга своего дѣлѧ Сѯослава Ѡлговича» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 377 под 1149 г.]. Еще о колебаниях Святослава Всеволодича между «уями» и «стрыями» см. в гл. VII, с. 260 нашей работы.

80 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 327].

81 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 307 под 1140 г.].

82 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 332 под 1152 г.].

«Стослава же ѡба Ѡлговичь и Всеволодичь и ини кнѧзи слышавше идуща Изѧслава Андрѣєвича с силою Ростовьскою»[83].

Все это дает нам основание предположить, что никаких особых отношений покровительства между дядей и племянником Святославами не планировалось. По-видимому, Всеволод Ольгович назвал своего сына *Святославом* не столько в честь живого дяди, сколько в честь их общего предка Святослава Ярославича. Можно допустить, что он пытался установить иерархическое равенство между своим младшим братом и старшим сыном. Подобная ситуация в отдаленной перспективе позволяла претендовать на всю полноту власти тому из родичей, кто в действительности был младше по возрасту. Потомки Святослава как бы «выхватывают» имя *Святослав* друг у друга, надеясь закрепить с его помощью старшинство в своей ветви рода и добиться того главенства среди всех Рюриковичей, которым обладал когда-то Святослав Ярославич. Иными словами, Всеволод Ольгович, чувствуя себя, по-видимому, достаточно могущественным, чтобы предпринять очередную попытку «упрощения» генеалогического ряда, напрямую связывает своего сына с дедом в обход прочих родичей. При такой перспективе дядья (родной — Святослав Ольгович, и двоюродные — Святослав Давыдович и Святослав Ярославич) рассматриваются скорее как «лишние звенья» в родовой последовательности.

Любопытен в этой связи случай с наречением еще одного *Святослава* из поколения правнуков Святослава Ярославича. Так назвал своего сына князь Владимир Давыдович. Как уже упоминалось, у Владимира Давыдовича был родной брат *Святослав*, знаменитый князь-инок Никола Святоша (см. табл. № 10 к настоящей главе). В данном случае мы не знаем ни точного года смерти Святослава Давыдовича, ни времени появления на свет его племянника Святослава Владимировича. Известно лишь, что Святоша был еще жив в 1142 г.[84], при этом Владимир Давыдович женился на дочери Всеволода Городенского в 1144 г.[85], а его сын Святослав, в свою очередь, вступил в брак с дочерью Андрея Боголюбского в 1159 г.[86]

Таким образом, Святослав Владимирович мог родиться до смерти Святоши — в этом случае имя связывало его и с прадедом, и с дядей. Существенно, что при такой последовательности событий речь идет о наречении в честь дяди, почитаемого князя-инока, служившего миротворцем между враждующими родичами[87]. Дядя, кроме того, отказавшись от мира, в определенном

---

83 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 350 под 1159 г.].

84 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 312]. Судя по тем сведениям, которые приведены в Киево-Печерском патерике, Никола, постригшийся в 1106 г. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 281], прожил в монастыре еще около 36 — 40 лет [КПП. С. 85]. Следовательно, скончался князь-инок примерно в 40-х гг. XII в.

85 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 317].

86 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 350].

87 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 312 под 1142 г.].

смысле «освободил» не только место в родовой иерархии, но и родовое имя[88]. Он мог быть помощником и заступником племянника-тезки, но уже на совсем ином уровне. Такого рода заступничество не прекращалось и со смертью покровителя. Иначе говоря, племянник мог быть назван в честь живого дяди почти на тех же основаниях, на которых он нарекался бы в честь дяди умершего. Парадоксальным образом, для истории имянаречения Рюриковичей в этом случае не имеет решающего значения, родился ли Святослав Владимирович до или после смерти Святослава Давыдовича.

Для нас существенно, кроме того, что, выбирая такое имя для мальчика, его отец не мог не отдавать себе отчета в том, что, когда он вырастет, ему предстоит действовать в среде, где уже есть несколько *Святославов*, приходящихся ему довольно близкими родичами. Действительно, на практике оказывается, что в одном эпизоде летописного повествования могут столкнуться три *Святослава* — дядя и его родной и двоюродный племянники[89].

Подобная теснота ряда в отношении имени *Святослав* поддерживается и в следующих поколениях черниговских князей. Это имя в 1167 г. получает родной внук Святослава Ольговича — Святослав Ольгович, сын его старшего сына Олега (см. табл. № 10 к настоящей главе). Дед умирает за два года до рождения этого внука, поэтому имянаречение в его честь было, разумеется, вполне естественным[90]. Кроме того, в 1167 г. умирает Святослав Владимирович Вщижский, сын Владимира Давыдовича[91]. Олег Святославич и Святослав Всеволодич вступают в борьбу за его выморочный удел. Возможно, в этом противостоянии сыграло роль и то обстоятельство, что Святослав Всеволодич, вопреки обещанию, так и не наделил волостями младших братьев Олега — Игоря и Всеволода (см. табл. № 10 к настоящей главе)[92].

Сын Олега рождается в разгар борьбы за наследство Святослава Владимировича[93]. Называя его *Святославом*, Олег, по-видимому, подчеркивает связь своей семьи не только со Святославом Ольговичем (внук становится

---

88 Соответствующий пример можно видеть у франков эпохи Карла Великого (о параллелях династической истории франков той эпохи и династической истории Рюриковичей конца XI в. см. [Назаренко 2000а]). Младший брат Пипина Короткого, Карломан, в 747 г. принял постриг и «оставил обременительное управление преходящим царством» [Эйнхард. С. 11]. Умер он в 755 г., а его племянник, родной брат Карла Великого, появился на свет в 752 г. и получил имя своего живого дяди — *Карломан*. Позднее, в 768 г., когда умер Пипин Короткий, отец Карла Великого и Карломана, решением государственного совета владения франков были разделены и Карломану было отдано то, чем некогда владел его дядя, носивший то же имя [Эйнхард. С. 12].

89 Ср., например: [ПСРЛ. Т. I. Стб. 350].

90 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 522–524 под 1164 г.].

91 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 525].

92 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 524 под 1164 г.].

93 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 526 под 1167 г.].

его полным тезкой), но и с совсем недавно умершим Святославом Владимировичем, родовые права которого Олег хочет унаследовать, «перетянуть» в свою семью. Живой же *Святослав* — его соперник Святослав Всеволодич, двоюродный дядя новорожденного — оказывается «лишним», вытесняемым звеном в генеалогической цепи.

О том, насколько для Олега было существенно задействовать в своих интересах имя *Святослав*, говорит еще и то обстоятельство, что новорожденный нарекается «въ крщеньи Борисъ а мирьсти Стославъ»[94]. Строго говоря, имя *Борис* к тому времени уже довольно давно совмещало в себе функции родового и христианского, и княжичу вполне «хватило» бы и его одного[95]. Однако по политическим соображениям он, по-видимому, непременно должен был быть еще и *Святославом.*

При жизни Святослава Всеволодича появляется на свет и еще один его двоюродный племянник, также внук Святослава Ольговича, но от другого сына — Игоря (см. табл. № 10 к настоящей главе):

«Во том же лѣтѣ родисѧ оу Игорѧ сн҃ъ и нарекоша имѧ ємоу въ кр^с^щньи Андрѣѩнъ а кнѧжеє Ст҃ославъ»[96].

Таким образом, в ближайшем родовом пространстве вновь оказываются три *Святослава*: два двоюродных брата и их двоюродный дядя.

Можно с уверенностью утверждать, что, нарекая каждого нового *Святослава* в этой ветви рода, князья вновь и вновь апеллируют к имени Святослава Ярославича, сына Ярослава Мудрого. Впоследствии же к ряду возможных прототипов добавляются и умершие предки из чернигово-рязанской ветви. Живые же родичи *Святославы* порой могут восприниматься как препятствие, «лишнее звено» в генеалогической истории.

Имя *Олег* у потомков Святослава Ярославича

Возвращаясь к тем временам, когда еще живет и действует Святослав Ольгович, правнук Ярослава Мудрого, обратим внимание, что и он, и Святослав Всеволодич в совокупности зачастую именуются в летописи Ольговичами, по имени отца одного из них и деда другого. Имя *Олег* вообще становится в этой ветви рода не менее значимым, чем имя *Святослав* (см. табл. № 12 к настоящей главе). Более того, особую роль приобретает здесь сочетание имени и отчества *Олег Святославич*, которое носил в свое время знаменитый черниговский и рязанский князь. По-видимому, первым имя своего отца для наречения сына использует Святослав Ольгович[97]. Мальчик становится

---

94 См. [ПСРЛ. Т II. Стб. 526 под 1167 г.].

95 О роли имени *Борис* в княжеской династии и о принципах выбора христианских имен см. гл. IV, с. 112–115, 149–151, 172–173.

96 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 604 под 1177 г.].

97 Святослав вообще придерживается следующей схемы имянаречения: старшего сына он, как уже говорилось, вполне закономерным образом называет в честь деда, собственного отца, а двум другим сыновьям он дает имена в честь своих умерших

третьим Олегом Святославичем в роду[98], в дальнейшем в этой ветви появится еще один Олег Святославич, сын Святослава Всеволодича.

братьев Игоря и Всеволода, что также вполне закономерно (см. табл. № 11 к настоящей главе). Любопытно, однако, что Игорь-Георгий Святославич (Новгород-Северский) был, по-видимому, старше своего брата Всеволода. См., например, обращение к Игорю и Всеволоду их кузена Святослава Всеволодича: «и рече Сѯславъ братьи своеи се азъ старѣе Ꙗрослава а ты Игорю старѣє Всеволода а нынѣ ꙗ вамъ во ѡца мѣсто ѡсталсѧ» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 618 под 1180 г.]. Между тем у дядьев порядок старшинства был иной, и Игорь был моложе Всеволода Ольговича. Кроме того, Всеволод Ольгович был в течение довольно долгого времени удачливым киевским князем, тогда как наследовавший ему Игорь Ольгович, как мы помним, не удержал киевского княжения. Иными словами, если бы в расчет принимались исключительно соображения родовой иерархии, то первого ребенка, родившегося (в 1151 г.) после смерти обоих дядьев [ПСРЛ. Т. II. Стб. 422], можно было бы назвать *Всеволодом*, однако Святослав дает ему имя *Игорь*.

По-видимому, при имянаречении сыграли свою роль и мотивы иного порядка. Имя Игоря, погибшего мученической смертью непосредственного союзника Святослава Ольговича, становится своеобразным «знаменем» в династической борьбе черниговских князей. Что еще более существенно, Игорь, которого убили, когда он уже принял постриг, после своей смерти почитался местно и, безусловно, был чтим как мученик своими родичами. В 1150 г. Святослав Ольгович перенес из Киева мощи Игоря и положил их в Спасском соборе в Чернигове, «в теремѣ», заботясь со всей очевидностью о местном черниговском культе своего брата [ПСРЛ. Т. II. Стб. 408]. С этой точки зрения имянаречение княжеского наследника, родившегося на следующий год после перенесения мощей, выглядит более чем закономерным. Показательно, что новорожденный Святославич получает не только мирское имя своего дяди *Игорь*, в крещении ему дается имя *Георгий*, которое, по-видимому, также носил его старший родич (см. подробнее об этом: Экскурс № 10, с. 426–427).

Имя *Игорь* имеет для Святослава большее значение, чем *Всеволод*, которое было достоянием всего рода в целом. Не исключено, что имело место и какое-то недовольство Святослава самым старшим из своих братьев, впрочем, это недовольство не помешало ему назвать своего младшего сына в его честь.

О роли месяцеслова в выборе христианского имени Игоря-Георгия Святославича см. в гл. V, с. 187–189.

98 Первым Олегом Святославичем в роду Рюриковичей был старший брат Владимира Святого, князь Олег древлянский (ср. табл. № 12 к настоящей главе). Не исключено, что в свое время для Святослава Ярославича обращение к более древнему пласту истории рода было в некотором смысле средством устранения сиюминутных конкурентов, своих братьев и племянников. Иными словами, он действовал примерно так же, как Ростислав Владимирович, назвавший своего сына *Рюриком* (см. подробнее гл. I, с. 15).

Еще более существенно, что появление детей у Святослава Ярославича примерно совпадает по времени с перезахоронением и крещением костей братьев Владимира Святого, Олега и Ярополка (см. [Ф.Б. Успенский 2002. С. 141–168]). Это действие

Сочетание *Олег Святославич* становится настолько устойчивым, что ко второй трети XII в. каждый *Святослав*, потомок второго Олега Святославича, непременно называл одного из детей *Олегом*, если у него вообще были сыновья. Иными словами, эта комбинация имени и отчества превращается в своеобразный «логотип» рода. Ее появление в каждом конкретном случае, на наш взгляд, даже не требует особой мотивации. Упомянем только об одном таком имянаречении, а именно о наречении сына Святослава Всеволодича (см. табл. № 12 к настоящей главе).

Этот Олег вступил в брак не позднее 1176 г.[99] Вероятно, он был старшим из сыновей Святослава Всеволодича, или, по крайней мере, одним из старших. Во всяком случае, такой вывод можно сделать, сравнивая время женитьбы братьев (Олег, как уже говорилось, до 1176 г., Владимир и Всеволод в 1179 г.[100], Глеб и Мстислав в 1182 г.[101]).

Если вспомнить о соперничестве Святослава Всеволодича и его родного дяди Святослава Ольговича, то нельзя не обратить внимание, что оба — сначала дядя, а потом племянник — называют своих старших сыновей *Олегами*. Оба наследника оказываются, соответственно, *Олегами Святославичами*. После смерти дяди Святославу Всеволодичу, как мы помним, предстояло соперничать именно с этим своим младшим кузеном Олегом, который в этой борьбе имен назовет своего старшего сына *Святославом*, «вытесняя» тем самым живущего и здравствующего старшего родича (ср. табл. № 12 к настоящей главе).

Подчеркнем, эти два Олега Святославича (сын Святослава Ольговича и сын Святослава Всеволодича) приходились друг другу двоюродными дядей и племянником. Они не были настолько близкими родичами друг другу, чтобы ограничение на совпадение имен могло действовать буквально. При этом и случайным такое совпадение быть не могло.

Родными племянником и дядей приходились друг другу еще два черниговских *Олега*, младший из которых не был Святославичем. Олег-Павел Игоревич был, как известно, племянником Олега Святославича, только что упоминавшегося сына Святослава Ольговича, внука Олега Святославича и правнука Святослава Ярославича (ср. табл. № 12 к настоящей главе). Как кажется, ситуации соперничества между Игорем Святославичем и его братом Олегом не было. Во всяком случае, в год рождения сына[102] Игорь действует за-

---

Ярослава Мудрого апеллирует к родовой истории и явно отражается в имянаречении его внуков: у Изяслава Ярославича вскоре появляется сын *Ярополк*, а у Святослава Ярославича — *Олег*. Весьма вероятно, что имена для этих княжичей выбирались не без участия деда, Ярослава Мудрого, известно, например, что он участвовал в выборе имени для другого внука, Владимира Всеволодича Мономаха.

99 См. [Карамзин. Т. III. Примеч. 39; Baumgarten 1927. P. 19. Tab. IV. № 33].

100 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 612].

101 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 624–625].

102 «...родисѧ Игорю сн҃ъ и нарекоша имѧ ему Ѡлегъ а вь крщеньи Павелъ» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 600 под 1175 г.].

одно с братьями — Олегом и Всеволодом — против старшего кузена Святослава Всеволодича. Олег-Павел Игоревич, по-видимому, был одним из младших детей своего отца, по крайней мере, он, безусловно, не был его самым старшим сыном. Наречение одного из младших сыновей в честь живого дяди скорее укладывалось в рамки традиции единения рода, а не разделения его.

Таким образом, у черниговских князей, на наш взгляд, представлены обе схемы совпадения имен живого дяди и племянника: «мирная» и «немирная». «Мирная» связана с наречением новорожденного в честь брата его отца и потенциального покровителя и союзника племянников. «Немирная» связана, в свою очередь, с использованием родового имени вопреки существованию близкого живого родича-тезки, с желанием вытеснить старшего тезку из цепи преемственности родовых прав.

Обращаясь к истории династических имен в домонгольский период, необходимо помнить о том, что при очевидном изобилии князей-тезок существовал целый ряд ограничений на совпадение имен живых родичей. Чем более отдаленным и косвенным было родство, тем менее запретным было такое совпадение. Однако, коль скоро речь идет о родстве относительно близком, каждый акт наречения именем живого родича, по-видимому, требовал определенной мотивации. Разумеется, далеко не всегда мы располагаем достаточными сведениями о наречении того или иного княжича, чтобы с полной уверенностью судить о том, было ли оно «мирным» или «немирным», тем более что сложная система междукняжеских отношений была подвержена довольно быстрым и частым изменениям. Союзнический замысел мог, не успев осуществиться, исчезнуть почти бесследно под натиском последующих событий.

Однако при всей изменчивости ситуации отношения между дядьями и племянниками всегда оставались одним из главных воплощений родовой политики, родовой стратегии, переходящей в стратегию государственную. Сами по себе эти взаимоотношения родственников также могли изменяться во времени. По сути дела, потребность в покровительстве и стремление к вытеснению были одинаково неизменными составляющими в отношениях между старшими и младшими членами рода, ставшего династией. И все же в каждом конкретном случае, при всех колебаниях между миром и войной, во взаимодействии дяди и племянника или группы кузенов можно проследить одну из двух описанных тенденций.

При этом в домонгольскую эпоху ни один правитель на Руси, по-видимому, не мог — как бы он к этому ни стремился — пренебречь полностью правами князей своего поколения, тем более правами тех, кто по родовому счету оказывался старше его самого. Он не мог не учитывать их роли в династической судьбе своих сыновей. Живя и действуя в рамках политической традиции, во многом построенной на терминах и понятиях родства, князь не мог отказаться от идеи покровительства старших родичей по отношению к его детям, если впоследствии хотел передать всю полноту власти своим прямым

потомкам. При выборе имен для своих детей братья-князья и пытались, в частности, заранее «задать» некоторые параметры взаимодействия принадлежащих к разным поколениям родичей.

Какими же «диагностическими признаками», позволяющими определить конкретную стратегию выбора имени, мы располагаем? Несомненно, важную роль играет здесь история самих взаимоотношений между родными и двоюродными братьями, между дядьями и племянниками. Однако, как уже говорилось, эти взаимоотношения были обусловлены мотивами не только родственными, но и политическими, стремительно меняющимися во времени. В определенном смысле результат династического замысла мог очень существенно отличаться от его первоначальной цели. О многом свидетельствуют описания «ряда» или какого-то договора между братьями, касающегося судьбы их детей. При этом имеются, по-видимому, и более однозначные, непосредственные приметы волеизъявления тех, кто выбирает имя для ребенка; такого рода регулярно повторяющиеся признаки придают определенную надежность реконструкциям ситуации имянаречения.

Как можно видеть на довольно многочисленных примерах имянаречения в роду Всеволода Ярославича (отца Владимира Мономаха) и в роду Святослава Ярославича, существенным в такой стратегии было то, называли ли именем дяди самого старшего или одного из младших сыновей. По-видимому, если старший из мальчиков, главный наследник отца, оказывался тезкой своего живого дяди, это означало, что дядю стремятся по возможности оттеснить на периферию рода. Если же в честь дяди назывался кто-либо из младших княжичей, это с большей вероятностью означало желание укрепить союзнические отношения между братьями, а позднее между племянниками и дядей, передать младших родичей «на руки» старшему.

Итак, схематизируя и упрощая практику выбора имени, можно сказать, что имена умерших родичей принадлежали к числу безусловных ценностей рода. Имена прямых предков, если они были живы, оставались под запретом, тогда как употребление имен других живущих членов рода формировало подвижную, динамическую систему, непосредственно реагирующую на изменения династической политики.

‡ Определение возраста и времени вступления в брак Ярополка Изяславича связано с загадочными упоминаниями в летописи князя Василько Ярополчича (ср. табл. №№ 1, 2 к настоящей главе). Впервые князь с таким именем и отчеством появляется под 1150/51 гг. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 329; Т. II. Стб. 410–411]. В дальнейшем некий Василько Ярополчич фигурирует в событиях 1165, 1169 и 1172 гг. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 525. Стб. 533. Стб. 550]. Кроме того, В.Н. Татищев, ссылаясь на Хрущевскую летопись, говорит о том, что в 1182 г. он владел Дорогичином и захватил Брест [Татищев. Т. III. С. 127]. При этом, согласно версии Татищева, он был женат на дочери мазовецкого князя Лешко. Еще Н.М. Карамзин, однако, обратил внимание на тот факт, что князь Лешко был бездетен [Карамзин. Т. III. Примеч. 87]. О. Бальцер же отмечает, что единственный правитель с именем Лешко (сын Болеслава Кудрявого) умер в возрасте 26 лет; следовательно, если у него и была дочь, то едва ли она при жизни отца могла выйти замуж [Balzer 1895. S. 188]. Польский исследователь также высказал предположение, что Василько, описывающийся в Хрущевской летописи, был женат не на дочери, а на сестре Лешко, дочери Болеслава Кудрявого (это мнение поддержал Н.А. Баумгартен: [Baumgarten 1927. P. 23. Tab. V. № 50]). Высказывалось также предположение, что за употребленным у В.Н. Татищева термином «тесть» мог скрываться Мешко III (Старый) (см. [Sobolewski 2002. S. 82], с указанием литературы).

Для нас наиболее существенно, кто именно был отцом Василько Ярополчича. В этой связи невольно возникает вопрос, идет ли речь в свидетельстве 1150/51 гг. и во всех позднейших сообщениях об одном и том же человеке. Н.М. Карамзин решал этот вопрос отрицательно: он называл сыном Ярополка Изяславича только того Василько, который появляется на исторической арене с 1165 г. [Карамзин. Т. II. Примеч. 410]. О Василько же Ярополчиче, упомянутом в 1150/51 г., Карамзин отзывается как о «неизвестном» [Карамзин. Т. II. Примеч. 332]. На наш взгляд, утверждение о том, что под 1150/51 г. фигурирует не внук Изяслава Мстиславича, а какой-то другой человек, является абсолютно справедливым. В самом деле, если считать, что действующим лицом событий 1150/51 г. выступает сын Ярополка Изяславича, то оказывается, что он впервые упоминается в летописи десятилетием раньше своего отца! Кроме того, он оказался бы (в весьма юном возрасте) посредником в сношениях между явными противниками его деда, Владимиром Галицким и Андреем Боголюбским, организующим поход против Изяслава Мстиславича [ПСРЛ. Т. II. Стб. 410–411].

Заметим также, что Ярополк Изяславич, чтобы иметь к 1150 г. сына, способного участвовать в каких бы то ни было переговорах, должен был бы появиться на свет по крайней мере до 1125 г. Его старшие братья — Ярослав и Мстислав Изяславичи, — следовательно, родились еще ранее. Если это так, то Мстислав Изяславич был наречен «дедним» именем еще при живом деде Мстиславе Великом, что также крайне маловероятно.

Кем же мог быть Василько Ярополчич, упомянутый в свидетельстве под 1150/51 г.? Не исключено, что это был сын Ярополка Владимировича, внук Владимира Мономаха (см. табл. № 2 к настоящей главе) (такая точка зрения, в частности, отражена в именном указателе к Ипатьевской летописи Л.Л. Муравьевой). На первый взгляд, это противоречит нашему утверждению о бездетности Ярополка Владимировича на момент заключения «ряда» о племянниках с Мстиславом (см. с. 76).

Тем не менее можно допустить, что Василько Ярополчич родился уже во времена киевского княжения своего отца, т. е. после смерти Мстислава Великого. При таком допущении понятно, что после смерти Ярополка в 1139 г. Василько, будучи еще ребенком, не мог участвовать в борьбе за киевский стол, а в обострившейся политической ситуации вообще мог не получить какого-либо самостоятельного княжения. При таком развитии событий он, по-видимому, принимал незначительное участие в жизни рода.

Подчеркнем еще раз, что наше предположение о том, кем был упоминающийся в 1150/51 г. Василько Ярополчич, является весьма гипотетическим. При этом, однако, мы можем с достаточной степенью уверенности утверждать, что сыном Ярополка Изяславича он не был. Иначе см. в указателе к Лаврентьевской летописи или, например: [Baumgarten 1927. P. 23. Tab. V. № 50].

Итак, Н.М. Карамзин предполагает, что Василько Ярополчич, действующий лишь начиная с 1165 г., это другой Рюрикович, нежели тот, кто упомянут под 1150/51 г. Именно этот князь и был, по версии Карамзина, сыном Ярополка Изяславича [Карамзин. Т. II. Примеч. 410, 416]. Такая трактовка событий представляется вполне вероятной. Действительно, первый Василько Ярополчич мог умереть молодым или по каким-то иным причинам сойти с исторической сцены и со страниц летописи. Строго говоря, и тот князь, который фигурирует под именем *Василько Ярополчич* в описании событий 1165, 1169, 1172 и 1182 гг., нигде напрямую не назван ни сыном Ярополка Изяславича, ни племянником Мстислава и Ярослава Изяславичей, ни, например, внуком Изяслава Мстиславича. Он действует самостоятельно или заодно с потомками Изяслава Мстиславича, но никогда не упоминается рядом со своим предполагаемым отцом — Ярополком Изяславичем, занимающим в летописи вообще весьма скромное место.

Все вышеизложенное делает, как кажется, вполне возможными две различные трактовки упоминаний в летописи Василько Ярополчича. Во-первых, речь может идти о двух разных людях. При этом мы не можем с абсолютной точностью указать, о каких именно, но одной из подходящих кандидатур на роль младшего из двух Васильков является сын Ярополка Изяславича. Во-вторых, речь может идти об одном и том же человеке, и тогда это может быть как внук Владимира Мономаха, сын Ярополка Владимировича, так и правнук Мономаха, внук Андрея Доброго, сын Ярополка Андреевича. Но в этом втором случае это никак не может быть праправнук Мономаха, сын Ярополка Изяславича. См. табл. № 2 к настоящей главе.

Возвращаясь к проблеме возраста интересующего нас Ярополка Изяславича, отметим, что в 1166 г. он женится на дочери Святослава Ольговича [ПСРЛ. Т. II. Стб. 525]. Если считать, что действующий в 1165 г. Василько Ярополчич — его сын, то этот брак у Ярополка второй (ср. подобную точку зрения: [Baumgarten 1927. P. 23. Tab. V. № 40]) и сам он является вполне зрелым человеком, ненамного моложе своих братьев Мстислава и Ярослава. Если же упоминающийся в 1165 г. Василько Ярополчич не является его сыном, то вполне вероятно, что это первый брак Ярополка и сам он в 1166 г. еще совсем молод. Первое предположение как будто бы вполне согласуется с тем, что в 1170 г. Ярополк Изяславич умирает [ПСРЛ. Т. II. Стб. 539], хотя, разумеется, он мог умереть молодым.

ТАБЛИЦА № 1

Владимир Мономах
Мстислав
Ярополк
Вячеслав
Андрей Добрый
Всеволод
Изяслав
Ростислав
Ярополк
Владимир
(?)
Василько
Михалко
Владимир
Ярополк

ТАБЛИЦА № 2

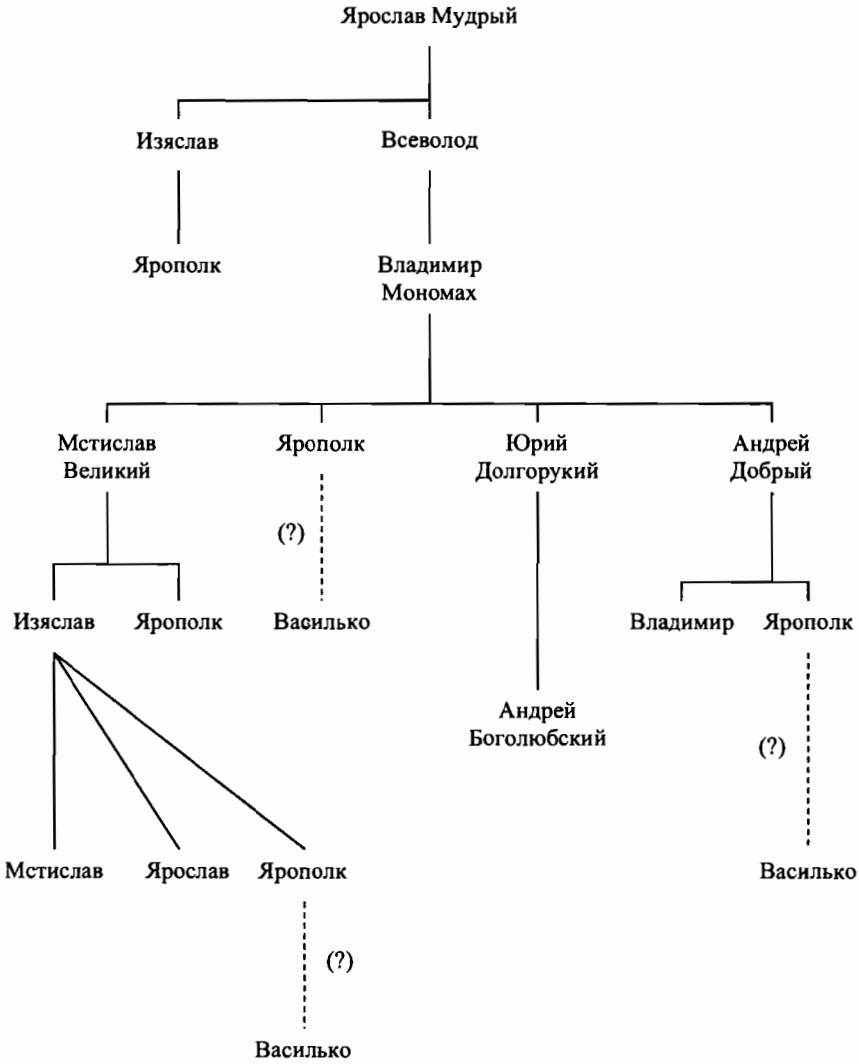

Ярослав Мудрый
Изяслав
Всеволод
Ярополк
Владимир Мономах
Мстислав Великий
Ярополк
Юрий Долгорукий
Андрей Добрый
(?)
Изяслав
Ярополк
Василько
Владимир
Ярополк
Андрей Боголюбский
(?)
Мстислав
Ярослав
Ярополк
Василько
(?)
Василько

ТАБЛИЦА № 3

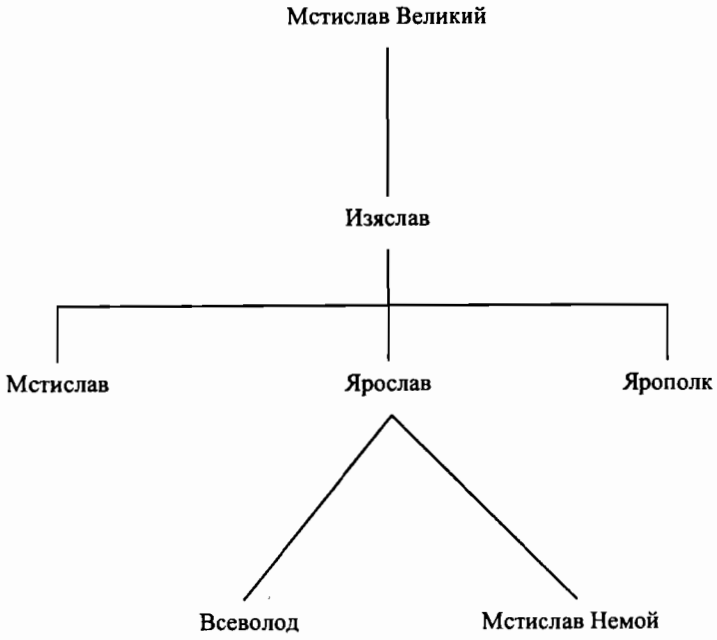

Мстислав Великий
Изяслав
Мстислав
Ярослав
Ярополк
Всеволод
Мстислав Немой

ТАБЛИЦА № 4

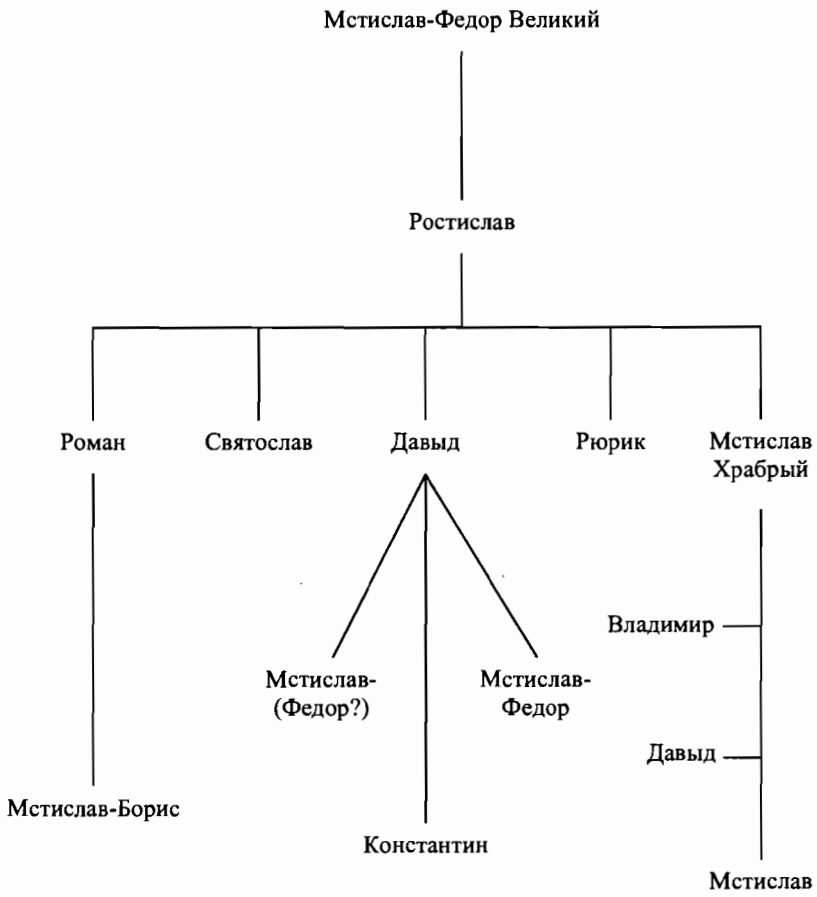

Мстислав-Федор Великий
Ростислав
Роман
Святослав
Давыд
Рюрик
Мстислав Храбрый
Мстислав-Борис
Мстислав-(Федор?)
Константин
Мстислав-Федор
Владимир
Давыд
Мстислав

ТАБЛИЦА № 5

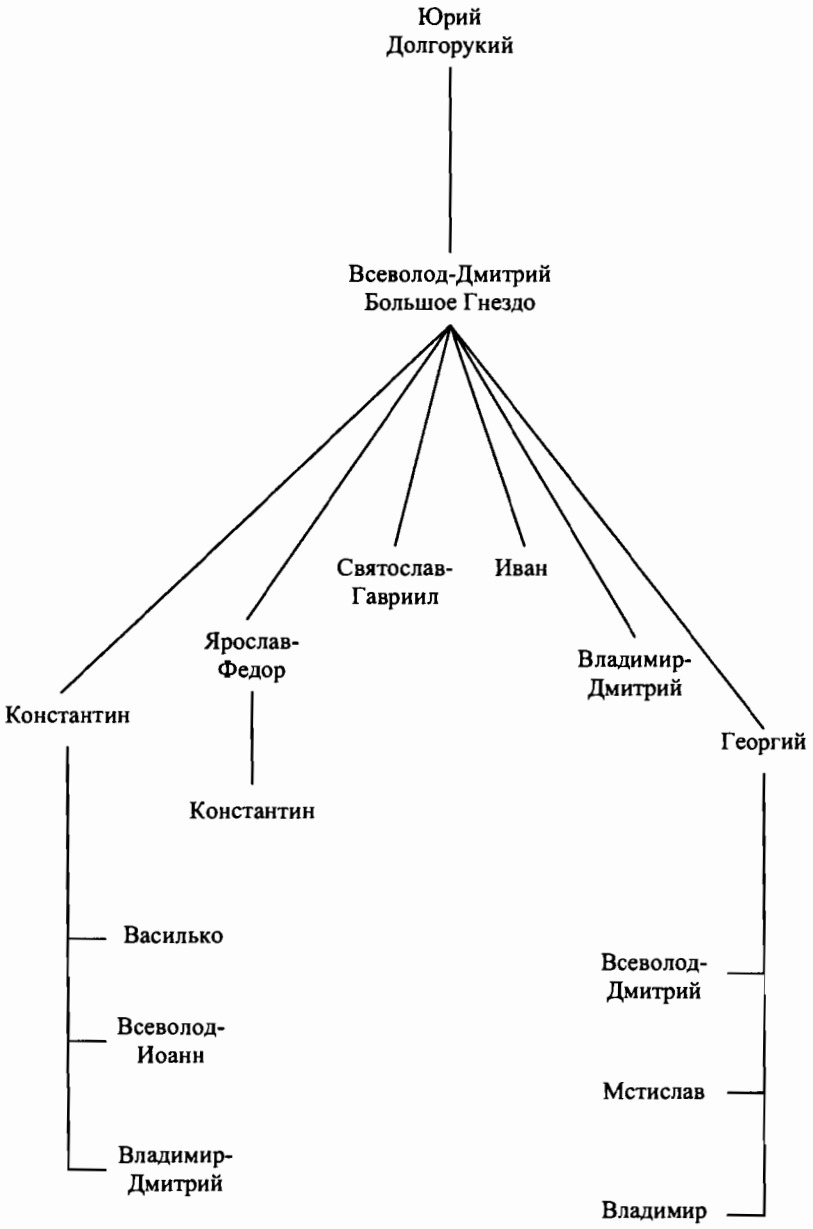

Юрий
Долгорукий
Всеволод-Дмитрий
Большое Гнездо
Константин
Ярослав-
Федор
Святослав-
Гавриил
Иван
Владимир-
Дмитрий
Георгий
Константин
Василько
Всеволод-
Иоанн
Владимир-
Дмитрий
Всеволод-
Дмитрий
Мстислав
Владимир

ТАБЛИЦА № 6

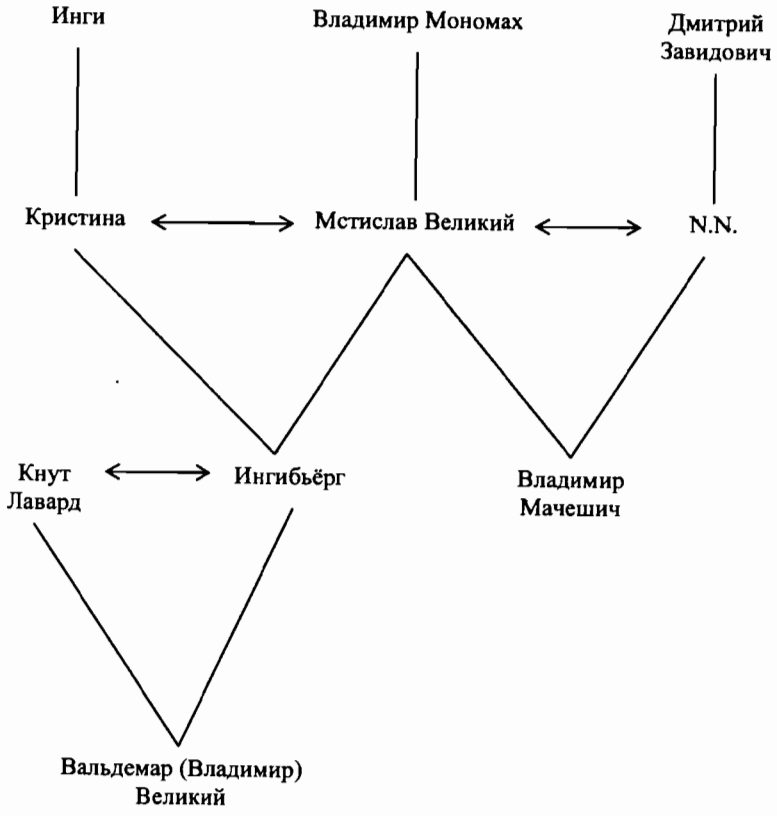

Инги
Владимир Мономах
Дмитрий Завидович
Кристина
Мстислав Великий
N.N.
Кнут Лавард
Ингибьёрг
Владимир Мачешич
Вальдемар (Владимир) Великий

ТАБЛИЦА № 7

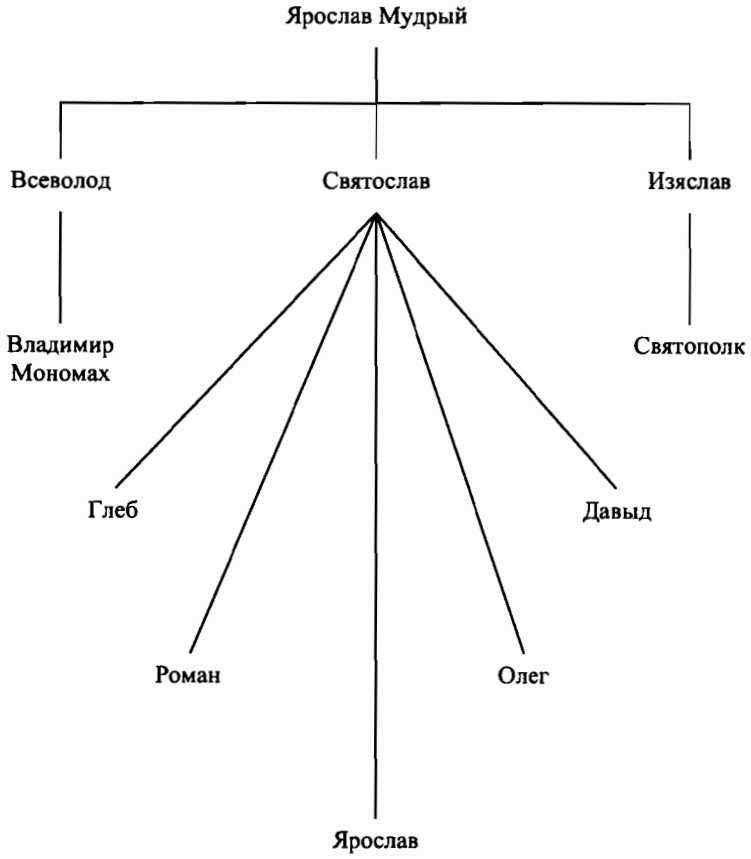

Ярослав Мудрый
Всеволод
Святослав
Изяслав
Владимир Мономах
Святополк
Глеб
Давыд
Роман
Олег
Ярослав

ТАБЛИЦА № 8

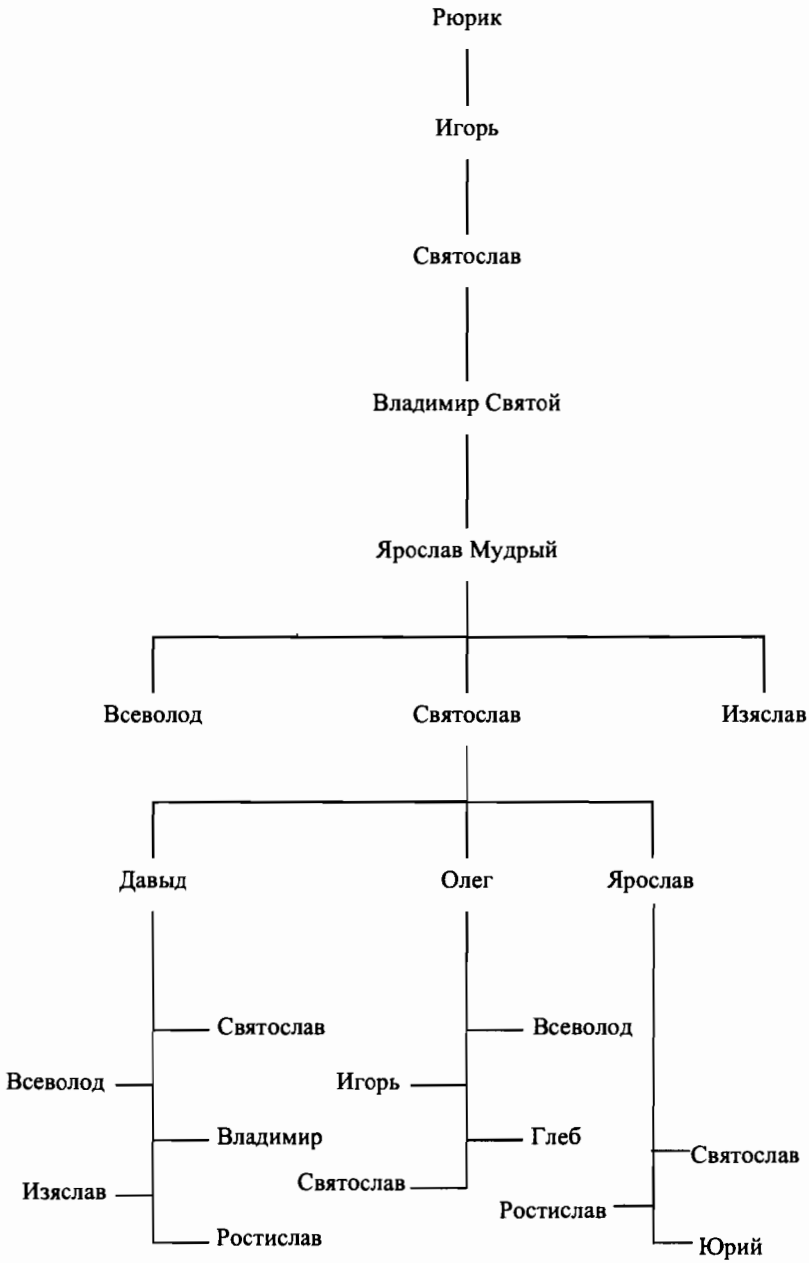

Рюрик
Игорь
Святослав
Владимир Святой
Ярослав Мудрый
Всеволод
Святослав
Изяслав
Давыд
Олег
Ярослав
Святослав
Всеволод
Всеволод
Игорь
Владимир
Глеб
Святослав
Изяслав
Святослав
Ростислав
Ростислав
Юрий

ТАБЛИЦА № 9

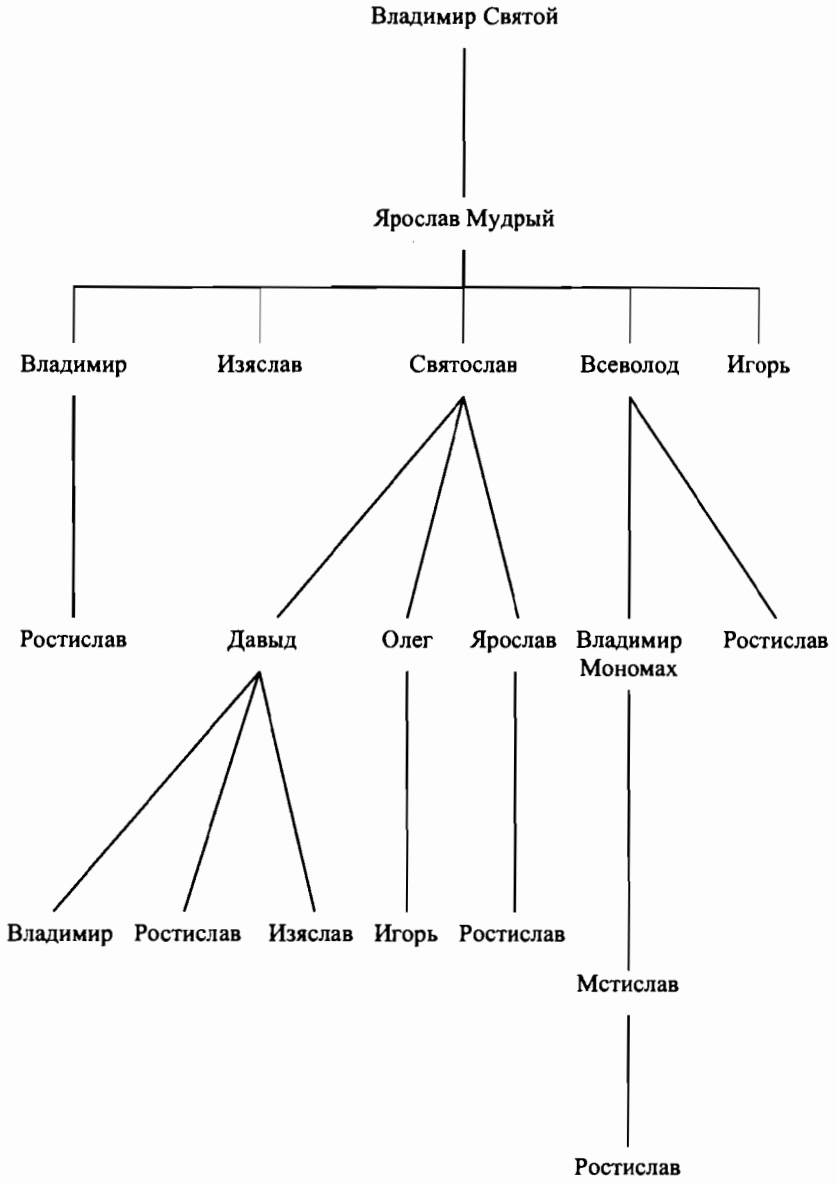

Владимир Святой
Ярослав Мудрый
Владимир
Изяслав
Святослав
Всеволод
Игорь
Ростислав
Давыд
Олег
Ярослав
Владимир Мономах
Ростислав
Владимир
Ростислав
Изяслав
Игорь
Ростислав
Мстислав
Ростислав

ТАБЛИЦА № 10

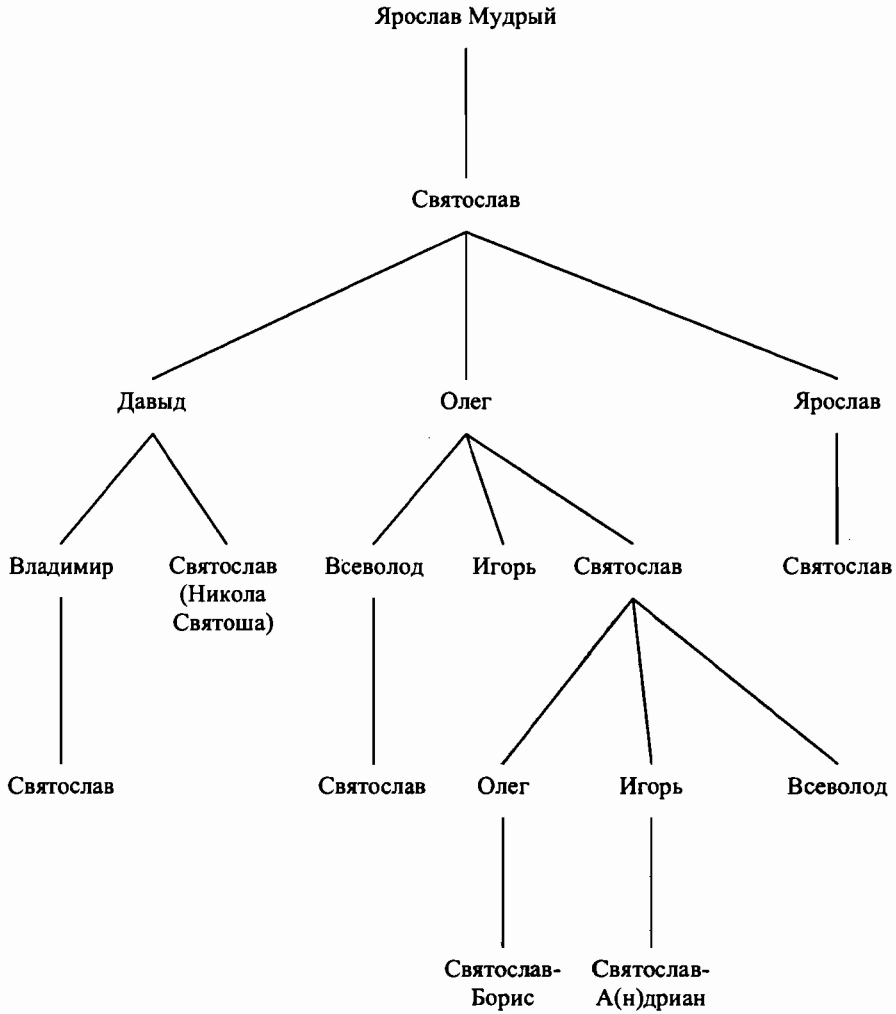

Ярослав Мудрый
Святослав
Давыд
Олег
Ярослав
Владимир
Святослав (Никола Святоша)
Всеволод
Игорь
Святослав
Святослав
Святослав
Святослав
Олег
Игорь
Всеволод
Святослав-Борис
Святослав-А(н)дриан

ТАБЛИЦА № 11

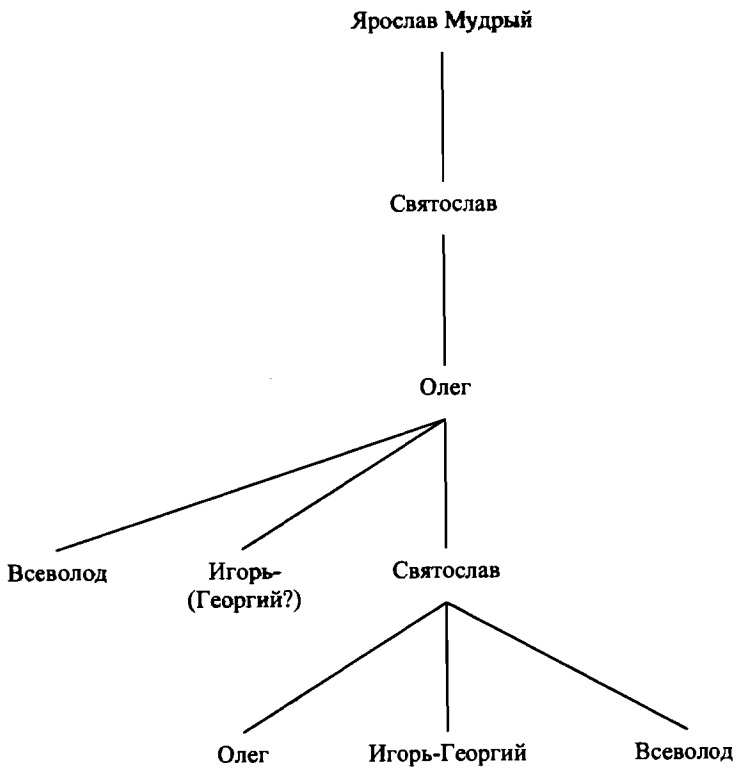
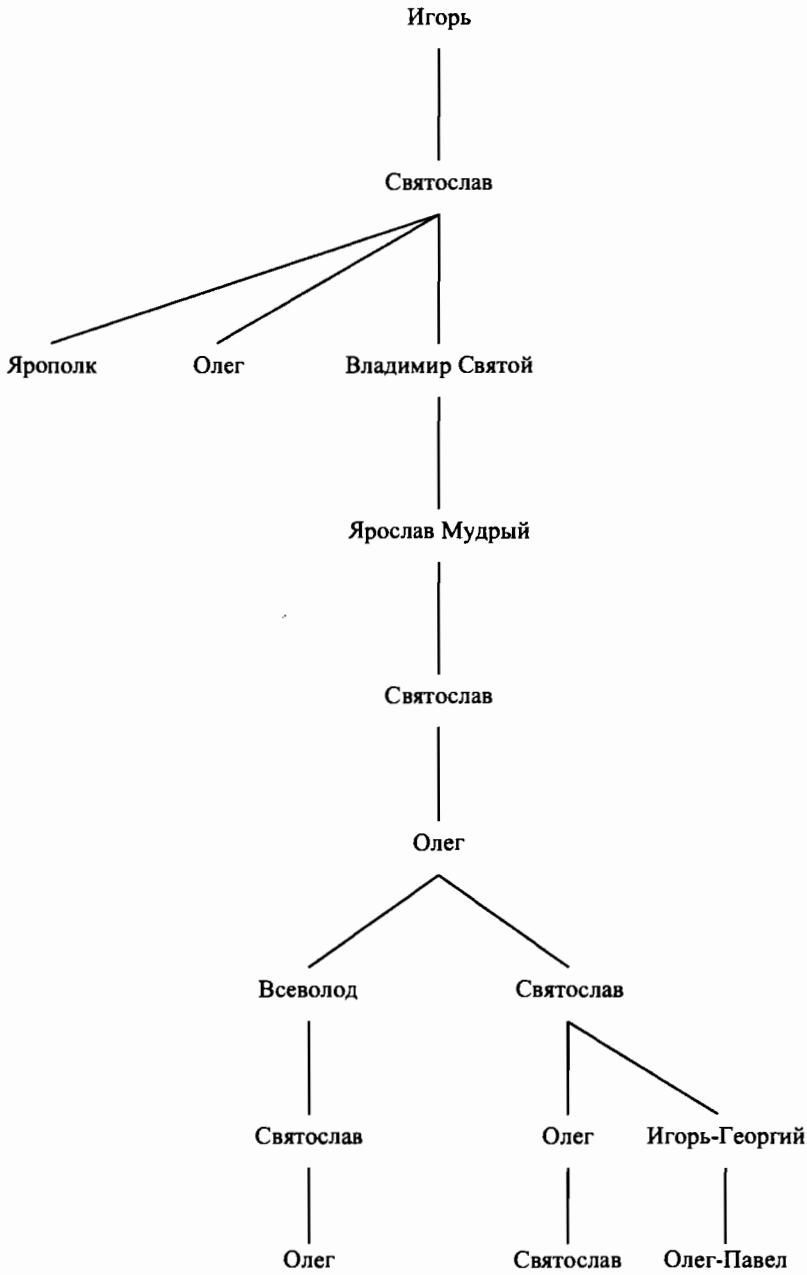

Ярослав Мудрый
Святослав
Олег
Всеволод
Игорь-
(Георгий?)
Святослав
Олег
Игорь-Георгий
Всеволод

ТАБЛИЦА № 12


Игорь
Святослав
Ярополк
Олег
Владимир Святой
Ярослав Мудрый
Святослав
Олег
Всеволод
Святослав
Святослав
Олег
Игорь-Георгий
Олег
Святослав
Олег-Павел

Глава IV

Взаимодействие двух именословов: становление родовых христианских имен у Рюриковичей

Исконные, родовые имена князей образовывали, как мы попытались продемонстрировать, стройную систему, учитывающую самые разнообразные отношения родовой преемственности, преемственности власти, различные аспекты династических интересов. Тем не менее нельзя забывать и о том, что эта система, уходящая своими корнями в дохристианское прошлое, разворачивается лишь во времена, непосредственно предшествующие христианизации Руси. Крещение Руси принесло с собой обширнейший список новых имен, лишенных какой бы то ни было связи с историей княжеского рода, не имеющих каких бы то ни было языковых коннотаций на местной почве. При этом весьма существенно, что с христианским именословом Рюриковичам приходится столкнуться на довольно ранних этапах существования их рода как правящей династии, христианские имена достаточно рано начинают встраиваться в систему именования.

Как же осуществляется эта интеграция христианских имен и что именно происходит со сложившимися принципами выбора имени для князя?

Несмотря на явное господство исконных родовых имен, уже в середине XI в. есть князья, которые в летописи упоминаются исключительно под своим христианским именем. К началу XII в. число таких членов княжеского рода несколько возрастает, а к середине XIII в. их количество уже довольно велико. К XV в., как известно, старые мирские имена практически полностью вытесняются из обихода правящего рода. Что же происходит на начальных этапах этого процесса?

Поначалу князья, известные лишь под христианскими именами, упоминаются в летописи однократно. Ограничимся констатацией этого факта, не останавливаясь подробно на специфике таких разовых упоминаний, тем более что имена этих князей, такие как *Илья* или *Евстафий*, не становятся регулярно повторяющимися в княжеском роду[1].

---

[1] Как кажется, в XIII в. в ветви рязанских князей был еще один княжич *Евстафий*. Во всяком случае, в летописи о нем сказано «бе бо забѣглъ из Рязана» в Литву [ПСРЛ. Т. II. Стб. 855 под 1262 г.]. Если принять версию (основанную на данных Любечского синодика) о том, что Мстислава Владимировича в крещении звали *Константином* (об этом см. также ниже, с. 147, 149), то наш рязанский изгнанник оказывается по христианскому имени и отчеству полным тезкой внука Владимира Святого, оба они именовались *Евстафиями Константиновичами*.

С конца XI в. князей, известных только под христианскими именами, становится больше. При этом речь зачастую идет о таких правителях, которые многократно упоминаются в летописи, занимают в роду далеко не последнее место, фигурируют в самых разнообразных, не только связанных с церковной жизнью ситуациях и во всех отношениях являются полноценными представителями княжеского рода.

Первые христианские имена, утверждающиеся в качестве родовых

Какие же христианские имена регулярно употребляются в этот период без мирских? Прежде всего это Роман и Давид, т. е. христианские имена святых братьев Бориса-Романа и Глеба-Давида. Эти имена упоминаются в качестве единственных у следующих князей: Роман Святославич[2], Давыд Игоревич[3], Давыд Святославич[4] (поколение правнуков Владимира Святого, внуков Ярослава Мудрого, см. табл. № 1 к настоящей главе). Нам представляется весьма существенным то обстоятельство, что Борис-Роман и Глеб-Давид именно в рассматриваемый период были прославлены как святые. Таким образом, для младших родичей их христианские имена уже были именами предков, причем предков, особо почитаемых церковью и впоследствии канонизированных.

Мы не можем говорить о точной дате их канонизации, так как определенная, установившаяся процедура канонизации на Руси в XI — XIII вв. еще не существовала[5]. Подобное положение дел не может не порождать в научной литературе дискуссий о времени канонизации свв. Бориса и Глеба[6]. Тем не менее очевидно, что прославление святых братьев начинается не позднее середины XI в., а в последней трети столетия переходит в общерусский культ.

С точки зрения имянаречения, почитание Бориса и Глеба на Руси имело одну весьма характерную особенность. Дело в том, что причисление кого-ли-

---

В XIV в., судя по данным Псковской летописи, в Изборске и Пскове был еще один князь с именем Евстафий (в источниках приводятся имена двух его сыновей — Карп и Алексей) [ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 23 под 1360 г.]. Впрочем, их принадлежность к роду Рюриковичей весьма сомнительна.

2 Ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 199 под 1077 г. Стб. 204 под 1079 г.].

3 Ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 204 под 1081 г. Стб. 205 под 1083 г. Стб. 256–263 под 1097 г. Стб. 265–274 под 1097 — 1100 гг. Стб. 289 под 1112 и 1113 гг.].

4 Ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 229 под 1095 г. Стб. 230 под 1096 г. Стб. 236 под 1096 г. Стб. 256 под 1097 г. Стб. 262–264 под 1097 г. Стб. 272 под 1097 г. Стб. 273–277 под 1099 — 1103 гг. Стб. 282 под 1107 г. Стб. 284 под 1110 г. Стб. 289 под 1112 г. Стб. 293 под 1123 г.]

5 См., например: [Голубинский 1903. С. 19–31; Живов 1994. С. 35–41; Б.А. Успенский 2002, с указанием литературы].

6 См., например: [Поппэ 1995; Мюллер 1995].

бо из правителей к лику святых зачастую могло сопровождаться превращением его имени, языческого по происхождению, в имя христианское. С другой стороны, если у новоявленного святого уже было христианское имя, то он почитался именно под ним. Иногда даже празднование новоявленному святому приурочивалось ко дню празднования памяти кого-либо из его более древних святых тезок[7]. Что касается святых братьев-князей, обладавших как христианскими, так и исконными именами, то они, по всей видимости, первоначально почитались под своими христианскими именами, а позднее под исконными.

Высказывалась гипотеза, что Давыд Игоревич, Давыд Святославич и Роман Святославич родились как раз в ту пору, когда начиналось в том или ином виде прославление Бориса и Глеба[8], и получили в качестве родовых их христианские имена (см. табл. № 1 к настоящей главе). При этом до определенного момента русский княжич, получая, например, имя *Давид*, мог иметь в качестве небесного покровителя царя Давида, а не русского князя Глеба-Давида. Так, например, князю Давыду Игоревичу принадлежала, по мнению исследователей, печать с изображением царя Давида[9]. Однако имя *Давид* могло стать его единственным (и христианским и родовым одновременно) именно потому, что оно было дано в честь почитаемого предка — двоюродного деда.

Со временем почитание князей-мучеников под их мирскими именами становится общерусской традицией, а дни их памяти — одними из самых общезначимых праздников. Ко второй трети XII в. появляется ряд княжеских печатей с парным изображением обоих святых братьев или с фигурой одного из них[10]. Во второй половине XII — XIII в. княжича, родившегося в день памяти Бориса и Глеба, естественным образом называют *Борисом*. Так происходит, в частности, с сыном Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо[11] и с сыном Василько Константиновича, правнуком Всеволода Большое Гнездо:

---

7 Такая практика «приурочивания» была вполне распространена в Средние века. На русской почве случаи подобного рода, вообще говоря, довольно многочисленны. Например, память Андрея Боголюбского приурочена ко дню св. Андрея Критского (4 июля), память благоверного князя Федора Ярославича празднуется 5 июня, в день памяти Федора Чудотворца. Память Варлаама, игумена Киево-Печерского, совпадает с днем памяти преподобных Варлаама и Иоасафа (19 ноября), память Сильвестра Киево-Печерского, жившего в XII в., отмечается 15 января, т. е. тогда же, когда и Сильвестр Римский, память Меркурия, мученика Смоленского, приходится на день памяти великомученика Меркурия Кесарийского, а с празднованием Афанасию Великому (31 января) совпадают дни памяти сразу двух русских святых — Афанасия Вологодского и Афанасия Наволоцкого.

8 См. об этом: [Поппэ 1995. С. 59–65].

9 См. [Поппэ 1995. С. 63; Янин 1970. Т. I. С. 20; Янин, Гайдуков 1998. С. 21–22. № 26-2].

10 См. [Янин, Гайдуков 1998. С. 61. №№ 333-3, 333б. С. 50. № 217а].

11 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 404 под 1187 г.].

«...родиса Василку сн҃ъ м҃ца иоула въ к҃д дн҃ь В праздни҃к ст҃ою м҃чку Бориса и Глѣба и наре҃чно бы҃има ѥму Борисъ» [12].

При этом, с одной стороны, присутствует тенденция к сближению мирских и крестильных имен князей-мучеников, когда княжичи, именуемые в летописи *Борис* или *Роман*, могут равным образом находиться под покровительством своего родича св. Бориса-Романа. С другой стороны, имя *Борис* к середине XII в. может рассматриваться исключительно в качестве христианского, а, значит, и даваться новорожденному княжичу наряду с мирским, как это имело место, например, в случае наречения Святослава-Бориса Ольговича [13].

Кроме того, имена *Борис-Роман* и *Глеб-Давид* могли распределяться между братьями в одной княжеской семье [14], причем каждое из них фигурировало, по-видимому, как единственное, совмещая в себе функции родового и христианского. Достаточно упомянуть здесь имена четырех сыновей полоцкого князя Всеслава Брячиславича — *Рогволод*, *Святослав*, *Роман*, *Давид*, *Глеб*, *Ростислав*, *Борис*, или имена сыновей Святослава Ярославича — *Глеб*, *Давид*, *Ярослав*, *Олег*, *Роман*, *Борис* (?) [15] (см. табл. №№ 1, 2 к настоящей главе). Такое распределение имен в княжеской семье могло происходить и «по вертикали», когда отец, носящий имя *Роман*, давал своему сыну крестильное имя *Борис* [16]. В летописном узусе достаточно рано все четыре имени (*Борис*, *Глеб*, *Роман*, *Давид*) употребляются в роли единственного имени того или иного князя.

Таким образом, со второй половины XI в. наблюдается весьма показательный процесс превращения мирских, родовых имен этих князей (*Борис* и *Глеб*) в христианские, а их христианских имен (*Давид* и *Роман*) — в княжеские родовые. Процесс этот был чрезвычайно важен для всей системы име-

---

12 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 457 под 1231 г.].

13 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 526 под 1167 г.]. См. также ниже примеч. 35 в настоящей главе.

14 Во второй половине XII в. на Руси был вполне в ходу обычай давать двум братьям христианские имена «парных» святых. При этом такие крестильные имена могли даваться, по-видимому, вне соответствия с церковным календарем, а мирские имена этих княжичей прямо друг с другом не соотносились. Ср. свидетельство летописи о рождении сыновей Игоря-Георгия Святославича: «Тогож лѣ҃т родиса оу Игора сн҃ъ м҃ца ѡктабра вь и҃ дн҃ь и нарекоша има ему Володимѣръ а во крщньи Петръ» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 562 под 1173 г.]; «...родиса Игорю сн҃ъ и нарекоша има ему Ѡлегъ а вь крщеньи Павелъ» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 600 под 1175 г.].

15 Ряд исследователей (например: [Рапов 1977. С. 102–103]) выражали небезосновательные сомнения в существовании князя Бориса Святославича. См. подробнее о нем гл. III, с. 96, примеч. 66.

16 Так поступил, в частности, князь Роман Ростиславич, назвав своего сына исконным родовым именем *Мстислав*, в честь прадеда — Мстислава Великого, и крестильным *Борис*. См. также ниже, примеч. 35 к настоящей главе.

нования у Рюриковичей в целом. До определенного времени у князя должно было быть по крайней мере два имени — одно княжеское, исконное, мирское, «русское» и другое христианское, крестильное. Изменение статуса имен *Борис*, *Глеб*, *Роман* и *Давид* становилось предвестником глобальных изменений в этой схеме двуименности. Имя *Роман* или *Давид* могло отныне функционировать и как крестильное, и как родовое, княжеское. Младенцу, нарекаемому *Романом*, не было нужды давать какое-либо второе династическое имя, поскольку одним он уже обладал. Именно под этим христианским династическим именем он участвовал во всех перипетиях родовой жизни, и потому оно и оказывалось тем единственным именем, под которым князь фигурировал в письменных источниках ‡.

Что касается отца Бориса и Глеба, Владимира Святого, то большинство исследователей относили время его канонизации ко второй половине XIII в. Однако есть основания полагать, что его прославление имело место значительно ранее, не позднее последней четверти XI в., причем первоначально он прославляется, по-видимому, под своим крестильным именем *Василий*[17].

Можно предположить, что примерно в этот период (70-е гг. XI в.) появился на свет Василько Ростиславич Теребовльский, который в летописи фигурирует также исключительно под своим христианским именем (см. табл. № 3 к настоящей главе)[18]. Василько Теребовльский был сыном Ростислава Владимировича[19] и двоюродным племянником названных в честь князей-мучени-

---

17 См. подробнее: [Б.А. Успенский 2002. С. 274, 276–278]. Судьба имени *Василий* в княжеском роду заставляет задуматься над вопросом, по какому принципу выбирались самые первые христианские имена для Рюриковичей. Мотивы выбора крестильного имени для Владимира Святого относительно прозрачны: *Василием* звали, как известно, византийского императора, Василия II, принимавшего столь деятельное участие в крещении русского князя. Немаловажна при этом и «царственная» семантика этого греческого имени, по-своему значимая и на русской почве. Любопытна в этом отношении ошибка в месяцеслове Остромирова Евангелия, где под 21 мая вместо памяти благоверному василевсу Константину и матери его Елене обозначена память «ст҃ымь Василию Константиноу и Елени и матери ѥго» (см. [Лосева 1996а. С. 30]).

Христианские имена Бориса и Глеба, *Роман* и *Давид*, возможно, были выбраны благодаря ориентации на именослов болгарского правящего дома (см. [Приселков 2003. С. 27–28; Молчанов 2004. С. 81–83]).

18 Ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 205 под 1085 г. Стб. 215 под 1092 г. Стб. 241. Стб. 256–263 под 1097 г. Стб. 265–269 под 1097 г. Стб. 274 под 1100 г. Стб. 293 под 1124 г.].

19 Внуки Владимира Ярославича, сыновья Ростислава, носят имена *Рюрик*, *Володарь* и *Василько* (см. табл. № 3 к настоящей главе). В имени старшего, как уже говорилось, содержится прямая апелляция к имени основателя династии (см. гл. I, примеч. 11 на с. 15). Имя второго сына, *Володарь*, явным образом связано с мирским именем его родного деда Владимира Ярославича и с мирским именем прапрадеда — Владимира-Василия Святого (см. гл. II, с. 59). Третий же сын получает христианское

ков Давыда Игоревича, Давыда Святославича и Романа Святославича. Соответственно, он принадлежал к следующему поколению Рюриковичей. Иными словами, весьма вероятно, что очередность встраивания христианских имен в родовую традицию в некотором смысле соответствовала очередности прославления их носителей из княжеского рода.

Не исключено, что повтор христианского имени предка, превращение его в единственное имя для князя служит своего рода «первой заявкой на прославление»[20]. Условно говоря, христианское имя встраивается в родовую историю по следующей модели: сперва прославленный церковью князь носит его в качестве второго, крестильного имени, а затем его потомок получает это имя в качестве единственного, так как для него оно уже становится и родовым, и христианским одновременно. Первыми именами, совмещающими функции родового и крестильного, были *Роман*, *Давид* и *Василий*. Они могли использоваться в качестве единственного имени князя уже во второй половине XI в.

Эти имена могут и в дальнейшем употребляться у Рюриковичей в качестве единственных. При этом имя *Василий* нередко выступает и в составе именной пары 'христианское имя — мирское имя'[21]. Позднее, на рубеже XI — XII вв. в цепь родовой преемственности включаются и другие христианские имена предков. Речь идет, в частности, об именах *Георгий* и *Андрей*. Первые Рюриковичи, получившие эти имена в крещении, не почитались церковью как святые. Вероятнее всего, причину повтора их крестильных имен у потомков следует искать в некотором соединении христианской традиции и родового культа предков[22]. Элементы этого культа присутствовали, несомненно, и в начальном почитании свв. Бориса и Глеба[23].

имя прапрадеда *Василий* в его гипокористической форме (на сочетание двух мирских и одного христианского имени у братьев-Ростиславичей уже обращалось внимание [Франчук 1998. С. 173]). Таким образом, мы, по-видимому, имеем дело с встречающимся в династии Рюриковичей распределением мирского и христианского имени одного и того же предка между двумя потомками-братьями. В данном случае это распределение устроено достаточно сложным образом: в нем задействованы как варьирование родового имени, так и образование гипокористических форм от христианского имени. Кроме того, напрашивается предположение, что *Василием* звали в крещении и деда Володаря и Василька Ростиславичей, самого Владимира Ярославича, но никакими данными на этот счет мы не располагаем (ср. [Б.А. Успенский 2002. С. 277–278]).

20 См. [Б.А. Успенский 2002. С. 277].

21 Достаточно упомянуть, что *Василием* в крещении звали не только Владимира Мономаха, но и одного из полоцких князей с родовым именем *Рогволод*. Позднее крестильное имя *Василий* носил также князь Рюрик Ростиславич, внук Мстислава Великого: «Того же лѣта созда великыи бо҃любивыи кн҃зь Рюрикъ цр҃квь ст҃го Василья во имѧ свое в Кыевѣ на Новомъ дворѣ» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 707 под 1198 г.].

22 Ср. [Комарович 1960].

23 См. [Поппэ 1995].

Однако одним феноменом родопочитания невозможно объяснить первые, самые ранние случаи употребления христианского имени в качестве единственного именования у князей. На наш взгляд, чтобы дать первый толчок для переключения родовой традиции на христианские имена, чтобы создать прецедент употребления христианского имени в качестве единственного, необходимы были какие-то специальные обстоятельства — в данном случае это было, по всей вероятности, начало церковного прославления Бориса-Романа и Глеба-Давида. Для нас, таким образом, существенно не противопоставление родопочитания и культа святых, а объединение двух этих начал в стратегии имянаречения. Именно это сплетение двух традиций в отношении к умершим и позволило вовлечь христианские имена в династическую систему имянаречения, в ту область, где еще, безусловно, господствовало родовое начало.

В этот период христианские имена, становящиеся родовыми, функционируют наряду с исконными, языческими по происхождению именами Рюриковичей. Они подхватываются династической системой имянаречения, подчиняются поначалу общеродовым правилам именования и все же занимают среди других имен несколько обособленное положение.

Христианские родовые имена в семье Владимира Мономаха

В качестве иллюстрации совместного бытования родовых языческих и родовых христианских имен в конце XI — первой половине XII в. обратимся вновь к семье Владимира Мономаха (см. табл. № 4 к настоящей главе). Как мы помним, его старшие сыновья фигурируют в летописи исключительно под исконными именами Мстислав, Изяслав, Святослав, Ярополк и Вячеслав[24]. Трое же младших сыновей Мономаха (т. е., по-видимому, все его сыновья от второго брака)[25] в источниках названы лишь христианскими именами Георгий, Андрей и Роман. Почему же мирские имена старших сыновей Мономаха мы хорошо знаем, а от младших сохранились лишь их христианские имена? Чем руководствовался Владимир Мономах, давая троим своим детям (появившимся на свет примерно тогда же, что и его старшие внуки от Мстислава) такие имена?

Для того чтобы приблизиться к ответу на эти вопросы, необходимо сделать небольшое отступление. Выше мы показали, что Владимир Мономах в том, что касается имянаречения, особенно выделял фигуру своего деда Ярослава Мудрого. В своем «Поучении», как мы помним, он специально подчеркивает, что его собственное имя ему дал сам Ярослав:

---

24 Имя Вячеслав в эту пору у Рюриковичей функционировало, по-видимому, как нехристианское, хотя к тому времени чешский князь уже был прославлен церковью. См. также примеч. 55 в гл. I.

25 См. [Кучкин 1999. С. 74].

«Азъ худыи дѣдомъ своимъ Ꙗрославомъ <...> нареченѣмь въ крщнїи Василии Русьскымь именемь Володимиръ»[26].

Троих своих сыновей Мономах называет так же, как назвал своих сыновей его дед (*Изяслав*, *Святослав*, *Вячеслав*). При этом, как кажется на первый взгляд, никто из его детей не был наречен непосредственно в честь прадеда. Действительно, имя *Ярослав* в семье Мономаха отсутствует. Может показаться, что Владимир Мономах никого из детей не назвал и именем своего отца, *Всеволод*, хотя младшие из них, несомненно, появились на свет после смерти последнего.

Однако на самом деле и имя деда, и имя отца представлены в семье Мономаха. Вспомним, что христианским именем Ярослава Мудрого было *Георгий*[27], а Всеволод Ярославич в крещении получил, по-видимому, имя *Андрей*.

Вероятно, появление второй семьи у Владимира Мономаха означало появление новой точки отсчета в его стратегии имянаречения. Противостояние между детьми правителя от разных браков является едва ли не «общим местом» средневековой историографии[28]. Имея взрослых сыновей от первого брака и не собираясь лишать их родовых прав, Владимир, как кажется, стремился предоставить равноценные права и вновь появляющимся детям от второго брака. Между тем мирские имена его старших детей уже недвусмысленно обозначали их высокое положение в системе родовых отношений. Обеспечить столь же высокое место в роду своим младшим детям можно было, лишь применив какой-то иной подход к выбору имени. При этом имена, разумеется, должны были оставаться в полной мере родовыми, с легко узнаваемыми «прототипами».

Своего старшего[29] сына от второго брака Владимир Мономах назвал *Юрием*, т. е. христианским именем своего деда, Ярослава-Георгия Мудрого

---

26 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 240].

27 См., например: [Молдован 1984. С. 97, 98, 99].

28 Не случайно Ярослав в завещании своим детям подчеркивает: «имѣите в собѣ любовь понеже вы єсте брать єдиного ѡца и матре» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 161 под 1054 г.]. По-видимому, Ярослав помнил о распрях между своими братьями, происходящими от разных матерей, и между своим отцом и дядьями. Подобные распри, как мы знаем, не утихают и среди его потомков. Владимиру Мономаху не удалось предотвратить столкновения между своими сыновьями от разных браков, как не удалось предотвратить их и его старшему сыну Мстиславу.

Показательно в этом отношении прозвище сына Мстислава от второго брака — *Мачешич*, — вероятно, данное ему старшими единокровными братьями и их сторонниками. В подобном псевдопатрониме видно стремление затушевать его связь с отцом и подчеркнуть связь с той женой отца, которая не была матерью его старшим братьям. *Мачешич* же означает, по-видимому, «не вполне брат».

29 См. [Янин 1960. С. 119–120; Кучкин 1999, с указанием литературы].

(см. табл. № 4 к настоящей главе). То обстоятельство, что Ярослава в крещении звали *Георгием*, несомненно, было широко известно его современникам и потомкам. Достаточно упомянуть, что Ярослав построил Георгиевский собор в Киеве[30] и основал город Юрьев[31]. Столь наглядные свидетельства почитания своего патронального святого прочно связывали в памяти людей самого князя и его христианское имя.

Мы не знаем наверняка, было ли Юрию Долгорукому дано при рождении какое-либо второе имя, которое впоследствии оказалось совершенно неупотребительным. На наш взгляд, гораздо более вероятно, что имя *Юрий* и было его единственным именем. Оно стало общеизвестным именем князя благодаря Ярославу Мудрому и, как кажется, сулило его обладателю высокое положение в родовой иерархии. Не исключено, что ребенок не мог получить мирского, княжьего имени прадеда, потому что оно отводило бы ему место старшего в своем поколении. Можно предположить также, что, назвав *Ярославом* своего сына от второго брака, Владимир отказал бы в правах старшинства Мстиславу или, по крайней мере, сильно осложнил бы систему иерархических отношений в своей семье.

Разумеется, все эти допущения носят гипотетический характер. Но практически не вызывает сомнений, что возможность конфликта между детьми от разных жен, между старшими внуками и младшими сыновьями была для Владимира Мономаха достаточно очевидной. Вероятно, Мономах пытался предотвратить это столкновение и заранее создать некоторую структуру распределения власти. Это стремление, в частности, и отразилось в новом подходе к имянаречению младших сыновей.

Имя *Юрий*, таким образом, оказывалось и родовым, и христианским одновременно, а династическая судьба Юрия Долгорукого, основателя новой ветви рода, добившегося в конце концов киевского стола, сделало это имя престижным родовым именем для его потомков.

Для истории становления христианских родовых имен в династии Рюриковичей имя *Георгий*, несомненно, является одним из самых значимых. У Юрия Владимировича Долгорукого с прадедом совпадали не только христианские имена, но и отчества — как мирское, так и христианское. Оба были *Владимировичами* и *Васильевичами*. Это имя совмещало в себе функции крестильного и родового, по-видимому, не только у уже упоминавшегося Юрия Владимировича Долгорукого, но и целого ряда князей, принадлежащих к следующим поколениям Рюриковичей: например, у сына племянницы Долгорукого, Юрия Ярославича, князя туровского, сына Ярослава Святопол-

---

30 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 151 под 1037 г.; Т. II. Стб. 139].

31 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 149 под 1030 г.; Т. II. Стб. 137]. Для Ярослава Владимировича имя *Юрий* было исключительно крестильным, а родовым, княжеским, разумеется, являлось *Ярослав* — не случайно другой город, основанный этим князем, был назван Ярославлем.

чича и Мстиславны[32], а также у внуков Долгорукого — Юрия Андреевича, сына Андрея Боголюбского, и Юрия Всеволодича, сына Всеволода Большое Гнездо (см. табл. № 5 к настоящей главе). Так звали и более отдаленных родичей Юрия Долгорукого, например муромско-рязанских князей Юрия Ярославича, сына Ярослава Святославича, и Юрия Владимировича, сына Владимира Святославича и внука Святослава Ярославича. Вплоть до XVI в. это имя сохраняет свою популярность в династии. По самым приблизительным подсчетам в XIII — XVI вв. его носило около трех десятков князей Рюриковичей.

Можно предположить, что все эти *Юрии* получали свое имя в честь предка, как и подобает получать родовое имя. При этом оно, несомненно, осознавалось как христианское. В этом отношении очень показательно описание имянаречения Юрия Всеволодича, внука Юрия Долгорукого (см. табл. № 5 к настоящей главе):

«Тое же ѡсени родиса сн҃ь оу великаго Всеволода в Соуждали во Филипово говѣние м^с^ца ноѩбра во к҃s дн҃ь на ѡсвщниѥ црк҃ви моученика Геѡргиѩ и велѣ ѡц҃ь его Всеволодъ епп^с^оу Лоуцѣ нарещи имѧ емоу Юрьи дѣдне имѧ»[33].

Из приведенного текста явно следует, что решающая роль при выборе имени для ребенка в полном согласии с родовой традицией принадлежала отцу. Кроме того, в данном случае две тенденции — наречение в честь умершего родича и требования церковного календаря — удачным образом совмещаются.

Показательно, что летописец знает каноническую форму имени (*Георгий*), однако в качестве имени новорожденного указывает традиционную для рода форму (*Юрий*), ясно осознавая при этом, что перед ним одно и то же имя. Точно так же интересующий нас сын Владимира Мономаха в летописи может именоваться как *Георгий*, так и *Гюргий*, *Дюрги* или *Юрьи*. Тем не менее в середине XII в. мы неожиданно встречаем имя *Гергий* (именно в такой форме!) в качестве члена именной пары 'христианское имя — мирское имя':

«...а въ вторни^к^ родиса оу него <Святослава Ольговича. — *А. Л., Ф. У.*> сн҃ъ и нарекоша имѧ ему въ стомъ кр^с^щеньи Гергии а мирьскии Игорь»[34].

Характерно, что сочетание *Игорь-Георгий* появляется не у потомков Мономаха, а в другой ветви Ярославичей. В приведенном примере речь идет о рождении новгород-северского князя Игоря-Георгия Святославича, внука

---

32 А.В. Назаренко полагает, впрочем, что Юрий Ярославич был сыном Ярослава Святополчича от другого брака, так как в противном случае его собственный брак с дочерью Всеволодко Городенского не соответствовал бы каноническим требованиям к степени отдаленности родства брачующихся [Назаренко 2000. С. 178. Примеч. 59]. Известно, с другой стороны, что эти канонические установления князьями периодически нарушались (см. [Плахонин 2004. С. 322–323]).

33 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 659 под 1187 г.]; ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 408 под 1189 г.].

34 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 422 под 1151 г.]. О роли месяцеслова в выборе христианского имени этого князя см. в гл. V, с. 187–189.

Олега Святославича и правнука Святослава Ярославича (см. табл. № 6 к настоящей главе)[35].

Судьба двух имен Ярослава-Георгия Мудрого в именослове его потомков оказалась достаточно сложной. В частности, мы не знаем ни одного князя во второй половине XI — первой половине XIII в., которому были бы даны одновременно оба имени прославленного предка. Имя *Ярослав* не становится распространенным и общепринятым именем для старшего сына[36].

Тем не менее святой покровитель Ярослава Мудрого — св. Георгий, — безусловно, становится «семейным покровителем» ближайших поколений Рюриковичей и особенно почитается в родовой линии его сына Всеволода и внука Владимира Мономаха. Культ св. Георгия передается в этой все расширяющейся ветви рода Рюриковичей из поколения в поколение. Иногда этот культ воплощается в имянаречении, но уже с начала XII в. очевидно, что этот святой воин особенным образом почитается в княжеском роду не только носителями имени *Георгий*.

Как мы помним, Владимир Мономах в «Поучении» специально оговаривает, что его имя дано ему дедом, и, в свою очередь, дает имя деда *Георгий* одному из своих сыновей (Юрий Долгорукий). Сын Мстислава Владимировича Великого, Всеволод-Гавриил, учреждает в Новгороде Юрьев монастырь, подобно тому как Ярослав-Георгий основывает монастырь в честь своего святого в Киеве. При этом для Ярослава св. Георгий являлся его святым патроном, тогда как для Всеволода Мстиславича, его отца Мстислава Владимировича и деда Владимира Всеволодича св. Георгий был, по-видимому, семейным небесным покровителем. О почитании св. Георгия в семье Мономашичей свидетельствует и знаменитая Мстиславова грамота, которая является пожалованием новгородскому Юрьеву монастырю от самого Мстислава Великого и его сына Всеволода-Гавриила. В летописи содержится свидетельство о значимости Юрьева дня для князей при жизни Юрия Долгорукого[37]. В последующих поколениях имя *Юрий*, как уже говорилось, присут-

---

35 См. подробнее гл. III, с. 104, примеч. 97. Иными словами, имя *Георгий* — исходно христианское — функционирует примерно так же, как и имя *Борис*, которое исходно было родовым, а позднее в большинстве случаев стало совмещать в себе функции христианского и родового. Иногда в середине XII в. оба имени *Юрий* и *Борис* могут употребляться у потомков Олега Святославича в составе именной пары 'христианское имя — мирское имя' в качестве христианского. Родного племянника Игоря-Георгия Новгород-Северского называют *Святославом-Борисом* (см. табл. № 6 к настоящей главе): «Том же лѣ^т^ родиса Ѡлгу сн҃ъ и бы^с^ и нарекоша има ему въ крщеньи Борисъ а мирьсти Стославъ» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 526 под 1167 г.].

Впрочем, имя *Борис* было в качестве крестильного и у Мстислава Романовича Старого из рода Мономашичей (ср. [Карамзин. Т. III. Примеч. 53, 95; Экземплярский. Т. I. С. 16. Примеч. 35; Янин 1970.Т. I. С. 92]).

36 Ср. гл. I, с. 28, примеч. 78.

37 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 422–423]. Об этом эпизоде см. гл. V, примеч. 55 на с. 189.

ствует более или менее регулярно, а св. Георгий со временем начинает рассматриваться как покровитель всего рода русских князей[38].

Итак, рассматривая бытование имени *Георгий* в домонгольский период, можно наметить несколько свойств, которыми должно обладать христианское имя, чтобы закрепиться в качестве родового. Во-первых, желательно, чтобы его уже носил кто-либо из предков, если не в качестве княжьего, то хотя бы в качестве второго (крестильного) имени. Во-вторых, отбор христианских имен, подобающих князьям, происходит в тесной взаимосвязи с формированием круга небесных покровителей княжеской семьи. В-третьих, одним из надежных, хотя и необязательных, показателей усвоения христианского имени в роду князя является распространение его гипокористических (уменьшительных) форм[39].

Еще один сын Мономаха от второго брака также известен только под христианским именем *Роман* (см. табл. № 4 к настоящей главе). Имена *Роман* и *Давид*, по-видимому, становятся полноценными родовыми именами еще до появления на свет Романа Владимировича. Как мы видели, несколько внуков Ярослава Мудрого — Давыд Святославич, Роман Святославич, а также Давыд Игоревич — фигурируют в летописях только под этими именами. В этих именах наиболее наглядно и полно совпадали две традиции имянаречения, княжеская и христианская. Они давались новорожденному, с одной стороны, в честь предка, а с другой стороны, в честь святого. Как уже говорилось, с имен *Роман* и *Давид* начинается постепенное перенесение функций родового княжеского имени на имена христианские.

Предположение о том, что Мономах назвал своего сына именно в честь канонизированного родича[40], может подтверждаться и тем фактом, что у новорожденного княжича и св. Бориса-Романа совпадают не только христианские имена, но и отчества. Таким образом, назвав нескольких сыновей от первого брака мирскими именами сыновей Владимира-Василия Святого, для двух сыновей от второго брака Владимир-Василий Мономах использует христианские имена других сыновей крестителя Руси — *Георгия* и *Романа*.

Итак, христианское имя родного прадеда получает Юрий Долгорукий, христианское имя двоюродного прадеда — его брат Роман (см. табл. № 4 к настоящей главе). Христианское же имя родного деда достается еще одному сыну Мономаха от второго брака, которого он называет *Андреем* (Андрей Добрый). Мирское имя Всеволода Ярославича было, по-видимому, уже «занято»: его носил старший внук Мономаха, Всеволод Мстиславич[41]. При этом

---

38 Здесь нет специальной необходимости лишний раз упоминать о том, что св. Георгий очень рано становится одним из самых почитаемых на Руси святых.

39 Об этом см. ниже, с. 131–137.

40 Ср. [Б.А. Успенский 2002. С. 276. Примеч. 15].

41 Андрей Добрый появился на свет в 1102 г. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 252]. Год рождения Всеволода-Гавриила Мстиславича-Федоровича в летописях не указывается. Время появления на свет старших детей Мстислава Великого (а Всеволод был его

крестильным именем Всеволода Мстиславича было *Гавриил*, при его наречении именная пара его предка *Всеволод-Андрей* не воспроизводилась как единое целое. Вообще говоря, наследование христианского имени могло осуще-

---

первым сыном) в современной историографии является предметом полемики. А.В. Назаренко полагает, что первые сыновья у Мстислава могли появиться не ранее 1091 — 1092 гг. [Назаренко 1993. С. 69]. В.А. Кучкин же считал, что две дочери Мстислава и сын Всеволод родились не ранее второй половины 90-х гг. XI в. [Кучкин 1999. С. 70]. Для установления примерного времени появления на свет Всеволода Мстиславича чрезвычайно важны два свидетельства Новгородской первой летописи. Одно из них, помещенное под 1103 г., сообщает, что Мстислав заложил на Городище церковь Благовещения [ПСРЛ. Т. III. С. 19]. На Руси, как известно, культ архангела Гавриила, патронального святого Всеволода, в церковном строительстве и иконографии связывался прежде всего с Благовещением. Высказывалось предположение, что церковь, явно связанная с патрональным святым сына, была заложена Мстиславом в связи с появлением этого княжича на свет [Янин 1970. Т. I. С. 108–109; Мурьянов 1972. С. 218. Примеч. 11]. В таком случае можно было бы предположить, что дядя и племянник — Андрей Добрый и Всеволод — появились на свет практически одновременно, и в силу этой одновременности имена прославленного предка были распределены между ними. Однако этому допущению, как и указанному выше предположению о конкретном поводе для строительства церкви Благовещения, несколько противоречат данные Новгородской первой летописи, помещенные под 1106 г., согласно которым именно в этом году постригся в монахи князь Святослав Давыдович (Никола-Святоша), «тьсть Всѣволожъ» [ПСРЛ. Т. III. С. 19]. Наиболее очевидное прочтение этого свидетельства заключается в том, что брак между Всеволодом-Гавриилом и дочерью Николы-Святоши к 1106 г. был уже заключен. Едва ли Всеволоду к моменту свадьбы было два-три года отроду. Вероятнее, в таком случае, что он родился вскоре после кончины своего прадеда, Всеволода Ярославича, умершего в 1093 г., и был вполне закономерным образом назван его княжьим именем. Строительство же церкви в честь патронального святого княжича могло быть связано с самыми различными событиями в жизни семьи Мстислава Великого. Не исключено, в частности, что закладка церкви была приурочена к сватовству и планируемой свадьбе юного княжича.

Нельзя, впрочем, полностью исключить и того, что брак Мстиславича и Святославны был заключен существенно позже 1106 г., а именование Николы-Святоши тестем Всеволода в статье под 1106 г. является своеобразным анахронизмом — летописец знал, что впоследствии Святослав Давыдович сделался тестем Всеволода-Гавриила и потому употребляет этот термин свойствá «заранее», вовлекая события, происходящие с черниговским князем в перспективу новгородской истории. Тем не менее более вероятным представляется, что Никола-Святоша, принимая постриг сознательно и добровольно, уладил предварительно свои мирские дела и выдал дочь замуж. Возможно, именно близящимся уходом тестя в монастырь объясняется и сравнительно юный возраст жениха при вступлении в брак. Едва ли Всеволоду-Гавриилу было к моменту свадьбы более 12 — 13 лет.

ствляться по-разному, не только в составе готовой именной пары, когда и предка, и потомка называют, например, *Ростислав-Михаил* или *Святослав-Николай*[42]. Зачастую христианское и мирское имя подбираются параллельно и независимо друг от друга.

Когда и христианское, и мирское имя князей, родоначальника новой ветви широко известны и памятны, это дает, как мы могли видеть, новые возможности при распределении имен в семье. Так, если мирское имя *Всеволод* досталось старшему в своем поколении внуку Владимира Мономаха, Всеволоду-Гавриилу, то на долю одного из сыновей Владимира от второго брака пришлось крестильное имя их общего предка Всеволода Ярославича — *Андрей*. Волею судеб племянник мог оказаться старше дяди, и при выборе имени нужно было учитывать все тонкости такой запутанной ситуации.

Имя *Андрей* явным образом выделено в княжеской традиции, на Руси особым почитанием издревле пользовались несколько святых с этим именем. Далеко не всегда в письменных источниках оговаривается, о каком именно св. Андрее идет речь. Князю Всеволоду-Андрею Ярославичу, отцу Мономаха, атрибутируются печати с изображениями св. Андрея и надписями:

К[UPI]Е ВОНѲЕІ ТѲ СѲ ДОUЛѡ АNДРЕА ТѲ СВЛАДѲ; К[UPI]Е ВОНѲЕІ ТѲ СѲ ДОUЛѲ АNДРЕА АРХОNТІ ПАСІС РѲСІАС[43].

В 1086 г. он заложил церковь св. Андрея в Киеве и при ней основал монастырь[44]. Этот монастырь в летописях называется Янчиным монастырем — по имени дочери Всеволода, монахини Янки[45], которая постриглась в нем, видимо, еще при жизни отца. Освящена церковь св. Андрея, заложенная Всеволодом, только в 1131 г., т. е. уже при внуке великого князя, Мстиславе Великом[46]. В этой церкви несколькими годами позднее был погребен еще один внук Всеволода, великий князь киевский Ярополк Владимирович[47].

Очевидно, что св. Андрей был почитаем особо в семье Всеволода Ярославича. Однако о каком именно св. Андрее в данном случае может идти речь? В.Л. Янин и П.Г. Гайдуков полагают, что на печати Всеволода изображен св. Андрей Первозванный[48]. Между тем в летописи нигде специально не

---

42 Об устойчивых, переходящих от предка к потомку парах 'мирское имя — христианское имя' см. подробнее: Экскурс № 10.

43 См. [Янин, Гайдуков 1998. С. 20–21].

44 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 197].

45 Летопись знает только эту гипокористическую форму имени Всеволодовой дочери. В большинстве указателей к летописям оно считается производным от *Анны*. С точки зрения А.А. Гиппиуса такое прочтение ошибочно, т. к. *Янка* это уменьшительная форма от имени *Иоанна* (см. [ПСРЛ. Т. III. С. 646. Примеч. 33]).

46 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 294].

47 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 306 под 1138 г.].

48 См. [Янин 1970. Т. I. С. 15–16; Янин, Гайдуков 1998. С. 20–21].

уточняется, какому из свв. Андреев была посвящена церковь, заложенная Всеволодом в Киеве, и во чье имя он был крещен.

Не исключено, что другая церковь св. Андрея, построенная в Переяславле при Всеволоде Ярославиче, была посвящена Андрею Стратилату[49]. В то же время в Никоновской летописи о ней говорится как о церкви «святаго апостола Андрѣа»[50]. В «Поучении» же Владимира-Василия Всеволодича Мономаха приводится молитва князя, в которой названы Богоматерь, Христос, и единственный святой — Андрей Критский:

«...Андрѣа чⁿтныи отче треблжныи пастуше Критьскыи не престаи молаѧ за ны чтущаꙗ тѧ»[51].

Любопытно, что сам Мономах в Никоновской летописи несколько раз назван *Андреем* («...правнуку Андрѣа, зовомаго Владимера Маномаха...»[52]). Аналогичные сведения о христианском имени Владимира Мономаха находим в Синодике московских царей XVI в., который предписывает поминать «благовѣрного царя и великого князя Владимира Манамаха, во святом крещении Андрея»[53]. Все эти данные открыто противоречат тексту того же «По-

---

49 См. [Раппопорт 1993. С. 38, 42]. Под 1089 — 1090 гг. в летописи сообщается о возведении множества построек в Переяславле и перечислены нововозведенные церкви [ПСРЛ. Т. I. Стб. 208; Т. II. Стб. 200]: уже упомянутая св. Андрея (святого, тезоименитого правящему князю), св. Федора (святого, тезоименитого старшему внуку правящего князя) и, наконец, митрополичья церковь св. Михаила (святого, возможно тезоименитого сыну Всеволода-Андрея Ростиславу-(Михаилу?)) (ср. [Кирпичников 1977. С. 430–432]). Строящиеся церкви нередко посвящались патрональным святым членов семьи правящего князя, а с другой стороны, эти патрональные святые подбирались из числа святых, чтимых родом в нескольких поколениях.

При этом Д.Г. Хрусталев полагает, что церковь св. Андрея была заложена в Переяславле не при Всеволоде-Андрее Ярославиче, а существенно позже, по случаю рождения у Владимира Мономаха сына, интересующего нас Андрея Доброго [Хрусталев 2002. С. 63 и след.]. Андрей Добрый родился в 1102 г., однако во всех летописных источниках упоминания о строительстве этой церкви помещены не позднее чем под 1091 г., т. е. на 10 — 12 лет раньше. Как кажется, нужны очень веские основания, чтобы считать ошибочными показания всех летописных свидетельств. Вместе с тем П.А. Раппопорт, исходя из формата плинфы, датировал церковь 1095 — 1097 гг. [Раппопорт 1993а. С. 262]. Если признать эти «поздние» датировки верными, остается допустить, что в летописях под 1089 — 1091 гг. помещен рассказ обо всей градостроительной деятельности Ефрема Переяславского в целом, а не о том, что он успел сделать в начале 90-х гг. XI в.

50 См. [ПСРЛ. Т. IX. С. 116 под 1091 г.].

51 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 255]. О текстологии «Поучения» и месте в нем молитвы с упоминанием Андрея Критского см. [Гиппиус 2003а; Гиппиус 2003б], с указанием литературы.

52 См. [ПСРЛ. Т. IX. С. 248, 251].

53 См. [Белокуров 1897. С. 27].

учения». Здесь Мономах напрямую говорит, что в крещении он был наречен *Василием*[54] и в другом фрагменте называет своего святого тезку по имени[55].

Князь не только демонстрирует знание сочинений Василия Великого, но и в определенном смысле подражает своему патрону в этом дидактическом сочинении. В целом же Мономах цитирует самые разнообразные тексты, но называет только двух древних святых — собственного тезку и тезку своего отца, Василия Великого и Андрея Критского, соответственно[56]. Вместе с тем, возвращаясь к проблеме срастания христианского культа святых и родового культа умерших предков, следует упомянуть, что Владимир Мономах уповает на «отнюю молитву»[57] и на молитву Андрея Критского. Два *Анд-*

---

54 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 240].

55 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 242]. Что касается данных Никоновской летописи и Синодика, то, скорее всего, они попросту ошибочны. Вместе с тем не исключено, что благодаря этой ошибке мы получаем дополнительные сведения о культе родовых святых в княжеской семье. Скорее всего, Мономах обращался к одному из святых покровителей своего отца, ставшему для него семейным небесным патроном. Вопрос заключается в том, могли ли в какой-либо форме имена таких семейных святых использоваться в качестве дополнительного именования одного из членов семьи (ср. точку зрения, согласно которой имя *Андрей* и было таким вторым христианским именем Мономаха [Голубинский. Т. II. 2-я половина тома. С. 429]; ср. также: [Лифшиц 1983. С. 191–192]). Хорошо известно, что нехристианских родовых имен у князя могло быть несколько. Позднее у Рюриковичей мы обнаруживаем и довольно надежно зафиксированные дополнительные христианские имена. Необходимо помнить, однако, что крестильное имя у князя могло быть только одно, и, следовательно, в крещении Мономах никак не мог быть и *Василием*, и *Андреем* одновременно. Более того, если исходить из наших знаний о дополнительных христианских именах у князей более поздней поры, представляется сомнительным, чтобы *Андрей* могло сделаться дополнительным, непубличным христианским именем. В таком качестве фигурировали обычно имена, не подходящие для княжеского наследника по династическим соображениям. См. подробнее об этом гл. V.

С другой стороны, в летописи мы находим примеры, когда исконные родовые имена отца, деда или дяди могли употребляться как хвалебные эпитеты (ср. Экскурс № 11, с. 434–435). Можно допустить, что сходным образом могли использоваться и христианские имена предка, имена родовых святых. Разумеется, от такого ситуативного употребления Ярослав не становился *Всеволодом*, а Василий — *Андреем*, но значимость этих «новых» имен для родовой истории лишний раз подчеркивалась и выделялась.

56 Упоминает он также и одного из собственно русских святых — своего родича Бориса, молитва которого помогает Владимиру Мономаху спастись от половцев в день памяти этого князя-мученика. Отметим, что христианское имя св. Бориса — *Роман*, получил один из сыновей Мономаха.

57 Интереснейший мотив «отней» и «дедней» молитвы в летописных текстах связан, как кажется, именно с родовой ветвью Мономаха (см. табл. № 7 к настоящей главе). Молитва умерших отца и деда избавляет сына Владимира Мономаха, Яро-

рея — умерший князь и тезоименитый ему святой — образуют некоторое смысловое единство, упоминания о них представляют собой два композиционных центра текста.

В свете сказанного не вызывает удивления, что Владимир Мономах дал одному из сыновей крестильное имя своего отца[58]. Переломным моментом в истории семьи было то обстоятельство, что младшие дети Мономаха получают крестильные имена предков, не причисленных к лику святых, в качестве единственных имен. Подчеркнем еще раз, что в источниках нигде не приводится никаких иных родовых имен этих княжичей. Случай с наречением Андрея Доброго интересен еще и тем, что он получает христианское имя деда, умершего относительно недавно (приблизительно за 9 лет до рождения внука).

Таким образом, в отношении христианских имен в определенном смысле начинает проводиться та же политика, что и в отношении имен исконных, — родовое имя не должно оставаться вакантным. Кроме того, здесь мы, как кажется, имеем дело с новой расстановкой акцентов в стратегии распределения власти. Как известно, во времена Всеволода-Андрея переяславский стол обладал большим политическим значением, на пути к киевскому столу через него проходят и сам Всеволод-Андрей Ярославич и Владимир Мономах (см. табл. № 8 к настоящей главе). Значительно позже сын Мономаха, Ярополк, переводит в Переяславль своего племянника, старшего внука Мономаха, носившего родовое имя *Всеволод* (Всеволод Мстиславич)[59]. В летописи указано, что Ярополк действует по «отню», т. е. по Мономахову, повелению. Остальные родичи видят в этом попытку сделать Всеволода Мстиславича наследником киевского княжения[60]. С другой стороны, рано умерший Андрей Добрый в течение нескольких лет также был переяславским князем. Судя по замечанию в тексте летописи об «отнем повелении», обе эти возможности относительно переяславского княжения могли предусматриваться еще при

полка [ПСРЛ. Т. II. Стб. 290], Мономаховых внуков, Михалко Юрьевича (два раза!) и Всеволода Большое Гнездо [ПСРЛ. Т. I. Стб. 360, 363; Т. II. Стб. 558], правнуков великого князя Мстислава Андреевича [ПСРЛ. Т. I. Стб. 354 под 1168 г.] и Константина, Юрия и Ярослава Всеволодичей [ПСРЛ. Т. I. Стб. 440], праправнука Мономаха, Василько Константиновича, спасает молитва покойного отца и живого дяди [ПСРЛ. Т. I. Стб. 447], двор Всеволода Константиновича в Ярославле уцелел при пожаре в 1221 г. «молитвою добраго Костантина» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 445]. Еще один праправнук Мономаха, Александр Ярославич Невский, исцелился «отней молитвой» от болезни [ПСРЛ. Т. I. Стб. 472]. В следующем поколении к «отней и дедней молитве» прибегает племянник Александра Невского (и, соответственно, прапраправнук Мономаха), Михаил Ярославич Тверской [Комарович 1960. С. 89]. См. также: [Франчук 1987. С. 116; Франчук 1990. С. 87–88; Сазонов 1994. С. 48–49; Сазонов 1999].

58 О рождении Андрея Доброго см. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 252 под 1102 г.].

59 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 301–302].

60 Подробнее см. гл. III нашей работы.

жизни Мономаха, и планы эти, по-видимому, отразились в передаче имен *Всеволод* и *Андрей* внуку и сыну, соответственно.

Как уже говорилось выше, святыми покровителями Всеволода-Андрея Ярославича могли считаться и апостол Андрей, и Андрей Критский, и, по-видимому, Андрей Стратилат (19 августа). В связи с рождением его внука Андрея Владимировича Доброго в Тверской летописи фигурирует третий из возможных патрональных святых тезок — Андрей Стратилат:

«...родися Володимеру Манамаху сынъ Андрей, августа 11; даша ему имя въ 18 августа, Андрей стратилать»[61].

Это свидетельство вызывает определенные сомнения в своей достоверности, весьма возможно, что данная запись является поздней припиской[62]. На наш взгляд, здесь мог иметь место случай позднего «обратного исчисления» по месяцеслову, когда, отталкиваясь от известного имени, летописец по календарю высчитывает — в соответствии с принятыми в его время правилами имянаречения — возможную дату рождения[63]. При этом интересен во-

---

61 См. [ПСРЛ. Т. XV: Тверская летопись. Стб. 188].

62 См. [Кучкин 1971. С. 25].

63 Тверская летопись, как известно, сохранилась в единственном списке начала XVII столетия. При этом интересующее нас свидетельство не только не подкрепляется указаниями других летописных текстов, известных в более ранних списках, но и выбивается из общей традиции летописных упоминаний о рождении княжича на рубеже XI — XII вв. Так, мы не располагаем летописными сведениями о точной дате (месяце и дне) рождения ни одного из братьев или родных племянников Андрея Владимировича. Более того, датировка каких бы то ни было событий с помощью юлианской даты и одновременного указания имени святого, чья память праздновалась в этот день, в целом закрепляется в летописной традиции позже 1102 г. (подробнее об этом см. гл. V, с. 208–211).

Любопытно, что, указывая в качестве празднования патронального святого 18 августа (в известных нам месяцесловах это канун памяти Андрея Стратилата, приходящейся на 19 августа), составитель этого списка Тверской летописи указывает 11 августа как дату рождения. Это означает, что с его точки зрения ребенка полагается называть по тому святому, чья память отмечается через семь дней после рождения. Известно, что в XV — XVI вв. давалось имя святого, который поминался на восьмой день после рождения ребенка [Забелин 2000–2001. Т. I. Ч. 2. С. 3, 29; Голубинский. Т. I. 2-я половина тома. С. 429; Бетин 1970. С. 61–62; Б.А. Успенский 1996–1997. Т. II. С. 198. Примеч. 32; Kaiser 1995. P. 286–289]; ср. [Послание митрополита Фотия. С. 416]. Это правило отражено и в русских памятниках, относящихся к XVI — XVII вв. (ср., например: [Розанов 1912. С. 66; Служебник. Л. 494 об.; Котошихин 1906. С. 15; Карпов 1877. С. 178]). Имеющийся же список Тверского сборника демонстрирует, каким образом отсчитывался этот восьмой день — в качестве первого дня при счете учитывался собственно день рождения ребенка. К весьма сходным вы-

прос, чем руководствовался составитель Тверской летописи, отсчитывая дату рождения Андрея Владимировича именно от празднования св. Андрея Стратилата, а не кого-либо из его святых тезок#.

Можно допустить здесь некоторое столкновение синкретического подхода в почитании святых, характерного для XI — начала XII в., и того дифференцирующего подхода, предполагающего четкое расподобление святых тезок, который имел место к XV — XVI вв.[64] Иначе говоря, рождение княжича XVI в. следовало приурочить ко дню празднования определенного св. Анд-

---

водам относительно причин возникновения подобного свидетельства в Тверской летописи независимо от нас пришел В.Н. Русинов (ср. [Русинов 2002. С. 150–152; Литвина, Успенский 2002. С. 62, 92–93. Примеч. 37]).

Точно так же составитель этого списка летописи, по-видимому, высчитывает и день рождения Всеволода Большое Гнездо — и в этом случае Тверская летопись является единственным доступным нам источником, где эта дата точно указывается. По указанию Тверской летописи, Всеволод родился 19 октября: «Сущу князю Георгію Суждальскому Володимеричу въ своей области на рѣцѣ на Яхромѣ и сь княгинею, и мѣсяца октобря 19 день родися ему сынь Дмитрій, и нарече ему имя Всеволодъ, и постави на томъ мѣстѣ въ имя его градъ, и нарече его Дмитровъ» [ПСРЛ. Т. XV: Тверская летопись. Стб. 221 под 1155 г.]; ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 436 под 1212 г.; Т. II. Стб. 674–675 под 1192 г.].

Ближайшее празднование св. Дмитрию приходится на 26 октября, т. е. на восьмой день после рождения Всеволода, в полном соответствии с современной составителю практикой. При этом, если принять исчисления тверского летописца, то на самый день рождения Всеволода приходился один из трех идущих подряд дней празднования св. Андрея Критского [Сергий. Т. II. С. 321–325; Лосева 2001. С. 179, 181]. Св. Андрей Критский был, как мы видели, почитаем в семье Мономаха, а имя *Андрей* употребительно в роду его потомков. Таким образом, выбор имени *Дмитрий* мотивирован с точки зрения обычая называть ребенка по святому на восьмой день и не мотивирован с точки зрения обычая давать ребенку имя того святого, который приходится непосредственно на день его рождения.

На 19 октября приходится празднование памяти мученика Уара. Согласно показаниям Пискаревского и Казанского летописца, в этот день появился на свет царевич Дмитрий Угличский, младший сын Ивана Грозного. Об этом сюжете см. подробнее Экскурс № 7. Составитель Тверской летописи описывает рождение и выбор имени для Всеволода Большое Гнездо в XII в. в полном соответствии с той моделью, по которой был назван царевич Дмитрий Иванович в XVI в. — зная крестильное имя князя Всеволода, *Дмитрий*, он высчитывает и дату его рождения — 19 октября.

При этом у нас нет надежных оснований полагать, что уже в XII в. существовала практика имянаречения по восьмому дню после рождения. Поэтому указанные даты рождения князей, скорее всего, являются не более чем результатом «обратного исчисления» по месяцеслову, своеобразным анахронистическим перенесением принципа имянаречения.

64 Об этом см. подробнее гл. VI.

рея. Коль скоро наречение нескольких отпрысков московского дома Рюриковичей, которые появились на свет в XV в., связывалось именно с Андреем Стратилатом, позднейшая летописная традиция могла соотносить с этим святым и Рюриковича, родившегося в начале XII в.[65] Впрочем, нельзя полностью исключить и возможности существования у автора Тверского сборника каких-либо дополнительных сведений о патрональных святых Андрея Доброго.

Наше утверждение, что это христианское имя становится родовым в семье Мономашичей подкрепляет и тот факт, что *Андреем* наречен внук Мономаха — сын Юрия Долгорукого, знаменитый Андрей Боголюбский[66] (см. табл. № 9 к настоящей главе). Празднование памяти его мученической кончины приурочено, как известно, ко дню св. Андрея Критского (4 июля)[67]. При этом предполагается, что на печатях его детей в качестве святого покровителя их отца изображен св. Андрей Первозванный[68].

Одно из главных событий в церковной жизни Руси, связанное с Андреем Юрьевичем, — это установление праздника Покрова Богородицы. Хорошо известно, что источником, из которого почерпнут центральный сюжет праздника, является житие Андрея Юродивого[69]. Князь, сам задумавший, по-видимому, учреждение нового праздника, должен был знать и выделять житие этого своего святого тезки. Таким образом, вне зависимости от того, был ли князь крещен непосредственно в честь Андрея Юродивого, его также трудно не рассматривать как княжеского святого, благодаря которому Богородичный культ приобретает на Руси весьма своеобразный местный колорит.

Имя *Андрей* становится в полном смысле слова родовым именем русских князей и проявляет необычайную устойчивость в ряду поколений. *Андреем* звали брата Александра Невского, Андрея Ярославича, и сына Невско-

---

65 О почитании Андрея Стратилата в княжескому роду XV в. см подробнее гл. VI, с. 234.

66 Показательно, что из многочисленных сыновей Юрия Долгорукого несколько (Андрей, Иван, Василько, Михаил) известны только под христианскими именами.

67 Подобные приурочивания ни в коей мере не могут служить безусловным доказательством того, что тот или иной святой при жизни был главным небесным патроном князя. Дело в том, что официальная канонизация Андрея Боголюбского была осуществлена в XVIII в. Не вызывает сомнений, что своеобразная «заявка» на церковное прославление этого князя была сделана в летописном тексте на много столетий раньше. Весьма возможно, что он в той или иной форме почитался местно, однако ни малейших следов его почитания в домонгольской Руси мы не обнаруживаем, что заставило еще Е.Е. Голубинского предположить, что в ту пору оно отсутствовало вовсе [Голубинский 1903. С. 59, 134]. Возникает вопрос, насколько случайным могло быть установление празднования памяти этого князя именно в день Андрея Критского, а не в день какого-либо другого св. Андрея.

68 См. [Янин 1970. Т. I. С. 201, 264].

69 Ср. [Голубинский. Т. I. 2-я половина тома. С. 400–406; Воронин 1965. С. 210; Лосева 2001. С. 107; Лосева 2001а. С. 131; Свердлов 2003. С. 616].

го — Андрея Александровича[70]. В дальнейшем имя Андрей любимо князьями тверского и московского домов; в частности, в XIV в. в честь св. Андрея Критского будет назван сын Ивана Калиты, который родился на память этого святого, 4 июля 1327 г.[71] Имя Андрей присутствует в семье Дмитрия Донского, Василия Темного, Ивана Великого.

Гипокористика как средство освоения христианских имен

Возвращаясь ко второй половине XI — началу XII в., необходимо подчеркнуть, что внедрение христианских имен в родовую систему имянаречения, происходившее столь медленно и постепенно, несомненно, требовало определенного «культурного усилия». Эти новые имена с непрозрачной внутренней формой должны были тем или иным образом осваиваться языком, становясь частью не только церковного, но и светского обихода.

В этом отношении очень показательно употребление «уменьшительных», гипокористических форм. Трудно не обратить внимание на то обстоятельство, что летопись вообще изобилует гипокористическими, уменьшительными формами имен собственных. Эти формы образуются как от имен князей, так и от имен «рядовых» персонажей. При этом они чаще всего не несут никакой пейоративной, уничижительной окраски и, по-видимому, не являются уменьшительно-ласкательными в современном понимании этих терминов[72]. Семантика гипокористических форм еще нуждается в определе-

---

70 Подчеркнем, однако, что имя могущественного владимиро-суздальского князя, Андрея Боголюбского, подхватывается его родичами далеко не сразу после его кончины. Уже отмечалось, что имени Андрей нет у сыновей его младшего брата, Всеволода Большое Гнездо [Лосева 1996. С. 68], хотя Всеволод занимал тот же стол, что и Андрей. Кажется маловероятным предположение О.В. Лосевой, что Всеволод не использовал имя Андрей потому, что Андрей Боголюбский был его единокровным, а не родным братом. Скорее симптоматично, что Всеволод демонстрирует к имени Андрея Боголюбского то же отношение, что и их более отдаленные родичи, — в течение довольно долгого времени после кончины Андрея Юрьевича, у Рюриковичей, насколько мы можем судить по доступным нам данным, не появляется новых Андреев, по крайней мере таких, у которых это имя использовалось бы в качестве публичного, родового христианского. Возврат к этому имени, прежде повторявшемуся подряд в трех поколениях, происходит лишь со времен наречения внуков Всеволода Большое Гнездо.

71 См. [ПСРЛ. Т. VII. С. 200; Т. XV: Рогожский летописец. Стб. 44; Т. XV: Тверская летопись. Стб. 416; Т. XXIV. С. 115]; ср. [ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 261; Т. X. С. 195].

72 Строго говоря, некоторые гипокористические суффиксы могут иметь пейоративную окраску, в качестве примера обычно приводится суффикс –ец (ьць). Действительно, на это как будто бы есть прямые указания в источниках: «добре подвизався ко цьркви боижии и Федорьца, за укоризну тако называема, сего блаж. Кирилл

нии и уточнении. Известно, например, что в отдельных случаях под именем в такой форме указывается иерархически младший из двух тезок, названных в рамках одного контекста[73]. Кроме того, уменьшительные формы тесно связаны с патронимикой, в них находит свое языковое воплощение представление о том, что потомок — это своего рода «маленькое подобие предка»[74].

Однако круг значений гипокористических форм далеко не исчерпывается указанными областями. Для нас особенно существенно, что в текстах разного типа они достаточно рано образуются как от исконных, языческих, так и от христианских имен. Характерно также, что уменьшительные формы свободно используются при образовании отчеств (ср., например, *Андрей Волод(ь)шич*[75] или *Иванко Тудоркович*, *Иванко Тимошкинич*[76]).

Для образования уменьшительных форм от христианского и от языческого имени могут служить одни и те же суффиксы: ср., например, *Добрыч* от

обличи и проклят» (Пролог, 1174 г., под 28 апр. Цит. по: [Селищев 1968. С. 124]). В летописи ростовский епископ именуется *Федором*, когда речь идет о его победе в споре с епископом Леоном, и *Федорцем*, когда описывается его изгнание и казнь [ПСРЛ. Т. I. Стб. 352 под 1164 г. Стб. 355 под 1169 г.; Т. II. Стб. 551–552, 554 под 1172 г.]. Правда, данный фрагмент летописи, судя по всему, подвергался значительной переработке. Кроме того, нет никаких оснований утверждать, что суффикс *–ец* (*ьць*) обладал в XI — XIII вв. исключительно пейоративной семантикой (иначе: [Ивакин 1901. С. 265]). Это один из частотных антропонимических суффиксов в берестяных грамотах (см. исследование А.А. Зализняка о гипокористических суффиксах в: [Янин, Зализняк 1986. С. 149]; ср. также: [Bæcklund 1959. P. 74–75]), причем в значительной части текстов этих грамот (например, в завещаниях) решительно невозможно усмотреть негативной окрашенности в его употреблении.

73 По-видимому, именно таким образом осуществляется различение двух *Всеволодов* (Городенского и Ольговича) в следующем эпизоде: «В то же лѣ^т^ посла кнѧзь Мстиславъ братю свою на Кривичѣ четырми пути Вѧчеслава ис Турова Андрѣꙗ из Володимерѧ а Всеволодка из Городна и Вѧчесл^а^ва Ꙗрославича исъ Кльчьска тѣмь повелѣ ити къ Изѧславлю а Всеволоду Ѡлговичю повелѣ ити с своєю бра^т^ією на Стрѣжевъ к Борисову» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 297–298 под 1127 г.; Т. II. Стб. 292 под 1128 г.]. Впрочем, семантика гипокористических / негипокористических форм имени для каждого летописного персонажа требует отдельного тщательного исследования. У Всеволодко гипокористическая форма имени сохраняется и в сообщении о его браке [ПСРЛ. Т. II. Стб. 294], и в отчествах его детей [ПСРЛ. Т. II. Стб. 317]. Любопытно при этом, что две дочери Городенского князя названы «Всеволодковнами» в том эпизоде, где их замужество устраивает все тот же Всеволод Ольгович, ставший к тому времени киевским князем. В сообщении же о смерти Всеволодко Городенского его имя приводится в полной форме: «В се же лѣто престависѧ Всеволодъ Городеньскии» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 309 под 1141 г.].

74 См. подробнее Экскурс № 2 и [Ф.Б. Успенский 2002. С. 65–110].

75 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 620].

76 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 68, 69].

Добрына и *Ивач* от *Ивана*. Словообразовательные средства, с помощью которых эти формы создаются, относительно разнообразны[77]. Гипокористика

---

77 Понятие гипокористики, уменьшительности, мы трактуем достаточно широко. Если в культурной традиции сохраняется исходная (близкая к канонической) форма имени и при этом присутствует другая, образованная от нее на местной почве с помощью каких-либо морфологических средств, то эту последнюю следует, на наш взгляд, считать гипокористической.

Здесь, как кажется, уместны аналогии со способами образования уменьшительных именных форм в современном языке, хотя семантика уменьшительности в средневековой Руси существенно отличается от современной. В современном русском языке модели образования гипокористических форм от имени весьма разнообразны. Тем не менее столь разные формы, как *Алик*, *Ася*, *Борька*, *Вова*, *Гарик*, *Гена*, *Гриня*, *Димыч*, *Коля*, *Лиля*, *Лёля*, *Люша*, *Ляля*, *Ника*, *Сема*, *Сеня*, *Слава*, *Стас*, *Тата*, *Толян*, *Юрок* и др., носителями языка легко опознаются как гипокористические, хотя иногда могут возникать сомнения, от какого имени они образованы. При этом и в современном языке часто нелегко описать способ, при помощи которого образована та или иная уменьшительная форма. Кроме того, необходимо помнить, что опознаваемость гипокористических форм в современном русском языковом обиходе во многом определяется системой тотальной переписи населения, подразумевающей строго определенные, жесткие формы официальных полных имен. Там, где эта система отсутствует, граница между полными и уменьшительными именами до некоторой степени размывается.

Поэтому, когда речь заходит о древнерусском материале, невольно возникают вопросы, что именно можно считать гипокористической производной от определенного имени, а что самостоятельным именем (особенно в тех случаях, когда речь идет об именах мирских), и от какого имени образована та или иная форма. Дать определенный ответ на эти вопросы можно не всегда. Относительно уверенно можно говорить о производности той или иной формы, если она образована с помощью стандартных морфологических показателей, многократно используемых в подобной функции. Так, на этом основании мы причисляем формы *Нѣжко*, *Глѣбка*, *Владимирко*, *Всеволодко*, *Василько* к гипокористическим, так как суффикс *–ък/ьк* регулярно используется для образования подобных форм. Аналогичным образом обстоит дело и с формами *Гѣрша*, *Святоша*, *Волод(ь)ша* и т. п., которые также образованы с помощью стандартного гипокористического форманта. Примеров употребления при именах суффикса *–ч-ь* (*–ач-ь*) меньше, но и их, как кажется, достаточно, чтобы считать эти формы стандартными гипокористическими образованиями (ср. [Зализняк 1995. С. 321; Янин, Зализняк 1986. С. 149–150]). Что же касается нестандартных форм, таких как *Володарь* или *Юрий*, то здесь, на наш взгляд, требуется дополнительная аргументация, лежащая скорее в сфере бытования этих имен, нежели их морфологии.

Определить же, от какого именно имени образована та или иная гипокористическая форма, в некоторых случаях принципиально невозможно. Так, можно считать форму *Волод(ь)ша* уменьшительной и от имени *Володимир* и от имени *Володарь*. При этом мы не можем полностью исключить и ту возможность, что *Волод(ь)ша*

создает особую зону нейтрализации противопоставления языческого и христианского именословов. «Обрастая» славянскими морфологическими показателями, христианское имя хотя бы отчасти теряет свою инородность и включается в традиционную культуру имянаречения. Хорошо известно, что исконные княжеские имена могли образовывать гипокористические формы (ср. *Святоша* от *Святослав*, *Всеволодко* от *Всеволод*, *Владимирко* от *Владимир*). На наш взгляд, образование подобных форм от имен христианских служит важнейшим средством их освоения в княжеском роду.

Не случайно такие формы, как *Василько* и *Гюрги*, рано употребляются в летописи по отношению к князьям. Любопытно, например, что в своей полной форме имя *Василий* употребляется в источниках применительно к Владимиру-Василию Святому и Владимиру-Василию Мономаху, которые несравненно чаще фигурируют под своими мирскими именами. В перечне святых в новгородской берестяной грамоте № 906 третьей четверти XI в., под «отцом Василием» имеется в виду, очевидно, отец Бориса и Глеба — Василий-Владимир Святославич[78]. В этой же форме упоминается христианское имя крестителя Руси в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона[79]. *Василием* называет себя Владимир Мономах в «Поучении».

При этом ряд князей, для которых мы не знаем иного имени, кроме христианского *Василий*, фигурируют в летописи по преимуществу под его гипокористической формой *Василько*. Так, например, князь Василько Теребовльский, который появляется в летописи существенно раньше Юрия Долгорукого, известен исключительно под христианским именем, как правило, в его уменьшительной форме *Васил(ь)ко* (за одним исключением: в Ипатьевской летописи *Василием* он назван под 1092 г.[80]). Можно предположить, что он получает свое имя в честь Владимира-Василия Святого, чье христианское имя, так же как и христианское имя Ярослава-Георгия Мудрого, на Руси, по-видимому, было достаточно хорошо известно. Не исключено также, что имянаречение Василько и его брата каким-то образом связано с именем их родного деда, Владимира Ярославича (ср. табл. № 3 к настоящей главе).

употреблялось как самостоятельное имя. Здесь проявляется интегрирующая способность, присущая гипокористике вообще: в ней может нейтрализоваться не только противопоставление языческих и христианских, иностранных и местных имен, но и попросту противопоставление двух или нескольких различных именований. Так, в современном языке, например, форма *Слава* может быть производной от *Владислав*, *Вячеслав*, *Станислав*, *Ярослав* и т.п., а форма *Лёля* может быть производной как от *Ольга*, так и *Елена*, причем при расширении круга респондентов может расшириться и круг «полных» имен, к которым возводится данная уменьшительная форма.

78 См. [Б.А. Успенский 2000. С. 44–45; Б.А. Успенский 2002. С. 274–275]; ср. [Янин, Зализняк, Гиппиус 2004. С. 97–98. № 906].

79 См. [Молдован 1984. С. 93, 94, 96].

80 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 206].

Не вызывает сомнения, что первый князь, известный под именем *Василько*, как и все последующие князья с этим именем, находился под покровительством св. Василия и имя *Василько* осознавалось как форма имени *Василий*. Весьма любопытно отождествление разных форм этого имени, встречающееся в летописном повествовании о Васильке Теребовольском:

«...да се Василю шлю та иди к Василкови тезу своєму»[81].

Василько Ростиславич Теребовльский оказывается первым в череде князей, для которых это христианское имя становится родовым и регулярно употребляется в его гипокористическом варианте. Так, в летописи упоминаются Василько Юрьевич, сын князя Юрия Долгорукого, Василько Святославич, сын полоцкого князя Святослава Всеславича (?), Василько Леонович (Маричинич), внук Владимира Мономаха[82], Василько Ярополчич, сын Ярополка Изяславича и правнук Мстислава Великого, Василько Володаревич, сын Володаря Глебовича Минского[83] и др. (ср. табл. № 10 к настоящей главе).

Христианское имя *Георгий* закрепляется в качестве родового имени по той же модели, что и имя *Василий*. Важно отметить, что имя *Георгий* у Мономашича, Юрия Долгорукого, как и у большинства позднейших его обладателей, является его единственным известным именем и при этом часто употребляется в неканонических для церковного календаря формах. По-видимому, сам Ярослав-Георгий Мудрый, один из первых (а скорее всего, первый) носителей этого имени в княжеском роду, мог употреблять свое крестильное имя в форме *Юрий*, Юрьевым, в частности, он назвал один из основанных им городов[84]. В письменных источниках обладатели этого имени могут называться *Георгий*, *Гергии*, *Горьги*, *Гюрги*, *Гюргий*, *Гюрий*, *Дюрга*, *Дюргий*, *Дюрди*, *Дюрдий*, *Юрьи*, *Юрьги*, *Юрко*, *Юрка*[85]. У этого имени, таким образом, есть многочисленные гипокористические формы, что, с нашей точки зрения, напрямую связано с его быстрым освоением.

Существует точка зрения, что имя *Георгий* «постоянно выступает как христианский синоним языческого имени Юрий (Юрги, Гюрги, Юрьи)», при этом «начиная с первого русского князя Юрия — Юрия Долгорукого, — все

---

81 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 265 под 1097 г.].

82 О Василько Леоновиче, получившем крестильное имя своего деда, см. ниже с. 140.

83 Любопытно, что у Володаря Глебовича, происходившего из рода полоцких князей (внука Всеслава Брячиславича, см. табл. № 10 к настоящей главе), был не только сын по имени *Василько*, но и сын по имени *Владимир*. Таким образом, и у полоцких князей имена Владимира-Василия Святого могли распределяться между братьями, и при этом христианское имя фигурировало в качестве единственного, родового имени князя.

84 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 137 под 1030 г.].

85 Особую проблему представляет столь обильная вариативность имени и относительная хронология бытования отдельных его форм. Если судить по материалу берестяных грамот и Новгородской первой летописи, то форма *Гюрги*, как кажется, старше, чем форма *Юрьги*.

князья Юрии были под покровительством св. Георгия»[86]. Очевидно, подобная гипотеза основана на убеждении, что у князя в домонгольской Руси непременно должно быть по крайней мере два имени — языческое и христианское. Исходя из этой схемы, исследователь предполагает существование независимого дохристианского имени *Юрий*, которое полностью сливается, входит как составная часть в христианское имя *Георгий*[87].

Данная гипотеза вызывает целый ряд возражений. Во-первых, как кажется, о внутренней форме и о происхождении имени *Юрьи*, *Гюрги* неизвестно ничего, что говорило бы о его связи с эпохой язычества. Едва ли оно могло бы быть исконно славянским, однако затруднительно указать и источник его заимствования, если исключить христианское греческое по происхождению *Георгий*. Не располагаем мы и какими-либо специальными сведениями о бытовании имени *Юрий* в качестве языческого. Во-вторых, ни про одного князя в летописи не говорится, что его крестильное имя — *Георгий*, а «княжее», мирское — *Юрий*. Вообще имени *Юрий* и его вариантам никогда не приписывается характеристика «княжьего» или «мирского». По-видимому, в русской традиции имянаречения *Георгий* и *Юрий* никогда не были противопоставлены как разные имена, а изначально воспринимались как формы одного имени. То обстоятельство, что князь, получивший христианское имя *Георгий*, мог получить отдельное княжеское имя, как это происходит с Игорем-Георгием Святославичем Новгород-Северским или Ярославом-Георгием Владимировичем Мудрым, лишь подтверждает, что *Гюрги*, *Юрьи* воспринималось как форма имени *Георгий*, а не как противопоставленное ему княжье имя.

Поскольку христианские имена, употребляемые в правящей семье, не были запретны и для людей некняжеского происхождения[88], у нас есть возможность сопоставить употребление их форм у разных лиц и в разных текстах.

---

86 См. [Янин 1970. Т. I. С. 98]; ср. [Янин 2003. С. 108].

87 Вообще говоря, случаи подобного слияния языческого и христианского имени, переосмысления языческого имени как производного от христианского на русской почве известны. Так, например, имя *Якун* (из скандинавского Hákon) с определенного времени могло восприниматься, по-видимому, как форма от христианского имени *Иаков, Яков* (другие примеры см. в: [Гиппиус, Успенский 2000; Ф.Б. Успенский 2001. С. 276]). Однако пара *Юрий* (*Гюрги* / *Георгий*) едва ли относится к числу подобных примеров. На наш взгляд, пара *Юрий* / *Георгий* может быть соотнесена не со случаем типа *Якун* / *Яков*, а с такой парой, как *Василько* / *Василий*.

88 Функционирование мирского и христианского княжеских именословов, как уже отмечалось, было не вполне симметрично. Большинство мирских имен Рюриковичей встречается только у членов княжеского рода, хотя имена с теми же производящими основами есть и у их близкого окружения. Что же касается христианских имен, то здесь, по-видимому, действует несколько иная модель: круг имен, пригодных для князя, ограничен, хотя и проницаем. При этом любое имя, пригодное для князя, пригодно и для простых людей. Иными словами, никакого узуального запрета на употребление крестильного имени князя другими людьми никогда не существовало.

В берестяных грамотах XII в. мы находим форму *Гюрги*, наряду с другими гипокористическими формами христианских имен, в качестве вполне освоенной и употребительной. Ср., например, круг грамот, относящихся к Гюрги Иванковичу и его отцу, посаднику Иванку Захарьиничу[89]. От этой формы образовывался патроним (ср. «гюргьгевицоу»[90]) и именование женщины по мужу («оу гюрегевее»[91]). Последний пример, как кажется, весьма близок к тому именованию второй жены Владимира Мономаха по имени сына, Юрия Долгорукого — «и Гюргева мти оумре», — которое мы находим в «Поучении»[92]. В летописи мы встречаем соответствующие имена и отчества бояр Гюргя Прокопьча и Ивора Гюргевича, Мирославля внука[93].

Показательна с точки зрения функционирования гипокористики надпись на стене Софийского собора в Новгороде, сделанная во второй половине XI — начале XII в., «ги помози рабѫ своємѫ [г]ѣръшѣ бор[ь]кѣ глѣбъкѫ [б]єлькѣ»[94], где приведены уменьшительные формы христианских имен *Борис*, *Глеб* и, по-видимому, *Герман*. Соотнесение различных гипокористических форм христианских имен естественным образом возбуждает вопрос, насколько именования князей в этом отношении стоят особняком от имен всех прочих людей. Иными словами, могли ли одни и те же уменьшительные формы употребляться и по отношению к князьям, и по отношению ко всем остальным носителям соответствующих христианских имен.

По-видимому, некоторая дифференциация здесь была. Так, мы не встречаем в источниках уменьшительную форму *Василь*, коль скоро речь идет о князьях. Здесь уместной оказывается только форма *Василько*. Как кажется, от имени *Борис* «княжеская» гипокористическая форма выглядела как *Бориско* (ср. отчество «Борисковна»)[95]. С другой стороны, формы *Гюрги*, а позднее — *Юрьи*, могли, по-видимому, фигурировать и в именовании князей, и в именовании лиц некняжеского происхождения. В целом же, мы имеем дело с довольно развитой и обширной системой гипокористических форм от христианских имен, предоставляющей возможности как для дифференциации, так и для нейтрализации противопоставления людей, относящихся к разным социальным группам.

---

89 См. [Зализняк 1995. С. 314–317. №№ 165, 225, 117, 226, 80, 239].

90 См. [Зализняк 1995. С. 248. № 119 <10 — 30-е годы XII в.>].

91 См. [Зализняк 1995. С. 281 Ст. Р. № 21 <первая половина XII в.>].

92 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 250].

93 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 327].

94 См. [Зализняк 1995. С. 253].

95 Необходимо отметить, что противопоставление форм имен *Василий* и *Борис* могли быть устроены по-разному. Так, мы не обнаруживаем в берестяных грамотах, где речь идет о лицах некняжеского происхождения, формы *Василько*, а в именовании князей, как уже говорилось, не встречается форма *Василь*. При этом, однако, форма *Бориско* зафиксирована как в княжеском, так и в некняжеском именовании. В целом же проблема дистрибуции гипокористических форм от христианских имен, несомненно, нуждается в дополнительном исследовании.

Итак, под натиском христианского именослова культура вырабатывает определенные средства, приближающие «чужое» к «своему». Образование гипокористических форм христианского имени, несомненно, было одним из самых действенных средств подобного рода, причем это средство было пущено в ход достаточно рано, едва ли позднее середины XI в., а может быть, и раньше, с самого начала проникновения христианских имен на Русь.

С другой стороны, еще более яркой реакцией на требования церкви в области имянаречения была, как мы знаем, двуименность. Невольно возникает вопрос, были ли крестильное и мирское имена как-то связаны между собой или они существовали параллельно и совершенно независимо друг от друга. Во многих случаях мы не можем разглядеть конкретной фонетической или семантической взаимосвязи между христианским и языческим именами князя. Действительно, трудно уловить черты языковой мотивированности, лингвистического сходства между именами *Ростислав* и *Михаил*, *Мстислав* и *Федор*, *Всеволод* и *Андрей* или *Изяслав* и *Пантелеймон*. Связь между этими именами — в тех случаях, когда она есть — существует на каком-то ином уровне, символическом, иконографическом, наконец, на уровне их совместного повтора в рамках родовой традиции.

Возможно, с некоторыми именами, появляющимися на русской почве в конце X — начале XI в., дело обстояло несколько иначе. Не исключено, что между такими именами, как *Владимир* / *Василий* и *Ярослав* / *Георгий*, *Игорь* / *Георгий* все же имела место определенная фонетическая, эвфоническая или графическая взаимообусловленность[96]. Можно предположить, что христианское имя *Георгий* усваивается в форме *Гюргий* и *Юрий* именно потому, что между этими формами и именем *Ярослав* или *Игорь* существовала определенная фонетическая связь[97]. С другой стороны, как раз поэтому фор-

---

96 Как нам уже приходилось упоминать в главе, посвященной феномену варьирования родовых имен у Рюриковичей, фонетическое подобие, созвучие в различных традициях может трактоваться весьма по-разному и зачастую рамки его достаточно широки. Если же сюда добавляются и возможности, предоставляемые письменным текстом, графикой, то шансы для сближения мирского и христианского имени оказываются настолько разнообразны, что трудно привести закрытый список соотносимых имен. Так, не исключено, что на русской почве существовала корреляция между княжеским, варяжским по происхождению именем *Ольга* и христианским *Олена* (*Елена*), весьма вероятна корреляция между мирским *Владимир* (*Володимир*) и *Дмитрий* и т.п.

97 См. [Гиппиус, Успенский 2000]. Существенно, однако, что имя *Георгий*, как уже упоминалось, продолжает функционировать и в качестве крестильного имени при наличии у князя еще одного, мирского имени. Надежно оно зафиксировано в таком качестве в сочетании *Игорь-Георгий*. В этой паре созвучность (и графическая близость) христианского и мирского имен очевидна. Иногда в письменных памятниках можно наблюдать своеобразное перетекание одного имени в другое, происходя-

мы Юрий, Гюрги, Дюрги и др. так легко принимают на себя функцию родового, княжеского имени[98].

Вероятно, с подбором по созвучию мы имеем дело и при именовании жены Ярослава Мудрого, шведской принцессы Ингигерд. Свое имя Ирина она, судя по всему, получила на Руси. Правда, статус такого имянаречения остается не до конца ясным. Дело в том, что Ингигерд попадает на Русь уже будучи крещеной, и оснований для ее перекрещивания в первой половине XI в. быть не могло. Скорее всего, Ирина было, так сказать, ее семейным именем[99]. Вполне естественно, что это семейное имя было подобрано по созвучию с ее изначальным, родовым именем.

Очевидно, что многие случаи подобного сближения имен по созвучию принадлежат тому же кругу явлений, что и образования гипокористических форм. Собственно славянские, исконно скандинавские и христианские имена могут сближаться, порой рассматриваться как особые формы друг друга, обрастать одинаковыми морфологическими показателями, сливаться в идентичные или почти идентичные производные. Таким образом, утрачивается чужеродность «чужого», происходит встраивание новых слов в язык и, соответственно, новых имен в родовую традицию.

Укрепление позиций христианских имен и принципы княжеского имянаречения

Итак, на протяжении XII в. христианские имена постепенно завоевывают место в качестве родовых, княжеских имен. При этом сохраняется ряд важнейших особенностей выбора родового имени. По-прежнему это ограниченный круг имен, передающихся от предков к потомкам. С помощью христианских имен, как и с помощью имен исконных, старшие родичи демонстрируют свои планы и намерения относительно распределения власти. Как и прежде, стратегия выбора имен в семье кого-либо из потомков может довольно

щее из-за графического подобия. См. подробнее о примере такого смешения имен Игорь и Георгий в Экскурсе № 1, с. 321–322.

98 Ко второй половине XII в. имя Юрий, вероятно, утратило непосредственную языковую связь с именем Ярослав. Устойчивой пары эти имена на протяжении XI — XII вв. не образовали, и Юрий, как уже говорилось, стало фигурировать в качестве полноценного родового имени. Память же о двух именах Ярослава-Георгия Мудрого, по-видимому, сохранялась, они, в частности, могли даваться в качестве парных имен двум братьям. Например, Всеволод Большое Гнездо двух сыновей, родившихся один за другим, называет Георгием и Ярославом [ПСРЛ. Т. I. Стб. 408; Т. II. Стб. 674]. При этом Всеволод, скорее всего, питал пристрастие именно к «парным» именам, поскольку еще двух своих сыновей назвал Борисом и Глебом.

99 О подобном подборе «домашних» имен для женщин, попадавших благодаря браку в семью Рюриковичей, подробнее см. [Поппэ, в печати].

последовательно копировать стратегию имянаречения предка. Превращение же части крестильных имен предков в имена родовые дает дополнительные возможности при имянаречении, значительно обогащает уже сложившийся к тому времени «язык имен».

Что же изменяется в принципах имянаречения? Уже в XII в. можно наблюдать, как некоторые «законы», действующие при выборе мирского имени, по-видимому, не работают при выборе имени христианского. В роду Рюриковичей до определенной поры достаточно жестко и последовательно соблюдался запрет нарекать новорожденного мирским именем живого предка. Вспомним, что старший сын князя нередко назывался в честь прадеда, потому что его дед был еще жив к моменту рождения старшего внука. Именно поэтому в честь деда назывался один из младших внуков, хотя — с точки зрения преемственности власти — имя деда должен был бы получить старший, что и происходило, если деда к моменту его рождения уже не было в живых.

При этом возможность повтора христианского имени живого предка в XII в., несомненно, существует. В первой половине столетия, при жизни Владимира Мономаха, его крестильное имя *Василий* получает родной внук этого князя, сын его дочери Марицы и византийца Льва (Леона)[100], пытавшегося претендовать на престол у себя на родине (ср. табл. № 10 к настоящей главе). Не исключено, что такой выбор имени призван был подчеркнуть связь ребенка с византийским правящим домом. Однако, на наш взгляд, эта связь подчеркивалась тем способом, который мог быть актуален прежде всего в русской перспективе. Мы относительно мало знаем о происхождении «царевича» Леона. Возможно, он был дальним родственником покойного императора Романа IV, но ни в коем случае не его сыном. Не исключено, что Леон был самозванцем. Так или иначе, имя *Василий* едва ли могло считаться для его сына залогом наследственных прав с собственно византийской точки зрения.

С другой стороны, для русских имя *Василий* было не только крестильным именем Мономаха, но и христианским именем его прадеда, крестителя Руси Владимира Святого. Как известно, Владимир Святославич, принимая христианство, в качестве крестильного получил имя византийского императора Василия II и при этом взял в жены его сестру Анну. Таким образом, в русском княжеском роду имя *Василий* не могло не ассоциироваться с идеей преемственности по отношению к византийским императорам. Более того, выбор крестильного имени для Владимира Мономаха, вероятнее всего, также осуществлялся под прямым воздействием этой идеи — связь Мономаха с византийским родом его матери, как известно, подчеркивалась самим его прозвищем.

---

100 Ср. «Леонь царевичь зать Володимерь» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 283 под 1117 г.]. Об этом браке см. с указанием литературы: [Kazhdan 1990. P. 420–422; Горский 2002. С. 98–100].

В свою очередь, в летописи интересующий нас внук Мономаха, Василько Леонович, может именоваться *Василько Маричинич* (*Маричичь*), что недвусмысленно подчеркивает его связь с родом матери[101]. В то же время, функционально подход к выбору имени у деда и у внука совпадает лишь отчасти. Владимир Мономах появился на свет на родине своего отца, где ему и предстояло княжить. Его связь с прадедом, правившим на этой земле, подчеркивалась полным совпадением мирского и крестильного имени (*Владимир* и *Василий*). Права же Василько Леоновича на византийское наследство были весьма спорны, во всяком случае, их предстояло отстаивать силой оружия, и к моменту рождения ребенка его отец был изгнанником. Иначе говоря, родство с русским дедом было единственной надежной гарантией его прав на Руси и некоторым дополнительным основанием для приобретения каких-либо прав в Византии.

Для нас же во всем сюжете с сыном Марицы (Марии?) важнее всего то обстоятельство, что внук получает крестильное имя живого деда, и происходит это не позднее первой трети XII в. То, что было невозможным с именами мирскими, оказывается возможным с именами крестильными. Христианские имена как будто бы не связываются с той культурной моделью, согласно которой новый член рода является воплощением кого-либо из своих предков, уже покинувших этот мир. Нарекая ребенка христианским именем, учитывали прежде всего родство совсем иного порядка — своеобразное родство с умершим и пребывающим на небесах святым-покровителем. В подобной ситуации тождество крестильного имени новорожденного с крестильным именем кого-либо из близких родичей едва ли могло служить препятствием при имянаречении.

Вместе с тем всякое княжеское имя — независимо от его природы и принадлежности — неизбежно вовлекалось в сферу действия древней родовой традиции. Коль скоро христианские имена становились хоть сколько-нибудь публичными, а тем более и постепенно принимали на себя функцию родовых, они не могли быть делом сугубо церковным. Именование князя Рюриковича никогда не выбивалось полностью из традиционного, однажды проложенного русла. Василько Леонович не становится полным тезкой своего живого деда, так как Мономах обладал еще одним, по-видимому, куда более употребительным именем *Владимир*, и, на наш взгляд, как раз из-за того, что у деда было не одно имя, внук получил его христианское имя, когда дед был жив.

Сын мог получить крестильное имя родного отца при жизни последнего. Любопытны в этом отношении имена сына и внука Юрия Долгорукого — Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо и Владимира-Дмитрия Всеволодича (см. табл. № 11 к настоящей главе). Этот случай, с одной стороны, очень похож на выбор имени для Василько Леоновича и в то же время является «обратным», зеркальным примером по отношению к ситуации выбора имени для внука Мономаха.

---

101 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 304 под 1136 г.; Т. II. Стб. 298].

Обоих князей, отца и сына, в крещении звали *Дмитриями*. Выбор имени для Владимира Всеволодича в летописи подробно описан:

«Того же лѣ^т^ оу великого кнѧзѧ Всеволода родисѧ сн҃ъ до заоутренаꙗ ст҃го Дмитрѣа дн҃е и именины же тогда бѧхоуть Всеволодъ же велѣ оучинити сн҃ви своемоу во свое имѧ Дмитрѣи въ ст҃мь кр^с^щнии а кнѧжее имѧ оучини емоу Володимиръ дѣда своего имѧ Мономаха Володимѣра»[102].

Среди сыновей Всеволода Большое Гнездо есть несколько, которых мы знаем только под христианскими именами, однако у Владимира-Дмитрия есть, как мы видим, и христианское, и мирское имя. Происхождение его крестильного имени в летописи мотивировано достаточно прозрачно: он родился в день (или накануне дня) св. Дмитрия, по-видимому, Дмитрия Солунского, т. е. 25 или 26 октября.

Очевидно, что, выбирая имя для сына, Всеволод-Дмитрий располагал по крайней мере несколькими возможностями. Видимо, он нередко связывал наречение своих детей с конкретными церковными праздниками, во всяком случае, князь действовал так не только при наречении Владимира-Дмитрия, но и в отношении нескольких его братьев (ср. ниже)[103]. Однако отнюдь не всех своих детей он называет непосредственно по имени святого, чья память приходится на день их появления на свет или на день, к нему примыкающий.

Иными словами, при той стратегии имянаречения, которой придерживался Всеволод, выбор у него определенно был. Тем не менее он счел вполне допустимым дать новорожденному Владимиру в качестве христианского имя своего собственного святого[104]. При этом мирское имя сына в полном соответствии с родовой традицией отличается от имени отца и совпадает с именем прадеда ребенка — Владимира Мономаха. В том, что касается мирских родовых имен, правнук становится антропонимическим подобием Мономаха, так как у них совпадают не только имена, но и отчества (*Всеволодич*).

Отметим также, что какую-то роль в выборе родового имени могло сыграть и то обстоятельство, что оно созвучно крестильному. Действительно, в летописи оба имени этого князя — *Владимир-Дмитрий* — фигурируют лишь в свидетельстве о его появлении на свет. Однако, если судить по таким тек-

---

102 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 674–675 под 1192 г.]. Ср. свидетельство Лаврентьевской летописи под 1194 г., где сказано, что Дмитрий Всеволодич родился «в канун святого Дмитрия» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 412]. При этом, знаменательным образом, мирского имени княжича — *Владимир* — здесь не упоминается.

103 Сходного принципа имянаречения последовательно придерживался значительно позднее князь Иван Калита, дававший своим детям имена святых, празднования которых совпадали с днем их рождения. Исключение Иван Калита (как, кстати, и Всеволод Большое Гнездо) сделал лишь для старшего сына — Семена Гордого, родившегося в 1317 г. на память мученика Созонта (7 сентября). См. подробнее: [Лосева 2001а] и гл. V и гл. VI.

104 Ср. в этой связи: [Mitterauer 1993. S. 310].

стам, как «Поучение» Владимира Мономаха или известная запись на Мстиславовом Евангелии, два имени князя употребляются вместе не так уж редко и, следовательно, их созвучие могло использоваться наряду с созвучием имени и отчества[105], хотя, как уже упоминалось, подобная эвфония в паре 'христианское имя — родовое имя' отнюдь не была обязательной или даже сколько-нибудь регулярной.

Этот пример созвучия интересен и с точки зрения одной из самых общих проблем функционирования княжеской двуименности: подбиралось ли одно из имен по каким-то принципам к другому или же они давались совершенно независимо друг от друга? В данном случае можно допустить, что крестильное имя было первичным в этой паре, так как день появления ребенка на свет удачным образом совпал с празднованием памяти популярнейшего княжеского святого, который к тому же был святым патроном отца ребенка. При этом можно допустить, что среди прочих соображений при подборе родового мирского имени учитывалась и его созвучность имени крестильному.

Имянаречение в семье Всеволода Большое Гнездо

Как мы помним, в первой половине XII в. лишь отдельные князья известны под христианскими именами, которые совмещают функции церковного и родового. В целом же система двойного именования ('мирское имя — христианское имя') продолжает существовать. Подобно тому, как имянаречение Мстислава Великого служит яркой иллюстрацией распределения исконных, родовых имен у Рюриковичей, семья Всеволода Большое Гнездо (наследника той же ветви Мономаха, но по линии Юрия Долгорукого) являет собой хорошо зафиксированную в источниках картину именования князей в ту эпоху, когда христианские имена едва ли не на равных сосуществуют с исконными.

К этому времени немалые изменения произошли не только в восприятии христианских имен, но и в отношении к церковному календарю. Те или иные исторические события, в том числе и появление на свет наследников княжеского рода, в летописном тексте стали регулярно закрепляться не просто за каким-либо числом соответствующего месяца и года, но и за днем памяти определенного святого. Вместе с тем, куда более распространенными стали и указания точной даты рождения княжича с упоминанием его христианского имени[106].

Говоря о выборе имени в семье Всеволода Большое Гнездо, приходится все время обращаться к имянаречению в семье его отца, Юрия Долгорукого. Сам факт, что Всеволод столь часто использует для своих детей крестильные

---

105 Как кажется, в именовании этого сына Всеволода Большое Гнездо принцип подбора имен по созвучию задействован максимальным образом. О варьировании в его родовом имени и отчестве (Володимир Всеволодич) см. подробнее гл. II, с. 56–57.

106 Подробнее см. гл. V, с. 208–212.

имена собственных умерших братьев, т. е. копирует во многом антропонимические предпочтения своего отца, свидетельствует о том, что новые христианские имена на этом этапе успешно встраиваются в древнюю систему родовых принципов. Действительно, Мстислав Великий в свое время воспроизводил перечень имен, избранный Ярославом Мудрым и его собственным отцом, Владимиром Мономахом. Всеволод же почти столетием позже в значительной степени копирует выбор своего отца, Юрия Долгорукого. Мальчиков вновь и вновь называют в честь умерших деда и родных дядьев, что в высшей степени соответствует нормам родового мира и вполне отвечает внутренней тенденции династии Рюриковичей, когда каждая ветвь рода с особенной охотой воспроизводит именно ей присущие имена, не отказываясь, впрочем, от общеродового антропонимического фонда.

Тем не менее сходство стратегии имянаречения Всеволода и Мстислава Великого является относительным. Именно на фоне этого сходства отчетливее проявляются некоторые различия, которые в следующем поколении потомков Мономаха приведут к существенным изменениям всей системы имянаречения.

Существенно, что Всеволод Большое Гнездо был единственным из всех сыновей Долгорукого, столь буквально последовавший новаторской практике своего отца в области имянаречения. Юрий Владимирович, сам получивший христианское имя в качестве единственного, подхватил и развил этот замысел Владимира Мономаха и многим из собственных детей давал только христианские имена. Однако многие из этих детей, обзаводясь семьями, оказались несколько более традиционны в своей антропонимической практике [107].

Выбор имен в семье Всеволода Большое Гнездо, по-видимому, в несколько меньшей степени ориентирован на «преемственность столов» по отношению к своему предку-прототипу и, как кажется, в несколько бóльшей

---

[107] Так, сыновья Ростислава Юрьевича получили имена *Мстислав* и *Ярополк* (см. табл. № 12 к настоящей главе). Андрей Боголюбский избирает в качестве ориентира набор имен, принятый в семье его деда, Владимира Мономаха. Его сыновей зовут, как известно, *Мстислав*, *Изяслав*, *Глеб* (?) и *Георгий* (три имени, как у Мономаха, и лишь одно (*Глеб*) — в честь собственного брата, Глеба Юрьевича, если только согласиться с тем, что сын по имени *Глеб* у Андрея действительно имелся; см. [Baumgarten 1927. P. 27, 29. Tab. VI. № 20]; ср. [Голубинский 1903. С. 134–135. Примеч. 2. С. 62. Примеч. 3]). Сыновья Глеба Юрьевича носили вполне традиционные для семьи Мономаха имена *Владимир* и *Изяслав*.

Любопытен в этом отношении выбор Мстислава Юрьевича, который дает своему сыну имя *Ярослав*, отсутствующее у сыновей Мономаха, но зато используемое Юрием Долгоруким, а позднее и Всеволодом Большое Гнездо. Ярослав Мстиславич, вероятнее всего, наречен по дяде, Ярославу Юрьевичу, умершему в 1166 г. Однако мы не знаем, идет ли в данном случае речь о наречении в честь живого или умершего родственника, так как дата появления на свет Ярослава младшего нам неизвестна (ум. в 1199 г.).

степени на статус этого предка с точки зрения религиозной жизни рода. Имя родного деда получает отнюдь не старший княжич, а имя родного прадеда появляется в семье Всеволода и того позже. Не исключено, что такое «опоздание» связано с тем, что Всеволод сам был одним из младших (по-видимому, самым младшим) среди весьма многочисленных сыновей своего отца. Можно допустить, что притязать на всю полноту преемственности родовых прав, а, следовательно, и на имена деда и прадеда для своих детей, Всеволод Большое Гнездо смог лишь относительно поздно. Однако этими соображениями чисто родовой иерархии особенности имянаречения в его семье целиком не объясняются.

Сыновей Юрия Долгорукого звали *Ростислав*, *Иоанн* (*Иван*), *Андрей*, *Святослав*, *Ярослав*, *Глеб*, *Борис*, *Мстислав*, *Василько*, *Михалко*, *Всеволод* (см. табл. № 13 к настоящей главе). Сыновья же Всеволода носили имена *Константин*, *Борис*, *Глеб*, *Юрий*, *Ярослав-Федор*, *Владимир-Дмитрий*), *Святослав-* (*Гавриил*?), *Иоанн* (*Иван*). Соответственно, пять мужских имен в семье Всеволода и Юрия совпадают буквально. Так сказать, функционально в этих семьях близки также имена *Всеволод* у Юрия и *Владимир* у самого Всеволода — оба они даются новорожденному в честь прадеда. Разумеется, все это не оставляет никаких сомнений в том, что Всеволод в выборе имен следовал именно за своим отцом. Тем интереснее для нас случаи несовпадения в имянаречении в семьях Юрия Долгорукого и Всеволода Большое Гнездо.

Воспроизвести имена всех своих братьев Всеволод Юрьевич никак не мог, поскольку сыновей у него было меньше, чем у отца. Весьма показательно, однако, что он не использовал ни имени самого старшего из них (*Ростислав*), ни имена тех, кто занимал владимирский стол и хотя бы на время получал главенствующее место в семье (*Андрей*, *Михалко*)[108]. Исключенными оказываются, кроме того, имена *Василий* и *Мстислав*, которые носили братья Всеволода, в разное время занимавшие, соответственно, суздальский и новгородский столы и вынужденные в 1161 г. бежать в Византию. Таким образом, в семье Всеволода, как это ни парадоксально, остаются «неиспользованными» едва ли не самые выигрышные с точки зрения семейной княжеской иерархии имена его братьев; воспроизводятся же имена тех, кто при жизни занимал менее значимые столы или даже не княжил вовсе[109].

Исключение составляет, пожалуй, лишь имя *Глеб*, обладатель которого — Глеб Юрьевич — некоторое время владел Киевом. Тот из сыновей Всеволода Большое Гнездо, которому досталось имя *Глеб*, умер ребенком 29 сентября 1189 г., когда многие его братья еще не успели появиться на свет. Весьма вероятно, что изначально с этим княжичем связывались вполне об-

---

108 Ср. [Лосева 1996. С. 68].

109 Не исключено, впрочем, что кто-то из братьев Всеволода (Ростислав или Мстислав) носил в крещении имена *Константин* и *Федор*. В этом случае Всеволод попросту подхватывает не княжеские, а крестильные имена еще одного или двух братьев. Подробнее см. ниже, с. 147–148, 152–154.

ширные династические планы. Мы, в сущности, не знаем, кто был старшим из сыновей Всеволода Большое Гнездо (ср. табл. № 13 к настоящей главе). К тому времени, когда они становятся взрослыми, старшим оказывается Константин (см. о нем ниже)[110]. Рано же умерший Глеб был одним из трех старших мальчиков в семье Всеволода Юрьевича.

Действительно, Константин появился на свет в 1185 г., в 1187 г. родился его брат Борис. 1189 же г. является не только годом смерти Глеба, но и годом рождения его младшего брата Юрия. Стало быть, Глеб мог появиться на свет в 1188 г. (тогда он был третьим по старшинству), в 1186 г. (в этом случае он был вторым) или до 1185 г., т. е. раньше других сыновей Всеволода. Его дядя, Глеб Юрьевич, умер в 1172 г., приблизительно в ту пору, когда его младший брат Всеволод Большое Гнездо мог жениться, и у него стали рождаться дети[111]. В юности Всеволод некоторое время находился под покровительством этого своего брата, во всяком случае, в 1171 г. именно Глеб Юрьевич посылает своих младших братьев, Михалко и Всеволода, в поход на половцев[112].

Наречение первого из сыновей в честь недавно умершего брата, занимавшего какое-то время киевский стол, было бы поступком в высшей степени закономерным. Но, как мы убедимся в дальнейшем, Всеволод не всегда следовал при выборе имен такого рода закономерностям. Возможно, и в данном случае его подход к имянаречению был обусловлен несколько иными мотивами.

Если выбирая имена святых братьев, князь следовал при этом логике их старшинства, то Борис Всеволодич должен был бы оказаться старше Глеба Всеволодича (ср. ниже). О порядке же старшинства Бориса и Глеба, сыновей Юрия Долгорукого, мы не можем сказать ничего определенного, и потому нам особенно трудно судить о том, в каком соотношении для Всеволода находились ближнее и отдаленное прошлое рода, воспроизведение недавней семейной ситуации и ситуации житийной, относящейся к XI в.

---

110 В поздних летописях, при описании того, как жена Всеволода Большое Гнездо принимает постриг и благословляет своих детей, Константин назван ее старшим сыном [ПСРЛ. Т. X. С. 49; Приселков 1950. С. 289–290]. Однако нет уверенности в том, что это свидетельство, с одной стороны, не является позднейшей вставкой, а, с другой стороны, даже будучи аутентичным, оно скорее всего отражает положение дел в семье Всеволода на момент пострижения Марии.

Еще более показательна в этом отношении речь, которую летописец приписывает Всеволоду Большое Гнездо. Согласно Лаврентьевской летописи, князь произносит ее, отправляя Константина на княжение в Новгород. Замечательно, что в этом пространном тексте имя Константина Всеволодича напрямую ассоциируется с его старшинством: «...по имени твоє^м^ тако и хвала твоꙗ не токмо Бъ҃ положилъ на тебѣ старѣишиньство в братьи твоєи но и въ всеи Русскои земли и ꙗзъ ти даю старѣишьньство поѣди в свои городъ» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 422 под 1206 г.].

111 О жене Всеволода Большое Гнездо, Марии, см. Экскурс № 5.

112 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 363].

Сын Всеволода Большое Гнездо, которому суждено было на протяжении десятилетий быть старшим среди братьев, получил имя *Константин*, причем родился он за три дня до празднования свв. Константина и Елены (21 мая), т. е. не был наречен строго по календарю:

«В тож лѣ^т^ тогож м^с^ца маꙗ въ ї҃і дн҃ь на пама^т^ ста^г^ му^ч^ Потапьꙗ В су^б^ту роди сн҃ъ оу великаго кнѧзѧ Всеволода и нарекоша имѧ ѥму в ст҃ѣмь крщ҃нии Костѧнтинъ»[113].

Никакого другого имени этого князя в источниках не упоминается.

По всей видимости, имя *Константин* может с конца XII в. считаться христианским родовым именем Рюриковичей. С точки зрения усвоения этого христианского имени вообще, показательно, что за пределами княжеской среды оно подвергается различным трансформациям и рано обрастает всевозможными гипокористическим формами. Встречая такие имена, например, как *Коснячко* или *Конятко*, кажется, не всегда можно установить, идет ли речь об одной из производных от этого христианского имени или о гипокористической форме каких-либо из имен исконных. Среди князей, носивших это имя в эпоху «классической» двуименности, следует вспомнить Мстислава-Константина Тмутараканского, сына Владимира Святого, если только сведения о его крестильном имени достоверны[114]. Из современников Константина Всеволодича можно назвать Константина Давыдовича, правнука Мстислава Великого, а из следующих поколений Рюриковичей племянника Константина Всеволодича, Константина Ярославича, и внука, ставшего полным антропонимическим подобием деда — св. Константина Всеволодича[115] (см. табл. № 14 к настоящей главе).

---

113 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 396–397 под 1186 г.].

Память преподобного Потапия Египетского отмечается 8 декабря, а вовсе не 18 мая, когда родился Константин Всеволодич. Возможно, летописец имел в виду священномученика Патрикия, память которого празднуется 19 мая.

114 Куда более бесспорно известие о христианском имени двоюродного брата Владимира Святого с материнской стороны, Константина Добрынича, новгородского посадника. Он, правда, не был Рюриковичем, однако играл в жизни этого рода важную роль. Так, судя по летописи, он весьма активно помогал Ярославу Мудрому в борьбе против Болеслава Храброго и Святополка Окаянного. Существенно также, что он фигурирует в летописи исключительно под своим христианским именем.

115 21 мая церковь отмечает память не только Константина Великого, но и св. Константина, князя Муромского, окончательно обратившего Муром в христианство и построившего там церкви. Прославлен этот князь поздно, в XVI в., и житие составлено тогда же. В этом житии события жизни этого князя приурочены к концу XII в., что противоречит летописным данным о муромских князьях и о христианизации этого края. Высказывалось предположение, что *Константин* могло быть крестильным именем князя Ярослава Святославича, владевшего муромским столом в последней трети XI — начале XII в. Однако крестильным именем Ярослава, по данным

Следует подчеркнуть, что ни у Юрия Долгорукого, ни у его ближайших предков не было, насколько мы знаем, сына, который носил бы имя *Константин* в качестве единственного[116]. Таким образом, родовое имя *Константин* было, так сказать, результатом личного выбора Всеволода Большое Гнездо. Чем же был обусловлен этот выбор? Возможно, имянаречение этого княжича имеет отношение к византийским связям Всеволода Юрьевича. Как известно, в 1161 г. Всеволод вместе с матерью и братьями Василием и Мстиславом бежит в Константинополь[117]. Традиционно считается, что этот отъезд оказался возможен благодаря византийскому родству их матери, имени и происхождения которой мы не знаем[118]. Судя по летописи, старшие братья, Мстислав и Василько, были приняты в Византии благосклонно и получили земельные владения[119], однако размеры этих владений, по-видимому, не были таковы, чтобы речь могла идти о каких-либо претензиях русских княжичей на наследие византийского императорского дома.

Безусловно, Всеволод имел возможность очень близко соприкоснуться с византийским «изводом» православной традиции. По всей видимости, те контакты, которые у него сложились с византийским миром, сохранялись и

«Хождения игумена Даниила», было *Панкратий*. Впрочем, *Константин* могло быть его монашеским именем, хотя, как уже говорилось, об обычае перемены имени при постриге в начале XII столетия мы не знаем ничего достоверного. Таким образом, время жизни этого муромского князя Константина, который нигде в летописях под таким именем не фигурирует, установить достаточно сложно. См. подробнее: [Макарий. Кн. II. С. 139–140, 464–465, 608 примеч. 56*, принадлежащее А.В. Назаренко].

116 Ничего не знаем мы и о потомках Мономаха до Константина Всеволодича, которые носили бы имя *Константин* в качестве крестильного. Впрочем, в этом отношении мы всегда должны учитывать неполноту наших сведений о крестильных именах князей, известных под исконными родовыми именами.

117 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 521].

118 Против того, что ее звали *Елена*, возражал еще Н.М. Карамзин [Карамзин. Т. II. Примеч. 405]. Он полагал, что *Еленой* звалась не жена, а дочь Долгорукого, упоминаемая в Никоновской летописи [ПСРЛ. Т. X. С. 8]. В этом летописном свидетельстве речь действительно идет не о жене, а о дочери князя, однако имя *Елена* там не фигурирует вовсе. Эта дочь Юрия Долгорукого, жена Ярослава Галицкого, всюду в летописях упоминается как *Ольга* (в монашестве *Евфросиния*). Ее якобы крестильное имя *Елена* является плодом достаточно шаткой реконструкции. Впрочем, у этой реконструкции может быть одно, весьма косвенное подтверждение в имянаречении одной из дочерей Всеволода Большое Гнездо (см. ниже).

119 Ср. [Grala 1989. S. 134–135; Граля 1990]. Любопытно, что о Василько Юрьевиче сказано, что он получил «д҃ горы» (или «городы») на Дунае [ПСРЛ. Т. II. Стб. 521]. Не исключено, что Васильку досталась часть тех дунайских областей, которые в свое время не удалось получить другому внуку Владимира Мономаха, также носившему крестильное имя деда *Василий* (ср. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 283]).

по возвращении его на Русь. Однако, если судить по немногочисленным сведениям об этих контактах и связях, которые сохранились в источниках, Всеволод проявлял интерес к тем византийским обычаям и реликвиям, которые и прежде были хорошо известны и весьма популярны в общерусской княжеской традиции[120].

Выбирая имя для своего сына, Всеволод, скорее всего, подчеркивал преемственность не по отношению к кому-либо из правящих или недавно правивших византийских императоров, а преемственность к византийским самодержцам вообще. Преемственность эта воплощалась в знаках, понятных и традиционных для собственно русской среды. Имя Константина Великого, несомненно, являлось в русской перспективе одним из таких символов русско-византийского «родства». Традиционно и в летописи, и в агиографической традиции с Константином сравнивался и отождествлялся Владимир Святой. Константин Великий, по-видимому, включался в легендарную генеалогию Рюриковичей, и, во всяком случае, его имя было тесно связано с борисоглебским культом[121]. Так, в житии Владимира речь идет о «сродниках» Владимира и Константина, причем агиографический текст построен таким образом, что святые братья Борис и Глеб названы сыновьями обоих святых «царей»[122].

Если на ранних этапах становления культа святых братьев Бориса и Глеба «виртуальное» родство с Константином Великим могло быть средством для прославления русских князей, то к концу XII столетия, когда они стали одними из самых почитаемых святых на Руси и в княжеском роду, имя *Константин* может актуализироваться благодаря когда-то установившейся и обросшей культурной традицией связи с именами *Борис* и *Глеб*. Говоря об именах трех старших сыновей Всеволода, по-видимому, необходимо учитывать и взаимообусловленность не только в антропонимической паре *Борис* и *Глеб*, но и в триаде *Борис*, *Глеб* и *Константин*.

---

120 Ср. гл. V, с. 183–184.

121 Возникает впечатление, что в конце XII — начале XIII в. существует определенная «мода» на использование некоторых христианских имен, которые прежде уже фигурировали в княжеском именослове, но не употреблялись в качестве единственного и не известны у ближайших родичей в семье нарекаемого. Так, уже упоминавшийся Константин Давыдович был, по-видимому, лишь немногим младше Константина Всеволодича (см. об этом в гл. III, с. 85–86. Примеч. 30). Среди его ближайших родичей мы не знаем ни одного носителя имени *Константин*. При этом весьма характерно, что его родной отец звался *Давидом*, т. е. тем именем, которое св. Глеб носил в крещении, а старший брат отца был *Романом*, подобно св. Борису.

122 «О святая царя, Костянтине и Володимере! Помогайта на противныя сродником ваю и люди избавляйта от беды греческыя и рускыя <...> Вы же, святая, молящеся о нас, о людех своих, приимете на молитву к Богу святую ваю сыну — Бориса и Глеба» [Голубинский. Т. I. 1-я половина тома. С. 237; Зимин 1963. С. 75]; ср. [Б.А Успенский. 2000. С. 86. Примеч. 24; Б.А. Успенский 2002. С. 275–276. Примеч. 14]. Ср. иначе: [Молчанов 2004. С. 83].

При этом весьма возможно, что само по себе имя *Константин* образует еще одну пару в именослове Всеволодовой семьи. Известно, что одна из дочерей князя носила имя *Елена*. О времени ее рождения никаких сведений не сохранилось, упоминание же о ее смерти помещено в летописи под 1205 г.[123] Возраст, до которого дожила эта княжна, определить невозможно, она могла умереть совсем юной, но могла быть примерной ровесницей или старшей сестрой Константина Всеволодича[124]. Так или иначе, ее христианское имя, несомненно, ассоциировалось с именем ее брата. При этом «русские корни» такого имянаречения девочки столь же очевидны и актуальны, как и византийские. Достаточно вспомнить крестильное имя княгини Ольги, прародительницы всех Рюриковичей, живших в XII в.:

«бѣ же имѧ єи нарєчно въ крщєнии Ѡлєна ꙗко же и древнаꙗ црца мти вєлїкого Костѧнтина»[125].

---

123 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 421].

124 В последнем случае она, как кажется, должна была бы появиться на свет между 1181 и 1186 гг. В 1179 г. родилась ее сестра, Сбыслава-Пелагея [ПСРЛ. Т. II. Стб. 613], чья дальнейшая судьба нам неизвестна, в 1187 г. была выдана замуж другая сестра Всеслава, чье христианское имя неизвестно, однако отождествить ее с Еленой трудно, поскольку в 1206 г. Всеслава была еще жива [ПСРЛ. Т. I. Стб. 405, 424]. При этом Всеслава, очевидно, была старше еще одной своей сестры Верхуславы-Анастасии, так как ту выдали замуж в 1189 г. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 407] восьми лет отроду [ПСРЛ. Т. II. Стб. 658 под 1187 г.]. См. табл. № 15 к настоящей главе.

Как известно, крестной матерью Сбыславы-Пелагеи была ее родная тетка, сестра Всеволода Большое Гнездо, Ольга. Она умерла вскоре после рождения своей крестницы (в 1181 г. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 624]), и в историографии ей приписывается, как уже упоминалось, имя *Елена* (см. выше, примеч. 118). Поскольку Ольга пользовалась особенным уважением в семье своего брата, можно допустить, что еще одна племянница — Елена, — родившаяся, возможно, вскоре после смерти тетки, была названа ее крестильным именем. Впрочем, подобное построение крайне гипотетично и основывается на том минимуме фактических данных, которым мы располагаем.

125 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 49 под 955 г.]. В уже упоминавшемся эпизоде из поздних летописей о пострижении жены Всеволода довольно большой пассаж в тексте строится на парности имен *Константин* и *Елена*, причем мать Константина Всеволодича уподобляется царице Елене, Феодоре, жене императора Феофила и матери крестившего болгар Михаила III, и русской княгине Ольге, бабке крестившего Русь Владимира Святославича: «Старѣйший же ея сынъ князь Констянтинъ сладостнѣ слыша учение еа, яко губа воды напоашеся, внимая от устъ еа, и на сердци полагая вся словеса ея; ибо отъ корени благаго благый возрасте плодъ, якоже великий Констянтинъ от святыа Елены, якоже царь Михаилъ от блаженныа Феодоры. Тако и сиа новая блаженная Елена и новая Феодора съ сыномъ своимъ Констянтиномъ Всеволодичемъ, подражающи блаженную Олгу и всѣхъ онѣхъ блаженныхъ женъ, иже дѣти своа во благовѣрии и въ законѣ Христовѣ возпиташа...» [ПСРЛ. Т. X. 49–50] (ср. «Ибо от корени благаго благыи възрасте плодъ, яко Костянтинъ отъ Елены святыя

Парность, связанность имен *Борис* и *Глеб* ко времени правления Всеволода Большое Гнездо была явлением устоявшимся и традиционным. Как уже упоминалось, мы знаем дату появления на свет только одного из носителей этих парных имен в семье Всеволода, Бориса. Судя по летописи, он родился в день Перенесения мощей Бориса и Глеба (2 мая):

«...мца маꙗ въ в҃ дн҃ь на пренесеньє ст҃ою мч҃нку Бориса и Глѣба родиса ѹ Всеволода кназа великаго сн҃ъ и нарекоша има ѥму в ст҃ѣмь крщ҃ении Борисъ»[126].

Мальчик, появившийся на свет в этот день, мог бы с равным успехом быть наречен и *Глебом*, однако имя *Глеб* или было уже занято, или, так сказать, приберегалось «на потом», для следующего сына. Можно допустить, что оба княжича, получившие имена *Борис* и *Глеб*, родились в дни празднования соответствующих святых. Однако вполне вероятно и другое объяснение: один из братьев (Борис) был назван по календарю, а имя второго (Глеба) было подобрано как парное к имени его брата.

В то же время необходимо отметить, что Борис и Глеб Всеволодичи в принципе могли бы получить свои имена вне прямой связи с календарем, так как их родные дядья, умершие до появления племянников на свет, эти имена уже носили (ср. табл. № 13 к настоящей главе). Судя по всему, Борису Всеволодичу это имя было дано в качестве единственного. Действительно, хотя этот княжич упоминается недостаточно часто для столь безапелляционнного вывода, ближайший родич-прототип, в честь которого он мог быть назван, его дядя Борис Юрьевич, фигурирует в летописи исключительно под этим именем, которое, по-видимому, употреблялось и в гипокористической форме — его дочь, например, именовалась *Борисковной*[127].

По-видимому, именно в ветви потомков Юрия Долгорукого ранее всего отражаются два взаимосвязанных процесса. С одной стороны, происходит переключение с имен *Давид* и *Роман* на имена *Борис* и *Глеб*, и, с другой стороны, имена *Борис* и *Глеб* закрепляются в качестве единственных, совмещающих в себе функции крестильного и родового[128].

провъсиа, яко Михаилу отъ блаженыа Феодоры прошедшу, тако и си блаженая новая Елено быти съ сыномъ своимъ Костянтиномъ и новая Феодора подражающи блаженную Олгу съ Володимеромъ...» [Приселков 1950. С. 290]).

126 См. [ПСРЛ. Т. 1. Стб. 404 под 1187 г.].

127 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 417 под 1202 г.].

128 Как мы помним, имена святых братьев могли использоваться в роду Рюриковичей по-разному. Во второй половине XII в. мы можем наблюдать три тенденции их функционирования в княжеском антропонимиконе. В одном случае задействовались крестильные имена святых братьев, *Давид* и *Роман*, причем они исполняли роль христианского и родового, как это происходило в семье князя Ростислава Мстиславича при наречении его сыновей и внука. В другом случае имя *Борис* могло использоваться в качестве христианского при наличии у того же князя мирского родового

О наречении в соответствии с церковным календарем еще одного сына Всеволода, Юрия[129], нам уже приходилось говорить в этой главе[130]. Подчеркнем еще раз, что «дедне имя», *Юрий*, получил отнюдь не первый, а лишь четвертый сын Всеволода (ср. табл. № 13 к настоящей главе). К тому времени, когда княжичи становятся взрослыми, Юрий остается вторым по старшинству сыном после Константина Всеволодича. Весьма любопытно, что именно ему, а не Константину отец оставляет впоследствии старший, владимирский стол[131]. Объяснялось ли такое предпочтение поздней размолвкой отца с Константином, захотевшим власти не только над Владимиром, но и над Ростовом[132]? Или подобный раздел замышлялся Всеволодом заранее? Если бы мы судили о планах Всеволода Юрьевича исключительно по выбору имен, можно было бы утверждать, что старший стол неспроста оказался именно у того сына, который был наречен в честь родного деда по отцу, знаменитого основателя этой ветви рода Юрия Долгорукого.

Следующий сын князя, родившийся 8 февраля, был наречен в крещении *Федором*:

«Родисѧ оу блг҃овѣрьнаго и х^с^олюбиваго кнѧзѧ Всеволода сн҃ъ м^с^цѧ февра^л^ въ и҃ дн҃ь на памѧ^т^ ста^г^ пр҃рк^а^ Захарьи и нарекоша и въ ст҃ѣмь крщ҃ньи Ѳеѡдоръ»[133].

День св. Федора Стратилата по одним русским месяцесловам совпадает с днем пророка Захария Серповидца, а по другим приходится на предыдущий день, т. е. на 7 февраля[134].

имени (ср. *Святослав-Борис*). При этом мы не знаем примеров такого употребления имени *Глеб*. И, наконец, третий вариант реализуется у потомков Юрия Долгорукого: исконные имена святых братьев, *Борис* и *Глеб*, совмещают в себе функции родового и христианского имени.

129 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 408; Т. II. Стб. 659].

130 См. с. 120.

131 См. [ПСРЛ. Т. VII. С. 117–118, 235]; ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 437].

132 О взаимоотношениях братьев Всеволодичей ко времени смерти их отца см. также гл. III, с. 88–90.

133 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 408]; ср. [ПСРЛ. Т. VII. С. 101; Т. II. Стб. 674]. Не стоит забывать о том, что для составителя Лаврентьевской летописи Захария Серповидец был фигурой, явным образом выделенной в библейской истории, причем выделенной именно в связи с жизнью и деятельностью отца ребенка, Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Так, под 1178 г. помещен пространный пассаж, повествующий о взятии и разграблении Торжка и Волока Ламского (новгородских волостей) князем Всеволодом [ПСРЛ. Т. I. Стб. 386–387]. Сожжение городов объясняется местью Всеволода новгородцам за преступление клятвы. Рассказ об этом событии эксплицитно соотносится в летописи с рассказом о Захарии Серповидце.

134 См. [Сергий. Т. I. С. 123; Т. II. С. 37–38]. К сожалению, мы не имеем возможности судить о том, как был устроен тот конкретный месяцеслов, которым пользова-

Кроме того, мальчик получил и мирское имя *Ярослав*. Оно, вероятно, было дано ему в честь дяди, еще одного брата Всеволода Большое Гнездо (ср. табл. № 13 к настоящей главе). Как уже говорилось, при имянаречении учитывался и факт своеобразной «парности» имен *Ярослав* и *Георгий* (*Юрий*) в роду Рюриковичей: всякий раз, выбирая для ребенка имя *Ярослав*, не могли не вспомнить о Ярославе Мудром, в крещении *Георгии*. Поскольку совсем недавно родившийся сын Всеволода уже был *Георгием*, то тем самым провоцировалось наречение следующего сына *Ярославом*.

Любопытно, что крестильное имя княжича, *Федор*, по-видимому, уже носил кто-то из его дядьев, вероятнее всего, Мстислав или Ростислав, хотя полностью нельзя исключить, как кажется, и кандидатуру Ярослава Юрьевича (ср. табл. № 16 к настоящей главе). В пользу версии наследования крестильного имени от одного из дядьев свидетельствуют изображения и надписи на новгородских печатях и знаменитом шлеме. На шлеме, как известно, фигурируют имена и патрональные изображения свв. Василия, Георгия и Федора[135]. В XIII в. этот предмет, по-видимому, принадлежал интересующему нас лицу, князю Ярославу-Федору Всеволодичу. Однако существует достаточно аргументированное предположение о том, что он был не первым его владельцем. Естественно допустить, что он унаследовал его от одного из дядьев, которому он приходился тезкой по крестильному имени. Разумеется, довольно трудно определить, при каких обстоятельствах шлем переходил от одного владельца к другому, однако в юности отец Ярослава-Федора, Всеволод Большое Гнездо, был, по-видимому, близок как с сыновьями рано умершего Ростислава Юрьевича, так и со своим старшим братом Мстиславом Юрьевичем (вместе с ним, в частности, он бежал в Византию). Если учесть, что имена *Мстислав* и *Федор* образуют у Рюриковичей устойчивую пару[136], то вполне допустимо думать, что Ярослав-Федор получил свое крестильное имя в честь дяди, Мстислава Юрьевича[137].

лись, выбирая имя для сыновей Всеволода Большое Гнездо. Казалось бы, тот факт, что день рождения княжича в летописи связывается исключительно с памятью пророка Захарии, должен означать, что память Федора Стратилата в этом месяцеслове была отнесена на другой день. Не исключено, что именно так оно и было. Однако здесь возможно и другое объяснение. Подробнее об этом см. Экскурс № 6, с. 387–388.

135 См. [Рыбаков 1964. С. 34–35. № 33; Янин 1970. Т. I. С. 98–101; Янин 1972; Медынцева 2000. С. 98–104. Рис. 77].

136 См. подробнее: Экскурс № 10.

137 Именно с Мстиславом Юрьевичем И. Граля связывает надпись на византийском энколпионе, принадлежащем «Федору росу из рода базилевсов» (см. [Граля 1990. С. 58–60]). Если предположить, что «Федор рос» есть не кто иной, как Мстислав Юрьевич, то выражение «из рода базилевсов» могло употребляться в связи с многочисленными родственными связями рода Рюриковичей с византийскими императорами. С другой стороны, это выражение могло указывать на княжеское происхождение владельца энколпиона.

Возможно, какую-то роль могло сыграть и то обстоятельство, что у этого дяди, Мстислава Юрьевича, был собственный сын Ярослав, старший кузен нашего Ярослава-Федора Всеволодича (см. табл. № 16 к настоящей главе). Весьма вероятно, что Мстислав Юрьевич умер в Византии. При этом его сын, Ярослав, по крайней мере, с конца 70-х гг. XII в. жил и действовал на Руси. Отношения Всеволода Большое Гнездо с этим племянником складывались по-разному. В 1177 г. Ярослав Мстиславич подчиняется Всеволоду, в следующем же году Всеволод сжег и разграбил Волок Ламский, где княжил его племянник, а самого Ярослава Мстиславича взял в плен[138]. Если допустить, что шлем поначалу принадлежал Мстиславу Юрьевичу, то именно после разорения Волока Ламского он мог попасть в руки Всеволода. Когда Ярослав-Федор Всеволодич появился на свет, его кузен был еще жив (он умер лишь в 1199 г. в Переяславле Русском[139]).

Строго говоря, на совпадение имен одновременно живущих двоюродных братьев не существовало какого-либо запрета. Однако, если согласиться с версией, что Ярослав-Федор получает оба своих имени — и родовое, и христианское — в честь родных дядьев, то в действиях Всеволода можно увидеть стремление закрепить родовые права своих умерших братьев за собственными детьми, в обход племянников. Действительно, его племянник получил родовое имя одного из дядьев при жизни или вскоре после смерти последнего, тогда как сын Всеволода получает то же самое родовое имя приблизительно через 25 лет после дядиной кончины. Не исключено, что воспоминание об этом давно умершем брате Всеволода актуализировалась не без задней мысли об окончательном вытеснении живого взрослого племянника, когда-то уже названного в честь Ярослава Юрьевича. С появлением Ярослава-Федора Всеволодича Ярослав Мстиславич оказывался вытеснен из родовой перспективы, так сказать, во всех измерениях: младший кузен получает не только его родовое имя, наследие общего дяди, но и христианское имя *Федор*, которое, возможно, принадлежало родному отцу Ярослава Мстиславича. В такую стратегическую линию хорошо вписывался бы и тот факт, что сын Всеволода, заодно с христианским именем своего дяди, наследует и его боевые доспехи[140].

---

138 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 380, 387].

139 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 417; Т. VII. С. 107].

140 Интересен в этой связи вопрос о печати знаменитой Мстиславовой грамоты 1130 г. Согласно утвердившейся гипотезе В.Л. Янина, печать эта подложная и принадлежала не Мстиславу-Федору Великому, а интересующему нас Ярославу-Федору Всеволодичу (см. [Янин 1956]). Приложение ее к Мстиславовой грамоте, видимо, нужно рассматривать тогда не как попытку фальсификации, но как стремление Ярослава, с одной стороны, подтвердить содержание текста и, с другой стороны, особенно выделить свою преемственность по отношению к едва ли не самому знаменитому из новгородских князей, носивших в крещении имя *Федор*. Если гипотеза В.Л. Янина верна, то история с печатью Мстиславовой грамоты в известном смысле

Еще один сын Всеволода Большое Гнездо, родившийся 27 марта, получил имя *Гавриил*[141]. Собор Архангела Гавриила праздновался в канун его дня рождения (26 марта), а на 25 марта приходился праздник Благовещения[142]. По-видимому, речь идет о том же княжиче, который известен из дальнейшего текста летописи под мирским именем *Святослав*. Христианское имя *Гавриил*, по-видимому, принадлежащее Святославу Всеволодичу, уже встречалось в роду Рюриковичей, его носил Всеволод-Гавриил, сын Мстислава Великого.

Для нас существенно, что если княжичу дается два имени, мирское и христианское, то в конце XII в. в сообщении о его появлении на свет может фигурировать одно христианское имя. Вспомним, что в XI в. в летописных статьях, содержащих сообщение о рождении княжеских сыновей, чаще всего указывается только их мирское имя.

Объяснить причины появления имени *Святослав* в семье Всеволода Большое Гнездо, по-видимому, не так уж сложно. Оно могло быть дано в честь родного брата самого Всеволода, умершего в 1174 г.[143](ср. табл. № 16 к настоящей главе). Если такая реконструкция ситуации имянаречения верна, то налицо еще один случай ориентации при выборе имен на князей, прославленных благодаря подвижнической жизни или мученической кончине. Известно, что Святослав Юрьевич был болен с самого рождения и никогда не обладал княжеской властью. При этом в летописном похвальном слове о нем говорится как о Божьем избраннике, а в Лаврентьевской летописи, кроме того, употреблено выражение «во истину стыи Стославъ Бии оугодникъ», обыгрывающее семантику его родового имени[144]. У нас нет твердых основа-

---

аналогична рассмотренной выше истории со шлемом: в обоих случаях Ярослав-Федор Всеволодич ведет себя как наследник и правопреемник своих родичей — тезок по христианскому имени.

141 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 412 под 1196 г.].

142 В летописной статье непосредственно за сообщением о рождении княжича следует известие о том, что епископ Иоанн «на воротѣх стое Бци» заложил «црквь камену во имѧ Акыму и Анны» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 412]. Не исключено, что возведение этой церкви, посвященной родителям Богородицы, опосредованным образом связано с рождением и наречением княжича. Кроме того, в Успенском соборе один из приделов был посвящен празднику Благовещения . См. Экскурс № 5, с. 370–371.

143 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 365–366; Т. II. Стб. 579–580].

144 Ср. свидетельство поздней летописи: «бѣ бо разуменъ, и писаніа божественаго нарочитъ, и обычаи добронравенъ, и смиреніе, и любовь и милость многа» [ПСРЛ. Т. IX. С. 247–248]. Любопытно также, что В.Н. Татищев наделяет Святослава Юрьевича склонностью к наукам и утверждает, что он принимал греков и латинян и искусно вел с ними споры [Татищев. Т. III. С. 104]. Скорее всего, описание Татищева не основывается ни на каких исторических свидетельствах, но является результатом, так сказать, художественного осмысления образа этого князя. Не исключено, впро-

ний для утверждения о том, что князь Святослав Юрьевич почитался церковью (хотя бы местно), но такое предположение представляется нам весьма вероятным. Из летописного текста со всей очевидностью вытекает, что он, по крайней мере, чтился в собственной ветви рода как человек праведной жизни.

Крестильное имя *Гавриил* в семье Всеволода Большое Гнездо как будто бы напрямую связано с календарем. Однако ориентация на праздник в данном случае требовала отсчета по месяцеслову назад, что, как известно, практиковалось довольно редко, лишь когда для такого имянаречения существовали особые, дополнительные основания. Чтобы попытаться понять, в чем именно заключались эти основания, полезно вспомнить о статусе имени *Гавриил* у Рюриковичей в эту пору.

До сына Всеволода Большое Гнездо мы знаем, в сущности, только одного князя, который носил это имя в крещении. Речь идет о двоюродном брате Всеволода Юрьевича, сыне Мстислава Великого, который по родовому имени приходился ему еще и тезкой (см. табл. № 17 к настоящей главе). Правда, Всеволод-Гавриил Мстиславич лишь по формальному счету принадлежал к одному поколению с Всеволодом-Дмитрием Юрьевичем — оба они были внуками Владимира Мономаха. При этом Всеволод Мстиславич был старшим сыном Мономахова старшего сына, тогда как Всеволод Юрьевич был одним из младших сыновей другого Мономахова сына от позднего, второго брака. Таким образом, разница в возрасте между двумя Всеволодами была чрезвычайно велика, и старший Всеволод умирает задолго до рождения младшего (в 1138 г.).

Можно было бы допустить, что младшего кузена, Всеволода Юрьевича, называют родовым княжеским именем в честь старшего кузена, Мстиславича. При этом существуют некоторые соображения, как «за», так и «против» этой версии. Юрий Долгорукий явным образом враждовал с Мстиславичами, и вражда эта была в самом разгаре, когда на свет появился Всеволод Большое Гнездо (ок. 1154 г.). Разумеется, сиюминутная распря не ставила непреодолимых препятствий для использования имени родича из противоборствующего стана, а столкновение с самим Всеволодом Мстиславичем к 50-м гг. XII в. было делом давно минувших дней. Однако для наречения ребенка *Всеволодом* у Долгорукого были иные, вполне прозрачные основания: так звали, как известно, его собственного деда и, соответственно, прадеда новорожденного, Всеволода-Андрея Ярославича. Иными словами, Мстислав и Юрий действовали в разное время по одной и той же модели, только Мстислав дал княжеское имя прадеда старшему сыну, а Юрий, для которого Всеволод Ярославич был уже куда более далекой в политической перспективе фигурой, дал княжеское имя прадеда младшему сыну[145].

чем, что Татищев располагал какими-либо агиографическими данными о Святославе Юрьевиче, оставшимися нам недоступными. Об имени *Святослав* см. Экскурс № 11.

145 Вполне вероятно, впрочем, что имя деда, обладавшего киевским столом, появляется в семье Юрия Долгорукого довольно поздно в связи с тем, что очевидные по

При таком взгляде, казалось бы, нет особой нужды рассматривать Всеволода Мстиславича как прототип при наречении Всеволода Юрьевича (хотя, как уже не раз говорилось в этой работе, при выборе имени в определенном смысле задействовались все умершие родичи-тезки). Однако есть еще одна причина, требующая внимания к месту Всеволода Мстиславича в родовой памяти Мономашичей: этот князь был причислен к лику святых. В качестве даты прославления указывается 27 ноября 1192/93 г. Естественным образом, это событие едва ли могло повлиять на имянаречение самого Всеволода Большое Гнездо, родившегося несколькими десятилетиями раньше. Так что наречение Всеволода Юрьевича, скорее всего, не связано с прославлением Всеволода Мстиславича, разве только мы примем весьма спорное допущение, что Всеволод Мстиславич почитался святым в своей ветви рода столь задолго до перенесения мощей[146].

Куда более вероятно воздействие такого события, как перенесение мощей Всеволода-Гавриила Мстиславича, на выбор имени сына Всеволода Юрьевича, появившегося на свет в 1196 г.[147] Наречение ребенка крестиль-

---

родовому счету права на этот стол сам Долгорукий получает только к этому времени. Действительно, в реальной политической ситуации Юрий Владимирович пытается заполучить этот стол в течение достаточно долгого времени, но лишь со смертью своего старшего брата Вячеслава в 1154 г. он остается старшим в родовой ветви Мономашичей, и его права на их родовое наследие оказываются несомненными с точки зрения традиции.

146 Кажется, единственным аргументом, который мог бы служить в пользу подобного допущения, является эпизод из жития, где новгородцы, едва узнав о кончине князя, сразу же посылают в Псков протопопа Полюда за его мощами. Ср. [ПСРЛ. Т. XXI. С. 199].

С другой стороны, весьма возможно, что Всеволод Большое Гнездо с юности особо чтил своего старшего кузена-тезку, а перенесение его мощей послужило, так сказать, финальным аккордом этого почитания. В пользу такого предположения говорит, в частности, то обстоятельство, что Всеволод Юрьевич назвал одну из своих старших дочерей так же, как звали дочь Всеволода Мстиславича, — *Верхуславой* (см. табл. № 17 к настоящей главе). Подробнее об именах девочек в семье Всеволода Большое Гнездо см. гл. VII, с. 249–251, 263–264.

147 Перенесение мощей состоялось при князе Ярославе Владимировиче, внуке Мстислава Великого. Для нашего построения довольно существенно, что этот князь был свояком Всеволода Большое Гнездо (они были женаты на сестрах [ПСРЛ. Т. I. Стб. 416–417]) и Ярослав Владимирович в источниках регулярно фигурирует как младший союзник Всеволода (см. табл. № 18 к настоящей главе). В частности, именно у Всеволода новгородцы просят его свояка, Ярослава Владимировича, себе в князья [ПСРЛ. Т. I. Стб. 416–417]. Вполне вероятно, что Ярослав Владимирович переносил мощи Всеволода-Гавриила с ведома Всеволода Большое Гнездо, который мог быть заинтересован в прославлении своего кузена-тезки. С другой стороны, у Ярослава Владимировича могли быть собственные причины для прославления Всеволо-

ным именем *Гавриил* вполне может быть связано с недавним прославлением его родича (благо дата рождения ребенка совсем недалеко отстояла от Благовещения и Собора Архангела Гавриила). Если же принять версию о том, что Гавриил — это тот самый сын Всеволода Большое Гнездо, который в дальнейшем фигурирует под княжьим именем *Святослав*, то оказывается, что этот Рюрикович был назван по двум родичам, особо отмеченным церковью.

Возможно, что этим случаем влияние самого факта прославления Всеволода-Гавриила на наречение детей в семье Всеволода-Дмитрия не ограничивается (см. табл. № 17 к настоящей главе). Младшему сыну, родившемуся двумя годами позднее Гавриила, дано было имя *Иоанн*. Для нас весьма существенно, что в дальнейшем он фигурирует исключительно под этим именем. К концу XII в. оно приобрело статус полноценного родового христианского имени, при этом имя *Иоанн* сохраняет способность употребляться в паре с исконными княжескими именами.

Подобная двойственность в бытовании этого антропонима создавала новые возможности для династического имянаречения. Так, сын черниговского князя Ярослава Всеволодича получает мирское имя *Ростислав* и крестильное *Иоанн*:

«В то же времѧ родисѧ Ꙗрославу сн҃ъ и нарекоша имѧ ему Ростислав а въ крщеньи Иванъ бѣ бо родилъсѧ вь рж^с^тво Ивана Кр^с^тителѧ» [148].

Много позднее, в XIII в., это же крестильное имя получает и владимиро-волынский князь Владимир Василькович [149]. С другой стороны, уже в середине XII в. оно используется в качестве единственного, например у Ивана Берладника и Ивана Юрьевича Туровского. Один из братьев Всеволода Большое Гнездо, умерший в 1147 г., также фигурирует в летописи исключительно под этим христианским именем. Вероятнее всего, Всеволод Юрьевич именно в честь него и назвал своего сына, родившегося в 1198 г.

Тот факт, что родной дядя был одним из «прототипов» при наречении племянника, не вызывает сомнений, но все же нельзя не заметить, что между его кончиной и появлением на свет племянника прошло около полувека [150].

да-Гавриила — он приходился ему родным дядей (Владимир Мачешич, отец Ярослава, и Всеволод-Гавриил были единокровными братьями). При этом Мстислав Великий и его сын Всеволод-Гавриил в родовой памяти были прочно связаны с Новгородом, где княжил в конце XII в. их потомок Ярослав Владимирович.

148 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 568 под 1174 г.].

149 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 919–920 под 1289 г.].

150 Весьма характерно, что у потомков Юрия Долгорукого имя *Иоанн* (*Иван*) не в последний раз переходит от дяди к племяннику и в таком имянаречении во второй половине XII — начале XIII в. в полной мере отражается изобилие новых возможностей, связанных с сосуществованием родовых христианских и родовых исконных имен. Старший сын Всеволода Большое Гнездо, Константин, дает имя *Иоанн* в качестве крестильного своему сыну (см. табл. № 18 к настоящей главе). В качестве же

Затруднительно проследить при выборе имени для Ивана Всеволодича и признаки буквального следования календарю. В том, что касается даты рождения и обстоятельств имянаречения Ивана, в летописях наблюдается известное противоречие. В Ипатьевской летописи мы читаем, что он получил свое имя по празднику Зачатия Иоанна Крестителя:

«Того же лѣта оу великого кн҃зѧ оу Всеволода родисѧ сн҃ъ меншии м^с^ца августа въ а҃ дн҃ь нарекоша имѧ ему въ ст҃мъ крщ҃ении Іѡанъ зачатиѩ ра^д^ Іѡана Кр^с^тлѧ»[151].

При этом Зачатие Иоанна Крестителя приходится на 23 сентября[152], и мы не знаем календарного принципа имянаречения, по которому этот праздник мог бы быть соотнесен с датой рождения Ивана Всеволодича.

Необходимо упомянуть, что между 1 августа и 23 сентября имеется еще один праздник, связанный с Иоанном Предтечей, — Усекновение главы (29 августа). В Лаврентьевской же летописи в качестве даты рождения этого княжича приводится 28 августа:

«...родисѧ сн҃ъ оу блг҃овѣрнаго кнѧзѧ Всеволода Юргевича м^с^ца авгу^с^ въ к҃и дн҃ь на памѧ^т^ ста^г^ ѡц҃а Моисѣѩ Єфиѡпа и нареченъ бы^с^ в ст҃омь крщ҃ньи Іѡа^н^»[153].

Согласно этому второму свидетельству, ребенок родился в канун дня Усекновения главы Иоанна Предтечи и был назван по этому празднику. Очевидно, одна из дат, приведенных в летописях, — ошибочна.

Не исключено, что выбор имени для этого княжича можно связать не только с памятью о его давно покойном дяде, но и с событием 1192/93 г., о котором речь шла выше. Перенесение мощей Всеволода-Гавриила Мстиславича могло оживить в княжеской истории воспоминания о его сыне, который

родового княжич получает имя деда (*Всеволод*): «Тогож лѣ^т^ м^с^ца иоуна въ и҃і дн҃ь на памѧ^т^ ста^г^ м^ч^ка Леѡнтиѩ и дружины ѥго Родисѧ Костѧнтину сн҃ъ Всеволодъ а въ ст҃ѣмь крщ҃ньи нарекоша ѥму имѧ Іѡа^н^» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 435]. Отметим, что ни 18 июня, ни на следующий день имя *Иоанн* в месяцеслове не фигурирует и, следовательно, княжич получает крестильное имя отнюдь не по тому святому, в день (или в канун) которого он родился. Празднование Рождества Иоанна Предтечи и Крестителя приходится на 24 июня [Лосева 2001. С. 368], т. е. на 6-й или 5-й день по рождении ребенка. Самое существенное, однако, что как дед, так и дядя Ивана-Всеволода были живы к моменту рождения ребенка (в 1210 г.). При этом дядя едва ли мог рассматриваться как основной соперник или покровитель новорожденного, так как к 1210 г. ему было всего 12 лет и между ним и старшим братом, Константином (отцом ребенка), было еще четверо братьев. Об этом имянаречении см. также ниже. с. 161, 163.

151 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 707].

152 См. [Сергий. Т. II. С. 296; Лосева 2001. С. 161].

153 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 414].

умер, по-видимому, достаточно юным. Однако отец успел заложить «во имя сына своего» церковь[154]. Княжича звали *Иоанном*, и, по-видимому, среди его небесных патронов почитался Иоанн Предтеча[155] (см. табл. № 17 к настоящей главе).

Непосредственный инициатор открытия мощей Всеволода-Гавриила, новгородский князь Ярослав Владимирович, в крещении звался *Иоанном*:

«...князя Ивана нарицаемаго Ярослава Владимерича, своего своака», «...князя своего Ивана, глаголемаго Ярослава Владимерича, своака Всеволода Юрьевичя Владимерскаго»[156].

Для его собственной политической стратегии, по-видимому, весьма важна была идея преемственности по отношению к родному деду, Мстиславу Великому, и всем родичам со стороны этого деда, имевшим прямое отношение к Новгороду[157]. Поэтому основание культа Всеволода-Гавриила могло связываться и с актуализацией памяти его сына, Ивана Всеволодича, который был к тому же тезкой сидящего в ту пору на новгородском столе князя (ср. табл. № 18 к настоящей главе).

С другой стороны, Ярослав Владимирович, как уже упоминалось, был свояком и ставленником Всеволода Большое Гнездо. В 1198 г. — в год рождения младшего сына Всеволода Большое Гнездо — Ярослав Владимирович все еще успешно княжил в Новгороде. Не исключено, что Всеволод Большое Гнездо отчасти связывал выбор имени для своего младшего сына с именованием своего свояка.

В то же время для Всеволода Большое Гнездо, тяготевшего (судя по наречению старших детей) к парным именам, имена *Гавриил* и *Иоанн* с момента перенесения мощей Всеволода Мстиславича, возможно, образовывали некую пару в христианской княжеской истории. Такое предположение можно было бы счесть вовсе бездоказательным, если бы не ряд косвенных обстоятельств. Сын Всеволода Большое Гнездо, Иван Всеволодич-младший, становился полным антропонимическим подобием Ивана Всеволодича-старшего, сына Всеволода Мстиславича. Разумеется, никак нельзя не учитывать той возможности, что Иван Всеволодич-старший мог обладать и вторым, исконным родовым именем[158]. Но и в этом случае весьма существенно, что он был

---

154 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 21, 205].

155 По-видимому, именно Ивану Всеволодичу, внуку Мстислава, принадлежат печати с изображением Иоанна Предтечи и Благовещения. Церковь же св. Иоанна в Новгороде, построенная его отцом, впоследствии известна как храм Иоанна на Опоках, посвященный Рождеству Иоанна Предтечи. См. [Янин 2001. 450–451].

156 См. [ПСРЛ. Т. X. С. 8–9]; ср. [ПСРЛ 1917. Т. IV. Ч. 2. Вып. 1. С. 173].

157 См. [Гиппиус 2005. С. 17–18].

158 В летописи он назван прямо по имени лишь единожды, в сообщении о его смерти, а такое употребление христианского имени не дает оснований утверждать, что оно функционировало в качестве единственного родового. В.Л. Янин на основании

одним из первых (если не первым) известных нам Рюриковичей, получившим имя *Иоанн* в крещении. Соответственно, все последующие *Иоанны*, которым это имя давалось в качестве христианского родового, так или иначе могли быть ориентированы на его имянаречение[159].

Таким образом, существовали по крайней мере три внутрисемейных соображения, по которым сын Всеволода Большое Гнездо мог получить имя *Иоанн*. Так звали его родного дядю, это же имя носил его свойственник, княживший в Новгороде, и таким же образом именовался сын недавно прославленного Всеволода-Гавриила Мстиславича.

Показательно в этом отношении, что имя *Иоанн* получает не только сын, но и внук Всеволода Большое Гнездо, родной племянник Ивана Всеволодича, Всеволод-Иван Константинович, причем происходит это еще при жизни как деда, так и дяди (см. табл. № 18 к настоящей главе). Вообще говоря, наречение ребенка мирским именем живого деда было значимым отступлением от всей предшествующей родовой традиции. Возможно, это отступление не нивелировалось полностью, но хотя бы отчасти смягчалось тем фактом, что наречение ребенка могло связываться не только со Всеволодом Юрьевичем, но и с прославленным предком — Всеволодом Мстиславичем.

В таком случае становится более понятным, почему в крещении он получает имя *Иоанн* — так звали сына Всеволода Мстиславича. Иными словами, не исключено, что Константин Всеволодич в этом имянаречении также апеллирует к культу Всеволода-Гавриила Мстиславича, хотя это предположение нисколько не отменяет его основных династических претензий на преемственность по отношению к Всеволоду Большое Гнездо для себя и своих сыновей.

сфрагистического материала полагает, что он мог обладать мирским именем *Ивор* (см. [Янин 2001]; ср. гл. II, примеч. 70, с. 66).

159 Есть еще один — правда, весьма неопределенный — аргумент в пользу того, что Всеволод Большое Гнездо мог проявлять особое внимание к прославлению своего старшего тезки, Всеволода Мстиславича. В поздних источниках упоминается о том, что мощи Всеволода были перенесены в Псковскую Троицкую соборную церковь из церкви Дмитрия Солунского [ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 77; Т. XXI. С. 199–200]; ср. [Памятники старинной русской литературы. С. 2–4]. Судя по данным Ипатьевской летописи и большинству списков летописи Псковской, тело Всеволода Мстиславича с самого начала было погребено в Троицкой церкви, которую он сам построил [ПСРЛ. Т. II. Стб. 301; Т. V. Вып. 1. С. 10; Т. V. Вып. 2. С. 19]. Однако археологические данные, как кажется, свидетельствуют о том, что указание о первоначальном погребении князя в церкви св. Дмитрия все же более верно [Белецкий, Белецкий 1979. С. 277; Мильчик, Штендер 1988. С. 88–89]. Не исключено, что культ св. Дмитрия как-то связывал двух родичей тезок: Всеволода Мстиславича, заложившего церковь во имя этого святого, и Всеволода Юрьевича, крещенного во имя Дмитрия Солунского.

Итак, в родовой ветви Юрия Долгорукого и его сына, Всеволода Большое Гнездо, наиболее отчетливо прослеживается новый этап становления христианских имен в качестве родовых для князей Рюриковичей. Едва уловимо изменяются акценты при выборе имен: центр тяжести все более перемещается в сторону имен христианских. Все более актуальной становится при имянаречении христианская история своего собственного рода, все больше крестильных имен, прежде употреблявшихся как дополнительные при исконных княжеских, становятся единственными именами князей.

Всеволод Юрьевич как будто бы не вносит в христианский антропонимикон рода ничего нового. Он использует уже прежде известные крестильные имена. Тем очевиднее, однако, новый, родовой статус этих имен. То, что накоплено родом за два столетия династической истории, успело уже обрасти самостоятельной традицией и все чаще не нуждается в каких-либо дополнительных отсылках к семейной истории. Христианское может восприниматься как исконное, двойная княжеская генеалогия, основанная на культе предков и культе патрональных святых рода, все более сливается воедино.

Характерно, что летописные сообщения о рождении сыновей Всеволода (в частности, о рождении Федора-Ярослава и Святослава-Гавриила) любопытны тем, что в них могут упоминаться только крестильные имена княжичей. Такой характер указаний летописи дает нам весьма ценный материал, касающийся нового статуса христианского имени в тот период. Действительно, с одной стороны, самый факт упоминания крестильного имена без мирского в записях о рождении позволяет говорить о большей публичности и большей употребительности христианского имени. С другой стороны, у нас есть возможность наблюдать, как одни христианские имена употребляются в качестве единственных, тогда как другие — хотя и фигурируют в сообщениях о появлении княжичей на свет — остаются вторыми при исконных родовых именах. Ярослав-Федор в дальнейших многочисленных летописных свидетельствах именуется *Ярославом*, Святослав-Гавриил *Святославом*, а их братья, Юрий и Иван, исключительно *Юрием* и *Иоанном* (*Иваном*).

Прежняя, существовавшая длительное время сложная традиция имянаречения выработала достаточно изощренный язык имен, с которым династической практике как будто бы жаль расставаться. Иными словами, князю к XIII в. в перспективе родовой традиции достаточно было и одного имени. Но многоименность, по-видимому, считалась скорее преимуществом, а, следовательно, и необходимостью для члена правящего рода. По сравнению с XI в. она лишь приобретает иные формы, постепенно переориентируясь на имена исключительно христианские.

При этом необходимо помнить, что запрета на языческие по происхождению имена князей не существовало еще очень долго, если даже допустить, что такой запрет у Рюриковичей некогда был сформулирован. Часть из этих имен на разных этапах жизни династии превращались, как мы помним, в христианские, так как носившие их Рюриковичи были прославлены как святые. Вполне возможно, что кроме тех князей, которые прочно утвердились в

качестве общерусских святых, некоторые из их родичей почитались местно, и их имена могли хотя бы отчасти осмысляться как христианские или, во всяком случае, приемлемые для христианина.

Не менее важно для сохранения такого рода имен было и то обстоятельство, что на Руси в целом двуименность, употребление языческих по происхождению именований удерживается куда дольше, чем в правящей династии. Фонд такого рода языческих имен у знатных людей, непосредственно соприкасавшихся с родом Рюриковичей, был весьма обширен, и, по-видимому, лишь изначальная обособленность княжеского антропонимикона позволяла ему во многом жить по собственным законам и правилам, существенно опережая общий процесс окончательного перехода к именам христианским.

Имена Рюриковичей в XIII в.

В общей истории имянаречения у Рюриковичей очередной перелом наступает, по-видимому, во втором-третьем десятилетии XIII в., приблизительно в ту пору, когда князья поколением младше Всеволода Большое Гнездо дают имена своим детям. Речь идет не столько об увеличении числа христианских имен, сколько об изменениях в общем порядке выбора имени как родового мирского, так и христианского.

Дети Всеволода Юрьевича не просто развивают практику имянаречения своих отца и деда, используя все больше христианских имен в качестве родовых, единственных. Собственно говоря, по сравнению с Юрием Долгоруким, у них едва ли появляется что-то принципиально новое в этом аспекте. Более существенно, что они нередко переносят принципы выбора крестильного имени на выбор имени родового, княжьего.

Выше уже шла речь о сыне Константина Всеволодича, который появился на свет в 1210 г. (см. табл. № 18 к настоящей главе). Дед ребенка был еще жив, и, тем не менее, мальчик получает его княжеское, мирское имя Всеволод. При этом в крещении он получил имя Иоанн, которое, как уже упоминалось, к тому времени носил один из его младших дядьев, но это последнее обстоятельство, по-видимому, ничуть не противоречило традиции. Строго говоря, княжич не сделался абсолютным тезкой своего живого деда, поскольку дед в крещении звался Дмитрием. Однако для старой родовой традиции такое несовпадение было явно недостаточно. В данном случае все оказывалось «перевернутым с ног на голову»: там, где требовалось различие (в исконных именах), наблюдается тождество, там же, где вполне допустимо тождество (в именах крестильных), появляется различие.

Традиция рода явным образом переживает некий слом, хотя едва ли речь может идти о том, что сыновья Всеволода отказываются от нее вовсе. Очевидным примером следования этой традиции может служить имянаречение сына Юрия Всеволодича (см. табл. № 19 к настоящей главе). Этот внук Всеволода Большое Гнездо, родившийся 23 октября, вскоре после его смерти, становится полным тезкой деда:

«...Родиса сн҃ъ Геѡргїю кнѧзю мц҃а ѡкта[6] въ к҃г дн҃ь и прозваша и Всеволодъ а в ст҃омъ крщ҃нии нарекоша имѧ ѥму Дмитрии»[160].

Более того, внук оказывался полной «антропонимической копией» деда, так как у них совпадают не только крестильные и мирские имена, но и отчества (*Юрьевич*). Исходно у них не было ни одного компонента именования, по которому внука можно было бы отличить от деда[161]. Такое антропонимическое уподобление совсем недавно умершему деду полностью соответствовало духу и букве родовой традиции, особенно если учесть, что отец ребенка — Юрий — занимал к моменту рождения Всеволода-младшего тот стол, который прежде принадлежал Всеволоду старшему, и мог надеяться, что рано или поздно он перейдет к его старшему сыну[162].

В то же время, поведение Константина Всеволодича, выбирающего для сына мирское имя своего собственного живого отца, невозможно счесть единственным «экстравагантным» отступлением от родовой традиции. Его родной брат, Ярослав-Федор Всеволодич, распределяет свои собственные имена между двумя сыновьями (см. табл. № 19 к настоящей главе). Один из них, старший (род. в 1219 г.[163]), получает его крестильное имя *Федор*, тогда как другой сын получает (при жизни отца!)[164] его мирское имя — *Ярослав*.

---

160 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 438 под 1213 г.].

161 Христианские имена и христианские отчества деда и внука, Всеволода-Дмитрия Юрьевича старшего и Всеволода-Дмитрия Юрьевича младшего, были связаны с одними и теми же святыми, Дмитрием Солунским и Георгием Победоносцем. Подробнее о тождестве святых покровителей предка и потомка см. гл. VI, с. 219–220.

162 Та ожесточенная конкуренция за владимирский стол, существовавшая между старшими сыновьями Всеволода, явным образом отразилась в именах, которые они выбирают для своих наследников. Константин Всеволодич не только попытался неожиданным, с точки зрения архаической традиции, способом закрепить за своим потомством имя *Всеволод*, позднее он дал еще одному своему сыну крестильное имя деда *Дмитрий* [ПСРЛ. Т. I. Стб. 438 под 1214 г.]. Юрий Всеволодич же, сделавшись (в обход старшего брата) великим князем владимирским, передает оба имени своего отца собственному старшему сыну. Ср. табл. № 19 к настоящей главе.

163 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 444; Т. VII. С. 126].

164 Ярослав Ярославич, вне всякого сомнения, родился еще при жизни отца, т. е. до 1246 г. Зимой 1253 — 1254 гг. он княжит во Пскове, а в начале 1255 г. торжественно появляется в Ладоге [ПСРЛ. Т. I. Стб. 473–474; Т. III. С. 80]. В 1258 — 1259 гг. он ездил в Орду [ПСРЛ. Т. XVIII. С. 71], а в 1265 г. его старший сын, Святослав Ярославич, уже крестит во Пскове литовцев и обороняет их от горожан, т. е. является взрослым полноправным членом княжеской семьи. Если бы Ярослав Ярославич родился лишь в 1246/47 г., к 1265 г. у него никак не могло быть таких взрослых детей. Помимо всего прочего, если судить по летописным перечням сыновей Ярослава Всеволодича, Ярослав Ярославич отнюдь не был последним сыном своего отца — двое из братьев, Даниил и Михаил, были младше него [ПСРЛ. Т. I. Стб. 469 под 1239 г.].

Прежде подобным образом, как мы видели, могли распределяться лишь имена покойного предка.

В том, что князь назвал одного из старших сыновей своим крестильным именем, нет ничего противоречащего всей предшествующей практике. Однако родовое мирское имя отца, повторенное им самим при наречении другого сына, разумеется, было вопиющим отступлением от этой практики. Правда, как и в случае с повтором имени живого деда в семье Константина Всеволодича, антропонимическое тождество потомка и предка не было полным. В крещении Ярослава Ярославича, судя по всему, звали *Афанасий*[165]. Таким образом, его христианское имя не совпадало с крестильным именем его отца.

---

165 Крестильное имя Ярослава Ярославича не упоминается вместе с его мирским именем. Тем не менее в историографии, начиная с Н.М. Карамзина [Карамзин. Т. IV. Примеч. 78], утвердилось мнение, что Ярослав Ярославич и Афанасий Ярославич, упоминаемый в летописях, — это одно и то же лицо. Об этом свидетельствуют и печати, сохранившиеся при договорных грамотах, прежде всего при договоре князя Ярослава Ярославича с Новгородом. На одной стороне этой печати изображен св. Афанасий, а на другой св. Федор (патрон отца, Ярослава-Федора Всеволодича) [Янин 1970. Т. II. С. 159]. Изображение св. Афанасия присутствует и на печати сына Ярослава Ярославича, Михаила [Янин 1970. Т. II. С. 9, 162].

Укажем еще две причины, по которым следует признать такое отождествление достоверным. Известно, что Ярослав Ярославич был князем тверским, именно при нем в Твери появляется епископская кафедра (см. [Клюг 1994. С. 66–67], с указанием литературы). После его смерти тверское княжение переходит к старшему сыну, Святославу Ярославичу. При этом во второй половине XIII в., до 1294 г., в Твери основывается монастырь во имя св. Афанасия Великого [Макарий. Кн. III. С. 650]. Как кажется, естественно было бы связать посвящение этого монастыря с патрональным святым Ярослава Ярославича. В житии Софьи, дочери Ярослава Ярославича, говорится о возведении этого (?) монастыря и посвящении церкви св. Афанасию. Любопытно, что церковь была освящена 17 сентября, на память Веры, Надежды, Любови и матери их Софьи, т. е. в день памяти небесной покровительницы самой княжны [Клосс 2001. С. 205; Кучкин 2002. 139]. Естественно допустить, что коль скоро день освящения церкви был связан с собственной патрональной святой Софьи, то и святой, во имя которого строилась церковь, был одним из ее семейных покровителей. Показательно, в частности, что, согласно житию, Софья Ярославна обращается в своих молитвах к «Богу и святому Афонасию». Все это служит дополнительным подтверждением того, что Ярослав Ярославич и упоминаемый в других частях летописи сын Ярослава Всеволодича, Афанасий, — одно и то же лицо.

Для нас не менее существенен еще один аргумент, свидетельствующий в пользу того, что Ярослав носил в крещении имя *Афанасий*. Дело в том, что мы обнаруживаем эту же именную пару — *Ярослав-Афанасий* — в роду Рюриковичей и позднее. В XIV в. так звали одного из сыновей Владимира Андреевича Храброго. См. о нем подробнее гл. VI, с. 230, примеч. 44. Ярослав-Афанасий-младший приходился праправнуком Александру Невскому, родному брату Ярослава-Афанасия-старшего. Можно

Однако такого несовпадения, как уже отмечалось выше, было совершенно недостаточно для исконной традиции. В поколении правнуков Юрия Долгорукого можно непосредственно наблюдать смешение правил, относящихся к двум, прежде различным, способам именования. В этом смешении принципов наречения христианским и мирским именем, в этой инверсии их функций, видны результаты долгого взаимодействия двух именословов. Налицо, иными словами, следующий этап становления новой родовой системы имянаречения. В частности, появляется прообраз нового династического принципа именования, когда сын нередко получает родовое имя живого отца или живого деда.

При Ярославе Всеволодиче данный принцип еще не обрел четких форм и не стал инструментом династической стратегии, какие-то новые механизмы подбора имени для княжича еще только регулируются и настраиваются. В самом деле, выбор Ярослава Всеволодича труднообъясним как с точки зрения предшествующей эпохи, так и с точки зрения позднейшего периода истории Рюриковичей. Едва ли своим поступком он стремился закрепить за сыном-тезкой максимальную полноту власти: Ярослав Ярославич был, по-видимому, одним из младших детей, и никаких других свидетельств его особого статуса в семье мы не находим. Можно сказать, что в последующих поколениях этой ветви Рюриковичей проявляется больший консерватизм, более строгое следование как старым, так и вновь установившимся обычаям. Ярославу Всеволодичу же выпадает роль «революционера», при котором в обиход вводится целая обойма нововведений, довольно быстро перерабатываемых и усваиваемых традицией.

Помимо видоизменения одного из главных родовых принципов — запрета называть в честь живого отца, — выбор имен в семье Ярослава Всеволодича отличается еще и рядом других, более частных новшеств (см. табл. № 20 к настоящей главе). Как и у его деда, Юрия Долгорукого, у Ярослава большинство сыновей известны исключительно под христианскими именами. Однако у деда старший сын обладает исконным княжьим именем *Ростислав*, тогда как все старшие сыновья Ярослава Всеволодича фигурируют только под христианскими именами. Так было и у отца Ярослава, Всеволода Большое Гнездо (вспомним имена его старших сыновей: *Константин*, *Борис*, *Глеб* и *Юрий*), однако у младших детей Всеволода мы находим исконные имена *Ярослав*, *Владимир*, *Святослав*. Среди всех же именований многочисленных детей Ярослава Всеволодича имя языческого происхождения обнаруживается лишь одно — *Ярослав*, при этом именно оно и выбивается из исконной традиции княжеского имянаречения.

допустить, что имена *Ярослав* и *Афанасий* образовали относительно устойчивую пару в роду Рюриковичей (см. Экскурс № 10, с. 429–430). В качестве единственного же мы встречаем имя *Афанасий*, например, у брата Ивана Калиты, новгородского князя Афанасия Даниловича (ум. в 1322 г.).

Иными словами, Ярослав Всеволодич собрал воедино все тенденции, связанные с постепенным превращением христианских имен в родовые. Он широко пользуется наследием отца и деда как в том, что касается принципов имянаречения, так и в том, что касается конкретных единиц именослова, имен, однако нельзя утверждать, что он только этим наследием и ограничивается. В самом деле, подобно своему отцу, Ярослав дает одному из сыновей (старшему) собственное крестильное имя, кроме того, он подхватывает те христианские имена своих родных дядьев (*Андрей*, *Михаил*, *Василий*), которые в свое время по тем или иным причинам не использовал его отец (ср. табл. № 20 к настоящей главе). Еще одному сыну Ярослав Всеволодич дает имя собственного родного брата *Константин*.

При этом он использует и те христианские имена, которых, по-видимому, не было ни в семье отца, ни в семье деда. Имена *Александр* и *Даниил*, например, мы обнаруживаем у некоторых Рюриковичей, которые по возрасту были несколько старше Александра Ярославича и Даниила Ярославича[166].

---

166 Имя *Даниил* охотно воспроизводится потомками Ярослава Всеволодича, правда, к XV в. оно выходит из обихода московского правящего дома (см. гл. I, с. 25, примеч. 60). Куда более загадочен, однако, источник появления имени *Даниил* у Рюриковичей вообще и в семье Ярослава Всеволодича в особенности. До XIII в. мы не знаем ни одного князя с таким именем (если не считать довольно спорной реконструкции Р.В. Зотова, согласно которой *Даниилом* звали в крещении Всеволода Святославича Чермного [Зотов 1892. С. 44]). В 1201 г. так называет одного из своих сыновей Роман Мстиславич Галицкий, внук Изяслава Мстиславича (см. табл. № 21 к настоящей главе). В 1213 г. Даниил Романович и Ярослав Всеволодич оказались свояками: Даниил взял в жены Анну, дочь Мстислава Мстиславича Удатного, на другой дочери этого же князя, Ростиславе, вторым браком женился Ярослав [ПСРЛ. Т. II. Стб. 732; Т. XLI. С. 131]. По всей видимости, именно Ростислава звалась в крещении *Феодосией* (а в иночестве *Евфросиния*) и была матерью всех сыновей Ярослава Всеволодича, в том числе и Даниила [Толстой 1887. С. 219. № 402. С. 226–227. № 411; Экземплярский. Т. I. С. 18–19. Примеч. 42; Кучкин 1986]. Не исключено, что Даниила Ярославича назвали в честь Даниила Романовича. Такое наречение в честь свояка было, как кажется, поступком не совсем обычным, но вполне допустимым, особенно если учесть ту роль, которую Даниил Романович играл в Юго-Западной Руси, да и то обстоятельство, что Даниил Ярославич был далеко не старшим сыном князя. Весьма вероятно, что при его имянаречении принималась во внимание и дата его рождения, однако о ней нам ничего не известно. Примерно в этот же период имя *Даниил* появляется и в знатном половецком роду (о некоторых русских княжеских и христианских именах половцев см. [Грушевський. Т. II. С. 537]). Так звали, судя по показаниям Лаврентьевской летописи, одного из сыновей хана Кобяка, убитого в 1223 г. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 504]. Впервые Даниил Кобякович упоминается среди князей половецких, плененных русскими князьями в 1185 г. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 395–396]; ср. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 632 под 1183 г.]. Многие из взятых тогда в плен половецких князей состояли в свойстве́ с Рюриковичами. При этом среди участников похода, со-

Данными о существовании имени *Афанасий* в княжеском роду до Ярослава-Афанасия Ярославича мы не располагаем. Разумеется, отсутствие таких данных не может с абсолютной надежностью означать и отсутствие самого имени у Рюриковичей X — XII вв. С другой стороны, новые христианские имена время от времени вводятся в родовой обиход. Иногда — как, например, в случае с *Панкратием* или *Пантелеймоном*, — однажды появившись в качестве крестильных, они исчезают из именослова династии, а иногда закрепляются и воспроизводятся в следующих поколениях. Именно это и произошло с именем *Афанасий*, которое сохраняется скорее на периферии родового имянаречения, но отнюдь не уходит из него вовсе.

Коль скоро речь идет о середине XIII в., мы не всегда можем определить, чем обусловлено в летописи регулярное именование того или иного князя

гласно Лаврентьевской летописи, был и Всеволод Мстиславич, родной брат Романа Галицкого, и «Галичьскаꙗ помочь». Не исключено, что этот крещеный (?) половец Даниил также состоял в свойстве́ (или побратимстве?) с кем-либо из старших родственников Даниила Галицкого (напомним, к слову, что Анна Мстиславна, жена последнего, была внучкой другого половецкого хана Котяна, состоявшего с Кобяком и Кобяковичами в союзнических отношениях).

При этом все же решительно неизвестно, почему сам Даниил Романович получил именно такое имя. Вообще говоря, выбор имен у галицко-волынских Рюриковичей в XIII в. довольно существенно расходится с общеродовой практикой. Так, сам Даниил дает двум своим сыновьям дедовские имена (собственного отца и отца своей жены), назвав их, соответственно, *Роман* и *Мстислав*. Другие же, в частности первенец, получают имена, нетрадиционные для Рюриковичей: *Ираклий*, *Лев* и *Шварн* (см. табл. № 21 к настоящей главе) (об имени *Шварн* см. Экскурс № 5).

Еще более труднообъяснимым с точки зрения родовой традиции оказывается выбор имени для старшего брата Даниила Ярославича, Александра. До последних десятилетий XII в. мы не знаем князей Рюриковичей с таким именем. Между тем в летописных свидетельствах, относящихся к первой половине XIII в., фигурируют и два других князя, носивших имя *Александр*. Сведения об одном из них, погибшем в битве при Калке, ограничиваются тем, что он был князем дубровицким — неизвестны даже имена его отца и деда. Другой Александр, сын Всеволода Владимиро-Волынского, племянник Романа Мстиславича (и, соответственно, двоюродный брат Даниила Романовича), родился не позднее первой половины 90-х гг. XII в. (см. табл. № 21 к настоящей главе). В свое время он был довольно заметной фигурой в галицко-волынских событиях. Если и был на исторической сцене ко времени рождения Александра Невского хоть сколько-нибудь значительный князь Рюрикович с таким именем, то это не кто иной, как Александр Всеволодич (о возможности существования в галицко-волынской Руси еще одного князя по имени *Александр* см. Экскурс № 1, с. 318). Однако каким именно образом он мог повлиять на имянаречение в семье Ярослава Всеволодича, сказать не беремся. После Александра Невского это имя оказывается очень популярным в династии, но, как и имя его брата Даниила, оно не приживается у поздних (XV — XVI вв.) Рюриковичей московского дома.

исключительно христианским именем. С одной стороны, в самих летописных памятниках (а, возможно, и в повседневной практике) постепенно происходит, как уже говорилось, смещение акцентов в сторону христианских имен. Иными словами, иногда крестильное имя князя может употребляться в источнике без родового мирского, хотя такое мирское имя у этого князя есть. С другой стороны, еще более существенный сдвиг в сторону исключительно христианских имен происходит и в самой традиции имянаречения. Все чаще княжичам дается только одно, христианское имя, принимающее на себя функции родового.

С нашей точки зрения, у большинства сыновей Ярослава Всеволодича и в самом деле не было уже никаких имен, кроме христианских. Как правило, князья, у которых есть мирские родовые имена, все же хотя бы иногда фигурируют в летописи под ними. Однако никаких упоминаний языческих по происхождению имен с такими князьями, как Александр Ярославич или Андрей Ярославич, связать невозможно. И это при том, что упоминания самих князей в летописях весьма обильны, а никакого запрета на языческие княжеские имена в ту пору, очевидно, не было.

Итак, что же (при всей условности такого рода постановки проблемы) дала деятельность Ярослава-Федора Всеволодича для системы имянаречения и династического антропонимикона Рюриковичей?

Христианский именослов рода оказался несколько расширен, причем расширен «удачным» образом. Все имена, использованные Ярославом, утвердились в северо-восточной ветви рода Рюриковичей и охотно воспроизводились в следующих поколениях. Минимизирован удельный вес языческих по происхождению, княжеских имен. Позднее, к концу XIII в. в семьях Рюриковичей, княживших на северо-востоке, может не быть ни одного мальчика с таким именем, во всяком случае, их, как правило, не оказывается более одного, а самый список этих имен разительно сокращается. Собственно говоря, сколько-нибудь часто упоминаются имена *Ярослав*, *Святослав* и *Олег*[167].

---

167 Вопрос о том, почему именно эти имена дольше других задерживаются в княжеском именослове, нуждается в дополнительном исследовании. Не исключено, что в XIV — XV вв. некоторые из этих мирских имен могли даваться в честь князей, местно чтившихся как святые. Однако на ранних этапах почитания, как кажется, на Руси обычно фигурировало крестильное, а не мирское имя князя. Вспомним, что Борис, Глеб и Владимир поначалу чтились под именами *Роман*, *Давид* и *Василий*, соответственно. Кроме того, у некоторых князей, сохранявших исконные княжьи имена в XIV в., известны и крестильные имена. Так, например, Олег Иванович Рязанский, скончавшийся в 1402 г., в крещении звался *Иаковом* (в иночестве *Иоаким*).

Употребление княжеских мирских имен в XIV в. не ограничивалось, однако, наиболее частотными именами *Ярослав*, *Святослав* и *Олег*. Например, мы обнаруживаем в послемонгольскую эпоху среди тверских князей XIV в. обладателя имени *Всеволод* (Всеволод Александрович княжил в Твери с 1346 по 1348 г.).

Испытываются различные пути передачи отцовского родового имени сыну. То обстоятельство, что Ярослав-Федор Всеволодич дал свое крестильное имя старшему из наследников, позволяет допустить, что в этом заключался некоторый тактический замысел, связанный с передачей власти. Существенно, что Ярослав — в отличие от своего отца Всеволода-Дмитрия — не только отдал свое крестильное имя первенцу (напомним, что *Дмитрием* был назван лишь один из младших сыновей Всеволода), но, по-видимому, и не счел необходимым давать этому главному наследнику какое-либо другое мирское имя. В наречении Федора и Ярослава Ярославичей можно видеть заметно опередивший свое время прообраз будущего подхода к выбору династического имени.

В свете последующей истории имянаречения у Рюриковичей чрезвычайно интересно, были ли отец и сын названы в честь одного и того же святого Федора. В самом деле, полными тезками они не становились в любом случае, ведь у отца было еще мирское родовое имя *Ярослав*. С другой стороны, в XI — первой половине XII в. тезками по христианским именам могли считаться и те князья, которых нарекли одинаковыми именами, но в честь разных святых. При этом во второй половине XIV — XVI в. святые покровители отца и сына, носивших одинаковые имена, должны были непременно различаться[168]. Как же обстояло дело с патрональными святыми князей-тезок к тому времени, когда у Ярослава Всеволодича стали рождаться сыновья?

О небесном покровителе самого Ярослава Всеволодича мы ничего не можем утверждать наверняка, хотя, вероятнее всего, это был Федор Стратилат[169]. Почти ничего не известно о патрональном святом его сына, Федора младшего. В Воскресенской летописи указывается, что он появился на свет зимой[170], однако на зиму приходится празднование сразу двух св. Федоров, как кажется, наиболее популярных в княжеской среде, Тирона и Стратилата, не считая еще нескольких менее значительных святых с тем же именем. Для прояснения этого вопроса весьма ценно, что, согласно всем летописным показаниям, он, несомненно, был *Федором Федоровичем* и при этом некоторое время княжил в Новгороде вместе со своим братом Александром. После его смерти в 1233 г. здесь была возведена церковь во имя св. Федора, однако летопись не уточняет, в честь какого именно[171].

Любопытно, что в самом конце XIII в., на излете существования традиции княжеских имен, могут появляться и некие «сконструированные» имена, прежде не известные родовому антропонимикону. К числу таковых относится имя *Рослав* (*Родослав, Родислав*), возникающее в рязанской ветви Рюриковичей во второй половине XIV в., его носил сын уже упоминавшегося Олега-Иакова. Впрочем, вариативность данного имени в источниках не позволяет с уверенностью реконструировать его исходную форму (см. [ПСРЛ. Т. III. С. 397; Т. XI. С. 91, 197]).

168 Об этом см. подробнее гл. VI.

169 См. подробнее Экскурс № 9.

170 См. [ПСРЛ. Т. VII. С. 126].

171 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 72, 282].

При этом обнаружена довольно большая группа печатей, несущих на себе и с лицевой, и с оборотной стороны надписи, которые указывают, что перед нами св. Федор. Многочисленные печати с двумя Федорами распадаются на несколько типов. Весьма вероятно, что какая-то часть этих печатей принадлежала Федору Ярославичу-Федоровичу[172]. Однако и в этом случае мы не получаем определенного ответа на вопрос, был ли у отца и сына тезок один и тот же святой покровитель: на одной печати изображение пешего воина сопровождено довольно ясно читающейся надписью «Стратилат». Надпись же при другом, конном, изображении читается крайне трудно[173]. Надписи на всех прочих печатях этого типа содержат лишь имя *Федор* и ничего не сообщают о том, кто именно из свв. Федоров перед нами[174].

Для нас существенно, что всюду изображения св. Федора на лицевой стороне печати отчетливо противопоставлено изображению на обороте. В одном случае перед нами, как уже говорилось, конная фигура, в другом — пешая. Мы не можем достоверно определить, существовал ли уже в первой половине XIII в. обычай наделять отца и сына тезок разными небесными патронами. Более того, мы склонялись бы к версии, что в полной мере такой порядок едва ли развился в этот период. Весьма существенно, однако, что был сделан первый шаг в этом направлении: расподобление иконографического образа святого патрона (святых патронов?) отца и сына на печатях. Строгое различение святых тёзок при имянаречении князя было, по-видимому, делом не столь уж отдаленного будущего.

Итак, если судить исключительно по составу именослова, то совершенно очевидно, что к середине XIII столетия языческие имена князей уступили свое господствующее положение именам христианским. Что же касается принципов выбора этих имен, то здесь очень многое было унаследовано как из архаической родовой традиции, так и из династической практики «переходного периода» конца X — начала XIII в. Обычаи именования князя, сформировавшиеся за время сосуществования исконных и христианских имен, сделались неотъемлемой принадлежностью правящего рода: была создана система, которая позволяла учитывать множество разноплановых тенденций при наречении каждого нового члена династии. Сама сложность и устойчивость этой системы выделяли род Рюриковичей и поддерживали уникальную долговечность правящего рода.

---

172 Об этом см. подробнее Экскурс № 9, с. 414–417.

173 В первом томе «Актовых печатей» В.Л. Янин предлагал читать эту надпись как «Тирон». Однако в издании третьего тома В.Л. Янин и П.Г. Гайдуков не возвращаются к такому прочтению, указывая лишь, что на другой стороне печати изображен Федор Стратилат. См. [Янин 1970. Т. I. С. 113–114; Янин, Гайдуков 1998. С. 47].

174 См. [Янин 1970. Т. I. С. 111–114; Янин, Гайдуков 1998. С. 47].

‡ Полифункциональный статус имен *Роман* и *Давид*, совмещавших в себе функции родового и христианского имени, и еще более сложная ситуация с именем *Борис*, которое могло функционировать то как крестильное при княжеском (*Святослав-Борис*, *Мстислав-Борис*), то как самостоятельное династическое имя, также совмещающее в себе функции родового и христианского, породили немалую путаницу в современной историографии. Так, установилась странная традиция автоматически приписывать князьям, фигурирующим в источниках исключительно под именем *Роман* или *Давид*, имена *Борис* и *Глеб*, соответственно. При этом утверждается, что у князя по имени *Роман*, например, было христианское имя *Борис* или *Борис-Роман* (см. [Янин 1970. Т. I. 92–98]; ср. также такие утверждения В.Л. Янина, как «его брат Роман Ростиславич, в крещении Борис Михайлович» или «Роман Мстиславич, в крещении Борис, христианское имя отца неизвестно» [Янин 2003. С. 133]). Между тем остается совершенно непонятным (и в соответствующих работах — никак не объясненным), каким образом у князя, всюду в источниках фигурирующего под христианским именем *Роман*, которое до его появления на свет уже использовалось в роду Рюриковичей в качестве крестильного, могло появиться еще одно крестильное имя. Иными словами, никак не объясняется, каким образом у князя могло быть два крестильных имени и каков был статус этого антропонимического гибрида.

По совершенно справедливому утверждению В.Л. Янина, «Борис и Глеб вместе могли быть патронами и Борисов, и Глебов, и Романов, и Давидов» [Янин 1970. Т. I. С. 92]. Однако тождество патрональных святых еще не означает тождества имен. Небесный покровитель князя — понятие куда более обширное и с более размытыми границами, чем понятие личное, а тем более крестильное имя. Как кажется, у нас нет никаких оснований утверждать, что каждый из Давыдов обязательно носил имя *Глеб*, а каждый из Романов имя *Борис*. В противном случае оказалось бы, помимо всего прочего, что в целом ряде княжеских семей (например, у уже упоминавшихся Святослава Ярославича и Всеслава Брячиславича) было по комплекту одновременно живущих сыновей-тезок, что, насколько мы знаем, в домонгольской Руси не практиковалось.

Подчеркнем еще раз, что двух крестильных имен у человека быть не могло. Путаница же с именем *Роман* доходит до того, что высказывается предположение, будто одного из носителей этого имени, Романа Всеславича, «в крещении» (?!) звали *Дмитрием* и именно это имя он использовал на своих княжеских печатях [Янин, Гайдуков 1998. С. 40]. Для Рюриковичей *Дмитрий* и *Роман* — два относительно равноправных и при этом архитрадиционных имени. Остается совершенно непонятным, как, получив одно из этих династических христианских имен в крещении, князь мог бы фигурировать в источниках под другим, столь же династическим христианским именем.

«Поздняя» (XIV — XVI вв.) христианская двуименность устроена принципиально иным образом: одно из имен князя оказывается традиционным для его ветви рода, тогда как другое выпадает ему по календарю и почти не зависит от выбора и предпочтений семьи (см. подробнее гл. V). У отпрысков московского дома мы сталкиваемся здесь с такими сочетаниями, как *Иоанн-Тит*, *Дмитрий-Фома*, *Иоанн-Тимофей*. Такие сочетания, как правило, не могут образовывать устойчивых, регулярно

воспроизводящихся пар. Иначе говоря, мы не обнаруживаем целой вереницы князей, которых бы звали **Иоанн-Тимофей*, и не можем ни одному обладателю имени *Иоанн* автоматически приписать имя *Тимофей*. Таким образом, в существовании поздней двуименности мы не обнаруживаем каких-либо данных, позволяющих приписать жившему в XII в. Рюриковичу два христианских имени *Роман* и *Борис*.

С другой стороны, презумпция того, что у князя Рюриковича в домонгольской Руси непременно должно быть кроме христианского еще одно родовое имя, представляется несоответствующей действительности, особенно если речь идет о XII в., а тем более о второй его половине. Мы хорошо знаем, что к определенному времени исконные родовые имена сменяются в обиходе династии именами христианскими. Наивно было бы полагать, что это произошло в одночасье — перед нами налицо все симптомы длительного культурно-исторического процесса, первые результаты которого должны были проявляться достаточно рано. Таким образом, если тот или иной князь, многократно упоминаемый в источниках, называется только своим христианским именем, а это христианское имя повторяется в нескольких поколениях Рюриковичей, факт наличия у этого князя какого-либо другого «княжьего» имени представляется сомнительным и нуждается в специальном, очень четком обосновании. Иными словами, князю, во всех источниках фигурирующему как *Роман*, мы не имеем права «по умолчанию» приписывать имя *Борис* ни в качестве крестильного, ни в качестве родового.

Вызывает некоторое сомнение замечание В.А. Кучкина, который полагал, что «Стратилат» в свидетельстве Тверского сборника является прозвищем самого князя Андрея Владимировича Доброго, а не его «патронального святого» знаменитого мученика Андрея Стратилата. Так, комментируя достаточно загадочную запись в помяннике в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны, где содержится упоминание о смерти князя Владимира, сына Андрея Доброго: «преставися великии князь Володимер Андрѣевичь Стратилата...», исследователь пишет: «добавление <эпитета Стратилат. — *А.Л., Ф.У.*> свидетельствует о хорошем знании составителем помянника княжеских родословных. Прозвище отца Владимира Стратилат встречается в статье 6610 г. Тверского сборника. Очевидно, отсюда оно и попало в помянник» [Кучкин 1997. С. 197; текст помянника на с. 229]. Как кажется, «...даша ему имя въ 18 августа, Андрей стратилать» в Тверском сборнике является все-таки указанием на дату имянаречения и память святого, а не на прозвище новорожденного княжича.

Существенно при этом, что помянник Иосифа Тризны — текст достаточно позднего происхождения. С определенного времени повышенное внимание к пространному именованию святых порождает целый ряд интересных особенностей в имянаречении. Так, хорошо известны случаи, когда атрибутирующий эпитет святого (например, «Воин», «Постник», «Кущник», «Тирон») превращался в самостоятельное имя (ср. [Щетинин 1972. С. 41; Кобрин 1977. С. 87–88]). Такие имена и в Новое время, несомненно, трактовались как христианские (ср., например, отчество современника и друга Пушкина — Павла Воиновича Нащокина).

Насколько мы можем судить по поздним древнерусским текстам, существовало и другое явление, родственное первому, когда уточняющий эпитет, позволяющий

различать святых тезок, употреблялся вместе с соответствующим христианским именем. Так, в «Повести о Николе Заразском» мы встречаем именование младенца княжича «Иваном Федоровичем Посником». Можно ли считать, однако, подобный эпитет, явно тесно связанный с именем св. Иоанна Постника, личным прозвищем княжича? Ведь мы знаем отдельных князей, чье имя *Иоанн* сопровождается таким же поясняющим, дифференцирующим эпитетом «Воин» (например, Иван Воин Васильевич Ярославский), очевидно также связанным с точным определением святого, во имя которого они названы. Так или иначе, все примеры такого рода известны нам из весьма поздних источников, и у нас нет оснований считать, что Андрей Владимирович Добрый при жизни именовался «Андреем Стратилатом».

ТАБЛИЦА № 1

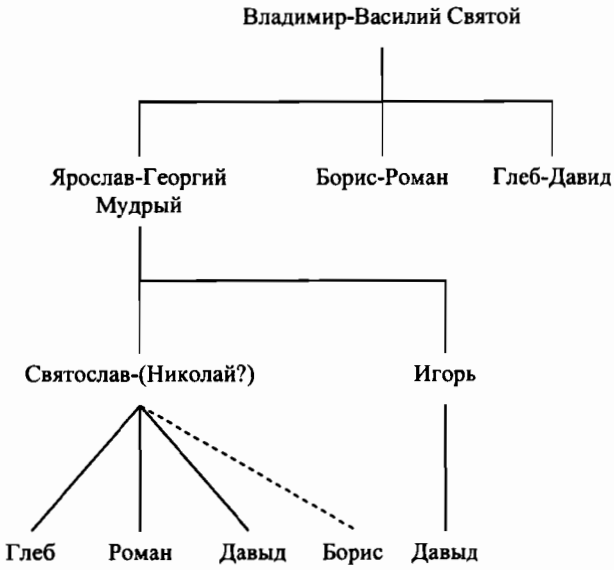

Владимир-Василий Святой
Ярослав-Георгий Мудрый
Борис-Роман
Глеб-Давид
Святослав-(Николай?)
Игорь
Глеб
Роман
Давыд
Борис
Давыд

ТАБЛИЦА № 2

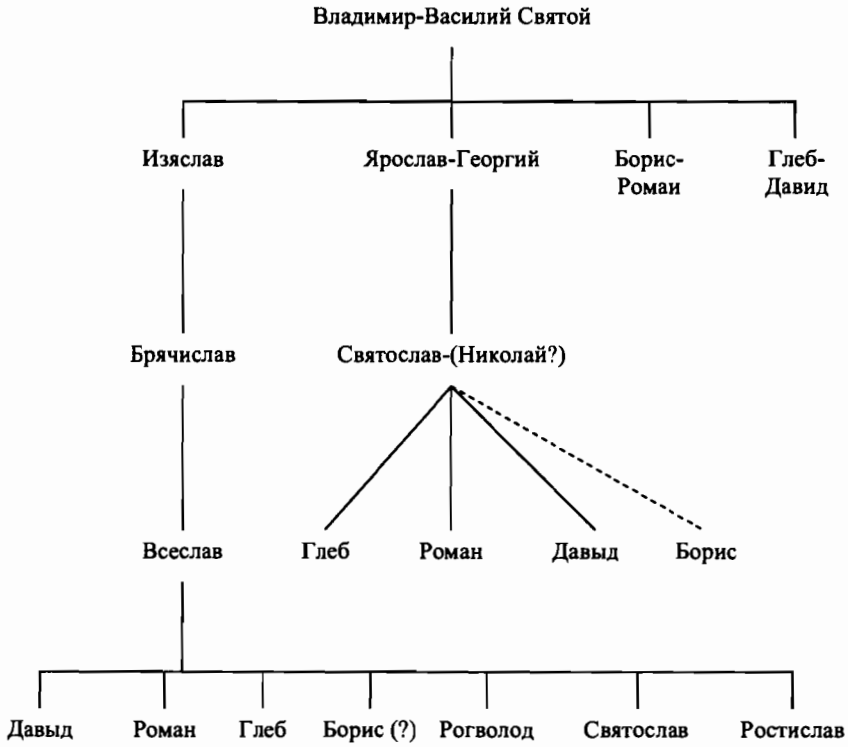

Владимир-Василий Святой
Изяслав
Ярослав-Георгий
Борис-Ромаи
Глеб-Давид
Брячислав
Святослав-(Николай?)
Всеслав
Глеб
Роман
Давыд
Борис
Давыд
Роман
Глеб
Борис (?)
Рогволод
Святослав
Ростислав

ТАБЛИЦА № 3

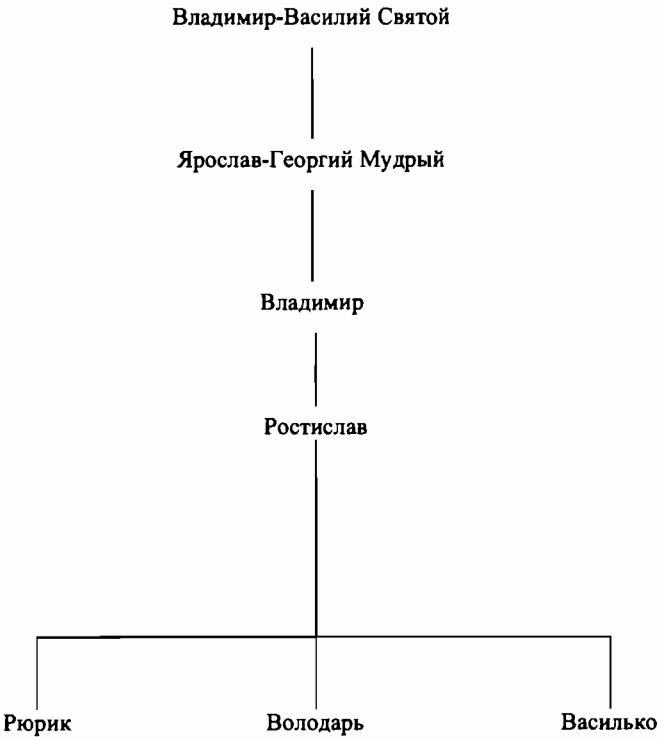

Владимир-Василий Святой
Ярослав-Георгий Мудрый
Владимир
Ростислав
Рюрик
Володарь
Василько

ТАБЛИЦА № 4

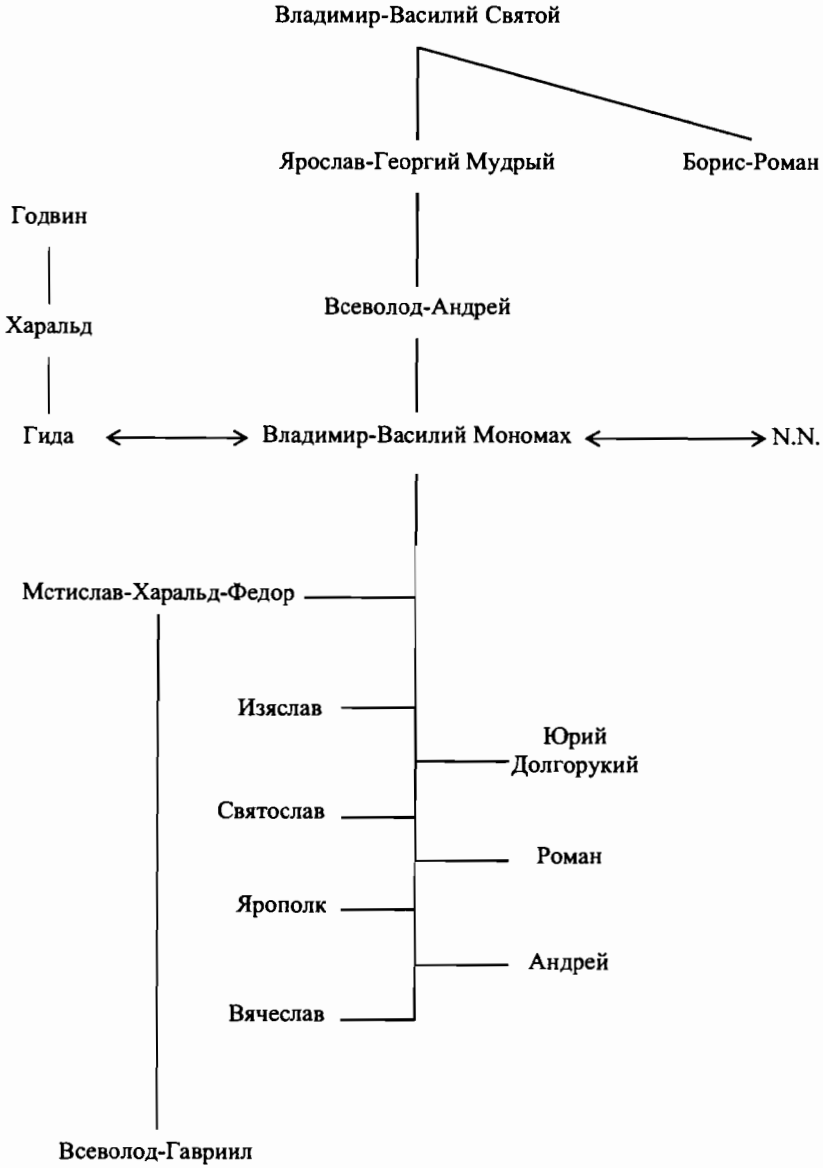

Владимир-Василий Святой
Ярослав-Георгий Мудрый
Борис-Роман
Годвин
Всеволод-Андрей
Харальд
Гида
Владимир-Василий Мономах
N.N.
Мстислав-Харальд-Федор
Изяслав
Юрий Долгорукий
Святослав
Роман
Ярополк
Андрей
Вячеслав
Всеволод-Гавриил

ТАБЛИЦА № 5

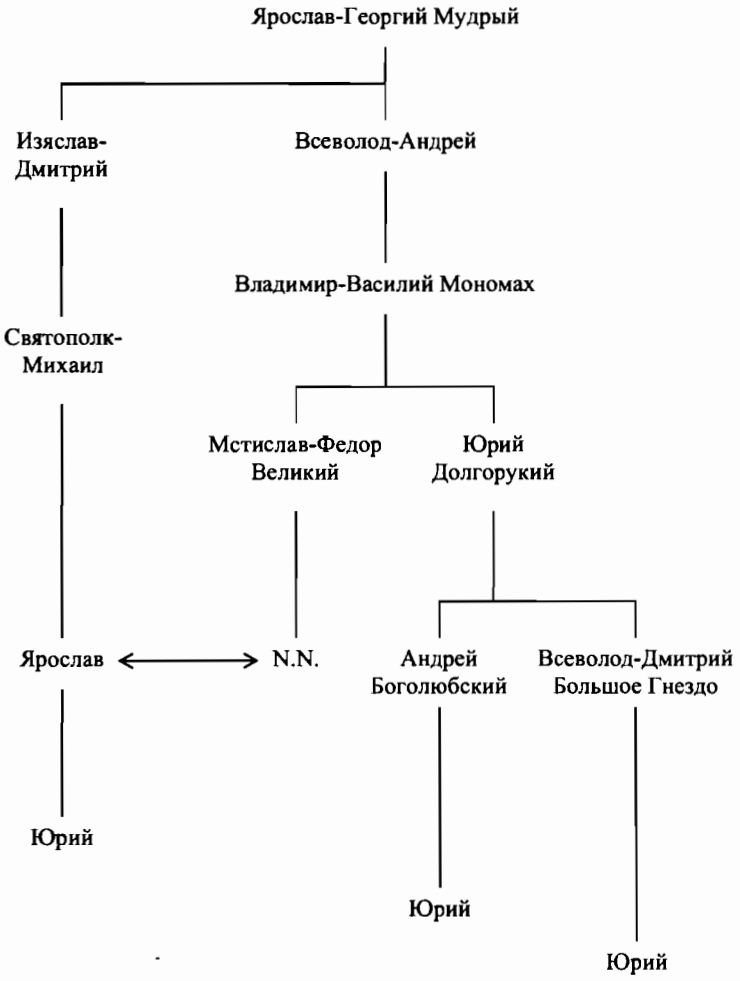

Ярослав-Георгий Мудрый
Изяслав-Дмитрий
Всеволод-Андрей
Владимир-Василий Мономах
Святополк-Михаил
Мстислав-Федор Великий
Юрий Долгорукий
Ярослав
N.N.
Андрей Боголюбский
Всеволод-Дмитрий Большое Гнездо
Юрий
Юрий
Юрий

ТАБЛИЦА № 6

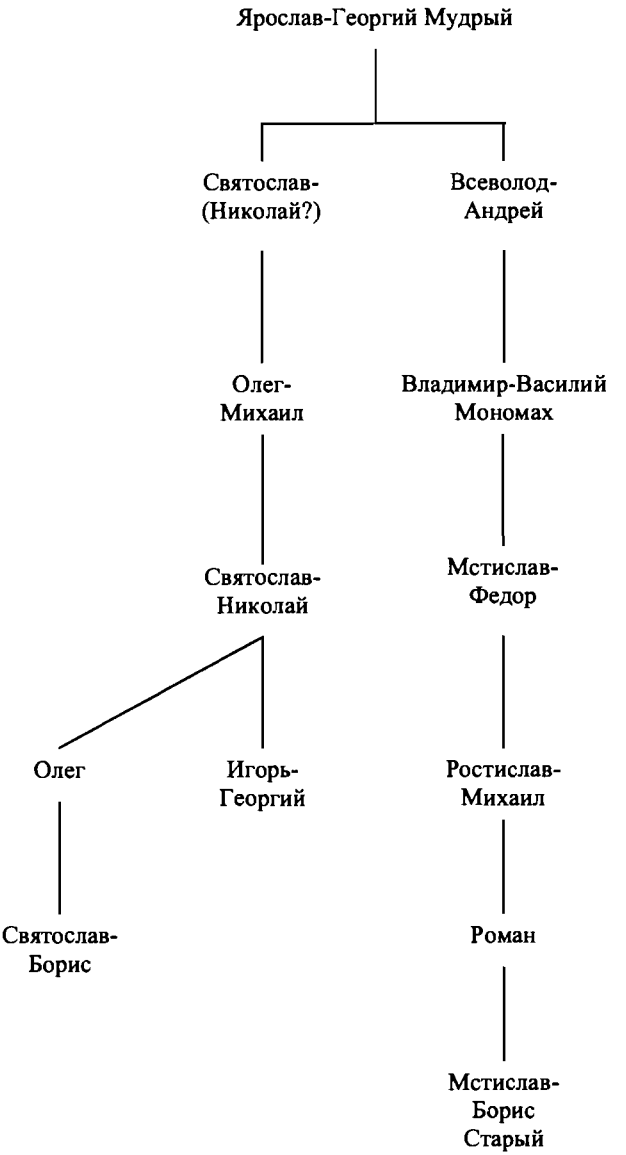

Ярослав-Георгий Мудрый
Святослав-
(Николай?)
Всеволод-
Андрей
Олег-
Михаил
Владимир-Василий
Мономах
Святослав-
Николай
Мстислав-
Федор
Олег
Игорь-
Георгий
Ростислав-
Михаил
Святослав-
Борис
Роман
Мстислав-
Борис
Старый

ТАБЛИЦА № 7

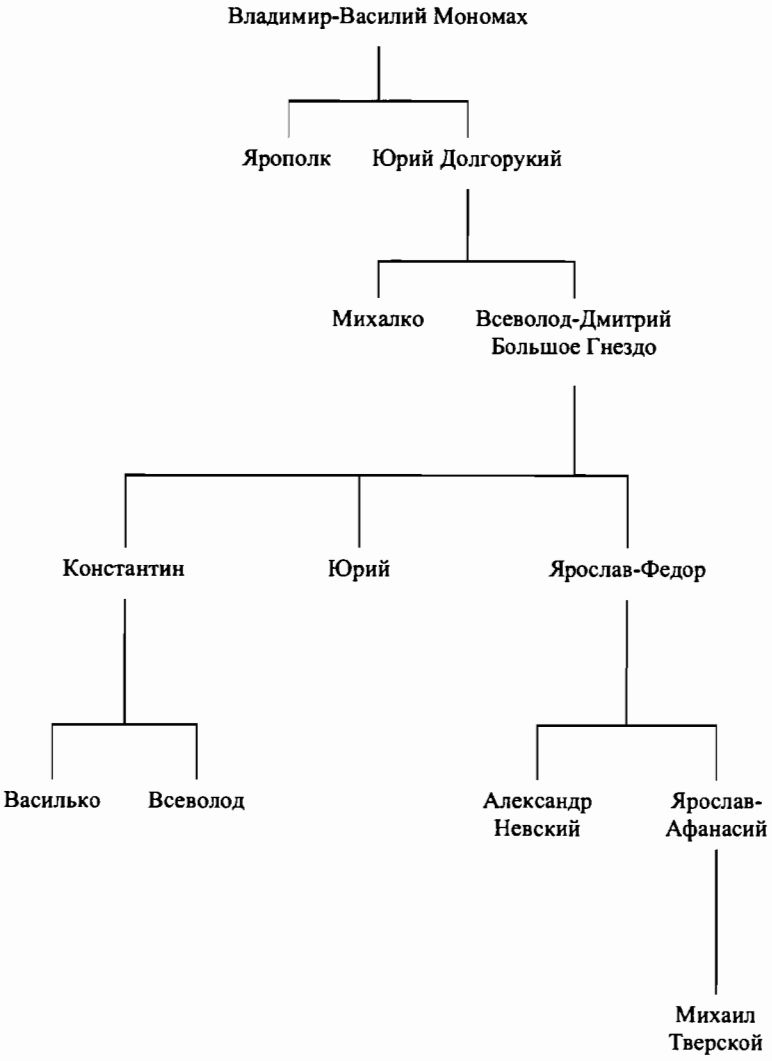

Владимир-Василий Мономах
Ярополк
Юрий Долгорукий
Михалко
Всеволод-Дмитрий Большое Гнездо
Константин
Юрий
Ярослав-Федор
Василько
Всеволод
Александр Невский
Ярослав-Афанасий
Михаил Тверской

ТАБЛИЦА № 8

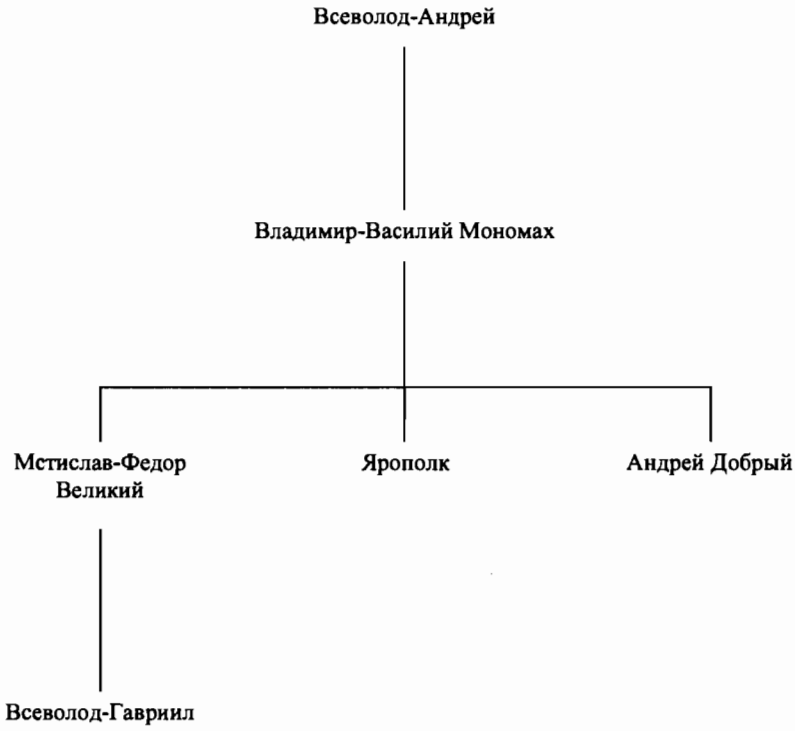

Всеволод-Андрей
Владимир-Василий Мономах
Мстислав-Федор Великий
Ярополк
Андрей Добрый
Всеволод-Гавриил

ТАБЛИЦА № 9

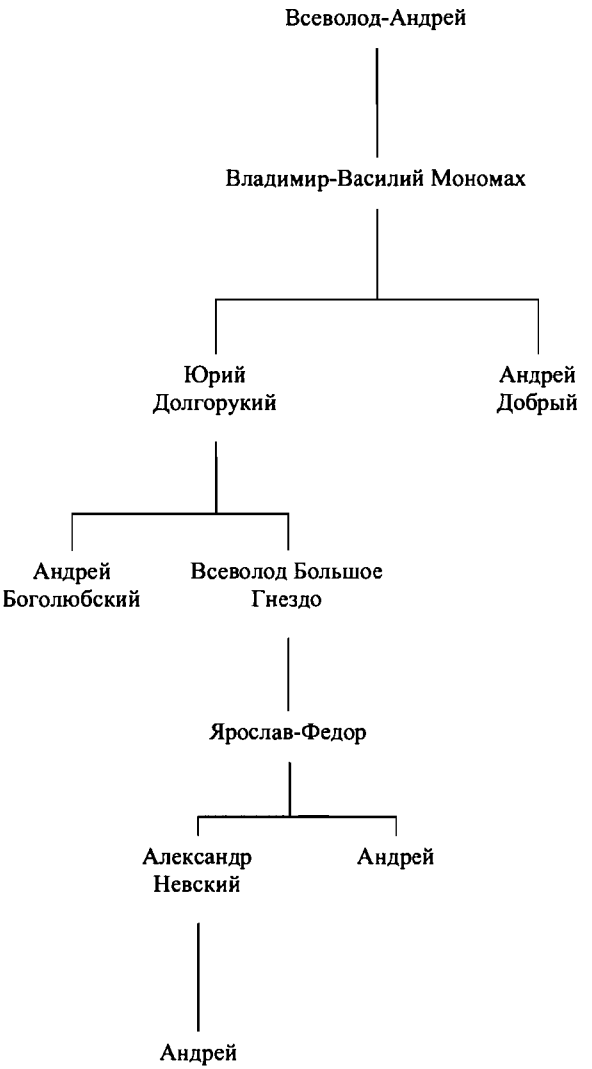

Всеволод-Андрей
Владимир-Василий Мономах
Юрий Долгорукий
Андрей Добрый
Андрей Боголюбский
Всеволод Большое Гнездо
Ярослав-Федор
Александр Невский
Андрей
Андрей

ТАБЛИЦА № 10

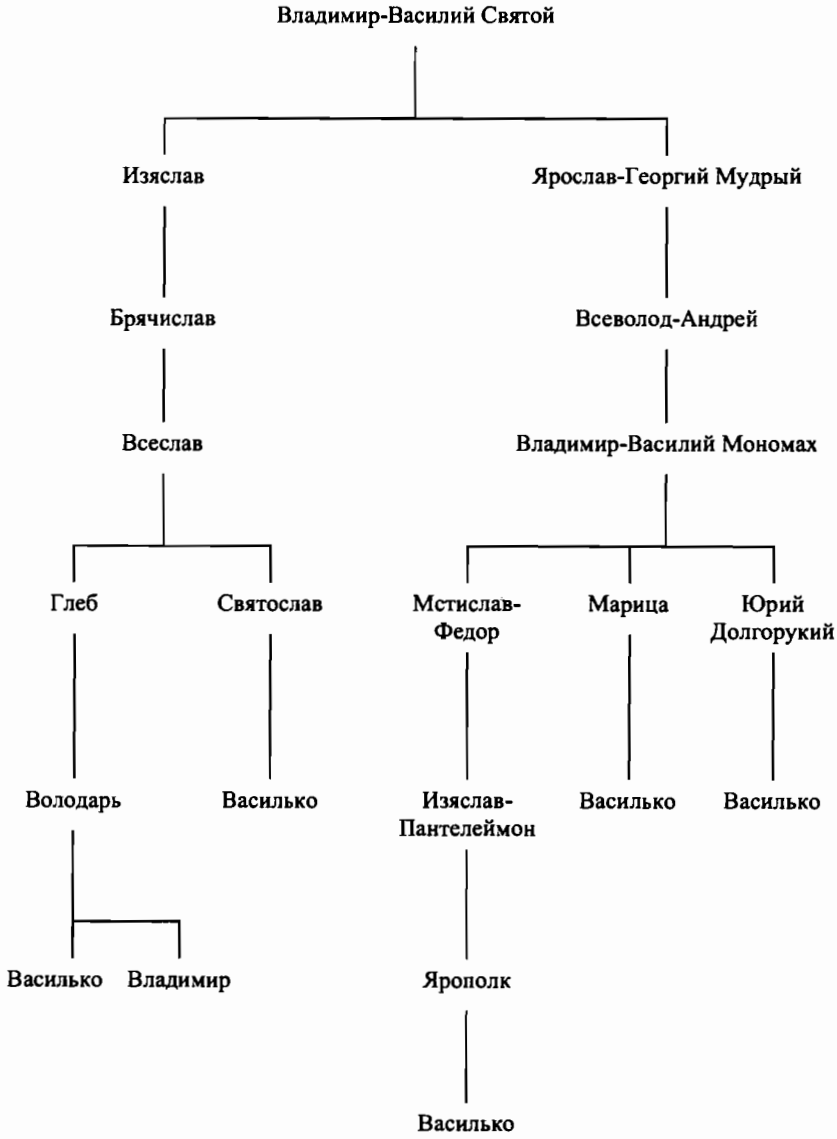

Владимир-Василий Святой
Изяслав
Ярослав-Георгий Мудрый
Брячислав
Всеволод-Андрей
Всеслав
Владимир-Василий Мономах
Глеб
Святослав
Мстислав-Федор
Марица
Юрий Долгорукий
Володарь
Василько
Изяслав-Пантелеймон
Василько
Василько
Василько
Владимир
Ярополк
Василько

ТАБЛИЦА № 11

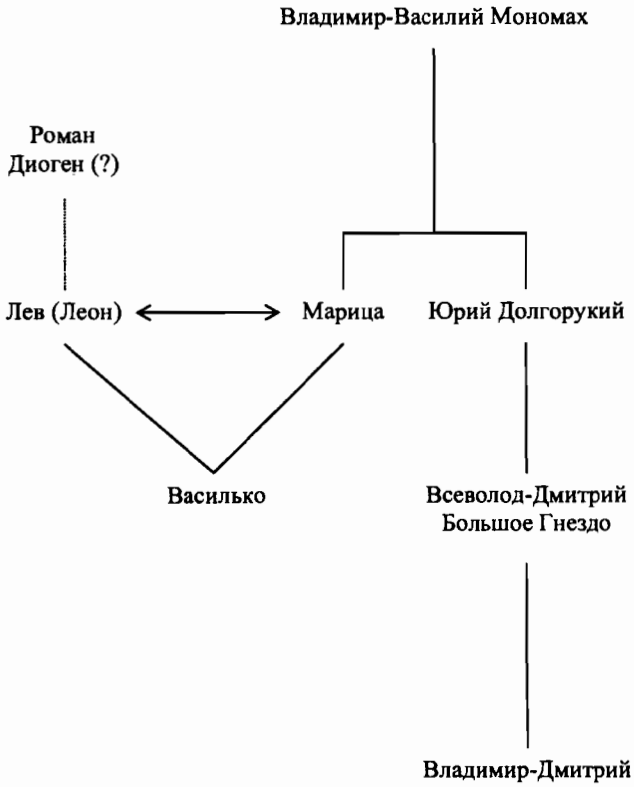

Владимир-Василий Мономах
Роман
Диоген (?)
Лев (Леон)
Марица
Юрий Долгорукий
Василько
Всеволод-Дмитрий
Большое Гнездо
Владимир-Дмитрий

ТАБЛИЦА № 12

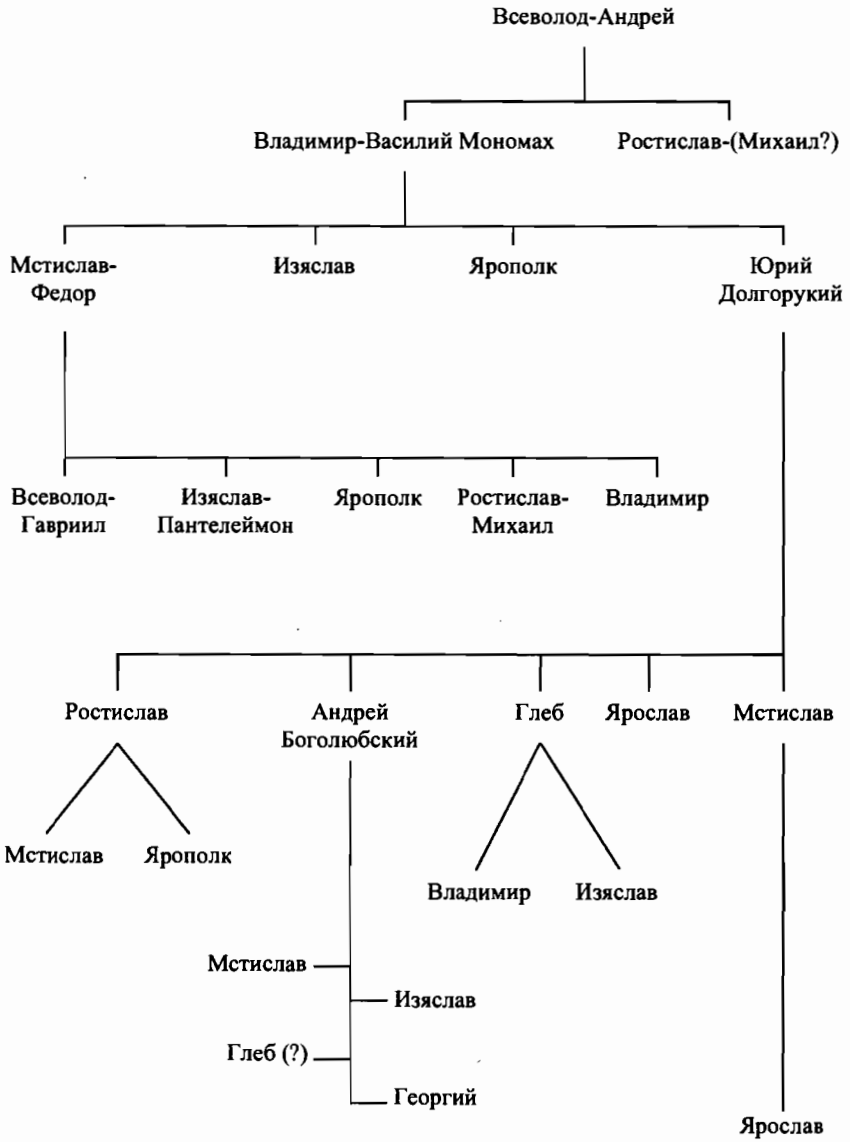

Всеволод-Андрей
Владимир-Василий Мономах
Ростислав-(Михаил?)
Мстислав-Федор
Изяслав
Ярополк
Юрий Долгорукий
Всеволод-Гавриил
Изяслав-Пантелеймон
Ярополк
Ростислав-Михаил
Владимир
Ростислав
Андрей Боголюбский
Глеб
Ярослав
Мстислав
Мстислав
Ярополк
Владимир
Изяслав
Мстислав
Изяслав
Глеб (?)
Георгий
Ярослав

ТАБЛИЦА № 13

Юрий Долгорукий

- Ростислав
- Иван
- Андрей
- Святослав
- Ярослав
- Глеб
- Борис
- Мстислав-(Федор??)
- Василько
- Михалко

Всеволод-Дмитрий Большое Гнездо

- Константин
- Борис
- Глеб
- Георгий
- Ярослав-Федор
- Владимир-Дмитрий
- Святослав-Гавриил
- Иван

ТАБЛИЦА № 14

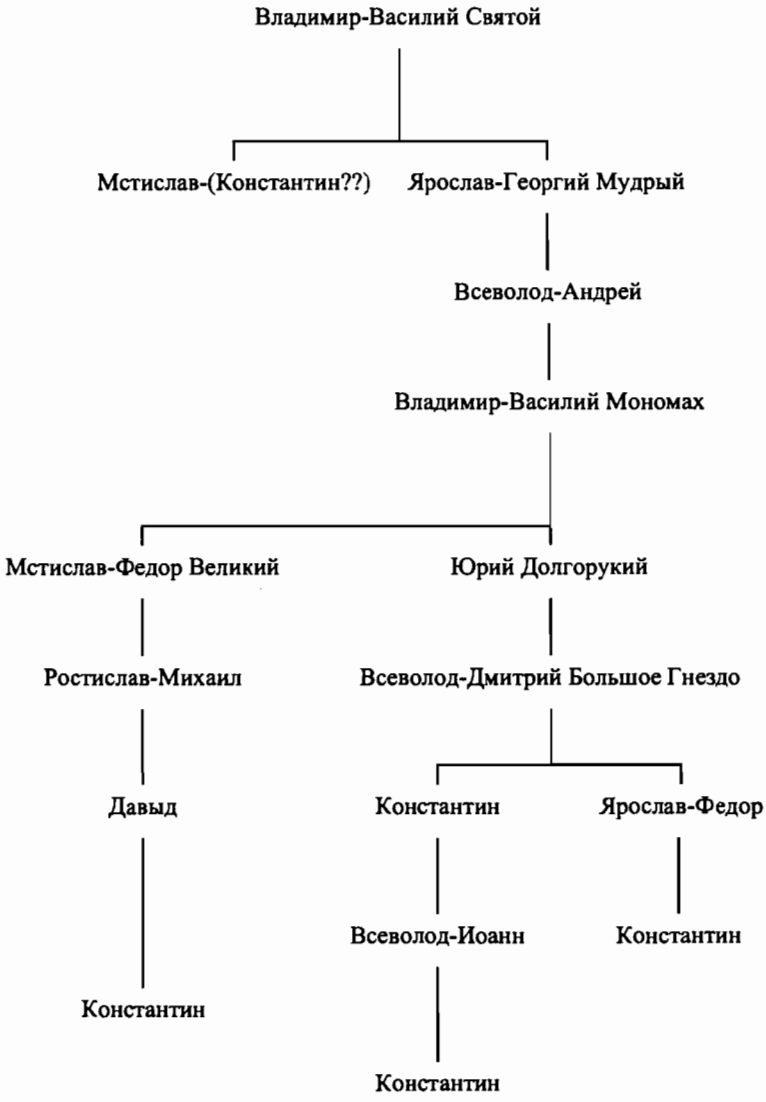

Владимир-Василий Святой
Мстислав-(Константин??)
Ярослав-Георгий Мудрый
Всеволод-Андрей
Владимир-Василий Мономах
Мстислав-Федор Великий
Юрий Долгорукий
Ростислав-Михаил
Всеволод-Дмитрий Большое Гнездо
Давыд
Константин
Ярослав-Федор
Всеволод-Иоанн
Константин
Константин

ТАБЛИЦА № 15

Юрий Долгорукий
Ярослав Осмомысл
Ольга-(Елена???), в иночестве Евфросиния
Всеволод-Дмитрий Большое Гнездо
Константин
Сбыслава-Пелагея
Всеслава
Елена
Верхуслава-Анастасия

ТАБЛИЦА № 16

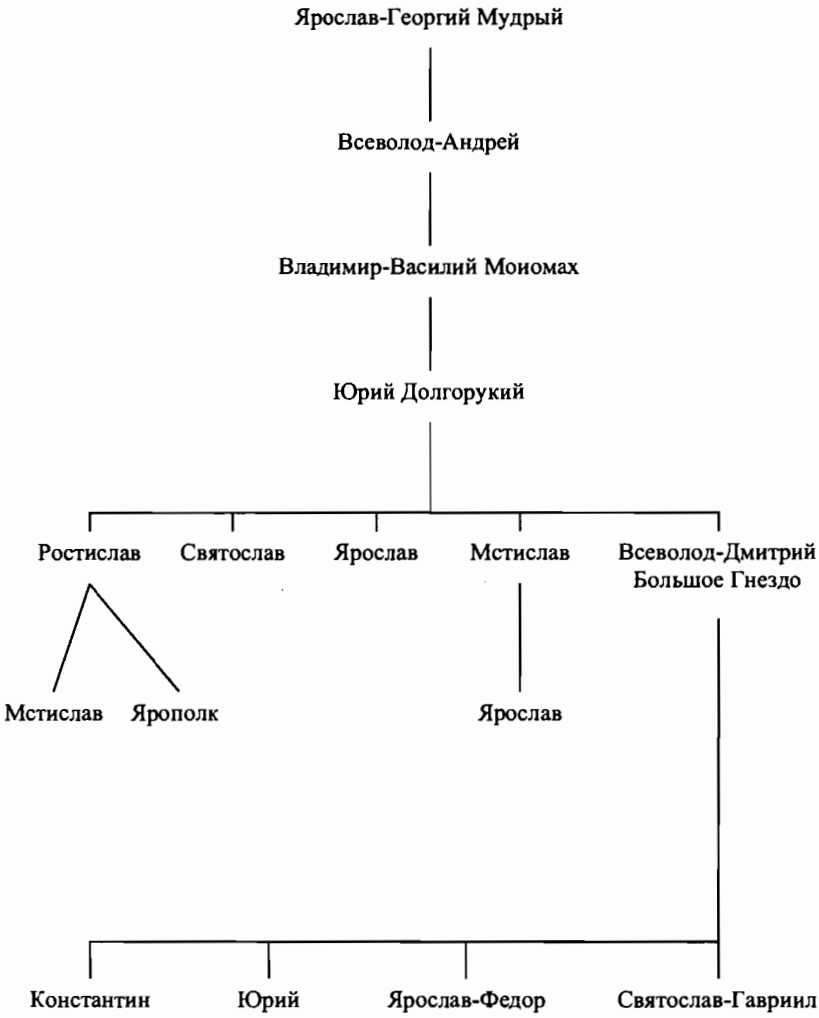

Ярослав-Георгий Мудрый
Всеволод-Андрей
Владимир-Василий Мономах
Юрий Долгорукий
Ростислав
Святослав
Ярослав
Мстислав
Всеволод-Дмитрий Большое Гнездо
Мстислав
Ярополк
Ярослав
Константин
Юрий
Ярослав-Федор
Святослав-Гавриил

ТАБЛИЦА № 17

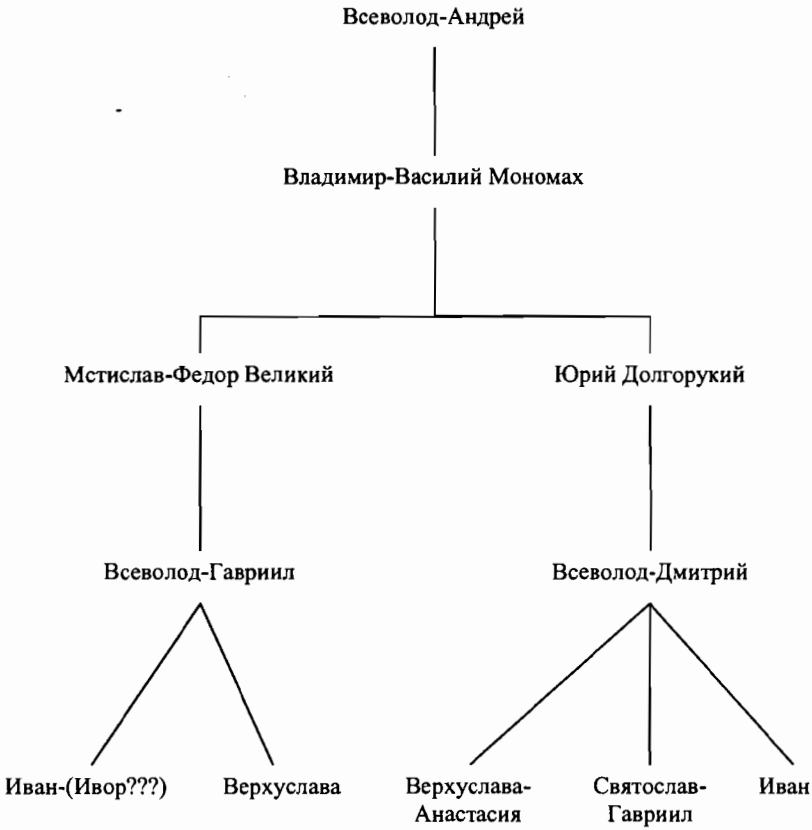

Всеволод-Андрей
Владимир-Василий Мономах
Мстислав-Федор Великий
Юрий Долгорукий
Всеволод-Гавриил
Всеволод-Дмитрий
Иван-(Ивор???)
Верхуслава
Верхуслава-Анастасия
Святослав-Гавриил
Иван

ТАБЛИЦА № 18

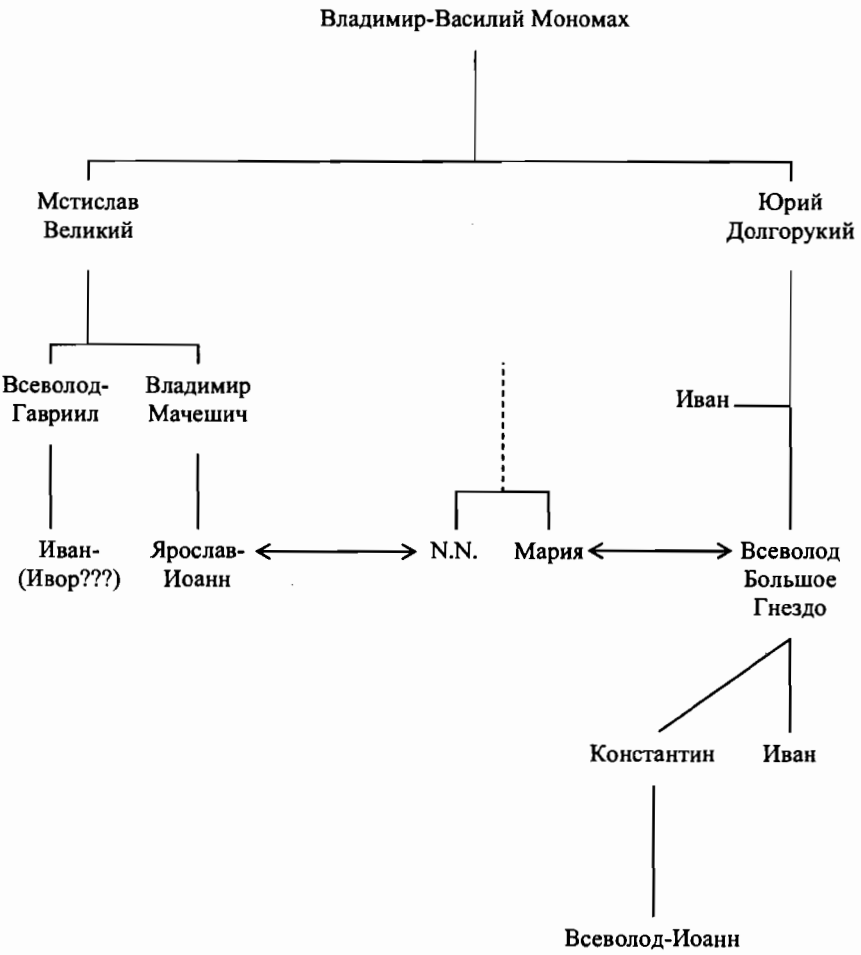

Владимир-Василий Мономах
Мстислав Великий
Юрий Долгорукий
Всеволод-Гавриил
Владимир Мачешич
Иван
Иван-(Ивор???)
Ярослав-Иоанн
N.N.
Мария
Всеволод Большое Гнездо
Константин
Иван
Всеволод-Иоанн

ТАБЛИЦА № 19

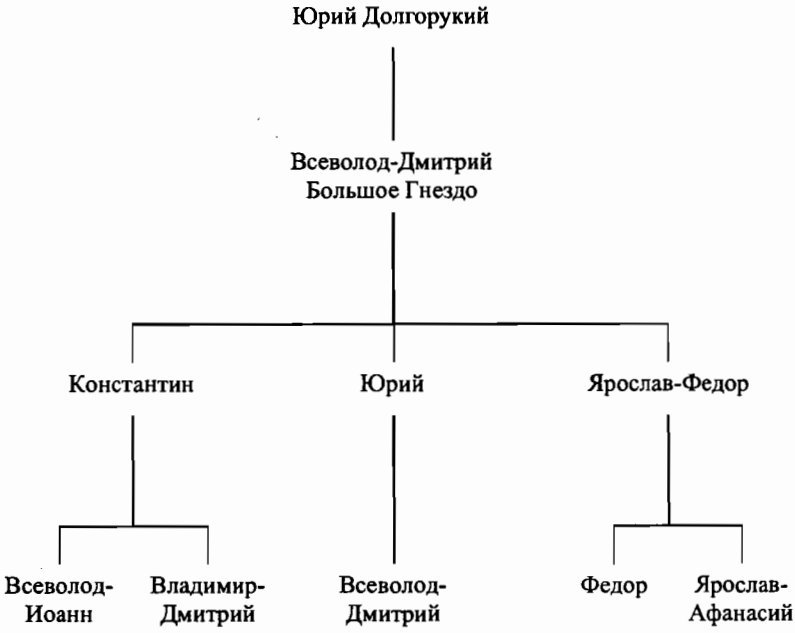

Юрий Долгорукий
Всеволод-Дмитрий Большое Гнездо
Константин
Юрий
Ярослав-Федор
Всеволод-Иоанн
Владимир-Дмитрий
Всеволод-Дмитрий
Федор
Ярослав-Афанасий

ТАБЛИЦА № 20

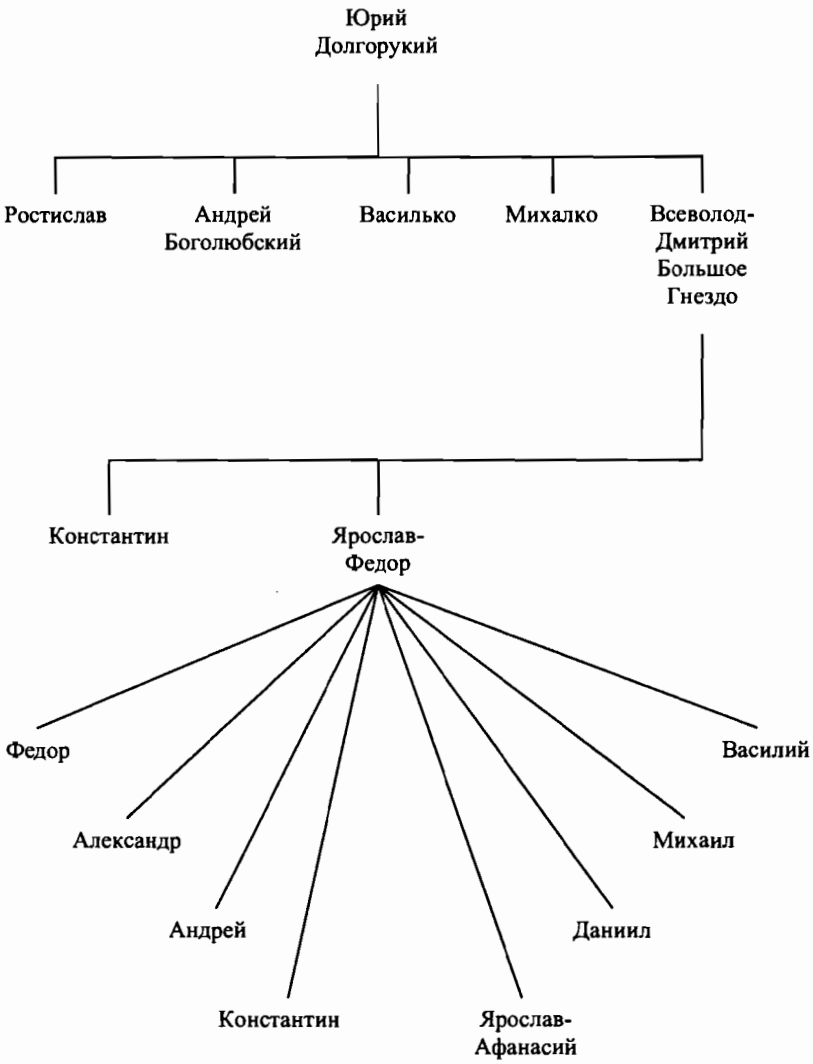
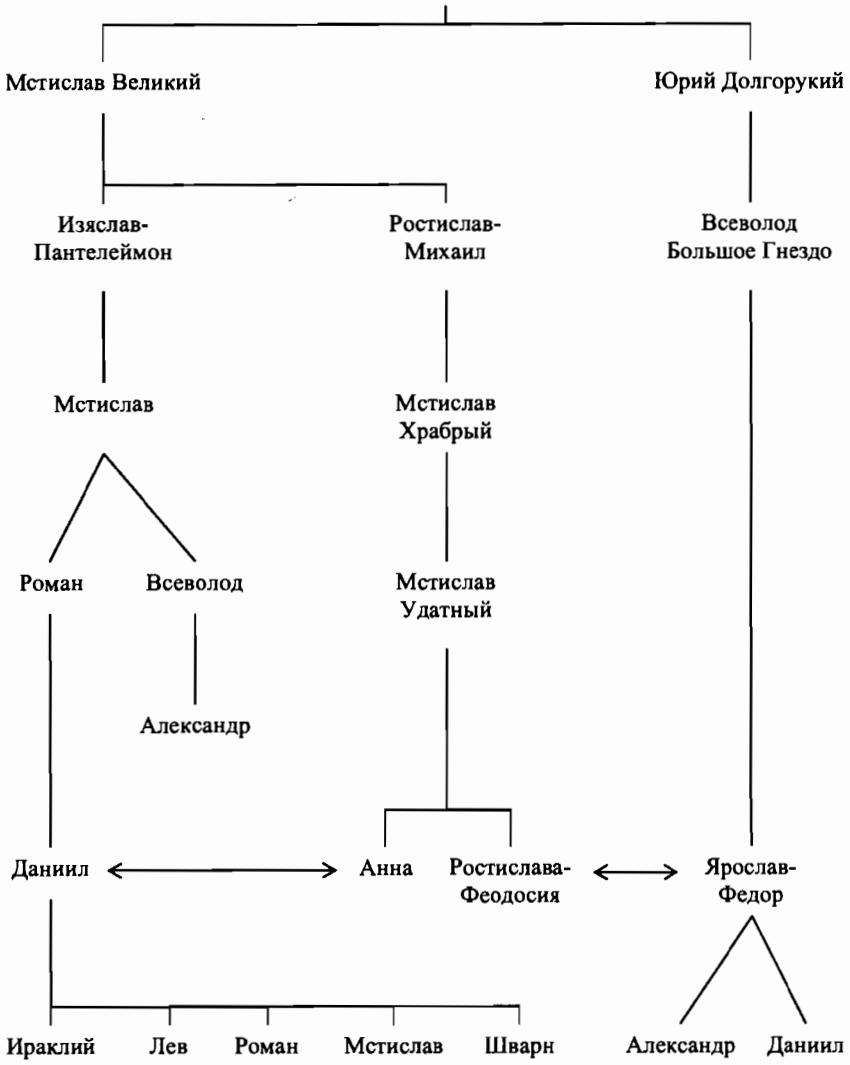

Юрий Долгорукий
Ростислав
Андрей Боголюбский
Василько
Михалко
Всеволод-Дмитрий Большое Гнездо
Константин
Ярослав-Федор
Федор
Александр
Андрей
Константин
Ярослав-Афанасий
Даниил
Михаил
Василий

ТАБЛИЦА № 21


Мстислав Великий
Юрий Долгорукий
Изяслав-Пантелеймон
Ростислав-Михаил
Всеволод Большое Гнездо
Мстислав
Мстислав Храбрый
Роман
Всеволод
Мстислав Удатный
Александр
Даниил
Анна
Ростислава-Феодосия
Ярослав-Федор
Ираклий
Лев
Роман
Мстислав
Шварн
Александр
Даниил

Глава V

Формирование христианской двуименности

На протяжении всей нашей работы нам то и дело приходится говорить о консерватизме системы выбора имен в роду Рюриковичей. Необходимо подчеркнуть, однако, что консерватизм этой системы довольно специфического свойства: новые элементы, новые принципы проникают в нее медленно и с немалым трудом, но однажды приняв их, эта система, как правило, уже никогда от них не отказывается и сохраняет в том или ином виде на протяжении всего своего существования. Так, появившийся как реакция на экспансию христианского именослова принцип многоименности у князей со временем претерпевает значительную эволюцию. В предыдущей главе мы рассмотрели один из путей этой эволюции в XI — XIII вв.: замену многоименности «одноименностью», когда христианское имя принимало на себя функции родового. Однако при всей важности этого процесса дело, на наш взгляд, только к нему не сводилось. Принцип многоименности, хотя и в новом, существенно измененном качестве, наследуется позднейшей династической традицией и не утрачивается с окончательным вытеснением старых мирских имен из обихода княжеских родов. Можно утверждать, что этот принцип просуществовал столько же, сколько и сама династия Рюриковичей.

Как же формируется система двуименности, не выходящая за пределы собственно христианского именослова?

Память о крестильных и иноческих именах предков в родовом обиходе Рюриковичей

Модель, допускающая наличие у человека двух христианских имен, безусловно, уже существовала не позднее конца XII в. Речь идет, прежде всего, об иноческих именах, которые князья и княгини получали при постриге.

Строго говоря, получение иноческого имени должно было означать утрату исходного христианского имени, замену или полное вытеснение одного другим. Однако на практике в том, что касается имен членов княжеского рода, по-видимому, дело обстояло не совсем так. В летописи есть примеры, когда в сообщении о смерти князя или княгини упоминается два христианских имени — иноческое и первоначальное. Так, например, о смерти жены Ярослава-Федора Всеволодича, матери Александра Невского, сказано:

«Того же лѣта преставися великая княгини Ярослава Всеволодичя Феодосіа въ Новѣградѣ, и положена бысть въ Юрьевѣ манастырѣ, а во мнишескомъ чину наречена бысть Еѳросиніа, понеже тогда даваху имена не съ

перваго слова, но въ который день постризашеся кто во иноци, того дни и имя даваху, или потомъ въ той же день»[1].

Это, по-видимому, означает, что, по крайней мере, в памяти своих потомков князь или княгиня сохранялись как носители двух христианских имен. В летописном похвальном слове Александру Невскому, составленном не ранее 1263 г., мать князя называется одним из упомянутых в Никоновской летописи имен:

«...роженъ ѿ ѡц҃а <...> и м҃три ст҃оє Федосьи...»[2].

При этом в Новгородской первой летописи в сообщении о смерти этой княгини фигурирует ее другое имя, *Евфросиния*, которое являлось, по указанию летописи Никоновской, монашеским:

«Преставися княгыни Ярославляя, постригшися у святого Георгия в манастыри; ту же и положена бысть, сторонь сына своего Федора, мѣсяца маия въ 4, на память святыя Ирины; наречено бысть имя еи Ефросинья»[3].

Необходимо учитывать при этом, что христианское имя при постриге изменялось не всегда[4]. Однако, если князь или княгиня, принимая постриг, получали новое имя, то оно входило в родовой обиход. Крестильное и иноческое имя могли сохраняться в родовой памяти в качестве едва ли не равноправных, иноческое имя предка могло повторяться у его потомков. При этом возможно несколько различных моделей такого рода повтора.

Во-первых, принимая постриг, Рюриковичи могли, по-видимому, брать те же монашеские имена, что уже носили в иночестве их предки. Как кажется, мотивы такого повтора особенно очевидны, когда предок почитался как святой. Нечто подобное происходит у Рюриковичей с уже упоминавшимся именем *Евфросиния* (ср. табл. № 1 к настоящей главе). Одной из первых известных нам носительниц этого имени в княжеском роду была св. Евфросиния Полоцкая. Она умерла в 1173 г. и еще при жизни была игуменьей двух

---

1 См. [ПСРЛ. Т. X. С. 129 под 1244 г.].

2 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 477 под 1263 г.].

3 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 79 под 1244 г.].

4 Ср., например, свидетельство летописи о пострижении жены Всеволода Большое Гнездо: «...пострижеса великаꙗ кн҃гни Всеволо^ж^ во мнишескии чинъ в монастыри ст҃ыє Б^д^ци юже бѣ самъ созда^л^ и нарекоша єи имѧ М҃риꙗ в то^ж^ имѧ крещена бы^с^ пре^ж^» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 424 под 1206 г.]. В XIII в. византийский богослов Никифор Влеммид сообщает в своей автобиографии, что, принимая монашество, он не переменил имени [Munitiz 1984. S. 21, 64; Munitiz 1988. S. 64, 114; Б.А. Успенский 1998. С. 270. Примеч. 23]. См. также: [Голубинский. Т. I. 2-я половина тома. С. 574; Б.А. Успенский 1996–1997. Т. II. С. 195–196. Примеч. 8]. Некоторые данные о выборе иноческого имени на Руси можно найти в работе [Сазонов 1994а], однако автор исходит из того, что при постриге имя менялось всегда, не оговаривая иных возможностей.

монастырей, почитаемой княжеским родом. Такое же иноческое имя получает одна из дочерей Юрия Долгорукого, княгиня Ольга, жена Ярослава Осмомысла[5]. Не исключено, что мать Александра Невского, ориентируясь именно на Евфросинию Полоцкую, приняла при постриге имя *Евфросиния*. Известно, что в XIII в. дочь Михаила Всеволодича Черниговского, Феодулия, постриглась в Суздале под именем *Евфросиния*. Св. Евфросиния Московская, жена Дмитрия Донского, также приняла это имя при постриге (в миру ее звали *Евдокией*). Очевидно, что это имя повторяется при постриге у княжон и княгинь в XII — XIV вв. с известной регулярностью. Его можно назвать своеобразным родовым иноческим именем[6].

Разумеется, смысл понятия 'родовой', когда мы говорим об иноческом имени, отличается от смысла, вкладываемого в это слово, когда речь идет об именах, которые Рюриковичи носили в миру. Повтор иноческого имени едва ли мог быть связан с преемственностью родовых привилегий. Религиозная жизнь рода в известном смысле предполагала почитание предков, отказавшихся от мирской жизни. Некоторые из Рюриковичей-иноков стали впоследствии общерусскими святыми, но родовое почитание могло в иных случаях существенно опережать почитание общераспространенное. Более архаический культ рода и культ святых предков, по-видимому, сочетались в княжеской традиции довольно сложным образом, порой строились по образцу друг друга и с определенного времени были друг от друга неотделимы. Если повтор иноческих имен в большей степени связан с христианской составляющей жизни рода, то модель повтора 'иноческое имя — светское христианское имя' демонстрирует единство христианского и собственно родового начал.

Эта вторая модель повтора реализуется в тех случаях, когда дети в княжеской семье при крещении получают те же имена, что носили в качестве иноческих их живые или умершие родичи[7]. Вспомним, например, что рус-

---

5 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 389].

6 Любопытно, что и гораздо позже, в XV — XVI вв., иногда мог осуществляться совершенно регулярный родовой повтор пары 'родовое имя — иноческое имя'. Так, два ростовских князя, приходившихся друг другу двоюродными братьями, Константин Андреевич (ум. в 1407 г.) и Константин Владимирович (ум. в 1415 г.), получили при постриге имя *Касьян* [ПСРЛ 1846. Т. I. Стб. 234]. Традиционной, по-видимому, являлась пара: христианское княжеское *Иоанн* — монашеское *Иона*. Имя *Иона* в иночестве принял не только Иван Грозный, но и, например, великий князь рязанский Иван Федорович [ПСРЛ. Т. VIII. С. 147].

Одно и то же имя при постриге могли получать представители нескольких поколений семьи подряд. Правда, речь в данном случае идет не о князьях Рюриковичах. Так, в семье Цыплетевых иноческое имя *Евфимий* повторяется у деда, отца и внука — у Елеазара-Евфимия, Ивана-Евфимия Елеазаровича и Ивана-Евфимия Ивановича [Кормовая книга. С. 62, 63, 84].

7 По-видимому, иноческое имя живого родича легко могло использоваться для новых членов семьи. Это обстоятельство не должно вызывать удивление, ведь хри-

ские княжны могли получать имя *Евфросиния* не только при пострижении, оно могло быть их крестильным или, иначе говоря, светским христианским именем. Так звали, например, одну из дочерей Мстислава Великого, выданную замуж в Венгрию (см. табл. № 2 к настоящей главе). Она носила это имя в миру[8]. Позднее *Евфросиниями* в миру звались и другие русские княжны и княгини, как кажется, оно стало одним из излюбленных родовых христианских имен у Рюриковичей. Скорее всего, такой выбор имени для девочки в каждом следующем поколении мог подчеркивать ее связь не только со старшими родственницами, носившими это имя в миру, но, в неменьшей степени, и с почитаемыми тезками-инокинями.

Наиболее любопытен в этом отношении пример с тремя родственницами, принадлежащими к ветви Юрия Долгорукого. Ольга Юрьевна, дочь Долгорукого и жена Ярослава Осмомысла, приняла имя *Евфросиния* в монашестве[9]. Её племянница, дочь князя Бориса Юрьевича Белгородского, по-видимому, носила то же самое имя в миру[10]. Можно допустить, что перед нами своего рода семейный культ св. Евфросинии. Не исключено, что этот культ мог инициироваться благодаря деятельности Евфросинии Полоцкой. Евфросиния Полоцкая умерла в 1173 г., и в этом же году бежала из Галича от своего мужа княгиня Ольга-Евфросиния[11]. Мы не можем сказать, когда именно княгиня Ольга приняла постриг (а, соответственно, и иноческое имя *Евфросиния*), но это событие очевидным образом произошло уже после ее побега из Галича, а значит, и после смерти Евфросинии Полоцкой. При этом достаточно достоверно, что среди отпрысков Юрия Долгорукого была по крайней мере еще одна *Евфросиния* — внучатая племянница Ольги-Евфросинии,

---

стианские имена живых родичей вообще могли повторяться, и, с другой стороны, даже мирское, языческое по происхождению, имя родича как бы становилось «вакантным» с того момента, как он принимал постриг. См. гл. III, с. 102 и гл. IV, примеч. 41.

8 См. [Грот 1889. С. 94–95. Примеч. 2].

9 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 389 под 1183 г.].

10 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 417 под 1202 г.]. Ср. [Baumgarten 1927. P. 27, 29. Tab. VI. № 26]. Высказывалось утверждение, что *Евфросинией* звали также и дочь Ярослава Осмомысла и Ольги-Евфросинии Юрьевны [Зотов 1892. С. 270; Baumgarten 1927. P. 15, 16. Tab. III. № 16] (см. табл. № 2 к настоящей главе). Если это утверждение верно, то оказывается, что дочь носит в миру то же имя, что мать принимает в иночестве. Ф.И. Буслаев предположил, в частности, что именно Евфросиния Ярославна обозначается патронимом *Ярославна* в «Слове о полку Игореве» [Буслаев 1861. С. 613]. Однако есть все основания полагать, что единственным источником этих сведений о княжне Евфросинии Ярославне является «Родословник князей великих и удельных рода Рюрика», составленный Екатериной II (см. подробнее: [Творогов 1993. С. 48–49]).

11 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 564]. 1173 г. указывается как общепринятый год кончины святой. Не исключено, впрочем, что она умерла несколько ранее, между 1161 и 1167 гг. (см. подробнее: [Назаренко 2001. С. 633]).

внучка Всеволода Большое Гнездо и Рюрика Ростиславича, которая получила это имя в крещении (см. табл. № 2 к настоящей главе):

Наречение этой княжны, Евфросинии Ростиславны, чрезвыйчайно интересно в перспективе княжеской двуименности. О ее появлении на свет летописец сообщает следующим образом:

«Того же лѣ^т на зимоу родисѧ дщи оу Ростислава оу Рюриковича и нарекоша имѧ еи Єфросѣньꙗ и прозваниемь Изморагдъ еже наречетьсѧ дорогыи камень»[12].

Что же представляет собой прозвание «Изморагдъ»? В летописи совершенно верно толкуется его семантика, связанная с названием драгоценного камня, однако для появления этого именования, по-видимому, была важная причина, летописцем эксплицитно не обозначенная. Дело в том, что *Измарагд* (*Смарагд*) было вторым именем св. Евфросинии Александрийской, в честь которой, судя по всему, и была крещена дочь Ростислава Рюриковича[13]: согласно агиографической традиции, святая под видом евнуха Смарагда (Smaragdus) поступила в мужской монастырь[14].

Перед нами, таким образом, явный случай ориентации на древний образец использования сразу двух имен святого. Существенно, что в ту эпоху, когда Евфросиния-Измарагд Ростиславна появилась на свет, оба ее имени присутствовали в святцах и могли даваться в качестве крестильных. Не исключено, что автор летописного текста обозначил имя *Смарагд* как «прозвание» потому, что оно было мужским и для св. Ефросинии Александрийской служило своего рода псевдонимом, именем-маской. В то же время нельзя забывать, что в русской перспективе крестильное имя у человека могло быть только одно, а любое другое именование обретало статус чего-то иного, например «прозвания».

---

12 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 708 под 1199 г.].

13 Память св. Евфросинии Александрийской отмечается дважды в году, 25 сентября и 15 февраля (в некоторых месяцесловах присутствует также дата 17 февраля). Очевидно, именно она была наиболее почитаемой из свв. Евфросиний (в святцах мы видим только одну ее тезку из числа древних святых — Евфросинию, одну из семи дев коринфских (8 ноября), для которой в русских месяцесловах домонгольской поры мы не обнаруживаем отдельного дня празднования). Позднее, когда в XVI в. была канонизирована Евфросиния Суздальская (в миру — *Феодулия*), дочь князя Михаила Всеволодича, празднование ее памяти было приурочено к 25 сентября, памяти Евфросинии Александрийской, а в житии святой сказано, что она приняла постриг именно в этот день, когда «творится паметь Змарагду преподобныя Еуфросинии Александрѣискыя» (см. [Клосс 2001. С. 383]). Если учесть, что Евфросиния-Измарагд, дочь Ростислава Рюриковича, родилась «на зимоу», то скорее всего ее наречение было связано с февральским праздником св. Евфросинии.

14 См. [VSE. Cap. VIII, XI, XIII, XIV, XV. Col. 643–652].

Так или иначе, наречение внучки двух могущественных князей задавало модель христианской двуименности. Модель эта в чем-то была весьма индивидуальна и своеобразна, но при этом в ней проявлялись особенности, характерные для двуименности «поздней», относящейся к XIV — XVI вв. Одно из двух имен оказывается весьма распространенным, многократно воспроизводящимся в династии, тогда как другое — экзотическим, нетипичным для рода [15].

Таким образом, в сюжете, связанном с именем *Евфросиния*, возможно, переплетается целый ряд линий. С одной стороны, речь здесь, несомненно, должна идти о поклонении св. Евфросинии Александрийской в роду Рюриковичей. С другой стороны, воспроизведение этого христианского имени хорошо вписывается в исконную традицию повтора родовых имен. В определенное время сыграло свою роль и влияние, которым обладала при жизни Евфросиния Полоцкая. Кроме того, сразу после кончины в Иерусалиме она могла почитаться родичами как святая еще до широкого распространения ее культа, по крайней мере есть все основания полагать, что культ Евфросинии Полоцкой сложился в домонгольскую эпоху [16]. Позднее в роду Рюриковичей было, как известно, еще несколько святых с таким именем.

На этом примере очевидно, что то второе христианское имя, которое человек получал при постриге, вовлекалось в родовую систему именования: оно могло стать и устойчивым именем для иноков княжеского рода, и послужить образцом при выборе крестильного имени для новорожденного. Иными словами, появление еще одного христианского имени у человека при постриге оказываются значимым для религиозной и светской жизни следующих поколений рода.

Разумеется, эта ситуация ни в коей мере не ограничивается женскими именами, хотя в имянаречение мальчиков, в максимальной степени ориентированное на идею преемственности власти, использование иноческих имен предков вносит лишь некий дополнительный оттенок.

Если обратиться к более раннему времени, XI — первой половине XII в., т. е. к тому периоду, от которого сохранилось гораздо меньше христианских имен, то, строго говоря, мы не всегда знаем, стоит ли за единичным упоминанием христианского имени того или иного князя в сообщении о его смерти имя иноческое или крестильное. Так, в случае с князем Святополком Изяславичем мы можем предположить, что имя *Михаил*, которое приводится в сообщении о его смерти [17], он носил и при жизни, так как в летописи в другом

---

15 Несколько столетий спустя мы обнаружим имя *Смарагд* среди непубличных имен Ивана Грозного. См. об этом подробнее ниже.

16 Ср. [Флоря 1995. С. 112].

17 «...престависа благовѣрныи кнѧзь Михаилъ зовемыи Ст҃ополкъ <...> и положиша въ цр҃кви ст҃го Михаила юже бѣ самъ создалъ» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 275 под 1113 г.; Т. I. Стб. 290].

месте говорится о праздновании им именин[18], а также сообщается, что он заложил в Киеве в 1108 г. Михайловскую церковь[19]. Однако весьма затруднительно определить, например, носил ли в миру сын Мстислава Владимировича Тмутараканского имя *Евстафий*, которое мы находим в сообщении о его смерти[20], или же в крещении он звался как-то иначе[21].

Можно предположить, что сын Мстислава Владимировича получил это имя в честь св. Евстафия Плакиды. В Несторовом «Чтении о святых мучениках Борисе и Глебе» именно этому святому уподобляется князь Владимир, креститель Руси и родной дед Евстафия Мстиславича[22]. Это обстоятельство позволяет предположить, что Евстафий Плакида занимал определенное место в религиозной жизни княжеской семьи, или, во всяком случае, можно утверждать, что его житие пользовалось известной популярностью на Руси в

---

18 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 258 под 1097 г.]. Вероятно, одно из первых упоминаний празднования именин в русских источниках.

19 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 283; Т. II. Стб. 259]. Разумеется, то обстоятельство, что князь заложил церковь св. Михаила, само по себе не может служить единственным аргументом в пользу того, что его действительно в крещении звали *Михаилом*. Однако в сочетании со свидетельством об именинах князя сообщение о закладке церкви приобретает дополнительную ценность.

20 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 150 под 1033 г.].

21 То обстоятельство, что князья Рюриковичи сравнительно часто принимали постриг (волею или неволею), хорошо зафиксировано уже для XI в. При этом Е.Е. Голубинский считает, что обычай принимать постриг перед смертью был первоначально сугубо княжеским и лишь позднее мог распространяться на других людей. Самое начало этого обычая исследователь относит к домонгольскому периоду, но ко времени относительно позднему (конец XII в.) [Голубинский. Т. I. 2-я половина тома. С. 667]. Что же заставляет нас допустить, что сын Мстислава Тмутараканского мог принять иноческий чин? Известно, что после смерти Мстислава Тмутараканского не остается, судя по всему, наследников, ни сыновей, ни внуков. Возможно, это означает, что его сын умер бездетным — ребенком или иноком. Однако нельзя не признать, что всякое рассуждение на этот счет остается в высшей степени гадательным.

22 «Бысть бо, рече, князь въ тыи годы, володый всею землею Рускою, именемь Владимеръ. Бѣ же мужь правдивъ и милостивъ к нищимъ и к сиротамъ и ко вдовичамъ, Елинъ же вѣрою. Сему Богъ спону нѣкаку створи быти ему христьяну, яко же древле Плакидѣ. Бѣ бо Плакида мужь праведенъ и милостивъ, Елинъ же вѣрою, яко же в житии его пишется. Нъ егда видѣ, явльшомуся ему, Господа нашего Исуса Христа, тъгда поклонися ему глаголя: "Господи, кто еси и что велиши рабу твоему?" Господь же к нему: "Исусъ Христосъ, Его же ты, не вѣдый, чтеши. Нъ идыи крьстися". Он же ту абие поимъ жену свою и дѣтища своя и крьстися во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и наречено имя ему бысть Еустафѣй. Тако же и сему Владимеру явление Божие быти ему крьстьяну створи же. Наречено бысть имя ему Василий. Таче потомъ всѣмъ заповѣда вельможамъ своимъ и всѣмъ людемъ, да ся крьстять во имя Отца и Сына и Святаго Духа» [Абрамович 1916. С. 4]. Ср. [Карпов 2001. С. 502. Примеч. 47].

XI в. Однако знание одного из святых патронов княжича не позволяет определить, получил ли он упоминаемое в летописи имя при крещении или при постриге. Если Евстафий является его иноческим именем, то для нас существенно, что именно оно фиксируется в памяти последующих поколений.

Итак, соотношение иноческого и исходного христианского имени было устроено весьма неоднозначно, они могли находиться в своего рода «вариативном взаимодействии»[23] и задавать образец для христианской многоименности. Как кажется, в домонгольскую эпоху иноческое имя Рюриковичей не всегда выводилось непосредственно из их крестильного имени и могло даваться по каким-то иным соображениям. То обстоятельство, что иноческие имена, как и имена мирские, могли повторяться из поколения в поколение, заставляет нас вернуться к теме семейных святых, небесных покровителей всего княжеского рода или отдельных его ветвей.

Христианские княжеские имена и имена святых покровителей рода

Крестильными и иноческими именами князей, на наш взгляд, полифония христианских имен в домонгольский период не исчерпывалась. Необходимо отметить, что в перспективе многоименности весьма существенно, насколько тесной ощущалась связь князя со своим семейным патроном. Совершенно очевидно, что по крайней мере до середины XII в. христианское имя в повседневном обиходе князей играло совершенно иную роль, нежели в жизни современного человека. Достаточно еще раз упомянуть то очевидное обстоятельство, что в летописи эти имена упоминаются еще весьма редко, князь-христианин регулярно действует под языческим именем.

Всегда ли в течение мирской жизни в религиозном и собственно церковном обиходе князья пользовались только тем именем, которое им было дано при крещении? Не могли ли они в иных случаях употреблять имя семейного

---

23 Показателен в этом отношении выбор имени для Семена Ивановича Гордого. Как уже отмечалось, Иван Калита, дававший имена своиv детям строго по церковному календарю, сделал исключение только для старшего сына, родившегося 7 сентября 1317 г. «на память святого мученика Созонта» [Карамзин. Т. IV. Примеч. 247; Приселков 1950. С. 355]. Новорожденному было дано имя Симеон. При этом на 1 сентября (т. е. за 6 дней до его рождения) приходилась память Симеона Столпника, прославленного покровителя русских князей, а на 13 и 18 сентября (т. е., соответственно, через 6 и 11 дней после его рождения) — память Симеона Иерусалимского [Лосева 2001. С. 142, 148, 153, 157]. Вопрос о патрональном святом князя Семена остается открытым (см. подробно: [Лосева 2001а. С. 127–130]), однако для нас существенно, что имя Созонт не исчезает окончательно из жизни князя с момента наречения его Симеоном. Перед смертью Семен Гордый принимает постриг под именем Созонта, т. е. под именем того святого, в чей день он появился на свет [Каштанов 1979. С. 241. Примеч. 24; Кучкин 1989. С. 99–105].

святого, имя святого покровителя отца или другого предка вместе с собственным именем или вместо собственного имени, подобно тому, как они могли употреблять патроним или именование по деду вместо или вместе со своим мирским именем? Вероятнее всего, подобный параллелизм двух систем именования на Руси не мог быть столь буквальным. Крестильное имя у человека было одно, однако почитание семейного святого, на наш взгляд, могло воплощаться в особом, специальном использовании его именования.

Культ семейных, родовых святых существовал на Руси уже в XI — XIII вв. Из приводившихся в предыдущей главе примеров видно, что св. Дмитрий, например, почитался всеми потомками Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо. Именины Всеволода считались весьма значимым праздником, важным для всех членов семьи, а не только для носителей имени *Дмитрий*. Так, в частности, именно с этим днем связывалось указание на появление на свет четвертой дочери князя Всеволода — Сбыславы-Пелагеи:

«Того же лѣ^т^ до Дмитрова дн҃и родисѧ ѹ великого Всеволода четвертаꙗ дчи и нарекоша имѧ во ст҃мь кр^с^щнии Полагьꙗ а кн҃зѧ Сбыслава и кр^с^ти ю тетка Ѡлга»[24].

Празднование свв. Пелагей (Антиохийской и Тарсийской) приходилось на 7 и 8 октября, а празднование св. Дмитрия Солунского — на 26 октября[25].

На фреске Дмитриевского собора во Владимире, построенного Всеволодом-Дмитрием Большое Гнездо, князь был изображен, в полном соответствии с обычаем, вместе со своими сыновьями. Эта практика, будучи общепринятой, воплощает, на наш взгляд, идею покровительства святого патрона князя над всеми его детьми, независимо от их собственных крестильных имен[26]. Для дальнейшего почитания этого святого немаловажно также, что

---

24 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 613 под 1179 г.].

25 Таким образом, мы не знаем точно, когда родилась Пелагея-Сбыслава, и можем указать в качестве предполагаемого времени ее появления на свет октябрь 1179 г. При этом следует помнить, что девочек могли называть, отсчитывая по месяцеслову не вперед, а назад. Ср. пример с имянаречением Феодоры, племянницы Пелагеи-Сбыславы: «Того^ж^ м^с^ца сємтѧ^б^ въ к҃а дн҃ь на памѧ^т^ ста^г^ м^ч^ка Кондрата Родисѧ Гюргю кнѧзю дщи и наре^ч^ бы^с^ в ст҃омь крщ҃ньи Феѡдора єꙗже памѧ^т^ въ а҃і се^г^ м^с^ца» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 451 под 1228 г.]. Вполне вероятно, что Пелагая-Сбыслава появилась на свет между 8 и 26 октября и была наречена сходным образом.

26 Сочетание идеи преемственности по отношению к отцу, с одной стороны, и покровительства небесного патрона князя над всеми его детьми, с другой стороны, весьма наглядно выражено в одном из распространенных типов княжеских печатей. На одной стороне такой печати располагалось изображение святого покровителя самого князя, а на другой — святого покровителя его отца, причем если на княжеском столе сменяли друг друга два брата, то изображение патрона их отца присутствовало на печатях обоих братьев. Так, на печатях Рюрика, Святослава и Мстислава, сы-

при Всеволоде-Дмитрии на Русь были привезены из Солуни реликвии св. Дмитрия — сорочка и мироточивая гробовая доска[27].

При этом важно отметить, что культ св. Дмитрия Солунского существовал в роду Рюриковичей задолго до рождения Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо. Известно о создании в Киеве Дмитровского монастыря, который был построен князем Изяславом Ярославичем[28]. В летописи его крестильное имя напрямую не упоминается, однако на основании целого ряда данных можно утверждать, что в крещении его звали *Дмитрием*[29]. *Дмитрием*, в частности, он назван в булле папы Григория VII, обращение Изяслава к св. Дмитрию содержится в так называемом «Тексте, написанном на паллиуме св. Адальберта»[30]. О визите в 1075 г. к Генриху IV «короля Руси по имени Димитрий» рассказывается в «Анналах» Ламперта Херсфельдского (70-е годы XI в.). По мнению Д.В. Айналова и А.В. Назаренко, с которым трудно не согласиться, речь в этом источнике идет именно о Изяславе Ярославиче, который выступал на переговорах с германским королем под своим «крещальным именем»[31].

Св. Дмитрию Солунскому был посвящен и построенный не позднее 1096 г. мужской монастырь в Суздале[32]. Кроме того, около Печерского монастыря в Киеве существовала церковь св. Дмитрия, которая в 1128 г. была превращена в церковь св. Петра[33]. Мы не знаем в точности, кто из князей, чьи христианские имена не упомянуты в летописи и других письменных источниках, носил имя *Дмитрий*, однако церкви этому святому посвящались и князьями, носившими в крещении другие имена[34]. Таким образом, св. Дмитрий, безусловно, может рассматриваться как один из родовых святых русских князей, а для нескольких поколений потомков Всеволода-Дмитрия он был, кроме того, особенно выделенным и почитаемым семейным святым.

Точно так же общеродовым святым достаточно рано становится св. Андрей. По понятным причинам он был особенно чтим в линии Всеволода-Андрея Ярославича. Вспомним, что это христианское имя многократно повторяется в качестве родового у целого ряда потомков этого князя, а также и то

новей князя Ростислава-Михаила, изображались их собственные святые покровители (свв. Василий, Иоанн и Федор) и — у всех троих — архангел Михаил [Янин 1973. С. 267; Янин, Гайдуков 1998. С. 44–45, 48].

27 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 414 под 1197 г. Стб. 437 под 1212 г.; Т. XXI. Ч. 1. С. 226].

28 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 159 под 1051 г.; Т. II. Стб. 147].

29 Ср., например: [Голубинский. Т. I. 2-я половина тома. С. 297; Янин 1970. Т. I. С. 166. № 3].

30 См. [Lewicki 1893; Линниченко 1894; Айналов 1936. С. 8–9; Янин 1963. С. 155, 160].

31 См. [Айналов 1936. С. 6; Назаренко 2001. С. 273–274; Назаренко 1999. С. 361].

32 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 238].

33 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 299].

34 Напомним, что, судя по летописным данным, церковь св. Дмитрия в Пскове была построена Всеволодом-Гавриилом, сыном Мстислава-Федора Великого и внуком Владимира-Василия Мономаха. Ср. примеч. 159 в гл. IV.

обстоятельство, что Владимир Мономах призывает всех своих наследников молиться св. Андрею Критскому. Более того, самому Мономаху, носившему в крещении имя *Василий*, некоторыми поздними летописными источниками приписывается христианское имя *Андрей*. В его семье, как уже говорилось, так или иначе, почитаются, по-видимому, все святые, носившие это имя. Подобная практика одновременного почитания и некоторого неразличения святых тезок вообще была в какой-то мере распространена в княжеских семьях[35].

Об общеродовом почитании св. Георгия и особой его выделенности в линии Владимира Мономаха нам уже приходилось говорить в другой главе[36]. Рефлексы этого почитания мы обнаруживаем, как и в случае с почитанием св. Андрея, в характерном смешении христианских имен князей этой ветви Рюриковичей. Так, например, некоторыми сравнительно поздними источниками крестильное имя *Георгий* приписывается старшему сыну Мономаха — Мстиславу.

Мстислава Владимировича Великого, как явствует из надписи на Мстиславовом Евангелии[37] и многочисленных дополнительных данных, звали в крещении *Федором*. Однако в Вологодском списке «Чуда св. Николая» он назван «великий князь Мстислав Святославич, внук великого князя Ярослава Владимировича, нареченный во святом крещении Георгий». Несколько иначе, но с тем же христианским именем *Георгий* это событие описывается в другой редакции «Чуда»:

«Потом же князь Георгий, именованный Мстислав, по завещанию св. чюдотворца Николы, стяжая веру целбоподательному образу его, сотвори церковь каменну з бабою своею благоверною княгинею Анною на дедине Ярославле дворе»[38].

Георгием Мстислав Великий назван и в Новгородской третьей летописи:

«В лето 6621. Князь великий Мстислав Владимирович, внук великаго князя Владимира, нареченный во святом крещени[и] Георгий, заложил церковь каменну в Великом Новегороде святаго Николы Чюдотворца на княжи дворе»[39].

Как мы видим, в редакциях «Чуда» родословная Мстислава выстроена неверно, но, на наш взгляд, сам характер ее ошибок во многом показателен[40]. Предание различным путями «выпрямляет» и «укорачивает» генеалогическую линию прославленного князя. Он может объявляться внуком то Ярослава Мудрого, то Владимира Святого, первому из которых он приходил-

---

35 Ср. [Литвина, Успенский 2001; Лосева 2001а].

36 См. с. 121–122.

37 См. [Апракос. Рис. 4].

38 Цит. по: [Макарий. Кн. II. С. 471. Примеч. 172].

39 См. [НЛ. С. 213].

40 См. [Литвина, Успенский 2001].

ся в действительности правнуком, а последнему — праправнуком. По-видимому, составители этих текстов ориентировались на наиболее яркие и значимые фигуры русской истории, выстраивая их в родословной непосредственно друг за другом, а такими фигурами для них были прежде всего — сам Мстислав, Ярослав Мудрый и Владимир Святой[41].

Если составители Новгородской летописи или текста «Чуда» располагали какими-либо сведениями о том, что у Владимира Мономаха был сын Георгий, то при таком их обобщающем взгляде естественно было предположить, что это крестильное имя, принадлежавшее столь почитаемому князю, он дал своему старшему сыну, т. е. Мстиславу[42]. Как мы помним, на самом деле имя *Георгий* было дано другому сыну Владимира, который был, по-видимому, старшим из сыновей во второй семье Мономаха. Можно предположить, что «обобщающие» полулегендарные генеалогии легко превращают двух исторических персонажей в одного и наделяют князя-ктитора наиболее подходящим, с точки зрения составителя памятника, христианским именем[43].

---

41 Откуда берется патроним *Святославич* применительно к Мстиславу Владимировичу в Вологодском списке? остается совершенно неясным.

42 Такими сведениями составители Новгородской третьей летописи располагать могли. Ср. убедительную версию А.В. Назаренко об одной из причин появления имени *Георгий* применительно к Мстиславу Владимировичу. В Никольском храме находились древние антиминсы, на одном из которых была надпись об освящении «жертвенника святого мученика Георгия» при князе Георгии, сыне Мономаховом, 1 сентября 6657 г. (т. е. при Юрии Долгоруком). Поскольку составители интересующих нас текстов были осведомлены о том, что Мстислав был сыном Мономаха, «внуком» Ярослава Мудрого и в то же время ктитором храма Николы во Дворищах, они могли заключить, что он и был в крещении тем князем *Георгием*, при котором освятили жертвенник [Назаренко 2001. С. 610–611].

43 При этом необходимо отметить, что подобная путаница (сохраняющаяся порой и в современных исследованиях, где Мстислав Великий может быть назван *Георгием*), по-видимому, имеет некоторое основание в той «смежной» позиции, которую занимают имена святых воинов в княжеском антропонимиконе домонгольского периода. Изображения некоторых святых воинов — Георгия Чудотворца, Федора Стратилата или Федора Тирона — без пояснительной надписи на княжеской печати зачастую бывают неразличимы. Так, печать Мстиславовой грамоты с изображением сюжета «чудо о змии» в русской сфрагистике породила длительные споры о том, кто же на ней изображен — св. Георгий или один из свв. Федоров. При этом, по утверждению В.Л. Янина, печать является подложной и принадлежала вовсе не Мстиславу-Федору (Великому), а уже упоминавшемуся Ярославу-Федору, одному из сыновей Всеволода Большое Гнездо, отцу Александра Невского [Янин 1956].

Любопытно при этом, что мирским именем Федора Всеволодича было *Ярослав*, а его старший брат, появившийся на свет приблизительно за год до его рождения, известен исключительно под родовым именем *Георгий*. Напомним, что Георгий Всеволодич родился в праздник освящения церкви св. Георгия в Киеве и был наре-

Георгий Чудотворец, несомненно, был семейным святым и для Всеволода Большое Гнездо (так звали его отца, и так он называет своего сына) и для Владимира Мономаха (так звали его деда, и так он называет своего сына). При этом и Мономах, и Большое Гнездо, не будучи *Георгиями*, особым образом подчеркивали связь с предками, носящими это имя. Так, имя Владимиру, по его собственному свидетельству, выбирает дед Ярослав-Георгий, а Всеволод при рождении одного из сыновей сам «велѣ <...> еп^с^поу Лоуцѣ нарещи имѧ емоу Юрьи дѣдне имѧ»[44]. Можно упомянуть еще раз и о том, что Всеволод-Гавриил Мстиславич основывает Юрьев монастырь в Новгороде. Существенно позднее его родич Святослав-Гавриил, сын Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо и внук Юрия Дологрукого, в Юрьеве Польском «руші цр҃квь ста^г^ Юргѧ каменую тако^ж^ бѣ обетшал и поламала^с^ ю^ж^ бѣ создалъ дѣдъ ѥ^г^ Юрги Володимери^ч^ и ст҃лъ вели^к^мъ сщ҃ныѥмъ»[45]. Сообщение о том, что князь завершил строительство Георгиевского собора, помещено в летописи под 1234 г.[46]

Таким образом, культ св. Георгия поддерживался, очевидно, всем родом, не только носителями этого имени. Не случайно день освящения храма св. Георгия в Киеве становится в XII в. одним из двух наиболее часто упоминаемых церковными календарями русских праздников[47].

Одним из ярких примеров совпадения в одной точке нескольких тенденций, нескольких линий общединастического и внутрисемейного культа св. Георгия у Рюриковичей является выбор имени для Игоря-Георгия Святославича Новгород-Северского (см. табл. № 3 к настоящей главе).

С одной стороны, Игорь получает родовое имя недавно умершего родного дяди. При этом от дяди он, по-видимому, унаследовал не только это родовое имя, но и именную пару 'родовое имя — христианское имя' целиком: возможно, не только младший, но и старший родич звался и *Игорем,* и *Георгием*[48]. По политическим соображениям этот княжич мог бы, как кажется, получить имя своего самого старшего дяди — Всеволода Ольговича. Однако наречение его в честь второго из дядьев также было вполне естественным, тем более что Игорь-Георгий старший, принявший мученическую кончину, почитался местно и его мощи были незадолго до рождения племянника перенесены в Чернигов[49].

Наследование христианского имени дяди в качестве крестильного, скорее всего, было не единственным мотивом при выборе имен для Игоря-Геор-

---

чен *Юрием*, с одной стороны, буквально по календарю, а с другой стороны, потому, что это было «дедне имя», имя Юрия Долгорукого.

44 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 659 под 1187 г.].

45 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 455 под 1230 г.].

46 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 460].

47 См. [Лосева 2001. С. 97].

48 О христианском имени старшего из черниговских *Игорей*, Игоря Ольговича, см. подробнее Экскурс № 10, с. 426–427.

49 См. гл. III, с. 104, примеч. 97.

гия младшего. Не исключено, что это один из самых ранних примеров, когда мы можем проследить связь между выбором христианского имени и месяцесловом. В полном соответствии с традицией той эпохи день рождения княжича в летописи указывается описательно и отсчитывается от одного из главнейших христианских праздников:

«Сс҃ославъ же не дожда велика дн҃и но поиде в поне^{д}лникъ сс҃тои не^{д}лѣ а въ вторни^{к} родисѧ оу него сн҃ъ и нарекоша имѧ ему въ сс҃томъ кр^{с}щеньи Гергии а мирьскии Игорь»[50].

По-видимому, вторник Страстной недели 1151 г. приходился на 3 апреля[51]. При этом четвертого (а по некоторым месяцесловам — пятого) апреля праздновалась память преподобного Георгия, иже на горе Малее, а седьмого апреля отмечалась память преподобного Георгия Исповедника, епископа Митиленского[52]. Вполне возможно поэтому, что дополнительным основанием для наречения новорожденного княжича именем *Георгий* послужило то обстоятельство, что он родился в канун памяти св. Георгия Малеина, а вскоре праздновалась и память св. Георгия Митиленского, хотя сами эти праздники и имена святых в летописи эксплицитно не упомянуты.

При этом есть основания полагать, что сам Игорь-Георгий Новгород-Северский особым образом чтил и отмечал память св. Георгия Победоносца. В летописи сказано, что он отправляется в свой знаменитый поход против половцев 23 апреля, т. е. на праздник св. Георгия Победоносца[53]. Последнее обстоятельство позволило утверждать А.А. Горскому, что Игорь-Георгий Святославич был назван именно в честь св. Георгия Победоносца[54].

Такое утверждение не кажется необоснованным. Почитание Георгия Победоносца, одного из популярнейших общерусских святых, небесного патрона княжеского рода, чей праздник относительно недалеко отстоял по времени от даты рождения черниговского княжича, должно было сыграть немалую роль в выборе для него крестильного имени, тем более что в ту эпоху следование месяцеслову отнюдь не требовало буквальной точности, и промежуток

---

50 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 422 под 1151 г.].

51 См. [Бережков 1963. С. 152].

52 См. [Лосева 2001. С. 309–311]. Отметим, что епископ Георгий Митиленский (а, вернее, его могила) упоминается в «Хождении игумена Даниила» [Путешествие игумена Даниила... С. 6]. Судя по всему, в честь Георгия Митиленского был наречен отдаленный родич Игоря-Георгия Новгород-Северского — Георгий, сын Ивана III, появившийся на свет 23 марта (на память св. Никона) 1480 г. [ПСРЛ. Т. IV. С. 516; Т. VIII. С. 205; Т. XII. С. 198; Т. XVIII. С. 267; Т. XXV. С. 326–327; Т. XXXIX. С. 161]; ср. [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 291; Т. XX. С. 337; Т. XXIII. С. 180; Т. XXIV. С. 199].

53 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 637 под 1185 г.].

54 См. [Горский 2001. С. 12, 16, 33–34. Примеч. 2]; ср. также: [Франчук 1987. С. 121; Кучкин 1996].

в 20 дней не должен был выглядеть слишком большим, если речь шла о праздновании памяти столь почитаемого в роду святого, о столь подходящем княжеском христианском имени.

Существует, кроме того, еще одно дополнительное обстоятельство, которое могло повлиять на выбор имени для этого княжича. Дело в том, что был еще один *Георгий*, на которого родители могли ориентироваться при наречении мальчика. Речь на этот раз идет не об одном из святых тёзок или чтимых предках, а о князе Юрии Долгоруком, который к моменту появления княжича на свет не только был жив, но и заключил с его отцом, князем Святославом Ольговичем, военный союз (ср. табл. № 3 к настоящей главе). Более того, накануне рождения сына князь Святослав выступил в поход на помощь Юрию Долгорукому и соединился с ним в Городке, где они отпраздновали Юрьев день (23 апреля), один из крупнейших праздников на Руси и, возможно, именины Юрия Долгорукого[55]. Не исключено, что в земной жизни образцом для мальчика был выбран именно этот родич-союзник. Напомним еще раз, что повтор христианского имени живого родича был вполне возможен в рассматриваемую эпоху. При этом Юрий Долгорукий не был прямым предком ребенка и не принадлежал к числу его ближайших родственников. Любопытно также, что у Юрия Долгорукого его имя совмещало в себе функции крестильного и родового, тогда как новорожденному, потомку черниговских князей, сочли нужным дать как крестильное, так и родовое имя *Игорь*, однозначно связывающее его с собственной ветвью династии.

Таким образом, не следует ограничиваться, на наш взгляд, утверждением об имянаречении «в честь» одного только Георгия Победоносца. Благодаря «синкретическому подходу» к святым тезкам, вероятнее всего, Игорь-Георгий чтил Георгия Победоносца как одного из своих главных небесных покровителей. В то же время не меньшую роль при выборе для него имени, сыграло, христианское имя его дяди и, скорее всего, имя св. Георгия, «иже на горе Малее», в канун празднования которого князь родился. Естественно допустить, что на протяжении жизни он чтил всех Георгиев, чья память отмечалась православной церковью повсеместно, и вместе с тем числил среди своих небесных покровителей и своего дядю-тезку Игоря-(Георгия?) Ольговича[56].

---

55 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 422–423 под 1151 г.]. Вообще говоря, фрагмент Ипатьевской летописи, повествующий о соединении Святослава и Юрия Долгорукого, довольно труден для интерпретации, могут возникнуть сомнения, идет ли речь о сторонниках или противниках Юрия Долгорукого. Бесспорно одно — здесь идет речь о том, что Рюриковичи празднуют Юрьев день, а Святослав Ольгович пришел на помощь Юрию Долгорукому.

56 Необходимо отметить, что заступничество, молитва умерших предков за кого-либо из своих потомков считались в эту эпоху весьма действенной, независимо от того, были ли эти предки святыми, хотя бы и местночтимыми. Недаром эта молитва в летописи может сопровождаться эпитетом «святая», хотя речь при этом идет от-

Таким же родовым и семейным святым, почитаемым многими членами княжеского рода, является и св. Федор. Не всегда возможно установить, о каком из святых воинов — Федоре Тироне или Федоре Стратилате — при этом идет речь[57]. Со времен отца Мономаха, Всеволода-Андрея Ярославича, культ св. Федора существует у той ветви рода Рюриковичей, к которой относились и Всеволод Большое Гнездо, и Мстислав-Федор Великий. Как уже упоминалось, при Всеволоде-Андрее в Переяславле строится не только церковь его патронального святого, св. Андрея, но и несколько других церквей, в частности церковь св. Федора[58].

Личные патрональные святые зачастую становились покровителями княжеской семьи или даже целой родовой ветви, а иногда и всего рода Рюриковичей. Своего рода воплощением культа личного патрона, святых патронов отца и деда и общеродового святого является знаменитый княжеский шлем с изображениями свв. Федора, Георгия и Василия, о котором нам уже приходилось говорить в предыдущей главе. Как мы помним, этот шлем принадлежал, по-видимому, кому-то из сыновей Юрия Долгорукого, судя по всему, носившему в крещении имя *Федор*. Кто бы ни был этот князь, он почитал святых покровителей своего отца и деда. Любопытно при этом, что этот шлем, по-видимому, менял владельца и переходил от одного Рюриковича к другому. Как кажется, при Ярославе-Федоре Всеволодиче к шлему была прикреплена пластина с благопожелательной надписью, содержащей еще одно имя, чрезвычайно важное для всей династии:

«р°х мн вьликъи архистратижє гн[ь] михаилє помози рабꙋ своємꙋ ѳєѡ\дорꙋ»[59].

Имя *Михаил* носили многие родичи Ярослава-Федора Всеволодича, в частности его родной дядя. Культ архистратига Михаила был на Руси, по-види-

---

нюдь не о святых в церковном смысле этого слова. Здесь культ рода тесно смыкается с христианским и, скорее, доминирует над ним. См. об этом подробнее: [Комарович 1960. С. 87–90; Франчук 1987. С. 116; Франчук 1987а; Франчук 1990], а также гл. IV, с. 126 примеч. 57. Однако случай с Игорем-Георгием несколько выделяется на этом фоне. В качестве таких «несвятых» заступников в летописи фигурируют отец и дед, т. е. прямые предки того или иного князя. Здесь же новорожденный, во-первых, отдается, судя по имянаречению, под покровительство не деду, а дяде. Во-вторых, как уже говорилось, налицо было церковное почитание этого родича, почитание, которое в принципе имело все шансы перерасти в общерусский культ.

57 См. подробнее об имени *Федор* у русских князей этого времени [Литвина, Успенский 2001] и Экскурс № 9 в настоящей работе.

58 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 200 под 1090 г.].

59 См. [Рыбаков 1964. С. 34–35. № 33; Медынцева 2000. С. 101]. О шлеме см. подробнее: [Янин 1958; Янин 1970. Т. I. С. 99–101, с указанием литературы; Янин 1972; Медынцева 2000. С. 98–104. Рис. 77]. См. также гл. IV, с. 154, примеч. 140.

мому, один из самых древних и устойчивых[60]. Показательно в этом отношении его почитание в могущественных, соперничающих между собой ветвях династии — среди потомков Всеволода Ярославича и Святослава Ярославича. Как уже упоминалось, во второй половине XI — начале XII в. Михайловские соборы в Киеве и его окрестностях возводят и Всеволод-Андрей Ярославич (вероятно, в честь покровителя своего сына Ростислава)[61], и Святополк-Михаил Изяславич — в честь собственного патрона, архистратига Михаила[62]. Характерно, что эта Златоверхая Михайловская церковь, построенная Святополком, была заложена 11 июля[63], в канун другого Михайловского праздника — памяти Михаила Малеина (12 июля). По-видимому, это еще раз демонстрирует тот своеобразный синкретизм в почитании святых-тёзок, который имел место в домонгольской Руси: Святополк, вероятно, чтил всех свв. Михаилов, при этом память Михаила Малеина, отмечавшаяся летом, приходилась на более удобное для начала строительства время.

Не менее существенно, что во второй половине XII в., приблизительно с 70-х гг., мы можем наблюдать своего рода «новый расцвет» церковного строительства, связанного с этим культом в княжеской среде[64]. Так, под 1173 г. летопись упоминает о том, что Рюрик-Василий, сын Ростислава-Михаила, строит церковь св. Михаила в городе Лучине, который он дал своему новорожденному сыну Ростиславу-Михаилу[65], а под 1174 г. сообщается о том, что церковь св. Михаила строит на княжьем дворе в Чернигове Святослав-(Михаил?), сын Всеволода-Кирилла Ольговича[66]. Позднее Рюрик Ростиславич обновляет постройки Михайловского Выдубицкого монастыря под Киевом[67].

Разумеется, круг родовых и семейных святых не ограничивался свв. Георгием, Андреем, Федором, Михаилом и Дмитрием. С большой долей уве-

---

60 Характерно, что в Софии Киевской был не только придел, посвященный св. Георгию, патрональному святому ее строителя Ярослава Мудрого, но и боковой придел архангела Михаила. Кроме того, несколько внуков Ярослава получают, судя по всему, имя *Михаил* в крещении. См. подробнее Экскурс № 10, с. 421–423.

61 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 174; Т. II. Стб. 164]. Напомним, что при Всеволоде Ярославиче строится также Михайловская церковь в Переяславле [ПСРЛ. Т. I. Стб. 208–209 под 1089 г.; Т. II. Стб. 200].

62 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 283].

63 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 283; Т. II. Стб. 259].

64 В эту эпоху имя архангела весьма популярно у князей, принадлежащих к разным ветвям рода. Так, под загадочным именованием *Кир Михаил* фигурирует в начале XIII в. отпрыск рязанского дома, сын Всеволода Глебовича Пронского. *Михаилом* нарекает в крещении своего сына Изяслава Ярослав Владимирович, внук Мстислава Великого. Позднее имя *Михаил* дважды появляется в семье Ярослава Ярославича Тверского, внука Всеволода Большое Гнездо.

65 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 567].

66 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 571].

67 См. подробнее Экскурс № 10, с. 423, примеч. 10.

ренностью можно указать также свв. Бориса и Глеба, Василия, Гавриила, Николая, Иоанна, почитавшихся семейно уже в XI — XII вв. Необходимо, впрочем, учитывать, что этот расширенный перечень также далек от полноты, а проблема родовых и семейных святых в домонгольский период нуждается в более обширном специальном исследовании. Параллельно с расширением христианского антропонимикона постепенно расширялся и круг семейных святых, почитаемых в различных ветвях рода Рюриковичей. Эти процессы, по-видимому, были теснейшим образом связаны, но не тождественны друг другу.

Условно говоря, можно указать некоторое множество святых, уже в домонгольское время широко почитаемых на Руси вообще, а также множество святых, особенно выделяемых княжеским родом, и, наконец, множество тех святых, чьи имена становились княжескими, повторялись у Рюриковичей из поколения в поколение. Разумеется, эти множества пересекались. Так, св. Георгий широко почитался всей Русью, домом Рюриковичей, имя же его считалось пригодным для князей и весьма рано начало употребляться в качестве единственного имени представителя правящей династии. Однако не со всеми святыми, не со всеми именами дело обстояло таким образом.

В качестве иллюстрации такого сложного соотношения можно упомянуть, например, реликвии, находившиеся в знаменитом кресте св. Евфросинии Полоцкой. В нем, как известно, кроме частиц крови Христовой, Животворящего Древа, гроба Господня, гроба Богородицы, были заключены и частицы мощей св. Стефана, св. Дмитрия Солунского и св. Пантелеймона. Кроме того, на кресте имеются изображения св. Пантелеймона, св. Иоанна Златоуста, св. Георгия[68] и св. Софии.

Популярность св. Георгия и его имени у Рюриковичей и на Руси вообще не вызывает сомнений[69]. Имя *Иоанн* по своей распространенности у князей домонгольской поры лишь немногим уступает имени *Георгий*, и в качестве единственного оно начинает употребляться ненамного позднее. В свою очередь, Дмитрий Солунский почитался особо в княжеском роду, его имя получили в крещении многие представители правящей династии. При этом в домонгольский период оно не встречается в качестве единственного имени князя.

Мученик Пантелеймон широко почитался как святой целитель[70]. Весьма вероятно, что всплеск почитания этого великомученика связан с деятельно-

---

68 См. [Исторические сведения о жизни преподобной Евфросинии. С. 22–28; Макарий. Кн. 2-я. Отд. III. С. 331].

69 Судя по житию, *Георгием* звался отец Евфросинии Полоцкой [ПЕП. С. 172].

70 Большинство свидетельств почитания св. Пантелеймона относятся к концу XII в. и позднейшему времени (подробнее см. [Назаренко 2001. С. 594–596]). Тем не менее первые следы его почитания на Руси — гораздо древнее. Так, фрески Софии Киевской с изображением св. Пантелеймона датируются 40-ми гг. XI в. Ср. также: [Верещагіна 2003. С. 58–61].

стью Гиды, жены Владимира Мономаха[71], и ее семьей. При этом в домонгольский период более или менее достоверно известен только один князь, который в крещении носил имя *Пантелеймон*, — внук Гиды, Изяслав-Пантелеймон Мстиславич[72]. Он был знаменитым киевским князем, но его крестильное имя не воспроизводилось в роду сколько-нибудь регулярно[73]. Любопытно, что имя св. Стефана, одного из весьма почитаемых на Руси святых, также не было широко распространено у князей.

Существенно, однако, что сохранилась печать, на одной стороне несущая изображение св. Стефана, а на другой — св. Пантелеймона. Весьма вероятно таким образом, что в XII — XIII вв. кто-то из Рюриковичей носил соответствующее христианское имя и отчество[74]. Если это так, то для отдельной кня-

---

71 См. подробнее: [Назаренко 2001. С. 585–616].

72 Сохранились довольно многочисленные свидетельства почитания этим князем великомученика Пантелеймона. Как мы знаем из летописи, патрональное изображение св. Пантелеймона присутствовало на его шлеме (см. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 438–439 под 1151 г.]). Известна также грамота, согласно которой князь выделяет земли новгородскому Пантелеймонову монастырю (см. [ГВНП. С. 141. № 82; Корецкий 1955. С. 204–207; Семенов 1959. С. 245–248]). Весьма вероятно, что Изяслав-Пантелеймон и был основателем этого монастыря (о времени возникновения монастыря см. подробнее: [Макарий 1860. Ч. I. С. 40; Янин 1977. С. 60–79; Назаренко 2001. С. 595–596]); возможно, впрочем, что монастырь был основан отцом князя, Мстиславом Великим [Кучкин 1999. С. 54–55], надо полагать, в честь патронального святого своего сына.

В этой связи любопытно также указание Лаврентьевской летописи, что Изяслав поставил русского митрополита Клима калугера 27 июля 1147 г., «на памѧ^т ста^г Пантелѣимана» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 315], т. е. в день своих именин. Отметим, что для этой части Лаврентьевской летописи датировка событий при помощи указания дня памяти святого еще не является делом регулярным, рутинным. Подробнее о таких датировках см. ниже.

73 Отметим, впрочем, что христианское имя *Пантелеймон* в сочетании с мирским *Мстиславич* время от времени встречается в источниках, хотя и максимально расплывчатым и спорадическим образом. Мы обнаруживаем упоминание черниговского князя Пантелеймона Мстиславича в Любечском синодике [Зотов 1892. С. 25]. В летописях же под 1339 г. появляется упоминание о гибели Андрея Мстиславича козельского от руки своего братанича Василия, Пантелеева сына [ПСРЛ. Т. VII. 205; Т. XV: Рогожский летописец. Стб. 52]. Следовательно, отца убийцы должны были звать Пантелеймон Мстиславич. Напрямую такой князь в летописных источниках не назван, однако не исключено, что именно он и упомянут в Любечском синодике.

74 Сохранились также печати, где изображения св. Пантелеймона сочетаются с изображениями св. Иоанна и св. Федора. Они приписываются исследователями сыновьям Изяслава-Пантелеймона Мстиславича, Ярославу и Мстиславу [Янин 1970. Т. I. С. 103–104; Янин, Гайдуков 1998. С. 53–54]. Еще более любопытны другие единичные буллы, где изображения св. Пантелеймона сочетаются с фигурой архангела, а также с изображением св. Дмитрия. Атрибуция этих печатей достаточно затрудни-

жеской семьи культ этих святых мог приобрести особое, дополнительное значение. Иногда такой семейный культ оказывался очень устойчивым и со временем становился принадлежностью всего рода в целом[75]. В других же случаях он был актуален лишь для двух-трех поколений одной семьи и относительно быстро отходил на второй план.

Здесь уместна следующая аналогия. В родословии русского князя обычно указываются имена его отца и деда. В каждом же следующем поколении имя этого деда, ставшее уже именем прадеда, как правило, теряется, не упоминается напрямую. При этом оно не исчезает, разумеется, из родовой памяти, а лишь отодвигается на более периферийную позицию. В иных же случаях отдаленный предок оказывается не менее важным, чем предки недавние, чьими именами успела пополниться генеалогическая история. Так же, видимо, обстояло дело и с почитанием семейных святых. У княжеской семьи могут появляться новые небесные покровители, и из уже существовавших одни становятся менее значимыми, а другие сохраняют свой высокий статус в церковной жизни рода, со временем лишь все более укрепляя его.

Итак, для нас важно подчеркнуть, что князь мог числить в ряду непосредственных покровителей не только своих небесных тезок, но и совершенно других, не тезоименитых ему святых. Выбор этих святых чаще всего был отнюдь не произволен, а определялся семейной традицией. Разумеется, каж-

---

тельна, так как данные сочетания христианских имен и отчеств не находят опоры в письменных источниках. Тем не менее можно с достаточной уверенностью предположить, что в честь св. Пантелеймона был крещен не только Изяслав Мстиславич [Янин, Гайдуков 1998. С. 53–54]. Не исключено при этом, что сочетания реликвий св. Дмитрия, св. Пантелеймона и св. Стефана в кресте Евфросинии Полоцкой связаны с почитанием личных и отцовских патрональных святых каких-то вполне конкретных исторических лиц.

75 При этом бывали, по-видимому, случаи, когда тот или иной святой был покровителем рода на протяжении многих поколений, но его культ никак не отражался в имянаречении князей. Так, сыну Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, Константину, в числе прочих реликвий были привезены из Константинополя руки мученика Логина Сотника. Дождавшись дня памяти этого святого (16 октября), князь Константин устроил особый праздник, сопровождавшийся несением этих мощей к Дмитровскому собору во Владимире [ПСРЛ. Т. I. Стб. 441 под 1218 г.]. Через двести лет, накануне появления на свет Василия Темного, старец Дементий, согласно летописям, призывал великого князя Василия Дмитриевича молиться великомученику Логину Сотнику, «понеже той данъ бысть помощникъ отъ Бога всему роду вашему» [ПСРЛ. Т. VIII. С. 87 под 1415 г.]; ср. [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 40]. Таким образом, налицо устойчивость культа св. Логина у Рюриковичей как в домонгольской Руси, так и в «московскую» эпоху. Князей же, принадлежащих к правящему дому и носящих имя *Логин*, мы не знаем.

Еще о святых, почитаемых в княжеской семье из поколения в поколение, см. [Николаева 1977; ср. [Рындина 1977. С. 213–217].

дый из семейных святых когда-либо начинал почитаться впервые и порой, возможно, попадал в этот круг благодаря каким-либо внезапным, непредсказуемым обстоятельствам. Однако часто эта непредсказуемость объясняется лишь недостатком наших знаний о культе святых в XI — XII вв.

Почитание князьями как собственных патрональных святых, так и святых семейных, могло создавать для составителей позднейших памятников трудности с определением их крестильного имени. Как мы видели, источники могут приписывать Владимиру-Василию Мономаху имя *Андрей* (возможно, в связи с его заветом молиться св. Андрею Критскому), а Мстиславу-Федору Великому — имя *Георгий* (возможно, в связи с его попечительством о Юрьеве монастыре и о других церковных постройках, так или иначе связанных с этим святым). Таким образом, если мы видим, что в различных источниках для одного и того же князя указываются разные христианские имена, не стоит, на наш взгляд, автоматически заключать, что речь может идти только об ошибке в чистом виде, вкравшейся в один из памятников. Не исключено, что перед нами фиксация имени княжеского общесемейного святого и это имя тесно связано с личным именованием того или иного члена семьи.

Дополнительные небесные заступники и покровители у Рюриковичей могли появляться в XI — XII вв. благодаря действию объединяющей, «синкретической» родовой тенденции. В силу этой тенденции, в частности, все святые, носившие одно и то же имя, могли считаться покровителями князя, получившего это имя. В то же время естественными заступниками князя становились и все умершие предки, которые были его тезками, — их молитва считалась действенной, даже если они не причислялись к лику святых. Кроме того, ему покровительствовали небесные патроны его отца, деда и другие почитаемые семейные святые, даже те, кто не были его тезками.

Условно говоря, в первые века после принятия христианства на Руси шло своего рода «накопление» небесных заступников для князя. В полном соответствии с родовой традицией все святые, так или иначе связанные с самим князем, с его живыми и умершими родичами, вовлекались в этот круг покровителей. Имена святых различными путями встраивались в родовую историю Рюриковичей, создавали многомерный мир, окружавший князя на протяжении всей его земной жизни. Эта сложная синкретическая система имен создавала почву для того, чтобы у князя могло быть не одно, а несколько личных христианских имен. Почва для этого, кроме того, была подготовлена всей практикой ранней двуименности, когда правителю давалось по крайней мере два имени — родовое исконное и крестильное христианское. Тем не менее для того, чтобы князь мог в миру в буквальном смысле сделаться обладателем не одного, а двух или нескольких христианских имен, потребовалось, очевидно, немало времени.

По-видимому, с самого начала наряду с явной тенденцией к синтезу, «собиранию» и «объединению» всех заступников существовала и иная модель

отношений князя-христианина с личными и общеродовыми покровителями. Эта модель предполагала близкое соприкосновение с текстами определенных житий, внимание к соответствующей иконографии, знание литургических текстов, связанных с памятью конкретных святых. Иными словами, речь должна идти о некотором точном, аналитическом, дифференцирующем знании относительно определенных святых, по тем или иным причинам близких князю.

Для того чтобы подобное знание могло отразиться в системе имянаречения, нужны были какие-то конкретные практические механизмы. Не исключено, что в начале XI в., когда фонд христианских имен Рюриковичей лишь формировался, возможно, были случаи имянаречения, непосредственно ориентированные на агиографическую традицию и иконографические образцы, связанные с тем или иным святым[76]. Однако выбор имени для новорожденных членов династии достаточно рано, как мы помним, ограничивается набором тех христианских имен, которые успели сделаться родовыми, наследственными.

Тем не менее с определенного времени эти родовые христианские имена все в большей степени при каждом конкретном имянаречении соотносятся со строго определенным небесным покровителем. Основой для такой связи, как мы увидим ниже, становится месяцеслов. Однако ориентация на месяцеслов ограничивается жесткими рамками, не допускающими, в частности, введение в династический обиход новых, неродовых христианских имен. В какой бы день ни родился князь, он мог править только под родовым именем Рюриковичей. При этом месяцеслов становится весьма важным источником христианской многоименности, позволяющим князю иметь не только родовых, но и личных небесных покровителей.

Несколько христианских личных имен у князя в XIV — XVI вв.

В XIV — XVI вв. христианская многоименность представляет собой обычное явление[77]. Например, князь Дмитрий Константинович Суздальский (Старший) имел к концу жизни три христианских имени:

---

76 Ср. Экскурс № 9.

77 Если отвлечься от собственно княжеского именослова, можно привести один из наиболее известных примеров такой многоименности. Предполагается, что три христианских имени было у митрополита Алексия, родившегося ок. 1293 г. (?): полученное при постриге Алексий и данные в детстве Симеон и Елевферий (см. [Макарий. Кн. III. С. 32, 365. Примеч. 41. С. 354. Примеч. 247*, принадлежащий А.А. Турилову]; ср. [ПСРЛ. Т. XI. С. 30; Т. XV: Рогожский летописец. Стб. 121. Примеч. 4]). О христианской некняжеской двуименности см. также: [Б.А. Успенский 1996–1997. Т. II. С. 187–202; Соловьева 2002].

«...преставися во иноческомъ чину князь велики Дмитрей Констянтиновичь <...> бѣ же ему во святомъ крещенiи имя Ѳома, а иноческое Ѳеодоръ» [78].

Известно, что Ивана III звали *Тимофеем*[79] (ср. табл. № 4 к настоящей главе), а у его сына, Василия III, было имя *Гавриил*:

«Того *ж*(е) лѣта ро*дис*я великому кн(я)зю с(ы)нъ Гаврило м(е)*с*(я)ца м*ар*та 26, и нарекоша имя ему Василеи» [80].

Согласно списку Казанского летописца, имевшемуся в распоряжении Н.М. Карамзина, вторым, «прямым» именем царевича Дмитрия Угличского было *Уар*[81], а к его отцу — Ивану Грозному — применяются также имена *Тит*[82] и *Смарагд*[83]. Князь же Константин Константинович Острожский говорит о себе:

---

78 См. [ПСРЛ. Т. XI. С. 83 под 1383 г.].

79 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 108 под 1440 г.].

80 См. [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. С. 287; Т. XXI. Ч. 2. С. 582]. Перед смертью Василий III, как известно, принял постриг под именем *Варлаам* [ПСРЛ. Т. VIII. С. 285; Т. XXI. Ч. 2. С. 614–615; Т. XXII. Ч. 1. С. 538; Кормовая книга. С. 74]. Таким образом, у князя было еще одно христианское имя, которое, несомненно, было известно его потомкам. В частности, в соборе Покрова, «что на рву» (храм Василия Блаженного), который Иван Грозный поçтроил в память о взятии Казани, имеется юго-западный придел Варлаама Хутынского. По мнению исследователей, появление этого придела в Покровском соборе объясняется двумя причинами: в первую очередь, тем, что имя этого святого принял в монашестве отец Ивана Грозного, Гавриил-Варлаам-Василий III, а также и тем, что на память Варлаама Хутынского (6 ноября) состоялся торжественный въезд царя Ивана Васильевича в Москву по возвращении из казанского похода [Ильин 1972. С. 290–293; Ильин 1980. С. 67].

81 См. [Карамзин. Т. IX. С. 266 и примеч. 741]; см. также Экскурс № 7. О.И. Подобедова ошибочно приписывает имя *Уар* Ивану Грозному [Подобедова 1972. С. 27. Примеч. 9], явно путая в данном случае дополнительные имена отца и сына.

82 См. [Клосс 1998. С. 80]; ср. [ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 2. С. 629].

83 См. [Розов 1965. С. 284, 279]. Особняком стоит еще одно, четвертое, имя Ивана Грозного, *Иона*, которое он получил, приняв постриг перед смертью (или посмертно?) [Кормовая книга. С. 72, 87; Соловьев 1989. С. 681]; ср. [ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 229]. Имя *Иона* получил при постриге еще один князь, в миру носивший имя *Иоанн*, — рязанский князь Иван Федорович [ПСРЛ. Т. XII. С. 111–112 под 1456 г.; Зимин 1950. С. 34]. То же имя носили в иночестве и некоторые из современников Грозного, например Иван Васильевич Шереметев, Иван Иванович Чеботов [Кормовая книга. С. 61, 69, 104] или с 1571 г. Иван Борзобогатый-Красенский (Красненский) [Б.А Успенский. 1998. С. 346. Примеч. 18]. Вообще, к XVI в. уже существовал некий набор готовых, сложившихся пар ‘христианское родовое имя — иноческое имя’, но, разумеется, его использование не было обязательным.

«Я Константин, зовомый и во святом крещении Василий нареченный».

Число подобных примеров легко можно умножить[84].

Как же устроена эта поздняя двуименность, включающая в себя лишь христианские имена? В качестве наиболее известных и постоянно употребляемых элементов этих именных пар (или триад) мы обнаруживаем все те же имена, еще в домонгольский период ставшие для Рюриковичей из ветви Мономаха родовыми[85]. Имя *Василий* в числе первых, как мы помним, начинает употребляться у князей без мирского. Имена *Иоанн*[86] и

---

84 См. также: [Голубинский. Т. I. 2-я половина тома. С. 428–429; Б.А. Успенский 1996–1997. Т. II. С. 193, 198–199, 200, 201, 202; Клосс 1998. С. 80–81].

85 Вообще подавляющее большинство «поздних» князей Рюриковичей московского дома регулярно и многократно называются во всех источниках теми христианскими именами, которые были в обиходе их ветви рода по крайней мере с XII в. — *Андрей, Владимир, Георгий, Василий, Иоанн, Дмитрий* и т. д. Именно эти их имена общеизвестны и именно под ними они входят в родовую историю. При этом набор княжеских имен, оставаясь труднопроницаемым, разумеется, претерпевает за несколько столетий определенные изменения. С одной стороны, он обогащается некоторым количеством новых имен, с другой стороны, как уже говорилось, отчасти распределяется между семьями и ветвями рода. Некоторые имена, вполне традиционные в качестве крестильных у домонгольских Рюриковичей, по-видимому, остаются за пределами публичного именослова их потомков, московских великих князей, как это происходит, например, с именем *Гавриил*.

86 В настоящем исследовании мы не стремились подробно рассмотреть судьбу всех христианских имен, которые в XII в. могли употребляться без мирских, как полноценные родовые имена. Укажем здесь только, что имя *Иоанн* всегда фигурировало без мирского у таких князей, как Иван Василькович (ум. в 1141 г.), сын Василько Ростиславича Теребовльского [ПСРЛ. Т. II. Стб. 304, 308] или Иван Всеволодич (род. в 1198 г.) [ПСРЛ. Т. I. Стб. 414, 422, 428, 448, 449, 467, 469, 471, 521, 523]. В XIV в. же *Иоанн* становится родовым именем великого князя.

Показательно, что факт появления у московских великих князей этого родового имени становится предметом особой рефлексии в Степенной книге: «<об Иване Калите> Прежде убо сего мнози быша велицыи князи въ Рустей земьли, и ни един же отъ нихъ не именовася Иванъ. Сей же аще и десятый бысть отъ святого Владимера, но обаче первый Иванъ именовася еже есте благодатное имя» [ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 2. С. 320]. В качестве комментария к процитированному фрагменту можно добавить, что на рубеже XIII — XIV вв., когда выбиралось имя для Калиты, связь с перечисленными князьями Рюриковичами, жившими в домонгольский период и носившими это имя, несомненно, была еще вполне актуальной. Ко времени же составления Степенной книги важными оказывались лишь отдельные фигуры ранней истории рода, а «первенство» Ивана Калиты могло подчеркиваться, так как он стоял у истоков нового «московского» этапа истории династии. Кроме того, он действительно был первым великим князем, носившим это имя в качестве родового.

Константин[87] также достаточно рано начинают употребляться тем же образом. Что касается имени *Дмитрий*, то оно, обильно повторяясь среди потомков Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, относительно долго фигурирует лишь в составе именной пары 'мирское имя — христианское имя'. Однако св. Дмитрий, вне всякого сомнения, уже в XII в. входил в круг семейных патронов Рюриковичей, а это имя было в высшей степени традиционно для династии.

Итак, в составе многоименных сочетаний есть элементы, образующие весьма ограниченный набор имен, которые повторяются с большой плотностью из поколения в поколение. Иными словами, перед нами набор родовых княжеских имен (теперь уже исключительно христианских). Как видно из приведенных выше примеров, подавляющее их большинство унаследовано из домонгольской эпохи.

Наличие родового христианского имени оказывается столь же необходимым для получения власти, как в свое время наличие родового мирского имени. Естественным образом напрашивается предположение, что поздняя двуименность во многом наследует двуименности Рюриковичей домонгольского периода. В этом случае происходит, очевидно, замещение пары 'родовое языческое имя — христианское имя' парой 'родовое христианское им — неродовое христианское имя'. Характерно, что даже позиция родового христианского имени в летописном сообщении может полностью соответствовать позиции имени родового мирского. Достаточно сопоставить, например, свидетельство о кончине Дмитрия-Фомы-Федора Константиновича Суздальского (см. выше) с записью о смерти Олега-Иакова-Иоакима Рязанского, одного из «поздних» обладателей мирского именования:

«...преставися князь Олегъ Рязанскыи, нареченныи въ святомъ крещенiи Iаковъ, а въ мнишьскомъ чину Iоакимъ и положенъ бысть на Солодшѣ въ манастыри»[88].

---

87 *Константином* (без мирского имени) называется старший сын Всеволода Большое Гнездо — великий князь Константин Всеволодич [ПСРЛ. Т. I. Стб. 397, 407, 414–417, 419, 421, 422, 428–442, 445–447, 449, 489, 493–502]. С начала XIII в. имя *Константин*, как кажется, у всех носивших его князей употребляется без мирского. Так именуют, например, Константина Васильевича Ростовского, сына Василия Константиновича, и Константина Ярославича, сына великого князя Ярослава Всеволодича. Имя *Константин* получил сын Семена Гордого, *Константином* звали и одного из сыновей Дмитрия Донского, родившегося за три дня до кончины отца. В XV — XVI вв., однако, это имя не встречается у московских князей в качестве официального, публичного.

Принадлежность острожских князей к роду Рюриковичей весьма вероятна, но не бесспорна. Любопытно, что в XVI в. для их родовой ветви имя *Василий* — в отличие от князей московского дома — оказывается менее пригодным в качестве родового, чем имя *Константин*.

88 См. [ПСРЛ. Т. XVIII. С. 150]; ср. [ПСРЛ. Т. VII. С. 175; Т. XI. С. 188].

Право на родовое христианское имя могло почти буквально отождествляться с правом на власть. Об этом свидетельствует, например, рознящийся с летописным текстом рассказ Сигизмунда Герберштейна о том, каким образом Василию III достаются его имена: он, согласно Герберштейну, «завладел княжеской властью, не будучи, однако, венчан, а только переменив имя Гавриил на Василий» [89].

Словом, не вызывает ни малейшего сомнения, что Василий III, когда был великим князем, носил родовое христианское имя *Василий*, а другое его имя употребляется несравненно реже и находится как бы в тени (ср. табл. № 4 к настоящей главе). Точно так же Иван III прежде всего фигурирует именно как *Иоанн*, и изредка в источниках упоминается о том, что он обладал именем *Тимофей*[90]. В свою очередь, Иван IV был известен современникам и потомкам именно как *Иоанн Васильевич* или *Иоанн Грозный*, а другие его имена (*Тит* и *Смарагд*) появляются лишь в отдельных текстах той эпохи[91]. Ино-

---

89 См. [Герберштейн 1988. С. 66]. Б.А. Успенский приводит также выразительный пример использования христианской двуименности самозванцами: «так, известный Тимошка Акундинов, выдававший себя за сына царя Василия Шуйского, называл себя Иоанном Шуйским, хотя и признавал, что "наречен в св. крещении Тимофеем"» [Б.А. Успенский 1996–1997. Т. II. С. 193].

90 Ср. «Въ лѣто 6948. Родися великому князю сынъ Иванъ, генваря 22 <память апостола Тимофея. — *А.Л., Ф.У.*>. О семъ же прореченъ старець святый, именемь Михаилъ, въ Великомъ Новѣградѣ, въ монастыри на Веряжѣ; пришеду къ нему архіепископу Еуѳимію, онъ же рече владыцѣ: "днесь, отче, у великого князя на Москвѣ радость;" владыка рече: "коа, отче, радость?" старець рече: "родися великому князю сынъ Тимофѣй, а дали имя ему Іоанъ, и будетъ наслѣдникъ отцу своему, и разорити имать обычаи нашея земли Новгородскіа, погибель граду нашему будетъ, и многимъ землямъ страшенъ будетъ"» [ПСРЛ. Т. VIII. С. 108 под 1440 г.]. Ср. в этой связи свидетельство Никоновской летописи, где указывается, что Иван III родился на память апостола Тимофея, но *Тимофеем* он напрямую не назван [ПСРЛ. Т. XII. С. 39–40]. В Русском хронографе (Хронограф редакции 1512 г.) оба имени Ивана III появляются в связи с упоминанием о его кончине: «Преставися благовѣрный и христолюбивый великій князь Иван Васильевич всеа Русіи, рекомый Тимоѳей...» [ПСРЛ. Т. XXII. Вып. 1. С. 536]. Отметим попутно, что в указателе к данному тому имя Ивана III *Тимофей* ошибочно указывается на с. 550 как монашеское имя князя.

91 Так, например, в «Похвальном слове великому князю Василию III» читаем: «Роди бо ся им чядо сын и наречен бысть в святом крещении Иван Змарагд» [Розов 1965. С. 284]. Каково в данном случае происхождение этого именования *Смарагд* и было ли оно именем или прозвищем, сказать не беремся. Церковные праздники посвященные свв. Смарагдам (9 марта, 7 июня) и Евфросинии-Смарагд (25 сентября, 15 февраля), связать с датой рождения Ивана Грозного (25 августа) затруднительно. Какую-либо связь между царем Иваном Васильевичем и Евфросинией-Измарагд Ростиславной (см. выше, с. 179) или между царским именованием и названием знаменитого древнерусского сборника Измарагд выявить пока также не удается.

гда о существовании у члена княжеского рода еще одного христианского имени мы можем предполагать лишь на основании какого-либо изобразительного материала[92]. Такие параллельные родовым имена, как кажется, не воспроизводятся в имянаречении потомков.

Роль и место этих дополнительных христианских имен нелегко определить не только исследователю, но и авторам источников XVI — XVII вв. Добавим к приведенным выше примерам различные версии о наречении именем *Гавриил* Василия III. В Никоновской и в Софийской летописях сказано, что имя *Василий* он получил при рождении:

«Мѣсяца Марта въ 25, въ 8 часъ нощи, противу дни собора Архангела Гавріила, родися великому князю Ивану Васильевичю сынъ отъ царевны Соѳіи и нареченъ бысть Василей Парійскій. Крещенъ же бысть у Троици въ Сергіевѣ монастыри, а крестилъ его архіепископъ Ростовьскій Васіанъ да игуменъ Паисей Троецскій, Априля въ 4, въ недѣлю Цвѣтную»[93].

Как уже отмечалось исследователями[94], в «Повести о втором браке Василия III» процедура имянаречения Василия III описывается принципиально иначе:

«...великим государем и великим князем Васильем Ивановичем всеа Руси, нарицаемым по осмодневному обрезанию Гавриилом Тимофеевичем <напомним, что его отец Иван III носил дополнительное имя *Тимофей. — А.Л., Ф.У.*>»[95].

---

92 Так, на дробницах с оклада, заказанного Иваном Грозным для иконы св. Троицы, изображены святые покровители членов царской семьи. Среди этих изображений, например, есть апостол Тимофей, архангел Гавриил, свв. Иоанн Златоуст, Василий Парийский и Варлаам Хутынский, т. е. известные и по письменные источникам святые покровители Ивана III, деда Грозного, и Василия III, отца Грозного. Есть здесь и изображения свв. апостола Тита и Иоанна Предтечи — покровителей самого Грозного, а также свв. Устины и Анастасии Римлянки — покровительниц царицы Анастасии, первой жены Грозного (ср. табл. № 4 к настоящей главе). Кроме того, мы обнаруживаем на дробницах изображение апостола Стахия, чья память праздновалась 31 октября — 30 или 31 октября, как известно, родился брат Ивана Грозного, Юрий Васильевич [Клосс 1998. С. 80–81]. Ср. также: [Мельник 1999. С. 40].

93 См. [ПСРЛ. Т. XII. С. 190]; ср. [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. С. 287; Т. XXI. Вып. 2. С. 582]. По другому списку Василий III оказывается наречен своеобразным «сдвоенным» именем: «...родися благонадежный великому князю Ивану Василіевичю сынъ отъ царевны Соѳіи и нареченъ бысть Василей Гаврилъ, въ лѣто 6987, мѣсяца Марта 25, въ самый праздникъ Благовѣщеніа пресвятыя Богородица, въ 8 часъ нощи. Крещенъ же бысть у Троицы въ Сергіевѣ монастыри, а крестилъ его архіепископъ Ростовскій Васіанъ да игуменъ Паисѣй Троецьский, Априля въ 4, въ недѣлю Цвѣтоносную, у чюдотворивыхъ мощей преподобнаго чюдотворца Сергіа...» [ПСРЛ. Т. XII. С. 191].

94 См. [Голубинский. Т. II. 2-я половина тома. С. 517; Б.А. Успенский 1996–1997. Т. II. С. 199. Примеч. 32].

95 См. [Бодянский 1847. С. 1].

Возникает вопрос, какова все же была функция этих дополнительных, календарных имен князей в церковной жизни. Под каким именем, например, князь причащался и поминался в церкви? Иными словами, могло ли дополнительное, неродовое христианское имя князя быть его крестильным именем? В некоторых случаях (например, при наречении уже упоминавшегося Дмитрия-Фомы Константиновича) летописные тексты сообщают, что дело обстояло именно таким образом. Однако мы едва ли можем утверждать, что распределение функций между публичным и непубличным именами было таким всегда.

История имянаречения Василия-Гавриила III в этом отношении достаточно трудна для толкования. Согласно одному списку Никоновской летописи, он родился на Собор Архангела Гавриила, однако в качестве даты его рождения приводится 25 марта, т. е. Благовещение (канун Собора Архангела Гавриила). При этом сказано, что он наречен «Василей Парийский» (память Василия, епископа парийского, отмечается 12 апреля), и *Гавриил* в качестве его собственного имени не указывается. В другом списке той же летописи сказано, что сын Ивана III родился 25 марта, непосредственно в праздник Благовещения. В качестве же его имени здесь фигурирует «Василей Гаврил». Согласно Софийской второй летописи, он родился 26 марта (т. е. действительно на Собор Архангела Гавриила), однако в самом тексте этот праздник не называется, а об именах сказано так:

«...ро*ди*ся великому кн(я)зю с(ы)нъ Гаврило <...> и нарекоша имя ему Василеи» [96].

Последняя формулировка, возможно, помогает прояснить некоторые особенности восприятия двух христианских имен князя. Непубличное имя — это то, что приходит «само собой», не зависит от воли людей и определяется Божественным промыслом. Напротив, имя публичное — это то, что для князя выбирается и соответствует не только святцам, но и династическим, земным интересам.

При этом, согласно еще одной версии, Василий Иванович получил имя *Гавриил* по «восмидневному обрезанию», что увеличивает число возможностей для имянаречения, но едва ли помогает в решении вопроса, было ли *Гавриил* крестильным именем Василия III.

Подобная разноголосица источников, на наш взгляд, говорит сама за себя. Современники зачастую не знали наверняка, как был крещен князь, и не могли точно определить функцию его дополнительного христианского имени *Гавриил*. Безусловно, публичным было в его именовании родовое имя *Василий*. При этом о некоторых князьях (например, о Тимофее-Иване III или о Василие-Константине Острожском), как мы помним, может прямо говориться, что крестильными были их непубличные имена *Тимофей* и *Василий*. Для Ивана Грозного имя *Тит*, скорее всего, отодвигается далеко на периферию.

---

96 См. [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. С. 287; Т. XXI. Ч. 2. С. 582].

Хотя довольно регулярно указывается, что царь родился на одно из празднований апостола Тита[97], нам известно весьма ограниченное число текстов, где он в особых случаях напрямую называется этим именем[98].

Возможно, в качестве своеобразного критерия, позволяющего определить статус неофициального имени, могут использоваться иноческие имена князей. Иноческое имя Дмитрия Константиновича Суздальского, *Федор*, было явно подобрано к его неофициальному имени *Фома*, которое в летописи особо обозначено как крестильное. При этом иноческое имя Ивана Грозного, *Иона*, подобрано к его официальному христианскому имени *Иоанн*, это заставляет предположить, что именно оно (а не, скажем, неофициальное *Тит*) и было его крестильным именем. В то же время, такого рода критерий едва ли может быть признан средством для принятия простых и безошибочных решений. Так, у уже упоминавшегося Семена Гордого иноческое имя *Созонт* совпадает с именем того святого, на чью память он родился, и случай этот не поддается простому толкованию. Возможно, крестильным именем князя было *Симеон*, и к нему-то и подбиралось иноческое *Созонт*. Однако нельзя так-

---

97 Ср. «Въ лѣто 7038. Августа въ 25, на память святыхъ апостолъ Варѳоламѣя и Тита, въ 7 часъ нощи, родися великому князю Василью Ивановичу всея Руси сынъ отъ его великіе княгини Елены Глинскіе и нареченъ бысть Иванъ, Усѣкновеніе честныя главы <29 августа. — *А.Л., Ф.У.*> <...> А крестити князь великы сына своего ѣздилъ <...> Сентября въ 4, въ недѣлю, на память святаго священнаго мученика Вавилы архіепископа Великіа Антіохія» [ПСРЛ. Т. XIII. С. 48, 49 под 1530 г.; Т. VIII. С. 273–274]; ср. также: [Зимин 1950, 30, 38; ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 2, 606; Т. XXII. Ч. 1. С. 522, 538]. Как уже отмечалось исследователями, из этих сообщений не следует, что «имя Иван было получено Иваном Грозным при крещении; можно предположить, напротив, что он был назван Иваном в память деда» [Б.А. Успенский 1996–1997. Т. II. С. 201. Примеч. 47].

В то же время не вызывает сомнения, что Иван Грозный почитал Иоанна Предтечу в качестве своего патронального святого. В частности, он завещал похоронить себя в диаконнике Архангельского собора, преобразованном специально для этой цели в придел Иоанна Крестителя [Самойлова 2000. С. 104]. В Кормовой книге Кирилло-Белозерского монастыря заупокойный корм по Ивану Грозному предписывалось проводить на день его рождения (25 августа), на Усекновение Честныя главы Иоанна Предтечи (29 августа) и на преставление [Кормовая книга. С. 87].

Точно так же отец Грозного, Гавриил-Василий III, мог почитать св. Василия Парийского (12 апреля) в качестве своего главного небесного покровителя.

98 Ср. «Сице и здѣ молитвеная доброта разверзе царское неплодіе самодержьца Василія Ивановича, и родися ему сынъ и наслѣдникъ царствію сій святопомазанный царь и великій князь, сладчайшее имя Иванъ <...> Роди же ся въ лѣто 7039 мѣсяца августа 25 <...> Егда же зачатся во чревѣ матерни, и яко бысть близь роженія, и тогда боголюбивая мати его, великая княгиня воспроси нѣкоего мужа юродива, именемъ Доментія, глаголя: "Чьто имамъ родити?" Онъ же, яко уродствуя, глаголаше: "Тит, широкий умъ"» [ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 2. С. 629]. Ср. [Клосс 1998. С. 80].

же исключить, что Семен носил имя *Созонт* в крещении, а впоследствии, если он был пострижен не только в чернецы, но и в схиму, «вернулся» к своему крестильному имени.

Подчеркнем еще раз, что независимо от конкретного статуса имя святого, праздник которого непосредственно совпадал с днем появления княжича на свет, никогда не исчезало из жизни князя. Так, маловероятно, что Иван Грозный был крещен *Титом*, и это его имя оказывается малоупотребительным в источниках. Однако на сохранившейся панагии Ивана Васильевича был вырезан не только барельефный образ Иоанна Предтечи — на оборотной стороне золотой оправы чернью было выполнено и изображение апостола Тита[99].

Но почему князья вообще могли обладать не только родовым христианским именем, но и еще какими-то? Почему одного христианского имени могло оказаться недостаточно?

Как нетрудно заметить, дополнительные христианские имена связаны с календарной датой рождения княжича. Очевидно, что к этому времени на Руси в целом сложилась более или менее устойчивая церковная практика называть младенца по месяцеслову, т. е. по тому святому, чья память приходилась на определенный день (например, первый или восьмой) по отношению к его рождению или крещению. По-видимому, в эту эпоху одновременно существовало несколько систем расчетов. В частности, как указано в Житии Сергия Радонежского, ребенку могли давать имя через 40 дней или шесть недель по его появлении на свет[100]. Возможно, новорожденному давалось имя того святого, чья память приходилась именно на этот, особым образом вычисленный день. Однако не исключено, что не только сама дата имянаречения определяла выбор имени — ребенка могли, например, крестить на сороковой день, а имя давать по первому дню, по восьмому дню или по каким-то иным расчетам[101]. Сколько-нибудь определенными и единообразными указа-

---

99 См. [Постникова-Лосева 1976. С. 224].

100 См. [Клосс 1998. С. 292]; ср. [Кучкин 2002б. С. 12–121].

101 Возвращаясь к истории домонгольской Руси, можно вспомнить рассказ о рождении и крещении Феодосия Печерского: «родиста же блженаго дѣтища сего таче въ осмыи дн҃ь принесоста и къ ст҃лю бжию ꙗко же обычаи ѥсть крьстиꙗномъ да имꙗ дѣтищю нарекоуть прозвутеръ же видѣвъ дѣща и срдьчьныма очима прозьрꙗ ѥже о немь ꙗко хощеть из млада богоу дати сѧ ѳеѡдосиѥмь того нарицають таче же ꙗко и миноуша м҃ дн҃ии дѣтищю крьщениѥмь того остиша» [УС. С. 73]; ср. [КПП. С. 16]. Из этого текста видно, что святого нарекают именем на восьмой день, тогда как крестят на сороковой. Подчеркнем, однако, что здесь решительно ничего не сообщается о связи выбора имени с календарем — например, о том, что ребенку было дано имя того самого святого, чья память празднуется на восьмой день. Никак не отсылает к месяцеслову и рассуждение об имени Феодосия, которое мы обнаруживаем в Киево-Печерском патерике [КПП. С. 15], здесь речь идет лишь о подражании русского подвижника своему святому тезке, Феодосию Иерусалимскому. Отметим, кроме того,

ниями источников относительно этих расчетов мы не располагаем. Итак, коль скоро речь идет об имянаречении в целом, в XIV — XVI вв. буквальная зависимость от календаря прослеживается весьма последовательно. При этом жестких и единообразных правил, каким именно способом нужно производить календарные расчеты, в русской церковной практике, по-видимому, не существовало, как не существует их и по сей день. Разумеется, самый наглядной была связь всякого события (в том числе и рождения ребенка) с именем святого, в день памяти которого оно происходило.

Каким же образом зависимость от календаря отразилась на выборе имени для князей правящего дома?

Упрощая дело, можно сказать, что родовая традиция Рюриковичей в очередной раз испытала на себе натиск месяцеслова, однако на этот раз дело было в том, что князья должны не просто носить имена святых, но имена святых, приходящихся на определенный день по отношению к дате их рождения.

«Ответом» на это давление и стало появление нескольких имен у князя, из которых одно (публичное) давалось по родовым соображениям с весьма приблизительной оглядкой на месяцеслов, а другое (непубличное) — по строгим календарным расчетам. При этом феномен многоименности нисколько не противоречил, как мы знаем, традиции имянаречения у Рюриковичей. Во-первых, как уже говорилось, он поддерживался старым, еще домонгольским обычаем, когда князья зачастую носили помимо христианского имени одно, а то и два исконных, родовых имени. Во-вторых, присутствие у князя нескольких небесных покровителей также вполне соответствовало древней традиции. Не чужд ей был и некоторый эзотеризм, «затененность» одного из именований князя.

Поскольку календарное имя для московских великих князей является дополнительным, факультативным, то степень его актуализации в определенной мере становится делом личного выбора[102]. Тем не менее из судьбы князя

что описываемая процедура имянаречения в данном случае относится к человеку, не принадлежащему к правящему роду. Как говорилось уже неоднократно, принципы, по которым давались христианские имена князьям, зачастую заметно отличались от способов выбора имени в некняжеской среде.

102 Когда после долгой бездетности у Василия-Гавриила во втором браке наконец родился сын, будущий царь Иван Грозный, в Кирилло-Белозерском монастыре, куда великий князь ездил молиться о даровании ему наследника, были заложены две церкви [Никольский 1897. С. 105]. Одна из них — Усекновения Главы Иоанна Предтечи — была непосредственно связана с праздником, по которому было дано династическое имя новорожденному. Строительство же второй — Гавриилоархангельской — имело отношение, с одной стороны, к непубличному имени самого князя, тогда как с другой, по-видимому, было, так сказать, сюжетно связано с вестью о разрешении от бесплодия. Для нас, однако, в первую очередь существенно, что в церковном строительстве событие запечатлевалось как бы на двух уровнях — династическом и более интимном, так сказать, семейном.

в XIV — XVI вв., по-видимому, никогда не исчезает имя того святого, который приходился на день его рождения (или на восьмой день и т.п.). Можно сказать, что дополнительные христианские имена были связаны не с официальной, а с личной, более интимной жизнью их носителя. Очень выразительна, например, композиция панагии, принадлежащей митрополиту Макарию, крестному отцу царевича Ивана, сына Грозного (ср. табл. № 4 к настоящей главе). На лицевой, обращенной наружу стороне был изображен Иоанн Лествичник, святой тезоименитый царевичу по его официальному, династическому имени, тогда как на оборотной, обращенной внутрь стороне — свв. Марк Арефусийский и Кирилл диакон, те святые покровители, которые связаны с его днем рождения[103].

---

103 Ср. [Постникова-Лосева 1976. С. 231]. Сюжеты с патрональными иконами вообще могут продемонстрировать, какое место занимал культ «непубличных» святых в обиходе обширного рода Рюриковичей. Так, сын Василия Темного, Борис Волоцкий, по-видимому, подарил своей невесте к свадьбе в 1471 г. икону великомученицы Варвары (подробнее об этом см. [Николаева 1970. С. 382–384]). При этом его будущая жена — дочь князя Михаила Холмского — звалась *Ульяной* [Карамзин. Т. VI. Примеч. 629] (см. табл. № 4 к настоящей главе). Имя *Ульяна*, судя по всему, считалось в эту эпоху вполне подходящим для женщины знатного рода, тогда как *Варвара*, как кажется, к числу таковых не принадлежало, хотя сама св. Варвара была одной из весьма почитаемых на Руси святых, ее мощи были принесены, возможно, еще в XII в. в Михайловский монастырь в Киеве [Макарий. Кн. II. С. 238; Голубинский. Т. I. 2-я половина тома. С. 418]. Празднование памяти одной из свв. Иулианий (мученицы Илиопольской) совпадало с днем памяти св. Варвары (4 декабря). На иконах эти святые иногда изображались вместе, так, сохранилась соответствующая псковская икона XIV в. [Николаева 1970. С. 382. Примеч. 63]. На 21 декабря приходилась память еще одной Иулиании (мученицы Никомидийский), на 1 ноября — Иулиании (мученицы Киликийской), на 4 марта и на 17 августа — мученика Павла и сестры его Иулиании, на 20 марта — Иулиания, мученица амисская, а на 22 июня — Галактиона и Иулиании. Можно было бы допустить, что дочь князя Михаила Холмского появилась на свет непосредственно 4 декабря, в день празднования свв. Варвары и Иулиании. Ее официальным именем стало *Ульяна*, при этом св. Варвара также была ее небесной покровительницей, о чем, естественно, был осведомлен жених этой княжны. Если интерпретация Т.В. Николаевой верна, и князь действительно заказал икону св. Варвары к свадьбе, то это еще раз подчеркивает семейный характер почитания «дополнительных» патрональных святых.

С другой стороны, если верно наше допущение о том, что жена Бориса Васильевича, мать его сыновей Федора и Ивана, родилась 4 декабря, то на этом примере мы можем наблюдать, что именно происходило, когда дата появления ребенка на свет совпадала с днем празднования памяти его официального небесного патрона.

Правда, во Вкладной книге Иосифо-Волоколамского монастыря мы обнаруживаем, что одним из дней монастырских кормлений по Ульяне Михайловне, было 4 марта, день памяти мученицы Иулиании, сестры Павла (см. [Синодик Иосифо-Во-

Так или иначе, второе имя, по-видимому, могло играть роль своеобразного индикатора личной, нединастической судьбы правителя. Выразительной иллюстрацией этому может служить история с именованием Семена Гордого, который родился, как мы помним, на св. Созонта, жил и правил под именем *Симеон*, но перед смертью постригся в монахи под именем *Созонта* и как *Созонт* написал свою духовную грамоту[104]. Не исключено, что такого рода «интимные» имена, хорошо известные в семье князя, могли использоваться в тех случаях, когда употребление его официального имени по каким-то причинам оказывалось не вполне уместным[105].

Итак, мы видим, что с тех пор, как двуименность становится христианской, календарные имена остаются скорее элементом собственной церковной жизни князя. Имя, вычисленное по дате рождения (независимо от того, становилось или не становилось ли оно крестильным), играло заметную, но второстепенную роль в жизни правителя. Дело в том, что такое имя, определенное не зависящими от воли рода и семьи обстоятельствами, зачастую не годилось для княжича, так как не повторяло имен предков-правителей, не не-

---

локоламского монастыря. С 157. Л. 68]), т. е. другой из святых-тезок. Впрочем, если исходить из того, что у нарекавших княжну было стремление дать ей вторую небесную покровительницу, вполне естественно предположить, что в качестве таковой все же мыслилась именно св. Варвара, «парная» одной из Иулианий святая. С другой стороны, если считать более или менее общераспространенной практику принятия пострига княгинями-вдовами, обращает на себя внимание тот факт, что для Ульянии Михайловны мы не знаем особого иноческого имени. Не исключена возможность, что принимая постриг (?), она сохранила имя, сменив небесную покровительницу.

О сходной ситуации с изображениями патрональных святых на свадебных иконах в XIII в. см. подробнее Экскурс № 6, с. 384–385.

104 См. гл. IV, примеч. 103 и с. 203–204 в настоящей главе.

105 В этом отношении очень интересна гипотеза А.А. Турилова о происхождении и «отчестве» Михаила Клопского (см. [Турилов, в печати]; выражаем свою признательность автору за возможность ознакомиться с рукописью его статьи). Исследователь предполагает, что князь Константин Дмитриевич, неожиданно узнавший своего племянника в молодом иноке, именует его «Максимов сын» потому, что этот юноша был незаконным сыном его брата Андрея Дмитриевича, князя можайского и белозерского. Андрей Дмитриевич появился на свет 14 августа 1382 г. Следовательно, его непубличным святым патроном мог стать св. Максим Исповедник, чья память в месяцесловах приходится на 13, а иногда и на 14 августа. Согласно же показаниям синодика Троицкого Слуцкого монастыря, князь Андрей получил имя *Максим* не просто в качестве неофициального, но и в качестве крестильного имени. Династическое имя *Андрей* в полном соответствии с традицией было дано в честь Андрея Стратилата, чья память отмечалась несколькими днями позже, 19 августа. Если предположить вслед за А.А. Туриловым, что Михаил Клопский был рожден Андреем-Максимом вне брака, то куда более уместным могло быть его именование по непубличному, так сказать, семейному имени отца.

сло в себе идеи единства и преемственности власти. Своеобразной реакцией родовой традиции на «экспансию» календарного принципа имянаречения в очередной раз стала двуименность (или многоименность) князей. Что же послужило «промежуточным звеном» для этой новой традиции христианской двуименности, относительно хорошо зафиксированной на протяжении XIV — XVI вв.? Когда эта традиция складывается?

Ранние признаки становления христианской двуименности

Не исключено, что традиция христианской многоименности зарождается достаточно рано, к концу XII в. Разумеется, для этого времени мы не располагаем столь наглядной картиной двуименности, каковая прослеживается для позднего периода правления династии Рюриковичей. О зарождении христианской двуименности, строящейся по принципу 'родовое христианское имя — календарное имя', мы можем судить лишь по косвенным признакам.

Во-первых, к 80-м годам XII в. в летописном тексте все чаще с упоминанием даты соседствует упоминание имен тех святых, чьи праздники приходятся на эти дни [106]. Церковные праздники упоминались, конечно, в связи с теми или иными событиями и раньше, хотя следует заметить, что эти упоминания достаточно спорадичны, как правило, оторваны от даты, а иногда ее собой заменяют. Зачастую в летописном тексте, повествующем о конце XI — начале XII в., упоминание церковных праздников являются внутренним элементом сюжета, а не частью извне заданной хронологической сетки [107]. Кроме того, как правило, в таких описаниях речь идет о центральных и

---

106 В XVI в. календарная дата и празднование памяти святого, приходящееся на этот день, связаны необычайно тесно, становятся практически тождественными понятиями. Так, при строительстве церкви Покрова, «что на рву», часть ее приделов была посвящена всем тем святым, чья память выпадала на дни особо значимых побед при осаде Казани. Два придела имеют отношение к дате 30 августа: юго-восточный посвящен Александру Свирскому, святому, умершему в 1533 г., а северо-восточный трем патриархам цареградским — Александру, Иоанну и Павлу. Празднование памяти этих святых приходилось на день (30 августа), когда русские войска одержали победу над Епанчей. Еще один придел — северо-западный — был посвящен епископу Григорию, просветителю Армении, чья память приходилась на 30 сентября, в тот день, когда была взорвана Арская башня в Казани и одержана победа на Арском поле. Наконец, с датой 2 октября, днем окончательного падения Казани, связан придел, посвященный мученикам Киприану и Устине, чья память приходилась на этот день [Ильин 1972. С. 290–293; Ильин 1980. С. 67]. Кроме того, св. Устина могла быть небесной покровительницей царицы Анастасии, первой жены Грозного, день рождения которой приходился, по-видимому, на 2 октября [Кормовая книга. С. 90; Клосс 1998. С. 80].

107 Порой, например, описывается празднование именин кого-либо из главных действующих лиц, при этом описание несет на себе явную сюжетообразующую функцию. Так, при описании предательского и неожиданного нападения Олега Святосла-

хорошо известных праздниках. Точные же даты приводятся чаще всего без указания святого, чья память празднуется именно в этот день.

вича на Мстислава-Федора Великого в 1096 г. в летописи подчеркивается, что это произошло в Федорову субботу, в начале Великого Поста, когда Мстислав-Федор сидел на обеде. Говоря это, летописец стремился подчеркнуть особое коварство Олега, напавшего на Мстислава, своего крестника, когда тот праздновал день своего святого и, поверив крестному отцу, не выставил охрану [ПСРЛ. Т. I. Стб. 239]. Упоминание о праздновании именин Святополка-Михаила появляется в связи с заговором, готовившимся против Василька Ростиславича, и нежеланием последнего дождаться праздничной трапезы [ПСРЛ. Т. I. Стб. 258].

Ср. также подобную сюжетообразующую роль фрагмента с упоминанием дня св. Федора в истории о спасении от врагов Андрея Боголюбского: «...и помолиса к Бу҃ и вына мечь свои призва на помочь собѣ ста^г^ мч҃нка Феѡдора и по вѣрѣ ѥго избави и Бъ҃ без вреда и ст҃ыи мч҃нкъ Феѡдоръ бы^с^ бо и пама^т^ ста^г^ [м^ч^ка] Феѡдора во тъ дн҃ь» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 325]. Особенно часто сюжетообразующей функцией наделяется упоминание празднования свв. Бориса и Глеба. Здесь уместно вспомнить рассказ о неудачном походе Святополка-Михаила на половцев, где летописец пространно объясняет, что «сѣтованьє» в праздник Бориса и Глеба — это не Божья милость к половцам, а кара и напоминание христианам [ПСРЛ. Т. I. Стб. 222 под 1093 г.]. Не менее показателен рассказ Владимира Мономаха о заступничестве св. Бориса от половцев в день памяти этого святого. Никакого числа Мономах при этом не указывает: «...и внидохо^м^ на ст҃го Бориса дн҃ь ис Чернигова и ѣхахо^м^ сквозѣ полкы Половьчскиѣ не въ р҃ дружинѣ и с дѣтми и с женами и ѡблизахутса на на^с^ акы волци стоуще и ѿ перевоза из горъ Бъ҃ и ст҃ыи Борисъ не да имъ мене в користь» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 249].

Любопытно, что в двух последних примерах речь идет о событиях, происходивших, по-видимому, с интервалом в один год и непосредственно между собой связанных. При этом летописец, говоря о празднике, называет имена обоих братьев-мучеников, в то время как Мономах упоминает лишь св. Бориса. Строго говоря, 24 июля и было по преимуществу днем св. Бориса, так как в этот день именно он принял мученическую кончину. Не исключено, что Владимир Мономах проводит здесь своего рода тонкую дифференциацию, отделяя празднование 24 июля от менее распространенного празднования памяти св. Глеба, погибшего 5 сентября. Однако нам представляется более вероятным, что Мономах попросту обозначает праздник по имени того из святых братьев, которого он рассматривал как покровителя своей собственной ветви рода. Вспомним, что князь дает одному из своих младших сыновей именно крестильное имя св. Бориса — *Роман*, и именно останки св. Бориса Владимир Всеволодич сопровождает при перенесении мощей в 1115 г. (см. [Абрамович 1916. С. 65]; ср. [Алешковский 1972. С. 117–118]). Можно допустить, что Глеб мог рассматриваться как покровитель потомков Святослава Ярославича, к которым и принадлежал Олег Святославич, вытеснивший Мономаха из Чернигова. Разумеется, нельзя и преувеличивать подобное «противопоставление» святых братьев — оба они оставались патронами всего рода Рюриковичей в целом.

Лишь в XII в. упоминания имени святого рядом с датой приобретают последовательный, регулярный, так сказать, формульный характер[108]. Если мы обратимся к древнейшим русским летописям, то увидим, что подобного рода «формульность» невозможно счесть делом рук отдельного летописца или переписчика. Обозначение времени того или иного события, содержащее в себе сочетание 'дата юлианского календаря + указание имени святого, чья память праздновалась в этот день' (ср. «...мѣсяця генъвря в 1 день, на святого Василья...»[109]), сколько-нибудь регулярно появляется во всех летописных текстах не ранее 30-х гг. XII в.

Наиболее раннее отражение этого процесса мы видим в Новгородской первой летописи, но и здесь последовательность такой датировки вплоть до второй половины XII в. весьма относительна. С 1130 до 1138 г. святочные и юлианские обозначения даты достаточно регулярно встречаются вместе. Позднее же, вплоть до 1158 г., эта формульность летописных датировок в Новгородской первой летописи утрачивается[110]. Если при упоминании события указывается какое-либо святочное обозначение времени, то оно фигурирует без юлианского числа и при этом речь идет о больших праздниках (Госпожин день, Рождество, Крещение), чье название не содержит в себе имени определенного святого. Таким образом, Новгородская первая летопись как бы возвращается к предшествующей традиции датировки событий.

Лишь с 1158 г. формула 'дата юлианского календаря + святочное обозначение' утверждается в Синодальном списке Новгородской первой летописи достаточно прочно. В это же время в новгородской летописи и появляется понятие 'кануна' как средства обозначения времени (например, канун Воздвиженья, канун Петра и Павла)[111]. В Комиссионном списке в некоторых случаях возможна утрата святочного обозначения и сохранение лишь юлианской датировки. Т.В. Гимон и А.А. Гиппиус объясняют это тем, что, «приближаясь к концу своей работы, первый писец младшего извода начинал интенсивно сокращать свой оригинал»[112].

Весьма существенно, что в Лаврентьевской летописи события могут сколько-нибудь часто датироваться с помощью сочетания 'юлианская да-

---

108 В этом отношении очень показательны, например, описания двух солнечных затмений, содержащиеся в Лаврентьевской летописи. Под 1091 г. читаем: «В се же лѣто [бысть] знаменье в слн҃ци ꙗко погыбнути ѥму мало сѧ ѥго ѡста акы м҃ць бы҃ в ча҃ в҃ дн҃е м҃ца маиꙗ к҃а дн҃ь» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 214]. Под 1186 г.: «м҃цѧ маꙗ въ а҃ дн҃ь на памѧт ста҃г пр҃рка Ієремиꙗ В сере҃д на в҃черни Бы знаменьє въ сл҃нци и морочно бы҃ велми ꙗко и звѣзды видѣти чл҃вкмъ въ ѡчью ꙗко зелено бѧше и въ сл҃нци ѹчинисѧ ꙗко м҃ць из рогъ ѥго ꙗко ѹгль жаровъ исхожашє страшно бѣ видѣти чл҃вкомъ знаменьє Бж҃ьє» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 396].

109 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 22 под 1130 г.].

110 Ср. [Иванова 2002. С. 18–19].

111 См. [Иванова 2002. С. 19].

112 См. [Гимон, Гиппиус 1999. С. 42–45].

та + святочное обозначение' также приблизительно с 1158 г. (ср. «м^с^ца априла въ и҃ в дн҃ь ст҃аго ап^с^ла Родиѡна во вторни^к^...»[113]). Характер регулярной, последовательно применяемой формулы такой способ датировки приобретает в этом летописном своде лишь с середины 70-х гг. XII в. В Ипатьевской летописи подобная датировка появляется еще позднее и начинает регулярно употребляться лишь в 80-е гг. XII в., и тогда не становясь единственно возможным способом указания на время того или иного события. Иными словами, именно к последним десятилетиям XII в. имена святых начинают прочно увязываться в русском летописании с точной датировкой большинства значительных событий.

В тот же самый период на примере имянаречения сыновей князя Всеволода Большое Гнездо мы видим более или менее последовательно проводимое стремление князя называть детей в соответствии с церковным календарем[114]. Как мы помним, значительная часть его сыновей получает имя по тому дню, в который они родились; при этом могли допускаться отступления на один день вперед или назад. Возможно, это было связано с некоторой неопределенностью границы дня, границы суток.

С другой стороны, в поздней традиции канун больших праздников мог тесно связываться с именем того святого, чья память отмечалась на следующий день. В частности, в фольклорной традиции этот предшествующий день мог объявляться даже «отцом» или «матерью» этого святого[115]. Как мы помним, понятие кануна играло немаловажную роль при имянаречении Рюриковичей в XIV — XVI вв. Таким образом, две отмеченные тенденции (датировка событий с указанием имени святого и наречение княжичей с ориентацией на дату их рождения) могут свидетельствовать о том, что с конца XII в. церковный календарь постепенно принимает на себя в династическом обиходе ту роль, которую он будет играть в XV — XVI вв.

При этом весьма существенно отметить, что к концу XII в. у Рюриковичей уже сложился круг христианских имен, пригодных для князя. Если имя, выпадавшее новорожденному по календарю, не входило в этот круг, ему чаще всего подбиралось другое, по-видимому, ближайшее в календаре имя, соответствовавшее родовой традиции имянаречения. Запись же о его рождении могла содержать как имя того святого, на память которого он родился, так и того святого, по которому ему дано было родовое христианское имя. Ср., например:

«Родиса оу блг҃овѣрьнаго и х^с^олюбиваго кназа Всеволода сн҃ъ м^с^ца февра^л^ въ и҃ дн҃ь на пама^т^ ст^г^а прр҃к^а^ Захарьи и нарекоша и въ ст҃ѣмь крщ҃ньи Ѳеѡдоръ»[116].

---

113 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 348 под 1158 г.].

114 См. гл. IV, с. 143–161.

115 См. [Толстая 2002. С. 23–26].

116 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 408].

«...м^с^ца дека^б^ въ з҃ дн҃ь на пама^т^ ст^г^а ѡц҃а Амвросьꙗ еп^с^па Родиса сн҃ъ блгоч^с^тивому и х^с^олюбивому кнѧзю Костантину и нарекоша имѧ ѥму въ ст҃ѣмь кр҃щньи Василии» [117].

«...м^с^ца иоуна въ и҃і дн҃ь на пама^т^ ст^г^а м^ч^ка Леѡнтиꙗ и дружины ѥго Родиса Костантину сн҃ъ Всеволодъ а въ ст҃ѣмь кр҃щньи нарекоша ѥму имѧ Іѡа^н^» [118].

Иными словами, свидетельства о рождении княжича нередко приобретают тот вид, который характерен для подобных записей в XIV — XV вв., когда они содержат пару 'родовое христианское имя — календарное имя'.

Нельзя ли предположить, что за этим сходством формы скрывается и некоторое подобие содержания? Возможно, уже в XII в. между князем и тем святым, в день которого он родился, устанавливается какая-то связь, даже если его официальное имя не совпадает с именем этого святого [119]. Разумеется, судить о характере и степени близости этой связи весьма затруднительно. Насколько мы можем заключить по источникам, крестильными именами княжичей становились именно их родовые христианские имена, те самые, которые, как правило, повторялись из поколения в поколение. По крайней мере мы знаем довольно много примеров у домонгольских Рюриковичей, когда о таких именах (*Федор*, *Георгий*, *Михаил* и т.п.) говорится, что они были даны в святом крещении, и не знаем ни одного прямого указания источников на то, что князь, обладая таким родовым христианским именем, в крещении был наречен как-то иначе.

---

117 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 434–435].

118 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 435]. Последнему примеру в известном смысле соответствует запись в Кормовой книге Кирилло-Белозерского монастыря, которая относится к человеку, жившему на три с половиной столетия позже, в XVI в. Там упоминается о заупокойном корме «по князе Иване Дмитриевиче Бѣльском, имя ему Леонтий» [Кормовая книга. С. 78]. Весьма вероятно, что этот князь, как и Всеволод-Иоанн Константинович, родился на св. Леонтия и назван по шестому дню на празднование Рождества Иоанна Предтечи (24 июня). При этом в тексте XVI в. напрямую говорится, что *Леонтий* — это имя князя Ивана Бельского. Очевидно, имя *Леонтий* не было дано ему при постриге, потому что имена, данные при постриге, в тексте Кормовой книги последовательно обозначаются как имена иноческие («во иноцѣхъ...»).

В целом христианская многоименность в этом памятнике далеко не исчерпывается парами 'христианское имя в миру — христианское имя в иночестве'. Любопытно, что пара 'нехристианское имя — христианское имя' вводится в текст точно таким же образом, как и именная пара из двух христианских имен: ср. «...по дьяке Путиле Михайловиче Митрофанове, имя ему Семен», «...по Старкове сыне Завьяле, имя ему Кондратий», «...по Жуке Каргопольце, имя ему Кирилл» [Кормовая книга. С. 68, 80, 84].

119 Как кажется, о возможности такого рода почитания по крайней мере двух святых патронов и об определенной «симметрии» ситуации христианской двуименности в XV и первой половине XIII в. могут свидетельствовать не только летописные тексты. См. об этом подробнее Экскурс № 6.

Как известно, у князя могло быть несколько святых патронов, но для того чтобы считать имя кого-либо из них личным именем самого князя нужны веские и определенные доказательства[120]. Коль скоро речь идет об обсуждавшихся выше примерах XIV — XVI вв., такие доказательства во многих случаях существуют — есть письменные памятники, где князь назван своим дополнительным именем или несколькими (публичным и непубличными) именами одновременно.

Что же касается рубежа XII — XIII вв., то здесь мы не располагаем возможностями для четкого разграничения имен небесных патронов князей и предполагаемых непубличных имен самих Рюриковичей[121]. Для этой эпохи оказывается возможным говорить лишь о зарождении системы христианской многоименности.

Итак, с вытеснением из княжеского обихода исконных, языческих по происхождению, имен сам принцип многоименности не утрачивается, но существенно видоизменяется. С определенного времени все имена Рюриковичей становятся христианскими, тогда как система выбора имени наследует

---

120 Иногда день рождения княжича обозначается в летописи по женскому имени. Ср., например: «...м^с^ца марта въ к҃з дн҃ь на пам^т^ ст҃оє мч҃нци Матроны Родисѧ оу блг҃овѣрнаго и х^с^олюбиваго великаго кнѧзѧ Всеволода Юргевича сн҃ъ и нар^ч^енъ бы^с^ въ ст҃омь крщ҃нии Гаврило» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 412 под 1196 г.]. Разумеется, едва ли Святослав-Гавриил напрямую именовался *Матроной*. Скорее, можно предположить, что св. Матрона Солунская рассматривалась как небесная покровительница князя.

121 Отдельной проблемой, требующей особого рассмотрения, является двуименность князей (Рюриковичей и не-Рюриковичей) в Юго-Западной Руси XIII — первой половины XV в. Специфические условия межконфессионального пограничья вводят совершенно новые параметры в исследуемую систему двуименности. Что касается XIII столетия, то бесспорных доказательств христианской двуименности у потомков Романа Мстиславича нет. В издании А.И. Тургенева фигурирует папская грамота Иннокентия IV, обращенная к королю Руси Иоанну [АИ. Т. I. № 65], что заставляло исследователей приписывать имя *Иоанн* в качестве второго христианского то Даниилу Романовичу Галицкому [Большакова 1976. С. 123. Примеч. 3], то его младшему брату Василько [Голубинский. Т. II. 1-я половина тома. С. 83. Примеч. 2]. Однако адресат этого послания не выяснен, а само имя *Иоанн* присутствует, по-видимому, лишь в некоторой предварительной версии текста. В оригинале этого имени нет (см. [Грушевський. Т. II. С. 70. Примеч. 1]).

Из летописи известно, правда, что Даниил Галицкий возводит в основанном им Холме церковь Иоанна Златоуста, однако, как мы хорошо знаем из других примеров, церковное строительство далеко не обязательно должно быть связано с личным патрональным святым князя-заказчика, тем более что одновременно он возводит там же и церковь Козьмы и Дамиана. В том, что св. Иоанн чтился в семье Романовичей, сомневаться не приходится: в частности, это имя получил в крещении сын Василько и племянник Даниила, Владимир-Иоанн Василькович.

многое из древней традиции. Появление дополнительного христианского имени у князя могло быть вызвано разными причинами. С распространением на Руси обычая пострижения правителя перед смертью князьям регулярно даются новые христианские имена, а в памяти его потомков сохраняется как то христианское имя, которое он носил в миру, так и то имя, которое он принял при постриге. Христианская многоименность в различной форме связывала князя с его родом. Святые, покровительствовавшие его ближайшим предкам, становились и его заступниками, связывались и с его именем.

С другой стороны, принцип многоименности вовлекал правителя как в родовой цикл повторяющихся имен, так и в цикл, непосредственно связанный с христианским календарем. Как мы пытались продемонстрировать выше, обычай использовать имена святых, связанных с днем рождения князя, был распространен в XIV — XVI вв., но зародился, по-видимому, существенно ранее. Сама возможность именования в разных регистрах идеально соответствовала древней практике княжеского имянаречения. Подкрепление этой модели находилось и в обычае принимать новое христианское имя при постриге.

Во всей истории Рюриковичей прослеживается отчетливая закономерность: у князя должно быть «публичное» имя и «непубличное» имя. Поначалу «публичными» являются исконные языческие имена, а «непубличными» — христианские. Как только же христианские имена превращаются в основные, так сказать, официальные имена, становятся достоянием рода, формируется как бы второй пласт христианского именования, так или иначе связанный с датой рождения и личной судьбой князя, набор дополнительных, «непубличных» христианских имен.

В XIII в., как уже говорилось в предыдущей главе, традиция имянаречения претерпевает своеобразный период перестройки, когда появляются некоторые новые пути выбора имен, причем часть из них используется и в дальнейшем, а часть оказывается «тупиковыми». Не исключено, например, что отдельные князья получали в ту пору крестильные имена, которые не были традиционны для рода, но выпадали по календарю, и эти имена становились их вполне официальными, публичными именованиями. С другой стороны, формировалась и та тенденция, о которой речь шла выше: в связи с датой рождения княжича упоминалось одно имя, а на протяжении всей жизни он фигурировал под другим, привычным для династии, христианским именем. Эта тенденция и привела со временем к системе христианской княжеской двуименности.

ТАБЛИЦА № 1

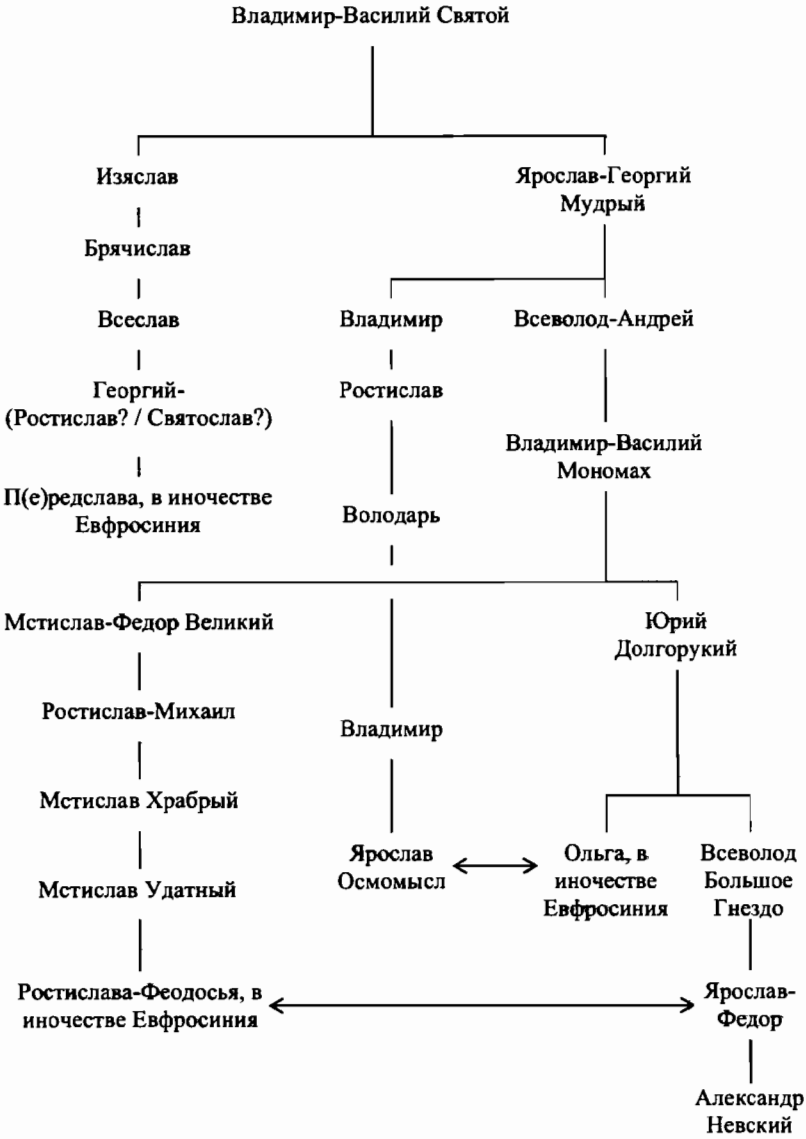

Владимир-Василий Святой
Изяслав
Ярослав-Георгий Мудрый
Брячислав
Всеслав
Владимир
Всеволод-Андрей
Георгий- (Ростислав? / Святослав?)
Ростислав
Владимир-Василий Мономах
П(е)редслава, в иночестве Евфросиния
Володарь
Мстислав-Федор Великий
Юрий Долгорукий
Ростислав-Михаил
Владимир
Мстислав Храбрый
Ярослав Осмомысл
Ольга, в иночестве Евфросиния
Всеволод Большое Гнездо
Мстислав Удатный
Ростислава-Феодосья, в иночестве Евфросиния
Ярослав-Федор
Александр Невский

ТАБЛИЦА № 3

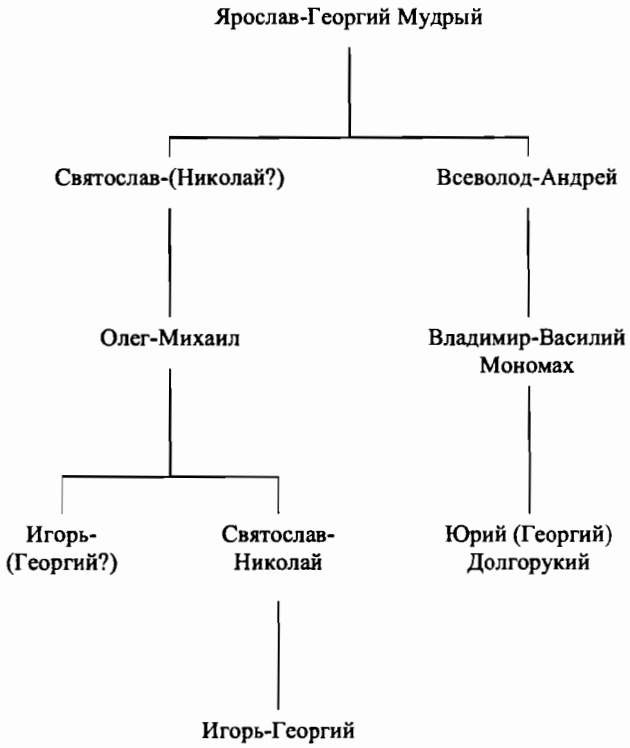

Ярослав-Георгий Мудрый
Святослав-(Николай?)
Всеволод-Андрей
Олег-Михаил
Владимир-Василий Мономах
Игорь-(Георгий?)
Святослав-Николай
Юрий (Георгий) Долгорукий
Игорь-Георгий

ТАБЛИЦА № 2

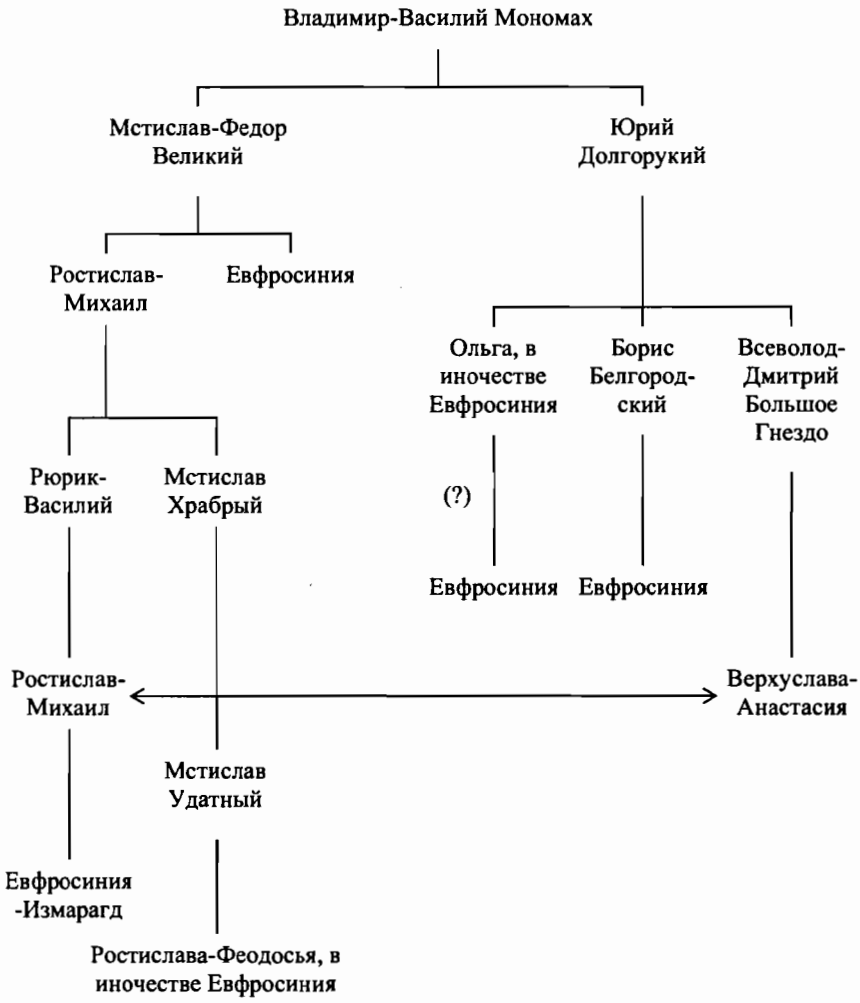
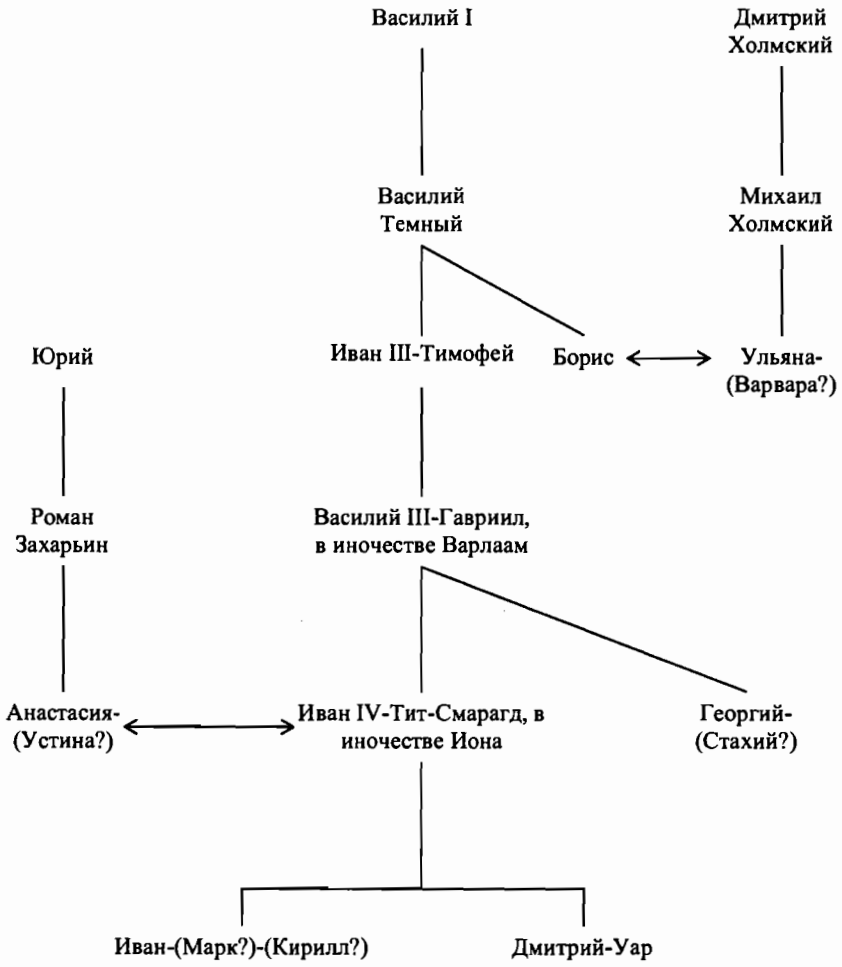

Владимир-Василий Мономах
Мстислав-Федор Великий
Юрий Долгорукий
Ростислав-Михаил
Евфросиния
Ольга, в иночестве Евфросиния
Борис Белгород-ский
Всеволод-Дмитрий Большое Гнездо
Рюрик-Василий
Мстислав Храбрый
(?)
Евфросиния
Евфросиния
Ростислав-Михаил
Верхуслава-Анастасия
Мстислав Удатный
Евфросиния -Измарагд
Ростислава-Феодосья, в иночестве Евфросиния

ТАБЛИЦА № 4


Василий I
Дмитрий Холмский
Василий Темный
Михаил Холмский
Юрий
Иван III-Тимофей
Борис
Ульяна-(Варвара?)
Роман Захарьин
Василий III-Гавриил, в иночестве Варлаам
Анастасия-(Устина?)
Иван IV-Тит-Смарагд, в иночестве Иона
Георгий-(Стахий?)
Иван-(Марк?)-(Кирилл?)
Дмитрий-Уар

Глава VI

Тезки и их патрональные святые в семье Рюриковичей

Одной из важнейших причин возникновения христианской многоименности является обязательность для князя родового имени. Принцип наречения родовым именем был характерен для Рюриковичей на всем протяжении их существования как русской правящей династии. Член княжеского рода должен был получить подобающее имя, чтобы занять свое место в системе родовых и династических отношений, причем это имя повторяло имя кого-либо из его предков.

Как мы помним, в домонгольский период, когда родовые имена князей были связаны с миром язычества, существовал строгий запрет на повтор имени прямых предков, если ко времени появления княжича на свет те были еще живы. С другой стороны, с точки зрения интересов династии символическое уподобление новорожденного наследника живущему и правящему отцу или деду было бы чрезвычайно выгодным и эффективным. Однако столь буквальное отождествление одного из сыновей или внуков с правителем оправданно лишь при стремлении к жесткой централизации и строго вертикальному принципу престолонаследия. Такое стремление могло возникать у князя, выбирающего имя для своего потомка, на разных этапах истории рода, однако нужны были совершенно определенные условия, чтобы он мог столь наглядно демонстрировать подобные намерения в акте имянаречения.

Пока существовали древние родовые ограничения, как в том, что касалось преемственности власти, так и в том, что относилось к родовым ценностям, связь между именованием живого отца и сына могла устанавливаться лишь косвенными путями. Распространение христианских имен оказало, как мы помним, немалое влияние на систему имянаречения в целом. Запрет на повтор имен живущих предков явно претерпевает существенные изменения — действительно, уже в конце XII в. отец может выбирать для сына свое собственное крестильное имя. Более того, с XIII в. встречаются и отдельные случаи совпадения нехристианских, мирских имен живого деда и внука, а впоследствии живого отца и сына.

Одинаковые имена у отца и сына

На первый взгляд может показаться, что архаический запрет со временем совершенно исчезает из жизни династии. По крайней мере, имена «поздних» Рюриковичей, правивших в XV — XVI вв., невольно провоцируют подобный

вывод. В самом деле, Иван Калита называет одного из своих сыновей *Иоанном*, а Семен Гордый — *Симеоном*, Василий Темный был сыном Василия Дмитриевича, Иван Молодой — старшим сыном Ивана III, имя *Иоанн* носил и один из сыновей Ивана Грозного (см. табл. № 1 к настоящей главе). Появляется даже формула «отеческое, отчее имя», призванная подчеркнуть совпадение имен отца и сына[1]. Тем не менее старая родовая традиция, воплотившаяся в христианских именах, видоизменяясь, отнюдь не утрачивает своей силы. Многочисленные *Василии* и *Иоанны* из рода Рюриковичей зачастую одновременно являются и не являются тезками. Каков же был этот механизм расподобления тезок?

В домонгольской Руси наречение князя, к примеру, *Всеволодом* или *Святославом* уподобляло его не только кому-то из ближайших предков, носивших это княжеское имя, но и всему ряду прежде живших *Всеволодов* и *Святославов* из рода Рюриковичей. Если речь шла об умерших предках, то существенным оказывалось не различение, а объединение всех князей, обладавших одним и тем же именем.

В известном смысле так же дело обстояло и с христианскими святыми. Князь, получивший в крещении имя *Андрей*, чтил, по-видимому, и апостола Андрея, и Андрея Стратилата, и Андрея Критского и всех прочих своих небесных тезок. Определенного рода синкретизм в отношении своей «небесной генеалогии» соответствовал тому синкретизму культа одноименных предков, который имел место в генеалогии земной.

К последней трети XII в. постепенно складывается традиция, прочно связывающая каждое событие и отсчет времени в целом с днями празднования памяти определенных святых[2]. К московскому же периоду истории княжеского рода вся жизнь князя, от первого до последнего дня, соотносилась с памятью того или иного святого. Каждый день был днем церковного праздника, и всякому событию могло быть приписано определенное символическое значение в зависимости от того, «на чью память» оно выпадало. С другой стороны, заметные вехи в истории рода надолго, если не навсегда, могли окрашивать в определенные тона тот или иной день месяцеслова, праздник и имя того или иного святого.

Эта сложная система, где соответствия, выбранные людьми, сочетались с соответствиями, предопределенными свыше, требовала, разумеется, тонкого разграничения святых тезок. Условно говоря, тенденцию к синтезу, характерную для домонгольской Руси, со временем сменяет тенденция к анализу.

Круг родовых христианских имен Рюриковичей был, как уже говорилось, весьма ограничен, отчасти он был унаследован еще из домонгольской

---

1 Ср., например, свидетельство летописи о рождении сына у Ивана Грозного: «Егда же приспѣ время, и родися има богодарованныи сынъ и нареченъ бысть очимъ именемъ царевичь Иванъ» [ПСРЛ. Т. XIX. С. 485].

2 См. подробнее гл. V, с. 210–211.

поры. При этом, с одной стороны, далеко не каждое имя годилось для князя, и, с другой стороны, не каждый святой, носивший «княжеское» имя, мог сделаться официальным патроном Рюриковича. Характерно, однако, что свв. Иоаннов, например, «годившихся» в качестве официальных святых покровителей для князя, традиция признавала несколько. Точно так же обстояло дело и со свв. Василиями или свв. Симеонами. Иными словами, носитель имени *Иоанн* мог быть крещен как в честь Иоанна Предтечи, так и в честь Иоанна Златоуста или в честь Иоанна Лествичника. Существенно, что официальный патрон князя был широко известен — церковное строительство, иконописание, дни монастырских кормлений и многие другие атрибуты почитания связывались с памятью именно этого святого[3].

Сказанное имеет самое непосредственное отношение к запрету на повтор имени живого предка в родовой традиции. Выбирающий имя для княжича получал в ситуации разграничения святых тезок большие дополнительные возможности. Действительно, ребенок мог быть назван тем же именем, что носил его правящий отец или дед. Тем самым устанавливалась его прямая преемственность по отношению к предку, в данный момент обладающему властью. При этом обходился и запрет на тождество имен живого предка и потомка. В самом деле, если сын князя, нареченного в честь Василия Кесарийского, был назван, скажем, в честь св. Василия Парийского, это отличало его от отца, хотя их имена и совпадали.

В практике имянаречения подобное распределение патрональных святых соблюдалось весьма последовательно: сын, нареченный при жизни отца его именем, в качестве небесного покровителя обязательно получал другого святого, нежели его отец. Начнем с рассмотрения самой поздней по времени именной пары такого рода, с имен Ивана IV и его сына царевича Ивана (см. табл. № 2 к настоящей главе).

Хорошо известно, что официальным покровителем царевича Ивана Ивановича был св. Иоанн Лествичник. Напомним, в частности, что именно он был изображен на лицевой стороне панагии, принадлежащей его крестному отцу[4]. После гибели Ивана Ивановича Грозный отдает распоряжение о строительстве придела Иоанна Лествичника в Архангельском соборе, фамильной усыпальнице последних поколений царствующих Рюриковичей[5]. Память Иоанна Лествичника могла быть соотнесена по календарю с датой

---

3 Подчеркнем, что тенденция к особому выделению того святого, в честь которого непосредственно был наречен тот или иной Рюрикович, не отменяла ни в коей мере возможности общего почитания князем целого ряда других святых и, в частности, всех тех, кто были его тезками.

4 См. гл. V, с. 206.

5 Ср. также свидетельство Никоновской летописи об освящении церкви Иоанна Лествичника в 1557 г., на котором присутствовали Иван Грозный, царица Анастасия и сам Иван Иванович [ПСРЛ. Т. XIII. С. 276]. Подробнее о строительстве церквей, посвященных главному патрональному святому царевича, см. [Мельник 1999. С. 42 и след.].

рождения царевича — 28 или 29 марта[6], так как приходилась на 30 марта. Впрочем, дело здесь обстоит не так просто, поскольку 30 марта праздновалась память не только Лествичника, но, согласно некоторым месяцесловам, и память Иоанна Иерусалимского, а также Иоанна Безмолвника[7]. Таким образом, у нарекающих именем был целый ряд возможностей при выборе патронального святого. Однако не вызывает никаких сомнений, что официальным покровителем царевича стал именно Иоанн Лествичник.

В предыдущих главах уже отмечалось, что у Ивана Грозного было несколько «неофициальных» небесных патронов, чья память была связана с датой его рождения[8]. При этом имя его официального святого патрона может быть названо совершенно определенно — это Иоанн Предтеча. Наречение Ивана Васильевича соотносилось с праздником Усекновения Главы Иоанна Крестителя[9]. Этот праздник приходился на 29 августа, а сын Василия III, будущий царь Иван Грозный, родился 25 августа, на день апостола Тита и Варфоломея.

Можно было бы допустить, что отцу и сыну достались разные патрональные святые исключительно в результате календарных расчетов. К дате рождения одного из них было ближе празднование памяти Иоанна Лествичника, а к дате рождения другого — Иоанна Предтечи. Казалось бы, несовпадение их святых покровителей можно было бы считать делом случая. Однако данному выводу противоречит ряд обстоятельств, и в первую очередь строгая регулярность подобных «несовпадений».

Родной дед Ивана Грозного, Иван III, также дал свое родовое имя собственному сыну, Ивану Ивановичу Молодому (см. табл. № 2 к настоящей главе). По случаю его рождения Иван III возвел каменную церковь Иоанна Предтечи «на Бору», так что мы можем с достаточной степенью определенности утверждать, что именно Иоанн Предтеча был патрональным святым новорожденного княжича. Официальным же покровителем самого Ивана III был, как известно, Иоанн Златоуст. Любопытно, что, закладывая в 1479 г. каменную церковь Златоуста в Москве, Иван III устраивает в нем придел апостола Тимофея, своего «непубличного» святого, на день памяти которого великий князь появился на свет:

«...понеже бо имя его наречено бысть, егда бываетъ праздникъ възвращениа честныхъ мощей Иоанна Златаустаго <...> А въ застѣнкѣ тоа церкви повелѣ церковь другую учинити, Тимоѳѣа Апостола, въ той бо день родился»[10].

Дата рождения Ивана III хорошо известна: он родился 22 января 1440 г., а 27 января церковь празднует Перенесение мощей Иоанна Златоуста. В свою очередь, Иван Иванович Молодой родился 15 февраля 1457/58 г.:

---

6 См. [ПСРЛ. Т. XIII. С. 239; Зимин 1950. С. 19; Карамзин. Т. VIII. С. 50. Примеч. 391].

7 См. [Сергий. Т. II. С. 91].

8 См. гл. V, с. 200–201.

9 О строительстве при Василии III и Иване Грозном церквей, посвященных Иоанну Предтече, см. подробнее: [Мельник 1999. С. 39–41].

10 См. [ПСРЛ. Т. XII. С. 192]; ср. [Мельник 1999. С. 38].

«Тое же зимы, Ѳевраля въ 15 день, въ среду на Ѳеодоровѣ недѣлѣ, егда начаша часы пѣти, родился великому князю Ивану сынъ и нареченъ бысть Иванъ»[11].

Показательно, что княжич родился на Федоровой неделе, первой неделе Великого Поста, когда в субботу церковь праздновала явление св. Федора Тирона цареградскому епископу Евдоксию. В год рождения царевича суббота приходилась на 18 февраля. Более того, на 17 февраля выпадал и неподвижный праздник св. Федора Тирона.

Иными словами, по двум возможным системам отсчета одно из празднований Федора Тирона приходилось на третий день после рождения княжича. В любом случае эти праздники находились в непосредственной близости ко дню появления ребенка на свет. *Федор* же издавна было родовым христианским именем Рюриковичей, причем Федор Тирон — святой воин — был одним из популярнейших патрональных святых. Однако Иван III счел более уместным обозначить родовые права своего старшего сына, дав ему свое собственное имя. При этом патрональный святой княжича, Иоанн Креститель, не совпадал с патрональным святым его отца-тезки (ср. табл. № 2 к настоящей главе). Как известно, с именем Иоанна Крестителя связано несколько больших церковных праздников. Один из них, Обретение Главы Иоанна Предтечи, приходится на 24 февраля. Таким образом, при выборе официального имени для Ивана Молодого на календарь ориентировались лишь до некоторой степени: княжич получил имя не ближайшего из почитаемых князьями святых, а того, который лучше подходил по династическим соображениям[12].

Когда Иван Молодой родился, то он, будучи старшим сыном, мыслился как главный наследник своего отца. Однако этим планам не суждено было сбыться: он умер в 1490 г., т. е. еще при жизни отца. После него остался сын, знаменитый Дмитрий Иванович Внук, который при жизни деда венчался на великое княжение и при жизни же деда лишился своего статуса наследника. Преемником Ивана III стал его второй сын Василий, будущий отец Ивана Грозного (подчеркнем еще раз, что Иван Молодой приходился Грозному родным дядей).

Для нас весьма существенно, что Василий Иванович, сделавшись великим князем, называет своего старшего сына *Иоанном*, т. е. тем же именем, которое носили дед и родной дядя ребенка. По-видимому, такой выбор имени отсылает к обоим умершим родичам. Дед ребенка (Иван III) был одним из самых могущественных московских великих князей. Получив его имя, новорожденный становился его тезкой по имени и отчеству, так как и дед, и внук именовались Иванами Васильевичами. С другой стороны, новорожденный,

---

11 См. [ПСРЛ. Т. XII. С. 112].

12 О том, что у Ивана III, возможно, был еще один сын по имени *Иоанн*, также появившийся на свет в феврале и находившийся под патронатом Иоанна Предтечи, см. подробнее Экскурс № 8.

как и его умерший дядя, был старшим сыном, и оба они мыслились как наиболее естественные и легитимные преемники своих отцов. Соотнесение с дядей, таким образом, также было полезно для княжича. О том, что это соотнесение действительно имело место, говорит тот факт, что дядя и племянник не только стали тезками по родовому имени, но и имели одного и того же официального небесного патрона — Иоанна Крестителя, хотя их дни рождения связывались с разными календарными праздниками в честь этого святого[13]. Совпадение святого покровителя живого и умершего Рюриковича, по всей видимости, не только не было под запретом, но и сознательно поддерживалось и культивировалось[14].

Вернемся, однако, к ситуации, когда родовые имена отца и сына совпадают. Такого рода примеры встречаются, как известно, и в XIV в., хотя этот материал более труден для исследования, так как данных о княжеских патрональных святых того времени сохранилось существенно меньше. При этом мы можем с достаточной степенью уверенности утверждать, что святым патроном Ивана Даниловича Калиты, например, был Иоанн Предтеча. Во всяком случае, именно Предтеча всегда изображается на печатях в качестве небесного покровителя князя[15]. Как известно, одного из сыновей Калиты звали *Иваном Ивановичем.* В честь какого же святого он получил свое родовое христианское имя?

Судя по летописным данным, этот князь родился 30 марта 1326 г.:

«...родися великому князю Ивану сынъ Иоан марта въ 30 на паметь Иоана Лѣствичника»[16].

В этот день праздновалась память Иоанна Лествичника, Иоанна Иерусалимского и Иоанна Безмолвника. Известно, что в 1329 г., через три года после рождения этого сына, Калита возвел в московском Кремле церковь в честь Иоанна Лествичника[17]. Что же касается печатей Ивана Ивановича

---

13 Можно предположить, что династический конфликт вокруг наследника старшего брата, Дмитрия Внука, наложил определенный отпечаток на начало царствования Василия III. Не исключено, что Грозный не только был хорошо осведомлен об этом конфликте, но и знал, что его собственное родовое имя призвано передать ему те права, которыми располагал некогда его покойный дядя, Иван Молодой. Во всяком случае, старшего сына Грозный называет так же, как в свое время был назван старший сын его дяди, — *Дмитрий*, воспроизводя тем самым целую родовую антропонимическую последовательность.

14 Подробнее об этом см. ниже.

15 См. [Янин 1970. Т. II. С. 25–26, 28, 164–165].

16 См. [ПСРЛ. Т. XXV. С. 167]

17 См. [ПСРЛ. Т. VII. С. 202; Т. X. С. 201; Т. XV: Рогожский летописец. С. 45; Т. XVIII. С. 91; Т. XX. Ч. 1. С. 178; Т. XXV. С. 169; Приселков 1950. С. 359]. Строительство этого храма, посвященного Иоанну Лествичнику, наводило некоторых исследователей на мысль, что именно этот святой был патроном самого Ивана Калиты.

Красного, то изображения на них читаются с трудом, с иконографической точки зрения содержат определенные противоречия и не могут быть с абсолютной надежностью соотнесены ни с кем из свв. Иоаннов.

В.Л. Янин предполагал, что резчик этих печатей, новгородец, мог быть не осведомлен о том, кто из Иоаннов был небесным покровителем князя, и потому избирал некоторый промежуточный, обобщенный образ святого[18]. Такая интерпретация представляется нам вполне вероятной. Трудно сказать, насколько подобный синкретизм в почитании святых был допустим к XIV в. для самих князей Рюриковичей. С нашей точки зрения, в эту эпоху уже имело место разграничение святых тезок, которое и делало возможным, как уже говорилось, совпадение родовых христианских имен отца и сына. Однако отголоски подобного «синтеза» были вполне возможны. Тем более возможны были они в Новгороде, до некоторой степени дистанцированном в то время от тонкостей династической стратегии Рюриковичей, в большей мере ориентированном на старые традиции.

В то же время, если говорить о святом покровителе Ивана Ивановича Красного, то, вероятнее всего, им был именно Иоанн Лествичник, тем более что двое других Иоаннов, чья память связана с датой 30 марта, были достаточно «экзотическими» для русской церкви, их имена фиксировались в весьма ограниченном числе месяцесловов. Иоанн Лествичник был единственным из этих святых Иоаннов, чья память явным образом почиталась на Руси. О.В. Лосева склонна усматривать изображения Лествичника и в значительной части варьирующихся образов на печатях Ивана Ивановича Красного[19].

Таким образом, и у этих князей, отца и сына, при совпадающих родовых именах, скорее всего, были различные патрональные святые. При этом, как видно из приведенных выше примеров, «закономерность несовпадения» распространяется только на живых предков. Если у княжича совпадает и имя, и святой покровитель с предком умершим, то это нисколько не противоречит родовой традиции, а, напротив, в высшей степени соответствует ей. По-видимому, такие совпадения вполне могли быть частью родовой антропонимической стратегии. В частности, могли обыгрываться полные совпадения имен, отчеств и патрональных святых.

Так, с одной стороны, мы можем указать нескольких Рюриковичей, живших в разное время, чьим святым покровителем был Иоанн Креститель, и нескольких Рюриковичей, чьим официальным небесным патроном был Иоанн Лествичник (см. табл. № 2 к настоящей главе). С другой стороны, что еще более любопытно, в роду неоднократно возникает ситуация, когда княжич именуется Иваном Ивановичем, причем его собственным патроном является

Однако такое утверждение было актуально лишь до публикации булл Ивана Даниловича [Орешников 1903. Табл. I, 1]. Практика же возведения храмов в честь святых патронов княжеских детей была, по-видимому, распространена у Рюриковичей с XI в.

18 См. [Янин 1970. Т. II. С. 29].

19 См. [Лосева 2001а. С. 130–131].

Иоанн Лествичник, а патроном его отца — Иоанн Креститель. Иван Иванович, сын Грозного, оказывается, таким образом, антропонимическим подобием Ивана Ивановича Красного по имени, отчеству и официальным небесным покровителям. Единственным отличием с точки зрения имянаречения могут быть лишь их непубличные христианские имена, связанные с датой рождения. При этом мы ничего не знаем о неофициальном имени Ивана Ивановича Красного, и если, как следует из летописных данных, дата его появления на свет строго совпадала с празднованием памяти Иоанна Лествичника, такого второго покровителя у него могло и не быть[20].

Сложное, «многоступенчатое» уподобление потомка умершему предку издавна встречается в роду Рюриковичей. Осуществлялось оно с помощью различных приемов. Игра на совпадении патрональных святых могла стать еще одним способом такого уподобления. Разумеется, сказанное касается не только христианского родового имени *Иоанн*.

В этом отношении весьма показательна история имени *Даниил* у Рюриковичей московского дома в XIV в. (см. табл. № 3 к настоящей главе). На печати Даниила Московского, сына Александра Невского, был изображен Даниил Столпник[21]. При жизни этот князь возвел монастырь в честь своего святого[22]. Не исключено, правда, что князь Даниил Александрович, приняв схиму, сменил своего небесного покровителя, однако не вызывает сомнения, что в мирской жизни его официальным княжеским патроном был именно Даниил Столпник.

Приблизительно через 16 лет после смерти Даниила Московского, в 1319/20 г., появился на свет его внук, сын Ивана Калиты, названный в честь деда *Даниилом*. Согласно Симеоновской летописи, Даниил Иванович родился 11 декабря, т. е. непосредственно на память Даниила Столпника[23]. В таком случае его святым покровителем становится патрональный святой его родного деда Даниил Столпник, чья память отмечается именно 11 декабря. В большинстве летописей, впрочем, точная дата рождения этого княжича отсутствует.

Замечательно, что в следующем поколении потомков Даниила Московского появляется еще один *Даниил*, который был сыном Семена Гордого и, следовательно, приходился Даниилу Александровичу правнуком. Весьма любопытно, кто из свв. Даниилов мог быть избран в качестве святого патро-

---

20 Ср., однако, данные о возможном использовании имен святых, чья память празднуется в тот же день, что и память кого-либо из знаменитых небесных покровителей Рюриковичей (см. Экскурс № 6).

21 См. [Янин, Гайдуков 1998. С. 67, 166]; ср. [Янин 1970. Т. II. С. 12–13; Кучкин 1995. С. 93].

22 См. [ПСРЛ. Т. VII. С. 202; Т. X. С. 204; Т. XXI. Ч. 1. С. 298; Т. XV: Рогожский летописец. С. 46].

23 См. [ПСРЛ. Т. XVIII. С. 89]; ср. [Карамзин. Т. IV. Примеч. 280; Приселков 1950. С. 356 под 1319 г.].

на этого княжича. Дата его рождения — 15 декабря 1347 г.[24] — приходится между Даниилом Столпником (11 декабря) и пророком Даниилом (17 декабря).

Как правило, даже при самой нежесткой ориентации на месяцеслов в качестве святого патрона для мальчика княжеского рода выбирались те святые, чья память праздновалась после его появления на свет. Впрочем, отступления от этого правила в принципе были возможны, и нельзя полностью исключить, что Даниила Семеновича нарекли именно в честь Даниила Столпника, который был покровителем его знаменитого прадеда и дяди, умершего в детском возрасте[25]. Иными словами, соображения родовой преемственности могли в явной форме возобладать над ориентацией на месяцеслов. Необходимо учитывать, однако, что пророк Даниил также почитался князьями московского дома. К сожалению, мы не располагаем данными, позволяющими более определенно установить небесного патрона Даниила Семеновича.

Характер повтора христианских родовых имен в XIV в. вызывает вопрос о том, когда именно возникает возможность воспроизведения имени живого предка в имени потомка и необходимость различения их патрональных святых. Выше нам уже приходилось говорить о самых ранних этапах развития подобного принципа выбора имени. Необходимо, на наш взгляд, еще раз подчеркнуть следующие особенности этого раннего этапа.

В ту эпоху, когда князья носили два имени — языческое по происхождению родовое и христианское, — существовал строгий запрет на повтор родового, мирского имени живого предка и не было запрета на повтор его крестильного, христианского имени. При этом святые патроны предка и потомка могли совпадать. Так, нами уже неоднократно упоминался сын Всеволода Большое Гнездо, у которого было христианское имя и отчество *Дмитрий Дмитриевич* (ср. табл. № 3 к настоящей главе). Его покровителем был Дмитрий Солунский, и тот же самый святой был небесным патроном его отца. По-видимому, Дмитрий Солунский был единственным святым с этим именем, явным образом почитавшимся в династии Рюриковичей.

Однако у этого княжича, родившегося в конце XII в., было мирское имя *Владимир*, отнюдь не совпадавшее с именем его отца. Оно было дано ему в честь прадеда — Владимира Мономаха[26]. Иными словами, княжич никоим образом не становился полным антропонимических подобием своего живого отца, несмотря на то, что у них совпадали крестильные имена и патрональные святые. Характерно, что позднее, когда система нехристианских имен стремительно вытесняется из обихода Рюриковичей, мы уже не встречаем среди князей ни одного *Дмитрия Дмитриевича*, хотя имя *Дмитрий* было

---

24 См. [ПСРЛ. Т. VII. С. 214].

25 Б.М. Клосс предполагает, что Даниил Семенович был наречен в честь Даниила Столпника, никак не упоминая того обстоятельства, что на третий день после рождения княжича приходилась память пророка Даниила [Клосс 1998. С. 25].

26 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 674–675 под 1192 г.].

чрезвычайно популярно в династии, встречалось почти в каждом поколении и могло даваться родным братьям в одной и той же семье.

В XIII в., как уже упоминалось, мы обнаруживаем многочисленные черты перестройки системы двуименности. В частности, появляются князья, у которых нехристианское имя совпадает с именем живого отца (например, Ярослав Ярославич, ср. табл. № 3 к настоящей главе). С другой стороны, в источниках упоминаются и князья, у которых нам неизвестно никакого другого имени, кроме христианского, и при этом такое христианское имя также совпадает с отцовским именем (например, Василий Васильевич, сын Василия Ярославского, ср. табл. № 3 к настоящей главе). Имя *Василий* к тому времени, по-видимому, уже было прочно утвердившимся родовым христианским именем, иными словами, оно совмещало в себе функции родового и крестильного. Однако в том, что касается XIII в., наши сведения о князьях — тезках своих отцов — настолько фрагментарны, что, как правило, мы ничего не можем сказать об их патрональных святых. Тем более трудно говорить о системе выбора патронального святого в связи с династической стратегией имянаречения.

Для XIV в., как можно предположить исходя из рассмотренного выше материала, относящегося к именам *Иоанн* и *Даниил*, такая система уже явно существовала и строилась на совпадении или расподоблении патрональных святых двух тезок, принадлежащих к разным поколениям, в зависимости от того, был ли жив старший из них. При этом необходимо помнить, что и в XIV в. двуименность князей еще не стала полностью христианской. В рассматриваемый период еще встречаются Рюриковичи, носившие старое мирское имя в сочетании с крестильным христианским (такие, например, как Ярослав-Афанасий, сын Владимира Андреевича Серпуховского)[27]. Кроме того, невозможно утверждать, что полностью утратилось синкретическое почитание святых тезок, хотя на первый план действительно выходит их различение.

С точки зрения этого синкретического подхода к культу святых в XIV в. весьма интересно имянаречение сыновей Ивана Калиты (см. табл. №№ 1, 2 и 4 к настоящей главе). Об одном из них, Иване Ивановиче Красном, уже шла речь выше. Упоминалось, в частности, что на его печатях могли появляться разные иконографические типы тезоименитых святых, хотя в качестве главного небесного патрона этого Рюриковича фигурировал Иоанн Лествичник. Не менее любопытно и наречение старшего брата Ивана Красного — Семена Ивановича Гордого, а также его младшего сына Семена Семеновича, приходившегося Ивану Красному племянником, а Калите, соответственно, внуком.

---

27 Весьма вероятно, что конец XIV столетия был для Рюриковичей одним из тех периодов, когда они проявляли особое внимание к своей отдаленной династической истории. Не исключено, что выбор имени для сына одного из главных действующих лиц Куликовской битвы отчасти определялся тем, что будучи наречен *Ярославом*, младенец становился тезкой по имени и отчеству Ярослава Мудрого. Весьма существенно при этом, что отец княжича был крещен в честь Владимира Святого, отца Ярослава. Подробнее об этом см. ниже.

О Семене Семеновиче в летописи сказано, что он родился 3 февраля 1352 г. В этот день праздновалась память Симеона Богоприимца:

«Въ лѣто 6861 мѣсяца фев[раля] въ 3, на память святаго отца Сїмеона Богопрїемца и Анны пророчици, князю великому Семену Иванович[ю] родися сынъ Семенъ»[28].

Естественно предположить, что коль скоро княжич был назван *Симеоном* и родился 3 февраля, то его святым покровителем стал именно Симеон Богоприимец. Кто же в таком случае был официальным небесным патроном его отца, Семена Ивановича Гордого?

Как мы помним, Семен Гордый родился 7 сентября 1317 г., на память мученика Созонта, причем имя *Созонт*, по-видимому, так или иначе сопровождает князя всю его жизнь[29]. Что же касается его родового христианского имени, то с наибольшей вероятностью оно могло быть дано ему по св. Симеону Столпнику (1 сентября) или по св. Симеону Иерусалимскому (13 и 18 сентября). Существенным аргументом в определении святого патрона князя может служить текст, помещенный в конце заказанного князем Евангелия и Апостола. На свободном обороте листа там помещено паремийное чтение преподобному Симеону Столпнику. По наблюдению О.В. Лосевой, «при реставрации этой книги во второй половине XIV в. все повреждения пергамена и утраты текста были тщательнейшим образом восполнены, кроме оборота последнего листа (значительная часть службы Симеону Столпнику оказалась заклеенной пергаменом при реставрации <...>), т. е. тексты, посвященные св. Симеону, после смерти Семена Гордого в 1353 г. стали уже неактуальны»[30].

Таким образом, можно предположить, что главным патрональным святым Семена Гордого был Симеон Столпник. Хотя при наречении мальчиков, как уже не раз отмечалось, довольно редко двигались по месяцеслову назад, по каким-то неизвестным нам родовым соображениям Симеон Столпник мог оказаться предпочтительнее других свв. Симеонов[31].

В то же время, исходя из сфрагистических данных, как будто бы можно утверждать, что на печатях Семена Гордого, так же как и на печатях его брата Ивана Ивановича Красного, наблюдается варьирующееся, с трудно читаемой атрибутикой изображение патронального святого. Прочтение имени святого на двух типах княжеской печати не вызывает затруднений. Трудности возникают при прочтении второй части надписи на печатях, из которой можно было бы понять, о каком именно св. Симеоне идет речь. При этом, если

---

28 См. [ПСРЛ. Т. XV: Рогожский летописец. С. 61–62; Т. VII. С. 217; Т. X. С. 225].

29 См. гл. V, с. 203–204, примеч. 104, с. 207.

30 См. [Лосева 2001а. С. 128].

31 Не исключено, что здесь сыграла роль иконографическое, а отчасти и житийное сближение свв. Столпников — Даниила и Симеона. Первый из них, как мы помним, был патрональным святого родного деда князя Семена, Даниила Александровича Московского. См. табл. № 4 к настоящей главе.

изображение на печати, прикрепленной к духовной грамоте князя, с довольно высокой степенью достоверности определяется как изображение Симеона Столпника, то с печатями второго типа такой определенности нет. В.Л. Янин предполагает, что речь может идти об изображении Симеона Богоприимца, так как исследователь исходит именно из такой расшифровки части надписи на печати. По утверждению же О.В. Лосевой, мы и здесь имеем дело с образом все того же Симеона Столпника[32]. Так или иначе, иконография этого изображения является относительно обобщенной и не может быть со всей определенностью соотнесена с другими известными нам изображениями св. Симеонов.

Является ли смешение образов святых-тезок на печатях результатом недостаточной осведомленности резчика, как это предположил В.Л. Янин относительно новгородских печатей Ивана Красного? Не играет ли свою роль здесь также недостаток данных о сфрагистической иконографии той поры у современных исследователей? Или объединение атрибутики различных святых носило сколько-нибудь сознательный характер и свидетельствовало об их неразличении, о совокупном почитании всех святых, носивших одно и то же имя?

Как было сказано выше, в XIV в. стратегия имянаречения уже строилась, по-видимому, на дистрибуции, различении святых тезок. Подобная дистрибуция могла сочетаться с элементами синкретизма в почитании святых. Строго говоря, такой синкретизм, по-видимому, никогда не исчезает из повседневного церковного обихода знатных родов. Однако подчеркнем еще раз весьма существенное для нас обстоятельство. В процедуре выбора имени не позднее XIV в. особую важность приобретает различение небесных покровителей. Иными словами, родовая традиция нашла новое средство для различения потомка и его живого предка — поскольку языческих родовых имен у них за редким исключением уже не было, а родовые христианские имена могли совпадать, то различие проводится по тем святым, в честь которых предок и потомок названы.

Показательна в этом отношении судьба христианского имени крестителя Руси Владимира-Василия Святого в роду Рюриковичей. Как уже не раз упоминалось в предыдущих главах, имя *Василий* (зачастую в форме *Василько*) в домонгольский период одним из самых первых начинает употребляться без мирского имени, становится единственным именем князя, совмещающим в себе функции крестильного и родового. Сочетание *Василий Васильевич* фигурирует уже в XIII в. — так звали, например, одного из Рюриковичей, княживших в Ярославле (см. табл. № 3 к настоящей главе), — но мы ничего не можем сказать наверняка ни о наличии параллельных мирских имен у этого ярославского князя и его отца, ни об их патрональных святых. Сходным образом обстоит дело с кашинским князем Василием Васильевичем, жившим в XIV в., с Василием Васильевичем, княжившим в Боровске в XV в. (прихо-

32 См. [Янин 1970. Т. II. С. 26, 29; Лосева 2001а].

дившимся внуком Ярославу-Афанасию Владимировичу), и еще с несколькими Рюриковичами, которые носили это имя и отчество.

Несколько иначе дело обстоит с Василием Васильевичем Темным, внуком Дмитрия Ивановича Донского (см. табл. № 2 к настоящей главе). Ситуация с изображениями патрональных святых на печатях здесь напоминает ту, что мы можем наблюдать вокруг новгородских печатей Ивана Ивановича Красного. Исследователи отмечают, что новгородские печати Василия Темного, на которых присутствует изображение святого, буквально воспроизводят печати его отца и, соответственно, копируют отцовского небесного покровителя. Эта группа печатей характеризуется грубостью работы и небрежностью в исполнении надписи[33].

На печатях Василия Дмитриевича, отца Василия Темного, изображается св. Василий Великий, архиепископ Кесарии, чья память празднуется 1 января. В летописях указывается, что Василий Дмитриевич родился 30 декабря[34] или 1 января[35] 1371 г. Василий Великий, таким образом, будучи одним из почитаемых на Руси святых, становился его небесным покровителем и «по календарным соображениям».

О появлении на свет Василия Васильевича Темного различные летописные источники дают разные сведения: по одним он родился 10 марта[36], по другим — 15 марта 1415 г.[37] Есть указания и на еще одно число, 21 марта[38]. Для нас подобный разнобой в датах весьма существенен, особенно значима для нас последняя из них. Вспомним, что разночтения в летописных свидетельствах относительно дня рождения отца Василия Темного устроены следующим образом: согласно одному из источников, сын Дмитрия Донского родился 30 декабря, т. е. за два дня до празднования памяти своего официального небесного покровителя, Василия Великого. Согласно же другому источнику, он появился на свет непосредственно в день памяти своего патронального святого. Само наличие таких расхождений заставляет предположить, что по крайней мере одна из дат не соответствует действительному дню рождения княжича, а является результатом исчислений летописца, осведомленного о том, кто был официальным патрональным святым князя. Естественно допустить, что такой искусственной датой было 1 января — день памяти Василия Великого (тот факт, что Василий Великий был патроном Василия Дмитриевича, как кажется, не вызывает сомнений).

Таким образом, пример с датировкой появления на свет Василия Дмитриевича позволяет говорить о том, что коль скоро перед нами есть некий разнобой в числах и известен патрональный святой князя, то более точной веро-

---

33 См. [Янин 1970. Т. II. С. 33].

34 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 19].

35 См. [ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 296].

36 См. [ПСРЛ. Т. XXV. С. 241; Т. VIII. С. 87; Т. XI. С. 225].

37 См. [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. С. 40–41; Т. XXIII. С. 144].

38 См. [ПСРЛ 1846. Т. I. С. 234].

ятнее окажется та из имеющихся в нашем распоряжении дат, которая не совпадает с праздником официального покровителя князя.

Что касается сына Василия Дмитриевича, с небесным покровителем которого дело обстоит далеко не так ясно, то и здесь у нас есть все основания полагать, что некоторые из дат вычислены с помощью месяцеслова летописцем, знавшим официального княжеского святого. В данном случае нас интересует не столько действительная дата рождения Василия Темного, сколько та искусственная дата, которую, возможно, вывел летописец. 21 марта, канун празднования памяти Василия, пресвитера Анкирского, скорее всего, и является такой исчисленной датой[39]. Если это допущение верно, то летописец знал, что патрональным святым князя был Василий Анкирский. Ни 10, ни 15 марта не связаны с каким бы то ни было св. Василием. Ближайшее празднование святому с таким именем приходится на 7 марта, когда отмечается память Василия, епископа Херсонского.

Итак, Василий Васильевич Темный, скорее всего, мог быть назван в честь Василия Анкирского, хотя из возможных «кандидатур» нельзя полностью исключить и Василия Херсонского. Над захоронением Василия Темного в Архангельском соборе изображена фигура в святительском одеянии, в которой Б.М. Клосс склонен усматривать изображение Василия Анкирского[40]. Само по себе, впрочем, это изображение не противоречит иконографии ни одного из возможных «кандидатов», так и Василий Анкирский, и Василий Херсонский, и Василий Великий были епископами и могли изображаться в подобном облачении.

---

39 Впрочем, нельзя полностью исключить и такую возможность, что Василий Темный и в самом деле родился в канун 21 марта, был назван в честь Василия Анкирского, и его официальный и, так сказать, интимный, «неофициальный» покровитель совпадали. Допустимой такую гипотезу делает следующее обстоятельство: в XV — XVI вв. в письменных источниках существует своеобразный жанр пророчеств о рождении будущего наследника, где они, как правило, фигурируют под своим «непубличным» именем (см. гл. V, примеч. 90, 98). Между тем в соответствующем пророчестве о предстоящем рождении Василия Темного речь идет только о том, что некий голос в видении велит дать новорожденному имя *Василий* [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. С. 40–41; Т. VIII. С. 87]. Очевидно, время возникновения рассказа о пророчествах не слишком далеко отстоит от описываемых событий, однако составитель летописи отнюдь не является их участником. Он довольно подробно описывает, каким образом до него дошла эта история: «Мнѣ же о семъ Стефанъ діакъ сказа, а о прежнемъ прореченіи старца Дементей печтаникъ, а сему сказа повѣда великаа княгини Маріа <жена Василия Темного. — *А.Л., Ф.У.*>» [ПСРЛ. Т. VIII. С. 87]. Таким образом, эта легенда может служить лишь косвенным свидетельством о патрональных святых князя, тем более что напрямую в ней о его покровителях не говорится. Сами даты его появления на свет в разных вариантах этой легенды отличаются.

40 См. [Клосс 1998. С. 26].

Во всех описанных выше случаях, говоря о патрональном святом князя или его сына, мы зачастую опирались на связь между календарными датами: днем появления на свет интересующего нас Рюриковича и днем памяти святого, ставшего его официальным небесным патроном. Действительно, ребенка чаще всего называли в честь святого, чья память недалеко отстояла от дня его рождения. Тем не менее различение святых покровителей у тезок, отца и сына (в тех случаях, когда оно надежно запечатлено в письменных и неписьменных памятниках), не обусловлено исключительно календарем. Дело не сводится к тому, что отец и сын рождаются в разное время и потому называются в честь разных святых. Как уже говорилось, такому выводу противоречат следующие обстоятельства.

Во-первых, чрезвычайно значимым является тот факт, что отец и сын становятся тезками, получают одно и то же имя по родовым соображениям. При этом по календарю сыну мог бы подходить целый ряд других, зачастую вполне употребительных в княжеском роду имен.

Во-вторых, несовпадение святых покровителей у таких тезок носит достаточно регулярный характер. При этом наречение сына в честь живого отца возможно лишь в тех случаях, когда в роду почитается несколько святых с таким именем. Вспомним в качестве иллюстрации, что в XIV — XVI вв. нет ни одного известного нам Рюриковича, именуемого *Дмитрием Дмитриевичем.* Хотя имя *Дмитрий* само по себе весьма любимо и популярно в династии, у Рюриковичей почитался, по-видимому, только один святой с этим именем, св. Дмитрий Солунский. Если бы сын получил имя *Дмитрий* при живом отце, уже носившем это имя, то их расподобление по святым покровителям было бы невозможно. Так же дело обстояло и с именем *Борис*, не столь популярным у князей московского дома, но все же достаточно регулярно встречающимся в династии. Мы не знаем ни одного князя, который бы именовался *Борисом Борисовичем*, поскольку в роду Рюриковичей чтился один единственный святой с таким именем.

Приведем еще один, не менее выразительный пример, демонстрирующий системный характер описанной выше закономерности «неполного тождества» при выборе имени для отца и сына (см. табл. № 5 к настоящей главе). Князь Владимир Андреевич Храбрый, внук Ивана Калиты, судя по летописным данным появляется на свет 15 июля 1353 г., т. е. непосредственно в день празднования памяти своего великого предка Владимира Святого[41]. Что весьма естественно, новорожденный был наречен *Владимиром*, и, соответственно, креститель Руси сделался его святым покровителем.

В 1394 г. у самого Владимира Андреевича родился сын[42]. Это произошло 9 июля, т. е. совсем незадолго до 15 июля, именин отца ребенка. Знамена-

---

41 См. [ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 286; Т. VI. Вып. 1. С. 431; Т. VII. С. 217; Т. X. С. 226; Т. XV: Рогожский летописец. С. 62–63; Т. XXIV. С. 121; Т. XXV. С. 179; Приселков 1950. С. 373].

42 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 64; Т. XI. С. 156].

тельным образом, сын получает того же самого небесного покровителя, что и его отец, однако имена у них не совпадают. Ребенка нарекают *Василием*, тем именем, которое Владимир Святой принял при крещении. К XIV в. креститель Руси был прославлен под обоими своими именами, имя *Владимир*, таким образом, успело стать христианским, а имя *Василий* — родовым именем русских князей[43].

Правило «нетождественности» именования отца и сына в этом случае соблюдено, хотя и нетривиальным способом: они названы в честь одного и того же святого, но поскольку тот обладал двумя именами, отцу досталось одно из них, а сыну другое. На наш взгляд, подобное имянаречение в семье серпуховских князей свидетельствует о пристальном внимании самих Рюриковичей к княжеской двуименности. Любопытно, в частности, что другой сын Владимира Андреевича, родной брат интересующего нас Василия Владимировича, носит — подобно ранним Рюриковичам — два имени: *Ярослав* и *Афанасий*[44] (см. табл. № 5 к настоящей главе). Это, бесспорно, один из поздних примеров той княжеской двуименности, когда одно из имен по происхождению было языческим, а другое христианским. Следует, впрочем, учитывать, что подобная двуименность ко второй половине XIV в. отнюдь не была полностью изжита. Так, незадолго до появления на свет Ярослава-Афанасия был, как известно, убит смоленский князь, именовавшийся *Святославом Ивановичем*, и это далеко не единственный пример использования в летописи языческого имени князя в эту эпоху.

По-видимому, на излете традиции христианско-языческой двуименности в практике имянаречения вполне мог использоваться тот факт, что русские святые из числа князей прославлялись под мирским и крестильным именем.

---

43 В домонгольской Руси прием распределения имен предка, звавшегося *Владимиром-Василием*, как мы помним, неоднократно использовался. Так, например, один из братьев мог получить имя *Владимир*, а другой *Василько* (см. гл. IV, примеч. 19 на с. 115). Таким образом, князю Владимиру Андреевичу было на что опереться при выборе имени для своего сына. Однако нельзя не обратить внимание на функциональное различие между такого рода ситуациями имянаречения в XI — XII вв. и в XIV в., при значительном их внешнем сходстве. В домонгольский период *Владимир* было родовым, нехристианским именем, а *Василий* — именем христианским, «на глазах» превращающимся в родовое. Если ребенка нарекали *Владимиром*, необходимо было дать ему еще одно, крестильное имя. К XIV в. эти имена, по-видимому, воспринимались как совершенно равноправные, христианские и родовые одновременно.

44 Крестильное имя *Афанасий* Ярослав получает, судя по показанию летописи, в честь того святого, память которого приходилась на день его рождения (18 января отмечается память Афанасия Александрийского) [ПСРЛ. Т. VIII. С. 52 под 1388 г.; ср. [ПСРЛ. Т. XXIV. С. 157]. При этом, как уже говорилось, *Афанасий* является родовым (хотя и не самым распространенным) христианским именем у Рюриковичей. См. гл. V и Экскурс № 10.

Как мы помним, еще в домонгольский период таким образом могла использоваться двуименность самых первых русских святых, Бориса-Романа и Глеба-Давида, — один из братьев-княжичей мог получить имя *Глеб*, а другой *Давид* (или *Борис* и *Роман*, соответственно)[45]. Позднее в традиции закрепились мирские имена святых братьев; что же касается их отца, Владимира-Василия Святого, то первоначально, по-видимому, использовалось, скорее, его крестильное имя *Василий*. Во всяком случае, еще в середине XIII в. имя *Владимир* рассматривалось как мирское, а не как крестильное имя князя[46].

Путь, пройденный княжеской традицией имянаречения с конца XII в. до второй половины XIV в., хорошо виден при сопоставлении двух примеров: наречение Владимира-Дмитрия, сына Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, и выбор имени для Василия Владимировича, сына Владимира Андреевича Храброго (см. табл. № 5 к настоящей главе). Как уже упоминалось в нашей работе, в конце XII в. отец и сын носят одинаковые христианские имена и у них один и тот же небесный патрон, Дмитрий Солунский, но при этом именование их нетождественно, так как их княжьи, мирские имена различаются. Сына зовут *Володимиром*, а отца *Всеволодом* (при этом одна из основ мирского имени сына воспроизводит одну из основ имени отца). В конце XIV в. отец и сын, уже не имеющие, по-видимому, языческих княжьих имен, получают одного и того же патронального святого, но именование их по-прежнему нетождественно, так как они наречены разными именами этого святого покровителя.

Таким образом, родовая стратегия выбора имени претерпевает значительные изменения. Привлекательная для династии возможность — отразить преемственность по отношению к своему правящему отцу в совпадении их официальных имен — широко используется в XIV — XVI вв., однако это совпадение, по-видимому, никогда не бывает полным, и, следовательно, соблюдается в той или иной форме древний родовой запрет на тождество имен потомка и живого предка.

---

45 В XII в. мы обнаруживаем пример, в целом типологически сходный с наречением Василия Владимировича. Сын Романа Ростиславича Смоленского получает в крещении имя *Борис*, тогда как княжеским его именем становится *Мстислав*. Таким образом, у отца и сына, по-видимому, оказывается один и тот же небесный покровитель — их родич св. Борис-Роман Владимирович, но при этом отец и сын носят различные крестильные имена. Отметим, впрочем, что при всей близости этой ситуации к тому, что мы видим в конце XIV в., полного тождества в имянаречении здесь все-таки нет. Достаточно сказать, что для отпрыска смоленского дома потребовалось второе (или первое) княжеское имя *Мстислав*, хотя в других случаях в эту эпоху имя *Борис* уже совмещало функции княжеского и крестильного.

46 См. [Макарий. Кн. II. С. 604 <комментарий 25*, принадлежащий А.В. Назаренко>].

Родные братья с одинаковыми именами

Одной из ярких примет имянаречения поздних Рюриковичей является совпадение в некоторых семьях имен родных братьев или сестер, живущих в одно и то же время. Как кажется, в домонгольский период истории династии такая ситуация была бы невозможной, во всяком случае, в том, что касается мирских, языческих по происхождению имен. В ту пору, как уже говорилось в предыдущих главах, родовое имя младшего брата или сестры могло совпадать с именами старших детей в семье только в том случае, если этих старших уже не было в живых к моменту рождения младших[47]. С того времени, как христианские имена укореняются в качестве родовых, мы знаем довольно много случаев, когда имена детей в одной княжеской семье совпадают.

Так, у уже упоминавшегося Владимира Андреевича Храброго было два сына по имени *Андрей*, у внука Владимира Андреевича, Василия Ярославича, от разных браков было два сына по имени *Иоанн* (см. табл. № 6 к настоящей главе), у Михаила Александровича Тверского было два сына *Александра* (см. табл. № 7 к настоящей главе), у Андрея Александровича Ростовского, судя по родословным, — два *Иоанна*, у Федора Андреевича Ростовского — тоже два *Иоанна* (см. табл. № 7 к настоящей главе). У Константина Васильевича известны два сына *Дмитрия* — Дмитрий Суздальский[48] и Дмитрий Ноготь (см. табл. № 8 к настоящей главе). У Ивана III, как известно, были дочери по имени *Елена*, у Юрия Звенигородского два сына *Дмитрия* (Шемяка и Красный), а у Василия Темного в семье было два сына *Юрия* и два сына *Андрея*. Наконец, *Дмитриями* звали двух сыновей Ивана Грозного (см. табл. № 8 настоящей главе). Как показывают все эти примеры, речь всюду идет о родовых, династических именах Рюриковичей, встречающихся не только у братьев и сестер-тезок.

Этот список, несомненно, мог бы быть продолжен, трудность же заключается в том, что мы не всегда можем точно установить, жили ли эти тезки одновременно. В некоторых случаях точно известно, что младший появился на свет после смерти старшего. Так, царевич Дмитрий, сын Грозного и Марии Нагой, появился на свет много лет спустя после смерти своего единокровного брата Дмитрия, сына Грозного и царицы Анастасии.

При этом мы можем утверждать, что у двух *Дмитриев*[49] был один и тот же небесный покровитель, Дмитрий Солунский (см. табл. № 9 настоящей главе). Это вполне соответствует родовым обычаям, когда живого называют в честь умершего и при этом стремятся не оставлять «вакантными» значимые для династии имена.

---

47 См. гл. I, с. 12, примеч. 5.

48 Это тот самый Дмитрий-Фома-Федор, о котором упоминается гл. V, с. 196–197, 199.

49 Об антропонимической ситуации в семье Ивана Грозного см. подробнее Экскурс № 7.

Более интересны случаи, когда заведомо известно, что младшему ребенку давали имя старшего брата при жизни последнего. Как уже упоминалось, два живших одновременно сына *Иоанна* было, по-видимому, у Василия Ярославича, сына Ярослава-Афанасия и внука Владимира Андреевича Храброго (см. табл. № 6 к настоящей главе). О датах их жизни известно сравнительно немного: старший умер ок. 1508 г., тогда как другой родился до 1456 г., а умер до 1483 г. Их отец, Василий Ярославич, был женат дважды: когда его заточили в Угличе, семья князя («князь Иванъ первыа жены и княгини его другаа») бежала в Литву. Скорее всего, старший и младший Иван родились от разных жен. Не исключено, что новый брак означал некоторую новую точку отсчета в семейном именослове, но сведения, которыми мы располагаем об этих двух князьях, столь немногочисленны, что мы едва ли можем сказать что-либо определенное об их месте в общеродовой системе именования и об их патрональных святых[50].

Весьма любопытна и при этом чрезвычайно запутанна ситуация с дочерьми-тезками в семье Ивана III. Мы не знаем, например, сколько дочерей по имени *Елена* (две или три) было у этого великого князя в браке с Софьей Палеолог. При этом сопоставление различных летописных данных позволяет допустить как то, что Иван III называет одну из младших своих дочерей в честь недавно умершей старшей, так и то, что в семье Ивана III одновременно было несколько сестер, носящих одинаковое имя. Если же дочерей по имени *Елена* у Ивана Великого было три, то возможной становится и еще более сложная картина, когда одна из девочек унаследовала имя покойной сестры, а другая стала тезкой сестры живой (см. табл. № 9 к настоящей главе).

Как бы то ни было, все эти сестры, появившиеся на свет весной, до 21 мая, должны были находиться под покровительством одной и той же святой, почитаемой в княжеском роду, — царицы Елены (21 мая). Не исключено, что дочерьми по имени *Елена* список тезок в семье Ивана III не ограничивается[51]. Отдельные летописные свидетельства позволяют допустить, что у Ивана III во втором браке был сын *Иоанн*, тезка сына от первого брака Ивана Ивановича Молодого. Впрочем, данные об этом княжиче, который, скорее всего, скончался в младенчестве весьма малочисленны и при этом противоречивы. Отметим лишь, что один из источников указывает, что его официальным небесным патроном был Иоанн Предтеча, т. е. тот же святой, который был покровителем Ивана Молодого.

Гораздо более очевидна ситуация с имянаречением двух братьев в семье Юрия Дмитриевича Звенигородского (ср. табл. №№ 8, 10 к настоящей главе). Юрий дважды дает имя деда, Дмитрия Донского, своим сыновьям, известным впоследствии как Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. Для нас особенно существенно, что судьба этих княжичей, один из которых сумел на

---

50 Ср. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 147] и [Baumgarten 1934. P. 33, 35. Tab. VI. №№ 13, 14].

51 Детям и внукам Ивана III, носившим одинаковые имена, посвящен специальный Экскурс № 8.

время добиться московского стола, хорошо известна, и не может быть никаких сомнений, что они жили и действовали одновременно. Дмитрий Шемяка не умер до рождения Дмитрия Красного, иными словами, младший из братьев, безусловно, становится тезкой старшего при жизни последнего. Можно допустить при этом, что официальным небесным патроном обоих братьев был Дмитрий Солунский (26 октября), так как других святых Дмитриев, официально чтимых княжеским домом, по всей видимости, не было.

Показательно, что племянник и соперник Юрия Звенигородского, князь Василий Васильевич Темный, подобно дяде, также, по-видимому, назвал одного из младших сыновей именем его старшего живого брата (см. табл. № 10 к настоящей главе). Речь идет об Андрее Васильевиче Большом (Угличском) и Андрее Васильевиче Меньшом (Вологодском). Как известно, 13 августа 1446 г. у Василия Темного родился сын Андрей[52]. Он был крещен, вероятнее всего, в честь Андрея Стратилата, чья память праздновалась 19 августа. 8 августа 1452 г. у Василия Темного родился сын, также названный *Андреем*[53]. Естественно предположить, что и он получил в качестве официального небесного патрона Андрея Стратилата. Скорее всего, календарь сыграл определенную роль в наречении княжичей. Коль скоро оба они родились незадолго до празднования весьма почитаемого в княжеском роду святого, чье имя носили многие из их предков Рюриковичей, оно было сочтено наиболее подходящим. То обстоятельство, что к моменту рождения Андрея Меньшого у него уже был родной брат с тем же именем и тем же (?) официальным небесным патроном, не стало препятствием для такого имянаречения. Помимо всего прочего, перед глазами у родителей был пример двоюродного деда детей, Юрия Звенигородского, давшего своим сыновьям одинаковые имена.

Однако чтобы оценить, в какой степени имянаречение детей определялось датой их рождения, следует рассмотреть этот случай в рамках общей картины выбора имени в семье Василия Темного (см. табл. № 10 к настоящей главе). Напомним, что у этого князя была не одна пара сыновей-тезок. Кроме того, у него были дети, чье появление на свет приходилось на одну и ту же календарную дату.

В летописях отмечается, что два сына этого князя родились с интервалом в год в один и тот же день одного и того же месяца, 22 января, на празднование памяти апостола Тимофея:

«...князь Юрій родися мѣсяца генваря 22, на Тимофѣевъ день; а дотолѣ за годъ на тотъ же день родися князь великій Иванъ Василіевичь»[54].

---

52 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 119. Т. XII. С. 71. Т. XX. Ч. 1. С. 260; Т. VI. Вып. 2. С. 117 (здесь 3 августа); Т. XXVIII. С. 108 (здесь 18 августа)].

53 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 144 под 1453 г.; Т. XII. С. 77 (здесь 1 августа); Т. XX. Ч. 1. С. 262; Т. XXVIII. С. 280].

54 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 111]; ср. [ПСРЛ. Т. XII. С. 39].

Подчеркнем, что Иван Васильевич и Юрий Васильевич приходятся друг другу родными братьями. Эти княжичи, родившиеся в один и тот же день, но в разные годы, получают, по-видимому, одного и того же неофициального покровителя, апостола Тимофея, но при этом им дают разные официальные имена (хотя именно в семье Василия Темного есть, как мы помним, случай наречения двух одновременно живущих братьев одним и тем же именем *Андрей*). Соответственно, у Ивана и Юрия не совпадают официальные патрональные святые. Иван нарекается в честь Иоанна Златоуста[55], и, кроме того, его имя является родовым, его, в частности, носил родной прадед княжича Иван Калита.

Что же касается младшего из братьев, родившегося на память апостола Тимофея, то он, судя по тому, как дело изложено в летописи, назван в честь недавно умершего родного брата Юрия (первенца Василия Темного):

«Того же лѣта преставися князь Юрьи болшей, а другой князь Юрій родися...»[56].

Имя *Юрий* (*Георгий*) было «архиродовым» для Рюриковичей. Так звали, в частности, родного брата Василия Темного, старшего из сыновей Василия Дмитриевича, скончавшегося в детском возрасте. Кроме того, оно играло особую роль в династической политике Василия Темного, ибо его носил и Юрий Дмитриевич Звенигородский, имевший по древней традиции бóльшие права на московский стол, чем Василий. Первенец Василия Темного появился на свет после смерти Юрия Дмитриевича, и для династической стратегии Василия стремление «перенять» властные права дяди было, по-видимому, более существенно, чем память о вражде с ним. Вообще, как уже говорилось, Василий Темный, по-видимому, пользуется несколькими «приемами» при выборе имени, сближающими его собственную семью с семьей дяди.

Когда же княжич Юрий Большой умирает (он прожил около трех лет), значимость имени *Юрий* для московского дома лишь возрастает. Теперь к идее преемственности династических прав присоединяется и желание уподобить младшего сына старшему, первенцу. Пример с наречением Юрия Младшего особенно явно демонстрирует преобладание династического начала над календарным. Дата рождения ребенка довольно далека от дней празднования памяти кого-либо из традиционно почитаемых на Руси свв. Георгиев. 8 января, правда, празднуется память Георгия Хозевита, однако, насколько мы можем судить по сохранившимся источникам, почитание этого святого не было особенно широко распространено на Руси. Кроме того, наречение в его честь предполагало бы отсчет по месяцеслову назад на целых две недели, что делает ориентацию на месяцеслов весьма условной[57].

---

55 Подробнее см. выше, с. 218.

56 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 111]; ср. [ПСРЛ. Т. XVIII. С. 192].

57 В семье Василия Темного, возможно, есть случай наречения с отсчетом по месяцеслову назад. Так был назван шестой сын князя, Борис, родившийся 26 июля

Вместе с тем, непосредственно 22 января греческая церковь празднует память мучеников, пострадавших от болгар. Среди них есть и Георгий. В известных нам русских месяцесловах эта память не отмечается. По-видимому, нельзя полностью исключить возможность, что этот праздник был известен в семье Василия II из каких-либо византийских источников, но это представляется маловероятным, тем более что в любом случае этот святой мученик Георгий не относился к числу традиционно почитаемых у Рюриковичей.

Итак, мы видим, что в семье Василия Темного существовали самые разнообразные соответствия в именах сыновей. Два мальчика получили в качестве официального покровителя св. Андрея (19 августа), причем оба они родились в первой половине августа и старший из них был жив к моменту появления на свет младшего. Еще двое сыновей в семье носили официальное имя *Юрий*, но в этом случае рождение младшего достаточно далеко отстоит от празднования памяти кого-либо из св. Георгиев, почитаемых домом Рюриковичей, и наречен он по рано умершему старшему брату (и, опосредованно, по двоюродному деду). При этом Юрия Васильевича Младшего можно назвать «тезкой» и другого его брата, Ивана Васильевича, так как оба они родились на празднование апостола Тимофея (22 января), что специально подчеркивается в источниках. Можно предположить, что их неофициальные, дополнительные имена совпадали.

Таким образом, тезками по официальным, публичным именам вовсе не обязательно оказываются те братья, которые родились в один день. При этом само совпадение имен детей одного отца, живущих одновременно, к XV в., как кажется, не находится под запретом. Это несколько противоречит традициям именования у Рюриковичей в домонгольскую эпоху. Здесь мы как будто бы не находим примеров, когда младшего брата называют именем, которое уже «занято» живущим старшим. Тем не менее в ту эпоху легко допускалось совпадение имен двоюродных братьев, при том, что между ними предполагалось зачастую бóльшая близость и большее равенство, чем во времена доминирования московского дома. Складывается впечатление, что многочисленные повторы одних и тех же имен в пределах одного поколения на, так сказать, горизонтальном срезе генеалогического древа в целом не возбранялись.

Вопрос о том, почему подобная тенденция была доведена до своего логического завершения, до буквального повтора одного и того же имени у родных братьев, едва ли можно считать решенным. Не исключено, что здесь играло роль стремление любой ценой закрепить значимое для династии имя в

1449 г. (см. [ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. С. 261]; ср. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 122; Т. XII. С. 75; Т. XXVIII. С. 204; ИЛ. С. 43]). Как известно, 24 июля празднуется память свв. Бориса и Глеба. Впрочем, в источниках можно встретить и другую дату рождения этого князя — 21 июля [ПСРЛ. Т. XXXIX. С. 146]. Не исключено, что именно она и является достоверной. В таком случае Борис Васильевич был назван вполне традиционным образом, поскольку праздник Бориса и Глеба приходится на несколько дней позже его дня рождения.

собственной ветви рода, стремление «подстраховаться» на случай смерти одного из его носителей.

Для нас гораздо более существенна возможность совпадения святых покровителей у таких братьев-тезок. Иными словами, в горизонтальной перспективе у Рюриковичей не существовало запрета на полное тождество официального именования двух родичей. У них могли быть одинаковые отчества, одинаковые официальные имена и одинаковые патрональные святые. В этом случае они различались только по своим дополнительным именам и непубличным святым покровителям. В определенном смысле перед людьми, перед своими подданными, они должны были выглядеть практически как одно и то же лицо и различались лишь перед Богом.

Итак, с XIV в. в многомерной системе именования у Рюриковичей постепенно утверждается еще один фактор — возможность давать одинаковые христианские имена в честь разных святых. Такая возможность позволяет примирить две тенденции, родовую и собственно династическую. Архаический принцип, запрещающий полное совпадение имени живого предка и потомка, продолжает действовать, но при этом реализуется стремление правителя обозначить наиболее наглядно свою связь с наследником, преемственность сына по отношению к отцу. Отец и сын могли с определенного периода носить одинаковые христианские имена, не являясь при этом в полной мере тезками.

ТАБЛИЦА № 1

Иван Калита
Семен Гордый
Иван Красный
Семен
Дмитрий Донской
Иван
Василий I
Василий Темный
Иван III-Тимофей
Иван Молодой
Василий-Гавриил
Иван Грозный
Иван

ТАБЛИЦА № 2

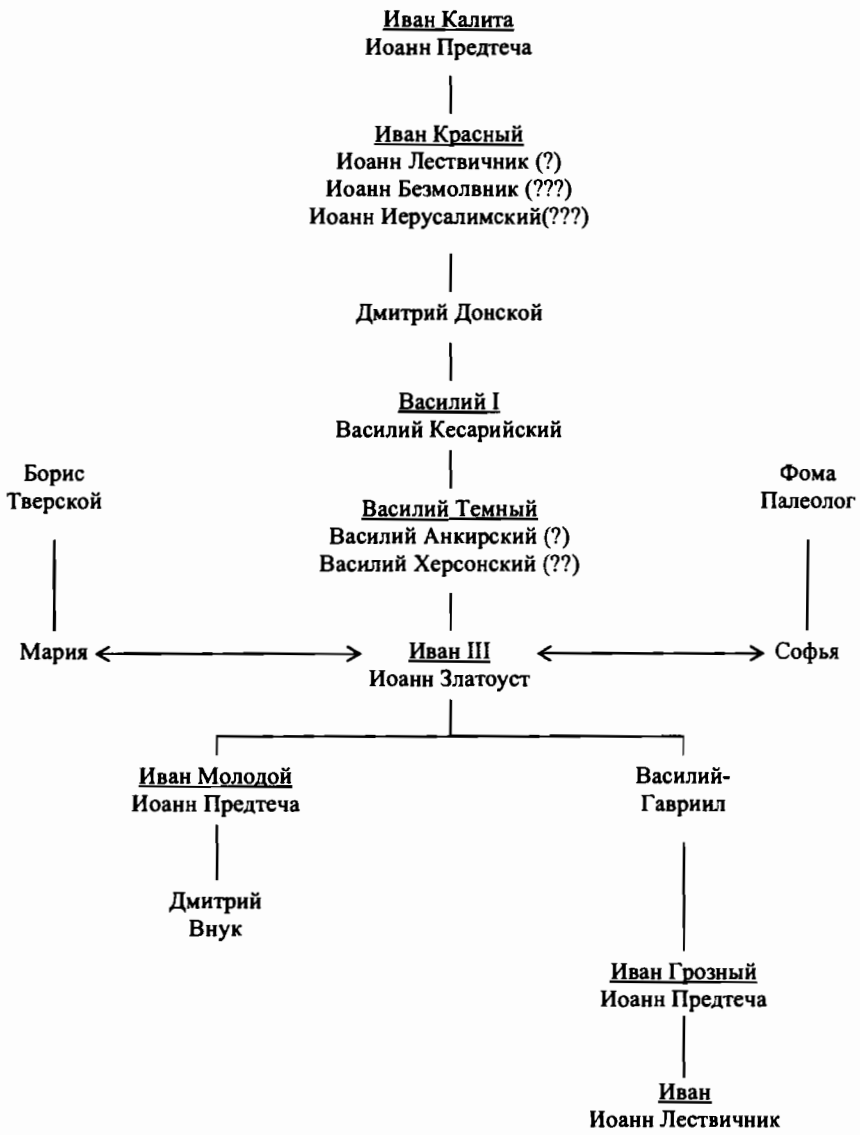

Иван Калита
Иоанн Предтеча
Иван Красный
Иоанн Лествичник (?)
Иоанн Безмолвник (???)
Иоанн Иерусалимский(???)
Дмитрий Донской
Василий I
Василий Кесарийский
Борис Тверской
Василий Темный
Василий Анкирский (?)
Василий Херсонский (??)
Фома Палеолог
Мария
Иван III
Иоанн Златоуст
Софья
Иван Молодой
Иоанн Предтеча
Василий-Гавриил
Дмитрий Внук
Иван Грозный
Иоанн Предтеча
Иван
Иоанн Лествичник

ТАБЛИЦА № 3

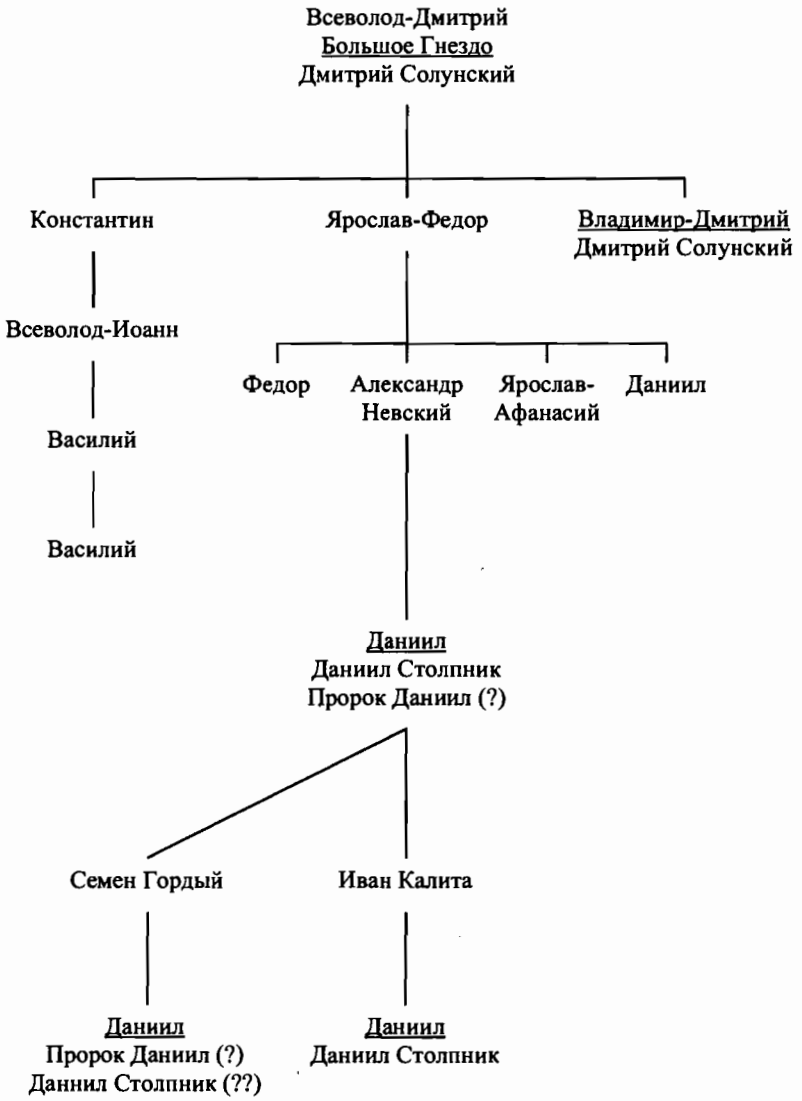

Всеволод-Дмитрий
Большое Гнездо
Дмитрий Солунский
Константин
Ярослав-Федор
Владимир-Дмитрий
Дмитрий Солунский
Всеволод-Иоанн
Федор
Александр
Невский
Ярослав-
Афанасий
Даниил
Василий
Василий
Даниил
Даниил Столпник
Пророк Даниил (?)
Семен Гордый
Иван Калита
Даниил
Пророк Даниил (?)
Даннил Столпник (??)
Даниил
Даниил Столпник

ТАБЛИЦА № 4

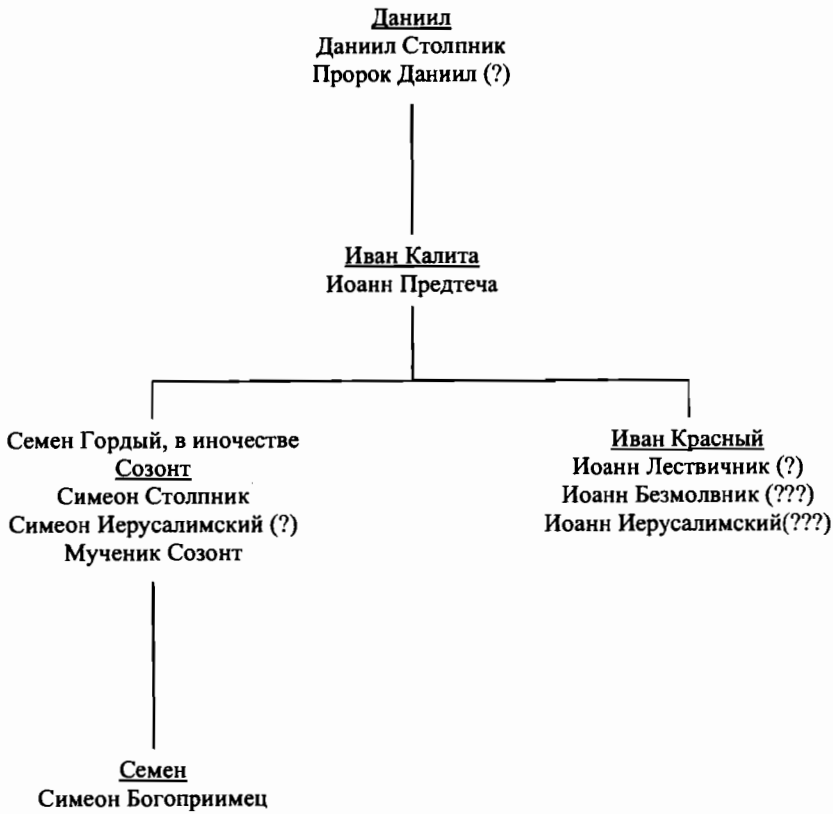

Даниил
Даниил Столпник
Пророк Даниил (?)
Иван Калита
Иоанн Предтеча
Семен Гордый, в иночестве
Созонт
Симеон Столпник
Симеон Иерусалимский (?)
Мученик Созонт
Иван Красный
Иоанн Лествичник (?)
Иоанн Безмолвник (???)
Иоанн Иерусалимский(???)
Семен
Симеон Богоприимец

ТАБЛИЦА № 5

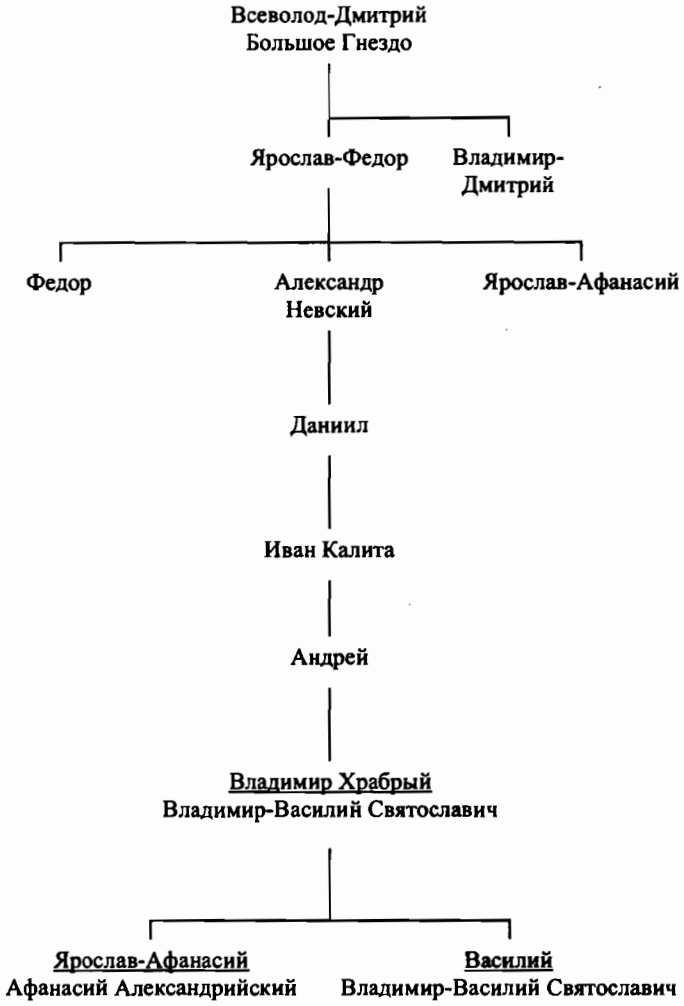

Всеволод-Дмитрий
Большое Гнездо
Ярослав-Федор
Владимир-
Дмитрий
Федор
Александр
Невский
Ярослав-Афанасий
Даниил
Иван Калита
Андрей
Владимир Храбрый
Владимир-Василий Святославич
Ярослав-Афанасий
Афанасий Александрийский
Василий
Владимир-Василий Святославич

ТАБЛИЦА № 6

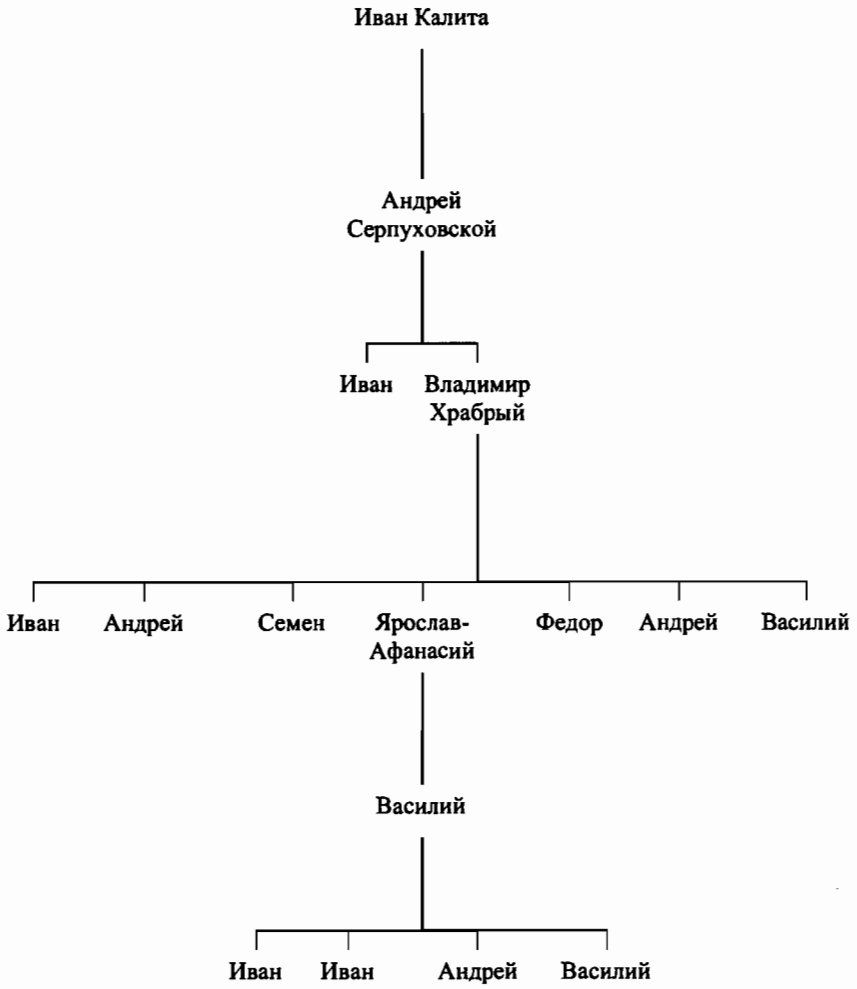

Иван Калита
Андрей Серпуховской
Иван
Владимир Храбрый
Иван
Андрей
Семен
Ярослав-Афанасий
Федор
Андрей
Василий
Василий
Иван
Иван
Андрей
Василий

ТАБЛИЦА № 7

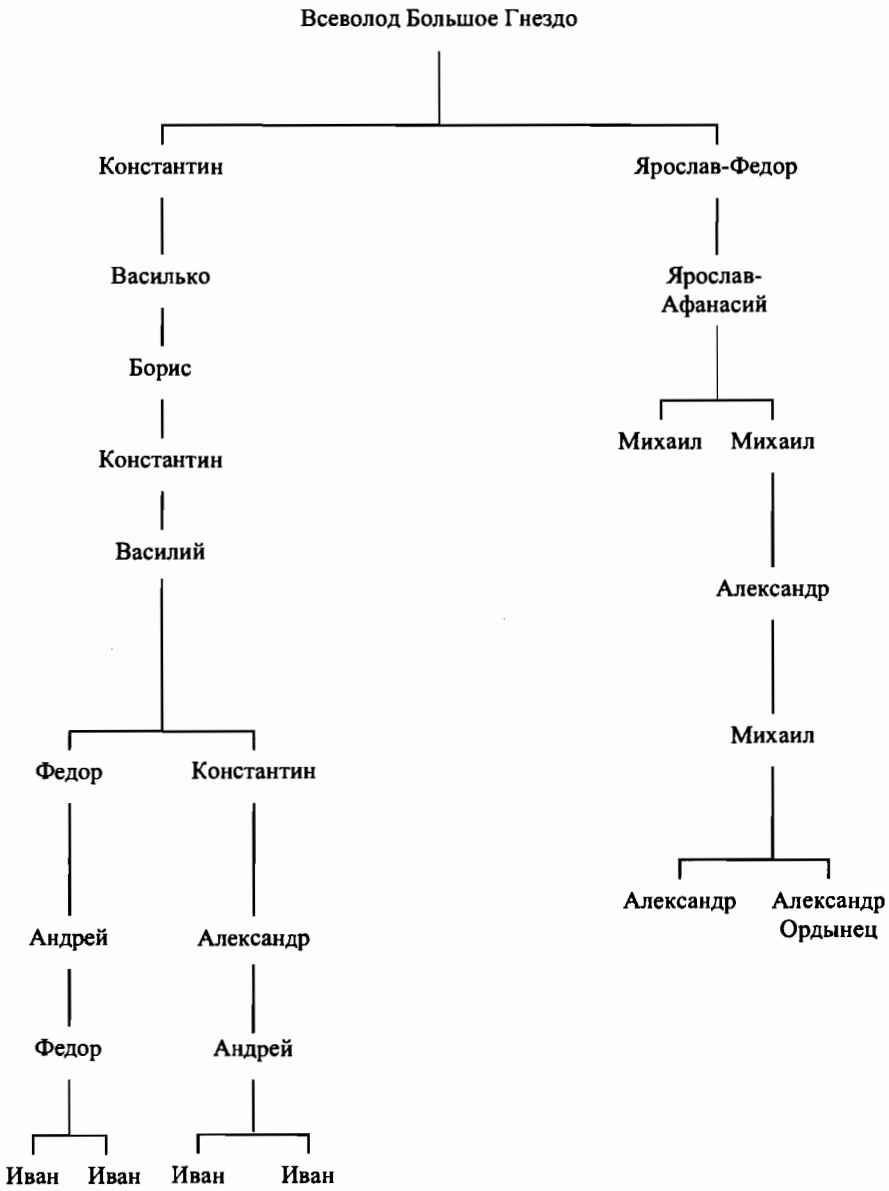

Всеволод Большое Гнездо
Константин
Ярослав-Федор
Василько
Ярослав-Афанасий
Борис
Константин
Михаил
Михаил
Василий
Александр
Федор
Константин
Михаил
Александр
Александр Ордынец
Андрей
Александр
Федор
Андрей
Иван
Иван
Иван
Иван

ТАБЛИЦА № 8

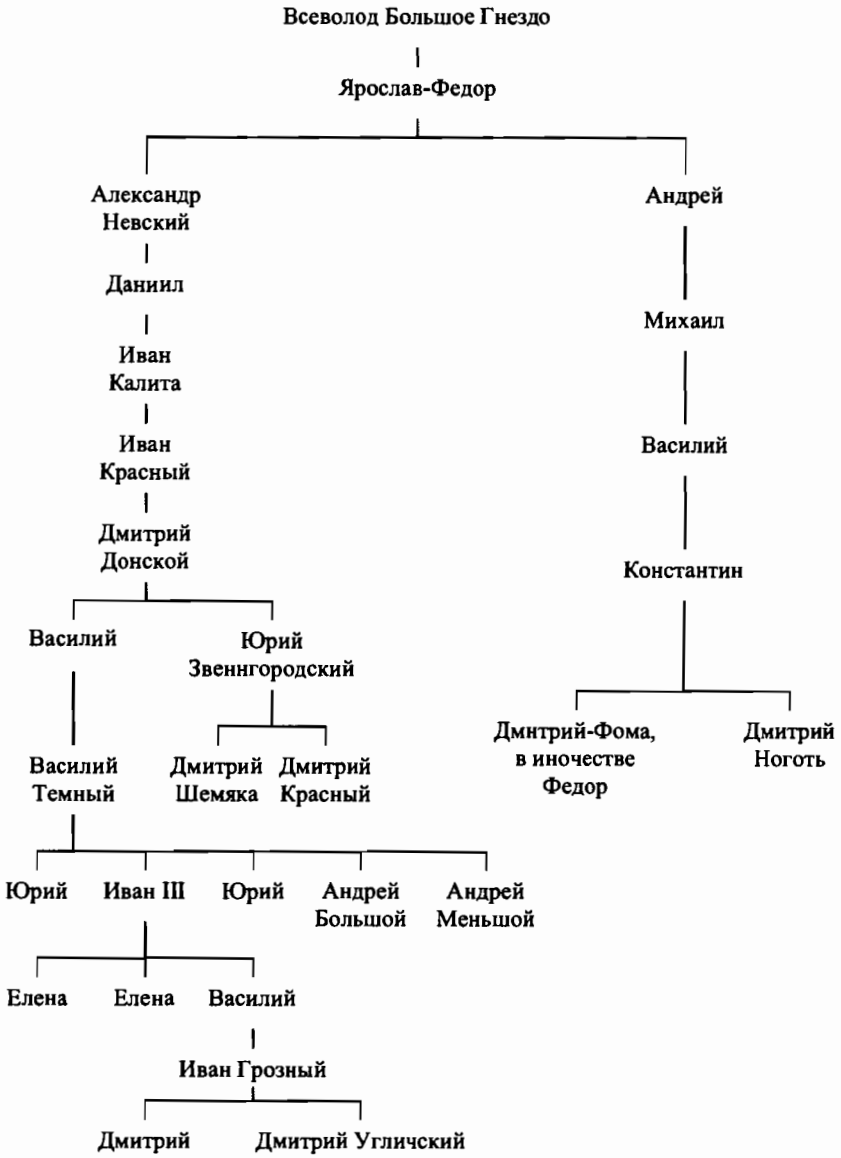

Всеволод Большое Гнездо
Ярослав-Федор
Александр Невский
Андрей
Даниил
Михаил
Иван Калита
Василий
Иван Красный
Константин
Дмитрий Донской
Василий
Юрий Звенигородский
Дмитрий-Фома, в иночестве Федор
Дмитрий Ноготь
Василий Темный
Дмитрий Шемяка
Дмитрий Красный
Юрий
Иван III
Юрий
Андрей Большой
Андрей Меньшой
Елена
Елена
Василий
Иван Грозный
Дмитрий
Дмитрий Угличский

ТАБЛИЦА № 9

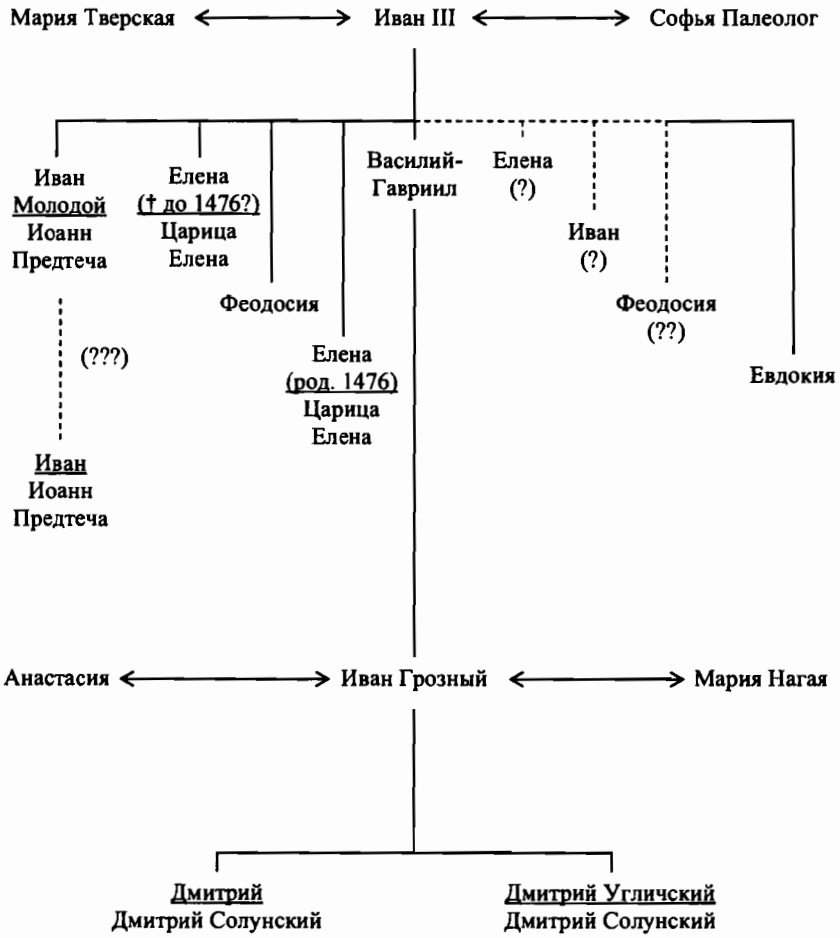
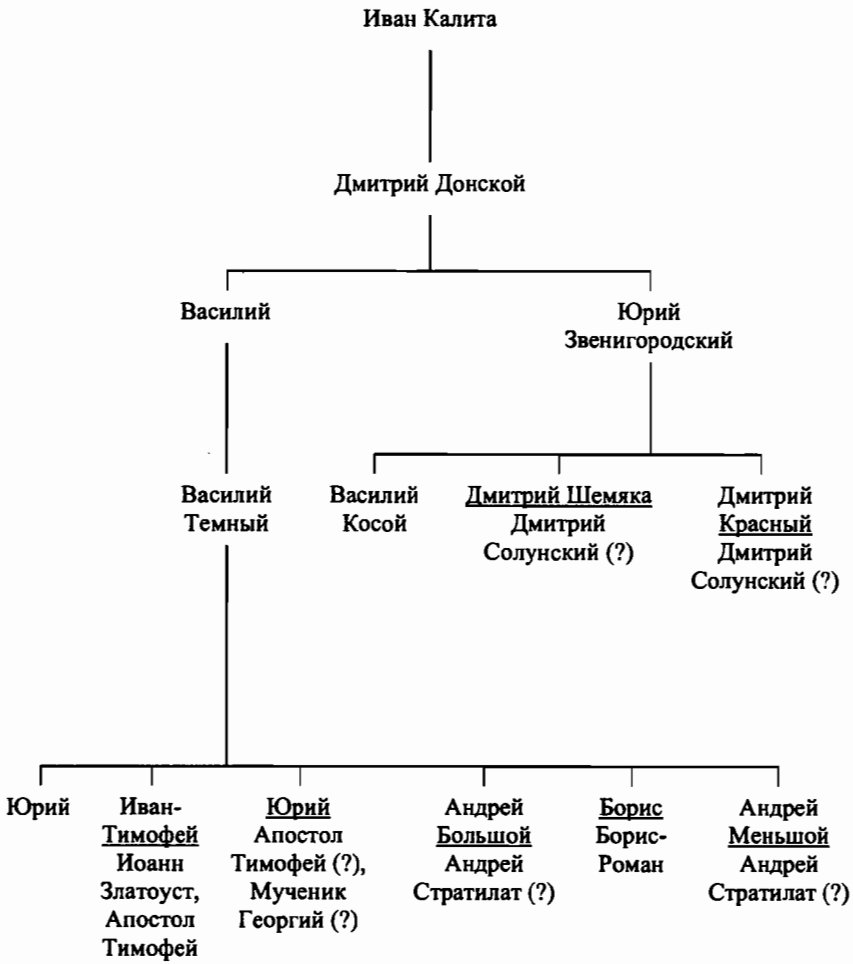

Мария Тверская
Иван III
Софья Палеолог
Иван Молодой Иоанн Предтеча
Елена († до 1476?) Царица Елена
Василий-Гавриил
Елена (?)
Иван (?)
Феодосия
Феодосия (??)
(???)
Елена (род. 1476) Царица Елена
Евдокия
Иван Иоанн Предтеча
Анастасия
Иван Грозный
Мария Нагая
Дмитрий Дмитрий Солунский
Дмитрий Угличский Дмитрий Солунский

ТАБЛИЦА № 10


Иван Калита
Дмитрий Донской
Василий
Юрий Звенигородский
Василий Темный
Василий Косой
Дмитрий Шемяка Дмитрий Солунский (?)
Дмитрий Красный Дмитрий Солунский (?)
Юрий
Иван-Тимофей Иоанн Златоуст, Апостол Тимофей
Юрий Апостол Тимофей (?), Мученик Георгий (?)
Андрей Большой Андрей Стратилат (?)
Борис Борис-Роман
Андрей Меньшой Андрей Стратилат (?)

Глава VII

Из наблюдений над женскими мирскими именами в роду Рюриковичей

История имен русских княжон и княгинь в домонгольский период чрезвычайно мало изучена. Это и неудивительно: во всех письменных источниках они упоминаются гораздо реже, чем имена мужские. Тексты, составленные на Руси, в этом отношении принципиально не отличаются от средневековых памятников других европейских стран — всюду женщины реже называются по имени, чем мужчины. Необходимо отметить, однако, что в разных культурных традициях и в это время проявляется разная степень внимания к женским именам. Так, в скандинавских источниках, особенно в родовых и королевских сагах, имена женских персонажей (многие из которых, несомненно, были историческими лицами) достаточно хорошо зафиксированы. Именно благодаря сагам, например, мы знаем имена отдельных русских княжон, выданных замуж в Норвегию и Данию. Называние по имени — основной, если не непременный, способ введения персонажа в повествование, и поэтому, когда речь идет о жене или дочери конунга, о рождении девочки или заключаемом браке, как правило, указываются имена всех основных действующих лиц, в том числе и женщин.

Несмотря на сравнительную редкость упоминаний женских имен в русских письменных памятниках, мы и об этой части княжеского антропонимикона располагаем достаточным количеством сведений, чтобы можно было судить о закономерностях в именовании княжон и княгинь на Руси. В этой главе мы попытаемся обозначить лишь некоторые из этих закономерностей, рассмотреть отдельные примеры выбора имени для женщин и наметить пути, актуальные, на наш взгляд, для дальнейшего исследования женского именослова.

Эти имена оказываются существеннейшим элементом династической стратегии, связанной как с политикой рода на собственной земле, так и с его внешними устремлениями. Условно говоря, мужские имена составляют более твердую и устойчивую часть именослова, а женские имена — его гибкий, подвижный элемент. История женских имен как таковых тесно связана с историей обмена именами между двумя ветвями рода, а зачастую и двумя разными династиями, вступающими в союз благодаря бракам. Корпус женских имен более восприимчив к инновациям, и, что не менее существенно, родовые связи, устанавливаемые через женщин, служат источником нового для всего именослова в целом.

В русских летописях, вплоть до середины XII в., при упоминании о браке очень редко приводится имя невесты, так же как при сообщении о смерти

княгини далеко не всегда упоминается ее собственное имя. Зачастую, если речь идет о браке, женщина именуется по имени отца (*Мстиславна, Всеволодковна* и т.п.), а в повествовании о событиях жизни и смерти замужней женщины — она называется по имени мужа (*Мстиславляя, Всеволожая* и т.п.).

По-видимому, такое специфическое отношение к личным именам женщин может быть связано с историографической традицией, идущей из Византии. При том пристальном интересе, с которым византийские писатели и хронисты относились к жизни двора, множество женских имен, в частности имена невесток византийского императора, оказывались за пределами их внимания[1]. На Руси женщины могли быть хранительницами благочестия, строить церкви или основывать монастыри, участвовать в политической борьбе, вступать в переговоры, сопровождать мужа в военном походе, но летопись часто фиксирует все эти события, не называя их имен.

Такое употребление имен княжон и княгинь в летописи в целом отражает место женщины в княжеской родовой системе. На наш взгляд, не имеет смысла говорить о её «приниженном» или «высоком» положении. Родовая традиция относительно жестко определяет место и функции каждого члена семьи. При этом его реальная биография может развиваться в сложном взаимодействии с этой традицией, а зачастую и в противоречии с ней. Из письменных источников разного типа можно почерпнуть немало сведений об этом взаимодействии. Извлеченные же из источников имена — это, как правило, свидетельства, апеллирующие к родовому началу, родовым предначертаниям, родовой стратегии, изменения в принципах имянаречения отражают изменения в родовой традиции. История выбора имен всегда в большей степени история рода, история династии, нежели история отдельных людей.

Русское летописание знает три основных способа обозначения персонажа, включающих собственные имена, — «по себе» (т. е. по личному имени или по прозвищу), по предкам (прежде всего по отчеству, а зачастую по деду или прадеду) и, наконец, по имени человека, которому он служит или к дому которого он принадлежит. Два последних обозначения — по отчеству и по «патрону» — не всегда можно разграничить[2]. Отношения службы на языковом уровне достаточно легко уподоблялись родовым отношениям. Если судить по летописным текстам, описывающим события XI — первой половины XII в., именования женщин часто были простой фиксацией родовой принадлежности. До свадьбы она принадлежала к роду и дому своего отца и потому нередко именуется исключительно по отчеству, без указания ее собственного имени. Вообще весьма значительная часть упоминаний княжеских дочерей связана с сообщениями о браках. После свадьбы женщины именуются по мужу, иногда с упоминанием только его имени, а иногда с указанием имени его отца. Тем самым обозначается ее переход в другой род — в род мужа, и, на первый взгляд, если судить по именованию, этот переход был достаточно

---

1 Ср. [Kazhdan 1990. P. 414–429].

2 Ср. [Ф.Б. Успенский 2002. С. 90–91].

полным и окончательным. Во всяком случае, овдовев, женщина, как правило, продолжает называться по роду мужа.

Характерно, что до последней трети XII в. мы чаще встречаем в русских источниках имена тех княжон, которые предпочли монастырь замужеству, или тех княгинь, чей брак сложился явно неудачным образом. По-видимому, неудачный брак, как и монашество, хотя бы отчасти выводил женщину за рамки традиционных родовых отношений. Нарушалась ее обычная функция связующего звена между родами, что в определенном смысле способствовало определенной индивидуализации ее роли. Женщина именуется в такой ситуации не по роду, а «по себе», зачастую без отчества.

Некоторые факторы, определяющие специфику женского имянаречения

Мы располагаем определенным набором женских имен как христианских, так и славянских родовых, позволяющим утверждать, что выбор имени для женщины на Руси имеет собственную историю. На наш взгляд, принципы имянаречения женщин на Руси развивались по своему собственному сценарию, во многом совпадающему с процессом развития мужского именослова, но в чем-то от него отличному.

Приведем здесь лишь несколько параметров, задающих эту специфику. Во-первых, в родовой традиции мужчины, несомненно, являются основообразующим и несущим на себе функцию стабильности, преемственности звеном. Регулярный повтор имен предков по мужской линии в определенном смысле воплощает устойчивость и некоторую замкнутость, герметичность отцовского рода. Разумеется, подобная замкнутость, доведенная до своего логического завершения, несовместима ни с биологическим, ни с социальным, ни с культурным существованием. Функция подвижности, обновления, внешних связей в родовой традиции закономерным образом принадлежит браку. Благодаря женщинам осуществляются межродовые — а в случае с княжескими семьями — иногда и междинастические, международные контакты. Благодаря женщинам во многом осуществляется и постепенное, естественное изменение родового именослова — вновь установленные отношения свойствá и родства хотя бы отчасти закрепляются в заимствовании имен из рода матери. Будучи, как уже говорилось, связующим звеном в родовой системе, женщины служили и своеобразным проводником для новшеств в системе именования.

Во-вторых (и это особенно тесно связано с только что сказанным), выбор имени для девочки в княжеской семье (как и для других второстепенных наследников) порой может служить своеобразным «полигоном», на котором впервые испытываются новые модели имянаречения. Впоследствии эти модели могут в той или иной форме воздействовать на выбор имени для основных наследников — преемников власти.

В-третьих, рассматривая выбор христианского имени для женщины, мы не всегда имеем дело с процедурой имянаречения новорожденной девочки.

Нередко речь идет о крещении и наречении именем взрослой невесты русского князя, принадлежавшей к иной этнической и религиозной культуре (половчанки, «ясыни» и т.д.). В этих случаях имя могло выбираться по особым правилам, однако подобные имена были вполне традиционными для династии (иногда даже «гипертрадиционными»).

В-четвертых, не все жены русских князей были дочерьми русских или иноземных правителей: известен ряд примеров, когда русские князья женились на своих соплеменницах некняжеского рода. Имена таких княгинь, разумеется, давались за пределами княжеской семьи, с использованием несколько иных принципов, нежели те, что определяли выбор имени для дочери князя. Вероятнее всего, иной была и роль подобных родственных связей для княжеского антропонимикона в целом.

В-пятых, женщины в княжеском роду, по-видимому, чаще, чем мужчины, принимали постриг, оказываясь тем самым в несколько иных отношениях с христианским именословом, чем их родичи в миру.

Разумеется, сказанное выше не охватывает всей специфики условий, которые определяли выбор имени для женщин в домонгольский период. Кроме того, при всех возможных различиях между принципами имянаречения для мужчин и женщин сохранялось существеннейшее сходство: в княжеских семьях на протяжении всего этого времени и у мальчиков и у девочек в значительной степени сохраняется двуименность. И тем и другим родовые, языческие по происхождению имена даются наряду с христианскими, предписываемыми церковью.

Многие родовые княжеские имена у женщин проявляют такую же устойчивость, как и родовые имена мужчин. В договоре 944/945 г. мы обнаруживаем несколько княжеских имен, которые прочитываются как женские — *Ольга*, *П(е)редслава*, *Сфандр* (?)[3], *Ута* (?). Славянское по происхождению имя *П(е)редслава* и скандинавское *Ольга* (Helga) мы встречаем в княжеском антропонимиконе и два с лишним века спустя (см. табл. № 1 к настоящей главе). Во второй половине XII столетия *Ольгой*, в частности, звали дочь Юрия Долгорукого, жену Ярослава Осмомысла, а имя *П(е)редслава* носила в числе прочих дочь князя Рюрика Ростиславича. Как уже упоминалось в предыдущих главах, княжеские имена Рюриковичей образуют довольно замкнутый и ограниченный корпус. Иными словами, князья, как правило, носят такие родовые имена, которые их менее знатные соотечественники не дают своим детям. Женские родовые имена предоставляют нам немало сведений о формировании этого княжеского именослова. Особенно показательны результаты сопоставления женских и мужских имен Рюриковичей с именами людей из их ближайшего окружения, с одной стороны, и именами правителей иных славянских (а иногда и неславянских) стран, с другой стороны.

---

3 Существует давняя традиция считать имя *Сфандр* женским (ср. [Томсен. С. 224; Melnikova 2004. P. 21]). Впрочем, при спорности его этимологии здесь едва ли можно утверждать что-то наверняка.

Женские варианты мужских имен

Очень интересный материал для понимания роли женской части антропонимикона Рюриковичей дают мужские и женские варианты одних и тех же имен. Можно указать ряд случаев, когда в княжеском именослове присутствуют и мужской и женский варианты имени (см. табл. № 2 к настоящей главе). Так, наряду с регулярно повторяющимся у Рюриковичей мужским именем Ярослав есть и женское Ярослава: это имя носила дочь князя Рюрика Ростиславича, жена Святослава Игоревича[4]. Популярному в полоцкой ветви Рюриковичей имени Всеслав соответствует женское Всеслава. Этим именем звали дочь Всеволода Большое Гнездо, жену Ростислава Ярославича[5], и дочь Рюрика Ростиславича, жену Ярослава Глебовича[6]. Существовал, по-видимому, наряду с мужским именем Ростислав и его женский вариант — Ростислава. Это имя, судя по показаниям одного источника, носила дочь Мстислава Мстиславича Удатного, жена Ярослава Всеволодича[7].

Вполне вероятно, что каждое мужское «аристократическое» имя, содержащее формант –слав, допускало существование соответствующего женского варианта. Неизвестно, впрочем, реализовались ли все эти возможности на практике. Сведения о женских именах, почерпнутые исключительно из русских источников, недостаточно обильны, и отсутствие в них какого-либо женского имени не позволяет утверждать со всей определенностью, что его вовсе не было в династическом обиходе. Так, в собственно русских памятниках мы не встречаем упоминания женского имени Мстислава. При этом у Яна Длугоша упоминается дочь Владимира Святого по имени Мстислава, захваченная Болеславом вместе с П(е)редславой Владимировной[8]. Вероятнее всего, Длугош путает здесь имена сына Владимира, Мстислава Храброго, и одной из его сестер[9], хотя, разумеется, ничего невозможного в существовании имени Мстислава у Рюриковичей не было.

Исключительно интересно в этом отношении бытование женского варианта имени Изяслав. В источниках упоминается его единственная носительница: в конце XIII в. Изяславой звали приемную дочь князя Владимира Васильковича, однако нет никаких данных о том, что она происходила из кня-

---

4 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 659 под 1188 г.].

5 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 405 под 1187 г. Стб. 424 под 1206 г.].

6 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 708 под 1199 г.].

7 См. [ПСРЛ. Т. XLI. С. 131]. Ростиславу Мстиславну отождествляют с гораздо более известной по летописям Феодосией (в монашестве Евфросиния), матерью Александра Невского и всех остальных сыновей Ярослава-Федора Всеволодича (см. подробнее: [Толстой 1887. С. 219. № 402. С. 226–227. № 411; Экземплярский. Т. I. С. 18–19. Примеч. 42; Кучкин 1986. С. 71–80], с указанием литературы). Некоторые обстоятельства, связанные с судьбой этой княгини, мы рассмотрим ниже, на с. 262.

8 См. [Щавелева 2004. С. 93, 240].

9 См. [Semkowicz 1887. S. 99].

жеского рода (см. табл. № 3 к настоящей главе). Не исключено, что это имя — искуственное, псевдокняжеское и было «сконструировано» самим князем, ее приемным отцом, который говорит, что «взѧл бо есмь ю ѿ своее мт҃ри в пеленахъ и воскормилъ», ввел в княжеский род и считал Изяславу своей наследницей [10].

С другой стороны, для целого ряда женских имен с этим же формантом – *слав* мы не обнаруживаем на Руси эквивалентов среди мужских имен. Примером такого рода может служить имя дочери Всеволода Ольговича *Звенислава* или имя дочерей Всеволода-Гавриила Мстиславича и Всеволода-Дмитрия Юрьевича — *Верхуслава*, о которых речь пойдет в следующем разделе.

Можно представить себе схему образования вариативных имен в виде своего рода матрицы, не все клетки которой заполнены известными нам элементами, но потенциальная возможность их заполнения, разумеется, остается. Иногда один из компонентов пары, например женский вариант имени, обнаруживается в династии Рюриковичей, а другой используется в именослове других знатных родов славянского мира.

В этом отношении очень показательна судьба мужского и женского вариантов имени *Святослав*, которое нам уже приходилось рассматривать [11]. У Рюриковичей до XIII в. оно известно нам только в мужском варианте, а его женская версия, *Святослава*, зафиксирована у сестры датского конунга Кнута Могучего, которая, вероятно, была связана родством с польской династией Пястов (см. табл. № 4 к настоящей главе). В качестве примера своего рода «обратного» — по отношению к этой паре *Святослав / Святослава* — распределения между двумя династиями мужского и женского вариантов имени может служить пара *Болеслав / Болеслава*. Мужское имя *Болеслав* — одно из наиболее знаменитых династических имен у Пястов. В династии же Рюриковичей это имя не встречается, но мы знаем о существовании у князя Святослава Всеволодича дочери по имени *Болеслава*, ставшей женой князя Владимира Ярославича [12]. Правда, к тому времени уже установились многочисленные родственные связи между домом Пястов и Рюриковичами [13]. В частности, за польских князей были выданы замуж старшие родственницы Святослава Всеволодича как со стороны материнской («Мономаховой»), так и со стороны отцовской («Черниговской»). Весьма вероятно таким образом, что наша Болеслава Святославна получила свое имя в честь кого-либо из польской родни. Так или иначе, возможность подобного обмена именами демонстрирует наличие некоторого общеславянского фонда пригодных для знати имен.

Если мы говорим о правящих династиях XII в., то для нас не столь существенно, были ли эти имена общими для славян еще в дописьменную эпоху. Более актуальны в этом случае критерии приемлемости этих имен для того

---

10 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 901, 904–905 под 1287 г.].

11 См гл. II, с. 41 и [Ф.Б. Успенский 2002. С. 24–29], с указанием литературы.

12 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 527 под 1167 г.].

13 См. [Щавелева 1989].

или иного правящего рода и своеобразные правила обмена именами при междинастических браках. Так, если мы выдвигаем гипотезу о польских корнях женского имени *Болеслава* на Руси, то сразу необходимо отметить два обстоятельства. С одной стороны, это имя оказывается приемлемым, так как его носят представители хорошо известного на Руси польского правящего рода, в то же время оно по своей форме сходно с династическими именами самих Рюриковичей. С другой стороны, такое имя в XII в., когда антропонимикон правящей династии на Руси уже сложился, естественным образом, получила девочка, а не мальчик. Мужской именослов наследников власти был, как уже не раз говорилось, более консервативен и куда более непосредственно связан с идеей преемственности власти на своей земле, земле отцов и дедов.

Известны другие случаи своеобразного распределения мужского и женского варианта имен, когда женское имя становится династическим, а мужское в роду Рюриковичей не употребляется, но в течение нескольких столетий вполне распространено как родовое имя знати. Имя *Сбыслава*, например, было династическим именем в русских княжеских семьях: его носила, в частности, дочь Святополка Изяславича, жена польского короля Болеслава III, а также дочь князя Всеволода Большое Гнездо — Сбыслава-Пелагея (см. табл. № 5 к настоящей главе). Судя по известным нам текстам, не было русских князей, носящих имя *Сбыслав*. При этом в летописи упоминаются, например, следующие носители этого имени: дружинник князя Мстислава Изяславича Сбыслав (Собыслав) Жирославич[14], новгородец Сбыслав Якунович[15], галицкий боярин Сбыслав Станиславич[16], знатный новгородец Сбышка Волосович[17], знатный новгородец Сбыслав Степанич[18]. В новгородских берестяных грамотах встречаются упоминания Собыслава[19], а в грамоте из Старой Руссы, датируемой первой половиной XII в., фигурирует форма «Събислава»[20].

С другой стороны, хорошо известно, что имя *Собеслав* присутствовало в именослове чешской династии, в частности так звали чешских князей, Собеслава I и Собеслава II. В XII — XIII вв. это имя было вполне распространено в Польше, но в эту пору не стало династическим для Пястов[21].

---

14 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 544 под 1171 г.].

15 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 480 под 1263 г.]; ср. [ПСРЛ. Т. III. С. 68 под 1229 г.].

16 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 728 под 1209 г.].

17 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 41 под 1194 г.]. В.Л. Янин отождествляет Сбышку Волосовича с новгородцем Сбыславом, упоминающимся в берестяных грамотах [Зализняк 1995. С. 341. № 550. С. 348. № 671].

18 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 57, 257 под 1217 г., 54 под 1215 г.].

19 См. [Зализняк 1995. С. 415–416. №№ 407, 409 <80 — 90-е гг. XIII в.>].

20 См. [Зализняк 1995. С. 287. Ст. Р. 9].

21 См. [Taszycki 1925. S. 96–97]. Вероятнее всего, *Сбыслав* и *Собеслав* — это этимологически не одно и то же имя. Речь может идти скорее о сближении их по созвучию.

Возникает вопрос, была ли ситуация с женскими именами менее регламентированной в том, что касается употребления вариативных имен. Иными словами, для того, чтобы назвать девочку Ярославой или Всеславой, было ли необходимо, чтобы такое имя уже носила какая-либо из ее прародительниц, или достаточно было, чтобы такое имя присутствовало в роду в его мужском варианте, а женский дериват родители создавали сами? Как кажется, ни то, ни другое условие не противоречит принципам династического имянаречения. Мы не располагаем достаточным количеством имен, которые были бы вариативными, так сказать, внутри династии Рюриковичей, чтобы судить об их месте в княжеском именослове.

Показательно, однако, что в летописи, повествующей о событиях XI — первой половины XII в., мы встречаем женские родовые имена, не находящие соответствия среди мужских имен династии Рюриковичей, т. е. такие имена, как П(е)редслава, Сбыслава, Верхуслава, Звенислава. Лишь позднее, во второй половине XII в., наряду с ними появляются и имена Ярослава, Всеслава, Ростислава. На наш взгляд, появление женских вариантов имен, традиционных для мужчин в роду Рюриковичей, связано с постепенным общим расширением функций родового женского имени, происходящим к этому времени.

Женские имена, не имеющие соответствий в мужском именослове

1) Более или менее устойчивые славянские и германские династические имена. Не вызывает сомнений, что женские имена, которым нет пары среди мужских имен Рюриковичей, являются родовыми в том же смысле, что и мужские княжеские имена, т. е. повторяются у женщин из поколения в поколение. П(е)редслава, как уже упоминалось, — одно из самых древних дошедших до нас женских имен подобного рода. Судя по тому, что его в начале XI в. носила дочь Владимира Святого[22] (см. табл. №№ 4, 6 к настоящей главе), можно предположить, что упоминающаяся в договоре 944/45 г. П(е)редслава приходилась ей родственницей или свойственницей. Позднее, в XII в., мы знаем еще нескольких княжон с этим именем — дочь Святополка Изяславича, жену венгерского герцога Альмоша, сына Гезы I[23], дочь Рюрика Ростиславича и черницу П(е)редславу, которая в летописи названа дочерью князя Святослава[24]. Кроме того, напомним, что П(е)редславой звали в миру

22 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 135, 140, 144; Т. III. С. 172–173, 174, 553].

23 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 280; Т. II. Стб. 256 под 1104 г.].

24 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 284 под 1116 г.]. О каком именно князе Святославе здесь идет речь, не вполне понятно. Д.С. Лихачев отождествляет его со Святославом Изяславичем, сыном Изяслава Ярославича [ПВЛ 1996. С. 560], однако такой князь нам не известен. По хронологии она могла бы быть дочерью Святослава Ярославича, сына Ярослава Святославича и внука Святослава Ярославича, или дочерью Святослава Владимировича, сына Владимира Мономаха [Korpela 1995. S. 201]. См. табл. № 6 к настоящей главе.

св. Евфросинию Полоцкую, дочь князя Георгия Всеславича[25] (см. табл. № 6 к настоящей главе).

Не меньшую устойчивость проявляют и германские по происхождению имена, не имевшие в роду Рюриковичей мужского соответствия. Как мы уже неоднократно подчеркивали, этимологическая природа имени, его изначальное происхождение, очень быстро утрачивала значение и забывалась. Насколько полным могло быть такое «забвение», можно продемонстрировать на примере женского родового имени Рюриковичей — *Маль(м)фрид* (см. табл. № 7 к настоящей главе).

Этим именем звали одну из дочерей Мстислава Великого и Кристины (Христины), выданную замуж в Норвегию[26]. Традиционно оно считается

---

25 Ср. «И пришедши ей въ возраст 12 лѣтъ, и нача отецъ ея глаголати княгини своей: нама уже лѣпо дати Предславу за князь; тако бо нарекоста ей имя преже крещенія ея» [ПЕП. С. 173].

26 Маль(м)фрид Мстиславна была отдана замуж за конунга Норвегии, Сигурда Крестоносца (1103 — 1130 гг.), сына Магнуса Голоногого (см. табл. № 7 к настоящей главе). Обстоятельства этого брака известны весьма мало. Традиционно считается, что в 1111 г. Маль(м)фрид находилась в Шлезвиге у ярла Эйлива и вышла там замуж за Сигурда Крестоносца, возвращавшегося из крестового похода [Jørgensen 1874–1878. S. 830; Olrik 1888. S. 63; Пашуто 1968. С. 146; Джаксон 2000. С. 176. Примеч. 2]; в некоторых работах можно встретить другую датировку событий — 1116 г. [Munch 1852–1859. Bnd. II. S. 594, 599; Braun 1924. S. 156]. Этому противоречат, однако, весьма ценные сведения об этом браке, которые содержатся в «Церковной истории» нормандского хрониста XII в. Ордерика Виталиса. Согласно Ордерику, Сигурд, возвращаясь из крестового похода на Иерусалим, остановился на Руси и взял там в жены дочь короля Мальфриду (Per Russiam vero remeans, Malfridam, regis filiam, uxorem duxit, domumque reversus, paulo post, regnum, dante Deo, suscepit [OV. P. 727]). Данная версия кажется нам, несомненно, более предпочтительной, нежели традиционная, хотя сведения Ордерика о том, что Сигурд останавливался на Руси, являются уникальными. В то же время известно, что маршрут крестоносцев нередко пролегал через Русь [Назаренко 2001. С. 632. Примеч. 3], тогда как пребывание Маль(м)фрид в Шлезвиге у ярла Эйлива оказывается слабо мотивированным звеном в реконструкции историков.

В браке с Сигурдом Крестоносцем Маль(м)фрид Мстиславна родила дочь, которая была названа *Кристиной* в честь бабки по матери, жены Мстислава Великого (см. табл. № 7 к настоящей главе). Кристине, дочери Сигурда и Маль(м)фрид предстояло сыграть заметную роль в истории Норвегии XII в., в частности, именно ее сын (т. е. внук Маль(м)фрид и правнук Мстислава), Магнус, занял норвежский престол в 1163/64 г. и стал первым коронованным и помазанным правителем в Скандинавии.

По свидетельству одного источника [Mork. Bls. 398–399], незадолго до своей смерти Сигурд Крестоносец оставил Маль(м)фрид Мстиславну и взял себе другую жену по имени Цецилия, что спровоцировало конфликт с церковными иерархами, которые заняли достаточно непримиримую позицию в этом вопросе. Мы не знаем

скандинавским по происхождению. Однако в самой Скандинавии первой известной нам обладательницей этого имени как раз и была королева Маль(м)фрид, дочь Мстислава. Упоминания о других *Маль(м)фрид* относятся лишь к существенно более позднему времени, к XIII — XIV вв. На Руси же это имя фиксируется куда раньше. Под 1000 г. рядом с упоминанием о смерти Рогнеды Рогволодовны, одной из жен Владимира Святого, сообщается и о смерти Малфредь (ср. «престависа Малъѳрѣдь»)[27]. Относительно этой Малфредь строилось немало догадок. Некоторые исследователи видели в ней одну из жен Владимира Святого, другие отождествляли ее с матерью Владимира, Малушей. С точки зрения принципов имянаречения, несколько вероятнее, что первая Малфредь была матерью Владимира Святославича. Ярослав Мудрый, как известно, был сыном Рогнеды[28]. Если Малфредь была только одной из многочисленных жен его отца, возникает вопрос, почему ее имя стало воспроизводиться у потомков Ярослава.

Действительно, внутридинастические браки у Рюриковичей до второй половины XI в., по-видимому, не заключались, да и едва ли были возможны, так как их объединяло еще слишком близкое родство. Поэтому трудно предположить, что кто-либо из потомков Владимира и Малфредь вступал в брак с кем-либо из потомков Владимира и Рогнеды в поколениях Ярослава Мудрого, Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха. Мы знаем, что Маль(м)фрид Мстиславна была дочерью шведки Кристины и внучкой Гиды, дочери англосаксонского короля Харальда Годвинсона (см. табл. № 7 к настоящей главе). Таким образом, она едва ли могла состоять даже в отдаленном кровном родстве с какой-либо из жен Владимира Святого, кроме Рогнеды. Если же принять, что Малфредь приходилась Владимиру Святому матерью, то оказывается, что Маль(м)фрид Мстиславна была ее родной прапрапраправнучкой.

Следующая же известная нам Малфрид из рода Рюриковичей, возможно, приходилась Маль(м)фрид Мстиславне двоюродной внучкой по женской линии (см. табл. №№ 7, 8 к настоящей главе). Она была дочерью Юрия Ярославича, князя туровского[29], который, в свою очередь, был, по-видимому, сыном одной из сестер Маль(м)фрид Мстиславны и князя Ярослава Святополчича[30]. Учитывая редкость упоминания женских имен в летописи, имя

наверняка, оставалась ли Маль(м)фрид Мстиславна после фактического развода в Норвегии, однако, овдовев в 1130 г., она вторично вышла замуж, на этот раз за датского конунга Эйрика Незабвенного (Эмуна), единокровного брата Кнута Лаварда, который был женат на сестре Маль(м)фрид, Ингибьёрг Мстиславне. Детей от брака с Эйриком у Маль(м)фрид не было, единственный наследник конунга, Свейн-Пётр Грате, был, по всей вероятности, рожден от наложницы.

27 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 129 под 1000 г.].

28 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 129].

29 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 527 под 1167 г.].

30 Юрий Ярославич был женат на дочери Всеволодко Городенского (см. табл. № 8 к настоящей главе). А.В. Назаренко считает, что этот брак был бы невозможен, если

Маль(м)фрид можно считать достаточно устойчивым родовым именем Рюриковичей.

Возвращаясь к вопросу о том, каким образом было выбрано имя для второй Маль(м)фрид — Маль(м)фрид Мстиславны, — необходимо оговориться, что версия ее кровного родства с первой известной нам Малфредь, умершей в 1000 г., все же не может считаться единственной. Нам слишком мало известно о внутренней структуре княжеской семьи в дохристианскую эпоху и в период крещения. Строго говоря, нет ничего невозможного в том, чтобы князь называл дочерей или внучек от одной своей жены именем другой жены, хотя это представляется нам менее вероятным.

Происхождение имени первой Малфредь, в сущности, оказывается неактуальным для династии. В определенном смысле, оно вновь актуализируется, когда Маль(м)фрид Мстиславну выдают замуж в Скандинавию. Как уже говорилось выше, скорее всего ее имя этимологически не было собственно скандинавским, но, как и многие имена германского происхождения, оно не было полностью чуждым для ее скандинавского окружения. Так, один из элементов в ее имени, –friðr, присутствует в приименном прозвище ее родной тетки (сестры матери) — Маргареты Фридкуллы. Имя с этим формантом носила еще одна шведская принцесса, дочь или сестра Олава Шведского, Хольмфрид (см. табл. № 9 к настоящей главе).

На скандинавской почве, таким образом, Маль(м)фрид становилось именем с относительно прозрачной внутренней формой, хотя эта прозрачность могла быть весьма слабо соотнесена с его исторической этимологией. Вероятнее всего, по происхождению это имя было немецким и первоначально имело форму Amalfrida[31]. Отпадение начального гласного, по-видимому, явление вполне закономерное — уже на собственно немецкой почве мы встречаем это имя в форме Malfrida или его мужской вариант Malfred. Можно добавить, что имена с основой Amal у германцев нередко выступали в качестве династических: таковыми они были, в частности, у восточных готов. В случае с Маль(м)фрид Мстиславной мы имеем дело с весьма любопытным примером непрямого проникновения германского имени на скандинавскую почву — несколько парадоксальным образом оно приходит в Скандинавию через Русь.

При этом первая обладательница имени Малфредь на Руси не обязательно должна была быть немкой. Она могла происходить из любой «контактной зо-

---

бы Юрий был сыном Ярослава и Мстиславны. Всеволодко был женат на Агафье, дочери Владимира Мономаха и сестре Мстислава Великого. Таким образом, брак сына Мстиславны и внучки Агафьи оказывается неканонически близкородственным [Назаренко 2000. С. 178]. При этом, однако, мы не знаем, была ли Агафья единственной женой Всеволодко и была ли, соответственно, жена Юрия Ярославича именно ее дочерью. Кроме того, князья, как известно, не всегда соблюдали канонические установления о браках с буквальной точностью. См. также: [Плахонин 2004. С. 320–330].

31 См. подробнее: [Jón Jónsson 1902. Bls. 640–641; Ф.Б. Успенский 2002. С. 55–56. Примеч. 20, с указанием литературы].

ны», где достаточно сильно было влияние немецкого именослова. Трудно сказать, была ли она пленницей, захваченной во время военного похода, или принадлежала к роду, добровольно переселившемуся на Русь, — летопись знает примеры и того и другого. Достаточно вспомнить рассказ о матери Святополка Окаянного, греческой монахине, которую Святослав Игоревич привез из похода для своего сына. Можно упомянуть также и род Рогнеды, жены Владимира Святого, род скандинавских правителей, княживших в Полоцке и исходно, по-видимому, не связанный с Рюриковичами кровными узами. В.Н. Татищев называет интересующую нас Малфредь «чехиней, княжной боемской»[32]; при полной неверифицируемости этого утверждения, оно, как кажется, не является невероятным. Во всяком случае, Богемия была как раз одной из тех «контактных зон», откуда немецкое имя Malfrida / Малфредь могло быть принесено на Русь.

С точки зрения «династичности» этого имени наиболее показательно имянаречение третьей из известных нам *Маль(м)фрид* — Маль(м)фрид Юрьевны, которая происходила от двух родителей Рюриковичей и была выдана замуж за Рюриковича (см. табл. №№ 7, 8 к настоящей главе). Вся ее жизнь проходит, по-видимому, на Руси, никаких непосредственных связей с германским миром в ее биографии не просматривается. Поэтому ее немецкое по происхождению имя едва ли могло быть чем-либо иным, нежели вполне освоенным родовым княжеским именем. Можно предположить, что зафиксированными в летописи примерами (довольно удаленными друг от друга во времени) его употребление не ограничивалось.

2) *Династический статус менее частотных женских имен.* Бывают случаи, когда в качестве династического можно с достаточной долей уверенности охарактеризовать и имя, которое было зафиксировано в источниках лишь для одной или двух представительниц русской династии. Примером подобного рода в семье Рюриковичей может служить имя *Верхуслава.* В русских летописных источниках это имя фиксируется для двух княжон (см. табл. № 10 к настоящей главе). В одном случае речь идет о дочери Всеволода Мстиславича, правнучке Владимира Мономаха:

«...Всеволодъ Мьстислаличь ѿда дчѣрь свою в Лѧхы Верхоуславоу».

По всей вероятности, именно она стала женой польского князя Болеслава Кудрявого[33].

Существенно позже это имя получает дочь Всеволода Большое Гнездо, жена Ростислава Рюриковича. С точки зрения родовой истории имени показательно, что обе известные нам *Верхуславы*, родившиеся на Руси, носят одинаковое отчество — *Всеволодовна.* В результате брака старшей Верху-

---

32 См. [Татищев. Т. II. С. 69; Т. IV. С. 103, 141].

33 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 300 под 1137 г.]. Ср. (Salome) preclarissimos filios suos duces Bolezlaum ac Misiconem cum uxoribus eorum, filiabus scilicet regum Ungarie et Ruszie de regionibus suis fecit ad generale colloqium convenire [MPH. T. II. P. 4, 5]. См. также комментарий к этому свидетельству: [Balzer 1895. S. 158–159].

славы, дочери Всеволода Мстиславича, ее имя становится династическим и у Пястов. Практически не вызывает сомнений, что Мешко Старый называет одну из своих дочерей *Верхуславой* в честь жены своего старшего брата, однако мы не знаем точно, от какого брака Верхуслава-младшая была рождена (см. табл. № 10 к настоящей главе). Есть основания полагать, что она была дочерью его первой жены, венгерской принцессы Елизаветы. В таком случае выбор ее имени определялся исключительно соображениями свойства́ и имел отношение не столько к истории имянаречения у потомков Рюриковичей, сколько к принципам выбора женских имен у Пястов.

Вместе с тем, как в генеалогическом исследовании О. Бальцера, так и в позднейших исследованиях[34], указывается, что детьми венгерки Елизаветы со всей определенностью можно назвать лишь двух сыновей — Одона и Стефана. Что же касается дочерей Мешко Старого, то некоторые из них могли быть рождены и во втором браке Мешко с Евдокией, княжной Рюриковной (см. табл. № 11 к настоящей главе). Евдокия, по прочно утвердившемуся в историографии мнению, была дочерью Изяслава Мстиславича (что, впрочем, напрямую не зафиксировано ни в одном источнике), т. е. еще одной правнучкой Владимира Мономаха. В этом случае принцип выбора имени для дочери Мешко Старого еще более очевиден: Евдокия называет ее в честь собственной ближайшей кровной родственницы (двоюродной сестры) из рода Рюриковичей, принадлежавшей, как и она сама, к польскому королевскому дому по браку.

В источниках сохранилось лишь указание на день кончины старшей Верхуславы, дочери Всеволода Мстиславича, — 15 марта[35]. По всей вероятности, она умерла между 1149 и 1167 гг. Приблизительно в это же время появилась на свет младшая Верхуслава, дочь Мешко Старого. Традиции польского княжеского дома, как кажется, позволяли назвать девочку и в честь живой родственницы. Однако, если мы допускаем, что младшая Верхуслава была дочерью именно русской княжны, а не венгерской принцессы, и выбор имени для нее в значительной степени зависел от воли матери, то вероятнее, что женщина из рода Рюриковичей использовала бы родовое имя не живой, а недавно умершей родственницы[36].

---

34 См. [Jasiński 1992. S. 240].

35 См. [Balzer 1895. S. 546].

36 Строго говоря, родство между двумя *Верхуславами* было не столь уж близким. Если бы дело происходило на Руси, княжна вполне могла бы получить то же имя, что носила ее живая двоюродная тетка. Однако в ситуации, когда две русские кузины были выданы замуж в Польшу, не могло, как кажется, не произойти сближения между ними, своеобразного «укорачивания» родовой дистанции. В рамках чужого рода двоюродная сестра, жившая здесь же, ситуативно не могла не восприниматься как ближайшая родня, а следовательно, ее имя все же скорее могло использоваться лишь посмертно. Впрочем, в таком сложном случае пересечения двух родовых традиций едва ли можно настаивать на сколько-нибудь определенной последовательности событий.

Впоследствии это же имя было дано и внучке Мешко и Евдокии, дочери Болеслава и поморской княжны Доброславы, родившейся, по-видимому, не позже 1195 г. и ставшей монахиней (см. табл. № 11 к настоящей главе). Она, таким образом, получила имя своей тетки (родной или, по крайней мере, единокровной) при жизни последней, так как Верхуслава-Людмила, дочь Мешко Старого, умерла лишь в 1207 г. Если известие об имени этой польской княжны достоверно, то перед нами свидетельство довольно основательного усвоения имени *Верхуслава* в династии Пястов.

Итак, мы можем наблюдать, каким образом женское династическое имя Рюриковичей проникает в именослов польского правящего дома. Сходный, хотя куда хуже зафиксированный в источниках процесс, возможно, имел место и в случае с именем *Звенислава* (см. табл. № 12 к настоящей главе). Согласно тексту жития Евфросинии Полоцкой, так звали двоюродную сестру святой, дочь полоцкого князя Бориса Всеславича, принявшую постриг под именем *Евпраксия*[37]. Летопись упоминает также другую *Звенислову*, вовлеченную в систему междинастических браков, дочь князя Всеволода Ольговича:

«...ѿда Всеволодъ дчѣрь свою Звѣнисловоу в Лахы за Болеслава»[38].

Если согласиться с точкой зрения О. Бальцера, Звенислава Всеволодовна была выдана замуж за Болеслава Высокого, сына Владислава II (Изгнанника)[39].

О. Бальцер полагал, что имя *Звенислава* вскорости еще раз появляется в династии Пястов, на этот раз речь идет уже об урожденной польской княжне. Польский исследователь приписывал это имя одной из дочерей Мешко Старого и его русской жены Евдокии[40] (см. табл. № 12 к настоящей главе). Если мы принимаем это построение, то более или менее очевидно, что и в этом случае Мешко и Евдокия дали имя своей младшей дочери Звениславе в честь кого-то из русской родни. Не исключено, что свою роль сыграло здесь имя Звенислава Всеволодовны.

Мешко Старый приходился Болеславу Высокому дядей и при этом был с ним примерно одного возраста. В семье самого Мешко, по-видимому, вообще охотно называли девочек в честь русских свойственниц, однако в данном случае дядя называет дочь не просто в честь жены племянника[41]. Звенислава Всеволодовна и Евдокия, жена Мешко, принадлежали к роду Рюриковичей,

---

37 См. [ПЕП. С. 175]. Ср. [Макарий. Кн. 2-я. С. 316; Голубинский. Т. I. 2-я половина тома. С. 598].

38 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 313 под 1142 г.].

39 См. [Balzer 1895. S. 134]. Сыновьями Болеслава Высокого были Генрих Бородатый и Ярослав — князь силезский и вроцлавский (см. табл. № 12 к настоящей главе). Как кажется, имянаречение второго сына Болеслава недвусмысленно свидетельствует о близких связях с домом Рюриковичей.

40 См. [Balzer 1895. Tab. IV. № 11].

41 Менее вероятно, хотя и возможно, что на выбор имени для дочери польского князя повлияло родовое имя русской монахини из рода Рюриковичей, Звениславы-Евпраксии (см. табл. № 12 к настоящей главе).

их отцы были представителями разных его ветвей. При этом не исключено, что их связывало более близкое внутридинастическое родство.

Звенислава Всеволодовна принадлежала по отцу к роду Ольговичей, потомков Святослава Ярославича (см. табл. №№ 12, 13 к настоящей главе). Ее отец, Всеволод Ольгович, был женат на одной из дочерей Мстислава Великого, сестре Изяслава Мстиславича (предполагаемого отца нашей Евдокии) [42]. Таким образом, Звенислава Всеволодовна, возможно, приходилась Евдокии двоюродной сестрой со стороны матери (подобно тому, как Верхуслава была кузиной Евдокии со стороны отца, ср. табл. № 11 к настоящей главе). Перед нами в таком случае классический пример передачи женского имени по женской же линии родства.

Однако необходимо помнить о том, что самый факт наличия у дочки Мешко Старого и Евдокии имени *Звенислава* является довольно спорным и необщепризнанным. Так, например, К. Ясинский полагает, что имя этой дочери Мешко попросту остается неизвестным, и при этом Звенислава, жена поморского правителя Мстивоя I, дочкой польского князя не является [43] (ср. табл. № 13 к настоящей главе). Разумеется, при такой постановке вопроса весьма любопытно с точки зрения истории женского именослова у Рюриковичей, чьей же дочерью была эта жена поморского князя, скончавшаяся 1 мая 1220 г. В любом случае появление и функционирование этого имени в других династиях славянского мира позволяет утверждать, что и для Рюриковичей оно было не окказиональным, а вполне родовым.

Рассматривая династические браки Рюриковичей со славянскими и скандинавскими династиями, можно, во-первых, наблюдать, что обмен именами происходит с наибольшей вероятностью на уровне женского именослова. В качестве возможного заимствования из польского династического обихода приведем уже упоминавшееся имя дочери Святослава Всеволодича, Болеславы Святославны [44] (см. табл. №№ 4, 13 к настоящей главе).

---

42 Согласно В.Н. Татищеву, эту дочь Мстислава Великого, жену Всеволода Ольговича, звали *Агафьей* [Татищев. Т. II. С. 131–132. Т. IV. С. 181]; ср., впрочем: [Карамзин. Т. II. Примеч. 254]. Однако в историографии эта княгиня едва ли не чаще фигурирует как *Мария* (см., например: [Максимович 1877. С. 161–171; Baumgarten 1927. P. 23. Tab. V. № 22; Янин 1970. Т. I. С. 71, 189]) или попеременно именуется то *Агафьей*, то *Марией* (ср. [Марголіна 2003]). Впрочем, и те, и другие данные о крестильном имени (именах?) этой дочери Мстислава Владимировича не вполне надежны, и потому в наших построениях мы все же вынуждены говорить о ней как о «не известной по имени».

43 См. [Jasiński 1992. S. 245. Przyp. 58].

44 Не исключено, что польские княжны, попадая на Русь, приносили с собой и некоторые традиции, связанные с наречением мальчиков. Правда, это относится скорее к крестильным, а не мирским, княжьим именам. Строго говоря, они не привносят в фонд крестильных имен Рюриковичей чего-то принципиально нового, но при выборе из уже существующего списка ориентируются на такие имена, которые по-

Во-вторых, очевидно, что исследования междинастических связей дают дополнительные данные о воспроизводимости некоторых имен. Эти данные позволяют говорить о целом списке женских родовых имен, которые в роду Рюриковичей не имеют мужских соответствий, но являются династическими и повторяются из поколения в поколение. Приведем еще раз примеры таких имен: *П(е)редслава, Сбыслава, Верхуслава, Звенислава, Маль(м)фрид, Рогнеда.*

Распространенность форманта *–слав* в женских княжеских именах не означает, разумеется, отсутствие у представительниц дома Рюриковичей славянских имен, состоящих из других элементов. Так, в польских источниках зафиксировано имя русской княжны, дочери Владимира Святого и, соответственно, сестры Ярослава Мудрого и П(е)редславы[45] (см. табл. № 15 к настоящей главе). Согласно «Рочнику краковского капитула» она носила имя *Добронега*[46], которое в других источниках может передаваться как *Доброгнева*[47], а также *Добровка / Добравка*[48]. Не исключено, впрочем, что в этих

лучали в крещении Рюриковичи, некогда уже породнившиеся с польским правящим домом (см. табл. № 14 к настоящей главе). Так, в свое время дочь Болеслава Великого была, как известно, выдана замуж на Русь за Святополка Окаянного. Близость этого князя к роду своей жены, военная помощь тестя играли едва ли не решающую роль в его династической судьбе. В крещении Святополк звался *Петром.* Это имя фигурирует у Рюриковичей в качестве крестильного и позже, но при этом остается достаточно редким (ср. [Назаренко 2001. С. 382]). Тем показательнее то обстоятельство, что имя *Петр* в крещении получает Ярополк Изяславич, внучатый племянник Святополка-Петра Окаянного, сын Гертруды и Изяслава Ярославича. Гертруда была следующей (после жены Святополка Окаянного) из польских княжон, которую выдали замуж на Русь. Неудивительно, что ее сын получил в крещении то же самое имя, что и русский свойственник Гертруды, муж ее тетки. При этом имя полностью соответствовало родовой стратегии Рюриковичей, так как другой сын Изяслава Ярославича получил мирское имя *Святополк.* Иными словами, имена зятя Болеслава Великого, Святополка-Петра Окаянного, были распределены между двумя братьями, его внучатыми племянниками.

45 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 142 под 1043 г.].

46 См. [Щавелева 1990. С. 148]; ср. [Пчелов 1994. С. 31–33; Пчелов 2001. С. 208–209], с указанием литературы.

47 Ср., например: [ПСРЛ. Т. XL. С. 53. С. 38]. По-видимому, первичной является именно форма *Добронега*, а *Доброгнева* — результат позднейшей переработки, относящейся к XIV — XV в. [Balzer 1895. S. 170; Hertel 1980. S. 148–149]. Имена с основой *–нег* были вполне распространены на Руси за пределами рода Рюриковичей, ср. имя знатных новгородцев *Нежата, Нежатиничи*, а также *Нежко.*

48 См. [Balzer 1895. S. 87–90; Тупиков 1903. С. 517]. В историографии появляется ряд имен с элементом *добр–*, не зафиксированных, как кажется, ни в каких средневековых источниках. Они рождаются из гипотезы о том, что славянские имена княжон нередко бывали результатом перевода их крестильных греческих имен. Таким образом, *Евпраксия* превращалась в *Добродею* и т.п. В действительности мы не знаем ни

текстах имя *Добровка* / *Добравка* возникло как результат смешения имен жены Казимира Восстановителя (Добронеги Владимировны), чешской княжны Дубравки, жены Мешко I[49], и княгини Дубравки, жившей в XIII в. (супруги волынского князя Василька Романовича)[50]. Имя *Добронега* становится для Пястов династическим, так же как имена *Верхуслава* и *Звенислава*. *Добронегой*, в частности, называют дочь Болеслава Кривоустого и Саломеи. В источниках она известна как Добронега-Лиутгарда. По-видимому, имя *Добронега* она получила на родине, а *Лиутгардой* стала, выйдя замуж за маркграфа лужицкой марки Дитриха.

Подвижность и относительно бóльшая проницаемость для внешних влияний женской части антропонимикона Рюриковичей сочеталась с определенной устойчивостью некоторых ее элементов. Нам уже приходилось упо-

---

одного случая подобного перевода на Руси. Вообще примеры столь прямого соотнесения славянского и крестильного имени, как кажется, весьма редки. Собственно говоря, речь может идти только об одном случае, когда перевод, передача значения, возможно, как-то учитывались при выборе христианского имени. Не исключено, что семантика имен напрямую сыграла роль при выборе христианского имени для крестителя Руси, Владимира Святого, нареченного *Василием*. Но и в этом случае не следует забывать о том, что выбор его имени определялся несколькими факторами, среди которых перевод как таковой едва ли имел первостепенное значение. К теме — перевод имен собственных см., в частности: [Лопарев 1902; Членов 1970; Мурьянов 1974; Клейненберг 1978; Литвина, в печати; Назаренко, в печати]. Поздним примерам перевода и переосмысления некоторых династических имен Рюриковичей посвящена работа А.С. Усачева (см. [Усачев, в печати]); выражаем признательность автору за возможность ознакомиться с рукописью.

49 Некоторыми исследователями имя *Дубравка* опознавалось как уменьшительная форма имени *Добрава* [Jasiński 1997. S. 295–297. Przp. 58], однако более правдоподобной представляется версия о том, что *Дубравка* — это самостоятельное имя [Dąbrowski 2002. S. 97].

50 Фигура этой княгини остается довольно загадочной. О существовании у Василько Романовича жены с таким именем мы узнаем из папского послания Иннокентия IV галицко-волынскому князю от 5 декабря 1247 г. (см. [АИ. Т. I. С. 67. № 76; Большакова 1976. С. 128–129]). Из этого текста следует также, что она состояла со своим мужем в 3-й степени родства, что, казалось бы, должно облегчить ее идентификацию. Однако все, что мы знаем о браках Василько Романовича из русских источников, весьма плохо соотносится с теми указаниями, которые мы обнаруживаем в послании Иннокентия IV. Это породило неизбежную дискуссию о происхождении этой княгини. Наименее вероятна, как кажется, точка зрения, что она была дочерью Юрия Всеволодича Суздальского, о браке с которой сообщают летописи [ПСРЛ. Т. XV: Тверская летопись. Стб. 346; Т. XL. С. 116 под 1226 г.]. См. подробнее: [Голубинский. Т. II. 1-я половина тома. С. 876; Baumgarten 1927. P. 44, 45–46. Tab. X. № 17. P. 47–49. Tab. XI. № 5; Назаренко 2001. С. 583; Dąbrowski 2002. S. 86–88, 91–98], с указанием литературы.

минать о том, что выбор родовых имен — как мужских, так и женских — зачастую безразличен к сиюминутным политическим противоречиям. Тем не менее отдельные мужские имена более или менее твердо закрепляются за одними ветвями рода и оказываются «запрещенными» или редкими для других. Так, имя *Рогволод* является прерогативой полоцкого княжеского дома, хотя Рогволод — отец Рогнеды — приходится дедом по материнской линии Ярославу Мудрому и, соответственно, прадедом всем Ярославичам. Невозможно, однако, представить себе, чтобы именем *Рогволод* был наречен кто-либо из Мономашичей. Между тем женское имя *Рогнеда*, например, получает дочь Мстислава Великого, внучка Владимира Мономаха и праправнучка Рогнеды Рогволодовны (см. табл. № 16 к настоящей главе)[51].

Возвращаясь к вопросу о мужских и женских вариантах династических имен, необходимо отметить, что имена *Рогнеда* и *Рогволод* являются примером архаического принципа имянаречения, когда имена родителей частично повторяются в именах детей[52]. Существенно, что буквальный повтор имен живых родителей нехарактерен для некоторых родовых традиций.

Трудно сказать, в какой степени к XII в., ко времени наречения дочери Мстислава Великого, была актуальна парность имен *Рогволод* и *Рогнеда*[53], однако самый принцип варьирования имени предка в имени потомка, несомненно, сохранял свою актуальность и использовался при наречении девочек. Как известно из скандинавских источников, еще одну дочь Мстислава Великого, сестру Рогнеды и Маль(м)фрид, звали *Ингибьёрг*. Это имя, с одной стороны, частично повторяет имя ее прапрабабки по отцу — Ингигерд, жены Ярослава Мудрого, а, с другой стороны, в него входит в качестве составного элемента и имя ее деда по матери, шведского конунга Инги[54] (см. табл. № 16 к настоящей главе).

Таким образом, имя *Ингибьёрг* было не чужим на русской почве и ассоциировалось с именами предков Ингибьёрг Мстиславны как по отцовской, так и по материнской линии. Мы не располагаем какими-либо сведениями о том, была ли Ингибьёрг Мстиславна первой и последней носительницей такого имени в роду Рюриковичей, однако само подобие этого имени и имени ее старшей родственницы, жены Ярослава Мудрого, позволяет, на наш взгляд, упомянуть *Ингибьёрг* в ряду русских династических имен.

Итак, мы можем проследить династическую историю достаточно большой группы женских имен рода Рюриковичей. Как кажется, имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют утверждать, что женские имена про-

---

51 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 529, 531 под 1168 г.].

52 Подробнее см. гл. II, с. 45.

53 Напомним, однако, что родного дядю Рогнеды Мстиславны с материнской стороны звали династическим именем *Рёгнвальд* (Ragnvaldr), так же как и ее отдаленного предка — Роговолода Полоцкого.

54 Ср. также гл. II, с. 64–65.

являют не меньшую устойчивость, чем мужские. Они могут наследоваться из рода матери, закрепляя тем самым недавно возникшие межродовые отношения. Но зачастую они приходят от бабки или прабабки по отцу, а также от кого-либо из их родственниц — в этом случае как бы возобновляются, фиксируются вновь прежде установленные отношения свойствá, сделавшиеся со сменой поколений родственными отношениями. Одна из важнейших функций именования княжны это передача в род ее мужа «информации» о роде ее отца. При этом необходимо помнить, что каким-то образом запрет на наречение мирским именем живого предка по мужской линии распространялся и на женских представителей рода. Говоря о выборе имени для девочки, как кажется, можно утверждать, что оно не могло быть просто женским вариантом родового имени отца. Иными словами, князь Ярослав не называл, по-видимому, дочь Ярославой, а Всеслав — Всеславой, возможен был лишь повтор одного элемента — Рогволод / Рогнеда, Святослав / П(е)редслава.

Парадоксальным образом, после брака эта информация о роде отца в известном смысле поглощается и рассеивается новыми родовыми отношениями, нивелируется полнотой ее перехода в род мужа. Тем не менее, эта утрата лишь временна и относительна, роль брака как средства создания связи между различными родами или ветвями рода оказывается весьма действенной. При этом в имянаречении, как уже говорилось, она скорее проявляется в именах девочек. Именования по отцу и по мужу (иногда включающие в себя именования по деду и по свекру) подчеркивают знатность женщины и весьма удобны с точки зрения той функции связующего звена между родами, которая на нее возлагается. Возможно, этой же цели служил и повтор одного из элементов имени отца в личном имени дочери.

Женские имена и матримониальная политика Рюриковичей

Если говорить не обо всех способах именования женщины, а исключительно о личных родовых именах, то выбор женского имени сопоставим с выбором имени мужского. Вместе они являют собой две составные части общей системы династического имянаречения. В то же время, различия в функциях мужского и женского имени в источниках проявляются не только в том, что мужские имена употребляются чаще, а женские реже. Эти различия видны, в частности, в том, что касается бытования христианских и мирских имен Рюриковичей. Условно говоря, в результате взаимодействия христианского и исконного именословов к концу XII в. мы обнаруживаем в летописи куда больше князей, которые регулярно упоминаются под своими христианскими именами, нежели в XI в. или даже в первой половине XII в.

Что касается женских имен, то здесь соотношение христианских и исконных имен выглядит несколько иначе. На фоне общей немногочисленности женских имен в летописном тексте нам известно некоторое количество христианских имен русских княжон и княгинь рубежа XI — XII вв. При этом в источниках мы наблюдаем своего рода «вспышку» употреблений исконных

княжеских имен среди женщин во второй половине XII в. Иными словами, из летописи мы знаем, например, мирские княжеские имена четырех дочерей Всеволода Большое Гнездо, тогда как часть сыновей этого князя известны нам уже исключительно под христианскими именами.

С чем может быть связан подобный интерес летописи к исконным женским именам во второй половине XII столетия? Возвращаясь к уже рассматривавшейся теме мужских и женских вариантов одного и того же имени, необходимо вспомнить, что именно с этим временем связано обильное упоминание в летописи таких женских княжеских имен, которым находится соответствие внутри мужского княжеского антропонимикона самих Рюриковичей. Как уже говорилось, в более ранний период относительно регулярно употребляются женские имена, состоящие из традиционных для знатных родов элементов, но не имеющие мужских соответствий в родовой традиции Рюриковичей. Во второй же половине XII в. эти женские имена зачастую соседствуют с такими именами, как *Ярослава*, *Ростислава* или *Всеслава*.

На наш взгляд, все эти изменения в частоте употреблений женских имен в источниках, а возможно и в самой стратегии имянаречения, опосредованным образом отражают изменения в соотношении разных тенденций в «брачной политике» рода Рюриковичей. Необходимо учитывать, что Рюриковичи были не только родом, но и правящей династией и, соответственно, их браки преследовали прежде всего династические цели. Князь чаще всего женился либо на представительнице иноземного правящего или аристократического рода, либо на знатной соплеменнице. Кроме того, с определенного времени он мог брать в жены и кого-либо из своих отдаленных родственниц, происходивших из династии Рюриковичей[55]. Иными словами, брак был важнейшим инструментом установления связей между династиями или далеко разошедшимися ветвями рода, а иногда и средством контроля одной из этих ветвей над другой.

Во второй половине X столетия для закрепления скандинавского рода на славянской территории очень большое значение имели его связи с местной знатью, что и отразилось в стратегии династического имянаречения, переориентировавшейся отчасти со скандинавского на славянский антропонимикон. Если же позднее, в XI — XII вв., князь из рода Рюриковичей женился на женщине некняжеского происхождения, то, скорее всего, доминировали его родовые интересы.

При этом браки с представительницами знати, живущей на русской земле, никогда не утрачивают своей актуальности полностью. Говоря о «знати», мы подразумеваем людей из княжеского окружения, из которых рекрутировались тысяцкие, наместники, воеводы, воспитатели малолетних князей, круг, из которого происходили ближайшие советники князя. Они составляли тот слой скандинавской и славянской аристократии, из которой выкристаллизовался в свое время и род Рюриковичей.

---

[55] Трудно утверждать наверняка, когда и кем был заключен первый из внутридинастических браков. По-видимому, это происходит не ранее последних десятилетий XI в.

Особенно хорошо история такой аристократии, славяно-варяжской по происхождению, прослеживается на новгородской земле. Так, предком нескольких знатнейших новгородских родов, в частности Мирославичей и Михалковичей, некоторые исследователи считают Рёгнвальда (Рогволода) Ульвссона[56]. Род Рёгнвальда был исторически не менее знатным, чем род Рюриковичей; сам же Рёгнвальд состоял в родстве с Ингигерд, женой Ярослава Мудрого (см. табл. № 17 к настоящей главе). Возможно, именно этим обстоятельством объясняется брак князя Мстислава Юрьевича, сына Юрия Долгорукого, с дочерью знатного новгородца Петра Михалковича[57], а также брак его племянника, Мстислава Ростиславича, внука Долгорукого, с дочерью другого новгородца, посадника Якуна Мирославича[58]. Не исключено, что какими-то сходными генеалогическими соображениями был обусловлен и брак Мстислава Великого с дочерью новгородца Дмитрия Завидовича[59].

Кроме того, князь Юрий Долгорукий не только «повелѣ ...сн҃ви своему Новѣгородѣ женитисѧ», но, по-видимому, и одну из своих дочерей отдал замуж на Руси за человека некняжеского происхождения (ср. табл. № 18 к настоящей главе). Летопись упоминает «сестричича» (т. е. племянника от сестры), имевшегося у сына Долгорукого, Всеволода Большое Гнездо. Тот носит имя *Яков* и принадлежит к ближайшему окружению своего дяди, князя Всеволода. Так, в частности, Яков и его жена возглавляют свадебное посольство во время свадьбы Верхуславы Всеволодовны и Ростислава Рюриковича[60].

При этом далеко не всякий брак с новгородкой считался подобающим для князя. О втором браке Святослава Ольговича, сына Олега Святославича и брата Всеволода Ольговича, летопись рассказывает следующим образом (см. табл. № 19 к настоящей главе):

«Въ то же лѣто оженися Святославъ Олговиць Новегородѣ, и вѣньцяся своими попы у святого Николы; а Нифонт его не вѣньця, ни попом на сватбу, ни церенцемъ дасть, глаголя: не достоить ея пояти»[61].

---

56 См. [Молчанов 1997а; Молчанов 1997б; Гиппиус 2001. С. 59–65; Гиппиус 2003; Ф.Б. Успенский 2004в; Ф.Б. Успенский, в печати-б] и Экскурс № 4.

57 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 482 под 1155 г.].

58 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 35 под 1176 г.].

59 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 21]. Подробнее о браках Мстислава Великого и о связях рода Рюриковичей с родом Рёгнвальда Ульвссона см. Экскурс № 4.

60 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 658 под 1187 г.].

61 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 24, 209 под 1136 г.]. По-видимому, князья стремились жениться на женщинах из знатных родов, однако у нас нет оснований считать, что архиепископ Нифонт отказывался венчать князя из-за незнатности невесты, как это иногда предполагается исследователями (см., например: [Горский 2001. С. 12; Гиппиус 2004. С. 172. Примеч. 5]). Как кажется, в компетенцию церкви входил контроль над каноничностью брака, разница же в происхождении жениха и невесты церковных правил не нарушала. Едва ли архиепископ Нифонт мог присвоить себе функции блюстителя родового аристократизма.

С другой стороны, Рюриковичи явно стремились устанавливать отношения свойствá и родства с правителями. Как известно, в круг этих династических связей вовлекались правящие династии Скандинавии, Польши, Венгрии, Византии и др. Значительную роль играли и связи с половцами, ясами, обезами и другими нехристианскими народами. Коль скоро княгиня происходила из рода, правившего на более или менее отдаленной территории, значимость ее рода в стратегии имянаречения во многом зависела от актуальности и интенсивности контактов с ее родиной. Родство по материнской линии нередко служило надежным основанием для военных союзов. Дети сестры зачастую могли рассчитывать на помощь и покровительство своих «уев» (дядьев со стороны матери). Замужняя женщина со своими детьми — в случае смерти мужа, его изгнания или иной политической угрозы, — естественным образом, искала помощи в роду своего отца. Примеры такого рода, разумеется, весьма многочисленны[62], и они полностью соответствуют той двойственности отношений свойствá, родства через брак, которая присутствует во всякой родовой традиции, а особенно в династической.

Скорее всего, этот брак не соответствовал какому-либо из церковных установлений. Помимо близкого родства, которое чаще всего и служило препятствием для княжеских браков, это могло быть, например, число предыдущих браков жениха или невесты, или возраст невесты. Кроме того, известны примеры, когда князь отнимал жену у живого мужа (ср. табл. № 20 к настоящей главе). Ср. летописный рассказ о Владимире Ярославиче Галицком, который «поꙗ оу попа женоу и постави собѣ женоу» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 659 под 1188 г.].

Показательно, что в летописи этот последний брак князя с попадьей рассматривается как безусловно неподобающий, и тем не менее попадья трактуется здесь не иначе как жена князя, а его сыновья от нее — как наследники княжеского рода. Действительно, нежелание «кланѧтисѧ попадьи» послужило предлогом для бунта галицких бояр, однако они выдвигают этот предлог и говорят о своем намерении убить ее лишь тогда, когда старший сын князя и «попадьи» успел достичь брачного возраста и жениться на дочери князя Романа Мстиславича [ПСРЛ. Т. II. Стб. 660]. При этом галичане предлагают своему князю выбрать вместо «попадьи» любую невесту, никак не оговаривая ее знатности в качестве условия для брака.

Открыто высказанное намерение убить попадью, по-видимому, является прямой отсылкой к семейной ситуации с отцом Владимира Ярославича, Ярославом Осмомыслом. Галичане убили его наложницу, мать его младшего сына, Олега. Не исключено, что Ярослав пытался трактовать связь с Настасьей как брак и, во всяком случае, рассматривал Олега как своего основного наследника. Однако эта связь никак не могла быть признана браком ни с точки зрения церкви, ни с точки зрения родовых отношений. Ярослав Осмомысл уже был женат на дочери Юрия Долгорукого, Ольге (в иночестве Евфросинии).

62 Так, Ингибьёрг, уже упоминавшаяся дочь Мстислава Великого, выданная замуж в Данию, приезжает рожать в дом своего отца, и будущий конунг данов не только появляется на свет на Руси, но и нарекается в честь своего русского прадеда — Владимира Мономаха, отца Мстислава. См. [Ф.Б. Успенский 2002. С. 34–35, 43–44; Lind 1992. P. 226, 235].

С одной стороны, княгиня и в еще большей степени ее потомство принадлежали роду того, за кого она была отдана. Эта принадлежность должна была оставаться неизменной при всех условиях, в частности при возникновении противоречий между родом ее мужа и ее отца. С другой стороны, в иных случаях интересы семьи невесты могли оказаться не менее весомыми, чем интересы семьи жениха. Такая ситуация наиболее отчетливо проявляется в тех случаях, когда браки заключаются внутри разрастающегося рода Рюриковичей. Подобная амбивалентность и взаимное наложение систем родства и свойствá может наблюдаться относительно рано, уже в браках некоторых из дочерей Мстислава Великого (см. табл. № 21 к настоящей главе).

Как известно, этот князь выдает одну из дочерей замуж за Всеволода Ольговича, сына своего крестного отца и давнего «оппонента» — Олега Святославича Черниговского. Позднее, когда Всеволоду Ольговичу удается отобрать у Мономашичей киевский стол, дочь Мстислава, ни разу не названная в летописи по имени, остается, видимо, весьма важной посредницей между своим мужем и братьями. Так, во время спора о новгородском княжении Изяслав Мстиславич поручает ей «испросить» для своих братьев этот стол у мужа, что, судя по свидетельству летописи, она с успехом и делает[63]. Вся ранняя политическая карьера ее сына, Святослава Всеволодича, строится то на союзе со своими «уями» (родом Мономашичей), то на союзе со «стрыями» (черниговскими князьями), причем зачастую и в том и в другом случае указывается напрямую, что каждый союз обусловлен родством[64].

Очевидно, таким образом, что дочь Мстислава играет немалую роль в судьбе отцовского рода и в судьбе рода собственного мужа. Вообще дочери Мстислава Великого, по-видимому, в большей степени, чем многие княжны, на всю жизнь оставались не только женами своих мужей, но и дочерьми своего отца. Эта связь с отцовским родом, сохраняющаяся и после замужества, подчеркивается в способе именования еще одной дочери Мстислава, выданной замуж за полоцкого князя Брячислава Давыдовича (см. табл. № 21 к настоящей главе). Она называется Мстиславной, т. е. по имени отца. Речь идет о столкновении ее брата с ее мужем, и в контексте повествования она причисляется, таким образом, к роду отца и брата:

«...и одва Мьстиславны товаръ оублюдоша»[65].

При этом в дошедших до нас русских источниках сохранилось личное имя только одной из всех многочисленных дочерей Мстислава — Рогнеда.

Дочь Юрия Долгорукого, Ольга (в иночестве Евфросиния)[66], вместе с сыном бежит из Галича от своего мужа, Ярослава Владимировича Осмомысла, и в конце концов находит пристанище у одного из своих братьев,

---

63 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 309; Т. II. Стб. 309].

64 См. подробнее гл. III, с. 101.

65 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 293 под 1129 г.].

66 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 389].

Михалко Юрьевича[67] (см. табл. № 22 к настоящей главе). В дальнейшем вся ее жизнь оказывается связанной с отцовским родом. Так, она участвует в процедуре имянаречения одной из своих племянниц, четвертой дочери другого брата, Всеволода Большое Гнездо, Пелагеи-Сбыславы, становясь ее крестной матерью[68]. Существенно, однако, что к этому времени главы рода, самого Юрия Владимировича Долгорукого, давно уже нет в живых. Любопытно, что личное имя этой его дочери, Ольга, упоминается в летописи неоднократно.

Не исключено, что сходным образом дело обстояло и с дочерью Рюрика Ростиславича П(е)редславой, которая, расставшись с мужем, вернулась в семью своего отца и принимала деятельное участие в важных событиях родовой жизни (см. табл. № 23 к настоящей главе). Личное имя П(е)редславы называется в сообщении о рождении ее племянницы, дочери Ростислава Рюриковича, причем именно она отвозит новорожденную «к дѣдоу и к бабѣ»[69]. Характерно, что, перечисляя членов княжеской семьи, приехавших на праздник в Михайловский монастырь, летописец называет их следующим образом:

«...великыи кн҃зь Рюрикъ кюръ Василии со хр^с^толюбивою кнѧгинею и со сн҃омъ Ростиславомъ и Володимеромъ и съ дочерью своею Передъславою и со снохою Ростиславлею»[70].

---

67 Напомним, что Ярослав Осмомысл стремился передать права на галицкий престол своему незаконному сыну Олегу от наложницы Настасьи (см. выше, примеч. 61, ср. табл. №№ 20, 22 к настоящей главе). Судя по имени его старшего сына, первоначально Осмомысл планировал иное распределение власти: его сын от Ольги получает «деднее» имя Владимир, т. е. обозначается как прямой преемник отцовской власти. Внебрачный же сын получает имя княжеское, но не связанное с отцовской ветвью рода, — Олег. Не исключено, что здесь мы имеем дело с выбором имени в честь рода друзей и союзников. Возможно, Осмомысл рассчитывал на поддержку рязанских князей, для которых имя Олег было, если так можно выразиться, самым родовым.

Наречение бастардов именем, нехарактерным для отцовского рода, практиковалось, в частности, в Скандинавии. При этом отец, желая передать незаконнорожденному какие-либо властные права, нередко давал ему особого рода имя [Ф.Б. Успенский 2001]. На Руси практика передачи власти внебрачным детям была куда менее распространена и, как кажется, не было выработано специальных механизмов имянаречения, которые поддерживали бы такой механизм наследования. Однако выбор имени для Олега Ярославича, который в летописи называется «Олег Настасьчичь» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 657 под 1187 г.], т. е. по имени матери Настаськи, может служить единичным примером такого выбора имени, когда, с одной стороны, отдается дань незаконному происхождению ребенка, а, с другой стороны, демонстрируется желание отца сделать его князем.

68 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 613 под 1179 г.].

69 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 708].

70 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 711].

Замужние женщины обозначены здесь по мужьям, личными же именами названы мужчины и расставшаяся со своим мужем П(е)редслава.

Наконец, личное имя еще одной галицкой княгини, родной дочери П(е)редславы Рюриковны (ср. табл. № 23 к настоящей главе), мы узнаем лишь в то время, когда семья ее мужа вынуждена бежать из Галича в результате интриг ее отца, Романа Мстиславича, причем галичане воспрепятствовали тому, чтобы молодая княгиня последовала в изгнание за мужем, и брак ее был фактически раторгнут. В летописи сообщается, что они «Романовноу Федероу ѿтнѧша оу Володимѣра <свёкра Феодоры Романовны. — *А.Л., Ф.У.*> послашасѧ по Романа»[71].

В этой связи можно упомянуть также судьбу дочери Мстислава Мстиславича Удатного, вышедшей замуж за князя Ярослава Всеволодича, отца Александра Невского (см. табл. № 22 к настоящей главе). Когда ее муж потерпел неудачу в конфликте с князьями, среди которых был и его тесть, тот увез дочь к себе и не отдавал ее, несмотря на мольбы мужа[72]. Однако вскоре, по всей вероятности, дочь Мстислава Мстиславича все же вернулась к Ярославу. Именно она и была, по-видимому, матерью всех его сыновей[73]. Христианское имя этой княгини, *Феодосия*, упоминается в жизнеописании ее сына, Александра Невского, а монашеское, *Евфросиния*, — в летописном сообщении о ее кончине. Княжеское же имя, *Ростислава*, фигурирует в единственном источнике, в сообщении о ее браке[74]. Показательно, что когда речь заходит о столкновении двух родов, о противостоянии ее мужа и тестя, она не называется по личному имени, а упоминается исключительно как дочь Мстислава[75] или жена Ярослава[76].

Тем не менее именно в это время, во второй половине XII в., как уже говорилось, в летописных текстах женские княжеские имена употребляются, в целом, несколько чаще, чем раньше. По-видимому, в возрастании роли женских родовых имен, в их относительном изобилии отразилось общее изменение семейно-династической ситуации Рюриковичей. С одной стороны, род Рюриковичей разросся, и одним из важнейших элементов политической стратегии становится, соответственно, заключение союза между отдалившимися ветвями рода. Браки превращаются в одно из эффективнейших средств создания подобных союзов. Можно предположить, что на некоторое время уменьшается роль династических браков с правящими домами сколько-нибудь отдаленных стран, идет на убыль и число браков со знатными соплеменницами некняжеского происхождения.

---

71 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 660].

72 См. [ПСРЛ. Т. V. Ч. 1. С. 201; Т. III. С. 54 под 1215/16 г.].

73 См. [Толстой 1887. С. 219. № 402. С. 226–227. № 411; Экземплярский. Т. I. С. 18–19. Примеч. 42]; ср. [Кучкин 1986].

74 См. [ПСРЛ. Т. XLI. С. 131 под 1214 г.].

75 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 54].

76 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 56].

Брак между княжескими детьми все в большей степени отражает теперь сиюминутное соглашение между отцами. Как это нередко бывает в подобных ситуациях, юный возраст брачующихся порой перестает быть препятствием для заключения брака. В то же время возрастает роль рода невесты, поскольку речь идет о своеобразном контракте между двумя равноправными сторонами.

В этом отношении весьма показательна, например, история брака Верхуславы, дочери Всеволода Большое Гнездо, с Ростиславом Рюриковичем, сыном Рюрика Ростиславича (см. табл. № 24 к настоящей главе). Согласно летописи, в процедуре сватовства активнее всех участвуют родственники жениха и невесты по женской линии — князь Глеб, дядя Ростислава с материнской стороны, и Яков, двоюродный брат Верхуславы, сын ее тетки. Рюрик Ростиславич, вместе со многими дарами, дает своей снохе город Брягин[77]. При этом в летописи упомянут и возраст брачующейся — 8 лет, что существенно ниже возраста, предписываемого каноническим правом.

Судя по всему, этот брак воплощал поддержку могущественного суздальского князя, поддержку небесспорных прав Рюрика Ростиславича и его потомства на киевский стол. Показательно в этом отношении имя новобрачного, *Ростислав-Михаил*, про которого специально подчеркивается в летописи, что он получил княжеское и крестильное имена своего деда, киевского князя, умершего приблизительно за пять лет до его рождения[78]. Подобное имянаречение свидетельствовало о далекоидущих планах отца новорожденного, который сам к тому времени еще не был киевским князем. Любопытно, что годом позже имя *Ростислав* получил и сын Ярослава Всеволодича, внук Всеволода Ольговича[79].

Впоследствии этот Ростислав Ярославич также женится на дочери Всеволода Большое Гнездо, Всеславе (см. табл. № 24 к настоящей главе). Можно

---

77 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 658 под 1187 г.].

78 «...и бы^с^ на Лучинѣ верьбноѣ недѣлѣ въ пѧтокъ слнцю въсходѧщю родисѧ ѹ него <Рюрика. — *А.Л., Ф.У.*> сн҃ъ и нарекоша и въ стмь крщньи дѣдне имѧ Михаило а кнѧже Ростиславъ дѣдне же имѧ и бы^с^ радость велика ѡ роженьи его и дасть ему оц҃ь его Лучинъ городъ вѣ нѣмже родисѧ и поставиша на томь мѣстѣ цркв҃ь ст҃го Михаила кде сѧ родилъ» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 567 под 1173 г.].

79 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 568 под 1174 г.]. Не исключено, что имя *Ростислав* было дано этому князю рязанско-черниговского дома по родству со стороны матери. Он был внуком Всеволода Ольговича и Мстиславны (см. табл. № 24 к настоящей главе). Сыновья Всеволода Ольговича, как уже упоминалось, на определенном этапе занимали промежуточное положение между «стрыями» и «уями», между родом отца и родом матери. Вполне вероятно поэтому, что Ярослав Всеволодич назвал ребенка именем его двоюродного деда со стороны матери, киевского князя Ростислава Мстиславича. С другой стороны, у этого княжича обнаруживается и полный тезка среди предков из черниговско-рязанского (т. е. отцовского) дома — муромский князь Ростислав Ярославич, внук Святослава Ярославича Киевского и правнук Ярослава Мудрого, приходившийся, правда, этому княжичу довольно дальним родственником (ср. табл. № 25 к настоящей главе).

предположить, что в браке обоих *Ростиславов*, Ростислава Ярославича и Ростислава Рюриковича, род невесты имел едва ли не больший вес, чем род жениха. По-видимому, Всеволод Большое Гнездо с самого начала рассматривал своих сыновей и дочерей как средство для построения исключительной системы свойства́, охватывающей всю территорию, подвластную Рюриковичам. Девочкам отводилась в этой системе почти столь же важная роль, что и мальчикам, и потому им — как в случае с Всеславой — могло даваться женское соответствие мужского родового имени, варьирующее к тому же имя отца (*Всеволод* — *Всеслава*). Во всяком случае их княжеские родовые имена подчеркивались и педалировались.

В подобном стремлении Всеволод был не одинок. Его сват, князь Рюрик Ростиславич, по-видимому, пытался проводить ту же политику, и в том, что касалось имянаречения детей, они с Всеволодом вступали в своеобразное соревнование (ср. табл. № 26 к настоящей главе). У каждого из этих князей есть сын, которому дается мирское имя *Владимир* и крестильное *Дмитрий*[80], у обоих есть дочери по имени *Всеслава*[81].

Браки княжеских дочерей, разумеется, всегда в значительной степени акт политический. Ко второй же половине XII в. складываются специфические параметры этой политики. На первый план выходят браки с представителями разошедшихся ветвей собственной династии Рюриковичей — такие союзы, с одной стороны, зачастую уже вполне допустимы с точки зрения канонического права, а, с другой стороны, именно они оказываются наиболее выгодными с точки зрения сиюминутной, текущей политики. Прежде столь почетное установление родства с правящими домами Западной Европы и Византии на время отходят на периферию родовой политики, равно как и союзы с представителями местной некняжеской элиты. Судя по употреблению женских княжеских имен в летописи, происходят некоторые изменения в династической системе координат: зачастую у женщины, приходящей из некняжеского рода, и даже у иностранной принцессы связь с родом отца на русской почве поневоле ослабевает, что, как кажется, вполне соответствует той архаической родовой тенденции, когда женщина из рода отца целиком и полностью переходит в род мужа. Однако, как уже говорилось выше, эта тенденция редко доходит до своего логического завершения; чаще всего брак все же призван установить связь между родами. В XII в. эта связь становится все более равноправной. Иными словами, весьма нередки матримониальные союзы, в которых и после брака род отца невесты продолжает играть не меньшую роль, чем род жениха.

---

80 Ср. «...родисѧ оу Рюрикови сн҃ъ и нарѣкоша имѧ емоу во ст҃мъ крс҃шнии Дмитрѣи а мирьскии Володимеръ» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 657–658 под 1187 г.]; «Того же лѣт оу великого кнѧзѧ Всеволода родисѧ сн҃ъ до заоутренѧѩ ст҃го Дмитрѣа дн҃е и именины же тогда бѧхоуть Всеволодъ же велѣ оучинити сн҃ви своемоу во свое имѧ Дмитрѣи въ ст҃мь крс҃шнии а кнѧжее имѧ оучини емоу Володимиръ дѣда своего имѧ Мономаха Володимѣра» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 674–675 под 1192 г.].

81 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 405 под 1187 г. Стб. 424 под 1206 г.; Т. II. Стб. 708 под 1199 г.].

ТАБЛИЦА № 1

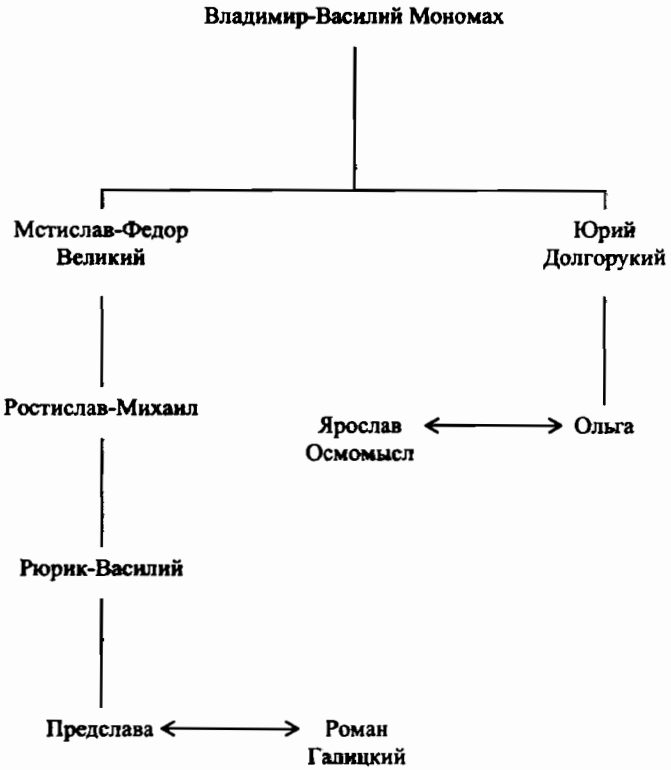

Владимир-Василий Мономах
Мстислав-Федор Великий
Юрий Долгорукий
Ростислав-Михаил
Ярослав Осмомысл
Ольга
Рюрик-Василий
Предслава
Роман Галицкий

ТАБЛИЦА № 2

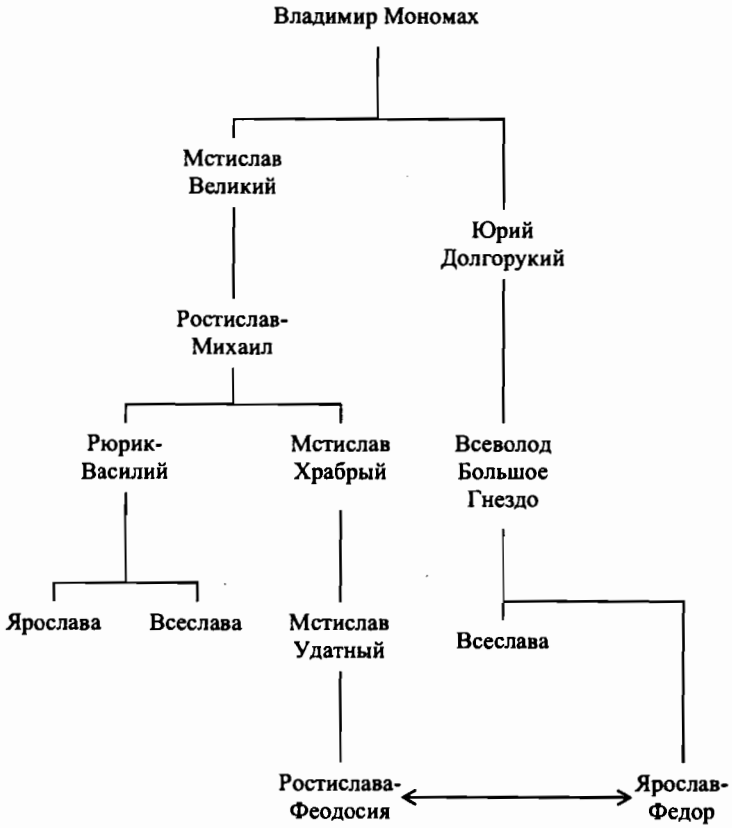

Владимир Мономах
Мстислав Великий
Юрий Долгорукий
Ростислав-Михаил
Рюрик-Василий
Мстислав Храбрый
Всеволод Большое Гнездо
Ярослава
Всеслава
Мстислав Удатный
Всеслава
Ростислава-Феодосия
Ярослав-Федор

ТАБЛИЦА № 3

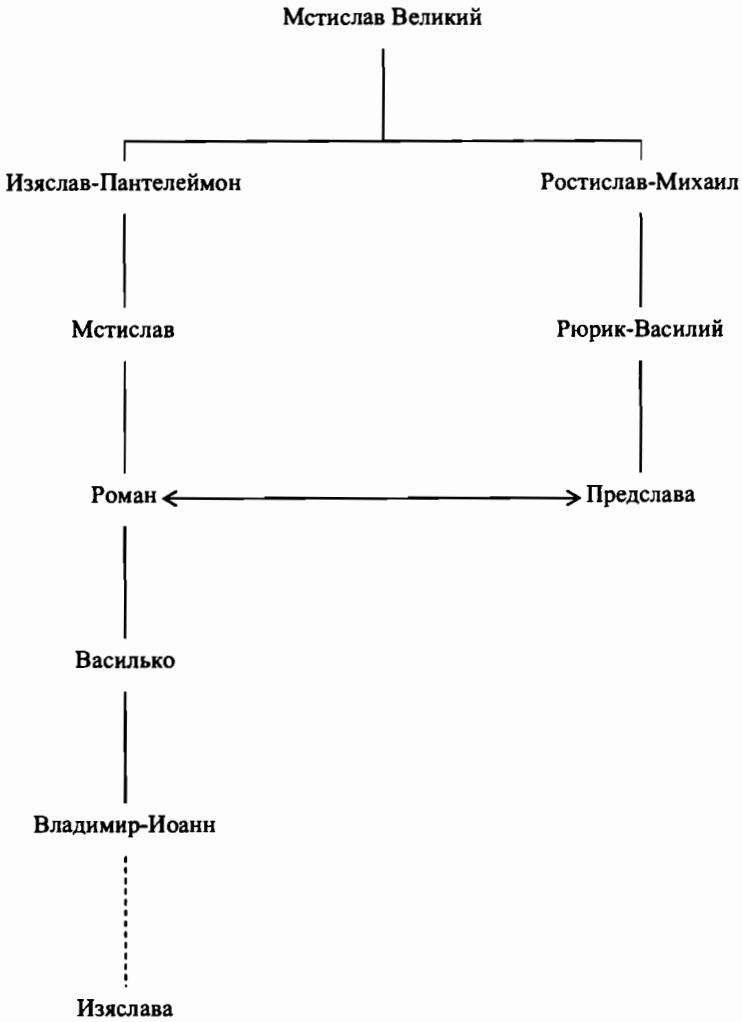

Мстислав Великий
Изяслав-Пантелеймон
Ростислав-Михаил
Мстислав
Рюрик-Василий
Роман
Предслава
Василько
Владимир-Иоанн
Изяслава

ТАБЛИЦА № 4

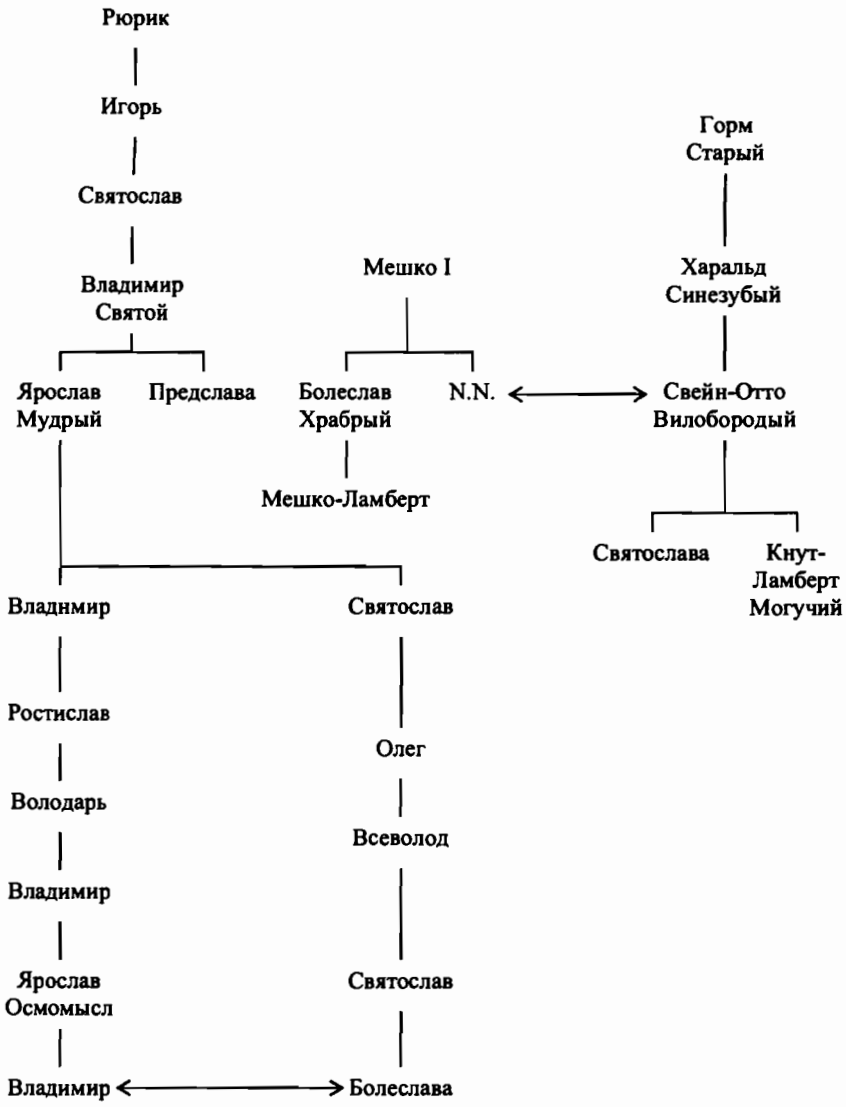

Рюрик
Игорь
Святослав
Владимир Святой
Ярослав Мудрый
Предслава
Мешко I
Болеслав Храбрый
N.N.
Мешко-Ламберт
Горм Старый
Харальд Синезубый
Свейн-Отто Вилобородый
Святослава
Кнут-Ламберт Могучий
Владимир
Святослав
Ростислав
Олег
Володарь
Всеволод
Владимир
Ярослав Осмомысл
Святослав
Владимир
Болеслава

ТАБЛИЦА № 5

Мешко I
Владимир-Василий Святой
Болеслав Храбрый
Ярослав-Георгий Мудрый
Мешко-Ламберт
Изяслав-Дмитрий
Всеволод-Андрей
Казимир Восстановитель
Святополк-Михаил
Владимир-Василий Мономах
Владислав-Герман
Болеслав Кривоустый
Сбыслава
Юрий Долгорукий
Всеволод Большое Гнездо
Сбыслава-Пелагея

ТАБЛИЦА № 6

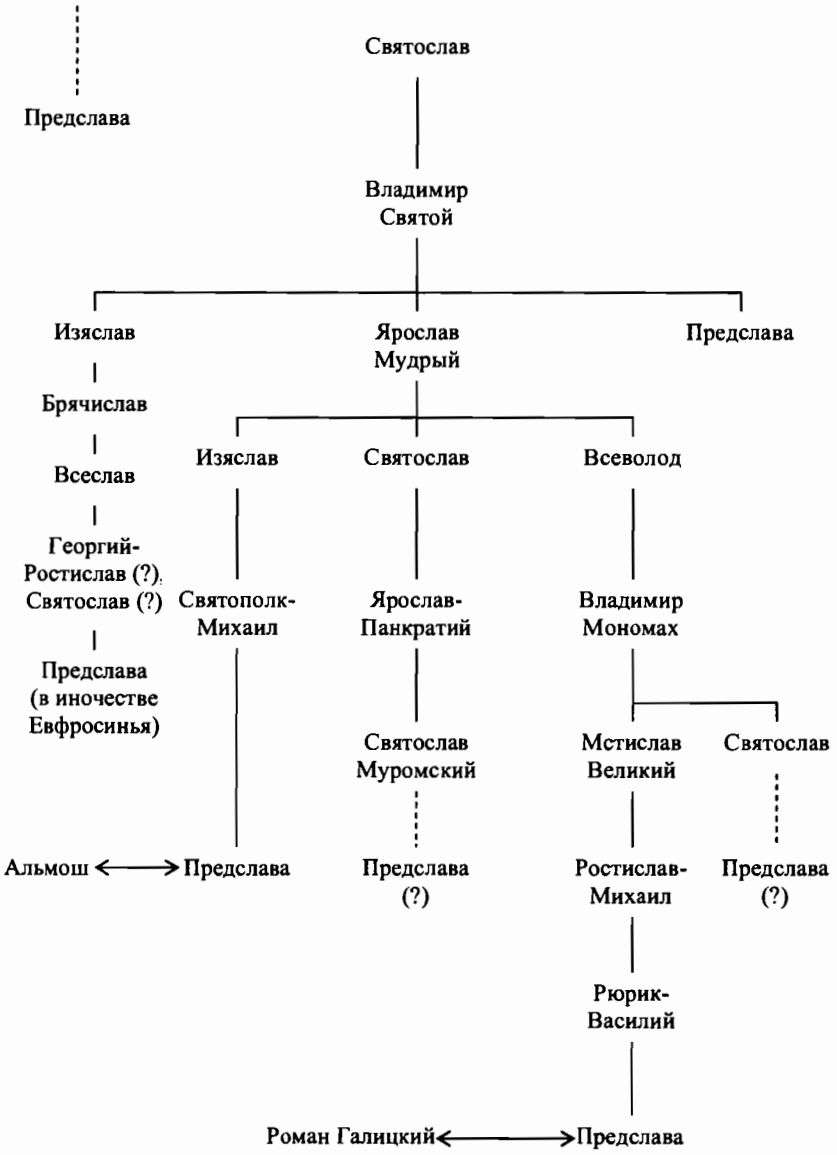

Предслава
Святослав
Владимир Святой
Изяслав
Ярослав Мудрый
Предслава
Брячислав
Всеслав
Георгий-Ростислав (?), Святослав (?)
Предслава (в иночестве Евфросинья)
Изяслав
Святослав
Всеволод
Святополк-Михаил
Ярослав-Панкратий
Владимир Мономах
Святослав Муромский
Мстислав Великий
Святослав
Альмош
Предслава
Предслава (?)
Ростислав-Михаил
Предслава (?)
Рюрик-Василий
Роман Галицкий
Предслава

ТАБЛИЦА № 7

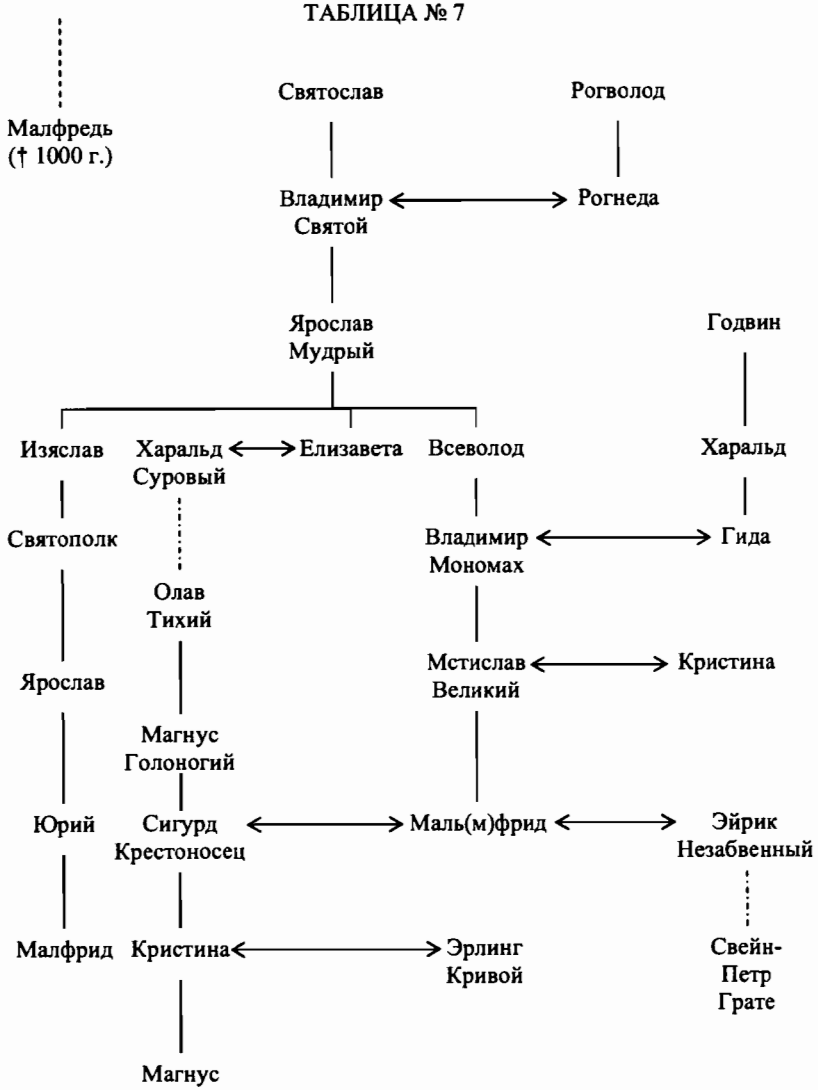

Малфредь
(† 1000 г.)
Святослав
Рогволод
Владимир
Святой
Рогнеда
Ярослав
Мудрый
Годвин
Изяслав
Харальд
Суровый
Елизавета
Всеволод
Харальд
Святополк
Владимир
Мономах
Гида
Олав
Тихий
Ярослав
Мстислав
Великий
Кристина
Магнус
Голоногий
Юрий
Сигурд
Крестоносец
Маль(м)фрид
Эйрик
Незабвенный
Малфрид
Кристина
Эрлинг
Кривой
Свейн-
Петр
Грате
Магнус

ТАБЛИЦА № 8

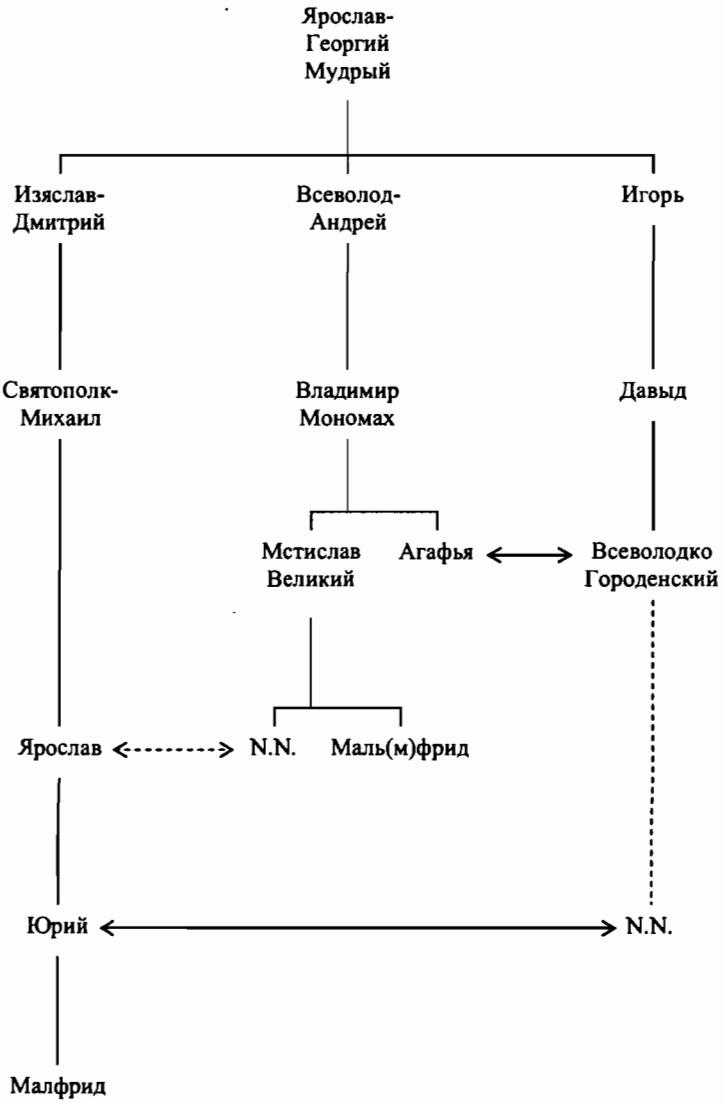

Ярослав-
Георгий
Мудрый
Изяслав-
Дмитрий
Всеволод-
Андрей
Игорь
Святополк-
Михаил
Владимир
Мономах
Давыд
Мстислав
Великий
Агафья
Всеволодко
Городенский
Ярослав
N.N.
Маль(м)фрид
Юрий
N.N.
Малфрид

ТАБЛИЦА № 9

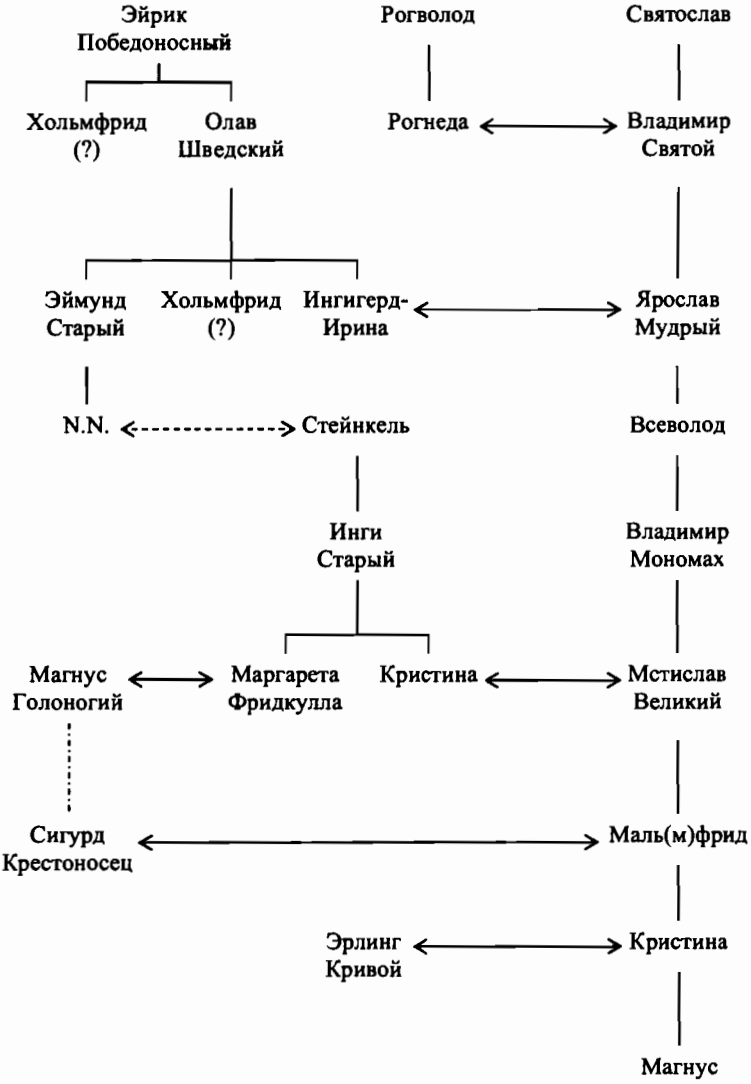

Эйрик Победоносный
Рогволод
Святослав
Хольмфрид (?)
Олав Шведский
Рогнеда
Владимир Святой
Эймунд Старый
Хольмфрид (?)
Ингигерд-Ирина
Ярослав Мудрый
N.N.
Стейнкель
Всеволод
Инги Старый
Владимир Мономах
Магнус Голоногий
Маргарета Фридкулла
Кристина
Мстислав Великий
Сигурд Крестоносец
Маль(м)фрид
Эрлинг Кривой
Кристина
Магнус

ТАБЛИЦА № 10

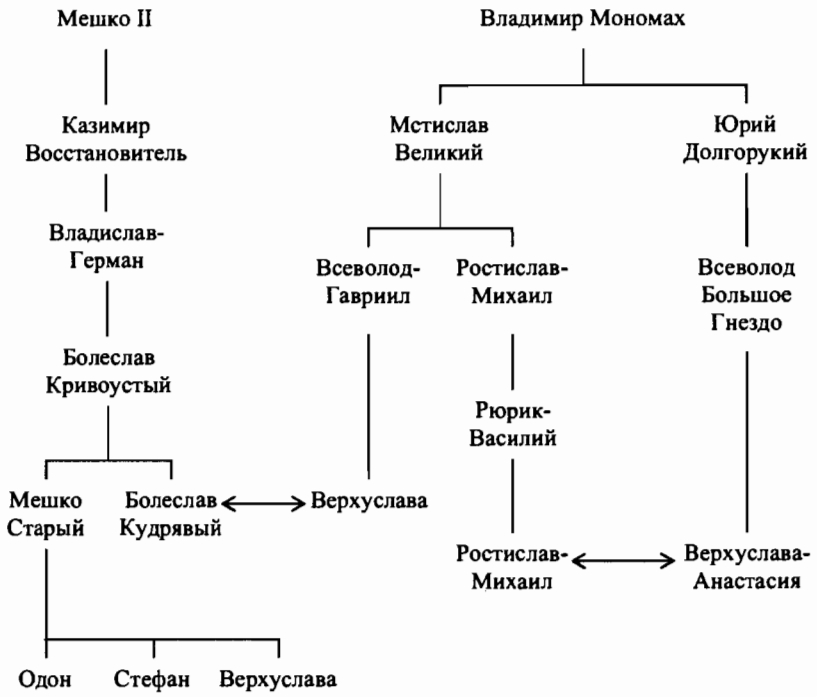

Мешко II
Казимир Восстановитель
Владислав-Герман
Болеслав Кривоустый
Мешко Старый
Болеслав Кудрявый
Одон
Стефан
Верхуслава
Владимир Мономах
Мстислав Великий
Юрий Долгорукий
Всеволод-Гавриил
Ростислав-Михаил
Всеволод Большое Гнездо
Верхуслава
Рюрик-Василий
Ростислав-Михаил
Верхуслава-Анастасия

ТАБЛИЦА № 11

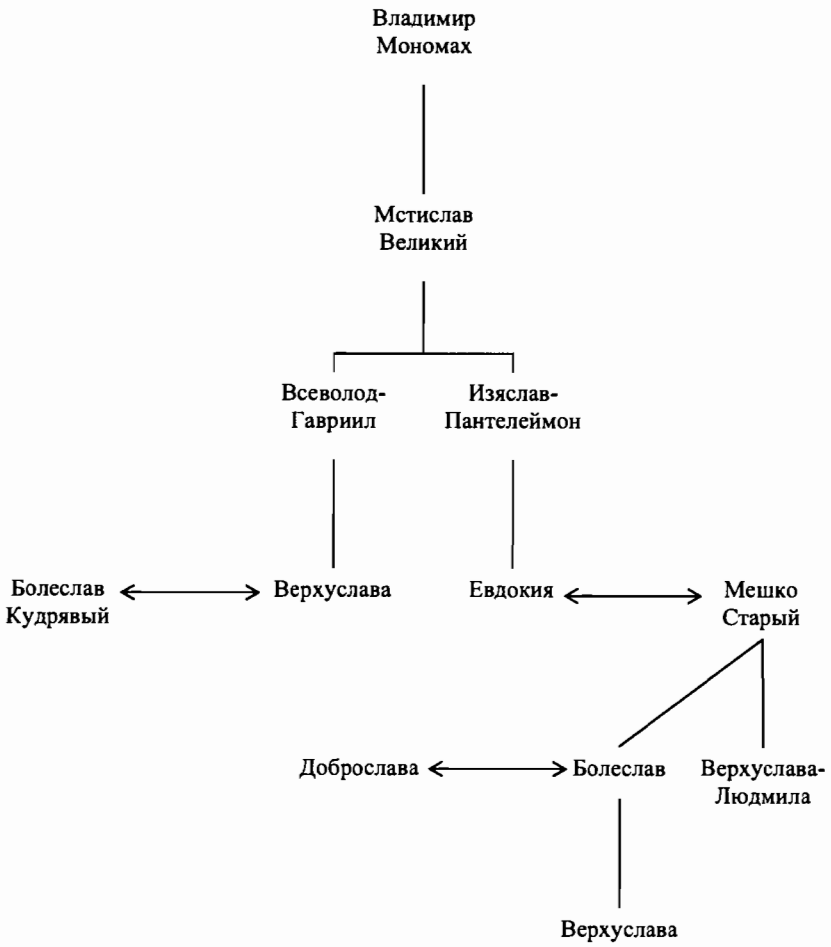

Владимир Мономах
Мстислав Великий
Всеволод-Гавриил
Изяслав-Пантелеймон
Болеслав Кудрявый
Верхуслава
Евдокия
Мешко Старый
Доброслава
Болеслав
Верхуслава-Людмила
Верхуслава

ТАБЛИЦА № 12

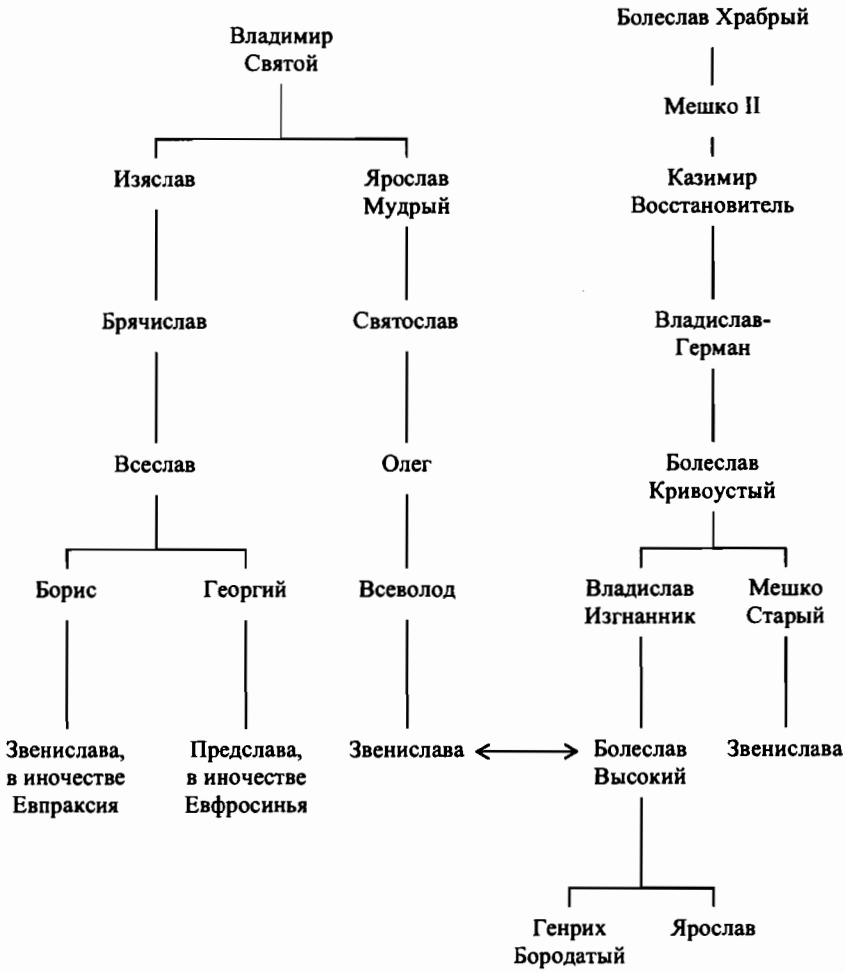

Владимир Святой
Изяслав
Ярослав Мудрый
Брячислав
Святослав
Всеслав
Олег
Борис
Георгий
Всеволод
Звенислава, в иночестве Евпраксия
Предслава, в иночестве Евфросинья
Звенислава
Болеслав Храбрый
Мешко II
Казимир Восстановитель
Владислав-Герман
Болеслав Кривоустый
Владислав Изгнанник
Мешко Старый
Болеслав Высокий
Звенислава
Генрих Бородатый
Ярослав

ТАБЛИЦА № 13

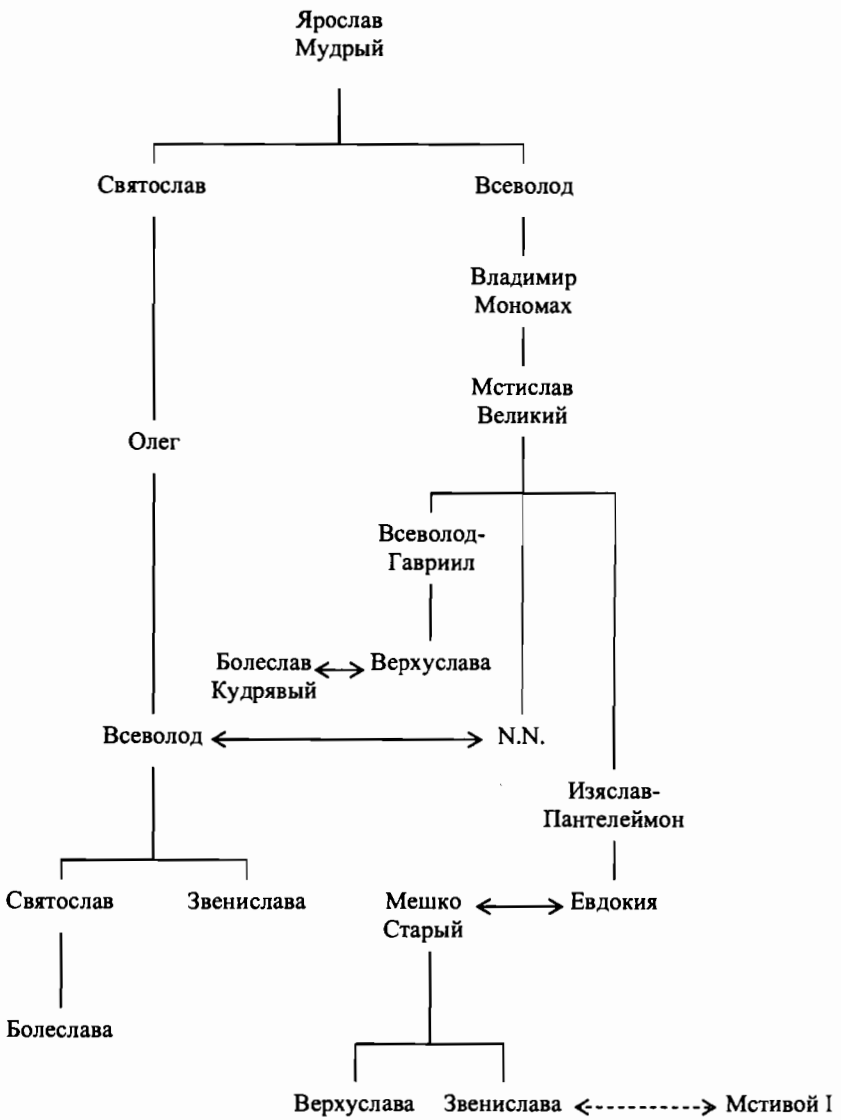

Ярослав Мудрый
Святослав
Всеволод
Владимир Мономах
Мстислав Великий
Олег
Всеволод-Гавриил
Болеслав Кудрявый
Верхуслава
Всеволод
N.N.
Изяслав-Пантелеймон
Святослав
Звенислава
Мешко Старый
Евдокия
Болеслава
Верхуслава
Звенислава
Мстивой I

ТАБЛИЦА № 14

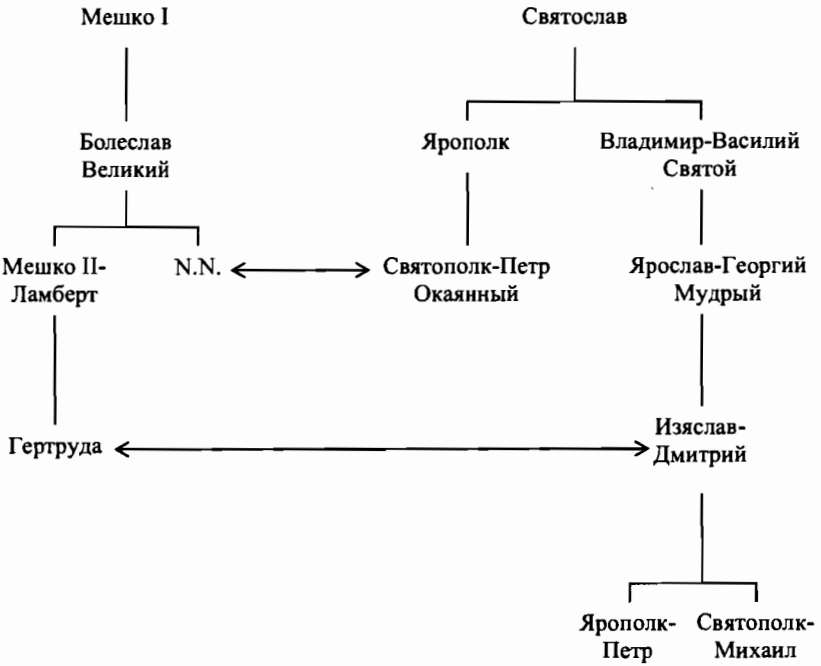

Мешко I
Святослав
Болеслав Великий
Ярополк
Владимир-Василий Святой
Мешко II-Ламберт
N.N.
Святополк-Петр Окаянный
Ярослав-Георгий Мудрый
Гертруда
Изяслав-Дмитрий
Ярополк-Петр
Святополк-Михаил

ТАБЛИЦА № 15

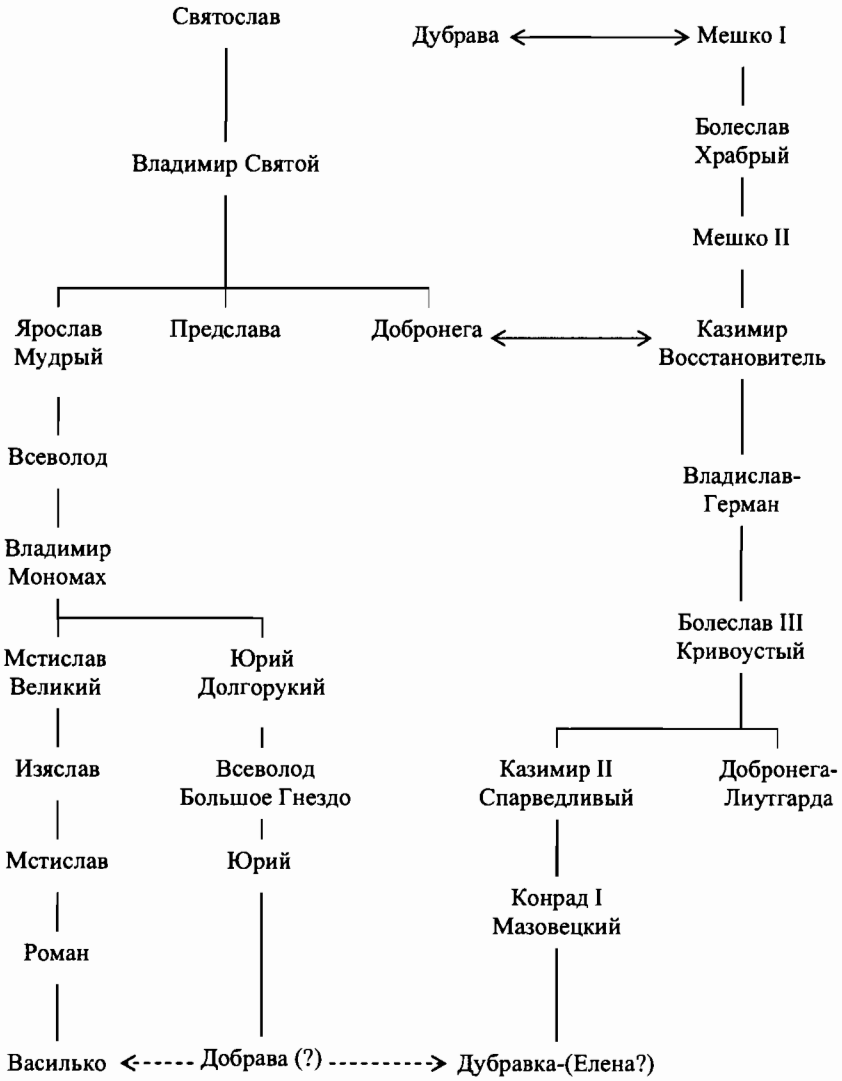

Святослав
Дубрава
Мешко I
Болеслав Храбрый
Владимир Святой
Мешко II
Ярослав Мудрый
Предслава
Добронега
Казимир Восстановитель
Всеволод
Владислав-Герман
Владимир Мономах
Болеслав III Кривоустый
Мстислав Великий
Юрий Долгорукий
Изяслав
Всеволод Большое Гнездо
Казимир II Спарведливый
Добронега-Лиутгарда
Мстислав
Юрий
Конрад I Мазовецкий
Роман
Василько
Добрава (?)
Дубравка-(Елена?)

ТАБЛИЦА № 16

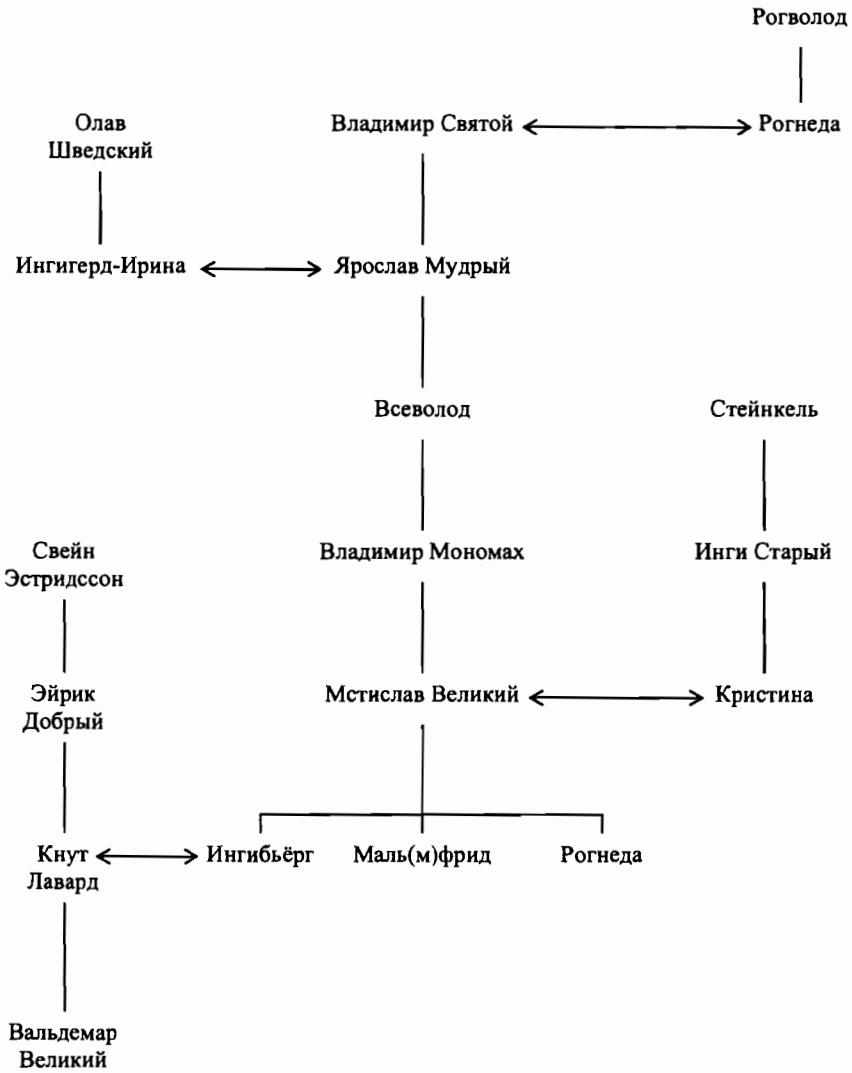

Рогволод
Олав Шведский
Владимир Святой
Рогнеда
Ингигерд-Ирина
Ярослав Мудрый
Всеволод
Стейнкель
Свейн Эстридссон
Владимир Мономах
Инги Старый
Эйрик Добрый
Мстислав Великий
Кристина
Кнут Лавард
Ингибьёрг
Маль(м)фрид
Рогнеда
Вальдемар Великий

ТАБЛИЦА № 17

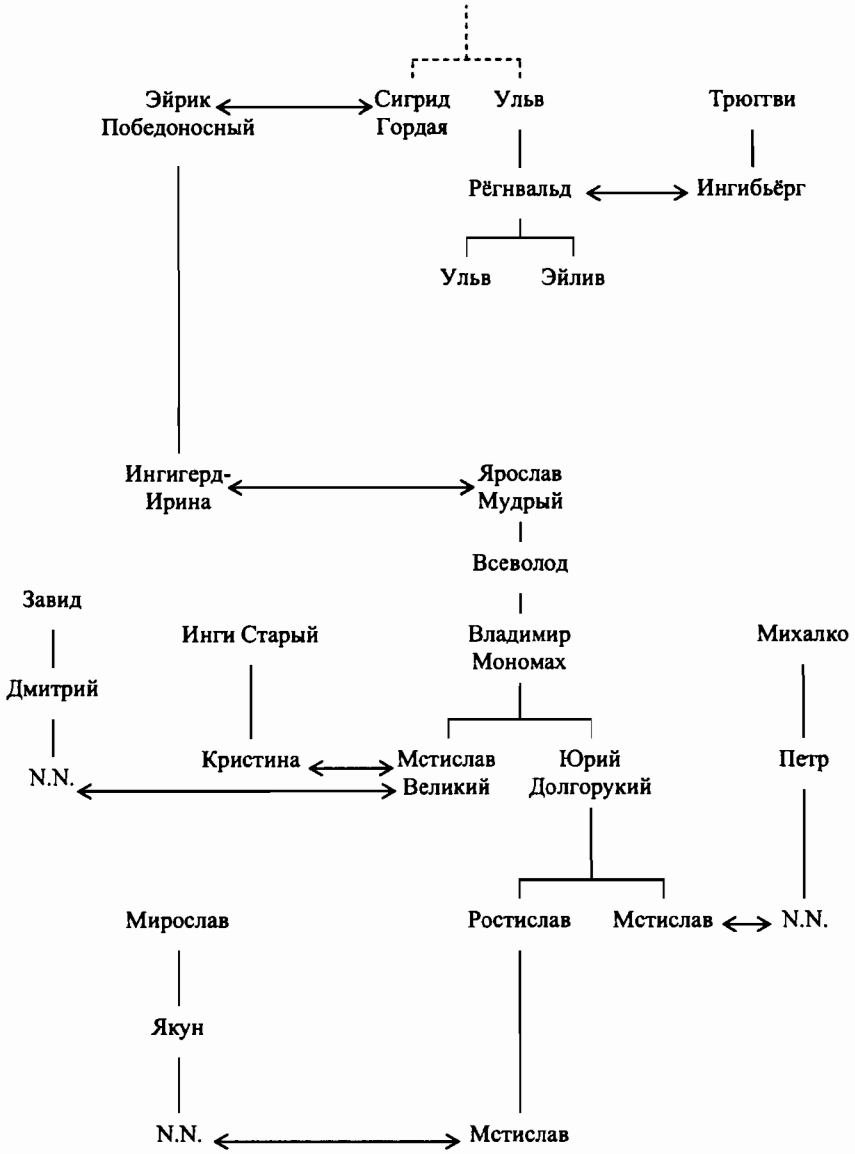

Эйрик Победоносный
Сигрид Гордая
Ульв
Трюгтви
Рёгнвальд
Ингибьёрг
Ульв
Эйлив
Ингигерд-Ирина
Ярослав Мудрый
Всеволод
Завид
Инги Старый
Владимир Мономах
Михалко
Дмитрий
Кристина
Мстислав Великий
Юрий Долгорукий
Петр
N.N.
Мирослав
Ростислав
Мстислав
N.N.
Якун
N.N.
Мстислав

ТАБЛИЦА № 18

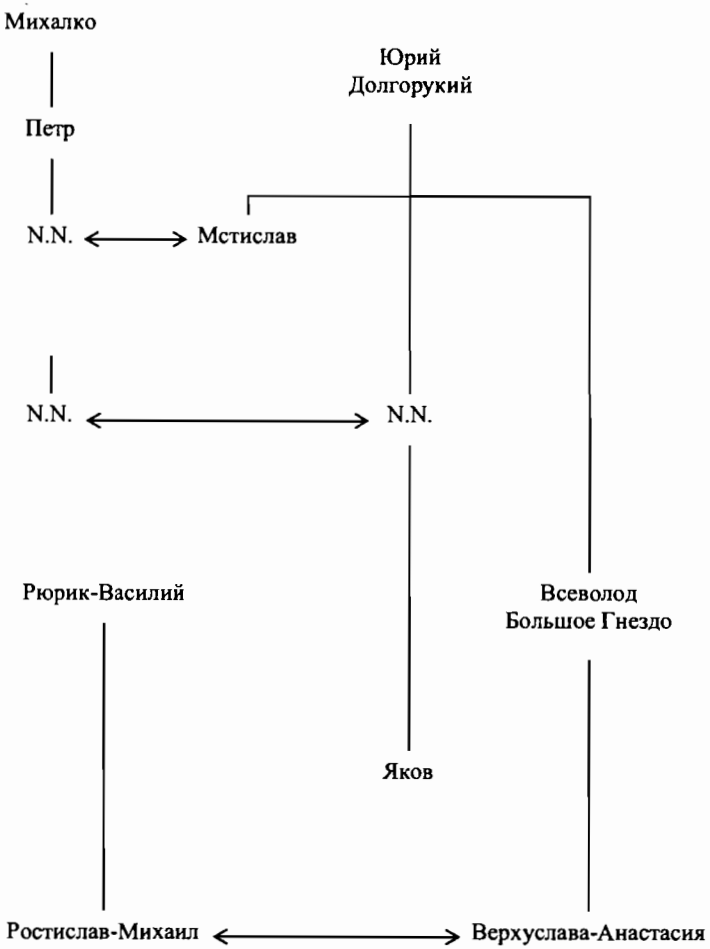

Михалко
Юрий
Долгорукий
Петр
N.N.
Мстислав
N.N.
N.N.
Рюрик-Василий
Всеволод
Большое Гнездо
Яков
Ростислав-Михаил
Верхуслава-Анастасия

ТАБЛИЦА № 19

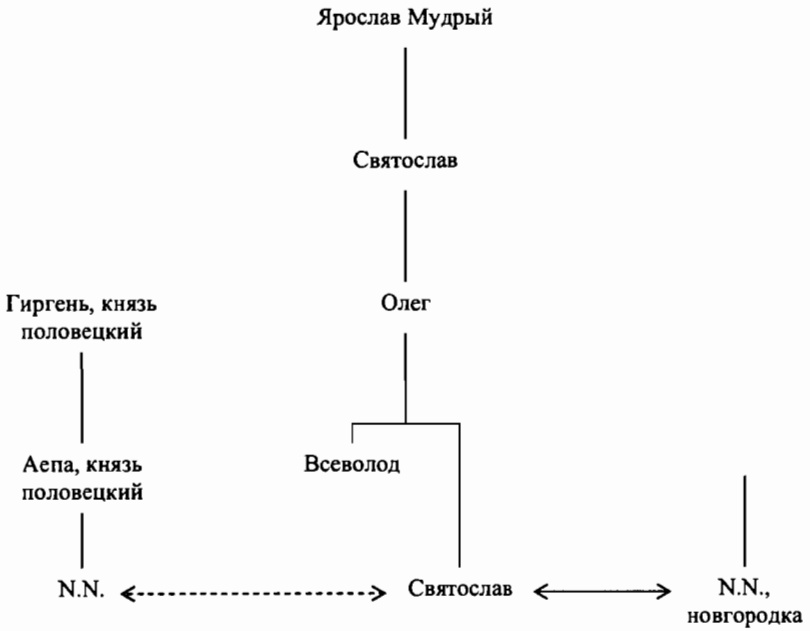

Ярослав Мудрый
Святослав
Гиргень, князь половецкий
Олег
Аепа, князь половецкий
Всеволод
N.N.
Святослав
N.N., новгородка

ТАБЛИЦА № 20

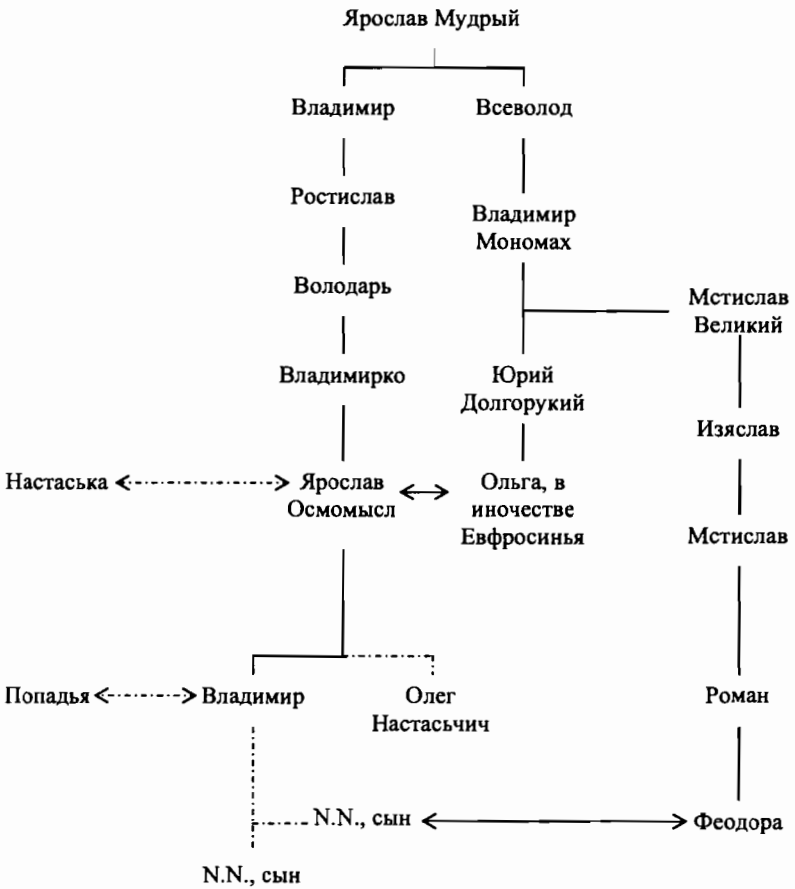

Ярослав Мудрый
Владимир
Всеволод
Ростислав
Владимир Мономах
Володарь
Мстислав Великий
Владимирко
Юрий Долгорукий
Изяслав
Настаська
Ярослав Осмомысл
Ольга, в иночестве Евфросинья
Мстислав
Попадья
Владимир
Олег Настасьчич
Роман
N.N., сын
Феодора
N.N., сын

ТАБЛИЦА № 21

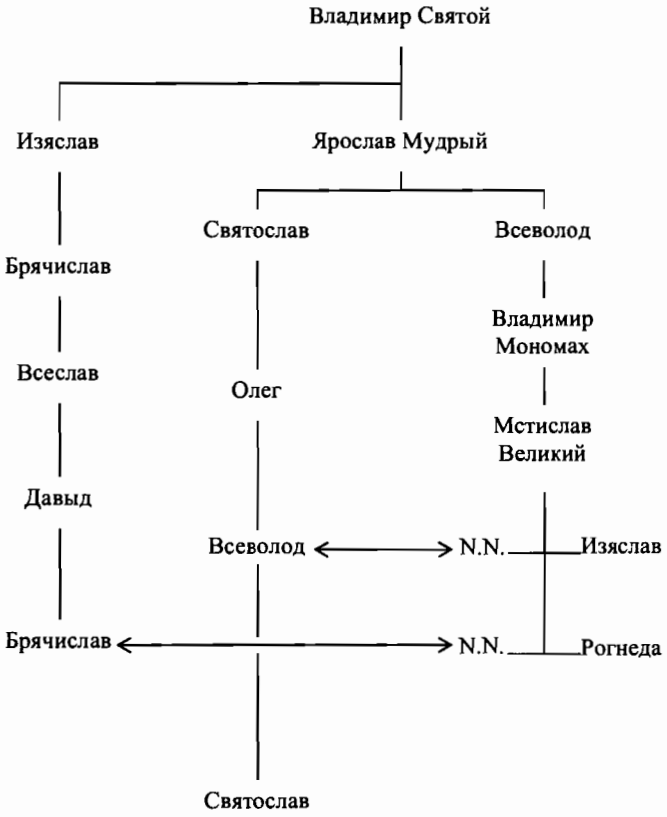

Владимир Святой
Изяслав
Ярослав Мудрый
Святослав
Всеволод
Брячислав
Владимир Мономах
Всеслав
Олег
Мстислав Великий
Давыд
Всеволод
N.N.
Изяслав
Брячислав
N.N.
Рогнеда
Святослав

ТАБЛИЦА № 22

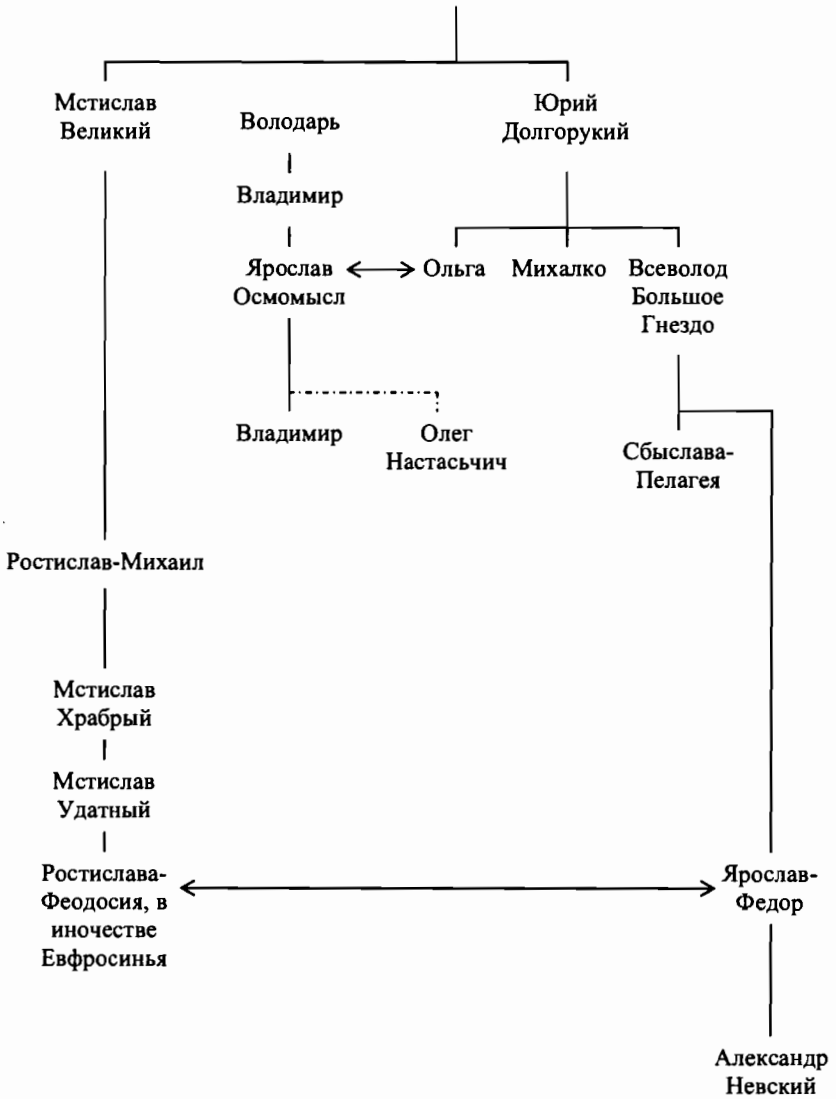

Мстислав Великий
Володарь
Юрий Долгорукий
Владимир
Ярослав Осмомысл
Ольга
Михалко
Всеволод Большое Гнездо
Владимир
Олег Настасьчич
Сбыслава-Пелагея
Ростислав-Михаил
Мстислав Храбрый
Мстислав Удатный
Ростислава-Феодосия, в иночестве Евфросинья
Ярослав-Федор
Александр Невский

ТАБЛИЦА № 23

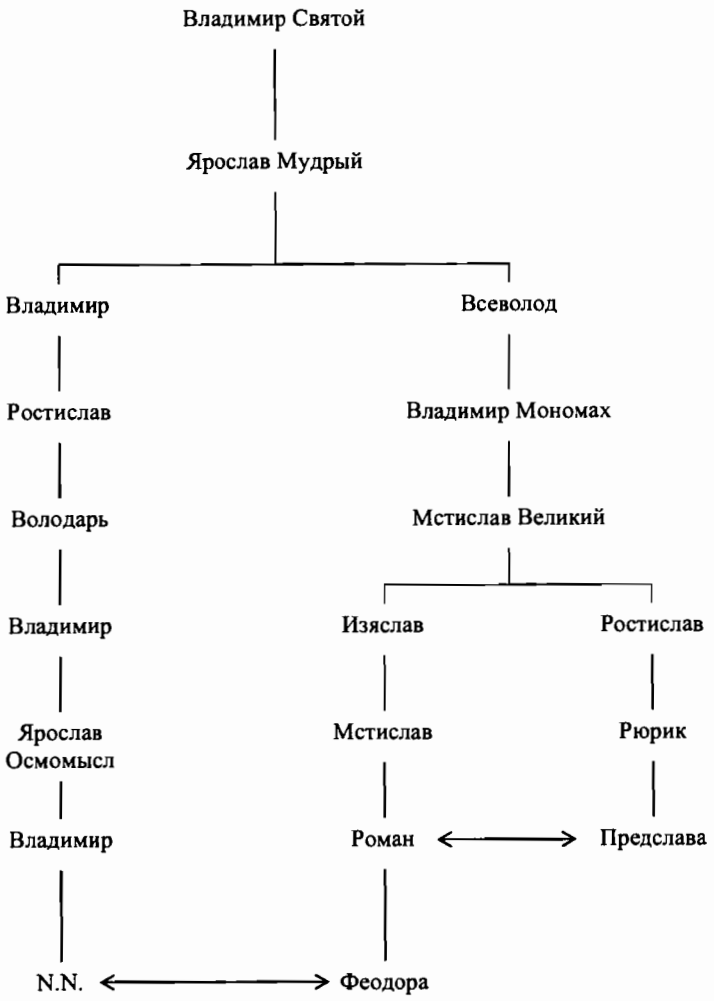

Владимир Святой
Ярослав Мудрый
Владимир
Всеволод
Ростислав
Владимир Мономах
Володарь
Мстислав Великий
Владимир
Изяслав
Ростислав
Ярослав Осмомысл
Мстислав
Рюрик
Владимир
Роман
Предслава
N.N.
Феодора

ТАБЛИЦА № 24

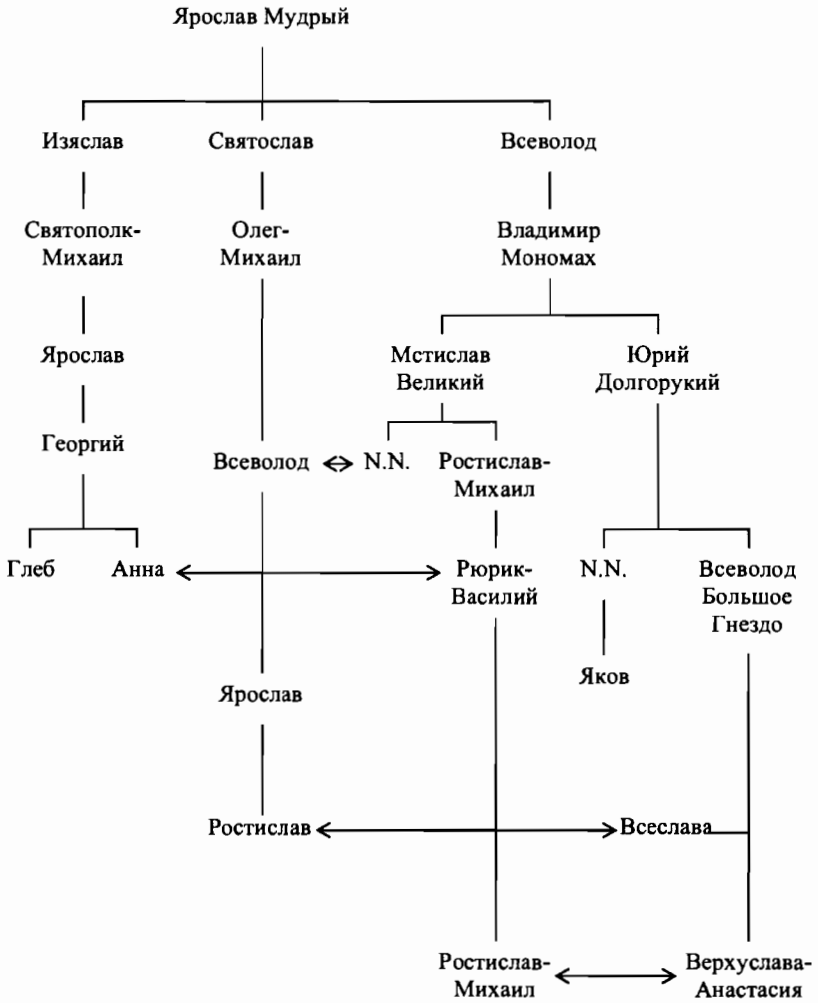

Ярослав Мудрый
Изяслав
Святослав
Всеволод
Святополк-Михаил
Олег-Михаил
Владимир Мономах
Ярослав
Мстислав Великий
Юрий Долгорукий
Георгий
Всеволод
N.N.
Ростислав-Михаил
Глеб
Анна
Рюрик-Василий
N.N.
Всеволод Большое Гнездо
Яков
Ярослав
Ростислав
Всеслава
Ростислав-Михаил
Верхуслава-Анастасия

ТАБЛИЦА № 25

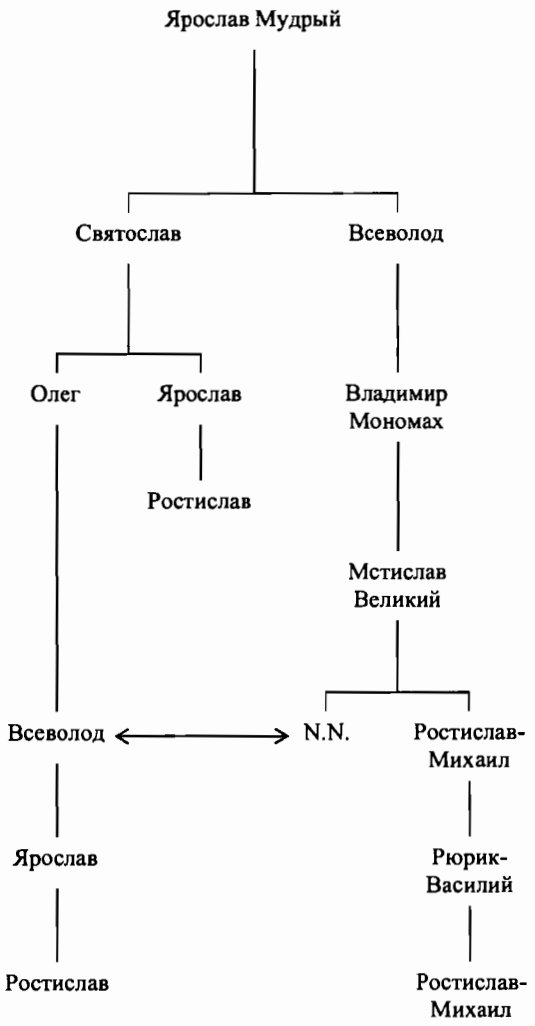
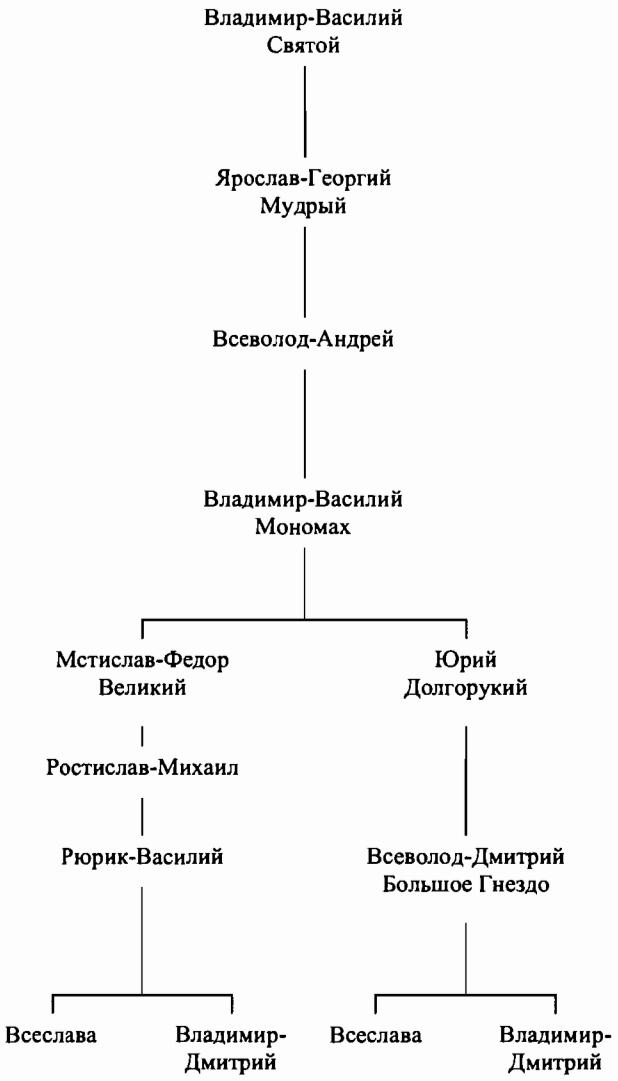

Ярослав Мудрый
Святослав
Всеволод
Олег
Ярослав
Владимир Мономах
Ростислав
Мстислав Великий
Всеволод
N.N.
Ростислав-Михаил
Ярослав
Рюрик-Василий
Ростислав
Ростислав-Михаил

ТАБЛИЦА № 26


Владимир-Василий
Святой
Ярослав-Георгий
Мудрый
Всеволод-Андрей
Владимир-Василий
Мономах
Мстислав-Федор
Великий
Юрий
Долгорукий
Ростислав-Михаил
Рюрик-Василий
Всеволод-Дмитрий
Большое Гнездо
Всеслава
Владимир-
Дмитрий
Всеслава
Владимир-
Дмитрий

Основные положения и некоторые итоги исследования

1. Выбор имени у Рюриковичей на всем протяжении существования их рода как династии был теснейшим образом связан с правами на власть.
2. Со времен христианизации Руси все князья обладали христианскими именами, но поскольку утрата исконных, языческих по происхождению княжеских имен осуществлялась крайне медленно, в качестве важнейшей модели именования правителя длительное время функционировала двуименность (исконное имя + христианское имя).
3. Круг княжеских имен был относительно замкнут, эта замкнутость была устроена несколько по-разному для имен христианских и нехристианских:
   a) существовал ограниченный набор нехристианских имен, пригодных для правителя, причем большинство этих имен употреблялись исключительно князьями.
   b) христианские имена князей могли даваться в крещении любому христианину на Руси, но при этом далеко не всякое христианское имя годилось для Рюриковича в качестве династического.
4. Исконные имена, апеллирующие к родовой традиции, поначалу были более употребительны, основные принципы выбора имени в династии сложились в эпоху преобладания этого родового именослова.
5. Нехристианское имя давалось наследнику в честь умершего родича. Соответственно, в династии существовал строгий запрет на использование нехристианских имен ближайших живых предков (отца, деда).
6. Принцип повтора имени умершего предка дополнялся принципом варьирования нехристианских имен: имена младших родичей могли воспроизводить отдельные элементы (основы или звукосочетания) имен старших родичей, причем в этот процесс вовлекались как имена живых, так и имена умерших членов династии.
7. Племянники могли становиться тезками своих дядьев при жизни последних. Такой выбор мог осуществляться в соответствии с двумя тенденциями:
   a) один из младших племянников назывался непосредственно в честь живого дяди, это с большой долей вероятности означает, что он и его братья отдаются под покровительство этого дяди.
   b) старший племянник нарекался в честь того же предка, что и его живой дядя, это с большой долей вероятности означает, что дядю стремятся оттеснить на периферию рода, «заместить» племянником.
8. Исходная этническая принадлежность имени была в определенном смысле безразлична родовой традиции: славянское, тюркское или скандинав-

ское, языческое или христианское — имя должно отсылать к уже существовавшим в роде «прототипам», связывать с предками, с родичами.

9. При общем консерватизме княжеского имянаречения одни единицы именослова постепенно сменились другими — христианские имена встроились в династическую систему выбора имени. Этот процесс происходил поэтапно:
   a) имя, которое прославленный церковью князь носил в качестве второго, крестильного, его потомок с определенного времени получает в качестве единственного, так как для него оно уже оказывается и родовым, и христианским одновременно.
   b) несколько позже в качестве единственных имен наследников выбираются и крестильные имена других предков, не прославленных церковью; христианские имена закрепляются в функции династических.
   c) затем нехристианские имена постепенно исчезают из антропонимикона Рюриковичей, князья могут носить несколько христианских имен, — династическое и дополнительные, неофициальные.
10. Новая, христианская двуименность князей (христианское династическое имя + христианское неофициальное имя) строилась по следующей модели: официальное династическое имя входит в ограниченный набор повторяющихся из поколения в поколение имен и связывает нарекаемого с чередой предков, уже обладавших властью на этой земле; неофициальное имя более жестко соотносится с датой рождения будущего правителя, с церковным календарем, не наследуется от предка к потомку, оставаясь элементом семейной и церковной жизни рода.
11. Запрет на использование имен живущих предков никогда не распространялся буквально на христианские имена Рюриковичей: сын мог быть назван христианским именем живого отца или деда.
12. В эпоху преобладания исконных княжеских имен доминирует, скорее, «синкретическая» тенденция в почитании святых покровителей рода, в частности, святых-тезок; позднее же на первый план может выдвигаться «аналитическая» тенденция к точной дистрибуции святых патронов князей.
13. В то время, когда христианские имена становятся династическими и в целом вытесняют из обихода имена исконные, прежний запрет на использование имен живых предков приобретает новую актуальность в существенно трансформированном виде: отец и сын могут носить одно и то же династическое христианское имя, однако существует последовательная тенденция к наречению их в честь разных святых.
14. Христианские и нехристианские имена, становясь династическими, постепенно обрастают многочисленными смысловыми и функциональными коннотациями, значимыми для данной культурной традиции.
15. Система имянаречения, сложившаяся в династии Рюриковичей, формирует своего рода «язык имен», обращенный в прошлое, настоящее и будущее, актуальный как для самих Рюриковичей, так и для их окружения.

Экскурс 1

«Отнее имя» в династической практике Рюриковичей домонгольской поры

В источниках, относящихся к истории домонгольской Руси, фигурируют около пятисот князей Рюриковичей. Некоторые из них упомянуты лишь единожды, обстоятельства их жизни, а тем более условия и детали их имянаречения нам почти неизвестны. Существенно, что имена как таковые остаются некоторой минимальной единицей информации, которая сохраняется как от прославленных представителей династии, так и от ее менее значительных, второстепенных членов.

Имена оказываются своеобразными носителями информации во многом потому, что они не рассеяны по источникам в качестве изолированных единиц. Как кажется, сами составители текстов стремились создать из имен князей определенную систему, проявляя пристальное внимание к княжеским отчествам и именам более отдаленных прямых предков. Это не означает, конечно же, что отчество включалось в именование Рюриковича при всяком его упоминании в летописи. Однако установление родовых связей князя с помощью имени его отца или деда (а иногда и брата) является для составителя древнерусского текста делом почти обязательным. Иными словами, в большинстве случаев мы довольно легко можем определить, чьим сыном являлся тот или иной князь, упомянутый в летописи, и располагаем достаточным материалом для того, чтобы определить некие правила взаимодействия между именами Рюриковичей, состоящих в ближайшем родстве.

Глядя на общую картину соотношения имен «отцов и детей» в домонгольский период существования династии, нельзя не обратить внимание на тот факт, что при весьма ограниченном наборе исконных княжеских имен и чрезвычайном обилии князей-тёзок имена сына и отца в подавляющем большинстве случаев не совпадают. Подобное несовпадение вплоть до XIII в. оказывается явлением столь регулярным, что целесообразно говорить о существовании явного запрета на наречение сына именем живого отца. Для княжича нельзя было, по-видимому, использовать и имя родного деда, коль скоро он был еще жив. Об этом свидетельствует, как кажется, вся совокупность имеющихся у нас данных, хотя здесь исследователь сталкивается с несколько более трудной задачей, поскольку из-за отсутствия точных сведений о времени появления на свет того или иного князя мы не всегда можем соотнести дату его рождения со временем кончины деда. Тем не менее общий принцип запретности имен ближайших живущих предков прослеживается достаточно последовательно.

На наш взгляд, этот запрет является одной из основ династического имянаречения в домонгольской Руси X — XII вв., он оказывается неотъемлемым требованием родовой традиции. При этом как в историографических трудах, так и (хотя и гораздо реже!) в источниках, описывающих события этого времени, мы сталкиваемся с некоторым количеством князей, у которых — вопреки всему вышеизложенному — имена и отчества совпадают.

Коль скоро мы говорим о запрете на имена ближайших живых предков как об основополагающем принципе династического имянаречения у русских князей, то каждый случай нарушения этого запрета должен быть рассмотрен отдельно. Необходимо, однако, подчеркнуть, что речь идет исключительно о запрете на повтор исконных, языческих по происхождению имен. Что касается имен христианских, то ограничения подобного рода здесь едва ли когда бы то ни было носили строго запретительный характер. Более того, сама возможность использования для княжича крестильного имени живого отца или деда служит, на наш взгляд, одним из факторов, постепенно видоизменяющих традиционную систему имянаречения. С другой стороны, совпадение крестильных имен при несовпадении имен исконных на протяжении долгого времени обогащало и усложняло эту систему, давая дополнительные возможности при выборе имени [1].

Вернемся, однако, к проблеме совпадения исконных имен у отца и сына. Все случаи подобного рода необходимо, как кажется, разделить на две группы: к одной из них следует отнести те примеры, когда тождество имен отца и сына непосредственно обозначено в источнике, к другой же — когда такое совпадение является результатом исследовательской реконструкции. Последняя группа окажется куда более многочисленной. Дело в том, что несмотря на уже отмечавшуюся нами относительную легкость выявления элементарных родовых связей князей по дошедшим текстам, в них все же фигурирует некоторое количество Рюриковичей, про которых нельзя сказать со всей определенностью, чьими сыновьями они были. В таком случае имя отца приходится восстанавливать на основе более или менее гипотетических построений. Такова ситуация, например, с полоцким князем, якобы носившем в первой половине XII в. имя *Рогволод Рогволодич*.

---

1 Насколько мы можем судить по имеющемуся у нас материалу, христианские имена отца и сына у поздних Рюриковичей могли совпадать лишь в том случае, если они были названы в честь разных святых-тёзок (см. гл. VI), тогда как у ранних (домонгольских) Рюриковичей отец и сын могли получить одно и то же крестильное имя только в том случае, если хотя бы у одного из них было еще и исконное, языческое по происхождению, княжье имя. Вопрос об обязательном совпадении или несовпадении патрональных святых отца и сына тёзок в этот ранний период остается открытым. Так, Всеволод-Дмитрий Большое Гнездо и его сын Владимир-Дмитрий, бесспорно, находились под патронатом св. Дмитрия Солунского, а о свв. Федорах — покровителях Ярослава-Федора Всеволодича и его сына Федора — мы ничего не можем утверждать с той же степенью определенности.

*Рогволод Рогволодич

Ни в одном известном нам источнике обладатель именно такого имени и отчества не фигурирует. Разумеется, сам факт отсутствия в текстах какого-либо упоминания о *Рогволоде Рогволодиче на фоне исключительной раритетности именования сына по живому отцу не позволяет говорить о том, что такого князя в действительности не было. Попробуем, однако, рассмотреть все известные свидетельства, связанные с князем Рогволодом Всеславичем, получившем полоцкое княжение ок. 1127 г., князем Борисом, скончавшимся, согласно Лаврентьевской летописи, в 1128 г., и его сыном Рогволодом (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу).

В XII в. в летописи фигурирует полоцкий князь, именуемый Рогволод Борисович: за него была отдана замуж внучка Мстислава Великого, дочь Изяслава Мстиславича[2]. Следует заметить, что имя Борис могло уже в конце

---

2 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 311 под 1144 г.]. Сам факт заключения этого брака достаточно интересен с точки зрения соблюдения Рюриковичами церковно-канонических установлений. В самом деле, Изяслав — родной отец невесты — в летописи назван шурином полоцкого князя Брячислава, а тот, соответственно, его зятем [ПСРЛ. Т. II. Стб. 292]. Из этого следует, естественным образом, что Брячислав был женат на сестре Изяслава, дочери Мстислава Великого (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу). Благодаря свидетельству архиепископа Антония историки восстанавливают и имя этой жены Брячислава, Ксения, так как Антоний упоминает, что он видел в Царьграде место, где лежит «блж҃ная кн҃гиня ксѣния брачиславля» [Путешествие... Антония в Царьград. Стб. 60, 177]. Однако, с точки зрения матримониальных обычаев Рюриковичей, весьма существенно, какова ближайшая генеалогия самого полоцкого князя Брячислава, или, попросту говоря, чьим сыном он был. Прямых указаний летопись на этот счет не дает, хотя в эпизоде противостояния Изяслава и Брячислава сказано, что последний шел к своему отцу. Имя отца при этом не названо. Завершение конфликта сопровождается изгнанием Давыда Всеславича с сыновьями и призванием на полоцкое княжение Рогволода.

Существуют две версии происхождения Мстиславова зятя, Брячислава. Одна из них восходит, по-видимому, к Н.М. Карамзину, который считал Брячислава сыном Бориса Всеславича [Карамзин. Т. II. С. 114 и примеч. 251]. В таком случае получается, что два родных брата (*Брячислав Борисович и Рогволод Борисович) женаты на родных тетке и племяннице (сестре и дочери Изяслава Мстиславича) (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу). Кажется, такое допущение можно считать слишком грубым и очевидным нарушением канонических запретов, во всяком случае, если бы этот факт можно было бы доказать, то пришлось бы существенно пересмотреть наши представления об отношении Рюриковичей XII в. к каноническому праву.

Согласно другой версии, более распространенной в современной историографии, Брячислав был сыном Давыда Всеславича (см., например: [Соловьев 1988. Т. II. С. 401; Baumgarten 1927. P. 32. Tab. VIII; Рапов 1977. С. 59; Кучкин 1999. С. 69]). В этом случае брак Рогволода Борисовича также противоречит каноническим установлениям, но не столь разительно, поскольку родство оказывается более отдален-

XI — первой половине XII в. совмещать в себе функции крестильного и родового имени. Судя по характеру летописного свидетельства от 1144 г., именно так и обстояло дело с отцом князя Рогволода. Действительно, коль скоро этот жених Изяславны назван своим родовым именем, то естественно предположить, что и в качестве отчества в данном случае употреблено то, что считалось родовым именем его отца. Как кажется, вплоть до XIII в. мы не встречаем в Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской первой летописях примеров смешения в пределах одного именования родового имени и сугубо крестильного отчества: так, например, Изяслав Мстиславич едва ли мог называться **Изяславом Федоровичем*, хотя его отец, несомненно, носил в крещении имя *Федор*.

В летописном упоминании о смерти отца Рогволода названо только одно его имя, *Борис*. При этом в древнейших летописных текстах, описывающих кончину кого-либо из Рюриковичей в XI — первой половине XII в., одним крестильным именем могут именоваться княжичи и княжны, но не взрослые, полностью самостоятельные князья, не подчиненные отцовской власти и получившие в качестве родового наследия один из самых значимых на Руси столов. Сообщения о кончине таких лиц, имеющих всю полноту родовых прав, непременно содержат указание их родового имени и лишь иногда — наряду с ним — указание имени крестильного. Так, из известия о смерти Мстислава Великого, его крестного отца Олега Святославича или родного брата Мстислава, Ярополка Владимировича, мы можем извлечь лишь их родовые, династические имена, а в летописной статье о смерти Святополка Изяславича мы обнаруживаем как его родовое имя *Святополк*, так и христианское *Михаил*. В сообщении же о кончине Давыда Святославича Черниговского[3], например, князь назван христианским именем, однако исключительно под ним же он и фигурирует во множестве летописных статей, описывающих самые разные события княжеской жизни. Это дает основания утверждать, что имя *Давид* функционировало в данном случае не только в качестве крестильного, но и в качестве родового.

Иными словами, какова бы ни была природа родового династического имени взрослого князя, оно непременно должно было в тот период фигурировать в рассказе о его смерти, которая являлась одним из существеннейших

ным — мужьями родных тетки и племянницы оказываются два кузена. Подчеркнем, однако, что и такая ситуация не позволяет говорить о строгом соблюдении Рюриковичами канонических установлений о браках.

В любом случае, коль скоро мы считаем, что свидетельство архиепископа Антония о Ксении Брячиславлей относится к жене интересующего нас князя, необходимо объяснить, каким образом она, а, возможно, и ее муж оказались в Царьграде, ведь в дошедшем до нас перечне изгнанных полоцких князей имя *Брячислав* не фигурирует. Впрочем, этот перечень может быть истолкован по-разному, подробнее об этом см. ниже, с. 274, примеч. 17.

3 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 286 под 1123 г.].

событий в общеродовой жизни. Таким образом, то обстоятельство, что в сообщении о смерти одного из полоцких князей, помещенном под 1128 г., усопший назван *Борисом*, с наибольшей вероятностью означает, что это же имя и использовалось для него в качестве родового.

Данные, которые мы можем извлечь из двух надписей на знаменитых камнях полоцких князей, как кажется, подтверждают мысль о том, что у отца Рогволода Борисовича не было иного имени, кроме имени *Борис*. Так, в тексте, который атрибутируется самому Рогволоду Борисовичу, князь назван *Рогволодом*, в крещении *Василием*, сыном Бориса, т. е. упоминаются оба имени самого князя (родовое и крестильное) и только одно имя его отца[4]. С другой стороны, в других надписях, которые приписываются отцу Рогволода, Борису, князь фигурирует лишь под одним именем — *Борис*[5].

Учитывая, что подобные надписи, особенно в тех случаях, когда они явно созданы в рамках одной местной традиции, имеют тенденцию приобретать характер формулы, состоящей из определенных элементов, можно допустить, что в них должны присутствовать оба имени князя, родовое и крестильное. Коль скоро в обеих надписях — присутствует ли определенное имя в составе патронима заказчика камня или является основным именованием другого заказчика — оно употреблено в качестве единственного, естественно допустить, что это имя совмещает в себе обе функции, будучи родовым и крестильным одновременно. Учитывая же, что речь идет об имени *Борис*, сперва появившемся в качестве родового и очень скоро превратившемся в христианское благодаря прославлению князя Бориса-Романа Владимировича, утверждение о его многофункциональной природе в конце XI — первой трети XII в. представляется весьма правдоподобным.

Косвенным образом в пользу этой версии свидетельствует и общее распределение имен в семье Всеслава Брячиславича, отца Бориса и деда интересующего нас Рогволода Борисовича (см. табл. № 2 к настоящему экскурсу). Среди имен его сыновей фигурирует не только *Борис*, но и *Глеб*, *Давид* и *Роман*. Сведения, сохранившиеся о носителях этих имен, не столь уж многочисленны. Однако не вызывает сомнений, что исходно христианское имя *Давид* и исходно языческое имя *Глеб* принадлежали в этой семье не одному князю (в качестве своеобразной именной пары, унаследованной от св. Глеба-Давида Владимировича-Васильевича), а были даны двум разным сыновьям Всеслава. Так, мы знаем, например, что сообщение о смерти Глеба Всеславича дается в летописи под 13 сентября 1119 г.[6], а Давыд Всеславич был еще

---

4 «...Г[оспод]и помози [р]абу своюму Василию в кр[е]щениі іменемъ Рогволоду с[ы]ну Борисову» [Рыбаков 1964. С. 33. № 29]. В надписи на камне присутствует и дата — 7 мая 6679 (1171) г., свидетельствующая, по-видимому, о том, что его установление связывалось с праздником Знамения Креста Господня в Иерусалиме.

5 См. [Рыбаков 1964. С. 26–27. №№ 20–22].

6 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 285; Т. I. Стб. 292].

жив в 1127 г. Роман Всеславич скончался в 1116 г.[7], а Борис, как уже упоминалось, — в 1128 г.

Показательно, что в тех списках «Хождения игумена Даниила», где фигурируют эти имена сыновей Всеслава, они употребляются в качестве единственных (т. е. эти князья именуются *Глеб*, *Давид*, *Борис*), в то время как другие князья, у которых есть отдельное родовое и отдельное крестильное имя, в соответствующем отрезке текста обоими именами, как правило, и называются (т. е. *Михаил Святополк*, *Василий Владимир*, *Михаил Олег*, *Панкратий Ярослав*, *Федор Мстислав*)[8].

Можно предположить, что все четыре имени святых братьев Глеба-Давида и Бориса-Романа давались как самостоятельные имена, каждое из которых совмещало в себе функции крестильного и родового. Появление их в такой роли в одной семье, по-видимому, связано с каким-то важным этапом становления культа Бориса и Глеба на Руси, приходящимся на последнюю треть XI в.

Между тем ряд исследователей высказывали иное предположение, считая, что *Борис* — это крестильное имя одного из Всеславичей, у которого было, кроме того, и мирское имя *Рогволод*[9]. Таким образом, его родной сын, носивший имя *Рогволод*, и оказался *Рогволодом Рогволодичем* в историографии[10] (см. табл. № 3 к настоящему экскурсу). В самом по себе использовании имени *Борис* в качестве крестильного при родовом *Рогволод* нет ничего невозможного, хотя приведенные нами выше соображения свидетельствуют, пусть и косвенным образом, в пользу того, что в семье Всеслава это имя функционировало иначе.

На чем же основывается предположение о том, что Рогволод Всеславич и Борис Всеславич — одно и то же лицо? Одним из главных аргументов является тот факт, что как в Лаврентьевской, так и в Ипатьевской летописях в двух соседних погодных статьях сообщается следующее:

«Пополочане сътснувшеси выгнаша Дв҃да и с сн҃ъми и поємше Рогволода идоша къ Мстиславу просаще и собѣ кнѧзе[м] и створи волю ихъ Мстиславъ и

---

7 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 284].

8 См. [Путешествие игумена Даниила... С. 155]; ср. [Веневитинов 1885. С. 140]. В некоторых списках без родового имени *Ярослав* поименован Ярослав-Панкратий Святославич, но в других редакциях имя *Ярослав* все же присутствует, тогда как при именах *Давид*, *Борис* и *Глеб* никаких княжьих имен не приводится.

9 В течение долгого времени предполагалось (и совершенно, на наш взгляд, справедливо), что Борис и Рогволод — это не одно и то же лицо, а два родных брата, два сына Всеслава Брячиславича (см., например: [Карамзин. Т. II. Примеч. 251; Соловьев 1988. С. 401, 684. Примеч. 186; Данилевич 1896. С. 71. Примеч. 54. С. 72; Baumgarten 1927. P. 32. Tab. VIII. №№ 7, 8]). С другой стороны, уже в XIX в. предпринимались попытки отождествить Рогволода и Бориса (см. о них подробнее: [Данилевич 1896. С. 71. Примеч. 54.]).

10 См. [Алексеев 1975. С. 230; Рапов 1977. С. 58–59]; ср. [Флоря 1995. С. 113; Рукавишников 2002. С. 44, 48, 51].

поимше Рогволода ведоша и Полотьску <...> Престависа кнѧзь Полотьскыи Борисъ»[11].

Вывод о тождестве упоминаемых здесь лиц делается на основании, так сказать, смежности погодных статей, в одной из которых сообщается о том, как полочане осуществляют свое намерение сделать Рогволода князем, а в другой — о кончине полоцкого князя Бориса. Иными словами, считается, что полоцким князем мог быть назван лишь тот, кого недавно позвали на полоцкое княжение. Как кажется, подобное утверждение неверно само по себе. Полоцкие князья фигурируют в летописи как некая совокупность, так называются потомки Изяслава Владимировича в целом. Достаточно сказать, что в еще одной летописной статье, непосредственно следующей за двумя уже упомянутыми, говорится об изгнании в Царьград Мстиславом Великим «кнѧзь Полотьскыѣ» с детьми и женами как некой совокупности[12].

Более того, в Лаврентьевской летописи, в статье под 1128 г., выстраивается, как известно, целая концепция единства рода полоцких князей и противопоставленности этого единого рода Ярославичам[13]. Именование того или иного лица «князем Полоцким», таким образом, могло означать как единоличное княжение этого лица в Полоцке, так и указание на его принадлежность к роду полоцких князей. В таком подходе нет ничего уникального и необычного. Позднее в летописных текстах в качестве такой же совокупности могут фигурировать, например, и рязанские князья.

Кроме того, в интересующем нас случае имеет место определенная неясность в развитии событий и их последовательности. Не вполне понятно, успел ли Рогволод занять полоцкий стол, так как в летописи сообщается лишь о согласии на это Мстислава и об отъезде Рогволода с полочанами. В сущности, сообщение о смерти Бориса Полоцкого, открывающее в Лаврентьевской летописи статью 1128 г., соотносится по времени с вокняжением Рогволода довольно неопределенным образом.

Известие Густынской летописи, служащее еще одним аргументом в пользу отождествления Рогволода и Бориса, на наш взгляд, ясности не добавляет. Не останавливаясь на позднем происхождении и малой достоверности этого источника в том, что касается фиксации имен, отметим необычный характер ее свидетельства, на основании которого делается вывод о наличии у Бориса второго княжьего имени *Рогволод*. В этой летописи под 1129 г. читаем:

«Преставися князь Полоцкий Рогволдъ, или Борисъ»[14].

Конструкция, вводящая имена князя («Рогволдъ, или Борисъ»), весьма типичная для современного русского языка, отнюдь не характерна для языка

---

11 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 299]; ср. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 293].

12 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 301].

13 См. подробнее Экскурс № 3 и [Рукавишников 2002; Рукавишников 2003].

14 См. [ПСРЛ. Т. XL. С. 77].

известных нам древнейших летописных памятников. В известных нам текстах этой группы сочетание родового и крестильного имени не вводится в текст при помощи этого союза. Это заставляет предположить, что составитель Густынской летописи, по крайней мере, существенно модернизировал, переиначил имевшееся в его распоряжении более раннее свидетельство, или же сам сконструировал его[15].

Разделительная конструкция с «или» могла, строго говоря означать, что он не знал, к которому из полоцких князей — Борису или Рогволоду — относится летописное сообщение о кончине. Более вероятно, однако, что составитель Густынского свода был, так сказать, первым автором гипотезы о тождестве двух упоминающихся в соседних летописных статьях полоцких князей, гипотезы остроумной, но никакими древними летописными свидетельствами не поддерживаемой.

Весьма интересны показания Воскресенской летописи и Московского летописного свода, где есть перечень полоцких князей, которых Мстислав Великий в 1129 г. сослал в Царьград[16]. В нем фигурируют Давыд, Ростислав, Святослав и два Рогволодича, Василий и Иван[17].

---

15 Мы располагаем, в частности, одним весьма выразительным примером «конструирования» генеалогии Рогволода Борисовича в позднейших текстах. Так, в разделе Воскресенской летописи «О великих князьях рязанских», в статье под 1159 г., повествующей о вокняжении Рогволода Борисовича в Друцке, он назван внуком Юрия Долгорукого [ПСРЛ. Т. VII. С. 242]. Отцом его, соответственно, оказывается князь Борис Юрьевич. Истоки этой ложной реконструкции более или менее очевидны. Смерть Бориса Юрьевича, сына Юрия Долгорукого, описана в древнейших летописях именно под 1159 г. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 493; Т. I. Стб. 349]. Более того, в Ипатьевской летописи, например, рассказ о кончине Бориса Юрьевича и повествование о том, как Рогволод Борисович отправляется искать себе волости и получает Друцк и Полоцк, соединены в пределах одной летописной статьи. Скорее всего, при суммирующем отборе данных именно это и спровоцировало превращение Рогволода Борисовича в сына Бориса Юрьевича и внука Юрия Долгорукого.

16 См. [ПСРЛ. Т. VII. С. 28–29; Т. XXV. С. 31]; ср. [Карамзин. Т. II. Примеч. 251, 252].

17 См. табл. №№ 2, 3 к настоящему экскурсу. Именно таким образом этот перечень, по свидетельству Н.М. Карамзина, выглядел в Ростовской летописи. Вариант же Воскресенской летописи, который Н.М. Карамзин признавал ошибочным, гласил: «пославъ по Кривские Князи, по Давыда, и по Ростислава, и Святослава, и по Рогволодича два, и по Ростислава и по Василия и по Ивана» [Карамзин. Т. II. Примеч. 252] (в издании Воскресенской летописи принято исправление Н.М. Карамзина по Ростовской летописи [ПСРЛ. Т. VII. С. 28–29]). Различия двух перечней очевидно: согласно одному из них, Иван и Василий являются сыновьями Рогволода, в другом же имена двух Рогволодичей не приводятся, а Иван, Василий и Ростислав оказываются какими-то другими представителями полоцкого княжеского дома. В Родословной книге, на которую ссылается Н.М. Карамзин, считается, что у Бориса Всеславича было как раз три внука с такими именами: *Василий*, *Иоанн* (*Иван*) и *Рости-*

На первый взгляд, эти перечни не способствуют разрешению вопроса о том, существовал ли в полоцкой династии князь по имени *Рогволод Рогволодич*. Однако, основываясь на показаниях Московского летописного свода, Б.Н. Флоря предположил, что Василий Рогволодич — это и есть тот самый князь, который фигурирует в позднейших летописных свидетельствах под именем Рогволода Борисовича[18] (ср. табл. № 3 к настоящему экскурсу). Соответственно, его мирским именем и отчеством были бы **Рогволод Рогволодич*.

Однако, если даже придерживаться версии, согласно которой упомянутый в Московском летописном своде Василий является сыном Рогволода, этого отнюдь не достаточно для отождествления его с Рогволодом-Василием Борисовичем. Два кузена, Борисович и Рогволодич, могли быть тезками по своим христианским именам — такое явление было в высшей степени распространенным в роду Рюриковичей вообще и в семье полоцких князей в частности.

Так, если мы настаиваем на том, что упомянутый в перечне Василий был сыном Рогволода Всеславича, мы не можем не обратить внимание на то, что по крайней мере один кузен-тезка у него был наверняка. Речь идет о Василько, сыне Святослава Всеславича, который существенно позже княжил в Полоцке (см. табл. №№ 2, 3 к настоящему экскурсу). Вполне вероятно, что у трех братьев — Бориса, Рогволода и Святослава — было по сыну с именем *Василий*. Не исключено, впрочем, что поздние летописи приписывают имена правнуков и праправнуков Всеслава его внукам, сбиваясь в счете поколений[19].

слав Рогволодичи [Карамзин. Т. II. Примеч. 251]. В Московском летописном своде этот перечень совпадает с версией Ростовской летописи: Иван и Василий оказываются здесь Рогволодичами.

18 См. [Флоря 1995. С. 113].

19 Запутанность генеалогии полоцких князей отмечал еще В.Н. Татищев. Не менее запутанна и история их высылки в Царьград и возвращения оттуда. Так, в дошедшем до нас перечне сосланных князей никак не фигурирует Брячислав, зять Мстислава Великого (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу). С одной стороны, можно было бы допустить, что, примирившись с шурином, Изяславом Мстиславичем, он сохранял лояльность по отношению к тестю, Мстиславу Великому, и избежал высылки в Константинополь. В таком случае мы вынуждены будем допустить, что в свидетельстве архиепископа Антония, упоминающем княгиню Ксению Брячиславлю, речь идет о жене какого-то другого князя Брячислава. Не исключено, впрочем, что княгиня (дочь Мстислава?) могла скончаться в Константинополе не потому, что была туда выслана — свидетельства о поездках русских княжон и княгинь в Царьград в XI — XII вв. не столь уж малочисленны.

Вероятно, однако, что перечни, появляющиеся в поздних летописях, неполны или не вполне достоверны. В таком случае нам остается руководствоваться более общими указаниями древнейших летописей, где речь идет о высылке полоцких князей с женами и детьми. При таком подходе становится вероятной высылка любого полоцкого князя или княжича из поколения внуков Всеслава. Остается неясным, од-

Во всяком случае, подчеркнем еще раз, что и в этих поздних текстах, где есть сколько-нибудь пространные перечни полоцких князей, живших в 1129 г., не фигурирует князя с тавтологическим именем и отчеством. Судя по всему, князя *Рогволода Рогволодича, упоминание которого отсутствует в каких-либо известных нам древнерусских источниках, попросту не существовало на свете.

*Владимир Владимирович

В историографии (преимущественно в генеалогических таблицах) можно встретить еще одно сочетание, где родовое имя князя дублирует имя его родного отца, Владимир Владимирович. Это сочетание также относится к числу тех, которые ни в одном из дошедших до нас источников в таком виде не фигурируют. Не слишком большой «популярностью» оно и пользуется и у историков. Тем не менее нескольким князьям такое имя-отчество приписывается и притом по двум, совершенно разным причинам.

Владимир Владимирович / Володаревич. Существует традиция, связанная с Н.М. Карамзиным, согласно которой имя Володарь отождествляется с именем Володимир (Владимир) и, соответственно, Володимир (Владимирко) Володаревич именуется Владимиром Владимировичем [20] (см. табл. № 4 к настоящему экскурсу).

Впрочем, в большинстве указателей к летописям этот князь называется все-таки, как и следует, Владимиром Володаревичем. Дело в том, что Володарь и Володимир (Владимир) являются хотя и созвучными, но отнюдь не тождественными антропонимами, подобно тому как созвучны, но не тождественны, по всей очевидности, антропонимы Игорь и Ингвар(ь) [21].

Внук Ярослава Осмомысла. Иногда такое сочетание имени и отчества приписывается также внуку Ярослава Осмомысла, одному из незаконных сыновей Владимира Ярославича Галицкого (см. табл. № 4 к настоящему экскурсу). Высказывалось предположение, что он звался Владимиром-Иоанном и, соответственно, был по родовому имени тезкой своего отца [22]. Судьба двух

нако, все ли представители полоцкой ветви рода были тогда высланы и какие имена носили те из них, которым удалось впоследствии вернуться (ведь те двое молодых князей, возвращение которых отражено в летописи под 1140 г., по именам не названы). Разумеется, все это лишь запутывает и значительно усложняет генеалогию полоцких князей более позднего времени, с 40-х гг. XII в. по начало XIII в. Сложности возникают не только с интересующим нас Рогволодом Борисовичем, но, например, и с установлением родственных связей тестя Александра Невского, носящего характерное для полоцкого дома имя Брячислав.

20 См., например, Ключ, или Алфавитный указатель, составленный П.М. Строевым к «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина.

21 См. подробнее об этих именах гл. II.

22 См., например: [Грушевський. Т. II. С. 454. Примеч. 2; Baumgarten 1927. P. 15, 17. Tab. III].

сыновей Владимира Ярославича к моменту смерти их отца совершенно неизвестна. Во всяком случае, ничего об их присутствии в это время в Галиче и о претензиях на галицкий стол в источниках не сказано[23]. Скорее всего, их там и не было, по крайней мере очевидно, что в Галиче они никогда не княжили.

Можно было бы сказать, что об этих сыновьях Владимира Ярославича и некой попадьи никаких сведений не сохранилось и в западных источниках, если бы не высказывавшееся исследователями предположение, что именно к ним имеет отношение папская грамота от 1218 г., которая подтверждает дарение монастырю в Венгрии. В этом документе о вкладчиках монастыря говорится следующее:

«...Apud Ungariam monasterium Sancti Demetrii iuxta flumen Savii, cum omnibus rationibus et libertatibus suis a Bela Rege vobis indultis; Annum cere redditum Tredecim Cantariorum a Basilica et Iohanne Blandemero Russorum regibus apud Galiziam vobis concessum»[24].

Толкование этого текста представляется делом довольно нелегким. С одной стороны, интересующее нас именование (Blandemero), несомненно, является искаженным. Строго говоря, не вполне понятно, есть ли это искажение имени (*Владимир*? *Володарь*?), патронима или топонима или оттопонимического прозвания. Поскольку речь в тексте идет лишь о подтверждении уже сделанного дара, мы не можем утверждать, что сделавшие пожертвования князья действовали заодно или хотя бы жили одновременно. Таким образом, список «кандидатов» на роль донаторов этого монастыря, носивших реконструируемые исследователями имена *Василий*, *Иоанн* и *Владимир* и так или иначе связанных с галицкой землей, довольно обширен. Как кажется, наиболее слабыми из них являются сыновья Владимира Ярославича, про которых неизвестно, чтобы они носили хотя бы какое-то из упоминающихся здесь имен, зато достоверно известно, что в Галиче они не правили.

Иными словами, мы знаем, что два сына Владимира Ярославича родились не в законном браке, а от попадьи, уведенной от своего мужа[25], что старший из этих сыновей, чье имя не указывается, женился на дочери Романа Мстиславича Феодоре, что брак этот оказался весьма непродолжительным и Феодора вернулась к отцу, когда Владимир Ярославич с двумя сыновьями и женой вынужден был бежать в Венгрию[26] (см. табл. № 4 к настоящему экскурсу). Известно, кроме того, что венгерский король, нарушив договор, заточил Владимира Ярославича с женой и двумя детьми, и что всей семье удалось бежать из заточения[27]. Однако дальнейшая судьба его сыновей остает-

23 См. [Грушевський. Т. II. С. 454].

24 Цит. по: [Грушевський. Т. II. С. 454. Примеч. 2]; ср. [Baumgarten 1927. P. 16–17; Dąbrowski 2002. S. 50].

25 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 659].

26 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 660].

27 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 661, 666].

ся, как уже говорилось, неизвестной. У нас нет, таким образом, никаких сколько-нибудь надежных данных в пользу того, что один из незаконных детей Владимира Ярославича, фигура в домонгольской Руси малоизвестная и малозначительная, был тезкой своего отца по родовому имени.

*Святослав Святославич

В летописях мы обнаруживаем упоминание о гибели еще одного князя, которому в историографии иногда приписывается совпадающие имя и отчество[28]. Между тем в источниках сведения о его имени несколько противоречивы, а данные о том, кто был его отец, вообще едва поддаются вычленению на фоне общей запутанности генеалогии чернигово-рязанских Рюриковичей конца XII — первой половины XIII в.

Речь идет об одном из рязанских князей, злодейски убитых в 1217 г. своими родичами Глебом и Константином[29]. В Лаврентьевской летописи зафиксирован некий перечень князей, погибших в результате этого заговора. Согласно этому перечню на пир съехались Изяслав, Кир Михаил, Ростислав, Святослав, Глеб и Роман. Ингвар(ь) же, как отмечает летопись, приехать не успел[30]. Точно такой же перечень присутствует и в Синодальном списке Новгородской первой летописи[31].

В ситуации участвуют потомки князя Глеба Ростиславича Рязанского, преимущественно (или исключительно?) его внуки (см. табл. № 5 к настоящему экскурсу). Как известно из летописи, вражда существовала и между сыновьями этого князя. Сведений об этой старой распре сохранилось немало[32], имена же братьев Глебовичей зафиксированы следующие: Роман, Игорь, Владимир, Всеволод, Святослав[33], в статье под 1187 г. упомянут также и Ярослав, брат Святослава Глебовича, который, возможно, был еще слишком мал, чтобы участвовать в распре как самостоятельное лицо[34]. Под 1199 г. упоминается о том, что Рюрик Ростиславич отдал дочь Всеславу за Ярослава Глебовича в Рязань[35] (см. табл. № 6 к настоящему экскурсу).

Предательское убийство, как уже говорилось, произошло в поколении детей этих братьев Глебовичей; чьим же именно сыном был каждый из участников трагедии, произошедшей на пиру в 1217 г., мы не всегда можем определить.

---

28 См., например: [Соловьев 1988. С. 716; Baumgarten 1934. P. 74–75. Tab. XIV].

29 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 440–441 под 1217 г.].

30 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 440].

31 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 58].

32 См., например: [ПСРЛ. Т. I. Стб. 400–404].

33 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 400].

34 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 404].

35 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 708].

Автор злодейского замысла, Глеб, именуется с отчеством[36], так что у нас не возникает сомнений в том, что он был сыном Владимира Глебовича Рязанского (см. табл. № 5 к настоящему экскурсу).

Согласившийся ему помогать Константин именуется в летописях братом Глеба Владимировича[37]. Обычно его считают родным младшим братом Глеба Владимировича[38], что весьма вероятно, однако необязательно — строго говоря, братьями вполне могли именоваться и кузены, а отчество Константина мы в источниках не обнаруживаем. При этом известно, что один из погибших от руки Глеба был его родным братом: Изяслав, чье имя открывает в Лаврентьевской летописи список жертв, в других эпизодах назван «Володимиричемь»[39].

Таким образом, мы можем сказать, что Глеб, Изяслав и — с некоторой долей неуверенности — Константин были сыновьями Владимира Глебовича Рязанского[40].

Отцом еще одного погибшего на пиру князя, Кир Михаила, со всей очевидностью являлся Всеволод Глебович, скончавшийся в Пронске в 1207 г.[41]

Не вызывает сомнений, по-видимому, происхождение князя Романа: в одном из летописных эпизодов он со всей определенностью назван «Игоре-

---

36 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 430, 432, 440].

37 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 440; Т. III. С. 58; Т.VII. С. 126].

38 Ср., например: [Карамзин. Т. III. С. 107].

39 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 431; Т. III. С. 50]; ср. также: [ПСРЛ. Т. XLI. С. 128; Т. X. С. 78] и [ПСРЛ. Т. VII. С. 125]. В последнем источнике он напрямую противопоставлен остальным жертвам Глеба, поскольку остальные именуются «братаничами», тогда как Изяслав — его младшим братом.

40 В Воскресенской летописи Глеб, Константин, Олег и Изяслав напрямую названы сыновьями Владимира [ПСРЛ. Т. VII. С. 242]. Сын Олег был у Владимира Глебовича и согласно другим источникам. Он многие годы регулярно действовал заодно с Глебом и, возможно, был вторым по старшинству (Изяслав именуется в древнейших летописях третьим). Олег скончался в 1209 г. в Белгороде [ПСРЛ. Т. XLI. С. 128]. Судя по этим достоверно известным именам сыновей Владимира Глебовича, имянаречение в его семье было устроено достаточно традиционным для князей Рюриковичей образом. Старший, *Глеб*, был назван непосредственно в честь деда, который умер в 1178 г. Следующий получил имя *Олег*, архитрадицонное для своей ветви рода. Имя *Изяслав* также не было чуждо антропонимикону чернигово-рязанских Рюриковичей. Что же касается имени *Константин*, — а он, если приходился Владимировичам родным братом, то, скорее всего, был четвертым, т. е. младшим из них (последнее упоминание Константина относится к 1241 г. [Карамзин. Т. IV. Примеч. 20]), — то оно приобретает популярность в роду Рюриковичей с конца XII в., незадолго до того времени, когда этот «поспешник» Глеба Рязанского мог появиться на свет. См. табл. № 5 к настоящему экскурсу.

41 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 430]; ср. [ПСРЛ. Т. VII. С. 242].

вичем», т. е. родным сыном Игоря Глебовича[42]. Сыном Игоря был и счастливо избежавший смерти на пиру князь Ингвар(ь) Рязанский[43].

Остается, таким образом, трое убитых родичей — Глеб[44], Святослав и Ростислав, — отцы которых нам в точности неизвестны. С другой стороны, есть пять братьев Глебовичей — Роман, Игорь, Всеволод, Святослав и Ярослав, — которые могли бы быть их отцами. Наиболее интересны в этом отношении — Роман, Святослав и Ярослав. У Святослава, согласно поздним летописям, было два сына, имена которых в источниках указываются по-разному — *Ростислав* (?) / *Ярослав* (?) и *Мстислав*. Кроме того, именно он, как мы

---

42 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 432].

43 У Игоря Глебовича был еще один сын Юрий, видимо, ближайший по возрасту к Ингварю. Он упоминается вместе с Ингварем под 1207 г. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 430; Т. VII. С. 114, 242]. О возможности его отождествления с погибшим в 1237 г. во время нашествия татар рязанским князем Юрием см. ниже. Так или иначе, в событиях, относящихся к 1217 г., он, судя по всему, не участвовал.

44 Глеб оказывается тезкой своего убийцы Глеба Владимировича по весьма понятной причине — оба они названы в честь их общего деда, Глеба Ростиславича. Совпадение имен кузенов было явлением вполне заурядным в родовой практике Рюриковичей и, как кажется, даже более обыкновенного распространенным у черниговско-рязанских князей. Отчество Глеба нигде не названо. Он мог быть сыном любого из Глебовичей, за исключением разве что Владимира, у которого один сын Глеб уже был. Н. Баумгартен считает Глеба сыном Игоря Глебовича и, соответственно, родным братом Романа и Ингваря Игоревичей [Baumgarten 1934. P. 74. Tab. XIV]. Из многих генеалогических построений историков Глеб, вероятно, в силу своей незначительности, попросту выпал [Карамзин. Т. III. Примеч. 123; Соловьев 1988. С. 716]; ср., однако: [Соловьев 1988. С. 710. Примеч. 416], где имя Глеба присутствует в списке князей, погибших на пиру. В каком-то смысле Глеб может служить примером того, как все сведения, дошедшие до нас о некоем представителе рода Рюриковичей, ограничиваются именем, хорошо вписывающимся при этом в структуру определенных родственных и династических отношений.

Пытаясь точнее определить родовую принадлежность этого князя, можно говорить о несколько большей предпочтительности версии отцовства Романа или Игоря Глебовичей, поскольку в этих случаях прослеживается определенное внутрисемейное обыгрывание имен святых братьев Бориса-Романа и Глеба-Давида (см. табл. № 5 к настоящему экскурсу). В самом деле, мирские и крестильные имена святых братьев образовывали различного рода устойчивые пары: князь, носивший имя одного из них, мог охотно давать своему сыну имя другого. Иными словами, Роман охотнее других мог бы назвать своего сына *Глебом*. С другой стороны, Игорь, по сходным соображениям, мог распределять имена святых родичей между несколькими своими детьми, назвав одного из них *Романом*, а другого — *Глебом*. Однако наречение в честь умершего деда — настолько весомый аргумент при выборе имени для ребенка, что подобные дополнительные тонкости могли учитываться, а могли и попросту игнорироваться.

помним, в историографии указывается как отец интересующего нас **Святослава Святославича* (см. табл. №№ 5, 7 к настоящему экскурсу). О семейной жизни Ярослава, как уже говорилось, мы знаем что, согласно летописной статье 1199 г., он взял в жены Всеславу, дочь Рюрика Ростиславича (см. табл. № 6 к настоящему экскурсу). Роман был женат на дочери Святослава Всеволодича, правнучке Олега Святославича, причем в статье 1180 г. Святослав Всеволодич именуется тестем Романа, и, следовательно, этот брак был заключен ранее[45].

Разумеется, отсутствие определенных данных об именах детей Романа и Ярослава отнюдь не означает, что у обоих не было потомства[46]. Особенно очевидно это утверждение в ситуации с рязанско-черниговской ветвью рода. На фоне общего недостатка информации, которой мы располагаем относительно генеалогии этих Рюриковичей, нет ничего удивительного в том, что некоторые сыновья и внуки Глеба Ростиславича, появившись эпизодически на страницах летописи, исчезают надолго или навсегда и ничего определенного сказать об обстоятельствах их жизни невозможно.

Известие, по которому мы можем судить о потомках Романа и Святослава Глебовичей, в Лаврентьевской летописи выглядит следующим образом:

«...придоша к нему и Рѧзаньскыѣ кнѧзи Романъ Ст҃ославъ бра҃т ѥго з двѣма сн҃ома»[47].

---

45 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 387].

46 В статьях, помещенных перед летописью по Воскресенскому списку, мы встречаем утверждение о том, что у Романа детей не было. Его имя фигурирует здесь под 1177 г. с пометой «бездѣтенъ». Однако мы едва ли можем принять эту помету как безоговорочное доказательство того, что этот князь вовсе не имел потомства. С одной стороны, эта запись могла фиксировать его семейную ситуацию лишь к 1177 г. С другой стороны — и это, на наш взгляд, еще более существенно, — данная часть Воскресенской летописи, описывая генеалогию рязанских князей, вообще отражает далеко не всех персонажей, известных нам по другим источникам. В целом эта генеалогия выглядит следующим образом: «А Глѣбовы дѣти Рязаньского: Романъ, бездѣтенъ, да Игорь, да Володимеръ, да Всеволодъ да Святославъ <...> а Игоревы дѣти Ингворъ да Юрьи. А Володимеровы сынове: Глѣбъ, да Костянтинъ, да Олегъ да Изеславъ; а Святославли дѣти Проньского Мстиславъ да Ростиславъ; а Всеволожь сынъ Киръ Михаилъ» [ПСРЛ. Т. VII. С. 242]. Нетрудно убедиться, что здесь в старшем поколении не указан, например, Ярослав Глебович, а в младшем — Роман Игоревич. Таким образом, мы наблюдаем определенные противоречия между добавлениями к Воскресенской летописи и другими источниками. При существующей запутанности генеалогии рязанских князей мы не рискнем назвать ни одну из этих противоречивых версий полностью ошибочной. В первую же очередь для нас важно, что и в родословной, предлагаемой в этой части Воскресенской летописи, у князя Святослава Глебовича нет никакого сына-тезки.

47 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 430].

На первый взгляд, может показаться, что речь здесь идет только о двух сыновьях Святослава Глебовича. Однако последовательный анализ сообщения показывает, что это не совсем так. Дальнейший текст демонстрирует, что для летописца «точкой отсчета» является Роман — старший из Глебовичей:

«...придоша к нему и Рѧзаньскыѣ кнѧзи Романъ Сѯ̄ославъ брат̾ ѥго з дв҃ѣма сн҃ома а Игоревїча в҃ брат̾ѩ ѥго Инъгваръ и Юрги и Володимерича в҃ Глѣбъ и Ѡлегъ а Всеволодъ бѧше ѹмерлъ в Проньскѣ брат̾ ихъ и из Мурома Дв҃дъ»[48].

При этом подходе вполне возможен такой порядок именования действующих лиц, когда в соответствии с родовым счетом сначала называется тот, кто принадлежит к поколению Романа, т. е. его младший брат, а затем следуют люди следующего поколения — сперва сыновья старшего брата (в данном случае по именам не названные), после них — племянники старшего брата, сыновья следующего по старшинству Глебовича, Игоря (Ингвар(ь) и Юрий). Потом упоминается умерший представитель старшего поколения, естественным образом, не принимающий участия в ситуации Всеволод Глебович, и лишь затем их более отдаленный родич — Давыд Муромский (ср. табл. №№ 8, 14 и 30 к настоящему экскурсу)[49].

Иными словами, можно предположить, что два сына, чьи имена здесь не приводятся, не Святославичи (сыновья Святослава Глебовича), а Романовичи (сыновья Романа Глебовича)[50]. Такое предположение выглядело бы чересчур смелым если бы не несколько обстоятельств, связанных с употреблением имен этих двух Святославичей / Романовичей в летописях.

В перечне жертв, погибших на пиру, упоминание имен *Ростислав* и *Святослав* предшествуют упоминанию имени Романа Игоревича (см. табл. № 9 к настоящему экскурсу). Это дает нам основание (впрочем, довольно слабое) полагать, что они по родовому счету были старше Романа Игоревича. Куда более существенно другое обстоятельство, связанное с событиями, довольно далеко отстоящими во времени от трагической гибели князей. В описании конфликтов между братьями Глебовичами, относящихся к 70-м — 80-м гг. XII в., фигурируют Всеволод и Владимир Глебовичи, позднее среди участников упоминаются Игорь и Святослав, причем в летописной статье 1186 г. Ро-

---

48 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 430–431].

49 О родословной Давыда Муромского см. ниже, с. 321.

50 Близкую трактовку предлагал в свое время В.Н. Татищев, который считал, что среди шести князей, оклеветанных перед Всеволодом Большое Гнездо в 1207 г., фигурировал Роман со своими двумя сыновьями Мстиславом и Ростиславом [Татищев. Т. III. С. 177–178]. При этом нельзя все же сбрасывать со счетов и свидетельство, помещенное в статьях, предваряющих Воскресенскую летопись, где под 1177 г. Роман Глебович именуется бездетным [ПСРЛ. Т. VII. С. 242].

ман, Игорь и Владимир именуются старшими братьями, а Всеволод и Святослав Глебовичи — младшими[51]. Ярослав же (по-видимому, самый младший из всех братьев) в описании этих столкновений не фигурирует вовсе. Впервые Ярослав упомянут в описании попытки перемирия под 1187 г. как брат Святослава Глебовича[52].

В этом же эпизоде содержится некий перечень князей «рязанской стороны». В нем названы Роман, Игорь, Владимир, Святослав и Ростислав. Загадочный Ростислав, явно не принадлежащий к поколению Глебовичей, присутствует во всех трех списках Лаврентьевской летописи[53]. Естественно допустить, что этот Ростислав и тот Ростислав, который фигурирует в перечне рязанских князей, погибших на пиру в 1217 г. рядом со Святославом, — это одно и то же лицо[54]. В таком случае он, скорее всего, должен быть сыном

---

51 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 387–388, 400–404].

52 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 404].

53 Издательская помета указывает даже, что во всех трех списках он назван «вместо Ярослава» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 404].

54 Поздние летописи приводят при описании конфликта под 1208 г. имена ряда братьев из поколения внуков Глеба Ростиславича Рязанского. Если судить по показаниям Никоновской летописи, двое из них являются сыновьями Святослава Глебовича, однако ни один не является тезкой своего отца: «Святославичи», «сынове Святославли» носят имена *Мстислав* и *Ростислав* [ПСРЛ. Т. X. С. 55]. В Воскресенской же летописи, где тоже есть «расширенный» список имен Глебовых внуков, дело обстоит несколько сложнее. Там, с одной стороны, присутствует та же безымянная конструкция, что и в Лаврентьевской летописи, а, с другой стороны, отдельно названы имена двух Святославичей, однако ни один из них не носит имени своего отца: «...пріидоша къ нему ту Рязаньскіи князи, Романъ Глѣбовичь и братъ его Святославъ съ 2-ма сынома, и Игоревича два Ингварь и Юрьи, и Володимерича два Глѣбъ и Олегъ, а Святославичи Мстиславъ и Ростиславъ, а Всеволодъ Глѣбовичь уже преставися во Проньскѣ» [ПСРЛ. Т. VII. С. 114] (см. табл. № 10 к настоящему экскурсу). Ср. также уже цитировавшееся указание в статье, помещенной перед Воскресенской летописью под 1177 г. [ПСРЛ. Т. VII. С. 242].

Этот фрагмент может быть истолкован по-разному. Возможно, «два сына» — в соответствии с нашей гипотезой — считаются здесь сыновьями Романа, и имена двух Святославичей названы последними, потому что они были сыновьями одного из младших братьев Глебовичей. В этой связи следует обратить внимание на то обстоятельство, что Святославичи в одном из списков носят имена *Ростислав* и *Мстислав*, а в других — *Ярослав* и *Мстислав*. Последнее расхождение позволяет допустить, что ошибочным было как раз чтение «Ростислав», так как *Ростиславом* звался Романович, а *Ярославом* — Святославич. Свое имя *Ярослав* он мог бы получить в честь дяди, Ярослава Глебовича, который, по-видимому, был одним из ближайших по возрасту для Святослава Глебовича.

Возможны, по-видимому, и иные интерпретации этого текста Воскресенской летописи. В Ермолинской летописи, например, два сына поименованы. Они зовутся *Мстислав* и *Ростислав*, и здесь из контекста следует, что речь идет скорее о сыновьях Святослава Глебовича [ПСРЛ. Т. XXIII. С. 61], хотя вероятность «отцовства» Ро-

Романа Глебовича, старшего среди своих братьев. Вполне закономерно, что старший из племянников упомянут после всех своих дядьев. Можно предположить, что он не слишком сильно отличался по возрасту от самого младшего из своих дядьев, Ярослава Глебовича, и появился на свет еще при жизни Глеба Ростиславича, своего деда, а потому и был назван именем прадеда, Ростислава Ярославича, на которое по родовому счету имел полное право (см. табл. № 9 к настоящему экскурсу).

Никоновская летопись в описании убийства 1217 г. прямо именует Ростислава «Святославичем»[55], что, казалось бы, опровергает наше предположение о том, что Ростислав мог быть сыном Романа Глебовича (ср. табл. №№ 9, 10 к настоящему экскурсу). При этом, на первый взгляд, оно полезно для нашего построения в целом, поскольку делает попросту избыточной самую мысль о существовании князя Святослава Святославича, объясняя совершенно иначе появление имени *Святослав* в этом перечне жертв. В самом деле, коль скоро здесь Ростислав со всей определенностью назван «Святославичем», то можно было бы допустить, что и в остальных летописных текстах имя *Святослав* появляется рядом с именем *Ростислав* в качестве самостоятельного антропонима в результате ошибки[56].

Тем не менее, несмотря на соблазительность такого пути, всецело полагаться на данное свидетельство Никоновской летописи едва ли возможно. Во-первых, слишком многочисленны и единодушны показания различных летописных источников, как более ранних, так и поздних, указывающие рядом с Ростиславом — Святослава, что, при известной склонности составителей Никоновского свода к генеалогическим изобретениям, уже заставляет нас отнестись к этому свидетельству с осторожностью.

Во-вторых, в самом этом свидетельстве содержится очевидное противоречие. Оно, как и некоторые другие источники, говорит о том, что в Исадах съехалось шесть князей и злодеи убили «пять братаничей, а шестаго брата роднаго». Однако в перечне этих князей мы обнаруживаем всего лишь пять

мана и в данном случае нельзя исключить полностью. Здесь нам приходится говорить о версии, которой придерживался каждый из составителей поздних летописных текстов, и о том, насколько адекватно мы можем понять из дошедших до нас текстов сущность и содержание этих версий. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и вопрос о том, в каких случаях составители поздних летописей располагали недоступными для нас источниками по генеалогии рязанских Рюриковичей, а когда они действовали лишь на основании собственных реконструкций и догадок.

Однако самым существенным для нас является то обстоятельство, что во всех случаях, когда сыновья Святослава напрямую называются по имени, никогда никто из них не оказывается тезкой своего отца.

55 См. [ПСРЛ. Т. X. С. 78].

56 Вспомним, что там, где в летописях появляются имена двух братьев, то ли Романовичей, то ли Святославичей, рядом с Ростиславом всегда фигурирует Мстислав, а не Святослав.

именований: один родной брат убийц Изяслав Владимирович, двоюродный брат Кир Михаил Всеволодич, двоюродный брат Ростислав Святославич, князь Глеб и князь Роман[57]. Иными словами, даже если исходить исключительно из внутренней логики самого текста Никоновской летописи, имя одного из двоюродных братьев пропущено или превращено в отчество.

Таким образом, перед нами скорее всего не фиксация истинного положения дел, не буквальное воспроизведение какого-то недоступного нам более раннего источника, а опыт исторической реконструкции, предпринятой составителем Никоновской летописи[58]. Некий князь Святослав в поколении внуков Глеба Рязанского, по-видимому, все-таки существовал и был убит на пиру в 1217 г. Он получает имя весьма престижное у всех многочисленных потомков Святослава, сына Ярослава Мудрого. При этом такой выбор в высшей степени соответствует и тенденциям, существующим в локальной семейной традиции Глебовичей, потомков Глеба Ростиславича. Скорее всего, мальчик становится тезкой своего живого дяди, подобно тому как один из его кузенов, Роман Игоревич, сделался тезкой своего дяди, Романа Глебовича[59].

Не вполне понятно, однако, был ли Святослав родным братом Ростислава, как не вполне ясно, один ли княжич в поколении Глебовых внуков носил имя прадеда Ростислав, или существовало два Ростислава — Романович и Святославич (брат Мстислава?) (ср. табл. № 9 к настоящему экскурсу).

Неперечисленный нами набор возможностей, связанный с атрибуцией носителей имен Ростислав, Мстислав и Святослав, еще достаточно велик. Очевидно, однако, что с наименьшей вероятностью упоминаемый под 1217 г. Святослав был сыном Святослава Глебовича. Не существует ни одного источника, где он был бы назван именно таким образом, так же как не существует, на наш взгляд, и наглядного способа реконструкции, позволяющего приписать ему это тавтологическое отчество.

*Ингвар(ь) Ингваревич

Совпадающие имя и отчество приписываются еще одному рязанскому князю, который характеризуется как потомок Глеба Ростиславича. В некото-

---

57 См. [ПСРЛ. Т. X. С. 78].

58 Любопытно, однако, что, имея немалый опыт в описании династии Рюриковичей и столкнувшись с проблемой интерпретации сложной и запутанной генеалогии рязанских князей, он исходил, по всей видимости, из имплицитного убеждения, что князя по имени Святослав Святославич, родившегося при жизни отца, быть не может.

59 Разумеется, такой подход, связанный с наречением в честь живого дяди, мог с равным успехом осуществляться и в том случае, если Святослав был сыном Романа Глебовича или, к примеру, Ярослава Глебовича. Строго говоря, невозможно исключить и ту возможность, что он был сыном Всеволода Глебовича и родным братом Кир Михаила, хотя его место во всевозможных перечнях, как кажется, меньше отвечает такой гипотезе. См. табл. № 9 к настоящему экскурсу.

рых работах упоминается князь, живший во времена Батыева нашествия и носивший имя *Ингвар(ь) Ингваревич*.

Этот персонаж — а называть его лицом историческим едва ли возможно — может служить своеобразным воплощением целого клубка текстологических, историографических и литературоведческих проблем, с которыми сталкивается исследователь, обращающийся к истории рязанского княжества в 30-е гг. XIII в.

Родословная рязанских князей, потомков Ярослава Святославича Муромского, для этого временного отрезка, как кажется, еще более запутанна и неопределенна, чем для периода предыдущего, о котором шла речь выше (ср. табл. № 11 к настоящему экскурсу). Помимо причины очевидной — татарского нашествия и сожжения Рязани, — существуют и, так сказать, внутренние причины, связанные с внутрисемейными обычаями имянаречения именно в этой ветви рода.

Обычай нарекать племянников именами дядьев, живых и умерших, равно как и возможность давать сразу нескольким двоюродным братьям родовое имя их общего деда, существовал у всех Рюриковичей без исключения. Однако у рязанцев, как кажется, обе эти практики поддерживались с особой интенсивностью. При относительной скудости источников и редкости упоминаний того или иного князя зачастую очень трудно определить, идет ли речь о дяде или о его племяннике-тезке, тем более что в двух поколениях нередко могут совпадать не отдельные антропонимы, а целые группы имен, имена и отчества действующих лиц.

Коль скоро речь идет о поздних источниках, которые явно несут на себе следы влияния текстов, не имеющих непосредственного отношения к описываемым событиям, особенно трудно оказывается установить, является ли «удвоение» того или иного персонажа результатом родовой стратегии имянаречения, когда племянник или внук делался полным антропонимическим подобием дяди или деда, или попросту плодом неосведомленности или литературного творчества составителя-редактора того или иного памятника.

В связи с этим, «судьба» князя Ингваря Ингваревича особенно интересна. Он не фигурирует ни в одном из известных нам летописных сводов, о месте его княжения ни до событий 1237 г., ни после них в летописях ничего не говорится. Решительно ничего не известно и о его детях. В родословных рязанских князей XVI в. такой князь попросту отсутствует[60]. В грамоте князя Олега Ивановича Рязанского, датируемой ок. 1371 г., имя *Ингвар(ь)* упомянуто лишь единожды, при перечислении предков Олега[61], и это упоминание, вероятнее всего, относится к известному нам по летописям и уже неод-

---

60 См. [Монгайт 1961. С. 358. Примеч. 299].

61 «А возрѣвъ ѥсмь въ да[вн]ыи грамоты съ ѡ(т)цемь своимь съ вл(а)д(ы)кою с Вас[ильѥ]мь и съ боꙗры, коли ставили по первыхъ [прадѣ]ди наши с(вѧ)тую Б(огороди)цю кнѧз(ь) великии Инъгваръ, кн[ѧз(ь)] Ѡлегъ, кнѧз(ь) Юрьи...» [АСЭСВР. Т. III. С. 351. № 322; АИ. С. 2. № 2].

нократно появлявшемуся в нашем рассказе рязанскому князю Ингварю Игоревичу, сыну Игоря Глебовича (ср. табл. № 11 к настоящему экскурсу).

Оговоримся сразу, что и в позднем тексте, таком как «Повесть о Николе Заразском», князя, чье отчество буквально воспроизводится в имени, мы не обнаруживаем. Князь, здесь присутствующий, обладает лишь созвучными именем и отчеством (представленными в нескольких графических вариантах), но не тождественными друг другу. Иными словами, у нас есть все основания утверждать, что такой князь, тезка своего отца, в источниках вообще отсутствует и является целиком и полностью порождением историографии. Тем не менее важность выявления хотя бы фрагментарных данных об имянаречении рязанских князей в эту эпоху, с одной стороны, и актуальность проблемы варьирования родовых имен как самими князьями, так и их довольно отдаленной во времени «аудиторией», с другой стороны, заставляют обратить более пристальное внимание на это именование.

Как уже упоминалось, в «Повести о Николе Заразском» Ингвар(ь) Ингваревич / Ингоревич фигурирует в событиях, связанных со взятием Рязани Батыем. Какие же рязанские князья упоминаются в связи с этим событием в летописях? В Новгородской первой летописи в эпизоде, относящемся к взятию Рязани, перечень рязанских князей выглядит следующим образом:

«Князи же Рязаньстии Гюрги Инъгворовъ братъ Олегъ Романъ Инъгоровичь»[62].

Что же касается Лаврентьевской летописи (продолжение Суздальской летописи по Академическому списку), то здесь под 1237 г. рязанские князья перечислены следующим образом:

«...кнѧзї же Резаньстии Юрьи Инъвгоровичь братъ єго Ѡлегъ Инъвгоровичь»[63].

В Воскресенской летописи рязанские князья именуются так:

«Князи же Рязаньстіи, Юрьи Ингваровичь и братъ его Олегъ»[64].

---

62 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 74, 286]. В данном случае мы цитируем текст летописи без запятых, расставленных в издании, так как они вносят несуществующую ясность в интересующий нас фрагмент (ср. «князи же Рязаньстии Гюрги, Инъгворовъ братъ, Олегъ, Романъ Инъгоровичь»). В Новгородской четвертой летописи это свидетельство выглядит весьма сходным образом: «Князи же Рязаньстѣи Юрьи, Иновгоровъ братъ, Олегъ Инъвгоревичь, и Моуромскии и Проньскии князи...»[ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 215]. Упомянем также, что в Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов представлены следующие разночтения этого антропонима по различным спискам: «Инъгворовъ», «Инъгорович», «Инъговорович», «Инъвгоровиць».

63 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 514]. В издании Лаврентьевской летописи внесена поправка по Новгородской первой летописи, что специально оговаривается издателями: «...Юрьи Инъвгоровичь братъ его Ѡлегъ [и Романъ] Инъвгоровичь».

64 См. [ПСРЛ. Т. VII. С. 139].

Позднее здесь упоминается также князь Роман «Ингворовичь», посланный князем владимирским против татар. Те же свидетельства относительно рязанских князей содержатся в большинстве поздних летописей[65].

Главное противоречие, с которым мы сталкиваемся в летописных свидетельствах, сводится, в сущности, к следующему — участвуют ли в данном эпизоде исключительно правнуки Глеба Ростиславича, или еще живо и действует поколение его внуков, и в рязанском княжестве каким-то образом распределена власть между двумя братьями Игоревичами и детьми одного (?) из них. Иными словами, возможны, по меньшей мере, две картины событий.

Согласно одной из них (версия Новгородской первой летописи), в момент пришествия Батыя в Рязани сидит князь Юрий Игоревич, сын Игоря Глебовича, внук Глеба Ростиславича (см. табл. № 12 к настоящему экскурсу). Ингварю Игоревичу он приходится родным братом, скорее всего, младшим. До этого вместе они упоминались в летописи под 1207 г., когда рассказывалось о собрании рязанских князей у Всеволода Большое Гнездо. Ингвар(ь) Игоревич в таком случае к 1237 г., по всей вероятности, еще жив и является старшим из рязанских князей. Как кажется, только при таких обстоятельствах может быть оправданным именование Юрия не по отцу или деду, а по брату («Гюрги Инъгворовъ братъ»).

Судя по всему, Ингвар(ь) Игоревич в момент нападения Батыя в городе отсутствует. На время его отсутствия сыновья, естественным образом, находятся под рукой дяди Юрия Игоревича. Имена этих сыновей, Роман и Олег, в высшей степени традиционны: Роман назван в честь родного дяди, который погиб на тот самом пиру в 1217 г., куда не успел родной отец нарекаемого, тогда как Олег носит престижное для чернигово-рязанской ветви имя дяди двоюродного, Олега Владимировича, который скончался около 1209 г. и не был замешан в кровавом заговоре своих родных братьев, Глеба и Константина Владимировичей (см. табл. № 12 к настоящему экскурсу).

При таком положении дел оказывается возможным условно отождествить князя Ингваря Ингоревича, персонажа поздней рязанской повести, с Ингварем Игоревичем, сыном Игоря Глебовича, который возвращается в ра-

---

65 Ср. «Князи же резаньстии Юрьи Инъвгоровичъ, брать его Олегъ Инъвгоровичъ...» [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 288]; «...князь велики Юрьи Ингворовичь и братъ его князь Олегъ Ингворовичь...» [ПСРЛ. Т. X. С. 105]; «Князи же Рязаньстіи, Юрій Иньгваревичь и брата его Олегъ и Романь Иньговоровичи» [ПСРЛ. Т. XV: Тверская летопись. Стб. 366]; «Князь же Юрь Инъгваревичь, и братъ его Олегъ...» [ПСРЛ. Т. XXIII. С. 74]; «Князи же Рязаньстии, Юрьи Инъгварович и брат его Олегъ...» [ПСРЛ. Т. XXV. С. 126]; ср., впрочем, примеч. изд. на с. 420; «Кн(я)зи *ж*(е) резанстии Юрье Инъвгорович и бра*т* его Олегъ Инъвгоревич...» [ПСРЛ. Т. XLIII. С. 90]. Ср. в Новгородской второй летописи: «Княз[и] же Резанъскии Юрьи Ингворовичь и его роду...» [НЛ 1879. С. 20].

зоренный татарми город и оплакивает своих родичей. Такая трактовка событий хорошо согласуется с гипотезой В.Л. Комаровича, исследовавшего текстологию рязанских повестей и предположившего, что фрагменты собственно рязанского описания Батыева нашествия могли сохраниться именно в составе Новгородской первой летописи[66].

С другой стороны, большинство летописных источников дает основание для реконструкции иной картины событий (см. табл. № 13 к настоящему экскурсу). Согласно этой картине, Юрий, Олег и, вероятно, Роман являются людьми одного поколения и носят отчество, которое, несмотря на определенное разнообразие его графических вариантов, позволяет, как кажется, счесть их сыновьями Ингваря Игоревича. В этой летописной версии их отец Ингвар(ь) и дядя Юрий Игоревичи в событиях 1237 г. никак не участвуют и не упоминаются, так что естественно допустить, что ни того, ни другого к моменту захвата Рязани татарами уже нет в живых.

Разумеется, и в такой трактовке, с точки зрения простого счета поколений, нет ничего невозможного. Действительно, Юрий Игоревич до этого упоминается в летописях лишь в событиях, относящихся к 1207 г. В рассказе о том, что случилось в 1217 г., он не назван ни в числе жертв, ни как князь, которому удалось спастись, так что допущение о том, что его не было в живых уже к 1217 г., не кажется невероятным.

Его брат, Ингвар(ь) Игоревич, после 1217 г., судя по всему, сидит в Рязани и, согласно показаниям летописей, в 1219 г. успешно отражает нападение Глеба Владимировича, пришедшего с половцами[67]. Однако позднее след его теряется. Разумеется, за время, отделяющее 1219 г. от Батыева нашествия в 1237 г., и он мог сойти с исторической арены. В историографии существует версия, что Ингвар(ь) Игоревич скончался в 1235 г. У истоков ее стоит, по-видимому, сообщение В.Н. Татищева[68], однако никакого свидетельства памятников, способного подкрепить это утверждение, в нашем распоряжении нет.

В целом же такая картина событий, при которой Юрий Игоревич скончался довольно рано, а Ингвар(ь) Игоревич позднее, но во всяком случае до 1237 г., не противоречит данным, которые можно почерпнуть из имянаречения детей в семье последнего. Если считать, что князь Юрий Рязанский, упомянутый во многих летописях, не брат (как следует из Новгородской первой летописи), а сын Ингваря Игоревича, то выбор имени для него оказывается совершенно естественным. Судя по всем летописным характеристикам, он старший из своих братьев, сыновей Ингваря, а назван в честь того из родных дядьев, кто умер первый (ср. табл. № 13 к настоящему экскурсу). Имя одного из его братьев, *Роман*, связано, как уже отмечалось, с памятью другого родного дяди, убитого в 1217 г., а имя другого брата, *Олег*, — с памятью дяди

66 См. [Комарович 1946. С. 74–85].

67 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 444; Т. VII. С. 126; Т. XXV. С. 116].

68 См. [Татищев. Т. III. С. 230].

двоюродного[69]. Дело, впрочем, осложняется тем, что племянники могли получать имена живых родных дядьев, с которыми их отец, по всей видимости, состоял в мирных и, вероятнее всего, союзнических отношениях.

Подчеркнем, что совокупность данных, которые можно извлечь из летописи, несмотря на их противоречивость, демонстрирует, что имянаречение в семье Ингваря в целом было устроено вполне традиционным и в чем-то предсказуемым образом.

«Повесть о Николе Заразском» во многих отношениях противоречит тем немногим летописным данным, которые устанавливаются с большей или меньшей определенностью[70]. Здесь у Игоря Глебовича появляется целая группа внуков, в частности и тот самый интересующий нас князь Ингвар(ь) Ингваревич / Ингоревич, а другой внук Игоря, Олег, гибнет прежде «положенного летописью срока» (см. табл. № 14 к настоящему экскурсу).

Общая причина этих и других противоречий ясна и неоднократно указывалась исследователями: «Повесть о Николе Заразском», в том виде, как мы

---

69 В генеалогических разысканиях о рязанских князьях иногда выделяется еще один Олег, сын Игоря Глебовича, родной брат Ингваря Игоревича [Иловайский 1858. С. 89; Baumgarten 1934. P. 79]. Эти историки полагают, что Олега было два, дядя и племянник. При этом существование обоих характерным образом выводится исключительно из круга памятников (летописных и нелетописных), относящихся к событиям 1237 г. и позже. Однако ни в одном из этих памятников двух Олегов одновременно никоим образом не фигурирует. В существовании двух разных лиц с этим именем сомневался с полным на то основанием еще А.В. Экземплярский [Экземплярский. Т. II. С. 570. Примеч. 1842]. В летописных статьях 1252 г. идет речь о возвращении от татар «Олга Инъгваровича, внука Игорева» [ПСРЛ. Т. VII. С. 160; Т. X. С. 139; Т. XV: Тверская летопись. Стб. 397; Т. XXIII. С. 84; Т. XXV. С. 142]; ср. [Приселков 1950. С. 324], а под 1258 г. о пострижении в великую схиму и смерти Олега Рязанского [ПСРЛ. Т. VII. С. 162; Т. X. С. 141; Т. XV: Рогожский летописец. С. 32; Т. XXIII. С. 85; Т. XXV. С. 143]; ср. [ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 232 под 1256 г.; Т. XLIII. С. 96; Приселков 1950. С. 325, 326]. Кроме того, Олег Рязанский в 1242 г. отправился к татарам [ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 228; Т. XLIII. С. 94]. Таким образом, существование Олега, внука Игоря, можно считать несомненным, а вот существование его родного дяди, *Олега, сына Игоря, основывается, как кажется, только на весьма специфическом прочтении некоторых летописных известий, относящихся к 1237 г. Помимо всего прочего, не может не вызывать удивления, что этот Игоревич, который должен был бы быть к этому времени взрослым и даже немолодым князем, совершенно отсутствует в каких бы то ни было летописных источниках. Рискнем предположить, что этот персонаж был вызван к жизни лишь сложностями с расстановкой знаков препинания в изданиях Новгородской первой и Лаврентьевской летописей.

70 В работах, посвященных текстологии рязанских сказаний, регулярно подчеркивается недостоверность их сведений, касающихся родственных связей рязанских князей начала XIII в. (см., например: [Комарович 1946. С. 74–85; Повесть о разорении Рязани Батыем. С. 554–560; Лихачев 1987. С. 332–337; Клосс 2001. С. 410–465], с указанием литературы).

ее знаем, — памятник поздний, сформировавшийся на основе взаимодействия целого ряда литературных и фольклорных источников[71]. Выявление в нем первоначального ядра, данных, восходящих непосредственно к 30-м — 40-м гг. XIII в., является задачей весьма нелегкой, а, возможно, и неразрешимой.

В любом случае при анализе этих памятников исследователи стремятся указывать тексты, повлиявшие на столь многослойный памятник, как «Повесть о Николе Заразском», и отмечать возможные способы этого влияния. В связи с интересующей нас темой уместно высказать предположение о том, каким именно образом князь со «странным» именем и отчеством *Ингвар(ь) Ингваревич / Ингоревич* появляется в этом тексте и как формируется связанная с ним сюжетная линия.

Прежде всего необходимо отметить, что в сказаниях о рязанских князьях смешиваются даже не два, а по крайней мере три поколения князей, известных по летописям. Так, в полном соответствии с летописью отмечается, что у Всеволода Пронского был сын Кир Михаил, который становится его наследником. Однако в сказаниях это событие относится ко времени Батыева нашествия, а Всеволод Пронский оказывается одним из младших Ингваревичей. На самом же деле, как мы помним, Всеволод Пронский был сыном Глеба Ростиславича, историческому лицу Ингварю Игоревичу приходился дядей, а скончался в 1207 г., передав власть своему родному сыну Кир Михаилу, который, в свою очередь, был убит в 1217 г. К поколению Всеволода Глебовича принадлежал и князь муромский Давыд, остающийся в повести князем муромским, но превращающийся, тем не менее, в одного из младших Ингваревичей (см. табл. № 14 к настоящему экскурсу).

Не исключено, что при составлении рязанской повести использовались, в частности, и не дошедшие до нас источники, относящиеся к рязанской истории первой трети XIII в. Весьма вероятно, что составитель этого текста использовал содержащиеся в более ранних текстах перечни рязанских князей, участвовавших в каких-либо событиях XIII в., такие, например, как перечень князей, съехавшихся у Всеволода Большое Гнездо в 1207 г.[72] Однако исторические сведения в повести подверглись существенной трансформации. Так, мы знаем из летописей о возвращении Олега Рязанского от татар в 1252 г., но мало знаем о том, когда и при каких обстоятельствах он попал к ним. В поздних новгородских летописях глухо упоминается о том, что в 1242 г. князь отправился к хану[73]. В повести же сообщается, что Олег попал в плен, однако при этом говорится и о том, что в плену он был убит.

Упоминается и место княжения Глеба, одного из Ингваревичей, здесь он назван князем Коломенским. Это свидетельство могло бы быть весьма ценным, если бы мы твердо знали, к какому из Глебов оно относится. В повести

---

71 См. подробнее: [Клосс 2001. С. 436–456].

72 Напомним, что там поименованы Роман, Святослав, Ингвар(ь), Юрий, Глеб, Олег, Всеволод и Давыд, а несколько ниже упомянут и Кир Михаил.

73 См. [ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 228; Т. XLIII. С. 94].

соединены по крайней мере три (а, возможно, и больше) временных среза рязанской истории. Один из них можно условно отнести к 1207 г., когда Пронск переходит из рук Всеволода Глебовича к его сыну Кир Михаилу, а в Муроме княжит Давыд. Другой срез может быть соотнесен с событиями 1217 г., в которых гибнет множество рязанских князей, а Ингвар(ь) Игоревич по счастливой случайности остается в живых. Третий же срез относится непосредственно к событиям Батыева нашествия 1237 г. Не исключено, что сюда попали и более поздние события, связанные с удержанием у татар Олега Рязанского.

Трудно сказать, разумеется, каким именно образом это смешение возникает. Однако весьма существенно, что в него оказываются вовлечены самые яркие и самые значимые эпизоды из истории рязанских князей той эпохи.

Сюжетная функция персонажа, именуемого в рязанской повести *Ингварем Ингваревичем / Ингоревичем*, заключается прежде всего в том, что он волею обстоятельств оказывается за пределами Рязани и поэтому избегает гибели от рук татар. Приехав в Рязань, он обнаруживает следы побоища, произносит плач по своим родичам, хоронит их и воздвигает кресты над могилами Федора Юрьевича, его жены и сына. Описание оплакивания и похорон изобилует заведомо поздними элементами[74] (ср. табл. № 14 к настоящему экскурсу).

Рассказ о князе, который не гибнет вместе со своими родичами, избежав смерти благодаря почти случайному отсутствию на месте трагических событий, мы обнаруживаем в летописи под 1217 г. Знаменательным образом, речь здесь идет о спасении князя Ингваря Игоревича, сына Игоря Глебовича. Как мы помним, двоюродный брат Ингваря Игоревича Глеб Владимирович созывает рязанских князей на совет и пир, замыслив истребить их:

«снемшиᵐсѧ имъ всѣᵐ на Исадѣˣ на порѧдъ Изѧславъ Кюръ Михаилъ Ростиславъ Ст҃ославъ Глѣбъ Романъ Инъгваръ же не ѹспѣ приѣхати к ниᵐ не бѣ бо приспѣло єще времѧ ѥго <...> и ꙗко начаша пити и веселитисѧ и ту абьє проклѧтыи Глѣбъ с братоᵐ иземъша меча своꙗ начаста сѣчи преже кнѧзи таже болѧры и слугы ихъ много множство...»[75].

Позднее, как сообщает летопись, оставшийся в живых Ингвар(ь) Игоревич одолевает в битве братоубийцу Глеба. В обоих эпизодах подчеркивается, что главную военную силу Глеба Владимировича составляют половцы,

---

74 Плач Ингваря Ингоревича со всей определенностью считается позднейшей вставкой, включенной в текст не ранее последних лет XIV столетия [Лихачев 1963. С. 48–51]. Позднейшей вставкой считается и рассказ о Евпатии Коловрате, спутнике Ингваря Ингоревича, а также эпизод с рассечением на части Олега Красного (по версии сказания, брата Ингваря Ингоревича) и перенесением Ингварем Ингоревичем его раздробленных останков из Пронска в Рязань. Ср. также еще более радикальную точку зрения относительно позднего происхождения памятника [Клосс 2001. С. 410–465].

75 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 440–441].

а сам он не только уподобляется Святополку Окаянному, но и именуется беззаконным:

«Безаконьныи Глѣбъ Володимеричь приде со мно^ж^ством Половець к Рѧзаню и изиде противу имъ Инъгваръ съ своєю бра^т^ѥю и ступивши^м^сѧ ѡбоимъ бишасѧ крѣпко и Бж҃ьѥю помощью и кр^с^та честнаго силою побѣди [И]нъгваръ злаго братоѹбиицю Глѣба и многы ѿ Половець избиш^а^ а ины извѧзаша а са^м^ ѡканьныи вмалѣ оутече»[76].

Многие элементы данного летописного сюжета воспроизводятся в повествовании об Ингваре Ингваревиче / Ингоревиче. Обратим внимание прежде всего, что и в том, и в другом случае князь по имени *Ингвар(ь)* по случайности отсутствует, когда гибнут его родичи, рязанские князья, и множество их людей. И в том, и в другом случае в избиении князей участвуют язычники-иноплеменники: в летописном рассказе это половцы, тогда как в повести — татары. При этом, с одной стороны, князь Глеб Владимирович наделяется эпитетом «беззаконный», приравнивающий его к нехристианину, с другой же стороны, «преемственность» между изображением половцев и татар в древнерусской литературе неоднократно отмечалась исследователями[77]. В одном случае рязанские князья гибнут на пиру, в другом они погибают в битве, которая (вполне традиционным для средневековой литературы образом) уподобляется пиру[78]. И в том, и в другом случае оставшийся в живых князь оказывается на рязанском столе.

В свете антропонимической направленности нашего исследования весьма любопытно то обстоятельство, что в рязанской повести Ингвар(ь) Ингоревич / Ингваревич обладает крестильным именем *Козьма*[79]. При этом, согласно Н.М. Карамзину, персонаж исторический, Ингвар(ь) Игоревич, внук Глеба Ростиславича, также был в крещении *Козьмой*: «...Игоря Глебовича, коего сыновья именуются в Родослов. Книге Ингвар(ь)-Козма и Юрий»[80]. Эта деталь может, как кажется, служить еще одним, дополнительным аргументом в пользу того, что в рязанской повести князь, оплакивающий своих родичей, отождествляется с Ингварем Игоревичем, внуком Глеба (ср. табл. № 14 к настоящему экскурсу).

---

76 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 444 под 1219 г.].

77 См., например: [Чекин 2000. С. 707–711].

78 Ср. «И едва одолѣша их силныя полкы татарскыа. Ту убиен бысть благовѣрный князь велики Георгий Ингоревич, брат его князь Давид Ингоревич Муромской, брат его князь Глѣбъ Ингоревич Коломенской, брат их Всеволод Проньской, и многая князи мѣсныа и воеводы крѣпкыа, и воинство: удалцы и резвецы резанския. Вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Ни един от них возратися вспять: вси вкупе мертвии лежаша. Сиа бо наведе бог грех ради наших».

79 См. [Похвала роду рязанских князей. С. 202].

80 См. [Карамзин. Т. III. Примеч. 123].

Таким образом, чрезвычайно важный для историка вопрос, был ли князь Ингвар(ь) Игоревич жив к 1237 г., не представлял особой значимости для авторов рязанской повести. При надобности этот князь мог быть «перенесен» в пространство 1237 г. из времен своего счастливого спасения от убийцы-Глеба, подобно тому как попали во времена Батыева нашествия его заведомо умершие ранее дядя Всеволод Пронский и кузен Кир Михаил (ср. табл. № 14 к настоящему экскурсу).

Ингвар(ь) Игоревич, — носитель имени, не вполне обычного для Рюриковичей, но отнюдь не тождественного его отчеству[81], — легко трансформируется в *Ингваря Ингоревича*, но лишь в историографической традиции его имя претерпевает еще одну трансформацию, окончательно превратившись в *Ингваря Ингваревича*[82]. Князь парадоксальным образом становится своим

---

81 См. подробнее об именах *Ингвар(ь)* и *Игорь* в гл. II, с. 63–68.

82 В истории С.М. Соловьева князь с тавтологическим именем и отчеством фигурирует только в пересказе рязанской повести и именуется *Игорем Игоревичем* [Соловьев 1988. Кн. II. С. 615]. Н.М. Карамзин, пересказывая соответствующий эпизод из рязанских сказаний, называет интересующего нас князя *Ингорем* сыном *Ингваревым* [Карамзин. Т. III. С. 122. Примеч. 360]. В истории В.Н. Татищева на протяжении всего рассказа о рязанских событиях имена и отчества князей, включающих в себя антропонимы *Игорь* и *Ингвар(ь)*, регулярно изменяются и путаются так, что зачастую трудно установить, о каком именно князе говорит историк (ср. [Татищев. Т. III. С. 178, 200, 207, 230, 232, 288. Примеч. 17-17; Т. IV. С. 334, 352]).

В труде Д.И. Иловайского, посвященном рязанскому княжеству, утверждается, что у князя Игоря Глебовича были сыновья Ингвар(ь), Юрий, Роман, Глеб и Олег, а у Ингваря Игоревича, в свою очередь, были сыновья — Ингвар(ь), Роман, Глеб, Давыд и Олег [Иловайский 1858. С. 78, 128, 134–136, 307]. Таким образом, путем почти полного повтора имен дядьев в именах племянников здесь разрешается противоречие между летописными свидетельствами о родственных связях князей и сведениями, находящимися в сказаниях о разорении Рязани. Столь полное совпадение имен дядей и племянников казалось бы редким, но в принципе возможным, если бы не ряд дополнительных обстоятельств: так, и у дяди по имени *Всеволод*, и у племянника по имени *Всеволод* оказывается по старшему сыну с редким именем *Кир Михаил*, а Давыд, четвероюродный племянник своего тезки, Давыда Старшего, княжит в Муроме, в том же городе, что и этот четвероюродный дядя, в обход прямых наследников. Вероятнее, таким образом, что дело здесь не в полном тождестве имен старших и младших родичей, а в экстраполяции сведений о рязанских князьях, относящихся к началу XIII в., на эпоху несколько более позднюю.

Как кажется, начиная с работы Д.И. Иловайского, в историографии укореняется форма *Ингвар(ь) Ингваревич*, встречающаяся, например, в генеалогических таблицах Н. Баумгартена [Baumgarten 1934. P. 75. Tab. XIV. № 34, 80] и нередко принимающаяся позднейшими исследователями как данность (ср., например: [Мельникова 1997. С. 92]). А.В. Экземплярский в целом принимает трактовку Д.И. Иловайского в том, что касается Ингваря Ингваревича, хотя не соглашается с существованием двух

собственным сыном, что, впрочем, не так уж удивительно на фоне общей неясности источников и явной анахронистичности «Повести о Николе Заразском».

Итак, мы рассмотрели ту небольшую группу князей, которые в историографии наделяются тавтологическим именем и отчеством, т. е. косвенным образом объявляются тезками своих отцов по родовому имени. Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что всякий раз речь идет о князьях, так сказать, периферийных. Данные, сохранившиеся о них в источниках, минимальны, так что в реконструкции порой нуждаются не только их родственные связи, но и имена как таковые. Кроме того, персонажи с тавтологическими именами и отчествами возникают, как правило, в «зонах общей генеало-

---

князей по имени Олег — Олега Игоревича и Олега Ингваревича (дяди и племянника) [Экземплярский. Т. II. С. 568–572. Примеч. 1835]. Любопытно, что раздел работы А.В. Экземплярского, посвященный интересующему нас князю, назван «Ингварь Ингваревич», хотя в самом тексте раздела речь идет о «Ингваре Ингоревиче». В исследовании А.Л. Монгайта признается существование князя «Ингваря Ингваревича (Игоревича)», хотя справедливо подчеркивается ненадежность сообщающих о нем источников [Монгайт 1961. С. 299, 358, 359. Примеч. 304]. Столь же показательны в этом отношении издания Д.С. Лихачева, где в древнерусском тексте фигурирует князь «Ингварь Ингоревич», а в переводе «Ингварь Ингваревич». О.М. Рапов, видя в этом рязанском князе историческое лицо, называет его «Ингварь (Ингорь) Ингваревич (Ингоревич)» [Рапов 1977. С. 133]. При этом существование Ингваря Ингваревича полностью отрицал А.В. Кузьмин [Кузьмин 1965. С. 175–176].

Из разысканий самого последнего времени можно упомянуть и монографию Д.Г. Хрусталёва, где предпринимается еще одна попытка отождествления князей, упоминаемых в рязанских сказаниях, с реальными историческими персонажами. Здесь справедливо отмечается явный параллелизм между Всеволодом Ингваревичем Пронским и реальным Всеволодом Глебовичем Пронским, скончавшимся, согласно летописи, в 1207 г., а также «полулегендарность» такого персонажа, как Ингвар(ь) Ингваревич [Хрусталёв 2004. С. 155–156. Примеч. 4]. При этом, однако, выдвигается исключительно странное предположение о том, что Глеб Ингваревич Коломенский тождественен Роману Ингваревичу на том основании, что Глеб якобы мог носить «традиционное для глебов <sic! — *А.Л., Ф.У.*> имя Роман (как Св. князь Глеб, брат Бориса)» [Хрусталёв 2004. С. 87. Примеч. 1]. По-видимому, автору осталось неизвестным, что крестильным именем св. Глеба было *Давид*, а *Романом* в крещении именовался св. Борис, не говоря уже о том, что как *Борис*, так и *Глеб* к началу XIII в. давно уже сделались полноценными крестильными именами. Впрочем, следует отметить, что путаница крестильных имен святых братьев имеет свою давнюю традицию. В частности, они указаны неверно в указателе к знаменитому изданию Д.И. Абрамовича «Жития святых мучеников Бориса и Глеба», и это при том, что в публикуемых текстах Борис со всей определенностью назван *Романом*, а Глеб — *Давидом*. То же смешение крестильных имен мы наблюдаем в указателе П.М. Строева к «Истории» Н.М. Карамзина.

гической неопределенности», таких, как родословная рязанских князей XIII в. или история незаконнорожденных потомков Владимира Галицкого (ср. табл. №№ 5–14 и № 4 к настоящему экскурсу). Нередко у таких персонажей не указывается никакого потомства, на них как будто бы обрывается и без того запутанная генеалогическая нить. Тем менее, разумеется, оснований полагать, что кто-либо из этих князей и в самом деле был наречен родовым именем своего отца при жизни последнего.

Вообще говоря, стремясь обозначить плохо поддающиеся восстановлению генеалогические связи кого-либо из Рюриковичей, к версии о том, что отцом такого князя был некто, носящий то же самое родовое имя, следует прибегать с чрезвычайной осторожностью в силу крайней редкости примеров такого рода, которые надежно зафиксированы в текстах. Приведенный выше материал, как кажется, лишний раз свидетельствует о том, что Рюриковичи не называли детей в честь живого отца.

Оговоримся еще раз, что такой запрет не касался крестильных имен и был актуальным вплоть до конца XII в. В XIII столетии система имянаречения претерпевает существенные сдвиги, связанные с усилением позиций христианского именослова и с перенесением некоторых принципов, актуальных для выбора крестильных имен, на выбор имен исконных.

Однако прежде чем говорить о ситуации XIII в., необходимо остановиться на случае совпадения имен отца и сына, надежно и многократно зафиксированном в источниках и относящемся, безусловно, к XII в.

Мстислав Мстиславич Удатный

Наибольшим числом сведений мы располагаем о князе, который звался *Мстиславом Мстиславичем*, и именно под таким именем и отчеством он много раз появляется на страницах летописей. Этот Мстислав Мстиславич со всей очевидностью был сыном Мстислава Ростиславича Храброго, внуком Ростислава-Михаила Мстиславича, правнуком Мстислава Великого и прямым потомком Владимира Мономаха (см. табл. № 15 к настоящему экскурсу). Что же мы знаем об имянаречении этого князя?

О времени его появления на свет нам не известно решительно ничего, что, впрочем, отнюдь не редкость в истории рода Рюриковичей. Более существенны, по-видимому, другие обстоятельства, связанные со смертью и предсмертным распоряжением его отца, Мстислава Ростиславича Храброго. В Ипатьевской летописи это событие датируется 1178 г., однако по Новгородской первой и Лаврентьевской летописям князь умер в 1180 г. При этом предшествующие события и причины смерти князя всюду указаны одинаково, хотя описания в Ипатьевской летописи куда более пространны и детализированы.

Мстислав Ростиславич умирает от болезни, по всей видимости, скоротечной и внезапной — незадолго до своей кончины он совершает целый ряд успешных военных походов. Показательно при этом, что в Ипатьевской ле-

тописи, зафиксировавшей предсмертную волю князя, назван только один из его сыновей, Владимир, явно не достигший к 1180 г. совершеннолетия:

«се приказываю дѣтѧ своє Володимѣра Борисови Захарьичю и съ симъ даю братоу Рюрикови и Дв҃дви с волостью на роуцѣ...»[83].

Однако в этом же летописном фрагменте, цитирующем своеобразное завещание князя, говорится, что он приказал «дѣти свои братьѣ своєи», т. е. Владимир, если судить по этой конструкции, не был его единственным ребенком. Каким же образом может быть разрешено подобное противоречие, когда в одном и том же тексте назван только один сын князя, и в то же время говорится, что детей у него было несколько, да притом из других свидетельств, относящихся к последующим десятилетиям, мы знаем, что еще два князя — Давыд[84] и интересующий нас Мстислав — фигурируют как сыновья Мстислава Ростиславича Храброго (см. табл. № 15 к настоящему экскурсу)?

Здесь, как кажется, уместно привести в качестве аналогии завещательное распоряжение родного брата Мстислава Храброго, Давыда Ростиславича, где указано, что смоленский стол передается племяннику князя, сыну его старшего брата Мстиславу Романовичу, тогда как родной сын Давыда, Константин, не будучи еще взрослым, был послан к своему дяде, Рюрику Ростиславичу, «на роуцѣ»[85] (см. табл. № 16 к настоящему экскурсу). Характерно, что еще один сын Давыда, трех-четырехлетний Мстислав-Федор, будущий князь смоленский, в этом завещательном распоряжении не упомянут вовсе, хотя его появление на свет в летописном тексте точно зафиксировано.

Весьма сходный случай мы обнаруживаем и в Лаврентьевской летописи. Здесь довольно подробно фиксируется завещательное распоряжение князя, принадлежащего к иной ветви Рюриковичей (см. табл. № 17 к настоящему экскурсу). Константин Всеволодич, сын Всеволода Большое Гнездо и внук Юрия Долгорукого, упоминает перед смертью лишь двух старших сыновей, Василько и Всеволода, раздает им волости и поручает их своему брату Юрию Всеволодичу[86]. Младший же сын, Владимир-Дмитрий, в этом тексте, помещенном в летописи под 1218 г., не называется вовсе, хотя в летописи под 1214 г. четко зафиксирован факт его появления на свет.

Можно предположить, что ребенок, которого не сочли возможным наделить самостоятельным княжеским столом, поступал под покровительство дя-

---

83 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 609 под 1179 г.].

84 Строго говоря, Давыд Торопецкий нигде в источниках напрямую не назван сыном Мстислава Ростиславича. Его родственные связи восстанавливаются на том основании, что он именуется братом Владимира Псковского, а тот, в свою очередь, в историографии отождествляется с Владимиром Мстиславичем. Существует, однако, и другая точка зрения относительно происхождения Владимира Псковского и, соответственно, Давыда Торопецкого. Подробнее см. ниже, примеч. 110.

85 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 704].

86 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 442].

ди, так сказать, автоматически, в комплекте со старшими братьями[87]. Как кажется, можно утверждать, что этот княжич не остается при матери, так как она «пострижеса на^д^ гробом мужа своюго»[88]. В иных же случаях малолетние дети могли оставаться при матери, по крайней мере, в течение какого-то времени, как это происходит, например, с малолетними галицкими князьями Даниилом и Василько (см. табл. № 17 к настоящему экскурсу).

Таким образом, Давыд Мстиславич был, по всей видимости, младшим братом Владимира, слишком юным, чтобы быть названным в завещательном тексте Мстислава Храброго (ср. табл. №№ 15, 16 к настоящему экскурсу). На старшинство Владимира указывает и тот факт, что в Новгородской первой летописи Давыд характеризуется как «Володимирь брат»[89], а в летописи есть явная тендеция характеризовать младшего по старшему, а не наоборот. Кроме того, Владимир появляется на страницах летописей намного раньше своего брата Давыда[90]. Какое же место в этой семье занимает Мстислав, тезка своего отца?

Вопреки не раз высказывавшейся в историографии точке зрения, он едва ли мог быть старшим сыном Мстислава Ростиславича. Если бы он был старше своего брата Владимира (который через год или два после смерти своего отца уже принимал участие в военных походах), он был бы ко времени смерти Мстислава Храброго взрослым или почти взрослым княжичем. Весьма странным выглядит тогда его неупоминание в завещательном распоряжении отца, во всяком случае, невозможно привести ни одного примера, когда в такого рода тексте младший сын упоминается, а старший отсутствует. Столь же странным выглядит очень длительное отсутствие каких бы то ни было свидетельств о действиях этого князя, самостоятельных или заодно с дядьями и кузенами.

---

87 Возможно, своеобразным рубежом, после которого княжич приобретал «первую степень» родовой дееспособности, были постриги и, по-видимому, нередко совмещавшийся с ними в династическом обиходе обряд посажения на коня. Не случайно это событие, подобно свадьбам и княжеским именинам, нередко сопровождалось многочисленным съездом князей-родичей. По-видимому, точный возраст, в котором княжич проходил эти процедуры, не был определен строго. Судя по известным нам случаям, княжичи могли проходить его в возрасте двух-четырех лет, причем многое здесь определялось семейными обстоятельствами. Так, два родных брата Константиновича, Василько и Всеволод, внуки Всеволода Большое Гнездо (см. табл. № 17 к настоящему экскурсу), проходят этот обряд одновременно, несмотря на разницу в возрасте около двух лет. Можно допустить (хотя, разумеется, никакими определенными данными на этот счет мы не располагаем), что дети, еще не прошедшие этих процедур, могли напрямую не фигурировать в предсмертных распоряжениях своих родичей, касающихся распределения столов.

88 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 444 под 1218 г.].

89 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 53 под 1214 г.].

90 Ср. не только [ПСРЛ. Т. II. Стб. 609 под 1179 г.], но и [ПСРЛ. Т. II. Стб. 621–622 под 1180 г.].

Характерно при этом, что наиболее ранние упоминания этого князя повествуют именно о его взаимодействии с семьей дяди Рюрика Ростиславича, прежде всего с двоюродным братом, Ростиславом Рюриковичем (см. табл. № 18 к настоящему экскурсу). Однако помещены эти свидетельства в летописных статьях, относящихся к 1193 и 1198 гг., т. е. ко времени довольно далеко отстоящему от года смерти отца князя, Мстислава Храброго[91]. Особенно любопытна в этом отношении статья, помещенная под 1193 г., где повествуется о походе Ростислава Рюриковича и Мстислава Мстиславича против половцев, совершенном втайне от старших князей-родичей, прежде всего от Рюрика Ростиславича.

Летописное повествование не оставляет никаких сомнений, что речь идет о вылазке двух молодых князей, завершившейся редким успехом. Ростислав, согласившись на уговоры черных клобуков, посылает за своим «строичичем» (сыном дяди) Мстиславом Мстиславичем в Треполь[92], и тот охотно и быстро откликается на предложение своего кузена. В летописи особым образом оговаривается, что Мстислав Мстиславич приехал «с моужемъ своимъ» Здеславом Жирославичем[93], чье имя и отчество с определенной долей вероятности указывает на новгородское происхождение. Если вспомнить о той роли, которая в завещании Мстислава Храброго (да и на практике) отводилась 13–14 лет назад некоему Борису Захарьичю при Владимире Мстиславиче, то естественно допустить, что Здеслав Жирославич исполняет какие-то сходные функции при Мстиславе Мстиславиче.

Иными словами, речь в статье 1193 г. с большой вероятностью идет о достаточно взрослом с точки зрения родовой традиции, но еще очень молодом князе, приблизительно 13–15 лет отроду. Следующее упоминание Мстислава Мстиславича, относящееся к 1198 г., связано также с семьей князя Рю-

---

91 Под 1196 г. есть еще одно упоминание о том, что «сыновец» Рюрика Ростиславича, Мстислав, действует по указаниям Рюрика в конфликте с галицким князем Романом Мстиславичем [ПСРЛ. Т. II. Стб. 697–698]. Однако здесь мы не можем определить, о каком из двух племянников Ростислава по имени *Мстислав* идет речь — о Мстиславе-Борисе Романовиче или о Мстиславе Мстиславиче (ср. табл. № 18 к настоящему экскурсу). С.М. Соловьев полагал, что в данном эпизоде фигурирует интересующий нас Мстислав Удатный [Соловьев 1988. Т. 2. Гл. 6. С. 557], что вполне возможно, учитывая последующую вовлеченность этого князя в события вокруг галицкого стола, однако, как кажется, труднодоказуемо. При этом версия С.М. Соловьева хорошо согласуется с нашим предположением о том, что Мстислав Мстиславич был к тому времени уже относительно взрослым, но еще совсем молодым князем.

92 Крепость Треполь, как кажется, не была самостоятельным княжеским столом и принадлежала непосредственно Киевскому княжеству. Скорее всего, Мстислав Мстиславич мог быть послан туда своим дядей Рюриком Ростиславичем или Святославом, княжившим в Киеве. Во всяком случае очевидно, что полноценного княжеского владения у него в ту пору не было.

93 См. [ПСРЛ. Т. II. С. 677 под 1193 г.].

рика Ростиславича, прежде всего все с тем же Ростиславом. В летописи сообщается, что Мстислав Мстиславич приезжает в Киев праздновать рождение у Ростислава Рюриковича дочери Евфросинии[94]. Любопытно, что в числе приехавших на эти торжества упомянуты именно родная сестра Ростислава, П(е)редслава, и Мстислав Мстиславич. Не исключено, они стали крестными родителями новорожденной княжны[95] (ср. табл. № 18 к настоящему экскурсу).

Таким образом, закономерным представляется допущение, что Мстислав Мстиславич, впоследствии проводивший вполне самостоятельную и независимую политику, до определенного возраста был связан в первую очередь с семьей своего дяди Рюрика Ростиславича, а юность этого князя, соответственно, приходилась на середину 90-х гг. XII в. Иными словами, сообразуясь со временем появления этого князя на страницах летописи и с характером этих упоминаний, мы предполагаем, что Мстислав Мстиславич был младше обоих своих братьев, Владимира и Давыда. Когда же в таком случае он мог появиться на свет, коль скоро известно, что Владимир ко времени смерти своего отца был еще ребенком, а Давыд, по высказанному нами предположению, был младше Владимира?

В подобной ситуации можно допустить, что Мстислав Мстиславич появился на свет вскоре после скоропостижной смерти своего отца, иначе говоря, был посмертным ребенком. Тогда выбор имени для этого князя не только не заключал в себе ничего странного, но, как кажется, был самым очевидным из всех возможных. Умерший отец, разумеется, был самым непосредственным, самым значимым из покойных предков ребенка. Княжение Мстислава Ростиславича в Новгороде было накануне его смерти весьма успешным, по-видимому, благополучно в этот момент складывались и его отношения с братьями, не всегда до тех пор протекавшие гладко. Княжеское же имя *Мстислав* для Новгорода традиционно было выделенным и весьма престижным. Все это обеспечивало нарекаемому «отним» именем княжичу достойное место в иерархии Рюриковичей в целом и в семье потомков Ростислава Мстиславича в частности.

---

94 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 708].

95 Говоря о роли П(е)редславы, уместно вспомнить и о судьбе другой родственницы новорожденной Евфросинии-Измарагд, но с материнской стороны. Речь идет об Ольге, сестре Всеволода Большое Гнездо, которая, расставшись со своим мужем Ярославом Осмомыслом галицким, по-видимому, подолгу жила у своих братьев и стала крестной матерью одной из своих племянниц, Сбыславы-Пелагеи Всеволодовны (см. табл. № 19 к настоящему экскурсу). Не исключено, что нечто подобное происходит с П(е)редславой, которая к 1198 г., скорее всего, уже разошлась со своим мужем, другим галицким князем Романом Мстиславичем, и принимала деятельное участие в судьбе своей маленькой племянницы Евфросинии-Измарагд. Именно она вместе с Мстиславом Мстиславичем отвозит ее к деду и бабке (Рюрику и Анне), что, как кажется, подкрепляет догадку о том, что эти сестра и кузен Ростислава и были крестными родителями его дочери.

Предположение о том, что Мстислав Мстиславич появился на свет вскоре после смерти своего отца вполне согласуется не только с уже сформулированными утверждениями о его молодости к середине 90-х гг. XII в. Не противоречит оно и известным нам по летописям датам браков его дочерей (см. табл. № 20 к настоящему экскурсу).

Ростислава-Феодосия выходит замуж за Ярослава Всеволодича, отца Александра Невского, не ранее 1213 г. и не позднее 1215 г.[96] Сообщение о браке Анны Мстиславны с Даниилом Галицким помещено в Ипатьевской летописи под 1213 г.[97] Рассказ о венгерском сватовстве еще одной дочери Мстислава Удатного приводится в летописи под 1226 г.[98] Из того, что мы знаем об обычном возрасте вступления в брак княжон, естественно предположить, что старшие из них родились не ранее последних годов XII в. Далее, столь же естественным образом следует предположение, что их отец мог родиться около 1180 г.[99]

---

96 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 253–257 под 1215 — 1216 гг.; Т. XLI. С. 131 под 1214 г.]. О дате этого брака см. подробнее: [Экземплярский. Т. I. С. 18–19. Примеч. 42; Кучкин 1986. С. 74–75].

97 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 732].

98 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 748, 750]. Густынская летопись упоминает ее имя — *Мария* (см. [ПСРЛ. Т. XL. С. 114, 130]; имя *Мария* фигурирует и у Яна Длугоша и В.Н. Татищева), тогда как в венгерских источниках она известна под именем *Елена*. При этом женихом (а затем и мужем) Марии Мстиславны и зятем Мстислава Удатного эта летопись (и В.Н. Татищев [Татищев. Т. III. С. 212, 263, 264]) называет Белу, а не королевича Андрея, как это, кажется, было в действительности. Ср. [Карамзин. Т. III. Примеч. 196].

99 Снова приведем в качестве своеобразной параллели семейную ситуацию кузена и друга Мстислава Удатного, Ростислава Рюриковича (см. табл. № 21 к настоящему экскурсу). У него, как мы помним, дочь (вероятнее всего, первая) рождается в 1198 г. Сообщение же о появлении на свет Ростислава помещено в летописи под 1173 г. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 567]. Казалось бы, то обстоятельство, что первая дочь этого князя родилась лишь тогда, когда ему было около 26 лет, скорее противоречит нашему предположению о том, что старшие дочери Мстислава рождаются в ту пору, когда Мстиславу Удатному было отроду не более 18 — 21 года. Однако, не говоря уже о естественных рамках, в которых колеблется время рождения детей в той или иной княжеской семье, необходимо учесть особую ситуацию с браком Ростислава Рюриковича. Как известно, он женился в 1187 г. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 658] или, согласно Ларвентьевской летописи, в 1189 г. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 407], приблизительно в четырнадцатилетнем возрасте. При этом его жена, Верхуслава Всеволодовна, была необычайно молода для невесты, что специально отмечается в летописи, — она была всего «ѡсми лѣтъ» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 658]. Неудивительно поэтому, что ребенок в этой семье появляется не на рубеже 80-х — 90-х гг. XII в., а лишь в 1198 г.

Кроме того, известно, что возраст вступления князя в брак не был установлен строго и мог зависеть от различных обстоятельств. Во всяком случае, 14 — 15 лет

У Мстислава были и сыновья, однако они, судя по всему, были младше по крайней мере некоторых своих сестер (см. табл. № 20 к настоящему экскурсу). Косвенным, но крайне любопытным свидетельством в пользу такого утверждения может служить выбор родового имени для той дочери Мстислава Мстиславича, которая была отдана за Ярослава Всеволодича. Ей дали имя *Ростислава*, т. е. женский вариант родового имени ее прадеда, киевского князя Ростислава Мстиславича, основателя их родовой ветви.

Вообще говоря, обычай давать девочкам женские версии мужских княжеских имен в эту эпоху династической истории, по-видимому, широко распространяется. В целом он связан с возрастающей ролью внутриродовых браков. При этом, насколько мы можем судить по относительно хорошо известной семейной ситуации Всеволода Большое Гнездо, такие имена особенно охотно давались княжнам, пока у них не было братьев, и в будущих династических союзах они оказывались до поры до времени, так сказать, единственным средством, которым располагал их отец для установления связей с другими родовыми ветвями и распространения своего влияния. Архидинастический выбор имени для этой дочери Мстислава Удатного вполне соответствует тому, как Мстислав распорядился с ее замужеством. Отдав ее в жены одному из сыновей Всеволода Большое Гнездо, Мстислав забирает дочь как только у него возникает конфликт с новоиспеченным зятем, а впоследствии, по-видимому, отдает ее обратно, не без влияния вновь изменившейся политической ситуации.

Эти соображения, как кажется, свидетельствуют в пользу того, что семейно-династическая стратегия Мстислава Удатного поневоле строилась на связях через дочерей. Во всяком случае, о Василии Мстиславиче говорится как о ребенке в ту пору, когда две его сестры уже были выданы замуж[100].

Кроме рано скончавшегося Василия в семье Мстислава Удатного явно были и другие мальчики, появившиеся на свет существенно позже (см. табл. № 20 к настоящему экскурсу). Согласно летописному рассказу, им Даниил Галицкий отдает через несколько лет после смерти Мстислава Мстиславича Торческ. В этом сообщении сыновья Мстислава названы «шурятами» Даниила[101]. Очевидно, что дети Мстислава Удатного существенно младше Даниила в княжеской иерархии, что едва ли могло случиться, если бы они успели достичь совершеннолетия при жизни отца. Иными словами, они значительно младше мужа их сестры и по возрасту[102].

отнюдь не считались слишком юным для этого возрастом, а 18 — 19 лет можно в высшей степени условно обозначить в качестве верхней возрастной границы для первого брака.

100 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 492 под 1215 г. Стб. 502 под 1218 г.; Т. III. С. 57, 257–258 под 1217 и 1218 гг.].

101 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 766 под 1231 г.].

102 Исследователи высказывали предположение о том, что один из этих сыновей и был тем самым Юрием, шурином Ярослава Всеволодича, получившим в 1232 г.

Как кажется, из общего описания взаимоотношений Мстислава Мстиславича и Даниила Галицкого возможно заключить, что не только Мстислав играет для своего зятя роль отца, но и Даниил в определенный период (возможно, после смерти Василия Мстиславича) выполняет при тесте родовые функции сына[103]. Это также может косвенным образом свидетельствовать об отсутствии у Мстислава Мстиславича в течение какого-то времени собственных сыновей, по крайней мере взрослых.

Таким образом, семейная ситуация Мстислава Удатного, время рождения его детей, как кажется, вполне соответствует образу князя, который сам появился на свет около 1180 г.

Еще одним, впрочем, сугубо косвенным аргументом в пользу его рождения именно в этот период является упоминание источников о его тесте, половецком хане Котяне, который не только был жив, но и участвовал в военных предприятих в 1223, 1226, 1228 и 1239 гг.[104] (см. табл. № 20 к настоящему экскурсу). Тесть, таким образом, надолго пережил своего зятя Мстислава, это лишний раз говорит о том, что Мстислав Мстиславич умер совсем еще нестарым человеком. При этом его брак с дочерью Котяна едва ли мог состояться значительно ранее второй половины 90-х гг. XII в.[105] Любопытно, что, согласно Ипатьевской летописи, Даниил Галицкий обращается к этому половецкому правителю во время конфликта, возникшего в 1228 г. со словами:

«ѿче измѧти воиноу сю приими мѧ в любовь собѣ»[106]

Несколько неожиданное, на первый взгляд, именование половецкого хана «отцом» оказывается совершенно закономерным, если вспомнить, что Да-

---

Псков [Погодин 1855. С. 323; Экземплярский. Т. I. С. 14, 283, 396; Кучкин 1986. С. 77–78, с указанием литературы] (см. табл. № 20 к настоящему экскурсу). Напомним еще раз, что Ярослав Всеволодич в ту пору был, по всей видимости, по-прежнему женат на дочери Мстислава Удатного и, соответственно, «шурята» Даниила Галицкого приходились шуринами и ему.

103 Речь здесь, разумеется, может идти лишь о достаточно внешнем функциональном статусе их отношений. На практике, как известно, у подросшего Даниила случались и периоды конфликтов со своим тестем, кончавшиеся, впрочем, благополучным примирением.

104 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 504; Т. II. Стб. 747; Т. III. С. 62].

105 В самом деле, Котян, доживший по крайней мере до 1239 г., чтобы выдать дочь замуж за Мстислава Удатного, должен был быть к моменту их брака уже вполне зрелым человеком. Следовательно, реконструируя возможное время этого брака, нужно принимать в расчет обыкновенную продолжительность человеческой жизни в ту пору и не награждать хана Котяна, и без того прожившего, по-видимому, достаточно долго, мафусаиловым веком. Впрочем, как уже говорилось, подобные соображения носят лишь сугубо вероятностный характер и, разумеется, не позволяют говорить о точном времени тех или иных событий.

106 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 753].

ниил был женат на его родной внучке, Анне Мстиславне. Иначе оно было бы труднообъяснимым. Неслучаен, по-видимому, и уход Котяна к венграм в конце 30-х гг., последовавший за его упорной борьбой с татарами[107]. С венграми, помимо союзнических отношений, хана связывали еще и родовые узы, ведь в Венгрию, как уже упоминалось выше, была отдана замуж еще одна его внучка (см. табл. № 20 к настоящему экскурсу). Король Бела IV, согласно венгерскому источнику, сам выехавший встречать Котяна к границе, состоял с ним в достаточно близком свойстве, будучи деверем родной внучки хана.

Таким образом, версия о том, что Мстислав Мстиславич Удатный был посмертным ребенком своего отца, Мстислава Ростиславича Храброго, вполне правдоподобна. Во всяком случае, его следует считать младшим из трех сыновей Мстислава Храброго. Строго говоря, не вполне понятно, почему в историографии укоренилась иная версия порядка появления на свет сыновей этого князя, согласно которой Мстислав Мстиславич был старшим. Ни одного аргумента, свидетельствующего об этом напрямую, в нашем распоряжении нет. Вероятнее всего, изначально исследователи исходили из того очевидного обстоятельства, что Мстислав Мстиславич попросту более известен, чем его братья, и явно играет бóльшую роль в исторических событиях своего времени. Будучи однажды сформулировано, утверждение о старшинстве Мстислава Мстиславича в дальнейшем воспринималась как данность и критическому анализу, как кажется, не подвергалось[108].

Говоря о заметной роли Мстислава Удатного, необходимо помнить о том, что все сыновья Мстислава Ростиславича к моменту смерти отца были маленькими детьми, благодаря чему у них оказывался, так сказать, нестандартный статус в княжеской иерархии. По родовому счету малолетние дети младшего сына великого князя вообще едва ли могли претендовать на многое. Успех кого-либо из них, скорее, определялся личными качествами и индивидуальными обстоятельствами. Вспомним, что первый значительный княжеский стол, на котором мы обнаруживаем Мстислава Удатного, это стол новгородский, по наследству, строго говоря, не передающийся. Манифестируемая в летописи любовь новгородцев к этому князю, его своеобразная укорененность в Новгороде, скорее, может говорить о восприятии его как живого подобия ценимого новгородцами Мстислава Ростиславича. Не исключено, что могло бы играть роль и то обстоятельство, что Мстислав-младший

---

107 См. [VMHH. P. 268–270. № 493]. Ср. [Карамзин. Т. IV. Примеч. 4; Пашуто 1966. С. 34–39; Пашуто 1977. С. 211].

108 Существует, впрочем, целый ряд работ, где выражаются иные взгляды на порядок старшинства сыновей Мстислава Ростиславича Храброго. При этом никакой подробной аргументации на этот счет не приводится, дело ограничивается, как правило, перечислением сыновей Мстислава Храброго в той или иной последовательности. Перечень работ, в которых имплицитно или эксплицитно допускается, что Мстислав Мстиславич не был старшим сыном своего отца, см. в: [Dąbrowski 2001. S. 165. Przyp. 1].

именно в Новгороде появился на свет и с детства имел неких новгородских опекунов и покровителей[109].

Разная степень близости судеб братьев Мстиславичей к новгородским событиям особенно заметна в тексте статей Новгородской первой летописи, помещенных под 1209 — 1211 гг. На это время, как известно, приходится не вполне удачная попытка Всеволода Большое Гнездо вновь утвердить на новгородском столе своего сына Святослава (см. табл. № 22 к настоящему экскурсу). Из летописи видно, что новгородцы поначалу принимают этого князя, но, кажется, не слишком охотно. Во всяком случае, в поход на литву они отправляются не с ним, а с князем Владимиром Мстиславичем, братом Мстислава Удатного[110].

---

109 Разумеется, это предположение исключительно гипотетично, а точнее, верно лишь в том случае, если верна и наша гипотеза о Мстиславе Мстиславиче как посмертном ребенке. В этом отношении любопытны, однако, два вполне достоверных эпизода из жизни Мстислава Удатного. Один из них, уже упоминавшийся в нашей работе, связан с тем, что в Треполе, задолго до вокняжения Мстислава в Галиче, ближайшим при нем человеком был Здеслав Жирославич, чей патроним явно тяготеет к новгородскому именослову (ср. [Тупиков 1903. С. 206–207]). Гораздо позже, в Галиче, Мстислав Удатный, как известно, был оклеветан перед галицкими боярами неким Жирославом [ПСРЛ. Т. II. Стб. 747–748 под 1226 г.]. Судя по летописному тексту, предательство Жирослава воспринималось как деяние особенно скверное именно потому, что он был одним из ближайших людей князя. С другой стороны, его клевета потребовала опровержения от духовника самого князя, что демонстрирует, по-видимому, высокий статус клеветника в княжеском окружении. Весьма важную, хотя опять-таки неблаговидную роль играл этот «лживыи Жирославъ» и в столкновении Мстислава с венграми и поляками, описанном в летописи под 1219 г. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 737–738]. Совокупность этих данных и, разумеется, само имя предателя позволяют допустить, что он был потомком (сыном?) давнего соратника Мстислава Удатного, Здеслава Жирославича, а по происхождению, возможно, — новгородским выходцем, одним из тех представителей новгородской элиты, которые могли жить и действовать в разных концах Руси, занимая высокое положение при князе и среди местной знати.

110 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 51, 249]. Д. Домбровский высказал предположение, что псковский князь Владимир вовсе не был сыном Мстислава Ростиславича и братом Мстислава Удатного. Он обратил внимание на то, что *Мстиславичем* этот князь Владимир именуется лишь в труде В.Н. Татищева. Исследователь предположил, что «настоящий» сын Мстислава Ростиславича, Владимир Мстиславич, скончался в юности, не позднее 90-х гг. XII в. (см. подробнее: [Dąbrowski 2001]). Мы считаем эту версию вполне допустимой, хотя в дальнейшем исходим из более традиционного предположения, согласно которому действующие в XIII в. Владимир и Давыд все же могли быть родными братьями Мстислава Мстиславича. Отметим при этом, что если псковский князь Владимир братом Мстислава Удатного не был, это лишь упрощает обоснование нашей гипотезы о том, что Мстислав Мстиславич был посмертным ребенком, младшим из детей Мстислава Ростиславича Храброго.

Однако Владимир, по-видимому, не решался заявить свои права на Новгород стоящему за Святославом Всеволоду Большое Гнездо. Вместо него это делает впервые появляющийся на страницах Новгородской первой летописи и не вполне понятно где находившийся перед этим Мстислав Мстиславич, которому удается не только договориться с новгородцами и получить Новгород в качестве своей «отчины», но и заставить Всеволода примириться с его притязаниями:

«...кланяяся святѣи Софии и гробу отця моего и всѣмъ новгородьцемъ; пришьлъ есмь къ вамъ, слышавъ насилье от князь, и жаль ми своея отцины. То слышавъше, новгородьци послаша по нь съ великою честью: поиди, княже, на столъ; а Святослава посадиша въ владыцьни дворѣ и съ мужи его, донеле будеть управа съ отцемь. Приде Мьстиславъ въ Новъгородъ, и посадиша и на столѣ отци, и ради быша новъгородьци. И поиде Мьстиславъ съ всемь пълкомь на Всеволода; и быша на Плоскѣи, и присла къ нему Всеволодъ: ты ми еси сынъ, а язъ тъбе отець; пусти Святослава съ мужи, и всѣ, еже заседелъ, исправи; язъ гость пускаю и товаръ. И пусти Мьстиславъ Святослава и мужи его, а Всеволодъ пусти гость съ товары; хрестъ человаста и миръ възяста; и приде Мьстиславъ въ Новъгородъ» [111].

От текста создается впечатление, что Мстислав Удатный видится как живое воплощение своего отца Мстислава Храброго не одним новгородцам, но и Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо, в свое время безуспешно пытавшемуся разбить дерзкого Мстислава Ростиславича в Вышгороде [112].

Путь Мстислава Мстиславича в летописном тексте вообще во многом уподобляется пути его отца. Мстислав-старший, будучи младшим из известных нам сыновей Ростислава Мстиславича, выделяется среди своих братьев благодаря своему характеру и способностям. Располагая не слишком значительным княжеским столом (поначалу он держит Белгородскую волость), он играет едва ли не главную роль в добывании старших столов для своей ветви рода. Аналогичным образом действует, по-видимому, и Мстислав-младший, способствуя в наделении столами своих братьев, занимающих, как и он сам, довольно неоднозначное место в системе княжеской власти из-за ранней смерти отца.

Так, получив Новгород, Мстислав Мстиславич совершает своего рода инспекционную поездку по волостям и дает лучанам в качестве князя своего

В комментариях к русским известиям Яна Длугоша А.В. Назаренко ошибочно называет Давыда Торопецкого сыном (а не братом) Мстислава Мстиславича [Щавелева 2004. С. 449. Примеч. 354].

111 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 51–52 под 1210 г.].

112 Напомним, что младшие Ростиславичи, и в первую очередь Мстислав Ростиславич Храбрый, решились противостоять Андрею Боголюбскому и его братии в ту пору, когда их старший брат Роман подчинился решению Андрея и ушел в свой наследственный город Смоленск. Ср. табл. № 22 к настоящему экскурсу.

брата Владимира[113]. Новгородская первая летопись ставит очень высоко роль Мстислава Мстиславича и в посажении на киевский стол его двоюродного брата Мстислава Романовича[114] (ср. табл. № 22 к настоящему экскурсу). Как ясно из других источников, Мстислав Удатный по крайней мере принимал в этих событиях самое деятельное участие[115].

Разумеется, Мстислав Романович остается по родовому счету старше Мстислава Мстиславича, подобно тому как Владимир Мстиславич остается старшим братом в своей семье. Видимо, именно этим обстоятельством хотя бы отчасти и объясняется тот факт, что Давыд называется в одном из летописных эпизодов, где речь идет о совместном военном походе, братом Владимира (а не Мстислава)[116].

Существенно, однако, что наследственные в полном смысле слова владения (т. е. не такие, как Новгород или Псков), которые сохранились у братьев Мстиславичей, были весьма невелики. Как кажется, с достаточной долей уверенности здесь можно указать лишь Торопец[117]. Возможно, именно поэтому сыновья братьев, внуки Мстислава Ростиславича Храброго, пытаются претендовать на волости, тяготеющие к Новгороду (те, что, взойдя на новгородский стол, объезжает Мстислав Мстиславич), и, по-видимому, на Псков. Так

---

113 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 52, 249–250]. Владимир назван здесь «плесковским», однако в 1213 г. он теряет псковский стол.

114 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 53, 252].

115 См., например: [ПСРЛ. Т. VII. С. 118 под 1212 г.].

116 Если же мы придерживаемся версии Д. Домбровского, согласно которой эти Владимир и Давыд происходили из смоленских Рюриковичей, но родными братьями Мстислава Мстиславича не были [Dąbrowski 2001], то самая надобность в объяснении такого именования Давыда отпадает.

117 Судя по всему, уход Мстислава Ростиславича Храброго на княжение в Новгород означал его отказ от прав на владения в «русской земле». Во всяком случае именно такое заключение можно сделать из приведенного в Ипатьевской летописи фрагмента, описывающего его приглашение в Новгород [ПСРЛ. Т. II. Стб. 606–607]. Разумеется, для его сыновей такой отказ мог оказаться еще более бесповоротным из-за ранней кончины отца.

Отметим, что именно в Торопце, как известно, венчался внук Мстислава Мстиславича, сын его дочери Ростиславы-Феодосии, Александр Невский (ср. табл. № 20 к настоящему экскурсу). В.А. Кучкин, отмечая это обстоятельство, объясняет его причинами сугубо политическими — стремлением Александра утвердиться на торопецком столе [Кучкин 1986. С. 79]. Мы же, скорее, склонны усматривать в подобном выборе места традиционную для свадебной процедуры Рюриковичей актуализацию родства по женской линии. Одно, разумеется, не исключает другого, впрочем, здесь возникает вопрос, который разбирать подробно мы не будем. Когда и каким образом Торопец выделяется в качестве самостоятельного княжеского стола и как долго эту самостоятельность за собой удерживает? Не исключено, что статус этот был как-то связан с особым статусом детей Мстислава Ростиславича Храброго.

ведет себя, в частности, Ярослав Владимирович, сын Владимира Мстиславича, а, возможно, и один из сыновей Мстислава Мстиславича, если он и был тем князем Юрием, которому Ярослав Всеволодич в 1232 г. дал Псков[118] (см. табл. № 22 к настоящему экскурсу).

Таким образом, все претензии на родовое и псевдородовое наследие потомков Мстислава Ростиславича связаны с новгородско-псковскими землями, но, как кажется, и в собственном, и в последующем поколении лишь Мстислав Мстиславич Удатный обладал достаточной энергией и удачей, чтобы осуществить эти притязания в полной мере.

Замечания о браках самого Мстиславича Мстиславича и его отца Мстислава Ростиславича Храброго, встречающиеся в исторических исследованиях, как ни странно, привносят немного нового в наши представления о времени появления Мстислава Мстиславича на свет и его месте в родовой иерархии.

Что касается браков самого Мстислава Мстиславича, то бесспорным фактом остается лишь его женитьба на дочери половецкого хана Котяна. При этом не исключено, что его младшие сыновья появились на свет от другой жены, но этот предполагаемый поздний брак[119] не дает нам никакой новой информации о возрасте самого Мстислава Удатного.

Матримониальная ситуация его отца, Мстислава Ростиславича Храброго, как кажется, и послужила в свое время одной из косвенных причин, по которой Мстислав Удатный был объявлен старшим сыном своего отца. Вернее, идея старшинства Мстислава Мстиславича порождала необходимость приписать его отцу еще один брак. При этом в историографии мы обнаруживаем в сведениях о браках Мстислава Храброго больше гипотез и противоречий, чем определенных, положительных данных (ср. табл. № 23 к настоящему экскурсу). Точно известно, что Мстислав Храбрый был зятем рязанского князя Глеба Ростиславича, именно так, «зѧть Глѣбовъ», он называется в Ипатьевской летописи под 1177 г.[120] Высказывалось предположение, что это был не первый его брак[121] и что до этого он был женат на дочери галицкого князя Ярослава Осмомысла[122]. Однако никаких данных о такого рода матримониальном союзе в источниках не сохранилось. То обстоятельство, что в конфликте Андрея Боголюбского с Ростиславичами Ярослав Галицкий ока-

---

118 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 72, 281]. Эта гипотеза, о которой речь шла выше, кажется, подкрепляется тем обстоятельством, что предполагаемый родной дядя этого Юрия (Мстиславича?) когда-то княжил в Пскове и в летописях фигурирует с эпитетом «плесковский», что, по-видимому, добавляло оснований для посажения его племянника на псковский стол. Тот факт, что на Псков впоследствии претендовал родной сын Владимира Мстиславича, Ярослав Владимирович, в источниках зафиксирован более непосредственно. Ср. табл. № 22 к настоящему экскурсу.

119 Ср. [Baumgarten 1927. P. 39, 41. Tab. IX. № 24].

120 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 606].

121 См. [Карамзин. Т. III. Примеч. 158].

122 См. [Baumgarten 1927. P. 17, 39–40].

зывает поддержку последним, едва ли может служить хоть сколько-нибудь определенным доказательством его свойствá с кем-либо из братьев. Тем менее оснований и для более определенного утверждения, что будто бы галицкий князь был тестем именно Мстислава Храброго.

Предположение же о том, что Мстислав Мстиславич Удатный впоследствии претендовал на Галич в силу своего родства по женской линии, также не находит ни малейшего подтверждения в источниках. Более того, сама возможность претендовать на княжеский стол благодаря родству через женщин в летописных текстах, относящихся к этому времени, по-видимому, не упоминается и не обсуждается.

Вообще говоря, наличие двух жен у Мстислава Ростиславича, как кажется, выводилось Н.М. Карамзиным только из того обстоятельства, что Давыд Мстиславич в известном эпизоде из Новгородской летописи назван братом Владимира, а не Мстислава Удатного. Между тем этот факт легко объясним, если считать Владимира самым старшим из трех братьев [123].

Таким образом, немногие достоверные сведения о семейной ситуации Мстислава Ростиславича Храброго не противоречат предположению о том, что Мстислав Мстиславич был самым младшим, а, точнее, посмертным его сыном. Эта гипотеза о посмертном происхождении княжича представляется нам наиболее вероятным и наименее противоречивым объяснением его неординарного имянаречения. К сожалению, для домонгольской Руси мы не располагаем каким-либо хорошо зафиксированным сопоставительным материалом, позволяющим судить о том, как действовали при выборе имени для посмертных детей. Здесь мы можем опираться лишь на данные, связанные с подобными ситуациями имянаречения в других культурных традициях, и отчасти на ту информацию, которой мы располагаем о поздних Рюриковичах.

Мы знаем, что с определенного времени (начиная с духовной грамоты Дмитрия Ивановича Донского) судьба посмертных детей или, во всяком случае, детей, родившихся после составления завещания, специальным образом оговаривается. Хорошо зафиксирован для XIV в. и случай посмертного рождения в семье князя: речь идет о появлении на свет Владимира Андреевича Серпуховского [124] (см. табл. № 24 к настоящему экскурсу). Этот князь, как

---

123 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 53, 251]; ср. [Карамзин. Т. III. Примеч. 158]. Кроме того, такое соотнесение Давыда с Владимиром может быть объяснено и контекстом свидетельства. В рамках одного известия оказываются имена двух псковских князей — «действующего» (Всеволод Борисович) и незадолго перед тем изгнанного (Владимир Мстиславич), причем подчеркивается, что брат последнего, Давыд, действует заодно с первым: «бяше же ту и Плесковьскыи князь Всеволод Борисовиць со плесковици, и Торопечьскыи князь Давыдъ, Володимиръ брат». Ср. табл. № 22 к настоящему экскурсу.

124 См. [ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 286; Т. VI. Вып. 1. С. 431; Т. VII. С. 217; Т. X. С. 226; Т. XV: Рогожский летописец. С. 62–63; Т. XXIV. С. 121; Т. XXV. С. 179; Приселков 1950. С. 373].

известно, не получает имени своего умершего отца, однако данный пример связан с выбором имен уже исключительно христианских, а вся ситуация имянаречения в целом существенно отличается от той, которую мы наблюдаем в середине и во второй половине XII в.

Дело в том, что, как мы помним, прямого запрета на повтор крестильного имени живого отца в династии не существовало никогда, а во времена Владимира Андреевича подобный повтор уже скорее приветствовался. Тем самым христианское отцовское имя никак не могло фигурировать в качестве «особой приметы» посмертного ребенка. С другой стороны, в летописях специально отмечается, что Владимир Андреевич появился на свет «въ сорочины», т. е. на сороковой день после смерти отца. Иными словами, он родился в такой момент, когда еще не был полностью окончен особый промежуточный период в посмертной жизни христианина и имя умершего могло еще не считаться вполне «освободившимся», перешедшим в список имен умерших предков.

Существенно при этом, что в скандинавской традиции X — XIII вв., где, как известно, существовал строгий запрет на использование имени живого отца, явным образом практиковалось наречение посмертного сына отцовским именем[125]. Большинство дошедших до нас примеров подобного рода относится не к династическому обиходу, а к общераспространенному родовому обычаю. Это и неудивительно, поскольку королевские семьи были не столь многочисленны, и ситуации такого типа не могли в них возникать слишком часто. Между тем списки имен многих поколений самых различных скандинавских родов, как и их родовая история в целом, зафиксированы весьма надежно, куда лучше и определеннее, например, чем соответствующая история знатных семей, живших в эту пору на Руси[126].

---

125 См. подробнее: [Ф.Б. Успенский 2001. С. 116. Примеч. 102; Storm 1893. S. 204, 213–215; Keil 1931. S. 53–59, 75, 78, 83, 115, 130–131; Janzén 1947. S. 230–231]; ср., однако: [Wessén 1927. S. 19–22]. См. также: [Mitterauer 1988. S. 398; Mitterauer 1993. S. 310, 316].

126 Посмертным ребенком, названным в честь отца, был, например, знаменитый Снорри Торгримссон Годи, знатный исландец, живший на рубеже X — XI в. Дело в том, что первоначальным именем Снорри, данным ему при рождении, было *Торгрим*. Однако, как рассказывает сага, мальчик отличался буйным и неукротимым нравом, так что решено было переменить ему имя [Eb. Kap. XII. S. 29; Gísl. Kap. XVIII. S. 43–44; ИС. Т. I. С. 530].

В исландских родовых сагах вообще содержится немало свидетельств о выборе имени для детей, появившихся на свет после смерти отца. В подавляющем большинстве случаев, судя по данным источникам, новорожденный получал имя покойного отца (см., например: [Ld. Kap. XXXVI; ИС. Т. I. С. 297] о наречении Торда Тордарсона, внука Ингунн; [Eb. S. 243] о Снорри, сыне упоминавшегося только что Снорри (Торгриме) Торгримссона Годи; [Svarf. Kap. 26, 27] о Карле, сыне Карла Рыжего; [Þhr. Kap. I] о наречении другого Торда Тордарсона, причем здесь указано, что имя

При этом не вызывает сомнений, что в королевских семьях в случаях появления посмертного ребенка действовали по той же модели, и ребенок, родившийся после смерти отца, с большой вероятностью получал его имя. В этом отношении весьма показательно имянаречение норвежского короля Хакона Хаконарсона, родившегося в 1203/4 г. после кончины своего отца, Хакона, сына Сверрира, в 1203 г.[127] (см. табл. № 25 к настоящему экскурсу). Можно сказать, что этот норвежский правитель был приблизительно на одно поколение младше Мстислава Мстиславича, чьим «родственником» он чуть было не стал, когда внук Мстислава Удатного, Александр Ярославич Невский, посватал своего сына Василия за дочь Хакона Хаконарсона Кристину[128].

Посмертными детьми были шведский король Эйрик Эйрикссон, а также Авель, сын датского правителя Авеля, умершего в 1252 г., и Николаус, сын Николауса, правнук прославленного датского конунга Вальдемара Великого[129].

При этом существует и ряд спорных случаев, когда в источниках наблюдаются явные противоречия относительно того, появился ли тот или иной потомок королевского рода до или после смерти своего отца. Так, посмертными детьми в целом ряде источников считаются как норвежский конунг Олав Трюггвасон, так и его родич — Олав Харальдссон (Святой) (см. табл. № 26 к настоящему экскурсу). Оба они, как видно из их патронимов, отцовских имен не получили: Олав Трюггвасон был назван в честь род-

---

новорожденному дает мать; не вызывает сомнения, что посмертным ребенком был Болли Болласон, персонаж «Саги о людях из Лососьей Долины», чей отец Болли Торлейкссон был убит в год рождения сына Стейнтором Олавссоном). Помимо большого количества лаконичных упоминаний на этот счет (ср. саговую формулу heita (er nefndr) eptir feðr sínum «называться (наречен) в честь своего отца»), в сагах иногда рассказывается о том, как исландец, почуствовав приближение смерти, призывает свою беременную жену и специально распоряжается, чтобы она дала новорожденному отцовское имя, если родится мальчик (ср., например: [Svarf. Kap. 26, 27]). О скандинавах, чье имя совпадает с именем отца при отсутствии сведений о времени их рождения, см. [Keil 1931. S. 55, 113, 115, 130].

Сказанное о сыновьях, судя по всему, относится и к дочерям средневековых скандинавов, которые получали имя матери, если последняя умирала при родах (см., например: [Vígl. S. 52–53]; ср. [Keil 1931. S. 56]).

127 О рождении Хакона Хаконарсона, последовавшем после смерти его отца, см., например: [Flat. Bnd. III. Bls. 3–4, 521–522; IA. S. 122 sub anno 1203].

128 См. [Flat. Bnd. III. Bls. 181–182]. В «Саге о Хаконе Хаконарсоне» упоминается и другой внук Мстислава Мстиславича, Андрей Ярославич, брат Александра Невского, «бежавший на восток <Скандинавии, т. е. в Швецию. — *А.Л., Ф.У.*> от татар» [Flat. Bnd. III. Bls. 187]. См. подробнее: [Карамзин. Т. IV. С. 43. Примеч. 87; Экземплярский. Т. I. С. 34, 286. Примеч. 515; Джаксон 1993. С. 22–25, 102–103; Джаксон 1994. С. 124–126; Джаксон 1995. С. 134–139; Джаксон, Кучкин 1998. С. 24–28; Джаксон 2000. С. 200, 203, 207–216, 201–202, 203–204, 216–217].

129 Ср. [Storm 1893. S. 214].

ного деда, тогда как Олав Святой, согласно преданию, — в честь Олава Альва Гейрстадира, более отдаленного предка Инглинга. Объяснение такому имянаречению нужно искать, по-видимому, в том, что прозаические источники (из числа древнейших) содержат указания на то, что оба Олава родились еще при жизни своих отцов[130].

Еще один не вполне ясный пример, связанный с наречением посмертного сына, имеет самое непосредственное отношение к Руси. Речь идет о выборе имени для сына Кнута Лаварда и Ингибьёрг Мстиславны, появившегося на свет в Киеве в 1131 г. Он был назван в честь своего русского прадеда, Владимира Мономаха (см. табл. № 27 к настоящему экскурсу). При этом в саге рассказывается, что он родился через неделю после того, как его отец, Кнут, был вероломно убит заговорщиками на своей родине в Дании[131]. Если полагаться на хронологию саги, то весьма вероятно, что русские родственники и прежде всего принцесса Ингибьёрг Мстиславна могли попросту не успеть получить известие о гибели отца ребенка. С другой стороны, выбор русского, а не датского династического имени означал, независимо от их осведомленности, своеобразную переориентацию, своего рода отказ от наследственных прав на датский престол. Как известно, этот отказ был лишь временным — родившемуся на Руси Вальдемару суждено было не только вернуться на родину своего отца, но и стать одним из самых могущественных и прославленных ее правителей[132].

При этом нельзя считать, что наречение посмертного ребенка именем отца было для скандинавской традиции явлением абсолютно обязательным. Точнее было бы сказать, что так поступали в подавляющем большинстве случаев. Вместе с тем нельзя не оговорить и того обстоятельства, что случаи наречения ребенка именем живого отца — хотя и чрезвычайно редко, но все же встречаются на скандинавской почве[133]. Если говорить о королевских династиях, то примеры такого имянаречения до середины XIII в. встречаются

---

130 Об Олаве Трюггвасоне см. сочинение монаха Тьодрика «История о древних норвежских королях» [MHN. P. 11] и «Обзор саг о норвежских конунгах» [Ágr. Kap. XVII. S. 19]. В последнем источнике указано даже, что к моменту смерти отца Олаву было три года. Версия же о его посмертном рождении так или иначе представлена в «Саге об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда (редакции A, S) [ÓT Oddr. Kap. 1. Bls. 6], «Круге Земном» Снорри Стурлусона [Hkr. Bnd. I. Bls. 255; КЗ. С. 98], «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» [Flat. Bnd. I. Bls. 71] и латиноязычной «Истории Норвегии» [MHN. P. 111–112].

Что касается рождения Олава Святого еще при жизни его отца, Харальда Гренландца, то рассказ об этом содержится только в «Легендарной саге об Олаве Святом» [ÓHLeg. Bls. 1–5].

131 См. [Knýtl. Kap. 93. Bls. 216; Джаксон 2000. С. 235, 241].

132 См. подробнее: [Lind 1990. P. 16; Lind 1992. S. 226, 228–235; Ф.Б. Успенский 2002. С. 34–35, 43–44].

133 Ср. [Ф.Б. Успенский 2001. С. 116].

прежде всего в Дании, стране в каком-то смысле наиболее подверженной внешним (в частности, немецкому) влияниям. Все случаи такого имянаречения у датчан связаны с несколькими потомками Свейна Эстридссона. *Свейном* — при живом отце — был назван единственный законный сын этого конунга, тезкой своего отца при жизни последнего стал и один из внуков Свейна Эстридссона, Эйрик Эйрикссон Незабвенный (Эмун), брат Кнута Лаварда, женатый на Маль(м)фрид Мстиславне. В свою очередь, уже упоминавшийся Вальдемар Великий назвал одного из сыновей собственным именем *Вальдемар* (см. табл. № 27 к настоящему экскурсу).

Существенно учитывать, однако, что все приведенные примеры относятся к разным, но всякий раз достаточно не простым и конфликтным этапам становления новой династии. Король Свейн Эстридссон принадлежал к королевскому роду лишь по женской линии, и потому легитимизация собственных прав и прав своего потомства в сугубо патрилинейной династической традиции было для него делом особой важности и требовало совершенно особых средств и решений. Важно при этом, что порядок наследования власти среди его потомков оставлял крайне неопределенными права его внуков, что привело к затяжным междоусобным конфликтам и вновь потребовало специальных средств, в частности, антропонимических, для установления вертикальных связей, подчеркивавших преемственность от отца к сыну [134].

Что же касается Вальдемара Великого, то он оказался на престоле будучи носителем имени нового не только для династии, но, по-видимому, и для всей страны в целом. Бесспорно принадлежа к роду конунгов по мужской линии, он, однако, не был сыном короля данов, и его успехи во многом были делом его собственных рук. Вальдемар, вне всякого сомнения, осознавал себя основателем новой ветви рода, если не новой династии. Из всех весьма многочисленных наследников Свейна Эстридссона ему одному удалось, стабилизировав ситуацию в стране, сосредоточить в своих руках всю полноту королевской власти и тем самым передать ее исключительно своим прямым потомкам. Закрепление своего необычного имени в династическом обиходе, безусловно, оказывалось одним из значимых и при этом весьма специфических элементов его стратегии.

Характерно, что таких случаев наречения сына по живому отцу в норвежских и шведских династиях мы практически не встречаем вплоть до середины XIII в. [135] В XIII столетии в Норвегии имя живого отца получает сын

---

134 См. подробнее: [Ф.Б. Успенский 2001. С. 49–55].

135 Строго говоря, не встречаем мы их у тех сыновей конунга, которые росли в семьях собственных отцов и у кого выбор имени заведомо этими отцами определялся. В то же время скандинавские семейные обычаи (в некоторых своих особенностях заметно отличающиеся от тех, что были приняты в династии Рюриковичей) допускали, как известно, и такое положение дел, когда на родство с королевским домом претендовали внебрачные дети конунгов, не признанные при жизни своими отцами. В подобной ситуации бастард или лжебастард мог фигурировать как раз под тем име-

уже упоминавшегося конунга Хакона Хаконарсона (см. табл. № 28 к настоящему экскурсу). Строго говоря, мы не можем определить, был ли он назван в честь отца или деда. В любом случае речь здесь должна идти одновременно о разрушении древней традиции, налагающей строгий запрет на использование имени живого отца, и, с другой стороны, о создании некой традиции локальной, так сказать, внутрисемейной, ведь совпадение имен отца и сына прослеживается здесь в двух поколениях подряд, хотя обстоятельства и причины такого выбора имен для двух *Хаконов* совершенно различны.

По-видимому, с середины XIII в. скандинавская династическая стратегия имянаречения приближается к тому периоду, который во многих странах Западной Европы настает значительно раньше: прямая декларация связи отца с сыном, закрепление династических прав наследника при жизни отца становится более важным делом, чем соблюдение архаичечского запрета. При этом для истории выбора имен весьма существеннно, какими путями совершается переход от старой стратегии к новой, переход отнюдь не моментальный и однолинейный. Одним из таких путей и могла послужить упоминающаяся здесь особая внутрисемейная ситуация, когда в одном поколении отпрыск правящего рода получает имя своего отца в полном соответствии с исконной родовой традицией, тогда как его наследник становится тезкой своего отца уже вопреки ей.

Ярослав Ярославич. Совпадения имен отца и сына в переломную эпоху

Происходила ли на Руси подобная утрата древнего запрета на использование имен живых прямых предков? Как кажется, в XIII в. (а, возможно, и на рубеже XII — XIII вв.) следует говорить о тенденции к такой утрате, тенденции, не развившейся полностью и принявшей впоследствии в династии Рюриковичей особые, весьма специфические формы, связанные скорее с видоизменением исконного запрета, чем с его полным упразднением.

Нам уже приходилось отмечать, что у князей владимиро-суздальского дома, у ближайших потомков Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, в первой

нем, которое носил его предполагаемый отец, как это происходит, например, с неким Эйстейном Девчушкой, утверждавшим, что он был внебрачным сыном конунга Эйстейна Харальдссона (ум. в 1157 г.). Вообще, по-видимому, имя конунга мог носить внебрачный сын, признанный или не признанный своим отцом, но выросший за пределами королевского дома. Именно это и произошло с Сигурдом, незаконным сыном конунга Сигурда Рта (ум. в 1155 г.), который более известен как Сигурд Воспитанник Маркуса. В определенном смысле данное прозвище заменяло ему патроним. Во всех случаях подобного рода имя могло даваться ребенку его окружением как единственный знак связи с отцом-конунгом. Однако отец и королевский дом как таковой в этом имянаречении никоим образом не участвовали, а права на власть могли предъявляться такого рода сомнительными наследниками лишь после смерти отца, в ситуации всеобщей гражданской смуты. Ср. табл. № 28 к настоящему экскурсу.

трети XIII в. появляются дети, получающие имена прямых предков, отца и деда, при жизни последних. Всеволод Константинович, внук Всеволода Большое Гнездо, родился, когда дед был еще жив, при жизни отца появился на свет и еще один внук великого князя, Ярослав Ярославич (см. табл. № 29 к настоящему экскурсу).

Казалось бы, это явление легче всего напрямую связать с возросшими династическими амбициями могущественных владимиро-суздальских князей, которые сочли для себя возможным отвергнуть древние родовые принципы во имя закрепления и манифестации вертикальных связей в своих семьях. Скорее всего, такое стремление действительно имело место и послужило причиной повтора имени живого предка, как это происходило на определенных этапах во многих других европейских династических традициях. Однако стремление это было не единственной причиной именного повтора у Рюриковичей, и, во всяком случае, закрепление вертикальных связей очевидно осложнялось здесь многими дополнительными обстоятельствами.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что ни Всеволод Константинович, ни Ярослав Ярославич не были старшими детьми своих отцов, а следовательно, здесь едва ли могла идти речь о простой декларации передачи всей полноты властных полномочий ближайшему и явному наследнику по вертикальной линии. Не приходится, по-видимому, в этих случаях говорить и о каких-то личных отцовских предпочтениях, заставлявших его с помощью имянаречения выделять одного из младших сыновей в обход старшего. Так, согласно отцовской предсмертной воле, старший наследственный ростовский стол получил, как и следовало, старший сын Константина Всеволодича, Василько, тогда как Всеволоду, тезке родного деда, достался Ярославль. Не был, судя по всему, выделен в обход братьев и другой внук Всеволода Большое Гнездо, Ярослав Ярославич.

Тем не менее нельзя утверждать, что наречение в честь живого предка не играло вовсе никакой роли в династическом счете в этой семье. Чтобы прояснить эту роль, необходимо обратиться к той традиции, которая, в числе прочих факторов, создавала возможность для подобного повтора. Как нами уже неоднократно отмечалось, христианские имена по преимуществу оказывались за пределами родового запрета на использование имени живого предка. Внуки могли получать крестильное имя живого деда, могли совпадать и крестильные имена отца и сына. Хотя на ранних этапах христианизации в династии такого рода повтора не были, как кажется, особенно распространенными, но уже внук Владимира Мономаха, Василько Леонович, мог получить крестильное имя деда при его жизни[‡] (см. табл. № 29 к настоящему экскурсу).

Со сближением функций христианских и родовых имен модели, прежде возможные лишь для выбора имен христианских, переносились и на исконный именослов. По-видимому, время появления на свет внуков Всеволода Большое Гнездо приходится на один из переломных и наиболее «хаотичных» этапов такого сближения.

Родной дядя княжича, ставшего *Ярославом Ярославичем*, был, как известно, тезкой своего отца по крестильному имени и звался *Дмитрием-Владимиром Дмитриевичем-Всеволодичем*. Что еще более существенно, тезкой отца по крестильному имени был родной (и при этом самый старший!) брат Ярослава Ярославича, Федор Федорович-Ярославич (см. табл. № 29 к настоящему экскурсу). Скорее всего, он получил крестильное имя своего отца в качестве единственного, возможно, здесь мы наблюдаем первый этап формирования особого приема династической стратегии, в дальнейшем сделавшегося столь устойчивым и распространенным у Рюриковичей.

Христианское имя не только могло совмещать в себе функции обоих имен, крестильного и родового, при сохранении двуименности оно на глазах становилось главным, доминирующим, и именно его — в качестве своеобразного признака легитимности — отец мог передавать «по наследству» старшему сыну. Запрет на воспроизведение имени живого предка оказывался менее значимым именно на фоне такого доминирования в родовой традиции владимиро-суздальских князей имен христианских. Разумеется, речь здесь должна идти о постепенно развивающемся, нарастающем процессе. В ту пору, когда Ярослав-Федор Всеволодич-Дмитриевич выбирал имена для своих детей, этот процесс в некоторых своих аспектах продвинулся уже очень далеко, тогда как в других — находился лишь в начальной стадии. Иные же «решения», найденные в ту пору, развития не получили вовсе, оказались, так сказать, тупиковыми.

В определенном смысле, один из младших сыновей князя мог получить в первой половине XIII в. исконное имя отца именно из-за того, что старший уже получил его крестильное имя. При этом необходимо учитывать и то обстоятельство, что Ярослав Ярославич-Федорович, скорее всего, в крещении был *Афанасием*, т. е. будучи тезкой своего отца по исконному имени, он не являлся его полным антропонимическим подобием. Нельзя, таким образом, забывать и о функциональной роли княжеской двуименности в эту сложную переходную эпоху — двуименность как таковая, кажется, уже идет на спад, но все еще выступает в качестве значимого, хотя и дополнительного, элемента антропонимической стратегии.

В то же время для отклонения от столь важного и устойчивого запрета, как повтор имени живого предка, существовала, скорее всего, не одна причина и не один образец. Если мы вспомним весьма убедительное утверждение о том, что и Федор Федорович-Ярославич и Ярослав Ярославич были по материнской линии родными внуками Мстислава Мстиславича Удатного, то их имянаречение становится в определенном смысле более традиционным, апеллирующим к некой модели, в семье уже существовавшей (ср. табл. № 31 к настоящему экскурсу). В качестве параллели здесь уместно вспомнить также трех норвежских королей по имени *Хакон*, один из которых, как уже говорилось, получил имя своего отца потому, что родился после его смерти, а другой сделался тезкой живого отца при его жизни, по-видимому, не без влияния предыдущей ситуации имянаречения.

Что касается роли Мстислава Удатного в семейной жизни его дочери и ее детей, то здесь приходится вернуться к весьма своеобразной конфликтной ситуации, когда Ростислава Мстиславна, вскоре после брака с Ярославом Всеволодичем, была у него отнята отцом. Мы не знаем ничего определенного о том, как и на каких конкретных основаниях Ростислава вернулась к мужу. Однако, если исходить из того, что это возвращение все-таки состоялось, и все известные нам сыновья Ярослава Всеволодича были рождены ею после возвращения в дом мужа, то необходимо предположить и процедуру какого-то примирения (формального или неформального) между тестем и зятем. Не исключено, что одним из своеобразных результатов этого примирения послужило использвание модели имянаречения деда при выборе имен для его внуков, прежде всего старшего.

Иными словами, Федор Федорович, сын Ярослава-Федора и Ростиславы-Феодосии, мог стать тезкой своего отца отчасти и потому, что тезкой своего отца был его дед по материнской линии. Это же обстоятельство, возможно, повлияло тем или иным образом и на наречение Ярослава Ярославича. Разумеется, для нас были бы чрезвычайно ценными точные сведения о крестильном имени самого Мстислава Мстиславича Удатного и его отца, Мстислава Ростиславича Храброго. Однако здесь мы располагаем лишь весьма гипотетическими данными относительно того, что оба эти князя в крещении звались *Федорами*[136].

Весьма существенно, однако, что старшие сыновья Ярослава Всеволодича, Федор и Александр, с отрочества, а точнее, с детства, связаны напрямую особого рода узами с псковско-новгородскими землями, с тем самым краем,

---

136 См. подробнее Экскурс № 9.

В Новгородской первой летописи сохранилось любопытное известие о том, что Мстислав отправляется в свой победоносный поход на Киев в июне, «на святого Феодора» [ПСРЛ. Т. III. С. 53]. В июне, как известно, отмечалась память двух свв. Федоров: 5 — Федора Чудотворца (гораздо позднее к этой же дате было приурочено празднование памяти причисленного к лику Федора Ярославича-Федоровича), а 8 — память Федора Стратилата. Если бы мы знали наверняка, что крестильным именем Мстислава Удатного было *Федор*, то можно было бы утверждать, что он отправляется в поход в особо значимый для него день. То обстоятельство, что в летописи не уточнено, о каком св. Федоре идет речь, возможно, объясняется тем, что это были княжеские именины, а святой патрон князя был достаточно хорошо известен. Тогда, скорее всего, следует говорить о 8 июня как о дате начала похода и, соответственно, о св. Федоре Стратилате как княжеском патрональном святом. Весьма вероятно, впрочем, что мы имеем дело с недискретным почитанием святых-тёзок, и значимым оказывалось лишь то обстоятельство, что князь по имени *Федор* отправляется в поход на память св. Федора. О сходном случае см. гл. V, с. 188. Вместе с тем нельзя исключить и той возможности, что упоминание дня св. Федора носит в летописи чисто датировочный характер и не имеет никакого отношения к христианскому имени Мстислава Мстиславича.

из-за которого в свое время возник конфликт, разлучивший их родителей[137]. Любопытно, в частности, что Федор и Александр впервые оказываются на новгородском столе именно в год смерти (1228 г.) своего деда, Мстислава Удатного, давно не обладавшего к тому времени никакой прямой властью в этом городе, но издавна связанного с ним весьма специфическими «наследственными» отношениями.

Всеволод Всеволодич

В завершение нашего экскурса необходимо упомянуть и еще об одном князе Рюриковиче, чье мирское имя в историографии традиционно считается тождественным княжескому имени его отца. Речь идет о Всеволоде Белзском, упоминания о котором связаны с первой третью XIII в.[138] (см. табл. № 32 к настоящему экскурсу). В источниках отчество этого князя отсутствует. Предполагается, однако, что он был сыном Всеволода Мстиславича и правнуком Изяслава-Пантелеймона Мстиславича, поскольку в летописи он именуется братом Александра[139], а Александр считается сыном Всеволода Мстиславича[140].

Характер довольно немногочисленных летописных свидетельств о нем позволяет предположить, что Всеволод был младшим братом Александра[141].

---

137 Упомянем кстати, что если Мстислав Мстиславич действительно был Федором в крещении, то весьма вероятно, что крестильное имя его дочери (матери Александра и Федора), Феодосия, перекликалось и с именем отца, и с именем ее старшего сына.

138 В именном указателе Л.Л. Муравьевой и Л.Ф. Кузьминой к последнему переизданию Ипатьевской летописи (М., 1998), единственного летописного источника, где этот князь фигуриует, он не упоминается вовсе. Отметим здесь же, что Всеволод Александрович, традиционно считающийся сыном князя Александра Всеволодича, в указателе ошибочно назван галицким воеводой.

139 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 721].

140 В рассказе о крамоле галицких бояр, помещенном в Ипатьевской летописи под 1230 г., фигурирует Александр, названый «братоучадомъ» (т. е. племянником) Даниила Галицкого. Однако здесь, по-видимому, имеет место ошибка повествователя в употреблении термина родства, так как, исходя из общего контекста летописи, речь идет об Александре Всеволодиче, двоюродном брате Даниила [ПСРЛ. Т. II. Стб. 762]. В свое время использование терминов «брат» или «братоучадо» применительно к Александру даже вызвало к жизни гипотезу о существовании двух Александров, а, соответственно, и двух Всеволодов, их братьев. Однако гипотеза эта была весьма убедительно опровергнута М. Грушевским [Грушевський. Т. III. С. 507–508].

141 Ср. «Ѡлександроу сѣдѧщю в Володимерѣ а братоу его Всеволодоу в Червьнѣ» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 721 под 1205 г.]. Ср. также упоминание о том, что Александр получил от Лешка Польского Белз [ПСРЛ. Т. II. Стб. 728 под 1210 г.] и, по-видимому,

Предполагаемый отец Всеволода, Всеволод Мстиславич, скончался, как известно, в 1195 г.[142] Недостаток сведений о младшем Всеволоде, как кажется, делает невозможным сколько-нибудь точное определение обстоятельств и причин его имянаречения. С одной стороны, нельзя полностью исключить возможности, что выбор имени для этого князя был, так сказать, одним из признаков наступления переломной эпохи в имянаречении у Рюриковичей. Иными словами, невозможно полностью отвергнуть версию о том, что этот князь, появившийся на свет в конце XII столетия, стал, подобно Ярославу Ярославичу, тезкой своего отца при жизни последнего.

Мог он, разумеется, быть и ребенком, родившемся вскоре после смерти своего отца. Никакими специальными аргументами «за» или «против» такого истолкования событий мы не располагаем, за исключением разве что не слишком надежного предположения о том, что, исходя из общего контекста летописного повествования, он вряд ли был намного старше своих двоюродных братьев Романовичей, Даниила и Василько (ср. табл. № 32 к настоящему экскурсу).

Кроме того, возможно, хотя и не слишком вероятно, что Всеволод приходился Александру не родным, а двоюродным братом[143]. У Мстислава Изяславича, деда Александра и Всеволода, как известно, помимо Романа и Всеволода, было еще двое сыновей — Святослав и Владимир (?) (см. табл. № 32 к настоящему экскурсу). Один из братьев, который носил, по-видимому, имя *Владимир*, умирает вскоре после своего отца[144], другой же, Святослав, живет и действует еще некоторое время. Дата его смерти нам не известна[145], ничего не известно и о детях обоих братьев. Если же говорить об их наследственных землях, то Червень, в котором впоследствии мы обнаруживаем нашего Всеволода, принадлежал Святославу. Он уступает его (по-видимому, на время) Владимиру, сыну Ярослава Галицкого, когда тот стремится захватить галицкий стол[146].

Именование двоюродных братьев просто «братьями» в летописи встречается, однако сколько-нибудь бесспорных данных, подкрепляющих версию

посадил там Всеволода, поскольку именно оттуда в следующем году Всеволод отправляется в поход [ПСРЛ. Т. II. Стб. 729].

142 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 682–683].

143 Отметим, что у Александра, помимо всего прочего, был сын по имени *Всеволод*, князь белзский (см., например: [ПСРЛ. Т. II. Стб. 803 под 1249 г.]). См. табл. № 32 к настоящему экскурсу.

144 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 562]. В Ипатьевской летописи имя скончавшегося брата Романа Мстиславича сохранилось неполностью, однако уцелевший элемент *–мир* позволяет реконструировать его более или менее надежно, поскольку в роду Рюриковичей из всех имен, содержащих этот формант, в ходу было только имя *Владимир*.

145 Как указывал еще Н.М. Карамзин, дата смерти Святослава, приведенная у В.Н. Татищева (1172 г.) [Татищев. Т. III. С. 96], явно ошибочна [Карамзин. Т. III. Примеч. 8]. В этом году умер его брат Владимир Мстиславич.

146 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 564 под 1173 г.].

о том, что Александр и Всеволод были не родными братьями, а кузенами, у нас нет. Таким образом, случай с имянаречением **Всеволода Всеволодича* из-за явного недостатка данных остается непроясненным.

Не следует, по-видимому, каждый такой неопределенный случай непременно трактовать как пример посмертного именования княжича по отцу. В то же время рассмотрение всех вышеприведенных случаев совпадения мирского имени и отчества князя способно лишний раз продемонстрировать, что подобного рода имянаречение находилось в династии «под запретом». Характерно, что вплоть до XIII в. мы не располагаем ни одним примером, когда из текста источника явно и непосредственно следовало бы, что князь сделался тезкой своего живого отца по родовому (мирскому) имени: мы не встречаем упоминаний ни о рождении у кого-либо из домонгольских Рюриковичей сына-тезки, ни о том, чтобы отец и сын, носящие одинаковые имена жили и действовали одновременно. Судя по всему, сходным образом обстояло дело и с использованием имени живого деда.

Архаический запрет на использование имен прямых живых предков оказывается в обширном роду Рюриковичей чрезвычайно стойким и на удивление последовательным, выделяя их тем самым среди других правящих родов славянского мира. Можно предположить, что первоначально строгость этого запрета была так или иначе связана со скандинавскими корнями русской династии, однако в дальнейшем эти принципы имянаречения становятся характеристикой рода Рюриковичей как такового, надолго переживая — как вера в переселение душ — собственно варяжское самосознание князей. К XII в. (а скорее и существенно ранее) можно говорить лишь о типологическом сходстве между способами выбора имени у русских князей и у скандинавов, но за этой типологией кроется, возможно, некая общность истоков. Любопытно, однако, что Рюриковичи — одна из самых долгоживущих правящих династий Европы — в своем имянаречении проявляют более преемственности, нежели большинство скандинавских королевских домов.

‡ Любопытна в этом отношении фигура Юрия Юрьевича, князя, у которого с отцом совпадало имя не просто христианское, а такое, которое достаточно рано стало принимать на себя функции родового. Имя *Георгий* (*Юрий*) могло даваться в качестве крестильного наряду с мирским, но с XII в. оно фигурировало, по-видимому, и в качестве единственного имени князя. О князе с таким именем и отчеством сведений сохранилось очень немного. В указателе к истории С.М. Соловьева Юрий Юрьевич ошибочно назван сыном Юрия Долгорукого; кроме того, упоминания о двух разных Юриях, отце и сыне, здесь (в указателе) смешиваются, что порождает своеобразный генеалогический фантом, который обладает способностью активно участвовать в боевых действиях на протяжении как минимум шестидесяти четырех лет [Соловьев 1988. С. 771; ср. Т. II. Гл. 5, 6. С. 506, 626].

Князь по имени *Юрий*, которому приписывается отчество *Юрьевич*, принадлежит к рязанско-муромской ветви династии, а точнее, к князьям муромским, потомкам Ярослава Святославича (см. табл. № 30 к настоящему экскурсу). Реконструкция его отчества опирается, по-видимому, на несколько упоминаний о муромских князьях, где рядом фигурируют Владимир, Давыд и Юрий [ПСРЛ. Т. X. С. 23 под 1196 г.; Т. XLI. С. 121] или Давыд и Юрий [ПСРЛ. Т. X. С. 83 под 1219 г.]. При этом и Давыд, и Владимир в других летописных источниках называются «Юрьевичами» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 405, 406 под 1187 г.; Т. VII. С. 244]. Юрий же считается их родным братом, а следовательно, также носит отчество *Юрьевич*. Судя по всем упоминаниям о нем, он так и не сделался главой муромского дома и был моложе как Владимира, так и Давыда. Согласно свидетельству летописей, в 1219 г. у него был сын Олег, достаточно взрослый для того, чтобы возглавить некий воинский отряд, посланный отцом [ПСРЛ. Т. VII. С. 126; Т. X. С. 83; Т. XV: Тверская летопись. Стб. 330]. Время смерти князя Юрия не известно, но весьма вероятно, что он скончался до своего брата Давыда, т. е. между 1220 и 1228 гг. По-видимому, в честь него был назван один из его племянников, Юрий Давыдович, получивший муромское княжение, хотя этот княжич мог получить свое имя и непосредственно в честь деда.

Расхождения в историографии относительно происхождения Юрия Юрьевича связаны с тем, кто был дедом братьев Владимира, Давыда и Юрия. Согласно Н.М. Карамзину, братья являлись правнуками Ярослава Святославича, внуками Ростислава Ярославича и сыновьями Георгия Ростиславича (ср. [Строев 1884. С. 28–29. Р. VII. Ст. 10]) (см. табл. № 30 к настоящему экскурсу). Согласно другой версии, наиболее полно представленной в работе Н. Баумгартена, они были младше на одно поколение, являясь правнуками Святослава Ярославича, внуками Владимира Святославича и сыновьями Юрия Владимировича [Baumgarten 1934. P. 74–77. Tab. XIV. P. 90–92. Tab. XVI; Рапов 1977. С. 126].

Вне зависимости от того, какое отчество носил отец интересующего нас князя Юрия, необходимо помнить о том, что построение, согласно которому сам он звался *Юрием Юрьевичем*, является реконструкцией, хотя и весьма правдоподобной. В источниках он нигде напрямую *Юрием Юрьевичем* не назван. Было ли имя *Юрий* (*Георгий*) для этого князя единственным? Н. Баумгартен предполагает, что у него было еще и мирское имя *Игорь* [Baumgarten 1934. P. 90–92. Tab. XVI]. Вообще говоря, такое сочетание, *Игорь-Георгий*, встречалось у потомков Святослава Ярославича, к

которым принадлежали и муромские князья, однако в данном случае такое предположение основано исключительно на фразе из Летописца Переяславля Суздальского, где сказано: «...и муромъскому Володимиру, и Д(а)в(ы)ду, и Игюрю...» [ПСРЛ. Т. XLI. С. 121 под 1196 г.]. По-видимому, перед нами весьма любопытный пример графического смешения в списке летописи двух имен. Одно из них — *Игорь*, а другое — гипокористическая форма имени *Георгий*, типа *Гюрги* или *Юрьи*. Как кажется, мы не можем в точности определить, что имел в виду переписчик и противопоставлял ли он строго два этих имени. Таким образом, этой формы из поздней летописи, как кажется, недостаточно для того, чтобы с уверенностью считать нашего Юрия обладателем еще одного княжеского имени *Игорь*. При этом она весьма интересна с точки зрения того, как могли варьироваться составителями летописей созвучные имена Рюриковичей, христианские и нехристианские. Имена *Игорь*, *Ингвар(ь)*, *Георгий (Юрий)*, по-видимому, предоставляли обильные возможности для подобного «вторичного варьирования».

ТАБЛИЦА № 1

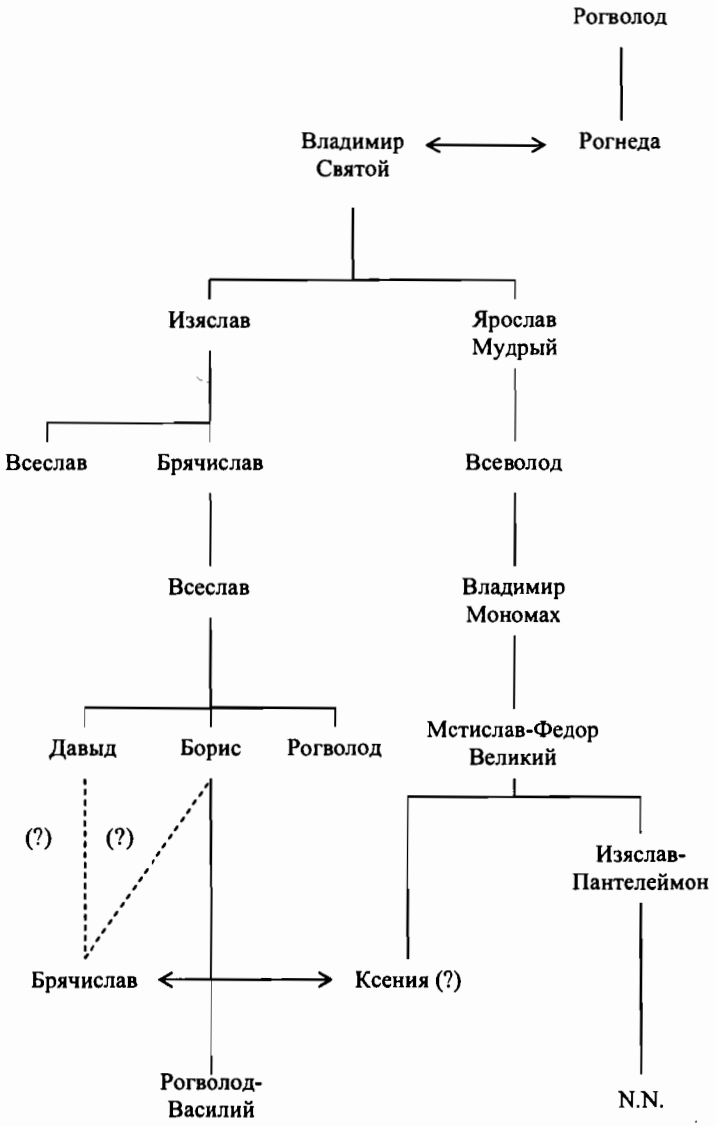

Рогволод
Владимир Святой
Рогнеда
Изяслав
Ярослав Мудрый
Всеслав
Брячислав
Всеволод
Всеслав
Владимир Мономах
Давыд
Борис
Рогволод
Мстислав-Федор Великий
(?)
(?)
Изяслав-Пантелеймон
Брячислав
Ксения (?)
Рогволод-Василий
N.N.

ТАБЛИЦА № 2

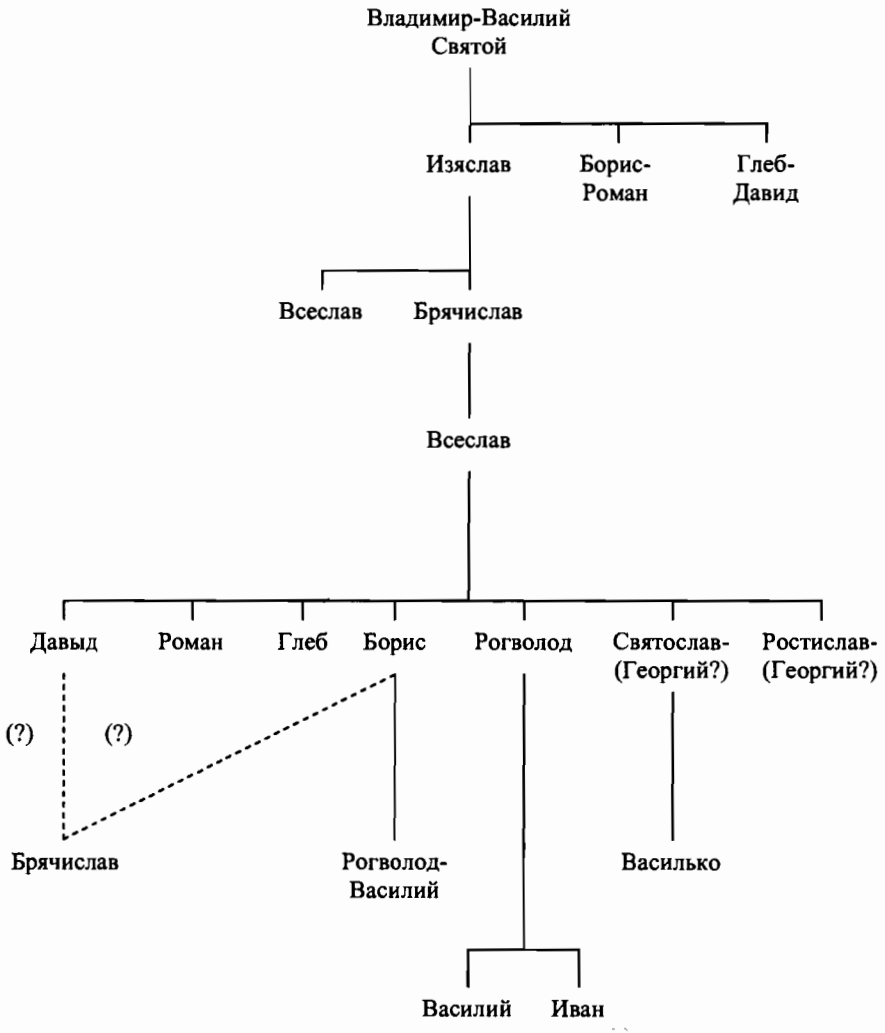

Владимир-Василий
Святой
Изяслав
Борис-
Роман
Глеб-
Давид
Всеслав
Брячислав
Всеслав
Давыд
Роман
Глеб
Борис
Рогволод
Святослав-
(Георгий?)
Ростислав-
(Георгий?)
(?)
(?)
Брячислав
Рогволод-
Василий
Василько
Василий
Иван

ТАБЛИЦА № 3

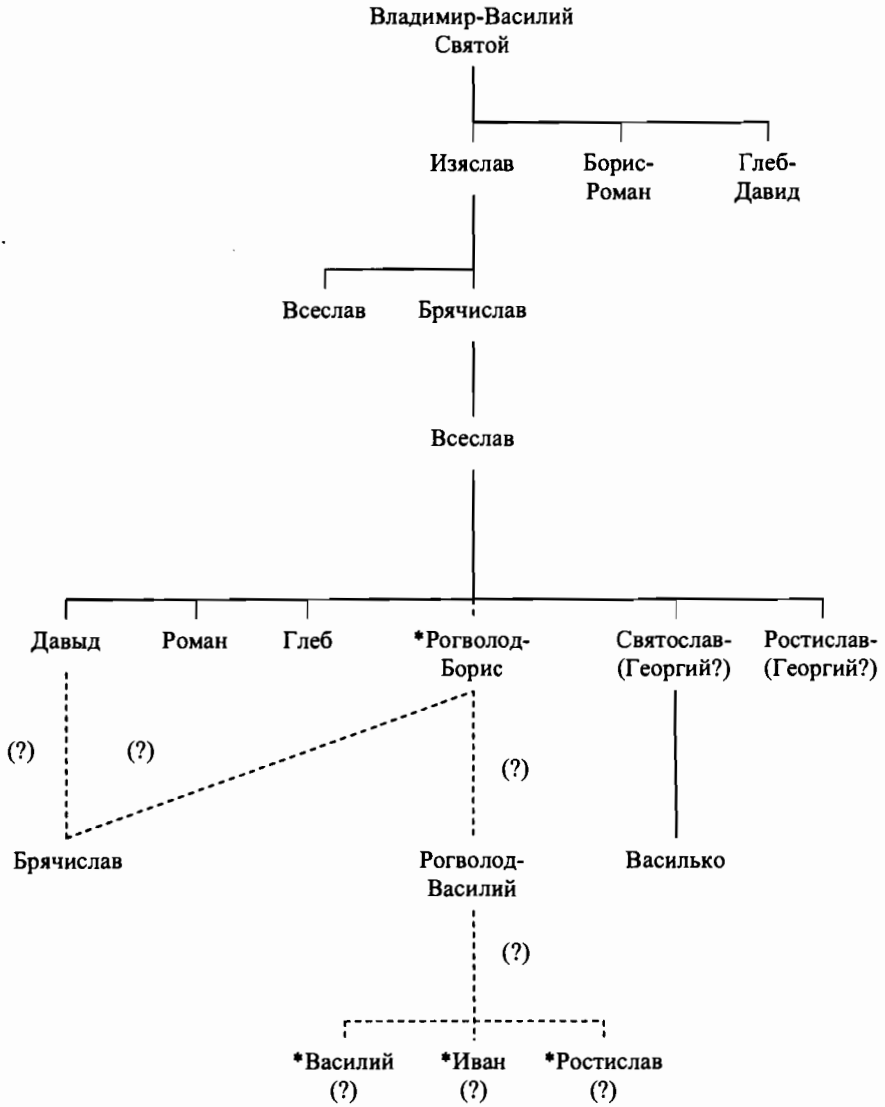

Владимир-Василий
Святой
Изяслав
Борис-
Роман
Глеб-
Давид
Всеслав
Брячислав
Всеслав
Давыд
Роман
Глеб
*Рогволод-
Борис
Святослав-
(Георгий?)
Ростислав-
(Георгий?)
(?)
(?)
(?)
Брячислав
Рогволод-
Василий
Василько
(?)
*Василий
(?)
*Иван
(?)
*Ростислав
(?)

ТАБЛИЦА № 4

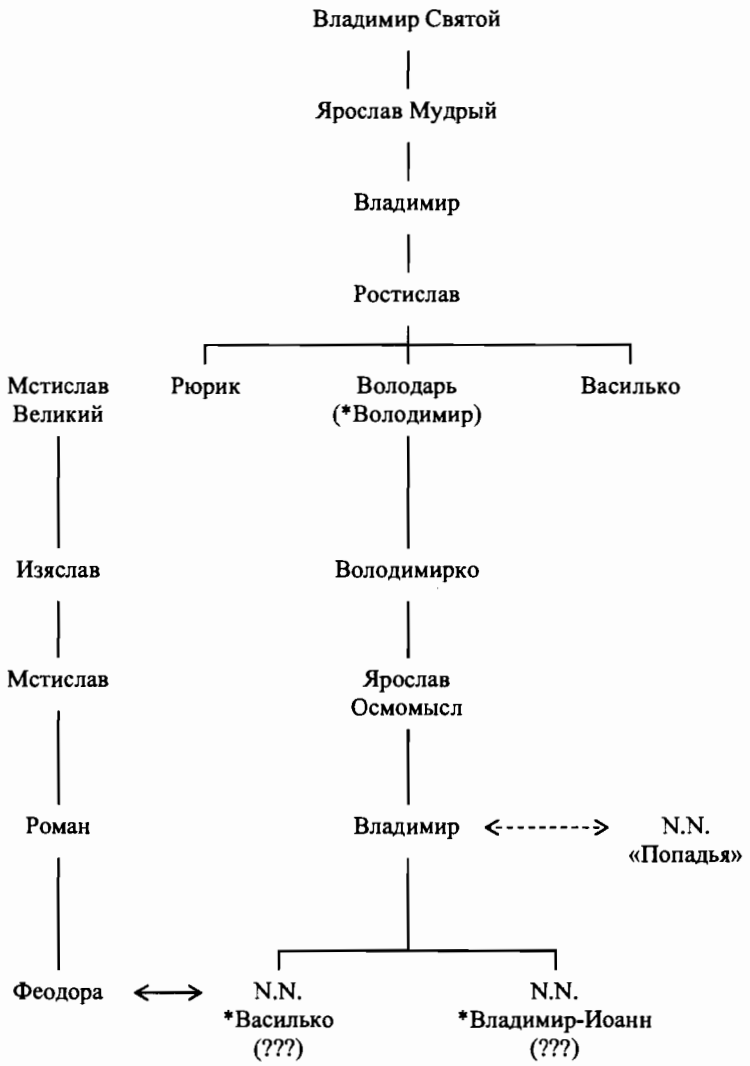

Владимир Святой
Ярослав Мудрый
Владимир
Ростислав
Мстислав Великий
Рюрик
Володарь (*Володимир)
Василько
Изяслав
Володимирко
Мстислав
Ярослав Осмомысл
Роман
Владимир
N.N. «Попадья»
Феодора
N.N. *Василько (???)
N.N. *Владимир-Иоанн (???)

ТАБЛИЦА № 5

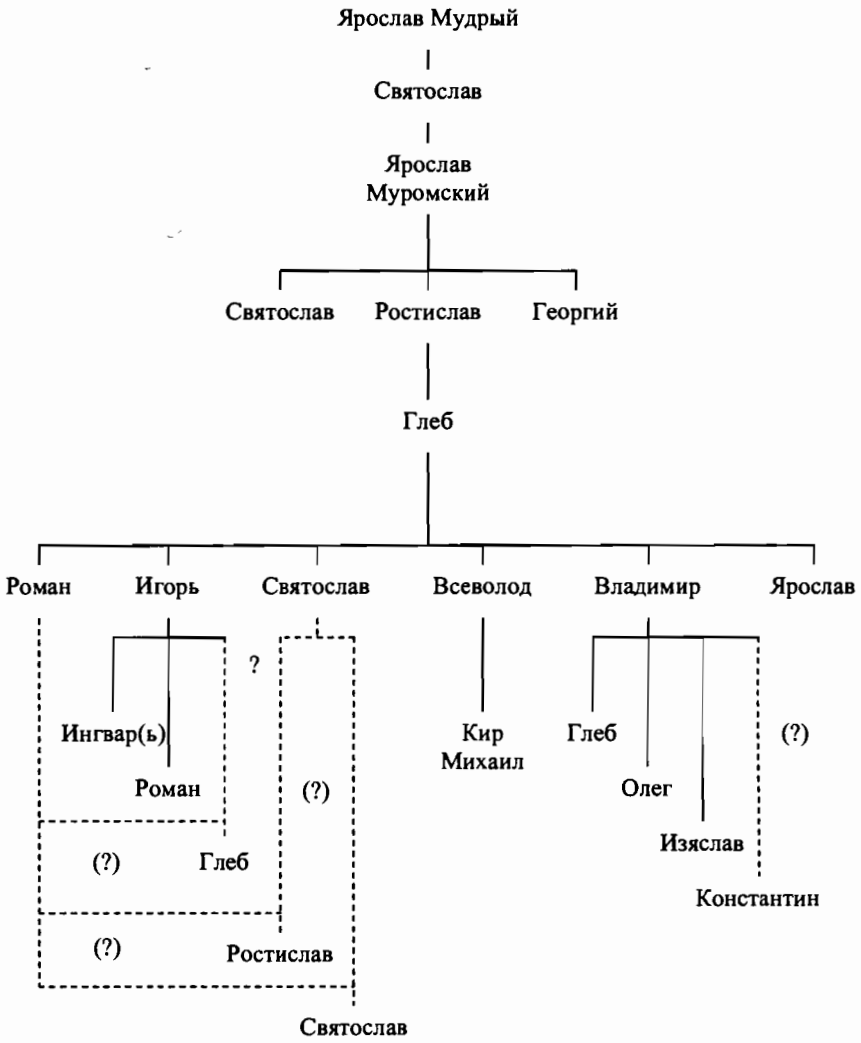

Ярослав Мудрый
Святослав
Ярослав Муромский
Святослав
Ростислав
Георгий
Глеб
Роман
Игорь
Святослав
Всеволод
Владимир
Ярослав
?
Ингвар(ь)
Роман
(?)
Глеб
(?)
Ростислав
(?)
Кир
Михаил
Глеб
Олег
Изяслав
(?)
Константин
Святослав

ТАБЛИЦА № 6

Ярослав Мудрый
Святослав
Всеволод
Ярослав Муромский
Владимир Мономах
Ростислав
Мстислав Великий
Глеб
Ростислав
Рюрик
Ярослав
Всеслава

ТАБЛИЦА № 7

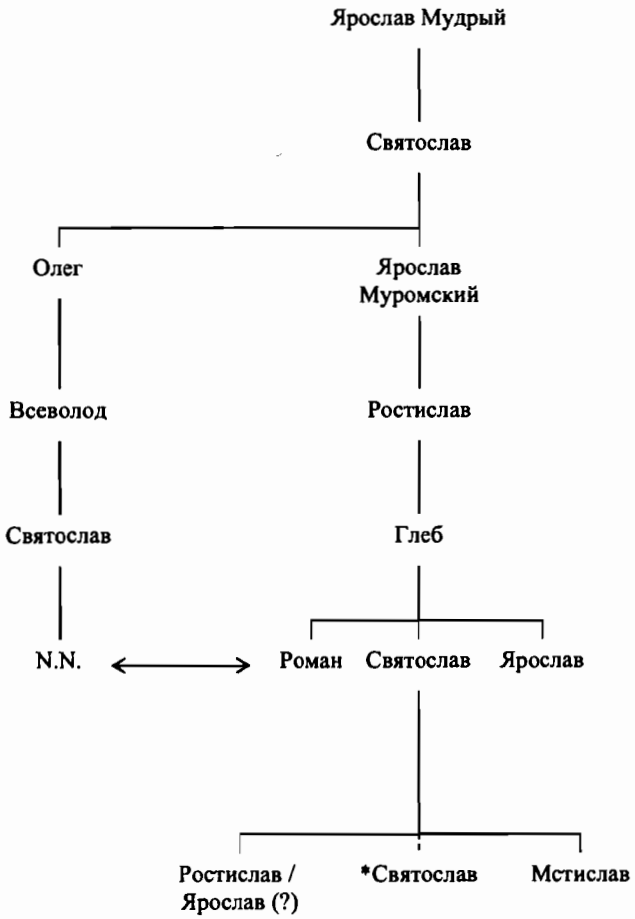

Ярослав Мудрый
Святослав
Олег
Ярослав Муромский
Всеволод
Ростислав
Святослав
Глеб
N.N.
Роман
Святослав
Ярослав
Ростислав / Ярослав (?)
*Святослав
Мстислав

ТАБЛИЦА № 8

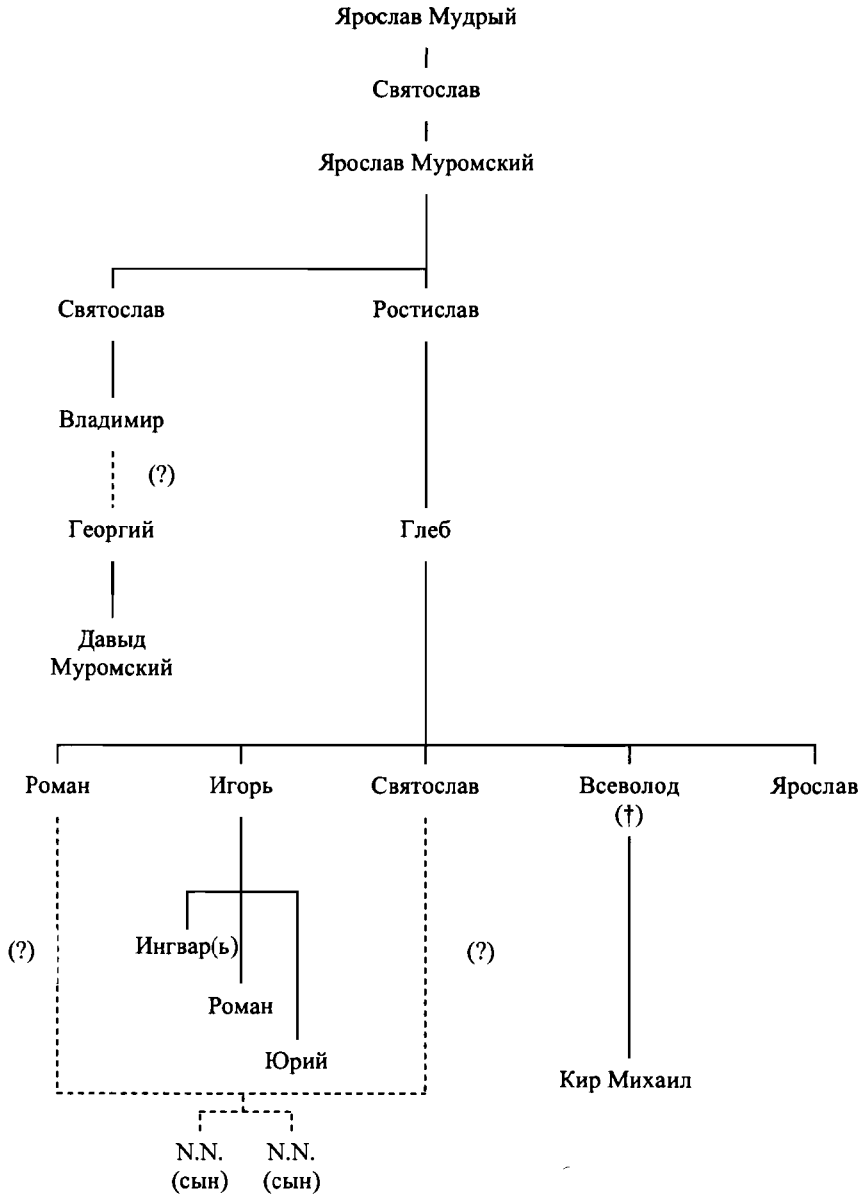

Ярослав Мудрый
Святослав
Ярослав Муромский
Святослав
Ростислав
Владимир
(?)
Георгий
Глеб
Давыд Муромский
Роман
Игорь
Святослав
Всеволод (†)
Ярослав
(?)
Ингвар(ь)
Роман
Юрий
(?)
Кир Михаил
N.N. (сын)
N.N. (сын)

ТАБЛИЦА № 9

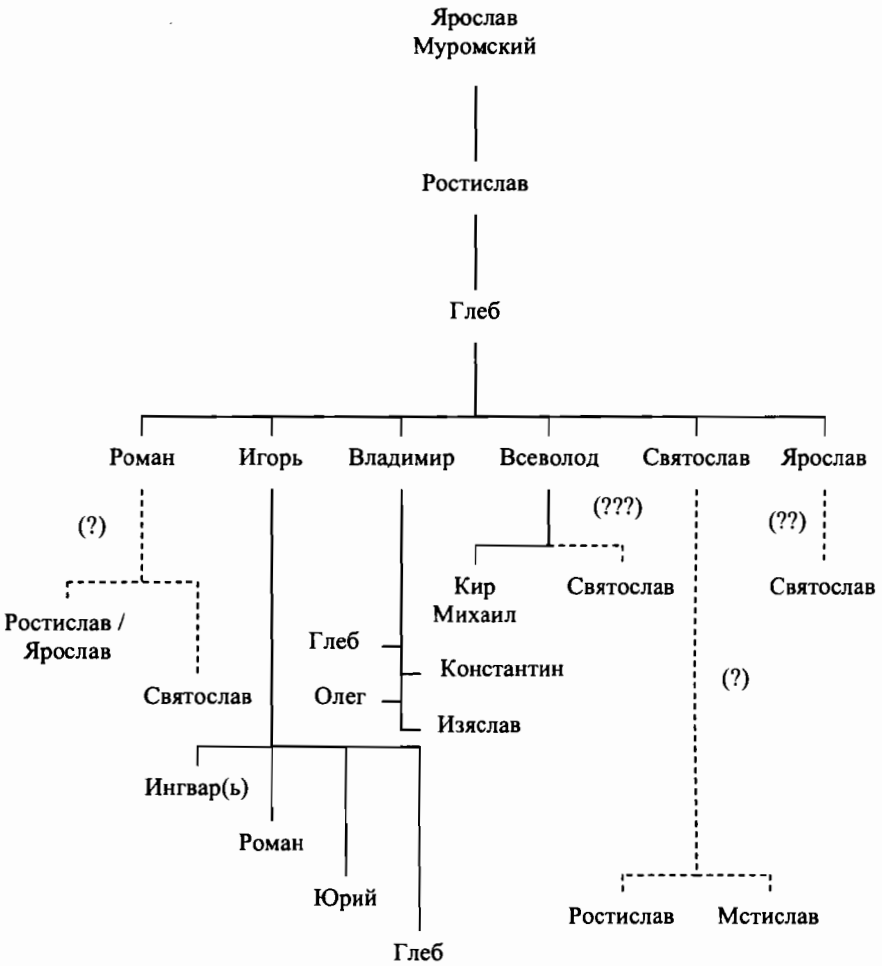

Ярослав Муромский
Ростислав
Глеб
Роман
Игорь
Владимир
Всеволод
Святослав
Ярослав
(?)
(???)
(??)
Ростислав / Ярослав
Святослав
Кир Михаил
Святослав
Святослав
Глеб
Константин
Олег
Изяслав
(?)
Ингвар(ь)
Роман
Юрий
Глеб
Ростислав
Мстислав

ТАБЛИЦА № 10

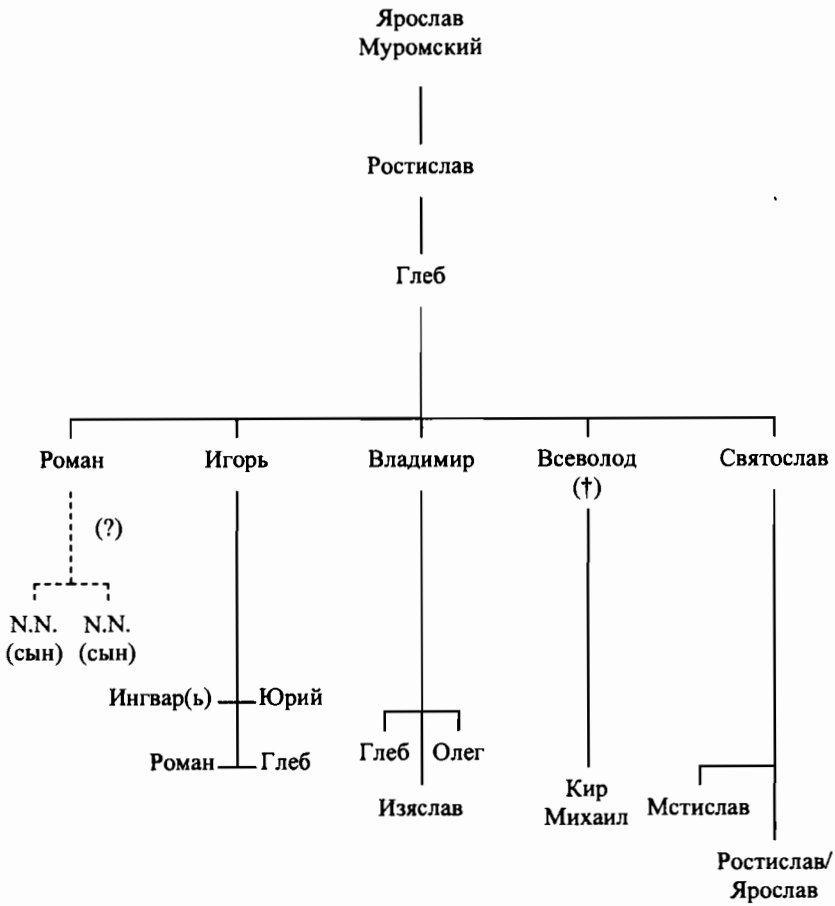

Ярослав Муромский
Ростислав
Глеб
Роман
Игорь
Владимир
Всеволод (†)
Святослав
(?)
N.N. (сын)
N.N. (сын)
Ингвар(ь)
Юрий
Роман
Глеб
Глеб
Олег
Изяслав
Кир Михаил
Мстислав
Ростислав/ Ярослав

ТАБЛИЦА № 11

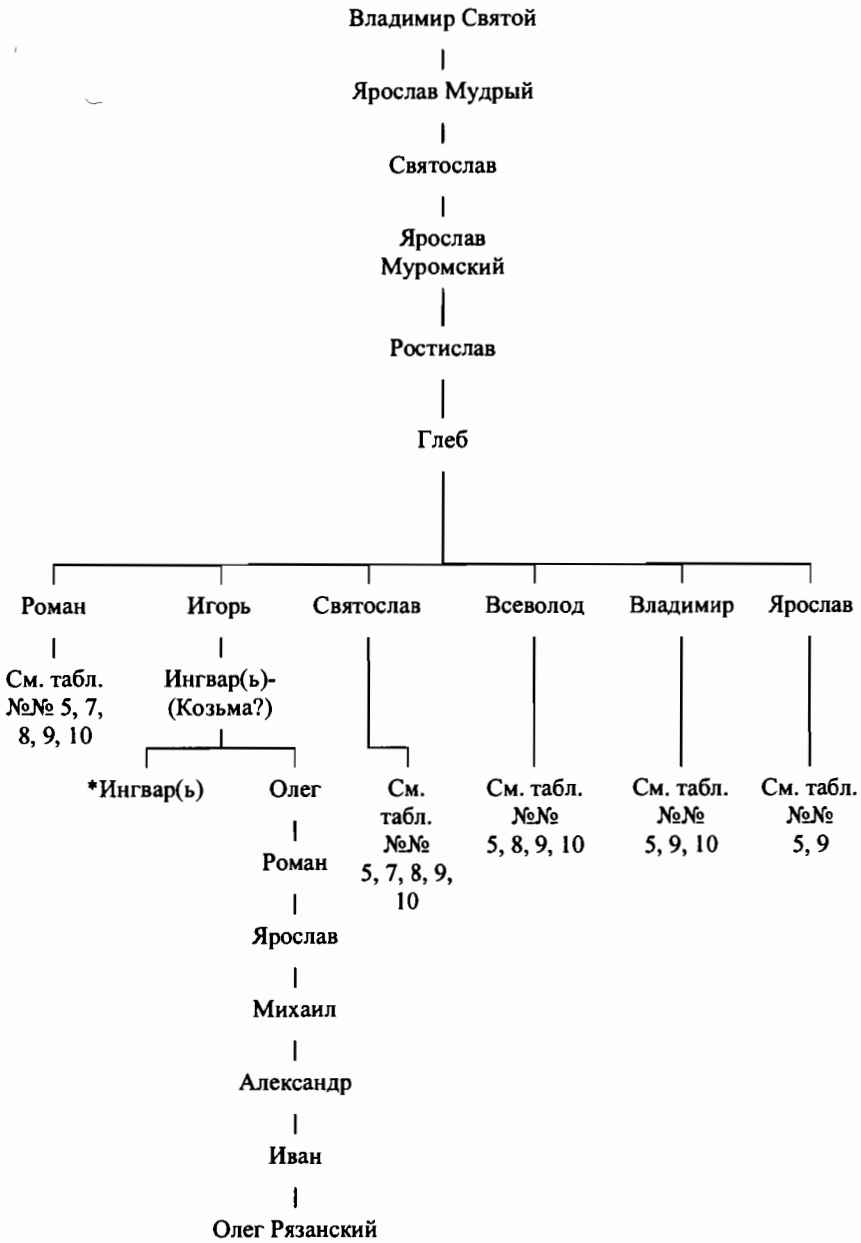

Владимир Святой
Ярослав Мудрый
Святослав
Ярослав Муромский
Ростислав
Глеб
Роман
Игорь
Святослав
Всеволод
Владимир
Ярослав
См. табл. №№ 5, 7, 8, 9, 10
Ингвар(ь)-(Козьма?)
*Ингвар(ь)
Олег
См. табл. №№ 5, 7, 8, 9, 10
См. табл. №№ 5, 8, 9, 10
См. табл. №№ 5, 9, 10
См. табл. №№ 5, 9
Роман
Ярослав
Михаил
Александр
Иван
Олег Рязанский

ТАБЛИЦА № 12

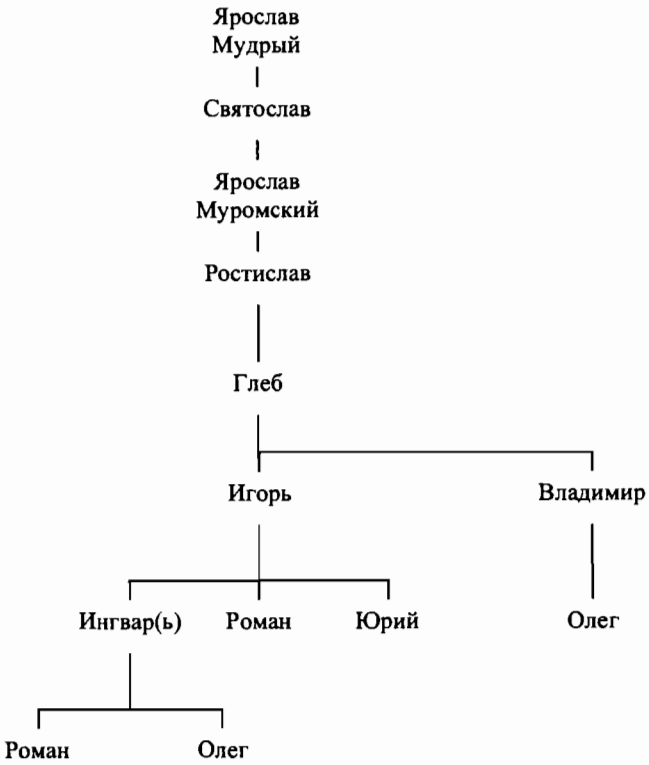

Ярослав
Мудрый
Святослав
Ярослав
Муромский
Ростислав
Глеб
Игорь
Владимир
Ингвар(ь)
Роман
Юрий
Олег
Роман
Олег

ТАБЛИЦА № 13

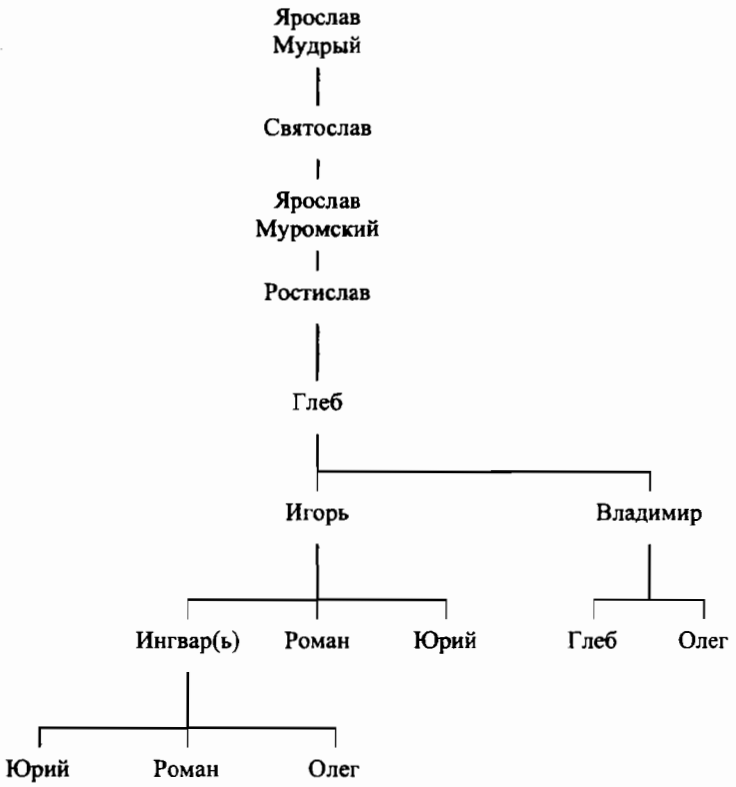

Ярослав Мудрый
Святослав
Ярослав Муромский
Ростислав
Глеб
Игорь
Владимир
Ингвар(ь)
Роман
Юрий
Глеб
Олег
Юрий
Роман
Олег

ТАБЛИЦА № 14

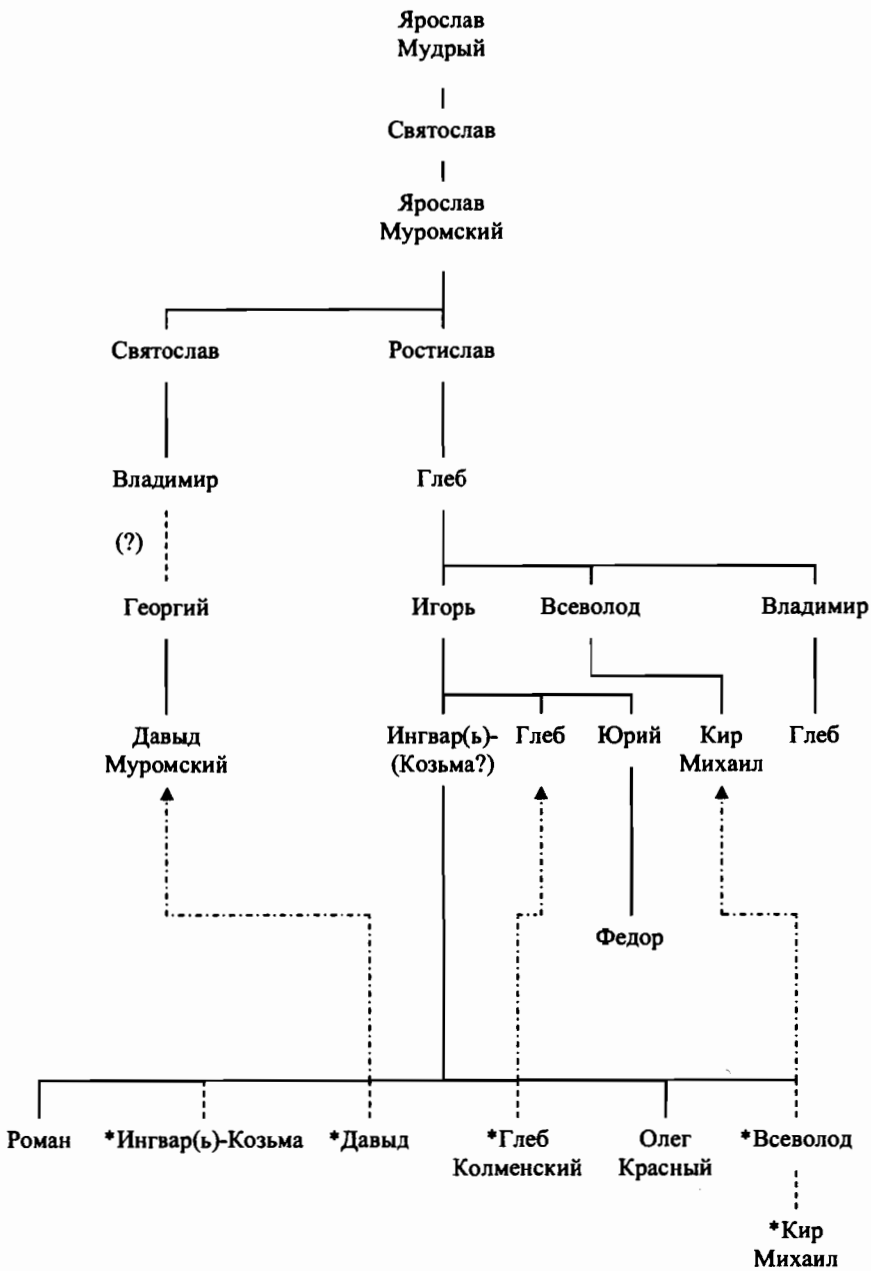

Ярослав Мудрый
Святослав
Ярослав Муромский
Святослав
Ростислав
Владимир
Глеб
(?)
Георгий
Игорь
Всеволод
Владимир
Давыд Муромский
Ингвар(ь)-(Козьма?)
Глеб
Юрий
Кир Михаил
Глеб
Федор
Роман
*Ингвар(ь)-Козьма
*Давыд
*Глеб Колменский
Олег Красный
*Всеволод
*Кир Михаил

ТАБЛИЦА № 15

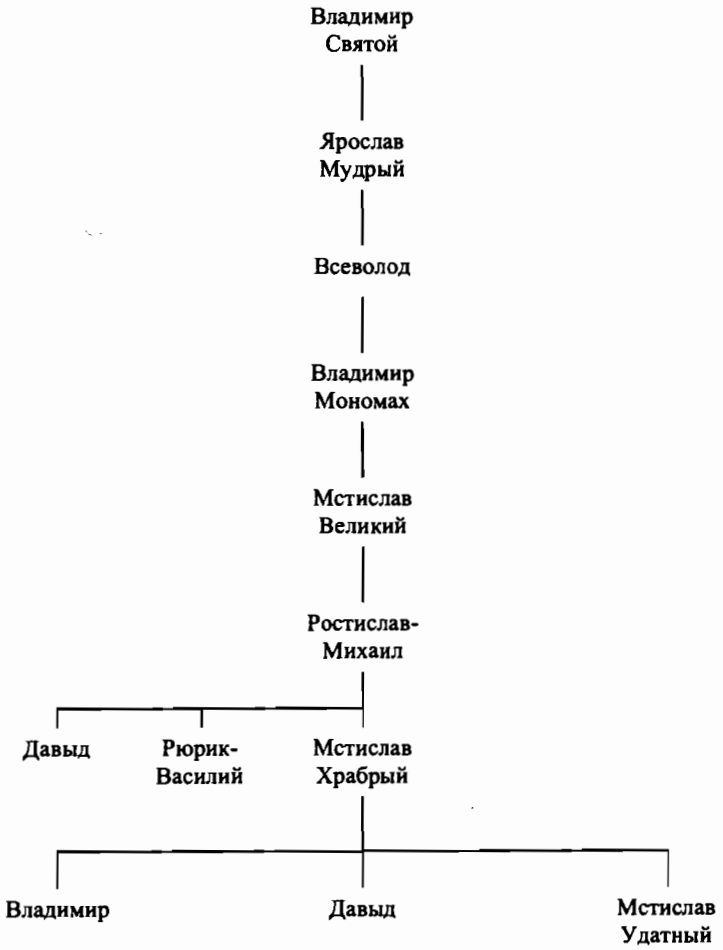

Владимир Святой
Ярослав Мудрый
Всеволод
Владимир Мономах
Мстислав Великий
Ростислав-Михаил
Давыд
Рюрик-Василий
Мстислав Храбрый
Владимир
Давыд
Мстислав Удатный

ТАБЛИЦА № 16

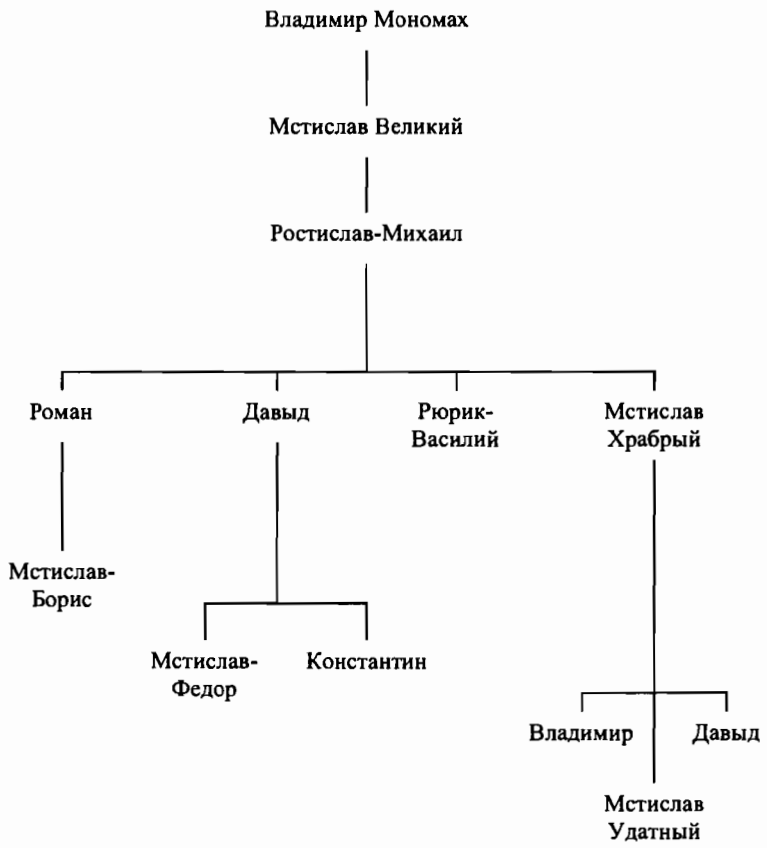

Владимир Мономах
Мстислав Великий
Ростислав-Михаил
Роман
Давыд
Рюрик-Василий
Мстислав Храбрый
Мстислав-Борис
Мстислав-Федор
Константин
Владимир
Давыд
Мстислав Удатный

ТАБЛИЦА № 17

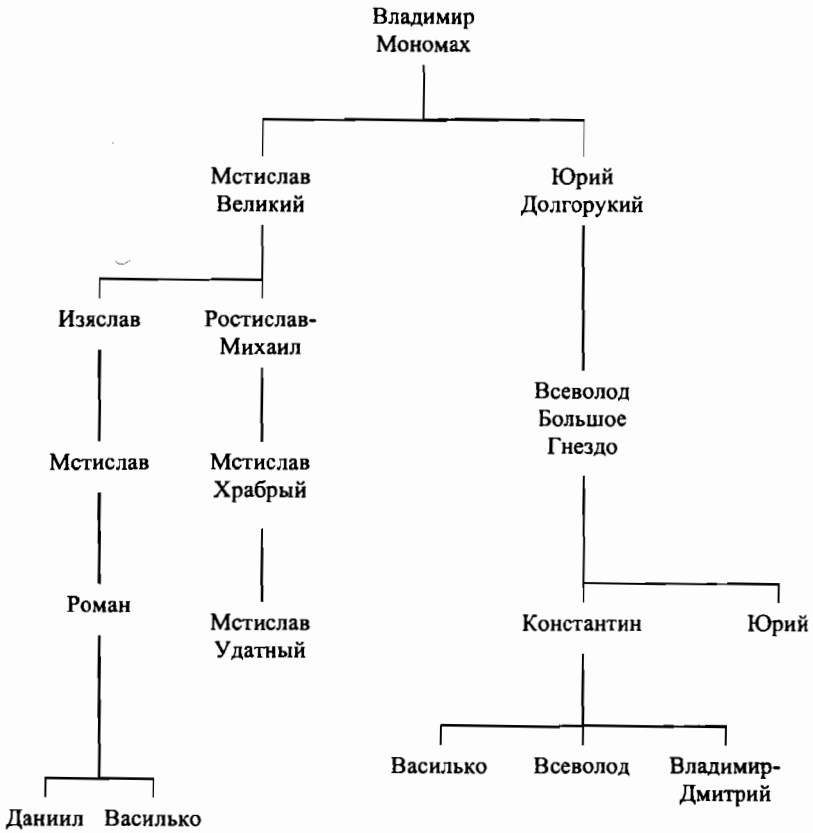

Владимир Мономах
Мстислав Великий
Юрий Долгорукий
Изяслав
Ростислав-Михаил
Всеволод Большое Гнездо
Мстислав
Мстислав Храбрый
Роман
Мстислав Удатный
Константин
Юрий
Василько
Всеволод
Владимир-Дмитрий
Даниил
Василько

ТАБЛИЦА № 18

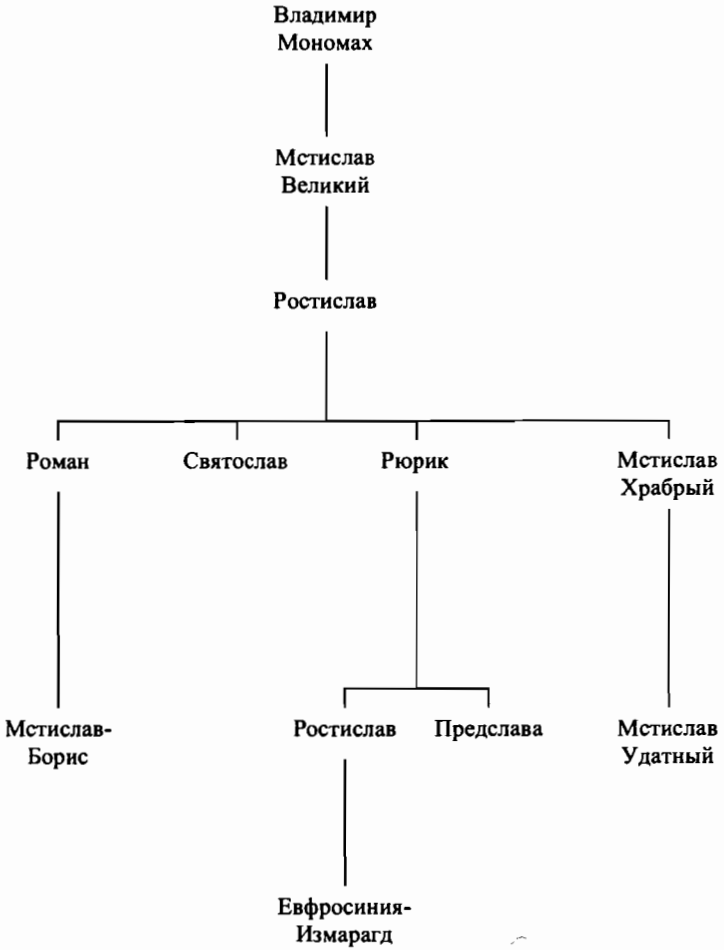

Владимир Мономах
Мстислав Великий
Ростислав
Роман
Святослав
Рюрик
Мстислав Храбрый
Мстислав-Борис
Ростислав
Предслава
Мстислав Удатный
Евфросиния-Измарагд

ТАБЛИЦА № 19

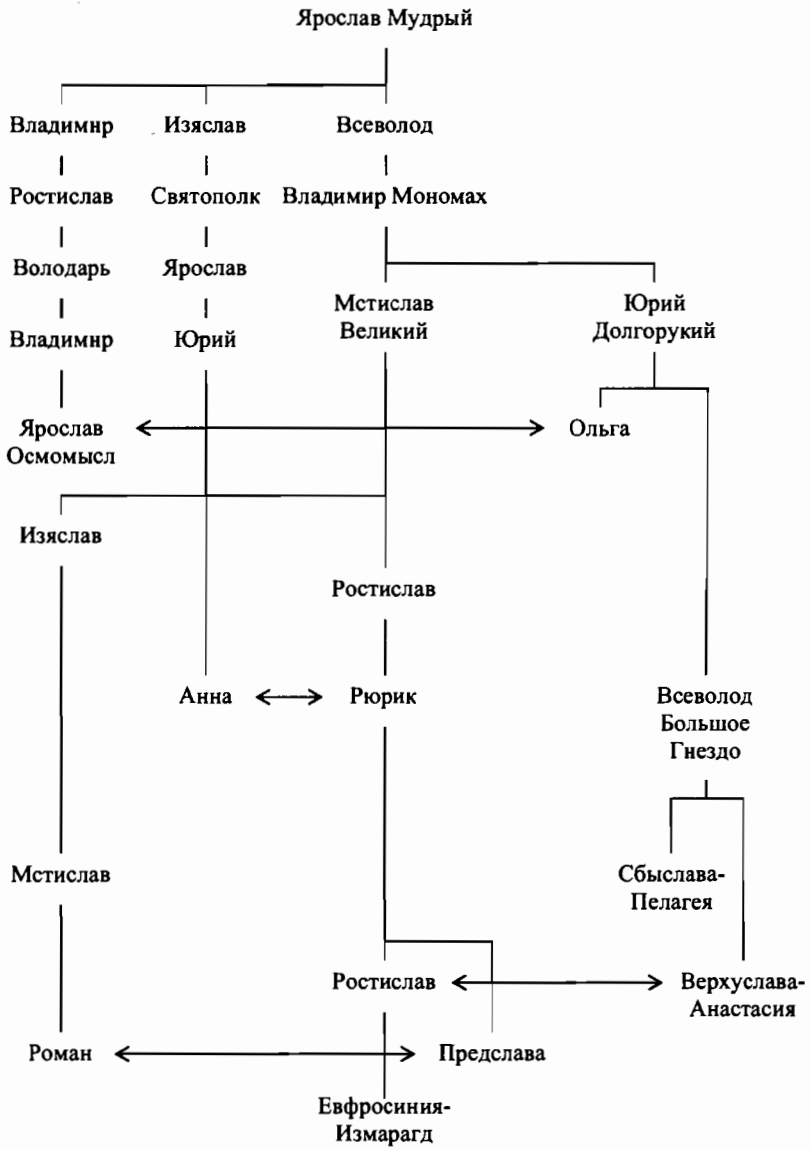

Ярослав Мудрый
Владимир
Изяслав
Всеволод
Ростислав
Святополк
Владимир Мономах
Володарь
Ярослав
Владимир
Юрий
Мстислав Великий
Юрий Долгорукий
Ярослав Осмомысл
Ольга
Изяслав
Ростислав
Анна
Рюрик
Всеволод Большое Гнездо
Мстислав
Сбыслава-Пелагея
Ростислав
Верхуслава-Анастасия
Роман
Предслава
Евфросиния-Измарагд

ТАБЛИЦА № 20

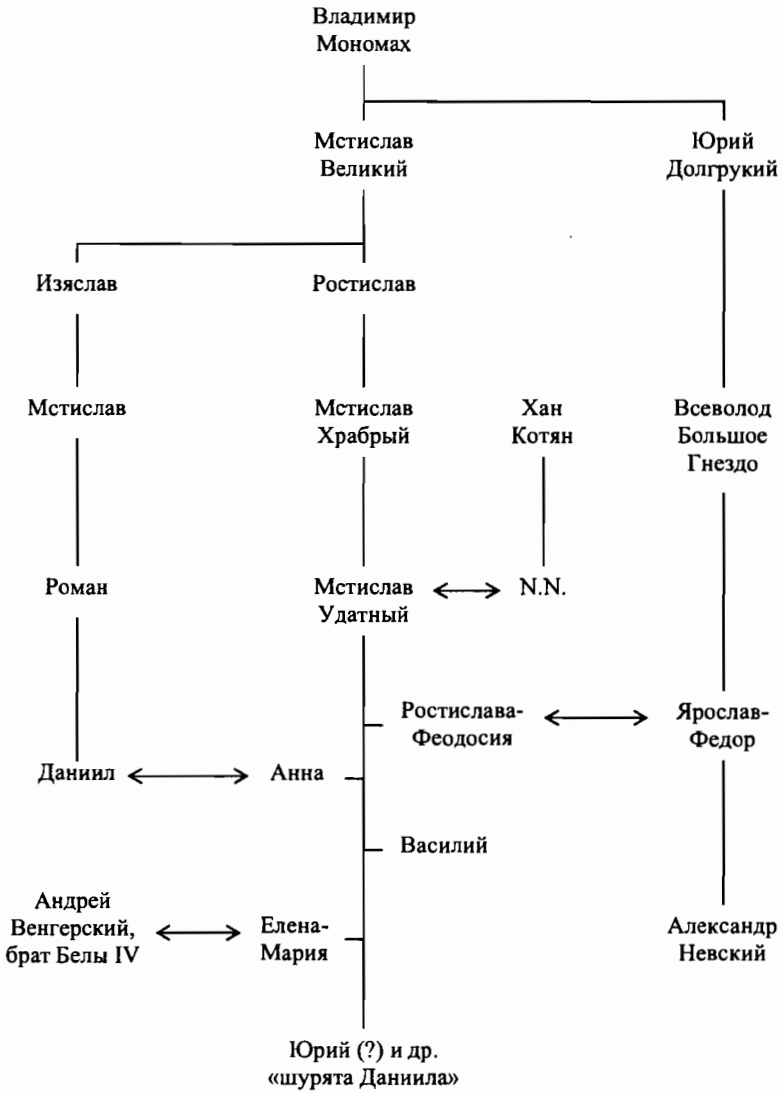

Владимир Мономах
Мстислав Великий
Юрий Долгрукий
Изяслав
Ростислав
Мстислав
Мстислав Храбрый
Хан Котян
Всеволод Большое Гнездо
Роман
Мстислав Удатный
N.N.
Ростислава-Феодосия
Ярослав-Федор
Даниил
Анна
Василий
Андрей Венгерский, брат Белы IV
Елена-Мария
Александр Невский
Юрий (?) и др. «шурята Даниила»

ТАБЛИЦА № 21

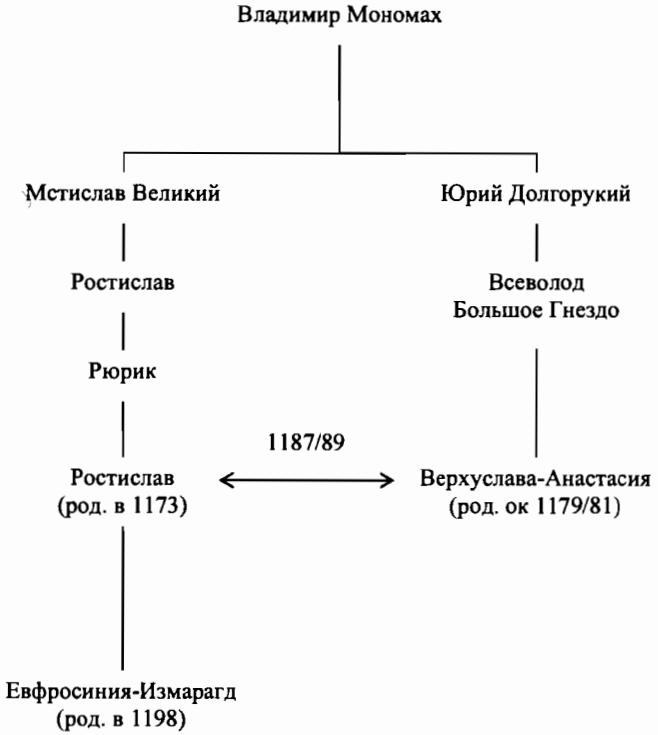

Владимир Мономах
Мстислав Великий
Юрий Долгорукий
Ростислав
Всеволод
Большое Гнездо
Рюрик
1187/89
Ростислав
(род. в 1173)
Верхуслава-Анастасия
(род. ок 1179/81)
Евфросиния-Измарагд
(род. в 1198)

ТАБЛИЦА № 22

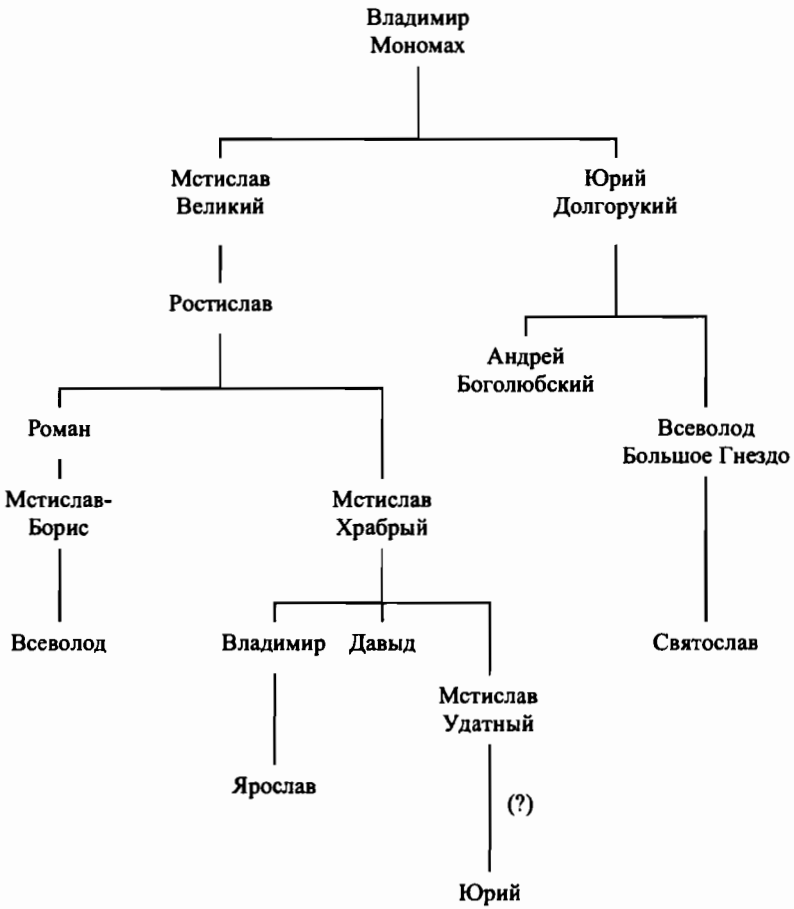

Владимир Мономах
Мстислав Великий
Юрий Долгорукий
Ростислав
Андрей Боголюбский
Роман
Всеволод Большое Гнездо
Мстислав-Борис
Мстислав Храбрый
Всеволод
Владимир
Давыд
Святослав
Мстислав Удатный
Ярослав
(?)
Юрий

ТАБЛИЦА № 23

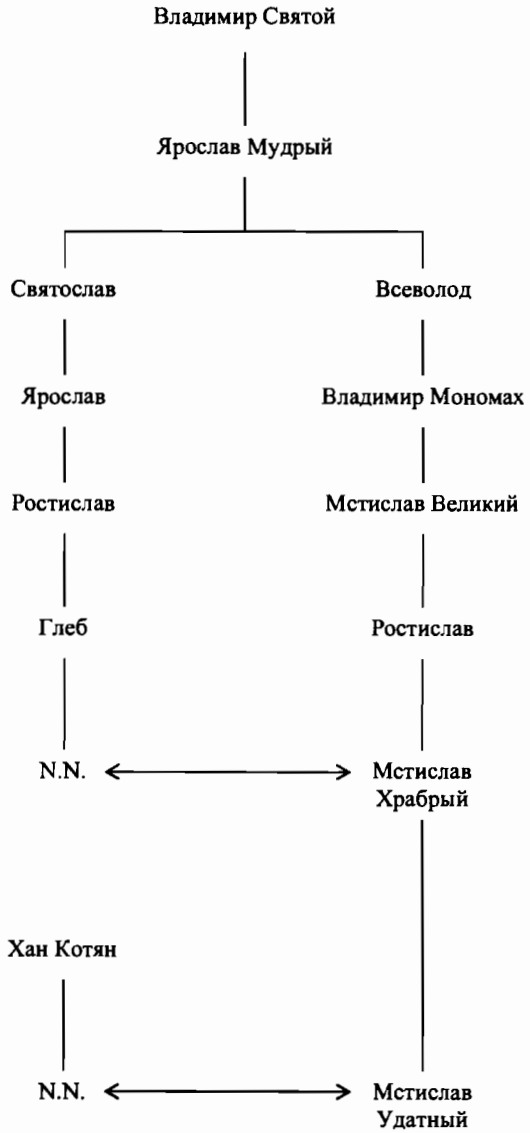

Владимир Святой
Ярослав Мудрый
Святослав
Всеволод
Ярослав
Владимир Мономах
Ростислав
Мстислав Великий
Глеб
Ростислав
N.N.
Мстислав Храбрый
Хан Котян
N.N.
Мстислав Удатный

ТАБЛИЦА № 24

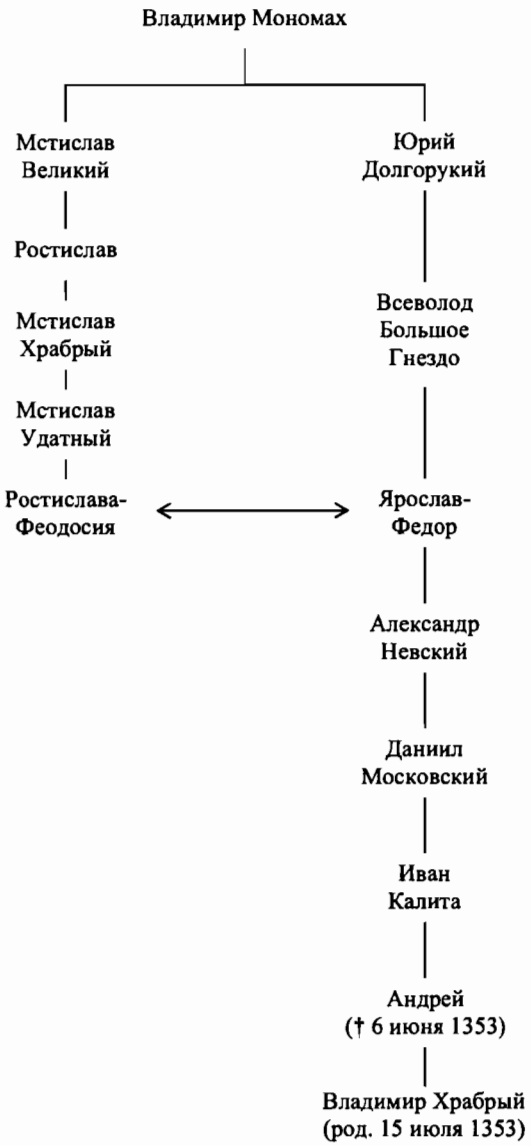

Владимир Мономах
Мстислав Великий
Ростислав
Мстислав Храбрый
Мстислав Удатный
Ростислава-Феодосия
Юрий Долгорукий
Всеволод Большое Гнездо
Ярослав-Федор
Александр Невский
Даниил Московский
Иван Калита
Андрей († 6 июня 1353)
Владимир Храбрый (род. 15 июля 1353)

ТАБЛИЦА № 25

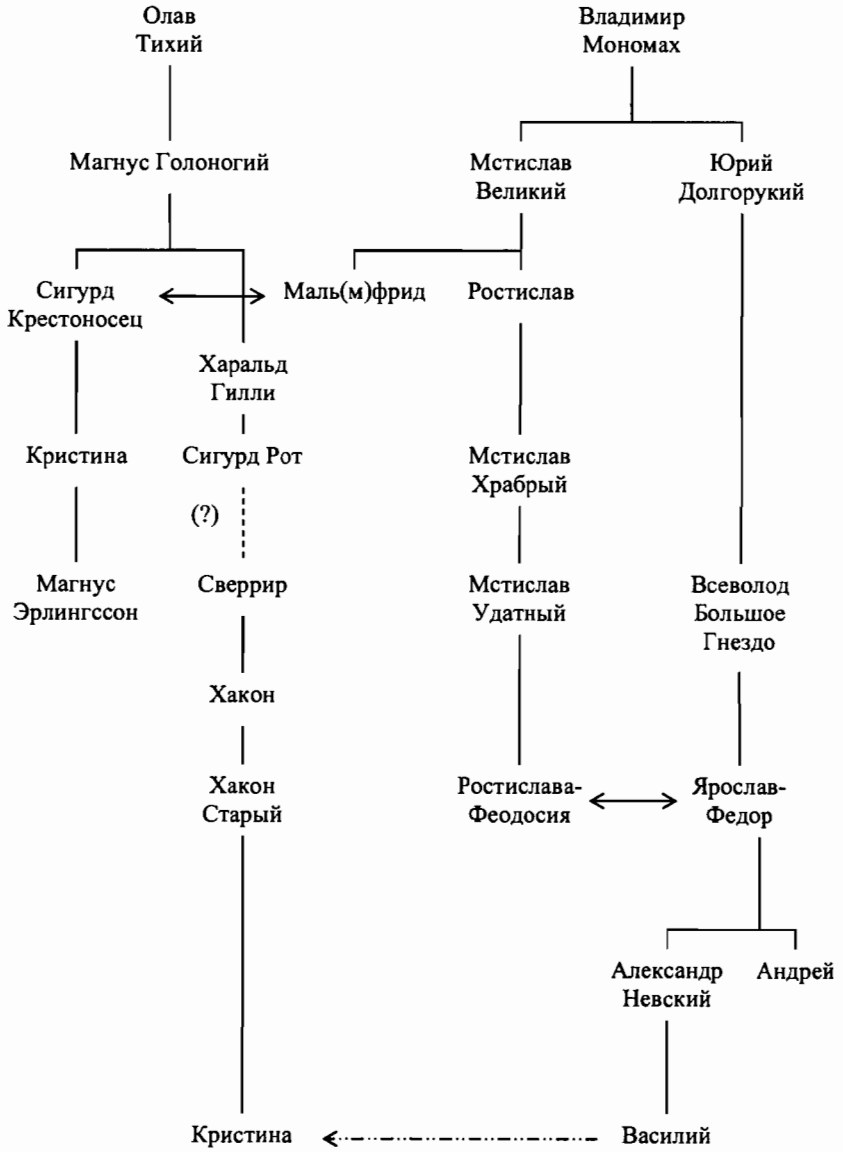

Олав Тихий
Владимир Мономах
Магнус Голоногий
Мстислав Великий
Юрий Долгорукий
Сигурд Крестоносец
Маль(м)фрид
Ростислав
Харальд Гилли
Кристина
Сигурд Рот
Мстислав Храбрый
(?)
Магнус Эрлингссон
Сверрир
Мстислав Удатный
Всеволод Большое Гнездо
Хакон
Хакон Старый
Ростислава-Феодосия
Ярослав-Федор
Александр Невский
Андрей
Кристина
Василий

ТАБЛИЦА № 26

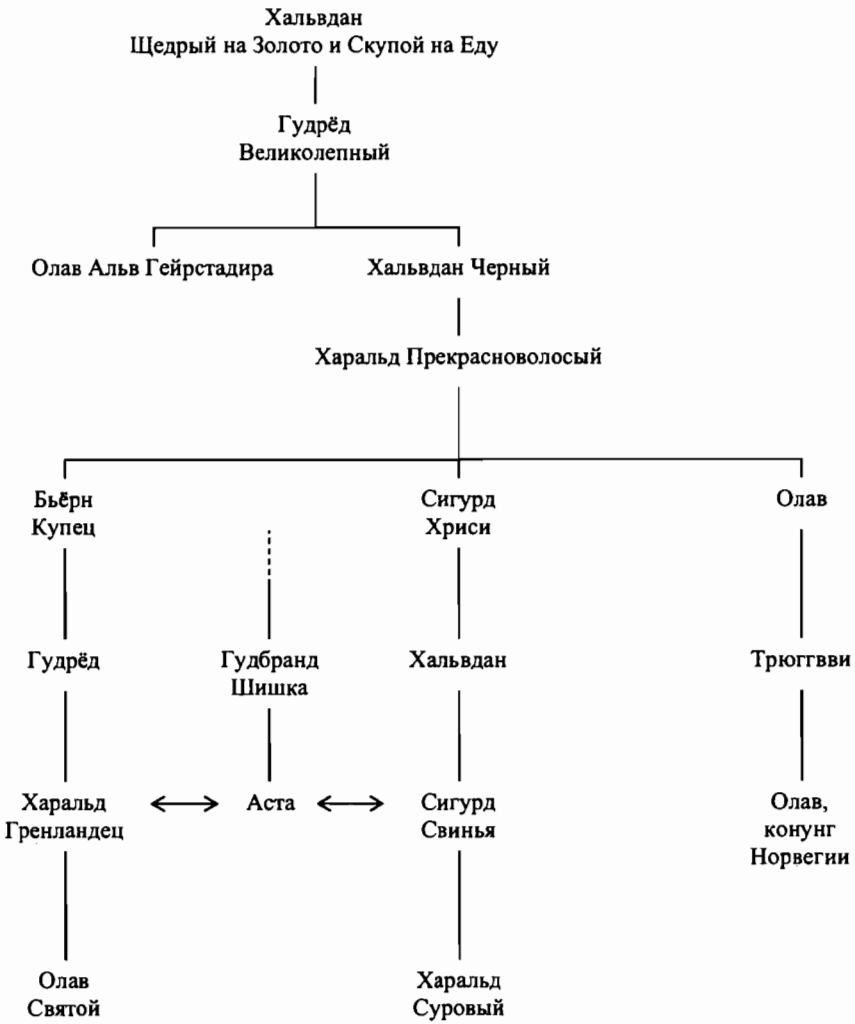

Хальвдан
Щедрый на Золото и Скупой на Еду
Гудрёд
Великолепный
Олав Альв Гейрстадира
Хальвдан Черный
Харальд Прекрасноволосый
Бьёрн
Купец
Сигурд
Хриси
Олав
Гудрёд
Гудбранд
Шишка
Хальвдан
Трюггвви
Харальд
Гренландец
Аста
Сигурд
Свинья
Олав,
конунг
Норвегии
Олав
Святой
Харальд
Суровый

ТАБЛИЦА № 27

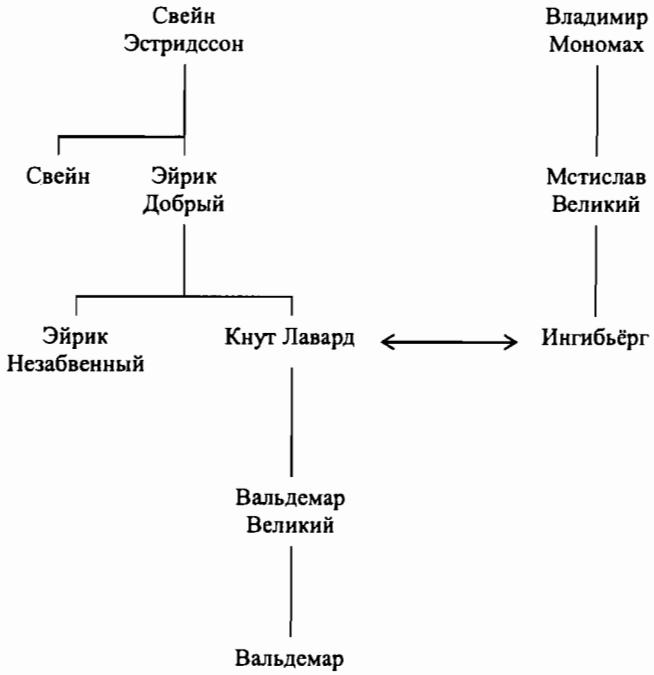

Свейн Эстридссон
Владимир Мономах
Свейн
Эйрик Добрый
Мстислав Великий
Эйрик Незабвенный
Кнут Лавард
Ингибьёрг
Вальдемар Великий
Вальдемар

ТАБЛИЦА № 28

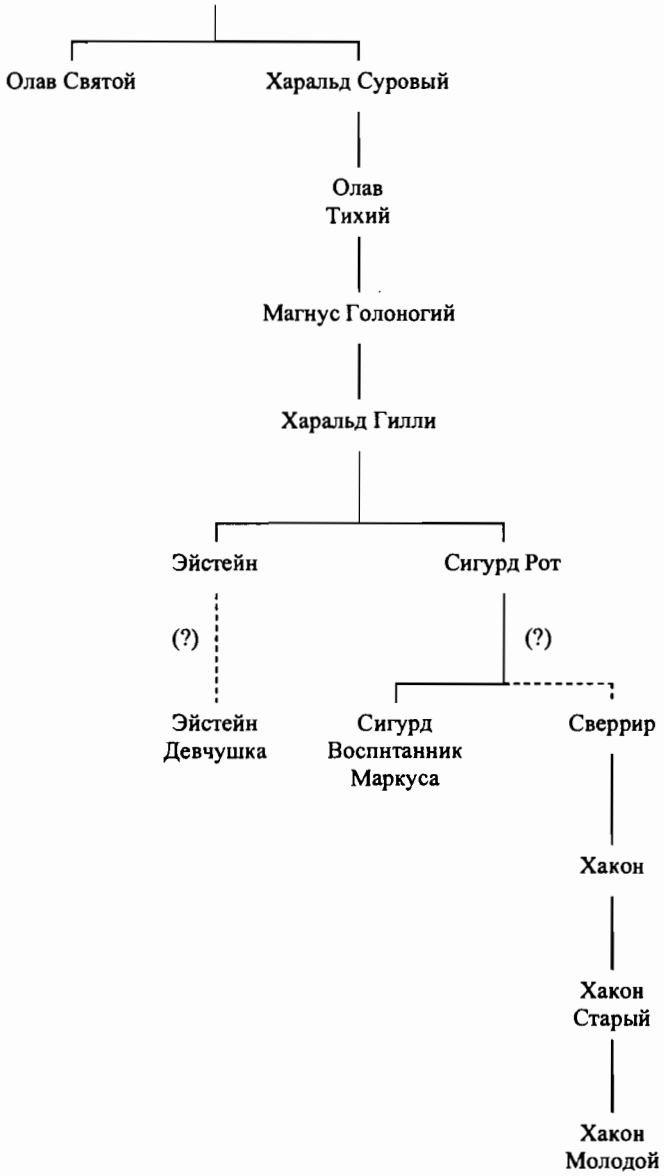

Олав Святой
Харальд Суровый
Олав Тихий
Магнус Голоногий
Харальд Гилли
Эйстейн
Сигурд Рот
(?)
(?)
Эйстейн Девчушка
Сигурд Воспитанник Маркуса
Сверрир
Хакон
Хакон Старый
Хакон Молодой

ТАБЛИЦА № 29

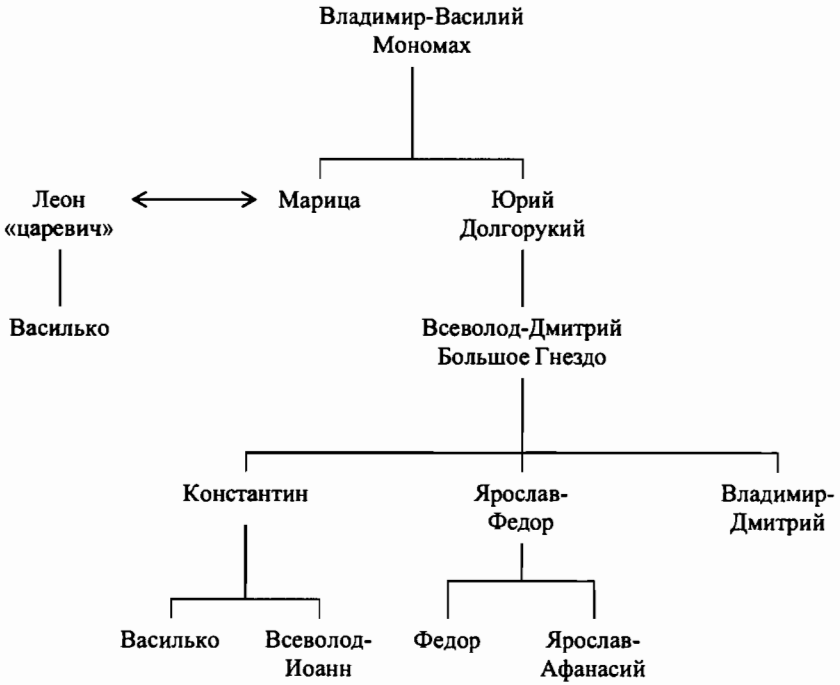

Владимир-Василий Мономах
Леон «царевич»
Марица
Юрий Долгорукий
Василько
Всеволод-Дмитрий Большое Гнездо
Константин
Ярослав-Федор
Владимир-Дмитрий
Василько
Всеволод-Иоанн
Федор
Ярослав-Афанасий

ТАБЛИЦА № 30

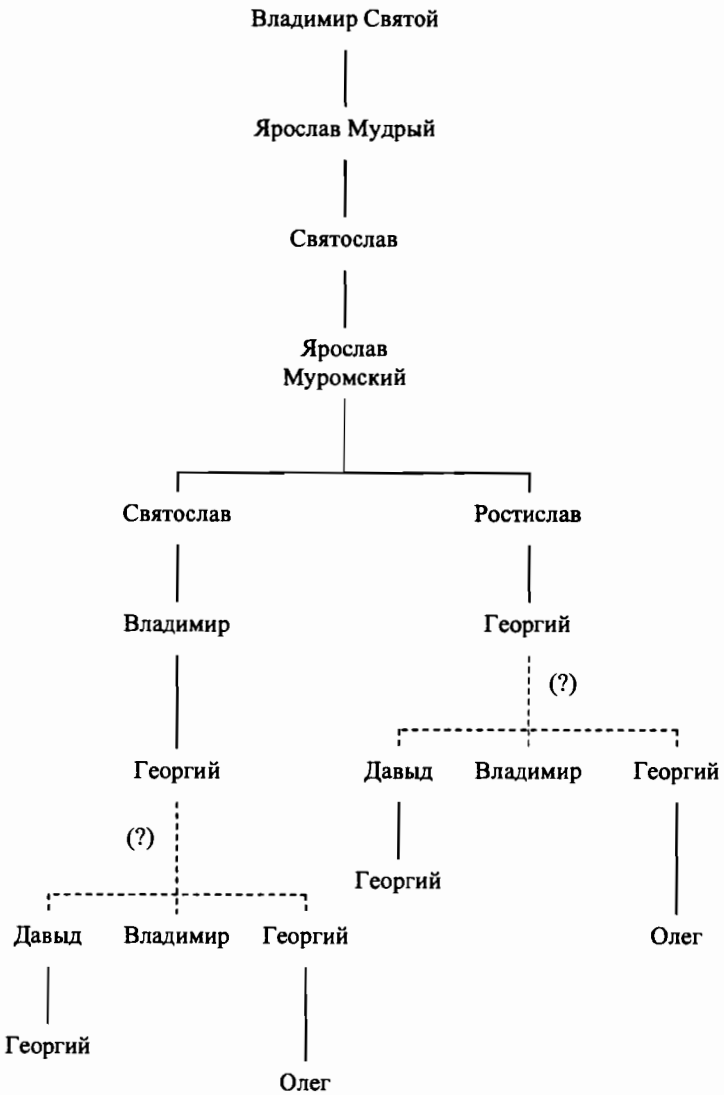

Владимир Святой
Ярослав Мудрый
Святослав
Ярослав Муромский
Святослав
Ростислав
Владимир
Георгий
(?)
Георгий
Давыд
Владимир
Георгий
(?)
Георгий
Давыд
Владимир
Георгий
Олег
Георгий
Олег

ТАБЛИЦА № 31

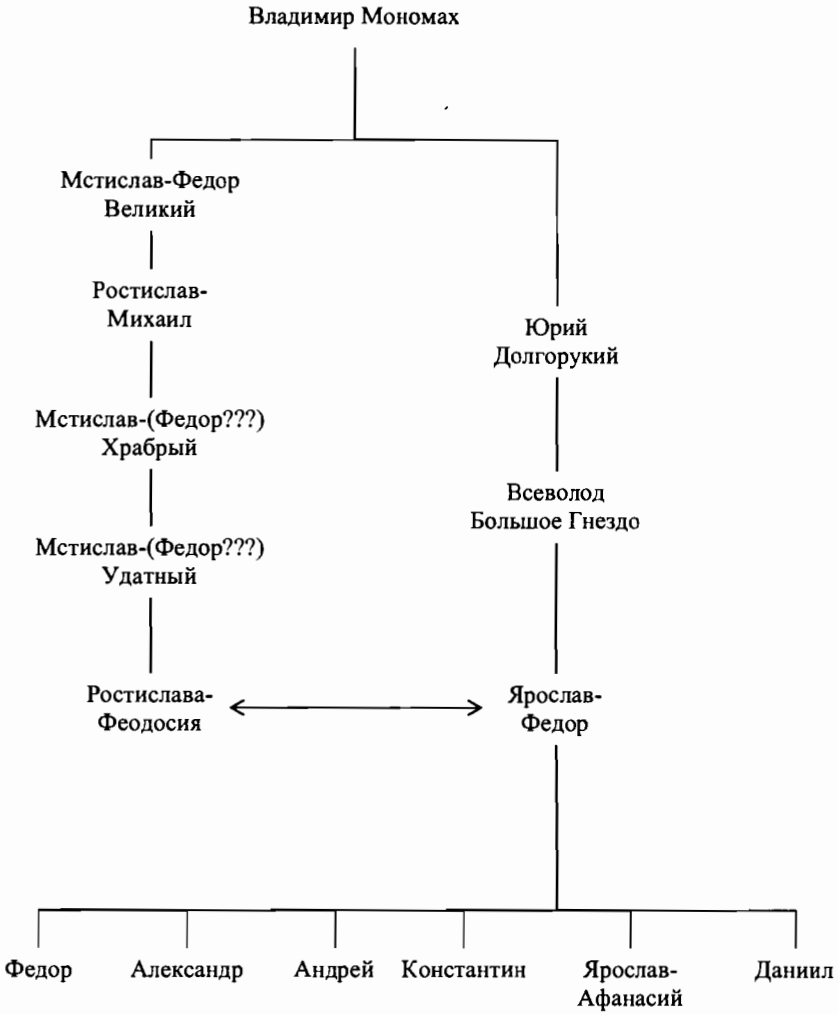
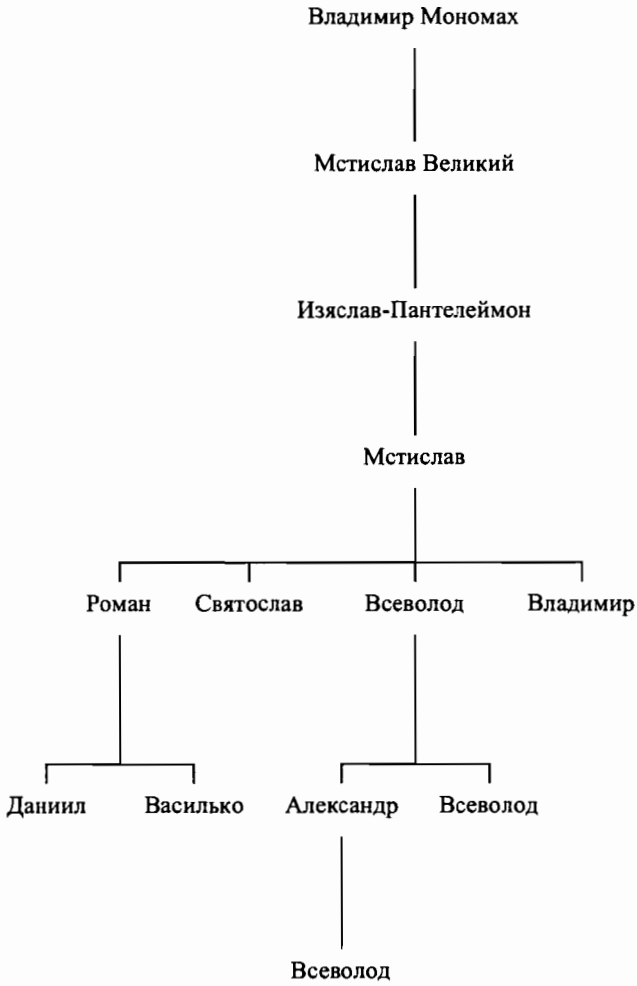

Владимир Мономах
Мстислав-Федор Великий
Ростислав-Михаил
Мстислав-(Федор???) Храбрый
Мстислав-(Федор???) Удатный
Ростислава-Феодосия
Юрий Долгорукий
Всеволод Большое Гнездо
Ярослав-Федор
Федор
Александр
Андрей
Константин
Ярослав-Афанасий
Даниил

ТАБЛИЦА № 32


Владимир Мономах
Мстислав Великий
Изяслав-Пантелеймон
Мстислав
Роман
Святослав
Всеволод
Владимир
Даниил
Василько
Александр
Всеволод
Всеволод

Экскурс 2

Заметки о бытовании отчеств в домонгольской и Московской Руси

Хорошо известно, что к XVI в. в Московской Руси патронимические образования на *–ич* были принадлежностью социальной элиты. Социальная маркированность таких отчеств сохраняется вплоть до XIX в., а, строго говоря, и до наших дней. Право называться с *–вичем* и сейчас свидетельствует о наличии у человека определенного социального статуса. Точно так же хорошо известно, что к XVI в. в Юго-Западной Руси отыменные образования на *–ич* не были социально маркированы и функционировали скорее как фамилии, нежели как отчества. Это противопоставление, как мы знаем, было прекрасно отрефлектировано людьми того времени и вело, например, к утрате человеком права на формант *–ич* при переходе из культурного ареала Юго-Западной Руси в Московскую Русь. Так, существует довольно много примеров, когда люди, именовавшиеся на Украине *Самойловичами*, *Богдановичами*, *Михневичами*, превращались в Москве, соответственно, в *Самойловых*, *Богдановых* и *Михневых*, чтобы их нейтральные родовые прозвища не принимались за почетные отчества[1].

Откуда же возникло подобное отношение к отчествам у русских? Уже ранние переводы греческих текстов разительно отличаются от соответствующих южнославянских текстов наличием в них отчеств — библейские персонажи могут называться в них *Иисус Сирахович* (= Иисус, сын Сираха) или *Евсевий Панфилич* (= Евсевий Памфил)[2]. Каким образом отчества вообще выделились на русской почве в особую группу в системе личных и родовых прозвищ?

В предыдущих работах мы высказали предположение, что отчества как особая категория именования людей складывается на Руси под прямым влиянием патронимической системы скандинавов — варяжских правителей, варяжской дружины. Вкратце повторим наши наблюдения и выводы. В Скандинавии отчество не являлось специальным показателем родовитости и знатности, связь с родом, проявляющаяся в отчестве, была у любого свободного человека. Попадая в родовой мир Руси, пришлые скандинавские правители и дружинники поначалу оказывались в ситуации изолированности от рода: на новой территории имена их родичей никому ничего не сообщали. Сканди-

---

1 См. [Селищев 1968. С. 100–101; Б.А. Успенский 1996–1997. Т. II. С. 220–223, 244–245]. Ср. в этой связи: [Hursky 1960. P. 169–190].

2 См. [Соболевский 1910. С. 162–178].

навский обычай использовать при именовании человека патроним, по-видимому, оказывается значимым, когда появляется следующее поколение — дети варягов, рожденные уже на Руси. У отпрысков князей и дружинников есть патронимы-отчества, и эти отчества понятны их русскому окружению и поддерживаются им. Наличие отчеств оказывается социально маркированным признаком — они есть у тех, кто принадлежит к элите, у князей, их родственников и приближенных скандинавского происхождения. Именно в качестве такого знака элитарности способ именовать с отчеством может заимствоваться и нескандинавским окружением князя. Не существовало культурной несовместимости, которая бы препятствовала распространению такой системы именования; местная элита, по-видимому, легко могла воспринять ее от элиты пришлой. Отчества, подчеркивающие родовитость человека, становятся принадлежностью княжеского окружения в целом — иногда как родовое наследие, иногда как результат подражания. Было показано, что модель регулярного выделения отчества начинает распространяться под влиянием скандинавской элиты, и наличие отчества сразу ассоциируется с элитарностью[3].

Отвлекаясь от вопросов происхождения русских отчеств и переходя к обсуждению специфики их бытования в домонгольской и Московской Руси, необходимо отметить, что с лингвистической точки зрения русские отчества представляют собой такое языковое явление, которое на протяжении многих столетий сохраняет целый ряд присущих ему семантических составляющих. Эти семантические составляющие под влиянием меняющихся социокультурных обстоятельств в разное время проявляются с разной силой, но ни одно из них не исчезает полностью, и все они находятся в распоряжении носителя языка. Отчество не только указывает на связь человека с отцом и обозначает определенный социальный статус. В нем присутствуют коннотации, связанные с глубокой родовой архаикой, коннотации, которые неожиданно легко сочетаются с требованиями административно-бюрократической системы. Отчество на *–ич* генетически может быть соотнесено с именованием человека по роду или по родовыми связям, по этнической принадлежности, по положению в иерархии, по месту рождения или проживания (ср. «вятичи», «немчичи», «княжичи», «тверичи»)[4]. В то же время форму патронима могут принимать бранные или величальные характеристики. Отчеством порой наделяются географические объекты, явления природы, самые различные бытовые предметы и мифологические персонажи. При этом отчества остаются стандартной формой именования человека, образованной с помощью регулярных морфологических показателей.

В предлагаемом экскурсе мы хотели бы рассмотреть некоторые особенности эволюции отчеств в Киевской и Московской Руси, обусловленные его сложными семантическими коннотациями.

---

3 См. подробнее об этом: [Ф.Б. Успенский 2001в; Ф.Б. Успенский 2002. С. 65–110].

4 Подробнее см. [Ф.Б. Успенский 2002. С. 65–110].

Отчества и гипокористика

Отчества связаны с гипокористическими, «уменьшительными» формами уже по своему происхождению. Суффикс *–itji– в славянских языках мог служить одним из способов образования уменьшительных форм и фигурировал в названиях детенышей (ср. «козлищ» наряду с «козля» или «детищ» наряду с «дитя»). Но одной из важнейших функцией этого суффикса становится образование родовых прозваний, на русской почве — отчеств. Обозначение потомка при помощи имени предка (отца или деда), к которому присоединен гипокористический суффикс, в высшей степени соответствует духу родовой традиции: потомок — это воплощение, маленькое подобие предка. Однако на русской почве суффикс –чь– сохраняет способность образовывать уменьшительные формы — не отчества! — от личных имен. Достаточно упомянуть такие уменьшительные формы календарных и некалендарных имен, как Ивачь, Худычь, Добрычь, которые встречаются в новгородских берестяных грамотах и в летописях[5].

Этот способ образования уменьшительных форм от личного имени занимает в языке относительно скромное место, однако остается продуктивным и доныне. Так, от многих имен в современном языке (преимущественно детском) могут быть образованы такие уменьшительные формы, как Димыч, Вовыч, Толяныч, Ромыч и т.д. Любопытно при этом, что ни уменьшительные формы на –чь–, образованные в XI — XII вв., ни современная гипокористика с суффиксом –ыч– не смешивается с соответствующими отчествами, причем дифференциация обеспечивается самой структурой формы. Средневековая гипокористика этого типа образуется от имен Иван, Худына, Добрыня с усечением основы имени. Что же касается современных примеров, то они представляют собой своеобразную «гипергипокористику», т. е. это уменьшительные формы, образованные от уменьшительных имен Дима, Вова, Рома.

Существует группа уменьшительных форм, совпадающих с другим типом русских отчеств. Хорошо известно, что вплоть до XIX в. наряду с формами на –ич употреблялись и формы патронимов на –ов (например, Скуратов, Петров), –ин (Голицын, Куракин, Ильин), а в XI — XIII вв. активно использовались еще и формы с суффиксом –jь (Мстиславль, Всеволожь) — иногда с добавлением слова «сын», иногда без него. Есть некоторые основания полагать, что отчества на –ов, –ин и –jь потенциально ассоциировались с идеей принадлежности, тогда как отчества на –ич — с идеей подобия. При этом в домонгольский период оба типа отчеств употребляются, по-видимому, на равных, их последующая дистрибуция, актуализирующая определенные семантические различия этих форм, происходит позднее, При дворе московских великих князей именно отчества на –ич оказываются признаком знатности и родового полноправия.

---

5 См. [Зализняк 1995. С. 321; Янин, Зализняк 1986. С. 149–150].

Говоря об «омонимии» гипокористики и отчества, можно указать такие формы, как *Сенькин*, *Сашкин*, бытующие в русском языке нового времени. Они не означают принадлежности именуемого самому себе (подобно тому, как *Вовыч* не означает 'сын Вовы'). Появление в русском языке суффикса –*ин* в качестве уменьшительного (*Сенькин* и др.) связано, возможно, с влиянием немецкого уменьшительно-ласкательного –chen (Mariechen / *Марихен* и др.)[6]. Эти формы могли проникать как напрямую из немецкого, так и из идиш. Однако, на наш взгляд, такое заимствование делается возможным благодаря общей смежности, существующей в языке, между отчествами и уменьшительными формами: чужеродный элемент как бы встраивается в уже готовую языковую модель. Показательно при этом, что суффикс –chen распадается в русском на два уменьшительных суффикса, и получающаяся в результате форма оказывается трижды или даже четырежды гипокористической, приобретая несколько иную, нежели в германских языках, семантическую окраску (ср. *Александр —Альхен*, *Александр — Саша — Сашхен* и *Александр — Саша —Сашка — Сашкин*).

Итак, отчества генетически связаны с гипокористическими образованиями и опосредованным образом с ними соотносятся, но, как кажется, с тех пор, как за определенными формантами закрепляется патронимическая функция, между ними и уменьшительными формами в языке производится и определенного рода дистрибуция. При этом система патронимики дает многое для исследования гипокористики в средневековой Руси, а, соответственно, гипокористические формы личных имен помогают в исследовании различных этапов становления русского отчества и принципов именования в целом.

Функции гипокористических форм личных имен в домонгольской Руси существенно отличались от нынешних. Как правило, уменьшительные имена не носили пейоративного, уничижительного характера. Такими именами могли называться князья и знатные люди. В летописях и других источниках широко представлены гипокористические формы от некалендарных, языческих по происхождению имен, а для некоторых лиц, упоминающихся в летописи, уменьшительные формы их имен гораздо более частотны, чем полные. При этом новые для родовой традиции христианские имена нередко осваиваются путем образования от них гипокористических форм. Календарное, новое имя обрастает привычными морфологическими показателями и уподобляется тем самым привычным традиционным именам.

От гипокористических форм мирских и христианских имен в домонгольской Руси свободно образуются отчества: ср., например, именование новгородца Петра Михалковича или дочерей князя Всеволодко Городенского, которые в летописи называются *Всеволодковнами*[7]. Напомним, что наличие отчества уже в ту пору было своеобразным признаком элитарности, хотя ни-

---

6 Устное сообщение Б.А. Успенского.

7 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 317].

каких правил, строго закрепляющих право на отчество за какими-то социальными категориями, по-видимому, не было.

Кроме того, как видно из приведенных выше примеров, в домонгольской Руси отчества на *–ич* могут быть образованы от уменьшительных форм как календарных, так и некалендарных имен[8]. Признаками же появления регламентации в Московской Руси отчества на *–ич* как престижного элемента именования человека становится, с одной стороны, исчезновение отчеств на *–ич* от гипокористических форм и, с другой стороны, исчезновение отчеств на *–ич* от нехристианских имен.

В самом деле, на протяжении XV — XVI вв. у русской знати вполне употребительны некалендарные имена. Вполне распространены и отчества от нехристианских имен (ср., например: *Русин Лихачев сын*, *Малюта Скуратов*), однако они могут образовываться только с помощью суффиксов *–ов* и *–ин*. С помощью суффикса *–ич* отчеств от некалендарных имен, как кажется, начиная с XV в. не встречается[9]. Иными словами, один и тот же человек мог называться *Григорий Лукьяныч* — с отчеством на *–ич*, и *Малюта Скуратов* — с отчеством на *–ов* (от нехристианского имени его отца *Скурат*)[10]. Этот факт находит себе объяснение, на наш взгляд, в следующем обстоятельстве: прирожденным, «естественным» правом называться с отчеством на *–ич* в сложившейся к этому времени иерархической структуре обладали прежде всего князья Рюриковичи и Гедиминовичи. Между тем у Рюриковичей к этому времени уже утрачиваются некалендарные имена, в качестве родовых имен у них уже успели укорениться имена христианские. Система отчеств на *–ич*, с определенного момента сделавшаяся регламентированной привилегией в Московской Руси, подстраивается под вершину иерархической пирамиды — отчества Рюриковичей.

---

8 Если судить по материалам берестяных грамот, у новгородцев доля именований с отчеством по отношению к общему числу упоминаемых имен заметно возрастает от XI к XIV в. При этом отчества, образованные от христианских антропонимов, распространяются позже, чем отчества от имен некалендарных (см. [Зализняк 2004. С. 214–216]).

9 Исключением являются отчества от имен иностранного происхождения. Иногда для имени отца знатного иностранца подбирался аналог в православном месяцеслове (*Андрей Володимерович* = Генрих Штаден, немец-опричник, отца которого звали *Вальтер*) [Штаден 1925. С. 145]. Иногда же отчество непосредственно образовывалось от неправославного имени (*Симеон Бекбулатович*, *Михаил Темрюкович*, *Иван Кельмамаевич* и др.). Ср. [Унбегаун 1971. С. 282].

10 Ср. [Чичагов 1959. С. 44]. Весьма примечательна в этом отношении вкладная запись Иосифо-Волоколамского монастыря, где приводится полное именование Малюты: «...по холопе своем по Григорье по Малюте Лукьяновиче Скуратове» (цит. по: [Флоря 2003. С. 293]). Употребление календарного имени провоцирует появление календарного же отчества, а некалендарное отчество, в свою очередь, сочетается с некалендарным именем. Заметим, что показатель *–ич* появляется лишь при календарном отчестве.

Очевидно, в это же время в Московской Руси становится невозможным и образование отчеств на *–ич* от гипокористических форм христианских имен. Отчества такого рода неоднократно зафиксированы у представителей рода Рюриковичей в XII — XIII вв.: ср., например, *Борисковна*, *Василькович*, *Давыдкович* и т.д. В домонгольской Руси, как уже говорилось, гипокористические формы христианских имен могли регулярно употребляться применительно к князьям и знатным людям и, по-видимому, не имели никакой пейоративной окраски.

Семантика гипокористических форм в ранний период нуждается в дополнительном исследовании. Можно заметить, что в письменных источниках иногда так именуются молодые князья, действующие под властью отца или старшего родича. Не менее важным для использования гипокористики может оказаться наличие у князя более могущественного тезки, живого, а иногда и умершего. Однако функция гипокористики в домонгольской Руси явно этим не исчерпывалась. Употребление подобных форм ни в коей мере не могла считаться зазорной для князя. Ситуативно именование одного из участников коммуникации «полным» именем, а другого уменьшительным, далеко не всегда соответствовало отношению «низшего» и «высшего» в иерархии[11].

К XV же веку гипокористические формы личных имен в документах, целом ряде письменных источников, а, судя по всему, и в официальном быту приобретают отчетливый этикетный характер, они призваны были подчеркнуть зависимый социальный статус именуемого лица. Отчество же на *–ич*, напротив, приобретает этикетное значение показателя высокого социального статуса. Гипокористическое форма и отчество на *–ич* оказываются в некотором смысле «этикетными антонимами». Естественным образом утрачивается возможность образования отчеств на *–ич* от уменьшительных форм имени.

Итак, система отчеств и система гипокористических имен эволюционирует в тесной связи друг с другом. Эта эволюция происходит под давлением социальных требований. Замечательно при этом, что официально-бюрократическая система использует некоторые из изначально присущих разным способам именования коннотации, пытаясь явно элиминировать все остальные.

---

[11] Ср. известный летописный эпизод, когда князь Давыд посылает посла по имени *Василий* к князю Василько Теребовльскому: «да се Василю шлю та иди к Василкови тезу своему» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 265 под 1097 г.]. По предположению А.А. Гиппиуса (устное сообщение), гипокористические формы христианских имен Рюриковичей имели в домонгольский период свою специфику, в определенной степени противопоставляющую князей людям некняжеского происхождения. Речь может идти, например, о двух формах имени *Василий*. Одна из них, *Василь*, встречается в берестяных грамотах, но никогда не применяется к князьям. Напротив, другая — *Василько* — является весьма распространенной и устойчивой для именования Рюриковичей.

Уничижительные отчества

Наряду с официальными, строго регламентированными формами именования человека оставались продуктивными и особые модели «псевдоотчеств», эксплуатирующие другие семантические составляющие, которые присутствовали в патронимических формах на –ич. Отчество на –ич прежде всего указывало на преемственность по отношению ко всему роду отца и, соответственно, бранная характеристика человека по его роду могла принимать форму отчества. Оскорбления такого типа могут служить предметом официальной жалобы-челобитной царю, предметом официального разбирательства.

Так, в середине XVII в. одной из причин тяжбы послужило именование некоего Алексея Чирикова «псаревичем» (а также «псаренком» и «псаревым внуком»)[12]. Любопытно, что коллизия тяжбы балансирует на грани терминологического и бранного значения употребляемых слов. Действительно, «псарь» могло служить обозначением определенной должности, но ни один из тяжущихся и их предков псарем, судя по всему, не был. Тема пса появляется при оскорблении рода, по-видимому, отнюдь не случайно. Оскорбительность выражения заключается в утверждении, что предки оскорбляемого будто бы были псарями, имели дело с псами, а сам он одновременно ведет свою родословную от пса.

Определенную роль здесь также играет почти фольклорное соотнесение и противопоставление лексем «царь» и «псарь» (ср. такие поговорки, как: «Жалует царь, да не жалует псарь»; «Не ведает царь, что делает псарь»; «Воля царю, дать ино и псарю»). В эту парадигму оказывается вовлечено и то обстоятельство, что царю приличествует отчество на –ич, и у сына царя будет своеобразное отчество-титул — царевич. Соответствующее же образование от псаря — «псаревич» — оказывается бранным и издевательским, особенно если учесть известную связь слова «пес» с обсценной тематикой[13].

---

12 См. [Забелин 2000–2001. Т. I. Ч. 1. С. 330–335].

13 О соотнесенности матерной брани с псом как субъектом действия см. [Б.А Успенский. 1996–1997. Т. II. С. 107–140]. Не исключено, что в добавление к рассматриваемым Б.А. Успенским примерам можно указать еще один любопытный случай, когда матерная брань описывается в донесении царю как «призывание собак». Так, в Пискаревском летописце рассказывается, как Иван Грозный созвал в царские палаты своих приближенных и напоил их допьяна. Одновременно царь приказал «их речи слушати и писати тайно». По свидетельству источника, придворные во хмелю принялись «всяким глумлением глумитися: овии стихи пояше, а овии песни вспевати и собаки звати, и всякие срамные слова глаголати» («Не в кое время в таржественной день жаловал царь и великий князь бояр и окольничих, и дворян, и всяких чинов людей и звал на обед и на пир, и жаловал без числа своею царьскою чашою, и чашником безпрестанно носити и поити. И как почали прохлажатися и всяким глумлением глумитися: овии стихи пояше, а овии песни вспевати и собаки звати, и всякия срамныя слова глаголати. И государь царь и великий князь повеле их речи слу-

В качестве еще одного примера такого «антиотчества», оскорбляющее род называемого, можно вспомнить те знаменитые уничижительные эпитеты, которыми обмениваются Рогнеда и Владимир Святой. Как мы помним, Рогнеда отвергает его сватовство, называя Владимира «робичичем» («не хочю розути робичича»), а он, захватив город, овладевает Рогнедой и убивает ее родителей[14]. При этом Владимир называет Рогнеду «робичицей». Любопытно, что бранное «отчество» Владимира связывает его не с отцом (князем Святославом), а с матерью (ключницей Малушей), чье происхождение было сомнительно. Что же касается самой Рогнеды, то ее именование «робичицей» подчеркивает не столько ее новый социальный статус, сколько то обстоятельство, что она лишилась родины и рода, лишилась права на именование по отцу[15].

Вообще говоря, примеры образования на –ич от слов, обозначающих социальный статус или род занятий отца, не столь уж многочисленны, однако в Киевской и Московской Руси они явно могли быть образованы не от любых терминов подобного рода. Чаще всего эти формы фигурируют в тех случаях, когда речь идет о таком статусе, который более или менее регулярно передается по наследству («царевич», «княжич», «попович» и т.п.), или, как в приведенных выше примерах, речь идет об «антиочествах», оскорбляющих род именуемого.

Матронимы

В качестве своеобразных уничижительных отчеств могли фигурировать и матронимы, т. е. отчества, образованные от личного имени матери, а не отца. Подобные образования зачастую подчеркивали отсутствие связи с родом отца, отсутствие родовых прав. Так, незаконнорожденный сын князя Ярослава Осмомысла, которому отец пытался передать галицкий стол в обход старшего, законнорожденного брата, был не принят после смерти Осмомысла галицкими боярами. В летописи он называется Олег Настасьчичь[16], по имени своей матери Настаськи, княжьей наложницы, сожженной галичанами[17].

шати и писати тайно. И наутрея повеле к себе список принести речей их и удивишася о сем, что такия люди разумныя и смиренныя от его царьского сунклита, такия слова простыя глаголюще; и показаше те речи им, и они сами удивишася сему чюдеси») [ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 194]. Здесь, на наш взгляд, описываются разные виды непристойного поведения, в том числе и матерная брань, перифрастически обозначаемая словами «собаки звати».

14 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 299–300].

15 См. [Ф.Б. Успенский 2002. С. 47, 61–62].

16 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 657 под 1187 г.].

17 Матроним от имени Настасья в Ипатьевской летописи не уникален: так, в источнике упоминается вышегородский боярин по имени Василь Настасичь [ПСРЛ. Т. II. Стб. 535 под 1169 г.].

При этом отчества от имени матери могут быть и относительно нейтральным указанием на то обстоятельства, что человек, вопреки общей традиции, более тесно связан с матерью, с материнским родом, чем с родом своего отца. В частности, это происходило в тех случаях, когда его мать оставалась вдовой, а родичи отца по тем или иным причинам не принимали участия в судьбе ее сына. Именно это произошло с одним из внуков Владимира Мономаха, сыном Марицы Владимировны, отданной за византийца, который погиб при неудачной попытке овладеть императорским троном. Этот ребенок вырос на Руси и в летописи может быть назван как *Василько Леоновичем*, так и *Василько Маричичем* (*Маричиничем*)[18]. Употребление патронима *Леонович* и матронима *Маричич* в пределах одной летописной статьи демонстрирует, что Василько не лишен права на связь с отцовским родом. Недаром он именуется не только *Леоновичем*, но и царевичем — его отец декларировал свою принадлежность к византийскому императорскому роду и в летописи также назван царевичем[19]. На русской почве, однако, не менее значима и почетна его связь с материнским родом. Не случайно вместе с отчеством-матронимом в сообщении о его гибели он назван еще и по деду с материнской стороны — «внукъ Володимерь» (Мономах).

Возможность обозначения знатного человека по имени матери возрастает, если, овдовев, та превращалась в самостоятельную политическую фигуру: ср. именование наследников Марфы Борецкой — «Димитрий сын Марфин»[20] и «Феодор Дурень Марфин сын»[21]. В XVI — XVII вв. в целом ряде официальных документов указание на происхождение человека становится практически обязательным элементом, и в этих случаях отчество от имени матери периодически встречаются. Скорее всего, они воспринимались как относительно нейтральные, однако неизменно сохранялась возможность их пейоративного употребления. В самом деле, в традиционной культуре человек, неспособный указать, кто его отец, неспособный апеллировать к отцовскому роду, всегда остается выделенной фигурой. В то же время на русской почве право апеллировать к отцовскому роду путем именования по отчеству остается почетной привилегией. Поэтому появление имени матери там, где надлежало бы стоять имени отца, легко приобретает оттенок уничижения, «антипочетности». Не случайно в русских письменных памятниках именование знатных людей по имени матери весьма редки и всегда обусловлены особыми обстоятельствами.

В Скандинавии же, где патронимом обладал всякий свободнорожденный, обозначение по имени матери с меньшей вероятностью носило пейоративный характер[22]. С одной стороны, здесь незаконнорожденный сын неред-

---

18 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 298 под 1136 г.; Т. I. Стб. 304].

19 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 283 под 1117 г.].

20 См. [ПСРЛ. Т. V. Вып. 2, 55, 182 под 1471 г.].

21 См. [ПСРЛ. Т. V. Вып. 2, 200, 203 под 1475 и 1476 гг.].

22 См. подробнее о матронимах у скандинавов: [Johannessen 2001], с указанием литературы.

ко именовался с патронимом от имени отца. С другой стороны, матроним может использоваться и человеком, рожденным в законном браке, если род был существенно знатнее рода отца. Тем не менее и на скандинавской почве достаточно часто по имени матери называют бастардов, внебрачных детей, не обладающих безоговорочно всей полнотой родовых прав[23]. Знаменитый король Дании — Свейн Эстридссон — именовался, как правило, с матронимом (его мать звали *Эстрид*). По имени матери мог именоваться и король Норвегии, Магнус Слепой, причем конунг Свейн был законнорожденным, тогда как конунг Магнус был рожден вне брака. Аналогичным образом могли называться и знатнейшие люди Скандинавии, рожденные в браке женщинами королевской крови (дочерьми или внучками конунгов).

На этом фоне особенно любопытна одна из датских рунических надписей XI в. Структура младшерунических надписей требовала полного (с именем и отчеством) обозначения того, кто в ней упоминался[24]. В интересующей надписи мы встречаем именование Иисуса как «Христос сын Марии» (**mario sun**)[25], в точности воспроизводящую стандартную формулу имя + патроним, но вместо имени отца здесь приводится имя матери. Разумеется, в именовании Иисуса «сыном Марии» нет ничего неожиданного. Специфика же данного примера скорее заключается во включении имени Богоматери в ряд регулярных отчеств-матронимов. В этой связи естественно вспомнить *Иисуса Сираховича* и *Евсевия Панфиловича* — именование, появляющееся в ранних русских переводах греческих текстов (см. выше).

Итак, образования отчеств от имени матери было возможно и в Скандинавии и на Руси, однако на Руси такая практика имела гораздо меньшее распространение, а сами матронимы порой превращались в уничижительное именование.

К матронимам на *–ич* примыкает еще одна группа именований, которые в строгом смысле слова не являются отчествами (т. е. именованием по отцу), так как не образованы от имен, но уподобляются им по форме и, подобно отчествам, служат для обозначения родовых связей. Мы имеем в виду такие образования, как «сестричич», «братаньна», «строичич», «мачешич», означающие, соответственно, ‘племянник, сын сестры’, ‘племянница, дочь брата’, ‘двоюродный брат, сын дяди по отцу’, ‘неединоутробный брат’.

Эти образования интересны тем, что обозначают выделенные, направленные родовые связи и зависят от той или иной родовой перспективы. Система родовых отношений основана прежде всего на связях между мужчинами, имеющими одного предка. Нередко они могут быть описаны с помощью обобщенной модели: ‘сын — отец — дед’. В рамках этой модели дядя по отцовской линии становится для своих осиротевших племянников отцом, а они для него сыновьями или сыновцами. Ярослав Мудрый может быть назван в

---

23 См. [Ф.Б. Успенский 2001. С. 50–51, 97–98].

24 Ср. [Sørensen 1983. P. 8–12; Sørensen 1984. S. 68–80, 168–171, 191–200].

25 См. [DR. T. I. S. 392. № 347; ср. S. 195. № 157].

конце XII в. дедом всех князей Рюриковичей, ведущих свой род от его сыновей, а они, в свою очередь, называются его внуками. Наряду с подобного рода схемой в языке существовали и возможности более детализированного описания родства в тех случаях, когда эта детализация была актуальна. В частности, подобным детализированным образом могут быть описаны отношения родства, установленного через женщин.

Так, «сестричич» — это племянник, постоянно или ситуативно тесно связанный с родом своей матери, с ее братьями. Отношения, обозначаемые словом «сестричич», актуализируются в том случае, если племянник утрачивает родного отца, или его дядя по материнской линии принадлежит к роду более знатному, чем род его отца, или, наконец, если речь идет о каких-либо обрядах и церемониях, требующих участия родственников по женской линии, прежде всего о заключении брака[26]. Форма на *–ич* от термина родства обусловлена тем, что за «точку отсчета» принимаются те его дядья, для которых он прежде всего — сын своей матери.

Любопытно, что если термин «сестричич» символизирует своеобразный акт принятия в свой род того, кто принадлежит к нему лишь по женской линии, то слово «мачешич» отражает действие в некотором смысле противоположное. Такое прозвище дается Владимиру, младшему сыну князя Мстислава Великого, который, безусловно, принадлежал к роду отца, несомненно, был Мстиславичем[27]. Тем не менее в перспективе его старших единокровных братьев оказывалось существенным, что он сын мачехи, другой жены князя. Для них он в первую очередь сын своей матери, а не их общего отца.

Итак, Московской Русью был унаследован тот элитарный характер отыменных форм на *–ич*, которым они обладали в Киевской Руси. Начиная с XV в.

---

26 Термин «сестричич» весьма устойчив в русской средневековой традиции. Так, в «Повести о болезни и смерти Василия III» сообщается, что на смертном одре великий князь произнес следующие слова: «Да приказываю вамъ своих сестричичев, князя Дмитрия Федоровича Бѣлского с братиею и князя Михаила Лвовича Глинского, занеже князь Михайло по женѣ моей мнѣ племя» [Повесть о болезни и смерти Василия III. С. 32]. См. также грамоту деда Василия III, Василия Темного: «Се язъ Князь Великии Василей Василеевичь, да моя матерь Великая Княгиня Софья, и по приказу мне Великому Князю своего сестричича и моей матере Великой Княгини Софьи внука, Князя Семена Александровича дали есмы…» [АИ. Т. I. № 3].

При заключении брака дочери Всеволода Большое Гнездо главой свадебного посольства является «сестричич» князя по имени *Яков* [ПСРЛ. Т. II. Стб. 658 под 1187 г.]. Вероятнее всего, он был сыном дочери Юрия Долгорукого и человека некняжеского происхождения. В то же время «сестричичем» Всеволода Большое Гнездо летопись называет и князя Владимира Ярославича Галицкого (сына Осмомысла и Ольги Юрьевны) [ПСРЛ. Т. II. Стб. 666 под 1190 г.], который был изгнан из Галича и вынужден был искать помощи у иностранных правителей, используя свое родство с могущественным суздальским князем.

27 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 345 под 1154 г.].

официальная регламентация отчеств наложила заметный отпечаток на их функционирование. Однако сами нормы, закрепляемые этой регламентацией, основывались на таких компонентах семантики родовых именований, которые были намного древнее государственной регламентации. При этом семантика отчеств была существенно богаче, чем предписываемые им значения. Некоторые из нестандартных патронимических форм напрямую противоречили той иерархической идеологии, которая прививалась в Московской Руси. Эти формы (отчества от уменьшительных имен, например) отмирают или, во всяком случае, исключаются из обихода. В то же время регулярные патронимы поддерживают существование целого ряда исторически связанных с ними форм на *–ич* и формируют модель, преобразующую их в своеобразные «антиотчества», «псевдоотчества», «полуотчества», матронимы и т.п. Некоторые примеры таких вовлеченных в орбиту отчества лексических групп мы и попытались рассмотреть в настоящем экскурсе.

Экскурс 3

Два рассказа о Рогнеде, дочери Рогволода Полоцкого

Проблема достоверности средневекового текста, описывающего события, которые далеко отстоят во времени от момента записи, постоянно привлекает внимание исследователей. Между тем не менее любопытен и взгляд самого составителя текста на эту, казалось бы, сугубо источниковедческую проблему. В хронографии известны примеры, когда в составе определенного памятника рассказ об одном и том же событии повторяется дважды. Подобный повтор всегда представляет чрезвычайно ценный материал для историка культуры, так как дает возможность некоторого «бинокулярного» видения. Характер такого видения, разумеется, зависит от характера самого дублируемого сюжета.

Очень интересен в этой связи рассказ о браке Владимира Святого и Рогнеды Рогволодовны, дважды повторяющийся в Лаврентьевской летописи, под 980 и 1128 гг.[1] Рогнеда Рогволодовна была матерью Ярослава Мудрого и прародительницей всех Рюриковичей, держащих русскую землю после Ярослава (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу). История ее брака с Владимиром Святым запечатлена в нескольких летописных версиях. Однако содержание этих свидетельств и в особенности, их сопоставление, вызывает целый ряд вопросов, лежащих как в области истории фактов, так и в области истории литературы.

Говоря об этих версиях, необходимо разделять, во-первых, историческую действительность последней трети X в., когда Рогнеда становится женой Владимира и появляются на свет ее старшие дети, во-вторых, информацию об этих событиях, которой располагал составитель летописного свода на рубеже XI — XII вв., и, наконец, в-третьих, политическую реальность конца 20-х гг. XII в., когда для русских князей становится актуальным именно этот эпизод их династической истории.

Механизмы формирования литературного сюжета в летописной статье 980 и 1128 гг. весьма различны. Версия, помещаемая в летописи под 980 г., существенно меньше уделяет внимания самой Рогнеде. Здесь мы обнаруживаем рассказ о том, как Владимир Святославич — будущий креститель Руси, — выгнав посадников своего единокровного брата Ярополка из Новгоро-

---

[1] Весьма существенно, что в двух других наиболее древних летописных сводах — в Ипатьевской и Новгородской первой летописях — присутствует только один рассказ о Рогнеде. Он помещается под 980 г. и почти буквально совпадает с тем, что мы видим под 980 г. в летописи Лаврентьевской.

да и готовясь к войне с ним, одновременно посылает сватов к дочери полоцкого князя Рогволода — Рогнеде[2].

Киевский князь Ярополк также сватается к Рогнеде. Рогнеда и ее родители отказывают Владимиру, так как полоцкая княжна предпочла ему Ярополка. В то самое время, когда ведутся приготовления к ее браку с Ярополком, Владимир захватывает Полоцк, убивает Рогволода и его сыновей, берет в жены Рогнеду и отправляется походом на Киев, где в это время «затворился» Ярополк. Поход заканчивается его полной победой, убийством Ярополка и единоличным вокняжением Владимира в Киеве. Существенно иметь в виду, что под этим же годом (вне непосредственной связи с историей сватовства) упоминается о том, что Владимир поселил Рогнеду на реке Лыбедь «идеже ныне стоить сельце Предъславино», и у них с Владимиром было шестеро детей, четыре сына (Изяслав, Мстислав, Ярослав, Всеволод) и две дочери (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу).

Таким образом, рассказ о браке Владимира и Рогнеды является в летописной статье 980 г. составной частью более общего повествования о соперничестве двух единокровных братьев, соперничестве, в котором Владимир всякий раз одерживает верх над Ярополком[3]. Повествование о соперничестве братьев, несомненно, принадлежит к числу наиболее распространенных мифологических и литературных сюжетов. В то же время реальность конфликта между Ярополком и Владимиром, как кажется, не вызывает сомнений. Рассказ об их сватовстве к Рогнеде легко может быть соотнесен с многочисленными историями об удачном и неудачном сватовстве, о захвате невесты, о соперничестве женихов. Тем не менее у нас нет оснований говорить о вымысле или литературном заимствовании в тексте, помещенном под 980 г. Речь здесь может идти, скорее, об осмыслении реальных исторических событий в рамках некоторого универсального литературного канона.

Под 1128 г. в Лаврентьевской летописи приводится еще один рассказ о браке Владимира и Рогнеды. Приведем оба летописных фрагмента.

---

2 Летопись сообщает, что Рогволод, так же как и Тур (княживший в Турове), пришел «из заморьа». Достоверность этого свидетельства едва ли может быть поставлена под сомнение. Варяжское происхождение отца Рогнеды подтверждается не только самими их скандинавскими именами (Ragnvaldr и Ragnheiðr), но и той моделью, которая используется при образовании имени дочери от имени отца. Как мы знаем, способ имянаречения, при котором одна из основ двусоставного имени отца повторялась в имени сына или дочери, был широко распространен в Скандинавии X в.

3 Показательно, что разночтения между Лаврентьевской и Ипатьевской летописями в изложении этих событий минимальны. Наиболее существенным, пожалуй, является употребление в списках Лаврентьевской летописи слова «робичичь», которое отсутствует в Ипатьевской. Рогнеда, отказывая послам Владимира, говорит: «не хочю розути робичича, но Ярополка хочю» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 76]. О термине «робичичь» см. подробнее: [Ф.Б. Успенский 2002. С. 47–48, 61–62].

<980 г.> «Приде Володимиръ съ Варѧги Ноѹгороду и реч посадникомъ Ꙗрополчимъ идѣте къ брату моєму и рцѣте єму Володимеръ ти иде[ть] на тѧ пристра[и]ваисѧ противу битъсѧ и сѣде в Новѣгородѣ и посла ко Рогъволоду Полотьску гл҃ѧ хочю поꙗти тъчерь твою собѣ женѣ ѡнъ же реч тъчери своєи хочеши ли за Володимера ѡно же реч не хочю розути робичича но Ꙗрополка хочю бѣ бо Рогъволодъ пришелъ и-заморьꙗ имѧше власть свою в Полотьскѣ а Туры Туровѣ ѿ негоже и Туровци прозва^ша сѧ^ и придоша ѡтроци Володимерови и повѣдаша єму всю рѣчь Рогънѣдину и дъчерь Рогъволожю кнѧзѧ Полотьскаго Володимеръ же собра вои многи Варѧги и Словѣни Чюдь и Кривичи и поиде на Рогъволода в се же времѧ [хотѧху] Рогънѣдь вести за Ꙗрополка и приде Володимеръ на Полотескъ и ѹби Рогъволода и сн҃а єго два и дъчерь єго поꙗ женѣ и поиде на Ꙗрополка и приде Володимеръ Києву съ вои многи и не може Ꙗрополкъ стати противу и затворисѧ Києвѣ с людми своими...»[4].

<1128 г.> «О си^х^ же Всеславичих сице єсть ꙗко ск^а^заша вѣдущии пре^ж^ ꙗко Роговолоду держащю и владѣющю и кнѧжащю Полотьскѹю землю а Володимеру сущю Новѣгородѣ дѣтьску сущю єще и погану и бѣ ѹ него [ѹи єго] Добрына воєвода и храборъ и нарѧденъ мужь сь посла к Роговолоду и проси ѹ него дщере [єго] за Володимера ѡн же реч дъщери своєи хощеши ли за Володимера ѡна же реч не хочю розути робичича но Ꙗрополка хочю бѣ бо Роговолодъ перешелъ изъ заморьꙗ имѣꙗше волость свою Полтескъ слышавше же Володимеръ разгнѣваса ѡ тои рѣчи ѡже реч не хочю ꙗ за робичича пожалиси Добрына и исполнисѧ ꙗрости и поємше вои [и] идоша на Полтескъ и побѣдиста Роговолода Рогъволодъ же вбѣже в городъ и приступивъше к городу и взѧша городъ и самого [кн҃зѧ Роговолода] ꙗша и жену ѥго и дщерь ѥго и Добрына поноси ѥму и дщери ѥго нарекъ єи робичица и повелѣ Володимеру быти с нею пре^д^ ѡц҃мь єꙗ и мт҃рью пото^м^ ѡц҃а єꙗ ѹби а саму поꙗ женѣ и нарекоша єи имѧ Гориславa и роди Изѧслава поꙗ же пакы ины жены многы и нача єи негодовати нѣколи же єму пришедшю к неи и ѹснувшю хотѣ и зарѣзати ножемь и ключисѧ єму ѹбудитисѧ и ꙗ ю за руку ѡна же реч сжалиласи бѧхъ зане ѡц҃а моєго ѹби и землю ѥго полони мене дѣлѧ и се нынѣ не любиши мене и съ младенце^м^ симь и повелѣ єю ѹстроитисѧ во всю тварь ц^с^рьскую ꙗкоже в дн҃ь посага єꙗ и сѣсти на постели свѣтлѣ в храминѣ да пришедъ потнеть ю ѡна же тако створи и давши же мечь сынови своєму Изѧславу в руку нагъ и реч ꙗко внидеть ти ѡц҃ь рци выступѧ ѡч҃е ѥда ѥдинъ мнишисѧ ходѧ Володимеръ же реч а хто тѧ мнѣлъ сдѣ и повергъ мечь свои и созва болѧры и повѣда и^м^ ѡни же рекоша ѹже не ѹбии єꙗ дѣтѧти дѣлѧ сего но въздвїгни ѡтчину єꙗ и даи єи с сыно^м^ своимъ Володимеръ же ѹстрои городъ и да има и наре^ч^ имѧ городу тому Изѧславль и ѿтолѣ мечь взимають Роговоложи внуци противу Ꙗрославли^м^ внуко^м^»[5].

---

4 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 75–76].

5 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 300–301].

Статья 1128 г. заканчивается упоминанием внуков Ярослава Мудрого, а в статье 980 г., вслед за процитированным только что свидетельством, приводится рассказ о взятии Киева, убийстве Ярополка, о происхождении Святополка Окаянного[6] и о единоличном княжении Владимира на Руси. Таким образом, статья 1128 г. повторяет из всего содержания статьи 980 г. лишь рассказ о Рогнеде.

Мотивировка вторичного обращения к давно минувшим (и уже изложенным в своем месте) событиям, вообще говоря, указывается в самом летописном тексте. У летописца возникла необходимость объяснить вражду Мстислава Великого (праправнука Владимира Святого) с полоцкими князьями, вражду, приведшую к изгнанию последних из Полоцка в Византию. В свидетельстве 1128 г. это противостояние объясняется генеалогическими причинами. Полоцкие князья именуются здесь «Роговоложи внуци», а Мстислав и его родичи, соответственно, внуками Ярослава Мудрого.

Однако очевидная несообразность подобного объяснения явствует из текста самой Лаврентьевской летописи. И Изяслав, родоначальник полоцких князей, и Ярослав Мудрый являются сыновьями Владимира Святого от Рогнеды, о чем в летописи сообщается дважды (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу). Более того, в летописной статье под 1000 г., говорящей о смерти Рогнеды Рогволодовны, из всех сыновей упомянут один Ярослав Мудрый:

«...престависа и Рогнѣдь м^а^ти Ꙗрославла»[7].

Ярослав Мудрый (точно так же, как и Изяслав Полоцкий) был родным внуком полоцкого князя Рогволода. Стало быть, все потомки Ярослава имели решительно столько же оснований именоваться «Роговоложи внуци», как и потомки Изяслава, полоцкие князья[8]. Автор статьи 1128 г. не мог не знать об этом — он располагал всем предшествующим списком летописи и в своем рассказе напрямую ссылается на «предшественников» (ср. открывающую рассказ о Рогнеде «метатекстовую» ремарку «...ꙗко сказаша вѣдущии пре^ж^...»), цитирует статью 980 г.[9]

---

6 Известно, что Святополк был сыном «двух отцов», Ярополка и Владимира. В летописи рассказывается, что Владимир «залеже жену братьню Грекиню и бѣ непраздна ѿ неꙗже родиса Ст҃ополкъ» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 78]. О возможном параллелизме сюжета об этой Грекине и о Рогнеде см. [Членов 1979. С. 37–38].

7 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 129; Т. II. Стб. 114].

8 Любопытно, что автор статьи 1128 г. отчасти стремится представить конфликт полоцких князей и потомков Ярослава Мудрого как конфликт двух разных линий родства по женской линии. Оскорблен отказом Рогнеды был не только Владимир, но и его дядя с материнской стороны (уй) Добрыня, чья сестра, мать Владимира, объявлялась тем самым рабыней, лишенной рода (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу). В определенном смысле оскорблениями обмениваются род будущей жены и материнский род русского князя. При этом они являются общими предками всех без исключения Рюриковичей, действовавших в начале XII в.

9 Как показал А.В. Рукавишников, утверждение о том, что статья 1128 г. содержит первоначальную редакцию известий о сватовстве Владимира, не имеют под со-

Итак, на Руси это один из первых наглядных примеров переписывания истории в идеологических целях. Слово «переписывание» может быть употреблено здесь как в переносном, так и в прямом значении, поскольку составитель текста отчасти буквально переписывает свидетельство, и без того присутствующее в летописи под 980 г., но при этом исключает из него некоторые детали и обогащает множеством новых. Какие же трансформации претерпевает текст в результате его обработки?

С одной стороны, отходит на периферию, почти вовсе исчезает потерявший актуальность мотив соперничества братьев, Владимира и Ярополка, соперничество за власть, соперничество за невесту. Утрачиваются упоминания о захвате Владимиром Новгорода и Киева. Что еще более существенно, из рассказа о захвате самого Полоцка исключается свидетельство о том, что Рогнеду уже собирались «вести за Ярополка». О факте сватовства Ярополка можно лишь догадываться по его единственному упоминанию в словах Рогнеды:

«...не хочю розути робичича, но Ярополка хочю».

Цитируя отказ Рогнеды, летописец буквально воспроизводит фрагмент текста 980-г. С другой стороны, рассказчик вводит несколько новых мотивов. Укажем те из них, которые, на наш взгляд, являются наиболее значимыми. Во-первых, появляется мотив попытки отмщения Рогнеды Владимиру. Во-вторых, в рассказ о взятии Полоцка и убийстве полоцких князей вводится мотив ритуального оскорбления Рогнеды, публичного надругательства над ней[10]. И, наконец, в-третьих, в этом свидетельстве мы находим и довольно необычный мотив переименования, наречения Рогнеды новым именем. Таким образом, рассказ о Рогнеде, помещенный под 1128 г., обладая литературной цельностью и выдержанностью, по своему составу, вопреки мнению ряда исследователей[11], отнюдь не однороден. Он представляет собой очевидную компиляцию рассказа из летописной статьи 980 г. и еще нескольких сюжетов.

Рассмотрим первый из указанных выше «новых» мотивов. В летописной версии XII в. рассказ о мести Рогнеды занимает примерно половину всего повествования о ней, тогда как в рассказе 980 г. он попросту отсутствует. Причины появления этого сюжета в статье под 1128 г., как кажется, вполне понятны: он призван объяснить изначальную разделенность и непримиримость вражды между полоцкими князьями и остальными Рюриковичами. Сама история Рогнеды отчетливым образом распадается в статье 1128 г. на две

бой никаких фактических оснований [Рукавишников 2002. С. 40–45]; ср. [Рукавишников 2003]. Предположение же А.А. Шахматова о многочисленных перестановках и изменениях, имевших место в отношении этого фрагмента текста, строятся на чисто умозрительных основаниях и скорее противоречат структуре самого текста [Шахматов 1908. С. 173–175, 249].

10 Подробнее об этой сцене см. [Членов 1979. С. 36–43]. О браке Владимира и Рогнеды см. также: [Соколов 1923. С. 69–122]. Ср. также: [Simek 2001. P. 238–240].

11 См. [Довнар-Запольский 1891. С. 70; Рыдзевская 1978. С. 213–214].

части — сватовство и брак, с одной стороны, и последовавшая несколько лет спустя месть Рогнеды, с другой. Что же могло послужить источником для появления этой новой темы, темы мести?

Мотив мести женщины мужу за гибель ее отца и братьев затрагивает одну из самых животрепещущих для родовой традиции проблем, связанную с переходом женщины из одного рода в другой при замужестве, с принадлежностью ее детей к роду отца или к роду матери. Необходимо учитывать, что при всей важности этой проблемы ее отражение в преданиях и литературных текстах нельзя считать явлением универсальным для любой европейской культурной традиции. Далеко не всегда воплощения подобного мотива у разных народов обусловлены обращением к архаическому пласту культуры. Речь может идти, по-видимому, и об обмене литературными сюжетами.

В этом отношении весьма интересно совпадение сюжета о мести Рогнеды и соответствующих сюжетов в «Круге Земном» («Сага об Инглингах» и «Сага об Олаве Трюггвасоне»), совпадение, на которое указала еще Е.А. Рыдзевская[12]. В «Саге об Инглингах» конунг Гудрёд посватался к Асе и, получив отказ, с войском подступил к усадьбе конунга Харальда, ее отца (см. табл. № 2 к настоящему экскурсу). Он убил Харальда и его сына Гюрда и взял в жены Асу. У них родился сын по имени Хальвдан. Когда их сыну исполнился год, Аса подослала к Гудрёду своего слугу, и тот, когда стемнело, заколол его копьем[13]. Месть Асы увенчалась полным успехом, что отличает этот рассказ от повествования о Рогнеде. После гибели своего мужа Аса уезжает вместе с сыном в ту область, которой владел ее отец, тогда как в статье 1128 г. Рогнеде и ее сыну Изяславу достается построенный для них Владимиром в полоцкой земле город Изяславль. Эти два сюжетных отрезка, таким образом, отчасти совпадают.

В свою очередь, в «Саге об Олаве Трюггвасоне» рассказывается, что после того как люди конунга убили Ярнскегги, не желавшего принимать христианство, родичи и сторонники убитого были вынуждены примириться с Олавом. В частности, крестившись и получив выкуп за Ярнскегги, они отдали его дочь Гудрун в жены Олаву. В свадебную ночь Гудрун попыталась заколоть спящего Олава кинжалом, но он проснулся и остановил ее[14]. Попытка мести, закончившаяся неудачей, сближает рассказ о Гудрун и рассказ о Рогнеде. Кроме того, в обоих текстах правитель, избегнувший смерти, рассказывает о случившемся своим приближенным[15].

---

12 См. [Рыдзевская 1978. С. 209–215].

13 См. [Hkr. Bnd. I. Bls. 81–83; КЗ. С. 36–37]. Сюжет о смерти конунга Гудрёда присутствует и в латиноязычной «Истории Норвегии», но ничего не сказано о причинах, по которым его жена подсылает к нему убийцу [MHN. P. 103].

14 См. [Hkr. Bnd. I. Bls. 387; КЗ. С. 141–142].

15 Ср. проделанное Е.А. Рыдзевской текстологическое сопоставление этого фрагмента из саги и отрывка из летописной статьи 1128 г.: «Неколи же ему пришедшю к неи и уснувшю, хоте и зарезати ножемь. И ключися ему убудитися и я ю за руку… и

Не исключено, что рассказ Снорри о мести Гудрун Олаву непосредственно связан с кругом повествований о другой Гудрун, погубившей конунга Атли, в частности, со сценой убийства Атли, когда Гудрун закалывает его, мстя ему за смерть своих братьев. Совпадение имен двух персонажей из различных текстов может нередко провоцировать повествователя на перенесение отдельных связанных с ними мотивов из одного рассказа в другой.

Показательно, что в «Саге об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда, написанной раньше, чем «Круг Земной», нет аналогичного рассказа о мести Гудрун, дочери Ярнскегги. Точно так же, в висе Тьодольва из Хвинира, на которой Снорри строит свой рассказ в «Саге об Инглингах», ничего не сообщается ни о гибели отца Асы, ни о ее сыне Хальвдане, ни о каких-либо причинах мести. Вспомним еще раз, что в летописном рассказе под 980 г. также отсутствует сюжет мести Рогнеды.

Можно предположить, что в скандинавской, а, возможно, и в скандинаво-русской среде складывается некоторый стереотипизированный способ построения сюжета о мести женщины. Такой сюжет может включать в себя гибель родичей девушки, ее брак с погубителем отцовского рода, рождение у нее сына и собственно ее месть мужу. Существует, таким образом, возможность, что в преданиях, содержащих какие-либо элементы этого сюжета, при новом пересказе или при записи весь стереотипизированный сюжет может быть достроен, развернут целиком. Иными словами, прежде существовавшая виса или летописная статья, при необходимости обогатить ее, дополнялась событиями, укладывающимися в рамки определенной сюжетной формулы.

Оправданно ли говорить о каком-либо единстве скандинаво-русского культурного пространства в конце 20-х гг. XII в.? На наш взгляд, на это есть вполне достаточные основания. Как известно, именно со временем Мстислава Великого связано очередное усиление контактов со Скандинавией. Естественно предположить, что при дворе этого русского князя, который был сыном английской принцессы Гиды и мужем шведской принцессы Кристины (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу), мог быть известен целый ряд рассказов, содержащих интересующую нас сюжетную формулу. Разумеется, речь вовсе не обязательно может идти об упоминавшемся выше фрагменте «Саги об Инглингах» или о рассказе об Олаве и Гудрун, тем более что у нас нет достаточных оснований утверждать, что к началу XII в. эти скандинавские предания приобрели именно такую форму. И все же именно в эту пору и именно в связи с Владимиром Святым могли оживать различные версии рассказов об Олаве Трюггвасоне, который, как известно, рос при дворе князя Владимира. Несомненно, актуальной для шведки Кристины были и генеалогические предания об Инглингах.

созва боляры и поведа им»; «И в первую ночь, когда они лежали вместе, как только конунг заснул, она замахнулась <на него> ножом и хотела нанести ему удар. И когда конунг это заметил, он отнял у нее нож и встал с постели, и пошел к мужам своим и говорит, что случилось» [Рыдзевская 1978. С. 211].

Впрочем, для актуализации сюжетной формулы о мести женщины мужу за гибель своего рода могли быть и другие, вполне «литературные» основания. Так, в X — XI вв. версия о гибели Атиллы от руки женщины, мстящей за своих родичей, становится едва ли не общим местом в различных латиноязычных сочинениях [16]. Трудно сказать, насколько сами эти сочинения были известны Гиде или Кристине, а тем более их русскому окружению, но они, как это нередко происходило в Средневековье, могли послужить основой для придворных пересказов и преданий, эксплуатирующих все ту же сюжетную формулу.

Итак, к 1128 г. существовал, по-видимому, некий «фонд» рассказов о том, как женщина, выданная замуж против своей воли и успевшая родить сына, мстит мужу-правителю за гибель своих родичей, т. е. рассказов, построенных в соответствии с одним сюжетным клише. Этим сюжетным клише и воспользовался, по-видимому, автор летописной статьи 1128 г., «достраивая» к сообщению об убийстве Рогволода и браке его дочери с Владимиром Святым от 980 г. эпизод о мести Рогнеды.

Разумеется, не стоит преувеличивать меру стереотипизированности подобных рассказов. Так, в интересующем нас повествовании о Рогнеде гибель отца и захват его земель является лишь одной из причин мести Рогнеды. В качестве же другой причины называется последующее пренебрежение Владимира, заведшего множество других жен. Судя по тексту 1128 г., Рогнеда обращается к нему со словами:

«...сжалиласи бѧхъ зане ѡц҃а моѥго ꙋби и землю ѥго полони мене дѣлѧ и се нынѣ не любиши мене и съ младенцеᵐ симь» [17].

Подобный поворот сюжета весьма примечателен. В древнейших русских летописях мы не находим никаких аналогий такой реплике. Вообще непубличные, частные отношения князя со своей женой, тема любви и измены в княжеской семье — все эти куртуазные детали встречаются в летописных описаниях событий домонгольской эпохи исключительно в истории Владимира и Рогнеды.

Столь резкое отличие этого вставного сюжета от общего стиля повествования летописи о родовых коллизиях в княжеской семье заставляет предположить его «литературное» происхождение. Если же допустить, что в его основе лежало какое-либо устное предание (бытовавшее, скажем, в русско-варяжской среде), бросается в глаза, что никогда более предание с подобного рода любовной интригой в русскую летопись не попадает. Тема измены теснейшим образом связана в статье под 1128 г. с темой тяжкого оскорбления, которое Владимир наносит Рогнеде. Напомним еще раз, что в статье под 980 г. речь идет о том, что в результате военного похода и убийства полоцкого князя его дочь достается Владимиру в жены. Никакого сознательного оскорбления и поношения рода ее отца здесь не присутствует.

---

16 См. [Ганина 1996. С. 21].

17 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 300].

Таким образом, мы переходим к рассмотрению еще одного интересующего нас мотива, появляющегося в более поздней версии рассказа о Рогнеде. Речь снова пойдет о мести, но на этот раз о мести уязвленного жениха. В статье же от 1128 г. Владимир воспринимает отказ Рогнеды от брака с ним не как простое предпочтение его брата Ярополка, но как умышленное оскорбление:

«...слышавше же Володимеръ разгнѣвасѧ ѡ тои рѣчи ѡже ре^ч^ не хочю ꙗ за робичича» [18].

Поход на Полоцк организуется в этом случае исключительно ради отмщения, в некотором смысле ради нанесения оскорбления Рогнеде, Рогволоду и всему их роду. Это оскорбление отчасти носит ритуальный характер, поношение рода, лишение его чести связано с насилием над девушкой на глазах ее родителей:

«...и взѧша городъ и самого [кн҃зѧ Роговолода] ꙗша и жену ѥго и дщерь ѥго и Добрына поноси ѥму и дщери ѥго нарекъ єи робичица и повелѣ Володимеру быти с нею пре^д^ ѡц҃мь єꙗ и мт҃рью пото^м^ ѡц҃а єꙗ ѹби а саму поꙗ женѣ...» [19].

Совершается, таким образом, своего рода обмен оскорблениями, публичное насилие над девушкой становится своеобразной кульминацией этого обмена [20].

Едва ли такое развитие сюжета может быть целиком объяснено архаическим ритуалом, связывающим овладение городом с овладением девушкой. В интересующем нас фрагменте оскорбление девушки и ее рода является в определенном смысле первичной задачей, тогда как овладение городом остается лишь «средством», хотя связь между этими действиями эксплицитно выражена в рассказе. Владимиру удается взять реванш за отказ Рогнеды выйти за него замуж, Рогнеда вынуждена принять на крайне унизительных условиях то, что прежде предлагалось ей с почетом.

Строго говоря, сюжет отвергнутого сватовства правителя и последующих войн, спровоцированных этим отказом, также довольно распространен.

---

18 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 299–300].

19 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 300].

20 Любопытно, что по роду своего отца Владимир никак не мог именоваться «робичичем», будучи сыном князя. Его низкое происхождение могло связываться только с родом его матери, которая, по преданию, была ключницей княгини Ольги. Рогнеда, таким образом, наделяет неудачливого жениха своего рода матронимом (см. об этом: [Ф.Б. Успенский 2002. С. 61–62]). Владимир же, в свою очередь, оскорбляет род Рогнеды. Налицо своеобразное противостояние двух линий родства через женщин, «жертвой» которого становится весь род полоцких князей. Рогнеда оскорбляет их бабку со стороны отца и всех ее родичей (в первую очередь Добрыню), тогда как Владимир наносит оскорбление всему роду Рогнеды. Перед нами немирный сценарий взаимодействия через брак, приводящий не к союзу, а к жестокому противостоянию, продолжающемуся внутри вновь созданной семьи.

С рассказом об оскорблении Рогнеды большинство известных нам повествований этого типа совпадают лишь отчасти, отличаясь от них в довольно значимых элементах фабулы[21].

При этом существует текст, повествующий о событиях, относительно близких по времени к эпизоду с Владимиром Святым и Рогнедой, в котором сюжет отвергнутого сватовства и мести за этот отказ связан с именем П(е)редславы, дочери Владимира Святого. Весьма существенно, что П(е)редслава, скорее всего, была его дочерью именно от Рогнеды Полоцкой: известно, что у Владимира и Рогнеды было две дочери[22], и хотя в летописи ни одна из них не названа по имени, в русских и иностранных источниках подчеркивается тесная связь П(е)редславы Владимировны с Ярославом Мудрым, который со всей определенностью называется сыном Рогнеды (см. табл. №№ 1, 3 к настоящему экскурсу). Поэтому в историографии естественным образом принято считать, что П(е)редслава была не только единокровной, но и единоутробной сестрой Ярослава, и, соответственно, оба они были детьми полоцкой княжны.

Итак, в польской «Хронике» Галла Анонима рассказывается о сватовстве князя Болеслава Великого к сестре Ярослава Мудрого. Подобно тому, как автор статьи 1128 г. описывает в качестве главной причины похода Владимира на Полоцк желание отомстить за отказ Рогнеды, Галл Аноним мотивирует поход Болеслава на Киев желанием отомстить брату П(е)редславы и ей самой за отвергнутое сватовство:

«Прежде всего надо сказать, как славно и великолепно [Болеслав] отомстил за свою обиду русскому королю, который отказался ему отдать в жены свою сестру. Король Болеслав, вознегодовав, вторгся с великой храбростью в

---

21 Так, в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» рассказывается, что он, будучи еще мелким конунгом, послал гонцов к дочери Эйрика конунга из Хёрдаланда, желая сделать ее своей наложницей (см. табл. № 2 к настоящему экскурсу). Девушка в ответ сказала, что «не хочет тратить свое девство» на столь незначительного правителя и согласится на его предложение только в том случае, если он станет единоличным правителем Норвегии, подобным конунгу Горму в Дании и конунгу Эйрику в Уппсале (Упсале) [Hkr. Bnd. I. Bls. 101; КЗ. С. 43]. Гонцы, назвав ответ дерзким, все же передали его Харальду. Тот же возразил, что «девушка не сказала и не сделала ничего такого, за что ей следовало бы отомстить» [Hkr. Bnd. I. Bls. 102; КЗ. С. 44]. Послушавшись ее совета, Харальд Прекрасноволосый постепенно завоевал Норвегию и, сделавшись единоличным правителем, вспомнил о той, кто произнесла эти слова: «он послал людей за ней, велел доставить ее к нему и положил ее с собой» [Hkr. Bnd. I. Bls. 126; КЗ. С. 52]. Далее в саге сообщается, что у них было пятеро детей — одна дочь и четыре сына.

Другие примеры, варьирующие так или иначе эту сюжетную формулу, см. в работе: [Banaszkiewicz 1990. S. 4].

22 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 80].

королевство русских и тех, вначале пытавшихся сопротивляться, но не осмелившихся завязать сражение, разогнал перед своим строем, словно ветер прах. Он не задерживался, однако, по вражескому обычаю в пути, чтобы захватывать города и собирать деньги, а поспешил в столицу королевства Киев, чтобы захватить одновременно и королевский замок, и короля. А король русских, по простоте [свойственной] его народу, ловил в это время удочкой рыбу с лодки, когда [ему] неожиданно сообщили, что Болеслав приближается. Он с трудом этому поверил, но в конце концов, поскольку его извещали об этом все новые вестники, ужаснулся. Затем, поднеся ко рту большой и указательный палец и поплевав, по обычаю рыболовов, на наживку, сказал, говорят, к стыду своего народа, следующие слова: "Раз Болеслав занимается не этим искусством, а ему привычно забавляться военным оружием, значит, Господь [сам] в руки предает и город этот и королевство русских, и [богатство его]". Так сказал, и недолго медля, бежал.

А Болеслав, не встречая никакого сопротивления, войдя в огромный и богатый город, обнаженным мечом ударил в Золотые ворота, объявив с шутливым смехом тем, кто с изумлением спросил, почему он так сделал: "Так же как в этот час разрушаются мечом эти Золотые ворота, так же в нынешнюю ночь будет порушена [честь] сестры малодушнейшего [из королей], которую он отказался дать мне [в жены]. Но соединится она с Болеславом не на брачном ложе, а только один раз как наложница, так будет отмщено за обиду нашего народа, и русские будут повергнуты в прах и бесчестие". Так сказал и сказанное делом подтвердил»[23].

В обоих случаях речь идет о мести за отвергнутое сватовство: и в летописи, и в хронике отмщение заключается в акте насилия над девушкой, которое в одном случае происходит публично (Рогнеда), а в другом случае о нем публично заявляется (П(е)редслава). Оба захватчика, Владимир и Болеслав, напрямую связывают овладение городом и овладение девушкой, причем и там и здесь овладение девушкой является целью захвата города, а не наоборот. Весьма существенно, что противостояние не сводится исключительно к противостоянию жениха и невесты, и в статье 1128 г., и у Галла Анонима оскорбление наносит один род другому роду (у Галла Анонима, кроме того, один народ — другому народу). Поэтому месть в обоих случаях включает в себя поношение родичей. У Галла Анонима дело ограничивается насмешками над Ярославом Мудрым, а в русской летописи за поношением следует убийство отца и братьев Рогнеды.

Тем не менее центральной в сюжете мести остается, как уже говорилось, тема демонстративного унижения княжон. И в том, и в другом случае подчеркивается — правда, довольно различными способами — их предельно низкий статус после акта мести. Согласно летописи, дядя Владимира Добрыня назвал Рогнеду «робичицей», а у Галла Анонима отмечается, что сестра

23 См. [AG. P. 21–22; ГА. С. 35–36; Щавелева 1990. С. 50–51].

Ярослава соединилась с Болеславом «не законным браком, а только один раз как наложница».

Однако о дальнейшей судьбе Рогнеды сообщается, что она становится женой Владимира, тогда как об участи П(е)редславы Галл Аноним умалчивает. При этом Титмар Мерзебургский (непосредственный современник событий, умерший в 1018 г.) полагает, что П(е)редслава сделалась женой Болеслава, хотя и называет этот брак незаконным, будучи осведомлен о том, что польский князь успел к тому времени взять в жены и немецкую принцессу Оду:

«на одной из них <дочерей Владимира Святого. — *А.Л., Ф.У.*>, которой он и раньше добивался, беззаконно, забыв о своей супруге, женился давний распутник Болеслав»[24].

Возвращаясь к литературному тексту Галла Анонима, можно допустить, что версия Титмара была более или менее общераспространенной, и сообщение Галла Анонима, апологета Болеслава Великого, о том, что связь Болеслава и П(е)редславы не была хоть сколько-нибудь длительной, призвано опровергнуть мнение о многоженстве Болеслава в тот период[25]. С другой стороны, вполне возможно, что указание на мимолетность этой связи попросту лучше вписывалось в литературный сюжет об отмщении Болеслава и унижении русских и их правящего дома[26].

Итак, перед нами два рассказа, возникновение которых не слишком далеко отстоит по времени друг от друга. Польский текст создавался в начале XII в. (1107 — 1113 гг.), а русская летописная статья, по-видимому, в конце 20-х гг. этого же столетия. События, изложенные в этих источниках, относятся к раннему периоду династической истории обоих государств. Главных женских персонажей этих историй с весьма сходным сюжетом разделяет лишь одно поколение. Весьма вероятно, что они приходятся друг другу даже матерью и дочерью.

---

24 См. [Thietm. P. 530; Назаренко 1994. С. 137, 142].

25 Необходимо учитывать, что коль скоро речь идет о временах до принятия христианства (как в случае с Владимиром и Рогнедой), то различия между женой и наложницей гораздо более сложны и неопределенны, нежели в эпоху христианской моногамии. Так, мы знаем, что женами Владимира считались те, чьи сыновья получили княжеское достоинство, однако этот критерий со всей очевидностью выводится летописцем ретроспективно. При этом в странах поздней христианизации и в начале XI в. у правителей понятие брака не всегда было столь простым и однозначным. О статусе жен и наложниц в Скандинавии и на Руси см. [Ф.Б. Успенский 2001. С. 93–94. Примеч. 26. С. 111. Примеч. 86; Ф.Б Успенский. 2002. С. 62].

26 Существует предположение, что у П(е)редславы в Польше было нечто вроде собственного двора, где она жила в окружении вывезенных из Киева бояр-пленников. Указывалось даже местоположение этой колонии — остров Ледницкий [Labuda G. 1988]. Впрочем, это построение, основанное на археологических данных, кажется чересчур гипотетичным.

Существенно, что конфликт, описанный в каждом из рассказов, обладает свóйством вновь и вновь приобретать политическую актуальность, он вновь и вновь нуждается в описании с разных позиций. «Тема Киева», как и «тема Полоцка», в силу этого может провоцировать в пределах одного хроникального текста повтор уже однажды описанной детали, уже однажды изложенного сюжета. Исследователями неоднократно отмечалось, что сходство описания Болеслава I Великого и Болеслава II Смелого у Галла Анонима местами доходит до их неразличения (ср. табл. № 3 к настоящему экскурсу). Впоследствии многие детали описания обоих Болеславов «перекочевывают» в хронику Винцентия Кадлубека (начало XIII в.)[27].

Сопоставление описаний в двух этих польских хрониках позволяет проследить, каким образом одни элементы биографии князей воспроизводятся буквально, другие опускаются, а третьи дополняются новыми деталями, разрастаются до самостоятельного нарратива. В частности, эпизод с захватом Киева, когда князь ударяет мечом в Золотые ворота[28], в обеих хрониках (Галла Анонима и Кадлубека) фигурирует дважды, применительно к Болеславу I (Великому или Храброму) и Болеславу II (Смелому или Щедрому). При этом известно, что киевские Золотые ворота были построены в 1030 г., т. е. существенно позднее похода Болеслава I на Киев. Кадлубек в отношении этого эпизода полностью следует за Галлом Анонимом. С точки зрения историка, можно утверждать, что Галл Аноним «путает» двух Болеславов. Для нас же более существенно, что при их описании он опирается на одни и те же свидетельства — письменные или устные, — естественным образом объединяющие двух князей-тёзок. Очевидно, что тождество имен усугубляет сходство политической ситуации 1018 и 1068 гг. и в определенном смысле провоцирует сюжетные совпадения в литературных рассказах об этих событиях. Любопытно, однако, что второй польский хронист, Винцентий Кадлубек, очень активно пользующийся хроникой своего предшественника, полностью опускает в своем описании Болеслава Великого эпизод об оскорблении П(е)редславы.

Случай со сходством сюжетов о Рогнеде и П(е)редславе ощутимо сложнее, чем параллелизм историй о двух Болеславах. Сближение этих образов не могло быть спровоцировано тождеством имен, кроме того, это сближение является интертекстуальным, а факт непосредственного знакомства Галла Анонима с русской летописью, или автора статьи 1128 г. с польской хроникой представляется достаточно сомнительным и, по крайней мере, труднодоказуемым.

Тем не менее перед нами, с одной стороны, летописная статья 980 г., где нет упоминания об унижении Рогнеды, а мотив мести отвергнутого жениха крайне редуцирован, и статья 1128 г., где этот сюжет развернут в самостоятельный литературный рассказ. С другой стороны, мы располагаем свиде-

---

27 См. [Щавелева 1990. С. 98, 99–100].

28 Упоминания о том, что завоеватели при покорении города пронзают его ворота мечом, встречаются, в частности, в венгерских источниках [Щавелева 1990. С. 61].

тельством Титмара Мерзебургского, где отношения Болеслава и русской княжны, дочери Владимира Святого, описываются как брак (хотя и незаконный), а мотив унижения и оскорбления отсутствует вовсе. Кроме того, и из летописных источников[29] и Киево-Печерского патерика[30] мы знаем, что П(е)редслава была увезена Болеславом в Польшу, а Рогнеда стала матерью шестерых детей Владимира Святого.

Столь сходное «расширение» в тексте Лаврентьевской летописи и в «Хронике» Галла Анонима требует определенного объяснения с историко-литературной точки зрения. Весьма вероятно, что в реальной практике древняя связь между восшествием на престол и овладением женщиной, принадлежащей предшествующему правящему дому, была вполне актуальна в ту пору, когда Владимир захватил Полоцк, и тогда, когда Болеслав овладел Киевом[31]. Нас, однако, интересует в данном случае литературная интерпретация этих событий в первой трети XII в. К тому времени этот сюжет оброс обширнейшей литературной традицией[32]. При этом мы обнаруживаем, что и у Галла Анонима, и в летописной статье 1128 г. мотив овладения женщиной ради полноправного овладения страной перевернут «с ног на голову». По существу, перед нами уже другой литературный сюжет — о мести женщине за отказ сватам, фигурирующий, как уже говорилось, преимущественно в средневековой рыцарской литературе.

Что касается хроники Галла Анонима, то факт ее общей ориентации на жанр gesta, в частности рыцарских жизнеописаний, культивирующих пред-

---

29 См. [ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 108, 109; Т. VI. Вып. 1. С. 130; Т. XV: Тверская летопись. С. 137; Т. XXIII. С. 18; Т. XXIV. С. 48; Т. XXXVII. С. 27, 66].

30 См. [КПП. С. 102, 203].

31 Если говорить о реальных событиях, связанных с захватом Киева, то весьма вероятным кажется предположение, что брак (или своего рода имитация брака) с П(е)редславой Владимировной был одним из элементов процедуры «вокняжения» Болеслава в Киеве, процедуры, которая включала в себя целый ряд церковных и светских церемоний [Banaszkiewicz 1990. S. 3–35]. Наряду с письменными показаниями, как будто бы позволяющими утверждать, что Болеслав Великий намеревался сделаться легитимным правителем Руси, есть и «материальное» свидетельство такого намерения. Речь идет о знаменитых монетах с кириллической надписью «БОЛЕСЛАВЪ». Наиболее вероятной представляется гипотеза о том, что Болеслав чеканил эти монеты в период своего правления в Киеве [Толстой 1882. С. 213–217; Przyborowski 1884. S. 224; Gumowski 1913. S. 162; Gumowski 1914. S. 22]. Другую точку зрения, связывающую возникновение этих монет с городами Червонной Руси, которые были присоединены Болеславом к Польше в результате этой военной экспании, см. в работе: [Kiersnowski 1958].

32 Число литературных памятников, где так или иначе присутствует этот сюжет, чрезвычайно велико. Достаточно упомянуть библейский рассказ об Авессаломе, вошедшем к наложницам своего отца или, например, рассказ о том, как крестьянин Пржемысл сделался полноправным князем чехов, став мужем княгини Либуши.

ставление о мести за оскорбленное достоинство, мести в заранее предписанных рамках, давно отмечен целым рядом исследователей[33]. Таким образом, появление у Галла Анонима мотива мести уязвленного отказом жениха как главной причины военной экспансии, как кажется, вполне соответствует общей стилистике его текста. При этом подобная «куртуазная» стилистика в высшей степени чужда русской летописи. Если рассматривать оба интересующих нас историографических сочинения в целом, то трудно представить себе два памятника со столь разной риторической направленностью, как текст Галла Анонима и русская летопись. Напомним, что развитие повествования о Рогнеде в статье 1128 г. является единственным ее фрагментом, где обсуждаются любовные отношения князя со своей женой, где месть женщине за оскорбление подробно описывается и является целью всего военного похода князя. Уникальность такого построения рассказа для летописного текста позволяет предположить существование у этого фрагмента литературного источника особого типа.

Каким образом мог происходить обмен литературными сюжетами между Русью и Польшей, между Русью и Западной Европой? П(е)редслава, вероятнее всего, была первой русской княжной, которая окончила свои дни в Польше. Впоследствии, до 1128 г., еще по крайней мере две ее младшие родственницы были отданы замуж за польских князей. При этом первой полькой, оказавшейся на Руси, была именно дочь «оскорбителя» П(е)редславы, князя Болеслава (см. табл. № 3 к насоящему экскурсу). Она была выдана замуж за Святополка Окаянного за несколько лет до интересующего нас похода Болеслава Великого на Киев. Позднее, на протяжении XI — начала XII в., еще три польские принцессы становятся женами Рюриковичей[34]. Таким образом, столь регулярно обновляемые матримониальные связи двух династий не могли не подкрепляться и «обменом» в области семейной и родовой истории.

Показательно, что судьба Рогнеды и ее дочери (?) П(е)редславы могла осмысляться в рамках одного литературного сюжета лишь в начале XII в. Напомним, что летописная статья 980 г., где этот сюжет отсутствует, была записана, по-видимому, на рубеже XI — XII вв. В начале XII в. составляется и «Хроника» Галла Анонима. По неизвестным нам причинам нарратив о правителе, отомстившем за отказ в сватовстве, становится актуальным именно в это время.

Вероятно, следует допустить существование какой-либо группы текстов, сформировавшихся к XII в. и дающих литературную основу для подобного рода осмысления. Не исключено, что такого рода тексты были доступны как автору статьи 1128 г., так и составителю польской хроники. Возможно, однако, что рассматриваемый сюжет, претерпев определенные изменения, через какие-либо «тексты-посредники» попал к русскому летописцу из написанного несколько ранее сочинения Галла Анонима. Актуальность этого литера-

33 Об этом подробнее с указанием литературы см. [Щавелева 1990. С. 36].

34 См. [Щавелева 1989].

турного сюжета для летописца вполне очевидна: тяжестью оскорбления отчасти объясняется неизбежность мести, а, следовательно, и неизбежность последующей вражды двух ветвей Рюриковичей.

В польской хронике не названо имя русской княжны, которую Болеслав сделал своей наложницей, что в определенном смысле усиливает возможность приложения подобного рода сюжета к любому персонажу. С другой стороны, в первоначальном летописном рассказе о Рогнеде, послужившим основой для статьи 1128 г., косвенным образом имена Рогнеды и П(е)редславы связываются между собой:

«...и быша ему водимыꙗ Рогънѣдь юже посади на Лыбеди идеже ныне стоить сельце Предъславино»[35].

Женские имена являются основой еще одного мотива позднего рассказа о Рогнеде, мотива, отсутствующего как в статье 980 г., так и в рассмотренных нами источниках, связанных со Скандинавией и Польшей. Речь идет об уже упоминавшемся мотиве переименования:

«...а саму поꙗ женѣ и нарекоша єи имѧ Гориславa и роди Изѧслава»[36].

Самый характер имени *Гориславa* не вполне понятен. С одной стороны, его принято толковать как один из способов установления низкого статуса Рогнеды, «констатации» ее горькой участи. При такой трактовке этого имени необходимо учитывать, что оно служило еще и для уничтожения генеалогической памяти о роде ее отца.

Действительно, исконное имя полоцкой княжны было подчеркнуто родовым, оно традиционным образом коррелировало с именем ее отца, повторяя его начальную основу. Новое же имя уже никак не было связано с родом ее предков. Такое понимание имени *Гориславa* сближает его с эпитетом «робичица». Владимир и его дядя Добрыня объявляют ее лишенной рода, обреченной на горькую участь рабыней. Новое имя жены Владимира Святого в таком случае должно рассматриваться как некоторое подобие прозвища, созданное специально для этой женщины и именно ее характеризующее.

Важно помнить, однако, что мы ничего определенного не можем сказать относительно реальности факта переименования Рогнеды. По косвенным свидетельствам в этом даже допустимо усомниться. Во-первых, в летописи

---

35 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 79–80]. Само по себе замечание о сельце Предславине интересно прежде всего своим «метатекстовым» характером. Трудно определить, какой отрезок времени призвано зафиксировать содержащееся в нем «ныне». Любопытно также, с какой именно П(е)редславой связан этот топоним. Мы знаем, что в роду Рюриковичей это женское имя было достаточно популярно. Возможно, ко времени записи статьи 980 г. сохранялись сведения об определенной П(е)редславе, владевшей этим селом, хотя не исключено, что топоним уже не давал оснований для различения разных княжон с именем *П(е)редслава*.

36 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 300].

(кроме этого рассказа 1128 г.) полоцкая княжна всюду фигурирует как *Рогнеда*. Во-вторых, имя *Рогнеда* и спустя долгое время сохраняется в роду Рюриковичей (см. табл. № 4 к настоящему экскурсу). В первой трети XII в. его получила не кто иная, как дочь Мстислава Великого. Таким образом, родовая и антропонимическая память о жене Владимира Святого, матери Ярослава Мудрого, никоим образом не была утрачена. Можно утверждать, что сообщение о переименовании было, скорее всего, собственно литературным мотивом, а не описанием реального события.

В качестве элемента литературного повествования такое переименование, обыгрывающее семантику формантов, которые входят в имя *Гориславa*, впоследствии неоднократно встречается в древнерусских текстах. Так, мы находим его у Даниила Заточника, который, описывая свои бедствия, говорит:

«Княже мои, господине! Кому Перславль, а мне гореславль; кому Боголюбиво, а мне горе лютое, кому Белоозеро, а мне чернее смолы; кому Лаче озеро, а мне много плача исполнено, зане часть моя не прорасте в нем»[37]:

В «Слове о полку Игореве» Олег Святославич называется, как известно, *Олегом Гориславичем*. Существенно отметить, что авторы этих текстов знают подлинное отчество князя Олега и, вне всякого сомнения, подлинное название города. «Переименовывая» их, они превращают тем самым один из элементов двусоставного имени и названия в характеристику персонажа и места.

Не исключено, что одним из ранних примеров обыгрывания семантики первого элемента интересующего нас имени, связан с рассказом о мученической кончине первых русских святых Бориса и Глеба. Убийца Глеба именуется *Горясер*. Имя его, — возможно, неславянского происхождения, — напрямую ассоциируется со славянской лексемой ‘горе’ и именно таким образом закрепляется в традиции описании мученической кончины князя. Показателен в этом отношении летописный рассказ о смерти князя Андрея Боголюбского, где он, обращаясь к убийцам, произносит следующие слова:

«...ѡ горе вамъ неч^с^тивии что ѹподобистеса Горасѣру...»[38].

Таким образом, осмысление первого элемента имени *Гориславa* в качестве эпитета, в качестве характеристики персонажа имеет на Руси довольно обширную литературную традицию.

---

37 Ср. в других редакциях «Моления» Даниила Заточника: «Кому ти есть Переславль, а мне гореславль, зане часть не прорасте въ нем»; «Кому ти Переаславль, а мне гореславль, кому Бело озеро, а мне чернее смолы, зане честь моя не прорасте в нем»; «Кому еси Переславль, а мне еси гореславль, кому ты, господине, Лач(е) озеро, а мне ты плач-озеро; кому ты, княже, Бело-озеро, а мне черно-озеро и чернее смолы, что мя еси здесе заточил»; «Кому ты Ярославль <sic! — *А.Л., Ф.У.*>, а мне гореславль, кому ты Лачь озеро, а мне ты плач-озеро, кому ты Бело озеро, а мне ты черное озеро, чернее смолы, зане честь моя не процвете въ тебе» [Зарубин 1932. С. 61, 87].

38 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 587].

Однако является ли имя *Гориславa* (и его мужской вариант *Гориславъ*) исключительно литературным конструктом? По-видимому, это не так — оно существовало и в виде полноценного самостоятельного славянского имени. В Новгородской первой летописи мы обнаруживаем, например, новгородского тысяцкого Вячеслава Гориславича и двух его братьев, Богуслава Гориславича и псковского воеводу Гавриила Гориславича, живших в XIII в.[39] Наконец, что еще более существенно для анализа нашего текста 1128 г., имя родной сестры княжны Евфросинии Полоцкой, в различных списках житийных текстов может приводиться как *Гордислава*[40], *Городислава*[41] или *Гориславa*. Иными словами, в том году, к которому относится интересующая нас статья, не где-нибудь, а в Полоцке, была княжна, которую звали *Гордислава / Городислава / Гориславa* (в иночестве *Евдокия*) (см. табл. № 4 к настоящему экскурсу).

Если предположить, что форма *Гориславa* — результат позднейших искажений имени этой полоцкой княжны, а в действительности ее звали *Гордиславой* или *Городиславой*, то летописец, хорошо осведомленный о ходе конфликта с полоцкими князьями и знавший ее настоящее имя, мог обыгрывать его в духе литературной традиции, превращая его в родовое и при этом «несчастливое» именование полоцких княжон. Если же допустить, что сестра Евфросинии и в самом деле носила имя *Гориславa*, скорее всего, оно, как и имя упоминавшегося выше знатного новгородца, изначально не было связано с лексемой 'горе'. Летописец, как и в случае с Горясером, актуализирует эту связь, вероятнее всего, на основании народной этимологии. При этом он опять-таки превращает его в родовое имя полоцкого княжеского дома. Возможно, таким образом, литературная традиция не изобретала нового имени-эпитета, а использовала и переосмысляла уже готовую антропонимическую единицу.

Что касается второй основы имени *Гориславa*, то к началу XII в. она является непременным атрибутом женского княжеского имени. Если двуосновное имя князя могло содержать в качестве второго элемента не только основу *–слав*, но и *–полк*, *–мер / мир* или *–волод*, то в славянских двусоставных именах русских княгинь и княжон единственно возможным вторым элемен-

---

39 Патроним *Гориславич* встречается также в новгородской берестяной грамоте XIV в. [Зализняк. 1995. С. 509–511. № 261–264].

40 Ср. слова Евфросинии Полоцкой, обращенные к отцу: «Пусти ко мне Гордиславу, да научится грамоте. Онъ же пусти Гордиславу к ней, тако ей беста нарекла родителя имя (вариант: «бе бо имя ей родители тако нарекли»)» [ПСРЛ. Т. XXI. С. 211].

41 «...пусти ко мнѣ сестру мою Городиславу; такое ей бѣста имя нарекла родителя» [ПЕП. С. 175].

Кроме того, в «Хождении игумена Даниила» упоминается некий Городислав Михайлович, присутствовавший вместе с игуменом Даниилом в Иерусалиме, в церкви Воскресения [Путешествие игумена Даниила... С. 144; Веневитинов 1885. С. 136; ПСРЛ. Т. XLIII. С. 310].

том было, как кажется, *–слав*. Так, двоюродную сестру Гориславы / Гордиславы / Городиславы звали *Звениславой*, а ее родная сестра, Евфросиния Полоцкая, в миру носила имя *П(е)редслава*, т. е. была тезкой той дочери Владимира Святого и Рогнеды, о которой речь шла выше (см. табл. № 4 к настоящему экскурсу).

Такое положение дел было отчасти связано с повтором основ, входящих в имена предков. Этот принцип именования был актуален не только для германских народов, использовался он и в славянских именах династии Рюриковичей. Вспомним, что первоначально имя Рогнеды повторяло первую основу имени ее отца Рогволод. Новое же имя связывалось, благодаря своей второй основе, с именами ее сыновей. В летописи новое имя полоцкой княжны и указание имени ее старшего сына непосредственно следуют друг за другом:

«...и нарекоша єи имѧ Гориславa и роди Изѧслава...»[42].

Еще двоих ее сыновей звали *Мстислав* и *Ярослав*, а одна из дочерей, как уже говорилось, по-видимому, была *П(е)редславой* (см. табл. № 4 к настоящему экскурсу).

Таким образом, летописец при помощи переименования, с одной стороны, включает Рогнеду в новую родовую историю, но, с другой стороны, подчеркивает уничижительность ее статуса и, наконец, возможно, еще раз указывает на особое, отчужденное от всех положение рода полоцких князей. Перед нами литературный прием, во многом построенный на антропонимической истории Рюриковичей. Имена, в сущности, были тем минимальным квантом информации, который передавался от родича к родичу в пространстве и во времени. Имена предков нередко было тем единственным, что сохранялось от них в памяти потомков, — продолжали ли они жить на Руси или переселялись в результате новых родовых связей за ее пределы.

Имя само по себе было «сгустком» родовой истории и вместилищем концентрированной информации о его носителе. И потому в литературном тексте оно могло превращаться в прозвище, эпитет, и при этом оставаться именем собственным. Антропонимическому образованию *Гориславa*, как мы попытались показать, были в высшей степени свойственны эти черты, каковыми обладало и древнерусское княжеское имя в целом[43].

---

42 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 300]. Любопытно, что в некоторых списках летописи сообщение о смерти Рогнеды выглядит следующим образом: «В се же лѣ^т^ престависа Ꙗрогнѣ^д^ мт҃и Ꙗрославлѧ» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 114]. Имя Рогнеды задним числом уподобляется по первой основе имени ее наиболее прославленного сына.

43 Так, например, в Ипатьевской летописи хвалебная речь новгородцев, обращенная к въезжающему в их город князю Изяславу, начинается словами: «ты на^ш^ кн҃зь ты на^ш^ Володимиръ ты на^ш^ Мьстиславъ» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 370]. Имена прославленных деда и отца князя, по сути дела, превращены здесь в хвалебные эпитеты, в свидетельства легитимности его власти в Новгороде. См. об этом Экскурс № 11, с. 434.

Итак, перед нами три мотива, три «сюжетных хода», которые существенно трансформируют летописный рассказ, помещенный под 980 г., полностью изменяют его риторическую и идеологическую направленность. Неоднородность и многообразие источников всего летописного текста, как кажется, не вызывает особых сомнений. Хорошо известно, что летопись легко аккумулировала в себе правовые документы, похвальные слова, агиографические сочинения и многое другое. Статья же 1128 г. написана в условиях особого взаимодействия разных литературных жанров, разных литературных традиций. В ней используются, как уже говорилось, несколько мотивов, представленных к тому времени в европейской литературе (причем в данном случае древнерусская литература оказывается частью этой европейской литературы). Характерно, что три рассмотренные нами мотива, вводимые летописцем в его повествование (ритуальное оскорбление Рогнеды, переименование Рогнеды, попытка отмщения Рогнеды-Гориславы), с одной стороны, имеют довольно отчетливые литературные параллели, а, с другой стороны, соединены отнюдь не механически, «встроены» друг в друга и подчинены единой идеологической задаче.

Сопоставляя статьи 980 и 1128 гг., можно убедиться, что перед нами один из тех сравнительно редких примеров, когда при интерпретации летописного текста целесообразно и оправданно говорить о «литературности» и об идеологии.

ТАБЛИЦА № 1

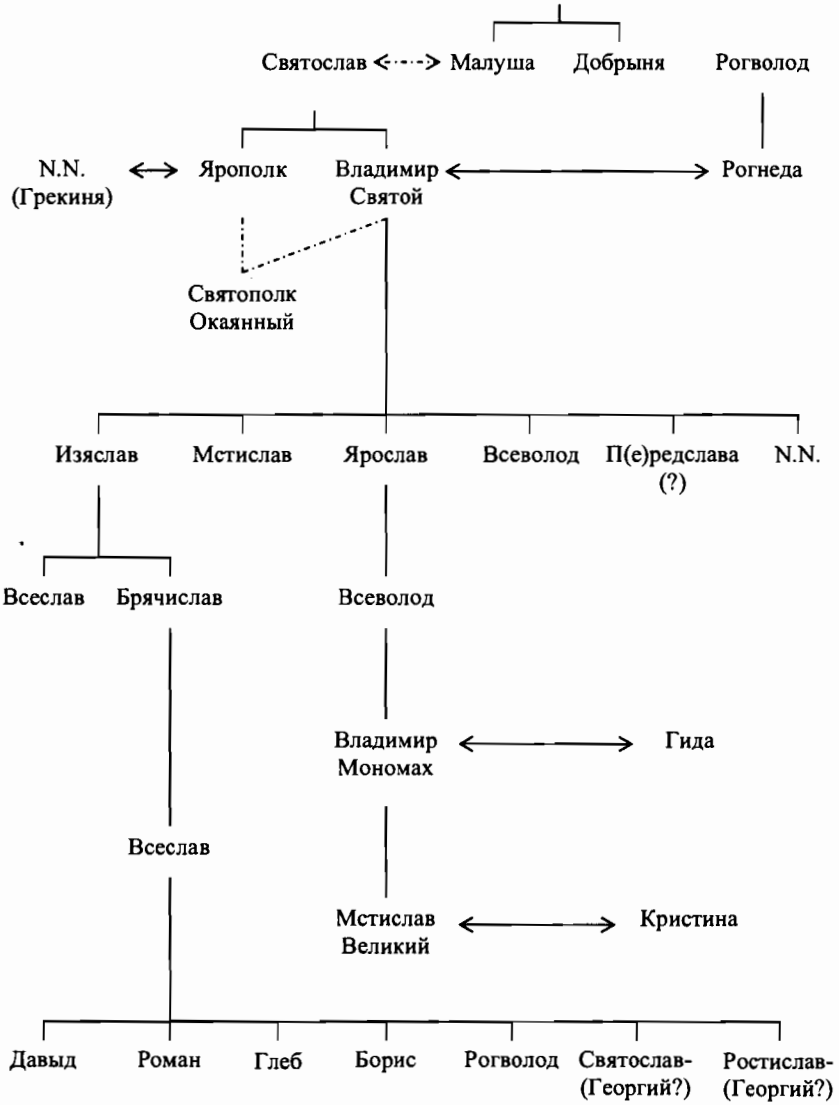

Святослав
Малуша
Добрыня
Рогволод
N.N.
(Грекиня)
Ярополк
Владимир
Святой
Рогнеда
Святополк
Окаянный
Изяслав
Мстислав
Ярослав
Всеволод
П(е)редслава
(?)
N.N.
Всеслав
Брячислав
Всеволод
Владимир
Мономах
Гида
Всеслав
Мстислав
Великий
Кристина
Давыд
Роман
Глеб
Борис
Рогволод
Святослав-
(Георгий?)
Ростислав-
(Георгий?)

ТАБЛИЦА № 2

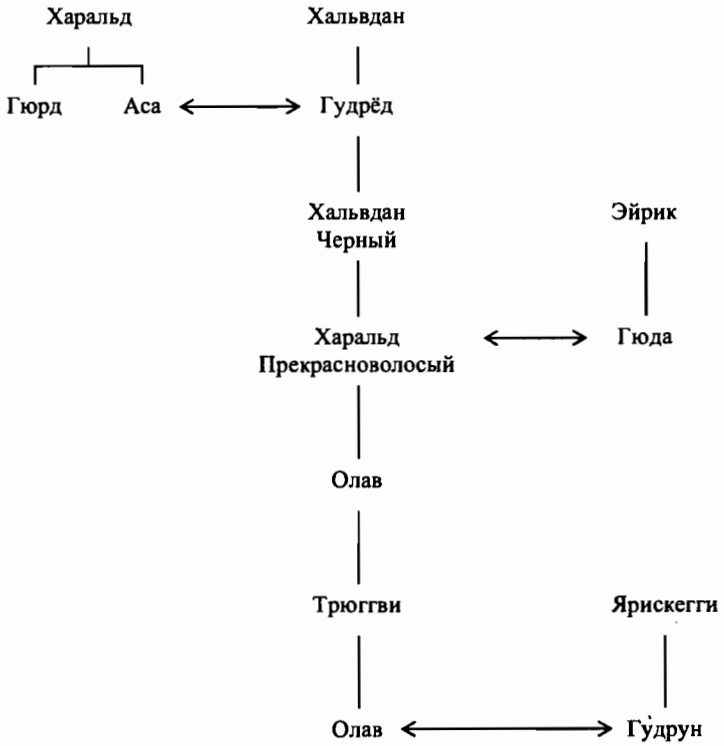

Харальд
Гюрд
Аса
Хальвдан
Гудрёд
Хальвдан Черный
Эйрик
Харальд Прекрасноволосый
Гюда
Олав
Трюггви
Ярискегги
Олав
Гудрун

ТАБЛИЦА № 3

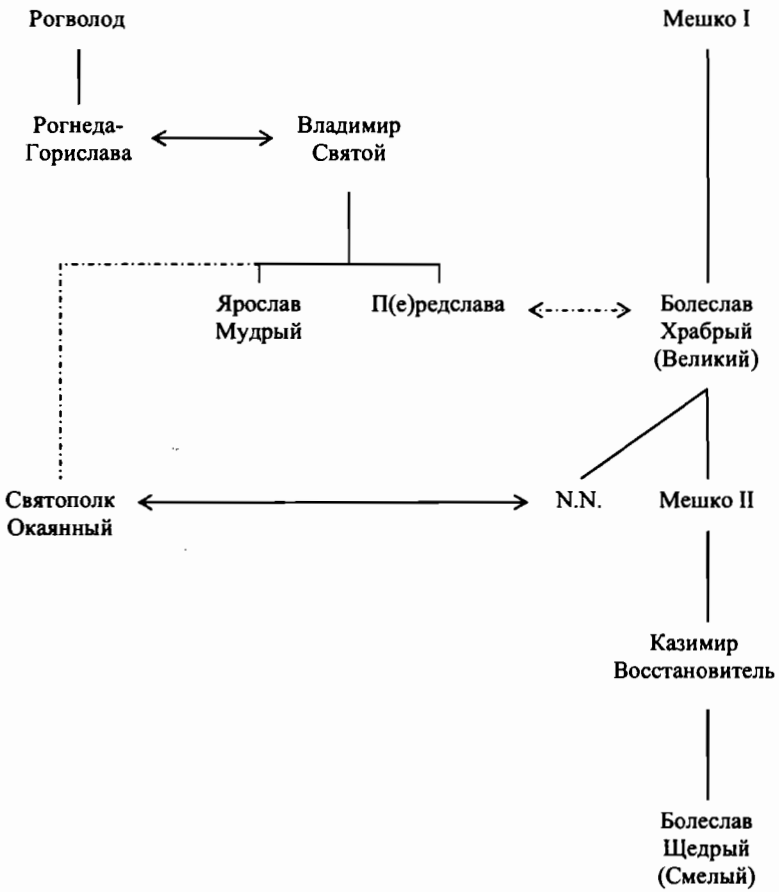
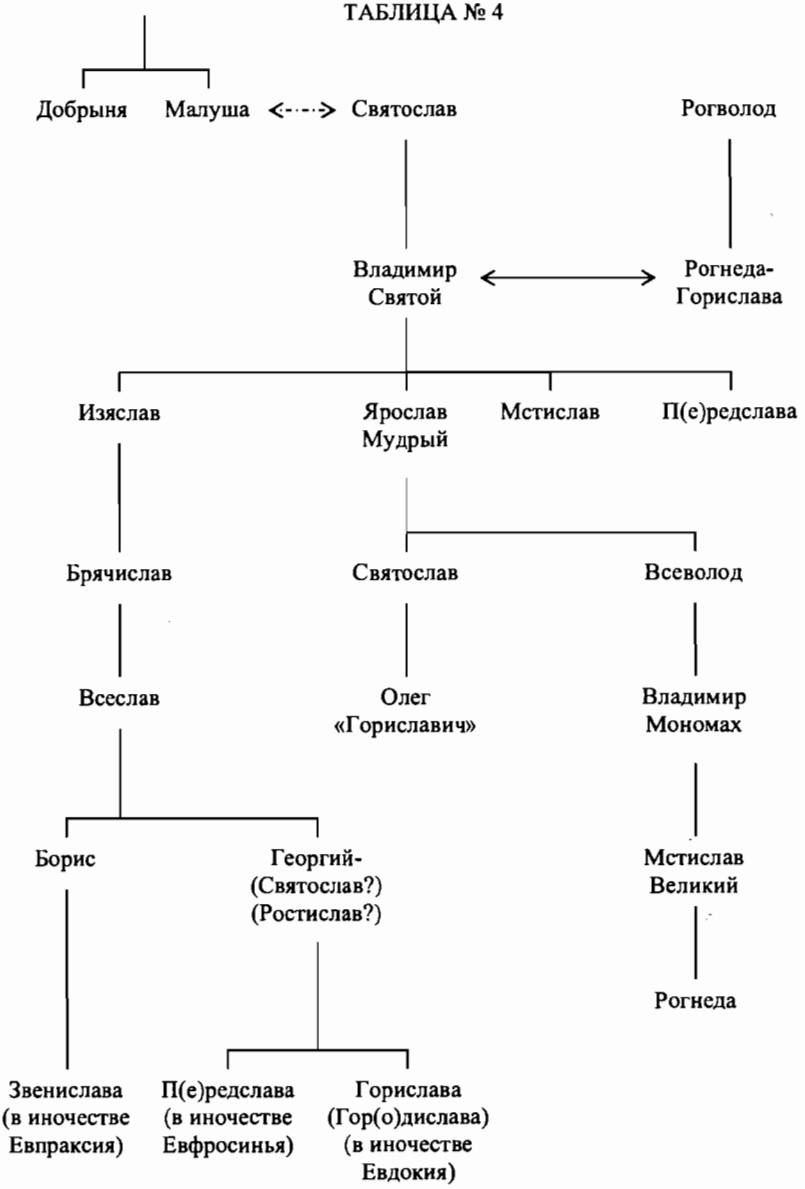

Рогволод
Мешко I
Рогнеда-
Гориславa
Владимир
Святой
Ярослав
Мудрый
П(е)редслава
Болеслав
Храбрый
(Великий)
Святополк
Окаянный
N.N.
Мешко II
Казимир
Восстановитель
Болеслав
Щедрый
(Смелый)

ТАБЛИЦА № 4


Добрыня
Малуша
Святослав
Рогволод
Владимир Святой
Рогнеда-Гориславa
Изяслав
Ярослав Мудрый
Мстислав
П(е)редслава
Брячислав
Святослав
Всеволод
Всеслав
Олег «Гориславич»
Владимир Мономах
Борис
Георгий-(Святослав?)(Ростислав?)
Мстислав Великий
Рогнеда
Звенислава (в иночестве Евпраксия)
П(е)редслава (в иночестве Евфросинья)
Гориславa (Гор(о)дислава) (в иночестве Евдокия)

Экскурс 4

Брак Мстислава и Кристины: к вопросу о русско-шведских династических связях XI — начала XII в.

Связи русской княжеской династии со Скандинавией в X — XII вв. настолько тесны, многочисленны и разнообразны, что невозможно представить себе жизнь Руси того времени без взаимодействия со скандинавским миром. Но даже и на этом фоне особое место принадлежит отношениям Рюриковичей с правителями Швеции, отношениям свойствá, кровного родства и политических союзов.

Не касаясь начальной истории династии, обратимся к одному из самых знаменательных матримониальных союзов XI в., к браку Ярослава Мудрого и шведской принцессы Ингигерд (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу). Действительно, все наследники Ярослава — а именно они определяли политическое лицо государства на протяжении многих столетий — были «детьми единой матери», Ингигерд.

Обстоятельства этого брака достаточно подробно изучены, однако отнюдь не все детали с ним связанные ясны и бесспорны, и — что не менее важно — не все разнообразные следствия этого союза определены и прослежены. Так, остается, например, спорной самая датировка брака Ярослава и Ингигерд. Большинство историков согласны в том, что этот брак имел место в 1019 г., однако и сегодня время от времени высказываются вполне весомые возражения, оспаривающие эту исследовательскую реконструкцию [1].

При этом установлен ряд фактов, который теперь, как кажется, ни у кого не вызывает сомнений. Ингигерд была законной дочерью Олава Шётконунга и Эстрид. Она была связана узами родства со всеми правящими домами Скандинавии, с норвежскими конунгами это родство было более отдаленным, тогда как с датскими правителями — очевидным и непосредственным. Олав Шётконунг, ее отец, был первым христианским королем Швеции. Он крестил некоторую часть страны и, соответственно, не могла не принять крещение и его дочь [2].

---

1 О датировке брака Ярослава и Ингигерд см. [Назаренко 2001. С. 492–496, с обзором литературы]. В последнее время свои сомнения относительно принятой исследователями датировки (1019 г.) высказывал А. Поппэ.

2 Ср. свидетельство Адама Бременского (70-е гг. XI в.): Preterea duos fertur idem rex habuisse filios, quos una cum uxore et populo iussit ambos baptizari «Кроме того говорят, что этот король имел двоих сыновей, которых он повелел крестить вместе со своей женой и народом» [Adam. Lib. II. Cap. LVIII. P. 119]. Перевод В.В. Рыбакова.

На Руси жена Ярослава Мудрого упоминается под христианским именем *Ирина*[3]. И здесь для историка возникает уже некоторая неясность. Имя это было весьма популярно в Византии, особенно в семье императора, поэтому естественнее было бы связывать его появление у Ингигерд с Русью, а не со Швецией. Однако коль скоро Ингигерд приехала на Русь христианкой, возникает вопрос, при каких обстоятельствах и с какой целью ей могло быть дано новое имя. Напомним, что дело происходит в первой трети XI в., задолго до разделения церквей, когда никаких установлений, предписывающих перекрещивать и переименовывать шведскую принцессу попросту не могло быть[4].

В западноевропейских источниках упоминается только одно ее имя — *Ингигерд*, языческое по своему происхождению[5]. В Скандинавии это могло означать как то, что оно было ее единственным именем, несмотря на крещение (примеры подобного рода известны), так и то, что у нее было второе, крестильное, имя, не фиксируемое в западноевропейских текстах. В пользу второй версии, казалось бы, говорит тот факт, что у родного брата Ингигерд имени было два — династическое *Энунд* и христианское *Якоб*[6] (см. табл. № 1 к

---

3 Митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати», обращаясь к покойному князю Владимиру Святому, упоминает и его сноху (т. е. жену сына, Ярослава-Георгия): «...виждь и блговѣрнꙋю снохѫ твою еринꙋ» [Молдован 1984. С. 98]. См. также: [Uspenskij 2001, с указанием литературы].

4 Любопытен вопрос, какая святая считалась на Руси небесной покровительницей княгини. Ярослав, как известно, основывает монастырь в честь Георгия Победоносца, своего патронального святого, и в честь святой Ирины, но какой именно из святых, носивших это имя, не говорится. Наиболее известной была, бесспорно, великомученица Ирина, которая была исключительно популярна в Константинополе и при этом ее деятельность и мученичество, возможно, имели непосредственное отношение к славянскому миру, к Македонии, Фракии, Сербии. С точки зрения ее «сходства» с русской княгиней существенна следующая деталь ее жития: она носила имя *Пенелопия* и лишь со времени крещения апостолом Тимофеем стала зваться *Ириной*. Подобное переименование для первых веков христианства было относительной редкостью, оно стало сравнительно регулярным лишь несколько столетий спустя во многих странах поздней христианизации. Не исключено, что случай двойного имени Пенелопии-Ирины мог служить для новообращенных династий своего рода образцом.

Существовали, однако, и другие святые с этим именем. В частности, с началом XI в. связано прославление византийской императрицы Ирины, участвовавшей в восстановлении православия, правда, в сохранившихся русских месяцесловах ее упоминаний не обнаруживается. Вполне возможно, что сама княгиня чтила всех своих святых тезок одновременно, как это было принято в ту эпоху (см. подробнее гл. IV).

5 В отдельных работах иногда можно встретить уверенное указание на то, что еще до своего замужества Ингигерд носила два имени — родовое, *Ингигерд*, и крестильное, *Маргарета* (см., например: [Beckman 1922. S. 166]). Об ошибочности этих данных см. подробно: [Назаренко 2001. С. 496; Ф.Б. Успенский 2002. С. 60–61].

6 О выборе имен для Энунда-Якоба см. подробнее: [Ф.Б. Успенский 2001. С. 57–68].

настоящему экскурсу). Однако мы склоняемся к тому, что Ингигерд — независимо от наличия или отсутствия у нее крестильного имени в Швеции — получила имя *Ирина* на Руси, при заключении брака с Ярославом Мудрым, причем смена имени никак не была связана с принадлежностью принцессы к западной церкви.

Подробности брака Ингигерд и Ярослава известны нам только по скандинавским источникам, в частности по сагам. Напомним, что первоначально Ингигерд была невестой Олава Харальдссона, короля Норвегии. Рассказывается, что устройству этого брака немало способствовал ярл Западного Гаутланда, Рёгнвальд Ульвссон, однако отец выдал ее за конунга Гардарики Ярицлейва. Ингигерд согласилась уехать на Русь при условии, что туда с ней отправится и ее родич, ярл Рёгнвальд, впавший в немилость у короля Швеции. Это условие было выполнено, и на Руси ярл, согласно сагам, получил во владение Альдейгьюборг (Ладогу), которой после смерти Рёгнвальда правили его потомки.

В сагах всячески подчеркивается значительность той роли, которая была отведена Рёгнвальду в жизни Ярослава и Ингигерд. Что касается степени его родства с ней, то оно не вполне поддается уточнению (см. табл. № 2 к настоящему экскурсу). В некоторых источниках говорится, что мать Олава Шётконунга, Сигрид Гордая, была сестрой Ульва, отца ярла Рёгнвальда; иными словами, Рёгнвальд и Олав были двоюродными братьями[7]. Однако эти генеалогические сведения не вполне достоверны[8]. Ограничимся лишь констатацией того, что принцесса Ингигерд, согласно сагам, считала ярла

---

7 Существует текст, где Олав и Рёгнвальд называются именно так напрямую. Это — «Сага об Олаве Трюггвасоне» по «Книге с Плоского Острова»: Ullfr fadir Rognualldz uar brodir Sigridar hinnar storradu, uoru þeir syskina synir Olafr konungr sænski ok Rognualldr jarll «Ульв, отец Рёгнвальда, был братом Сигрид Гордой. Их дети, конунг Олав Шведский и ярл Рёгнвальд, были двоюродными братьями» [Flat. Bnd. I. Bls. 415].

В другой саге из той же «Книги с Плоского Острова» — в знаменитой «Пряди об Эймунде» — ярл Рёгнвальд Ульвссон и Ингигерд названы двоюродным братом и сестрой, точнее, «детьми сестер» (systrabörn) [Flat. Bnd. II. Bls. 134]. Насколько эти данные предпочтительнее версии о том, что ярл Рёгнвальд был двоюродным дядей (а не двоюродным братом) Ингигерд, сказать весьма трудно: сведений о матери Рёгнвальда не сохранилось вовсе, тогда как о матери Ингигерд, Эстрид, известно только, что она была славянкой (ободриткой или вендкой) [Adam. P. 99; ÓHLeg. Bls. 42] (см. табл. № 2 к настоящему экскурсу). Впрочем, Снорри Стурлусон в «Круге Земном» считает славянкой не жену, а наложницу Олава Шётконунга по имени *Эдла*; этническую же принадлежность матери Ингигерд он никак не оговаривает (см. подробнее: [Ф.Б. Успенский 2001. С. 60–61]).

8 Эта неясность связана с противоречивыми сведениями о происхождении Сигрид Гордой. См. подробнее с указанием литературы: [Ф.Б. Успенский 2002. С. 26–27, 50. Примеч. 6].

Рёгнвальда своим родичем (frændi), и он, бесспорно, был одним из самых знатных людей в Скандинавии[9]. Помимо прочего, об этом свидетельствует и тот факт, что, оказавшись на Руси, ярл не потерял связи и с неудачливым женихом Ингигерд, королем Норвегии Олавом Святым, которому, по-видимому, случалось гостить у Рёгнвальда в Ладоге.

В русских летописях сам ярл Рёгнвальд никак не фигурирует, однако здесь присутствуют многочисленные упоминания представителей знатного новгородского клана Роговичей-Гюрятиничей, одним из главных родовых имен которого было имя *Рог(волод)*, надежно возводимое к скандинавскому Ragnvaldr. Как убедительно показал А.А. Молчанов, это и были потомки знаменитого Рёгнвальда Ульвссона, оставшиеся на Руси[10].

Память об особом положении русской ветви рода ярла Рёгнвальда сохранялась на протяжении столетий. Можно думать, что Рюриковичи считали их родовитость сопоставимой со своей собственной. Предполагается, что по крайней мере две представительницы этого новгородского клана в течение XII в. сделались княжескими женами (см. табл. № 3 к настоящему экскурсу). Речь идет о браках князей Мстислава Юрьевича с дочерью Петра Михалковича в 1155 г.[11] и Мстислава Ростиславича Безокого с дочерью Якуна Мирославича в 1176 г.[12] Двумя этими тезками, однако, «список» русских князей по имени *Мстислав*, нашедших себе жен среди потомков ярла Рёгнвальда, не исчерпывается.

Первым в этом ряду может быть назван старший родич обоих упомянутых *Мстиславов* — Мстислав Великий, сын Владимира Мономаха. Как известно, вторым браком этот князь был женат на новгородке[13] (см. табл. № 4 к настоящему экскурсу). Она была дочерью посадника Дмитрия Завидовича и принадлежала к новгородскому клану, вероятно, не менее могущественному, чем потомки ярла Рёгнвальда. Что же касается первой жены Мстислава Великого, от которой произошло большинство его детей, то в исследованиях о ней прежде всего говорится, что она была шведской принцессой.

---

9 См. [Hkr. Bnd. II. Bls. 181; КЗ. С. 235].

10 См. подробнее: [Молчанов 1997а; Молчанов 1997б].

Плодотворная гипотеза А.А. Молчанова получила свое интересное развитие в работах А.А Гиппиуса: [Гиппиус 2001; Гиппиус 2003]. В указанных работах намечаются родственные связи между различными представителями новгородских и ладожских потомков Рёгнвальда Ульвссона, живших во второй половине XI — начале XIII в.

Отметим, что А.А. Молчанов и А.А. Гиппиус исходят из менее правдоподобных генеалогических сведений «Пряди об Эймунде», согласно которым ярл Рёгнвальд был двоюродным братом Ингигерд (см. примеч. 7 к настоящему экскурсу); другие же версии родства между ярлом и шведской принцессой в данных работах не рассматриваются.

11 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 346].

12 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 35, 224].

13 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 21, 205].

Таким образом, браки Ярослава Мудрого и его правнука, Мстислава Великого, обладают несомненным сходством. Однако их жены, будучи обе дочерьми шведских правителей, если и состояли в кровном родстве, то весьма и весьма отдаленном: род Рюриковичей сохранил свою власть над Русью, тогда как на шведском престоле династия за это время уже успела смениться.

Кристина — а именно так звали первую жену Мстислава Великого — и ее отец, король Инги Старый, не были прямыми потомками древних Инглингов (см. табл. № 5 к настоящему экскурсу). Родоначальником их династии был некий Стейнкель, о котором в одних источниках говорится, что он был то ли пасынком, то ли дальним родичем последнего представителя древней династии, а в других источниках сказано, что он состоял с Инглингами в свойстве́ — был женат то ли на дочери, то ли на сестре кого-то из прежних шведских королей[14]. Так или иначе, сыном конунга Стейнкель не был, хотя специально отмечается знатность его рода. Что же мы знаем о его отце, родном деде Инги Старого и прадеде Кристины?

В большинстве скандинавских источников Стейнкель упоминается как конунг Швеции, а о его родителях не говорится ничего. При этом в целом ряде текстов подчеркивается его особая связь с Западным Гаутландом[15]. Так, в частности, в списке правителей Швеции, входящем в состав Закона западных гаутов, отмечается, что именно этот конунг «любил западных гаутов больше всех людей, что были в его государстве» (Han ælskæði wæstgötæ umfram allæ þe mæn i hans riki waru)[16]. Стоит заметить, что подобное выражение является формульным как для скандинавских, так и для русских средневековых текстов. Обычно оно фигурирует в качестве похвалы правителю, сохраняющему предпочтение к своим исконным землям по сравнению с землями приобретенными[17].

---

14 О Стейнкеле см. подробнее, с указанием литературы: [Ф.Б. Успенский 2002а.; Ф.Б. Успенский 2004. С. 147–154; Ф.Б. Успенский, в печати-а].

15 Подробный обзор таких свидетельств см. в работе: [Казанский, Мачинский 1996. С. 63–65]. Отметим, что относительно происхождения Стейнкеля и его потомков от ярла Рёгнвальда Ульвссона мы стоим на позициях весьма сходных с теми, что высказываются в данной работе. Однако ее авторы допускают ряд неточностей относительно скандинавского и русского материала. Для нас наиболее досадно здесь смешение двух браков Мстислава Великого, а также неточный пересказ Адама Бременского, касающийся родства Стейнкеля с Инглингами; в частности, шведский король Эмунд Старый спутан со своим братом и предшественником на престоле, Энундом-Якобом. Кроме того, мы едва ли можем согласиться с главным утверждением авторов о христианизации Швеции из Ладоги, а тем более о сознательном замалчивании этого факта в источниках XIII в.

16 См. [Beckman 1912. S. 30–31].

17 В Скандинавии эта формула встречается в текстах, принадлежащих к самым разным жанрам. Она представлена во многих довольно разнообразных вариантах (см. подробнее: [Ф.Б. Успенский 2004а. С. 243–244; Ф.Б. Успенский 2004б]). Ука-

Таким образом, по косвенным данным есть все основания предполагать, что Стейнкель был выходцем из Западного Гаутланда или во всяком случае располагал там какими-либо властными привилегиями до того, как он стал конунгом всей Швеции.

Существует, наконец, единственный источник, где имя отца Стейнкеля названо напрямую. В «Саге о Хервёр» сказано, что им был Рёгнвальд Старый[18]. Если мы вспомним, что интересующий нас Рёгнвальд Ульвссон до своего отъезда на Русь с Ингигерд был не кем иным, как ярлом Западного Гаутланда, то предположение (не раз высказывавшееся историками еще в XIX в.)[19] о том, что именно он и был отцом Стейнкеля, оказывается, на наш взгляд, вполне правдоподобным (ср. табл. №№ 4, 5 к настоящему экскурсу).

Как же в таком случае могли развиваться события в первой половине XI в.? Можно предположить, что у ярла Рёгнвальда Ульвссона дети были, по меньшей мере, от двух женщин, ведь в «Саге о Хервёр» говорится, что матерью Стейнкеля была Астрид, дочь Ньяля Косого, сына Финна из Халогаланда (см. табл. № 6 к настоящему экскурсу). Из других же саг известен рассказ о сватовстве и женитьбе Рёгнвальда на Ингибьёрг, сестре норвежского короля Олава Трюггвасона[20]. Строго говоря, статус двух этих матримониальных союзов достаточно неоднозначен. Дело в том, что, если верить саге, то Рёгнвальд становится христианином именно ради того, чтобы получить в жены сестру конунга. Это означает, что до этого момента, будучи язычником, ярл мог иметь нескольких жен и наложниц. В ту переходную эпоху брак с христианкой далеко не всегда означал отказ от прежних семейных отношений,

---

жем лишь один пример из «Саги о Храфнкеле, годи Фрейра», повествующей о событиях в дохристианской Исландии. В Исландии годи Храфнкель обладал властью над одной из долин, однако он пытался завладеть и соседней, Ледниковой долиной. При этом, как сказано в саге, когда ему это удалось, он стал «мягок и ласков со своими людьми, но строг и непримирим с людьми из Ледниковой Долины» (hann var linr ok blíðr við sína menn, en stríðr ok stirðlyndr við Jökulsdalamenn) [Hrafnk. Kap. 2. Bls. 99; ИС. Т. II. С. 180].

При этом соответствующим образом трансформированные варианты такой формулы могли выражать в средневековом тексте и негативную оценку действий правителя, как это происходит, например, в знаменитом летописном эпизоде с русским князем Святославом Игоревичем. Согласно летописи, князь явным образом предпочитал завоеванный им Переяславец наследственному Киеву и заслуживает упрек киевлян: «ты кнѧже чюжеꙗ земли ищеши и блюдеши а своеꙗ сѧ ѡхабивъ» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 67]. См. подробнее Экскурс № 11, с. 445.

18 См. [Herv. P. 70.].

19 Ср., например: [Beckman 1912. S. 30–31; Соловьев 1988. С. 206, 506; Wessén 1927. S. 89]. Обзор историографии вопроса см. [Казанский, Мачинский 1996. С. 62–67].

20 См. [Flat. Bnd. I. Bls. 415, 469]. В качестве жены ярла Рёгнвальда Ингибьёрг неоднократно упоминается у скальда Сигвата Тордарсона и в «Круге Земном» Снорри Стурлусона.

не исключал он и появление новых наложниц и детей от них. Статус таких детей, которые с точки зрения церкви были незаконными, на деле в Скандинавии целиком и полностью в ту пору определялся волей отца, а отчасти и происхождением матери. Во всяком случае, родившиеся от таких союзов сыновья, несомненно, могли наследовать и власть, и земли.

У Стейнкеля, таким образом, были все возможности наследовать своему отцу, независимо от того, родился ли он до брака Рёгнвальда с Ингибьёрг или после него[21]. Можно предположить, что когда ярл Рёгнвальд навлек на себя гнев Олава Шётконунга, он предпочел уехать на Русь, но изгнание — если это было изгнанием — стало относительно почётным, ведь он сопровождал дочь шведского конунга, и едва ли ее отец в подобной ситуации стремился отнять прежние владения у этого рода. В сложившейся ситуации Рёгнвальд мог передать ярлство остававшемуся в Швеции Стейнкелю[22]. Новую же семью Рёгнвальд перевез на Русь[23]. Известно, что в этом браке с Ингибьёрг у него было по крайней мере два сына, Ульв и Эйлив. Жизнь их оказалась связанной с новой родиной, и от них-то и произошел ладожско-новгородский клан потомков Рёгнвальда[24].

Таким образом, родословное древо Рёгнвальда Ульвссона как бы разделилось на две ветви — шведскую и ладожско-новгородскую (см. табл. № 6 к настоящему экскурсу). Замечательно, что имя *Рёгнвальд* осталось родовым для обеих этих ветвей. В частности, единственный сын Инги Старого получил это языческое по происхождению имя, которое резко контрастировало с христианскими именами его сестер (*Маргарета, Кристина, Катарина*)[25].

Итак, к моменту приезда на Русь Кристины, шведской правнучки Рёгнвальда Ульвссона, в Новгороде уже жили и действовали другие его правнуки. Насколько памятна и актуальна была в то время эта связь для самих по-

---

21 Необходимо отметить, что мать Стейнкеля лишь немногим уступала в знатности сестре Олава Трюггвасона. Ее отец, Ньяль Финнссон, по женской линии вел свой род от Харальда Прекрасноволосого, объединителя Норвегии. Дочь конунга Харальда (кстати, также звавшаяся Ингибьёрг) приходилась Ньялю родной бабкой, а его дедом был ярл Хальвдан [Flat. Bnd. I. Bls. 41].

22 В «Саге о Хервёр» говорится: Steinkell var fyrst jarl í Svíþjóð, en eftir dauða Eymundar konungs tóku Svíar hann til konungs [Herv. P. 70]. Традиционно эту фразу понимают как «Стейнкель был первый ярл в Свитьод, но после смерти конунга Эймунда шведы избрали его в конунги» (см., например: [Казанский, Мачинский 1996. С. 62]), хотя она явно требует совершенно иного прочтения: «Стейнкель сперва был ярлом в Свитьод, но после смерти конунга Эймунда шведы избрали его в конунги».

23 Для его жены-христианки Русь едва ли была полностью чуждым миром, ведь ее брат, Олав Трюггвасон, детство и юность провел именно здесь, при дворе Владимира Святого, отца Ярослава Мудрого.

24 Ср. [Hkr. Bnd. II. Kap. 93. Bls. 180–182; КЗ. С. 235].

25 О судьбе же родового имени *Рёгнвальд / Рог(волод / Рагуил* в новгородской ветви потомков Рёгнвальда Ульвссона подробнее см. [Гиппиус 2003. С. 144–154].

томков ярла? В этом отношении чрезвычайно существенно, какое положение прочилось Мстиславу Владимировичу — жениху шведской принцессы Кристины — к моменту его брака. В Киеве Мстислав княжил сравнительно недолго и гораздо позднее; при этом почти всю свою жизнь он был связан с Новгородом, старшими и младшими современниками, близкими и отдаленными потомками, в первую же очередь самими новгородцами он воспринимался как князь по преимуществу новгородский[26].

Мстислав был первенцем своего отца, знаменитого Владимира Мономаха. Не исключено, что отец и дед Мстислава (Всеволод Ярославич) уже к моменту его рождения помышляли о киевском княжении, но к концу XI в. сложился обычай, что старший сын киевского князя занимал новгородский стол. Во всяком случае, совсем юным Мстислав Владимирович оказывается на новгородском столе и к моменту женитьбы в 1095/96 г. занимает его уже в течение достаточно длительного времени. Весьма любопытно в этой связи, что Владимир Мономах в своем «Поучении», написанном в ту пору, когда его сын Мстислав был уже вполне взрослым человеком и имел, по-видимому, собственных детей, упоминает о нем следующим образом:

«...дѣта ся роди старѣишеє Новгородьскоє»[27].

Не исключено, что Владимир Мономах, устраивая брак своего сына, в определенном смысле уподоблял его великому предку, Ярославу Владимировичу Мудрому, который в свое время также женился на шведской принцессе, еще будучи новгородским князем[28].

При этом не стоит забывать и о совершенно особом положении, которое в ту эпоху Новгород занимал среди других русских городов, насколько важна была для сидящего там князя поддержка знатных новгородских родов и

---

26 В этом отношении показателен летописный эпизод, когда новгородцы, принимая к себе князя Изяслава, сына Мстислава Великого, приветствуют его словами: «...ты на^ш^ кн҃зь ты на^ш^ Володимиръ ты на^ш^ Мьстиславъ» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 370]. По-видимому, отождествление с Мстиславом Великим и его отцом, Владимиром Мономахом, а тем более родство с ними, воспринималось как своеобразный залог легитимности прав на новгородское княжение.

Ср. также реакцию новгородцев на попытку прислать им в князья сына Святополка Изяславича вместо Мстислава Великого: «и рѣша Новгородци Ст҃ополку се мы кнѧже прислани к тобѣ и ркли ны тако не хоче^м^ Ст҃ополка ни сн҃а єго аще ли в҃ главѣ имѣєть сн҃ъ твои то пошли и [а] сего <Мстислава. — *А.Л., Ф.У.*> ны далъ Всеволодъ а въскормили єсмы собѣ кнѧзь» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 276 под 1102 г.].

27 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 247].

28 Следует отметить, что Владимир Мономах особенно подчеркивал свою связь с дедом, Ярославом Мудрым, — в «Поучении» он отмечает, что именно дед дал ему имя. Не менее существенна для него и связь с прадедом, Владимиром Святым, в честь которого он был назван как мирским именем *Владимир*, так и крестильным именем *Василий*.

насколько тесно судьбы представителей этих семей были тесно переплетены с судьбами самих Рюриковичей. Выходцы из новгородского боярства могли играть важную роль и далеко за пределами самого Новгорода[29], однако особенно важна была их поддержка для того князя, который собирался надолго удержаться в их родном городе.

О том, что Мстислав отнюдь не пренебрегал этой поддержкой, свидетельствует, например, его второй брак на дочери посадника Дмитрия Завидовича. Во времена же первого брака в ближайшем окружении Мстислава обнаруживается не кто иной, как Добрыня Рагуилович, княжеский воевода, будущий новгородский посадник и, предположительно, правнук интересующего нас Рёгнвальда Ульвссона[30]. Если все наше построение в целом верно, то шведская принцесса, молодая жена князя, приходилась этому новгородцу троюродной сестрой (см. табл. № 7 к настоящему экскурсу).

Значение этого родства — как вообще нередко бывает — было двунаправленным. С одной стороны, им, возможно, объясняется близость к князю именно Добрыни Рагуиловича. С другой стороны, не исключено, что оно каким-то образом упрощало сватовство Мстислава и в той или иной степени определяло самый выбор невесты. В определенном смысле брак Мстислава Великого и Кристины оказывался одновременно и династическим и «внутренним», собственно новгородским делом.

Кристина была совсем не чужой для новгородской знати и, видимо, отчасти поэтому занимала в Новгороде особое положение, отличное от положения большинства княгинь. Новгородская первая летопись содержит несколько необычное упоминание о ее смерти. Такого рода известие само по себе не редкость, однако, как правило, сообщается лишь о том, чьей женой была преставившаяся княгиня. Именно так и выглядят сообщения о смерти Кристины в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях:

«престависа кнагыни Мстиславла»[31].

Новгородское же свидетельство содержит личное имя княгини:

---

29 Достаточно упомянуть, например, что новгородский посадник Мирослав Гюрятинич, принадлежавший, как предполагается, к роду ярла Рёгнвальда, отправляется, согласно летописи, мирить киевлян с черниговцами в 1136 г. [ПСРЛ. Т. III. С. 28], а другой представитель этого рода — Рагуил Добрынич (тысяцкий князя Владимира Мачешича, сына Мстислава Великого от второго брака) — в Киеве везет тело убитого киевлянами князя Игоря Ольговича в церковь св. Михаила, в так называемую «новгородскую божницу» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 318 под 1147 г.]; ср. [Гиппиус 2003. С. 152].

30 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 238]; ср. [ПСРЛ. Т. VII. С. 11]. Попытка отождествления Добрыни Рагуиловича и новгородского посадника Добрыни принадлежит И.И. Григоровичу [Григорович 1821. С. 70–71] и А.А. Гиппиусу [Гиппиус 2001. С. 62; Гиппиус 2003. С. 152]. Ср. также: [Янин 2003. С. 92. Примеч. 92].

31 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 292; Т. II. Стб. 284 под 1122 г.].

«прѣставися Мьстиславляя Хрьстина»[32].

На фоне общей для летописных источников скупости данных об именах жен и дочерей Рюриковичей домонгольский поры этот факт представляется достаточно примечательным.

Помимо всего прочего, благодаря новгородскому сообщению мы знаем ту русифицированную форму, которую обрело имя шведской принцессы в Новгороде. Существенно, что эта форма полностью совпадает с той, с помощью которой на Руси передавалось имена соответствующих греческих святых. Иными словами, скандинавский облик имени (Kristín) был безошибочно отождествлен с именем святой, чтимой в Константинополе и на Руси. Кто же из святых тёзок Христин мыслился в качестве небесной покровительницы княгини на ее новой родине?

На первый взгляд, ответ на этот вопрос относительно прост. В самом деле, восточная церковь в разное время почитала четырех святых с этим именем. Лишь две из них — св. Христина Тирская и св. Христина Персидская — упоминаются в сохранившихся ранних славянских месяцесловах, что же касается месяцесловов собственно русских, то здесь существует памятник, показания которого должны в первую очередь приниматься в расчет при определении патрональной святой супруги Мстислава.

Речь идет о знаменитом Мстиславовом Евангелии, месяцеслов которого, как кажется, не мог не содержать имени небесной покровительницы княгини. Действительно, мы обнаруживаем здесь св. Христину и притом — только одну, св. Христину Тирскую, едва ли не самую популярную из святых мучениц с этим именем. Память ее праздновалась 24 июля, в один день с памятью первых русских святых из рода Рюриковичей, свв. Бориса и Глеба. В Константинополе существовал отдельный храм, посвященный этой святой, по всей видимости, ее память специально отмечалась также и в константинопольском храме мученика Трифона, «близь Ирины старой и новой», т. е. рядом с церковью великомученицы Ирины. В древнем греческом кондаке св. Христине есть упоминание о раке с ее мощами, дарующей исцеление[33].

Таким образом, почти не вызывает сомнений, что покровительницей новгородской княгини была св. Христина Тирская, однако, как кажется, ограничиться одним этим утверждением в данном случае невозможно. Дело в том, что существуют два обломка булл с изображением женщины в короне и с нимбом на одной стороне и греческой надписью «святая Христина» на другой. Еще Н.П. Лихачев, а вслед за ним В.Л. Янин высказали предположение о том, что эта печать принадлежала первой жене Мстислава Великого[34].

Само по себе существование собственной печати у новгородской княгини — факт не менее примечательный, чем ее именование в летописи. Как из-

32 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 21, 205 под 1122 г.].

33 См. [Сергий. Т. III. С. 283].

34 См. [Янин 1970. Т. I. С. 33].

вестно, женских печатей домонгольской поры найдено несоизмеримо меньше, чем мужских, причем общее число находок достаточно велико, чтобы можно было утверждать, что оно хотя бы в какой-то мере соответствует действительному положению дел в конце XI — XII в. Иными словами, многие княгини или не имели печати, или пользовались ими достаточно редко.

Существенно, однако, что В.Л. Янин, не сомневаясь в принадлежности этих новгородских находок, отметил то обстоятельство, что святая изображена на печатях с явными атрибутами царской власти. Между тем ни св. Христина Тирская, ни какая-либо из ее святых тезок не были царицами. В то же время образцы подобной иконографии св. Христины на Руси известны именно в новгородской традиции: таким же образом, т. е. в короне, изображена эта святая в росписи Спасо-Нередицкой церкви конца XII в. Откуда же взялась эта корона в изображении святой, или, формулируя этот вопрос несколько иначе, кто изображен в короне на печати и фреске?

Как справедливо отметил В.Л. Янин, едва ли можно думать, что на печати и уж тем более на фреске изображена не св. Христина, а сама княгиня — Кристина, дочь Инги Старого. Однако появление у святой атрибутов власти может объясняться не просто использованием в Новгороде некоего особого, «неправильного» иконографического образца, но и перенесением на святую мученицу некоторых атрибутов нареченной в ее честь княгини. В определенном смысле, образ святой на печати и образ самой княгини сливаются[35].

Весьма вероятно, почитание св. Христины в Новгороде поддерживалось на протяжении всего XII в. именно благодаря культу этой святой, заложенному Мстиславом и его первой женой[36]. Любопытно также, не могла ли княги-

---

35 Как кажется, примеры подобного выделения княжеских патрональных святых с помощью особых знаков княжеского достоинства в русской иконографии известны. Так, С.И. Масленицын обратил внимание, что на иконе, которая связывается с браком Александра Невского и полоцкой княжны, св. Параскева Пятница изображена не в традиционном для нее мученическом одеянии, а в парадном княжеском облачении [Масленицын 1976. С. 236–239; Масленицын 1977. С. 158–161]. Об именах этой полоцкой княжны см. подробнее Экскурс № 6, с. 384–385.

36 Сам по себе интересен вопрос о распространенности имени *Христина* в домонгольской Руси, в особенности, начиная со времен первого брака Мстислава Великого. Это имя фигурирует в новгородской берестяной грамоте, датируемой серединой 20-х — серединой 50-х г. XII в. Грамота представляет заказ на написание иконы [Зализняк 1995. С. 294. № 602; ср. также грамоту № 560]. Встречается оно в берестяных грамотах того же типа (церковное поминание и/или заказы на иконы) и позже, в середине XII — начале XIII в. [Зализняк 1995. №№ 522, 523, 554]. Из летописи мы знаем, что в 1195 г. в Новгороде скончалась игуменья Варваринского монастыря по имени *Христина* [ПСРЛ. Т. III. С. 42]; надо полагать, это имя она приняла при постриге. Большую ценность в этом отношении представляет и надпись на знаменитом Суздальском амулете-змеевике, относящемуся, скорее всего, к XII в. В этой надписи упомянуты некие Мария, Христина и Георгий. Данных для отождествления этих лиц

ня Кристина почитаться как местная святая в Новгороде, ведь мы располагаем вполне определенными свидетельствами о существовании местного культа ее мужа, князя Мстислава Владимировича[37].

Как кажется, судьбы детей Мстислава Великого и Кристины в той или иной степени несли на себе отпечаток новгородского родства их матери (см. табл. № 8 к настоящему экскурсу). В этом отношении показательна не только фигура их старшего сына Всеволода, многие годы княжившего в Новгороде и оказавшегося в довольно сложных и не всегда мирных отношениях с противостоящими новгородскими кланами. Не менее интересны и судьбы дочерей Мстислава и Кристины.

По крайней мере три из них носили имена, этимологически связанные с германским миром: Рогнеда (Ragnheiðr), Маль(м)фрид (Mal(m)friðr), Ингибьёрг (Ingibjörg). Однако у всех этих имен ко времени появления наследниц Мстислава на свет уже существовала своя собственно русская история.

Рогнедой, как известно, звали одну из жен Владимира Святого, мать Ярослава Мудрого, но — что для нас более существенно — оно традиционно воспринималось как «однокоренное» с мужским именем *Рёгнвальд / Рогволод*. Рогнеда была прапрабабкой Мстислава Великого. *Рёгнвальд / Рог(волод) / Рагуил* было родовым именем как для шведской, так и для русской ветви родни Кристины. Таким образом, в имени русской княжны Рогнеды Мстиславны соединялись антропонимические традиции отцовского и материнского рода.

Имя *Маль(м)фрид* также встречается в русском княжеском именослове времен Владимира Святого. В Скандинавии же оно получило распространение только с той поры, когда Маль(м)фрид Мстиславна вышла замуж за конунга Норвегии Сигурда Крестоносца. Показательно, что единственная дочь, родившаяся в этом браке, получила имя *Кристина*, в честь бабки с материнской стороны.

Имя еще одной Мстиславны, *Ингибьёрг*, также было не чуждо как роду ее отца, так и роду ее матери. Оно воспроизводило одну из основ имени *Ингигерд*, прабабки Мстислава Великого, и явным образом соотносилось с именем шведского конунга *Инги*, отца Кристины. Любопытно, однако, что именно это имя носила прародительница новгородского клана потомков ярла Рёгнвальда. Напомним, что так звали жену ярла, сестру конунга Олава Трюггвасона, с которой Рёгнвальд приехал на Русь. Кристина не состояла с ней в

с какими-либо представителями княжеской семьи, как и вообще с кем-либо из известных по другим источникам людей, в настоящее время недостаточно, хотя попытки такого рода идентификации исследователями предпринимались (см. [Рындина 1972; Медынцева 2000. С. 189–200, с обзором литературы]). Целостный лингвистический анализ см. [Гиппиус, Зализняк 1998].

37 Память Мстислава (15 апреля), получившего в крещении имя *Федор*, присутствует, например, в южнославянских списках древнерусских Прологов [Павлова 2004. С. 76–94]. Ср. также: [Серебрянский 1915. С. 13–17, 48; Сергий. Т. II. С. 110].

кровном родстве, но весьма вероятно, что память об Ингибьёрг, дочери Трюггви, была значима для новгородских родственников княгини, и это сыграло определенную роль в выборе имени для девочки.

Кроме всего прочего, скандинавские имена этих трех княжон (дочерей же у Мстислава было, по меньшей мере, семь), скорее всего, говорят о том, что этих девочек едва ли не с момента рождения прочили замуж в Скандинавию (см. табл. № 9 к настоящему экскурсу). Мы точно знаем, что в отношении двух княжон этим планам суждено было сбыться: если Маль(м)фрид Мстиславна оказалась сперва в Норвегии, а затем в Дании, то Ингибьёрг Мстиславна вышла замуж за Кнута Лаварда, внука могущественного датского конунга Свейна Эстридссона. Немаловажно при этом, что из-за политических неурядиц в Дании Ингибьёрг пришлось, будучи замужней женщиной, на время вернуться к отцу на Русь. Там-то и появился на свет будущий конунг Дании Вальдемар Великий, а имя ему было дано в честь русского прадеда, Владимира Мономаха[38].

Итак, в XI — XII вв. династия Рюриковичей была далеко не единственным из знатных родов, живших и действовавших на Руси, но обладавших при этом скандинавскими корнями. История этих семей очень рано встраивается в историю их новой родины, их имена, язык и обычаи не оставляют ни малейших сомнений в том, что они окончательно превращаются в русских правителей, в русскую аристократию. Тем не менее скандинавские связи не только не забываются, но до определенной поры поддерживаются и обновляются, создавая сложную, многослойную систему родства и свойства́, охватывающую весьма значительную часть Северной Европы.

---

38 См. подробнее об этом имянаречении: [Ф.Б. Успенский 2002. С. 34–44], с указанием литературы.

ТАБЛИЦА № 1

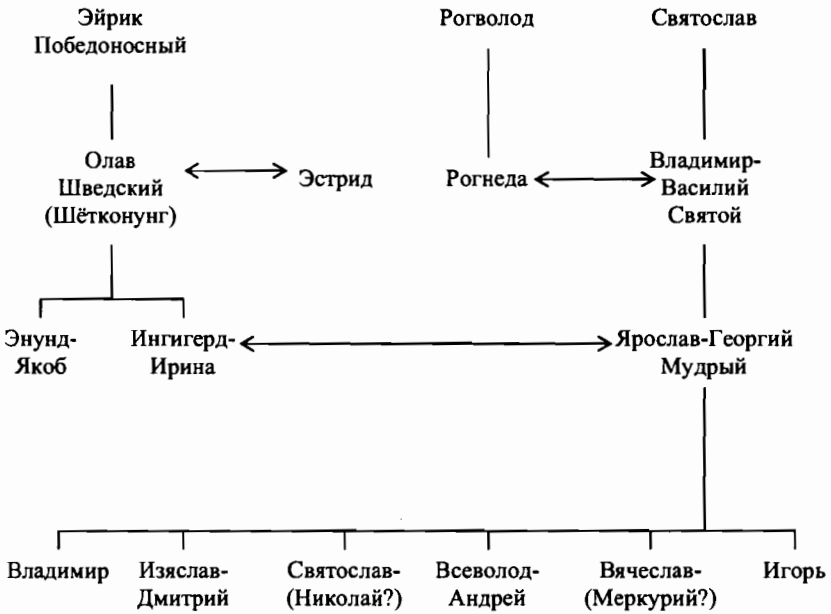

Эйрик Победоносный
Рогволод
Святослав
Олав Шведский (Шётконунг)
Эстрид
Рогнеда
Владимир-Василий Святой
Энунд-Якоб
Ингигерд-Ирина
Ярослав-Георгий Мудрый
Владимир
Изяслав-Дмитрий
Святослав-(Николай?)
Всеволод-Андрей
Вячеслав-(Меркурий?)
Игорь

ТАБЛИЦА № 2

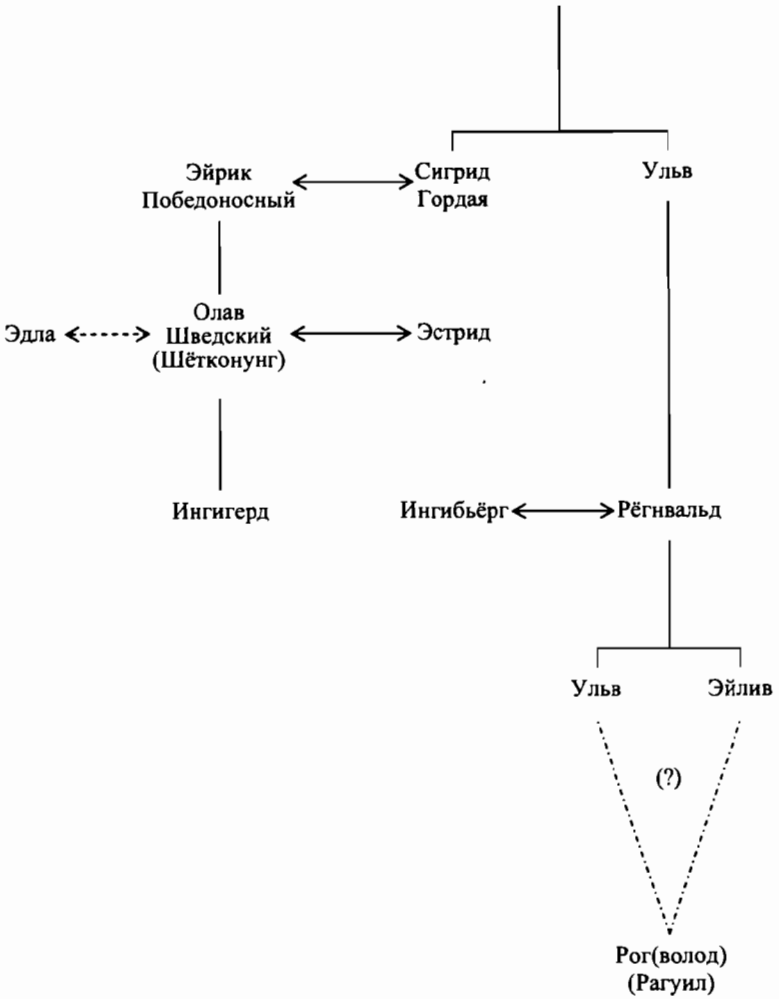

Эйрик
Победоносный
Сигрид
Гордая
Ульв
Олав
Шведский
(Шётконунг)
Эдла
Эстрид
Ингигерд
Ингибьёрг
Рёгнвальд
Ульв
Эйлив
(?)
Рог(волод)
(Рагуил)

ТАБЛИЦА № 3

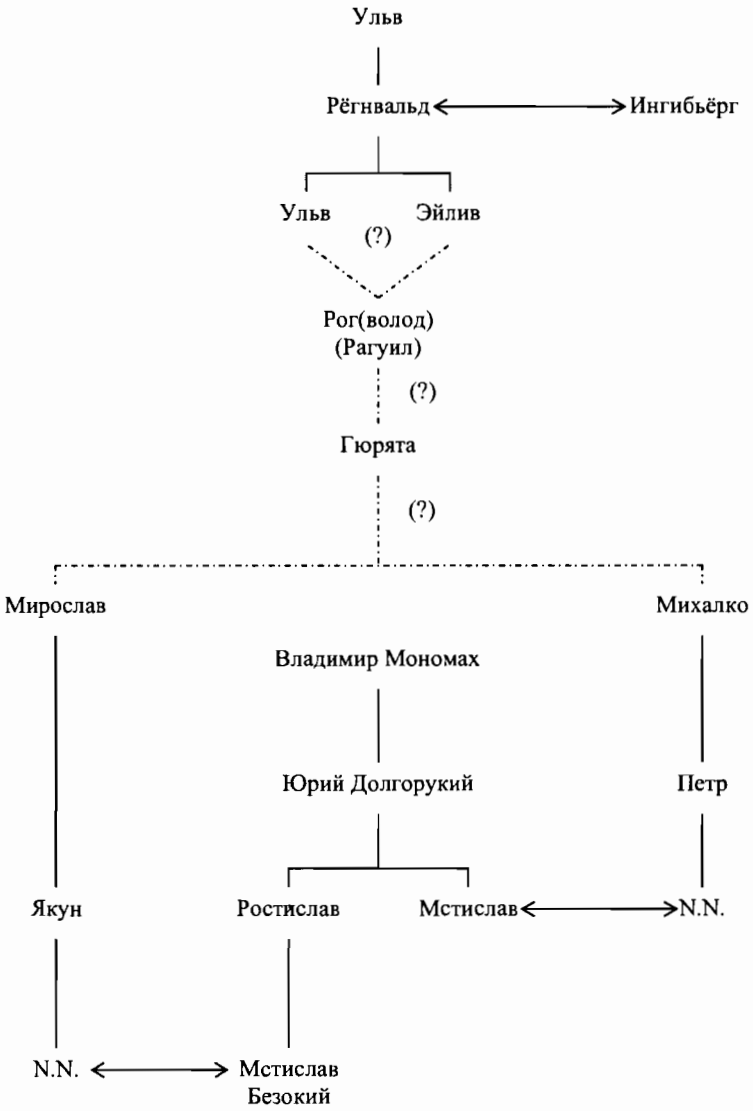

Ульв
Рёгнвальд
Ингибьёрг
Ульв
Эйлив
(?)
Рог(волод)
(Рагуил)
(?)
Гюрята
(?)
Мирослав
Михалко
Владимир Мономах
Юрий Долгорукий
Петр
Якун
Ростислав
Мстислав
N.N.
N.N.
Мстислав
Безокий

ТАБЛИЦА № 4

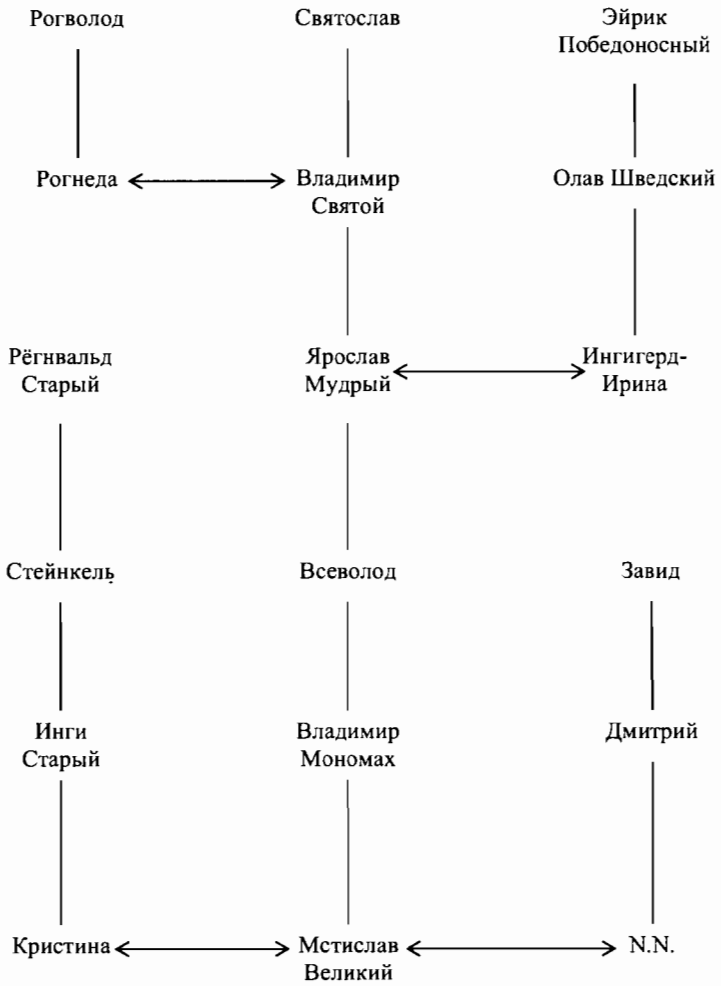

Рогволод
Святослав
Эйрик Победоносный
Рогнеда
Владимир Святой
Олав Шведский
Рёгнвальд Старый
Ярослав Мудрый
Ингигерд-Ирина
Стейнкель
Всеволод
Завид
Инги Старый
Владимир Мономах
Дмитрий
Кристина
Мстислав Великий
N.N.

ТАБЛИЦА № 5

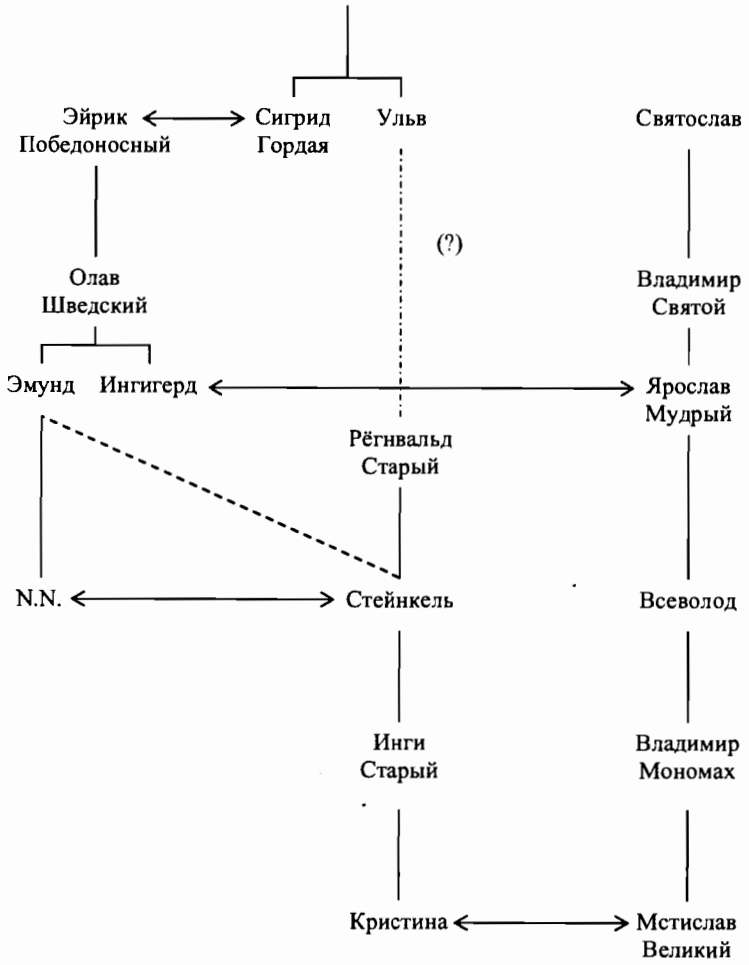

Эйрик Победоносный
Сигрид Гордая
Ульв
Святослав
(?)
Олав Шведский
Владимир Святой
Эмунд
Ингигерд
Ярослав Мудрый
Рёгнвальд Старый
N.N.
Стейнкель
Всеволод
Инги Старый
Владимир Мономах
Кристина
Мстислав Великий

ТАБЛИЦА № 6

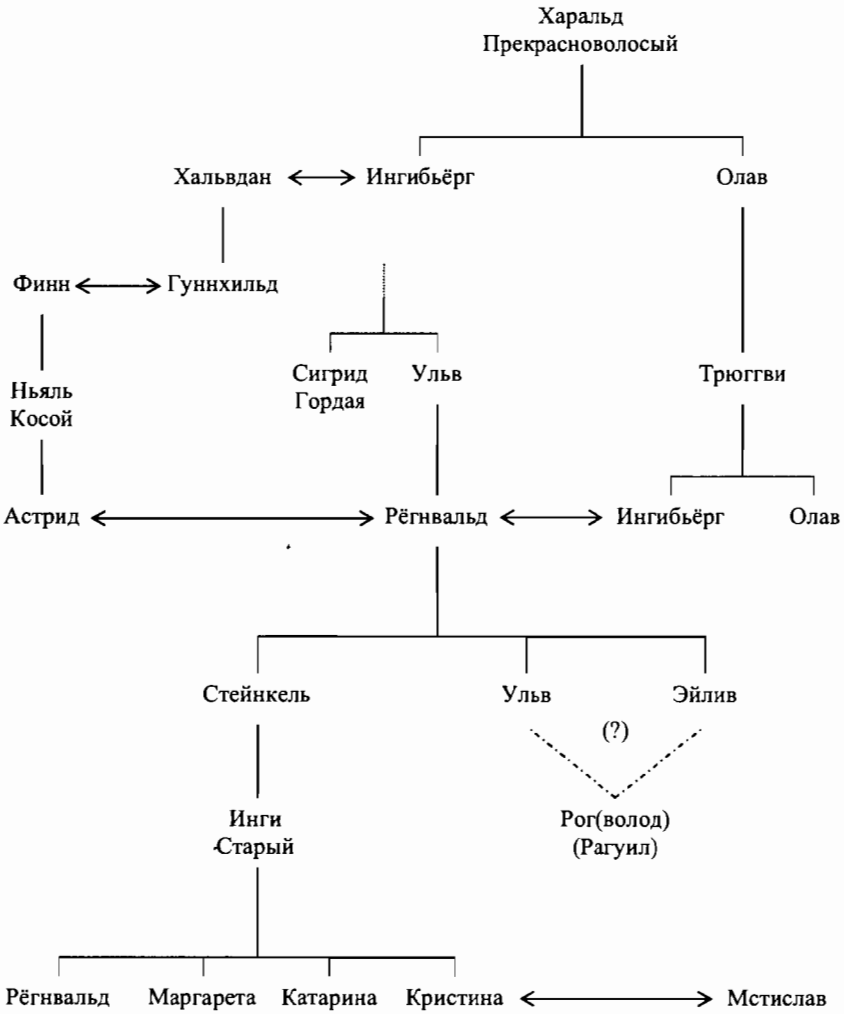

Харальд
Прекрасноволосый
Хальвдан
Ингибьёрг
Олав
Финн
Гуннхильд
Ньяль
Косой
Сигрид
Гордая
Ульв
Трюггви
Астрид
Рёгнвальд
Ингибьёрг
Олав
Стейнкель
Ульв
Эйлив
(?)
Инги
Старый
Рог(волод)
(Рагуил)
Рёгнвальд
Маргарета
Катарина
Кристина
Мстислав

ТАБЛИЦА № 7

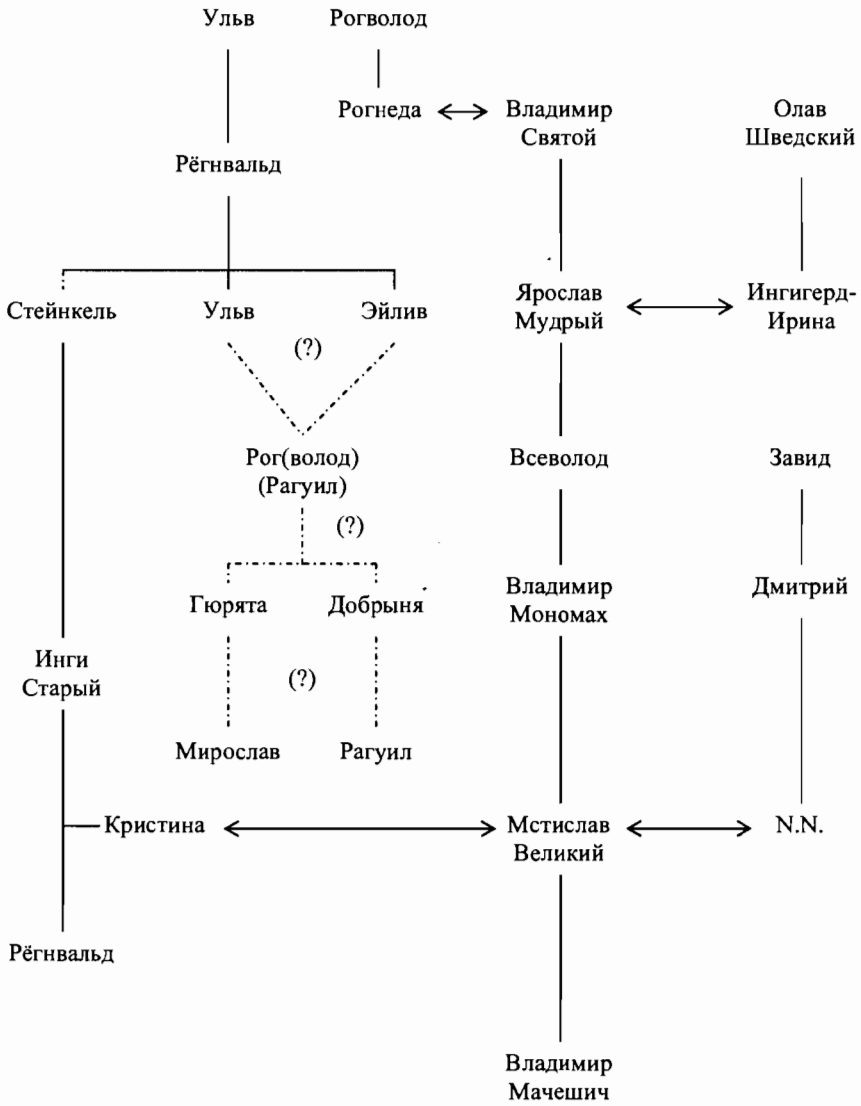

Ульв
Рогволод
Рогнеда
Владимир Святой
Олав Шведский
Рёгнвальд
Стейнкель
Ульв
Эйлив
Ярослав Мудрый
Ингигерд-Ирина
(?)
Рог(волод) (Рагуил)
Всеволод
Завид
(?)
Гюрята
Добрыня
Владимир Мономах
Дмитрий
Инги Старый
(?)
Мирослав
Рагуил
Кристина
Мстислав Великий
N.N.
Рёгнвальд
Владимир Мачешич

ТАБЛИЦА № 8

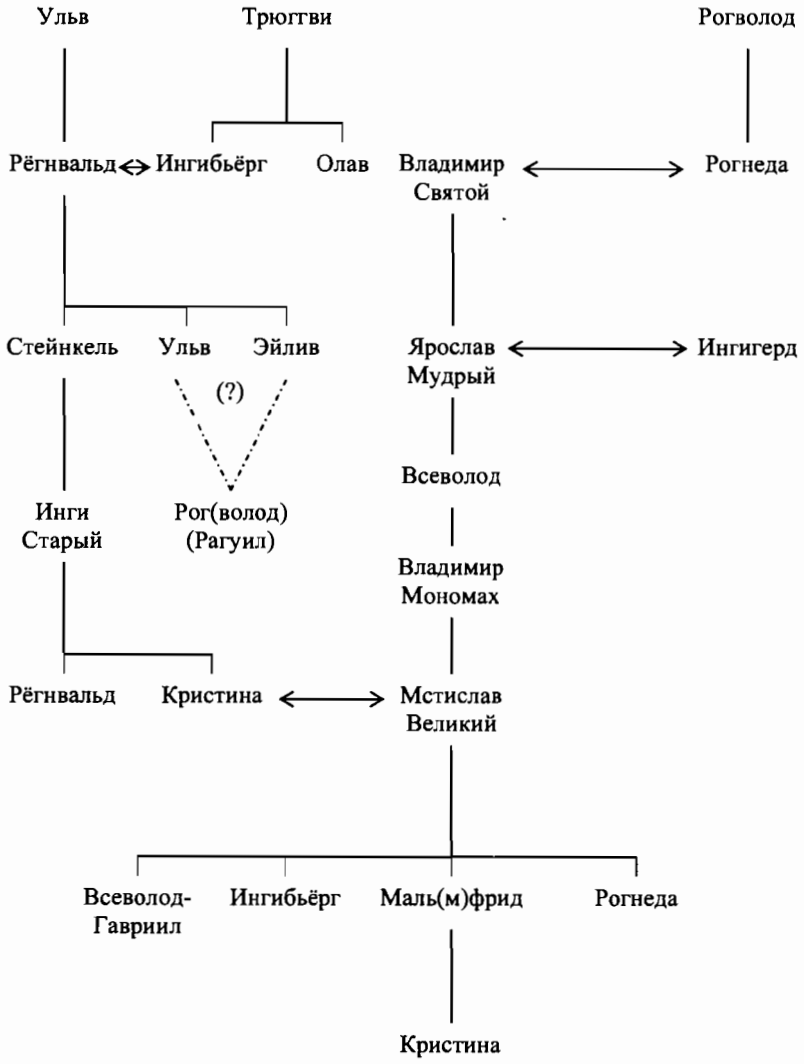
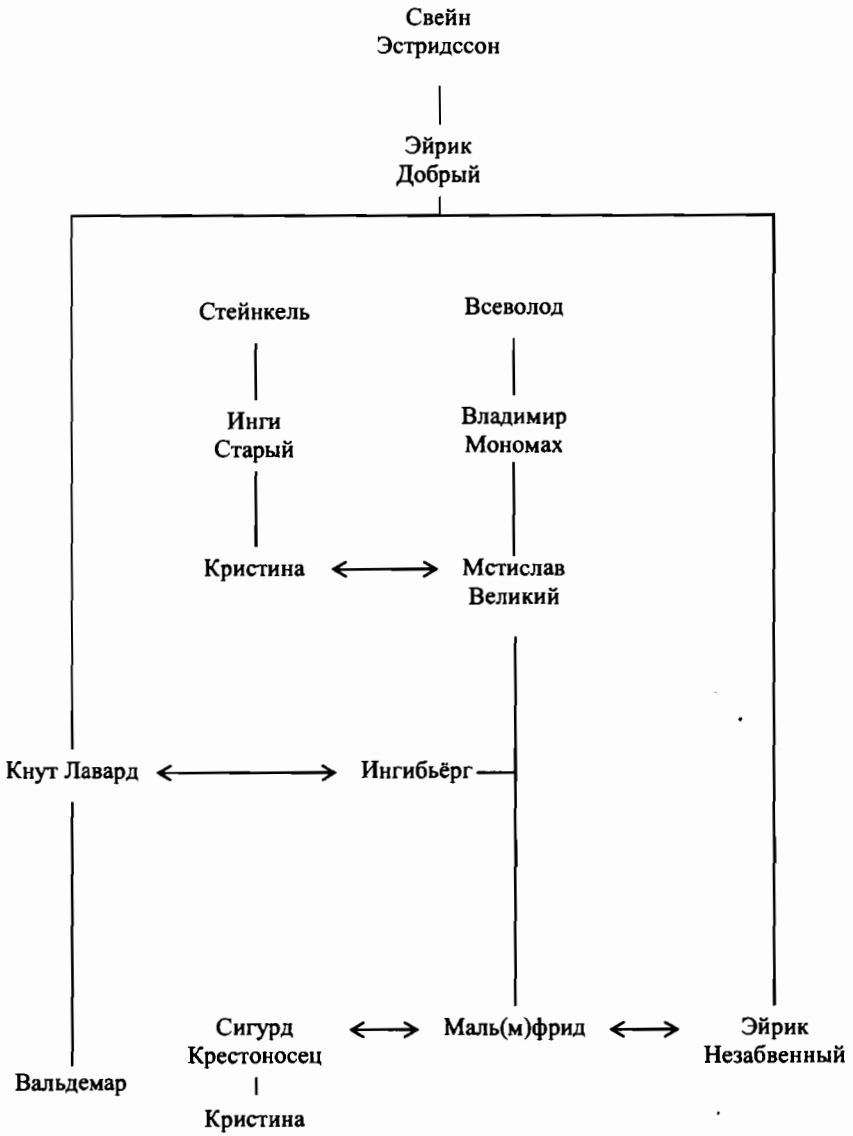

Ульв
Трюггви
Рогволод
Рёгнвальд
Ингибьёрг
Олав
Владимир Святой
Рогнеда
Стейнкель
Ульв
Эйлив
(?)
Ярослав Мудрый
Ингигерд
Всеволод
Инги Старый
Рог(волод) (Рагуил)
Владимир Мономах
Рёгнвальд
Кристина
Мстислав Великий
Всеволод-Гавриил
Ингибьёрг
Маль(м)фрид
Рогнеда
Кристина

ТАБЛИЦА № 9


Свейн
Эстридссон
Эйрик
Добрый
Стейнкель
Всеволод
Инги
Старый
Владимир
Мономах
Кристина
Мстислав
Великий
Кнут Лавард
Ингибьёрг
Сигурд
Крестоносец
Маль(м)фрид
Эйрик
Незабвенный
Вальдемар
Кристина

Экскурс 5

Кем была «Мария Всеволожая»? Отчество и происхождение трех русских княгинь XII в.

Одной из самых знаменитых княгинь рубежа XII — XIII вв. была жена Всеволода Большое Гнездо, Мария. Если мы остановимся только на тех сюжетах, которые представляют несомненный интерес для истории имянаречения на Руси, то и в этом случае биография «Марии Всеволожей» дает немалую пищу для исследования.

Известно, что в своем монастыре княгиня возвела церковь Успения Богородицы, которая была освящена в день, когда праздновалась память Иоакима и Анны[1]. Это свидетельство связано со средневековым «языком имен» в большей степени, чем может показаться при первом прочтении. Прежде всего, церковь Успения Богородицы возводит княгиня по имени *Мария*[2].

---

1 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 417 под 1202 г.].

2 Как известно, в Средние века избегали давать имя непосредственно в честь Богородицы, однако вполне возможно, что девочка получила свое крестильное имя благодаря тому, что дата рождения была близка к тому или иному Богородичному празднику. В этом отношении любопытен пример с имянаречением дочери князя Святослава Ольговича, родившейся 1 августа и нареченной *Марией* [ПСРЛ. Т. II. Стб. 376 под 1149 г.]. Летописец специально отмечает, что события, связанные с рождением девочки, приходятся на Спасов день, т. е. на время Успенского поста, однако наличие этого поста в домонгольской Руси является вопросом спорным (см. подробнее: [Голубинский. Т. I. 2-я половина тома. С. 462–465]. Не менее интересна и история, связанная с тем Богородичным праздником, который прямо назван в летописи — Спасовым днем, т. е. праздником Всемилостивому Спасу и Пречистой Богородице. На Руси его ввел Андрей Боголюбский, однако произошло это не ранее 1164 г., а скорее в 1168 г. (см. [Голубинский. Т. I. 2-я половина тома. С. 409–410]; ср. [Лосева 2001. С. 108–109]). Таким образом, вероятнее всего, перед нами своего рода анахронизм: летописец датирует некое событие 1149 г. при помощи упоминания праздника, хорошо известного ему самому, но, по-видимому, не существовавшего в то время, о котором он рассказывает (высказывалась гипотеза, что весь рассказ о рождении Марии — позднейшая вставка [Франчук 1998. С. 172]; впрочем, это предположение трудно счесть бесспорным).

Разумеется, день рождения девочки недалеко отстоял и от 15 августа — Успения Богородицы. Весь этот круг Богородичных праздников мог так или иначе связываться в сознании летописца с ее имянаречением, хотя имя свое, с наибольшей веро-

При этом церковь освящается 9 сентября, на память Иоакима и Анны, родителей Богородицы.

Возможно, свою роль здесь сыграло и то обстоятельство, что в честь Анны была крещена сватья Марии Всеволожей[3], жена киевского князя Рюрика Ростиславича, мать Ростислава Рюриковича, за которого была отдана в 1187 г. Верхуслава-Анастасия, дочь Марии и Всеволода Большое Гнездо (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу)[4].

Для того чтобы оценить, насколько значим был «язык имен» при дворе князя Всеволода, нелишним кажется упомянуть, что духовником княгини Марии был Симон[5], впоследствии епископ суздальский и владимирский, составитель едва ли не самой известной из дошедших до нас редакций Киево-Печерского патерика, где автор проявляет исключительное внимание к внутренней форме некоторых княжеских имен[6].

Еще более существенно, что в целом ряде летописных текстов и, в частности, в Лаврентьевской летописи содержится описание пострижения княгини незадолго до смерти. Рассказ об этом событии, долгой болезни и кончине составляют единый комплекс, представляющий собой похвальное слово этой княгине. В сообщении о ее постриге есть и чрезвычайно интересное с точки зрения истории христианских имен на Руси сообщение о том, что в монаше-

---

ятностью, она могла получить, например, в честь Марии Магдалины, чья память отмечалась 22 июля.

3 Ср. «Тако же хр^с^толюбивая его <Рюрика Ростиславича. — *А.Л., Ф.У.*> кнѧгины тезоименьна соущи Аннѣ родителници мт҃ри Б҃а нашего ꙗже и блг^д^ть нарѣцаетьсѧ» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 710 под 1199 г.].

4 Не исключено, что на выбор даты освящения церкви могло повлиять также и событие трехлетней давности, когда на память Успения св. Анны (25 июля) сгорело, по выражению летописца, «мало не половину» Владимира и, в частности, 13 церквей [ПСРЛ. Т. I. Стб. 415 под 1199 г.]. Кроме того, возможно следует говорить об особом почитании родителей Богородицы при Всеволоде Большое Гнездо. Напомним, что в 1196 г. епископ Иоанн закладывает надвратную церковь Иоакима и Анны во Владимире. В летописи это сообщение следует непосредственно за свидетельством о рождении у Всеволода сына и наречении его именем *Гавриил* [ПСРЛ. Т. I. Стб. 412] (ср. табл. № 2 к настоящему экскурсу). Это имя на Руси связывалось прежде всего с символикой Благовещения. Не исключено, что уже в церкви Успения Богородицы, возведенной матерью Святослава-Гавриила Всеволодича, с самого начала был устроен и придел Благовещения (ср. в настоящем экскурсе ниже).

5 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 424 под 1206 г.]; ср. [ПСРЛ. Т. XV: Тверская летопись. Стб. 301].

6 Об осмыслении имени *Святослав* в рассказе патерика о Николе-Святоше и в летописной статье, посвященной кончине Святослава Юрьевича, брата Всеволода Большое Гнездо, а также о наречении одного из сыновей Марии и Всеволода именем *Святослав* см. подробнее Экскурс № 11.

стве она получила то же самое имя, что и дано ей было при крещении. Это обстоятельство в летописи специально подчеркивается:

«...и нарекоша єи имѧ Мр҃иꙗ в то^ж^ имѧ крещена бы^с^ пре^ж^»[7].

Особая фиксация сохранения крестильного имени при постриге, строго говоря, может свидетельствовать о разном. С одной стороны, мы не знаем точно, насколько рано установился на Руси обычай менять имя при постриге[8], хотя замечание летописи, скорее, указывает на то, что во времена княгини Марии имена при постриге уже менялись регулярно.

Если это так, и особое внимание к сохранению ее крестильного имени в монашестве выражается не позднейшим составителем свода, а современником Марии Шварновны, то очевидно, что имя *Мария* вновь избирается для княгини, принимающей постриг в ею же созданном Богородичном монастыре, не без ориентации на расцветший во владимирской земле культ Богородицы.

Не исключено, разумеется, что ориентация эта была сложной и нелинейной: в крещении ее покровительницей могла быть, например, Мария Египетская, а при постриге она могла сменить патрональную святую, т. е. избрать в качестве своей покровительницы, например, Марию Магдалину. Для нас существен, однако, сам факт сохранения Богородичного имени.

Нельзя, однако, не отметить, что не все источники единодушны в том, что касается имен Марии Всеволожей. Во всяком случае, Н.М. Карамзин отмечал, что в приделе Благовещения уже упоминавшегося Успенского монастыря во Владимире была надгробная плита с именем Марфы Шварновны[9]. Не исключено, что при изготовлении надгробной плиты (аретфакта весьма позднего) руководствовались показаниями Степенной книги, где о Марии Всеволожей говорится, что она «пострижеся во иноческій чинъ, и претворено бысть имя ей марфа»[10], тем более что этот источник четко указывает место погребения княгини — а приделе Благовещения, на правой стороне. По предположению историка, Мария Всеволожая приняла имя *Марфа* при постриге, что напрямую противоречит разбиравшимся выше указаниям летописей, прежде всего Лаврентьевской[11].

---

7 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 424 под 1206 г.].

8 Ср., например, случай Феодосия Печерского, который в иночестве как будто бы сохранил свое мирское христианское имя.

9 См. [Карамзин. Т. III. Примеч. 62].

10 См. [ПСРЛ. Т. XXI. С. 228].

11 Не исключено, правда, что здесь необходимо обратить особое внимание на свидетельство Тверской летописи, которая, сообщая о том, что Мария сохранила при постриге свое имя, отмечает, что она приняла не только малую, но и великую схиму (см. [ПСРЛ. Т. XV: Тверская летопись. Стб. 301]). Это позволило Л.С. Кишкину предположить, что имя *Мария* она приняла в малой схиме, а имя *Марфа* — в великой [Кишкин 1972. С. 256]; ср. также: [Максимович 1877. С. 161]. Мы очень мало знаем о том, какова в точности была процедура перемены имени при принятии вели-

Можно предположить, что это противоречие возникает из-за некоторой путаницы между двумя сестрами. В летописи неоднократно отмечается, что у Всеволода Большое Гнездо были свояченицы (подробнее см. ниже), и при этом сказано, что одна из них, жена князя Ярослава Владимировича, скончалась в 1201 г. и была погребена в церкви святой Богородицы в «манастырѣ сестринѣ»[12], т. е. в той же самой церкви, о которой речь идет в Степенной книге и у Н.М. Карамзина. Об имени этой княгини надежных сведений у нас нет[13]. Можно допустить, что Марфой Шварновной на самом деле звалась именно она, а не Мария Всеволожая. Косвенным образом такая гипотеза может быть подтверждена тем толкованием деисусных изображений в Нередицкой церкви, которое предложил Н.П. Сычев[14]. Согласно его гипотезе, необычное расположение фигуры Иоанна Предтечи и появление в этой композиции св. Марфы (а не Богородицы) связано с патрональными святыми ктиторов храма — Ярослава-Иоанна Владимировича и его жены (Марфы?)[15]. Если одну из дочерей Шварна и в самом деле звали *Марфой*, а другую *Марией*, то перед нами яркий случай использования в одной семье двух парных имен — девочек-сестер нарекают в честь святых сестер Марии и Марфы (в неделю мироносиц).

Любопытно, однако, что если расположение надгробной плиты верно отмечает место погребения начала XIII в. (в приделе Благовещения), то это захоронение, по-видимому, связано и с культом патронального святого Святослава-Гавриила Всеволодича, одного из младших детей Всеволода Большое Гнездо, сына Марии и родного племянника княгини «Ярославлей».

В позднейшем летописании княгине Марии Всеволожей приписывается прощальная поучительная речь, обращенная к старшему сыну Константину Всеволодичу (см. табл. № 2 к настоящему экскурсу). Летописец сравнивает

кой схимы в русской церкви начала XIII в. Однако, если судить по гораздо более поздней практике, скорее существовала возможность возвращения к крестильному имени при принятии великой схимы (т. е. **Мария — Марфа — Мария*), нежели та модель, которую предлагает Л.С. Кишкин (*<*Мария*?> — *Мария — Марфа*).

12 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 416–417]. В Никоновской летописи это событие относится к 1200 г. [ПСРЛ. Т. X. С. 32].

13 Весьма поздний летописный источник называет эту княгиню, сестру Марии Всеволожей, *Еленой* («...княгиня Ярославляя Елена»), однако эти данные не находят подтверждения в ранних летописях (см. [Макарий 1860. Ч. I. С. 332–333. Примеч. 226 со ссылкой на Новгородские Губернские Ведомости от 1849 г. № 33. С. 151]).

14 Несколько ранее сходную точку зрения, но без подробной аргументации, высказал Н.Г. Порфиридов [Порфиридов 2005. С. 239].

15 См. [Syčev 1932. P. 84–92. Pl. X; Сычев 2005. С. 254–257; Лифшиц 1983]; ср. иначе: [Толстой, Кондаков 1899. С. 135–136; Кондаков 1914–1915. Т. II. С. 310–311; Гусев 2005; Янин 2004. С. 175–180; Янин 2004а. С. 9–14; Пивоварова 2002. С. 40–41], с указанием литературы.

ее здесь с византийскими императрицами, устроительницами и хранительницами истинного православия (Еленой и Феодорой) и с княгиней Ольгой[16]. Можно предположить, что многочисленные летописные рассказы о жизни и особенно о кончине Марии Всеволожей связаны с чем-то вроде «заявки на канонизацию» этой княгини. Кажется, однако, что, несмотря на всю значительность ее фигуры в христианской истории рода, роль княгини Марии еще существеннее во внутрисемейных связях Рюриковичей той эпохи.

Прежде всего обращает на себя внимание количество внутриродовых браков ее детей. Всеволод Большое Гнездо, как известно, во многом строил свою политику с помощью матримониальных союзов своих отпрысков, причем статус дочерей в этих браках, устроенных могущественным владимиро-суздальским князем, был, по-видимому, необычайно высок. Возможно, что это отчасти происходило потому, что из детей Марии и Всеволода, не умерших во младенчестве, первыми достигли брачного возраста девочки, которых родители и поспешили отдать замуж.

Немалую роль в политике Всеволода сыграло и родство, а вернее, свойство́, самой Марии (см. табл. № 3 к настоящему экскурсу). Как известно, он отдает новгородский стол мужу ее сестры, Ярославу Владимировичу, внуку Мстислава Великого. Словосочетание «свояк Всеволож» является едва ли не основной его характеристикой в летописи, что неудивительно, так как отец этого князя, Владимир Мачешич, боровшийся при жизни за различные княжеские столы, не оставил, по-видимому, своему сыну ни значительного княжеского наследия, ни слишком надежного места в княжеской иерархии. Таким образом, в традиционных для летописного контекста указаниях на родство князя, указаниях, которые связаны с легитимностью получения им властных привилегий, свояк Всеволод, наделивший его новгородским княжением, оказывается для Ярослава Владимировича как бы важнее отца.

Необходимо подчеркнуть, однако, что этот князь, правивший в Новгороде достаточно долго, судя по всему, не был простым проводником воли своего более могущественного свойственника. Высказывалось предположение, что в Новгороде он придерживался собственной политической линии, строил собственные планы, апеллируя к той особой роли, которую здесь играли ко-

---

16 «Старѣйшій же ея сынъ князь Констянтинъ сладостнѣ слыша ученіе еа, яко губа воды напоашеся, внимая отъ уст еа, и на сердци полагая вся словеса ея; ибо отъ корени благаго благый возрасте плодъ, якоже великій Констянтинъ отъ святыа Елены, якоже царь Михаилъ от блаженныа Феодоры. Тако и сіа новая блаженная Елена и новая Феодора съ сыномъ своимъ Констянтиномъ Всеволодичемъ, подражающи блаженную Олгу и всѣхъ онѣхъ блаженныхъ женъ, иже дѣти своа во благовѣріи и въ законѣ Христовѣ возпиташа...» [ПСРЛ. Т. X. С. 49–50]; ср. «Ибо от корени благаго благыи възрасте плодъ, яко Костянтинъ отъ Елены святыя провъсіа, яко Михаилу отъ блаженыа Ѳеодоры прошедшу, тако и си блаженая новая Елено быти съ сыномъ своимъ Костянтиномъ и новая Ѳеодора подражающи блаженную Олгу съ Володимеромъ...» [Приселков 1950. С. 290].

гда-то его дед, Мстислав Великий, и его дядя, Всеволод-Гавриил Мстиславич[17]. Не исключено, что на взаимодействие этого князя с новгородцами накладывало отпечаток и его новгородское происхождение. Напомним, что его бабкой, матерью Владимира Мачешича, была дочь посадника Дмитрия Завидовича, и князь тем самым состоял в довольно близком родстве с целым кланом знатных новгородцев (см. табл. № 3 к настоящему экскурсу).

Существенно, что церковным строительством в Новгороде занимается не только Ярослав Владимирович, но и его жена. Подобно своей сестре, Марии Всеволожей, возводящей церковь Успения Богородицы во Владимире, она несколько ранее, в 1199 г., в основанном ею монастыре строит церковь Рождества Богородицы[18]. Примечательно, что первой игуменьей этого монастыря поставили «Завижюю посадника», т. е. жену новгородского посадника Завида, принадлежащего, возможно, к клану новгородских родичей князя Ярослава Владимировича.

Таким образом, нас не могут не интересовать обстоятельства брака Ярослава Владимировича, так как, с одной стороны, этот союз имел столь большое значение в его политической жизни, а, с другой стороны, жизнь его семьи в Новгороде и сама по себе была значимым этапом в истории города. При этом, однако, мы не располагаем сколько-нибудь точными сведениями ни о времени вступления в брак Ярослава Владимировича и Всеволода Юрьевича, ни о происхождении обеих сестер-княгинь.

Время их женитьбы можно установить лишь довольно приблизительно на основании сопоставления наших не вполне точных сведений о датах их собственного появления на свет и более обстоятельной информации о том, когда у них стали рождаться дети.

При этом мы знаем год вступления в брак еще одной свояченицы Всеволода Большое Гнездо, которая также вышла замуж за Рюриковича — Мстислава Святославича, сына Святослава Всеволодича, и сделалась таким образом невесткой киевского князя (см. табл. № 4 к настоящему экскурсу). Происхождение этой сестры указано в Ипатьевской летописи достаточно недвусмысленно, она названа здесь «ясыней»:

«...Стославъ Всеволодичь ѡжени в сна за Глѣба поѧ Рюриковноу а за Мьстислава Ꙗсыню из Володимерѧ Соуждальского Всеволожю свесть»[19].

Из-за этого именования свояченицы Всеволода делался, на первый взгляд, логичный вывод об этнической принадлежности двух других сестер, жен Всеволода Большое Гнездо и Ярослава Владимировича: они также объявляются «ясынями», что ведет к необходимости объяснения целого ряда противоречий в источниках, говорящих об их чешском происхождении.

---

17 См. [Гиппиус 2005].

18 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 44, 238].

19 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 624–625 под 1182 г.].

На наш взгляд, нет никакой необходимости приписывать осетинские корни всем трем сестрам. Первые упоминания о жене Всеволода Большое Гнездо относятся к 1176/77 г. по Ипатьевской летописи[20], упоминание о браке ее сестры «ясыни» к 1182 г. Иными словами, брак одной отделен от брака другой по крайней мере шестилетним (а, возможно, и существенно более длительным) интервалом[21]. Скорее всего, у этих сестер, таким образом, была довольно значительная разница в возрасте. Это позволяет, в свою очередь, допустить, что младшая и старшая могли быть рождены от разных браков (см. табл. № 4 к настоящему экскурсу). В таком случае «ясыня» могло быть этнонимом или прозвищем, пришедшим к младшей сестре от того, кто не был родителем старшей, вероятнее, из рода матери. Иными словами, отец Марии Всеволожей мог вступить во второй брак с женщиной, принадлежащей к народу ясов, или носившей соответствующее прозвище. Дочь этой женщины — в противопоставление сестрам от другого брака — могла бы именоваться «ясыней» по роду или прозванию своей матери. Возможность такого именования по роду матери подкрепляется еще и тем, что у Всеволода были две свояченицы, выданные замуж за князей. Именование одной из них, жены Мстислава Святославича, «ясынею» позволяет отличить ее от другой сестры, жены Ярослава Владимировича.

Кто же, однако, мог быть отец Марии, три дочери которого, судя по всему, стали женами князей Рюриковичей? Однозначного ответа на этот вопрос не существует, хотя летописный источник указывает отчество жены Всеволода Большое Гнездо — *Шварновна* (ср. табл. № 4 к настоящему экскурсу). Большинство исследователей сосредотачивают свое внимание именно на этнической принадлежности Марии, стремясь выяснить, был ли ее отец чехом или осетином[22]. Как кажется, изложенная выше гипотеза избавляет нас от необходимости приписывать осетинское происхождение всем сестрам, при том, что в источниках две из них регулярно называются дочерьми чеха.

Между тем нельзя не обратить внимание на тот факт, что у чехов не зафиксировано имя *Шварн*. В западнославянских языках фигурирует, правда, прилагательное švarny в значении ‘ладный, опрятный, красивый’[23]. Однако,

---

20 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 602]. Под 1175 г. в Лаврентьевской летописи в слове, обращенном к убитому князю Андрею Боголюбскому, есть просьба к нему о молитве за «кнѧза на^ш^аго и г^с^ина Всеволода… съ кнѧгынею и съ бл҃городными дѣтми» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 371]. Однако едва ли эта запись может непосредственно относиться к 1175 г., поскольку Всеволод становится князем владимирским двумя годами позже.

21 В летописи есть упоминание о том, что Олег Святославич провожает жену Всеволода Большое Гнездо в Москву [ПСРЛ. Т. II. Стб. 602]. Всеволоду Юрьевичу в то время было около 22 лет. Учитывая обычный возраст вступления Рюриковичей в брак, скорее всего, он женился на Марии (если, разумеется, она была его первой женой) на несколько лет раньше, но, во всяком случае, не позднее этого времени.

22 См., например: [Кишкин 1972].

23 См. [Machek 1957. S. 519]. О славянском происхождении имени *Шварн* ср. также [Гедеонов 2004. С. 208].

подчеркнем еще раз, что у нас нет никаких данных для того, чтобы утверждать, что это слово в средневековой или хотя бы в современной практике используется в качестве имени собственного. Нам же приходится реконструировать образ человека, достаточно родовитого, чтобы три его дочери вышли за князей. Тот факт, что за князей выданы именно три сестры, одна из которых к тому же называется в источниках по отчеству, как кажется, уменьшает вероятность того, что они были простыми пленницами, чьи родители никак не принимались во внимание при заключении брака. Не исключено, что для лучшего понимания семейной ситуации дочерей Шварна плодотворно будет рассмотреть отдельно «социальную историю» родового имени их отца, отвлекаясь на время от его этнической принадлежности.

Имя *Шварн*, как уже говорилось, ни в одном знатном чешском роду не зафиксировано. При этом существует традиция, в которой это имя фигурирует хотя и не часто, но все же неоднократно[24]. Парадоксальным образом, речь идет о круге собственно русских памятников, где имя *Шварн* на первый взгляд кажется чужеродным заимствованием. Из людей, живших и действовавших в XII в., в первую очередь известен Шварн, обыкновенно именуемый исследователями киевским воеводой, в Ипатьевской летописи он упоминается под 1146, 1151, 1162 и 1167 гг. По-видимому, речь в этих свидетельствах идет о человеке, по своему положению стоящем лишь на одну ступень ниже князя. Особенно характерно в этом отношении сообщение под 1167 г. Здесь в конце летописной статьи собрана целая серия известий о событиях княжеской жизни, где каждое следующее событие легко увязывается с предыдущим: в первых двух речь идет о том, как князья женят своих сыновей, в третьем о смерти жены Олега Святославича, в четвертом говорится о том, что Олегу Святославичу удалось одержать победу над половцами, и, наконец, в пятом — что половцы захватили Шварна за Переяславлем и взяли за него большой выкуп.

Отметим, что единственный человек некняжеского происхождения, фигурирующий в этом рассказе, это интересующий нас Шварн. По-видимому, он включен, таким образом, в самый тесный круг княжеских приближенных и почти неотделим от самих Рюриковичей. В сходных контекстах он упоминается и в более ранних летописных фрагментах. Так, в статье под 1146 г. некий военный план должны осуществить четыре человека — трое князей и Шварн, действующий, так сказать, в паре с младшим из Рюриковичей[25]. Статус Шварна очень тонко обозначен в сообщении под 1152 г. в Лаврентьев-

---

24 Как уже указывалось исследователями, у осетин (ясов) не известно имя *Шварн*, и оно в высшей степени непохоже на те имена, которые могла бы носить ясская знать [Кишкин 1972. С. 256].

25 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 336]. В Лаврентьевской летописи о действиях Изяслава Мстиславича против Святослава Ольговича в 1146 г. сказано кратко: «...и бѣжа [Сѯ̄ославъ] Корачеву и посла по не^м^ Изаславъ Шварна и Изаслава Двдвича и взаша полона много ꙋ Корачева» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 314].

ской летописи. Изяслав Мстиславич именно его посылает со множеством воинов охранять брод, потому что в Киеве отсутствует старший сын князя, Мстислав. Иными словами, Шварн является, по сути дела, первым в ряду заместителей взрослого князя-наследника. С другой стороны, подчеркивается, что бегство сторожей, которых возглавлял Шварн, обусловлено тем, что «не баше ту кнѧзѧ а боѩрина не вси слушають»[26].

Весьма любопытно в этой связи упоминание Никоновской летописи о событиях 1167 г. — битве с половцами за Переяславлем. Здесь фигурируют, собственно говоря, два Шварна, дядя и племянник («сестричич») (ср. табл. № 5 к настоящему экскурсу). Благодаря этому свидетельству мы узнаем отчество старшего из них, *Жирославич*, а также тот факт, что у этого Шварна Жирославича был брат по имени *Андрей*. Согласно тексту этой летописи, братья, Андрей и Шварн, погибают, а их племянника, «такоже Шварня нарицаемаго», захватывают в плен половцы[27].

При буквальном сопоставлении Никоновской и Ипатьевской летописей окажется, что у того Шварна, который с 1146 г. действовал как весьма самостоятельный сподвижник киевских князей, был еще и дядя-тезка, Шварн Жирославич. Если учесть, впрочем, что в статье Никоновской летописи Шварн-племянник представлен, скорее, как младший, действующий при двух старших родичах (что плохо согласуется с характером сообщений о нем в Ипатьевской летописи), не исключено, что в «генеалогии и иерархии» его рода Никоновская летопись допускает некоторую путаницу. В частности, можно предположить, что у известного нам с 1146 г. воеводы Шварна был племянник по имени *Шварн*, погибший в той стычке с половцами, где дядя, Шварн Старший, был захвачен в плен. В таком случае именно воевода с большой вероятностью оказывается носителем отчества *Жирославич*[28]. Впрочем, при любом раскладе этого родового «пасьянса» очевидно, что Шварн был знатным человеком, входящим в ближайшее окружение нескольких князей Рюриковичей, словом, принадлежал к тому слою людей, где князьям нередко приходилось выбирать себе жен.

Вполне возможно предположить, таким образом, что именно он и оказался тестем сразу трех Рюриковичей, Ярослава Владимировича, Мстислава Свя-

---

26 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 332; Т. II. Стб. 425–426 под 1151 г.].

27 См. [ПСРЛ. Т. IX. С. 233].

28 Более ранние летописи знают только одного Шварна, которого легче отождествить со Шварном воеводой, и не приводят его отчества. Это позволяет заподозрить, что «удвоение» Шварнов принадлежит всецело составителю Никоновской летописи. Кажется, однако, что даже если он изобрел второго Шварна сам, то едва ли второй персонаж со столь нехарактерным для русских источников именем мог появиться на страницах немотивированно. Скорее всего, летописец располагал какими-либо дополнительными генеалогическими сведениями или пытался разрешить какое-то не вполне очевидное нам противоречие в истории жизни реального Шварна. Подробнее об этом см. ниже в настоящем экскурсе.

тославича и Всеволода Большое Гнездо (ср. табл. №№ 4, 5 к настоящему экскурсу), хотя не исключено, что какие-то из этих браков были заключены после его смерти. Во всяком случае, Шварн-дядя и Шварн-племянник представляются единственными кандидатами на такую роль, фигурирующими в каких бы то ни было из известных письменных источников[29].

Весьма показательно, что в Тверской летописи киевский воевода опосредованным образом отождествляется с отцом Марии, жены Всеволода Большое Гнездо, и ее сестры, жены Ярослава Владимировича. Здесь уже многократно упоминавшееся в нашем экскурсе сообщение о пленении Шварна половцами помещено под 1166 г. и представлено следующим образом:

«...Половци побиша Шварна, Чьского князя, и яша его, и много окупа взяша на немъ»[30].

Как кажется, не вызывает сомнений, что речь в данном случае идет о том же самом человеке, чье пленение описывается в летописи Ипатьевской под 1167 г. При этом из той же Тверской летописи мы узнаем, что «свесть» (т. е. своячница) Всеволода Большое Гнездо была дочерью «Ческого короля»[31], а о Марии, соответственно, сказано под 1204 г., что она была «дщи Шварлова Ческаго»[32].

Тот Шварн, который был взят в плен и заплатил большой выкуп половцам, согласно показаниям Лаврентьевской летописи, отнюдь не был князем. Весьма вероятно, что летописец присвоил ему княжеское достоинство именно потому, что считал его отцом двух княгинь. Иными словами, он мог рассматривать имя *Шварн* как родовое у предков Марии Всеволожей и жены Ярослава Владимировича и постепенно выстраивать для него более почетную биографию, именуя его то князем, то королем. Характерно, что в статьях, предваряющих Комиссионный список Новгородской первой летописи, о Марии сказано следующим образом:

«Мариа Всеволожа Щварновна, дщи князя Чешьского»[33].

Таким образом, мы предполагаем, что Мария Всеволожая и ее сестры состояли в родстве с действовавшим на Руси боярином Шварном. Откуда же появляется в таком случае «чешский след» в интересующих нас летописных

---

29 Не исключено, разумеется, что княжеским тестем был кто-то другой из киевских или, например, новгородских знатных людей, и имя *Шварн* — как нередко бывает — на практике было несколько более частотным, чем его упоминания в письменных источниках. Однако и в этом случае представляется логичным искать этого Шварна именно на русской земле (коль скоро только здесь в середине XII в. фигурируют два Шварна), причем в первую очередь среди родственников воеводы Шварна, так как именно у них это имя фигурирует в летописях как родовое.

30 См. [ПСРЛ. Т. XV: Тверская летопись. Стб. 237].

31 См. [ПСРЛ. Т. XV: Тверская летопись. Стб. 290].

32 См. [ПСРЛ. Т. XV: Тверская летопись. Стб. 301].

33 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 468]; ср. также: [ПСРЛ. Т. XVI. С. 311; Т. XXI. С. 226–227].

свидетельствах? Здесь следует, на наш взгляд, вернуться к рассмотрению текста, помещенного под 1167 г. в Никоновской летописи.

Не исключено, что появление здесь двух Шварнов, дяди и племянника, связано с попыткой построения внутренне непротиворечивой генеалогии жены Всеволода Большое Гнездо (см. табл. №№ 4, 5 к настоящему экскурсу). В самом деле, существует, с одной стороны, киевский богатырь Шварн Жирославич, отождествляемый с упоминавшимся в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях боярином Шварном, который не был князем и, судя по всему, едва ли был чехом. С другой стороны, там же появляется и его племянник, который, будучи сыном его сестры, по отцу мог бы принадлежать к знатному чешскому роду.

Никоновская летопись, таким образом, снимает значительную часть противоречий и, косвенно, отвечает на ряд вопросов, неясных современным исследователям и, возможно, вызывавших некоторое недоумение у составителей летописных сводов. В частности, мы получаем объяснение того обстоятельства, что Мария, которой достаточно регулярно приписывается чешское происхождение, носит отчество, образованное от имени, у чехов незафиксированного.

Домысливая сюжет, изложенный в Никоновской летописи, можно предположить, что сестра богатыря (боярина? воеводы?) Шварна была выдана замуж за чеха. Сын этой сестры был назван *Шварном*, надо полагать в честь своего русского дяди. Будучи взрослым, он действует заодно с этим дядей, это заставляет нас допустить, что он вынужден был вернуться на Русь или, что еще более вероятно, судя по его имянаречению, жил здесь с самого рождения. Иными словами, брак загадочного чеха и сестры старшего Шварна мог состояться на русской земле. Здесь же появился на свет их сын, а впоследствии и внучки, дочери младшего Шварна (ср. табл. № 5 к настоящему экскурсу)[34].

При таком развитии событий особенно вероятно, что знатность этого чеха легко могла бы со временем преувеличиваться (вплоть до именования его «королем»), коль скоро это было в интересах его внучек, выданных замуж за русских князей. Однако главным основанием для их браков исходно служило, скорее всего, не чешское, а собственно русское их родство: они происходили из дома Шварна, боярина, воеводы, близкого князьям человека.

Разумеется, мы не можем настаивать не только на том, что дело происходило вышеописанным образом в действительности, но даже и на том, что

---

34 Этому как будто бы противоречит указание Тверской летописи на то, что Мария была «приведена ис Чехъ не крещена» [ПСРЛ. Т. XV: Тверская летопись. Стб. 301]. Разумеется, Мария не могла оставаться язычницей в христианской Чехии XII в., при этом ни в одном другом источнике нет и сообщений о ее перекрещивании. Как кажется, данное свидетельство Тверской летописи порождено неверным осмыслением действительно довольно сложного описания ситуации вокруг ее крестильного и монашеских имен. Подробнее об именах Марии Всеволожей см. выше.

именно так представлял себе ход событий составитель Никоновского свода. Однако последнее, как уже говорилось, представляется нам вполне вероятным. Перенося летописных дядю и племянника на почву исторической реальности, мы не испытаем больших затруднений с тем, чтобы определить, каким образом сестра старшего из них могла вступить в брак с чехом на Руси. Русско-чешские связи того времени надежно зафиксированы в источниках. Достаточно упомянуть, например, заключенный в Новгороде в 1143 г. моравский брак Святополка Мстиславича (младшего брата Изяслава Мстиславича киевского) (см. табл. № 6 к настоящему экскурсу)[35].

Если же мы не доверяем составителю Никоновской летописи в том, что касается существования Шварна Младшего, Шварна «сестричича», мы все же вынуждены еще раз подчеркнуть, что в XII — XIII вв. имя *Шварн* с точки зрения бытования и функционирования может рассматриваться, по-видимому, только как русское, поскольку исключительно в русской среде, согласно письменным памятникам, живут и действуют несколько обладателей этого загадочного имени. За пределами же мира Древней Руси, как уже отмечалось, этого имени не обнаруживается.

В этой связи нельзя не упомянуть Шварна Даниловича, сына Даниила Романовича Галицкого, чье имянаречение — весьма необычное для рода Рюриковичей — уже обращало на себя внимание исследователей (см. табл. № 6 к настоящему экскурсу). Не так просто напрямую связать его с фигурой предполагаемого тестя Всеволода Юрьевича, Мстислава Святославича и Ярослава Владимировича, однако, если учесть множество лакун в наших знаниях о происхождении русских княгинь того времени, а также и ту важность, которую приобрело родство через женщин во времена Даниила и Шварна, не исключено, что среди родственников его матери (а скорее даже, бабки) мог быть кто-либо из носителей этого загадочного имени.

Разумеется, определение функционального статуса этого имени не избавляет нас от целого ряда вопросов, связанных с его исторической этимологией[36]. Можно вспомнить при этом, что даже этимология и изначальная этни-

---

35 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 213; Т. IV. Ч. 1. С. 151; Т. XV: Тверская летопись. Стб. 205; Т. XLIII. С. 67].

36 Нельзя, в частности, исключить наличия балтийских корней у интересующего нас атропонима. Однако все, что мы можем на данный момент упомянуть в пользу такой версии, это имянаречение Шварна Даниловича, который жил и действовал в литовском окружении, оставаясь, впрочем, русским Рюриковичем. Известно, например, что одной из жен Даниила Романовича, отца Шварна, была племянница литовского князя Миндовга [ПСРЛ. Т. II. Стб. 815 под 1252 г.], однако Шварн, судя по показаниям летописи, родился не в этом браке — он был сыном Даниила и Анны Мстиславны, дочери Мстислава Удатного (см. табл. № 6 к настоящему экскурсу). В свое время Шварн, как известно, женился на дочери Миндовга [ПСРЛ. Т. II. Стб. 830 под 1255 г.], однако это обстоятельство, кажется, уже не должно было повлиять на его имянаречение.

ческая принадлежность архитрадиционных княжеских имен, таких, например, как *Володим(и/е)р*, *Святополк* или *Изяслав*, остается не вполне прозрачной, что не мешает говорить о них как о русских именах, коль скоро речь идет о XI — XII вв.

Мы не ставили перед собой задачи этимологического изучения имени *Шварн*. Возможно, в этом отношении было бы небесполезно исследование ранней истории рода и родовых контактов боярина Шварна. Нет никаких оснований считать Шварна чешским князем, и если допустить, что этнически он все-таки был чехом, то любопытно было бы проследить, каким образом он столь быстро и успешно «встраивается» в княжеское окружение. Однако здесь наши сведения, вплоть до середины XII в., предельно скудны. Некоторые исследователи связывали его происхождение с волынской землей, но лишь на том основании, что здесь некогда княжил Изяслав Мстиславич, к боярам которого причисляется Шварн[37]. Впрочем, никаких определенных данных о том, что Шварн пришел из волынской земли, в нашем распоряжении нет[38].

Если мы принимаем допущение, что он был близким родичем трех княгинь, то это наводит, скорее, на предположение о его новгородских корнях, тем более что в эту эпоху в Киеве действует немало знатных новгородцев. Не исключено, что отправной точкой исследования новгородских связей этого боярина может стать список знатных людей, приближенных Изяслава Мстиславича, захваченных в плен вместе со Шварном в 1162 г.:

«...ꙗша же тогда и Шварана и Милѧтича ѡба Степена и Ѩкуна и Нажира Переꙗславича»[39].

В поздних белорусских хрониках упоминается некий князь Шварно (см. [ПСРЛ. Т. XXXV. С. 130, 216–217]; ср. [Охманьский 1974]). Однако биография и генеалогия этого литовского князя выглядят крайне недостоверно и запутанно.

37 См. [Щепкина 1972. С. 70, 71]; ср. [Карамзин. Т. II. Примеч. 401].

38 Единственным аргументом, способным как-то связать боярина Шварна с Волынью, является тот факт, что в XIII в. это имя появляется у той ветви Рюриковичей, которая княжит именно в Юго-Западной Руси. На это обращает внимание, в частности, М.В. Щепкина; при этом она полагает, что *Шварн* это не что иное, как «галицко-волынское произношение латинского имени Северин» [Щепкина 1972. С. 70]. Однако никаких оснований полагать, что христианское имя *Северин* вообще каким бы то ни было образом фигурировало в Юго-Западной Руси, а тем более произносилось как *Шварн* (что предполагает достаточно высокую степень его адаптации) в XII — XIII вв., не существует.

39 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 518]. Интересен, разумеется, и патроним *Жирославич*, который приписывается киевскому богатырю Шварну в Никоновской летописи. Однако степень срощенности всех этих антропонимов именно с новгородским именословом также требует особого анализа.

Однако гипотезу о новгородском происхождении Шварна в настоящий момент следует считать лишь незрелым плодом многоступенчатой реконструкции. Так или иначе, Шварновны, жены русских князей, скорее всего выросли на Руси и с детства принадлежали к княжескому окружению. Всеволод Большое Гнездо и Ярослав Владимирович, в юности занимавшие не слишком значительное положение в княжеской иерархии, сделались свояками, взяв в жены двух из этих сестер. Впоследствии для Ярослава Владимировича это свойствó оказалось исключительно важным. Что же касается третьей сестры-«ясыни», то она выходила замуж уже будучи свойственницей могущественного владимиро-суздальского князя.

ТАБЛИЦА № 1

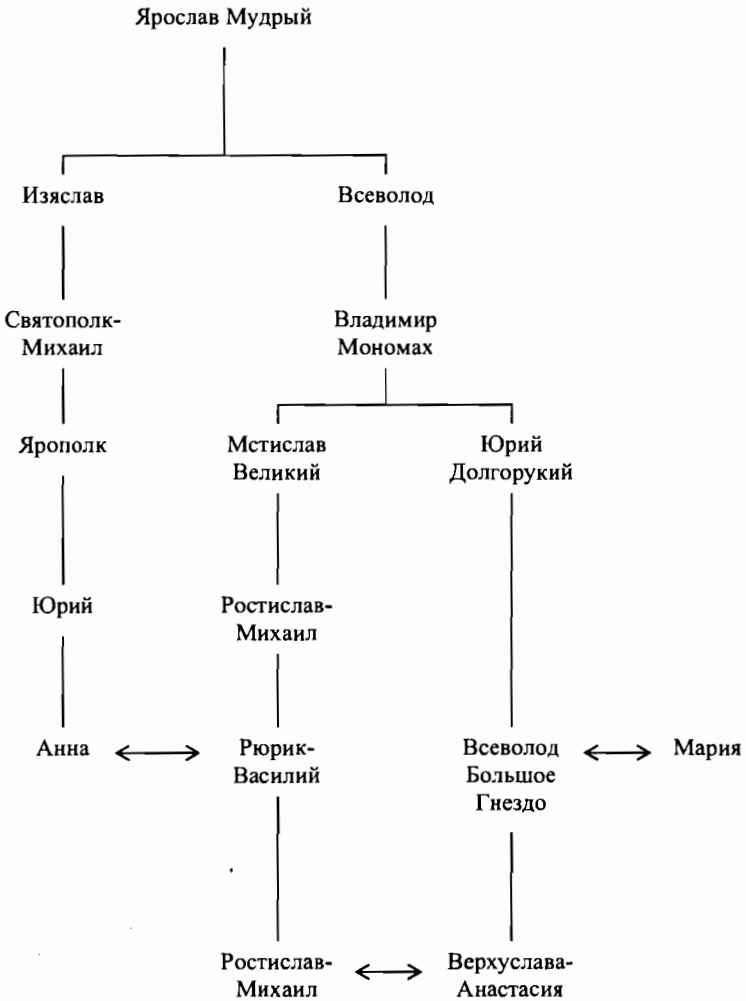

Ярослав Мудрый
Изяслав
Всеволод
Святополк-Михаил
Владимир Мономах
Ярополк
Мстислав Великий
Юрий Долгорукий
Юрий
Ростислав-Михаил
Анна
Рюрик-Василий
Всеволод Большое Гнездо
Мария
Ростислав-Михаил
Верхуслава-Анастасия

ТАБЛИЦА № 2

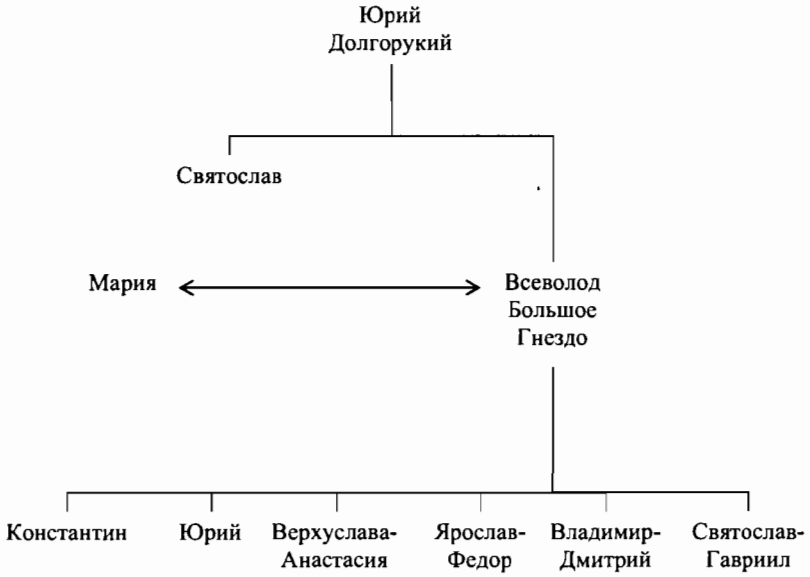

Юрий
Долгорукий
Святослав
Мария
Всеволод
Большое
Гнездо
Константин
Юрий
Верхуслава-
Анастасия
Ярослав-
Федор
Владимир-
Дмитрий
Святослав-
Гавриил

ТАБЛИЦА № 3

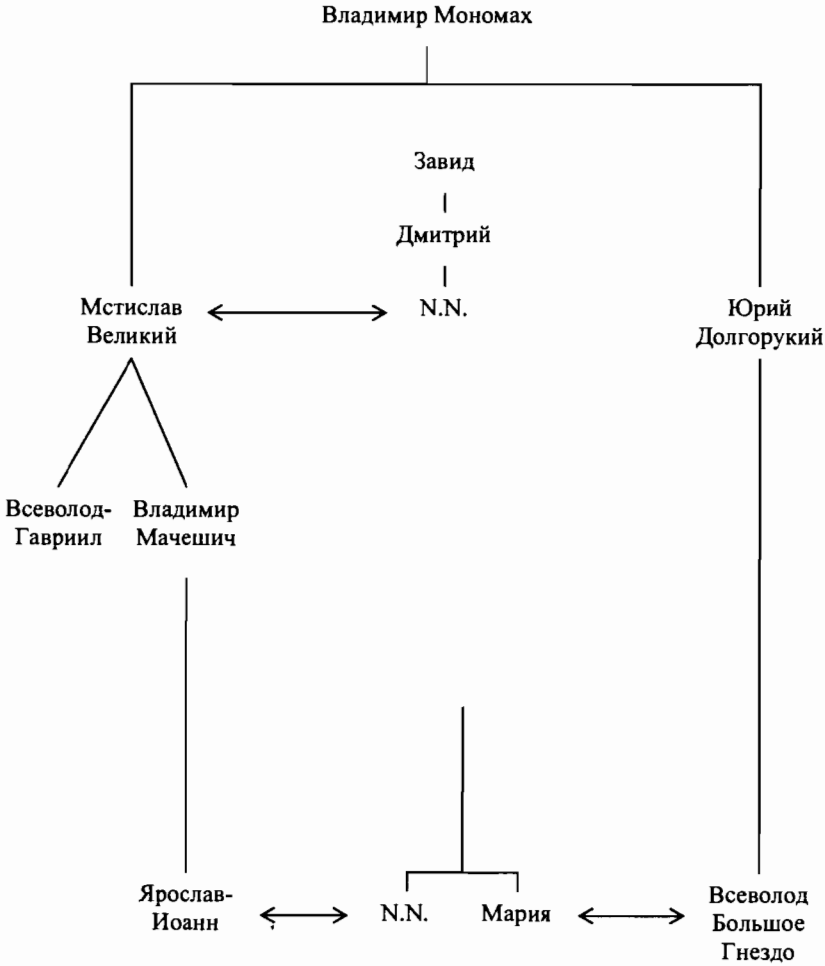

Владимир Мономах
Завид
Дмитрий
Мстислав Великий
N.N.
Юрий Долгорукий
Всеволод-Гавриил
Владимир Мачешич
Ярослав-Иоанн
N.N.
Мария
Всеволод Большое Гнездо

ТАБЛИЦА № 4

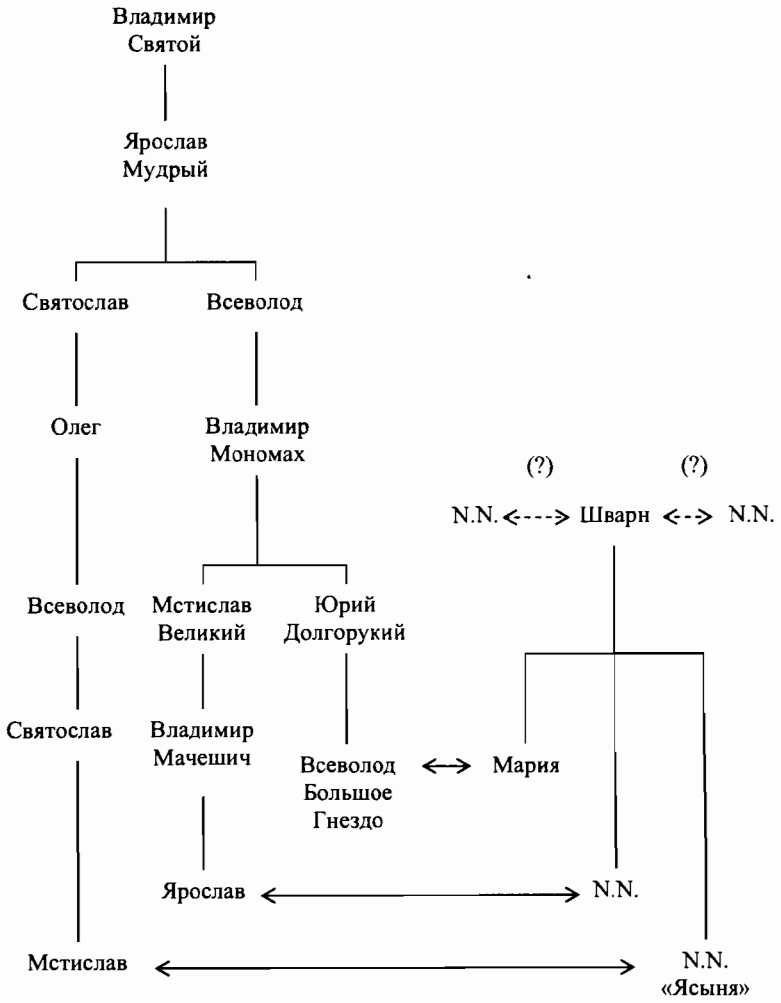

Владимир Святой
Ярослав Мудрый
Святослав
Всеволод
Олег
Владимир Мономах
(?)
(?)
N.N.
Шварн
N.N.
Всеволод
Мстислав Великий
Юрий Долгорукий
Святослав
Владимир Мачешич
Всеволод Большое Гнездо
Мария
Ярослав
N.N.
Мстислав
N.N. «Ясыня»

ТАБЛИЦА № 5

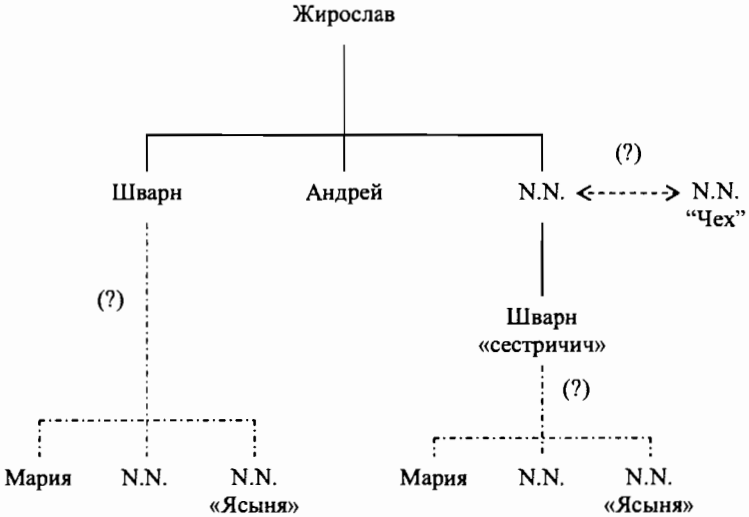
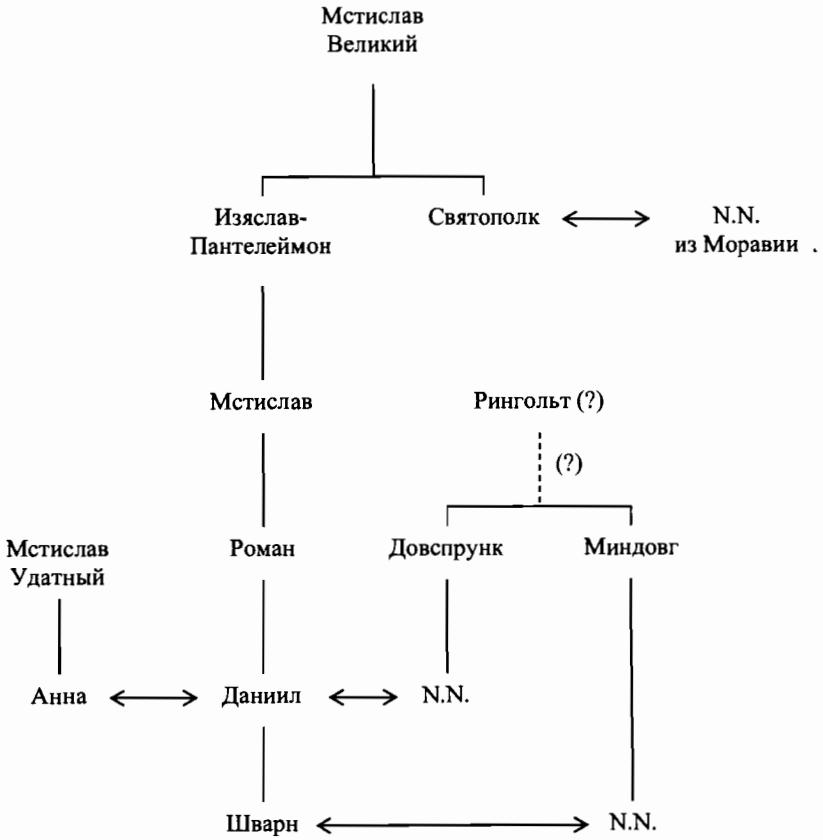

Жирослав
Шварн
Андрей
N.N.
(?)
N.N.
“Чех”
(?)
Шварн
«сестричич»
(?)
Мария
N.N.
N.N.
«Ясыня»
Мария
N.N.
N.N.
«Ясыня»

ТАБЛИЦА № 6


Мстислав
Великий
Изяслав-
Пантелеймон
Святополк
N.N.
из Моравии
Мстислав
Рингольт (?)
(?)
Мстислав
Удатный
Роман
Довспрунк
Миндовг
Анна
Даниил
N.N.
Шварн
N.N.

Экскурс 6

Иконы и даты: заметки о христианской двуименности в роду Рюриковичей

Выявление фактов христианской двуименности у Рюриковичей в XIV — XVI вв. требует определенных исследовательских усилий — свидетельства, говорящие о существовании такой двуименности, довольно многочисленны, однако они, так сказать, рассеяны в материале, причем речь должна идти не только о материале письменных источников, но и о церковном строительстве и иконописании.

Как кажется, подобная «неуловимость» дополнительных христианских имен князя связана с самим характером их функционирования и их особым статусом — имена эти носили принципиально непубличный характер, а сам феномен двуименности не принадлежал к числу явным образом декларируемых явлений. Вторые христианские имена не имели отношения к идее легитимности власти, преемственности властных привилегий. Они не были родовыми в том смысле, что в роду они не передавались по наследству, не были предназначены для широкой аудитории, для внешнего мира. При этом такие имена оставались важнейшей принадлежностью внутрисемейного, внутриродового обихода династии. В частности, религиозная жизнь правящего рода едва ли может быть понята без внимательного исследования дополнительных христианских имен.

В этой связи чрезвычайно важен, разумеется, вопрос о том, когда возникает та христианская двуименность, с которой мы сталкиваемся в XV — XVI вв., как она складывается. Как кажется, изобилия данных, относящихся к домонгольскому времени, ожидать не приходится, даже если интересующая нас двуименность в том или ином виде уже появляется в ту эпоху. Ценными здесь оказываются даже отрывочные и фрагментарные свидетельства, а многое поневоле приходится на долю исследовательской реконструкции.

Не вызывает сомнений, что в жизни любого рода, а в особенности рода княжеского, одним из главных событий, оживляющих синхронные родовые связи и заставляющих еще раз вспомнить родовую историю, был брак кого-либо из князей. В обширной и весьма многочисленной семье Рюриковичей с определенного времени особую роль приобретают внутридинастические браки, когда союз, матримониальный, а зачастую и политический, заключался между двумя ветвями одного и того же рода.

В таких ситуациях предполагалось, по-видимому, особенно детализированное знание и пристальное внимание обеих сторон ко всем явлениям об-

щей истории рода и частным особенностям той или иной княжеской семьи. Разумеется, подобное знание распространялось и на специфику культа общеродовых и индивидуальных патрональных святых. Обмен свадебными дарами, как и вся свадебная церемония в целом, подразумевал максимальную актуализацию этих знаний. Иконы, естественным образом, становились, так сказать, наглядным воплощением совместного — с момента сватовства — почитания личных патронов жениха и невесты.

В связи с христианской двуименностью у Рюриковичей нам уже приходилось упоминать об иконе, подаренной в 1471 г. Борисом Волоцким, сыном великого князя московского Василия Темного, своей невесте (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу)[1]. На иконе была изображена св. Варвара. Невеста же, дочь князя Михаила Холмского, была известна под именем *Ульяна*. Празднование памяти одной из свв. Иулианий совпадало с днем памяти св. Варвары (4 декабря). При этом имя *Ульяна* считалось, судя по всему, вполне пригодным для княжны, тогда как *Варвара* в число таких имен не входило[2]. Возможно, св. Варвара оставалась непубличной покровительницей княжны Ульяны Михайловны, что и побудило Бориса Васильевича сделать ей такой свадебный подарок.

Весьма любопытно, однако, что для этих событий, происходивших во второй половине XV в., находится, по-видимому, прямая аналогия в истории рода Рюриковичей XIII в. Речь идет об обстоятельствах свадьбы Александра Ярославича Невского и полоцкой княжны, дочери Брячислава (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу). Дело в том, что относительно имени этой княжны в историографии существует две версии. Одна из них восходит, по-видимому, к сообщению В.Н. Татищева о том, что Александр Ярославич взял в жены «княжну Праскевию»[3]. О том, каким источником пользовался при этом историк, ничего определенного мы сказать не можем: в дошедших до нас летописях имя этой княжны не упоминается[4]. Другая версия, согласно которой жену Александра Невского звали *Александрой*, восходит к Н.М. Карамзину. Он, в свою очередь, руководствуется надписью на надгробной плите, нахо-

---

1 См. гл. V, примеч. 103 на с. 206.

2 Имя *Ульяна* носили, например, дочь Александра Михайловича Тверского, вышедшая замуж за Ольгерда, дочь Андрея Большого, внучка московского великого князя Василия Темного и, соответственно, племянница нашего Бориса Волоцкого. Так звали жен Ивана Калиты, Василия Владимировича Серпуховского, Семена Мстиславича Вяземского и Юрия Васильевича, брата Ивана Грозного. Судя по всему, это имя носила уже в XIII в. и одна из дочерей Ярослава Всеволодича, сестра Александра Невского (ср. [Карамзин. Т. IV. Примеч. 38; Экземплярский. Т. I. С. 18. Примеч. 42. С. 19–20. Примеч. 43]). Возможно, так звали и дочь Святослава Ивановича Смоленского, жившую в середине XIV в.

3 См. [Татищев. Т. V. С. 25 под 1239 г.].

4 См., например: [ПСРЛ. Т. III. С. 77, 289; Т. IV. Ч. 1. С. 222 под 1238 г.; Т. VII. С. 144; Т. X. С. 114; Т. XV: Тверская летопись. Стб. 373; Т. XXIII. С. 76–77; Т. XXV. С. 130. Т. XLII. С. 115 под 1238 г.; Т. XLIII. С. 92].

дившейся в Успенском женском монастыре во Владимире. В описании Карамзина фигурируют три гроба, в частности гроб «Великия Княгини Александры, супруги благовѣрнаго Князя Александра Невскаго»[5].

Имя *Прасковья*, помимо интересующего нас случая, в династии Рюриковичей, насколько нам известно, почти не встречается. В сущности, можно вспомнить лишь Прасковью Михайловну, одну из жен царевича Ивана Ивановича, сына Грозного, которая не была, по-видимому, Рюриковной по рождению. Имя же *Александра*, не являясь особенно распространенным, все же вполне употребительно в роду Рюриковичей, оно встречается как в качестве крестильного, так и в качестве иноческого имени княгинь[6]. Казалось бы, на основании этих общих антропонимических данных, скорее, следует склониться к точке зрения, высказанной Н.М. Карамзиным, и считать, что жена Александра Невского звалась *Александрой*, тем более что такое утверждение подкреплено вполне конкретным свидетельством, хотя бы и поздним и не слишком надежным[7].

С другой стороны, существует исследовательская гипотеза, связывающая появление в 1239 г. знаменитой иконы Федоровской Богоматери со свадьбой князя Александра Невского, которая состоялась в том же году. На лицевой стороне этой иконы помещена композиция «Умиление», а на оборотной — изображение Параскевы Пятницы в княжеских одеждах. Высказывалось предположение, что эта икона была написана по заказу Ярослава Всеволодича и первоначально принадлежала его сыну Александру[8].

Немаловажно при этом, что во второй половине XII — первой половине XIII в. культ Параскевы Пятницы был характерен для новгородской земли, с которой так тесно был связан Александр Невский и где происходило его венчание и свадебные пиры:

«Оженися князь Олександръ, сынъ Ярославль в Новѣгородѣ, поя в Полотьскѣ у Брячьслава дчерь, и вѣнчася в Торопчи; ту кашю чини, а в Новѣгородѣ другую»[9].

---

5 См. [Карамзин. Т. IV. Примеч. 110].

6 Так звали, например, жену Ивана Ивановича Красного, сына Ивана Калиты, супругу Семена Дмитриевича Суздальского, жившего во второй половине XIV — самом начале XV в. Любопытно, что *Александрой* звалась дочь Ольгерда и Ульяны Тверской, принадлежавшая по роду отца к Гедиминовичам, а по роду матери — к Рюриковичам. При постриге же это имя приняли, в частности, Ульяна Дмитриевна, жена Юрия Васильевича, брата Грозного, а также и жены двух сыновей Ивана Грозного, Евдокия Сабурова и Ирина Годунова. Кроме того, имя *Александра* в поздних новгородских источниках (XVII в.) приписывалось жене князя Владимира Ярославича, сына Ярослава Мудрого [Карпов 2001. С. 288, 507–508. Примеч. 15], однако эти сведения кажутся совершенно недостоверными.

7 Ср. [Экземплярский. Т. I. С. 39. Примеч. 108].

8 См. [Масленицын 1976; Масленицын 1977]

9 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 77].

Разумеется, такое предположение как нельзя лучше соответствует замечанию В.Н. Татищева о том, что именем невесты Александра Невского было *Прасковья*. Как же может быть разрешено это противоречие?

Обратившись к месяцеслову, мы увидим, что в день празднования памяти Параскевы Пятницы (20 марта) отмечается и память мученицы Александры, одной из дев амисских[10]. Невольно напрашивается предположение, что полоцкая княжна появилась на свет именно в этот день и в определенном смысле была как *Прасковьей*, так и *Александрой*. При этом вероятнее, что в качестве публичного именования использовалось имя *Александра*, в дальнейшем так или иначе закрепившееся у Рюриковичей. Что же касается Параскевы — святой, чей культ был изначально характерен для Новгорода, а постепенно чрезвычайно широко распространился и по всей Руси, — то имя ее так и не стало княжеским, и полоцкая княжна могла получить его в качестве непубличного, неофициального имени[11].

Иными словами, весьма вероятно, что перед нами сюжет, по многим параметрам совпадающий с тем, что мы наблюдаем в XV в., когда князь Борис Волоцкий дарит своей невесте, княжне Ульяне, икону с изображением великомученицы Варвары (ср. табл. № 1 к настоящему экскурсу)[12]. Разумеется, ситуация XV в. куда более прозрачна, поскольку имена (по крайней мере, публичные) всех ее участников мы знаем наверняка, да и судьба подаренной иконы реконструируется с куда большей достоверностью. Тем не менее сходство форм, чересчур разительное, чтобы быть случайным, заставляет допустить и сходство содержания, т. е. предположить весьма тесную связь представителей княжеского рода с теми святыми, чья память приходилась на день их рождения.

Как мы уже отмечали, зачатки, так сказать, «первые ростки» христианской княжеской двуименности можно зафиксировать с той поры, когда дата появления того или иного княжича на свет начинает регулярно соотноситься в письменных памятниках с празднованием памяти того или иного святого. Если речь идет о домонгольской Руси, то наиболее обильные сведения такого рода представлены в летописных свидетельствах относительно детей князя Всеволода Большое Гнездо. С одним из его сыновей, а именно с тестем на-

---

10 См. [Сергий. Т. II. С. 80].

11 Более корректным, впрочем, является утверждение, что Параскева Пятница могла стать еще одной, непубличной, небесной покровительницей княжны. Чтобы говорить о том, что *Прасковья* было в полном смысле ее именем собственным, необходим хотя бы один источник, где она напрямую этим именем названа. Мы же располагаем, кажется, только свидетельством В.Н. Татищева.

12 С точки зрения анализа тех, довольно причудливых отношений, которые возникают между культом святых как таковым и традицией княжеского христианского имянаречения, весьма любопытна, например, псковская икона второй половины XIV в. «Трое избранных святых», где вместе изображены свв. Параскева, Варвара и Иулиания (см. о ней: [Реформатская 1968. С. 120–126]).

шей Александры (?)-Прасковьи (?), отцом Александра Невского, связан особый сюжет, также позволяющий заподозрить довольно строгое совпадение между обычаями конца XII и середины XIV вв., связанными с христианской двуименностью.

Начнем, однако, с летописного свидетельства, относящегося к XIV в., где речь идет о появлении на свет будущего знаменитого серпуховского князя, двоюродного брата Дмитрия Донского, Владимира Андреевича Храброго (см. табл. № 2 к настоящему экскурсу). В нескольких летописных текстах указывается дата его рождения — 15 июля 1353 г. На этот день, как известно, приходится память крестителя Руси Владимира-Василия Святого. В честь него со всей очевидностью и был наречен новорожденный княжич, получив мирское имя своего предка в качестве крестильного.

Не вызывает сомнений, что к середине XIV в. культ святого Владимира получил широкое распространение. Любопытно, однако, что в Рогожском летописце, единственном из известных нам текстов, связывающим указание о рождении Владимира Андреевича с празднованием памяти святых, это свидетельство выглядит следующим образом:

«Того же лѣта мѣсяца иул[я] въ 15 день на память святую мученик[у] Кирика и Улиты князю Андрею Ивановичю родися сынъ и нареченъ бысть князь Володимеръ на сорочины отца своего князя Андрея, на третїеи недѣли по Петровѣ дни»[13].

Здесь, как мы видим, 15 июля опосредованно (и абсолютно точно) соотносится с празднованием памяти апостола Петра (29 июня) и непосредственно — с днем памяти Кирика и Иулиты, которая действительно отмечалась в этот день. Не упомянут только князь Владимир Святославич, святой тезоименитый новорожденному, хотя то обстоятельство, что кончина этого князя приходилась на 15 июля, никак не могло остаться неизвестным составителю Рогожского летописца[14]. Более того, выбор имени для ребенка и то обстоятельство, что день его появления на свет строго совпадает с днем поминовения его патронального святого и прямого предка, казалось бы, должен побудить к особому выделению этого факта в летописи[15]. Составитель Рогожско-

---

13 См. [ПСРЛ. Т. XV: Рогожский летописец. Стб. 62–63].

14 Когда речь заходит о событиях домонгольской поры, то отсутствие упоминания Владимира Святославича в описании событий, произошедших 15 июля, обыкновенно приписывается сравнительно позднему становлению культа св. Владимира (ср. [Голубинский. Т. I. 2-я половина тома. С. 391–392]). Однако в тексте, повествующем о событиях XIV в., такого рода пропуск не может быть объяснен отсутствием культа св. Владимира как такового.

15 Ср., например летописное житие Александра Невского, где 15 июля напрямую связывается с Кириком, Иулитой и св. Владимиром, а победа князя в битве объясняется, в частности, помощью свв. Бориса и Глеба, сыновей Владимира Святославича:

го летописца, как и другие составители летописей, зачастую охотно отмечает такого рода совпадения[16].

Между тем при всей внимательности к датировкам, ориентированным на месяцеслов, в летописях, повествующих о событиях XIV — XVI вв., возможен, как нетрудно убедиться, и иной подход к делу. Сообщение о том или ином событии, в частности, о появлении на свет кого-либо из князей, может вовсе не содержать отсылки к месяцеслову, а может, как в интересующем нас случае, содержать лишь выборочную, заведомо неполную отсылку подобного рода. Для культурной традиции, ориентированной на месяцеслов, наречение *Владимиром* княжича, появившегося на свет именно 15 июля, имплицитно уже содержит напоминание о том, что 15 июля празднуется память крестителя Руси. В таком случае для церковной жизни княжича может быть важно, что св. Владимир, подходящий новорожденному и по родовым, и по календарным соображениям, становясь его главным небесным патроном, не является при этом его единственным покровителем[17]. У него, как и у других князей, есть, так сказать, личные святые, с которыми он связан благодаря дню своего рождения, хотя этот день и совпадает с праздником его основного патронального святого-тезки.

Разумеется, такого рода летописные построения не были явлением регулярным и обязательным. У поздних Рюриковичей они могут служить лишь одним из достаточно косвенных и опосредованных свидетельств значимости дополнительных имен, дополнительных княжеских патронов. Любопытно, однако, что определенную аналогию таким построениям мы обнаруживаем и в летописном тексте, повествующем о событиях конца XII столетия, об уже упоминавшейся дате появления на свет Ярослава-Федора, сына Всеволода Большое Гнездо (ср. табл. № 2 к настоящему экскурсу):

«И прииде на ня в недѣлю на сборъ святых отець 600 и 30, иже в Халкидонѣ, на память святых мученикъ Кирика и Улиты и святого князя Владимера, крестившаго Рускую землю, и сице имѣя велику вѣру къ святымъ мучеником Борису и Глѣбу» [ПСРЛ. Т. III. С. 292 под 1240 г.]. С другой стороны, можно упомянуть роспись в новгородской церкви Симеона Богоприимца (вторая половина XV в.), представляющую собой нечто вроде иконографического месяцеслова, где св. Владимир и отрок Кирик изображены в паре [Герасимов 1979. С. 263].

16 Так, в предыдущей погодной статье отмечается, например, что Семен, сын Семена Ивановича Гордого, появился на свет «...на память святаго отца Сїмеона Богопрїемца и Анны пророчици» [ПСРЛ. Т. XV: Рогожский летописец. Стб. 61–62]. См. табл. № 2 к настоящему экскурсу.

17 Характерно, что в интересующем нас свидетельстве упомянуты Кирик, Иулита и косвенно апостол Пётр. Иными словами, для составителя Рогожского летописца пристальное внимание к датам — это прежде всего пристальное внимание к всевозможным именам, с ними связанным.

«Родисѧ оу блг҃овѣрьнаго и х^с^олюбиваго кнѧзѧ Всеволода сн҃ъ м^с^цѧ февра^л^ въ и҃ дн҃ь на памѧ^т^ ста^г^ пр҃рк^а^ Захарьи и нарекоша и въ ст҃ѣмь крщ҃ньи Ѳеѡдоръ»[18].

В большинстве сохранившихся русских месяцесловов, как и вообще в месяцесловах Восточной церкви, непосредственно на 8 февраля приходится память св. Федора Стратилата, одного из наиболее традиционных покровителей княжеского рода, в честь которого, вероятно, и был наречен княжич. Почему же в летописи запись о его рождениии называет лишь имя пророка Захарии Серповидца, чья память празднуется в тот же самый день?

Этот факт может иметь по крайней мере два объяснения. Не исключено, что в том месяцеслове, на который опирались при наречении сына Всеволода Большое Гнездо (или в том, что был доступен летописцу), имел место сбой в датах, вообще говоря, вполне возможный в русских месяцесловах той поры и особо отмеченный для февральского перечня памятей святых[19]. Впрочем, как кажется, и при таком сбое близость дня рождения княжича ко дню памяти св. Федора Стратилата могла бы быть отмечена в летописи.

Возможно, однако, что никакого сбоя в датах в данном случае не было и пророк Захария был упомянут по другой причине. Если дата рождения княжича точно соответствовала дате празднования Федору Стратилату, то св. Федор, традиционный княжеский святой, естественным образом стал его официальным небесным патроном. Упоминание же имени еще одного святого, нетезоименитого княжичу, обусловлено стремлением указать дополнительного святого покровителя Ярослава-Федора Всеволодича, подобно тому, как это происходит, по-видимому, в летописной записи о рождении Владимира Андреевича Серпуховского.

Существенно иметь в виду, что в записи о рождении сыновей Всеволода Большое Гнездо начинает формироваться особая структура, когда в связи с рождением княжича упоминаются по крайней мере два имени — его собственное и имя нетезоименитого ему святого, хотя, разумеется, такая структура не является строго обязательной[20].

В XIV — XVI вв. христианская княжеская двуименность, которая сама по себе была явлением непубличным, все же проявлялась — прямо или косвенно — во многих аспектах княжеского обихода и в связанной с ним традиции. Как кажется, некоторые из черт, по которым мы узнаем о двуименности поздних Рюриковичей, можно наблюдать и существенно ранее, в конце XII — первой половине XIII в., хотя говорить о сколько-нибудь сложившейся модели двуименности в эту эпоху еще нельзя. Имена непубличных патронов далеко не сразу начинают напрямую функционировать как дополнительные имена самих князей.

---

18 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 408].

19 См. [Сергий. Т. I. С. 123].

20 В соответствии с этой моделью устроены в летописи сообщения о рождении у Всеволода сыновей: Бориса, Константина, Ярослава-Федора, Святослава-Гавриила, Ивана.

ТАБЛИЦА № 1

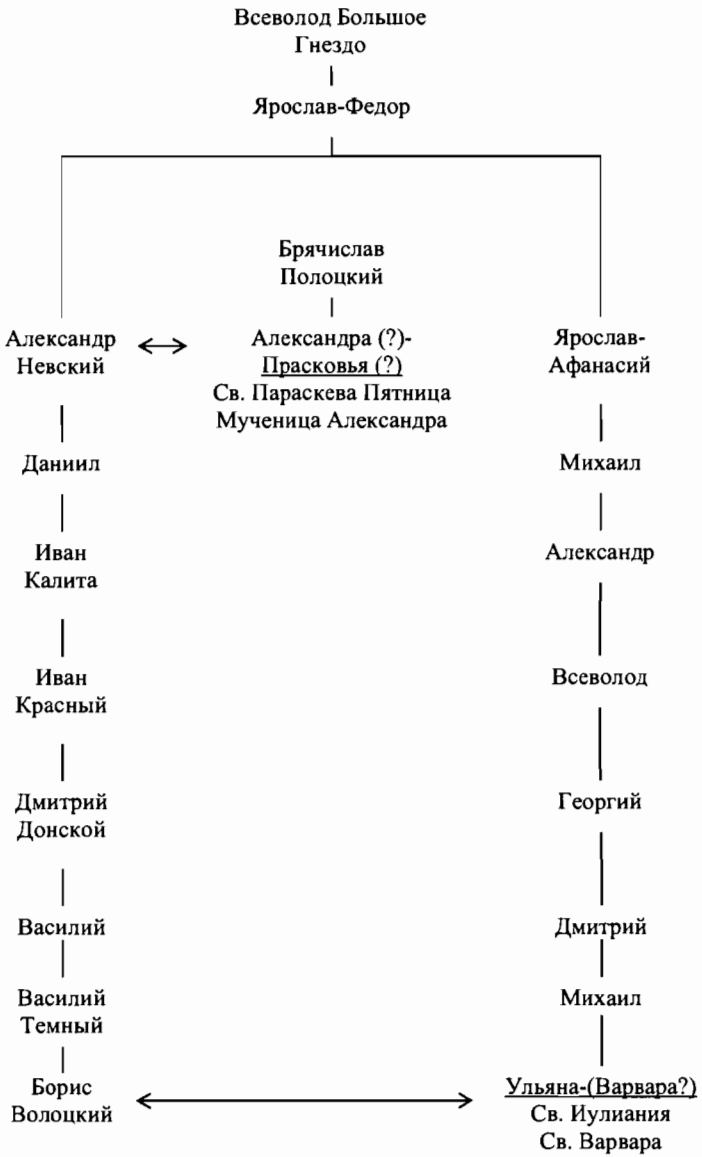
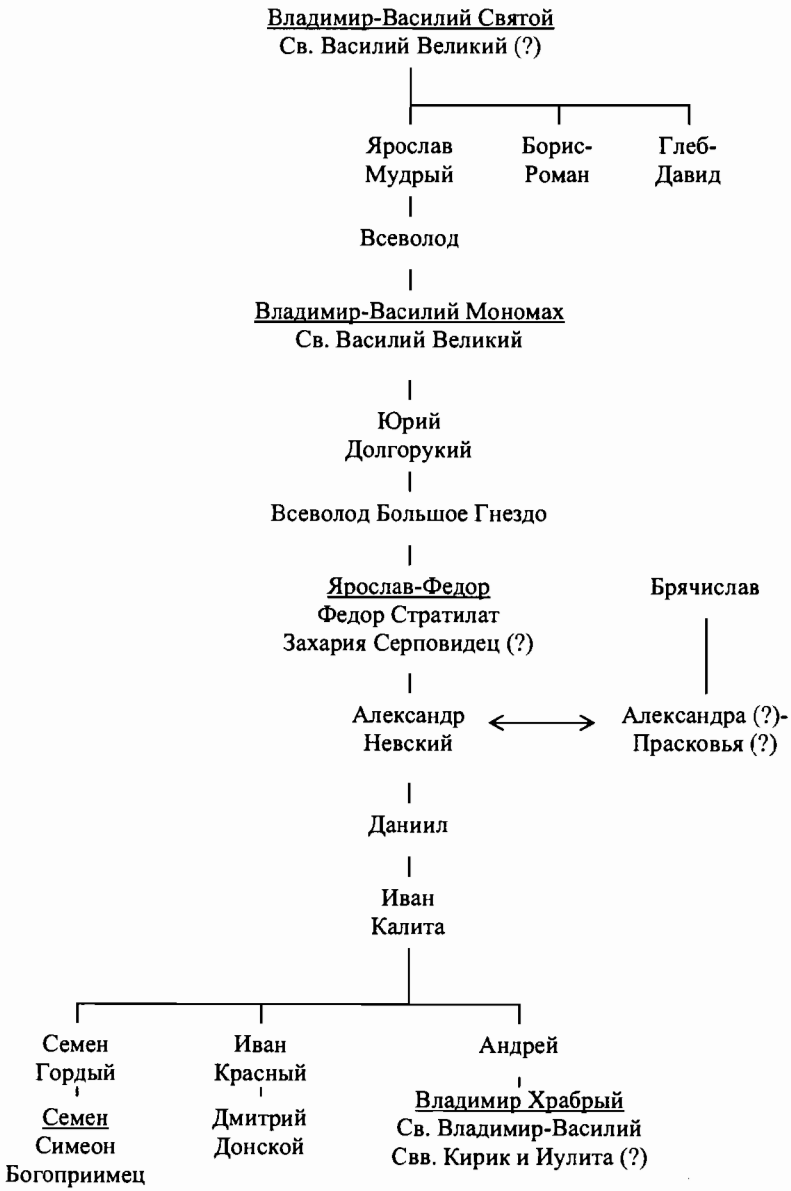

Всеволод Большое Гнездо
Ярослав-Федор
Брячислав Полоцкий
Александр Невский
Александра (?)-Прасковья (?) Св. Параскева Пятница Мученица Александра
Ярослав-Афанасий
Даниил
Михаил
Иван Калита
Александр
Иван Красный
Всеволод
Дмитрий Донской
Георгий
Василий
Дмитрий
Василий Темный
Михаил
Борис Волоцкий
Ульяна-(Варвара?) Св. Иулиания Св. Варвара

ТАБЛИЦА № 2


Владимир-Василий Святой
Св. Василий Великий (?)
Ярослав Мудрый
Борис-Роман
Глеб-Давид
Всеволод
Владимир-Василий Мономах
Св. Василий Великий
Юрий Долгорукий
Всеволод Большое Гнездо
Ярослав-Федор
Федор Стратилат
Захария Серповидец (?)
Брячислав
Александр Невский
Александра (?)-Прасковья (?)
Даниил
Иван Калита
Семен Гордый
Иван Красный
Андрей
Семен
Симеон Богоприимец
Дмитрий Донской
Владимир Храбрый
Св. Владимир-Василий
Свв. Кирик и Иулита (?)

Экскурс 7

«...А прямое имя ему Уар»: два Дмитрия Ивановича в семье Ивана Грозного

В эпоху Ивана Грозного особенно хорошо прослеживается культурный механизм, когда память о том или ином событии устойчиво, почти автоматически связывалась с именем святого, на чей праздник оно происходило. Даже такие явления, которые, на первый взгляд, не имели отношения к антропонимическому пространству, «обретали свои имена», своих святых покровителей. Разумеется, подобная традиция не могла не отразиться и на практике династического имянаречения, где своеобразная игра с дополнительными христианскими именами приобретает сложный, разветвленный характер.

Непубличный, «эзотерический» характер дополнительных имен порождает возможность определенной культурной игры и создает почву для всевозможного рода загадок и двусмысленностей. В частности, имя календарного святого может быть использовано и как инструмент династической прагматики, если речь идет о процессах более тонких и сложных, чем те, что регулировались с помощью родовых княжеских имен. В этом отношении очень показательна история с двумя Дмитриями Ивановичами, сыновьями Ивана Грозного (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу).

Хорошо известно, что старший сын Грозного от Анастасии, родившийся, по-видимому, в октябре 1552 г., в год взятия Казани, носил имя *Дмитрий*[1]. Он умер в младенчестве[2] и был погребен под западной стеной Архангельского собора, где находится усыпальница семьи Ивана Грозного[3]. Позднее, в 1564 —

---

1 См. [ПСРЛ 1853. Т. VI. С. 314; Т. XIII. С. 517 под 1553 г.; Т. XIX. С. 473, 484; Т. XXI. Ч. 2. С. 651].

2 Источник, где более или менее подробно указываются обстоятельства смерти царевича Дмитрия Старшего, это — Московский летописец. Здесь рассказывается, что младенец утонул в реке Шексне, когда Иван Грозный и царица Анастасия возвращались с богомолья. По-видимому, при посадке на корабль кормилица, державшая на руках царевича, уронила его в воду и тот захлебнулся [ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 229]; ср. [ПСРЛ. Т. XX. Вторая половина. С. 541]. Сходную историю рассказывает Исаак Масса, по его версии тело утонувшего царевича даже не было найдено [Масса. С. 20].

3 Ср. летописные упоминания о том, что царевича погребли «въ ногахъ у великого князя Василья Ивановича» [ПСРЛ. Т. XX. Вторая половина. С. 541].

1565 гг., когда расписывали стены храма, над местом его погребения появилась фреска с изображением сцен из Истории Уара, Клеопатры и Иоанна[4]. Кроме того, известно, что в середине XVI в. у северной апсиды Архангельского собора пристраивают придел св. Уара. Для Грозного, существенно преобразовавшего родовую семейную усыпальницу, связь ее архитектурных и изобразительных элементов со святыми патронами определенных членов семьи была в высшей степени актуальна. Так, во второй половине столетия у южной апсиды появляется придел Иоанна Предтечи, одного из патрональных святых самого Ивана Грозного, а в 1581 г., когда в южной апсиде по распоряжению Грозного хоронят царевича Ивана, там же устраивают и престол Иоанна Лествичника — патронального святого убитого наследника[5].

Таким образом, мы с полным основанием можем предположить, что одним из имен первенца Грозного было *Уар*, память которого празднуется 19 октября[6].

Однако, по свидетельству Казанского летописца, на которое ссылается Н.М. Карамзин, на св. Уара родился другой Дмитрий Иванович (Угличский) — младший сын Грозного от Марии Нагой, появившийся на свет через тридцать лет после своего старшего брата, в 1583 г.:

«въ лѣто 7091, Окт[ября] въ 19 родился Государю Царю Ив[ану] Вас[ильевичу] отъ Царицы Маріи Ѳеодоровны сынъ, Царевичь Дмитрій; а прямое имя ему Уаръ»[7].

Та же дата рождения царевича содержится и в Пискаревском летописце, однако его второго имени здесь не указывается:

«Лета 7091-го родися сын царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии царевич Димитрей Иванович о[т] царицы Марфы Федоровны Нагие <sic!

---

4 См. [Самойлова 2000. С. 110–111; Самойлова 2004. С. 101–106]. В.Н. Крылова, исходя из того, что *Уаром* звали младшего царевича Дмитрия, высказала предположения, что эти росписи были добавлены лишь в начале XVII в., при перенесении его мощей в Архангельский собор [Крылова 1962. С. 34–35]. Однако по данным химического анализа краски, проведенного в 1965 г., принято считать, что все росписи на западной и северной стене диаконника Архангельского собора выполнены в одно и то же время [Самойлова 2000. С. 111].

5 См. [Памятники архитектуры Москвы 1982. С. 321]. Мощи последнего сына Грозного — царевича Дмитрия (Младшего) — были перенесены в Архангельский собор лишь в 1606 г. В 1638 г. над его гробницей была поставлена белокаменная резная сень [Памятники архитектуры Москвы 1982. С. 321].

6 Ср. [Самойлова 2000. С. 111].

7 См. [Карамзин. Т. IX. С. 266. Примеч. 741].

Марфа — иноческое имя Марии Федоровны Нагой. — *А. Л., Ф. У.*> октебря в 19 день»[8].

Как известно, Дмитрий позднее был канонизирован, и один из дней празднования его памяти приходился на 19 октября, память мученика Уара. Мы можем утверждать, таким образом, что и младший царевич был обладателем имени Уар[9].

Каким же образом два брата получили не только одинаковые родовые имена (что вполне объяснимо), но и одинаковые вторые имена?

Если верить версии Казанского летописца, то Дмитрий Угличский, родившись 19 октября, на Уара, имя Дмитрий получил в соответствии с календарными выкладками — св. Дмитрий Солунский празднуется ровно на восьмой день после св. Уара, 26 октября.

Столь точное «выпадение» родового имени Дмитрий по календарю, разумеется, возможно[10]. Но поскольку дата упоминается лишь в одном дошедшем до нас летописном источнике и в том списке Казанского летописца, которым располагал Н.М. Карамзин, то не вполне понятно, что было для их составителей

---

8 См. [ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 194].

9 См. [Сергий. Т. II. С. 324, 144, 166]. И.М. Снегирев указывал, что в память рождения царевича Дмитрия (Младшего) Иван Грозный велел пристроить придел св. Уара с южной стороны церкви Рождества Иоанна Крестителя под Бором. По сведениям историка, в этом приделе находился образ мученика Уара и частицы его мощей, позднее перенесенные в Архангельский собор. Именно здесь, в частности, были поставлены первоначально мощи убитого царевича, когда их перенесли из Углича [Снегирев 1842–1845. С. 153–154, 156, 158; Подобедова 1972. С. 27. Примеч. 9; Бусева-Давыдова 1997. С. 259, 261]. Сведения о том, что придел св. Уара был воздвигнут лишь при отстройке Кремля после пожара 1812 г. [Памятники архитектуры Москвы 1982. С. 269], очевидно, следует признать ошибочными.

Сохранилась также мерная (родимая) икона св. Дмитрия Солунского, происходящая из надгробных иконостасов Архангельского собора. Исследователи датируют ее 1582 г., ставя при этом знак вопроса, и высказывают предположение, что икона принадлежала самому младшему сыну Ивана Грозного ([Христианские реликвии 2000. С. 203–204]; о мерных иконах см. [Самойлова 2000а. С. 35]). Однако мы отнюдь не исключаем возможности того, что мерная икона первоначально принадлежала как раз старшему царевичу Дмитрию, а не Дмитрию Угличскому.

10 Судя по всему, именно таким образом было выбрано династическое имя для еще одного сына Грозного — Федора Ивановича, который появился на свет 31 мая [ПСРЛ. Т. XIII. С. 283; Т. XX. С. 583 под 1557 г.], и праздник его официального патрона — Федора Стратилата (8 июня) — при определенной системе подсчета приходился на восьмой день после дня его рождения.

первичным — знание дат или знание имен, под которые эти даты подгонялись? Любопытно, что в Кормовой книге Кирилло-Белозерского монастыря с царевичем Дмитрием Угличским связываются только две даты — дата его кончины, 15 мая, и дата празднования его святого, Дмитрия Солунского, 26 октября[11]. У других членов царского дома зачастую указываются здесь по три даты поминовения: день рождения, день основного патронального святого и день кончины.

Кроме того, не вполне понятно, каким образом оба имени старшего и младшего братьев могут совпадать, если в строгом соответствии с календарем свои имена получил именно младший. Остается в этом случае допустить, что Дмитрий-Уар старший также родился на Уара, а такие двойные совпадения представляются уже совсем маловероятными.

Дмитрий Старший родился, скорее всего, около 19 октября[12]: в летописях упоминается не дата его рождения, а лишь тот день (впрочем, тоже без точной

---

11 См. [Кормовая книга. С. 78, 59, 88].

12 В Кратком летописце читаем: «Того ж лета месяца октября в 26 день на паметь великомученика Дмитрея родился у великие царици Анастасии царевич князь Дмитрей. С тем сеунчем гонял встречю царю и великому князю Василей Юрьевич Малой Трахониот» [Зимин 1950. С. 9]. Та же дата указывается и в Новгородской второй (Архивской) летописи: «Того же мѣсяца октября в 26 день бысть государю благоверному царю великому князю Ивану Васильевичю всея Руси Московскому радость велиа: родился ему сынъ царевичъ князь Дмитреи Ивановичь со вторника на середу в седмыи час нощи» [ПСРЛ. Т. XXX. С. 181–182 под 1553 г.].

Итак, если верить этим сообщениям, старший сын Грозного родился непосредственно в день св. Дмитрия Солунского. В этом случае его связь со св. Уаром представляется совершенно необъяснимой, поскольку *Уар* — имя некняжеское и празднование этого святого приходится на восьмой день до рождения ребенка. При наречении мальчиков отсчитывали более чем на один день назад довольно редко (ср. [Лосева 2001а]), и то если речь шла о выборе княжеского, традиционного для рода имени. Иными словами, у родителей не было никаких видимых причин делать св. Уара небесным покровителем ребенка. Кроме того, датировка Краткого летописца и Новгородской второй (Архивской) летописи, как кажется, не вполне согласуется с датировкой событий после казанского похода, которая более или менее единообразно представлена в других летописях.

В том же Кратком летописце приводится дата рождения единокровного брата Дмитрия, Василия Ивановича, — 28 мая [Зимин 1950. С. 10] (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу), что существенно расходится с показаниями других источников, согласно которым он родился 21 марта, а 3 или 4 мая того же года уже скончался [ПСРЛ. Т. XIII. С. 365, 366; Кормовая книга. С. 76; Карамзин. Т. IX. С. 26 и примеч. 74]. Таким образом, датировки Краткого летописца не всегда заслуживают доверия, однако полностью исключить из рассмотрения 26 октября как дату рождения царевича Дмитрия (Старшего)

даты), когда Грозный, возвращаясь из Казанского похода, получил известие о рождении наследника. Ближайшая к этому событию дата, упомянутая в Никоновской летописи, — 11 октября[13]. Именно в этот день Грозный покинул Казань и на следующий день прибыл Волгой в Свияжск, где остановился на ночлег. На следующий же день — 13 октября[14] — царь, отдав различные распоряжения в Свияжске, поплыл к Нижнему Новгороду, где был торжественно встречен народом и посланцами от царицы с поздравлениями (с покорением Казани). Из Новгорода, где он пробыл два дня[15], царь отправился во Владимир, куда прискакал Василий Юрьевич Траханиот с известием о рождении первенца, царевича Дмитрия.

Весьма вероятно, таким образом, что царевич Дмитрий Старший родился на св. Уара (19 октября) или в канун его, а по «восьмидневному обрезанию» получил имя *Дмитрий* (в честь св. Дмитрия Солунского, празднование — 26 октября), родовое имя в высшей степени подобающее для княжича[16]. Нельзя полностью исключить и той возможности, что Дмитрий родился 11 или 12 октября, и имя *Уар* было ему дано на восьмой день, а имя *Дмитрий* — как ближайшее в ме-

мы не можем. Любопытно, что в Холмогорской летописи 26 октября датируется появление на свет не царевича Дмитрия, а его брата царевича Ивана, причем его рождение в этом тексте связывается с казанским походом Ивана IV, т. е. с теми обстоятельствами, при которых, как известно, родился царевич Дмитрий [ПСРЛ. Т. XXXIII. С. 137 под 1553 г.]. Возможно, эта ошибка произошла из-за того, что на царевича Ивана, который долгое время считался главным наследником своего отца, в определенном смысле переносились функции царского первенца.

13 См. [ПСРЛ. Т. XIII. С. 516–517].

14 См. [ПСРЛ. Т. XIX. С. 472].

15 См. [ПСРЛ. Т. XIX. С. 472–473; Т. XX. Вторая половина. С. 533–534].

16 В летописях сохранилось несколько точных дат появления на свет тех Рюриковичей, которые получили христианское имя *Дмитрий*. Все эти даты приходятся на осень (сентябрь-октябрь), но при этом от 26 октября они отделены довольно произвольным промежутком. Так, например, согласно летописным источникам, Дмитрий Борисович, сын Бориса Васильковича, родился 11 сентября [ПСРЛ. Т. I. Стб. 473 под 1253 г.], Дмитрий Михайлович, сын Михаила Ярославича Тверского, — 15 сентября (?) [ПСРЛ. Т. I. Стб. 484–485 под 1299 г.], Дмитрий Донской появился на свет 12 октября [ПСРЛ. Т. VII. С. 215 под 1351 г.; Т. X. С. 222 под 1350 г.; Т. XXIII. С. 109–110; Т. XXIV. С. 120]. Особенно интересно в этом отношении свидетельство о рождении Дмитрия Жилки, сына Ивана III. Согласно летописям, он появился на свет 6 октября, при этом наречение его именем *Дмитрий* напрямую связывается в летописи с 26 октября: «Того же лѣта, октября 6, родися великому князю Ивану Васильевичю сынъ, и нареченъ князь Дмитрей того же мѣсяца въ 26 [день]» [ПСРЛ. Т. VIII. С. 213 под 1482 г.; Т. IV. Ч. 1. С. 524; Т. XII. С. 213; Т. XXVIII. С. 151]; ср. [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 312; Т. XXIII. С. 183].

сяцеслове имя, подходящее княжичу московского дома[17]. Со всей очевидностью царевич, первенец Грозного, был назван «въ прародителя своего имя великого князя Дмитрея Ивановича Донского», как об этом напрямую говорится в одном из списков Софийской летописи[18]. Мальчик оказывался полным тезкой своего великого предка, их обоих зовут *Дмитриями Иоанновичами* (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу). Несомненно, существенную роль в выборе этого имени сыграло триумфальное завершение Казанского похода — победа над татарами, одержанная Дмитрием Донским, и победа Ивана Грозного символически отождествлялись. Так или иначе, имя *Уар* по календарю исчислялось, на наш взгляд, именно для него, первого из двух братьев *Дмитриев*.

Что же касается Дмитрия Угличского (т. е. младшего сына Грозного), то он, по всей видимости, мыслился как прямое подобие своего рано умершего брата-первенца. Вероятно, отец хотя бы отчасти связывал с младшим сыном те династические перспективы, которые он в свое время намечал для старшего. Впрочем, не исключено, что эти династические перспективы появились у мальчика не сразу. В самом деле, слухи о рождении царевича Дмитрия поначалу опровергались перед иностранцами, а брак царя с его матерью, Марией Нагой, грозил распасться, так как Иван Грозный замышлял женитьбу на английской королеве или ее племяннице[19]. По-видимому, брак с Марией Нагой в случае необходимости мог быть легко расторгнут, поскольку явно шел вразрез со всеми каноническими установлениями, и поначалу статус новорожденного царевича был, таким образом, достаточно неопределенным. Несколько позднее, когда планы английского сватовства рухнули, а кроме Дмитрия из сыновей Грозного в живых оставался только Федор Иванович, Дмитрий стал мыслиться как возможный наследник и продолжатель царского рода.

Исходя из сказанного, представляется весьма вероятным, что св. Уар стал покровителем ребенка, так как был покровителем его умершего брата-первенца. Таким образом, оба имени — и *Дмитрий*, и *Уар* — Дмитрий Угличский мог получить «по наследству», вне строгой связи с церковным календарем. Если следовать этой версии, то получается, что дата рождения (19 октября) Дмитрия Угличского в тех летописях, где она указывается, высчитана задним числом, исходя из знания его имен.

---

17 Из того, что имя *Уар* было дано царевичу на восьмой день, по-видимому, исходил И. Забелин, приводя дату его рождения — 11 октября [Забелин 2000–2001. Т. II. С. 276]; ср. [Забелин 2000–2001. Т. I. Ч. 2. С. 3, 29]. Впрочем, автор нигде этого не оговаривает, и второе имя старшего сына Грозного в его сочинении не приводится.

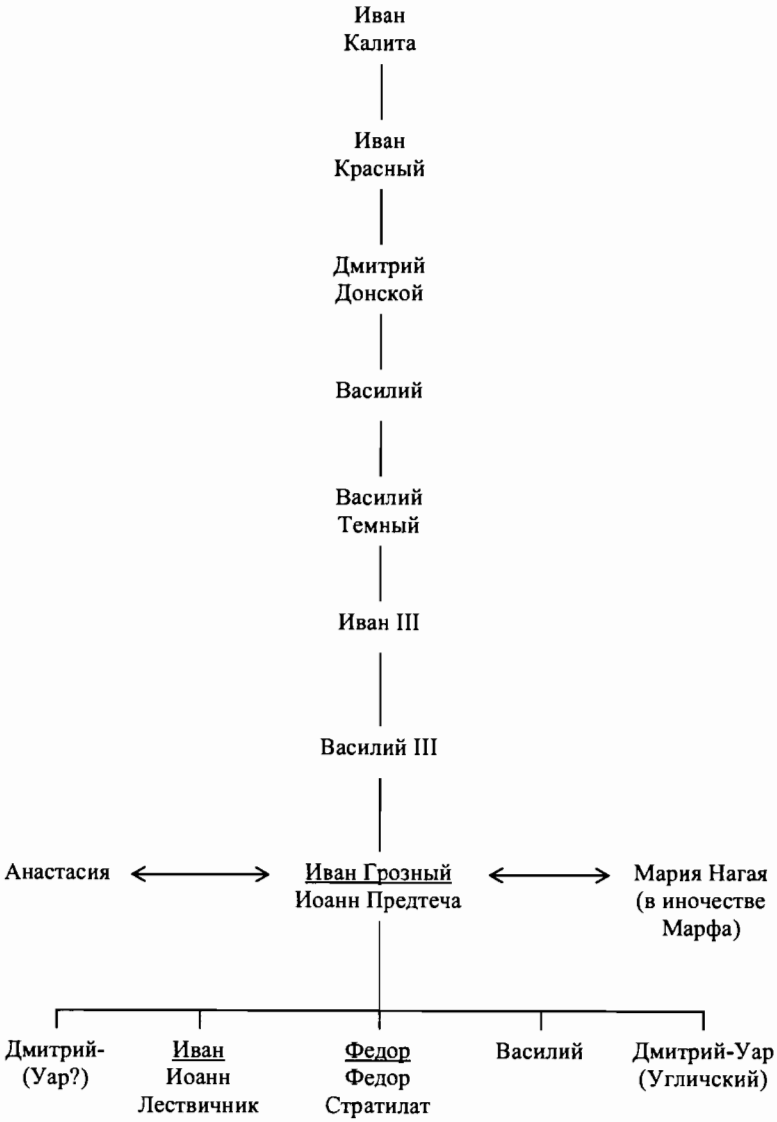
18 См. [ПСРЛ 1853. Т. VI. С. 314 под 1552 г.].

19 См. [Карамзин. Т. IX. С. 266. Примеч. 742].

Впрочем, невозможно полностью исключить и версию о том, что *Уаром* был только младший царевич, так как старший в письменных источниках нигде этим именем не назван. В таком случае приходится допустить, что все постройки и росписи, о которых речь шла выше, были соотнесены со св. Уаром несколько позже, при жизни или, скорее, после смерти младшего царевича, что, на наш взгляд, представляется не невозможным, хотя менее вероятным, чем рассмотренная выше гипотеза о том, что эти имена носили оба брата.

Принимая эту гипотезу о двух совпадающих парах имен, мы можем утверждать, что наследование родового имени означает преемственность родовых прав, тогда как наследование второго имени может выражать стремление к полному отождествлению соответствующих персонажей. Действительно, родовое имя *Дмитрий* фигурирует в роду Рюриковичей много раз, имя же *Уар* являлось (если являлось) личной принадлежностью Дмитрия Ивановича Старшего и, будучи дано вместе с родовым именем *Дмитрий* его единокровному брату, превращало младшего Дмитрия в полное антропонимическое подобие старшего.

ТАБЛИЦА № 1


Иван Калита
Иван Красный
Дмитрий Донской
Василий
Василий Темный
Иван III
Василий III
Анастасия
Иван Грозный
Иоанн Предтеча
Мария Нагая (в иночестве Марфа)
Дмитрий-(Уар?)
Иван
Иоанн Лествичник
Федор
Федор Стратилат
Василий
Дмитрий-Уар (Угличский)

Экскурс 8

Иваны, Елены и Феодосии в семье Ивана III

Как мы знаем из многочисленных источников, в семьях поздних Рюриковичей вполне возможна такая ситуация, когда живущие одновременно братья или сестры носят одинаковые имена. При этом сохраняется и традиционный для всей династии в целом обычай — давать вновь появляющимся в семье детям имена их рано умерших сестер и братьев. Таким образом, самый факт совпадения имен тех или иных княжон или княжичей в одной семье не дает возможности определенно утверждать, жили ли они одновременно или младший из тезок появился на свет после кончины старшего.

Не помогает здесь и знание небесных покровителей таких братьев и сестер. Как мы попытались показать в одной из глав[1], младшему из тезок давался обыкновенно тот же патрональный святой, что и его старшему брату или сестре, вне зависимости от того, был ли этот старший тезка жив к моменту рождения младшего. Тем не менее общая модель выбора святых патронов для Рюриковичей-тезок может, как кажется, быть небесполезной в разрешении некоторых запутанных генеалогических вопросов.

Так, в летописных источниках мы обнаруживаем упоминание о рождении у великого князя Ивана III двух, а иногда и трех дочерей по имени *Елена*. Первая дочь Елена родилась 18 апреля 1474 г.[2] Следующая дочь с тем же именем родилась 19 мая 1476 г.[3] Дело осложняется еще и тем, что в летописных текстах можно встретить упоминание о рождении у Ивана Васильевича третьей дочери с именем *Елена*[4]. Однако вполне вероятно, что здесь мы имеем дело с ошибкой, со своеобразным удвоением имен и перенесением событий 70-х гг. XV в. в годы 80-е[5], хотя с полной уверенностью утверждать, что

---

1 См. гл. VI.

2 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 179; Т. XII. С. 154]; ср. [Карамзин. Т. VI. Примеч. 204].

3 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 182; Т. XII. С. 168].

4 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 215; Т. XII. С. 216].

5 Так, под 1475 г. в Воскресенской и Никоновской летописях упомянуто о рождении Феодосии Ивановны. В Никоновской летописи сообщается, что она родилась ночью 28 мая и при этом сказано, что это та самая княжна, которая стала женой князя Холмского [ПСРЛ. Т. XII. С. 157]; ср. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 181]. Под 1485 же г. в Никоновской летописи сообщается, что 29 мая, в 3-й час ночи у Ивана Васильевича родилась дочь Феодосия [ПСРЛ. Т. XII. С. 216]. Аналогичным образом, сообщение о рождении Феодосии дважды повторяется в Воскресенской летописи [ПСРЛ. Т. VIII. С. 181, 215]. Подробнее о соседстве упоминаний Елен и Феодосий см. в этом экскурсе ниже.

третьей дочери с именем *Елена* у великого князя не было, мы все-таки не можем (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу).

Даже если мы полагаем, что *Елен* было всего две, мы не знаем, жили ли они одновременно. Как кажется, в 90-е гг. XV в. мы обнаруживаем только одну Елену, находящуюся в брачном возрасте. Во всяком случае, когда речь заходит о планах сватовства кого-либо из родственников императора Фридриха, в качестве потенциальных невест в источниках фигурируют одна Елена и ее сестра Феодосия.

Н.М. Карамзин полагал, что к 1476 г., когда родилась вторая Елена, ее старшая сестра-тезка уже скончалась[6]. В то же время многие историки считают, что именно Елена-старшая фигурировала в планах сватовства и впоследствии сделалась супругой великого князя литовского Александра (не совсем понятно, правда, учитывается ли в этих построениях та Елена, которая, согласно некоторым летописным свидетельствам, появилась на свет в 1484 г.)[7]. Так или иначе, нам не известны источники, где сообщалось бы о смерти хотя бы одной из *Елен* до 1484 г.

Таким образом, мы можем допустить как то, что Иван III называет одну из младших своих дочерей в честь недавно умершей старшей, так и то, что в семье Ивана III одновременно было несколько сестер, носящих одинаковое имя. При этом, если мы не исключаем существования третьей Елены, в принципе возможна еще более нетривиальная ситуация, когда одна из девочек унаследовала имя покойной сестры, а другая стала тезкой сестры живой (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу).

Как бы то ни было, все эти сестры, появившиеся на свет весной, до 21 мая, должны были находиться под покровительством одной и той же святой, почитаемой в княжеском роду — царицы Елены (21 мая).

Вообще говоря, ситуация с рождением и имянаречением некоторых детей в семье Ивана III с большим трудом поддается точной расшифровке, противоречия в источниках здесь можно считать обычным явлением. Не исключено, что отчасти эти противоречия порождены именно обилием детей-тёзок. Иногда тезки появляются на свет с очень небольшим интервалом и при этом принадлежат к двум разным поколениям княжеской семьи — одни являются детьми Ивана III от второго брака с Софьей Палеолог, тогда как другие внуками, детьми его сына от первого брака, Ивана Ивановича. Так, по-видимому, весьма небольшая разница в возрасте была между двумя Дмитриями Ивановичами, дядей и племянником[8]. То обстоятельство, что и их отцы бы-

---

6 См. [Карамзин. Т. VI. Примеч. 204].

7 Ср. [Экземплярский. Т. I. С. 277, 448].

8 Дядя, сын Ивана Васильевича, появился на свет 6 октября 1482 г. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 213; Т. XVIII. С. 269; Т. XXV. С. 329], а племянник — 10 октября 1484 г. Характерно при этом, что в некоторых летописях Дмитрий Внук ошибочно называется сыном Ивана III [ПСРЛ. Т. VIII. С. 213; Т. XLIII. С. 207]. К записи о его рождении в этих источниках непосредственно примыкает запись о рождении у того же

ли тезками и оба в интересующий нас период носили титул великого князя, также, разумеется, не облегчает реконструкцию семейных связей.

Пожалуй, наиболее спорной фигурой из наследников мужского пола в этой семье следует считать княжича, родившегося в 1485 г. В Лихачевском летописце сообщается о том, что у великого князя родился сын 9 февраля, на память св. мученика Никифора «и наречено бысть имя ему Иван обретение главы Ивана Предтечевы того же месяца 24»[9]. Однако кто из великих князей был отцом новорожденного — Иван Васильевич или его сын Иван Иванович?

Большинство летописных источников ничего не сообщает о существовании у Ивана III или у Ивана Молодого такого ребенка. Однако появление на свет этого загадочного княжича все же отмечено в Воскресенской и Типографской летописи (в Академической редакции), а также в Софийской второй летописи и в летописи Львовской, где под 1485 г. сказано, что великому князю 13 (а не 9!) февраля родился сын Иван[10]. Эти тексты вроде бы дают нам однозначную возможность определить, чьим именно сыном был новорожденный, так как там сказано, что младенец был рожден «отъ Грекиниі», т.е. от Софьи Палеолог. Следовательно, он был сыном Ивана III и тезкой своего отца и единокровного брата (ср. табл. №№ 1, 2 к настоящему экскурсу).

Если это так, то у новорожденного вполне закономерным образом с отцом патрональные святые не совпадают (напомним, что покровителем Ивана III был Иоанн Златоуст), а с братом, как и следовало ожидать, совпадают — официальным покровителем обоих Иванов Ивановичей становится Иоанн Предтеча.

Однако, исследуя Лихачевский летописец, Б.М. Клосс и В.Д. Назаров отметили, что если следовать показаниям этого источника, то у Ивана III и Софьи Палеолог в феврале 1485 г. никак не мог родиться сын, так как в 29 мая 1485 г. у них родилась дочь Феодосия[11]. Разумеется, ни в великокняжеской, ни в какой-либо другой семье дети от одной матери не могли появляться на свет с промежутком в четыре с небольшим месяца. Таким образом, исследователи делают вывод, что выражение «родился у великого князя сын» в сви-

---

Ивана Васильевича 8 апреля (т. е. через шесть месяцев!) дочери Елены. По-видимому, летописец настолько не замечает своей ошибки, что не может обратить внимание на немыслимый характер такой ситуации.

9 Цит. по: [Клосс, Назаров 1984. С. 287]. Ср. также соответствующую выписку из Лихачевского летописца, любезно предоставленную А.П. Павловым (Институт истории РАН, СПб.) и сверенную нами: [л. 853 об.] «Тогожє лѣта [6993] родилсѧ оу великого кн҃зѧ сн҃ъ фєврала в о҃ на масли [л. 854] ницє на ѡсмомъ часꙋ противъ сєрєды на памѧть святого мучєника Никифора и нарєчено бысть имѧ ємꙋ Иванъ обрѣтениє главы Ивана Предтечевы того жє мсца к҃д». Рукопись хранится в Архиве СПб. Института истории РАН, ф. 238 (Н.П.Лихачев), оп. 1, № 365. О Лихачевском летописце см. также [Покровская 1975].

10 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 216; Т. XXIV. С. 235]; ср. также [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 320; Т. XX. Первая половина. С. 351].

11 См. [Клосс, Назаров 1984. С. 287].

детельстве Лихачевского летописца является указанием на отцовство не Ивана Васильевича III, а Ивана Ивановича Молодого. Отметим, что в таком случае у отца и сына *Иоаннов* оказывается не только одно династическое имя, но, согласно показаниям все того же Лихачевского летописца, и один и тот же патрональный святой — Иоанн Предтеча.

Тем не менее и такая трактовка событий никак не может быть принята безоговорочно и окончательно. Датировка появления на свет княжны Феодосии Ивановны, принятая исследователями за своеобразную точку отсчета, сама по себе, как известно, составляет отдельную проблему. Вообще говоря, как совершенно справедливо отмечено Б.М. Клоссом и В.Д. Назаровым, вопрос о числе дочерей Ивана III от Софьи Палеолог и их именах требуют дополнительных разысканий [12]. Противоречия в свидетельствах источников об этом предмете мы уже обсуждали выше, говоря об имени *Елена* в этой семье. С упоминаниями княжны (или княжон?) по имени *Феодосия* дело обстоит столь же непросто, причем эти упоминания образуют в источниках своего рода пары с упоминаниями Елен (ср. табл. № 1 к настоящему экскурсу).

По-видимому, попытки внести некую ясность и определенность в этот вопрос предпринимались уже некоторыми составителями летописных сводов. Так, в Московском летописце было сочтено нужным упомянуть только о трех дочерях Ивана III, и из перечня их можно заключить, что все они дожили до брачного возраста и вышли замуж: Елена за великого князя литовского Александра, другая, не названная по имени, за татарского царевича Петра, а третья, тоже по имени не названная, за князя Холмского [13].

В других же источниках мы зачастую наблюдаем картину куда более пеструю и разнообразную, умножающую число сестер-тезок, причем сведения о большинстве из них крайне скудны и иногда, по-видимому, ограничиваются записью об их рождении. Составители Никоновской летописи, вероятно, пошли по пути использования всех доступных им данных. В результате в тексте мы встречаем упоминания о рождении двух сестер Елены и Феодосии, одна из которых появилась на свет 18 апреля 1474 г.[14], а другая — ночью 28 мая 1475 г., причем о Феодосии специально отмечено, что это та самая, которая была за князем Холмским [15]. При этом под 1484 и 1485 гг. Никоновская летопись вновь упоминает о рождении у Ивана III двух дочерей — Елены и Феодосии [16]. Согласно данному свидетельству, эта Елена родилась 8 апреля, а эта Феодосия — 29 мая.

Разумеется, то обстоятельство, что у князя практически в один и тот же день, с промежутком ровно в десять лет, родились две дочери, можно считать любопытным, но отнюдь не невозможным. При этом не приходилось бы

---

12 См. [Клосс, Назаров 1984. С. 287. Примеч. 20].

13 См. [ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 222].

14 См. [ПСРЛ. Т. XII. С. 154] ; ср. [ИЛ. С. 86 под 1473 г.].

15 См. [ПСРЛ. Т. XII. С. 157]; ср. [ИЛ. С. 89 под 1474 г.].

16 См. [ПСРЛ. Т. XII. С. 216] ; ср. [ИЛ. С. 125 под 1484 г.]..

удивляться тому, что они получили одно и то же имя *Феодосия*, вне зависимости от того, была ли жива старшая из сестер ко времени рождения младшей[17]. Однако то обстоятельство, что в обоих случаях за год до этого в апреле в княжеской семье появляется дочь по имени *Елена*, причем в одном случае ее рождение отмечено 8 числом, а в другом — 18, наводит на мысль о, так сказать, чрезмерном характере такого совпадения.

Мы не можем безапелляционно утверждать, что эти записи не отражают точно реальных событий в семье Ивана III, однако все же гораздо вероятнее, что здесь имеет место какой-то сбой в датах или именах. Тем более это вероятно, если мы знаем, что до взрослого возраста, скорее всего, дожили только одна Елена (а Никоновская и Воскресенская летописи, как уже упоминалось выше, знают еще и третью Елену, родившуюся в 1476 г.) и одна Феодосия. При этом у них была еще и сестра Евдокия: в Никоновской летописи отмечен ее брак с казанским царевичем Петром и кончина, но нет записи о ее рождении (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу)[18].

В Воскресенской летописи мы наблюдаем сходную картину с двумя «комплектами» Елен и Феодосий, появившихся на свет в 70-е и 80-е гг., соответственно. Такая же картина представлена и в Симеоновской летописи.

---

[17] 29 мая празднуется память сразу двух мучениц Феодосий — Тирской и Цареградской. Таким образом, если буквально следовать сообщению о рождении младшей Феодосии Ивановны, то оказывается, что она родилась не только почти ровно через десять лет после своей сестры-тезки, но и что ее день рождения приходится на день празднования святой покровительницы ее старшей сестры. Такое дополнительное совпадение опять-таки не является невозможным, но все же наводит на мысль об искусственности какой-либо из этих дат. Как кажется, более правдоподобными выглядят записи о рождении княжны, приходящемся на канун празднования ее святой, нежели те, которые основаны на точном совпадении имени новорожденной с тем празднованием, которое приходится на день ее появления на свет. Конечно, подобные соображения не могут сами по себе служить единственным основанием для того, чтобы признать записи под 1485 г. ошибочными, однако они усиливают наши сомнения в их правильности.

[18] См. [ПСРЛ. Т. XIII. С. 2, 16]. Н.М. Карамзин отмечал, что в известных ему летописях год рождения Евдокии Ивановны не означен [Карамзин. Т. VI. Примеч. 206]. В именном указателе к Никоновской летописи предполагается, что Елены и Феодосии, якобы родившихся в 80-е гг., не существовало, а в свидетельстве о рождении Елены под 1484 г. и в свидетельстве о рождении Феодосии в 1485 г. содержится ошибка — на самом деле речь в обоих (?!) случаях идет будто бы о рождении княжны Евдокии [ПСРЛ. Т. XIV. С. 52, 55, 168]. При этом, согласно показаниям не известного Н.М. Карамзину и первым издателям Никоновской летописи Московского летописного свода, Евдокия появилась на свет в феврале 1483 г. [ПСРЛ. Т. XXV. С. 330].

В целом можно, как кажется, утверждать, что историографическая традиция признает существование у Ивана III двух дочерей по имени *Елена*, одной Феодосии и одной Евдокии.

При этом ряд летописных текстов упоминают только об одном из этих «комплектов» — о Елене и Феодосии, родившихся в 70-е гг., или о Елене и Феодосии, родившихся в 80-е гг. Так, Типографская летопись ничего не говорит о рождении дочерей Елены и Феодосии в 1474 и в 1476 гг., но упоминает о рождении Елены и Феодосии под 1484 и 1485 гг., соответственно (в Академической редакции, как уже говорилось, нет Феодосии под 1485 г.). Такая же ситуация (упоминание только «поздних» Елены и Феодосии) наблюдается в Новгородской четвертой летописи и Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского. Нет Елены и Феодосии ни под 1475 и 1476 гг., ни под 1484 и 1485 гг. и в Софийской второй и в Львовской летописях. С другой стороны, Московский летописный свод упоминает о рождении Елены и Феодосии в 1474 и в 1475 гг., но ничего не говорит о рождении у Ивана III дочери Елены в 1484 г.[19]

Такое положение дел в источниках, на фоне общих данных о появлении детей у Ивана III, как кажется, позволяет допустить, что, скорее всего, в действительности двух полных «комплектов» Феодосий и Елен не существовало. Едва ли, таким образом, можно считать летописные записи о рождении Феодосии Ивановны в мае 1485 г. надежной точкой отсчета. Более того, на наш взгляд, истинному положению дел скорее соответствует запись о рождении у Ивана III дочери по имени *Феодосия*, помещаемая под 1475 г.

Действительно, если мы полагаемся на сообщения Московского летописного свода XV в. о том, что Евдокия Ивановна родилась в 1483 г., — а не доверять этому ничем не опровергнутому сообщению у нас нет оснований, — то мы можем заключить, что она вышла замуж в возрасте примерно двадцати двух — двадцати трех лет, так как ее брак с казанским царевичем Петром приходится на 1506 г. Феодосия же была выдана замуж в 1500 г. Естественно предположить поэтому, что Феодосия Ивановна была старше Евдокии Ивановны. Если это та Феодосия, которая родилась в 1475 г., то к моменту замужества ей должно было быть около двадцати пяти лет. Такой, казалось бы, достаточно зрелый возраст отнюдь не выглядит странным, если учитывать, во сколько лет была отдана замуж ее сестра Евдокия. Кроме того, как мы помним, у нас есть прямое указание Никоновской летописи, что та Феодосия, которая стала женой князя Холмского, родилась в 1475 г.

Таким образом, Феодосия 1485 г. становится, как кажется, все более фантомным явлением — в летописях о ней больше не упоминается и весьма возможно, что перед нами своего рода «генеалогический дубль», порожденный удвоением летописных указаний десятилетней давности[20].

---

19 Особняком стоят данные Софийской первой летописи по списку И.Н. Царского. Здесь фигурируют два свидетельства о рождении у Ивана III дочерей по имени *Феодосия* (под 1475 и 1485 гг.), и только одна дочь по имени *Елена* (под 1484 г.) [ПСРЛ. Т. XXXIX. С. 159, 163].

20 Строго говоря, нет ничего невозможного в том, что составитель Лихачевского летописца, воспроизводя некую ошибку своего источника в датах или именах, по-

Во всяком случае, сведения о рождении этой дочери у Ивана III в 1485 г. не следует считать безусловным аргументом в споре, кем приходился Ивану III не менее загадочный княжич по имени *Иоанн*, появившийся на свет 9 февраля 1475 г. (ср. табл. №№ 1, 2 к настоящему экскурсу). Прибегая к аргументации иного рода, следует подчеркнуть, что записи о рождении детей у Ивана Васильевича и Ивана Ивановича в летописных источниках подразумевают такую возможность, когда Иван III именуется просто «великим князем», без уточнения имени и отчества. Именно так он назван, в частности, в сообщении Лихачевского летописца о рождении Елены в 1484 г.[21] Именование же «великим князем» его сына Ивана Ивановича в записях такого рода всегда, по-видимому, требует указания имени и отчества[22]. Иногда даже специально указывается, что сын родился у сына великого князя Ивана Васильевича[23]. Таким образом, запись о рождении сына Ивана у великого князя, не названного по имени, в Лихачевском летописце и других летописных источниках, стилистически должна быть, скорее, связана с отцовством Ивана III.

местил известие о рождении двух детей Ивана III под одним годом с очень небольшим временным интервалом. Как мы видим на примере Воскресенской летописи, подобного рода несообразности вполне могут проходить незамеченными для летописца (см. выше, примеч. 8).

Хотелось бы подчеркнуть, что развернутый характер датировки того или иного события и правильное его соотнесение с подвижными и неподвижными праздниками церковного календаря (как, например, в Лихачевском летописце: «...фєвраля в 9 на маслиницє на ѡсмомъ часꙋ противъ сєрєды на памѧть святого мучєника Никифора...») не может служить надежным доказательством того, что то или иное событие действительно произошло именно в этот день этого самого года. Оно, как кажется, свидетельствует лишь о том, что составитель конкретного летописного текста умеет и любит использовать церковный календарь и, сталкиваясь с указанием некой даты (верным или ложным), охотно и правильно обращивает ее дополнительными календарными сведениями.

21 «[л. 853 об.] Того же лета весне родилася у великого князя княжна Олена...». Ср. аналогичный пример именования: [ПСРЛ. Т. XX. С. 348] (о рождении у Ивана Васильевича сына Дмитрия). В других ситуациях, описывающих те или иные действия московских великих князей, просто великим князем, без указания имени и отчества, как кажется, также обычно именуется Иван III.

22 Ср. сообщения о рождении у Ивана Молодого сына Дмитрия [ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 525; Т. VI. Вып. 2. Стб. 317; Т. XVIII. С. 270; Т. XX. С. 350; Т. XXIV. С. 202; Т. XXV. С. 330; Т. XXXIX. С. 163]. Таким же образом (с указанием имени и отчества Ивана Молодого) представлено свидетельство о рождении Дмитрия и в Лихачевском летописце: [л. 853 об.] «....Того же лета [6992] октебря въ 10 на память святыхъ мученикъ Еоулампиа родися князю великому Иваноу Ивановичю сынъ князь Дмитрей въ час нощи». (Авторы глубоко признательны А.П. Павлову за предоставленные фрагменты текстов из Лихачевского летописца.)

23 См. [ПСРЛ. Т. XXIV. С. 202].

Иными словами, располагая прямым указанием Воскресенской, Типографской, а также Софийской второй и Львовской летописей, что родившийся княжич был сыном Софьи Палеолог («от Грекиниі»), мы не имеем достаточной аргументации, чтобы признать его безусловно ошибочным[24]. При этом, как было показано выше, у нас есть некоторые косвенные данные в поддержку прямого летописного свидетельства. В такой ситуации мы не только не должны отказываться от выработанной на других, более ясных и однозначных случаях модели выбора имени и святого покровителя для князя из рода Рюриковичей, но имеем основания воспользоваться этой моделью для реконструкции генеалогических связей.

Напомним, что, согласно этой модели, у поздних Рюриковичей сын мог получить официальное христианское имя своего живого отца, но при этом у них обязательно должны были различаться небесные покровители. Напротив, патрональные святые братьев-тезок в одной семье, скорее, должны были совпадать. Среди тех предельно скудных данных, которыми мы располагаем о младенце, появившемся на свет в феврале 1485 г., есть имя его официального небесного покровителя — Иоанн Предтеча. Если такой ребенок действительно был в семье московских великих князей, то, исходя из особенностей его имянаречения (так, как они описаны в Лихачевском летописце), следовало бы, скорее, признать его сыном, а не внуком князя Ивана Васильевича.

---

[24] Строго говоря, если мы будем трактовать эти заметки, содержащиеся в трех летописных источниках, как ошибочные, у нас останется не так уж много оснований полагать, что такой ребенок вообще родился именно у московского великого князя, а не, скажем, у рязанского, ведь никаких сведений о нем, кроме самого факта появления на свет, в летописях не сохранилось.

ТАБЛИЦА № 1

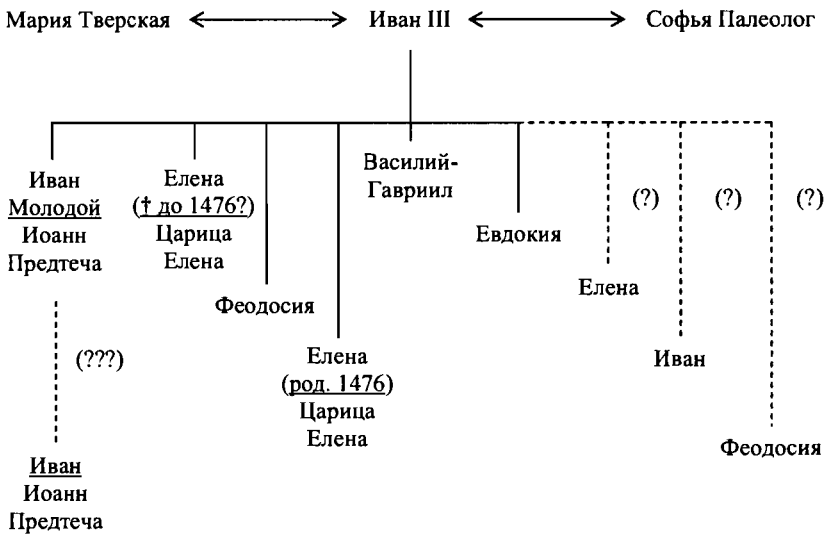
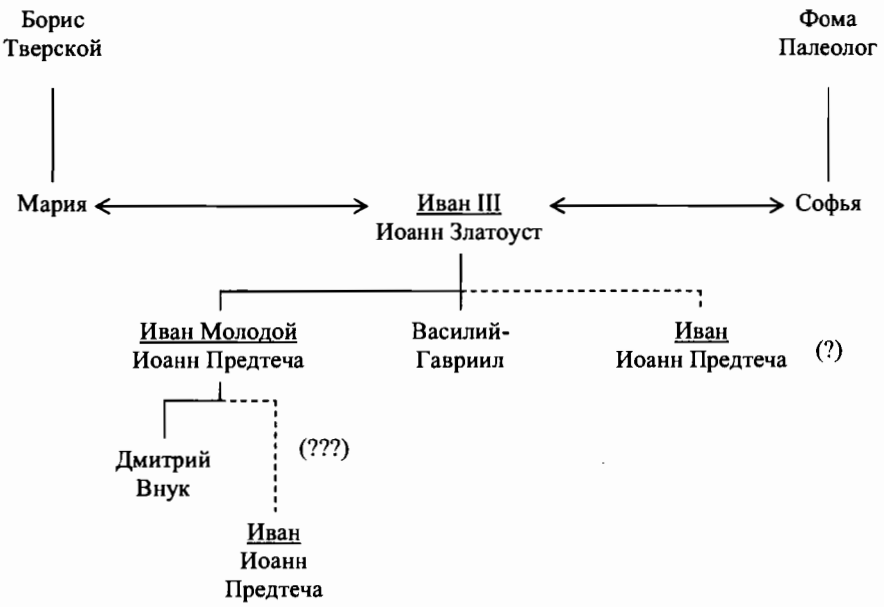

Мария Тверская
Иван III
Софья Палеолог
Иван
Молодой
Иоанн
Предтеча
Елена
(† до 1476?)
Царица
Елена
Василий-
Гавриил
Евдокия
(?)
(?)
(?)
Елена
Иван
Феодосия
Феодосия
(???)
Елена
(род. 1476)
Царица
Елена
Иван
Иоанн
Предтеча

ТАБЛИЦА № 2


Борис
Тверской
Фома
Палеолог
Мария
Иван III
Иоанн Златоуст
Софья
Иван Молодой
Иоанн Предтеча
Василий-
Гавриил
Иван
Иоанн Предтеча
(?)
Дмитрий
Внук
(???)
Иван
Иоанн
Предтеча

Экскурс 9

Некоторые замечания о святых патронах русских князей по имени *Федор* (по поводу одной группы княжеских печатей XII в.)

Уже в домонгольской Руси мы сталкиваемся с такими христианскими именами князей, которые могут указывать сразу на нескольких потенциальных святых покровителей этих Рюриковичей. Известно, что на Руси уже в ту пору почитались, например, несколько святых по имени *Андрей* или *Федор*. При этом, вероятно, не все святые тезки были одинаково популярны в правящей династии. Интересна в этом отношении судьба имени *Федор*, весьма распространенного у Рюриковичей в течение по крайней мере пяти столетий их существования как русского правящего дома.

Насколько мы можем судить по дошедшим до нас источникам (памятуя при этом, что сохранившиеся в них сведения о христианских именах князей весьма далеки от полноты), первым князем, получившим в крещении это имя, был старший сын Владимира Мономаха, Мстислав-Федор Великий[1] (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу). Какой же из Федоров месяцеслова был святым патроном первого Мстислава-Федора и выступал ли он в качестве святого патрона для всех последующих Мстиславов-Федоров и прочих Федоров, встречающихся в княжеском роду?

В знаменитой надписи на Мстиславовом Евангелии читаем:

«...кнѧзю ѳєѡдороу а мирьскы мьстиславоу вънoукoу соущю вьсєволожю а с҃ноу володимирю кнѧзю новъгородьскоуомоу <...> ѡ г҃и сп҃си кн҃ѧзѧ нашєго ѳєѡдора мъногы лѣ(т) а мирьскы мьстислава»[2].

Очевидно, княжеский патрональный святой должен был присутствовать в месяцеслове заказанного правителем Евангелия. Здесь фигурирует целый ряд святых тёзок князя: Федор Стратилат (7 февраля и 8 июня), Федор Тирон (17 февраля), Федор Трихин (20 апреля), Федор Пергийский (21 апреля и 21 сентября), Федор Сикеот (22 апреля), Федор освященный (16 мая)[3].

---

1 Согласно гипотезе В.Л. Янина и П.Г. Гайдукова, *Федором* мог быть в крещении сын Изяслава Ярославича, который был на одно поколение старше Мстислава-Федора Великого [Янин, Гайдуков 1998. С. 60]. Однако надежными данными, позволяющими с уверенностью говорить о крестильном имени этого князя, мы не располагаем.

2 См. [Апракос. С. 289]

3 Исследователями отмечалось, что в месяцеслове Мстиславова Евангелия впервые на русской почве памяти святых тёзок по имени *Федор* представлены с такой

О каком же святом по имени Федор идет речь? Наиболее вероятными кандидатами на роль княжеского патрона могут быть названы святые воины Федор Тирон и Федор Стратилат. Именно их праздники хотя бы в каком-то виде упоминаются в летописях, когда речь заходит о событиях конца XI — XII в. Сохранившиеся княжеские печати, где фигурирует надпись, упоминающая св. Федора, чаще всего несут на себе изображения воинов[4]. В тех, весьма редких свидетельствах, где возведение церкви связывается с точным обозначением кого-либо из святых тёзок, речь также идет о ком-либо из Федоров-воинов.

Таким образом, свв. Федора Стратилата и Федора Тирона следует в первую очередь рассматривать как возможных покровителей Мстислава Великого, хотя, строго говоря, из этого рассмотрения нельзя исключать и всех остальных свв. Федоров, упомянутых в Мстиславовом Евангелии. Можно ли, однако, пойти еще дальше и попытаться уточнить, кто из святых воинов был выбран патроном для князя при крещении?

В Новгородской первой летописи сказано, что во время княжения Мстислава в Новгороде, 28 апреля 1115 г., там была заложена церковь св. Федора Тирона, причем это свидетельство соседствует с другим, непосредственно упоминающим князя Мстислава Великого:

«А Новѣгородѣ измьроша коня вся у Мьстислава и у дружины его. Том же лѣтѣ заложи Воигость церковь святого Федора Тирона, априля въ 28»[5].

Учитывая, что Федор Тирон (как и Федор Стратилат) явно считался покровителем воинов, то не исключено, что два события («конский мор» в Мстиславовой дружине и закладка церкви) как-то связаны между собой, и Воигост, основывая церковь во имя св. Федора Тирона, действовал не без поддержки, если не по прямому указанию Мстислава. Отметим при этом, что дата закладки этого храма близка к дням памяти трех других Федоров из Мстиславова Евангелия (Трихина, Пергийского и Сикеота), однако они в летописи никак не упоминаются. Можно допустить, таким образом, что в княжение Мстислава в Новгороде из всех Федоров месяцеслова здесь выделяется именно св. Федор Тирон.

полнотой (ср., например, месяцеслов Остромирова Евангелия [Мурьянов 1984]). Не исключено, что такое внимательное отношение к празднованию дней памяти различных свв. Федоров связано с тем, что все они были тезками князя-заказчика и, соответственно, все они могли осмысляться как его покровители.

4 Самому Мстиславу Великому с большой степенью надежности атрибутируется печать с изображением св. Федора в образе воина. Нельзя не упомянуть, впрочем, о существовании другого типа печатей, где на одной из сторон св. Федор изображен как мученик. Если считать, вслед за В.Л. Яниным и П.Г. Гайдуковым, что эта печать княжеская, то приходится признать, что среди покровителей домонгольских Рюриковичей по имени *Федор* были не только святые воины (см. [Янин, Гайдуков 1998. С. 59–60]).

5 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 20, 204].

Кроме того, есть летописное свидетельство, что Мстислав — во время своего княжения в Киеве — заложил церковь св. Федора:

«...заложи цр҃квь Мьстиславъ кнѧзь камену ст҃а^г Ѳеѡдора» [6].

Тогда же (в 1128 г.?) при каменной церкви был учрежден мужской монастырь, как полагают исследователи, во имя св. Федора Тирона [7], где и был погребен Мстислав в 1132 г. («положенъ бы^с оу цр҃кви ст҃го Федора юже бѣ самъ създалъ») [8], впрочем, прямых упоминаний в источниках о том, что церковь при Мстиславе была посвящена именно Федору Тирону, все-таки, как кажется, нет [9].

Обратим внимание на еще одно косвенное упоминание св. Федора Тирона в связи с князем Мстиславом Великим. При описании предательского и неожиданного нападения Олега Святославича в 1096 г. в летописи подчеркивается, что это произошло в Федорову субботу, когда Мстислав сидел на обеде. Как известно, Федоровой неделей называлась первая неделя Великого поста и связывалась она с памятью св. Федора Тирона. В субботу же этой недели особым образом отмечалась память явления св. Федора Тирона епископу Евдоксию [10]. Не исключено, что летописец стремился подчеркнуть особое

---

6 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 299].

7 См. [Макарий. Т. II. С. 172, 669].

8 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 294].

9 Впрочем, в поздних памятниках (Помянник Иосифа Тризны) сказано, что монастырь был посвящен именно Федору Тирону (см. [Кучкин 1971. С. 25; Кучкин 1997. С. 198–199]; ср. также упоминаемое в последней из этих работ указание Афанасия Кальнофойского (1638 г.), свидетельствующее о том, что при жизни этого печерского монаха монастырь был посвящен Федору Тирону) .

10 Судя по всему, Федорова суббота и была главным праздником, посвященным св. Федору Тирону, по крайней мере во многих древних месяцесловах в качестве дня поминовения этого святого отмечается именно она, а не его неподвижный праздник, приходящийся на 17 февраля (см. [Сергий. Т. III. С. 75]). С другой стороны, не вызывает сомнений небычайно высокий статус этого святого, коль скоро его память связывается с циклом подвижных годовых праздников, которые, как известно, были иерархически выше праздников неподвижных, жестко связанных с определенными числами. Не менее существенно и устойчивое именование в древнерусской традиции всей первой недели Великого поста — Федоровой неделей (из обихода современной православной церкви, как кажется, такое именование ушло). Кроме того, упоминание Федоровой субботы использовалось для датировки событий в той части летописи, где в этом качестве употребляются обыкновенно только названия крупнейших церковных праздников (ср. гл. V, с. 208–211). Так, столь значительное событие, как смерть Ярослава Мудрого, в летописи датируется следующим образом: «Ꙗрославу же приспѣ конѣць житьꙗ и предасть дш҃ю свою м^сца февралѧ вь к҃ в суботу а҃ не^д поста вь ст҃го Федора дн҃ь» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 150 под 1054 г.]; ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 162]. Невольно возникает предположение, что особо отмеченная дата кончины знаменитого прадеда могла как-то повлиять на выбор крестильного имени для

коварство Олега, напавшего на Мстислава, своего крестника, в именины, когда тот праздновал день своего святого и, поверив крестному отцу, не выставил охрану[11].

Таким образом, наиболее вероятным патроном Мстислава Великого можно было бы считать Федора Тирона[12]. Насколько значима, однако, была «спецификация» св. Федора для этого князя и насколько она была актуальна для последующих Мстиславов-Федоров и всех прочих князей, носивших это крестильное имя?

Об одном из правнуков Мстислава Великого летопись напрямую сообщает, что он получил мирское имя *Мстислав* и крестильное *Федор*[13] (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу). При этом в летописи отсутствуют и точная дата его появления на свет, и указание конкретного святого, во чье имя он был крещен. Сказано только, что княжич родился зимой, а следовательно, в качестве небесных покровителей ему могли подходить оба святых воина по имени *Федор*, Стратилат и Тирон.

По-видимому, в XI — XII вв. некоторое предпочтение при выборе святого покровителя для князя в целом отдавалось святым воинам и архистратигам. Эту тенденцию демонстрирует, в частности, иконография княжеских пе-

---

его правнука, старшего сына Владимира Мономаха, особенно если Мстислав Владимирович стал первым *Федором* в роду Рюриковичей. Впрочем, строгими аргументами, позволяющими последовательно обосновать такое предположение, мы не располагаем.

11 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 239]. Сохранилась также странная надпись на стене Георгиевского собора в Юрьевом монастыре в Новгороде, сообщающая о посещении неким князем Мстиславом собора на Федоров день: «КОНАЗЬ БЫЛЫ НА ФЕДОРОВО ДЬНЬ МЬСТИСЛАСВО». Упомянутый в надписи князь Мстислав отождествляется некоторыми исследователями с Мстиславом Великим [Рождественская 1992. С. 59–62]. Однако для уточнения сведений о патрональном святом князя эта надпись едва ли может дать какие-то сведения.

12 В целом ряде исследований патроном Мстислава Великого уверенно называется Федор Тирон (см., например: [Гордиенко 1975. С. 220–221; Мурьянов 1984]). Патронат св. Федора Тирона в данном случае весьма вероятен, но не бесспорен. В.Н. Татищев, например, сообщает совершенно определенную дату рождения этого князя — 1 июня 1076 г. [Татищев. Т. II. С. 91], явно связанную с культом Федора Стратилата, одно из празднований которому приходилось на 8 июня, т. е. на 7-й (или 8-й) день со дня, отмечаемого историком в качестве даты появления Мстислава на свет. При этом, однако, нам не известен ни один летописный источник, где бы содержалась эта (или какая бы то ни было другая) точная календарная датировка рождения Мстислава. Поэтому едва ли мы можем безоговорочно положиться на утверждение В.Н. Татищева, который мог попросту вычислить эту дату, исходя из известных ему церковных обычаев имянаречения.

Реконструкцию даты рождения Мстислава Великого ср. также: [Кучкин 1971].

13 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 679 под 1193 г.].

чатей, особенно печатей сложившегося к XII в. распространенного типа с патрональным изображением двух святых. Если мы посмотрим на список наиболее употребительных крестильных княжеских имен, то убедимся, что святые и архангелы, стоящие за ними, в большинстве своем мыслились и изображались как воины. Иными словами, для будущего князя-военачальника зачастую подбирался такой святой покровитель-воин, как архангел Михаил, Гавриил, Дмитрий Солунский, Андрей Стратилат, Георгий, Александр, Федор Стратилат и Федор Тирон и некоторым образом Николай Чудотворец.

Не исключено, что воинские коннотации могли подчеркиваться, педалироваться или даже домысливаться в истории и иконографии святого патрона князя. Так, архангел Гавриил на княжеской печати мог, знаменательным образом, называться архистратигом, хотя обычно этот эпитет применялся к архангелу Михаилу. Можно допустить, что в качестве воителя за веру (благодаря житийному эпизоду с Арием) мыслился и св. Николай. Известна, например, более поздняя резная икона Николы Можайского, где святой изображен в виде воина, с мечом. Стоит упомянуть также и один из эпитетов Николы в русской традиции — Никола Ратный. Стереотипные воинские атрибуты святого патрона могли играть, таким образом, определенную роль при выборе христианского имени для князя.

С этой точки зрения за обоими элементами таких антропонимических сочетаний, как *Мстислав-Федор, Ярослав-Георгий* или *Святополк-Михаил*, могут обнаруживаться сходные концепты. Речь здесь, разумеется, идет не о прямом совпадении семантики имен *Мстислав-Федор* или *Святополк-Михаил*[14], а лишь о том, что за каждым элементом просматривается образ воина, зачастую воина-триумфатора.

Хотя для современного исследователя особенно важно разделение и разграничение различных святых тёзок или различных святых воинов, складывается впечатление, что для князей и их окружения скорее был важен единый образ святого воина, святого-триумфатора — будь то св. Георгий или св. Федор. По-видимому, в эту «путаницу» могли вовлекаться не только фигуры святых с одинаковыми именами — Федора Тирона и Стратилата, например, — но и св. Георгия, Дмитрия Солунского, Александра, Андрея Стратилата и, возможно, Николая Мирликийского. Смешивались, как уже упоминалось, и «архистратиги» Михаил и Гавриил. Существенно огрубляя и упрощая

---

[14] Вообще говоря, соотнесение символики и семантики двух имен князя всегда оставалось делом не обязательным, но возможным. Наиболее отчетливо, как кажется, близость семантики мирского и крестильного имени князя прослеживается в сочетании *Святополк-Михаил*. Архангел Михаил, предводитель небесного воинства, стал небесным патроном многих князей Рюриковичей, обладавших различными мирскими княжьими именами. Характерно, однако, что один из первых известных нам князей, получивших в крещении имя *Михаил*, был князь с исконным именем *Святополк* (Святополк-Михаил Изяславич, внук Ярослава Мудрого), у которого оба элемента исконного имени могли ассоциироваться со святым воинством.

дело, можно сказать, что имя воина и выбор святого воителя в качестве патронального святого в некотором смысле примиряли родовую традицию с новым христианским антропонимиконом.

При этом в описаниях событий XI — первой половины XII в. источники, говоря об именах князей и почитании тезоименитых им святых, достаточно редко специально указывают, кому именно из святых тёзок посвящается тот или иной праздник, или в честь кого из них крещен князь. В определенном смысле Рюрикович, носивший имя *Василий*, был под покровительством всех свв. Василиев, а князь, именуемый *Федором*, — всех свв. Федоров. Святые тезки в своем покровительстве князю скорее не противопоставлялись, а объединялись в эту эпоху. Вместе с тем, при необходимости образ того или иного из свв. Федоров мог быть выделен и конкретизирован. Постепенно, к началу XIII в., на фоне общего синкретизма в почитании святых воинов и святых тёзок эта тенденция к их расподоблению становится все более заметной, однако проявляется она лишь в особых случаях. В этом отношении особенно интересна ситуация с почитанием святых патронов князя Ярослава-Федора Всеволодича, его тестя, Мстислава Мстиславича Удатного, и сына, Федора Ярославича.

Для того периода, когда широко распространились княжеские печати с изображением небесного покровителя самого князя на одной стороне и небесного покровителя его отца на другой, мы располагаем довольно большим числом изображений святых воинов. Как кажется, к концу XII — началу XIII в. традиция их изображения на печатях не была подчинены идее строгого отделения св. Федора Стратилата от св. Дмитрия Солунского или, например, от св. Александра или св. Георгия. Не было каких-либо особых атрибутов, строго противопоставляющих одного святого воина другому. Каждый из них мог, по-видимому, изображаться в полный рост со щитом, с мечом или с копьем (если в житии присутствовал змееборческий сюжет, то поражающим змея). Копье, возможно, было как-то связано с змееборческим мотивом из жития, но, с другой стороны, с копьем могли изображаться и те воины, в жизнеописании которых такой мотив отсутствует (например, Дмитрий Солунский)[15].

Сказанное имеет самое непосредственное отношение к образам интересующих нас святых тёзок. Изображение воина в полный рост, с копьем в

---

15 Как кажется, определенный набор атрибутов скорее был призван, как это нередко бывает, обозначить принадлежность святого к определенной категории. Выделение же конкретных святых внутри этой категории зачастую в эту задачу не входило. С одними и теми же атрибутами могли изображаться не только святые воины, но и архангелы, Михаил и Гавриил. Ср., например, печати, присваиваемые Ростиславу-Михаилу Мстиславичу-Федоровичу и Ярославу-(Гавриилу?), внуку Юрия Долгорукого, где и архангел Михаил, и архангел Гавриил изображены в полный рост с жезлом в правой руке и сферой в левой, причем их изображения снабжены надписями Михаил и Гавриил, соответственно [Янин 1970. Т. I. С. 202. № 179; Янин, Гайдуков 1998. С. 132. №№ 152, 154, 155].

правой руке и со щитом в левой могло быть снабжено надписью «Федор Тирон»[16] или «Федор Стратилат»[17]. Однако в большинстве случаев надпись лишь сообщает, что перед нами св. Федор, не уточняя, какой именно[18]. Существовал, таким образом, скорее общий вариативный канон изображения княжеского патронального святого воина.

При этом сходство в изображении двух разных святых, покровительствующих отцу и сыну, могло, по-видимому, нести особую функциональную нагрузку. В этом отношении показательны печати Ярослава-Федора Всеволодича-Дмитриевича и его детей (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу). Ярослав Всеволодич, как известно, использовал на протяжении жизни не-

---

16 См., например: [Янин, Гайдуков 1998. С. 133. № 154-9. С. 136. № 180-5].

17 См. [Янин 1970. Т. I. С. 206. № 203].

18 В случае с двумя свв. Федорами такое их неразличение, объединение особенно зримо и имеет давние исторические причины, как агиографического, так и иконографического рода. Конкретных сведений о жизни этих святых сохранилось не так уж много, их жития содержат много общих мотивов, и более всего они известны своими посмертными чудесами. Федор Стратилат помог византийскому императору Иоанну Цимисхию (969 — 976 гг.), «поражая во время войны с русскими их ряды» (ср. версию М.Ф. Мурьянова о влиянии этого рассказа на имянаречение у ранних Рюриковичей: [Мурьянов 1984]). Император воздвиг в его честь новый храм на месте обветшавшего и переименовал Евхаиты в Феодорополь [Лев Диакон. Кн. IX. С. 82]. Мученическая кончина Федора Тирона также связывается с городом Евхаиты и приходится на тот же временной отрезок (первое двадцатилетие IV в.). Смешение житий этих святых началось, как кажется, весьма рано. Для византийцев могла быть еще актуальна разница в их воинском статусе (Стратилат был военачальником, а Тирон — новобранцем, солдатом), однако уже в Византии их агиография стремительно сближается. Так, одним из центральных событий в обоих житиях является победа над драконом-змием, угрожавшем Евхаитам. Немало общего и в описании событий, происходивших с останками святых после их кончины, — по разным источникам мощи того и другого попадают сначала в Константинополь, а позднее мощи то ли Тирона, то ли Стратилата (в разных источниках этот эпизод представлен по-разному), оказываются в Венеции. В традиции Восточной церкви фигуры этих святых, по-видимому, не столько смешивались, сколько воспринимались как две возможные репрезентации некоего единого образа, которые в определенном смысле были взаимозаменяемы, выполняли одни и те же функции, но в то же время два Федора могли появляться вместе и без труда дифференцировались. Весьма показательно, что в Византии существовал, например, иконографический прототип с изображением «чуда о змии» и для Федора Тирона, и для Федора Стратилата. При этом, однако, византийской иконографической традиции известна и традиция их парного изображения и почитания, эта традиция широко распространяется в славянском мире. Таким образом, хотя сближение этих святых тёзок было вполне очевидным, в Восточной церкви оно никогда не доходила до их полного отождествления. Ср. [Кирпичников 1887. С. 143–144; Плугин 1972. С. 131–140, с указанием литературы].

сколько печатей с разными изображениями. По-видимому, именно ему принадлежали, в частности, печати с изображениями св. Федора на одной стороне и св. Дмитрия на другой, снабженные соответствующими надписями. В.Л. Янин и П.Г. Гайдуков относят их к раннему периоду новгородского княжения Ярослава (1215 — 1216 гг.)[19]. Композиция этих изображений весьма сходна: на обеих сторонах изображен пеший воин в полный рост, с копьем в правой руке и щитом в левой[20]. Весьма возможно, что сходство изображений призвано было подчеркнуть преемственность князя по отношению к его отцу, Всеволоду-Дмитрию Большое Гнездо.

Точно так же на печати другого князя можно обнаружить очень близкие по композиции изображения св. Федора и св. Георгия[21]. При этом сходство изображений как на тех, так и на других печатях, вовсе не означало тождества изображаемых объектов, поскольку на печати для каждого из них указывалось имя святого, и имена эти не совпадали.

Эти наблюдения подкрепляются, в частности, тем обстоятельством, что на обеих сторонах ранних печатей сына Ярослава-Федора Всеволодича, Александра Невского, присутствуют две, так сказать, симметричные пешие фигуры: либо пеший св. Александр в полный рост со щитом в правой руке и мечом в левой и св. Федор в полный рост с мечом, либо св. Александр в полный рост с мечом в правой руке и ножнами в левой и св. Федор с копьем в правой руке и щитом в левой. Позднее, когда Александр Невский счел нужным изменить изображение собственного святого на печатях и св. Александр стал изображаться конным, ощутимо изменилась композиция и другой стороны печати, несущей изображение отцовского патронального святого. Теперь здесь помещалась композиция с «чудом о змие», причем св. Федор здесь держит за повод коня.

Любопытно, что сама идея композиции «чуда о змие» заимствуется, по-видимому, из арсенала изображений, использовавшихся самим Ярославом Всеволодичем. Этот сюжет присутствует на тех его печатях, где на другой стороне помещено изображение Вседержителя. При Александре же в композицию вводится лишь конская фигура.

Это добавление конной фигуры могло бы показаться несколько неожиданным, если бы не одно обстоятельство. На печатях XII — XIII вв. с изображением святых на обеих сторонах, как правило, одна фигура святого не может быть изображена конной, а другая пешей (интересное исключение составляет одна композиция, о которой речь пойдет ниже). С чем связано такое ограничение, сказать трудно. В эту эпоху изображения коня на печатях не так уж часты, однако, коль скоро речь идет об изображении двух святых воинов, покровителя владельца печати и его отца, то предполагалась, по-видимому, некоторая симметрия по этому признаку. Иными словами, если покро-

19 См. [Янин, Гайдуков 1998. С. 47].

20 См., например: [Янин, Гайдуков 1998. С. 141, 268. № 206а].

21 См. [Янин, Гайдуков 1998. С. 133. № 157-5].

витель князя изображался пешим, то и покровитель его отца на оборотной стороне также изображался пешим. Если же покровитель князя был изображен на коне, то в композицию на оборотной стороне печати также вводилось изображение коня[22].

Весьма существенно, что все атрибуты и детали печатей Ярослава-Федора подхватываются и комбинируются его сыновьями. В самом деле, на ранней печати Ярослава Всеволодича статичный св. Федор изображен с копьем, а в композиции с «чудом о змие» он, по-прежнему изображаясь пешим и поражая змия своим «главным орудием» — копьем, в левой руке держит меч. Этот меч из его левой руки переходит в левую же руку патронального святого его сына, Александра[23].

На печатях Ярослава-Афанасия Ярославича, другого сына Ярослава Всеволодича, отцовский патрональный святой (св. Федор) представлен наиболее традиционным образом, т. е. в виде пешей фигуры со щитом в левой руке и копьем в правой (ср. табл. № 1 к настоящему экскурсу). Св. Афанасий же, разумеется, лишен какой-либо воинской атрибутики, но при этом на одном из вариантов печати он держит в левой руке книгу. Замечательно, что книга присутствовала, по-видимому, и на одном из вариантов печати его отца[24]. Она, конечно же, не была частью композиции со св. Федором, а фигурировала на оборотной стороне печати, где, нетривиальным для той поры образом, был помещен не патрональный святой отца князя, а Христос Пантократор.

Существенно также, что у сына Александра Невского, Дмитрия, зафиксированы два типа композиции на печатях, с изображением святых на обеих сторонах печати и с патрональным святым самого князя на одной стороне и Христом Пантократором на другой. В композиции с двумя святыми обе фигуры (и св. Дмитрий, и св. Федор) — пешие в полный рост. Всадник же появляется лишь в композиции с сидящим на престоле Пантократором.

Из этой своеобразной симметрии изображения патрональных святых отца и сына резко выбивается одна группа печатей. Здесь на одной стороне изображен пеший воин, тогда как на другой — всадник (иногда со стягом, а в

---

22 Если говорить о печати Александра Невского, то здесь мы видим весьма последовательное сочетание двух тенденций. С одной стороны, очевидно стремление сохранить иконографический сюжет, который уже был на отцовской печати, а, с другой стороны, налицо стремление «уравнять» собственного святого покровителя со святым покровителем отца.

23 Необходимо отметить, что на другом типе печатей Ярослава Всеволодича с Вседержителем на одной стороне, на другой стороне есть святой воин со щитом в правой и с копьем в левой руке [Янин 1970. Т. II. С. 156. № 371]. Не стоит, впрочем, переоценивать «символичность» инверсии функции левой и правой руки на этом последнем изображении и на печати Александра Ярославича № 372. Это не единственный случай подобного рода инверсии на печатях, строго говоря, она могла быть и результатом ошибки при изготовлении матрицы.

24 См. [Янин 1970. Т. II. С. 156. № 368; Янин, Гайдуков 1998. С. 64–65].

одном случае с флажком на копье и крестом над плечом). Значительное число таких печатей на обеих сторонах снабжено надписью, указывающей, что перед нами св. Федор[25]. На одной из печатей (№ 203), как уже упоминалось, при пешем изображении святого имеется и надпись, указывающая, что перед нами Федор Стратилат, однако на другой стороне этой же печати невозможно прочесть имени святого. Здесь мы обнаруживаем лишь несколько плохо различимых букв.

Как мы знаем, в виде пешего воина с копьем и щитом мог изображаться и Федор Тирон (см. выше), поэтому иконографическая традиция как таковая мало что дает для расподобления двух святых тезок. Выше мы попытались показать, что эта традиция попросту не была направлена на такое расподобление. В.Л. Янин отмечает, что для начала XIII в. композиция с конным воином — явление уникальное, как уникально, впрочем, и появление одного и того же имени святого на обеих сторонах печати. Необычность такого рода сочетания заставляет исследователя предположить, что все эти печати — а их к 1998 г. было обнаружено 35 — непременно принадлежали одному и тому же князю[26].

На наш взгляд, уникальность такого рода композиции объясняется спецификой имянаречения князя-отца и князя-сына, и, соответственно, если такая специфическая ситуация с именами может быть у нескольких князей, то и обладателей печатей такого рода могло быть несколько. Уникальность композиции на печати связана с тем, что на ее обеих сторонах изображен один и тот же святой, или два святых с одним и тем же именем. Соответственно, специфика имянаречения князя (владельца печати) заключалась в том, что отец в свое время дал ему собственное христианское имя, т. е. отец и сын по христианским именам были тезками.

Достоверных случаев подобного рода мы знаем всего несколько. Так, Всеволод-Дмитрий Большое Гнездо одному из своих сыновей дал крестильное имя *Дмитрий* (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу). У этих князей тезок, как известно из летописей, был общий патрональный святой — св. Дмитрий Солунский. К сожалению, Владимир-Дмитрий Всеволодич-Дмитриевич никогда не княжил в Новгороде, его печатями мы не располагаем и поэтому, естественным образом, можем только гадать о тех иконографических средствах, с помощью которых св. Дмитрий мог быть представлен на лицевой и оборотной стороне.

При этом есть и другой князь, который, безусловно, был тезкой своего отца по крестильному имени и некоторое время княжил в Новгороде. Самое существенное, что его христианским отчеством, несомненно, было *Федор Федорович*. Речь идет о еще одном, самом старшем сыне Ярослава-Федора Всеволодича, Федоре Ярославиче (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу). Довольно трудно определить точный срок его княжения в Новгороде, однако

---

25 См. [Янин 1970. Т. I. С. 207. № 204, 206; Янин, Гайдуков 1998. С. 140–141].

26 См. [Янин 1970. Т. I. С. 113–115].

оно продолжалось по крайней мере несколько месяцев, а возможно, и существенно долее. В Лаврентьевской летописи (по Академическому списку) под 1228 г. мы находим следующее сообщение:

«Того же лѣта поиде из Новагорода кнѧзь Ꙗрославъ съ кнѧгинею к Переꙗславлю а в Новѣгородѣ ѡстави в сна кнѧза Феѡдора и Александра а съ ними ѡстави Феѡдора Даниловича и Ꙗкима тиоуна»[27].

Под тем же годом в Новогородской первой летописи сообщается, что «тои же зимѣ побѣже Федоръ Даниловиць съ тиуномь Якимомь, поимъше съ собою 2 княжичя, Федора и Альксандра, сыропустныя недѣли въ уторник, в ночь»[28]. Под 1230 г. в той же Новгородской первой летописи мы находим сообщение о том, что княжичи вернулись на княжение в Новгород:

«И послаша по Ярослава на всеи воли новгородьстѣи; Ярослав же въбързѣ приде въ Новъгородъ мѣсяця декабря въ 30, и створи вѣцѣ, и цѣлова святую Богородицю на грамотахъ на всѣхъ Ярослалихъ. И сѣдѣвъ 2 недѣли, иде опять въ Переяслаль, поя съ собою мужи новгородьскыя моложьшая, а сына своя 2 посади Новѣгородѣ, Феодора и Ольксандра»[29].

Не вызывает сомнения, что новгородцы после договоров, заключенных в декабре 1230 г., признавали верховную власть Ярослава Всеволодича, однако столь же очевидно, что он не жил в Новгороде[30], посадив там своих сыновей, Федор и Александр. Федор Ярославич умирает молодым (в 1233 г.), но успевает достичь, сидя в Новгороде, возраста, так сказать, княжеского совершеннолетия. Ко времени кончины ему было около 14 лет, и внезапная смерть застигает его именно в тот момент, когда, судя по целому ряду летописных свидетельств, шли приготовления к его свадьбе. Смерть Федора Ярославича оказалась заметным событием для новгородцев: так, в частности, новгородский летописец точно указывает день и час его кончины[31]. Более того, в память о нем «на воротѣхъ от Неревьскаго конця» возводится церковь св. Федора[32].

---

27 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 510–511]; ср. [ПСРЛ. Т. III. С. 66].

28 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 67, 272–273 под 1228 г.].

29 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 70, 278].

30 В этот период Ярослав Всеволодич по преимуществу сидит в Переяславле, хотя его взаимоотношения с новгородцами и псковичами не всегда остаются спокойными. В случае мятежа Ярославу приходилось, по-видимому, самому приезжать в Новгород (ср. [ПСРЛ. Т. III. С. 281 под 1232 г.]).

31 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 72, 282].

32 Разумеется, мера и степень самостоятельности каждого из князей, получивших новгородский стол по воле старшего родича, который владел, например, киевским или владимирским столом, нуждается всякий раз в особом рассмотрении. Очевидно, однако, что многие из таких князей на новгородском столе обладали собственною печатью. Так, своя печать была у Ярослава-Иоанна Владимировича, посаженного на новгородский стол свояком Всеволодом-Дмитрием Большое Гнездо. Зачастую, по-

Итак, вполне закономерным образом можно утверждать, что у Федора Ярославича была собственная печать. Его христианское имя и отчество было, как мы помним, *Федор Федорович*, и коль скоро мы располагаем группой печатей с изображением св. Федора и на лицевой, и на оборотной стороне, естественно предположить, что хотя бы часть из них принадлежала именно ему.

Существует и другой «кандидат», которому, возможно, могла принадлежать часть этих печатей. Речь идет о князе Мстиславе Мстиславиче Удатном[33], который княжил в Новгороде в 1210 — 1215 гг. и в 1216 — 1218 гг.[34] (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу). Однако мы не знаем ни христианского имени, ни христианского отчества этого князя. Предположение о том, что по крестильному имени он был тезкой своего отца, целиком и полностью основывается на совпадении их родовых имен. В свою очередь, предположение о том, что оба они были именно *Федорами*, связано с парностью имен *Мстислав* и *Федор* в княжеском обиходе. Вполне возможно, что Мстислав Мстиславич и в самом деле был *Федором Федоровичем*, однако на данный момент это предположение представляется труднодоказуемым (достаточно упомянуть хотя бы то обстоятельство, что крестильное имя *Федор* носили не только князья с родовым именем *Мстислав*, и не все Мстиславы в крещении были *Федорами*). Федор Ярославич же, как уже отмечалось, несомненно, был обладателем этого христианского имени и отчества. Кроме того, в качестве дополнительного свидетельства в его пользу, можно упомянуть, что изображение собственного патронального святого в виде всадника активно распространяется, как раз начиная с детей и внуков Ярослава Всеволодича, прежде всего Александра Невского, сидевшего вместе с Федором Ярославичем на новгородском столе уже в конце 20-х — начале 30-х гг. XIII в.[35]

видимому, свои печати были и у малолетних князей. Так, она, судя по всему, имелась у Святослава-Гавриила Всеволодича-Дмитриевича, который во все периоды своего княжения в Новгороде был не старше 14 — 15 лет и всякий раз оказывался там исключительно по инициативе своего отца [Янин, Гайдуков 1998. С. 47]; ср. [ПСРЛ. Т. III. С. 44–45, 50–51]. О том, что князь, претендующий на старший из русских столов, мог неким символическим образом стремиться закрепить за своим первенцем уже при его появлении на свет некие (пока еще также вполне символические) права на новгородское княжение, см. в Экскурсе № 4, с. 362 в связи с анализом выражения «детя…стареишее новгородьское» по отношению к Мстиславу-Федору Великому.

В качестве модели такой ситуации взаимоотношений горожан, старшего князя и младшего князя может служить эпизод с псковичами, затрагивающий именно интересующего нас Федора Ярославича: «Бысть на зиму, придоша плъсковици, поклонишася князю: “ты наш князь”; и въспросиша у Ярослава сына Федора, и не да имъ сына, и рече: “се даю вы шюринъ свои Гюргя”; и ведоша и, поимше, Плъскову» [ПСРЛ. Т. III. С. 72, 281–282].

33 Об этом князе и его отце см. подробнее гл. III, с. 83–85 и Экскурс № 1, с. 296.

34 См. подробнее о принадлежности этих печатей Мстиславу Мстиславичу Удатному: [Янин 1970. Т. I. С. 111–114].

35 Мы не настаиваем на утверждении, что все печати типов №№ 203, 204, 205, 206 принадлежали одному Федору Ярославичу, однако хотели бы отметить, что именно

Если общий ход наших рассуждений верен, то напрашивается предположение, что некоторые из известных печатей Невского могут принадлежать к этому же периоду, поскольку в летописных свидетельствах два сына Ярослава Всеволодича, оставляемые им в Новгороде, фигурируют, так сказать, «на равных». Если же пойти еще дальше и попытаться определить, о каком именно типе печатей Александра Невского могла бы в данном случае идти речь, то обращают на себя внимание те группы печатей, которые в издании В.Л. Янина и П.Г. Гайдукова помещаются под №№ 372, 373 и 373а[36]. На них св. Федор и св. Александр равным образом представлены в виде пеших фигур в полный рост. В одном случае изображение св. Федора более традиционно, — с копьем и щитом. В другом случае фигуры двух патрональных святых, кажется, более близки по атрибутике, так как оба держат в руке меч. Для того, чтобы установить хронологическую последовательность этих типов, необходим специальный сфрагистический анализ. Но в обоих типах относительно традиционным образом соблюдено и «правило симметрии» конного / пешего изображений патрональных святых отца и сына, и, соответственно, воплощена идея преемственности сына по отношению к отцу[37].

Можно также допустить, что позднее конная фигура появляется на печатях Александра Невского не без влияния соответствующего изображения на печатях его брата, Федора Ярославича. Рано умерший Федор был старшим сыном Ярослава Всеволодича, лишь после его смерти старшинство переходило Александру. То изображение, которое появилось на печати юного Федора, так сказать, по необходимости, для различения его святого патрона и патрона его отца, впоследствии могло связываться для его братьев и других Рюриковичей их поколения с олицетворением семейного старшинства. Возможно, Александр, заняв место старшего брата, пожелал воспользоваться и конной композицией на печати, противопоставлявшей старшего сына Ярослава Всеволодича всем остальным братьям. При этом на печатях Александра в каком-то смысле восстанавливается утраченная на печатях Федора симметрия. На «отцовской» стороне патрональный святой в композиции «чудо о змие» держит за повод коня.

Разумеется, такая версия эволюции печати Александра Невского достаточно гипотетична, однако она выявляет источники изображений на его печатях и объясняет причины их появления. Преемственность по отношению к

его стоило бы рассматривать в качестве первого «кандидата» в списке их возможных владельцев.

36 См. [Янин, Гайдуков 1998. С. 65].

37 Разумеется, подобная тенденция к симметрии изображений на двух сторонах печатей не является «правилом» в буквальном смысле этого слова. Во всяком случае можно в качестве исключения указать печать с изображением пешего Дмитрия и конного Георгия, атрибутируемую кузену Александра Невского — Всеволоду-Дмитрию Юрьевичу (см. [Янин 1970. Т. I. С. 99–102, 208; Янин, Гайдуков 1998. С. 47–48, 142]).

отцу и к умершему брату, соблюдение традиционных правил симметрии между двумя сторонами печати, как кажется, могли служить достаточным основанием для появления у Александра печати нового типа. Если же предположить, что все печати с двумя Федорами, конным и пешим, принадлежали Мстиславу Мстиславичу Удатному, то нам пришлось бы допустить, что сюжет с конным святым воином дважды независимо заимствуется из какого-то «внешнего» источника, либо объяснять, почему Александр Невский счел нужным воспользоваться в 1236 г. (а тем более в 1241 г.) композиционными образцами Мстислава Удатного, не сидевшего в Новгороде после 1218 г.[38]

В данном случае для нас наибольший интерес представляет иконографическое расподобление свв. Федоров, пешего и конного, на разных сторонах одной и той же печати, кому бы эти печати ни принадлежали. Как мы помним, столь наглядное расподобление двух святых на печатях, если они не были тезками, было отнюдь не обязательно. В этом случае, скорее, речь шла о некотором их уподоблении друг другу. При изображении же на печатях двух святых тезок или одного и того же святого оказалось необходимым провести разделение между двумя изображениями, между двумя сторонами печати и, опосредованным образом, между двумя княжескими именами, которые с этими изображениями соотносились. Как кажется, именно поэтому стало возможным в одной из композиций представить фигуру святого-всадника.

Напомним еще раз, что конная фигура появляется на печатях регулярно лишь с середины XIII в., причем ее использование требует определенной симметрии от композиции на другой стороне печати. В XII в. изображение конной фигуры, по-видимому, не обнаруживается вовсе. Тем более естественно приурочить появление такой инновации на печатях[39] к специфическому положению дел с имянаречением в семье Ярослава Всеволодича, когда

---

38 Если принять весьма правдоподобную версию о том, что матерью всех сыновей Ярослава Всеволодича была вторая жена князя, Ростислава-Феодосия Мстиславна [Толстой 1887. С. 219. № 402. С. 226–227. № 411; Экземплярский. Т. I. С. 18–19; Кучкин 1986, с указанием литературы], то Мстислав Мстиславич, ее отец, приходился Федору и Александру родным дедом с материнской стороны (ср. табл. № 1 к настоящему экскурсу). Мстислав Мстиславич, как известно, умер в 1228 г. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 450; Т. II. Стб. 752 под 1227 г.; Т. VII. С. 134], т. е. непосредственно перед тем, когда Федор и Александр были впервые оставлены в Новгороде отцом. Если бы Мстислава Мстиславича Удатного в крещении и в самом деле звали *Федором Федоровичем* и у него была соответствующая печать, если бы к тому же он был и в самом деле родным дедом Федора Ярославича, то было бы весьма естественно, что в 1228 г. какие-то мотивы с его печати могли быть использованы для печатей его малолетнего внука и полного тезки по христианскому имени и отчеству. Ср. [Молчанов 1997в. С. 3–6].

39 Не исключено, что источник этой инновации лежал за пределами русской сфрагистической традиции. См. об этом подробнее: [Хорошкевич 1989. С. 24–27; Хорошкевич 1995. С. 140–145].

старый порядок выбора имен в определенной мере нарушен, а новый еще не вполне установился.

Можно допустить, что святой покровитель Ярослава-Федора Всеволодича был изображен на печати его старшего сына, Федора, более традиционным для предыдущей эпохи образом, в виде пешей фигуры с копьем и щитом. Для изображения же святого патрона самого юного князя была использована фигура всадника, — поскольку небесных покровителей отца и сына невозможно было различить по именам, их как бы предлагалось различать по изображению[40].

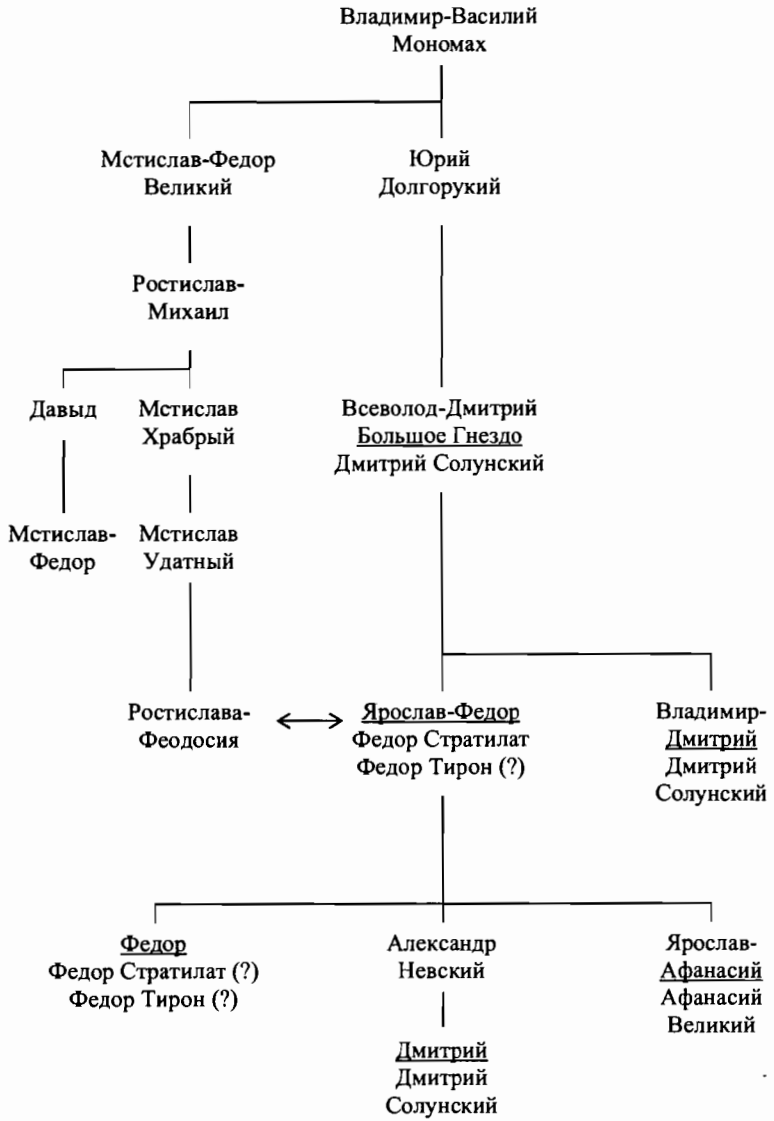
Существенно огрубляя дело, можно сказать, что на двух сторонах одной печати могло быть по весьма сходной композиции, представляющей святых воинов, и при этом печать была снабжена надписями с разными именами святых. Другая возможность: композиции со святыми воинами на разных сторонах печати были явно разными, но на обеих сторонах фигурировала надпись с одним и тем же именем святого.

Как кажется, такое сочетание уподобления и расподобления отражает несколько тенденций, связанных как с культом святых воинов, так и с принципами выбора княжеских имен на Руси. В определенном смысле, святые воины олицетворяют некоторое единство, отсылающее к единству рода Рюриковичей и преемственности княжеской власти. В то же время один из важных элементов преемственности — преемственность сына по отношению к отцу — требовал установления сходства между ними, но не допускал их полного тождества.

---

40 Подчеркнем еще раз, что мы не знаем, во имя кого из свв. Федоров был крещен Федор Ярославич, мы не знаем даже точной даты его появления на свет (в Воскресенской летописи под 1219 г. упоминается только, что он родился зимой). Что касается его отца, Ярослава-Федора Всеволодича, то он, как известно, родился 8 февраля, но св. Федор Стратилат в связи с его появлением на свет не упоминается. Теоретически говоря, он мог быть крещен и во имя Федора Тирона, однако гораздо вероятнее в данном случае патронат Федора Стратилата (подробнее см. гл. IV, с. 152–153). По сфрагистическим данным, нельзя утверждать, что два свв. Федора обязательно характеризовались уточняющей надписью «Тирон» или «Стратилат», а тем более, что эта надпись использовалась для их различения сколько-нибудь регулярно. Как мы помним, в домонгольскую эпоху в течение достаточно долгого времени Рюриковичи были скорее склонны почитать всех своих святых тезок. Об обычае же их строгой дистрибуции и расподобления мы можем говорить с достаточными на то основаниями лишь к концу XIV — началу XV в. Возможно, расподобление иконографических композиций было одним из первых шагов на пути к такому различению покровителей отца и сына.

ТАБЛИЦА № 1


Владимир-Василий
Мономах
Мстислав-Федор
Великий
Юрий
Долгорукий
Ростислав-
Михаил
Давыд
Мстислав
Храбрый
Всеволод-Дмитрий
Большое Гнездо
Дмитрий Солунский
Мстислав-
Федор
Мстислав
Удатный
Ростислава-
Феодосия
Ярослав-Федор
Федор Стратилат
Федор Тирон (?)
Владимир-
Дмитрий
Дмитрий
Солунский
Федор
Федор Стратилат (?)
Федор Тирон (?)
Александр
Невский
Ярослав-
Афанасий
Афанасий
Великий
Дмитрий
Дмитрий
Солунский

Экскурс 10

Устойчивые сочетания крестильных и мирских имен у домонгольских Рюриковичей

Выбор мирского имени для князя и выбор имени христианского во многих случаях мог, по-видимому, происходить более или менее независимо, тем не менее связи между этими системами имянаречения устанавливаются достаточно рано. Исконное и христианское имя могли соответствовать друг другу по семантике или по созвучию. Кроме того, однажды сложившееся сочетание христианского и мирского имени, свободное от фонетических и семантических корреляций, могло повторяться в последующих поколениях князей, определенные имена явным образом тяготели к образованию устойчивых пар.

Нетрудно заметить, что обладателями таких именных пар, как *Владимир-Василий*, *Мстислав-Федор*, *Святослав-Николай*, *Ростислав-Михаил*, *Владимир-Дмитрий*, оказываются по нескольку князей из рода Рюриковичей. Чем же может объясняться устойчивость такого рода антропонимических сочетаний и какова в действительности мера этой устойчивости?

Как кажется, важную роль в этом случае играет фигура предка, первым или одним из первых в роду получившего именно это сочетание мирского и крестильного имени. В самом деле, не вызывает сомнений, что Владимир Мономах был назван своим дедом, Ярославом Мудрым, в честь прадеда, Владимира Святого, и получил при этом оба имени своего предка — мирское *Владимир* и крестильное *Василий* (см. табл. № 1 к настоящему экскурсу). По-видимому, нечто подобное происходит и с правнуком Мстислава Великого, сыном Давыда Ростиславича. Он получает мирское имя *Мстислав*, которое носил его прадед (а заодно и целая вереница близких родичей из поколений, лежащих между правнуком и прадедом), вместе с крестильным именем этого же предка *Федор*[1].

Существенно при этом, что у Мстислава Давыдовича был старший брат, умерший до его рождения[2], про которого известно, что он также был облада-

---

1 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 679 под 1193 г.].

2 Существование двух родных братьев-тёзок порождает некоторую путаницу в указателях к летописям, в результате которой два этих лица превращаются в одно. Так, указатель к Лаврентьевской летописи упоминает только одного Мстислава Давыдовича, сына князя Давыда Ростиславича, «князя новгородского и смоленского». При этом оказывается, что он действует как в 1184 г. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 389] (когда, судя по показаниям Ипатьевской летописи, был жив старший Мстислав Давыдович, а его младший брат-тезка еще не родился), так и в XIII в. (когда, согласно той же

телем родового имени *Мстислав*. Весьма вероятно, что он-то и послужил ближайшим прототипом при имянаречении Мстислава-Федора Давыдовича. Однако можно пойти дальше и предположить, что Мстислав-Федор Давыдович-младший был полным антропонимическим подобием своего старшего брата. Иными словами, Мстислав Давыдович-старший также носил в крещении имя *Федор*[3]. Этому как будто бы не противоречат и сфрагистические данные.

Вообще говоря, на основании княжеских печатей можно сделать вывод о том, что имя *Федор* носили в крещении еще несколько князей по имени *Мстислав* (см. табл. № 2 к настоящему экскурсу). Судя по сфрагистическим и некоторым другим косвенным данным, вслед за Мстиславом-Федором Великим это же сочетание имен могли получить его племянник, Мстислав-(Федор?) Юрьевич, сын Юрия Долгорукого[4], а позднее и двое его внуков — Мстислав-(Федор?), сын Изяслава Мстиславича, и Мстислав-(Федор?) Ростиславич (Храбрый), сын Ростислава Мстиславича. В поколении правнуков Мстислава Великого, по предположению исследователей, обладателями этой же антропонимической пары, помимо уже упоминавшегося Мстислава Давыдовича-младшего, чье крестильное имя упомянуто в летописи, могли быть как его родной старший брат, Мстислав Давыдович, так и сын Мстислава Ростиславича Храброго, Мстислав Мстиславич Удатный.

Скорее всего, некоторые из перечисленных здесь *Мстиславов* и в самом деле носили в крещении имя *Федор*, или, точнее говоря, некоторые из тех князей, на чьих печатях обнаруживается изображение кого-либо из свв. Федоров, носили, вероятно, родовое имя *Мстислав*. Однако несомненных свидетельств, позволяющих однозначно приписать кому-либо из них именно такую антропонимическую пару, у нас нет, поскольку печати в данном случае ничего не сообщают о мирских именах этих Федоров, а летопись умалчивает о крестильных именах интересующих нас Мстиславов. Тем более не следует в данном случае приписывать князю то или иное крестильное (или,

---

Ипатьевской летописи, старшего уже не было в живых [ПСРЛ. Т. II. Стб. 654–655], а младший, напротив, сделался князем смоленским). Один (а не два!) Мстислав Давыдович фигурирует и в указателе П.М. Строева к «Истории» Н.М. Кармзина [Строев 1844. Стб. 167].

Эта путаница усугубляется еще и тем, что в указателе к Ипатьевской летописи княжич Мстислав-Федор Давыдович, появившийся на свет в 1193 г., ошибочно именуется князем смоленским и сыном Давыда Ольговича (а не Давыда Ростиславича!), внуком Олега Святославича. В генеалогических таблицах к 1-й книге «Истории» С.М. Соловьева Мстислав Давыдович, родившийся в 1193 г., появляется дважды — как сын Давыда Ростиславича и как сын Давыда Ольговича [Соловьев 1988. С. 715, 717].

3 Ср. [Янин 1970. Т. I. С. 94].

4 Помимо печатей, несущих на себе изображения св. Георгия и св. Федора, атрибутируемых этому князю [Янин 1970. Т. I. С. 99–101; Янин, Гайдуков 1998. С. 44], существует надпись на энколпионе, которая, возможно, также имеет отношение к Мстиславу Юрьевичу. См. подробнее гл. IV, с. 153, примеч. 137.

соотвественно, мирское имя), основываясь на одном только факте существования пары *Мстислав-Федор* в династии Рюриковичей.

Такого рода парность имен оставалась лишь одной из возможностей их функционирования. Мы знаем наверняка, что далеко не все Мстиславы были в крещении *Федорами* и далеко не все Федоры были *Мстиславами*. Достаточно упомянуть, с одной стороны, такого князя, как Ярослав-Федор, сына Всеволода Большое Гнездо, а с другой стороны — Мстислава-Бориса, сына Романа Ростиславича и правнука Мстислава-Федора Великого (ср. табл. № 3 к настоящему экскурсу). Возвращаясь же к судьбе именной пары *Владимир-Василий*, необходимо еще раз вспомнить о такой стратегии имянаречения, когда два этих имени, скорее, распределялись между братьями и другими родичами, нежели давались вместе кому-то одному из потомков Владимира Святого или Владимира Мономаха.

Таким образом, передача по наследству одновременно и мирского и крестильного имени предка потомку должна рассматриваться лишь как одна из возможных тенденций имянаречения. Подобная тенденция чаще всего ограничивается одной ветвью рода, как это можно наблюдать в случае с имянаречением Владимира Мономаха *Владимиром-Василием* в честь родного прадеда или на спорных и бесспорных примерах употребления именной пары *Мстислав-Федор* среди прямых потомков Мстислава-Федора Великого.

Любопытно, что до Мстислава Великого нам неизвестны князья, которые бы носили в крещении имя *Федор*. Это не означает со всей определенностью, что таких князей в роду Рюриковичей не было[5]. Однако, если мы будем исходить из тех сведений, которые имеются в нашем распоряжении, то в данном случае складывается, по-видимому, достаточно эффектная и последовательная картина. Князь, получивший такое сочетание имен первым, был так или иначе прославлен церковью[6]. Достаточно рано его начинают почитать как святого, и практика имянаречения в полной мере отражает здесь тесное взаимодействие культа рода и культа святых в княжеском обиходе.

По-видимому, нечто близкое происходит и с другой именной парой *Владимир-Василий*. Первый ее обладатель, Владимир-Василий Святославич, несомненно, каким-то образом почитался церковью, вне зависимости от того, когда именно была осуществлена его канонизация. Разумеется, почитался он и своими прямыми потомками — как креститель Руси, как отец Бориса и Глеба и как один из родоначальников княжеской династии. Сочетание этих начал в культе Владимира Святого привело не только к чрезвычайной популярности обоих его имен, крестильного и мирского, но и к постоянной актуализации связи между этими именами.

Несколько сложнее обстоит дело с именной парой *Ростислав-Михаил*. Дело в том, что мы можем говорить с уверенностью о двух князьях, которые носили такие имена: речь идет о деде и внуке, Ростиславе-Михаиле Мстиславиче-Федо-

---

5 См. Экскурс № 9, с. 404, примеч. 1.

6 Ср. [Павлова 2004. С. 76–94].

ровиче и Ростиславе-Михаиле Рюриковиче-Васильевиче (см. табл. № 4 к настоящему экскурсу). Существует, однако, по меньшей мере еще один князь — на два поколения старше Ростислава Мстиславича, — который, будучи *Ростиславом*, судя по косвенным данным, мог носить в крещении имя *Михаил*. Это не кто иной, как двоюродный дед Ростислава Мстиславича, Ростислав Всеволодич, родной брат Владимира Мономаха. Ростислав Всеволодич, как известно, прожил недолго и, как кажется, не оставил потомства. Однако он был единственным братом основателя ветви Мономашичей, и его имянаречение явно играло роль при выборе имени для потомков его брата.

На чем же основывается предположение, что крестильным именем Ростислава Всеволодича было *Михаил*? Летописная статья, в которой говорится о появлении этого княжича на свет, содержит только два известия, непосредственно следующих одно за другим:

«Родисѧ оу Всеволода сн҃ъ и нарекоша имене^м^ Ростиславъ в се же лѣто заложена бы^с^ цр҃кы ста^г^ Михаила в монастырѣ Всеволожи» [7].

Традиционно два эти известия связываются между собой и делается вывод о том, что Всеволод Ярославич заложил храм в честь патронального святого своего новорожденного сына. Такое предположение является вполне вероятным, но, разумеется, не бесспорным. Культ архангела Михаила как таковой появляется на Руси достаточно рано. Кроме того, *Михаил* было к тому времени вполне традиционным именем для династии, и далеко не все его носители обладали мирским именем *Ростислав*. Прежде всего следует обратить внимание на двух внуков Ярослава Мудрого, племянников Всеволода, которые, вероятно, появились на свет еще при жизни своего деда, — Святополка-Михаила Изяславича и Олега-Михаила Святославича (см. табл. № 4 к настоящему экскурсу).

Эти последние факты имянаречения, впрочем, ничуть не снижают вероятности того, что Всеволод крестил своего сына в честь архангела Михаила. Коль скоро почитание предводителя небесного воинства оказывается столь значимым на Руси в это время, и сыновья старших братьев Всеволода Ярославича один за другим получили именно это крестильное имя, тем больше было оснований у Всеволода, стремившегося закрепить старшинство в роде за своим потомством, использовать имя *Михаил* для своего сына и поддерживать михайловский культ собственным церковным строительством [8].

---

7 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 174 под 1070 г.; Т. II. Стб. 164; Т. III. С. 17].

8 В.Н. Татищев полагал, что крестильное имя *Михаил* носил и самый первый из известных нам Ростиславов в династии Рюриковичей — еще один внук Ярослава Мудрого, сын Владимира Ярославича (см. табл. № 4 к настоящему экскурсу) [Татищев. Т. II. С. 78]; ср. [Баумгартен 1908. С. 3–5, 7; Рапов 1977. С. 68]. Мы не знаем, откуда почерпнул эти сведения В.Н. Татищев, однако если они достоверны, то оказывается, что Ростислав Всеволодич мог быть четвертым внуком Ярослава Мудрого, получившим имя *Михаил* в крещении. Кроме того, это означает, что в честь недавно умершего кузена ему было дано не только мирское имя, но и крестильное.

Таким образом, Ростислав-Михаил Мстиславич-Федорович вполне мог получить свои имена в качестве уже готовой пары. При этом, насколько нам известно, он был первым из обладателей этих имен в роду, впоследствии причисленных к лику святых[9]. Его семейное почитание, судя по всему, начинается достаточно рано. Об этом свидетельствуют и характер рассказа о его кончине в летописи, и особое внимательное отношение его сыновей к Михайловскому монастырю в Киеве[10]. Однако особенно характерно в этом отношении имянаречение его внука, чья дата рождения очень далеко отстоит от каких бы то ни было дней, традиционно связанных с общехристианским михайловским культом[11]:

«...а и бы^с^ на Лучинѣ верьбноѣ недѣлѣ въ пѧтокъ слнцю въсходѧщю родисѧ оу него <Рюрика Ростиславича. — *А.Л., Ф.У.*> сн҃ъ и нарекоша и въ стмь крщньи дѣдне имѧ Михаило а кнѧже Ростиславъ дѣдне же имѧ и бы^с^ радость велика ѡ роженьи его и дасть ему оц҃ь его Лучинъ городъ вѣ нѣмже родисѧ и поставиша на томь мѣстѣ цркв҃ь ст҃го Михаила кде сѧ родилъ»[12].

Внук был со всей очевидностью назван в честь деда, а использование обоих имен предка, возможно, служило в данном случае своеобразной «заявкой на канонизацию» последнего. Этот случай с наречением внука именной парой деда похож в целом на использование именных пар *Владимир-Василий* и *Мстислав-Федор*. Однако, как можно увидеть из сказанного выше, не вся история пары *Ростислав-Михаил* укладывается в эту схему. Она наследуется, по-видимому, от прямого предка к потомку и ее закрепление не связано целиком и полностью с тенденцией к церковному прославлению какого-либо князя. Во всяком случае, дело обстоит так, если мы учтем все спорные примеры и согласимся с тем, что хотя бы один из двух Ростиславов, живших в XI в., носил крестильное имя *Михаил*.

Отметим напоследок, что заведомо не все Ростиславы в крещении звались *Михаилами* (см. табл. № 4 к настоящему экскурсу). В частности, летопись отмечает появление на свет князя с этим мирским именем и христианским именем *Иоанн*[13]. При этом в летописи зафиксированы случаи, когда в

---

9 См. [Сергий. Т. II. С. 74 под 14 марта].

10 Строителем Михайловского монастыря в Киеве был, как известно, не сам Ростислав-Михаил Мстиславич, а его прадед Всеволод Ярославич. 21 марта Ростислав-Михаил был погребен в Федоровском, «отнем» монастыре [ПСРЛ. Т. II. Стб. 532]. Таким образом, внимание к церкви св. Михаила со стороны его сына Рюрика связано, по-видимому, не с заботой о конкретной постройке отца или о месте его погребения, а с более общим почитанием патронального святого своего родителя (ср. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 708–709]).

11 См. [Лосева 1996. С. 64–65].

12 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 567 под 1173 г.].

13 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 568 под 1174 г.].

конце XII в. княжич, получив крестильное имя *Михаил*, нарекался княжьим именем *Изяслав* (Изяслав-Михаил Ярославич, внук Владимира Мачешича)[14].

Не исключено, с другой стороны, что имена чтимого в роду Ростислава-Михаила Мстиславича могли не только функцинировать в паре, но и распределяться между ближайшими родичами, подобно тому как это происходило, например, с именами *Владимир* и *Василий*. Известен случай такого рода, когда сын носит имя *Ростислав*, а отец — *Михаил*. Речь идет о сыне и внуке князя Всеволода Чермного, Михаиле Всеволодиче и Ростиславе Михайловиче. Впрочем, в силу единичности такого имянаречения это сочетание могло возникнуть и не в результате связанности имен *Михаил* и *Ростислав*[15].

Существование некой именной пары прослеживается и в другой ветви рода Рюриковичей, у потомков Святослава Ярославича, сына Ярослава Мудрого и внука Владимира Святого (см. табл. № 5 к настоящему экскурсу). Речь идет о сочетании мирского имени *Святослав* и христианского *Николай*.

---

14 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 39].

15 Можно упомянуть и еще один случай, когда имена *Ростислав* и *Михаил* встречаются в одной семье: так звали, как известно, двух сыновей из многочисленного потомства Юрия Долгорукого, Ростислава Юрьевича и Михалко Юрьевича (см. табл. № 4 к настоящему экскурсу). Объяснить их имянаречение почитанием Ростислава-Михаила Мстиславича, разумеется, невозможно, так как они оба появились на свет при его жизни, а их отец состоял с ним в открытой вражде. Вообще говоря, можно считать, что между именами этих братьев Юрьевичей нет прямой связи. Любопытно, однако, функционирование имени младшего из них — Михалко Юрьевича. С большой вероятностью для него это имя было единственным, родовым и христианским одновременно, и в целом это первый по времени случай употребления в летописи имени *Михаил* без мирского княжьего имени. В таком случае, возникает вопрос, кто же был тем предком-прототипом, в честь которого княжич получил это имя. Речь, по-видимому, должна идти о значимой для рода и для отца ребенка фигуре. Едва ли возможно представить себе в качестве такой фигуры Святополка-Михаила Изяславича. Более интересно, хотя, на наш взгляд, также не слишком вероятно, использование христианского имени Олега-Михаила Святославича. Наиболее очевидным же кандидатом на эту роль представляется родной дядя Юрия Долгорукого, один из интересующих нас Ростиславов — Ростислав-(Михаил?) Всеволодич. Если это предположение верно, то связь между именами двух братьев Юрьевичей все же существует, поскольку старший из них скорее всего получил в честь этого двоюродного деда свое мирское княжеское имя. Однако, по нашему предположению, подобное распределение имен родича происходит скорее в тех случаях, когда речь идет об очень значимой с точки зрения властных привилегий фигуре, или о князе, чтимом церковью. Первый путь исключен — княжескую судьбу Ростислава-(Михаила?) Всеволодича никак нельзя назвать удачной. Не следует ли предположить, что безвременно погибший брат Мономаха почитался в церковном обиходе своей семьи? Впрочем, никакими прямыми данными мы на этот счет не располагаем.

Эти имена носили знаменитый князь-инок Никола-Святоша (Святослав Давыдович) и его двоюродный брат Святослав-Николай Ольгович. При этом мы не можем точно определить, получил ли Святослав Давыдович имя *Николай* при крещении или при постриге. В любом случае можно утверждать, что имя *Николай* не только играло особую роль в этой ветви рода и в этом поколении, но важным было и его сочетание с княжьим именем *Святослав* — насколько мы можем судить по источникам, память о мирском имени Святослава Давыдовича не стирается и после того, как он становится монахом[16]. Где же следует искать истоки этой связанности имен?

Возможно, причиной ее является именование родоначальника этой ветви, знаменитого киевского князя Святослава Ярославича. В летописях его крестильное имя отсутствует, но показания Любечского синодика позволяют с достаточной долей уверенности предположить, что его христианским именем было *Николай*[17]. В таком случае речь, по-видимому, не может идти о сохранении именной пары, которую носил предок, прославляемый церковно. Скорее, можно говорить о родовом почитании князя, чей образ был столь значим для властных притязаний его весьма многочисленных потомков.

Разумеется, антропонимическая память об этом князе сохранялась не только с помощью использования готовой пары 'мирское имя — христианское имя'. Княжеское имя *Святослав* активно воспроизводится в каждом поколении его родовой ветви, причем христианские имена этих Святославов могут быть разные (ср., например, имянаречение двух внуков Святослава-Николая Ольговича — Святослава-А(н)дриана и Святослава-Бориса, см. табл. № 5 к настоящему экскурсу). Любопытно, однако, что у Рюриковичей, не относящихся к ветви Святослава Ярославича, вполне популярно имя *Святослав*, христианского же имени *Николай* у них практически не обнаруживается[18].

---

16 Ср. Экскурс № 11, с. 441–444.

17 См. [Зотов 1892. С. 24, 33]; ср. [Янин 1970. Т. I. С. 34; Назаренко 2001. С. 593–594]. Существует, впрочем, предположение, что этот князь в крещении был *Симеоном*. Дело в том, что он, судя по показаниям летописи, построил или заложил в Киеве Симеоновский монастырь, куда в свое время было перевезено тело его внука Игоря Ольговича [ПСРЛ. Т. II. Стб. 354 под 1147 г.]. Однако свидетельство летописи не дает, как кажется, оснований утверждать, что св. Симеон был личным небесным патроном этого князя (см. подробнее: [Назаренко 2001. С. 593–594. Примеч. 3]).

18 В летописи, правда, фигурирует некий представитель дома полоцких князей по имени Всеслав Микулич [ПСРЛ. Т. II. Стб. 620 под 1180 г.] (см. табл. № 6 к настоящему экскурсу). Возможно, его отчество образовано от имени *Николай*. Впрочем, о том, кем был этот Николай или Микула, решительно ничего не известно. В историографии он фигурирует как сын Володьши Васильковича и внук Василько Святославича [Данилевич 1896. С. 99; Baumgarten 1927. P. 33, 35. Tab. VIII; Рапов 1977. С. 64]. Однако эту реконструкцию трудно признать бесспорной. В частности, на ее фоне выглядит довольно странным порядок именования полоцких князей в том

У прямых потомков Святослава Ярославича встречается еще одно сочетание имен, которое также можно назвать именной парой, поскольку оно, как кажется, переходит в готовом виде к племяннику от почитаемого церковью родного дяди. Речь идет о паре Игорь-Георгий (см. табл. № 5 к настоящему экскурсу). Мы точно знаем из летописи, что так был наречен сын Святослава-Николая Ольговича, родившийся в 1151 г., через несколько лет после трагической смерти своего дяди Игоря Ольговича[19]. Преемственность в том, что касается мирского имени, не вызывает в данном случае сомнений[20]. Несколько сложнее обстоит дело с наследованием крестильного имени, поскольку сведения о христианских именах Игоря Ольговича довольно запутаны и противоречивы.

Как известно, Игорь Ольгович принял постриг и, возможно, сменил свое христианское имя, хотя утверждать этого наверняка мы не можем, так как мы ничего не знаем о том, насколько регулярной была практика смены имени при постриге в первой половине XII в. В летописи, как известно, какие-либо христианские имена этого князя отсутствуют. Под мирским именем он фигурирует и в «Слове в субботу сыропустную, егда память творим святых отец», которое исследователи относят к домонгольскому времени[21]. При этом в Любечском синодике существует запись, которую иногда связывают с Игорем Ольговичем:

«...вел. князя Георгия Киевскаго, во иноцѣхъ Гаврила Всеволода <sic! — *А.Л., Ф.У.*>»[22].

Содержание этого свидетельства довольно темно, однако его сопоставление с текстами других синодиков, прежде всего Елецкого, позволило исследователям предположить, что имя *Георгий* у князя Игоря Ольговича все-таки было[23]. Проблема, скорее, заключается в том, было ли оно его монашеским или крестильным именем[24].

фрагменте летописи, где упоминается Всеслав Микулич. Если исходить из изложенных выше генеалогических построений, то оказывается, что сначала упомянут племянник (Всеслав Микулич) и лишь затем дядя (Андрей Володьшич) вместе с еще одним князем (Изяславом), который напрямую назван племянником последнего.

Наиболее любопытным обстоятельством, связанным с загадочным князем Всеславом Микуличем, является тот факт, что если его отец и в самом деле носил имя *Николай*, то это, в сущности, первый (и последний) случай его летописного употребления без мирского имени у Рюриковичей домонгольского периода.

19 См. [ПСРЛ. Т. II.С. 422 под 1151 г.].

20 См. гл. III, с. 104, примеч. 97 и гл. V, с. 187–189.

21 См. [Востоков 1842. С. 611].

22 См. [Зотов 1892. С. 34–35].

23 См. [Бережков 1893. С. 32. Примеч. 2].

24 Р.В. Зотов, не обнаруживая среди черниговских князей в синодике Николаевского монастыря ни *Георгия*, ни *Гавриила*, предположил, что Игорь Ольгович полу-

Как кажется, более вероятно, что *Георгий* было крестильным именем князя, так как имеется летописное свидетельство о том, что в княжеской резиденции Игоря Ольговича еще до пострижения его в монахи имелась церковь св. Георгия[25]. Вообще говоря, строительство или наличие церкви св. Георгия, общеродового покровителя Рюриковичей, едва ли можно считать прямым доказательством того, что князь в крещении был именно *Георгием*. Однако в данном случае речь идет о чем-то вроде домовой церкви в селе, специально обустроенном князем для собственного проживания, что несколько повышает вероятность того, что она связана непосредственно с его личным патрональным святым.

В то же время с точки зрения бытования именной пары вопрос о том, носил ли Игорь Ольгович имя *Георгий* в крещении или в иночестве, не имеет решающего значения. Существенно лишь, что к моменту рождения племянника князь, видимо, был известен как обладатель обоих имен, *Игорь* и *Георгий*, и, столь недолго пробыв на киевском столе, принял мученическую кончину. Церковное почитание Игоря Ольговича, по крайней мере в его собственной ветви рода, начинается, по-видимому, сразу же после кончины. Об этом может свидетельствовать и упоминание в летописи чуда, происходящего над его телом, когда оно еще находилось в Михайловской церкви в Киеве[26], и перенесение его мощей из Киева в Черниговский Спасский собор, предпринятое Святославом Ольговичем, отцом Игоря-Георгия-младшего[27] (см. табл. № 5 к настоящему экскурсу).

Таким образом, перед нами ряд примеров, когда именная пара наследуется ближайшими родичами (племянниками) или прямыми потомками (внуками и правнуками) от князя, прославленного церковью и/или обладающего особым статусом в родовом культе. Впрочем, одинаковые сочетания мирского и христианского имени князья могли получать, по-видимому, не только в честь общего прославленного предка. В таком случае, однако, следует говорить о каких-то особенных дополнительных причинах для выбора имен.

Так, известно, что Владимир, сын Рюрика Ростиславича, правнук Мстислава Великого, получил в крещении имя *Дмитрий*[28]. Эта же именная пара была воспроизведена еще дважды — при наречении Владимира-Дмитрия, сына Всеволода Большое Гнездо, и при наречении Владимира Константиновича, внука Всеволода Большое Гнездо и племянника Владимира-Дмитрия Всеволодича (см. табл. № 7 к настоящему экскурсу).

чил в схиме присутствующее здесь имя *Игнатий* [Зотов 1892. С. 264]; ср. [Востоков 1842. С. 578; Бережков 1893. С. 42]. Е.Е. Голубинский без необходимых уточнений и комментариев предполагал, что Игоря Ольговича в крещении звали *Гавриилом*, а в монашестве *Георгием* [Голубинский 1903. С. 58]; см. также: [Поппэ 1996. С. 484].

25 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 333 под 1146 г.]; ср. [Бережков 1893. С. 3].

26 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 354 под 1147 г.].

27 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 408 под 1150 г.].

28 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 657–658 под 1187 г.].

Взаимосвязь двух последних случаев имянаречения совершенно очевидна: племянник оказывается тезкой своего живого дяди и по мирскому и по христианскому имени[29]. Гораздо более сложным и неоднозначным представляется факт совпадения обоих имен у сыновей Рюрика Ростиславича и Всеволода Большое Гнездо. Здесь, кажется, сыграли свою роль как специфические, очень конкретные мотивы имянаречения, так и несколько более общие причины, обусловившие именно такой выбор.

Владимир-Дмитрий Рюрикович, возможно, получил свое мирское имя не без влияния крестильного имени собственного отца. Тот, как известно, в крещении был *Василием*. Давая младшему сыну имя *Владимир*, Рюрик-Василий Ростиславич действовал, вероятно, по такой схеме, когда имена прославленного предка, Владимира-Василия Мономаха, Владимира-Василия Святого, распределяются между двумя ближайшими родичами, в данном случае между отцом и сыном. Примеры такого наречения в роду Рюриковичей хорошо известны[30].

О причинах выбора христианского имени для этого княжича говорить несколько сложнее, хотя имя *Дмитрий* было вполне традиционно для Рюриковичей. К тому времени оно не было, насколько нам известно, как-то особенно популярно у ближайших родичей и предков новорожденного. Впрочем, крестильное имя деда, например, было уже занято — его носил старший брат Владимира-Дмитрия, Ростислав-Михаил Рюрикович (см. табл. № 7 к настоящему экскурсу). Не исключено, что на наречение княжича повлиял календарь, поскольку из летописи мы знаем, что он появился на свет осенью[31], а память св. Дмитрия Солунского — традиционнного покровителя княжеского рода — приходится на 26 октября. Таким образом, по родовым соображениям было выбрано прежде всего мирское имя *Владимир*. Можно допустить, что при выборе христианского имени сыграло некоторую роль и чисто фонетическое созвучие его с именем исконным.

В случае же с Владимиром-Дмитрием Всеволодичем мотивирован и очевиден, напротив, выбор имени крестильного. Ребенок родился на именины (или в канун именин) своего отца и получил отцовское крестильное имя. Имя же *Владимир*, в свою очередь, прекрасно встраивалось в антропонимикон семьи Всеволода Большое Гнездо, поскольку его носил знаменитый прадед ребенка, Владимир Мономах. В то же время в этой семье оно не было наделено, по-видимому, каким-либо чрезвычайно высоким статусом — его получает один из поздних сыновей князя, хотя зачастую именем прадеда у Рюриковичей наделяли первенца. Не исключено, что для Всеволода мирское имя Мономаха было скорее частью общего наследия всей ветви рода, нежели специальным атрибутом его собственной семьи.

С другой стороны, использование христианского имени живого отца никак нельзя назвать шагом запретным, но все же оно остается довольно рари-

---

29 См. подробнее гл. V, с. 187–189.

30 См., например, гл. IV, с. 115, примеч. 19.

31 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 657].

тетным для династии Рюриковичей. Весьма вероятно, что Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо подтолкнуло к выбору для своего сына как этого христианского имени, так и именной пары в целом именно наличие у Рюрика Ростиславича сына по имени *Владимир-Дмитрий*. Как нам уже приходилось упоминать, между этими князьями существовали очень своеобразные отношения в том, что касалось выбора имен для детей и почитания семейных святых. При наречении детей оба они вступали в известную конкуренцию, впрочем, конкуренцию скорее дружественную.

Ко времени появления на свет Владимира-Дмитрия Всеволодича Рюрик и Всеволод успели, как известно, уже стать свойственниками, поскольку в 1189 г. был заключен брак между старшим сыном Рюрика, Ростиславом, и совсем юной дочерью Всеволода, Верхуславой (см. табл. № 8 к настоящему экскурсу). Соответственно, новорожденный сын Всеволода Большое Гнездо автоматически оказывался свойственником обоих сыновей Рюрика Ростиславича, в частности Владимира-Дмитрия Рюриковича. Не исключено, что это и послужило дополнительным основанием для его имянаречения, если учесть общий «соревновательный дух» в антропонимической политике его отца.

Таким образом, сочетание *Владимир-Дмитрий* правомерно, на наш взгляд, именовать устойчивой антропонимической парой, поскольку воспроизведение совокупности этих имен имело, как кажется, неслучайный характер. Эта пара выделяется среди прочих своей «молодостью», она возникает, по-видимому, лишь в конце XII столетия, и потому ее бытование несет на себе черты той многоплановости и изощренности, которую приобрела к этому времени вся стратегия имянаречения разросшейся династии Рюриковичей.

Нет необходимости лишний раз пояснять, что имена *Владимир* и *Дмитрий* могли по-прежнему функционировать как самостоятельные и независимые единицы именослова при выборе имен для князей, и об их парности можно говорить лишь как о некой тенденции, явно прослеживающейся в двух семьях — у Рюрика Ростиславича и у его относительно дальних родственников и весьма близких свойственников, потомков Всеволода Большое Гнездо. Напомним еще раз, что обе эти семьи, хотя и принадлежали к ветви Мономаха, за одно столетие успели настолько отдалиться друг от друга, что стали возможны браки между их представителями.

Не исключено, что в семье Всеволода Большое Гнездо позднее появляется еще одна именная пара, хотя функционирование этого антропонимического сочетания в качестве пары — не бесспорно. Речь идет об именах *Ярослав* и *Афанасий*. Из летописи известно, что они были даны одному из сыновей Владимира Андреевича Серпуховского (см. табл. № 9 к настоящему экскурсу). Иными словами, их обладателем был князь Рюрикович, появившийся на свет в конце XIV в., когда наличие у князя исконного имени (такого, как *Ярослав* или *Святослав*) становилось уже довольно большой редкостью.

Судя по показанию источников, Ярослав-Афанасий Владимирович родился непосредственно на память св. Афанасия Александрийского, что и

обусловило выбор его христианского имени[32]. Имя *Афанасий*, хотя и не слишком распространенное в публичном антропонимиконе Рюриковичей, было сочтено вполне пригодным для княжича, и на то, по-видимому, были свои причины.

Дело в том, что в его ветви рода уже было по крайней мере два князя, носивших это имя. Так звали, судя по всему, одного из сыновей Ярослава-Федора Всеволодича, родного брата Александра Невского. В списках сыновей Ярослава-Федора фигурируют, в числе прочих, два имени — *Ярослав* и *Афанасий*. Однако, как отмечал еще Н.М. Карамзин, эти имена, скорее всего, принадлежали одному лицу[33]. В таком случае этого князя, внука Всеволода Большое Гнездо, жившего в XIII в. и владевшего, в частности, тверским, новгородским и суздальским столами, звали Ярослав-Афанасий Ярославич-Федорович.

Таким образом, оказывается, что сын Владимира Андреевича, родившийся в 1388 г., на память св. Афанасия и нареченный именем *Афанасий*, совпадавшим с христианским именем его родича, «заодно» получил и исконное княжье имя этого родича *Ярослав*. Тем самым имена *Ярослав* и *Афанасий* осмыслялись теми, кто выбирал ребенку имя, в качестве некоего антропонимического единства, в качестве готовой пары.

Наши сведения о причинах возникновения такой пары весьма скудны. Отчасти это объясняется относительно большим временным промежутком между появлением на свет первого Ярослава-Афанасия и его младшего тезки. Несомненно, антропонимическая память династии сохраняла в ту пору имена достаточно отдаленных предков, но роль и место этих имен и их обладателей во внутренней истории рода не всегда легко определить.

Христианское имя *Афанасий* носил, например, еще один представитель этой же родовой ветви — внук Александра Невского и, соответственно, внучатый племянник Ярослава-Афанасия, Афанасий Данилович (см. табл. № 9 к настоящему экскурсу). Владимир Андреевич Серпуховский приходился внучатым племянником этому Афанасию Даниловичу. При этом мы ничего не знаем о том, носил ли Афанасий Данилович какое-либо исконное княжье имя, и это представляется нам маловероятным. Тем более у нас нет никаких оснований утверждать, что его мирским именем было *Ярослав*. Трудно подобрать в этой родовой ветви и какого-либо еще князя, который, будучи младше Ярослава-Афанасия Ярославича и старше Ярослава-Афанасия Владимировича, мог бы оказаться обладателем именной пары *Ярослав-Афанасий*.

Таким образом, Владимир Андреевич Серпуховский, по-видимому, все-таки счел нужным воскресить память именно о Ярославе Ярославиче, своем родиче, жившем в середине XIII столетия. О том же, что именно побудило его к такому поступку, мы можем лишь догадываться.

Исследуя судьбу различных именных пар, невозможно не задаться вопросом, в чем заключалась подобного рода связанность имен для людей

---

32 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 52 под 1388 г.]; ср. [ПСРЛ. Т. XXIV. С. 157].

33 См. подробнее об этом гл. IV, с. 165, примеч. 165.

XI — XIV вв., самих князей и их «аудитории». Со второй половины XII в. мы располагаем достаточным количеством летописных примеров, где два имени князя — мирское и крестильное — фигурируют в источнике рядом, бок о бок, т. е. составляют реальное, прослеживаемое в тексте антропонимическое единство. В этих случаях мы обладаем конкретным материалом, позволяющим предположить, что для составителей источников, княжеского окружения и самих князей сочетаемость христианского и мирского имен князя могла быть каким-то образом отрефлектирована. Попросту говоря, мы точно знаем, что в это время два княжеских имени могли употребляться одновременно, и, следовательно, их парность и устойчивость тех или иных пар не является исключительно плодом исследовательской реконструкции и, скорее всего, как-то осознавались современниками.

Что же касается XI — первой половины XII в., то здесь, как известно, мирские имена многих князей никогда не употребляются вместе с их христианскими именами. На первый взгляд, может показаться, что эти имена принадлежат к совершенно различным сферам княжеского обихода, различным сферам культуры. Иными словами, в определенных ситуациях князь фигурирует лишь под своим мирским именем, тогда как в других — используется только его крестильное имя. В таком случае ни о каком реальном бытовании именной пары говорить, кажется, не приходится, поскольку каждое из имен функционировало бы отдельно, изолированно от другого.

По-видимому, некоторые признаки такой дихотомии и в самом деле имели место, но при этом она отнюдь не была всеобъемлющей. Существовали, судя по всему, ситуации, которые требовали или во всяком случае легко допускали упоминание обоих имен правителя. Сколько-нибудь детальный и обоснованный перечень таких ситуаций, как и схема раздельного употребления имен Рюриковичей, безусловно, требует дополнительного исследования. Укажем лишь, что оба имени могли употребляться в сообщении о кончине князя или в различного рода текстах, связанных с дарениями церкви и распоряжениями о таких дарениях.

Сами случаи подобного типа двойственны по своей природе, поскольку главное действующее лицо выступает в них как бы в двух ипостасях, которые равно важны для содержания текста. Он оказывается одновременно обладателем имущества, власти и неких привилегий и смиренным христианином, предстоящим перед Богом. В качестве одного из примеров подобного рода можно привести летописное упоминание о смерти киевского князя Святополка Изяславича, где указано не только его мирское княжье, но и христианское имя *Михаил* [34].

Разумеется, многие наши сведения о контексте совместного или раздельного употребления княжеских имен в домонгольскую эпоху поневоле ограничены тем набором источников, который от этого времени сохранился, и потому наша картина будет заведомо неполной, а порой и несколько иска-

---

34 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 290 под 1114 г.].

женной. Любопытно, однако, что коль скоро речь идет об упомянутых нами именных парах — *Владимир-Василий, Мстислав-Федор, Ростислав-Михаил, Святослав-Николай, Игорь-Георгий, Владимир-Дмитрий*, — то для каждого такого случая обнаруживается источник, где два имени кого-либо из обладателей этой пары фигурируют в пределах одного текста.

Так, мирское и крестильное имя Владимира-Василия Мономаха названо им в первых строках «Поучения»[35], оба имени Мстислава-Федора Великого фигурируют в надписи на Мстиславовом Евангелии[36], а тот факт, что их получил один из его правнуков Мстислав-Федор Давыдович, зафиксирован в летописи[37]. *Николай* и *Святослав* фигурируют в качестве имен Святослава Ольговича в уставной грамоте новгородской Софии[38], имена же его двоюродного брата, Николы-Святоши, появляются в Киево-Печерском патерике[39]. Оба имени Игоря-Георгия Новгород-Северского зафиксированы в летописном упоминании о его рождении[40], так же как и имена всех трех интересовавших нас Владимиров-Дмитриев.

Таким образом, источники фиксируют возможность совместного употребления этих имен, то обстоятельство, что они фигурируют как некое антропонимическое сочетание. Знаем мы и случай непосредственной рефлексии летописца по поводу полного повтора именной пары ‘христианское имя — мирское имя’. Речь идет об уже упоминавшемся свидетельстве летописи, где говорится о наречении Ростислава-Михаила Рюриковича обоими именами его деда[41].

Иными словами, возможности имянаречения и наследования имен, связанные с двуименностью князей, по-разному отрефлектированные в древнерусских текстах, подразумевали, по-видимому, и передачу от предка к потомку устойчивой именной пары, состоящей из христианского и мирского имени. При этом подобная связанность двух единиц, относящихся к различным сферам княжеского именослова, требовала особых условий и отнюдь не являлась обязательным или единственно возможным средством закрепления имен прославленного предка в череде последующих поколений.

---

35 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 240].
36 См. [Апракос. С. 289].
37 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 679].
38 См. [Щапов 1976. С. 148].
39 См. [КПП. С. 83, 86].
40 См. [ПСРЛ. Т. II.Стб. 422].
41 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 567].

ТАБЛИЦА № 1

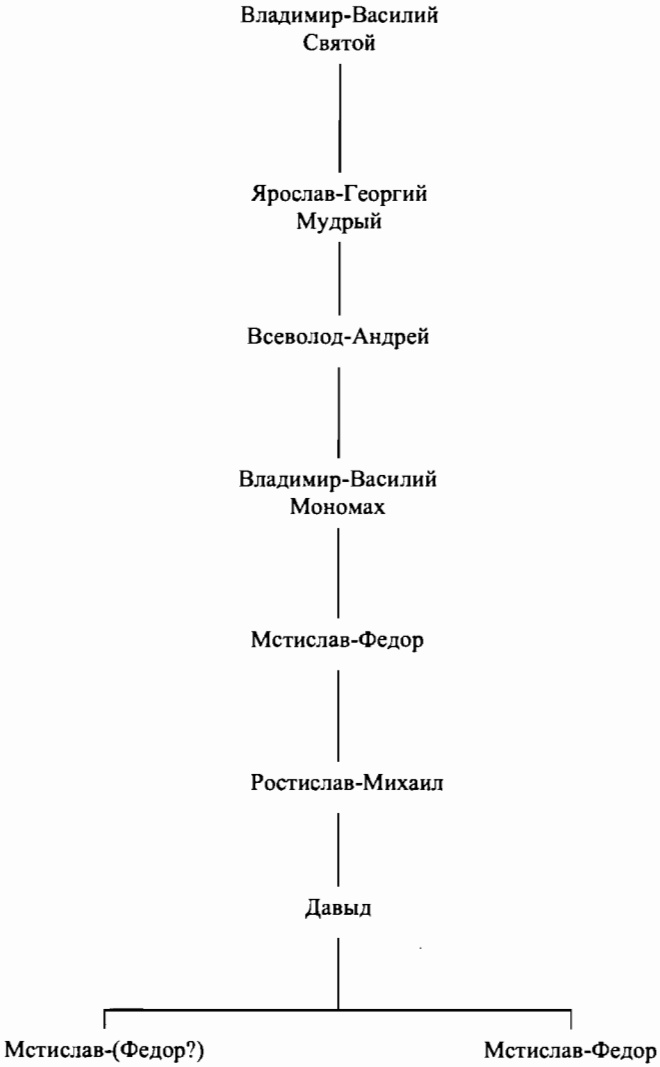

Владимир-Василий
Святой
Ярослав-Георгий
Мудрый
Всеволод-Андрей
Владимир-Василий
Мономах
Мстислав-Федор
Ростислав-Михаил
Давыд
Мстислав-(Федор?)
Мстислав-Федор

ТАБЛИЦА № 2

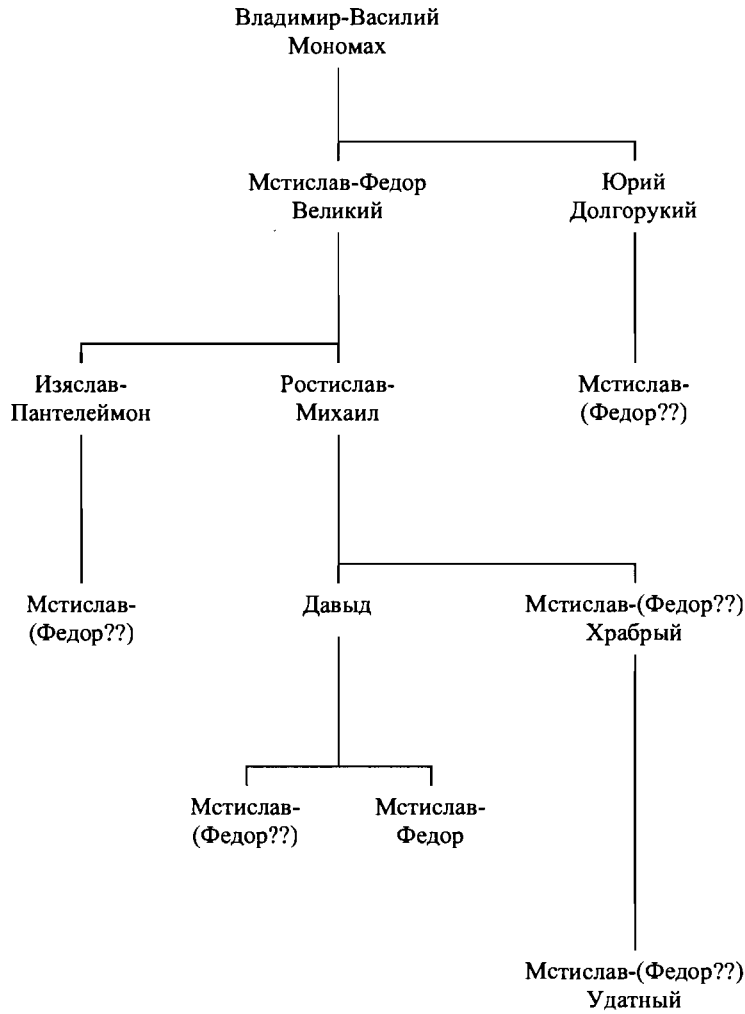

Владимир-Василий
Мономах
Мстислав-Федор
Великий
Юрий
Долгорукий
Изяслав-
Пантелеймон
Ростислав-
Михаил
Мстислав-
(Федор??)
Мстислав-
(Федор??)
Давыд
Мстислав-(Федор??)
Храбрый
Мстислав-
(Федор??)
Мстислав-
Федор
Мстислав-(Федор??)
Удатный

ТАБЛИЦА № 3

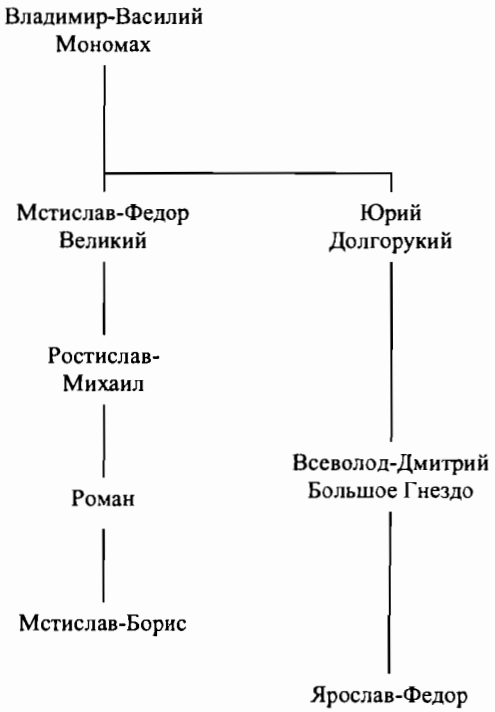

Владимир-Василий
Мономах
Мстислав-Федор
Великий
Юрий
Долгорукий
Ростислав-
Михаил
Всеволод-Дмитрий
Большое Гнездо
Роман
Мстислав-Борис
Ярослав-Федор

ТАБЛИЦА № 4

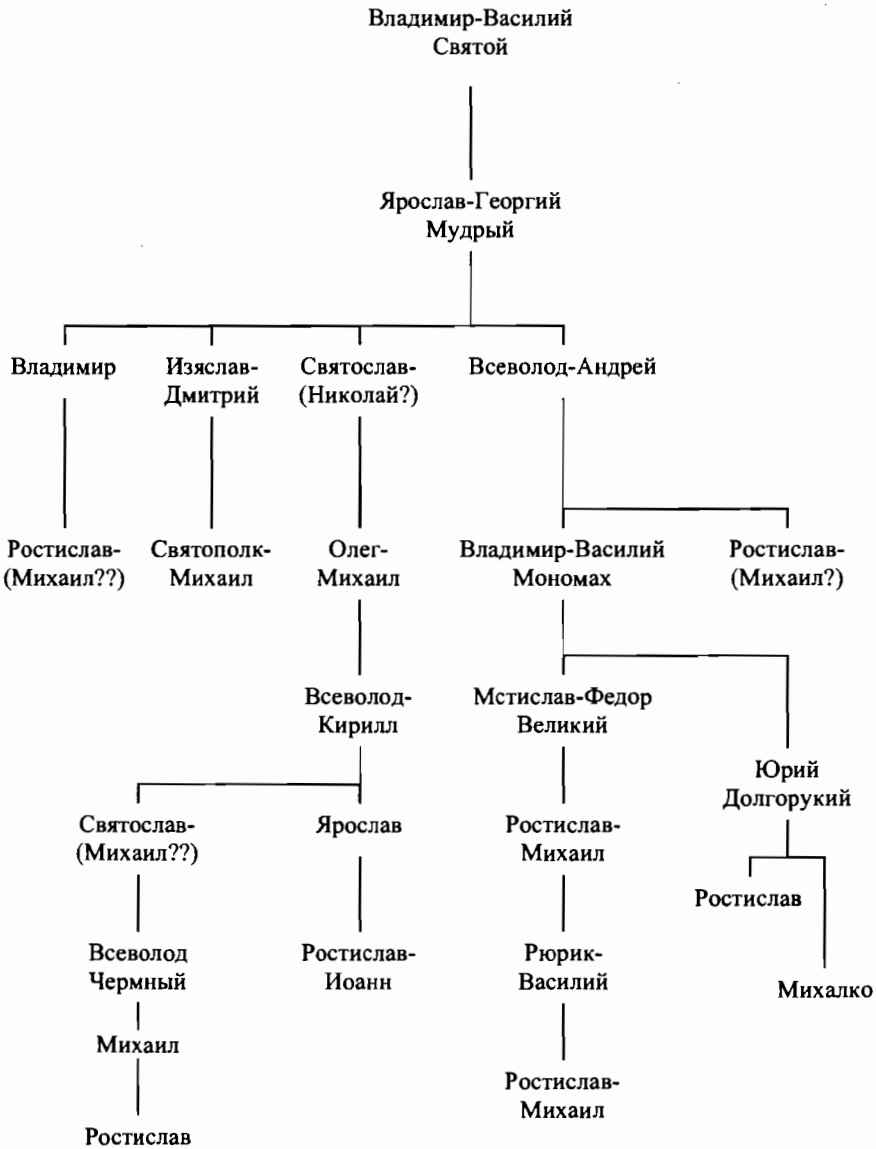

Владимир-Василий Святой
Ярослав-Георгий Мудрый
Владимир
Изяслав-Дмитрий
Святослав-(Николай?)
Всеволод-Андрей
Ростислав-(Михаил??)
Святополк-Михаил
Олег-Михаил
Владимир-Василий Мономах
Ростислав-(Михаил?)
Всеволод-Кирилл
Мстислав-Федор Великий
Юрий Долгорукий
Святослав-(Михаил??)
Ярослав
Ростислав-Михаил
Ростислав
Всеволод Чермный
Ростислав-Иоанн
Рюрик-Василий
Михалко
Михаил
Ростислав-Михаил
Ростислав

ТАБЛИЦА № 5

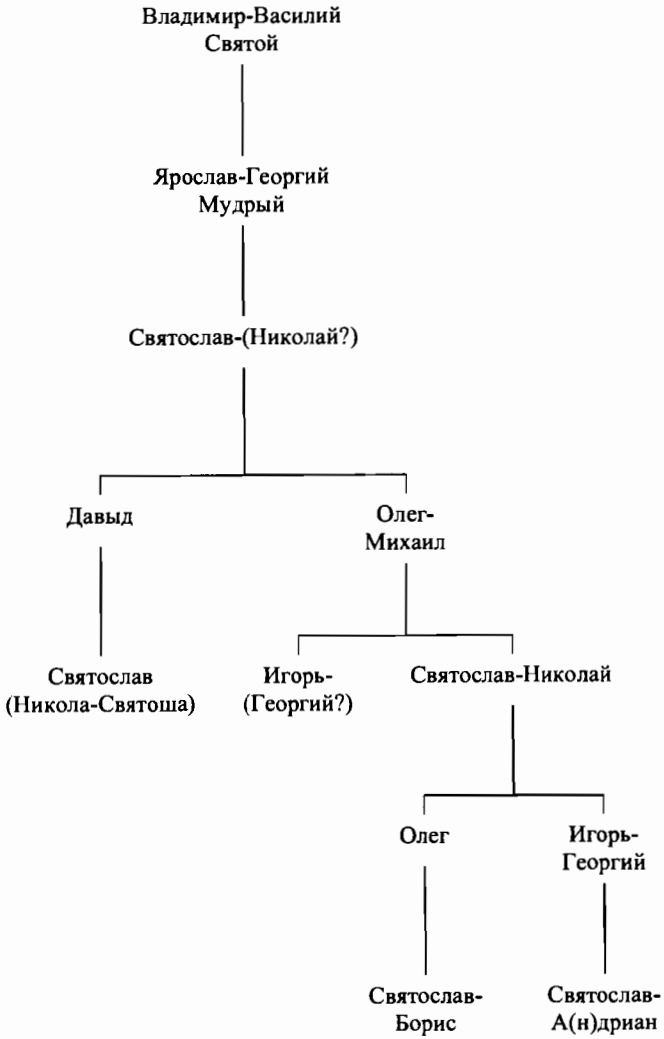

Владимир-Василий
Святой
Ярослав-Георгий
Мудрый
Святослав-(Николай?)
Давыд
Олег-
Михаил
Святослав
(Никола-Святоша)
Игорь-
(Георгий?)
Святослав-Николай
Олег
Игорь-
Георгий
Святослав-
Борис
Святослав-
А(н)дриан

ТАБЛИЦА № 6

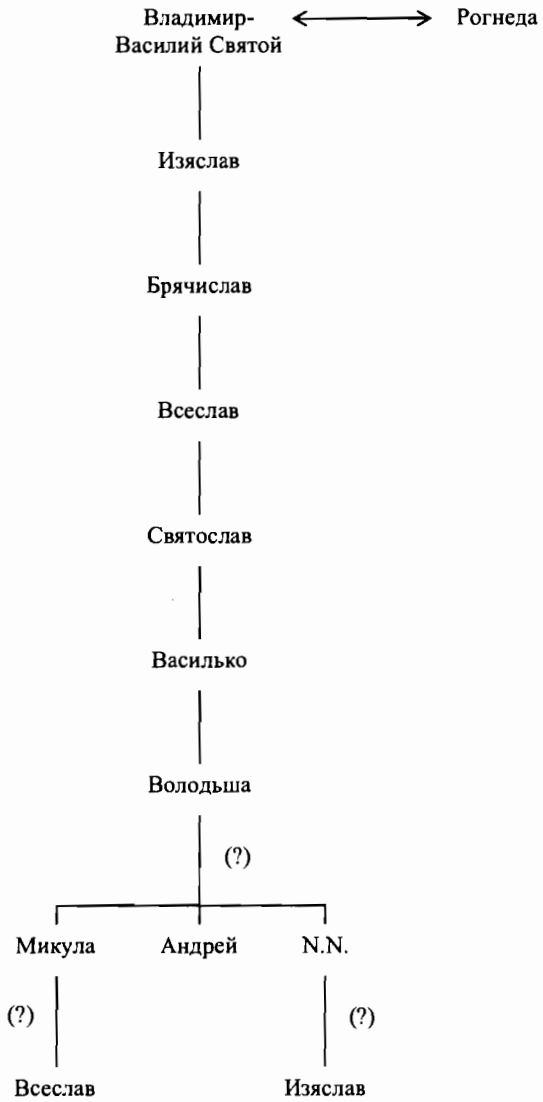

Владимир-
Василий Святой
Рогнеда
Изяслав
Брячислав
Всеслав
Святослав
Василько
Володьша
(?)
Микула
Андрей
N.N.
(?)
(?)
Всеслав
Изяслав

ТАБЛИЦА № 7

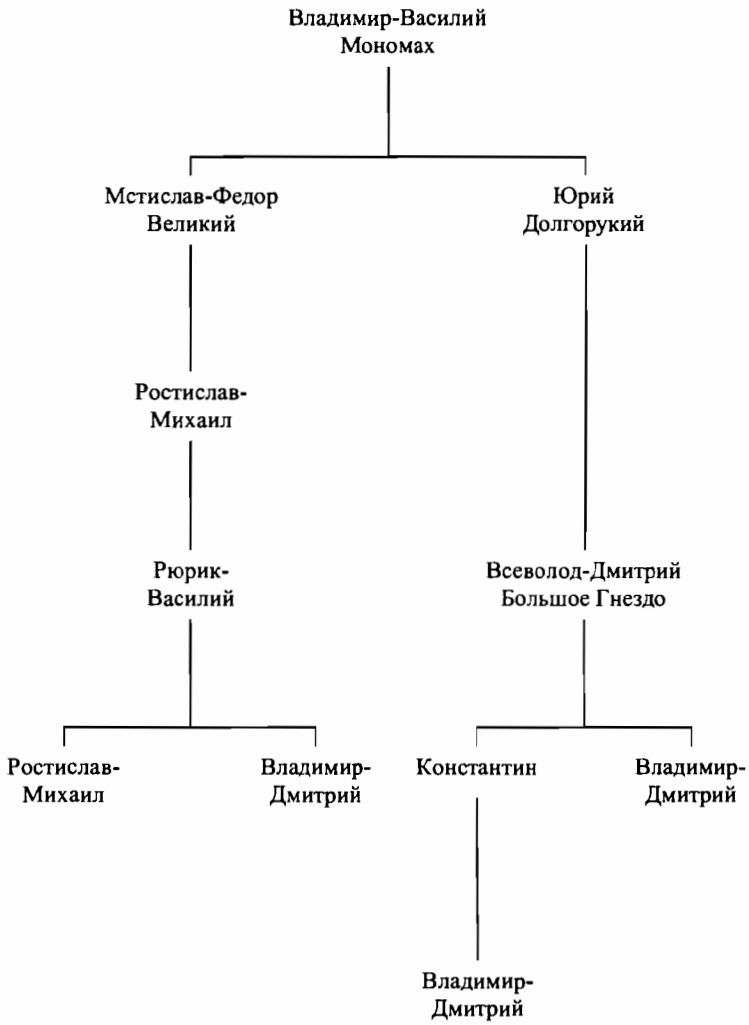

Владимир-Василий
Мономах
Мстислав-Федор
Великий
Юрий
Долгорукий
Ростислав-
Михаил
Рюрик-
Василий
Всеволод-Дмитрий
Большое Гнездо
Ростислав-
Михаил
Владимир-
Дмитрий
Константин
Владимир-
Дмитрий
Владимир-
Дмитрий

ТАБЛИЦА № 8

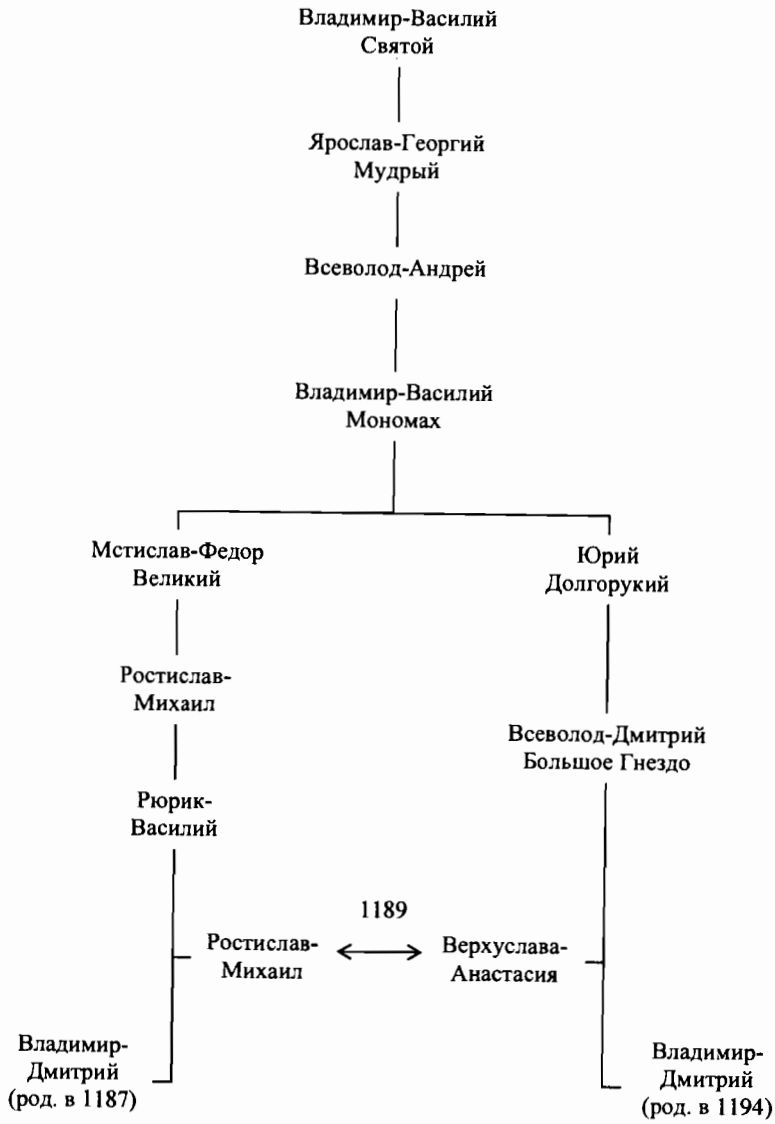

Владимир-Василий
Святой
Ярослав-Георгий
Мудрый
Всеволод-Андрей
Владимир-Василий
Мономах
Мстислав-Федор
Великий
Юрий
Долгорукий
Ростислав-
Михаил
Всеволод-Дмитрий
Большое Гнездо
Рюрик-
Василий
1189
Ростислав-
Михаил
Верхуслава-
Анастасия
Владимир-
Дмитрий
(род. в 1187)
Владимир-
Дмитрий
(род. в 1194)

ТАБЛИЦА № 9

Всеволод-Дмитрий
Большое Гнездо
Ярослав-Федор
Александр
Невский
Ярослав-
Афанасий
Даниил
Московский
Афанасий
Иван
Калита
Андрей
Серпуховский
Владимир
Храбрый
Ярослав-
Афанасий

Экскурс 11

Имена и формулы: о характеристиках князей-тезок из рода Рюриковичей

Как не раз отмечалось читателями и исследователями древнерусских памятников, содержащиеся в текстах характеристики князей Рюриковичей, с одной стороны, достаточно типизированы, если не сказать, стереотипны, тогда как с другой — вполне обстоятельны и индивидуальны. Такое парадоксальное сочетание оказывается возможным благодаря специфике используемых в них формул, устойчивых и гибких одновременно.

Замечательным образом подобное сочетание повторяющегося и индивидуального заложено и в принципах выбора имени для князей. В каком-то смысле полное именование Рюриковича, включающее имена его отца и деда, может восприниматься как еще одна формула, характеризующая князя.

Имена Рюриковичей носили далеко не случайный характер. Княжеское имя давалось потомку в честь умершего предка. Нам уже приходилось говорить о том, что такой порядок был связан с идеей воплощения предка в потомке, причем речь вовсе необязательно должна идти о буквальной вере в переселение душ. Для князей куда важнее был вопрос наглядной преемственности по отношению к некогда правившему на этой земле родичу.

Как мы пытаемся показать в своем исследовании, чаще всего княжича называли в честь какого-то вполне определенного родича (преимущественно по мужской линии), связь с которым для конкретной княжеской семьи была особенно актуальна. При этом, получив, например, имя *Владимир*, он заодно становился тезкой и подобием всех прежде живших Владимиров из рода Рюриковичей.

Такое уподобление, как кажется, могло быть предметом особой рефлексии. В иных случаях оно становилось нежелательным. Иногда же оно могло подчеркиваться, в частности с помощью тождества имен и отчеств новорожденного и кого-либо из его покойных предков. Князь мог считаться недостойным своего имени или несоответствующим ему. Старшие тезки могли делиться на желательных и нежелательных. Нам представляется, однако, что совпадение имен не могло быть проигнорировано вовсе.

Совпадение имен у людей разных поколений было, по-видимому, мощнейшим средством их уподобления. Здесь пора, однако, оговориться: речь поневоле идет о двух взаимосвязанных, но все-таки различных процедурах. Есть князь, который выбирает имя для своего наследника и тем самым высказывает, хотя бы отчасти, некий свой стратегический замысел относитель-

но будущей судьбы этого ребенка, а иногда всей семьи и рода в целом. С другой стороны, есть письменные памятники, которые фиксируют эти имена, обыгрывают и осмысляют их, постепенно выстраивают в диахронический ряд. В какой-то мере эти памятники могут служить свидетельством того, как воспринимался язык княжеских имен аудиторией, разумеется, если мы правы и такой язык существовал в действительности.

Нужно отметить, что древнерусские тексты зачастую проявляют повышенное внимание к факту совпадения имен как таковому. В частности, упоминание о том, что некто является тезкой князя по христианскому имен может служить одним из объяснений, почему этот человек оказывается с князем в каких-то особых отношениях. Так, в описании посольства к ослепленному князю Василько Теребовльскому князь Давыд Игоревич обращается к составителю текста, на которого возлагается весьма деликатная миссия:

«...да се Василю шлю тѧ иди к Василкови тезу своєму» [1].

В Киево-Печерском патерике, например, с Георгием Шимоновичем связывается следующий рассказ (ср. табл. № 2 к настоящему экскурсу):

«И бысть посланъ отъ Володимера Мономаха въ Суждальскую землю, сий Георгий дасть же ему на руцѣ и сына своего Георгия. По лѣтех же мнозѣх сѣдѣ Георгий Владимеровичъ въ Киевѣ, тысяцькому жъ своему Георгиеви, яко отцу, предасть землю Суждальскую» [2].

Примеры подобного рода, как кажется, легко можно было бы умножить.

С другой стороны, очевидно, что в летописях используется такой риторический прием, когда князь уподобляется кому-либо из своих предков, не являющихся его прямыми тезками, с помощью наделения его другим, так сказать, ситуативным именем. Так, например, в Ипатьевской летописи хвалебная речь, обращенная к въезжающему в город князю Изяславу Мстиславичу, начинается словами:

«...ты на^ш^ кн҃зь ты на^ш^ Володимиръ ты на^ш^ Мьстиславъ» [3].

Как мы видим, имена прославленных деда и отца князя, по сути дела, превращены здесь в хвалебные эпитеты, в свидетельства легитимности его власти в Новгороде. Известно, что в ктиторской надписи Нередицкой церкви

---

1 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 265 под 1097 г.].

2 См. [КПП. С. 5]. Не исключено, что в патерике этот Георгий Шимонович соотносится с еще одним своим тезкой, отроком Георгием, убитым вместе со св. Борисом. Отрок Георгий упоминается в «Слове о преподобном Моисее Угрине» следующим образом: «...на него же Борисъ възложи гривну злату, его же убиша съ святымъ Борисомъ на Алтѣ, и главу его отрѣзаша златыя ради гривны» [КПП. С. 203]. Георгий Шимонович же, согласно рассказу патерика, пожертвовал в монастырь «гривну шийную, в неи же вѣса сто гривенъ злата» [КПП. С. 190, 63].

3 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 370].

князь Ярослав Владимирович называется «вторым Всеволодом»[4]. Как убедительно показал А.А. Гиппиус, речь здесь об уподоблении Ярослава его умершему дяде, новгородскому князю Всеволоду Мстиславичу, а не его свояку, Всеволоду Большое Гнездо[5].

Строго говоря, здесь имена предков используются почти так же, как прославленные имена из христианской истории (новый Давид, новый Константин). В чисто языковом отношении в первом примере («ты наш Володимиръ ты наш Мьстиславъ») интересна своеобразная неопосредованность уподобления. С точки зрения же истории рода наиболее существенно, что князья уподобляются, как и в ситуации имянаречения, не живым родичам, а умершим. Особенно показателен в этом отношении рассказ, приведенный в Летописце Переяславля Суздальского, где Ярослав Всеволодич обращается к переяславцам с речью, говоря о том, что отец его умер, завещав ему Переяславль Залесский, и спрашивает их, согласны ли они принять его князем, как принимали его отца. Они же отвечают Ярославу:

«Велми, г(о)с(поди)не, тако буди, ты нашь г(о)с(поди)нъ, ты Всеволодъ»[6].

Нас, однако, интересует не столько риторический прием уподобления одного князя другому через именование, сколько реакция на реальное совпадение имен предка и потомка. В этом отношении очень любопытны летописные рассказы о нравах и обычаях двух *Святославов* — Святослава Игоревича и Святослава Ярославича (ср. табл. № 1 к настоящему экскурсу). Оговоримся сразу же, что мы оставляем в стороне вопрос о правдоподобии всех этих рассказов и вопрос об источниках первого из них, т. е. рассказа о Святославе Игоревиче. В данном случае весьма значима высокая степень клишированности этих текстов. Наличие такого рода клише позволяет увидеть, насколько рассказ о правнуке ориентирован на рассказ о прадеде-тезке, насколько летописец склонен рассматривать потомка как удачное / неудачное воплощение предка.

Как мы помним, в рассказе о походах Святослава Игоревича присутствует сюжет об испытании этого князя дарами. Согласно летописи, греческий царь созывает бояр и советуется, какой линии ему придерживаться со Святославом. Те советуют:

«...посли к нему дары искусимъ и любьзнивъ ли єсть злату ли паво[ло]камъ и п°сла к нему злато и паволоки и мужа мдра рѣша єму гладаи взора и лица єго и смысла єго».

Посланный муж так и поступает. Святослав же, как мы помним, когда перед ним положили злато и паволоки, «реч... кромѣ зрѧ ѡтрокомъ своимъ схороните». Об этом равнодушии Святослава Игоревича посланные докладывают греческому царю, после чего царь посылает ему подарок совсем иного рода — меч и другое оружие:

---

4 См. [Пивоварова 1991. С. 144].

5 См. [Гиппиус 2005. С. 17]. Ср. табл. № 2 к настоящему экскурсу.

6 См. [ПСРЛ. Т. XLI. С. 130 под 1213 г.].

«...ѡнъ же приимъ нача хвалити и любити»[7].

Подчеркнем еще раз, что мы сейчас не говорим ни об источнике, ни об архетипе этого рассказа. Существенно, что в летописи есть это описание князя-воина, не ценящего «злато и паволоки», но дорожащего оружием[8]. Можно вспомнить также, что рассказ о деяниях Святослава в качестве взрослого князя вообще начинается со слов о том, что он собрал «вои многы», причем речь идет не о конкретном походе, а о некой общей ситуации.

Что же сказано в летописи о его правнуке, Святославе Ярославиче? Его характеристики в летописи изобилуют формулами, формулы эти отнюдь не однородны, и, тем не менее, все они отсылают к характеристике его прадеда. Речь Святослава Ярославича к своим воинам перед битвой с превосходящими их числом противниками — своего рода сокращенный вариант нескольких речей его прадеда, причем налицо ряд дословных совпадений.

Обстоятельства сражения и сама речь Святослава Игоревича представлена в летописи следующим образом:

«и реч имъ Стославъ єсть насъ к тысѧщь и приреч имъ Стославъ єсть насъ к тысѧщь и приреч і тысѧщь бѣ бо Руси і тысѧщь то[лко] и пристроиша Грьци р тысѧщь на тослава и не даша дани и поиде Стославъ на Греки и изидоша противу Руси видѣвше же Русь оубоѩшасѧ зѣло множьства вои и реч Стославъ оуже намъ нѣкамо сѧ дѣти волею или неволею стати противу да не посрамимъ землѣ Рускі не но лѧжемъ костьми [ту] мертвы ибо срама не имамъ аще ли побѣгнемъ срамъ имамъ и нс имамъ оубѣжати но станемъ крѣпко азъ же предъ вами поиду аще моѩ глава лѧжет то промыслите собою... и бысь сѣча велика и ѡдолѣ Стославъ и бѣжаша Грьци»[9].

Битва же, в которой участвует Святослав Ярославич, описывается так:

«Стославу сущю Черниговѣ и Половцем воюющим ѡколо Чернигова Стослав же собравъ дружины нѣколико изиде на нь ко Сновьску и оузрѣша Половци идущь полкъ пристроишасѧ противу и видѣвъ Стославъ множьство ихъ и реч дружинѣ своси потагнѣмъ оуже нам не лзѣ камо сѧ дѣти [и] оудари-

---

7 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 70–71].

8 Характерно, что подобный топос оказывается в жанре похвального слова весьма устойчивым. Так, говоря о добродетелях тверского князя Бориса Александровича, инок Фома, работавший в середине XV в., отмечает, что когда король Казимир прислал этому князю «от злата и от камок драгыхъ и от сосудовъ златых и от оружия и отъ коней борзыхъ», тот взял только мечь, ибо «храбр этот князь, ничем не дорожит, а мечь любит» [Лихачев 1908. С. XLVIII].

9 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 70 под 971 г.]. Ср. также речь Святослава Игоревича перед битвой с болгарами: «... реч Стославъ восмъ своимъ оуже намъ сде пасти потагнемъ мужьски братьѩ и дружино и къ вечеру ѡдолѣ Стославъ» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 69 под 970 г.]. См. также [Гиппиус 2002. С. 123. Примеч. 27].

ша в конѣ и ѡдолѣ Стославъ в тре^х^ тысѧчахъ а Половець бѣ ві тысѧчѣ и тако бьеми а друзии потопоша въ Сньви а кнѧзѧ ихъ ꙗша рукама»[10].

Таким образом, Святослав Ярославич мог изображаться как полноценное воплощение своего предка-тезки (ср. табл. № 1 к настоящему экскурсу). Позднее же картина меняется. Прямой некролог или посмертное слово этому князю в летописи отсутствует, но есть текст, непосредственно предшествующий сообщению о его смерти и отчасти такой некролог замещающий:

«В се же лѣто придоша сли из Нѣмець къ Стославу Стославъ же величаꙗсѧ показа имъ батьство своє ѡни же видѣвше бещисленоє множьство злато и сребро и паволокы и рѣша се ни въ чтоже ѥсть се бо лежить мертво сего суть кметѥ луче мужи бо сѧ доищють и болше сего сице сѧ похвали Иєзекии ц^с^рь Июдѣискъ к Соломону ц^с^рѧ Асурииска ѥгоже всѧ взѧта быша в Вавилонъ тако и по сего смрти все имѣньє расыпасѧ разно»[11].

Кажется, рассматривая этот эпизод, нельзя ограничиться утверждением о том, что перед нами просто характеристика Святослава как плохого князя, который — в отличие от князя хорошего — собирает злато-серебро и не собирает воев, отличаясь тем самым, например, от своего деда, Владимира Святославича, и от своего дяди, Мстислава Тмутараканского (ср. табл. № 1 к настоящему экскурсу). Понятно, что такая оценка князя в любом случае лежит в области формул: Святослав Ярославич, как уже упоминалось, немало воюет, и если не выполняет княжеских обязанностей, то в некотором ином, высшем смысле. Но речь, на наш взгляд, идет не только об его осуждении, а о прямом сопоставлении с прадедом. Потомок должен быть таким, как его предок-тезка, однако таковым не является и, следовательно, — плох. Святослав Ярославич в годы своего киевского правления перестает соответствовать своему прототипу и, опосредованно, образу хорошего князя.

В самом деле, эта последняя, так сказать, окончательная характеристика потомка явно ориентирована на характеристику предка. Один, как уже говорилось, демонстративно не дорожит золотом и тканями, другой специально похваляется золотом, серебром и тканями. И в том, и в другом случае картина дана глазами чужеземцев, послов. В рассказе о Святославе Игоревиче византийские послы специально приходят к нему, дабы определить его нрав по реакции на подарки. В рассказе же о Святославе Ярославиче для характеристики князя специально приезжают послы от немцев, которые как будто бы знают, что этот князь вскоре умрет, а его имущество будет разграблено[12].

---

10 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 171–172 под 1068 г.].

11 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 198–199].

12 При этом не возникает сомнений, что в летописном повествовании о Святославе Ярославиче описывается вполне конкретное историческое событие. Согласно свидетельству Ламперта Херсфельдского, двор Святослава действительно посетил настоятель трирской церкви Бурхард и привез оттуда королю Генриху IV великое

Иными словами, коль скоро в тексте летописи сюжет об иноземцах, увидевших, как князь относится к богатству, один раз используется для определения и описания характера князя, то для определения и описания характера его правнука-тезки задействуется тот же самый сюжет[13]. Нам хотелось бы отметить, что близость этих эпизодов строится не столько на отрицательной или положительной оценке кого-нибудь из князей, а на изначальной установке, в соответствии с которой два Рюриковича, носящие одно и то же имя, должны описываться и оцениваться в одних и тех же категориях[14]. Младший

множество подарков, золота, серебра и драгоценных тканей (см. подробнее: [Назаренко 2001. С. 529–530; Свердлов 2003. С. 462]). В данном случае, однако, принципиально важен самый характер осмысления этого события в русской летописи. Здесь (в отличие от Хроники Ламперта Херсфельдского) не упоминается ни о каких политических целях Святослава Ярославича, ни вообще о том, что он подарил что бы то ни было королю или его посланцам. Ситуация описывается максимально обобщенно. При этом, однако, в уста немецким посланцам вкладывается этическая оценка русского князя, сводящаяся к традиционной формуле характеристики хорошего / дурного правителя.

Не менее любопытен в этом отношении и летописный пример из священной истории, риторическая функция которого заключается в том, чтобы подкрепить традиционную формулу. Здесь упоминаются слова иудейского царя Езекии царю Ассирийскому Соломону. Между тем, как отмечает К.А. Максимович, соответствующих слов в Ветхом Завете нет. Сходная ситуация есть в 4 Царств XX, где описывается, как Езекия показывает послам вавилонского царя свои сокровища, и что Исаия пророчествует об этом [Максимович 2004. С. 121. Примеч. 15]. Вопрос о том, почему возникает такое несоответствие библейскому источнику, нуждается в отдельном рассмотрении. Не исключено, что летописец пользуется каким-либо апокрифическим текстом, но более вероятно, что он не совсем точно воспроизводит Ветхий Завет по памяти. Так или иначе, и в соответствующем ветхозаветном эпизоде, и в его парафразе из летописи отсутствует какое-либо упоминание о том, что воины лучше накопленных богатств. Эта часть летописного текста, по-видимому, восходит к иной традиционной формуле.

13 Строго говоря, формула, противопоставляющая обладание дружиной и любовь к богатству, служит своего рода испытанием для двух Ярославичей — самого Святослава и его брата Изяслава. Им обоим в разное время случается не выдержать это испытание: ср. «Изѧслав же иде в Лѧхы со имѣньє^м^ многым гл҃ѧ ꙗко симь налѣзу вои єже все взѧша Лѧхове ѹ него показавше ѥму путь ѿ себе» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 183 под 1073 г.]. Однако лишь Святослав Ярославич, в основном благодаря упоминанию в тексте иностранных послов, оказывается эксплицитно сопоставлен с прадедом Святославом Игоревичем.

14 Ср. описание двух конфликтов (между Олегом Святославичем-старшим и его родным братом Ярополком и между Олегом Святославичем-младшим и его кузеном Святополком Изяславичем). Параллелизм имен поддерживается тем, что обе ситуации характеризуются одной и той же формулой «бысть межю има ненависть» [Гиппиус 2002. С. 108].

должен быть подобием старшего. Можно было бы считать, что тот, кто не проходит теста на идентичность предку-тезке, плох уже по одному этому.

Тем не менее система наречения в честь предков и связанные с ней представления, по-видимому, были устроены несколько сложнее. Как кажется, для такого популярного в разных ветвях династии имени, как *Святослав*, существовала не одна линия предков, с которыми каждый следующий Рюрикович мог быть сопоставлен. При определении, является ли этот нынешний Святослав — истинным *Святославом*, могла актуализироваться семантика имени, разумеется, переосмысленная в христианскую эпоху.

Хорошо известно, что основа *–свят* появляется на русской почве еще во времена язычества, и лишь позднее она стала соотноситься с концептом христианской святости. Немаловажно, однако, что именование Святослава Ярославича, который, вне всякого сомнения, был христианином, в известных нам текстах с этим концептом никак зримо не соотносится. На наш взгляд, дело здесь не в сознательно негативной оценке этого князя в источниках, а в том специфическом нейтралитете в отношении семантики и этимологии имен, который зачастую проявляет традиция. В данном случае, *Святослав* — это лишь имя предка, подобающее князю. Его значение специальным образом никак не выделено, как не выделено значения имен и у многих его потомков, так же именовавшихся *Святославами*. Тем не менее весьма сильна была и тенденция, позволяющая актуализировать семантику славянских двусоставных имен, и без того прозрачную для носителя языка. В книжной традиции было возможным и раскрытие значений некоторых христианских, греческих по происхождению имен [15].

Так, применительно к князю Андрею Боголюбскому, который в летописи фигурирует исключительно под своим христианским именем, в похвальном слове употребляется выражение «...кнѧже Андрѣю мужьству тѣзоимените» [16]. Не исключено, что семантика имени определила высказывание летописца, связанное с юностью этого князя:

«...зане <u>мужьскы</u> створи паче всѣ^х^ бывши^х^ ту» [17].

---

15 Наиболее известный пример такого рода, не имеющий прямого отношения к дому Рюриковичей, связан с провидческим выбором имени для Феодосия Печерского: «родиста же блж҃енаго дѣтища сего таче въ осмыи д҃нь принесоста и къ ст҃лю б҃жию ꙗко же обычаи ѥсть крьстиꙗномъ да имꙗ дѣтищю нарекоуть прозвутеръ же видѣвъ дѣща и ср҃дьчьныма очима прозьрꙗ ѥже о немь ꙗко хощеть из млада богоу дати сѧ ѳеѡдосиѥмь того нарицають» [УС. С. 73].

16 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 584]. Ср. об этом примере также: [Ромодановская 1999. С. 4].

17 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 325 под 1149 г.]. В этом эпизоде с Андреем Боголюбским есть замечательное по своей выразительности описание гибели и погребения коня юного князя. Раненый конь вынес раненого Андрея с поля битвы и тем самым спас его от неминуемой гибели, погибнув сам: «кон[ь] же ѥго ꙗзвенъ велми оунесъ г^с^на своѥго и оумре». Андрей велел похоронить его над рекой, «жалуꙗ комоньства ѥго».

Славянская основа *–свят*, как уже говорилось, в христианскую эпоху давала богатый материал для подобного рода актуализаций семантики. Такая актуализация могла проявляться, в частности, в словесной игре, изменяющей всем известное имя князя на противоположное. Имя Святослава Ярославича как таковое в известных нам памятниках не подвергается подобному обыгрыванию. Зато в качестве патронима оно могло вполне трансформироваться в источниках. Так знаменитый сын Святослава Ярославича, Олег Черниговский, в «Слове о полку Игореве» назван Олегом Гориславичем (ср. табл. № 1 к настоящему экскурсу)[18]. Другое княжеское имя, также включающее основу *–свят*, может обыгрываться в паремийных чтениях Борису и Глебу. В одном из эпизодов св. Глеб противопоставлен здесь *Поганополку* — так называется в этом круге памятников князь Святополк Окаянный, убийца Бориса и Глеба[19].

Актуализация значения основы *–свят*, по-видимому, формирует свою особую линию в родовых представлениях о том, каким должен быть князь по имени *Святослав*. В этом отношении замечательна летописная характеристика одного из братьев Андрея Боголюбского, с точки зрения властных прав, видимо, самого незначительного, попросту никогда никакими княжескими правами не обладавшего (ср. табл. № 1 к настоящему экскурсу). Его летописный некролог выглядит следующим образом:

По-видимому, слово «комонь» регулярно употребляется в памятниках в значении ‘боевой конь’, ‘конь воина’. «Комоньство» здесь оказывается проявлением высшей степени качеств, которыми должен обладать конь воина. Таким образом, мужи отца хвалят молодого Андрея (‘мужественный’) за высшее проявление качеств, необходимых князю-воину, а Андрей воздает хвалу боевому коню за высшее проявление, так сказать, «конского мужества».

18 Подробнее о функциях основы *гори–* (*горе–*) в антропонимах и топонимах древнерусских текстов см.: подробнее Экскурс № 3, с. 350–353.

19 По-видимому, в летописи есть случай, когда обыгрывается семантика другого элемента имени *Святополк*. Речь на этот раз идет не о Святополке Окаянном, а о Святополке Изяславиче и его двоюродном брате Владимире Всеволодиче. Летописец, по всей видимости, обыгрывает противопоставленность семантики вторых основ из их княжеских имен. Согласно летописям, Владимир Мономах приходит к Святополку в Киев, они встречаются у церкви св. Михаила, кузены мирятся и «мужи смыслении» советуют им отложить на время выяснение отношений и немедленно пойти «противу поганым любо с миромъ любо ратью Володимеръ хотѧше мира Ст҃ополкъ же хотѧше рати» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 219 под 1093 г.; Т. II. Стб. 210]. Вполне определенный исторический эпизод благодаря этому выражению описывается таким образом, что Владимир становится воплощением мира, тогда как Святополк, в полном соответствии с семантикой своего имени, воплощением рати, войны (ср. [Сендерович 2000. С. 485]). Не исключено, что милитарная семантика имени *Святополк* использовалась и гораздо раньше, теми, кто выбирал для него крестильное имя и небесного покровителя, — он был наречен, как известно, в честь архистратига Михаила, предводителя небесного воинства.

«Престависѧ блг҃овѣрныи кнѧзь Ст҃ославъ Юргевичь мцѧ генварѧ въ аі҃ дн҃ь Се же кнѧзь избраникъ Бж҃ии бѣ ѿ ржчства и до свершеньꙗ мужьства бы҃ ѥму болесть зла єꙗже болѣзни просѧхуть на сѧ ст҃ии апчли и ст҃ии ѡц҃и оу Ба҃ кто бо постражеть болѣзнью тою ꙗкоже книгы гл҃ють тѣло ѥго мучитсѧ а дш҃а ѥго спс҃аєтсѧ тако* и тъ во истину ст҃ыи Ст҃ославъ Бж҃ии оугодникъ избраныи въ всѣх кнѧзехъ не да бо ѥму Бъ҃ кнѧжити на земли но да ѥму црчство нбчноє и по оуспеньи ѥго положено бы҃ ѥго тѣло в цр҃кви ст҃ыꙗ Бц҃а Суждали»[20].

В Ипатьевской летописи сказано, что в этой церкви его положил брат Андрей. Характерно, что про этого князя сказано:

«...и тъ во истину ст҃ыи Ст҃ославъ Бж҃ии оугодникъ».

Такое выражение может говорить о своеобразной заявке на будущее прославление и канонизацию, но в еще большей и очевидной мере оно свидетельствует о полном, с точки зрения летописца, соответствии князя своему имени. Что же, однако, позволяет нам говорить о целой родовой традиции «святых» Святославов?

Здесь необходимо упомянуть об еще одном *Святославе*, чье именование, явным образом, актуализировалось в связи событиями его жизни. Речь идет о князе Святославе Давыдовиче, родном внуке Святослава Ярославича. Свое родовое княжеское имя этот князь со всей очевидностью унаследовал от деда. Преемственность по отношению к Святославу Ярославичу подчеркивается в летописном свидетельстве о его пострижении, где он назван сыном Давыда и внуком Святослава[21]. В предшествующих летописных сообщениях этот князь именуется *Святошей*:

«...Ст҃оша сн҃ъ Дв҃довъ Ст҃ославича»[22].

Само по себе летописное именование князя дает нам ценный материал для истории антропонимики в домонгольской Руси, поскольку перед нами один из немногих случаев, когда один и тот же человек, в пределах одного текста, назван как полным именем (*Святослав*), так и уменьшительным именем (*Святоша*)[23].

Причины появления имени *Святоша* в летописи могут быть различными. Не исключено, что эта форма, после его пострижения ставшая своеобразным эпитетом или прозвищем (см. ниже), задним числом переносится и на те времена, когда этот князь еще жил в миру и участвовал в междоусобных войнах.

---

20 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 365–366].

21 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 281].

22 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 270].

23 Примеры подобного именования князей в летописях встречаются (ср., например, *Володьша*), при этом о таких именах не всегда с уверенностью можно сказать, к каким полным формам они восходят.

Более вероятно, однако, что этого князя звали *Святошей* изначально, поскольку свежа была память о его знаменитом деде, и имя этого деда регулярно упоминалось при имени самого молодого князя. Гипокористическое образование могло означать 'младший из двух тезок в ветви рода, маленькое подобие деда'.

Что же касается Святоши, то, если наше последнее предположение верно, уменьшительное имя, которое он носил с юности, замечательным образом, «подошло» к избранному им монашескому пути. В посвященном ему слове Киево-Печерского патерика Святослав Давыдович зовется именно *Святошей*, его христианское имя *Николай* (полученное в крещении? при постриге?)[24] упоминается лишь в одном эпизоде, что не совсем обычно для текста такого рода.

Форма *Святоша* становится для этого князя неофициальным заменителем монашеского имени, прозвищем и характеристикой одновременно, что происходит, разумеется, благодаря ее семантике. Любопытно, что в «Слове» из патерика происходит сопоставление князя с его ближайшими предками — отцом и дедом-тезкой. Это сопоставление основано на контрастах, и в заслугу Святославу вменяется несходство со своим предком-тезкой:

«Кий убо князь се сътвори? Или блаженный отець твой Давидъ, или дѣдъ твой Святославъ?»[25].

Подобное вопрошание в патерике вполне, так сказать, симметрично цитировавшемуся летописному именованию Святослава с отчеством и «дедчеством». С одной стороны, оно подчеркивает связь князя, хотя бы и принявшего постриг с родовыми образцами, с другой стороны, демонстрирует его противопоставленность этим образцам, его превосходство над ними. При этом, с точки зрения родовой перспективы, Никола-Святоша, как уже говорилось, задает новый образец не только достойного князя, но и достойного *Святослава*[26]. Тема собственной болезни князя и его целительства, включая

---

24 См. [КПП. С. 83, 86]. Строго говоря, мы не знаем, насколько обязательной была на Руси в XI — первой половине XII в. перемена христианского имени при постриге. Не исключено, что *Николаем* Святослав Давыдович был назван в крещении. Возможно также, что с дедом у него совпадало не только княжье, но и крестильное имя. См. подробнее: [Зотов 1892. С. 24, 33; Янин 1970. Т. I. С. 34; Назаренко 2001. С. 593–594].

25 См. [КПП. С. 84].

26 В настоящей работе мы не рассматриваем специально вопрос о том, когда именно предание о Николе-Святоше складывается в том виде, в каком мы обнаруживаем его в дошедших до нас редакциях Киево-Печерского патерика. Самый факт пострижения этого князя в 1107 г. сомнения не вызывает [ПСРЛ. Т. I. Стб. 281]. Не вызывает сомнений и его продолжительная жизнь (ок. 40 лет) в Киево-Печерском монастыре и тот авторитет, которым он пользовался среди князей-родичей (ср. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 312 под 1142 г.]). Хронологические данные патерика и летописи о времени жизни этого князя в монастыре приблизительно совпадают. Рассказ о его жизни в той или иной форме, очевидно,

замечательный эпизод, когда он силой веры исцеляет своего врача, явным образом перекликается с основной темой похвального слова Святославу Юрьевичу в летописи.

Еще одним, не менее важным мотивом, объединяющим оба этих текста, служит упоминание о величии князя, отказавшегося от земной власти или не принимавшего ее с самого начала. Замечательно, однако, что пренебрежение к мирским благам у князя Святослава Давыдовича выражено формулой, довольно близкой к той, которую мы видели в рассказе о Святославе Ярославиче, его деде:

«...оставивъ княжение, славу и честь, богатьство же и слугы и весь дворъ ни во что же вмѣни...»[27]; ср.: «...ѡни же видѣвше бещисленоє множьство злато и сребро и паволокы и рѣша се ни въ чтоже ѥсть»[28].

В данном случае речь, на наш взгляд, не идет о прямой реминисценции, о прямом обращении автора «Слова», характеризующего внука, к летопис-

был известен всей семье Рюриковичей. Образ князя, который еще довольно молодым человеком по собственной воле оставляет власть, безусловно, становится одним из самых ярких в родовой истории. С другой стороны, к XIII в., ко времени сложения основной редакции патерика, в истории Рюриковичей происходит немало событий, так или иначе связанных с принятием пострига. В частности, именно к этому времени в княжеских семьях складывается обычай принимать постриг при тяжелой болезни, предвещающей скорую кончину (достаточно упомянуть здесь пострижение Ростислава Мстиславича Смоленского или Марии, жены Всеволода Большое Гнездо). Иными словами, за столетие поступок Николы-Святоши успевает приобрести характер образцового, поэтому приписываемая ему в похвальном слове речь — «Аще же ни единъ князь сего не сътворилъ прежде мене, предвождай да авляюся имъ: яко же ли поревнуеть сему, и да въслѣдуеть сему и мнѣ» — может рассматриваться в тексте патерика как своеобразное пророчество, обращенное назад, т. е. пророчество, заведомо сбывшееся. При этом Святослав Юрьевич явно включен в ряд подобий Святослава Давыдовича, хотя он, судя по всему, не принимал пострига. Он рассматривается как подобие своего родича не в последнюю очередь потому, что является его тезкой. Может показаться, что родство между Святославом Давыдовичем и Святославом Юрьевичем было достаточно отдаленным, однако это не могло, по-видимому, служить препятствием у Рюриковичей для наречения в честь предков, особо отмеченных церковью. Не исключено, что выбор имени для Святослава Юрьевича, который, судя по тексту летописи, был болен от рождения, изначально и был обусловлен его сопоставлением с отказавшимся от княжения князем Святошей. Весьма вероятно также, что почитание двух этих тёзок, Святослава Давыдовича и Святослава Юрьевича, сыграло роль при наречении еще одного Рюриковича — Святослава, сына Всеволода Большое Гнездо (см. табл. № 3 к настоящему экскурсу). Святослав Всеволодич приходился Святославу Юрьевичу родным племянником. Существенно, что духовником его матери, княгини Марии Всеволожей, был с какого-то времени не кто иной, как епископ Симон, являющийся автором дошедшей до нас версии жития Николы-Святоши в составе Киево-Печерского патерика.

27 См. [КПП. С. 183].

28 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 198].

ной характеристике деда. Скорее, мы имеем дело с различной репрезентацией общей формулы для характеристики хорошего / плохого князя. Предельно обобщенно эта формула выглядит следующим образом: князь пренебрегает имуществом (охотно жертвует им, невысоко ценит) ради каких-либо иных благ. До определенного времени эта формула воплощалась, видимо, в многочисленных вариантах, связанных с пренебрежением золотом, серебром, тканями и прочим нажитым имуществом ради щедрости к дружине (любви к оружию). Как уже упоминалось, подобные версии использовались в характеристике Святослава Игоревича, Владимира Святославича[29], Мстислава Владимировича[30], Изяслава и Святослава Ярославичей, причем двое последних охарактеризованы при помощи этой формулы негативно (ср. табл. № 1 к настоящему экскурсу).

Существенно, однако, что интересующая нас похвальная формула, где речь идет о щедрости князя и о пренебрежении «движимым, нажитым имуществом», обладает способностью к расширению и способность эта проявляется довольно рано. Объектом щедрости князя может становиться не только дружина, но и церковь, а щедрость и нестяжательство легко трансформируются в христианскую добродетель. Достаточно упомянуть в этой связи похвалу Владимиру Святому. С одной стороны, эта похвала, безусловно, содержит традиционную формулу, характеризующую любовь князя к дружине («...Володимеръ повелѣ исковати лжицѣ сребрены ꙗсти дружинѣ реч сице ꙗко сребромь и златом не имам налѣсти дружины а дружиною налѣзу сребро и злато...»). При этом — что еще более существенно — в уста князя вкладываются слова о родовой, княжеской природе этой добродетели («ꙗкоже дѣдъ мои и ѡц҃ь мои доискаса дружиною злата и сребра»).

Немаловажно вместе с тем и то обстоятельство, что формульное описание щедрости князя к дружине встроено в рассказ о княжеской щедрости Владимира вообще, вернее, в рассказ о строительстве им церкви, о придании этой церкви десятины, а также о многочисленных милостынях, раздаваемых князем. Как известно, этот многократно исследованный текст посвящен в основном рассказу об установлении при дворе князя новых христианских обычаев. Существенно, однако, что едва ли не важнейшей княжеской добродетелью остается щедрость и что традиционная щедрость князя к дружине и пренебрежение к золоту и серебру не может быть не упомянута. При этом мы имеем дело не с механическим соединением «нового» и «старого», традиционных добродетелей князя и христианских, но одни варианты формулы в данном случае вполне органично вырастают из других.

---

29 «...Володимеръ повелѣ исковати лжицѣ сребрены ꙗсти дружинѣ реч сице ꙗко сребромь и златом не имам налѣсти дружины а дружиною налѣзу сребро и злато ꙗкоже дѣдъ мои и ѡц҃ь мои доискаса дружиною злата и сребра бѣ бо Володимеръ люба дружину и с ними думаꙗ ѡ строи земленѣм и ѡ ратехъ и [о] оуставѣ земленѣм» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 126 под 996 г.].

30 О характеристике Мстислава см. ниже.

Топос «нестяжательства», раздачи имущества, разумеется, прекрасно вписывается в новый, христианский контекст[31]. Таким образом, формульное описание христианских добродетелей князя в своей первой части тематически совпадает со старой версией описания его добродетелей. Изменяется лишь авторитетный источник, к которому эта первая часть формулы апеллирует. Коль скоро речь идет о князе-христианине, то в качестве образца для его щедрости указываются соответствующие евангельские изречения:

«...бѣ бо любѧ словеса книжнаꙗ слыша бо ѥдиною єгуальє чтомо блжни млствии ꙗко ти помиловани будет и пакы продаите имѣньꙗ вша и дадите нищим и пакы не скрываите собѣ скровищь на земли идеже тлѧ тлить и татьє подъкоповаю но скрываите собѣ скровище нбсѣх идеже ни тлѧ тлить ни татьє крадуть...»[32].

Изменяется, таким образом, лишь вторая часть формульной похвалы князю, в которой указывается «объект» его щедрости. Весьма существенно, что обе версии формулы строятся на антитезе[33].

Как кажется, к концу XII в. интересующая нас форма «нестяжательства» все более связывается с христианской перспективой, тема раздачи богатств

---

31 Необходимо отметить, что формульная похвала щедрости, как правило, упоминает о том, что князь раздает лишь определенные части своего достояния, но отнюдь не достояние рода, не наследственные земли. Отношения князя к своей земле и живущим на ней людям подпадает под совсем иные формульные описания, где задействуется антитеза 'свое' ('доброе', 'послушное') — 'чужое' ('злое', 'непокорное'). Так, по всей видимости, князь Святослав Игоревич объявляется в летописи несоответствующим тому эталону княжеской добродетели, который выражается этой антитезой: «...ты кнѧже чюжеꙗ земли ищеши и блюдеши а своєꙗ сѧ ѡхабивъ» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 67 под 968 г.].

Князь, согласно формульному стереотипу, не должен полностью пренебрегать имуществом, ему следует поступать так, только сделавшись иноком, т. е. отказавшись от княжества, как в свое время это сделал Никола-Святоша. Характерно, что в летописном рассказе о Святославе Игоревиче, где задается целый ряд формул, используемых в дальнейшем, представлен своеобразный этикетный список элементов, из которого состоит «движимое» имущество: «Реч Стославъ къ мтри своєи и къ боларомъ своимъ не любо ми єсть в Києвѣ быти хочю жити с Переꙗславци в Дунаи ꙗко то єсть середа в земли моєи ꙗко ту вс блгаꙗ сходатсѧ ѿ Грекъ злато паволоки вина [и] ѡвощеве розноличныꙗ и-Щехъ же из Урогъ сребро и комони из Руси же скора и воскъ медъ и челаи» [ПСРЛ. Т. I. Стб. 67 под 969 г.]. Любопытно, однако, что по летописи удобства получения всех этих богатств побуждают князя оставить родовой Киев ради завоеванного Переяславца, т. е. нарушить предписываемую князю верность наследственной земле и интересам живущих на ней людей.

32 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 125].

33 Не исключено, что традиционная формула похвалы князя-военачальника, построенная на противопоставлении накопления богатств и щедрости к дружине, тем или иным образом связана со скандинавской традицией похвальных формул (о них см. подробнее: [Ф.Б. Успенский 2004б]).

дружине несколько отходит в похвалах князю на второй план. В этом отношении определенным анахронизмом выглядит развертывание этой формулы в летописном некрологе князю Мстиславу Ростиславичу Храброму, где превозносятся как его забота о церквях и монастырях, так и его щедрость к дружине (ср. табл. № 1 к настоящему экскурсу). Вероятно, такое возрождение приема двойной похвалы связано с тем, что этот князь мыслится как воплощение своих предков, живших в X — XI вв. Речь, произносимая этим князем перед битвой, явным образом, соотносится с речью Святослава Игоревича[34]. Что еще более существенно для нас, описание внешности Мстислава Ростиславича столь же явно ориентировано на летописный портрет его тезки, Мстислава Владимировича Тмутараканского, чья щедрость к дружине также специально подчеркивалась в летописи с помощью традиционной формулы[35].

В некрологе Мстиславу Ростиславичу актуализируется то обстоятельство, что он назван в честь деда, Мстислава Владимировича Великого. Вместе с тем самый текст некролога подчеркивает связь рано умершего князя и с другими, более древними родичами-тезками, в первую очередь, как мы видели, с самым знаменитым из них — с Мстиславом Владимировичем Тмутараканским[36]. Не исключено, что определенное значение для составителя некролога имело и то обстоятельство, что у того предка, в честь которого был назван Мстислав Храбрый, и у его более отдаленного старшего родича-тезки совпадали не только имена, но и отчества — оба были *Мстиславами Владимировичами.*

Итак, имя князя могло служить своеобразной формулой, связывающей его с предками, определяющей его династическую и индивидуальную судьбу, причем в таком качестве оно, по-видимому, фигурировало как в реальной

---

34 Ср. «...и тако молваше дроужинѣ своеи братьꙗ ничто же имете во оумѣ своеᵐ аще нынѣ оумремъ за хрᶜтьꙗны то ѡчистивсѧ грѣховъ своих и Бъ вмѣнить кровь нашю с мчнкы аже ли Бъ дасть млᶜть свою а слава Боу мы бо аще нынѣ оумремъ оумрем же всѧко и тако молвѧ дѣрзость подаваше воеѥ своим» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 611 под 1179 г.].

35 О Мстиславе Тмутараканском сказано: «...бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ чермьномь лицемь великома ѡчима храбръ на рати и млᶜтвъ и любѧше дружину по велику а имѣниꙗ не щадѧще ни питьꙗ ни ꙗдениꙗ не бранѧше» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 138].

В свою очередь, о Мстиславе Ростиславиче в летописи говорится: «Сии же блговѣрнии кнзь Мьстиславъ снъ Ростиславль възрадстомъ середнии бѣ и лицемь лѣпъ и всею добродѣтелью оукраше и блгонравенъ и любовь имѧше ко всимъ паче же млᶜтни прилежаше манастырѣ набдѧ чѣрньцѣ оутѣшиваꙗ и всѣ игоумены оутѣшиваꙗ <...> бѣ бо крѣпокъ на рати <...> бѣ бо любезнивъ на дроужиноу и имѣниꙗ не щадѧшеть и не сбирашеть злата ни сребра но даꙗше дроужинѣ своеи» [ПСРЛ. Т. II. Стб. 610–611].

36 Не исключено, что некоторую роль здесь сыграл, помимо всего прочего, и летописный рассказ о смерти старшего из тезок. Согласно этому тексту, Мстислав Тмутараканский, как и его потомок, умирает довольно молодым от внезапной и недолгой болезни.

родовой практике, так и в литературных текстах. Имя отчасти оказывалось одним из средств описания князя в ряду других подобных же средств. Стереотипизированность, формульность литературных средств, вообще обычная для средневековых текстов, в летописных рассказах о князьях Рюриковичах имела, по-видимому, и особые дополнительные функции. Единство принципов описания подчеркивало единство рода. Сходство между Рюриковичами делало обоснованной преемственность властных привилегий. Гибкость же и вариабельность формул превращают их в эффективное средство осмысления действительности, в способ описания реальных людей и конкретных событий. Совпадение имен, наличие у князей родичей-тёзок позволяет выстраивать особые линии преемственности в этой довольно сложной системе описаний. Такая преемственность была естественна и прозрачна для человека, жившего в родовом мире, где и с приходом христианства потомок не перестает ощущаться как воплощение одноименного предка.

ТАБЛИЦА № 1

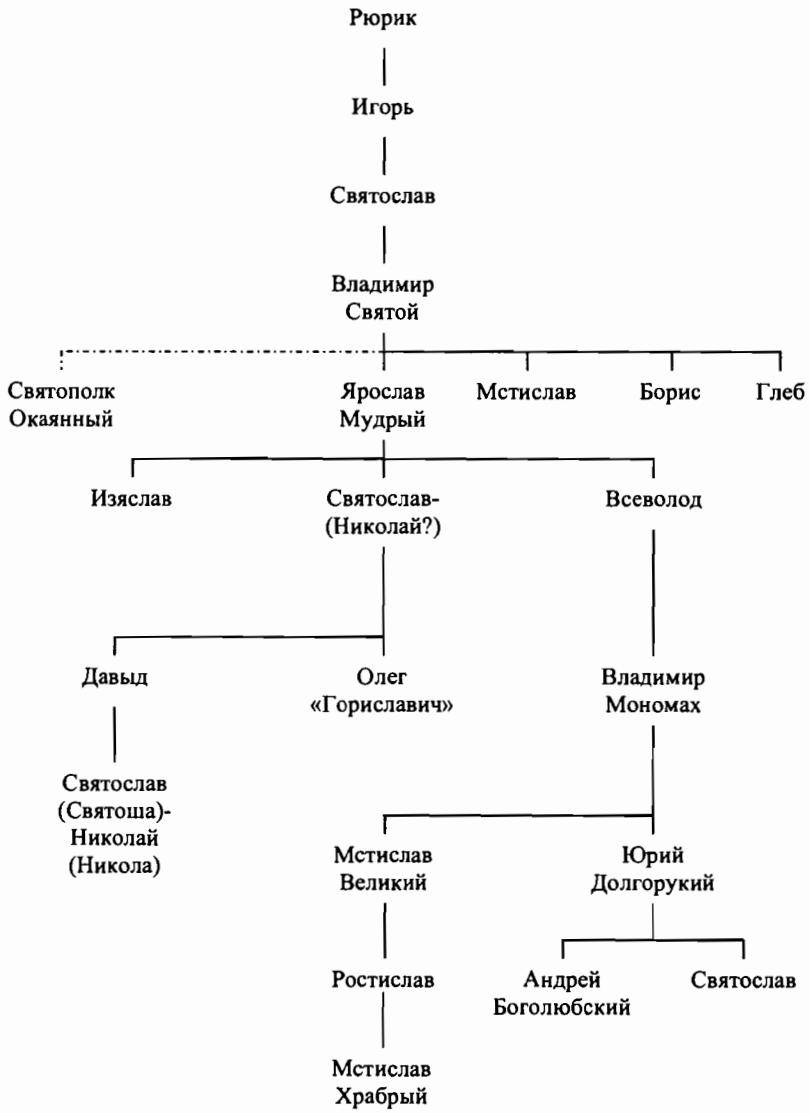

Рюрик
Игорь
Святослав
Владимир Святой
Святополк Окаянный
Ярослав Мудрый
Мстислав
Борис
Глеб
Изяслав
Святослав-(Николай?)
Всеволод
Давыд
Олег «Гориславич»
Владимир Мономах
Святослав (Святоша)-Николай (Никола)
Мстислав Великий
Юрий Долгорукий
Ростислав
Андрей Боголюбский
Святослав
Мстислав Храбрый

ТАБЛИЦА № 2

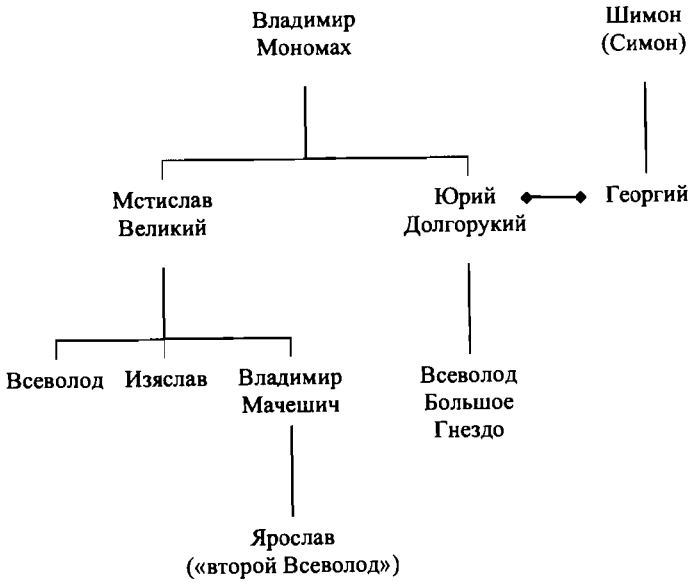
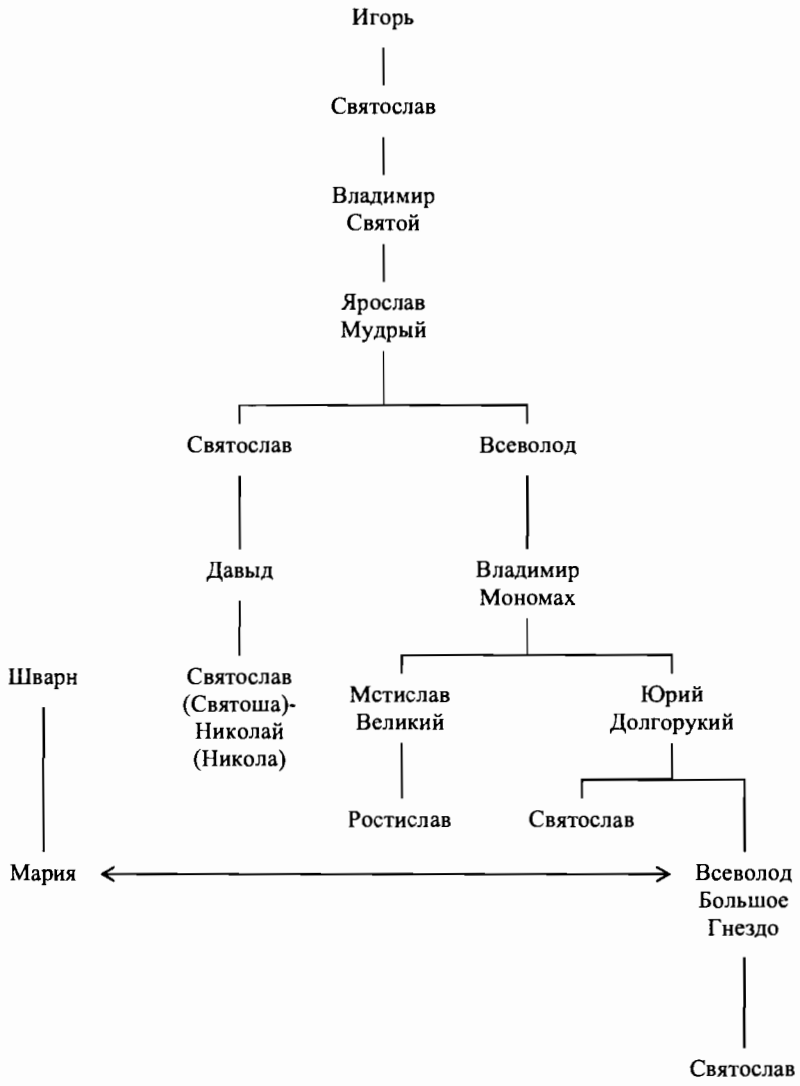

Владимир Мономах
Шимон (Симон)
Мстислав Великий
Юрий Долгорукий
Георгий
Всеволод
Изяслав
Владимир Мачешич
Всеволод Большое Гнездо
Ярослав («второй Всеволод»)

ТАБЛИЦА № 3


Игорь
Святослав
Владимир Святой
Ярослав Мудрый
Святослав
Всеволод
Давыд
Владимир Мономах
Шварн
Святослав (Святоша)-Николай (Никола)
Мстислав Великий
Юрий Долгорукий
Ростислав
Святослав
Мария
Всеволод Большое Гнездо
Святослав

SUMMARY

A brief survey of the anthroponymic situation in the dynasty of Rurikids

In Rus' and Scandinavia, the countries which took longer to embrace Christianity, during the first ages after conversion, the assimilation of Christian names proceeded in different manners. Naturally, with Christianity a great number of new names were brought about. The Church, apparently, was making every effort to make them widespread, so that all the new-baptized were named properly as Christians should be named. However, in Rus', Scandinavia, and other countries converted in X — XI centuries, the gradual adoption of Christian names at first did not have baneful, destructive character with respect to the pagan tradition of name giving. The pagan, traditional corpus of names showed an extreme viability, and name giving remained one of the most stable, conservative spheres of culture.

The original non-Christian name established the connections of its holder with his family, his past, present and future. The Christian name, though wholly supported by the Church, for a rather long period remained just a word without additional meanings and connections. This situation could lead to double-name system, the system where each person bore a traditional family name that had nothing to do with Christianity, and a Christian name given in baptism.

Perhaps, most completely these two name corpuses, pagan and Christian, can be seen in the usage by the dynasty that had ruled in Rus'. The choice of name for any person is of great significance in all traditions. But if the name must be chosen for the prince, for the future ruler, then, his naming is a most important event in the life of the dynasty, and, sometimes, in the life of the country where the dynasty is ruling. The names of the royal heir determined his place in the dynasty, those power privileges he could hope for according to the expectations of his parents. Choosing the name, the princes always actualized the history of the family, planned future alliances, and sometimes made the first steps to the future wars. The history of name giving is, in some sense, the most concise and concentrated history of the dynasty.

In the pre-Mongolian time in Rus', the secular princely names were, apparently, most often used, such as *Swyatoslav*, *Vladimir*, *Vsevolod*, *Mstislav*, *Yaropolk*, *Igor*, etc. The corpus of names of the Rurikids dynasty was most conservative: new names penetrated it with difficulty; the majority of names in the growing

prince family were repeated, inherited from the previous generations. The repetition of names, name continuity, that are generally typical of the family world, in this case also personified the idea of inherited power, ancestral rights to princedom, to land.

The heir of the dynasty had to bear the name of some ancestor, the family tradition being rather indifferent to the ethnic or linguistic origin of the chosen name. For example, by the middle of the XI century *Igor* of Scandinavian origin (from *Ingvarr*) and the Slavonic *Swyatoslav* were equally suitable for heirs of the prince families, as by that time there had been Rurikids, holders of these names. The name for a prince's son was chosen according to certain principles.

Undoubtedly, we are not in all cases aware of the reasons for naming the prince by this or that name, but the study of the whole corpus of names allows to reconstruct, to "guess" these reasons. The princely family names presented, though rather complicated, but harmonious and well-organized system. One of the most important principles was naming in honor of some deceased ancestor. If the name had to be chosen for a boy, the names of the ancestors by the male line were obviously preferred. The eldest son of Mstislav the Great was named *Vsevolod* after Vsevolod Yaroslavich, the prince of Kiev and great-grandfather of the new born boy. Why was he named after his great-grandfather and not after his own grandfather, for example? The answer to this question is very simple. By the time when the little prince was born his grandfather was alive, hence, his name was, so to say, "occupied".

The second son of Mstislav the Great got the name *Izyaslav* after his own uncle who had perished being very young in the feud between princes. The name of the grandfather, *Vladimir* was given only to the youngest son of Mstislav the Great. He was much younger than his brothers and was born two or three years after his grandfather Vladimir Monomach had died leaving the Kiev princedom to the father of the child, Mstislav the Great. The princely family tradition somehow tried not to leave "vacant" names, like the thrones of the princes that were never left unoccupied.

In general, the process of name giving was closely connected with the strategies of power. The choice of the "prototype"-ancestor, after which the new born was called, depended on the place in the princely hierarchy that the relatives were planning for the child. It was not by chance that Mstislav's eldest son got the name of his great-grandfather, the most respected of his deceased ancestors; and the minor heirs got the names of other ancestors, the Rurikids, whom they might succeed in the future. The name for the child was chosen, as a rule, by the father or grandfather, i.e., by the oldest living ancestor by the male line. Usually it was the name, as it has been already mentioned, of some dead ancestor; at least, there was a strict prohibition for the name of the living father or grandfather. Thus, a strong chain of continuity was created where all the members of the family, living and deceased, had their own roles.

In some cases the child could for some reason get the name from his mother's family. However, if it was the male off-spring, most probably, it was an additional,

family name. For example, Mstislav the Great figured in the Icelandic sagas under the name *Harald*. The matter is, he was not only the son of Vladimir Monomach and great-grandson of Yaroslav the Wise, but by his mother's line he belonged to the no less noble Anglo-Saxon family. Moreover, the famous king Harald Godwinson, who perished in the battle at Hastings, the last English ruler defeated by the Northmen, was the grandfather of the Russian prince Mstislav. Harald's daughter, Gida, while living in exile, is known to get married to Vladimir Monomach and go to Rus' with him.

Besides, Mstislav was known to be married to a Swedish princess. For her the name *Harald*, Scandinavian by origin, was familiar and usual. However, neither this name itself, nor the Western cultural orientation was directly explicated in Russian sources. The additional name of the prince, *Harald*, was not mentioned there at all, in Rus' this eldest son of Vladimir Monomach was known as *Mstislav* or, in some special situations, as *Fjodor*, (that is his baptismal name).

In other words, the name of the prince's son was taken from his father's family, while the name from the mother's family was usually the minor one. This was the case not only in the connections with the Western world, but also in those with the world of the nomadic East. For example, the famous Yurij Dolgorukij (Yurij Longarmed) was married to a Polovtsian princess, and his son, Andrey Bogoljubskij, who was, hence, half-Polovtsian, according to some data, bore an additional name *Kitaj*.

The importance of the principle of naming after a deceased ancestor for the enormous Rurikids' family cannot be overestimated. This principle was extremely important for the ancestral world in general, but in the princely family it acquired special meaning. The coincidence of the name of the young ruler with that of his deceased ancestor, who had ruled in the same princedom, meant, first of all, his legitimate rights to power. To be the living image of his grandfather or great-grandfather meant to be his legitimate successor, the heir of his princely rights. Such attitude to the structure of the princely power is one of the main bases of the choice of names in any ruling dynasty.

However, the exact coincidence of the name of the prince with the name of his deceased grandfather, undoubtedly, was not the only mechanism of establishing family continuity. In the name giving of the dynasty of Rurikids, other means were actively used, for example, the principle of varying the family name. This principle, well described on the basis of the Germanic two-element names, means that names of the children repeat certain elements or the stem of the names of the parents.

It is known, for example, that the Gothic king *Theodemir* called his sons *Theoderich* and *Theodemund*, and his daughter got the name *Amalfreda*. In his turn, his son *Theoderich* called his daughters *Theodegoto*, *Ostrogoto* and *Amalasuntha*, while his sister Amalfreda called her children *Amalaberga* and *Theodehat*. Finally, Theodehat chose for his sons the names *Theodegisl* and *Theodenantis*.

However, the Germanic do not only repeat one of the stems of the name. The names of children and their parents are often connected by an alliteration. In general, the consonance of the names of children with the name of the father is a universal phenomenon for the peoples that like Scandinavians and the Russian, have patronymics. Until the patronymic exists, there is some trend to maintain its harmony with the name. Certainly this harmony may be understood in very different ways, but even at present in Russia, in the choice of name for a child the parents take care that this name would match his or her patronymic.

Coming back to the principle of varying the family name, it should be noted that it was typical not only of the Germanic but also of the Russian, at least of the Russian princes. Taking into account their Varangian, i.e. Scandinavian origin and the whole history of contacts between the Germanic and Slavonic corpuses of names, an assumption may be advanced that the principle of varying the family name was borrowed by the Rurikids dynasty. In other words, in Rus' rather early appeared the holders of Germanic names, where the name of the son or daughter repeated one of the elements of the father's name. For example, the prince that ruled in Polotsk in the X century bore the name *Rogvolod*, which is reliably defined as Scandinavian *Ragnvaldr*. His daughter was called *Rogneda*, i.e., *Ragnheiðr*. This Rogneda later became the wife of Vladimir the Saint and started the main branch of the Rurikids dynasty.

It is significant which names were given to the sons of Rogneda and Vladimir Svyatoslavich. The majority of these names vary the name of their grandfather, i.e., contain one of the parts of the name *Svyatoslav*: *Mstislav*, *Izyaslav*, *Vysheslav*, and *Yaroslav*. However, in the name of another son, one of the elements of his father's name is obviously repeated: he was called *Vsevolod Volodimirich*.

The most interesting is the name of another relative of Volodimir the Saint — *Svyatopolk*, which reproduced both the first stem of his grandfather's name and the stem of the name *Yaropolk* (Yaropolk Svyatoslavich, Vladimir's elder brother). It should be mentioned that we are speaking of the so-called Svyatopolk the Wretched, Yaroslav's rival and the supposed murderer of the saint Boris and Gleb. The legend about his birth is well known. Svyatopolk's mother was the wife of Yaropolk Svyatoslavich but Volodimir, after killing his brother, had sexual intercourse with her when she was pregnant. It was stated in the chronicle that Vladimir did not like Svyatopolk because he was born "by two fathers, by Yaropolk and Vladimir".

It is significant that Svyatopolk was the only one of the children who got the name containing the element *–polk* i.e. obviously the name reproducing one of the stems of the name *Yaropolk*. Certainly this cannot be direct evidence of Yaropolk Svyatoslavich being his father, however, this naming adds something to the trustworthiness of the legend about his birth. The name of the new born child did not exactly reproduce the name of one of possible fathers but evidently actualized the connection with it. It should be noted, that naming after an uncle from the father's side was quite a usual practice (see below). As for this combination with the use one of the elements of the name of an older relative, this could reflect Vladimir's "doubt" that was mentioned in the chronicle and other sources. At the

same time, the first element of Svyatopolk's name demonstrated that he was at least a grandson of Svyatoslav Igorevich.

As we remember, there was a strict traditional prohibition of naming after a living direct ancestor (after the father, grandfather, and great-grandfather). Indeed, a direct and complete reproduction of the ancestor's name was originally connected with belief in the rebirth of the soul of the deceased in the named child. When the future heir is born and his father or grandfather is still alive, it is impossible to think that his soul could revive in the new-born. Nevertheless, the relatives try to foresee the situation when this child after his father's death becomes the head of the family, inherits the property and power. Then, it will be especially important that since his birth he has been a member of the family, the direct successor, "continuation" of his father. When the family name was varied, reproduced only in part, on the one hand, the prohibition of the direct repetition of the name of the living relative was observed; on the other hand, the continuity of the family rights was maintained.

Thus, we have given two important principles of the choice of name by Rurikids: the principle of the exact repetition of the name of the deceased ancestor and that of varying the family name. However, the system of name giving of the Rurikids, whose family was growing and multiplying in each generation, cannot be described basing exclusively on the vertical connections (i.e., connections directed from ancestors to off-springs). If the father who determined the dynastic perspectives of his child, by the moment of his birth held the absolute power, he had to take into account, to some extent, the existence of claims to power of all the living relatives of princely origin. The claims of his brothers, uncles of the supposed heir, were the most significant.

The concurrent claims of uncles and nephews, younger sons and elder grandsons, made the greater part of dynastic conflicts of the Medieval Europe. Certainly, distant relatives were often also involved in these conflicts. It happened frequently in the big Rurikids family where great-grandsons and great-great-grandsons of the same prince now and then were dividing the inheritance of the common ancestor. In a paradoxical way, the princely rights both disunite the family, i.e., cause the permanent struggle inside the family and, on the other hand, make "brothers" of all the numerous Rurikids who otherwise would have been much more separated from each other.

The dynastic pair 'uncle — nephew' presents the best model of the conflict of different approaches to the problem of succession to the throne, of different principles of dynasty organization. The act of naming a son is the expression of the ruler's will, a kind of "utterance" made by the prince, appealing to the contemporaries and grandsons. It is such "utterances" that, alongside with prince wills and other juridical texts, present the material that shows the attitudes to the succession to power.

The naming of a new-born son after his living uncle by the male line suggests the most ingenuous reaction to the current political situation. We would once more remind of the existing prohibition of giving the name of the living direct ancestor, first of all, of the own father or grandfather, the coincidence of names of distant

relatives in the Rurikids dynasty being not a rare occurrence. The figure of the uncle, in this respect, has a double-sided nature.

Indeed, on the one hand, the uncle was probably the closest blood relative by the male line after the father and grandfather, thus, if he was alive, the use of his name could be undesirable. At the same time, it was not, apparently, prohibited. The position of the uncle towards the children was double-sided by other reason. Actually, it was the uncle who in the case of death of his brother was the potential patron and protector of the orphaned nephews. Although, during all the pre-Mongolian history of the Rurikids, uncles from the father's side often became the natural enemies and rivals of the growing sons.

All the possible cases of the coincidence of names of the living uncle and nephew fit one of two schemes: the nephew is named after the living uncle or both are named after the same deceased ancestor. The first scheme (the nephew is called after his uncle) establishes a special connection of friendship and patronage between the senior and the younger relative. In realization of the second scheme (the uncle and the nephew are named after the same deceased ancestor) — we could speak rather of concurrent claims, of ousting the uncle out of the chain of the heirs of power.

If the eldest son, the main heir of his father, was the namesake of his living uncle, this meant that they were trying to force out the uncle to the periphery of the family. If one of the younger sons of the prince was called after his uncle, this most probably meant the wish to strengthen the alliance between the brothers, and later between the nephews and the uncle, to set the younger relatives under protection of the senior relative.

Sometimes, a special agreement was made between the brothers according to which the brother who outlived the other would take under his patronage (or in terms of that period, would adopt, make his own son) the nephew. There was such agreement concerning the sons between Mstislav the Great and his brother Yaropolk Vladimirovich, whom Mstislav left Kiev by testament after his death. The same agreement was made by Yurij Dolgorukij (Longarmed) and his brother Andrey the Good (Andrey Dobryj) who died early. It is significant that one of Mstislav's youngest sons was named *Yaropolk*, i.e., after his uncle, his future protector, and the third son of Yurij Dolgorukij got the name *Andrey*, also after his uncle with whom the agreement had been made. It should be noted this was Andrey-Kitaj Yuryevich, later famous as Andrey Bogolubskij.

On the other hand, we know many cases of lifelong severe competition for power between the namesakes — nephew and uncle, the competition established already at the nephew's naming. Such cases are numerous in the Chernigov branch of the dynasty, where the competition for the family inheritance was especially severe, respectively, the anthroponymic row was closely packed, there was struggle for the names of the great ancestors, such as *Svyatoslav* and *Oleg*. A crowd of *Svyatoslavs Ol'goviches* and *Olegs Svyatoslaviches* acting simultaneously on the historical arena in XII century could impress even the reader with only superficial knowledge of the history of the Chernigov princes.

Although the abundance of namesakes in the dynasty, striking for the modern reader, apparently, did not at all embarrass the princes. The repetition of the names of the deceased ancestors, varying of names and consonance, naming after a senior patron was used to ensure the legitimacy and continuity of power. The choice of name was always an effort to determine, to program the dynastic fate of the child. Naming the son, thus, was an utterance of the ruler appealed to the future. Each of these utterances, as it has been already said, was composed in accord with the laws of this peculiar language of names.

So far we have been discussing only non-Christian names of the Rurikids; they called them princely or secular names. As a rule, in the chronicles these secular names of the Russian princes of the X — XII centuries are mentioned most frequently (such as *Vladimir*, *Yaroslav*, *Vsevolod*, *Mstislav*, etc). However, a peculiar feature of the Russian corpus of names of that epoch is the double-name system. Each prince, beginning with Vladimir-Vasilij the Saint, who converted Rus', had a Christian name, as well. How was chosen the baptismal name for a prince's son? How many Christian names could he have? How the contact between the corpus of secular (i.e. non-calendric, non-Christian) names and that of the Christian names was realized in synchrony and diachronically: whether the choice of the Christian name for a prince was connected with the choice of the secular name, and by which ways were the Christian names gradually replacing the secular ones in the family name corpus in the course of its history?

We were speaking of secular dynastic names as of an independent closed system. Apparently, this was true for some time after conversion. Later, the choice of family name preserved some integrity, as well. All the above described principles were preserved at least, up to the second third of the XIII century. The circle of the dynastic names was especially stable, limited and conservative.

Nevertheless, this closed and conservative character should not be over-estimated. Still, in the dynasty new names could appear and the attitudes to the old ones could be changed. In the names, the history of the family was reflected, which as any history was rich in unexpected turns and collisions. For example, the founder of a new powerful branch of the dynasty could become not the eldest but one of the younger sons of the prince, shifting all accents of the princely hierarchy and altering the orientation of the family in the name-giving practice. The family could (as the closest Rurik's off-springs) change the "national coloring" of the names, switching from the exclusively Scandinavian to the predominantly Slavonic names. Certainly, such drastic changes in the dynastic name corpus occurred rarely. It took most significant events in the history of the ruling family for them to happen.

However, it should be noted, that the nature of the name itself is, in some sense, indifferent to the family tradition. No matter whether the name is Slavonic or Scandinavian, pagan or Christian, the name should relate to the already existing in the family "prototype", in some way connect with the relatives. In plain words, the family name should not necessarily be of the local autochthon origin, but it is necessary that it were the name of an ancestor (by the male line, or, in any case,

the name of an ancestor by the female line, or sworn brother or a legendary great-grandfather). It is for this reason that new, non-family names enter the dynastic tradition with great difficulty and their penetration to Rus' has a gradual character.

Facing the vast expansion of the Christian names, the princely tradition immediately worked out the "response strategy" of double-name system. Nevertheless, with time the Christian names are supplanted from the corpus of names of the dynasty. Here, the family tradition, in our opinion, does not disappear but changes. Many principles of name giving are preserved, but the names, the units of the name corpus, are gradually replaced by other ones. How did this substitution proceed and how the system of name giving was transformed?

As early as in the second half of the XI century there were princes that were mentioned in the chronicle exclusively under their Christian names. By the beginning of the XII century, the number of such members of the prince family increased, and by the middle of the XIII century their number was rather great. By the XV century old secular names were completely ousted from the use of the ruling family. What was the situation at the beginning of this process? Which Christian names were first to be used without the secular names in that period?

First of all these are *Vasil'ko*, *Roman*, and *Davyd*, i.e., Christian names of the saint brothers Boris-Roman and Gleb-David and of their father Vladimir-Vasilij the Saint. It is important that all these princes were famous as saints at that time. Thus, for the younger relatives their Christian names had already been the names of ancestors, the ancestors especially revered by the Church and subsequently canonized. Conventionally, the Christian name is introduced in the dynastic history by the following scheme: at first, some prince venerated by the Church bears the name as a second, baptismal one, then, his grandson gets it as the only one, because for him this name becomes both family and Christian name.

This concerned not only the names of the canonized princes. Rather soon, as the single name of a prince, other Christian names of the ancestors appear. Three such names were presented in the family of Vladimir Monomach, these names were held by his younger sons, i.e., apparently, all his sons of his second marriage. Why, then, we know well the secular names of Monomach's elder sons and only the Christian names of the younger sons are known? What made Vladimir-Vasilij Monomach name his children *Yurij*, *Roman*, and *Andrey*?

In order to approach the answer to this question, we must make a short digression. Vladimir Monomach in all things concerning name-giving, always singled out the figure of his grandfather Yaroslav the Wise. In his *Pouchenije* ("Precept") he especially underlined that his own name had been given to him by Yaroslav. However, as it may seem, no one of his children was named after the great-grandfather. Indeed, there was no name *Yaroslav* in Monomach's family. It may seem that Vladimir Monomach even did not give any of his children the name of his father *Vsevolod*, though the younger of them were born, undoubtedly, after Vsevolod's death.

However, really the names of the father and grandfather of Vladimir Monomach were present in his family. We must remember that the Christian name of Yaroslav the Wise was *Georgij*, and Vsevolod Yaroslavich got the name *Andrey* in baptism. Probably, for Vladimir Monomach his second marriage meant a new starting-point in his name-giving strategy. The opposition between the ruler's children born by different marriages is a trivial thing in the medieval history. Having adult sons of his first marriage and no intention to deprive them of the family rights, Vladimir, apparently, wanted to give the same rights to his children of the second marriage. The secular names of his elder children unambiguously marked their high positions in the system of family relation. One could ensure such a high position in the family for his younger off-springs only by applying some different approach to the choice of names. The names should be taken of the set of the family names with the easily recognizable prototypes.

Vladimir Monomach gave his elder son from the second marriage the name *Yurij* (*Georgij*), i.e., the Christian name of his grandfather Yaroslav-Georgij the Wise. Hence, the name *Yurij* appeared to be the family name and a Christian name at the same time, and the dynastic fate of Yurij Dolgorukij (the founder of a new branch of the family, who in the end got the Kiev princedom) made this name a prestigious family name for his descendants.

Another son of Vladimir Monomach was called by the Christian name of Monomach's father, Vsevolod-Andrey Yaroslavich. It is peculiar that this Monomach's son was born later than one of his grandsons. The grandson was called *Vsevolod*, while the son got the baptismal name of the ancestor *Andrey*.

The third Monomach's son from the second marriage was also known only under the Christian name *Roman*. This naming is related to the baptismal names of the martyr princes Boris-Roman and Gleb-David. The names of these brothers–saints had been many times reproduced by that time in the Rurikids family. The supposition that Monomach called his son after the canonized relative is also confirmed by the fact that not only the Christian names but also Christian patronymic of the new-born prince's son coincide with that of the St. Boris-Roman, both are *Vasiljeviches* (i.e. sons of Vasilij).

Thus, the Christian name of his own great-grandfather was given to Yurij Dolgorukij, the Christian name of the great-grandfather's brother got his brother Roman. The grandfather's baptismal name was given to another Monomach's son from the second marriage, who was named *Andrey*. We would remind that we know these grandfathers and great-grandfather predominantly under secular names, however, their baptismal names were also well known to their contemporaries and descendants, hence, since some time they could be recognized as family names. Thus, originally, the Christian and family names had been opposed to each other, but subsequently, by the XII century the Christian name began to combine both these functions, simultaneously being the baptismal and family name.

The princes named by such Christian names as *Roman*, *David*, *Vasilij*, *Georgij*, *Andrey*, *Mikhail*, *Ivan* in XII century somehow did not need one more

family name. In other words, during the XII century the Christian names had gradually been established as princely family names. Then, what was changed in the principles of name-giving?

As it was mentioned above, in the dynasty of Rurikids until some time there was strict prohibition of naming a new-born with the secular name of a living ancestor. The eldest son of a prince was often named after his great-grandfather because his grandfather was still alive by the time of birth of the eldest grandson. It was for this reason that the grandfather's name was often given to one of the younger grandsons, although, from the point of view of family continuity, it was the elder son who was to get this name, and this happened if the grandfather was dead by the appearance of the elder grandson.

In XII century it can be observed how some "laws" accepted for the choice of secular name, apparently, do not work in the choice of the Christian name, In particular, the son could be called by the name of his living father. For example, Vsevolod Bol'shoe Gnezdo (Grand Nest), who had the baptismal name *Dmitrij*, gives the name *Dmitrij* to his son born on the father's name-day. When the Christian names gradually become the family names, the principles of naming with secular, non-Christian names also fade. The son of Vsevolod-Dmitrij Grand Nest, Yaroslav-Fjodor in the 20s of XIII century gives to one of his sons his own baptismal name *Fjodor*, while he calls his other son with his own secular name *Yaroslav*.

Generally speaking, in many European dynasties the tendency to the coincidence of the names of father and son becomes the dominant in the course of years — this was very attractive from the viewpoint of continuity of power. Though, this principle, as it has been already said, disagreed with the archaic family practice. In the Rurikids dynasty, the repetition of the name of the living father appears to be possible only when the original secular (non-calendric, non-Christian) names of the princes, are replaced by the Christian ones. However, can we say that with total adoption of the Christian names by the princes, the family principles of name-giving were completely forgotten? To all appearance, they were not. They only took other forms, were manifested through other terms and notions.

Secular, non-Christian names of the Rurikids differed from those of other people. In other words, though the names of the Rurikids were similar to those of other Russian nobles, most of the princely names were given exclusively to princes. Indeed, in the chronicles there are boyars and voyevodas, named *Tvorimir*, *Miroslav*, *Zhiroslav*, *Goreslav*, *Hotemir* etc., but the name *Yaroslav*, or *Svyatoslav*, or *Vsevolod* may be given only to a prince. Not all the names suited the princes, and the majority of the princely names could not be given to a man who was not prince by origin.

As for the Christian names of the Rurikids, the situation was both similar and different. On the one hand, the name *Georgij*, *Mikhail*, *Andrey*, *Ivan*, *Fjodor*, *Boris*, *Davyd*, could be given in baptism to any man, not only to a prince. However, not all the names of the Christian corpus of names were suitable for the rulers, as the baptismal names.

Very early, in the pre-Mongolian time, the circle of Christian names suitable for the Rurikids princes is formed, and they use only these names (with an insignificant percentage of the newly introduced ones) during the whole existence of the dynasty, i.e., until the end of XVI. Thus, the Christian names completely become family, traditional ones; they are inherited by the princes from the ancestors.

Here, the following detail seems peculiar. In the pre-Mongolian time when the princes still have two parallel systems of naming, and non-Christian names still can be used as family names, a peculiar syncretism in reverence of Christian saints patrons is observed. A prince, called *Andrey* could consider all the Saint Andrews his heavenly patrons, be it Andrew the Apostle (Andrey the First called) or Andrew Stratilat, or Andrew of Crete. A prince, holder of the baptismal name *Fjodor* was related, with all the numerous Theodores from the church calendar. However, in the case of the name *Fjodor*, first of all the figures of the saints-warriors were singled out – St. Theodore Tyron and St. Theodore Stratilat.

However, it is another and very interesting problem: how even before the XI century the set of Christian names suitable for princes was gradually selected. Apparently, a definite role here was played by iconography and well-known hagiographic stories. Frequently, the most suitable names for the princes of the pre-Mongolian period were those of the saints-warriors (*Fjodor*, *Andrey*, *Georgij*, *Michael*). Their martial symbols were always present on the princely seals. Moreover, these symbols were often transferred to other saints, originally having no such quality. For example, as archistratig not only Archangel Michael but also Archangel Gabriel was pictured.

In some sense, the unification of the patron saints was more important for the princes of the pre-Mongolian time, than distinguishing them from each other. First of all, this concerns the saints-namesakes. Later, when the pagan names were completely replaced by the Christian names, quite a different picture was observed.

There was no prohibition for the Christian names of naming after the living father. Nothing was against a prince of the Rurikids being *Ivan Ivanovich* or *Vasilij Vasiljevich*. However, each of these late Rurikids reveres as his saint patron quite definite single St. Johann or St. Basil. Besides the existing direct records of the saint after which the prince got his baptismal name, we have a lot of evidence of such special reverence beginning with the measured icons that were painted the size of the new-born prince's son and ending with the enclosed prayer records for the deceased prince.

Here a strict regularity is observed: if a prince in the XIV or XVI century is called *Ivan Ivanovich* (i.e. Ivan Ivan's son) then, his father could be named in baptism, for example, in honor of John Climacus but he himself in honor of John of Jerusalem. A prince called *Simeon Simeonovich* (Simeon Simeon's son) could have a father named in honor of Simeon Stylite, and the prince himself after another St. Simeon. Respectively, Vasilij Vasiljevich Tyomnyj (i.e., the Blind) was named in honor of Basil of Ankir, and his father, Vasilij I — in honor of Basil the Great.

In other words, father and son were namesakes, the fact favored the continuity of power rights, and at the same time, they somehow were not namesakes, which

was in agreement with the original family tradition. Certainly, this deliberate distinguishing of the saints was not occasional and was not determined exclusively by the calendar. In addition to the described evident regularity, there is indirect data showing extremely careful attitude to the choice of the patron saints in a princely family. If the prince's son was named after a deceased ancestor, his saint patron was the same that of the ancestor. In this way, for example, Daniil, the son of Ivan Kalita was named, as his great-grandfather, Daniil Alexandrovich of Moscow, in honor of Daniel Stylite, not in honor of Daniel the Prophet.

There is other peculiar evidence of the complicated system of patron saints distribution. In XIV — XVI centuries in a princely family, two brothers could bear simultaneously one and the same Christian name. In this case the saint patron of such brothers – namesakes was obligatorily the same. For example, the mentioned Vasilij Tyomnyj (the Blind) had two sons both baptized in honor of Andrew Stratilat, and two sons of Yurij of Zvenigorod, Dmitrij Shemyaka and Dmitrij Krasnyj (the Handsome) were named in baptism after Demetrius of Solun.

In other words, in the Rurikids dynasty, brothers-namesakes should have the same saint patron, while the name-sakes father and son should have obligatorily different saint patrons. Also, not all Christian names suited the Rurikids of the early and late period of their reign. The set of the princely names always remained limited and immune to changes.

Thus, in XV — XVI centuries a new-born (of the prince's family) got a family name, but taken from the corpus of Christian names. As it is known, the list of Christian names was in church calendar where each day was devoted to the memory of certain saints. The calendar, thus, could not but play some role in name-giving. In other words, the name of a child could be in some way connected with the date of his birth. The connection could be rather indirect: on the one hand, a child could be called directly in honor of the saint on whose feast he was born. However, since a certain time, a custom appeared of naming by the name of the saint whose feast was the eighth day after the birth of the child. A new-born could be called with the name of the saint of his baptism day, as well, and if the new-born was a girl, sometimes the name of the saint whose feast was several days before the birth was given.

The Rurikids did not always give names in accord with the church calendar. First of all the future ruler had to get one of the family Christian names, and the regard of the church calendar could be approximate, if any at all. In the pre-Mongolian time a prince was given two names: the family name of pagan origin and the Christian name that was gradually becoming family name. By approximately the last third of XII century the calendar was not much taken into consideration.

In general, the memory of the saints starts to play some part in Rus' not very early, since the end of XII century. Only since the verge of XII–XIII centuries each event became connected with the name of the saint on whose day it happened. Certainly, this actualization of the connections with the calendar could not but influence the principles of name-giving.

Indeed, since the XIII century, a prince, on the one hand, was to get a Christian name which had been previously held by his ancestors, the family Christian name. On the other hand, the date of his birth itself was closely connected with the name of the definite saint. It often happened that the prince's son was born on the day of the saint whose name was not suitable for a Rurikid. As a result, the prince's son had, in some way, two Christian names: one destined for him by the family tradition and the other, that he got as fates willed. The family Christian name became his public, official, baptismal, princely name. As for the calendar name, it was a minor name, but more intimate, private, associated with his personal church and family everyday life. For Ivan the Terrible such second name was *Tit*, for his father Vasilij III — *Gavriil*, for his grandfather, Ivan III — the name *Timofey*, for a son of Ivan the Terrible, Dmitrij — the name *Uar*.

In this respect, very significant is the composition of the small icon belonged to the godfather of Ivan the Terrible's son, Ivan Ivanovich. On the small icon John Climacus was depicted, and on the reverse side St. Mark the Bishop of Arefusia and St. Cyril the Deacon were presented. Indeed, the prince, tsar's son was known under his Christian name *Ivan*, coinciding with his father's name; the saint patron of Ivan the Terrible being John the Baptist and that of his heir — John Climacus. The prince was born on the feast of St. Mark of Arefusia and St. Cyril the Deacon. Their names were not suitable as official names for a tsar's son but they accompanied him all his life as additional names.

Thus, here is a peculiar double-Christian-name system of the dynasty of Rurikids which much resembles the former binominal system of the pre-Mongolian time. In the pre-Mongolian period princes bore family names, pagan by origin, under which they ruled, and the Christian names of the most of the Rurikids in some way remained in the shadow, were mentioned by far less frequently. Later, a circle of family Christian names was formed and the pagan names were gradually falling out of use. However, the binominal system itself, as a model of the princely naming did not at all disappear: the princes could have second, Christian names related with the dates of their births.

The two-name model is closely connected with the double-sided genealogy that was acquired by the Rurikids since the conversion of Rus'. Actually, each prince is involved in the world of his ancestors, the rulers, the connections with them being the main ground for his rights to power. At the same time, he is connected both with his heavenly patrons, Christian saints, and with the saint patrons of his clan. The double naming of a prince, hence, determines his existence in two genealogical perspectives, which neither contradict nor exclude each other.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СВЕДЕНИЯ О ХРИСТИАНСКИХ ИМЕНАХ РЮРИКОВИЧЕЙ, УПОМИНАЕМЫХ В ИССЛЕДОВАНИИ

АГАФЬЯ, дочь Владимира-Василия Мономаха, внучка Всеволода-Андрея, правнучка Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича Мудрого. Жена Всеволодко Городенского.

Христианское имя дочери Владимира Мономаха упоминается в летописном известии о ее браке:

«...томъ же лѣтѣ Володимерь ѿда дщерь свою Огафью за Всеволодка»[1].

Дата рождения и обстоятельства имянаречения княгини неизвестны. Не можем мы ничего сказать наверняка и о ее патрональной святой, однако, вероятнее, это была не одна из мучениц никомидийских (28 декабря), а св. Агафия, мученица сицилийская, чья память празднуется 5 февраля и фигурирует во множестве русских памятников, в частности в Мстиславовом Евангелии[2].

Впоследствии это имя носили и другие княжны из рода Рюриковичей.

АГАФЬЯ (?)-МАРИЯ (?), дочь Мстислава-Федора Великого, внучка Владимира-Василия Мономаха, правнучка Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича. Жена Всеволода-Кирилла Ольговича-Михайловича. Приняла постриг. Ум. в 1179 г.

Имя дочери Мстислава Владимировича Великого, ставшей женой Всеволода Ольговича, напрямую в летописных источниках не названо. В основе ее именования *Агафьей* лежит сообщение В.Н. Татищева, что в 1116 г. Владимир Мономах отдал дочку Мстислава Великого, Агафью, за Всеволода Ольговича[3]. Еще Н.М. Карамзин полагал, что В.Н. Татищев допустил ошибку, спутав Агафью Мстиславну с Агафьей Владимировной (см. выше), а Всеволода Ольговича с Всеволодом Городенским (см. ниже). Тем не менее в историографии нередко можно встретить утверждение о том, что В.Н. Татищев пользовался какими-

---

1 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 284 под 1116 г.].

2 См. [Лосева 2001. С. 263].

3 См. [Татищев. Т. II. С. 132].

либо не дошедшими до нас источниками и Мстиславна все же носила христианское имя *Агафья*[4].

С другой стороны, М.А. Максимович в свое время обратил внимание на следующее свидетельство Густынской летописи:

«В то ж лѣто преставися благовѣрная княгиня Мария Всеволодовна[5], мати Святославля, дщи Казимера, короля Полского, Мниха, иже пострижеся въ схиму, и положена бысть в церквѣ святого Кирила, юже сама создала бѣ»[6].

Исследователь, сопоставив этот фрагмент с соответствующим известием Ипатьевской летописи[7], предположил, что речь идет о дочери Мстислава Великого, а «отцовство» Казимира Мниха является результатом ошибки составителя Густынской летописи. Таким образом, он реконструировал для этой дочери Мстислава Великого имя *Мария*[8]. В историографии эта гипотеза М.А. Максимовича оказалась достаточно популярной[9].

В.А. Кучкин, сопоставляя данные Густынской летописи с показаниями помянника Иосифа Тризны и других источников, нашел, что само по себе это свидетельство Густынской летописи об имени княгини весьма сомнительно. При этом исследователь не отрицал полностью возможности того, что она именовалась *Марией*, подчеркнув, впрочем, что для сколько-нибудь определенного разрешения этого вопроса нужны новые данные[10].

Разумеется, вопрос об именах этой княгини осложняется еще и тем, что, по свидетельству летописей, она приняла постриг и, соответственно, могла быть обладательницей нескольких христианских имен.

В.Л. Янин приписывает жене Всеволода Ольговича печать с русской благопожелательной надписью и именем *Мария*, в качестве под-

---

4 Ср., например: [Рапов 1977. С. 111]; ср. также кажущуюся нам противоречивой точку зрения А.В. Назаренко, который в работе о княжестве Городенском, по-видимому, не склонен доверять известию В.Н. Татищева [Назаренко 2000. С. 174], тогда как в комментарии к известиям о Руси Яна Длугоша напрямую именует интересующую нас дочь Мстислава *Агафьей* [Щавелева 2004. С. 429. Примеч. 203. С. 463].

5 Отметим, что в издании Густынской летописи 1843 г. содержится форма «Всеволодовая» [ПСРЛ 1843. Т. II. С. 317].

6 См. [ПСРЛ. Т. XL. С. 99].

7 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 612].

8 См. [Максимович 1877. С. 161–171].

9 Ср., например: [Baumgarten 1927. P. 23. Tab. V. № 22; Блиндерова 1980. С. 57]; ср. [Марголіна 2003].

10 См. [Кучкин 1997. С. 201–205]. Ср. также обзор различных точек зрения на эту проблему и критический анализ известий В.Н. Татищева в работе: [Плахонин 2004. С. 301–304].

верждения такой атрибуции приводя свидетельства Ипатьевской летописи, где, напомним, отсутствует какое бы то ни было имя супруги Всеволода Ольговича[11].

АГАФЬЯ, дочь Мстислава-Бориса Старого, внучка Романа, правнучка Ростислава-Михаила Мстиславича-Федоровича. Жена Константина Всеволодича-Дмитриевича. Приняла постриг. Ум. в 1220/21 г.

Имя *Агафья* дочь Мстислава Старого приняла при постриге в 1218 г.[12], за два года до смерти, и это единственное имя княгини, которое упоминается в источниках. Об имени (именах?), которое она носила в миру, мы ничего не знаем. Отметим, что имя *Агафья* можно считать христианским родовым у Рюриковичей, оно было дано нескольким представительницам этого рода как в крещении, так и при постриге.

АДРИАН, см. СВЯТОСЛАВ-А(Н)ДРИАН

АЛЕКСАНДР, сын Всеволода, внук Мстислава, правнук Изяслава-Пантелеймона Мстиславича-Федоровича. Кн. белзский и владимиро-волынский.

В летописных источниках князь фигурирует исключительно под своим христианским именем *Александр*[13]. Есть основания полагать, что оно совмещало в себе функции родового и крестильного. Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения неизвестны, впервые князь упоминается в Ипатьевской летописи под 1205 г. в качестве князя владимиро-волынского. Таким образом, Александр Всеволодич является едва ли не самым ранним из известных по источникам обладателей имени *Александр* в династии Рюриковичей.

О том, кто именно из свв. Александров был патрональным святым князя, мы ничего не знаем.

АЛЕКСАНДР, сын Глеба Дубровицкого (???), внук Юрия Туровского (???), правнук Ярослава Святополчича-Михайловича (???). Кн. дубровицкий. Ум. в 1223 г.

В летописных источниках князь упоминается исключительно в известиях о его гибели после битвы при Калке[14]. Таким образом, невозможно сказать ничего определенного ни о функционировании его имени, ни об обстоятельствах имянаречения, ни о его патрональном святом. В летописях отсутствует даже отчество этого князя, поэтому все его генеалогические связи реконструируются исследователями на основании места княжения. Существенно, однако, что он, судя по всему, был одним из первых (наряду с Александром Белзским и Александром Невским, см. ниже) известных по источникам обладателей имени *Александр* в династии Рюриковичей.

---

11 См. [Янин 1970. Т. I. С. 71, 84, 189].

12 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 444].

13 Ср., например: [ПСРЛ. Т. II. Стб. 721 под 1205 г.; Т. II. Стб. 728 под 1210 г.].

14 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 508–509 под 1223 г.; Т. III. С. 63, 267 под 1224 г.; Т. X. С. 91 1225 г.].

АЛЕКСАНДР, сын Михаила Тверского, внук Александра, правнук Михаила Ярославича-Афанасьевича. Ум. в 1357 г.

Согласно единичному свидетельству Никоновской летописи, Александр Михайлович скончался в Софийском монастыре у своей бабки Софьи[15].

Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения неизвестны, однако, скорее всего, этот княжич, считающийся первенцем Михаила Александровича, был назван в честь деда.

Отметим, что у Александра был младший брат-тезка (см. ниже). Мы не можем утверждать наверняка, жили ли братья одновременно: характер летописного упоминания о кончине Александра Михайловича-старшего позволяет думать, что он умер ребенком.

О его дополнительных христианских именах нам ничего не известно.

АЛЕКСАНДР (ОРДЫНЕЦ), сын Михаила Тверского, внук Александра, правнук Михаила Ярославича-Афанасьевича. Кн. кашинский. Ум. в 1389 г.

Династическое христианское имя князя известно из летописных источников[16]. Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения неизвестны.

У Александра был старший брат-тезка (см. выше), но мы не можем утверждать наверняка, жили ли братья одновременно. Известно, однако, что Александр Ордынец пережил этого брата на три с лишним десятилетия.

Принято думать при этом, что Александр-старший был первым сыном Михаила Александровича, а Александр Ордынец — вторым, все же остальные братья были младше тезок. Однако и это утверждение, как кажется, нельзя считать бесспорным.

О дополнительных христианских именах Александра Ордынца нам ничего не известно.

АЛЕКСАНДР-АЛЕКСЕЙ (НЕВСКИЙ), сын Ярослава-Федора, внук Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича-Васильевича Долгорукого. Кн. новгородский и владимирский. Принял постриг. Ум. в 1263 г.

Князь фигурирует в летописных и других источниках исключительно под своим христианским именем *Александр*. По всей видимости, оно совмещало в данном случае функции родового и крестильно-

---

15 См. [ПСРЛ. Т. X. С. 230]; ср. [Экземплярский. Т. II. С. 641]. Свидетельство это не вполне прозрачно, так как непонятно, кто именно эта бабка (?) князя. Судя по обозримым генеалогическим связям, ни одна из его родных бабок не носила такого имени. *Софьей* звалась его двоюродная прабабка, княжна-инокиня, основательница Афанасьевского монастыря, скончавшаяся в 1305 г. (см. ниже). Не исключено при этом, что кто-то из старших родственниц княжича принял ее имя при постриге.

16 См. [ПСРЛ. Т. XV: Тверская летопись. Стб. 444]; ср. [Экземплярский. Т. II. С. 530–531].

го. Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения князя в летописных источниках не указываются[17].

Мотивы выбора христианского имени для этого сына Ярослава Всеволодича не вполне понятны — среди его ближайших родичей обладатели имени *Александр* нам не известны. Единственным, сколько-нибудь заметным князем, действовавшим на исторической арене к моменту появления на свет Александра Ярославича, был Александр Всеволодич, князь волынский (см. выше). Правда, с отцом Александра Невского его связывало, насколько мы можем судить, лишь свойство́, и то лишь достаточно отдаленное — он был двоюродным братом Даниила Романовича Галицкого, а Даниил и Ярослав, в свою очередь, были женаты на сестрах. Впрочем, если учесть, что еще одного из сыновей Ярослав Всеволодич называет *Даниилом* (см. ниже), то его ориентация на именослов галицко-волынских Рюриковичей не кажется столь уж невозможной.

С другой стороны, определенная экспансия «новых» христианских имен, приходящаяся на первую половину XIII в., возможно, связана с возросшей ролью месяцеслова в династическом обиходе, что отнюдь не исключает актуализации различных связей между более традиционными для Рюриковичей христианскими именами и именами новыми для той или иной ветви рода. Свою роль в данном случае могла сыграть связь между историческими фигурами Константина Великого и Александра Македонского, хотя, разумеется, князь не мог быть крещен в честь Александра Македонского непосредственно[18].

О том, кто был святым патроном Александра Невского, мы также не имеем надежных сведений. Ему атрибутируются печати с изображением пешего и конного воинов и надписью «Александр»[19]. Однако никаких надежных признаков, по которым мы могли бы определить, кто именно из святых воинов по имени *Александр* изображен на этих печатях, у нас нет. Н.П. Лихачев предположил, что патроном князя был св. Александр Египетский[20] (9 июля). В.А. Кучкин полагал, что патроном князя должен был быть св. Александр Римлянин, чья память отмечается 13 мая[21], и именно 13 мая Александр Ярославич будто бы появился

---

17 В.Н. Татищев указывает дату рождения князя — 30 мая 1220 г. [Татищев. Т. III. С. 210], однако, по-видимому, здесь имеет место какая-то ошибка в исчислениях историка (см. [Кучкин 1986а]).

18 Любопытно, что в Софийской первой летописи Александр Ярославич назван тезоименитым царю Александру Македонскому (см. [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 303]). О популярности образа Александра Македонского в Древней Руси ср. интересные замечания А.В. Чернецова [Чернецов 1981. С. 548].

19 См. [Янин 1970. Т. II. С. 6–8; Янин, Гайдуков 1998. С. 65–66]; ср. [Хорошкевич 1989. С. 24–27; Хорошкевич 1995. С. 140–145; Молчанов 1997в. С. 3–6].

20 См. [Лихачев 1928–1930. Вып. 1. С. 91].

21 См. [Кучкин 1986а. С. 174–176]; ср. [Зиборов 1995. С. 148–150].

на свет. Однако на данный момент мы решительно не видим возможности для столь определенных высказываний о небесном покровителе этого князя и тем более не имеем оснований для вычисления точной даты его рождения, поскольку никаких оснований полагать, что он был наречен непосредственно по дню своего появления на свет, у нас нет.

Монашеское имя Александра Ярославича, *Алексей*, известно, в частности, из Степенной книги[22]. Если сведения источников верны, то перед нами один из ранних примеров того, как иноческое имя подбирается к имени крестильному на основании совпадения первых букв[23].

АЛЕКСАНДРА (?)-ПРАСКОВЬЯ (?), дочь Брячислава, внучка Василько (?), правнучка Брячислава Васильковича (?). Кн полоцкая. Жена Александра Невского.

Относительно имен этой княжны в историографии существует две версии. Одна из них восходит, по-видимому, к сообщению В.Н. Татищева о том, что Александр Ярославич взял в жены «княжну Праскевию»[24]. Другая версия, согласно которой жену Александра Невского звали *Александрой*, восходит к Н.М. Карамзину, который руководствуется надписью на надгробной плите, находившейся в Успенском женском монастыре во Владимире. В описании Карамзина фигурируют три

В Новгородской первой летописи под 1243 г. (т.е. при жизни Александра Ярославича) встречается датировка, которая могла бы быть для нас очень ценной: «Преставися рабъ божии Варламъ, а мирьскы Вячеславъ Прокшиничь, на Хутинѣ у святого Спаса, мѣсяца маия въ 4; а погребенъ бысть заутра, въ 5, на память святыя Ирины, архиепископомь Спиридономь и игуменомь Сидоромь, при князи Александрѣ. Того же мѣсяца въ 18, на память святого мученика Александра, явися знаменье въ Пльсковѣ...» [ПСРЛ. Т. III. С. 79, 297]. Существенно, однако, что 18 мая мы не обнаруживаем мученика Александра, в этот день празднуется память семи анкирских дев, в частности мученицы Александры. Ближайшая же память мученика Александра отмечается, как уже упоминалось выше, 13 мая. Таким образом, перед нами ошибка или в дате, или, что вероятнее, женское имя перепутано с мужским. Последняя возможность также весьма любопытна, так как *Александрой*, по некоторым версиям, звалась жена Александра Невского (см. ниже).

Существует, впрочем, и еще одно объяснение ошибки летописца — 18 мая церковь отмечает память мучеников лампсакийских, и среди них Андрея. *Андреем* в крещении звался, как известно, родной брат Александра Невского (см. ниже); не исключено, таким образом, что причиной ошибки стал сложный ассоциативный перенос имен и дат «по смежности».

22 См. [ПСРЛ. Т. XXI. С. 47, 292]; ср. [Толстой 1887. С. 219].

23 Ср. [Сазонов 1994а; Сазонов 1995. С. 25–27]. Ср. рассуждения составителя Никоновской летописи о возможных способах выбора иноческого имени, приведенные в связи с пострижением и кончиной матери Александра Невского, Ростиславы-Феодосии-Евфросинии (см. ниже) [ПСРЛ. Т. X. С. 129 под 1244 г.].

24 См. [Татищев. Т. V. С. 25 под 1239 г.].

гроба, в частности гроб «Великия Княгини Александры, супруги благовѣрнаго Князя Александра Невскаго»[25].

Существует исследовательская гипотеза, связывающая явление в 1239 г. знаменитой иконы Федоровской Богоматери со свадьбой князя Александра Невского, которая состоялась в том же году. На лицевой стороне этой иконы помещена композиция «Умиление», а на оборотной — изображение Параскевы Пятницы в княжеских одеждах. Высказывалось предположение, что эта икона была написана по заказу Ярослава Всеволодича и первоначально принадлежала его сыну Александру[26]. Разумеется, такое предположение как нельзя лучше соответствует замечанию В.Н. Татищева о том, что именем невесты Александра Невского было *Прасковья*.

Обратившись к месяцеслову, мы увидим, что в день празднования памяти Параскевы Пятницы (20 марта) отмечается и память мученицы Александры, одной из дев амисских[27]. Невольно напрашивается предположение, что полоцкая княжна появилась на свет именно в этот день и находилась под покровительством как св. Параскевы, так и св. Александры. При этом вероятнее, что в качестве публичного именования использовалось имя *Александра*, в дальнейшем так или иначе закрепившееся у Рюриковичей.

АЛЕКСЕЙ, сын Евстафия, князя изборского и псковского. Ум. в 1360 г.

Христианское имя князя зафиксировано в летописи[28]. Впрочем, принадлежность его к роду Рюриковичей весьма сомнительна.

АЛЕКСЕЙ, см. АЛЕКСАНДР-АЛЕКСЕЙ (НЕВСКИЙ)

АНАНИЯ, см. ИВАН-(АНАНИЯ?)

АНАСТАСИЯ, см. ВЕРХУСЛАВА-(АНАСТАСИЯ?)

АНАСТАСИЯ, см. ВЕРХУСЛАВА-АНАСТАСИЯ

АНАСТАСИЯ, см. РОГНЕДА-ГОРЕСЛАВА / ГОРИСЛАВА-(АНАСТАСИЯ?)

АНДРЕЙ, см. ВСЕВОЛОД-АНДРЕЙ

АНДРЕЙ, см. МСТИСЛАВ-АНДРЕЙ

АНДРЕЙ, сын Александра, внук Константина, правнук Василия Константиновича. Кн. ростовский, наместник псковский.

Династическое христианское имя князя известно из немногочисленных летописных упоминаний[29] и родословных книг[30]. Обстоятель-

---

25 См. [Карамзин. Т. IV. Примеч. 110]. Возможно, под именем *Александра* княгиня упомянута и в так называемом «Стефановском синодике», сохранившемся в составе Служебника Спасо-Мирожского монастыря (см. [Столярова 1996. С. 66–67, 74. Примеч. 63; Столярова 2001. С. 212, 218]).

26 См. [Масленицын 1976; Масленицын 1977]

27 См. [Сергий. Т. II. С. 80].

28 См. [ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 23 под 1360 г.].

29 См. [ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 36 под 1415 и 1417 гг.].

30 См. [Экземплярский. Т. II. С. 55–56]. О монетах этого князя см. [Федоров-Давыдов 1981. С. 88–97].

ства имянаречения этого князя неизвестны, ничего не знаем мы и о его дополнительных христианских именах.

АНДРЕЙ, сын Александра Невского, внук Ярослава-Федора, правнук Всеволода-Дмитрия Юрьевича Большое Гнездо. Вел. кн. владимирский. Принял постриг. Ум. в 1304 г.

Князь фигурирует в летописных источниках исключительно под своим христианским именем. По всей очевидности, оно совмещало в себе функции родового и крестильного. Время рождения и обстоятельства имянаречения неизвестны[31].

Возможно, Андрей Александрович был назван в честь своего родного дяди, Андрея Ярославича (см. ниже). Предполагается, что племянник появился на свет еще при жизни своего дяди, скончавшегося в 1263/64 г., во всяком случае, в Никоновской летописи Андрей Александрович упомянут под 1263 г. предпоследним среди сыновей Александра Невского[32].

Что касается небесного патрона этого князя, то здесь полной ясности нет. В летописных источниках он не назван. При этом князю атрибутируются печати с изображением св. Андрея, которое может быть истолковано как изображение св. Андрея Критского или Андрея Первозванного[33].

Монашеских имен князя мы не знаем.

АНДРЕЙ (БОЛЬШОЙ, ГОРЯЙ), сын Василия Темного, внук Василия, правнук Дмитрия Ивановича Донского. Кн. угличский. Ум. в 1494 г.

Христианское династическое имя князя известно из многочисленных летописных источников. Что касается точной даты его появления на свет, то здесь в летописях наблюдается некоторый разнобой. Согласно одним источникам он родился 13 августа[34], согласно другим — 3 августа[35]. Может также указываться дата 8 августа[36], 14 августа[37] и 19 августа[38].

Последняя дата в точности соответствует дню празднования памяти св. Андрея Стратилата, поэтому не исключено, что при имеющихся в источниках противоречиях она является искусственно исчисленной. При этом в какой бы из указанных дней ни родился Андрей Васильевич, именно Андрей Стратилат является его наиболее вероятным па-

---

31 Ср. [Экземплярский. Т. I. С. 53].

32 См. [ПСРЛ. Т. X. С. 143].

33 См. [Янин 1970. Т. II. С. 22; Янин, Гайдуков 1998. С. 66].

34 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 119; Т. XII. С. 71; Т. XVIII. С. 201; Т. XXIV. С. 184; Т. XXV. С. 267].

35 См. [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 117].

36 См. [ПСРЛ. Т. XXXIX. С. 147].

37 См. [Экземплярский. Т. II. С. 142. Примеч. 414].

38 См. [ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. С. 260].

тональным святым. Отметим, что у Андрея Большого был младший брат-тезка (см. ниже), также находившийся, по-видимому, под покровительством св. Андрея Стратилата.

Сведениями о дополнительных христианских именах Андрея Большого мы не располагаем.

АНДРЕЙ (МЕНЬШОЙ), сын Василия Темного, внук Василия, правнук Дмитрия Ивановича Донского. Кн. вологодский. Ум. в 1481 г.

Династическое христианское имя князя известно из многочисленных летописных источников. Не вызывает никаких сомнений, что он родился при жизни своего старшего брата-тезки, Андрея Большого (см. выше). В летописных источниках указывается точная дата появления Андрея Меньшого на свет, однако здесь наблюдается некоторый разнобой. Воскресенская летопись ограничивается простым указанием на август[39]. В большинстве же источников мы обнаруживаем дату 8 августа[40]. В Никоновской летописи указывается при этом 1 августа[41], а в Ермолинской летописи — 18 августа[42].

Последняя дата приходится на канун празднования св. Андрея Стратилата (19 августа). Впрочем, в какой бы из приведенных дней Андрей Васильевич ни родился, наиболее вероятным его патроном мог быть именно этот святой. По-видимому, его брат-тезка также находился под патронатом Андрея Стратилата.

Сведениями о дополнительных христианских именах Андрея Меньшого мы не располагаем.

АНДРЕЙ, сын Владимира Храброго, внук Андрея, правнук Ивана Даниловича Калиты.

Летописные и нелетописные генеалогические перечни упоминают двух сыновей князя Владимира Андреевича Серпуховского по имени *Андрей*[43]. В связи с этим возникают некоторые трудности при определении, кто именно из Андреев фигурирует в актовом материале их отца, Владимира Андреевича.

Обстоятельства выбора имени Андрея-старшего неизвестны, однако с большой вероятностью он был назван в честь своего родного деда. С точки зрения имянаречения наиболее существенен вопрос о том, был ли жив Андрей Владимирович-старший к тому моменту, когда у него родился брат-тезка. При этом ни время кончины старшего, ни время появления на свет младшего в летописных источниках не указываются.

---

39 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 144].

40 См. [ПСРЛ. Т. XVIII. С. 208; Т. XX. Ч. 1. С. 262; Т. XXV. С. 273; Т. XXXIX. С. 147]; ср. [Экземплярский. Т. II. С. 370].

41 См. [ПСРЛ. Т. XII. С. 77].

42 См. [ПСРЛ. Т. XXIII. С. 155].

43 См. [ПСРЛ. Т. VII. С. 238]; ср. [Экземплярский. Т. II. С. 309. Примеч. 829; Экземплярский 1889. С. 32–33. Примеч. 69].

Если буквально следовать показаниям генеалогического перечня Воскресенской летописи, то Андрей-младший был наречен, скорее всего, при жизни Андрея-старшего[44]. По-видимому, у них в любом случае должен бы быть один и тот же патрональный святой, однако решительно никакими сведениями на этот счет мы не располагаем. Ничего не знаем мы и о дополнительных христианских именах Андрея Владимировича-старшего.

АНДРЕЙ-САВВА, сын Владимира Храброго, внук Андрея, правнук Ивана Даниловича Калиты. Кн. радонежский. Принял постриг. Ум. в 1426 г.

Династическое христианское имя этого князя известно из летописных текстов. Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения неизвестны. Княжич получил имя своего родного деда, при этом, по всей видимости, на его имянаречение повлияла и фигура его старшего брата-тезки (см. выше), хотя мы не можем сказать наверняка, родился ли Андрей-младший при жизни или после смерти Андрея-старшего.

Данными о том, кто из свв. Андреев был покровителем князя, мы не располагаем. Не знаем мы ничего и о дополнительных христианских именах, которые он носил в миру.

Что касается иноческого имени князя, то некоторые летописные источники сообщают, что он принял постриг под именем *Савва*[45]. В то же время в других летописных источниках сообщается, что имя *Савва* принял в иночестве его старший брат, князь Семен Владимирович Боровский[46]. Братья умерли в один и тот же год во время эпидемии. Любопытно при этом, что те летописи, в которых сообщается, что *Саввой* в иночестве был Андрей, только о его смерти и упоминают, в тех же источниках, где под 1426 г. приведены данные о кончине нескольких братьев Владимировичей, *Саввой* в иночестве именуется Семен Боровский.

Кажется, что наречение князя Семена иноческим именем, начинающимся с той же буквы, что и мирское христианское, больше соответствует традиции того времени. Впрочем, не исключено, что имя *Савва* при постриге получили оба брата. Это не выглядит невероятным, если учесть, что они скончались в течение одного и того же года, а скорее всего, их смерти были отделены друг от друга неким минимальным промежутком времени. Правда, других случаев, когда родные братья получают одинаковые монашеские имена, мы не знаем, известны только случаи одинакового наречения при постриге кузенов, но эти кузены, в отличие от интересующих нас Владимировичей, были тезками и по

---

44 Иначе см., например: [Экземплярский. Т. II. С. 309].

45 См. [ПСРЛ. Т. XII. С. 6; Т. XVIII. С. 168; Т. XVIII. С. 168; Т. XXV. С. 247; Т. XXXIV. С. 164]; ср. [Карамзин. Т. V. Примеч. 258; Экземплярский. Т. II. С. 309; Экземплярский 1889. С. 32–33. Примеч. 69].

46 См. [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 52; Т. XXIII. С. 146; Т. XX. Ч. 1. С. 233; Т. XXVII. С. 101]; ср. [Экземплярский. Т. II. С. 306].

мирским христианским именам (см. ниже: Константин-Касьян Андреевич и Константин-Касьян Владимирович).

АНДРЕЙ (ДОБРЫЙ), сын Владимира-Василия Мономаха, внук Всеволода-Андрея, правнук Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича Мудрого. Кн. владимиро-волынский и переяславский. Ум. в 1142 г.

В летописных источниках князь фигурирует исключительно под своим христианским именем. Возможно, оно объединяло в себе функции родового и крестильного. В качестве крестильного его носил родной дед ребенка — Всеволод-Андрей Ярославич (см. ниже). При этом все родные (единоутробные) братья Андрея Доброго, так же как и он сам, известны исключительно под христианскими именами, которые несколькими поколениями ранее носили в крещении их предки. Скорее всего, имянаречение двух младших сыновей Владимира Мономаха — Андрея Доброго и Юрия Долгорукого (см. ниже) — являет собой один из ранних примеров использования крестильных имен неканонизированных предков в качестве имен родовых и христианских одновременно.

Что касается патронального святого Андрея Владимировича, то полной ясности в этом вопросе нет. Известно, что в Переяславле была возведена Андреевская церковь. П.А. Раппопорт высказывал предположения (на основе реконструируемой даты закладки церкви), что она была посвящена Андрею Стратилату[47]. При этом время строительства церкви традиционно связывалась с переяславским княжением Всеволода-Андрея Ярославича. С другой стороны, высказывалась и гипотеза о том, что она была возведена лишь вскоре после появления на свет Андрея Доброго, внука Всеволода-Андрея. Соответственно, делался вывод, что патрональным святым Андрея был св. Андрей Стратилат[48].

Таким образом, древние свидетельства о патрональном святом князя оказываются достаточно неопределенными и требующими нескольких этапов реконструкционных построений. Существует, правда, прямое летописное свидетельство о том, что патроном Андрея Владимировича был именно Андрей Стратилат, однако оно обнаруживается в достаточно поздней Тверской летописи:

«...родися Володимеру Манамаху сынъ Андрей, августа 11; даша ему имя въ 18 августа, Андрей стратилать»[49].

Существенно, что указанная здесь точная дата рождения княжича не фигурирует ни в одной древнейшей летописи, подобно тому как мы не обнаруживаем в них ни одной точной даты появления на свет мно-

---

47 См. [Раппопорт 1993. С. 38, 42].

48 См. [Лосева 1996. С. 63–64; Хрусталев 2002. С. 63 и след.], с указанием литературы.

49 См. [ПСРЛ. Т. XV: Тверская летопись. Стб. 188]. Ср. также запись в помяннике в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны [Кучкин 1997. С. 229, 197].

гочисленных братьев этого князя. Более того, оказывается, что князь наречен по тому святому, чья память празднуется ровно через восемь дней после его рождения (т.е. «по восьмидневному обрезанию»). Такой обычай был характерен (хотя отнюдь не обязателен) для выбора имени в XV — XVI вв., однако мы ничего не знаем о подобной традиции имянаречения у князей в начале XII в.

Весьма вероятно, таким образом, что дата рождения князя была не почерпнута составителем Тверской летописи непосредственно из древнейших (не известных нам) источников, а исчислена им самим. Это, впрочем, не отменяет того факта, что в источниках, доступных составителю Тверской летописи, могли сохраняться какие-либо сведения о патрональном святом Андрея Доброго, и именно на их основании он реконструировал дату его рождения.

Итак, вполне возможно, хотя и небесспорно, что патроном князя был св. Андрей Стратилат, при этом дело осложняется еще и тем, что в эту эпоху, по-видимому, имело место синкретическое почитание всех своих святых тезок. Так, А.А. Гиппиус предположил, что написание одной из частей «Поучения» Владимира Мономаха было приурочено к началу самостоятельного княжения Андрея Доброго. Именно в этой части содержится призыв князя к сыновьям молиться св. Андрею Критскому[50]. Не исключено, что для самх Рюриковичей, живших на рубеже XI — XII вв., совокупный патронат святых тезок имел не меньшее значение, чем выделенное покровительство конкретного святого.

АНДРЕЙ, сын Володьши, внук Василько, правнук Святослава Всеславича.

Этот князь упоминается в летописи под своим христианским именем[51]. Единичный характер упоминания не позволяет утверждать что-либо определенное о функционировании этого имени.

АНДРЕЙ-(МАКСИМ?), сын Дмитрия Донского, внук Ивана Красного, правнук Ивана Даниловича Калиты. Кн. можайский. Ум. в 1432 г.

Династическое христианское имя известно из летописных источников, где содержится также точная дата рождения князя. Андрей Дмитриевич появился на свет 14 августа 1382 г.[52] Династическое имя *Андрей* в полном соответствии с традицией было дано в честь Андрея Стратилата, чья память отмечалась несколькими днями позже, 19 августа. Его непубличным святым патроном мог стать св. Максим Исповед-

---

50 См. [Гиппиус 2003б]. Полемизируя с А.А. Гиппиусом, А.А. Горский на не вполне ясных нам основаниях утверждал, что патрональным святым Андрея Доброго, скорее всего, был, как и у его деда, Всеволода-Андрея Ярославича (см. ниже), Андрей Первозванный [Горский 2005. С. 123. Примеч. 24]. Возможность патроната Андрея Стратилата в данной работе не рассматривается.

51 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 620 под 1180 г.].

52 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 536; Т. VIII. С. 42; Т. XI. С. 71; Т. XVIII. С. 131; Т. XX. Ч. 1. С. 203; Т. XXIV. С. 149; Т. XXV. С. 206].

ник, чья память в месяцесловах приходится на 13, а иногда, в исключительных случаях, и на 14 августа. Как продемонстрировал А.А. Турилов, в синодике Троицкого Слуцкого монастыря есть поминание «князя Андрея Можайского, нареченного во святом крещении Максима». Весьма вероятно, что в этом позднем источнике речь идет об интересующем нас сыне Дмитрия Донского. В таком случае князь Андрей получил имя *Максим* не просто в качестве неофициального, но и в качестве крестильного имени[53].

Кроме того, возможно, у нас есть пример непосредственного использования именования *Максим*, правда, не в качестве собственно имени, а в качестве отчества. Согласно гипотезе А.А. Турилова, в житии Михаила Клопского речь идет о том, что князь Константин Дмитриевич, неожиданно узнавший своего племянника в молодом иноке, именует его «Максимов сын» потому, что этот юноша был незаконным сыном его брата Андрея-(Максима?) Дмитриевича. Если предположить вслед за А.А. Туриловым, что Михаил Клопский был рожден Андреем-(Максимом?) вне брака, то куда более уместным могло быть его именование по непубличному, так сказать, семейному имени отца.

АНДРЕЙ, сын Ивана Калиты, внук Даниила Московского, правнук Александра Ярославича-Федоровича Невского. Кн. серпуховской и боровский. Ум. в 1353 г.

Династическое христианское имя князя известно из многих летописных источников. О его рождении сообщается следующее:

«Того же лѣта, мѣсяца іуля 4, на память святаго отца Андрѣа Критскаго, князю Іоану Даниловичю родися сынь, и нареченъ бысть князь Андрѣй»[54]

Со всей очевидностью, св. Андрей Критский и был официальным небесным патроном князя. О наличии у Андрея Ивановича каких-либо дополнительных христианских имен нам ничего не известно.

АНДРЕЙ-(КИТАЙ?) (БОГОЛЮБСКИЙ), сын Юрия Долгорукого, внук Владимира-Василия Мономаха, правнук Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича. Убит в 1174 г.

Этот князь фигурирует в многочисленных летописных упоминаниях исключительно под своим христианским именем. Скорее всего, оно совмещало в данном случае функции родового и крестильного[55]. Весьма ве-

---

53 См. [Турилов, в печати]. Выражаем свою признательность автору за возможность ознакомиться с рукописью его работы.

54 См. [ПСРЛ. Т. XV: Тверская летопись. Стб. 416; Т. VII. С. 200; Т. XVIII. С. 90; Т. XX. Ч. 1. С. 178; Т. XXIV. С. 115; Т. XXV. С. 168]; ср. также: [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 400; Т. XXIII. С. 102; Т. XXXIX. С. 105].

55 Не исключено при этом, что у Андрея Юрьевича было дополнительное нехристианское имя *Китай*, пришедшее к нему из рода матери половчанки. Правда, свидетель-

роятно, что он был назван в честь своего дяди — Андрея Доброго (см. выше), также известного исключительно под своим христианским именем.

Дата рождения и обстоятельства имянаречения Андрея Юрьевича неизвестны. Вопрос о том, кто именно из свв. Андреев был его небесным патроном, достаточно сложен, причем эта сложность хотя бы отчасти обусловлена тем, что сам князь при жизни чтил нескольких своих святых тезок.

Князь, получивший имя, которое носили его дядя и прадед, почитался как святой, и память его праздновалась 4 июля, т.е. была приурочена ко дню памяти Андрея Критского. Однако праздник этот был установлен, по-видимому, лишь в начале XVIII в.[56] При этом Андрей Критский, несомненно, особо чтился князьями Рюриковичами в домонгольскую пору, достаточно упомянуть хотя бы молитвенное обращение к нему Владимира Мономаха, деда Андрея Юрьевича.

Возможно, дядя Андрея Юрьевича, Андрей Добрый (см. выше) находился под покровительством Андрея Стратилата, тогда как прадед, Всеволод-Андрей Ярославич (см. ниже), — под покровительством апостола Андрея, хотя и здесь дело обстоит далеко не так однозначно. Во всяком случае, свв. Андрей Критский и Андрей Стратилат остаются официальными небесными патронам князей Рюриковичей во множестве поколений.

С другой стороны, именно Андрей Боголюбский, как известно, учреждает на Руси праздник Покрова Богородицы. Источником же, из которого почерпнут центральный сюжет праздника, является житие Андрея Юродивого. Таким образом, вне зависимости от того, был ли князь крещен непосредственно в честь Андрея Юродивого, его также трудно не рассматривать как княжеского святого.

На печатях, атрибутируемых сыну Боголюбского, Георгию (см. ниже), присутствует изображение святого в полный рост с крестом у груди и именем «Андрей»[57].

В летописном тексте мы обнаруживаем своеобразную актуализацию семантики имени *Андрей* (‘мужественный’) в похвале этому князю:

«...кнѧже Андрѣю мужьству тѣзоимените»[58]

АНДРЕЙ, сын Ярослава-Федора, внук Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича-Васильевича Долгорукого. Кн. владимирский и суздальский. Ум. в 1263/64 г.

ства на этот счет почерпнуты из достаточно поздних источников [Синопсис 1798. С. 114; Синопсис 2000. С. 446]; ср. [Карамзин. Т. III. Примеч. 26. Т. VIII. Примеч. 65].

56 См. [Голубинский 1903. С. 59, 134].

57 См. [Янин 1970. Т. I. С. 201].

58 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 584].

Князь фигурирует в источниках русских и иностранных («Сага о Хаконе Хаконарсоне»)[59] исключительно под христианским именем *Андрей* (Andrés). Скорее всего, оно совмещало в себе функции родового и крестильного. Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения неизвестны. Вероятно, он был наречен в честь своего двоюродного деда — Андрея Юрьевича Боголюбского (см. выше).

Ничего определенного о том, кто из свв. Андреев был покровителем князя, сказать мы не можем. На печатях, ему атрибутируемых, обнаруживается изображение святителя с крестом у груди в полный рост и именем *Андрей*[60].

АНДРИАН, см. СВЯТОСЛАВ-А(Н)ДРИАН

АННА, см. ИНГИГЕРД-ИРИНА-(АННА?)

АННА, дочь Мстислава Удатного, внучка Мстислава Храброго, правнучка Ростислава-Михаила Мстиславича-Федоровича. Жена Даниила Романовича Галицкого.

Христианское имя этой княгини упоминается в летописи[61]. Дата рождения и обстоятельства имянаречения Анны Мстиславны в источниках не отражены.

О наличии у Анны Мстиславны мирского родового имени никаких сведений нет. При этом упоминания ее в летописи недостаточно многочисленны, чтобы утверждать, что его не было вовсе (так, ее родная сестра, например, обладала мирским именем *Ростислава* (см. ниже), хотя могла, по-видимому, фигурировать в летописи и под своим крестильным *Феодосия*). Мы не можем утверждать ничего определенного о святой покровительнице княгини. Правда, не исключено, что Мстислав Удатный назвал эту дочь в честь своей тетки, Анны Юрьевны (см. ниже), жены Рюрика Ростиславича, с семьей которого он явно был очень близок в молодости. В таком случае возможно, что Анна Мстиславна особым образом чтила мать Богородицы, которая была патрональной святой ее старшей родственницы-тезки.

АННА, дочь Юрия, внучка Ярослава, правнучка Святополка-Михаила Изяславича-Дмитриевича. Жена Рюрика-Василия Ростиславича-Михайловича. Приняла постриг.

Христианское имя этой княгини упоминается в летописи. Дата рождения и обстоятельства имянаречения Анны Юрьевны в источниках

---

59 См. [Flat. Bnd. III. Bls. 187]. Ср. [Джаксон 1993. С. 22–25, 102–103; Джаксон 1994. С. 124–126; Джаксон 1995. С. 134–139; Джаксон, Кучкин 1998. С. 24–28; Джаксон 2000. С. 200, 203, 207–216, 201–202, 203–204, 216–217].

60 См. [Янин 1970. Т. II. С. 14–15, 159]. В работе А.А. Горского высказывается предположение, что патрональным святым Андрея Ярославича был Андрей Критский, чье изображение, по мнению исследователя, и представлено на печатях [Горский 2005. С. 120, 122. Примеч. 18].

61 См., например: [ПСРЛ. Т. II. Стб. 732 под 1213 г.].

не отражены. Составитель Ипатьевской летописи указывает ее небесную покровительницу и обращает специальное внимание на семантику имени княгини:

«...хрстолюбивая его <Рюрика Ростиславича. — *А.Л., Ф.У.*> кнѧгины тезоименьна соущи Аннѣ родителници мтри Ба нашего ꙗже и блгдть нарѣцаетьсѧ»[62].

Не исключено, что именно с патрональной святой Анны Юрьевны связано строительство церкви Иоакима и Анны во Владимире, предпринятое в 1196 г. ее свояком Всеволодом Большое Гнездо[63].

О наличии у Анны Юрьевны мирского родового имени никаких сведений нет. При этом упоминания ее в летописи недостаточно многочисленны, чтобы утверждать, что его не было вовсе.

Как известно, княгиня была насильственно пострижена своим зятем, Романом Мстиславичем (см. ниже)[64], а позднее добровольно приняла великую схиму[65], однако о ее монашеском имени (именах?) мы ничего не знаем.

АФАНАСИЙ, см. ЯРОСЛАВ-АФАНАСИЙ, сын Владимира.

АФАНАСИЙ, см. ЯРОСЛАВ-АФАНАСИЙ, сын Ярослава.

АФАНАСИЙ, сын Даниила Московского, внук Александра Невского, правнук Ярослава-Федора Всеволодича-Дмитриевича. Кн. новгородский. Принял постриг. Ум. в 1322 г.

Династическое христианское имя князя известно из летописных источников. Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения неизвестны. Имя *Афанасий* относительно редко, но отнюдь не единично в династии Рюриковичей. Так, в частности, звали в крещении двоюродного деда Афанасия Даниловича, Ярослава-Афанасия Ярославича (см. ниже), в честь которого, судя по всему, и был наречен княжич.

Никаких точных сведений об официальном святом патроне князя у нас нет, однако наиболее почитаемым из свв. Афанасиев был Афанасий Александрийский. В.Л. Янин атрибутирует этому князю печать, на которой изображен, патрональный святой не самого Афанасия Даниловича, а его старшего брата и сюзерена Юрия Даниловича[66].

Иноческое имя князя неизвестно, однако А.В. Экземплярский высказывал осторожное предположение, что в монашестве он мог зваться *Андреем*[67]. Ни о каких других дополнительных христианских именах князя мы ничего не знаем.

---

62 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 415 под 1199 г.].

63 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 412].

64 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 420].

65 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 426].

66 См. [Янин 1970. Т. II. С. 236].

67 См. [Экземплярский. Т. II. С. 637].

БОРИС, см. МСТИСЛАВ-БОРИС

БОРИС, см. СВЯТОСЛАВ-БОРИС

БОРИС, сын Александра, внук Ивана, правнук Михаила Александровича. Вел. кн. тверской. Ум. в 1461 г.

Христианское имя князя известно из множества летописных источников. Очевидно, что его покровителем был св. Борис-Роман (см. ниже). На монетах этого князя встречается изображение двух воинов, судя по всему, свв. Бориса и Глеба[68]. Точная дата рождения князя неизвестна. Сведениями о каких-либо его дополнительных христианских именах мы не располагаем.

БОРИС-РОМАН, сын Владимира-Василия Святого, внук Святослава, правнук Игоря Рюриковича и Ольги-Елены. Кн. ростовский. Ум. в 1015 г.

Борис Владимирович — князь-мученик, павший в междуусобной распре. Имя *Борис* этот князь, один из первых общерусских святых, носил в качестве родового мирского имени. Его крестильным именем было *Роман*, что зафиксировано в целом ряде источников, как русских, так и иностранных (греческий синаксарь). Его святым патроном считался — Роман Сладкопевец (память празднуется 1 октября). В Несторовом чтении о свв. мучениках Борисе и Глебе читаем:

«Бяше же блаженому Борису створено имя въ крьщеньи Романъ: яко же и на ономь почиваше Духъ Святый измлада, тако же на семь благодать бѣ Божия. Бѣ бо, рече, святому Роману молящюся у Святѣи Владычицѣ нашеи Богородици и мало ему уснувшю: и явися же ему Мати Божия, имущи же в руку Еи свитокъ, иже подасть святому. И яко взять и — и ненавидяй добра дьяволъ, текъ, въсхвати и. И пакы Мати Божия взятъ и свитокъ и подасть и святому Роману. Онъ же, воставъ отъ сна, видѣ ся полнъ Духа Святаго. Такоже и сий блаженъ Романъ...»[69].

Возникает вопрос, почему для сына Владимира Святого было избрано именно это крестильное имя. Собственная традиция выбора крестильных имен у Рюриковичей была еще «короткой». Исследователи более или менее единодушно предполагают, что имя *Роман* пришло в семью крестителя Руси из Западно-Болгарского / Македонского династического именослова[70]. Вполне вероятно при этом, что мирское имя князя, *Борис*, также связано с болгарским антропонимиконом. «Болгарская» гипотеза в целом тем более правдоподобна, если вспомнить, что

---

68 См. [Орешников 1896. С. 58, 69. Табл. II]. Не исключено, что на монетах Бориса Александровича изображалась фигура Александра Македонского. Предположения исследователей о том, что перед нами, так сказать, патрональное изображение, отсылающее к отчеству князя, представляются весьма правдоподобным (см. [Орешников 1896. С. 28, 55, 56. Табл. II; Чернецов 1981. С. 548]).

69 См. [Абрамович 1916. С. 5–6].

70 См. [Приселков 2003. С. 28]; ср. [Молчанов 2004. С. 82].

князья-мученики Борис и Глеб, согласно летописному перечню сыновей Владимира, родились от болгарыни.

Любопытно, что второе перенесение мощей свв. Бориса и Глеба состоялось 2 мая, в день кончины болгарского царя Бориса-Михаила, который отмечался и отмечается до сих пор болгарской церковью. Возможно, это совпадение было неслучайным[71].

В следующих поколениях Рюриковичей крестильное имя князя *Роман* может совмещать в себе функции родового и крестильного и употребляется, по-видимому, в качестве единственного. Со временем имя *Борис*, будучи изначально мирским именем святого, на Руси также приобретает статус христианского. Весьма вероятно, что в определенный период оно, как и имя *Роман*, могло фигурировать у князя в качестве единственного, родового и крестильного одновременно.

Необходимо отметить, что в антропонимической практике Рюриковичей, насколько мы можем судить о ней по дошедшим до нас источникам, имена святых братьев Бориса и Глеба функционировали сходным, но неодинаковым образом. Так, начиная с середины XII в. мы располагаем примерами, когда имя *Борис* давалось в качестве крестильного при наличии мирского, княжьего имени (ср. *Святослав-Борис*), тогда как относительно имени *Глеб* примеров подобного рода мы не знаем. У поздних Рюриковичей распространенность имени *Борис* явным образом перевешивает распространенность имени *Глеб*, особенно в практике московского правящего дома.

Нельзя не упомянуть, что в различных именных указателях, начиная с XIX в., достаточно регулярно воспроизводится ошибка, благодаря которой князю Борису приписывается крестильное имя *Давид*, в действительности принадлежавшее его брату Глебу (см. ниже). Не исключено, что у истоков этой ошибки стоит нечеткое высказывание Н.М. Карамзина — «Христианские имена Бориса и Глеба были Давид и Роман»[72]. В дальнейшем Борис ошибочно именуется *Давидом* в указателе П.М. Строева к «Истории государства российского»[73], в указателе к классическому изданию Д.И. Абрамовича (!), хотя именно в текстах этого издания мы находим совершенно недвусмысленные указания на то, что Борис был в крещении *Романом*[74]. Эта же ошибка воспроизведена, например, в указателе Л.Л. Муравьевой к изданию Ипатьевской летописи 1998 г., а также в указателе Т.В. Гимона к изданию Новгородской первой летописи 2000 г. К сожалению, та же погрешность часто перекочевывает из указателей и в историческую литературу.

---

71 Ср. [Павлова 2004. С. 81].

72 См. [Карамзин. Т. II. Примеч. 6].

73 См. [Строев 1844. С. 31, 67, 75, 199].

74 См. [Абрамович 1916. С. 202–203].

БОРИС, сын Василия Темного, внук Василия, правнук Дмитрия Ивановича Донского. Кн. волоцкий. Ум. в 1494 г.

Рождение этого князя отмечено многими летописными источниками, однако в большинстве из них указан только месяц (июль)[75]. В тех же случаях, когда обнаруживается более точная дата, данные летописей противоречивы. Здесь мы находим указания как на 21[76], так и на 26 июля[77]. В любом случае имянаречение князя очевидным образом связано с празднованием памяти свв. Бориса и Глеба, приходящимся на 24 июля[78]. Правда, если Борис Васильевич родился 26 июля, то здесь имел место отсчет по месяцеслову назад, что при наречении мальчиков в княжеской семье было делом относительно редким, но не невозможным.

Данными о дополнительных христианских именах этого князя мы не располагаем.

БОРИС, сын Василько, внук Константина, правнук Всеволода-Дмитрия Юрьевича Большое Гнездо. Кн. ростовский. Ум. в 1277 г.

Дата рождения и обстоятельства имянаречения этого князя известны из летописи:

«Тогож лѣ^т^ родисѧ Василку сн҃ъ м^с^ца иоулѧ въ к҃д дн҃ь В праздник ст҃ою м^ч^ку Бориса и Глѣба и наречно бы^с^ имѧ ѥму Борисъ»[79].

Князь фигурирует в летописях исключительно под именем *Борис* и, скорее всего, оно совмещало у него функции родового и крестильного.

Отметим, что перед нами очередной пример парного имянаречения в княжеской семье: известно, что у Бориса Васильковича был младший брат по имени *Глеб* (ум. в 1278 г.).

БОРИС, сын Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Ум. в 1188 г.

Обстоятельства имянаречения этого княжича известны из летописи:

«...м^с^цѧ маѩ въ в҃ дн҃ь на пренесенье ст҃ою мч҃нку Бориса и Глѣба родисѧ оу Всеволода кнѧзѧ великаго сн҃ъ и нарекоша имѧ ѥму в ст҃ѣмь крщ҃ении Борисъ»[80].

Мы знаем при этом, что у Бориса Всеволодича был родной брат Глеб (см. ниже). Согласно версии В.Н. Татищева, Глеб Всеволодич

---

75 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 122; Т. XII. С. 75; Т. XXVIII. С. 204; ИЛ. С. 43].

76 См. [ПСРЛ. Т. XXXIX. С. 146]; ср. [Экземплярский. Т. II. С. 355].

77 См. [ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. С. 261].

78 Во Вкладной Книге Иосифо-Волоколамского монастыря указываются две даты монастырских кормлений по князю — 26 мая (день кончины) и 24 июля (память свв. Бориса и Глеба). См. [Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря. С 157. Л. 67 об.–68].

79 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 457 под 1231 г.; Т. VII. С. 137].

80 См. [ПСРЛ. Т. I. С. 404 под 1187 г.].

появился на свет в тот же самый день, т.е. эти братья были близнецами[81]. Разумеется, наречение близнецов, да еще появившихся на свет 2 мая, парными именами *Борис* и *Глеб* было бы в высшей степени оправданным. Однако мы не знаем, почерпнул ли В.Н. Татищев эти данные о рождении Глеба из какого-либо недоступного нам источника или они являются результатом его собственного логического построения.

Скорее всего, имя *Борис* в данном случае совмещало в себе функции родового и крестильного. Едва ли у этого княжича было какое-то другое родовое имя, однако полностью отрицать такую возможность мы не должны, так как в эту эпоху в записи о рождении детей уже могло приводиться исключительно христианское имя, даже при наличии у новорожденного княжича имени родового мирского.

Весьма вероятно, что наречение Бориса Всеволодича связано, помимо всего прочего, с фигурой его умершего дяди, брата Всеволода Большое Гнездо — Бориса Юрьевича (см. ниже).

БОРИС, сын Всеслава, внук Брячислава, правнук Изяслава Владимировича-Васильевича. Кн. полоцкий. Ум. в 1128 г.

В современной историографии укоренилась точка зрения, согласно которой Борис Всеславич тождественен Рогволоду Всеславичу, иными словами, *Борис* было крестильным именем Рогволода[82]. Единственный источник, который позволяет согласиться с этой гипотезой, — это Густынская летопись:

«Преставися князь Полоцкий Рогволдъ, или Борисъ»[83].

Нельзя не учитывать, однако, что в этом позднем тексте имена князей нередко искажаются и путаются. В древнейших летописях в соответствующей погодной статье сообщается о том, что преставился «кнѧзь Полотьскыи Борисъ»[84].

Мы полагаем, вслед за целом рядом историков XIX в.[85], что у Всеслава Брячиславича, среди прочих, было два сына: Борис Всеславич и Рогволод Всеславич (см. ниже), причем крестильное имя последнего

---

81 См. [Татищев. Т. III. С. 142].

82 См. [Алексеев 1975. С. 230; Рапов 1977. С. 58–59; Янин, Гайдуков 1998. С. 40]; ср. [Флоря 1995. С. 113; Рукавишников 2002. С. 44, 48, 51].

83 См. [ПСРЛ. Т. XL. С. 77].

84 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 299]; ср. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 293]. Борис Всеславич упомянут также в некоторых редакциях «Хождения игумена Даниила» [Путешествие игумена Даниила... С. 155]; ср. [Янин 1960].

85 См. [Карамзин. Т. II. Примеч. 251; Соловьев 1988. С. 401, 684. Примеч. 186; Данилевич 1896. С. 71. Примеч. 54. С. 72; Baumgarten 1927. P. 32. Tab. VIII. №№ 7, 8]; о попытках отождествить Рогволода и Бориса в XIX столетии см. подробнее: [Данилевич 1896. С. 71. Примеч. 54]).

остается неизвестным. Косвенным образом в пользу этой версии свидетельствует и общее распределение имен в семье Всеслава Брячиславича. Среди имен его сыновей фигурирует не только *Борис*, но и *Глеб*, *Давид* и *Роман*. Можно предположить, что все четыре имени святых братьев Глеба-Давида и Бориса-Романа давались в этой семье как самостоятельные имена, каждое из которых совмещало в себе функции крестильного и родового.

БОРИС, сын Вячеслава-(Меркурия?), внук Ярослава-Георгия Мудрого, правнук Владимира-Василия Святославича Святого. Кн. черниговский. Ум. в 1078 г.

Этот князь фигурирует в летописи (а также в «Поучении» Мономаха и «Слове о полку Игореве») исключительно под именем *Борис*. Не вызывает сомнения, что *Борис* — его родовое имя, однако наиболее существенным представляется вопрос о том, было ли оно только родовым или одновременно и крестильным.

Борис Вячеславич появился на свет задолго до перенесения мощей святых братьев Бориса-Романа и Глеба-Давида в 1072 г. Точная дата его рождения неизвестна, однако весьма вероятно, что этот княжич родился вскоре после прославления братьев-мучеников при его деде, Ярославе Мудром. Могло ли уже в это время мирское имя одного из мучеников быть дано наследнику в качестве крестильного?

Не исключено, что перед нами один из первых примеров использования родового имени св. Бориса Владимировича в функции родового и крестильного одновременно, хотя говорить о бифункциональности имени *Борис* в середине XI в. мы можем с куда меньшей долей уверенности, чем о бифункциональности имени *Роман*.

БОРИС (???), сын Святослава-(Николая?), внук Ярослава-Георгия Мудрого, правнук Владимира-Василия Святославича Святого.

В Воскресенской летописи, в перечне сыновей Святослава Ярославича фигурирует некий Борис[86]. В.Н. Татищев полагал, что этот Борис был князем вщижским и погиб в битве, сражаясь против своих дядьев, Всеволода и Изяслава, в 1078 г.[87] Однако все доступные источники указывают, что в этой битве пал не сын Святослава, а Борис Вячеславич. О Борисе Святославиче же в источниках, кроме указанных примеров из Воскресенской летописи, не упоминается вовсе. Отметим также, что Борис отсутствует на выходной миниатюре Изборника 1073 г., где изображена семья князя Святослава Ярославича[88].

Ряд исследователей выражали небезосновательные сомнения в существовании князя Бориса Святославича[89].

---

86 См. [ПСРЛ. Т. VII. С. 232, 242]; ср. [ПСРЛ. Т. XLII. С. 98].

87 См. [Татищев. Т. II. С. 92–93].

88 См. [Кондаков 1906. С. 41].

89 См., например: [Рапов 1977. С. 102–103].

Если такой сын у Святослава Ярославича все-таки был, то оказывается, что в этой семье между братьями распределяются все четыре имени князей-мучеников (*Борис*, *Роман*, *Глеб*, *Давид*).

БОРИС, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира-Василия Мономаха, правнук Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича. Кн. белгородский и туровский. Ум. в 1159 г.

Обстоятельства имянаречения этого князя неизвестны, как неизвестно и время его появления на свет. Мы знаем, однако, что у него был родной брат по имени *Глеб* (см. ниже), что позволяет говорить о том, что в семье Юрия Долгорукого эти имена воспринимались как парные.

Борис Юрьевич появляется на свет в ту пору, когда культ святых-братьев Бориса и Глеба на Руси уже был широко распространен. Не возникает никакого сомнения, что Борис и Глеб Юрьевичи находились под покровительством своих родичей свв. Бориса и Глеба. Так, в частности, их отец построил в Кидекше церковь, посвященную братьям-мученикам, и впоследствии именно там Борис Юрьевич был погребен[90]. В ту пору имя *Борис* могло даваться князьям Рюриковичам как в качестве только крестильного (при наличии мирского), так и в качестве единственного имени (совмещающего в себе функции родового и крестильного).

Борис Юрьевич фигурирует во всех источниках исключительно под именем *Борис*. Весьма вероятно, таким образом, что имя *Борис* было для этого князя единственным, совмещающим в себе функции родового и крестильного. Очевидно оно могло фигурировать и в гипокористической форме. Во всяком случае мы знаем, что его дочь именуется в летописи *Евфросинией Борисковной* (см. ниже).

ВАРВАРА, см. УЛЬЯНА-(ВАРВАРА?)

ВАРЛААМ, см. ВАСИЛИЙ-ГАВРИИЛ-ВАРЛААМ

ВАСИЛИЙ, см. ВЛАДИМИР-ВАСИЛИЙ (МОНОМАХ), сын Всеволода.

ВАСИЛИЙ, см. ВЛАДИМИР-ВАСИЛИЙ (СВЯТОЙ), сын Святослава.

ВАСИЛИЙ, см. КОНСТАНТИН-ВАСИЛИЙ

ВАСИЛИЙ, см. РОГВОЛОД-ВАСИЛИЙ

ВАСИЛИЙ, см. РЮРИК-ВАСИЛИЙ

ВАСИЛИЙ, сын Александра Невского, внук Ярослава-Федора, правнук Всеволода-Дмитрия Юрьевича Большое Гнездо. Кн. новгородский и костромской. Ум. в 1271 г.

Князь фигурирует в летописи исключительно под своим христианским именем *Василий*. Точное время его появления на свет и обстоятельства имянаречения неизвестны. Отметим, однако, что он с большой вероятностью появился на свет в ту же пору (на рубеже 30-х — 40-х гг. XIII в.), что и его дядя-тезка, Василий Ярославич (см. ниже), ро-

90 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 417].

дившийся в 1241 г.[91] Это не первый случай в роду Рюриковичей, когда дядя и племянник, появившиеся на свет примерно в одно и то же время, получают одинаковые имена.

Ничего определенного о святом патроне князя сказать мы не можем, однако нельзя не упомянуть, что именно в тот период, когда он должен был появиться на свет, явно расцветает культ его предка Владимира-Василия Святого (см. ниже). Так, например, битва со шведами (15 июля 1240 г.) датируется в летописном житии Александра Невского памятью Халкидонского собора, мучеников Кирика и Иулиты и святого князя Владимира[92]. Это свидетельство традиционно рассматривается как один из ранних признаков общерусской канонизации крестителя Руси.

Отметим, что по отношению к княжичу в источниках используется только полная форма имени — *Василий.*

ВАСИЛИЙ, сын Василия Ярославского, внук Всеволода-Иоанна, правнук Константина Всеволодича-Дмитриевича Ростовского.

Этот князь единожды упоминается в летописи в сообщении о смерти его отца-тезки, Василия Всеволодича[93]. Никакими другими сведениями ни о его жизненном пути, ни об его именах, ни об обстоятельствах имянаречения мы не располагаем.

ВАСИЛИЙ (ТЕМНЫЙ), сын Василия, внук Дмитрия Донского, правнук Ивана Ивановича Красного. Вел. кн. московский. Ум. в 1462 г.

Династическое христианское имя князя известно из многочисленных источников. При этом в летописях приводятся различные даты рождения Василия Васильевича: по одним данным он родился 10 марта[94], по другим же — 15 марта 1415 г.[95]. Есть указания и на еще одно число — 21 марта[96].

Последняя дата — 21 марта — является кануном празднования памяти св. Василия Анкирского. Таким образом, весьма вероятно, что именно этот святой был официальным небесным патроном князя. Следует отметить, что над захоронением Василия Темного в Архангельском соборе изображена фигура в святительском одеянии, в которой Б.М. Клосс склонен усматривать изображение Василия Анкирского[97].

---

91 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 470].

92 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 479].

93 См. [ПСРЛ. Т. X. С. 137 под 1249 г.]; ср. [Экземплярский. Т. II. С. 72; Baumgarten 1934. P. 60, 63. Tab. XI. № 14].

94 См. [ПСРЛ. Т. XXV. С. 241; Т. VIII. С. 87; Т. XI. С. 225–226].

95 См. [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. С. 40–41; Т. XXIII. С. 144].

96 См. [ПСРЛ 1846. Т. I. С. 234].

97 См. [Клосс 1998. С. 26]. Л.В. Бетин ошибочно относит к 10 марта память св. Василия Парийского, при этом патрональным святым Василия Темного он на не вполне ясных нам основаниях считает св. Василия Великого [Бетин 1970. С. 63]. Подобная точка зрения на патронат Василия Великого иногда фигурирует в исследовани-

В пророчествах, связанных с появлением на свет Василия Темного, упоминается также св. Лонгин (Логгин) сотник (память празднуется 16 октября), но он фигурирует как покровитель всего рода княжича в целом[98]. Кроме того, в летописном пророчестве родителям предписывалось назвать новорожденного *Василием*. Таким образом, вопреки обыкновению, никакого дополнительного христианского имени ребенка мы из этого текста не узнаем. Нет у нас и каких-либо иных сведений о неофициальных христианских именах Василия Васильевича.

Если князь действительно находился под патронатом св. Василия Анкирского, то у него в полном соответствии с традицией не совпадали официальные патроны с его отцом-тезкой, Василием Дмитриевичем (см. ниже).

ВАСИЛИЙ, сын Василия Грозного (Грозные Очи), внук Давыда, правнук Федора Ростиславича Черного. Кн. ярославский.

Официальное христианское имя этого князя известно из летописных упоминаний, впрочем весьма немногочисленных[99]. Скорее всего,

---

ях. В ее основе лежит, как кажется, иная, отличная от предложенной Б.М. Клоссом интерпретация изображения в Архангельском соборе. Некоторые исследователи полагают, что здесь изображен св. Василий Великий, а не св. Василий Анкирский [Сизов 1976. С. 71–72; Маясова 1986. С. 419. Примеч. 48]. Иногда в этой связи упоминается и изображение на троицкой плащанице Старицких, где Василий Великий, возможно, изображен в качестве патрона Василия Темного [Маясова 1960. С. 52], с именем Василия Темного связывают и изображение Василия Великого на сударе XV в. [Маясова 1986. С. 418, 419. Примеч. 48].

Подчеркнем, что атрибуция этих изображений или их соотнесение с фигурой того или иного князя в каждом из приведенных случаев далеко не бесспорна. Существенно, однако, что патронат Василия Великого трудно связать со всеми известными датами рождения Василия Темного и по чисто календарным соображениям, так как празднования Василию Великому совершаются 1 и 30 января. Это противоречие уже отмечалось специалистами, однако его объяснение, само по себе весьма интересное и нетривиальное, все же не кажется нам удовлетворительным. В работе Н.А. Маясовой в качестве даты рождения князя без объяснений приводится лишь 10 марта и при этом отмечается, что 14 марта совершается литургия Василия Великого [Маясова 1986. С. 419. Примеч. 48] (Пасха в 1415 г., в год рождения Василия Васильевича, приходилась на 31 марта). Здесь нельзя не заметить, что литургия Василия Великого совершается десять раз в году и сама по себе не является празднованием этому святому. В летописных текстах мы не обнаруживаем решительно никаких упоминаний, чтобы княжичей называли в соответствии с тем, чья (Василия Великого, Иоанна Златоуста или Григория Двоеслова) литургия совершается в один из дней вскоре после его рождения. Как кажется, «авторство» литургии вообще не является способом датировки и характеристики событий в эту эпоху.

98 См. [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. С. 40–41; Т. VIII. С. 87; Т. X. С. 79].

99 См. [ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 301, 486; Т. VIII. С. 22; Т. XI. С. 22; Т. XV: Тверская летопись. Стб. 435; Т. XXV. С. 190]; ср. [Карамзин. Т. V. С. 24. Примеч. 33, 120, Экземплярский. Т. II. С. 87–88].

он был старшим сыном своего отца-тезки[100]. Данными о патрональных святых и дополнительных христианских именах в этой семье мы не располагаем.

ВАСИЛИЙ, сын Василия Кашинского, внук Михаила Тверского, правнук Ярослава-Афанасия Ярославича-Федоровича. Кн. кашинский. Ум. в 1363 г.

Династическое имя этого князя известно из записи о его кончине[101]. А.В. Экземплярский предположил, что он был старшим сыном своего отца-тезки, кашинского князя Василия Михайловича[102]. Данными о патрональных святых и дополнительных христианских именах в этой семье мы не располагаем.

ВАСИЛИЙ, сын Василия Боровского, внук Ярослава-Афанасия, правнук Владимира Андреевича Храброго.

Время рождения, как и время смерти этого княжича, неизвестны. По-видимому, он был рожден от второго брака своего отца и умер, когда тот был в заточении. Данные летописи позволяют утверждать только, что сын был тезкой своего отца по официальному династическому имени[103]. Данными о патрональных святых и дополнительных христианских именах в этой семье мы не располагаем.

ВАСИЛИЙ, сын Владимира Храброго, внук Андрея, правнук Ивана Даниловича Калиты. Кн. перемышльский. Ум. в 1427 г.

Династическое христианское имя князя известно из многих летописных источников. О его рождении, в частности, говорится следующее:

«Того же лѣта, мѣсяца іуля въ 9, родися князю Володимеру сынъ Василей»[104].

Таким образом, если судить по дате рождения, официальным небесным покровителем князя, скорее всего, стал его предок — креститель Руси Владимир-Василий Святой, чья память празднуется 15 июля. Любопытно при этом, что, согласно показаниям летописи, родной отец князя, Владимир Андреевич Храбрый (см. ниже), появился на свет непосредственно 15 июля, и его имянаречение со всей очевидностью также было связано с фигурой Владимира-Василия Святославича. Существенно, что оба имени крестителя Руси к XIV в. воспринимались как христианские и при этом могли быть распределены между отцом и сыном: святой покровитель у Владимира Андреевича и Василия Владимировича был один и тот же, а христианские имена разные.

О наличии у Василия Владимировича каких-либо дополнительных христианских имен нам ничего не известно.

---

100 См. [Экземплярский. Т. II. С. 87. Примеч. 270].

101 См. [ПСРЛ. Т. XI. С. 2–3].

102 См. [Экземплярский. Т. II. С. 525–526].

103 См. [ПСРЛ. Т. VII. С. 238]; ср. [Экземплярский. Т. II. С. 315–316].

104 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 64]; ср. [ПСРЛ. Т. XI. С. 156; Т. XXIII. С. 133; Т. XXV. С. 221].

ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО) (?), сын Владимира, внук Ярослава Осмомысла, правнук Владимира Володаревича.

В летописи упоминаются два не названных по имени незаконнорожденных сына Владимира Ярославича Галицкого. Иногда, на основании некой папской подтвердительной грамоты, им приписываются имена *Владимир* и *Василько*. Однако тот факт, что в данной грамоте речь идет именно об этих княжичах, никогда не располагавших властью в Галиче, представляется весьма сомнительным[105].

ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО), сын Володаря, внук Глеба, правнук Всеслава Брячиславича.

Князь упоминается в летописных источниках в связи с одним-единственным событием — походом на Полоцк в 1186 г.[106] Во всех летописях при этом он фигурирует под христианским именем *Василько*. Немногочисленность таких упоминаний не позволяет с достаточной уверенностью утверждать, что это имя было у него единственным, однако такое положение дел представляется вполне вероятным.

Отметим, что между именами *Володарь* и *Василько* в роду Рюриковичей существовала определенная связь. При достаточной редкости имени *Володарь* у его носителей обычно есть родные братья и/или сыновья по имени *Василько*. Не исключено, что эта корреляция опосредованным и сложным образом связана с крестильным и мирским именами Владимира-Василия Святого, при том что имя *Володарь* нетождественно имени *Володимир*.

ВАСИЛИЙ, сын Дмитрия Донского, внук Ивана Красного, правнук Ивана Даниловича Калиты. Вел. кн. московский. Ум. в 1425 г.

Династическое христианское имя князя известно из многочисленных источников. О его рождении, в частности, сообщается следующее:

«Тое же зимы, декабря 30, родися великому князю Дмитрею Ивановичю сынъ Василей»[107].

Судя по дате рождения, официальным небесным патроном ребенка стал св. Василий Великий, чья память празднуется 1 и 30 января. Патронат Василия Великого подтверждается и сохранившейся печатью Василия Дмитриевича, где присутствуют изображение этого святого и

---

105 См. [Грушевський. Т. II. С. 454. Примеч. 2; Baumgarten 1927. P. 16–17; Dąbrowski 2002. S. 50], с указанием литературы.

106 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 403; Т. VII. С. 100].

107 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 19]; ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 534; Т. IV. Ч. 1. 296; Т. XXIV. С. 127; Т. XXV. С. 187]. В одном из списков Ермолинской летописи мы обнаруживаем дату — 1 декабря, тогда как в другом — более традиционную, 30 декабря [ПСРЛ. Т. XXIII. С. 117].

надпись «ВАСИЛ» и «КСА»[108]. Характерно в этом отношении свидетельство Софийской первой летописи, согласно которому князь появился на свет 1 января, т.е. непосредственно в праздник св. Василия[109]. Скорее всего, эта последняя дата вычислена искусственно, на основании знания княжеского патронального святого[110].

Что касается неофицильных небесных покровителей князя, то здесь может иметь значение запись, содержащаяся в Симеоновской летописи, где названа не только дата рождения князя, но и имя того святого, чья память празднуется в этот день:

«Тое же зимы по Рожествѣ Христовѣ мѣсяца Декабря въ 30 день, на память святого апостола Тимона, князю Дмитрею Ивановичю родися сынъ, и наречено бысть имя ему князь Василеи»[111].

Никаких более определенных сведений о дополнительных христианских именах Василия Дмитриевича в нашем распоряжении нет.

ВАСИЛИЙ-ГАВРИИЛ-ВАРЛААМ, сын Ивана-Тимофея Великого, внук Василия Темного, правнук Василия Дмитриевича. Вел. кн. московский. Принял постриг. Ум. в 1534 г.

Династическое христианское имя князя известно из многочисленных источников. Известно и его неофициальное христианское имя, *Гавриил*:

«Того ж(е) лѣта родися великому кн(я)зю с(ы)нъ Гаврило м(е)с(я)ца марта 26, и нарекоша имя ему Василеи»[112].

Официальным небесным покровителем московского князя был Василий Парийский, чья память празднуется 12 апреля, неофициальным же покровителем — архангел Гавриил:

«Мѣсяца Марта въ 25, въ 8 часъ нощи, противу дни собора Архангела Гавріила, родися великому князю Ивану Васильевичю сынъ отъ царевны Соѳіи и нареченъ бысть Василей Парійский. Крещенъ же бысть у Троици въ Сергіеве монастыри, а крестилъ его архіепископъ

---

108 См. [Соболева 1991. С. 149]. О монетах Василия Дмитриевича см. [Федоров-Давыдов 1981. С. 26–68, 98–103].

109 См. [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 441; Т. XXXIX. С. 115].

110 Патронат св. Василия Великого подтверждается, возможно, и изображением Василия Великого на чеканном окладе иконы Дмитрия Солунского из Собрания Оружейной палаты. Считается, что изображение было добавлено в XIV в. по приказу Василия Дмитриевича, поскольку на иконе был изображен патрональный святой его отца, Дмитрия Донского (см. ниже) [Писарская 1964. С. 25. Табл. X].

111 См. [ПСРЛ. Т. XVIII. С. 112].

112 См. [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. С. 287; Т. XXI. Ч. 2. С. 582].

Ростовскій Васіанъ да игуменъ Паисей Троецский, Априля въ 4, въ недѣлю Цвѣтную»[113].

В жалованной грамоте Ивана Грозного, сына великого князя, предписывается совершать поминовение по Василию Ивановичу на 26 марта (Собор архангела Гавриила), 12 апреля (память св. Василия Парийского) и 4 декабря (кончина великого князя)[114].

Изображение св. Василия Парийского было помещено на нескольких вкладах великокняжеской семьи в Троице-Сергиеву лавру: на пелене Софии Палеолог («Праздники и избранные святые»), на пелене Василия III и Соломонии Сабуровой («Явление Богоматери преподобному Сергию Радонежскому. Праздники»), а также на пелене «Избранные святые» из Кирилло-Белозерского монастыря. Св. Василий Парийский изображен и на одной из дробниц с оклада иконы св. Троицы, заказанного его сыном, Иваном Грозным (см. ниже)[115].

Несколько сложнее, правда, дело обстоит с надгробной иконой Василия III, подвергавшейся переделкам и поновлениям. Здесь сам великий князь изображен рядом с фигурой святого, при которой имеется

---

113 См. [ПСРЛ. Т. XII. С. 190–191]; ср. [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. С. 287; Т. XXI. Вып. 2. С. 582]. По другому списку Василий III оказывается наречен своеобразным «сдвоенным» именем: «родися благонадежный великому князю Ивану Василіевичю сынъ отъ царевны Соѳіи и нареченъ бысть Василей Гаврилъ, въ лѣто 6987, мѣсяца Марта 25, въ самый праздникъ Благовещеніа пресвятыя Богородица, въ 8 часъ нощи. Крещенъ же бысть у Троицы въ Сергіевѣ монастыри, а крестилъ его архіепископъ Ростовскій Васіанъ да игуменъ Паисѣй Троецьский, Априля въ 4, въ недѣлю Цвѣтоносную, у чюдотворивыхъ мощей преподобнаго чюдотворца Сергіа...» [ПСРЛ. Т. XII. С. 191].

Любопытно, что когда после долгой бездетности у Василия-Гавриила во втором браке наконец родился сын, будущий царь Иван Грозный (см. ниже), в Кирилло-Белозерском монастыре, куда великий князь ездил молиться о даровании ему наследника, были заложены две церкви (ср. [Никольский 1897. С. 105]). Одна из них — Усекновения Главы Иоанна Предтечи — была непосредственно связана с праздником, по которому было дано династическое имя новорожденному. Строительство же второй — Гавриилоархангельской — имело отношение, с одной стороны, к непубличному имени самого князя, тогда как с другой, по-видимому, было, так сказать, сюжетно связано с вестью о разрешении от бесплодия. В этой церкви был и придел свв. Константины и Елены, царица Елена была, по-видимому, покровительницей великой княгини Елены Глинской (см. [Лихачевский летописец. Л. 853 под 7039 <1531> г.]; ср. [Покровская 1975. С. 29]). Иными словами, событие запечатлевалось в церковном строительстве как бы одновременно на двух уровнях — династическом и более интимном, так сказать, семейном.

114 Ср. [Макарий 1860. Ч. I. С. 81–82].

115 См. подробнее: [Маясова 1968. С. 122, 125; Воронцова 2001. С. 46–51; Манушина, Шитова, Николаева 2002. Илл. 36–47; Горматюк 2003. С. 27].

надпись «Василий Великий»[116]. Впрочем, исследователи единодушно отмечают поздний (XVII в.) характер этой надписи[117].

Остается неясным, какое из имен было крестильным именем князя. Отметим, что, согласно летописным данным, день его крещения не приходился непосредственно на память св. Василия Парийского. Существенно, правда, что память Василия Парийского праздновалась через 8 дней после крещения княжича, и при его имянаречении, таким образом, могло иметь место довольно сложное и опосредованное применение правила «восьмого дня». Нельзя не отметить также, что иноческое имя князя *Варлаам*[118] явно подбиралось к официальному христианскому имени *Василий*, однако вопрос о крестильном имени Василия Ивановича все же остается открытым[119].

---

116 Вообще говоря, Василий Великий был одним из главных покровителей всего рода Рюриковичей в целом и московских князей в особенности (ср. [Самойлова 1999]). Чтил его и Василий III, так, согласно летописи, великий князь, опасаясь, что перед смертью он не сможет принять постриг, приказал «тайно служити» специально избранному для этого попу в приделе Василия Великого Благовещенского собора в Москве [ПСРЛ. Т. XIII. 413]. Отметим, что этот придел был освящен при его отце, Иване III, в 1489 г., т.е. спустя десять лет после рождения Василия-Гавриила.

117 См. подробнее: [Горматюк 2003]. Существуют по крайней мере две точки зрения на причины возникновения этой надписи. С одной стороны, не исключено, что на месте фигуры великого князя исходно был изображен его патрональный святой — Василий Парийский, и в таком случае икона представляла собой парное изображение двух святых тезок, традиционного покровителя Рюриковичей, Василия Великого, и личного великокняжеского патрона, Василия Парийского (ср. [Лаврентьев 1997. С. 101; Лаврентьев 1997а. С. 21, 22]). С другой стороны, возможно, портретное изображение Василия III присутствовало здесь изначально, однако святой, помещенный рядом с великим князем, был никто иной как Василий Парийский, «превратившийся» в Василия Великого в результате неправильного прочтения надписи в XVII в. Кроме того, есть мнение, что на иконе с самого начала были изображены св. Василий Великий и князь Василий III [Самойлова 1999. С. 39–58].

118 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 285; Т. XIII. С. 418–419; Т. XXI. С. 614–615; Т. XXII. Ч. 1. С. 538; Кормовая книга. С. 74].

119 Разноголосица источников здесь очень велика. В «Повести о втором браке Василия III» процедура имянаречения Василия III описывается так: «...великим государем и великим князем Васильем Ивановичем всеа Руси, нарицаемым по осмодневному обрезанию Гавриилом Тимофеевичем <напомним, что его отец Иван III (см. ниже) носил дополнительное имя *Тимофей. — А.Л., Ф.У.*>» [Бодянский 1847. С. 1]. Если мы сопоставим показания этого источника с датой крещения (4 апреля), известной из других текстов, станет понятно, что выражение «по осмодневному обрезанию» вовсе не так прозрачно, как может показаться на первый взгляд. Идет ли речь о том, что крестили на восьмой день после рождения? Или о том, что ему под-

Судя по всему, имя *Варлаам* было дано умирающему князю в честь Варлаама Хутынского. Так, в частности, именно Варлаам Хутынский изображен на дробницах с оклада иконы св. Троицы, заказанного Иваном Грозным. Кроме того, именно с правлением Василия III связан рассказ о чуде у гроба Варлаама Хутынского — архиепископ Макарий посылает великому князю воск от чудесным образом возгоревшейся свечи [120].

ВАСИЛИЙ, сын Ивана-Тита Грозного, внук Василия-Гавриила, правнук Ивана-Тимофея Васильевича Великого. Ум. в 1563 г.

Имя царевича, умершего во младенчестве, известно из летописных записей о его рождении и смерти, согласно которым он появился на свет 21 марта, а скончался 3 или 4 мая того же года [121]. Патрональным святым царевича мог стать Василий Анкирский (память празднуется 22 марта), но никакими определенными сведениями на этот счет мы не располагаем. Не знаем мы ничего и о дополнительных христианских именах царевича.

ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО), сын Константина, внук Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича-Васильевича Долгорукого. Кн. ростовский. Ум. в 1238 г.

Этот князь фигурирует в летописных источниках исключительно под своим христианским именем. В частности, оно появляется в записи о его рождении:

«...м^с^ца дєка^б^ въ з҃ дн҃ь на пама^т^ ста^г^ ѡц҃а Амвросьꙗ єп^с^па Родиса сн҃ъ блгоч^с^тивому и х^с^олюбивому кнѧзю Костантину и нарекоша имѧ ѥму въ ст҃ѣмь кр҃щньи Василии» [122].

По всей вероятности, это имя совмещало в себе функции родового и крестильного [123].

бирали имя в соответствии с тем праздником, который приходился на восьмой день после его крещения?

У Сигизмунда Герберштейна приводится своя версия, возможно, не соответствующая фактической последовательности событий, но ярко отражающая значимость родового княжеского имени для претендента на московский стол: согласно Герберштейну, сын Ивана III «завладел княжеской властью, не будучи, однако, венчан, а только переменив имя Гавриил на Василий» [Герберштейн 1988. С. 66].

120 См. [ПСРЛ. Т. XIII. С. 73].

121 См., например: [ПСРЛ. Т. XIII. С. 365, 366; Кормовая книга. С. 76; Карамзин. Т. IX. С. 26 и примеч. 74]. Другая, по-видимому, ошибочная дата рождения Василия Ивановича, 28 мая, содержится в Кратком летописце [Зимин 1950. С. 10].

122 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 434–435].

123 Отметим, что в указателе к XXXIV тому Полного собрания русских летописей (вопреки прямому свидетельству Лаврентьевской летописи, где сказано, что *Василий* было крестильным именем князя) ему приписывается крестильное имя *Михаил.*

Патрональным святым Василия Константиновича с наибольшей вероятностью мог бы стать Василий Великий, чья память праздновалась 1 и 30 января. Но никакими точными сведениями на этот счет мы не располагаем, как не располагаем и сведениями о том, играло ли в его жизни какую-то особую роль покровительство св. Амвросия и имя этого святого.

ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО), сын «царевича» Леона и Марицы, внук Владимира-Василия Мономаха, правнук Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича. Ум. в 1136 г.

Василько Леонович принадлежал к роду Рюриковичей лишь по женской линии. В летописях он фигурирует исключительно под своим христианским именем. Число упоминаний этого княжича (?) в источниках недостаточно велико, чтобы с уверенностью утверждать, что никакого другого родового имени у него не было. Однако это представляется вполне возможным.

Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения неизвестны. Вероятнее всего, он получил крестильное имя своего деда, Владимира-Василия Мономаха (см. ниже), при жизни последнего, что не противоречило родовым обычаям и запретам, однако, насколько мы можем судить по имеющимся у нас данным, еще довольно редко практиковалось в начале XII в.

Вместе с тем не исключено, что такой выбор имени призван был подчеркнуть связь ребенка с византийским правящим домом (его отец Леон (Лев) претендовал на византийский престол). Характерно, однако, что в летописных источниках Василько может именоваться с двумя разными отчествами — собственно патронимом *Леонович* и матронимом *Маричинич* (*Маричичь*). Последнее именование подчеркивает его связь с родом Рюриковичей и, соответственно, с Русью.

ВАСИЛИЙ, сын Мстислава Удатного, внук Мстислава Храброго, правнук Ростислава-Михаила Мстиславича-Федоровича. Ум. в 1218 г.

Христианское имя князя известно из Новгородской первой летописи младшего извода[124]. Упоминания о нем слишком немногочисленны для того, чтобы мы могли сказать что-то определенное о функционировании его имени. Дата рождения и обстоятельства имянаречения неизвестны, неизвестен и святой патрон князя. Отметим, что по отношению к княжичу в летописи используется только полная форма имени — *Василий*.

ВАСИЛИЙ, сын Рогволода (?), внук Всеслава (?), правнук Брячислава Изяславича (?) или сын Рогволода-Василия (?), внук Бориса (?), правнук Всеслава Брячиславича (?). Кн. полоцкий (?)

В летописях же, помещенных в этом томе, нигде не отмечается, что этот внук Всеволода Большое Гнездо в крещении бы звался *Михаилом*.. Не знаем мы и какого-либо другого источника таких сведений.

124 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 257, 258].

Происхождение этого князя не вполне ясно, как неизвестно и время его появления на свет. Очевидно, что он принадлежал к полоцкой ветви рода, однако в одних летописных перечнях он фигурирует как сын князя Рогволода, тогда как в других — как некий самостоятельный князь с не вполне прозрачной генеалогией, но явно принадлежащий к полоцкому дому[125].

На основании имеющихся в нашем распоряжении данных невозможно определить, было ли у него какое-либо другое княжеское имя. Для нас существенно, что христианское имя *Василий* воспроизводилось неоднократно у полоцких князей уже в первой трети XII в.

ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО), сын Романа, внук Мстислава, правнук Изяслава-Пантелеймона Мстиславича-Федоровича. Кн. волынский. Ум. в 1269 г.

Этот князь фигурирует в летописях исключительно под своим христианским именем (в форме *Василько*). В частности, именно эта гипокористическая форма используется в записи о его кончине:

«Престависѧ блговѣрныи кнѧзь и хр^с^толюбивыи великыи Володимерьскыи именемь Василко сн҃ъ великого кнѧзѧ Рома»[126].

Скорее всего, это имя совмещало в себе функции родового и христианского. Существенно, что уже отец князя, Роман Мстиславич (см. ниже), известен в источниках также только под христианским именем. Характерно, что у Василько Романовича был сын по имени *Владимир*, и, таким образом, — как это нередко бывало у Рюриковичей, — мирское и христианское имена крестителя Руси, Владимира-Василия Святого (см. ниже), оказались распределены между членами одной семьи.

Точная дата рождения князя и обстоятельства его имянаречения неизвестны.

В издании А.И. Тургенева фигурирует папская грамота Иннокентия IV, обращенная к королю Руси Иоанну[127], что заставляло исследователей приписывать имя *Иоанн* в качестве второго христианского то Даниилу Романовичу Галицкому (см. ниже)[128], то его младшему брату

---

125 См. [ПСРЛ. Т. VII. С. 28–29; Т. XXV. С. 31]; ср. [Карамзин. Т. II. Примеч. 251, 252].

Существенно, что все генеалогические сведения об этом князе базируются на данных поздних летописей. В древнейшем летописании обнаруживается только одно свидетельство о браке дочери некоего полоцкого князя Василько со Святославом Всеволодичем, внуком Олега Святославича (см. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 310]). Однако никаких убедительных аргументов в пользу того, что речь идет о дочери Василько Рогволодича, у нас нет. Более того, руководствуясь текстом летописи, скорее, можно предположить, что женой Святослава Всеволодича стала дочь Василько Святославича (см. ниже).

126 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 869].

127 См. [АИ. Т. I. № 65].

128 См. [Большакова 1976. С. 123. Примеч. 3]; ср. [Рапов 1977. С. 188].

Василько[129]. Однако адресат этого послания не выяснен, а само имя *Иоанн* присутствует, по-видимому, лишь в некоторой предварительной версии текста. В оригинале этого имени нет[130].

ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО) (ТЕРЕБОВЛЬСКИЙ), сын Ростислава, внук Владимира, правнук Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича Мудрого. Кн. теребовльский. Ум. в 1124 г.

Князь упоминается в источниках исключительно под своим христианским именем. В подавляющем большинстве случаев оно представлено в древнейших летописях в форме *Васил(ь)ко*[131] (за одним исключением: в Ипатьевской летописи *Василием* он назван под 1092 г.[132]). Весьма вероятно, это имя совмещало в себе функции родового и крестильного. Если это так, то перед нами один из самых ранних (или самый ранний) случаев подобного использования имени *Василий*.

Что касается гипокористической формы *Васил(ь)ко*, то именно она становится традиционной для князей Рюриковичей домонгольской поры. Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения Василько Теребовльского неизвестны. Ничего мы не можем сказать и о его небесном покровителе.

ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО), сын Святослава, внук Всеслава (?), правнук Брячислава Изяславича (?)[133]. Кн. полоцкий.

Этот князь фигурирует в летописях исключительно под своим христианским именем (в форме *Василько*). Упоминания о нем весьма немногочисленны, однако можно предположить, что это христианское имя совмещало у него функции родового и крестильного.

ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО), сын Юрия Долгорукого, внук Владимира-Василия Мономаха, правнук Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича. Кн. суздальский.

Этот князь фигурирует в летописях исключительно под своим христианским именем (в форме *Василько*). По всей видимости, оно совме-

---

129 См. [Голубинский. Т. II. 1-я половина тома. С. 83. Примеч. 2].

130 См. [Грушевський. Т. II. С. 70. Примеч. 1].

131 Ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 205 под 1085 г. Стб. 215 под 1092 г. Стб. 241. Стб. 256–263 под 1097 г. Стб. 265–269 под 1097 г. Стб. 274 под 1100 г. Стб. 293 под 1124 г.].

132 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 206].

133 Ср. [Данилевич 1896. С. 86; Рапов 1977. С. 59; Алексеев 1975. С. 232–233].

Согласно версии Воскресенской и Никоновской летописей, этот князь был внуком Владимира Мономаха, сыном Святослава Владимировича [ПСРЛ. Т. VII. С. 29; Т. IX. С. 157, 167]; ср. также: [ПСРЛ. Т. XXV. С. 32]. В Лаврентьевской летописи он назван *Василько Святославич*, а его генеалогия не приводится более развернуто [ПСРЛ. Т. I. Стб. 302]. Издатели Лаврентьевской полагали, что отчество *Святославич* ошибочно и в данном фрагменте речь идет о Василько Рогволодиче (см. выше). Видимо, по этой причине Василько Святославича нет в именном указателе к Лаврентьевской летописи.

щало в себе функции родового и крестильного (напомним, что в *Василием* в крещении звали деда этого князя, Владимира-Василия Мономаха) (см. ниже). Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения неизвестны.

Не исключено, что именно ему могла принадлежать печать с изображением свв. Василия и Георгия[134].

ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО), сын Ярополка, внук Изяслава-Пантелеймона (?), правнук Мстислава-Федора Владимировича-Васильевича Великого (?) или внук NN., правнук NN.

Существует ряд летописных упоминаний князя по имени *Василько Ярополчич*, относящихся к середине и второй половине XII в.[135] В историографии представлены несколько точек зрения относительно того, идет ли речь в этих упоминаниях об одном и том же человеке и каково могло быть происхождение этого князя[136].

Для нас существенно само употребление в летописи именно этой уменьшительной формы христианского имени *Василий* в сочетании с мирским отчеством *Ярополчич* применительно к князьям из рода Рюриковичей. Имя *Василий* в форме *Василько* могло функционировать в эту эпоху в качестве родового и крестильного одновременно.

ВАСИЛИЙ, сын Ярослава-Афанасия, внук Владимира Храброго, правнук Андрея Ивановича Серпуховского. Кн. серпуховский и боровский. Ум. в 1483 г.

Христианское имя князя зафиксировано в многочисленных летописных и актовых источниках[137]. Скорее всего, оно совмещало у него функции родового и христианского, хотя его отец, как мы помним, обладал по меньшей мере двумя именами — родовым *Ярослав* и христианским *Афанасий* (см. ниже). Точная дата рождения князя и обстоятельства его имянаречения неизвестны. Не располагаем мы сведениями о его небесном патроне (патронах?) и дополнительных христианских именах.

ВАСИЛИЙ (МИЗИННЫЙ), сын Ярослава-Федора, внук Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича-Васильевича Долгорукого. Кн. владимирский. Ум. в 1276 г.

Христианское имя князя известно, в частности, из летописной записи о его рождении:

«Родисѧ Ꙗрославу сн҃ъ и наречн[ъ] бы^с^ въ ст҃мь крщ҃нии Василии»[138].

---

134 См. [Янин, Гайдуков 1998. С. 53].

135 Ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 329; Т. II. Стб. 410–411; Т. II. Стб. 525, 533, 550].

136 См. подробнее: [Татищев. Т. III. С. 127; Карамзин. Т. II. Примеч. 332; Т. II. Примеч. 410; Т. III. Примеч. 87; Рапов 1977. С. 178; Balzer 1895. S. 188; Baumgarten 1927. P. 23. Tab. V. № 50; Sobolewski 2002. S. 82], с указанием литературы.

137 См., например: [ДДГ. С. 69. № 27. С. 75. № 30. С. 129. № 45].

138 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 470, 523 под 1241 г.]; ср. [ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 228; Т. VII. С. 146; Т. XXIII. С. 78].

В летописях сын Ярослава фигурирует исключительно под именем *Василий*, судя по всему, оно совмещало у него функции родового и крестильного. Точная дата рождения князя и обстоятельства его имянаречения неизвестны. Отметим, однако, что он появился на свет в ту же пору (в 1241 г.), что и его племянник-тезка, Василий Александрович (см. выше). Это не первый случай в роду Рюриковичей, когда дядя и племянник, появившиеся на свет примерно в одно и то же время, получают одинаковые имена.

Ничего определенного о святом патроне князя сказать мы не можем, однако нельзя не упомянуть, что именно в тот период, когда он появился на свет, явно расцветает культ его предка Владимира-Василия Святого (см. ниже). Так, например, согласно летописному житию Александра Невского, битва со шведами произошла 15 июля 1240 г., на память св. князя Владимира[139].

Отметим, что по отношению к князю в летописях используется только полная форма имени — *Василий*.

ВЕРХУСЛАВА-(АНАСТАСИЯ?), дочь Всеволода-Гавриила, внучка Мстислава-Федора Великого, правнучка Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Жена Болеслава Кудрявого. Ум. в 1158 г. (?)

Христианское имя княжны отсутствует в летописях, оно названо только в «Польской истории» Яна Длугоша[140]. Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения неизвестны.

Некоторые исследователи считают, что именно Верхуславе-Анастасии Всеволодовне принадлежало плоцкое Евангелие середины XII в., на окладе которого изображена женская фигура у ног Спасителя и начертано имя ANASTASIA[141].

Отметим, что сочетание имен *Верхуслава* и *Анастасия* позднее зафиксировано в роду Рюриковичей: так звали в крещении другую Верхуславу Всеволодовну, дочь Всеволода Большое Гнездо, у которой с Верхуславой-старшей совпадает также мирское отчество (см. ниже).

ВЕРХУСЛАВА-АНАСТАСИЯ, дочь Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, внучка Юрия Долгорукого, правнучка Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Жена кн. Ростислава-Михаила Рюриковича-Васильевича.

Крестильное имя княжны известно из «Послания епископа Симона Поликарпу», где оно упоминается вместе с родовым именем княгини и ее мужа:

«Пишет же ми княгини Ростиславляя Верхуслава, хотя тя поставити епископом или Новугороду на Онтониево мѣсто, или Смоленску на

139 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 479].

140 См. [Щавелева 2004. С. 320].

141 См. подробнее: [Jasiński 1977. S. 47; Щавелева 2004. С. 426–427].

Лазарево мѣсто, или Юрьеву на Алексѣево мѣсто. <...> И рѣхъ ей: Дщи моа Анастасие! Дѣло не богоугодно хощеши сътворити»[142].

В летописных источниках княгиня фигурирует исключительно под своим родовым именем. Точная дата ее рождения и обстоятельства имянаречения неизвестны[143]. Ничего определенного о том, кто из свв. Анастасий был покровительницей княгини, мы сказать не беремся.

ВЛАДИМИР (ХРАБРЫЙ), сын Андрея, внук Ивана Калиты, правнук Даниила Александровича Московского. Кн. серпуховский. Ум. в 1410 г.

Династическое христианское имя этого князя зафиксировано во множестве текстов, а в летописных источниках его рождение и имянаречение описаны следующим образом:

«Того же лѣта мѣсяца иул[я] въ 15 день на память святую мученик[у] Кирика и Улиты князю Андрею Ивановичю родися сынъ и нареченъ бысть князь Володимеръ на сорочины отца своего князя Андрея, на третїеи недѣли по Петровѣ дни»[144].

15 июля празднуется память крестителя Руси Владимира-Василия Святого (см. ниже). Не вызывает сомнений, что к середине XIV в. этот князь был прославлен под обоими своими именами, и его имя *Владимир* — изначально мирское — получило статус христианского. Именно Владимир Святой и стал, со всей очевидностью, официальным небесным патроном князя.

Данных о том, что у Владимира Андреевича были дополнительные христианские имена, у нас нет. Не исключено, что он находился под особым покровительством свв. Кирика и Иулиты, тем более что именно они, а не равноапостольный князь Владимир, упоминаются в записях о его рождении. Однако и на этот счет мы не имеем каких-либо определенных свидетельств.

Любопытно, что, согласно летописям, князь родился на сороковой день после кончины своего отца, однако не был наречен в его честь.

Впоследствии князь дает одному из своих сыновей, родившемуся незадолго до его именин, другое имя крестителя Руси — *Василий* (см. выше). В результате у отца и сына оказывается один и тот же патрональный святой, но разные христианские имена.

ВЛАДИМИР-ИОАНН, сын Василько, внук Романа, правнук Мстислава Изяславича-Пантелеймоновича. Кн. волынский. Ум. в 1289 г.

Крестильное имя князя зафиксировано в летописном рассказе о его погребении. Оно приводится и в плаче княгини:

---

142 См. [КПП. С. 75].

143 В работе Н. Баумгартена эта дочь Всеволода Большое Гнездо названа Верхуславой-Антонией, однако никакого источника, содержащего такое ее христианское имя, автор исследования не указывает [Baumgarten 1927. P. 44. Tab. X].

144 См. [ПСРЛ. Т. XV: Рогожский летописец. Стб. 62–63].

«...цсрю мои блгыи кроткыи смиреныи правдивыи во истиноу наречно бы^с^ тобѣ имѧ во крщньи Ива^н^»[145].

Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения неизвестны. Тот факт, что для князя Владимира Васильковича, родившегося в середине XIII в., потребовалось особое крестильное имя *Иоанн*, свидетельствует, по мнению исследователей, о том, что *Владимир* (имя крестителя Руси) не считалось еще в ту пору христианским и не было внесено в святцы[146]. Данными о патрональном святом этого князя мы не располагаем.

ВЛАДИМИР (?)-(ИОАНН?) (?), сын Владимира, внук Ярослава Осмомысла, правнук Владимира Володаревича.

В летописи упоминаются два не названных по имени незаконнорожденных сына Владимира Ярославича Галицкого. Иногда, на основании некой папской подтвердительной грамоты, им приписываются имена *Владимир* и *Василько*. Однако тот факт, что в данной грамоте речь идет именно об этих княжичах, никогда не располагавших властью в Галиче, представляется весьма сомнительным[147].

Такая реконструкция в данном случае выглядит еще более неубедительной оттого, что приходится допустить возможность наречения сына мирским именем живого отца (*Владимир*).

ВЛАДИМИР-ВАСИЛИЙ (МОНОМАХ), сын Всеволода-Андрея, внук Ярослава-Георгия Мудрого, правнук Владимира-Василия Святославича Святого. Кн. киевский. Ум. в 1125 г.

Крестильное имя князя известно в первую очередь из включенного в состав Лаврентьевской летописи «Поучения» Владимира Мономаха, где князь сам говорит об обстоятельствах своего имянаречения:

«Азъ худыи дѣдомъ своимъ Ꙗрославомъ блгсвлнымъ славнымъ нарече^н^нѣмь въ крщнїи Василии Русьскымь именемь Володимиръ»[148].

Существенно при этом, что Мономах унаследовал именную пару (крестильное и мирское имя) своего прадеда Владимира-Василия Святого (см. ниже).

---

145 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 919–920, 927 под 1289 г.]. Отметим, что летописный плач княгини, а также портретная характеристика князя во многом перекликаются с соответствующими текстами, связанными с фигурой Романа Ростиславича Смоленского (см. ниже) [Водов 2002. С. 519–520].

146 См. [Макарий. Кн. II. С. 604 <комментарий 25*, принадлежащий А.В. Назаренко>]; ср. также: [Vodoff 1988–1989] и [Б.А. Успенский 2002].

147 См. [Грушевський. Т. II. С. 454. Примеч. 2; Baumgarten 1927. P. 16–17; Dąbrowski 2002. S. 50], с указанием литературы.

148 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 240]. Крестильное имя Мономаха упомянуто и в «Хождении игумена Даниила» (см. [Путешествие игумена Даниила... С. 155; Веневитинов 1885. С. 140; ПСРЛ. Т. XLIII. С. 313]; ср. [Янин 1960]).

Патрональным святым князя, возможно, был Василий Великий (память празднуется 1 января). Отметим, в частности, что «Поучение» изобилует цитатами из сочинений этого святого и он напрямую поименован в тексте. Кроме того, как отмечал В.Л. Янин, изображение св. Василия Великого присутствует в верхней части большого новгородского софийского сиона, созданного по заказу Владимира Мономаха[149].

В поздних летописных источниках, вопреки прямому свидетельству Лаврентьевской летописи, князь может именоваться *Андреем*[150]. Здесь очевидным образом смешиваются христианские имена самого Мономаха, его отца, Всеволода Ярославича (см. ниже) и его сына — Андрея Владимировича Доброго (см. выше)[151].

Владимиру Мономаху атрибутируются печати с поясным изображением Василия Кесарийского и греческими и русскими благопожелательными надписями[152].

ВЛАДИМИР-ДМИТРИЙ, сын Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Кн. переяславский. Принял постриг. Ум. в 1227 г.

Крестильное имя князя известно из летописного сообщения о его рождении:

«Того же лѣт оу великого кнѧзѧ Всеволода родисѧ сн҃ъ до заоутренѧꙗ ст҃го Дмитрѣа дн҃е и именины же тогда бѧхоуть. Всеволодъ же велѣ оучинити сн҃ви своемоу во свое имѧ Дмитрѣи въ ст҃мь крс҃щнии а кнѧжее имѧ оучини емоу Володимиръ дѣда своего имѧ Мономаха Володимѣра»[153].

Из этого сообщения ясно, что князь по крестильному имени был тезкой своего живого отца и что у них был один патрональный святой — Дмитрий Солунский[154]. Мирское же имя князя, как указано в летописи, было дано ему в честь знаменитого прадеда — Владимира-Василия Мономаха (см. выше).

---

149 См. [Янин 1957. С. 113–131; Янин 1973; Янин 2004. С. 363]; ср. также [Пуцко 2003. С.155].

150 См. [ПСРЛ. Т. IX. С. 248, 251; Белокуров 1897. С. 27].

151 В указателе к 3-му тому «Актовых печатей Древней Руси» В.Л. Янина Владимиру Мономаху ошибочно приписывается христианское имя *Михаил* [Янин, Гайдуков 1998. С. 240].

152 См. [Янин 1970. Т. I. С. 17–20, 30, 68–70, 170, 173, 187, 230, 234; Янин, Гайдуков 1998. С. 25–26, 41, 123, 125].

153 См. [ПСРЛ. Т. II. С. 674–675 под 1192 г.].

154 Ср. в этой связи: [Mitterauer 1993. S. 310]. Некоторые исследователи высказывали предположение, что Владимиру-Дмитрию или его отцу, Всеволоду-Дмитрию (см. ниже), принадлежала камея с образом св. Дмитрия на Панагии Древлехранилища Братства Александра Невского во Владимире [Стерлигова 1997. С. 253–273].

Не исключено при этом, что на наречение сына Всеволода Большое Гнездо могло повлиять и то обстоятельство, что сын по имени *Владимир-Дмитрий* (см. ниже) уже был у свата Всеволода, Рюрика Ростиславича, а между этими князьями существовало своего рода антропонимическое соперничество.

Можно допустить, что при наречении христианским именем сыграло некоторую роль и чисто фонетическое созвучие его с именем исконным.

Иноческое имя князя в источниках не приводится.

ВЛАДИМИР-ПЕТР, сын Игоря-Георгия, внук Святослава-Николая, правнук Олега-Михаила Святославича-(Николаевича?). Кн. галичский.

Крестильное имя князя приводится в летописной записи о его рождении:

«Тогож лѣ^т^ родиса оу Игоря сн҃ъ м^с^ца ѡктабра вь и҃ дн҃ь и нарекоша има ему Володимѣръ а во крщньи Петръ» [155].

По мнению О.В. Лосевой, патрональным святым князя, скорее всего, был св. Петр Капетолийский (4 октября) или святой воин Петр Галат из обители св. Фоки (9 октября) [156]. Отметим, впрочем, что последний не упоминается в древнерусских месяцесловах. Кроме того, мы бы предположили, что при том синкретизме в почитании святых, который существовал в XII в., имя *Петр*, вне зависимости от конкретной календарной даты, так или иначе связывалось с фигурой апостола Петра. Некоторым подтверждением этого допущения может служить выбор крестильного имени для младшего брата Владимира Игоревича — Олега-Павла (см. ниже).

На основании данных Любечского синодика Р.В. Зотов реконструирует другое христианское имя Владимира Игоревича — *Антоний* [157]. Имени *Петр* в данном источнике не зафиксировано.

ВЛАДИМИР-ДМИТРИЙ, сын Константина, внук Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича-Васильевича Долгорукого. Кн. угличский. Ум. в 1249 г.

Крестильное имя князя известно из летописной записи о его рождении:

«Родиса сн҃ъ Костантину Володимеръ а в ст҃омъ крщ҃ньи нарекоша има юму Дмитрии» [158].

---

155 См. [ПСРЛ. Т. II. С. 562 под 1173 г.].

156 См. [Лосева 1996. С. 64].

157 См. [Зотов 1892. С. 73–74]. Строго говоря, имя *Антоний* этот князь мог носить в монашестве, однако мы не располагаем данными о том, что он принимал постриг. В летописных же текстах имя *Антоний* в связи с этим князем не упоминается.

158 См. [ПСРЛ. Т. I. С. 438 под 1214 г.].

Отметим, что княжич становится тезкой своего родного дяди, Владимира-Дмитрия Всеволодича (см. выше), как по родовому, так и по христианскому имени при жизни последнего.

Патрональным святым князя, скорее всего, был Дмитрий Солунский, покровитель его родного деда.

Возможно, как отметил В.Л. Янин, именно этот князь под именем Дмитрия Константиновича фигурирует в духовной черницы Марины от 1252 г.[159]

ВЛАДИМИР (МАЧЕШИЧ), сын Мстислава-Федора Великого, внук Владимира-Василия Мономаха, правнук Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича. Кн. владимиро-волынский и киевский. Ум. в 1174 г.

Можно встретить указание на то, что крестильным именем этого князя было *Дмитрий*, однако никаких прямых указаний в текстах на этот счет нет. Существуют печати с изображением св. Дмитрия и архангела Михаила, присваиваемые В.Л. Яниным сыну Владимира Мачешича, Ярославу-Иоанну (!) (см. ниже)[160].

ВЛАДИМИР-ДМИТРИЙ, сын Рюрика-Василия, внук Ростислава-Михаила, правнук Мстислава-Федора Владимировича-Васильевича Великого. Кн. киевский.

Христианское имя князя приводится в летописном сообщении о его появлении на свет:

«Тое же ѡсени родисѧ оу Рюрикови сн҃ъ и нарѣкоша имѧ емоу во ст҃мь кр҃щнии Дмитрѣи а мирьскии Володимеръ»[161].

Владимир-Дмитрий Рюрикович, возможно, получил свое мирское имя не без влияния крестильного имени собственного отца. Тот в крещении был *Василием*. Давая младшему сыну имя *Владимир*, Рюрик-Василий Ростиславич (см. ниже) действовал, вероятно, по такой схеме, когда имена прославленных предков, Владимира-Василия Мономаха и Владимира-Василия Святого, распределяются между двумя ближайшими родичами, в данном случае между отцом и сыном.

Не исключено, что на выбор христианского имени для княжича повлиял календарь, поскольку из летописи мы знаем, что он появился на

---

159 См. [Янин 1970. Т. I. С. 144], с указанием литературы.

160 См. [Янин 1970. Т. I. С. 112–115; Янин, Гайдуков 1998. С. 46–47]; ср. [Рапов 1977. С. 147]. В указателе к 3-му тому «Актовых печатей Древней Руси» Владимир Мачешич именуется Владимиром-Дмитрием, однако в комментарии к предполагаемым печатям его сына Ярослава Владимировича изображение св. Дмитрия, скорее, соотносится с патрональным святым Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо (см. ниже), великого князя владимирского, свояка и покровителя Ярослава Владимировича.

В некоторых работах Владимиру Мачешичу совершенно безосновательно приписывается крестильное имя *Василий* (см. [Бочаров 1968. С. 278]).

161 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 657–658 под 1187 г.].

свет осенью, а память св. Дмитрия Солунского — традиционнного покровителя княжеского рода — приходится на 26 октября. Можно допустить, что при наречении христианским именем сыграло некоторую роль и чисто фонетическое созвучие его с именем исконным.

Н.П. Лихачев, а вслед за ним и В.Л. Янин атрибутируют этому князю печать с изображением Дмитрия Солунского на одной стороне и Василия Кесарийского на другой [162].

ВЛАДИМИР, сын Святослава, внук Всеволода-Кирилла, правнук Олега-Михаила Святославича-(Николаевича?). Кн. черниговский. Ум. в 1201 г.

Исходя из данных Любечского синодика, Р.В. Зотов присваивал этому князю христианское имя *Борис*[163].

В научной литературе можно также встретить указание на то, что крестильным именем этого князя было *Андрей*, однако прямых данных в текстах на этот счет нет. Существуют печати с изображением св. Андрея и архангела Михаила, атрибутируемые В.Л. Яниным Владимиру Святославичу [164].

ВЛАДИМИР-ВАСИЛИЙ (СВЯТОЙ), сын Святослава, внук Игоря Рюриковича и Ольги-Елены, правнук Рюрика. Кн. новгородский и киевский. Ум. в 1015 г.

Крестильное имя князя надежно зафиксировано в многочисленных источниках — в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона [165], в Несторовом «Чтении о святых мучениках Борисе и Глебе» [166], в «Сказании о Борисе и Глебе» [167], в «Памяти и похвале Владимиру» Иакова мниха [168] и др. Св. Василий фигурирует и на одном из типов монет Владимира Святославича [169].

«Отче Василий» упоминается, наряду с Борисом и Глебом, в берестяной грамоте третьей четверти XI в., высказывалось предположение, что речь здесь идет не о Василии Великом, а о Василии-Владимире Святом, отце Бориса и Глеба [170].

Мы не можем сказать наверняка, в честь какого из святых тезок Василиев был крещен князь Владимир. Однако традиционно считается, что его патроном был св. Василий Великий (память празднуется 1 и 30 января), впоследствии ставший покровителем многих князей Рюриковичей.

---

162 См. [Лихачев 1928–1930. Вып. I. С. 56–58; Янин 1970. Т. I. С. 209].

163 См. [Зотов 1892. С. 70].

164 См. [Янин 1970. Т. I. С. 117–118; Янин, Гайдуков 1998. С. 46, 137].

165 См. [Молдован 1984. С. 92–93].

166 См. [Абрамович 1916. С. 4].

167 См. [Абрамович 1916. С. 41; УС. С. 52].

168 См. [Голубинский. Т. I. 1-я половина тома. С. 239–240].

169 См. [Сотникова, Спасский 1983. С. 79, 179–180. № 175].

170 См. [Б.А. Успенский 2002. С. 274–275]; ср. [Янин, Зализняк, Гиппиус 2004. С. 97–98. № 906].

По-видимому, именно Василию Великому были посвящены церкви, построенные Владимиром Святославичем, в Вышгороде и Киеве[171].

Отметим также летописное упоминание города Василева как одного из городов, в преданиях именуемого местом крещения князя[172].

Христианское имя крестителя Руси, со всей очевидностью, связано с именем современного ему византийского императора Василия II, свойственником которого стал князь, приняв крещение[173]. В связи с проблематикой выбора христианских имен для первых обращенных Рюриковичей нельзя не отметить также, что семантика родового имени князя *Володимир* и нового христианского *Василий* весьма близка. Кроме того, оба имени начинаются на одну букву, чему в восточнохристианском мире в ту эпоху могло придаваться определенное значение.

В недавнее время украинская исследовательница Н. Верещагина высказала гипотезу, согласно которой Владимиру-Василию Святому принадлежало еще одно, «тайное, молитвенное» имя *Николай*[174]. Подобное предположение вызывает множество возражений. Прежде всего оно основывается исключительно на «поздней» (XIV — XVI вв.) практике имянаречения на Руси и не подкреплено решительно никакими данными, относящимися к концу X — XI в. Не располагаем мы также и сведениями о существовании такого рода традиции в Византии той поры.

ВЛАДИМИР, сын Ярослава-Георгия Мудрого, внук Владимира-Василия Святого, правнук Святослава Игоревича. Кн. новгородский. Ум. в 1052 г.[175]

ВСЕВОЛОД (ВСЕВОЛОДКО) (ГОРОДЕНСКИЙ), сын Давыда (?), внук Игоря (?), правнук Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича Мудрого (?) или сын Ярослава (?), внук Ярополка-Петра (?), правнук Изяслава-Дмитрия Ярославича-Георгиевича (?)[176]. Кн. городенский. Ум. в 1141 г. (?)

---

171 Еще одним, правда весьма косвенным подтверждением патроната Василия Великого может служить то обстоятельство, что в рассказе о крещении князя — в качестве наставления христианину — приводятся слова Василия Великого о почитании икон (см. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 114; Т. II. Стб. 100]).

172 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 111; Т. II. Стб. 97].

173 Существует довольно распространенная версия, что Василий Болгаробойца был крестным отцом русского князя. Это предположение с точки зрения канонического права плохо согласуется с последующим браком Владимира и сестры Василия. Неизвестно, впрочем, насколько строго подобные установления соблюдались в междинастических отношениях.

174 См. [Верещагіна 1999; Верещагина 2004. С. 49]; ср. [Никитенко 1999. С. 171–175].

175 Существует гипотеза, согласно которой христианским именем этого князя было *Василий* и что этот князь, таким образом, унаследовал не только родовое, но и крестильное имя своего деда Владимира-Василия Святого (см. [Б.А. Успенский 2002]). Однако эта версия является результатом исследовательской реконструкции, надежных данных, ее подтверждающих, у нас нет.

176 Существует также версия, что Всеволод Городенский происходил из черниговских Святославичей и был сыном Давыда, внуком Святослава-(Николая?), правну-

Высказывалось предположение, что крестильным именем этого князя было *Симеон*, однако прямых данных, кроме не вполне ясных сфрагистических, на этот счет нет[177].

ВСЕВОЛОД-ИОАНН, сын Константина, внук Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича-Васильевича Долгорукого. Кн. ярославский и переяславский.

Крестильное имя князя приводится в летописном сообщении о его появлении на свет:

«Тогож лѣ^т^ м^с^ца иоуна въ и҃і дн҃ь на пама^т^ ста^г^ м^ч^ка Леѡнтиꙗ и дружины ѥго Родиса Костантину сн҃ъ Всеволодъ а въ ст҃ѣмь крщ҃ньи нарекоша ѥму има Іѡа^н^»[178].

Вероятно, патроном князя был Иоанн Предтеча, поскольку Рождество Иоанна Предтечи праздновалось через шесть дней после рождения княжича, 24 июня. Необходимо отметить, что имя *Иоанн* носил родной дядя ребенка, Иван Всеволодич (см. ниже), который к моменту рождения племянника был жив. Существенно также, что вопреки предшествующей родовой традиции этот князь получил свое мирское имя *Всеволод* до кончины своего родного деда Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо (см. ниже).

ВСЕВОЛОД-ГАВРИИЛ, сын Мстислава-Федора Великого, внук Владимира-Василия Мономаха, правнук Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича. Кн. новгородский и псковский. Ум. в 1138 г.

Крестильное имя князя известно, например, из «Уставной грамоты князя Всеволода церкви св. Иоанна Предтечи на Опоках»[179], подтверждается оно и данными агиографической и поздней летописной традиций.

Кроме того, исследователи обращали внимание на свидетельства о том, что в 1103 г. отец Всеволода, князь Мстислав Великий, поставил церквь Благовещения на Городище. Год рождения Всеволода-Гавриила Мстиславича не известен, однако считается, что эта церковь была возведена в ознаменование появления на свет старшего сына в семье Мстислава Владимировича.

ком Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича, однако такая генеалогия князя Всеволода представляется наименее вероятной.

177 См. [Воронин 1954. С. 146]; ср. [Назаренко 2000. С. 185–186; Плахонин 2004. С. 325–327], с указанием литературы.

178 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 435 под 1210 г.].

179 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 508, 558]. О загадочном крестильном имени Всеволода-Гавриила Мстиславича, упомянутом в «Уставе Всеволода» («Се азъ князь великыи Всеволод, нареченныи въ святѣмь крещении Игѡшь, правнукъ Игоревъ и блаженныя прабабы Олгы, нареченныя въ святѣмь крещении Елена, и матере Володимеровы, нареченнаго въ святѣмь крещении Василие...») [ПСРЛ. Т. III. С. 485], см. подробнее: [Янин 2003. С. 131–135; Каштанов 1992].

Князю атрибутируются печати с изображением Благовещения на одной стороне и св. Федора на другой[180].

Всеволод-Гавриил был прославлен как святой, перенесение его мощей состоялось в конце XII в., когда его племянник, Ярослав Владимирович (см. ниже), княжил в Новгороде, а его кузен и тезка по родовому имени, Всеволод Большое Гнездо (см. ниже), во Владимире. Князь, наряду с Довмонтом-Тимофеем, считался покровителем Пскова. Так, например, в Псковской второй летописи под 1323 г. изгнание немцев из псковской земли завершается удачно молитвами «благовѣрьных князей Гавриила и Тимофея»[181].

ВСЕВОЛОД, сын Мстислава-Бориса Старого, внук Романа, правнук Ростислава-Михаила Мстиславича-Федоровича. Кн. новгородский и смоленский.

В научной литературе можно встретить указание на то, что крестильным именем этого князя было *Петр*. Единственное основание — сфрагистическая реконструкция В.Л. Янина, который атрибутирует Всеволоду Мстиславичу-Борисовичу печати, где изображен, в частности, апостол Петр[182]. Данной реконструкции присуща особая гипотетичность, поскольку на соответствующих печатях на каждой стороне изображено по двое святых — свв. Борис и Глеб и апостолы Петр и Павел.

В качестве дополнительного аргумента для именования князя Всеволода *Петром* В.Л. Янин предлагает свое прочтение криптограммы в «Уставе Всеволода Мстиславича». Однако как содержание криптограммы, так и атрибуция «Устава» интересующему нас Всеволоду, внуку Романа, а не Всеволоду-Гавриилу (см. выше), внуку Владимира Мономаха, является предметом научной полемики[183].

ВСЕВОЛОД-КИРИЛЛ, сын Олега-Михаила, внук Святослава-(Николая?), правнук Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича Мудрого. Кн. черниговский и киевский. Ум. в 1146 г.

Напрямую крестильное имя князя в летописных источниках не упомянуто. По косвенным данным предполагается, что Всеволод Ольгович был в крещении *Кириллом*. Об этом свидетельствует особое отношение его сына, Святослава (см. ниже), к Кириллову монастырю. В этом монастыре Святослав Всеволодич и был погребен, причем в рассказе о погребении этот монастырь назван «отним» («во ст҃мь Кюрилѣ во ѡтне емоу манастырѣ»)[184]. Там же, в монастыре св. Кирилла, была

---

180 См. [Янин 1970. Т. I. С. 109–111, 232, 235; Янин, Гайдуков 1998. С. 43, 129–130].

181 См. [ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 23]. О более поздних совместных изображениях князей Всеволода-Гавриила и Довмонта-Тимофея см., например: [Бобров 1979. С. 270–271].

182 См. [Янин 1970. Т. I. С. 93–94, 207–208; Янин, Гайдуков 1998. С. 47, 141].

183 См. подробнее: [Янин 2003. С. 131–135; Каштанов 1992].

184 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 680 под 1194 г.].

похоронена его мать, жена Всеволода Ольговича: «...положена бы^с в Києвѣ оу ст҃го Кюрила юже бѣ сама создала»[185].

Н.П. Лихачев, а вслед за ним и В.Л. Янин атрибутируют Всеволоду Ольговичу печать с изображением св. Кирилла и благопожелательной надписью[186]. Патрональным святым князя, скорее всего, был св. Кирилл Александрийский[187].

С другой стороны, Р.В. Зотов относит фразу из Любечского синодика «...вел. князя Георгия Киевскаго, во иноцѣхъ Гаврила Всеволода <sic! >» именно Всеволоду Ольговичу, полагая, что того звали в крещении *Георгием*, а в монашестве *Гавриилом*[188]. В пользу такой гипотезы говорит, казалось бы, тот факт, что в 1144 г. Всеволод Ольгович заложил церковь св. Георгия в Каневе[189]. Замечательно, однако, что сама дата закладки церкви, приводимая в летописи, — 9 июня, т.е. день памяти св. Кирилла Александрийского. В целом версия Р.В. Зотова остается довольно сомнительной, в частности потому, что мы не располагаем сведениями о принятии этим князем пострига. Не исключено, что в Любечском синодике речь идет о крестильном и монашеском имени брата Всеволода, Игоря Ольговича (см. ниже).

ВСЕВОЛОД (ЧЕРМНЫЙ), сын Святослава, внук Всеволода-Кирилла, правнук Олега-Михаила Святославича-(Николаевича?). Кн. киевский. Ум. в 1212 г. (по В.Н. Татищеву, в 1215 г.).

Крестильное имя князя в летописях отсутствует, имя *Даниил* приписывается ему исключительно на основании не вполне прозрачных данных Любечского синодика[190].

ВСЕВОЛОД-ДМИТРИЙ (БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО), сын Юрия Долгорукого, внук Владимира-Василия Мономаха, правнук Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича. Кн. владимирский. Ум. в 1212 г.

Христианское имя этого князя известно из летописей. Оно указано в записи о рождении его сына, Владимира-Дмитрия (см. выше):

«Того же лѣ^т оу великого кнѧзѧ Всеволода родисѧ сн҃ъ до заоутренѧꙗ ст҃го Дмитрѣа дн҃е и именины же тогда бѧхоуть. Всеволодъ же велѣ оучинити сн҃ви своемоу во свое имѧ Дмитрѣи въ ст҃мь кр^с^щнии а кнѧжее имѧ оучини емоу Володимиръ дѣда своего имѧ Мономаха Володимѣра»[191].

---

185 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 612 под 1179 г.].

186 См. [Лихачев 1928–1930. Вып. I. С. 83–84; Янин 1970. Т. 1. С. 71, 105–106; Янин, Гайдуков 1998. С. 41, 126].

187 См. [Блиндерова 1980; Марголіна 2004. С. 183–188].

188 См. [Зотов 1892. С. 35].

189 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 317; Т. VII. С. 35].

190 См. [Зотов 1892. С. 44].

191 См. [ПСРЛ. Т. II. С. 674–675 под 1192 г.].

Точная дата рождения этого князя в древнейших летописях отсутствует, подобно тому как отсутствует в них и точная дата рождения всех его братьев. Она указана лишь в Тверской летописи, памятнике достаточно позднем, причем, согласно этому источнику, она на семь дней отстоит от празднования св. Дмитрию Солунскому (26 октября):

«Сущу князю Георгїю Суждальскому Володимеричу въ своей области на рѣцѣ на Яхромѣ и сь княгинею, и мѣсяца октобря 19 день родися ему сынь Дмитриій, и нарече ему имя Всеволодъ, и постави на томъ мѣстѣ въ имя его градъ, и нарече его Дмитровъ» [192].

Если верить показаниям Тверской летописи, оказывается, что князь был наречен именем, выпадавшим на восьмой день по рождении («по восьмидневному обрезанию»?), т.е. его назвали по обычаю, свойственному XV — XVI вв., но никак не зафиксированному у Рюриковичей домонгольской поры.

Сохранились многочисленные свидетельства почитания князем своего патронального святого. Во Владимире князь возводит Дмитровский собор, он привозит на Русь из Солуни реликвии св. Димитрия — сорочку и мироточивую гробовую доску (причем святыни были приобретены в базилике св. Дмитрия в Фессалонике) [193], *Дмитрием*, как уже упоминалось, он называет одного из своих сыновей [194].

Изображение Дмитрия Солунского присутствует на печатях, атрибутируемых В.Л. Яниным сыновьям Всеволода Большое Гнездо, княжившим в Новгороде (Святославу и Ярославу).

ВСЕВОЛОД-ДМИТРИЙ, сын Юрия, внук Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича-Васильевича Долгорукого. Ум. в 1238 г.

Крестильное имя князя приводится в летописном сообщении о его появлении на свет 23 октября 1213 г.:

«Родисѧ сн҃ъ Геѡргїю кнѧзю мц҃а ѡктѧ[6] въ к҃г дн҃ь и прозваша и Всеволодъ а в ст҃омъ крщ҃нии нарекоша имѧ ѥму Дмитрии» [195].

---

192 См. [ПСРЛ. Т. XV: Тверская летопись. Стб. 221 под 1155 г.].

193 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 414 под 1197 г. Стб. 437 под 1212 г.; Т. XXI. Ч. 1. С. 226]. С фигурой Всеволода-Дмитрия связывали изображение Дмитрия Солунского на стене Мартирьевской паперти в новгородской Софии [Брюсова 1968. С. 121–125] и икону сидящего на престоле с полуобнаженным мечом Дмитрия Солунского конца XII — начала XIII в. из Третьяковской галлереи. Некоторые исследователи высказывали предположение, что Всеволоду-Дмитрию или его сыну, Владимиру-Дмитрию (см. выше), принадлежала камея с образом св. Дмитрия на Панагии Древлехранилища Братства Александра Невского во Владимире [Стерлигова 1997. С. 253–273].

194 Ср. в этой связи: [Mitterauer 1993. S. 310].

195 См. [ПСРЛ. Т. I. С. 438].

Святым патроном князя со всей очевидностью был Дмитрий Солунский, чья память празднуется 26 октября. Кроме того, он становился полным антропонимическим подобием своего родного деда, Всеволода-Дмитрия Юрьевича Большое Гнездо (см. выше), скончавшегося примерно за полтора года до рождения княжича[196].

Всеволоду Юрьевичу атрибутируются печати с изображением Дмитрия Солунского с мечом и св. Георгия с копьем и щитом, а также печать с изображением пешего Дмитрия и конного Георгия[197].

ВСЕВОЛОД-АНДРЕЙ, сын Ярослава-Георгия Мудрого, внук Владимира-Василия Святого, правнук Святослава Игоревича. Кн. киевский. Ум. в 1093 г.

Крестильное имя Всеволода Ярославича отсутствует в летописных источниках[198]. Оно восстанавливается на основании целого ряда убедительных косвенных свидетельств.

Так, в пользу того, что Всеволод Ярославич в крещении был *Андреем*, говорит надпись из киевской Софии, так называемая «запись дружинника Дмитра», где упоминается о смерти князя Андрея в среду и погребении его в четверг 14 апреля (что полностью соответствует летописному свидетельству о смерти Всеволода Ярославича)[199].

Н.П. Лихачев, а вслед за ним и В.Л. Янин, атрибутируют этому князю печати с изображением апостола Андрея и греческой надписью, упоминающей «Андрея Свлада <sic!>»[200].

---

196 Столь полное антропонимическое подобие внука и деда иногда приводит к путанице в научной литературе. Так, в именном указателе к 3-му тому «Актовых печатей Древней Руси» В.Л. Янина и П.Г. Гайдукова присутствует упоминание только одного Всеволода-Дмитрия Юрьевича, а именно деда — Всеволода Большое Гнездо, хотя в тексте речь идет о двух князьях, деде и внуке, причем найденные печати атрибутируются внуку. Соответственно, в работе Е.В. Пчелова печати Всеволода Юрьевича-внука ошибочно приписываются Всеволоду Юрьевичу-деду [Пчелов 2004. С. 70].

197 См. [Янин 1970. Т. I. С. 99–102, 208; Янин, Гайдуков 1998. С. 47–48, 142].

198 Существенно при этом, что его реконструировал уже Н.М. Карамзин, считая князя, в полном соответствии с позднее выявленными данными, *Андреем*. При этом он основывался на фактах церковного строительства князя и на показаниях поздней летописи, по всей видимости, в целом ошибочных [Карамзин. Т. II. Примеч. 50]. Имена в в цитируемой Н.М. Карамзиным летописи — *Роман*, *Юрий* и *Андрей* — в точности соответствуют хорошо известным по древнейшим летописным текстам христианским именам младших сыновей Владимира Мономаха. При этом ошибочно указывается, что эти имена принадлежали сыновьям Ярослава Мудрого.

199 См. подробнее: [Высоцкий 1963. С. 228–232; Высоцкий 1966. С. 18–24. № 4; Высоцкий 1968. С. 1113; Янин 1970. Т. I. С. 16; Зализняк 2004].

200 См. [Лихачев 1928–1930. Вып. I. С. 152–154; Янин 1970. Т. I. 15–16, 168–170]; ср. [Янин, Гайдуков 1998. С. 20–21, 114–115].

В 1086 г. князь заложил в Киеве церковь св. Андрея, при которой его дочерью Янкой (см. ниже) был основан монастырь[201]. Не исключено, что церковь св. Андрея в Переяславле, построенная, согласно летописной датировке, при Всеволоде Ярославиче, была посвящена Андрею Стратилату[202].

По всей видимости, не без влияния христианского имени Всеволода Ярославича в его ветви рода укреплялся культ сразу нескольких святых с этим именем. Во всяком случае можно, как кажется, говорить о почитании его ближайшими потомками не только апостола Андрея, но и Андрея Критского, Андрея Стратилата и Андрея Юродивого.

ВЯЧЕСЛАВ-(МЕРКУРИЙ?), сын Ярослава-Георгия Мудрого, внук Владимира-Василия Святого, правнук Святослава Игоревича. Кн. смоленский. Ум. в 1057 г.

Этот сын Ярослава Мудрого по родовому имени был тезкой чешского князя Вячеслава, убитого в 929 г. и причисленного к лику святых. События из жития св. Вячеслава были известны на Руси не позднее конца XI в., а весьма вероятно, и существенно ранее. Однако у нас нет никаких сведений о том, чтобы имя *Вячеслав* давалось князьям на протяжении всего существования династии Рюриковичей в качестве крестильного. В русских же месяцесловах домонгольской поры память св. Вячеслава (28 сентября) занимает периферийное положение: она фигурирует лишь в Архангельском Евангелии, причем для этого праздника не приводится особого евангельского текста[203].

Таким образом, вполне возможно, что фигура чешского князя Вячеслава повлияла на выбор имени для Вячеслава Ярославича, однако, скорее всего, речь должна здесь идти не о христианском имени, а о родовом, мирском.

Возможно, крестильным именем этого князя было *Меркурий*. Оно реконструируется исключительно на основании сфрагистических данных: в Смоленске была найдена печать с изображением св. Меркурия Кесарийского и греческой надписью, упоминающей «Меркурия-Вентеслава», которую В.Л. Янин атрибутировал Вячеславу Ярославичу[204].

ГАВРИИЛ, см. ВАСИЛИЙ-ГАВРИИЛ-ВАРЛААМ

ГАВРИИЛ, см. ВСЕВОЛОД-ГАВРИИЛ

ГАВРИИЛ, см. СВЯТОСЛАВ-ГАВРИИЛ

ГЕОРГИЙ, см. ИГОРЬ-(ГЕОРГИЙ?), сын Олега.

ГЕОРГИЙ, см. ИГОРЬ-ГЕОРГИЙ, сын Святослава.

ГЕОРГИЙ, см. ЯРОСЛАВ-ГЕОРГИЙ, сын Владимира.

---

201 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 197].

202 См. [Раппопорт 1993. С. 38, 42]; ср. [Раппопорт 1993а. С. 262].

203 См. подробнее: [Лосева 2001. С. 84–86].

204 См. [Янин 1970. Т. I. С. 16, 168].

ГЕОРГИЙ, сын Андрея Боголюбского, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Кн. новгородский.

В летописях этот князь фигурирует исключительно под своим христианским именем в различных его вариантах (*Георгий*, *Гюрги*). Обстоятельства его имянаречения неизвестны, однако не вызывает сомнений, что он был назван в честь деда, Юрия Долгорукого (см. ниже). По-видимому, имя *Георгий* в данном случае совмещает в себе функции родового и крестильного[205].

Этому князю атрибутируются печати с изображением св. Андрея на одной стороне и св. Георгия с копьем и щитом на другой[206]. В.Н. Лазарев связывал с фигурой именно этого князя знаменитое изображение Георгия-воина на обороте иконы «Богоматерь Одигитрия» из Успенского собора Московского Кремля[207].

ГЕОРГИЙ, сын Василия, внук Дмитрия Донского, правнук Ивана Ивановича Красного. Ум. в 1400 г.

Относительно даты рождения этого княжича, старшего сына Василия Дмитриевича, в источниках наблюдается расхождение. Летописи едины в том, что он появился на свет весной, однако некоторые называют дату 1 марта[208], другие 30 марта[209]. Кроме того, встречаются даты 1 мая[210] и 30 мая[211]. Поскольку на весну и начало лета приходится целый ряд праздников, посвященных различным свв. Георгиям, мы не можем сказать что-нибудь определенное об официальном небесном патроне этого княжича, хотя среди всех этих святых тезок нельзя не выделить фигуру Георгия Победоносца, традиционного покровителя Рюриковичей.

Никакими данными о дополнительных христианских именах рано умершего Юрия Васильевича мы не располагаем.

ГЕОРГИЙ, сын Василия Темного, внук Василия, правнук Дмитрия Ивановича Донского. Ум. в 1441 г.

Старший сын Василия Темного умер ребенком. Точная дата его рождения неизвестна. В летописях указывается только, что он появился

---

205 В одном из памятников XVII в. (Родословная книга и описание Владимирского собора) третьим сыном Андрея Боголюбского назван некий Глеб, не фигурирующий в летописных источниках. Существование у Андрея Юрьевича сына по имени *Глеб* вызывало у историков закономерные сомнения. Е.Е. Голубинский предположил, что *Глеб* было другим христианским Георгия Андреевича [Голубинский 1903. С. 134–135. Примеч. 2], однако эта гипотеза представляется нам не имеющей под собой никаких оснований.

206 См. [Янин 1970. Т. I. С. 99, 201; Янин, Гайдуков 1998. С. 45, 136].

207 См. [Лазарев 1953. С. 186–222].

208 См., например: [ПСРЛ. Т. XI. С. 157].

209 См., например: [ПСРЛ. Т. VIII. С. 65; Т. XV: Рогожский летописец. Стб. 164; Т. XVIII. С. 143; Т. XXV. С. 222].

210 См., например: [ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. С. 210; Т. XXIII. С. 134].

211 См., например: [ПСРЛ 1853. Т. VI. С. 124].

на свет осенью 1437/38 г.[212] Вероятнее всего, его официальным небесным покровителем мог стать Георгий Победоносец, поскольку на ноябрь (3 и 26) приходится два праздника, связанные с этим святым, однако точными данными мы не располагаем.

Весьма вероятно, что на наречение ребенка повлияла фигура его двоюродного деда, Юрия Звенигородского, у которого отец мальчика, Василий Темный, оспаривал московский стол и родовое старшинство. Не менее существенно, однако, что *Юрием* звался и родной дядя нарекаемого княжича, брат Василия Темного (см. выше). Хотя этот дядя скончался в детском возрасте за тридцать с лишним лет до рождения племянника, он, как и племянник, был старшим сыном своего отца.

О наличии каких-либо дополнительных христианских имен у Юрия Васильевича нам ничего не известно.

ГЕОРГИЙ, сын Василия Темного, внук Василия, правнук Дмитрия Ивановича Донского. Кн. дмитровский. Ум. в 1473 г.

О рождении этого княжича в 1441 г. сообщается следующим образом:

«Того же лѣта преставися князь Юрьи болшей, а другой князь Юрій родися мѣсяца генваря 22, на Тимофѣевъ день; а дотолѣ за годъ на тотъ же день родися князь великій Иванъ Василіевичь»[213].

Не возникает сомнений, таким образом, что Юрий-младший был назван в честь своего родного брата Юрия (см. выше), рано умершего старшего сына Василия Темного.

Наречение Юрия Васильевича особенно явно демонстрирует преобладание династического начала над календарным. Дата рождения ребенка довольно далека от дней празднования памяти кого-либо из традиционно почитаемых на Руси свв. Георгиев. 8 января, правда, празднуется память Георгия Хозевита, однако, насколько мы можем судить по сохранившимся источникам, почитание этого святого не было особенно широко распространено на Руси. Кроме того, наречение в его честь предполагало бы отсчет по месяцеслову назад на целых две недели, что делает ориентацию на месяцеслов весьма условной[214].

---

212 См. [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 102; VIII. С. 106; Т. XVIII. С. 188; Т. XXV. С. 260; Т. XX. Ч. 1. С. 256 под 1439 г.; Т. XXXIX. С. 145]; ср. [ПСРЛ. Т. XXIII. С. 149].

213 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 111].

214 Вместе с тем, непосредственно 22 января греческая церковь празднует память мучеников, пострадавших от болгар. Среди них есть и Георгий. В известных нам русских месяцесловах эта память не отмечается. По-видимому, нельзя полностью исключить возможность, что этот праздник был известен в семье Василия II из каких-либо византийских источников, но это представляется маловероятным, тем более что в любом случае этот святой мученик Георгий не относился к числу традиционно почитаемых у Рюриковичей.

Итак, вероятнее всего, официальный небесный покровитель Юрия Васильевича-младшего был тот же, что и у Юрия Васильевича-старшего (Георгий Победоносец, традиционный патрон Рюриковичей?)[215]. Летописец отмечает, что Юрий Васильевич-младший родился, как и Иван III (см. ниже), на день апостола Тимофея. При этом мы располагаем сведениями о том, что Иван Васильевич в некоторых источниках именуется *Тимофеем*. О его брате Юрии Васильевиче-младшем таких сведений у нас нет, однако версия о том, что и он обладал дополнительным христианским именем *Тимофей*, представляется вполне допустимой.

ГЕОРГИЙ, сын Василия-Гавриила, внук Ивана-Тимофея Великого, правнук Василия Васильевича Темного. Кн. угличский. Ум. в 1563 г.

Династическое христианское имя княжича зафиксировано в летописях. Что же касается точной даты его рождения, то в летописных источниках наблюдаются определенные расхождения. В большинстве летописей указывается, что Юрий Васильевич родился 30 октября, в день празднования памяти мучеников Зиновия и Зиновии:

«Того же мѣсяца октября 30, въ среду, на память святыхъ мученикъ Зиновіа и Зиновѣи, въ 7 часъ дни, родися великому князю Василью Ивановичю сынъ отъ его великіе княгини Елены Глинскіе, и нареченъ бысть Георгій, Освященіе церкви иже въ Лидѣ, и възрадовася великій

---

215 Не исключено, однако, что при имянаречении Георгия Васильевича прямо или косвенно учитывалась и фигура св. Георгия Митиленского (7 апреля). Дело в том, что через семь лет после смерти князя в его честь, судя по всему, был наречен его родной племянник, сын Ивана III, Георгий Иванович (см. ниже), официальным покровителем которого стал св. Георгий Митиленский. У Рюриковичей, если княжичу давалось христианское имя не живого, а умершего предка, то и святой покровитель для предка и потомка часто выбирался один и тот же.

В такой перспективе ситуация с тремя Георгиями (двумя братьями и их племянником) оказывается несколько противоречивой. В самом деле, если Георгий — младший из двух братьев Васильевичей — унаследовал от своего старшего брата не только имя, но и патронального святого, то оказывается, что его племянник, Георгий Иванович, небесного покровителя от своего умершего дяди не унаследовал. Если же, напротив, племянник был наречен во имя того же святого, что и дядя, то получается, что в предшествующем поколении младший брат и старший были, возможно, названы в честь разных свв. Георгиев. Следует подчеркнуть, однако, что мы не знаем ничего определенного не только о патроне первого из интересующих нас князей Георгиев, Георгия Ивановича-старшего, но и о дате его рождения (см. выше). В любом случае существенно, что Георгий Иванович-младший родился задолго и до празднования Георгию Победоносцу (23 апреля), и Георгию Митиленскому (7 апреля) и очевидным образом получил свое имя по династическим, а не календарным соображениям.

государь и прослави Бога; а крестилъ его у Богоявленіа на Троецкомъ дворѣ, въ славномъ царьствующемъ градѣ Москвѣ, Троецкій игуменъ Асафъ Скрипицинъ да старець Данилъ исъ Переславля, ноября въ 3, въ недѣлю»[216].

Мы можем заключить, что официальным небесным покровителем Юрия Васильевича был, что вполне традиционно для Рюриковичей, Георгий Победоносец. Н.М. Карамзин, указывая ту же дату рождения (30 октября), отмечает, что княжич был крещен на третьей неделе, т.е. незадолго до праздника освящения церкви св. Георгия в Киеве, приходившегося на 26 ноября. Иными словами, патронат св. Георгия сомнений не вызывает, можно говорить лишь о приуроченности наречения княжича к тому или иному из Георгиевских праздников.

При этом в источниках встречается и другая дата появления на свет Юрия Васильевича — 31 октября[217], когда церковь отмечала, в частности, память апостола Стахия. На одной из дробниц с оклада, , заказанного Иваном Грозным для иконы св. Троицы, изображен апостол Стахий. Это позволило Б.М. Клоссу предположить, что именно он считался одним из патронов брата царя, Юрия Васильевича[218]. Ничего более определенного о дополнительных христианских именах этого князя сказать мы не можем.

ГЕОРГИЙ (ДОЛГОРУКИЙ), сын Владимира-Василия Мономаха, внук Всеволода-Андрея, правнук Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича Мудрого. Кн. новгородский, ростовский, суздальский и киевский. Ум. в 1157 г.

В многочисленнейших летописных упоминаниях Юрий Владимирович фигурирует исключительно под своим христианским именем, в различных его вариантах (например, *Юрьи*, *Юрги*, *Гюрги*, *Дюрги* и др.). Есть все основания полагать, что это имя совмещало в себе функции родового и крестильного. В качестве крестильного его носил родной прадед ребенка — Ярослав-Георгий Мудрый (см. ниже), причем у предка и потомка вдобавок совпадали и отчества, как родовые, так и крестильные. При этом все родные (единоутробные) братья Юрия Долгорукого, так же как и он сам, известны исключительно под христианскими именами, которые несколькими поколениями ранее носили в крещении их предки. Скорее всего, имянаречение двух младших сыновей Владимира Мономаха — Юрия Долгорукого и Андрея Доброго — являет собой один из ранних примеров использования крестильных

216 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 280–281; Т. XIII. С. 66; Т. XX. Ч. 1. С. 414]; ср. [ПСРЛ. Т. XXIII. С. 205; Карамзин. Т. VII. Примеч. 312].

217 См., например, данные Постниковского летописца: [ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 17].

218 См. [Клосс 1998. С. 80–81].

имен неканонизированных предков в качестве имен родовых и христианских одновременно[219].

Точная дата появления на свет Юрия Владимировича и обстоятельства его имянаречения в источниках не отражены. Судя по косвенным летописным данным, князь праздновал свои именины в апреле[220]. Летопись именует этот праздник «Георгиевым днем», такая формула несколько подкрепляет предположение о том, что святым патроном Юрия Долгорукого был Георгий Победоносец. Однако утверждать это наверняка мы не можем, поскольку на апрель приходится память нескольких свв. Георгиев. Впрочем, в пользу патроната Георгия Победоносца свидетельствуют также и печати, атрибутируемые сыну Юрия Долгорукого, на которых изображен св. Георгий с копьем и щитом[221]. Сходные изображения святого воина присутствуют также на монетах его прадеда, крестильным именем которого он был назван, Ярослава-Георгия Мудрого[222] (см. ниже). Кроме того, фигура св. Георгия включена в деисусную композицию на переяславском потире, изготовленном, по мнению исследователей, по заказу Юрия Долгорукого[223].

Юрий Долгорукий построил церковь св. Георгия во Владимире на Клязьме[224] и Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, который был позднее отстроен заново его внуком Святославом-Гавриилом Всеволодичем[225] (см. ниже).

ГЕОРГИЙ, сын Владимира (?), внук Святослава, правнук Ярослава-Панкратия Святославича-(Николаевича?) Муромского (?) или сын Ростислава (?), внук Ярослава-Панкратия, правнук Святослава-(Николая?) Ярославича-Георгиевича Мудрого (?). Кн. муромский. Ум. в 1174/75 г. (?)

Этот князь фигурирует в летописях исключительно под христианским именем *Юрий*, однако генеалогия его достаточно запутана, и относительно его происхождения у исследователей существует по-крайней мере две версии. Характеристика функционирования имени оказывается затрудненной из-за того, что в эту эпоху в Муроме действовало, по-видимому, несколько князей по имени *Юрий*, а в ряде летописных

---

219 Некоторые исследователи предполагают, что существовало независимоое дохристианское имя *Юрий*, которое со временем полностью сливается, входит как составная часть в христианское имя *Георгий* (см. [Янин 1970. Т. I. С. 98]; ср. [Янин 2003. С. 108; Рапов 1977. С. 142]), однако никаких ясных аргументов, которые свидетельствовали бы о существовании языческого имени *Юрий*, они не приводят.

220 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 422–423].

221 См. [Янин 1970. Т. I. С. 99–101, 198; Янин, Гайдуков 1998. С. 44, 133–134].

222 См. [Сотникова, Спасский 1983. С. 196–201].

223 См. [Орешников 1897. С. 338; Янин 1973; Янин 2004. С. 363].

224 См. [ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 153 под 1152 г.].

225 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 455, 460].

упоминаний, в том числе в записях о кончине под 1174 г.[226], князь Юрий Муромский именуется без патронима. Соответственно, расходятся мнения исследователей о том, всегда ли речь идет об одном и том же князе.

ГЕОРГИЙ, сын Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Кн. владимирский. Погиб в 1238 г.

Дата рождения княжича и обстоятельства имянаречения зафиксированы в летописи:

«Тое же ѡсени родисѧ сн҃ъ оу великаго Всеволода в Соуждали во Филипово говѣние м^с^ца ноѩбрѧ во к҃s дн҃ь на ѡсвщниѥ црк҃ви моученика Геѡргиѩ и велѣ ѡц҃ь его Всеволодъ еп^с^поу Лоуцѣ нарещи имѧ емоу Юрьи дѣдне имѧ»[227].

Его небесным патроном, по всей видимости, был св. Георгий Победоносец. Во всех летописных источниках Юрий Всеволодич фигурирует исключительно под этим христианским именем[228]. Есть все основания полагать, что это имя сомещало в себе функции родового и крестильного, на что, в сущности, и указывает летописная ремарка о наречении княжича именем покойного деда, Юрия Долгорукого (см. выше)[229].

Показательно, что летописец знает каноническую форму имени (*Георгий*), однако в качестве имени новорожденного указывает традиционную для рода форму (*Юрьи*), ясно осознавая при этом, что перед ним одно и то же имя.

ГЕОРГИЙ, сын Всеслава, внук Брячислава, правнук Изяслава Владимировича-Васильевича. Кн. полоцкий.

---

226 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 366; Т. II. Стб. 580; Т. VIII. С. 244; Т. IX. С. 248]. В некоторых списках Никоновской летописи и в генеалогии муромских князей, представленной в Воскресенской летописи, приводится отчество князя, скончавшегося в 1174/75 г. Он назван Юрием Владимировичем, однако в древнейших летописях это указание отсутствует.

227 См. [ПСРЛ. Т. II. С. 659 под 1187 г.].

228 Некоторые исследователи предполагают, что существовало независимоое дохристианское имя *Юрий*, которое со временем полностью сливается, входит как составная часть в христианское имя *Георгий* (см. [Янин 1970. Т. I. С. 98]; ср. [Янин 2003. С. 108; Рапов 1977. С. 169]), однако никаких аргументов, которые свидетельствовали бы о существовании языческого имени *Юрий*, они не приводят.

229 В весьма поздней легенде об обретении Федоровской иконы князю Георгию Всеволодичу приписывается еще и княжье имя *Ярослав*. Ошибочность этого утверждения была убедительно продемонстрирована С.И. Масленицыным, которому удалось также выявить механизм возникновения генеалогической путаницы, присутствующей в тексте (см. [Сказание…1909]; ср. [Масленицын 1977. С. 155–156]).

В Житии Евфросинии Полоцкой отцом святой назван младший сын Всеслава Брячиславича, князь по имени *Георгий*[230]. Одни исследователи отождествляют его с известным по летописям Святославом Всеславичем[231] (см. ниже), тогда как другие — с Ростиславом Всеславичем (см. ниже). То обстоятельство, что отец Евфросинии, не известный нам по мирскому имени, носил христианское имя *Георгий*, косвенно подтверждается патрональными изображениями св. Георгия на кресте Евфросинии[232].

ГЕОРГИЙ, сын Давыда[233], внук Юрия, правнук Владимира Святославича (?) или Ростислава Ярославича-Панкратьевича (?). Кн. муромский.

Этот князь упоминается исключительно под христианским именем. Обстоятельства имянаречения неизвестны. Вероятнее всего, он был назван в честь родного деда. Впрочем, не исключено, что при имянаречении Георгия Давыдовича учитывалась и фигура Георгия Георгиевича (?) (см. ниже), который, по-видимому, приходился ему родным дядей. Упоминания о Георгии Давыдовиче не слишком многочисленны, но все же представляется возможным допустить, что его христианское имя совмещало в себе функции родового и крестильного.

Отметим, что у Георгия Давыдовича был сын по имени *Ярослав*, соответственно, мирское и крестильное имена Ярослава Мудрого были распределены в этой семье между отцом и сыном. Примеры такого распределения и ранее зафиксированы у Рюриковичей вообще и у муромских князей в частности.

Определенными данными о патрональном святом этого князя мы не располагаем.

ГЕОРГИЙ, сын Дмитрия Донского, внук Ивана Красного, правнук Ивана Даниловича Калиты. Кн. галицкий и звенигородский, вел. кн. московский. Ум. в 1434 г.

Князь появился на свет 26 ноября 1374 г.[234], в праздник освящения храма св. Георгия в Киеве, и получил свое династическое христианское имя непосредственно по дню рождения. Его небесным патроном, по всей очевидности, был св. Георгий Победоносец. В частности, известны монеты Юрия Звенигородского с изображением Георгия Победоносца, который он выпускал, став великим князем московским.

О наличии у этого князя каких-либо других христианских имен нам ничего не известно.

---

230 См. [ПЕП. С. 172; ПСРЛ. Т. XXI. С. 207].

231 См. [Строев 1844. С. 210; Данилевич 1896. С. 240; Янин 1970. Т. I. С. 102].

232 См. [Штыхов 1965. С. 244].

233 О различных версиях происхождения отца князя, Давыда Юрьевича, см. ниже — Давыд, сын Юрия.

234 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 21; Т. XXIII. С. 118; Т. XXIV. С. 130; Т. XXV. С. 190].

ГЕОРГИЙ, сын Ивана-Тимофея Великого, внук Василия Темного, правнук Василия Дмитриевича. Кн. дмитровский. Ум. в 1536 г.

Династическое христианское имя известно из летописных источников, где содержится также точная дата рождения князя. Георгий Иванович появился на свет 23 марта 11480 г.[235] (в отдельных источниках в качестве даты его рождения указывается 24 марта[236]). Наиболее показательно свидетельство Московского летописного свода:

«Того же мѣсяца марта въ 23 на память преподобнаго отца нашего Никона в четверг 6 недѣли поста в 4 час дни родися сынъ великому князю Ивану Васильевичю от царевны Софии и нареченъ бысть Георгие Митулинскыи»[237].

Патронат Георгия Митиленского (7 апреля) по отношению к этому княжичу указывается и в других летописных текстах. Таким образом, не возникает сомнений, что именно этот святой был официальным покровителем Георгия Ивановича.

Наиболее вероятно, что «земным прототипом» для его имянаречения послужил его родной дядя, князь дмитровский Георгий Васильевич-младший (см. выше). Как кажется, в пользу этого предположения может свидетельствовать упоминание о конфликте между великим князем Иваном III и его младшими братьями, возникшем незадолго до рождения княжича:

«...кн(я)зь Юрии умеръ, бра*т* и*х* старѣишии, князю великому вся отчина его досталося, а имъ подѣла не да*л* ис тое отчины» [238].

Наречение сына Ивана III именем *Георгий* могло бы свидетельствовать о закреплении за великокняжеской семьей всей полноты прав на наследие умершего брата.

Вопрос о том, совпадали ли святые покровители Георгия Ивановича и Георгия Васильевича, довольно сложен, так как Георгий Васильевич появился на свет 22 января, вне непосредственной близости от празднования памяти кого-либо из свв. Георгиев. Не исключено, однако, что фигура св. Георгия Митиленского прямо или косвенно учитывалась при его имянаречении.

Что касается дополнительных христианских имен князя Георгия Ивановича, то другими сведениями, кроме упоминания св. Никона в связи с датой его рождения, мы не располагаем.

---

235 См. [ПСРЛ. Т. IV. С. 516; Т. VIII. С. 205; Т. XII. С. 198; Т. XVIII. С. 267; Т. XXV. С. 326–327]. Те же сведения содержатся в неизданном Лихачевском летописце (л. 851).

236 См. [ПСРЛ. Т. XXXIX. С. 161].

237 См. [ПСРЛ. Т. XXV. С. 326–327].

238 См. [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 288].

ГЕОРГИЙ, сын Игоря, внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича-Панкратьевича. Кн. рязанский.

В летописных источниках фигурирует исключительно под христианским именем *Георгий*[239]. Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения неизвестны. Нет у нас определенных данных и о его святом патроне. Упоминания об этом князе не слишком многочисленны, но все же представляется возможным допустить, что его христианское имя совмещало в себе функции родового и крестильного.

ГЕОРГИЙ, сын Ингваря-(Козьмы?), внук Игоря, правнук Глеба Ростиславича. Кн. рязанский. Убит в 1237 г.

Этот князь фигурирует в летописях исключительно под своим христианским именем[240]. Обстоятельства его имянаречения неизвестны. Относительно некоторых деталей его генеалогии в летописных источниках мы обнаруживаем противоречия, что в целом типично для упоминаний о рязанских князьях первой половины XIII в. При этом не вызывает сомнений, что имя *Юрий* к тому времени было широко распространено в рязанско-муромской ветви Рюриковичей, в частности, его носили и предполагаемые близкие родичи этого князя. Весьма вероятно, что в данном случае это имя совмещало в себе функции родового и крестильного.

ГЕОРГИЙ, сын Мстислава Удатного (?), внук Мстислава Храброго (?), правнук Ростислава-Михаила Мстиславича-Федоровича (?). Кн. псковский.

Под 1232 г. в летописи упоминается, что Ярослав Всеволодич дал Псков своему шурину Юрию[241]. Существует достаточно убедительная гипотеза, согласно которой речь идет о сыне Мстислава Удатного[242]. Данными об обстоятельствах имянаречения этого князя мы не располагаем, как не располагаем и другими упоминаниями имен младших сыновей Мстислава Удатного, если Юрий, получивший Псков, и впрямь был его сыном. Единичный характер летописных упоминаний о нем делает невозможным сколько-нибудь аргументированное описание функционирования его имени. Не можем мы указать и конкретных причин появления имени *Юрий* в семье Мстислава Мстиславича, хотя к тому времени оно было, безусловно, общеродовым и весьма популярным в династии.

ГЕОРГИЙ-(ИГОРЬ???), сын Юрия (?), внук Владимира (?), правнук Святослава Ярославича-Панкратьевича Муромского (?) или сын Юрия (?), внук

---

239 См., например: [ПСРЛ. Т. I. Стб. 430, 437; Т. VII. С. 114–115].

240 См., например: [ПСРЛ. Т. I. Стб. 515; Т. II. Стб. 778].

241 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 72, 281].

242 См. [Погодин 1855. С. 323; Экземплярский. Т. I. С. 14, 283, 396; Кучкин 1986. С. 77–78, с указанием литературы]. Иную точку зрения см. в работе: [Baumgarten 1934. P. 79], где автор исходит из принадлежности этого князя Юрия к рязанскому дому.

Ростислава (?), правнук Ярослава-Панкратия Святославича-(Николаевича?) Муромского (?). Кн. муромский.

Князь по имени *Юрий*, которому приписывается отчество *Юрьевич*, принадлежит к рязанско-муромской ветви династии, а точнее к князьям муромским, потомкам Ярослава Святославича[243]. Реконструкция его отчества опирается, по-видимому, на несколько упоминаний о муромских князьях, где рядом фигурируют Владимир, Давыд и Юрий[244], или Давыд и Юрий[245]. При этом и Давыд, и Владимир в других летописных источниках называются «Юрьевичами»[246]. Юрий же считается их родным братом, а следовательно, также носит отчество *Юрьевич*[247]. В источниках, однако, он нигде напрямую *Юрием Юрьевичем* не назван.

Н. Баумгартен предполагает, что у этого князя было еще и мирское имя *Игорь*[248]. Такое сочетание, *Игорь-Георгий*, действительно встречалось у потомков Святослава Ярославича, к которым принадлежали и муромские князья, однако в данном случае это предположение основано исключительно на фразе из Летописца Переяславля Суздальского, где сказано:

«... и муромъскому Володимиру, и Д(а)в(ы)ду, и Игюрю...»[249].

По-видимому, перед нами пример графического смешения в списке летописи двух имен. Одно из них — *Игорь*, а другое — гипокористическая форма имени *Георгий*, типа *Гюрги* или *Юрьи*. Таким образом, этой формы из поздней летописи, как кажется, недостаточно для того,

---

243 В указателе к истории С.М. Соловьева Юрий Юрьевич ошибочно назван сыном Юрия Долгорукого; кроме того, упоминания о двух разных Юриях, отце и сыне, здесь (в указателе) смешиваются, что порождает своеобразный генеалогический фантом, который обладает способностью активно участвовать в боевых действиях на протяжении как минимум шестидесяти четырех лет [Соловьев 1988. С. 771; ср. Т. II. Гл. 5, 6. С. 506, 626].

244 См. [ПСРЛ. Т. X. С. 23 под 1196 г.; Т. XLI. С. 121].

245 См. [ПСРЛ. Т. X. С. 83 под 1219 г.].

246 См. [ПСРЛ. Т. 1. Стб. 405, 406 под 1187 г.; Т. VII. С. 244].

247 Расхождения в историографии относительно происхождения Юрия Юрьевича связаны с тем, кто был дедом братьев Владимира, Давыда и Юрия. Согласно Н.М. Карамзину, братья являлись правнуками Ярослава Святославича, внуками Ростислава Ярославича и сыновьями Георгия Ростиславича (ср. [Строев 1884. С. 28–29. Р. VII. Ст. 10]). Согласно другой версии, наиболее полно представленной в работе Н. Баумгартена, они были младше на одно поколение, являясь правнуками Святослава Ярославича, внуками Владимира Святославича и сыновьями Юрия Владимировича [Baumgarten 1934. P. 74–77. Tab. XIV. P. 90–92. Tab. XVI; Рапов 1977. С. 126].

248 См. [Baumgarten 1934. P. 90–92. Tab. XVI].

249 См. [ПСРЛ. Т. XLI. С. 121 под 1196 г.].

чтобы с уверенностью считать князя Юрия обладателем еще одного княжеского имени *Игорь*, хотя полностью отрицать такую возможность мы не имеем права.

ГЕОРГИЙ, сын Ярослава, внук Святополка-Михаила, правнук Изяслава-Дмитрия Ярославича-Георгиевича. Кн. турово-пинский.

Этот князь фигурирует в летописях исключительно под христианским именем *Георгий* (точнее, под различными его вариантами — *Гюрги*, *Дюрги*). Весьма вероятно, что в данном случае это имя совмещало в себе функции родового и крестильного. Обстоятельства имянаречения князя неизвестны, однако обращает на себя внимание, что он носит крестильное имя своего предка — Ярослава-Георгия Мудрого (обратим внимание, что отец князя, Ярослав, носит мирское имя своего прославленного прадеда).

ГЕОРГИЙ, сын Ярослава-Панкратия, внук Святослава-(Николая?), правнук Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича Мудрого. Кн. муромский. Ум. в 1143 г. (?), в 1174 г. (?)

Этот князь фигурирует в летописях исключительно под христианским именем *Юрий*. Можно допустить, что в данном случае оно совмещало в себе функции родового и крестильного. Обстоятельства имянаречения этого князя неизвестны, однако не вызывает сомнений, что ему было дано крестильное имя родного прадеда, Ярослава Мудрого (обратим внимание, что отец князя, Ярослав, носит мирское имя своего прославленного деда).

Более точная характеристика функционирования имени Юрия Ярославича оказывается несколько затрудненной из-за того, что в эту эпоху в Муроме действуют, по-видимому, несколько князей по имени *Юрий*, а в ряде летописных упоминаний, в том числе в записи о кончине под 1174/75 г.[250], князь Юрий Муромский именуется без патронима и, соответственно, расходятся мнения исследователей о том, всегда ли речь идет об одном и том же князе, сыне Ярослава Святославича.

ГИДА, дочь Харальда, внучка Годвина, правнучка Вульфнота. Жена Владимира-Василия Мономаха[251].

ГЛЕБ, сын Владимира, внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича-Панкратьевича. Кн. рязанский.

Этот князь фигурирует в летописных источниках исключительно под именем *Глеб*. Можно предположить, что это имя было его единственным, совмещающим в себе функции родового и крестильного,

---

250 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 366; Т. II. Стб. 580; Т. VIII. С. 244; Т. IX. С. 248]. В некоторых списках Никоновской летописи и в генеалогии муромских князей, представленной в Воскресенской летописи, приводится отчество князя, скончавшегося в 1174/75 г. Он назван Юрием Владимировичем, однако в древнейших летописях это указание отсутствует.

251 Гипотезу о том, что княгиня на Руси получила христианское имя *Анна*, см. в работе: [Назаренко 2001. С. 613–614].

однако надежными основаниями для такого утверждения мы не располагаем.

Свое имя князь, вероятнее всего, получил в честь родного деда. Любопытно, что этот Глеб, истребивший своих ближайших родичей, упоминается в летописях с эпитетом «окаянный», подчеркивающим в каком-то смысле его несоответствие собственному имени, поскольку этот эпитет изначально связывается со Святополком Окаянным, убийцей святых братьев Бориса и Глеба[252]. Показательно, что в рассказе об убийстве рязанских князей именно Святополк назван «сродником» князей-убийц[253].

Отметим, что имя *Глеб* в чернигово-рязанской ветви Рюриковичей в домонгольскую пору, как кажется, более распространено, чем мирское имя другого князя-мученика — *Борис*[254].

ГЛЕБ-ДАВИД, сын Владимира-Василия Святого, внук Святослава, правнук Игоря Рюриковича и Ольги-Елены. Кн. муромский. Убит в 1015 г.

Глеб Владимирович — князь-мученик, павший в междуусобной распре. Имя *Глеб* этот князь, один из первых общерусских святых, носил в качестве родового мирского имени. Его крестильным именем было *Давид*, что зафиксировано в целом ряде источников, как русских, так и иностранных (греческий синаксарь). Его святым патроном считался — царь Давид (26 декабря). В Несторовом чтении о свв. мучениках Борисе и Глебе мы читаем.:

«Святому же Глѣбови створено имя Давыдъ. Видиши ли благодать Божию изъмлада на дѣтищи? Створиша бо, рече, имя ему Давыдъ: како или кымъ образомъ? Не им же ли: онъ бѣ мний въ братьи своеи, тако же и сий святый. Яко же бо и самъ пророкъ свидительствуеть, глаголя, «мний бѣ въ братьи моеи и уний въ дому отца моего» и прочее; тако же и сий Давыдъ мний бѣ въ братьи своеи и унѣй в дому отца своего. И пакы: яко же пророкъ Давыдъ изиде противу иноплеменьнику и погуби и, отъятъ поношенье отъ сыновъ Израилевъ; тако же и сий святый Давыдъ изиде противу супостату дьяволу и погуби и, и отъя поношение отъ сыновъ Рускыхъ»[255].

Возникает вопрос, почему для сына Владимира Святого было избрано именно это крестильное имя. Собственная традиция выбора крестильных имен у Рюриковичей была еще «короткой». Исследователи более или менее единодушно предполагают, что имя *Давид* пришло в семью крестителя Руси из Западно-Болгарского / Македонского дина-

---

252 Ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 444].

253 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 58].

254 Любопытно, что имя *Борис* употреблялось здесь в составе именной пары ‘мирское имя — крестильное имя’. См., например, ниже, сведения о Святославе-Борисе Ольговиче, князе рыльском.

255 См. [Абрамович 1916. С. 6].

стического именослова[256]. Эта гипотеза тем более правдоподобна, если вспомнить, что князья-мученики Борис и Глеб, согласно летописному перечню сыновей Владимира, родились от болгарыни.

Нельзя не учитывать также известной привлекательности тех общих «царских» коннотаций, благодаря которым имя *Давид* было популярным в самых разных династиях впервые после принятия христианства в той или иной стране.

В следующих поколениях Рюриковичей крестильное имя князя *Давид* может совмещать в себе функции родового и крестильного и употребляется, по-видимому, в качестве единственного. Со временем имя *Глеб*, будучи изначально мирским именем святого, на Руси также приобретает статус христианского. Весьма вероятно, что в определенный период оно, как и имя *Давид*, могло фигурировать у князя в качестве единственного, родового и крестильного одновременно.

Необходимо отметить, что в антропонимической практике Рюриковичей, насколько мы можем судить о ней по дошедшим до нас источникам, имена святых братьев Бориса и Глеба функционировали сходным, но неодинаковым образом. Так, начиная с середины XII в. мы располагаем примерами, когда имя *Борис* давалось в качестве крестильного при наличии мирского, княжьего имени (ср. *Святослав-Борис*), тогда как относительно имени *Глеб* примеров подобного рода мы не знаем. У поздних Рюриковичей распространенность имени *Борис* явным образом перевешивает распространенность имени *Глеб*, особенно в практике московского правящего дома.

В то же время, по предположению М.Х. Алешковского, в XI в. доминирующей фигурой в почитании святых братьев мог быть именно св. Глеб, и самый культ святых князей-мучеников мог бы быть охарактеризован как глебоборисовский[257].

Нельзя не упомянуть, что в различных именных указателях, начиная с XIX в., достаточно регулярно воспроизводится ошибка, благодаря которой князю Глебу приписывается крестильное имя *Роман*, в действительности принадлежавшее его брату Борису (см. выше). Не исключено, что у истоков этой ошибки стоит нечеткое высказывание Н.М. Карамзина — «Христианские имена Бориса и Глеба были Давид и Роман»[258]. В дальнейшем Глеб ошибочно именуется *Романом* в указателе П.М. Строева к «Истории государства российского»[259], в указателе к классическому изданию Д.И. Абрамовича (!), хотя именно в текстах этого издания мы находим совершенно недвусмысленные указания на то, что Глеб был в крещении *Давидом*[260]. Эта же ошибка воспроизведена, например, в указателе Л.Л. Му-

256 См. [Приселков 2003. С. 28]; ср. [Молчанов 2004. С. 82].

257 См. [Алешковский 1972].

258 См. [Карамзин. Т. II. Примеч. 6].

259 См. [Строев 1844. С. 31, 67, 75, 199].

260 См. [Абрамович 1916. С. 202–203].

равьевой к изданию Ипатьевской летописи 1998 г., а также в указателе Т.В. Гимона к изданию Новгородской первой летописи 2000 г. К сожалению, та же погрешность часто перекочевывает из указателей и в историческую литературу.

ГЛЕБ, сын Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Ум. в 1189 г.

В дошедших до нас источниках точная дата появления на свет этого рано умершего княжича и обстоятельства его имянаречения не приводятся. Мы знаем при этом, что у него был родной брат Борис, родившийся — что специально отмечено в летописи — 2 мая 1187 г., на праздник перенесения мощей свв. Бориса и Глеба (см. выше)[261]. Согласно версии В.Н. Татищева, Глеб Всеволодич появился на свет в тот же самый день, т.е. эти братья были близнецами[262]. Разумеется, наречение близнецов, да еще и появившихся на свет 2 мая, парными именами *Борис* и *Глеб* было бы в высшей степени оправданным. Однако мы не знаем, почерпнул ли В.Н. Татищев эти данные о рождении Глеба из какого-либо недоступного нам источника, или они являются результатом его собственного логического построения.

Вполне вероятно, что имя *Глеб* в данном случае совмещало в себе функции родового и крестильного, однако никаких определенных сведений на этот счет у нас нет.

Весьма вероятно, что наречение Глеба Всеволодича связано, помимо всего прочего, с фигурой его умершего дяди, брата Всеволода Большое Гнездо — Глеба Юрьевича (см. ниже).

ГЛЕБ, сын Всеслава, внук Брячислава, правнук Изяслава Владимировича-Васильевича. Кн. минский. Ум. в 1119 г.

В источниках этот князь фигурирует исключительно под именем *Глеб*[263]. Время его появления на свет неизвестно, у нас, как кажется, нет и данных, позволяющих судить о том, родился ли этот князь до перенесения мощей святых братьев Бориса и Глеба в 1072 г. или после этого события. Так или иначе, начало его жизненного пути приходится, по-видимому, на ту эпоху, когда культ князей-мучеников на Руси был уже достаточно широко распространен.

Представляется вполне вероятным, что имя *Глеб* у этого князя совмещает в себе функции родового и крестильного. Отметим, что у этого князя был родной брат по имени *Давид*. В семье их отца, Всеслава Брячиславича, все имена святых князей-мучеников были распределены между сыновьями. Кроме Давыда (см. ниже) и Глеба, у Всеслава были

---

261 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 404].

262 См. [Татищев. Т. III. С. 142].

263 Помимо летописных памятников, см., в частности: [Путешествие игумена Даниила... С. 155; Веневитинов 1885. С. 140; ПСРЛ. Т. XLIII. С. 313].

сыновья Борис (см. выше) и Роман (см. ниже). При этом не возникает никаких сомнений в том, что, например, *Глеб* и *Давид* — это имена двух различных князей из полоцкого дома, а не два имени одного и того же лица.

Кроме того, Глебу Всеславичу атрибутируется печать с изображением процветшего креста и святого в княжеской шапке, с мученическим крестом и надписью «глѣбъ»[264]. Существенно, что печать датируется приблизительно первой третью XII в., а следовательно, вне зависимости от того, кому она принадлежала, в эту эпоху князь-мученик мог почитаться как святой под именем *Глеб*. Соответственно, именно это его имя в это время и несколько ранее могло даваться при крещении.

ГЛЕБ, сын Игоря (?) или Романа (?), внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича-Панкратьевича. Кн. рязанский. Убит в 1217 г.

Об этом князе, предательски убитом своим кузеном и тезкой Глебом Владимировичем (см. выше), известно очень мало. Отчество Глеба нигде не названо. Не вызывает сомнений, однако, что он был наречен в честь деда, Глеба Ростиславича (см. ниже). В некотором смысле Глеб может служить примером того, как все сведения, дошедшие до нас о некоем представителе рода Рюриковичей, ограничиваются именем, хорошо вписывающемся при этом в структуру определенных родственных и династических отношений.

ГЛЕБ, сын Ингваря-(Козьмы?), внук Игоря, правнук Глеба Ростиславича. Кн. коломенский (?)

Такой персонаж фигурирует исключительно в рязанских повестях, текстах поздних и изобилующих генеалогическими неточностями, что вызывает сомнения в существовании такого исторического лица. Во всяком случае, едва ли достоверными могут считаться приводимые здесь родословная и место княжения.

Отдельной, скорее текстологической или даже литературоведческой проблемой является вопрос о том, может ли быть этот персонаж соотнесен с кем-то из реально существовавших князей Рюриковичей. Во всяком случае, явно ошибочно встречающееся в историографии соотнесение его с Романом Ингваревичем, так как оно строится на неверной атрибуции крестильных имен святых братьев Бориса-Романа и Глеба-Давида Владимировичей (см. выше)[265].

ГЛЕБ, сын Олега-Михаила, внук Святослава-(Николая?), правнук Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича Мудрого. Кн. курский. Ум. в 1138 г.

Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения этого князя неизвестны. В источниках он фигурирует исключительно под именем

---

264 См. [Янин, Гайдуков 1998. С. С. 61, 155].

265 См., например: [Кузьмин 1965. С. 160; Хрусталёв 2004. С. 87. Примеч. 1]; ср. [Рапов 1977. С. 133].

Глеб[266]. Судя по всему, Глеб Ольгович получил свое имя в честь дяди Глеба Святославича (см. ниже). Вполне возможно, что это имя, которое в свое время носил один из святых братьев Глеб-Давид Владимирович, у князя Глеба Ольговича совмещало в себе функции родового и крестильного, хотя никакими определенным данными на этот счет мы не располагаем.

ГЛЕБ, сын Ростислава, внук Ярослава-Панкратия, правнук Святослава-(Николая?) Ярославича-Георгиевича. Кн. рязанский. Ум. в 1178 г.

Этот князь фигурирует в летописных источниках исключительно под именем *Глеб*. Можно предположить, что это имя было его единственным, совмещающим в себе функции родового и крестильного, однако надежными основаниями для такого утверждения мы не располагаем.

Отметим, что имя *Глеб* в чернигово-рязанской ветви Рюриковичей в домонгольскую пору, как кажется, более распространено, чем мирское имя другого князя-мученика — *Борис*[267]. Впрочем, имя *Роман* (крестильное имя св. Бориса Владимировича) рязанскими князьями используется охотно. Так, в частности, звали старшего сына (см. ниже) интересующего нас Глеба Ростиславича.

Н.П. Лихачев атрибутировал Глебу Ростиславичу обнаруженную в Рязани печать с изображением Богоматери на одной стороне и свв. Бориса и Глеба на другой[268]. Однако В.Л. Янин предполагает, что эта печать, скорее, могла принадлежать кому-то из церковных иерархов[269].

ГЛЕБ, сын Святослава-(Николая?), внук Ярослава-Георгия Мудрого, правнук Владимира-Василия Святославича Святого. Кн. тмутараканский и новгородский. Ум. в 1078/79 гг.

В источниках этот князь упоминается исключительно под именем *Глеб*. Не вызывает сомнения, что *Глеб* — родовое имя это князя, однако наиболее существенным представляется вопрос о том, было ли оно только родовым или одновременно и крестильным.

Глеб Святославич появился на свет задолго до перенесения мощей святых братьев Бориса-Романа и Глеба-Давида в 1072 г. Точная дата его рождения неизвестна, однако весьма вероятно, что этот княжич родился вскоре после прославления братьев-мучеников при его деде, Ярославе Мудром. Могло ли уже в это время мирское имя одного из мучеников быть дано наследнику в качестве крестильного?

---

266 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 306; Т. XXV. С. 33].

267 Любопытно, что имя *Борис* употреблялось здесь в составе именной пары ‘мирское имя — крестильное имя’. См., например, ниже сведения о Святославе-Борисе Ольговиче, князе рыльском.

268 См. [Лихачев 1928–1930. Вып. 2. С. 275–276].

269 См. [Янин 1970. Т. I. С. 147–148].

Если исходить из общей ситуации имянаречения в семье Святослава Ярославича, где имена святых братьев были распределены между сыновьями, а также из косвенных (сфрагистических и иконографических) данных, допустимо предположить, что подобный выбор крестильного имени был возможен. Действительно, у Глеба был родной брат по имени *Давид*, фигурирующий исключительно под этим именем в источниках (см. ниже). Едва ли поэтому у Глеба Святославича могло быть крестильное имя *Давид* (примеров наречения родных одновременно живущих братьев одним и тем же крестильным или одним и тем же родовым именем у Рюриковичей в домонгольской Руси мы не знаем).

На печатях, которые В.Л. Янин и П.Г. Гайдуков атрибутируют Глебу Святославичу, изображены святые братья-мученики с нечитаемыми надписями и процветший крест, в то время как на печати, атрибутируемой его брату Давыду Святославичу, на одной стороне также изображен процветший крест, а на другой — мученик с подписью «Давид»[270].

Таким образом, исходя из сфрагистических данных, патроном Глеба Святославича был кто-то из братьев-мучеников, а коль скоро князь не мог носить христианского имени *Давид*, остается допустить, что в крещении он звался *Глебом*. Имя *Глеб* присутствует и на тмутараканском камне, поставленном зимой 1067/68 г.[271]

На выходной миниатюре Изборника Святослава Ярославича 1073 г. сохранилось изображение Глеба Святославича с соответствующей подписью «гълѣбъ»[272].

Представляется вполне вероятным, что в данном случае мы имеем дело с первым (или одним из первых) примеров использования родового имени св. Глеба Владимировича в функции родового и крестильного одновременно, хотя говорить о бифункциональности имени *Глеб* во второй половине XI в. мы можем с меньшей долей уверенности, чем о бифункциональности имени *Давид*.

ГЛЕБ, сын Святослава, внук Всеволода-Кирилла, правнук Олега-Михаила Святославича-(Николаевича?). Кн. черниговский.

Обстоятельства имянаречения этого князя неизвестны, как неизвестно и время его появления на свет.

Глеб Святославич появляется на свет в ту пору, когда культ святых-братьев Бориса и Глеба на Руси уже был широко распространен, и имя *Борис* могло даваться князьям Рюриковичам как в качестве только крестильного (при наличии мирского), так и в качестве единственного имени (совмещающего в себе функции родового и крестильного). Глеб Святославич фигурирует во всех источниках исключительно под именем *Глеб*. Существенно при этом, что мы не знаем примеров, чтобы имя *Глеб* фи-

270 См. [Янин, Гайдуков 1998. С. 60, 155–156].

271 См. [Рыбаков 1964. С. 16].

272 См. [Кондаков 1906. С. 41].

гурировало в составе именной пары ‘мирское имя — христианское имя’. Иными словами, в источниках мы не находим ни упоминаний о том, чтобы имя *Глеб* было дано в крещении тому или иному князю, обладавшему мирским именем, и с другой стороны, нет и упоминаний о том, чтобы князь, известный под родовым именем *Глеб*, получил в крещении какое-либо другое христианское имя. Единственное исключение здесь, разумеется, — св. Глеб-Давид Владимирович-Васильевич (см. выше).

Вероятнее всего, таким образом, что имя *Глеб* выполняло роль единственного имени князя, совмещающего в себе функции родового и крестильного.

Существует, впрочем, версия, интерпретирующая данные Любечского синодика таким образом, что у Глеба Святославича оказывается еще и имя *Пахомий*[273]. Однако даже если эту версию принять, мы остаемся в полном неведении относительно того, было ли имя *Пахомий* в данном случае крестильным или иноческим.

ГЛЕБ, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира-Василия Мономаха, правнук Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича. Кн. киевский. Ум. в 1171 г.

Обстоятельства имянаречения этого князя неизвестны, как неизвестно и время его появления на свет. Мы знаем, однако, что у него был родной брат по имени *Борис* (см. выше), что позволяет говорить о том, что в семье Юрия Долгорукого эти имена воспринимались как парные.

Глеб Юрьевич появляется на свет в ту пору, когда культ святых-братьев Бориса и Глеба на Руси уже был широко распространен и имя *Борис* могло даваться князьям Рюриковичам как в качестве только крестильного (при наличии мирского), так и в качестве единственного имени (совмещающего в себе функции родового и крестильного). Глеб Юрьевич фигурирует во всех источниках исключительно под именем *Глеб*. Существенно при этом, что мы не знаем примеров, чтобы имя *Глеб* фигурировало в составе именной пары ‘мирское имя — христианское имя’. Иными словами, в источниках мы не находим ни упоминаний о том, чтобы имя *Глеб* было дано в крещении тому или иному князю, обладавшему мирским именем, и с другой стороны, нет и упоминаний о том, чтобы князь, известный под родовым именем *Глеб*, получил в крещении какое-либо другое христианское имя. Единственное исключение здесь, разумеется, — св. Глеб-Давид Владимирович-Васильевич (см. выше).

Вероятно, таким образом, имя *Глеб* в ту пору выполняло роль единственного имени князя, совмещающего в себе функции родового и крестильного.

ГЛЕБ, сын Юрия, внук Ярослава, правнук Святополка-Михаила Изяславича-Дмитриевича. Кн. дубровицкий и туровский. Ум. в 1195 г.

Обстоятельства имянаречения этого князя неизвестны, как неизвестно и время его появления на свет. Очевидно, он принадлежал примерно

---

273 См. [Зотов 1892. С. 66–67].

к одному поколению с Рюриком-Василием Ростиславичем-Михайловичем (см. ниже). Во всяком случае он приходился Рюрику шурином, тот был женат на его сестре Анне (см. выше). Именно Рюрик, в частности, хоронит Глеба в Киеве, в Михайловской Златоверхой церкви, которую выстроил прадед Глеба Юрьевича, Святополк-Михаил (см. ниже)[274].

Глеб Юрьевич появляется на свет в ту пору, когда культ святых-братьев Бориса и Глеба на Руси уже был широко распространен и имя *Борис* могло даваться князьям Рюриковичам как в качестве только крестильного (при наличии мирского), так и в качестве единственного имени (совмещающего в себе функции родового и крестильного). Глеб Юрьевич фигурирует во всех источниках исключительно под именем *Глеб*. Существенно при этом, что мы не знаем примеров, чтобы имя *Глеб* фигурировало в составе именной пары 'мирское имя — христианское имя'. Иными словами, в источниках мы не находим ни упоминаний о том, чтобы имя *Глеб* было дано в крещении тому или иному князю, обладавшему мирским именем, и с другой стороны, нет и упоминаний о том, чтобы князь, известный под родовым именем *Глеб*, получил в крещении какое-либо другое христианское имя. Единственное исключение здесь, разумеется, — св. Глеб-Давид Владимирович-Васильевич (см. выше).

Вероятно, таким образом, имя *Глеб* в ту пору выполняло роль единственного имени князя, совмещающего в себе функции родового и крестильного.

ГОРИСЛАВА / ГОРЕСЛАВА, см. РОГНЕДА-ГОРЕСЛАВА / ГОРИСЛАВА-(АНАСТАСИЯ?)

ГОРИСЛАВА (ГОРОДИСЛАВА, ГОРДИСЛАВА)-ЕВДОКИЯ, дочь Георгия[275], внучка Всеслава, правнучка Брячислава Изяславича. Полоцкая княжна. Приняла постриг.

Христианское имя этой княжны, как, впрочем, и какие бы то ни было упоминания о ней самой, в древнейших летописях отсутствуют. *Евдокия* упоминается как имя, данное ей при постриге, только в житии ее родной сестры П(е)редславы-Евфросинии Полоцкой (см. ниже)[276]. Именно Гориславе-Евдокии, согласно житийному тексту, полоцкая святая оставила в управление оба основанных ею монастыря[277].

О крестильном имени Гориславы-Евдокии нам ничего не известно.

ДАВИД, см. ГЛЕБ-ДАВИД

ДАВЫД, сын Всеслава, внук Брячислава, правнук Изяслава Владимировича-Васильевича. Кн. полоцкий.

---

274 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 694].

275 О том, кем был отец полоцкой княгини, см. выше — Георгий, сын Всеслава, а также Ростислав, сын Всеслава, и Святослав, сын Всеслава.

276 См. [ПЕП. С. 175; ПСРЛ. Т. XXI. С. 211 и след.].

277 См. [ПЕП. С. 177].

Давыд Всеславич один из наиболее ранних русских князей, упоминающихся в летописях исключительно под своим христианским именем[278]. *Давидом* в крещении был прославленный церковью предок Давыда Всеславича, Глеб-Давид Владимирович-Васильевич (см. выше). Весьма вероятно, что у Давыда Всеславича имя *Давид* было единственным, совмещающим в себе функции родового и крестильного.

Отметим, что у этого князя был родной брат по имени *Глеб*. Вообще в семье их отца, Всеслава Брячиславича, все имена святых князей-мучеников были распределены между сыновьями. Кроме Давыда и Глеба (см. выше), у Всеслава были сыновья Борис (см. выше) и Роман (см. ниже). Не возникает никаких сомнений в том, что, например, *Глеб* и *Давид* — это имена двух различных полоцких князей, а не два имени одного и того же лица.

Обстоятельства имянаречения этого князя неизвестны.

ДАВЫД, сын Игоря, внук Ярослава-Георгия Мудрого, правнук Владимира-Василия Святославича Святого. Кн. волынский. Ум. в 1112 г.

Этот князь фигурирует в летописных источниках исключительно под христианским именем, по-видимому, совмещающим функции родового и крестильного. Если это так, то перед нами один из ранних примеров подобного функционирования крестильного имени св. Глеба-Давида (см. выше), двоюродного деда Давыда Игоревича.

В.Л. Янин атрибутирует Давыду Игоревичу ряд печатей, на которых присутствует имя «Давыд» и изображение святого со свитком в руке (на одной из разновидностей печатей читается также слово «пророк»)[279]. Судя по этим изображениям, можно заключить, что святым патроном Давыда Игоревича был тот же святой, что и у его предка — Глеба-Давида Владимировича, царепророк Давид, а не сам князь-мученик Глеб, впрочем, утверждать это наверняка не представляется возможным.

Об обстоятельствах имянаречения этого князя сведений не сохранилось.

ДАВЫД, сын Ингваря-(Козьмы?) (?), внук Игоря (?), правнук Глеба Ростиславича (?). Кн. муромский (?). Ум. в 1237 г. (?)

Такой персонаж фигурирует исключительно в рязанских повестях, текстах поздних и изобилующих генеалогическими неточностями, что вызывает сомнения в существовании такого исторического лица. Во всяком случае, едва ли достоверными могут считаться приводимые здесь родословная и место княжения.

---

278 Под христианским именем Давыд Всеславич упоминается и в некоторых редакциях «Хождения игумена Даниила» (см. [Путешествие игумена Даниила… С. 155]).

279 См. [Янин 1970. Т. I. С. 20–21, 32, 171; Янин, Гайдуков 1998. С. 21–22. № 26-2]; ср. [Поппэ 1995. С. 63. Примеч. 72].

ДАВЫД, сын Мстислава Храброго, внук Ростислава-Михаила, правнук Мстислава-Федора Владимировича-Васильевича Великого[280]. Кн. торопецкий. Ум. в 1225 г.

Этот князь фигурирует в летописях исключительно под своим христианским именем, которое, судя по всему, совмещало в себе функции родового и крестильного. Обстоятельства имянаречения неизвестны. Вероятно, он был назван в честь своего дяди Давыда Ростиславича (см. ниже). Никаких оснований считать, что у этого князя было второе имя *Глеб*, нет[281].

ДАВЫД, сын Олега, внук Святослава, правнук Всеволода-Кирилла Ольговича-Михайловича. Кн. черниговский.

Этот князь упоминается в летописных источниках исключительно под своим христианским именем *Давид*[282]. Скорее всего, оно совмещало в себе функции родового и христианского. Обстоятельства имянаречения неизвестны.

ДАВЫД, сын Ростислава-Михаила, внук Мстислава-Федора Великого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Кн. смоленский. Принял постриг. Ум. в 1197 г.

Во всех многократных упоминаниях этого князя в летописях он фигурирует исключительно под именем *Давид*. Есть все основания полагать, что имя *Давид* совмещало в себе функции родового и крестильного, тем более что это был бы уже не первый случай такого совмещения в династии Рюриковичей. Иногда этому князю приписывается второе имя *Глеб*, для чего мы не находим решительно никаких оснований[283].

Существует сохранившаяся в единственном экземпляре печать с изображением святых князей-мучеников и надписью «Борис» на одной стороне и изображением архангела с мечом на другой, которую В.Л. Янин атрибутирует этому князю[284]. Необходимо отметить, что вне зависимости от правильности атрибуции этой печати на ней никак не читается имя *Глеб*. С другой стороны, на весьма многочисленных буллах, которые В.Л. Янин атрибутирует сыну Давыда Ростиславича, Мстиславу-Федору Давыдовичу (см. ниже), там, где по традиции помещался патрональный святой отца, есть изображение святого в княжеской шапке, с мученическим крестом и, как того и следует ожидать, имя *Давид*[285].

---

280 Данную (общепринятую) версию происхождения Давыда Торопецкого недавно оспорил Д. Домбровский (см. [Dąbrowski 2001]).

281 Ср. [Янин 1970. Т. I. С. 243; Рапов 1977. С. 181]. см. подробнее: [Dąbrowski 2001].

282 См., например: [ПСРЛ. Т. II. Стб. 668 под 1190 г., 673 под 1191 г., 691 под 1195 г.; Т. VII. С. 105].

283 Ср., например: [Рапов 1977. С. 159–160].

284 См. [Янин 1970. Т. I. С. 93; Янин, Гайдуков 1998. С. 48].

285 См. [Янин 1970. Т. I. С. 94. С. 204–205. №№ 193, 194; Янин, Гайдуков 1998. С. 138].

Наиболее вероятным представляется, что патроном Давыда Ростиславича был его предок Глеб-Давид Владимирович. Отметим, что князь был похоронен в церкви свв. Бориса и Глеба, построенной его отцом, вероятно, в честь рождения сына или сыновей, так как летописец называет ее «отним ему благословением»[286]. Известно, кроме того, что князь Давыд перенес мощи святых братьев из Вышгорода на Смядынь[287]. Любопытно при этом, что в летописном похвальном слове князю он уподобляется другому своему небесному тезке — царю Давиду[288].

Иноческое имя князя в источниках не зафиксировано.

ДАВЫД, сын Святослава-(Николая?), внук Ярослава-Георгия Мудрого, правнук Владимира-Василия Святославича Святого. Кн. черниговский. Ум. в 1123 г.

Давыд Святославич — один из наиболее ранних русских князей, упоминающихся в летописях и других источниках[289] исключительно под своим христианским именем. *Давидом* в крещении был прославленный церковью предок (двоюродный дед) Давыда Святославича, Глеб-Давид Владимирович-Васильевич (см. выше). Весьма вероятно, что у Давыда Святославича имя *Давид* было единственным, совмещающим в себе функции родового и крестильного.

Отметим, что у этого князя был родной брат по имени *Глеб*. Вообще в семье их отца, Святослава Ярославича, имена святых князей-мучеников были распределены между сыновьями. Кроме Давыда и Глеба (см. выше), у Святослава был сын Роман (см. ниже). Не возникает никаких сомнений в том, что *Глеб* и *Давид* — это имена двух различных черниговских князей, а не два имени одного и того же лица. В частности, в летописи присутствуют сообщения об их смерти, помещенные под совершенно разными годами[290].

Не исключено, что именно Давыду Святославичу принадлежит печать, несущая изображение св. Давида с мученическим крестом[291]. При этом, возможно, ему принадлежат и печати других типов, в частности с изображением св. Давида в короне[292]. Таким образом, мы не можем сказать наверняка, был ли у Давыда Святославича тот же патрон, что у

---

286 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 703]; ср. [ПСРЛ. Т. III. С. 27 под 1145 г.]. Отметим, что именно Давыду Ростиславичу в некоторых источниках (записи в Михайловском и Уваровском сборниках) приписывается постройка этого Борисоглебского храма в Смоленске.

287 Ср. [Орловский 1909; Брюсова 1967. С. 88–89; Воронин 1972. С. 273].

288 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 704].

289 См. [Путешествие игумена Даниила... С. 155; Веневитинов 1885. С. 140; ПСРЛ. Т. XLIII. С. 313].

290 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 293 под 1123 г. Стб. 199 под 1078 г.].

291 См. [Янин, Гайдуков 1998. С. 61, 155]

292 См. [Янин 1970. Т. I. С. 71, 189].

Глеба-Давида Владимировича (царь Давид), или он находился непосредственно под патронатом этого своего прославленного предка. Последнее все же, на наш взгляд, куда более вероятно.

По всей видимости, именно Давыд Святославич построил в Чернигове церковь свв. Бориса и Глеба, где позднее был погребен его сын Изяслав (см. ниже)[293]. Существенно также, что во время перенесения мощей Бориса и Глеба в 1115 г. Давыд Святославич непосредственно сопровождает останки св. Глеба, тогда как торжественную процессию с мощами Бориса возглавляет Владимир Мономах[294]. Давыд Святославич уподобляется свв. Борису и Глебу в «Слове о князьях», памятнике предположительно созданном во второй половине XII в.

На выходной миниатюре Изборника Святослава Ярославича 1073 г. сохранилось изображение Давыда Святославича с соответствующей подписью «дв҃д»[295].

ДАВЫД, сын Юрия, внук Владимира (?), правнук Святослава Ярославича-Панкратьевича Муромского (?) или сын Юрия, внук Ростислава (?), правнук Ярослава-Панкратия Святославича-(Николаевича?) Муромского (?)[296]. Кн. муромский. Принял постриг. Ум. в 1228 г.

Этот князь упоминается в летописных источниках исключительно под своим христианским именем *Давид*. Скорее всего, оно совмещало в себе функции родового и христианского. Обстоятельства его имянаречения неизвестны.

Иноческое имя князя в источниках не приводится.

ДАНИИЛ (МОСКОВСКИЙ), сын Александра Невского, внук Ярослава-Федора, правнук Всеволода-Дмитрия Юрьевича Большое Гнездо. Кн. московский. Принял постриг. Ум. в 1303 г.

Христианское имя князя известно из многочисленных летописных источников. Точная дата появления Даниила Александровича на свет не зафиксирована, однако его патрональным святым, судя по всему, был Даниил Столпник. Изображение Даниила Столпника с соответствующей

---

293 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 518 под 1162 г.]; ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 457; Голубинский. Т. I. 2-я половина тома. С. 304,749].

294 См. [Абрамович 1916. С. 65]; ср. [Алешковский 1972. С. 117–118].

295 См. [Кондаков 1906. С. 41].

296 Расхождения в историографии относительно происхождения Давыда Юрьевича связаны с тем, кто был дедом братьев Владимира, Давыда и Юрия. Согласно Н.М. Карамзину, братья являлись правнуками Ярослава Святославича, внуками Ростислава Ярославича и сыновьями Георгия Ростиславича (ср. [Строев 1884. С. 28–29. Р. VII. Ст. 10]). Согласно другой версии, наиболее полно представленной в работе Н. Баумгартена, они были младше на одно поколение, являясь правнуками Святослава Ярославича, внуками Владимира Святославича и сыновьями Юрия Владимировича [Baumgarten 1934. P. 74–77. Tab. XIV. P. 90–92. Tab. XVI; Рапов 1977. С. 126].

надписью представлено на печатях, надежно атрибутируемых этому князю[297]. При жизни этот князь возвел монастырь своего святого[298].

Вероятно, имянаречение этого князя было связано с фигурой его родного дяди, Даниила Ярославича (см. ниже).

Известно, что Даниил Московский принял постриг и схиму, однако какое бы то ни было его монашеское имя нам неизвестно. Существует версия, согласно которой, князь в схиме сохранил свое мирское христианское имя *Даниил*, но сменил патронального святого, избрав на этот раз пророка Даниила. Однако источники данного построения нам обнаружить не удалось.

Сведениями о каких-либо других именах этого князя мы не располагаем.

ДАНИИЛ, сын Василия, внук Дмитрия Донского, правнук Ивана Ивановича Красного. Ум. в 1402 г. (?)

У Н.М. Карамзина относительно этого княжича приводится следующее свидетельство:

«Того же лета 6 декабря князю великому Василью Дмитреевичу родился сын Данило, да не долго жил, толико 5 месяцев, и умре»[299].

Предполагается, что Н.М. Карамзин мог почерпнуть это свидетельство из Троицкой летописи[300].

Если эти сведения достоверны, то княжич, скорее всего, мог быть назван во имя Даниила Столпника, чья память отмечается 11 декабря. Ближайшим же «земным прототипом» при наречении Даниила Васильевича мог послужить его рано умерший дядя — Даниил Дмитриевич (см. ниже). Никакими другими сведениями об обстоятельствах имянаречения этого сына Василия Дмитриевича мы не располагаем.

ДАНИИЛ, сын Дмитрия Донского, внук Ивана Красного, правнук Ивана Даниловича Калиты. Ум. в 1379 г. (?)

Христианское имя князя упоминается в летописных источниках, там, где речь идет о родословных Рюриковичей и о смерти Дмитрия Донского[301]. При этом княжич именуется старшим сыном Дмитрия Ивановича и сообщается, что он скончался при жизни отца. Обстоя-

---

297 См. [Лихачев 1928–1930. Вып. 1. С. 95; Янин, Гайдуков 1998. С. 67, 166].

298 См. [ПСРЛ. Т. VII. С. 202; Т. X. С. 204; Т. XXI: 1. С. 298; Т. XV: Рогожский летописец. С. 46].

Кроме того, образ Даниила Столпника, помещенный в медальоне, сопровождает изображение князя Даниила Александровича на фреске северо-западного столпа в Архангельском соборе (ср. [Самойлова 2004. С. 142, 146]).

299 См. [Карамзин. Т. V. Примеч. 254].

300 См. [Приселков 1950. С. 455].

301 См. [ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 360, 488; VIII. С. 58; Т. XVIII. С. 24; Т. XXV. С. 218; Т. XXXIX. С. 11, 131].

тельства имянаречения неизвестны, сведениями о патрональном святом и о каких-либо других именах этого княжича мы не располагаем.

ДАНИИЛ, сын Ивана Калиты, внук Даниила, правнук Александра Ярославича-Федоровича Невского.

Христианское имя князя упомянуто в летописных свидетельствах о его рождении[302]. По-видимому, княжич скончался в раннем возрасте. Свое христианское имя он получил, скорее всего, по родному деду, Даниилу Московскому.

Если судить по данным Симеоновской летописи[303], патроном этого княжича, скорее всего, был Даниил Столпник, поскольку в тексте сообщается, что он появился на свет 11 декабря, т.е. непосредственно на память этого святого[304]. Другие доступные нам источники точной даты рождения княжича не сохранили.

Таким образом, нельзя полностью исключить вероятность того, что в Симеоновской летописи она была искуственно вычислена летописцем на основании сведений об имени княжича *Даниил* и/или о его патрональном святом. Однако версия об искусственном происхождении даты может быть представлена лишь в качестве допустимой (но неподтвержденной) гипотезы.

Сведений о каких-либо других именах этого княжича в нашем распоряжении нет.

ДАНИИЛ, сын Романа, внук Мстислава, правнук Изяслава-Пантелеймона Мстиславича-Федоровича. Кн. галицко-волынский. Ум. в 1264 г.

Князь упоминается под именем *Даниил* во всех летописных свидетельствах. Однако мы не располагаем данными о том, в честь кого из святых с этим именем он был крещен, и о том, было ли христианское имя *Даниил* у кого-либо из его предков-Рюриковичей.

В издании А.И. Тургенева фигурирует папская грамота Иннокентия IV, обращенная к королю Руси Иоанну[305], что заставляло исследователей приписывать имя *Иоанн* в качестве второго христианского то Даниилу Романовичу Галицкому[306], то его младшему брату Василько

---

302 См. [ПСРЛ. Т. X. С. 187 под 1320 г.; Т. XVIII. С. 89 под 1319 г.]; ср. [ПСРЛ. Т. XVI. С. 308].

303 См. [ПСРЛ. Т. XVIII. С. 89 под 1319 г.].

304 Дата 11 декабря приводится у М.Д. Хмырова и у Н.М. Карамзина [Карамзин. Т. IV. Примеч. 280]. Предполагалось, что Н.М. Карамзин основывался здесь на показаниях Троицкой летописи [Приселков 1950. С. 356 под 1319 г.]. А.В. Экземплярский этой даты не знал, а показания Симеоновской летописи не учел, во всяком случае он выражает недоумение по поводу источника, из которого мог почерпнуть ее Хмыров [Экземплярский. Т. I. С. 287. Примеч. 518].

Из работ последнего времени дата 11 декабря и упоминание о патронате Даниила Столпника содержатся, например, в труде Б.М. Клосса [Клосс 1998. С. 24].

305 См. [АИ. Т. I. № 65].

306 См. [Большакова 1976. С. 123. Примеч. 3]; ср. [Рапов 1977. С. 188].

(см. выше)[307]. Однако адресат этого послания не выяснен, а само имя *Иоанн* присутствует, по-видимому, лишь в некоторой предварительной версии текста. В оригинале этого имени нет[308].

Из летописи известно, правда, что Даниил Галицкий возводит в основанном им городе Холме церковь Иоанна Златоуста[309], однако, как мы хорошо знаем из других примеров, церковное строительство далеко не обязательно должно быть связано с личным патрональным святым князя-заказчика, тем более что одновременно он возводит там же и церковь Козьмы и Дамиана. В том, что св. Иоанн чтился в семье Романовичей, сомневаться не приходится: в частности, это имя получил в крещении племянник Даниила, сын его единственного брата Василько, Владимир-Иоанн Василькович (см. выше).

ДАНИИЛ, сын Семена Гордого, внук Ивана Калиты, правнук Даниила Александровича Московского.

Христианское имя этого княжича, умершего, по-видимому, в раннем возрасте, известно из летописных записей о его рождении[310]. Он появился на свет 15 декабря 1347 г. Соответственно, его официальным святым патроном мог стать как пророк Даниил, чья память празднуется 17 декабря[311], так и Даниил Столпник (11 декабря). Наречение в честь Даниила Столпника, как кажется, более соответствовало родовой традиции, так как новорожденный находился бы под патронатом того же святого, что и его родной прадед, Даниил Московский (см. выше). Однако такое имянаречение потребовало бы отсчета по месяцеслову назад, что при выборе имени для мальчика делалось довольно редко. О наличии у этого княжича каких-либо других имен нам ничего неизвестно.

ДАНИИЛ, сын Ярослава-Федора, внук Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича-Васильевича Долгорукого. Ум. в 1256 г.

Христианское имя этого князя упоминается среди имен сыновей Ярослава-Федора Всеволодича, уцелевших после татаро-монгольского нашествия, и в сообщении о его смерти[312]. Немногочисленность упоминаний этого князя не позволяет утверждать с полной уверенностью, что других имен у него не было, однако сведениями о таких именах мы не располагаем. Затрудняемся сказать что-либо определенное и о патрональном святом князя.

ДМИТРИЙ, см. ВЛАДИМИР-ДМИТРИЙ, сын Всеволода.

---

307 См. [Голубинский. Т. II. 1-я половина тома. С. 83. Примеч. 2].

308 См. [Грушевський. Т. II. С. 70. Примеч. 1].

309 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 826, 842–843].

310 См. [ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 279; Т. VII. С. 214; Т. X. С. 219].

311 Любопытно, что 17 декабря отмечается память еще одного св. Даниила — Даниила Исповедника (в схиме Стефана). Впрочем, никаких данных о почитании именно этого святого в роду Рюриковичей у нас нет.

312 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 521; Т. IV. Ч. 1. С. 232].

ДМИТРИЙ, см. ВЛАДИМИР-ДМИТРИЙ, сын Константина.
ДМИТРИЙ, см. ВЛАДИМИР-ДМИТРИЙ, сын Рюрика.
ДМИТРИЙ, см. ВСЕВОЛОД-ДМИТРИЙ (БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО)
ДМИТРИЙ, см. ВСЕВОЛОД-ДМИТРИЙ, сын Юрия.
ДМИТРИЙ, см. ИЗЯСЛАВ-ДМИТРИЙ

ДМИТРИЙ, сын Александра Невского, внук Ярослава-Федора, правнук Всеволода-Дмитрия Юрьевича Большое Гнездо. Кн. новгородский и переяславский. Ум. в 1294 г.

В летописях этот князь фигурирует исключительно под христианским именем *Дмитрий*. Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения неизвестны. Ему атрибутируются печати с изображением св. Дмитрия Солунского[313]. Данными о наличии у князя каких-либо других имен мы не располагаем. Вероятнее всего, имя *Дмитрий* совмещало функции родового и крестильного.

ДМИТРИЙ, сын Бориса, внук Василько, правнук Константина Всеволодича-Дмитриевича. Кн. ростовский. Ум. в 1294 г.

Христианское имя князя известно из летописного свидетельства о его рождении:

«Родиса сн҃ъ Борису кнѧзю Василковичю м^с^ца се^м^тѧ въ а҃і и нарекоша имѧ ѥму в ст҃мъ крщ҃ньи Дмитрии»[314].

По-видимому, княжич был назван непосредственно по дню рождения, поскольку именно на 11 сентября приходится празднование мученику Дмитрию из Скепсии. Впрочем, данных о почитании этого святого в Древней Руси у нас нет. В то же время при наречении сына Бориса Васильковича именем *Дмитрий* вероятно принималась в расчет фигура св. Дмитрия Солунского (26 октября), традиционного покровителя рода Рюриковичей и одного из наиболее популярных княжеских святых. Таким образом, вопрос о патрональном святом князя остается открытым, не исключено, что сам Дмитрий Борисович особым образом чтил и отмечал память св. Дмитрия Солунского.

Судя по всему, в качестве «земного прототипа» для старшего сына Бориса Васильковича мыслился его прапрадед — Всеволод-Дмитрий Большое Гнездо (см. выше), чьим патрональным святым был Дмитрий Солунский. Вместе с тем *Дмитрием* в крещении был и двоюродный дед ребенка, родной дядя Бориса Васильковича, Владимир-Дмитрий Всеволодич-Дмитриевич (см. выше), также находившийся под покровительством Дмитрия Солунского.

Вероятнее всего, имя *Дмитрий* совмещало в данном случае функции родового и крестильного. Данными о наличии у Дмитрия Борисовича каких-либо других имен мы не располагаем.

---

313 См. [Янин 1970. Т. II. С. 160–161].

314 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 473 под 1253 г.]; ср. [ПСРЛ. Т. VII. С. 160; Т. XXV. С. 142].

ДМИТРИЙ (ДОНСКОЙ), сын Ивана Красного, внук Ивана Калиты, правнук Даниила Александровича Московского. Вел. кн. московский и владимирский. Ум. в 1389 г.

Династическое христианское имя Дмитрия Донского известно из множества источников. Согласно летописным записям о его рождении, князь появился на свет 12 октября[315]. По всей очевидности, его официальным небесным патроном был мученик Дмитрий Солунский (память празднуется 26 октября), чему соответствуют изображения на печатях этого князя[316]. Данными о наличии у князя каких-либо других имен мы не располагаем.

ДМИТРИЙ (ЖИЛКА), сын Ивана-Тимофея Великого, внук Василия Темного, правнук Василия Дмитриевича. Кн. угличский. Ум. в 1521 г.

Династическое христианское имя этого сына Ивана III известно из множества летописных источников. Не вызывает сомнений, что он был наречен в честь Дмитрия Солунского, так как в летописных источниках его имянаречение регулярно связывается с 26 октября, днем памяти этого святого. В летописях приводится и точная дата появления княжича на свет (6 октября) [317].

При этом в ряде текстов есть указание на то, что в этот день отмечалась память апостола Фомы[318]. Можно предположить, что Дмитрий находился под покровительством этого святого. Однако ни прямых свидетельств почитания им св. Фомы, ни непосредственных данных о том, что Дмитрий Иванович мог именоваться в каких-то ситуациях *Фомой*, в нашем распоряжении нет[319].

---

315 См. [ПСРЛ. Т. VII. С. 215; Т. X. С. 222; Т. XXIII. С. 109–110; Т. XXIV. С. 120; Т. XXV. С. 178].

316 См. [ДДГ. С. 24–25. № 8. С. 33–37. № 12; Орешников 1903. С. 7]; ср. [Янин 1970. Т. II. С. 26–27; Соболева 1991. С. 148–149]. Сохранилась также икона Дмитрия Солунского, подаренная Дмитрию Донскому византийским императором (см. [Писарская 1964. С. 25. Табл. X; Бетин 1970. С. 63]). Т. В. Николаева связывает с именем Дмитрия Донского выполненный мастером Семеном Золотиловым крест, на котором имеется, в частности, изображение Дмитрия Солунского [Николаева 1977. С. 171–172]. Известно, кроме того, что Дмитрий Донской (предположительно в 1380 г.) перевез из Владимира в Москву икону великомученика и поместил ее в Успенском соборе.

О помощи Дмитрия Солунского русским войскам в Куликовской битве см. подробнее: [Буланин 1987. С. 264].

317 См. [ПСРЛ. Т. IV. С. 524; Т. VIII. С. 213; Т. XII. С. 213; Т. XVIII. С. 269; Т. XXV. С. 329].

318 См. [ПСРЛ. Т. XII. С. 213; Т. XXV. С. 329].

319 Нельзя признать сколько-нибудь надежным утверждение Н.П. Лихачева и В.Л. Янина о том, что Дмитрия Ивановича звали в крещении *Фомой* [Лихачев 1928–1930. Вып. I. С. 88–89: Янин 1970. Т. II. С. 28–29]. Нигде в известных нам источни-

ДМИТРИЙ-(УАР?), сын Ивана-Тита Грозного, внук Василия-Гавриила, правнук Ивана-Тимофея Васильевича Великого. Ум. в 1553 г.

Династическое христианское имя этого княжича, *Дмитрий*, известно из летописных источников. Очевидно, что его официальным небесным патроном был св. Дмитрий Солунский. Дмитрий Иванович появился на свет в октябре, в некоторых источниках днем его появления на свет считается 26 октября, т.е. день памяти Дмитрия Солунского[320]. В большинстве же летописных свидетельств точная дата его рождения не приводится. При этом, исходя из описанных в тексте событий, можно предположить, что он родился несколько ранее 26-го.

Судя по отдельным данным иконографии и церковного строительства, еще одним небесным патроном этого погибшего во младенчестве княжича был св. Уар, чья память отмечается 19 октября[321]. Его родовое христианское имя *Дмитрий* было унаследовано самым младшим из сыновей Ивана Грозного — Дмитрием-Уаром Угличским (см. ниже). Не исключено, что и дополнительное христианское имя младший брат получил в наследство от старшего.

ДМИТРИЙ-УАР (УГЛИЧСКИЙ), сын Ивана-Тита Грозного, внук Василия-Гавриила, правнук Ивана-Тимофея Васильевича Великого. Кн. угличский. Ум. в 1591 г.

Династическое христианское имя царевича, сына Ивана Грозного и Марии Нагой, *Дмитрий*, зафиксировано во множестве источников. Судя по всему, официальным патроном Дмитрия Ивановича был св. Дмитрий

ках не сказано, что князь обладал этим именем, а одного указания летописи на то, что он родился на день апостола Фомы, для определения крестильного имени явно недостаточно. В сущности, у нас нет даже убедительной модели, на основании которой мы могли бы строить столь безапелляционные утверждения. Так, про суздальского князя Дмитрия Константиновича-старшего (см. ниже) сообщается, что в крещении он получил имя *Фома*. Однако летопись не говорит ничего о дате его рождения. Известна, например, дата рождения Андрея Дмитриевича (сына Дмитрия Донского) — 14 августа, и существует гипотеза, согласно которой в крещении его звали *Максим* (см. выше). Однако самое имя *Максим* упомянуто лишь в позднем источнике, и, что еще более существенно, в подавляющем большинстве месяцесловов память св. Максима Исповедника приходится не на 14, а на 13 августа.

Таким образом, вопрос о том, было ли известное нам дополнительное христианское имя правителя (или имя того святого, в день памяти которого он родился) крестильным именем князя, всякий раз нуждается в отдельном, детальном рассмотрении.

320 См. [ПСРЛ. Т. XXX. С. 181–182 под 1553 г.; Зимин 1950. С. 9]. Данные о патронате Дмитрия Солунского косвенно подтверждаются и росписями в Свияжском соборе, где есть изображение св. Дмитрия [Подобедова 1980. С. 26].

321 См. [Самойлова 2000. С. 110–111; Самойлова 2004. С. 101–106]; ср. [Крылова 1962. С. 34–35].

Солунский (26 октября). Известен и неофициальный покровитель царевича — мученик Уар. Существует источник, говорящий о том, что *Уар* было «прямым именем» царевича[322]. Значение термина «прямое» в данном случае не вполне понятно. Не исключено, что под ним подразумевается крестильное имя.

Согласно показаниям двух источников, царевич Дмитрий появился на свет 19 октября, т.е. непосредственно на празднование памяти св. Уара. Однако не исключено, что имя *Уар* он получил не по рождению, а в честь своего умершего брата — Дмитрия-(Уара?), старшего сына Ивана Грозного от Анастасии Захарьиной, от которого он унаследовал и свое официальное христианское имя (см. выше)[323].

ДМИТРИЙ (ВНУК), сын Ивана Молодого, внук Ивана-Тимофея Великого, правнук Василия Васильевича Темного. Вел. кн. московский. Ум. в 1509 г.

Династическое христианское имя этого князя известно из многочисленных летописных источников. Не вызывает сомнений, что он был наречен в честь Дмитрия Солунского, так как в летописных источниках его имянаречение регулярно связывается с 26 октября, днем памяти этого святого[324]. В летописях приводится и точная дата появления княжича на свет (10 октября) и имя святого мученика Евлампия, чья память приходилась на этот день. Можно предположить, что Дмитрий Внук находился под покровительством этого святого. Однако ни прямых свидетельств почитания им св. Евлампия, ни непосредственных данных о том, что Дмитрий Иванович мог именоваться в каких-то ситуациях *Евлампием*, в нашем распоряжении нет[325].

---

322 См. [Карамзин. Т. IX. С. 266. Примеч. 741].

323 См. [ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 194; Карамзин. Т. IX. С. 266. Примеч. 741].

324 См. [ПСРЛ. Т. XII. С. 215; Т. XXV. С. 330]. Отметим, что в Воскресенской и Новгородской четвертой летописях Дмитрий Внук ошибочно назван сыном Ивана III, а не Ивана Молодого [ПСРЛ. Т. IV. С. 525; Т. VIII. С. 213].

325 Нельзя признать сколько-нибудь надежным утверждение Н.П. Лихачева и В.Л. Янина о том, что Дмитрия Ивановича звали в крещении *Евлампием* [Лихачев 1928–1930. Вып. I. С. 88–89: Янин 1970. Т. II. С. 28–29]. Нигде в известных нам источниках не сказано, что князь обладал этим именем, а одного указания летописи на то, что он родился на день св. Евлампия, для определения крестильного имени явно недостаточно. В сущности, у нас нет даже убедительной модели, на основании которой мы могли бы строить столь безапелляционные утверждения. Так, про суздальского князя, Дмитрия Константиновича-старшего (см. ниже), сообщается, что в крещении он получил имя *Фома*. Однако летопись не говорит ничего о дате его рождения. Известна, например, дата рождения Андрея Дмитриевича (сына Дмитрия Донского) — 14 августа, и существует гипотеза, согласно которой в крещении его звали *Максим* (см. выше). Однако самое имя *Максим* упомянуто лишь в позднем источнике, и, что еще более существенно, в подавляющем большинстве месяцесловов память св. Максима Исповедника приходится не на 14, а на 13 августа. Вопрос о том,

ДМИТРИЙ-ФОМА-ФЕДОР, сын Константина, внук Василия, правнук Михаила Андреевича. Кн. суздальский и владимирский. Ум. в 1383 г.

Династическое христианское имя князя известно из многочисленных летописных упоминаний. «Полный набор» же христианских имен этого князя фигурирует в летописном свидетельстве о его кончине:

«Того же лѣта, мѣсяца Июля въ 5 день, преставися во иноческомъ чину князь велики Дмитрей Констянтиновичь Суздалскій и Новагорода Нижнего, внукъ Васильевъ, правнукъ Михаиловъ, праправнукъ Андрѣевъ; бѣ же ему во святомъ крещеніи имя Ѳома, а иноческое Ѳеодоръ»[326]

По всей видимости, официальным святым патроном Дмитрия Константиновича-старшего был Дмитрий Солунский (26 октября). У этого князя был младший брат-тезка, появившийся на свет при его жизни (см. ниже). Судя по показаниям Воскресенской летописи, он родился ок. 1321/22 г., причем весьма вероятно, что дата его рождения непосредственно была связана с 6 октября, днем памяти апостола Фомы, его неофициального небесного патрона, в честь которого князь был крещен[327]. Любопытно, что иноческое имя подобрано в соответствии с именем крестильным (*Фома*), а не династическим (*Дмитрий*).

ДМИТРИЙ (НОГОТЬ), сын Константина, внук Василия, правнук Михаила Андреевича.

Династическое христианское имя князя известно из Никоновской летописи. Не вызывает сомнений, что он жил одновременно со своим старшим братом-тезкой (см. выше), так как в двух свидетельствах летописи два брата Дмитрия Константиновича заодно действуют в военных предприятиях[328]. Вероятнее всего, оба брата получили христианское родовое имя *Дмитрий* в честь одного и того же святого — Дмитрия Солунского. Никакие другие христианские имена Дмитрия Константиновича-младшего нам не известны.

ДМИТРИЙ (ГРОЗНЫЕ ОЧИ), сын Михаила, внук Ярослава-Афанасия, правнук Ярослава-Федора Всеволодича-Дмитриевича. Вел. кн. тверской и владимирский. Убит в Орде в 1326 г.

Христианское имя этого князя известно, в частности, из летописного сообщения о его рождении:

было ли известное нам дополнительное христианское имя правителя (или имя того святого, в день памяти которого он родился) крестильным именем князя, всякий раз нуждается в отдельном рассмотрении.

326 См. [ПСРЛ. Т. XI. С. 83]; ср. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 4849], где отмечено, что Дмитрий-Фома принял также и схиму.

327 Ср. пример такого имянаречения в семье Ивана III, когда в источниках отмечается, что один из его сыновей родился 6 октября, т.е. на память апостола Фомы, и был наречен *Дмитрием* (см. выше)

328 См. [ПСРЛ. Т. XI. С. 9, 22].

«Тогож лѣ^т^ м^с^ца семтѧ^б^ въ е҃і в понед по вечернии Родисѧ кн҃зю Михаилу Тфѣрьскому сн҃ъ и нарекоша имѧ ѥму Дмитрии»[329].

В некоторых летописных источниках дата рождения Дмитрия Михайловича обозначена как 15 сентября, тогда как в других летописях мы обнаруживаем иное число — 15 октября[330]. Отметим, что первая дата (15 сентября) совпадает с летописной датой убийства князя в Орде[331], что само по себе, разумеется, еще не является достаточным основанием для того, чтобы признать какую-либо из этих датировок ошибочной. Как бы то ни было, князь скорее всего находился под покровительством св. Дмитрия Солунского (26 октября), традиционного патрона рода Рюриковичей и одного из наиболее популярных княжеских святых.

Возможно, в качестве «земного прототипа» для сына Михаила Ярославича мыслился его прапрадед — Всеволод-Дмитрий Большое Гнездо (см. выше), чьим патрональным святым был Дмитрий Солунский. Вместе с тем *Дмитрием* в крещении был и двоюродный дед ребенка, Владимир-Дмитрий Всеволодич-Дмитриевич (см. выше), и кузен его отца — Дмитрий, сын Александра Невского (см. выше).

Имя *Дмитрий* совмещало в данном случае функции родового и крестильного. Данными о наличии у Дмитрия Михайловича каких-либо других имен мы не располагаем.

ДМИТРИЙ (ШЕМЯКА), сын Юрия Звенигородского, внук Дмитрия Донского, правнук Ивана Ивановича Красного. Кн. галицко-звенигородский и московский. Ум. в 1453 г.

Династическое христианское имя этого князя известно из летописных источников. Со всей очевидностью он был назван именем деда, Дмитрия Донского (см. выше). Существенно при этом, что он был тезкой своего брата, Дмитрия Красного (см. ниже). Не вызывает никаких сомнений, что оба брата жили одновременно. Более того, у них, по всей видимости, совпадал и патрональный святой — Дмитрий Солунский. Никаких других христианских имен этого князя мы не знаем.

ДМИТРИЙ (КРАСНЫЙ), сын Юрия Звенигородского, внук Дмитрия Донского, правнук Ивана Ивановича Красного. Кн. галицко-звенигородский. Ум. в 1441 г.

Династическое христианское имя этого князя известно из летописных источников. Со всей очевидностью он был назван именем деда,

---

329 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 484–485 под 1299 г.; Т. XVIII. 84]; ср. [Карамзин. Т. IV. Примеч. 206; Экземплярский. Т. II. С. 468–469; Приселков 1950. С. 348–349].

330 См., например: [ПСРЛ. Т. VII. С. 182; Т. XX. С. 172; Т. XXIII. С. 95].

331 См., например: [ПСРЛ. Т. VII. С. 200; Т. X. С. 190; Т. XVIII. С. 89–90; Т. XX. С. 177]. В Московском летописном своде конца XV в. указана дата 13 сентября [ПСРЛ. Т. XX. С. 168].

Дмитрия Донского (см. выше). Существенно при этом, что он был тезкой своего старшего брата, Дмитрия Шемяки (см. выше). Не вызывает никаких сомнений, что оба брата жили одновременно. Более того, у них, по всей видимости, совпадал и патрональный святой — Дмитрий Солунский. Никаких других христианских имен этого князя мы не знаем.

ДОБРОНЕГА (ДОБРОГНЕВА, ДОБРОВКА / ДОБРАВКА)-МАРИЯ, дочь Владимира-Василия Святого, внучка Святослава, правнучка Игоря Рюриковича и Ольги-Елены. Ум. в 1087 г.

Древнейшие русские летописи не приводят ни христианского, ни родового имени этой княжны, отданной замуж за польского правителя Казимира Восстановителя. Из русских источников мы узнаем, что жена Казимира была сестрой Ярослава Мудрого и, соответственно, дочерью Владимира Святого. В целом ряде позднейших польских источников[332] фигурирует как ее христианское имя *Мария*, так и различные формы ее родового имени. Мы не располагаем достоверными сведениями, позволяющими судить о том, получила ли Добронега свое христианское имя *Мария* в Польше или на Руси, однако не вызывает сомнений, что некое крестильное имя на Руси у нее было.

Разумеется, невозможно полностью полагаться на свидетельства поздних источников (таких, как «Польская история» Длугоша или Густынская летопись) о том, что она была перекрещена в Польше из *Марии* в *Доброгневу* и оставила свою веру греческую[333]. Во всяком случае в первой половине XI в. речь не могла идти еще о перемене веры и буквальном перекрещивании, сопровождавшемся переменой имени (да к тому же с христианского на языческое!)[334]. С другой стороны, нельзя полностью исключить возможность того, что в поздних источниках в существенно искаженном виде отразилась какая-то процедура получения русской княжной нового имени на родине своего мужа.

ЕВДОКИЯ, см. ГОРИСЛАВА-ЕВДОКИЯ

ЕВДОКИЯ-ЕВФРОСИНИЯ, дочь Дмитрия, внучка Константина, правнучка Василия Михайловича. Жена Дмитрия Донского. Приняла постриг. Ум. в 1407 г.

Христианское родовое (*Евдокия*) и иноческое (*Евфросиния*) имена этой княгини известны из многочисленных летописных источников[335]. О наличии у этой княгини каких-либо дополнительных христианских имен нам ничего не известно.

ЕВДОКИЯ, дочь Ивана-Тимофея Великого, внучка Василия Темного, правнучка Василия Дмитриевича. Ум. в 1513 г.

---

332 См. их обзор в работе: [Balzer 1895. S. 88; [Щавелева 2004. С. 388–389. Примеч. 132]. См. также: [Пчелов 2001. С. 208–209], с указанием литературы.

333 См. [ПСРЛ. Т. XL. С. 53. С. 38; Щавелева 2004. С. 105, 253].

334 Ср. [Щавелева 2004. С. 388–389. Примеч. 132].

335 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 538; Т. VIII. С. 81; Т. XXIII. С. 141].

Христианское имя этой княжны известно из ряда летописных источников, в большинстве из которых содержится упоминание о ее браке и кончине[336]. При этом в Московском летописном своде содержится сообщение о том, что Евдокия Ивановна появилась на свет в феврале 1383 г.[337] В таком случае святой покровительницей девочки с наибольшей вероятностью должна была стать преподобномученица Евдокия, чья память празднуется 1 марта.

О наличии у Евдокии Ивановны каких-либо дополнительных христианских имен мы ничего не знаем.

ЕВДОКИЯ, дочь Изяслава-Пантелеймона (?), внучка Мстислава-Федора Великого (?), правнучка Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха (?). Жена польского князя Мешко III (Старого).

Ее христианское имя известно из польских источников[338]. Принадлежность Евдокии к роду Рюриковичей весьма вероятна, поскольку она, в частности, именуется «дочерью короля Руси», однако никаких более точных сведений о ее происхождении в источниках не обнаруживается.

ЕВПРАКСИЯ, см. ЗВЕНИСЛАВА-ЕВПРАКСИЯ

ЕВСТАФИЙ, кн. в Изборске и Пскове. Ум. в 1360 г.

В XIV в., судя по данным Псковской летописи, в Изборске и Пскове был князь с именем *Евстафий*. Первое упоминание этого князя относится к 1323 г. В источниках приводятся также имена двух его сыновей — *Карп* и *Алексей*[339]. Впрочем, принадлежность этой семьи к роду Рюриковичей весьма сомнительна.

ЕВСТАФИЙ, сын Константина, внук Владимира (?), правнук Глеба Ростиславича (?). Ум. в 1264 г.

Христианские имя и отчество этого лица, а также его рязанское происхождение отмечены в Ипатьевской летописи:

«Идоша Литва на Лахы воеватъ ѿ Миндовга и Ѡстафьи Костантиновича с ними ѡканьныи и безаконыи бе бо забѣглъ из Разана»[340].

Там же мы находим и упоминание о том, что Евстафий Константинович был убит Воишелком, причем в этом фрагменте рязанский выходец вновь именуется «окаянным», «проклятым» и «беззаконным»[341]. Весьма вероятно, что он принадлежал к роду Рюриковичей и был родным сыном Константина Владимировича и племянником Глеба Владимировича. Константин и Глеб Владимировичи «прославились» ковар-

336 См. [ПСРЛ. Т. XIII. С. 2, 16].
337 См. [ПСРЛ. Т. XXV. С. 330].
338 См. [Balzer 1895. S 165–167].
339 См. [ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 23 под 1360 г.].
340 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 855 под 1262 г.].
341 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 861].

ным убийством своих ближайших родичей, двоюродных и родных братьев. Не исключено, что именно благодаря этому событию и сын Константина Рязанского (если только Евстафий в самом деле был его сыном) характеризуется летописцем как «окаянный» и «беззаконный». Эти эпитеты, удивительным образом, оказываются в таком случае своего рода наследственным прозвищем[342].

Коль скоро этот Евстафий Константинович принадлежал к роду Рюриковичей, то он, возможно, был полным тезкой своего далекого предка — Евстафия, сына Мстислава Тмутараканского (см. ниже). Мстиславу Владимировичу на основании данных Любечского синодика приписывается крестильное имя *Константин* (см. ниже); соответственно, его сын оказывался обладателем христианского имени и отчества *Евстафий Константинович*. В целом же, имя *Евстафий* воспроизводилось в роду Рюриковичей весьма редко.

ЕВСТАФИЙ, сын Мстислава Тмутараканского, внук Владимира-Василия Святого, правнук Святослава Игоревича. Ум. в 1033 г.

Христианское имя этого княжича известно из летописного сообщения о его смерти, причем известие о смерти является одновременно и единственным упоминанием этого сына Мстислава Владимировича в летописных источниках:

«Мьстиславичь Єоустафии оумре»[343].

Соответственно, мы не знаем, были ли у Евстафия Мстиславича другие имена и было ли *Евстафий* именем крестильным или иноческим. В более позднюю эпоху употребление иноческого имени рядом с мирским отчеством едва ли возможно, однако не исключено, что оно все же было возможным в XI в., особенно если учесть, что этот князь упоминается в летописи лишь единожды и в сообщении о его смерти возникала необходимость его генеалогической атрибуции.

Евстафий появился на свет в ту пору, когда христианский антропонимикон Рюриковичей еще только формировался. Возникает вопрос об источниках такого имянаречения, не обладающего еще собственной внутриродовой укорененностью. А.А. Молчанов предположил, что этот внук Владимира Святого был назван в честь константинопольского патриарха Евстафия[344]. Существует и другая возможность обоснования такого выбора имени, связанная с рецепцией «Жития Евстафия Плакиды» на Руси. Существенно, что этому святому напрямую уподобляется дед Евстафия Мстиславича, Владимир-Василий Святой, причем основой для такого уподобления является именно сме-

342 Ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 444].

343 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 150].

344 См. [Молчанов 2004. С. 85].

на языческого имени (*Владимир* и *Плакида*) на христианское (*Василий* и *Евстафий*)[345].

Мы не знаем ничего достоверного о святом покровителе Евстафия Мстиславича. Прежде всего, однако, хотелось бы обратить внимание на фигуру уже упоминавшегося полководца Евстафия Плакиды (20 сентября) и св. Евстафия Воина (28 июля).

Впоследствии имя *Евстафий* встречается в роду Рюриковичей крайне редко (см. выше).

ЕВФРОСИНИЯ, см. ЕВДОКИЯ-ЕВФРОСИНИЯ

ЕВФРОСИНИЯ, см. ОЛЬГА-ЕВФРОСИНИЯ

ЕВФРОСИНИЯ, см. П(Е)РЕДСЛАВА-ЕВФРОСИНИЯ

ЕВФРОСИНИЯ, см. РОСТИСЛАВА-ФЕОДОСИЯ-ЕВФРОСИНИЯ

ЕВФРОСИНИЯ, см. ФЕОДУЛИЯ-ЕВФРОСИНИЯ

ЕВФРОСИНИЯ (БОРИСКОВНА), дочь Бориса, внучка Юрия Долгорукого, правнучка Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Ум. в 1202 г.

Христианское имя этой дочери Бориса Юрьевича известно из летописного сообщении о ее смерти[346]. У нас нет никаких данных о том, было ли это имя крестильным или иноческим. Ничего не известно нам и о других именах Евфросинии Борисковны. Имя *Евфросиния* пользовалось, по-видимому, особой популярностью у ближайших потомков Юрия Долгорукого. Так, в частности, родная тетка Евфросинии Борисковны, Ольга, приняла это имя при постриге (см. ниже).

ЕВФРОСИНИЯ, дочь Мстислава-Федора Великого, внучка Владимира-Василия Мономаха, правнучка Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича. Жена венгерского короля Гезы II.

Эта дочь Мстислава Великого от второго брака была отдана замуж за Гезу II[347], ее христианское имя известно исключительно из венгерских источников[348]. В русских источниках ее имя не фигурирует, хотя брак Евфросинии Мстиславны сыграл большую роль в последующей политической жизни ее братьев, прежде всего Изяслава Мстиславича. О наличии у дочери Мстислава Великого какого-либо другого имени нам ничего не известно, однако полное молчание русских источников о ее имянаречении не позволяет сколько-нибудь уверенно утверждать, что никаких других имен у нее не было вовсе.

ЕВФРОСИНИЯ-ИЗМАРАГД, дочь Ростислава-Михаила, внучка Рюрика-Василия, правнучка Ростислава-Михаила Мстиславича-Федоровича.

---

345 См. [Абрамович 1916. С. 4]; ср. [Карпов 2001. С. 502. Примеч. 47].

346 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 417]. Летопись специально отмечает, что Евфросиния Борисковна была погребена возле отца и матери, в церкви Бориса и Глеба в Кидекше.

347 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 384, 446, 447, 450; SRD. T II. P. 160–161; SmHD. T. I. P. 182, 183], ср. [Forssman 1970. S. 137; Gillingstam 1981. S. 19].

348 См. [Грот 1889. С. 94–95. Примеч. 2].

Христианское имя этой княжны известно из летописного свидетельства о ее рождении:

«Того же лѣ^т^ на зимоу родисѧ дщи оу Ростислава оу Рюриковича и нарекоша имѧ еи Єфросѣньꙗ и прозваниемь Изморагдъ еже наречетьсѧ дорогыи камень» [349].

Наречение этой княжны чрезвыйчайно интересно в перспективе княжеской двуименности. Дело в том, что *Измарагд* (*Смарагд*) было вторым именем св. Евфросинии Александрийской, в честь которой, судя по всему, и была крещена дочь Ростислава Рюриковича. Согласно агиографической традиции, святая поступила в мужской монастырь под видом евнуха Смарагда (Smaragdus)[350].

Память св. Евфросинии Александрийской отмечается дважды в году, 25 сентября и 15 февраля (в некоторых месяцесловах присутствует также дата 17 февраля)[351]. Если учесть, что Евфросиния-Измарагд, дочь Ростислава Рюриковича, родилась «на зимоу», то скорее всего ее наречение было связано с февральским праздником св. Евфросинии.

ЕВФРОСИНИЯ (?), дочь Ярослава Осмомысла, внучка Владимира, правнучка Володаря Ростиславича.

Высказывалось утверждение, что *Евфросинией* звали дочь Ярослава Осмомысла и Ольги-Евфросинии Юрьевны[352]. По-видимому, единственным источником сведений о княжне Евфросинии Ярославне является «Родословник князей великих и удельных рода Рюрика», составленный Екатериной II[353]. Если эти сведения верны, то оказывается, что дочь носит в миру то же христианское имя, что мать принимает в иночестве. Ф.И. Буслаев предположил, что именно Евфросиния Ярославна обозначается патронимом *Ярославна* в «Слове о полку Игореве»[354]. Однако весьма вероятно, что Евфросиния Ярославна является не реальным историческим лицом, а всего лишь неким «генеалогическим фантомом».

ЕЛЕНА, см. ОЛЬГА-ЕЛЕНА

ЕЛЕНА, дочь Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, внучка Юрия Долгорукого, правнучка Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Ум. в 1205 г.

---

349 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 708 под 1199 г.].

350 См. [VSE. Cap. VIII, XI, XIII, XIV, XV. Col. 643–652].

351 В Житии Евфросинии Суздальской (XVI в.), дальней родственницы и современницы нашей Евфросинии Ростиславны, указано, что святая получила в иночестве имя *Евфросиния*, так как в день ее пострига, 25 сентября, «творится паметь Змарагду преподобныя Еуфросинии Александрѣискыя» [Клосс 2001. С. 383]. О Феодулии-Евфросинии Суздальской см. также ниже.

352 См. [Зотов 1892. С. 270; Baumgarten 1927. P. 15, 16. Tab. III. № 16].

353 См. подробнее: [Творогов 1993. С. 48–49].

354 См. [Буслаев 1861. С. 613].

Христианское имя княжны упоминается в Лаврентьевской летописи, в известии о ее кончине. Характер летописного известия позволяет предположить, что она умерла незамужней[355]. Мы не можем сказать наверняка, является ли это имя крестильным или иноческим, но никакими сведениями о том, что эта княжна принимала постриг, мы не располагаем.

Имя *Елена* образует своего рода пару с именем *Константин*, которое носил брат этой княжны, Константин Всеволодич (см. ниже). Учитывая пристрастие Всеволода Большое Гнездо к различного рода парам при выборе имен для своих детей, можно предположить, что и эта связь между именами Константина и Елены была неслучайной. В таком случае святой покровительницей княжны была скорее всего царица Елена, мать Константина Великого (21 мая).

Не исключено, что выбор имени для этой княжны был также связан с тем, что имя *Елена* носила в крещении ее тетка Ольга Юрьевна (см. ниже).

ЕЛЕНА, дочь Ивана-Тимофея Великого, внучка Василия Темного, правнучка Василия Дмитриевича.

Не вызывает сомнения, что у Ивана III была дочь с таким христианским именем, которое известно по многочисленным летописным источникам. Вопрос, скорее, заключается в том, сколько дочерей с таким именем было у великого князя.

Некоторые летописные источники упоминают о рождении в семье Ивана III трех девочек с именем *Елена* (в 1474, 1476 и в 1484 гг., соответственно)[356]. Про одну из этих Елен достоверно известно, что она стала женой великого князя литовского Александра и скончалась в 1513 г.[357] При этом мы не можем утверждать наверняка, в каком из летописных свидетельств речь идет о появлении на свет именно этой Елены, будущей жены великого князя литовского. Наименее вероятно, что она родилась в 1484 г., так как ее брак с Александром состоялся в 1495 г., а характер наставлений, сделанных ей отцом, и ее последующая переписка с ним позволяют думать, что к моменту свадьбы она не была маленькой девочкой, хотя и эту возможность нельзя исключить полностью.

---

355 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 421].

356 Ср., например, свидетельства Лихачевского летописца: Л. 816 об. (6982 г.) «Априля 18 в 7 час нощи родис великому князю дщи Елена от царевны Софии Фомины дщери Аморейскаго деспота»; Л. 823 (6984 г.) «Того ж месяца <т.е. апреля?> 19 в неделю по завтрени родись // (Л. 823 об.) великому князю дщи Елена»; Л. 853 об. (6992 г.) «Того ж лета весне родилася у великого князя княжна Олена на другой неделе по велица дни во вторник по раноу на пе(р)вом <буква ‘р’ утрачена, левый край обрезан> часе на паметь святого отца Ивана Ветхиалары». Сходные свидетельства содержатся в Воскресенской и Никоновской летописях.

357 См. о ней подробнее: [Лурье 1988. С. 209–210], с указанием литературы.

Когда бы ни появилась на свет супруга великого князя литовского, она остается единственной из дочерей Ивана III по имени *Елена*, о которой летописи сообщают какие-либо сведения, кроме самого факта их рождения.

Ряд косвенных обстоятельств позволяет заподозрить, что кто-то из этих Елен был всего лишь «генеалогическим фантомом», появившимся в результате удвоения или неправильного понимания более ранних свидетельств позднейшими составителями летописей, хотя утверждать это наверняка, как кажется, невозможно. Ряд исследователей полагали, что у Ивана III было только две дочери-тезки с именем *Елена*[358].

Сколько бы ни было у Ивана III дочерей с именем *Елена*, их покровительницами, судя по летописным датам их рождения (18 апреля, 19 мая (апреля?) и 8 апреля), должна была стать царица Елена (21 мая). О том, были ли у этих княжон какие-либо дополнительные христианские имена, нам ничего не известно.

(ЕЛЕНА?)-(МАРФА?), дочь Шварна. Жена кн. Ярослава-Иоанна Владимировича. Ум. в 1201 г.

Об имени этой княгини надежных сведений у нас нет. Весьма поздний летописный источник называют эту княгиню, сестру Марии Всеволожей (см. ниже), *Еленой* («...княгиня Ярославляя Елена»), однако эти данные не находят подтверждения в ранних летописях[359]. Здесь сообщается лишь, что она была погребена в церкви святой Богородицы в «манастырѣ сестринѣ»[360].

Н.М. Карамзин отмечал, что в приделе Благовещения Успенского монастыря во Владимире была надгробная плита с упоминанием имени Марфы Шварновны[361]. Можно допустить, что Марфой Шварновной на самом деле звалась именно эта княгиня, а не Мария Всеволожая, как полагал Н.М. Карамзин. Однако даже если это так, мы не можем сказать было ли это имя крестильным или иноческим.

---

358 Ср. [Карамзин. Т. VI. Примеч. 204; Экземплярский. Т. I. С. 277]; ср. также указатель к Никоновской летописи [ПСРЛ. Т. XIV]. При этом у Н.М. Карамзина и в именном указателе Никоновской летописи отрицается, по-видимому, реальность существования Елены Ивановны, чье рождение помещается в летописях под 1484 г. Н.М. Карамзин полагал, что одна из двух Елен родилась в 1474 г. и умерла ко времени рождения второй Елены, той, что родилась в 1476 г. Таким образом, женой великого князя литовского становится младшая из признаваемых им Елен. Что же касается А.В. Экземплярского, то он, признавая существование двух Елен, полагает, что за великого князя литовского была отдана Елена-старшая. При этом не совсем понятно, кого именно он считает Еленой-младшей.

359 См. [Макарий 1860. Ч. I. С. 332–333. Примеч. 226 со ссылкой на Новгородские Губернские Ведомости от 1849 г. № 33. С. 151]; ср. [Мальгин. С. 233].

360 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 416–417].

361 См. [Карамзин. Т. III. Примеч. 62].

Существуют, впрочем, косвенные данные, свидетельствующие в пользу того, что эта княгиня могла зваться *Марфой* в крещении. Н.П. Сычев реконструирует для нее это имя, исходя из особенностей композиции деисуса в Спасо-Нередицкой церкви, где вопреки обыкновению на месте Богородицы изображен Иоанн Предтеча (небесный покровитель (?) Ярослава-Иоанна Владимировича, см. ниже), а там, где традиционно помещалось изображение Предтечи, оказалась Марфа, небесная покровительница жены князя (???)[362].

ЗВЕНИСЛАВА-ЕВПРАКСИЯ, дочь Бориса, внучка Всеслава, правнучка Брячислава Изяславича. Приняла постриг.

Иноческое имя княжны, двоюродной сестры П(е)редславы-Евфросинии Полоцкой (см. ниже), приводится в Житии св. Евфросинии:

«Бяше же во градѣ княжна Борисовна, именемъ Звенислава; та во единъ от дній приіиде въ монастырь и изнесе всю свою утварь златую и ризы многоцѣнны ко Евфросінии <...> Она же пріятъ ю съ радостію, и повелѣ іерееви пострищи ю и нарече имя ей Евпраксія»[363].

Крестильное имя княжны неизвестно.

ИАКОВ, см. ОЛЕГ-ИАКОВ-ИОАКИМ

ИВАН (СТАРШИЙ, БРЮХАТЫЙ), сын Андрея, внук Александра, правнук Константина Васильевича Ростовского. Кн. ростовский.

Христианское имя этого князя, как и самый факт его существования, известен из родословных книг, где от него ведется несколько знатных родов[364]. Об обстоятельствах выбора имени и о каких-либо других его христианских именах ничего не известно. Существенно, однако, что в родословных книгах отмечается наличие у него по крайней мере одного младшего брата-тезки (см. ниже).

В отдельных родословных книгах у князя Андрея Александровича указываются даже три сына по имени *Иоанн*, хотя в большинстве присутствуют только два. О других именах Ивана Андреевича нам ничего не известно.

ИВАН-ЯН (МЛАДШИЙ), сын Андрея, внук Александра, правнук Константина Васильевича Ростовского. Кн. ростовский.

Христианское имя этого князя, как и самый факт его существования, известен из родословных книг, где от него ведется несколько знатных родов[365]. Об обстоятельствах выбора имени ничего не известно. Существенно, однако, что в родословных книгах отмечается наличие у него по крайней мере одного брата-тезки (см. выше).

---

362 См. [Syčev 1932. P. 84–92. Pl. X; Сычев 2005. С. 254–257; Лифшиц 1983]; ср. иначе: [Янин 2004. С. 175–180; Янин 2004а. С. 9–11].

363 См. [ПЕП. С. 175; ПСРЛ. Т. XXI. С. 212].

364 См. подробнее: [Экземплярский. Т. II. С. 56].

365 См. подробнее: [Экземплярский. Т. II. С. 58].

Статус имени *Ян* в православной среде в эту эпоху требует специального рассмотрения.

В отдельных родословных книгах у князя Андрея Александровича указываются даже три сына по имени *Иоанн*, хотя в большинстве присутствуют только два.

ИВАН, сын Бориса Волоцкого, внук Василия Темного, правнук Василия Дмитриевича. Кн. рузский. Ум. в 1504 г.[366]

Христианское имя князя известно из летописей и актового материала (сохранилась духовная самого князя, а также духовная его матери)[367]. Хотя точная дата рождения князя и обстоятельства имянаречения в источниках не зафиксированы, у нас есть достаточно определенные данные о его патрональном святом. Им, вне всякого сомнения, был св. Иоанн Богослов (память празднуется 26 сентября и 8 мая), о чем свидетельствует, например, духовная князя, где мы обнаруживаем следующую фразу:

«Да в Рузе *ж* к Ивану Богуслову, ангиилу своему, да*л* есми, по матери свои и по себѣ...»[368].

Кроме того, в описи Иосифо-Волоколамского монастыря, где был погребен Иван Борисович, упоминается надгробная икона, где изображен «иван бгослов да сп̄с в ѡблаце а за богословом на тои ж иконе княз иван борисович писмо паисеино»[369]. Во Вкладной Книге Иосифо-Волоколамского монастыря указываются две даты монастырских кормлений по князю — 28 ноября (день кончины) и 8 мая (память Иоанна Богослова)[370].

О дополнительных христианских именах князя нам ничего не известно.

ИВАН ВОИН, сын Василия Ярославского, внук Василия Грозного, правнук Давыда Федоровича. Кн. ярославский.

Христианское имя этого князя, как и самый факт его существования, известны из родословных книг[371]. Об обстоятельствах выбора имени данных не сохранилось.

Именование этого князя интересно с точки зрения статуса элементов «Воин» и «Постник». В этой связи существенно, что у Ивана Васильевича есть родной старший брат по имени *Иоанн*. Таким образом,

---

366 По уточнению А.А. Зимина, князь скончался в 1503 г. (см. [Зимин 1948. С. 268, 273]).

367 См., например: [ПСРЛ. Т. VIII. С. 244; Т. XII. С. 258; ДДГ. С. 349–350. №. 87. С. 351. № 88].

368 См. [ДДГ. С. 353. № 88].

369 См. [Георгиевский 1911. С. 3 (приложение)]; ср. [Сорокатый 1977. С. 412; Меняйло 1991. С. 16–19].

370 См. [Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря. С 157. Л. 68–68 об.].

371 См. подробнее: [Экземплярский. Т. II. С. 98, 99; Baumgarten 1934. P. 114. Tab. XIX. № 18].

в этой семье было два Ивана: Иван (старший) и Иван Воин (младший). О патрональных святых этих братьев мы решительно ничего не знаем, хотя естественно предположить, что патроном младшего был св. Иоанн Воин (30 июля). В свою очередь, у Ивана-старшего был сын, именуемый в родословных Яковом Воином[372]. Существенно при этом, что ни с кем из свв. Иаковов месяцеслова эпитет «Воин» в традиции устойчиво не соотносится[373], однако существует святой Иаков Постник (4 марта). Причудливое распределение и наследование в княжеских семьях именований «Постник» и «Воин» нуждается в дополнительном исследовании.

ИВАН-ТИМОФЕЙ (ВЕЛИКИЙ), сын Василия Темного, внук Василия, правнук Дмитрия Ивановича Донского. Вел. кн. московский. Ум. в 1505 г.

Помимо официального династического имени Иоанн, в источниках упоминается дополнительное христианское имя этого князя:

«Въ лѣто 6948. Родися великому князю сынъ Иванъ, генваря 22. О семъ же прореченре старець святый, именемь Михаилъ, въ Великомъ Новѣградѣ, въ монастыри на Веряжѣ; пришеду къ нему архіепископу Еуѳимію, онъ же рече владыцѣ: «днесь, отче, у великого князя на Москвѣ радость;» владыка рече: «коа, отче, радость?» старець рече: «родися великому князю сынъ Тимофѣй, а дали имя ему Іоанъ, и будетъ наслѣдникъ отцу своему, и разорити имать обычаи нашея земли Новгородскіа, погибель граду нашему будетъ, и многимъ землямъ страшенъ будетъ»»[374].

Ср. также Русский хронограф (Хронограф редакции 1512 г.), где оба имени Ивана III появляются в связи с упоминанием о его кончине:

«Преставися благовѣрный и христолюбивый великій князь Иван Васильевич всеа Русіи, рекомый Тимоѳей...»[375].

Дополнительное христианское имя князя Тимофей со всей очевидностью связано с днем его рождения — 22 января отмечается память апостола Тимофея[376].

---

372 См. [Экземплярский. Т. II. С. 98, 101; Baumgarten 1934. P. 116. Tab. XIX. № 39]. На с. 101 А.В. Экземплярский ошибочно называет Якова Воина Иваном Воином.

373 Упомянем, что если речь идет об имени Иоанн, то здесь мы обнаруживаем чтимых святых — Иоанна Воина и Иоанна Постника. Оба они охотно выбираются в качестве небесных патронов при имянаречении, причем мы знаем примеры, когда элемент «Постник» фигурирует вместе с княжеским именем и отчеством (см. ниже — Иван Постник, сын Федора). С другой стороны, в более позднюю эпоху «Воин» и «Постник» зафиксированы как самостоятельные имена [Тупиков 1903. С. 145–146, 372–374], Н.М. Тупиков причисляет их к именам некалендарным, что, возможно, справедливо лишь отчасти.

374 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 108 под 1440 г.].

375 См. [ПСРЛ. Т. XXII. Вып. 1. С. 536].

376 Ср. в этой связи свидетельство Никоновской летописи, где указывается, что Иван III родился на память апостола Тимофея, но Тимофеем напрямую не назван

Официальным небесным покровителем князя был Иоанн Златоуст. Соотношение двух княжеских святых патронов — Иоанна Златоуста и апостола Тимофея — замечательно отражено в одном из свидетельств о церковном строительстве Ивана III. Закладывая в 1479 г. каменную церковь Златоуста в Москве, Иван III устраивает в нем придел апостола Тимофея:

«понеже бо имя его наречено бысть, егда бываетъ праздникъ възвращениа честныхъ мощей Иоанна Златаустаго, Генваря 27. А въ застѣнкѣ тоа церкви повелѣ церковь другую учинити, Тимофѣа Апостола, въ той бо день родился»[377].

Любопытно, что венчание Ивана III с Софьей Палеолог (см. ниже) состоялось 12 ноября 1472 г., в канун еще одного праздника Иоанна Златоуста, приходящегося на 13 ноября[378].

ИВАН-ТИТ-СМАРАГД-ИОНА (ГРОЗНЫЙ), сын Василия-Гавриила, внук Ивана-Тимофея Великого, правнук Василия Васильевича Темного. Вел. кн. московский, царь русский. Принял постриг, ум. в 1584 г.

Помимо официального династического имени Иоанн, в различных источниках упоминаются дополнительные христианские имена царя[379]. Одно из них, Тит[380], связано непосредственно с датой его рождения, так как будущий самодержец появился на свет 25 августа, на перенесение мощей апостолов Тита и Варфоломея[381]. На сохранившейся панагии Ивана Грозного вырезан барельефный образ Иоанна Предтечи, а на оборотной стороне золотой оправы чернью было выполнено изображение апостола Тита[382]. Апостол Тит изображен также на одной из дробниц с оклада, заказанного Иваном Грозным для иконы св. Троицы[383]. Напрямую он назван Титом в пророчестве о его рождении:

[ПСРЛ. Т. XII. С. 39–40]. Отметим попутно, что в указателе к данному тому имя Ивана III Тимофей ошибочно указывается на с. 550 как монашеское имя князя. Это тем более странно, что в источнике нет никаких указаний на пострижение князя. Более того, согласно версии В. Н. Татищева, Иван III сознательно отказался принимать постриг перед кончиной [Татищев. Т. VI. С. 100].

377 См. [ПСРЛ. Т. XII. С. 192]; ср. [Мельник 1999. С. 38].

378 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 176; Т. XII. С. 151].

379 О. И. Подобедова ошибочно приписывает Ивану Грозному еще одно христианское имя Уар [Подобедова 1972. С. 27. Примеч. 9], явно путая в данном случае дополнительные имена Грозного и его сына, царевича Дмитрия (см. выше).

380 См. [ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 2. С. 629]. Ср. [Клосс 1998. С. 80].

381 Ср. иную дату в Постниковском летописце [ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 16].

382 См. [Постникова-Лосева 1976. С. 224].

383 См. [Клосс 1998. С. 80–81].

«Егда же зачатся во чревѣ матерни, и яко бысть близь роженія, и тогда боголюбивая мати его, великая княгиня воспроси нѣкоего мужа юродива, именемъ Доментія, глаголя: «Чьто имамъ родити?» Онъ же, яко уродствуя, глаголаше: «Тит, широкий умъ»»[384].

Происхождение имени Смарагд у Ивана Грозного не вполне ясно. Оно упоминается в «Похвальном слове великому князю Василию III»:

«Роди бо ся им чядо сын и наречен бысть в святом крещении Иван Змарагд»[385].

Официальным небесным покровителем Ивана Васильевича был, вне всякого сомнения, Иоанн Предтеча. Имянаречение будущего великого князя было связано с праздником Усекновение главы Иоанна Предтечи, приходящимся на 29 августа[386]. Показательно, что он завещал похоронить себя в диаконнике Архангельского собора, преобразованном специально для этой цели в придел Иоанна Крестителя[387]. В Кормовой книге Кирилло-Белозерского монастыря заупокойный корм по Ивану Грозному предписывалось проводить на день его рождения (25 августа), на Усекновение Честныя главы Иоанна Предтечи (29 августа) и на преставление[388].

---

384 См. [ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 2. С. 629].

385 См. [Розов 1965. С. 284].

386 См. [ПСРЛ. Т. XIII. С. 48, 49 под 1530 г.; Т. VIII. С. 273–274]; ср. также: [Зимин 1950, 30, 38; ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 2, 606; Т. XXII. Ч. 1. С. 522, 538].

387 См. [Самойлова 2000. С. 104]. Кроме того, с фигурой Ивана Грозного исследователи связывают сохранившуюся икону из Архангельского собора «Иоанн Предтеча в пустыне» [Сорокатый 1977. С. 408]. В Новодевичьем монастыре хранилась также сербская икона Иоанна Предтечи, принадлежавшая Ивану Грозному [Постникова-Лосева 1976. С. 225].

Изображение Иоанна Крестителя (наряду с изображениями Иоанна Лествичника, патронального святого царевича Ивана Ивановича (см. ниже), и Федора Стратилата, патронального святого царевича Федора Ивановича, см. ниже) присутствовало на западном подзоре моленного трона Грозного в новгородской Софии (см. [Никитина 1987. С. 361]).

388 См. [Кормовая книга. С. 87]. В самом Кирилло-Белозерском монастыре в честь рождения Ивана Грозного была заложена церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи [Никольский 1897. С. 105]. Кроме того, обетная деревянная церковь Усекновения честныа главы Иоанна Крестителя была возведена в 1531 г. в Москве [ПСРЛ. Т. VIII. С. 278; Т. XIII. С. 59], а в 1532/33 г. по приказанию Василия III в Новгороде строится церковь Успения святой Богородицы с приделом св. Иоанна «во имя государя великаго князя» [ПСРЛ. Т. XIII. С. 63]. Тогда же в Новгороде возводится каменный придел у новгородской Воскресенской церкви, посвященный Зачатию Иоанна Предтечи.

Не исключено, что царь, вопреки всем церковно-каноническим установлениям, был пострижен и, соответственно, получил иноческое имя *Иона* после кончины:

«И духовник ево Феодосей Вятка возложил на него, отшедшаго государя, иноческий образ и нарекоша во иноцех Иона»[389].

Вместе с тем, существует и другая версия, согласно которой царь был пострижен и наречен именем *Иона* непосредственно перед своей кончиной[390].

ИВАН, сын Василько Теребовльского, внук Ростислава, правнук Владимира Ярославича-Георгиевича. Кн. галицкий. Ум. в 1141 г.

Христианское имя князя надежно зафиксировано в Ипатьевской летописи[391], никаких других его имен в доступных нам летописных источниках не приводится.

В научной литературе можно встретить указание на то, что Иван Василькович обладал также родовым княжеским именем *Игорь*[392].

В.Л. Янин атрибутирует этому князю печать с изображением Иоанна Предтечи на одной стороне и Василия Кесарийского на другой[393].

ИВАН, сын Василия, внук Ярослава-Афанасия, правнук Владимира Андреевича Храброго.

По-видимому, у князя Василия Ярославича было два сына по имени *Иоанн*, живших одновременно (см. ниже). О датах их жизни известно сравнительно немного: старший умер ок. 1508 г. Их отец, Василий Ярославич, был женат дважды: когда его заточили в Угличе, семья князя («князь Иванъ первыа жены и княгини его другаа») бежала в Литву. Скорее всего, старший и младший Иван родились от разных жен. Не исключено, что новый брак означал некоторую новую точку отсчета в семейном именослове, но сведения, которыми мы располагаем об этих двух князьях, столь немногочисленны, что мы едва ли можем сказать что-либо определенное об их месте в общеродовой системе именования и об их патрональных святых[394].

ИВАН, сын Василия, внук Ярослава-Афанасия, правнук Владимира Андреевича Храброго.

По-видимому, у князя Василия Ярославича было два сына по имени *Иоанн*, живших одновременно (см. выше). О датах их жизни известно

---

389 См. [ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 229].

390 См., например: [ПСРЛ. Т. XIV. С. 34].

391 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 304, 308].

392 См. [Зотов 1892. С. 269; Баумгартен 1908. С. 12–13; Рапов 1977. С. 74]. Эти данные восходят к В.Н. Татищеву и А. Мальгину.

393 См. [Янин 1970. Т. I. С. 129–130].

394 Ср. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 147; Т. XXV. С. 275] и [Экземплярский. Т. II. С. 315–316. Примеч. 848; Baumgarten 1934. P 33, 35. Tab. VI. №№ 13, 14].

сравнительно немного: младший родился до 1456 г., а умер до 1483 г. Их отец, Василий Ярославич, был женат дважды: когда его заточили в Угличе, семья князя («князь Иванъ первыа жены и княгини его другаа») бежала в Литву. Скорее всего, старший и младший Иван родились от разных жен. Не исключено, что новый брак означал некоторую новую точку отсчета в семейном именослове, но сведения, которыми мы располагаем об этих двух князьях, столь немногочисленны, что мы едва ли можем сказать что-либо определенное об их месте в общеродовой системе именования и об их патрональных святых[395].

ИВАН, сын Всеволода-Гавриила, внук Мстислава-Федора Великого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Ум. в 1128 г.

Христианское имя этого князя упоминается в летописи в связи со строительством храма его патронального святого (церковь Иоанна Предтечи на Опоках):

«Заложи церковь камяну святого Иоанна Всѣволодъ Новѣгородѣ, на Петрятинѣ дворѣ, въ имя сына своего»[396].

Кроме того, христианское имя князя названо в летописном свидетельстве о его кончине[397]. Этот князь умер совсем юным, упоминания его в летописи немногочисленны, поэтому на основании этих данных мы не можем сказать, были ли у него какие-либо другие имена, кроме имени Иоанн[398].

ИВАН, сын Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Кн. стародубский.

Христианское имя князя известно из летописных записей о его рождении. При этом датировки его появления на свет в разных источниках расходятся:

«Того же лѣта оу великого кн҃зѧ оу Всеволода родисѧ сн҃ъ меншии м^с^ца августа въ а҃ дн҃ь нарекоша имѧ ему въ ст҃мъ крщ҃ении Іѡанъ зачатиѩ ра^д^ Іѡана Кр^с^тлѧ»[399].

«...родисѧ сн҃ъ оу блг҃овѣрнаго кнѧзѧ Всеволода Юргевича м^с^ца авгу^с^ въ к҃и дн҃ь на памѧ^т^ ста^г^ ѡц҃а Моисѣѩ Єфиѡпа и нареченъ бы^с^ в ст҃омь крщ҃ньи Іѡа^н^»[400].

395 Ср. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 147; Т. XXV. С. 275] и [Экземплярский. Т. II. С. 316; Baumgarten 1934. P 33, 35. Tab. VI. №№ 13, 14].

396 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 21, 206].

397 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 22, 206].

398 В 1999 г. в городище под Новгородом была найдена печать с надписью, упоминающей некоего князя ИВЕ/РА ВСЕВО/ЛО(--)ВИ [Янин 2001. С. 449]. В.Л. Янин предположил, что эта печать принадлежала Ивану Всеволодичу и, соответственно, этот князь был обладателем имени Ивор.

399 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 707 под 1198 г.].

400 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 414].

Согласно этому второму свидетельству, ребенок родился в канун дня Усекновения главы Иоанна Предтечи (29 августа) и был назван по этому празднику. Зачатие Иоанна Крестителя, праздник, упоминающийся в Ипатьевской летописи, приходится на 23 сентября. Мы не знаем календарного принципа имянаречения, по которому этот праздник мог бы быть соотнесен с датой рождения Ивана Всеволодича.

Никаких дополнительных имен этого князя в летописи не упоминается. Скорее всего, имя Иоанн совмещало в себе функции родового и христианского имен.

ИВАН-(АНАНИЯ?) (КАЛИТА), сын Даниила, внук Александра Невского, правнук Ярослава-Федора Всеволодича-Дмитриевича. Кн. московский и владимирский. Принял постриг, ум. в 1340/41 г.

Христианское династическое имя этого князя Иоанн надежно зафиксировано в многочисленных источниках (летописи, духовная грамота Калиты). Патрональным святым князя, судя по всему, был Иоанн Предтеча: именно его изображение мы обнаруживаем на печатях Ивана Даниловича[401].

Несколько сложнее обстоит дело с иноческим именем Ивана Калиты. Летописи сообщают о его постриге, однако не приводят нового имени. Иноческое имя князя, Анания, по мнению большинства исследователей, указывается в записи на Сийском Евангелии[402]. Вместе с тем Г. К. Бугославский и М. Н. Тихомиров отрицали возможность того, что упоминаемые в записи чернец Анания и князь Иван Калита — одно и то же лицо[403]. В недавнее время против отождествления инока Анании и Ивана Даниловича выступили С. М. Каштанов и Л. В. Столярова[404].

Таким образом, вопрос о монашеском имени князя остается открытым. Ничего не знаем мы и о каких-либо дополнительных христианских именах.

---

401 См. подробнее: [Бетин 1970. С. 61; Янин 1970. Т. II. С. 25–26, 28, 164–165]; ср. [Николаева 1977. С. 172; Соболева 1991. С. 147]. Считается, что изображение патронального святого Ивана Калиты, Иоанна Предтечи, присутствовало и на некоторых ростовских монетах конца XIV — начала XV в., а также на кресте мастера Семена Золотилова, принадлежащего, по мнению некоторых исследователей, внуку Калиты, Дмитрию Донскому (см. выше) (см. подробнее: [Федоров-Давыдов 1981. С. 136–138; [Николаева 1977. С. 171–172]).

402 См. [Срезневский 1880. С. 145–148; Вздорнов 1972. С. 144–145]; ср. [Борисов 1995. С. 36–38].

403 См. [Бугославский 1902. С. 847; Бугославский 1904. С. 18; Тихомиров 1947. С. 187. Примеч. 1; Тихомиров 1957. С. 241. Примеч. 1]. При этом М. Н. Тихомиров ошибочно полагал, что Иван Калита не был пострижен в монахи.

404 См. [Каштанов, Столярова 2004].

ИВАН (КРАСНЫЙ), сын Ивана Калиты, внук Даниила, правнук Александра Ярославича-Федоровича Невского. Кн. московский и владимирский. Ум. в 1359 г.

Христианское династическое имя этого князя *Иоанн* надежно зафиксировано в многочисленных источниках. Оно совпадает с официальным династическим именем его отца, Ивана Калиты (см. выше). Судя по всему, патрональные святые отца и сына были разными: мы с достаточной степенью определенности можем утверждать, что покровителем Ивана Ивановича Красного был св. Иоанн Лествичник.

Судя по летописным данным, этот князь родился 30 марта 1326 г.:

«...родися великому князю Ивану сынъ Иоан, марта въ 30, на память Иоана Лествичника»[405].

В этот день праздновалась также память Иоанна Иерусалимского и Иоанна Безмолвника. Известно, однако, что в 1329 г., через три года после рождения этого сына, Калита возвел в московском Кремле церковь именно в честь Иоанна Лествичника[406].

Изображения на печатях Ивана Красного читаются с трудом. В.Л. Янин предполагал, что резчик этих печатей, новгородец, мог быть не осведомлен о том, кто из Иоаннов был небесным покровителем князя, и потому избирал некоторый промежуточный, обобщенный образ святого[407]. О.В. Лосева склонна усматривать изображения св. Иоанна Лествичника в значительной части варьирующихся образов на печатях Ивана Ивановича Красного[408].

Никаких дополнительных христианских имен Ивана Красного мы не знаем.

ИВАН (МОЛОДОЙ), сын Ивана-Тимофея Великого, внук Василия Темного, правнук Василия Дмитриевича. Кн. тверской, наследник вел. кн. московского. Ум. в 1490 г.

Христианское династическое имя этого князя *Иоанн* надежно зафиксировано в многочисленных источниках. Оно совпадает с официальным династическим именем его отца, Ивана-Тимофея Великого (см. выше). Судя по всему, патрональные святые отца и сына были разны-

---

405 См. [ПСРЛ. Т. XXV. С. 167]

406 См. [ПСРЛ. Т. VII. С. 202; Т. X. С. 201; Т. XV: Рогожский летописец. Стб. 45; Т. XVIII. С. 91; Т. XX. Ч. 1. С. 178; Т. XXV. С. 169; Приселков 1950. С. 359].

407 См. [Янин 1970. Т. II. С. 29]; ср. [Орешников 1903. С. 18, 122–123] (автор полагает, что на печати Ивана Красного изображен св. Иоанн Иерусалимский); [Бетин 1970. С. 62–63] (автор полагает, что на печати Ивана Красного изображен Иоанн Златоуст); [Соболева 1991. С. 148] (автор полагает, что на печати Ивана Красного изображен св. Иоанн Иерусалимский). Ср. также: [Николаева 1977. С. 172].

408 См. [Лосева 2001а. С. 130–131].

ми: мы с достаточной степенью определенности можем утверждать, что покровителем Ивана Ивановича Молодого был Иоанн Предтеча.

Иван Иванович Молодой родился 15 февраля 1457/58 г.:

«Тое же зимы, февраля въ 15 день, въ среду на Феодоровѣ недѣлѣ, егда начаша часы пѣти, родился великому князю Ивану сынъ и нареченъ бысть Иванъ»[409].

По случаю его рождения Иван III возвел каменную церковь Иоанна Предтечи «на Бору». Как известно, с именем Иоанна Крестителя связано несколько больших церковных праздников. Один из них, Обретение Главы Иоанна Предтечи, приходится на 24 февраля. Таким образом, при выборе официального имени для Ивана Молодого на календарь ориентировались лишь до некоторой степени: княжич получил имя не ближайшего из почитаемых князьями святых (например, св. Федора Тирона), а того, который лучше подходил по династическим соображениям, то имя, которое носил его отец.

Никаких дополнительных христианских имен Ивана Молодого мы не знаем.

ИВАН, сын Ивана-Тимофея Великого (?), внук Василия Темного (?), правнук Василия Дмитриевича (?).

О рождении княжича с таким именем упоминают под 1485 г. некоторые летописные источники. В Воскресенской и Типографской летописи он назван сыном великого князя от Грекини[410], иными словами, согласно этим данным, он был сыном Ивана III и Софьи Палеолог. В Лихачевском же летописце ни имен, ни каких-либо других сведений о его родителях не приводится за исключением указания на то, что он был сыном великого князя. Б.М. Клосс и В.Д. Назаров предположили, что этот княжич, который, по всей видимости, умер во младенчестве, был сыном не Ивана III, а Ивана Ивановича Молодого, также носившего титул великого князя. В таком случае он приходился Ивану III внуком[411].

Ребенок родился 9 (Лихачевский летописец) или 13 (Воскресенская и Типографская летопись) февраля и, судя по показаниям Лихачевского летописца, был крещен в честь Иоанна Предтечи (на 24 февраля приходится Обретение главы Иоанна Предтечи). Такой выбор патронального святого свидетельствует о том, что он с большей вероятностью мог быть сыном Ивана III, чьим патроном был Иоанн Златоуст, а не Ивана Молодого, чьим патроном был Иоанн Предтеча.

---

409 См. [ПСРЛ. Т. XII. С. 112].

410 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 216; Т. XXIV. С. 235]; ср. также [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 320; Т. XX. Первая половина. С. 351].

411 См. [Клосс, Назаров 1984. С. 287].

Никаких определенных данных о его дополнительных христианских именах в нашем распоряжении нет, однако отметим указание Лихачевского летописца (л. 854), согласно которому княжич родился на память мученика Никифора.

ИВАН-(МАРК?)-(КИРИЛЛ?), сын Ивана-Тита Грозного, внук Василия-Гавриила III, правнук Ивана-Тимофея Васильевича Великого. Царевич. Убит в 1581 г.

Христианское династическое имя царевича *Иоанн* надежно зафиксировано в многочисленных источниках. Оно совпадает с официальным династическим именем его отца Ивана Грозного (см. выше), однако в полном соответствии с родовой практикой имянаречения, их патрональные святые различаются.

Официальным покровителем царевича Ивана Ивановича был, по всей очевидности, св. Иоанн Лествичник. После гибели Ивана Ивановича Грозный отдает распоряжение о строительстве придела Иоанна Лествичника в Архангельском соборе, фамильной усыпальнице последних поколений царствующих Рюриковичей[412]. Память Иоанна Лествичника (30 марта) соотносилась с датой рождения царевича — 28 или 29 марта[413]. Отметим, впрочем, что 30 марта праздновалась память не только Лествичника, но, согласно некоторым месяцесловам, и память Иоанна Иерусалимского, а также Иоанна Безмолвника[414].

Не исключено, что у царевича были и дополнительные, неофициальные христианские имена, связанные с днем его рождения, хотя прямого их указания в летописных текстах мы не обнаруживаем. В этом отношении весьма выразительна композиция образка, принадлежавшего его крестному отцу: на лицевой стороне был изображен св. Иоанн Лествичник, а на оборотной — свв. Кирилл диакон и Марк Арефусийский, чья память празднуется 29 марта[415].

ИВАН, сын Рогволода (?) или Рогволода-Василия (?), внук Всеслава (?) или Бориса (?), правнук Брячислава Изяславича (?) или Всеслава Брячиславича (?). Кн. полоцкий (?).

---

412 Ср. также свидетельство Никоновской летописи об освящении церкви Иоанна Лествичника в 1557 г., на котором присутствовали Иван Грозный, царица Анастасия и сам Иван Иванович [ПСРЛ. Т. XIII. С. 276]. Подробнее о строительстве церквей, посвященных главному патрональному святому царевича, см. [Мельник 1999. С. 42 и след.].

Изображение Иоанна Лествичника (наряду с изображениями Иоанна Крестителя, патронального святого царя Ивана Васильевича (см. выше), и Федора Стратилата, патронального святого царевича Федора Ивановича, см. ниже) присутствовало на западном подзоре моленного трона Грозного в новгородской Софии (см. [Никитина 1987. С. 361]).

413 См. [ПСРЛ. Т. XIII. С. 239; Зимин 1950. С. 19; Карамзин. Т. VIII. С. 50. Примеч. 391].

414 См. [Сергий. Т. II. С. 91].

415 По отдельным месяцесловам память этих святых приходится на 28 марта [Сергий. Т. II. С. 89, 90].

Генеалогические связи этого князя чрезвычайно запутанны. Его христианское имя зафиксировано в поздних летописях, в древнейшем летописании оно отсутствует. Несомненной можно считать лишь принадлежность этого князя к полоцкому дому. На основании имеющихся в нашем распоряжении данных невозможно определить, было ли у него какое-либо другое княжеское имя.

ИВАН (БЕРЛАДНИК), сын Ростислава, внук Володаря, правнук Ростислава Владимировича. Кн. берладский. Ум. в 1161 г.

Этот князь фигурирует под христианским именем в летописях и в грамоте, данной им купцам в 1134 г.[416] Никакого другого его имени в источниках не зафиксировано. Вероятнее всего, таким образом, других имен у Ивана Ростиславича и не было, а имя *Иоанн* совмещало функции родового и крестильного. Если это так, то перед нами один из ранних примеров подобного функционирования имени *Иоанн*.

ИВАН (БОЛЬШОЙ), сын Федора, внук Андрея, правнук Федора Васильевича Ростовского. Кн. ростовский.

Христианское имя князя известно лишь из родословных книг[417]. Обстоятельства его имянаречения неизвестны, ничего не знаем мы и о дополнительных христианских именах этого князя. Судя по всему, у него был младший брат-тезка (см. ниже), однако сведений об их патрональных святых не сохранилось.

ИВАН (МЛАДШИЙ), сын Федора, внук Андрея, правнук Федора Васильевича Ростовского. Кн. ростовский.

Христианское имя князя известно лишь из родословных книг[418]. Обстоятельства его имянаречения неизвестны, ничего не знаем мы и о дополнительных христианских именах этого князя. Судя по всему, у него был старший брат-тезка (см. выше), однако сведений об их патрональных святых не сохранилось.

ИВАН-ИОНА, сын Федора, внук Олега-Иакова, правнук Ивана Александровича или Ивана Ивановича Коротопола. Кн. рязанский. Принял постриг, ум. в 1456 г.

Христианское династическое и иноческое имя этого князя зафиксированы в летописи:

«Тое же весны преставися князь великый Иванъ Рязанскій Феодоровичь въ черньцехъ, и нареченъ бысть Іона»[419].

По-видимому, имена *Иоанн* и *Иона* составляли относительно устойчивую пару в качестве мирского христианского и иноческого имен.

---

416 См. [ПРП. С. 26].

417 См. [Экземплярский. Т. II. С. 43–44].

418 См. [Экземплярский. Т. II. С. 44].

419 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 147].

Впрочем, нельзя, разумеется, утверждать, что каждый Иоанн непременно становился при постриге *Ионой*[420].

О наличии у этого князя каких-либо дополнительных христианских имен нам ничего не известно.

ИВАН ПОСТНИК, сын Федора, внук Юрия (?), правнук Игоря Глебовича (?) или внук Юрия (?), правнук Ингваря-(Козьмы?) Игоревича (?).

Самый факт существования этого княжича (как, впрочем, и его отца, Федора) вызывает немалые сомнения, так как оба они фигурируют исключительно в рязанских повестях, текстах поздних и изобилующих генеалогическими неточностями.

Именование этого княжича интересно с точки зрения статуса элементов «Постник» и «Воин», хотя здесь приходится говорить скорее об их функционировании в литературной традиции XVI в., нежели о непосредственной их роли в княжеском антропонимиконе XIII в. Естественно предположить, что в качестве небесного покровителя данного персонажа мыслился один из свв. Иоаннов, к которым в месяцеслове прилагается эпитет «Постник» или «Спостник». Как кажется, в данном случае нельзя рассматривать этот элемент ни как некалендарное княжеское имя, ни как личное прозвище, характеризующее погибшего во младенчестве княжича. Скорее всего, перед нами случай перенесения эпитета, присущего патрональному святому, на нарекаемого (ср., например, летописную запись о рождении Василия III: «...и нареченъ бысть Василей Парійский»[421]).

Строго говоря, в средневековой Руси «Постник» и «Воин» могут фигурировать в качестве самостоятельных имен. В данном случае существенно, однако, что элемент «Постник» употребляется вместе с христианским именем *Иоанн*[422].

ИВАН, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира-Василия Мономаха, правнук Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича. Кн. курский. Ум. в 1147 г.

Этот князь фигурирует под христианским именем в Ипатьевской летописи, никакого другого его имени в источниках не зафиксировано. Упоминания о нем довольно немногочисленны, поэтому мы не можем с полной уверенностью утверждать, что других имен у него не было вовсе, однако это представляется вполне вероятным.

Е.В. Пчелов предположил, что прототипом для наречения Ивана Юрьевича послужил брат Юрия Долгорукого, Ярополк Владимирович-

---

420 *Ионой*, в частности, был наречен при постриге Иван Грозный (см. выше). Ср., однако, имя *Иов*, принятое при постриге тверским князем Иваном Михайловичем в 1425 г. [ПСРЛ. Т. XXV. С. 247], или имя *Иоасаф*, принятое князем Иваном, сыном Дмитрия Донского [ПСРЛ. Т. XXV. С. 221].

421 См. [ПСРЛ. Т. XII. С. 190–191].

422 Ср. также выше — Иван Воин, сын Василия Ярославского.

Васильевич (см. ниже)[423], однако никаких несомненных данных о том, что Ярополк был в крещении именно *Иоанном*, у нас нет.

ИВАН, сын Юрия, внук Ярослава, правнук Святополка-Михаила Изяславича-Дмитриевича. Кн. туровский.

Этот князь фигурирует под христианским именем в Ипатьевской, Воскресенской и Густынской летописях. Никакого другого его имени в источниках не зафиксировано. Упоминания об Иване Юрьевиче весьма немногочисленны, поэтому мы не можем с полной уверенностью утверждать, что других имен у него не было вовсе, однако это представляется вполне вероятным, тем более что его христианское имя фигурирует в перечнях князей, где другие князья названы своими родовыми княжескими именами[424]. В таком случае имя *Иоанн* совмещает в себе функции родового и крестильного.

Предположительно (на основании сфрагистических атрибуций) имя *Иоанн* мог носить в крещении дед этого князя, Ярослав Святополчич (см. ниже). Имянаречение внука косвенным образом свидетельствует, скорее, в пользу подобной атрибуции.

ИГОРЬ, см. ГЕОРГИЙ-(ИГОРЬ???)

ИГОРЬ-(ГЕОРГИЙ?), сын Олега-Михаила, внук Святослава-(Николая?), правнук Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича Мудрого. Кн. киевский. Принял постриг. Убит в 1147 г.

В летописях крестильное и монашеское имя Игоря Ольговича-Михайловича не зафиксированы. В «Слове в субботу сыропустную, егда память творим святых отец», которое исследователи относят к домонгольскому времени, князь Игорь также упоминается только под своим мирским именем[425].

В Любечском синодике встречается упоминание «...вел. князя Георгия Киевскаго, во иноцѣхъ Гаврила Всеволода <sic! — *А.Ф., Ф.У.*>». Однако Р.В. Зотов относил эти данные к брату Игоря Ольговича-Михайловича, Всеволоду (см. выше)[426]. В Елецком синодике есть упоминание князя Георгия, убитого в Киеве, что дало основание Филарету Гумилевскому считать, что и в Любечском синодике речь все же идет об Игоре Ольговиче[427].

У историков XVIII — XIX вв. (Т. Мальгин, М. Хмыров, И. Нехачин, М. Погодин) можно встретить никак не обоснованное утверждение, что Игорь Ольгович был в крещении *Петром*, а в иночестве *Давидом*. Р.В. Зотов осторожно предположил, опираясь на загадочные сведения синодика Николаевского монастыря в Киеве, что иноческим

---

423 См. [Пчелов 2004. С. 74].

424 Ср. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 541 под 1170 г.].

425 См. [Востоков 1842. С. 611].

426 См. [Зотов 1892. С. 35].

427 См. [Филарет 1874. С. 35–47; Зотов 1892. С. 34; Бережков 1893. С. 32. Примеч. 2].

именем князя было *Игнатий*[428]. Е.Е. Голубинский без необходимых уточнений и комментариев предполагал, что Игоря Ольговича в крещении звали *Гавриилом*, а в монашестве *Георгием*[429]; его данные некритически воспроизвел А. Поппэ, снабдив, однако, крестильное имя *Гавриил* знаком вопроса[430].

Не исключено, что данные Любечского синодика хотя бы отчасти верны, и Игоря Ольговича-Михайловича в крещении действительно звали *Георгием*. В этой связи большое значение имеет летописное свидетельство о том, что у князя Игоря до его пострижения в монахи была домовая церковь св. Георгия[431].

Именно Игорь Ольгович был, по мнению Б.А. Рыбакова, владельцем загадочной печати с изображением св. Георгия и Софии[432]. Данная точка зрения не была поддержана В.Л. Яниным[433].

ИГОРЬ-ГЕОРГИЙ, сын Святослава-Николая, внук Олега-Михаила, правнук Святослава-(Николая?) Ярославича-Георгиевича. Кн. новгород-северский и черниговский. Ум. в 1202 г.

Христианское имя князя известно из летописного свидетельства о его рождении:

«Сс҃лавъ же не дожда велика дн҃и но поиде в поне^д^лникъ ст҃ои не^д^лѣ а въ вторни^к^ родисѧ оу него сн҃ъ и нарекоша имѧ ему въ ст҃омъ кр^с^щеньи Гергии а мирьскии Игорь»[434].

По-видимому, вторник Страстной недели 1151 г. приходился на 3 апреля[435]. При этом 4 (а по некоторым месяцесловам — 5) апреля праздновалась память преподобного Георгия, иже на горе Малее, а 7 апреля отмечалась память преподобного Георгия Исповедника, епископа Митиленского. Вполне возможно, таким образом, что дополнительным основанием для наречения новорожденного княжича именем *Георгий* послужило то обстоятельство, что он родился в канун памяти св. Георгия Малеина[436], а вскоре праздновалась и память св. Георгия Митиленского, хотя сами эти праздники и имена святых в летописи эксплицитно не упомянуты.

С другой стороны, есть основания полагать, что сам Игорь-Георгий особым образом чтил и отмечал память св. Георгия Победоносца. В ле-

428 См. [Зотов 1892. С. 264]; ср. [Востоков 1842. С. 578; Бережков 1893. С. 42].

429 См. [Голубинский 1903. С. 58].

430 См. [Поппэ 1996. С. 484].

431 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 333 под 1146 г.].

432 См. [Рыбаков 1949. С. 106–108]

433 См. [Янин 1970. Т. I. С. 102–103].

434 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 422 под 1151 г.].

435 См. [Бережков 1963. С. 152].

436 Ср. [Лосева 1996. С. 64].

тописи сказано, что он отправляется в свой знаменитый поход против половцев 23 апреля, т. е. на праздник св. Георгия[437].

Существенно также, что княжич появился на свет именно в тот момент, когда его отец выступил в поход на помощь своему союзнику Юрию Долгорукому. Празднование князьями Юрьева дня (23 апреля), вскоре после рождения Игоря-Георгия, особо отмечается в летописи[438].

Не исключено, кроме того, что свое христианское имя, так же как и княжье, Игорь-Георгий Святославич получил в честь своего погибшего дяди — Игоря-(Георгия?) Ольговича-Михайловича, однако сведения о христианском имени дяди куда менее надежны, чем сведения о христианском имени племянника (см. выше).

В.Д. и С.В. Белецкие атрибутируют этому князю найденную во Пскове печать с изображением свв. Георгия и Николая[439]. Эту атрибуцию поддерживают В.Л. Янин и П.Г. Гайдуков[440].

ИГОРЬ, сын Ярослава-Георгия Мудрого и Ингигерд-Ирины, внук Владимира-Василия Святого и Олава Шведского, правнук Святослава Игоревича. Кн. владимиро-волынский и смоленский. Ум. в 1060 г.

В.Л. Янин полагает, что именно этому князю принадлежали печати с изображением св. царя Константина и, соответственно, присваивает ему крестильное имя *Константин*[441]. Н.П. Лихачев считал, что эти печати принадлежали дяде Игоря Ярославича, Мстиславу-(Константину?) Храброму (см. ниже).

Иногда Игорю Ярославичу приписывается крестильное имя *Георгий*[442], в основе такой версии лежит, по-видимому, осторожное предположение Н.М. Карамзина, который, извлекая из поздней (XV в.) летописи некий набор крестильных имен сыновей Ярослава Мудрого, допускает, что имя *Юрий* могло принадлежать Игорю Ярославичу[443].

Ян Длугош в своей «Польской истории» неоднократно именует Игоря Ярославича *Григорием*, однако, как полагают комментаторы Длугоша, в основе такого именования — созвучие имен *Игорь* и *Григорий*[444].

---

437 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 637 под 1185 г.]. Последнее обстоятельство позволило утверждать А.А. Горскому, что Игорь-Георгий Святославич был назван именно в честь св. Георгия Победоносца [Горский 2001. С. 12, 16, 33–34. Примеч. 2].

438 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 422–423 под 1151 г.].

439 См. [Белецкий, Белецкий 1988].

440 См. [Янин, Гайдуков 1998. С. 53].

441 См. [Янин 1970. Т. I. С. 32–33; Янин, Гайдуков 1998. С. 24].

442 См., например: [Пчелов 2001. С. 176].

443 См. [Карамзин. Т. II. Примеч. 50]. Отметим, что в поздних летописях христианские имена домонгольских Рюриковичей нередко путаются. В данном случае имена в цитируемой Н.М. Карамзиным летописи — *Роман*, *Юрий* и *Андрей* — в точности соответствуют хорошо известным по древнейшим летописным текстам христианским именам младших сыновей Владимира Мономаха, а не Ярослава Мудрого.

444 См. [Щавелева 2004. С. 256, 268, 396–397].

ИЗМАРАГД, см. ЕВФРОСИНИЯ-ИЗМАРАГД

ИЗЯСЛАВ, сын Давыда, внук Святослава-(Николая?), правнук Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича Мудрого. Кн. киевский. Ум. в 1162 г.

В некоторых работах можно встретить указание на то, что крестильным именем Изяслава Давыдовича было *Николай*[445]. Однако мы не располагаем данными, которые могли бы подкрепить это утверждение.

ИЗЯСЛАВ-ПАНТЕЛЕЙМОН, сын Мстислава-Федора Великого, внук Владимира-Василия Мономаха, правнук Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича. Кн. киевский. Ум. в 1154 г. (?).

Христианское имя напрямую в летописях не названо, при этом для династии Рюриковичей оно является достаточно редким. Из летописи известно, однако, что на шлеме Изяслава Мстиславича был изображен св. Пантелеймон[446]. Кроме того, мы знаем, что сам Изяслав (или, возможно, его отец — Мстислав Великий) основывает в Новгороде монастырь св. Пантелеймона[447], существовала также грамота, согласно которой князь выделяет земли новгородскому Пантелеймонову монастырю[448].

Есть данные и об особом почитании св. Пантелеймона бабкой Изяслава, Гидой, и его отцом, Мстиславом Владимировичем[449].

В этой связи любопытно также указание Лаврентьевской летописи, что Изяслав поставил русского митрополита Клима калугера 27 июля 1147 г., «на памѧ^т^ ста^г^ Пантелѣимана»[450], т.е. в день своих именин.

Сохранился, кроме того, целый ряд княжеских печатей с изображением св. Пантелеймона. В.Л. Янин атрибутирует Изяславу Мстиславичу-Федоровичу те из них, что несут на себе изображения св. Пантелеймона и св. Федора[451]. При этом исследователь отмечает, что, согласно сфрагистическим данным, в честь св. Пантелеймона был крещен не только Изяслав Мстиславич, однако определить, кому еще из князей принадлежали соответствующие печати, в данный момент не представляется возможным[452].

ИЗЯСЛАВ-ДМИТРИЙ, сын Ярослава-Георгия Мудрого, внук Владимира-Василия Святого, правнук Святослава Игоревича. Кн. киевскийй. Ум. в 1078 г.

Христианское имя этого князя отсутствует в летописных источниках, однако на основании целого ряда данных можно с достаточной долей уверенности утверждать, что в крещении его звали *Дмитрием*.

---

445 См., например: [Коваленко 2002. С. 134].

446 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 438–439 под 1151 г.].

447 См. подробнее: [Макарий 1860. Ч. I. С. 40; Янин 1977. С. 60–79; Кучкин 1999. С. 54–55; Назаренко 2001. С. 595–596].

448 См. [ГВНП. С. 141. № 82; Корецкий 1955. С. 204–207; Семенов 1959. С. 245–248].

449 См. подробнее: [Назаренко 2001. С. 585–616].

450 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 315].

451 См. [Янин 1970. Т. I. С. 103–104].

452 См. [Янин, Гайдуков 1998. С. 53–54].

Дмитрием, в частности, он назван в булле папы Григория VII, обращение Изяслава к св. Дмитрию содержится в так называемом «Тексте, написанном на паллиуме св. Адальберта»[453]. О визите в 1075 г. к Генриху IV «короля Руси по имени Димитрий» рассказывается в «Анналах» Ламперта Херсфельдского (70-е годы XI в.). По мнению Д.В. Айналова и А.В. Назаренко, с которым трудно не согласиться, речь в этом источнике идет именно о Изяславе Ярославиче, который выступал на переговорах с германским королем под своим «крещальным именем»[454].

Кроме того, в летописях, где князь фигурирует только под мирским именем, отмечено, что Изяслав Ярославич строит в Киеве монастырь, посвященный св. Дмитрию Солунскому, и оказывает особое попечение этому монастырю[455].

В.Л. Янин атрибутирует Изяславу-Дмитрию Ярославичу-Георгиевичу несколько типов печатей с изображением св. Дмитрия Солунского и, в частности, обнаруженную в Новгороде печать с греческой благопожелательной надписью «Господи, помози рабу своему Димитрию»[456].

ИЗЯСЛАВ-МИХАИЛ, сын Ярослава-Иоанна, внук Владимира Мачешича, правнук Мстислава-Федора Владимировича-Васильевича Великого. Кн. великолукский. Ум. в 1199 г.

Христианское имя князя зафиксировано в Новгородской первой летописи, в сообщении о его рождении:

«Родися в Новегородѣ у Ярослава сынъ Михаилъ, а княже имя Изяслав, а внукъ Володимирь»[457].

ИЛЬЯ, сын Ярослава-Георгия Мудрого, внук Владимира-Василия Святого, правнук Святослава Игоревича. Кн. новгородский.

Этот сын Ярослава Мудрого появляется в Новгородской первой летописи и в летописи Авраамки[458]. При этом в эпоху княжеской двуименности он упоминается исключительно под христианским именем. Упоминания эти единичны и с редкой лаконичностью описывают весь жизненный путь князя:

---

453 См. [Lewicki 1893; Линниченко 1894; Голубинский. Т. I. 2-я половина тома. С. 297; Айналов 1936. С. 8–9; Янин 1963. С. 155, 160].

454 См. [Айналов 1936. С. 6; Назаренко 2001. С. 273–274; Назаренко 1999. С. 361].

455 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 159 под 1051 г.; Т. II. Стб. 147]. Кроме того, в научной литературе с фигурой Изяслава Ярославича, возможно, связана мозаичное изображение св. Дмитрия Солунского из Киевского Михайловского монастыря (хранится в Третьяковской галлерее), основанного сыном князя, Святополком-Михаилом (см. ниже).

456 См. [Янин 1970. Т. I. С. 166. № 3].

457 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 39 под 1190 г.].

458 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 161, 470; Т. XVI. Стб. 313]. Подробнее об этом князе см. [Назаренко 2001. С. 484–486, 488–499].

«И родися у Ярослава сынъ Илья, и посади в Новѣгородѣ, и умре»[459].

Мы не можем с уверенностью утверждать, что *Илья* было единственным именем этого князя. Весьма существенно, что он является единственным известным нам обладателем имени *Илья* среди домонгольских Рюриковичей. Отчасти поэтому сам факт существования Ильи Ярославича не раз подвергался сомнению.

В пользу того, что у Ярослава Мудрого действительно был сын по имени *Илья*, косвенным образом свидетельствует тот факт, что, по-видимому, именно при Ярославе в Новгороде была построена церковь пророка Ильи на Славне[460]. Кроме того, в позднем Сказании о построении града Ярославля упоминается о том, что Ярослав Владимирович, заложив город, также возвел в нем церковь св. Ильи[461].

ИНГВАР(Ь)-(КОЗЬМА?), сын Игоря, внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича-Панкратьевича. Кн. рязанский. Ум. в 1235 г. (?)

Данные о христианском имени этого князя в известных нам древнейших летописных источниках не сохранились. Тем не менее Н.М. Карамзин, ссылаясь на Родословную книгу, говорит о том, что этот сын князя Игоря Глебовича звался *Ингвар(ь)-Козьма*[462].

Крестильное имя *Козьма* приписывается также одному из персонажей рязанских повестей, Ингварю Ингоревичу[463]. Однако историческая достоверность этого персонажа, жившего и действовавшего в 1237 г., более чем сомнительна. По-видимому, в поздних текстах этот образ создается под сильным влиянием облика реального исторического лица — интересующего нас Ингваря-(Козьмы?) Игоревича.

ИНГИГЕРД-ИРИНА-(АННА?), дочь Олава Шведского, внучка Эйрика Победоносного, правнучка Бьёрна. Жена Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича Мудрого. Ум. в 1050 г.

В летописях не встречается ни имя *Ингигерд*, ни христианское имя *Ирина*. О том, что жена Ярослава Мудрого звалась *Ингигерд* и была дочерью шведского конунга, мы узнаем из скандинавских источников[464] и сочинения Адама Бременского. *Ириной* княгиня именуется только в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона[465]. Кроме того, существуют косвенные данные в пользу того, что она носила

---

459 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 161].

460 См. [Макарий 1860. Ч. I. С. 318].

461 См. [Назаренко 2001. С. 488].

462 См. [Карамзин. Т. III. Примеч. 123].

463 См. [Похвала роду рязанских князей. С. 202].

464 «Отдельная сага об Олаве Святом», «Круг Земной», «Красивая кожа», «Обзор саг о норвежских конунгах», «Гнилая кожа», «Книга с Плоского острова», «История о древних норвежских королях» монаха Тьодрика и др.

465 См. [Молдован 1984. С. 98].

именно это христианское имя. Так, в годы княжения Ярослава Мудрого в Киеве был построен не только монастырь св. Георгия — патронального святого самого князя, — но и монастырь св. Ирины[466].

Возникает вопрос, обладала ли Ингигерд христианским именем *Ирина* изначально, или оно было дано ей на Руси, после замужества. Необходимо подчеркнуть, что если Ингигерд стала *Ириной* на родине своего мужа, то речь может идти лишь о приобретении своеобразного «домашнего», «семейного» имени, а не о крещении или перекрещивании шведской принцессы. Отец Ингигерд, Олав Шведский, был христианином, и, согласно источникам, принял крещение со всей своей семьей и детьми. При этом в первой половине XI в. не могло быть никакой надобности и в перекрещивании невесты[467].

По версии, предложенной еще Н.М. Карамзиным, Ингигерд-Ирина приняла постриг под именем *Анна*. Эта гипотеза основывалась на стремлении согласовать приведенные выше свидетельства о христианском имени жены Ярослава Мудрого и данные Новгородской третьей летописи и ряда других источников, согласно которым христианским именем этой княгини было *Анна*. Не исключено, впрочем, что речь должна идти о двух разных лицах: первой жене Ярослава Мудрого, Анне, и второй жене — Ингигерд-Ирине[468].

ИОАКИМ, см. ОЛЕГ-ИАКОВ-ИОАКИМ

ИОАНН, см. ВЛАДИМИР-ИОАНН, сын Василько.

ИОАНН, см. ВЛАДИМИР (?)-(ИОАНН ?), сын Владимира.

ИОАНН, см. ВСЕВОЛОД-ИОАНН, сын Константина.

ИОАНН, см. РОСТИСЛАВ-ИОАНН

ИОАНН, см. ЯРОСЛАВ-ИОАНН

ИОНА, см. ИВАН-ТИТ-СМАРАГД-ИОНА

ИОНА, см. ИВАН-ИОНА

ИРАКЛИЙ, сын Даниила, внук Романа, правнук Мстислава Изяславича-Пантелеймоновича.

Имя князя зафиксировано в Ипатьевской и Густынской летописях. Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения неизвестны. Согласно первому из этих источников, Ираклий был старшим сыном своего отца, Даниила Романовича Галицкого. Имянаречение мальчиков в этой семье вообще отличалось редким своеобразием и не во всем было

---

466 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 151; Т. II. Стб. 139 под 1037 г.].

467 См. [Uspenskij 2001]. О приписываемом Ингигерд-Ирине христианском имени *Маргарета* см. подробнее: [Ф.Б. Успенский 2002. С. 60–61. Примеч. 25]. В позднем источнике, Помяннике Иосифа Тризны, упоминается некая Елена, жена Ярослава Мудрого. В.А. Кучкин, тщательно изучив это свидетельство, пришел к выводу, что имя *Елена* возникло здесь в результате «описки в слове Ерена, Ерина» [Кучкин 1997. С. 182–183].

468 См. подробнее: [Назаренко 2001. С. 490–491].

ориентировано на общединастический именослов. Принято думать, что многое здесь определяли византийские корни бабки Ираклия Даниловича и его братьев[469]. Впрочем, ее византийское происхождение остается всего лишь гипотезой, хотя и имеющей за собой давнюю историографическую традицию.

Этот княжич является единственным известным нам обладателем имени *Ираклий* в династии Рюриковичей[470]. Никаких других имен Ираклия Даниловича в источниках не зафиксировано. Скудость сведений о нем не позволяет с полной уверенностью утверждать, что их у него не было, хотя, исходя из имянаречения его братьев, это представляется вполне возможным.

Данными о том, кто из свв. Ираклиев был патроном князя, мы не располагаем.

ИРИНА, см. ИНГИГЕРД-ИРИНА-(АННА?)

КАРП, сын Евстафия, князя изборского и псковского. Ум. в 1360 г.

Христианское имя князя зафиксировано в летописи[471]. Впрочем, принадлежность его к роду Рюриковичей весьма сомнительна.

КАСЬЯН, см. КОНСТАНТИН-КАСЬЯН, сын Андрея.

КАСЬЯН, см. КОНСТАНТИН-КАСЬЯН, сын Владимира.

КИРИЛЛ, см. ВСЕВОЛОД-КИРИЛЛ

КИРИЛЛ, см. ИВАН-(МАРК?)-(КИРИЛЛ?)

КИР МИХАИЛ, см. (КИР) МИХАИЛ, сын Всеволода Пронского.

КИТАЙ, см. АНДРЕЙ-(КИТАЙ?) (БОГОЛЮБСКИЙ)

КОЗЬМА, см. ИНГВАР(Ь)-(КОЗЬМА?)

КОНСТАНТИН, см. ЯРОСЛАВ-ПАНКРАТИЙ

КОНСТАНТИН-КАСЬЯН, сын Андрея, внук Федора, правнук Василия Константиновича. Кн. ростовский. Принял постриг. Ум. в 1407 г.

Сведения о христианском и иноческом имени этого князя содержатся в Лаврентьевской летописи по Академическому списку:

«...престависа блг҃овѣрныи кнзь Костантинъ Ѡндрѣєвичь Ростовъскыи нареченыи въ мнишьскомъ чинꙋ Касьꙗнъ»[472].

Два христианских имени князя — светское и иноческое — составляют своеобразную антропонимическую пару, так как известны и другие лица (прежде всего двоюродный брат Константина Андреевича — Константин Владимирович, см. ниже), которые в миру носили имя *Константин*, а в иночестве — *Касьян*.

---

469 Ср. [Dąbrowski 2002. S. 101–102].

470 См. об этом княжиче подробнее: [Dąbrowski 2002. S. 99–101], с указанием литературы.

471 См. [ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 23 под 1360 г.].

472 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 540].

Имя *Константин*, по-видимому, имело особые династические функции для ростовских князей, потомков Константина Всеволодича, сына Всеволода Большое Гнездо.

О каких-либо дополнительных христианских именах этого князя нам ничего не известно.

КОНСТАНТИН, сын Василия, внук Константина, правнук Бориса Васильковича. Кн. ростовский. Ум. в 1365 г.

Христианское имя князя зафиксировано в летописях. Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения неизвестны. Имя *Константин*, по-видимому, имело особые династические функции для ростовских князей, потомков Константина Всеволодича, сына Всеволода Большое Гнездо.

КОНСТАНТИН, сын Василия, внук Михаила, правнук Андрея Ярославича-Федоровича. Кн. суздальский. Принял постриг. Ум. в 1354/55 г.

Христианское имя князя зафиксировано в летописях[473]. Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения неизвестны. Иноческое имя в источниках не указывается.

КОНСТАНТИН, сын Владимира, внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича-Панкратьевича. Кн. рязанский.

В источниках этот князь фигурирует исключительно под христианским именем *Константин*. По всей видимости, оно совмещало в себе функции родового и крестильного.

Обстоятельства имянаречения этого князя неизвестны, однако очевидно, что он появляется на свет в ту эпоху, когда имя *Константин* становится популярным в династии Рюриковичей. По-видимому, в антропонимическом сознании оно отчасти ассоциировалось с именами святых братьев Бориса-Романа и Глеба-Давида. Во всяком случае, у Константина Владимировича, как и у других носителей этого имени, был близкий родич, обладавший одним из этих имен — его родной брат звался *Глебом* (см. выше).

КОНСТАНТИН-КАСЬЯН, сын Владимира, внук Константина, правнук Василия Константиновича. Кн. ростовский. Принял постриг, ум. в 1415 г.

Сведения о христианском и иноческом имени этого князя содержатся в Лаврентьевской летописи по Академическому списку:

«Престависѧ блг҃овѣрныи кн҃зь Костѧнтинъ Володимеричь Ростовъскыи нареченыи въ мнишьскомъ чинѹ Касьѧнъ»[474].

Два христианских имени князя — светское и иноческое — составляют своеобразную антропонимическую пару, так как известны и дру-

473 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 532; Т. VIII. С. 9; Т. X. С. 228; Т. XV: Тверская летопись. Стб. 422].

474 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 540].

гие лица (прежде всего двоюродный брат Константина Владимировича — Константин Андреевич, см. выше), которые в миру носили имя *Константин*, а в иночестве — *Касьян*.

Имя *Константин*, по-видимому, имело особые династические функции для ростовских князей, потомков Константина Всеволодича, сына Всеволода Большое Гнездо.

О каких-либо дополнительных именах этого князя нам ничего не известно.

КОНСТАНТИН, сын Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Кн. ростовский и владимирский. Ум. в 1218 г.

Христианское имя этого князя надежно зафиксировано во многих летописных источниках. Показательно, что в отличие от большинства других своих сыновей, Всеволод Большое Гнездо называет Константина вне буквального соответствия с месяцесловом. Он родился за три дня до празднования свв. Константина и Елены (21 мая):

«В то^ж^ лѣ^т^ того^ж^ м^с^ца маꙗ въ и҃і дн҃ь на памѧ^т^ ста^г^ му^ч^ Потапьꙗ в су^б^ту роди сн҃ъ оу великаго кнѧзѧ Всеволода и нарекоша имѧ ѥму в ст҃ѣмь крш҃нии Костѧнтинъ»[475].

Константин Всеволодич был одним из первых известных нам обладателей имени *Константин* в роду Рюриковичей. Никакое другое имя этого князя в источниках не встречается. Таким образом, христианское имя *Константин* совмещало в себе, скорее всего, функции династического и крестильного.

Составитель Лаврентьевской летописи вкладывает в уста Всеволода Большое Гнездо, отца Константина, следующие слова, обращенные к сыну:

«...по имени твоє^м^ тако и хвала твоꙗ не токмо Бъ҃ положилъ на тебѣ старѣишиньство в братьи твоєи но и въ всеи Русскои земли и ꙗзъ ти даю старѣишьньство поѣди в свои городъ»[476].

Н.П. Лихачев, а вслед за ним и В.Л. Янин атрибутируют Константину Всеволодичу-Дмитриевичу печати с изображением царя Константина и св. Дмитрия[477].

КОНСТАНТИН, сын Всеволода-Иоанна, внук Константина, правнук Всеволода-Дмитрия Юрьевича Большое Гнездо. Кн. ярославский.

Этот князь в летописях не упоминается, его христианское имя известно из достаточно поздней агиографической традиции, в основании которой лежит житие ярославских князей Василия и Константина, со-

475 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 396–397 под 1186 г.].

476 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 422 под 1206 г.].

477 См. [Янин 1970. Т. I. С. 106–107].

ставленное монахом Пахомием[478]. Константин Всеволодич был прославлен церковью вместе со своим братом Василием не ранее первой половины XVI в.[479] Житие изобилует фактическими неточностями. В частности, прославляемому князю приписывается строительство во Владимире церкви Успения, которая на самом деле была заложена в 1215 г. другим Константином Всеволодичем, сыном Всеволода Большое Гнездо.

Отметим, что если у прекрасно известного по источникам князя Константина Всеволодича Ростовского (см. выше), жившего на рубеже XII — XIII вв., и в самом деле был внук с таким именем, то он оказывается полным антропонимическим подобием своего деда.

КОНСТАНТИН, сын Давыда, внук Ростислава-Михаила, правнук Мстислава-Федора Владимировича-Васильевича Великого. Ум. в 1218 г.

Этот князь был одним из первых (хотя и не самым первым) известных нам носителей имени *Константин* в династии Рюриковичей. Из-за скудости его упоминаний в летописях мы не можем утверждать, что это имя было у него единственным, совмещающим функции родового и крестильного, но это представляется вполне вероятным. Даты его появления на свет мы не знаем, но, вероятнее всего, в 1197 г. он был еще ребенком, так как, согласно летописи, отец передает его на руки дяде, Рюрику Ростиславичу (см. ниже).

КОНСТАНТИН, сын Дмитрия Донского, внук Ивана Красного, правнук Ивана Даниловича Калиты. Кн. угличский.

Христианское имя этого князя надежно зафиксировано в источниках. Княжич родился 16 мая 1389 г., за несколько дней до кончины своего отца[480]. Крестным отцом Константина Дмитриевича стал самый старший из его братьев Василий. Его официальным небесным покровителем, скорее всего, был Константин Великий, чья память празднуется 21 мая. О его дополнительных христианских именах нам ничего не известно.

КОНСТАНТИН-ВАСИЛИЙ, сын Константина, внук Ивана, правнук Василия Федоровича Красного. Кн. острожский. Ум. в 1608 г.

Принадлежность этого князя к роду Рюриковичей не бесспорна. Он был обладателем по крайней мере двух христианских имен, причем имя *Константин* фигурирует, скорее, в качестве родового, княжьего. Крестильным же Константин Константинович считал, как это следует, например, из вступления к Острожской Библии, другое свое имя — *Василий*:

«Азъ Конъстантинъ, нареченыи въ с҃томъ крщ҃ениі Василіе...»; «Я Константин, зовомый и во святом крещении Василий нареченный...»[481].

---

478 См. [Ключевский 1871. С. 175–177; Барсуков 1882. Стб. 95–97; Серебрянский 1915. С. 234–237].

479 См. [Голубинский 1903. С. 141, 552].

480 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 52; Т. XV: Рогожский летописец. Стб. 155–156; Т. XVIII. С.138; Т. XXIII. С. 131; Т. XXV. С. 215]; ср. [ПСРЛ. Т. XI. 121].

481 См. [Библия 1581. Л. 1; Б.А. Успенский 1996–1997. Т. II. С. 193].

КОНСТАНТИН, сын Семена Гордого, внук Ивана Калиты, правнук Даниила Александровича Московского. Ум. в 1341 г.

Княжич умер вскоре после рождения, однако его имя надежно зафиксировано в летописи:

«Того же лѣта у великого князя Семена Ивановича, внука Данилова, родися сынъ Констянтинъ, и до того же дни умре»[482].

КОНСТАНТИН, сын Ярослава-Федора, внук Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича-Васильевича Долгорукого. Ум. в 1255 г.

Князь фигурирует в летописях исключительно под христианским именем *Константин*. По-видимому, оно было его единственным именем, совмещающим в себе функции родового и крестильного. Скорее всего, это имя было дано ему в честь дяди Константина Всеволодича (см. выше), старшего брата его отца, которого уже не было в живых ко времени рождения племянника.

КРИСТИНА (ХРИСТИНА), дочь Инги Старого, внучка Стейнкеля, правнучка Рёгнвальда Старого. Жена Мстислава Великого. Ум. в 1122 г.

Имя этой шведской принцессы, ставшей женой Мстислава-Федора Великого, упоминается как в сагах, так и в русской летописи[483]. Она была одной их трех дочерей короля Инги Старого, которые первыми из всех шведских принцесс получили только христианские имена (*Маргарета*, *Кристина*, *Катарина*).

Судя по всему, небесной покровительницей княгини была св. Христина Тирская, чья память празднуется 24 июля, в один день с памятью первых русских святых из рода Рюриковичей, свв. Бориса и Глеба. Так, именно эта святая фигурирует в месяцеслове Евангелия, заказанного ее мужем.

Существуют два обломка булл с изображением женщины в короне и с нимбом на одной стороне и греческой надписью «святая Христина» на другой. Н.П. Лихачев, а вслед за ним В.Л. Янин высказали предположение о том, что эта печать принадлежала жене Мстислава Великого[484].

КРИСТИНА, дочь Сигурда Крестоносца и Маль(м)фрид, внучка Магнуса Голоногого и Мстислава-Федора Великого, правнучка Олава Харальдссона Тихого и Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха.

Дочь норвежского конунга принадлежала к роду Рюриковичей лишь по женской линии. При этом она, очевидно, была названа в честь своей бабки, шведской принцессы Кристины, вышедшей замуж за русского князя (см. выше).

---

482 См. [ПСРЛ. Т. X. С. 213].

483 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 21, 205 под 1122 г.].

484 См. [Янин 1970. Т. I. С. 33].

КСЕНИЯ («БРЯЧИСЛАВЛЯ»), дочь Мстислава-Федора Великого (?), внучка Владимира-Василия Мономаха (?), правнучка Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича (?).

О существовании этой княгини мы узнаем из уникального свидетельства новгородского архиепископа Антония, который говорит о том, что видел в Царьграде ее могилу[485]. Не исключено, что эта княгиня была женой того полоцкого князя Брячислава, которого летопись называет шурином Изяслава Мстиславича. Соответственно, имя *Ксения* могло принадлежать одной из дочерей Мстислава Великого.

ЛЕВ, сын Даниила, внук Романа, правнук Мстислава Изяславича-Пантелеймоновича. Кн. галицкий. Ум. в 1299/1300 г.

Сын Даниила Галицкого был, по-видимому, первым обладателем христианского имени *Лев* в роду Рюриковичей, имянаречение мальчиков в этой семье вообще отличалось редким своеобразием и не во всем было ориентировано на общединастический именослов. Принято думать, что многое здесь определяли византийские корни бабки Льва Даниловича и его братьев[486]. Впрочем, ее византийское происхождение остается всего лишь гипотезой, хотя и имеющей за собой давнюю историографическую традицию.

Имя *Лев* зафиксировано в источниках надежно и бесспорно. По-видимому, именем этого князя его отец, Даниил Романович, назвал город Львов. Никаких других имен Льва Даниловича мы не знаем и не располагаем данными о его патрональном святом.

МАКСИМ, см. АНДРЕЙ-(МАКСИМ?)

МАЛЬ(М)ФРИД[487], дочь Мстислава-Федора Великого и Кристины, внучка Владимира-Василия Мономаха и конунга Инги Старого, правнучка Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича и конунга Стейнкеля Рёгнвальдссона.

В единственном достаточно позднем датском источнике Маль(м)фрид Мстиславна упоминается под именем *Маргарета*[488]. Никакими сведениями о том, где, когда и при каких обстоятельствах у нее появилось это христианское имя, мы не располагаем; не исключено, в частности, что оно возникло в результате ошибки хрониста[489].

МАРИЦА (МАРИЯ?), дочь Владимира-Василия Мономаха, внучка Всеволода-Андрея, правнучка Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича Мудрого. Приняла постриг. Ум. в 1146 г.

---

485 См. [Путешествие… Антония в Царьград. Стб. 60, 177].

486 Ср. [Dąbrowski 2002. S. 101–102].

487 Имя в русских источниках не зафиксировано, оно известно из саг («Круг Земной», «Гнилая кожа», «Сага о Кнютлингах» и др.), дарственной грамоты датского конунга Эйрика Лундскому собору от 1135 г., средневековых датских хроник и др. источников.

488 См. [GK. S. 46, 47]; ср. [DGP. S. 890, 899].

489 См. подробнее: [Ф.Б. Успенский 2002. С. 36–39].

Имя дочери Владимира Мономаха приводится в летописном сообщении о ее кончине:

«...престависа блг҃овѣрн^а^ꙗ кнагини Марица дщи Володимера»[490].

Иноческое имя Марицы Владимировны неизвестно. Отметим, что сын Марицы именуется в летописях *Василько Маричичем* (*Маричиничем*)[491] (см. выше), т.е. при помощи матронима, образованного от ее крестильного имени.

МАРИЯ, см. ДОБРОНЕГА-МАРИЯ

МАРИЯ, дочь Мстислава Удатного, внучка Мстислава Храброго, правнучка Ростислава-Михаила Мстиславича-Федоровича. Жена венгерского королевича Андрея.

Христианское имя этой княжны, *Мария*, приводится у Яна Длугоша, в Густынской летописи, а также у В.Н. Татищева[492]. В некоторых иностранных источниках княжна фигурирует под именем *Елена*, однако обстоятельства наречения ее этим именем нам неизвестны[493].

МАРИЯ, дочь Святослава-Николая, внучка Олега-Михаила, правнучка Святослава-(Николая?) Ярославича-Георгиевича. Ум. в 1189 г.

Крестильное имя княжны приводится в летописной записи о ее рождении:

«...приѣха С҃тославъ Ѡлговичь на Сп^с^шь дн҃ь...въ оутри же днь в не^д^лю рано въсходащю слнцю родиса оу С҃тослава Ѡлговича дчи нарекоша въ крщ҃ение има еи Мр҃ьꙗ»[494].

Судя по всему, Мария Святославна появилась на свет 1 августа. Не исключено, что именно это и определило выбор для нее крестильного имени *Мария*. Летописец специально отмечает, что события, связанные с рождением девочки, приходятся на Спасов день, т.е. во время Успенского поста. Правда, соблюдение этого поста уже в домонгольской Руси является вопросом спорным[495]. День рождения девочки недалеко отстоял и от 15 августа — Успения Богородицы. В целом, весь этот круг Богородичных праздников мог так или иначе связываться в сознании летописца с имянаречением княжны, хотя имя свое, с наибольшей вероятностью, она могла получить не непосредственно в честь Богородицы, а, например, в честь Марии Магдалины, чья память отмечалась 22 июля. Подчеркнем, однако, что никакими точными сведениями о патрональной святой этой княжны мы не располагаем.

---

490 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 314–315].

491 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 304; Т. II. Стб. 298 под 1136 г.].

492 См. [Щавелева 2004. С. 357; ПСРЛ. Т. XL. С. 114, 116].

493 Ср. [Карамзин. Т. III. Примеч. 196; Baumgarten 1927. P. 39, 43].

494 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 376 под 1149 г.].

495 См. подробнее: [Голубинский. Т. I. 2-я половина тома. С. 462–465].

МАРИЯ-МАРФА (НАГАЯ), дочь Федора Нагого, внучка Федора Нагого-Немого, правнучка Михаила Нагого. Последняя жена Ивана Грозного. Приняла постриг. Ум. в 1612 г.

Крестильное и иноческое имена царицы надежно зафиксированы. Иногда в письменных источниках иноческое имя царицы *Марфа* может выступать в качестве основного:

«Лета 7091-го родися сын царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси царевич Димитрей Иванович о[т] царицы Марфе Федоровны Нагие»[496].

Сочетание крестильного имени *Мария* и иноческого *Марфа* принадлежит к числу весьма распространенных в средневековой Руси.

МАРИЯ, дочь Шварна. Жена Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо. Приняла постриг. Ум. в 1206 г.

Крестильное и иноческое имя княгини зафиксированы в летописных источниках. В Лаврентьевской летописи содержится свидетельство о том, что при постриге княгиня Мария Шварновна получила то же имя, что носила в крещении:

«[Т]ого^ж^ м^с^ца въ в҃ дн҃ь пострижеса великаꙗ кн҃гни Всеволо^ж^ во мнишескии чинъ в монастыри ст҃ыє Б^д^ци юже бѣ самъ созда^л^ и нарекоша єи имѧ М҃риꙗ в то^ж^ имѧ крещена бы^с^ пре^ж^»[497].

Княгиня приняла постриг 2 марта 1206 г., однако как именно эта дата связана с сохранением крестильного имени, остается неясным. Не исключено, что, принимая иноческий сан, Мария Шварновна сменила патрональную святую. Весьма показательно вместе с тем, что Мария Шварновна принимает постриг в ею же созданном Богородичном монастыре, не без ориентации на расцветший во владимирской земле культ Богородицы.

Свидетельство Лаврентьевской летописи с некоторыми добавлениями воспроизводится в летописи Тверской:

«...марта 2, на память святаго священномученика Феодота, пострижеся великаа княгины Всеволожа Маріа, дщи Шварлова Ческаго, въ черници и въ скиму, въ Володимери въ манастыри святыа Богородица, иже бѣ сама създала, и нарекоша имя ей Маріа; въ то же бѣ имя и крещена въ Володимери, а приведена ис Чехъ не крещена»[498].

Как кажется, указание Тверской летописи на то, что Мария была некрещеной до своего появления на Руси, порождено неверным осмыслением процитированного свидетельства летописи Лаврентьевской.

---

496 См. [ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 194].

497 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 424 под 1206 г.].

498 См. [ПСРЛ. Т. XV: Тверская летопись. Стб. 301].

Единственный источник, согласно которому Мария Шварновна сменила при постриге имя и стала *Марфой* — это Степенная книга:

«...и пострижеся во иноческій чинъ, и претворено бысть имя ей марфа»[499].

Н.М. Карамзин отмечал, что в приделе Благовещения Успенского монастыря во Владимире была надгробная плита с именем Марфы Шварновны[500]. По предположению историка, Мария Всеволожая приняла имя *Марфа* в иночестве, что напрямую противоречит приведенным выше указаниям древнейших летописей. Не исключено, правда, что здесь необходимо обратить особое внимание на Тверскую летопись, которая отмечает, что Мария приняла не только малую, но и великую схиму. Это свидетельство позволило Л.С. Кишкину предположить, что имя *Мария* она приняла в малой схиме, а имя *Марфа* — в великой[501]. Однако, если судить по гораздо более поздней практике, скорее существовала возможность возвращения к крестильному имени в великой схиме (т.е. **Мария* — *Марфа* — *Мария*), нежели та модель, которую предлагает Л.С. Кишкин (*<*Мария*?> — *Мария* — *Марфа*).

МАРИЯ, см. АГАФЬЯ-МАРИЯ

МАРК, см. ИВАН-(МАРК?)-(КИРИЛЛ?)

МАРФА, см. (ЕЛЕНА?)-(МАРФА?)

МАРФА, см. МАРИЯ-МАРФА

МЕРКУРИЙ, см. ВЯЧЕСЛАВ-(МЕРКУРИЙ?)

МИКУЛА, сын Володьши (?), внук Василько (?), правнук Святослава Всеславича (?)[502].

В летописи фигурирует некий представитель дома полоцких князей по имени Всеслав Микулич[503]. Возможно, его отчество образовано от имени *Николай*. Если отец Всеслава Микулича и в самом деле носил имя *Николай*, то это, в сущности, первый (и последний) случай его летописного употребления без мирского имени у Рюриковичей домонгольского периода.

МИХАИЛ, см. ИЗЯСЛАВ-МИХАИЛ

---

499 См. [ПСРЛ. Т. XXI. С. 228, 229]; ср. [Барсуков 1882. С. 352].

500 См. [Карамзин. Т. III. Примеч. 62].

501 См. [Кишкин 1972. С. 256]; ср. [Максимович 1877. С. 161]. П.Л. Гусев предполагал, что жена Всеволода Большое Гнездо «приехала...с Кавказа с именем Марии, а во Владимире названа была Марфой, при пострижении же наименована опять Марией» [Гусев 2005. С. 244].

502 О том, кем был этот Николай или Микула, решительно ничего не известно. В историографии он фигурирует как сын Володьши Васильковича и внук Василько Святославича [Данилевич 1896. С. 99; Baumgarten 1927. P. 33, 35. Tab. VIII; Рапов 1977. С. 64].

503 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 620 под 1180 г.].

МИХАИЛ, см. ОЛЕГ-МИХАИЛ

МИХАИЛ, см. РОСТИСЛАВ-МИХАИЛ, сын Мстислава.

МИХАИЛ, см. РОСТИСЛАВ-МИХАИЛ, сын Рюрика.

МИХАИЛ, см. СВЯТОПОЛК-МИХАИЛ

МИХАИЛ-МАТФЕЙ (ТВЕРСКОЙ), сын Александра, внук Михаила, правнук Ярослава-Афанасия Ярославича-Федоровича. Кн. тверской. Принял постриг. Ум. в 1399 г.

Князь фигурирует в источниках только под династическим христианским именем *Михаил*. Обстоятельства имянаречения неизвестны. Наиболее очевидным прототипом при выборе имени мог быть родной дед Михаила Александровича.

Монашеское имя князя зафиксировано в его житии, включенном в состав летописей[504]. Сведениями о каких-либо других именах этого князя мы не располагаем.

(КИР) МИХАИЛ, сын Всеволода Пронского, внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича-Панкратьевича. Кн. пронский. Убит в 1217 г.

Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения этого князя неизвестны. Сын Всеволода Пронского фигурирует в летописях исключительно под христианским именем. При этом, как правило, к традиционному имени добавляется и именование *Кир* или *Кюр* (*Чюръ*). Строго говоря, мы не можем со всей определенностью ответить на вопрос, является ли этот элемент именем или своеобразной частью титулатуры. Иными словами, мы не знаем, что перед нами — имя собственное, слово с определенной семантикой или некая комбинация того и другого.

Как известно, вместе часто фигурируют имена двух чудотворцев и бессребреников свв. Кира и Иоанна (память их мученической кончины отмечается 31 января, а перенесение мощей 28 июня). Возможно, именно этой парности святых (а также и тому обстоятельству, что 31 января празднуется также память мученицы Афанасии и трех ее дочерей) мы обязаны появлением в Житии Евфросинии Полоцкой женского имени *Кираанна*[505].

Если предположить, что именование *Кир Михаил* образовано по такой или близкой модели, то здесь мы имеем дело с именем, составленным из двух имен святых, а, возможно, и попросту с двумя христианскими именами — *Кир* и *Михаил*. Нельзя, однако, забывать о том, что никакой очевидной связи между именами *Кир* и *Михаил* (в отличие от имен *Кир* и *Иоанн*) не просматривается, а потому использование двух имен вместе нуждалось бы в специальном объяснении.

---

504 См. [ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 389; Т. VI. Вып. 1. Стб. 520; Т. XV: Рогожский летописец. Стб. 173; Т. XVIII. С. 147; Т. XLII. С. 167; Клосс 2001. С. 215].

505 См. [ПЕП. С. 177; ПСРЛ. Т. XXI. С. 216]. Как известно, в домонгольской Руси существовали парные иконы свв. Кира и Иоанна (например, в Соборе Рождества Богоматери Антониева монастыря в Новгороде).

С другой стороны, иногда с элементом «кир» («кюр») именуется, например, старший современник Кир Михаила — Рюрик-Василий Ростиславич (см. ниже), причем элемент «кюр», как и в случае с именованием пронского князя, непосредственно предшествует христианскому имени[506]. Существенно, однако, что в данном случае употребление этого элемента отнюдь не регулярно и, скорее, может быть соотнесено не с именем святого, а с этикетным обращением («господин») к правителю.

Что же касается именования пронского князя, то здесь элемент «кир» («кюр») является, по-видимому, столь необходимым, что он включается и в патроним его сына («кюръ Михаиловичь»)[507], и в именование его жены («кнѧгиню Кꙋръ Михаиловꙋ»)[508]. Таким образом, мы можем предположить, что именование *Кир Михаил* в целом совмещает в себе функции родового и христианского, однако не беремся определить точную роль отдельных его составляющих.

О святом патроне (святых патронах?) этого князя мы не знаем ничего определенного.

МИХАИЛ, сын Всеволода Чермного, внук Святослава, правнук Всеволода-Кирилла Ольговича-Михайловича. Кн. черниговский, новгородский и киевский. Ум. в 1246 г.

Князь фигурирует в источниках только под христианским именем *Михаил*. Точная дата появления на свет[509] и обстоятельства имянаречения неизвестны, однако есть все основания полагать, что *Михаил* совмещало в себе функции родового и крестильного имени. Отметим, что *Михаилом* звался в крещении родной прапрадед князя, знаменитый Олег-Михаил Святославич (см. ниже).

Какими-либо определенными данными о патрональном святом Михаила Всеволодича мы не располагаем, хотя вероятнее всего, он, подобно многим Рюриковичам, был назван в честь архистратига Михаила.

В.Л. Янин рассматривает Михаила Всеволодича как одного из возможных кандидатов на обладание княжеской печатью с изображением архангела Михаила на одной стороне и св. Константина на другой[510].

Князь Михаил погиб в Орде и был причислен к лику святых, время его прославления в точности неизвестно.

---

506 Ср. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 711]. Необходимо принять во внимание, что князь именуется в особой похвале, составленной по случаю возобновления им стены Михайлова монастыря, автор же этого текста питает явную приверженность к греческой образованности, украшая свою речь своеобразными грецизмами, к числу которых могло принадлежать и обращение «кюръ» (см. [Литвина 2004]).

507 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 779 под1237 г.].

508 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 490 под 1209 г.].

509 Правда, В.Н. Татищев упоминает, что рождение князя стало причиной смерти его матери 6 августа 1179 г. [Татищев. Т. III. С. 121]. Источник этих сведений неизвестен, а самый характер свидетельства вызывает сомнения в его надежности.

510 См. [Янин 1970. Т. I. С. 116–118, 208; Янин, Гайдуков 1998. С. 142].

МИХАИЛ, сын Вячеслава, внук Владимира-Василия Мономаха, правнук Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича. Ум. в 1130 г.

В летописных источниках упоминается только христианское имя князя *Михаил* (в форме *Михалко*)[511]. Обстоятельства имянаречения неизвестны. Имя *Михаил* в данном случае совмещало в себе, скорее всего, функции родового и крестильного.

МИХАИЛ (ХОЛМСКИЙ), сын Дмитрия, внук Георгия, правнук Всеволода Александровича Тверского.

Династическое христианское имя князя фигурирует в летописных источниках и договорных грамотах Ивана III и Михаила Борисовича Тверского. Обстоятельства имянаречения неизвестны. Во Вкладной Книге Иосифо-Волоколамского монастыря приведены следующие даты кормов по князю Михаилу Дмитриевичу: 8 ноября и 24 января[512]. Если последняя дата, по-видимому, является датой кончины Михаила Дмитриевича, то 8 ноября празднуется Собор архистратига Михаила. Таким образом, мы можем заключить, что князь находился под патронатом архангела Михаила.

Сведениями о каких-либо дополнительных именах Михаила Дмитриевича Холмского мы не располагаем.

МИХАИЛ, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира-Василия Мономаха, правнук Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича. Кн. владимиро-суздальский. Ум. в 1176 г.

В летописных источниках упоминается только христианское имя князя *Михаил*, чаще всего в уменьшительной форме *Михалко*[513]. Отметим, что жена князя именуется «кнѧгыни Михалкова»[514]. Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения неизвестны. Имя *Михаил* (*Михалко*) в данном случае совмещало в себе, скорее всего, функции родового и крестильного.

МИХАИЛ (ХОРОБРИТ), сын Ярослава-Федора, внук Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича-Васильевича Долгорукого. Ум. в 1248 г.

Князь фигурирует в летописных источниках только под христианским именем *Михаил*. Обстоятельства имянаречения неизвестны. Имя *Михаил*, по-видимому, совмещало в себе функции родового и крестильного.

МИХАИЛ, сын Ярослава-Афанасия, внук Ярослава-Федора, правнук Всеволода-Дмитрия Юрьевича Большое Гнездо. Ум. в 1271/72 г.

Князь фигурирует в летописных источниках только под христианским именем *Михаил*. Обстоятельства имянаречения неизвестны. Имя *Михаил* в данном случае совмещало в себе функции родового и хри-

---

511 Ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 301 под 1129 г.].

512 См. [Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря. С. 164. Л. 73 об.].

513 Ср., например: [ПСРЛ. Т. I. Стб. 359, 363].

514 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 417].

стианского. Как отмечают целый ряд летописей, Михаил Ярославич скончался вскоре после смерти своего отца, Ярослава Ярославича[515]. Имя Михаила Ярославича перешло к его младшему единокровному брату, Михаилу Ярославичу Тверскому (см. ниже), родившемуся сразу же после его кончины.

МИХАИЛ (ТВЕРСКОЙ), сын Ярослава-Афанасия, внук Ярослава-Федора, правнук Всеволода-Дмитрия Юрьевича Большое Гнездо. Кн. тверской и владимирский. Ум. в 1318 г.

Князь фигурирует в летописных источниках только под христианским именем *Михаил*. Михаил Ярославич появился на свет вскоре после смерти своего отца[516], однако, будучи посмертным ребенком, не был наречен отцовским родовым именем. Со всей очевидностью он получил христианское имя другого родича, скончавшегося незадолго до его рождения, а именно — своего единокровного брата Михаила (см. выше). Таким образом, имя *Михаил* в данном случае совмещало в себе функции родового и христианского.

Михаилу Ярославичу атрибутируются печати с изображением архангела Михаила и св. Афанасия, а также архангела Михаила и Вседержителя[517].

МСТИСЛАВ (ХРАБРЫЙ), сын Владимира-Василия Святого, внук Святослава, правнук Игоря Рюриковича и Ольги-Елены. Кн. черниговский. Ум. в 1036 г.

Крестильное имя князя в летописных источниках не зафиксировано, однако из данных Любечского синодика можно заключить, что его звали в крещении *Константином*[518].

По мнению А.А. Молчанова, безоговорочно принимающего сведения синодика, Мстислав Владимирович мог быть назван крестильным именем *Константин* в честь шурина Владимира-Василия Святого, византийского императора Константина VIII, брата и соправителя Василия II[519].

Н.П. Лихачев присваивал Мстиславу Храброму группу печатей, несущих на себе изображение царя Константина и греческую благопожелательную надпись[520], однако с ним не согласился В.Л. Янин, полагая, что эти буллы скорее принадлежали сыну Ярослава Мудрого — Игорю (см. выше)[521].

---

515 См. [ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 241 под 1272 г.; Т. VI. Вып. 1. Стб. 353]

516 См. [ПСРЛ. Т. VII. С. 171 под 1271 г.; Т. XXIII. С. 89; Т. XXIV. С. 101].

517 См. [Янин 1970. Т. II. С. 9, 11–12, 162; Янин, Гайдуков 1998. С. 64, 66–67, 165–166].

518 См. [Зотов 1892. С. 24, 32–33, 177].

519 См. [Молчанов 2004. С. 81, 85].

520 См. [Лихачев 1928–1930. Вып. I. С. 157–158; Вып. II. С. 276–277].

521 См. подробнее: [Янин 1970. Т. I. С. 32–33].

МСТИСЛАВ-ХАРАЛЬД[522]-ФЕДОР (ВЕЛИКИЙ), сын Владимира-Василия Мономаха, внук Всеволода-Андрея, правнук Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича Мудрого. Кн. новгородский и киевский. Ум. в 1132 г.

В древнейших летописях крестильное имя князя не упоминается, однако оно засвидетельствовано в Мстиславовом Евангелии:

«...кнѧзю ѳєѡдороу. а мирьскы мьстиславоу. вънoукoу соущю вьсєволожю а с҃ноу володимирю. кнѧзю новъгородьскоуомоу <...> ѡ г҃и сп҃си кн҃ѧзѧ нашєго ѳєѡдора. мъногы лѣ(т). а мирьскы мьстислава»[523].

Кроме того, крестильное имя князя наряду с мирским приводится в «Хождении игумена Даниила»[524] и в кратком проложном житии князя[525].

Патронат св. Федора подтверждается отмеченными в летописи фактами церковного строительства:

«заложи цр҃квь Мьстиславъ кнѧзь камену ст҃аг Ѳеѡдора»[526].

Наиболее вероятными кандидатами на роль княжеского патрона могут быть названы святые воины — Федор Тирон и Федор Стратилат. В историографии патроном Мстислава Великого считается Федор Тирон[527]. Не вполне ясно, однако, в какой мере значима была такая «спецификация» свв. Федоров для самого князя.

По мнению В.Л. Янина, Мстиславу Владимировичу принадлежала группа печатей с изображением св. Федора и благопожелательной формулой «Господи, помози рабу твоему Феодору», а также печати с изо-

---

522 Родовое имя *Харальд* (*Аральт*), унаследованное Мстиславом Великим от деда по матери, англосаксонского короля Харальда Годвинсона, в русских текстах не зафиксировано. Именно под ним он фигурирует в скандинавских («Круг Земной», «Гнилая кожа», «Красивая кожа», «Сага о Кнютлингах») и немецких источниках («Похвальное слово св. Пантелеймону» Руперта из Дойца). См. также: [Джаксон 2000. С. 176; Назаренко 2001. С. 585–590], с указанием литературы.

523 См. [Апракос. С. 289].

524 См. [Путешествие игумена Даниила... С. 155]; ср. [Янин 1960]..

525 См. [Востоков 1842. С. 452; Серебрянский 1915. С. 48 (приложение); Павлова 2004].

526 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 299 под 1128 г.].

527 См., например: [Гордиенко 1975. С. 220–221; Мурьянов 1984; Кучкин 1971. С. 25; Кучкин 1997. С. 198–199]. Патронат св. Федора Тирона весьма вероятен, но не бесспорен.

Отметим, что, согласно летописцу Николо-Дворищенского собора, сын Мстислава Великого, Всеволод-Гавриил (см. выше), заложил в Новгороде в 1120 г. церковь св. Федора. По мнению архимандрита Макария, речь в этом позднем источнике идет о церкви св. Федора Стратилата на Софийской стороне, построенной Всеволодом «в честь Ангела своего отца» [Макарий 1860. Ч. I. С. 192] (ср. [Штендер 1977. С. 435, 442. Примеч. 4]).

бражением св. Федора и надписью «ДЬНѢСЛОВО». Изображение патронального святого Мстислава Великого присутствует, согласно В.Л. Янину, и на печатях протопроедра Евстафия и сыновей Мстислава (Всеволода, Изяслава, Святополка, Ростислава)[528].

В целом ряде поздних источников (Новгородская третья летопись, «Чудо св. Николая») в качестве крестильного имени Мстислава Великого называется *Георгий*[529]. Весьма вероятно, что такая «путаница» христианских имен домонгольских Рюриковичей отчасти связана с почитанием князьями святых патронов своих ближайших родичей.

МСТИСЛАВ-АНДРЕЙ, сын Всеволода (?), внук Игоря (?), правнук Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича Мудрого (?). Кн. смоленский (?). Ум. в 1116 г.

Некий Андрей-Мстислав Всеволодич упомянут в одной из редакций «Хождения игумена Даниила» между черниговскими и новгородскими князьями. В специальной работе В.Л. Янин показал, что этот Андрей-Мстислав может быть отождествлен с Мстиславом, «Игоревым внуком»[530]. По мнению В.Л. Янина, именно этому князю скорее всего принадлежала белгородская печать с греческой надписью «Мстислав, великий архонт России» и изображением святого, возможно, Андрея Первозванного[531].

МСТИСЛАВ, сын Давыда, внук Ростислава-Михаила, правнук Мстислава-Федора Владимировича-Васильевича Великого. Кн. новгородский и вышгородский. Ум. в 1187 г.

Христианское имя князя в источниках отсутствует.

Согласно гипотезе В.Л. Янина, Мстислава Давыдовича звали в крещении *Федором*[532]. Основание для подобного вывода — имянаречение младшего брата Мстислава Давыдовича, Мстислава-Федора (см. ниже), родившегося в 1193 г., т.е. уже после смерти интересующего нас князя. Предполагалось, что младший брат, чье христианское имя надежно зафиксировано в летописных источниках, был назван в честь умершего старшего и получил не только его мирское, но и крестильное имя. Как аргумент в пользу того, что князя звали в крещении *Федором*, отмеча-

---

528 См. [Янин 1970. Т. I. С. 64–67, 70–71, 184, 190, 193–194, 195–196, 197, 208; Янин, Гайдуков 1998. С. 39, 40, 43, 44, 62, 122, 123–124, 126].

529 См. [Макарий. Кн. II. С. 471. Примеч. 172; НЛ. С. 213]; ср. [Назаренко 2001. С. 608–611].

Как *Георгий* Мстислав Владимирович обозначен в указателе к Лаврентьевской летописи [ПСРЛ. Т.I. С. 551], а также в ряде исследовательских работ (ср., например: [ПВЛ 1996. С. 516 <комментарий Д.С. Лихачева>; Рындина 1972. С. 220]).

530 См. [Янин 1960. С. 124, 129], с указанием литературы. В летописи отчество этого князя Мстислава не упоминается, он фигурирует здесь как «Игорев внук».

531 См. [Янин 1970. Т. I. С. 20–24, 172], с указанием литературы.

532 См. [Янин 1970. Т. I. С. 93].

лось также, что он был погребен в семейной усыпальнице Мстиславичей, Киевском монастыре св. Федора[533], заложенном в 1128 г. его прадедом, Мстиславом-Федором Великим[534].

Не вызывает сомнений, что первенец Давыда Ростиславича был наречен в честь Мстислава Великого; представляется вполне вероятным, что Мстислав Давыдович унаследовал при этом и крестильное имя прадеда.

По мнению В.Л. Янина, Мстиславу Давыдовичу принадлежали печати с изображением св. Глеба-Давида (и надписью «Давид») и св. Федора[535].

МСТИСЛАВ-ФЕДОР, сын Давыда, внук Ростислава-Михаила, правнук Мстислава-Федора Владимировича-Васильевича Великого. Кн. смоленский. Ум. в 1230 г.

Крестильное имя князя отмечено в летописной записи о его рождении:

«Тое же зимы родисѧ оу Дв҃два сн҃ъ нарекоша во крщ҃нии Феѡдоръ а кнѧже Мьстиславъ»[536].

По предположению В.Л. Янина, Мстислав Давыдович был наречен в честь своего умершего старшего брата (см. выше), чье христианское имя в источниках не засвидетельствовано. Согласно реконструкции исследователя, тот был в крещении *Федором*, и Мстислав Давыдович младший унаследовал от брата не только мирское, но и крестильное имя[537].

Гипотеза В.Л. Янина кажется весьма убедительной. Вместе с тем, представляется несомненным, что при выборе как христианского, так и мирского имени для Мстислава Давыдовича-младшего в качестве предка-прототипа рассматривался и его родной прадед, киевский князь Мстислав-Федор Великий.

Вопрос о том, во чье имя был крещен князь — Федора Тирона, Федора Стратилата или кого-либо другого из свв. Федоров, — остается открытым. Не вполне ясно, насколько значима была такая «спецификация» свв. Федоров для этого князя.

По мнению В.Л. Янина, Мстиславу Давыдовичу принадлежали печати, найденные в Смоленске и в Новгороде, с изображением свв. Бориса и Глеба и св. Федора[538].

МСТИСЛАВ, сын Изяслава-Дмитрия, внук Ярослава-Георгия Мудрого, правнук Владимира-Василия Святославича Святого. Кн. новгородский и полоцкий. Ум. в 1069 г.

Христианское имя князя в источниках не засвидетельствовано.

---

533 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 654–655]; ср. [Янин 1970. Т. I. С. 93].

534 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 299].

535 См. [Янин 1970. Т. I. С. 94, 204–205; Янин, Гайдуков 1998. С. 47, 138].

536 См. [ПСРЛ. Т. II. С. 679 под 1193 г.].

537 См. [Янин 1970. Т. I. С. 93].

538 См. [Янин 1970. Т. I. С. 98; Янин, Гайдуков 1998. С. 50, 143].

В.Л. Янин, стремясь определить принадлежность белгородской печати с изображением св. Андрея Первозванного и греческой надписью «Мстислав, великий архонт России», не исключил возможности того, что крестильным именем Мстислава Изяславича было *Андрей*[539].

Вместе с тем тот же исследователь допускал, что Мстиславу Изяславичу могла принадлежать булла, найденная в Киеве, с греческой надписью «Господи, помози рабу твоему Георгию»[540].

Не исключал В.Л. Янин и того, что Мстислава Изяславича могли звать в крещении *Федором* и ему могла принадлежать печать с изображением креста и св. Федора[541]. Позднее В.Л. Янин и П.Г. Гайдуков отдали предпочтение именно этой гипотезе[542].

МСТИСЛАВ, сын Изяслава-Пантелеймона, внук Мстислава-Федора Великого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Кн. киевский. Ум. в 1172 г.

Крестильное имя в летописных источниках не зафиксировано.

В научной литературе можно встретить указание на то, что крестильным именем этого князя было *Федор*. Единственное основание — сфрагистическая реконструкция В.Л. Янина, который атрибутирует либо самому Мстиславу Изяславичу, либо его отцу, Изяславу Мстиславичу (см. выше) печати с изображением св. Пантелеймона и св. Федора. Кроме того, существуют печати с изображением свв. Бориса и Глеба и св. Федора, присваиваемые В.Л. Яниным Роману Мстиславичу (сыну Мстислава Изяславича) (см. ниже)[543].

Высказывалось также предположение, что Мстислава Изяславича звали в крещении *Иоанном*. В основе данной гипотезы — попытки определить принадлежность белгородской печати с греческой надписью «Мстислав, великий архонт России»[544].

МСТИСЛАВ (УДАТНЫЙ), сын Мстислава Храброго, внук Ростислава-Михаила, правнук Мстислава-Федора Владимировича-Васильевича Великого. Кн. новгородский и галицкий. Принял постриг. Ум. в 1228 г.

Крестильное и иноческое имя князя в летописных источниках не упомянуто.

---

539 См. [Янин 1970. Т. I. С. 23].

540 См. [Янин 1970. Т. I. С. 30].

541 См. [Янин 1970. Т. I. С. 152].

542 См. [Янин, Гайдуков 1998. С. 59–60].

543 См. [Янин 1970. Т. I. С. 94–95, 121, 127–128, 208; Янин, Гайдуков 1998. С. 50, 54, 142–143].

Согласно гипотезе А.А. Пескова и П.А. Раппопорта, одна из церквей («Старая Кафедра»), предположительно заложенных Мстиславом Изяславичем во Владимире-Волынском во второй половине XII в., могла быть посвящена св. Федору (см. подробнее: [Песков, Раппопорт 1987. С. 542–543]).

544 См. [Рибаков 1950. С. 111–118].

В научной литературе можно встретить указание на то, что крестильным именем этого князя было *Федор*. Никаких данных, кроме печатей с изображением двух свв. Федоров, присваиваемых В.Л. Яниным Мстиславу Мстиславичу Удатному, сыну Мстислава Храброго (см. ниже), на этот счет нет. По утверждению В.Л. Янина и других исследователей [545], Мстислав Удатный был тезкой своего отца не только по мирскому, но и по христианскому имени, и звался в крещении *Федором Федоровичем*.

Совпадению мирских имен Мстислава Храброго и Мстислава Удатного находится свое объяснение: по нашему предположению, Мстислав Мстиславич появился на свет после смерти своего отца и потому был наречен его именем. Возможно, сын унаследовал от отца и крестильное имя. Однако утверждение о тождестве крестильных имен отца и сына остается не более чем гипотезой, точно так же нет никакой ясности с тем, совпадали или различались их патрональные святые.

МСТИСЛАВ-БОРИС (СТАРЫЙ), сын Романа, внук Ростислава-Михаила, правнук Мстислава-Федора Владимировича-Васильевича Великого. Кн. киевский. Ум. в 1223 г.

Крестильное имя Мстислава Романовича, *Борис*, устанавливается при сравнении данных Новгородской первой летописи и летописи Ипатьевской. Так, например, при описании конфликта Смоленска и Чернигова в 1195 г. составитель Новгородской первой летописи упоминает о пленении «кънязя Бориса Романовиця» [546], тогда как при описании тех же событий составитель Ипатьевской летописи говорит об участии в них князя «Мьстислава Романовича» [547].

Кроме того, в Новгородской первой летописи князь поименован *Борисом* в списке князей [548], а его сыновья, Всеволод и Ростислав, как показал П.В. Голубовский, иногда появляются в летописях с отчеством *Борисович* [549].

---

545 См. [Янин 1970. Т. I. С. 112–114, 125, 206–207, 235; Янин, Гайдуков 1998. С. 47, 53, 140–141]; ср. [Рапов 1977. С. 182; Молчанов 1997в; Хорошкевич 1989; Хорошкевич 1995].

546 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 42, 235]; ср. [Карамзин. Т. III. Примеч. 53, 95]. Следует отметить, что в других погодных статьях Новгородской первой летописи крестильное имя Мстислава Романовича не приводится.

547 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 691–694].

548 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 471].

549 См., например: [ПСРЛ. Т. I. Стб. 457 под 1231 г.; Т. VII. С. 119 под 1214 г.]; ср. [Голубовский 1895. С. 175, 185–187, 190] и [Экземплярский. Т. I. С. 16. Примеч. 35]. Не поэтому ли в Родословной книге сын Мстислава Романовича, смоленский князь Ростислав, именуется *Борисом* ([Родословная книга. С. 37]; ср. [Карамзин. Т. IV. Примеч. 107])? Впрочем, как предположил В.Л. Янин, это свидетельство Родословной книги может относиться и к другому смоленскому князю с тем же мирским именем и отчеством [Янин 1970. Т. I. С. 96].

Имянаречение Мстислава Романовича интересно прежде всего тем, что мы можем наблюдать распределение имен св. Бориса-Романа Владимировича «по вертикали», когда отец, носящий имя *Роман* (см. ниже), давал своему сыну крестильное имя *Борис*. Таким образом, у отца и сына был один и тот же патрональный святой, но различные христианские имена[550].

Встречающееся иногда в научной литературе утверждение[551], что Мстислав-Борис был тезкой своего отца, Романа Ростиславича, по крестильному имени (т. е., иными словами, был **Борисом Борисовичем*), представляется совершенно некорректным и не находящим решительно никакой опоры в известных нам фактах.

МСТИСЛАВ (ХРАБРЫЙ), сын Ростислава-Михаила, внук Мстислава-Федора Великого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Кн. новгородский. Ум. в 1178 г. или в 1180 г.

Крестильное имя князя в летописных источниках не упоминается.

Можно встретить указание на то, что крестильным именем этого князя было *Федор*. Единственное основание — сфрагистическая реконструкция В.Л. Янина, который атрибутирует Мстиславу Ростиславичу-Михайловичу Храброму печати с изображением св. Федора и архангела Михаила. Кроме того, существуют печати с изображением двух свв. Федоров, присваиваемые В.Л. Яниным Мстиславу Мстиславичу Удатному (сыну Мстислава Ростиславича Храброго) (см. выше)[552].

В «Книге глаголемой: Описании о российских святых XVIII в.» содержится указание на то, что Мстислав Ростиславич почитался местно и при этом был в крещении *Георгием*. Однако эти поздние сведения о христианском имени князя трудно считать достоверными[553].

---

550 В сочинении Яна Длугоша упоминается некий — судя по всему, смоленский — князь Роман Борисович (Romanus Borzischowicz) [Щавелева 2004. С. 198, 352], которого комментатор (А.В. Назаренко) предлагает считать сыном интересующего нас Мстислава-Бориса Романовича, оговаривая, впрочем, что такого князя нет в древнерусских источниках [Щавелева 2004. С. 446. Примеч. 346]. Если эта гипотеза верна, то перед нами любопытный пример того, как описанная выше ситуация распределения имен св. Бориса-Романа воспроизводится и в следующем поколении князей.

551 См., например: [Янин 1970. С. 92, 97; Рапов 1977. С. 179; Янин, Гайдуков 1998. С. 244; Янин 2003. С. 133].

552 См. [Янин 1970. Т. I. С. 112–114, 116–117, 121, 203, 231; Янин, Гайдуков 1998. С. 44, 45, 137].

По ошибке *Федором* называет Мстислава Ростиславича И.М. Ивакин, по-видимому, путая его с Мстиславом-Федором Давыдовичем (см. выше) [Ивакин 1901. С. 53].

553 В «Православном месяцеслове Востока» архиепископа Сергия Спасского указание из «Книги глаголемой» приводится в качестве единственного источника о христианском имени Мстислава Храброго [Сергий. Т. II. С. 180; Барсуков 1882. С. 383. С. II (приложение)]; ср., однако: [Толстой 1887. С. 32]. Разумеется, подобного рода

МСТИСЛАВ (БЕЗОКИЙ), сын Ростислава, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Кн. новгородский. Ум. в 1178 г.

Христианское имя князя в летописях не зафиксировано.

Можно встретить указание на то, что крестильным именем этого князя было *Иоанн*. Единственное основание — сфрагистическая реконструкция В.Л. Янина, который атрибутирует Мстиславу Ростиславичу печати с изображением св. Иоанна Богослова и св. Иакова[554].

Высказывалось также предположение, что князя звали в крещении *Федором*. В основе этой гипотезы лежит анализ миниатюры из Радзивилловской летописи, иллюстрирующей рассказ о Липецкой битве 1177 г., где изображен стяг с монограммой, которая напоминает имя *Федор*[555].

МСТИСЛАВ, сын Святополка-Михаила, внук Изяслава-Дмитрия, правнук Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича Мудрого. Кн. волынский. Ум. в 1097 г. или 1099 г.

Крестильное имя в летописях отсутствует.

В.Л. Янин, стремясь определить принадлежность белгородской печати с изображением св. Андрея Первозванного и греческой надписью «Мстислав, великий архонт России», не исключал возможности того, что крестильным именем Мстислава Святополчича было *Андрей*[556].

Высказывалось также предположение, что этого князя звали в крещении *Федором*. В основе этой гипотезы — печать из Белза с изображением св. Федора и надписью «Дьнѣслово»[557].

МСТИСЛАВ, сын Святослава, внук Всеволода-Кирилла, правнук Олега-Михаила Святославича-(Николаевича?). Кн. черниговский и козельский. Ум. в 1223/24 г.

Христианское имя князя в летописях отсутствует.

поздние и ненадежные сведения о христианском имени князя, жившего в домонгольскую эпоху, невозможно воспроизводить некритически, тем более что даже в грамоте Ивана Грозного от 1556 г., основного источника, из которого мы узнаем о прославлении Мстислава Ростиславича Храброго, христианского имени князя нет (ср. [Макарий 1860. Ч. I. С. 81–82]). К сожалению, имя *Георгий* все же приводится иногда в исследованиях в качестве крестильного имени князя (см., например: [Самойлова 2004. С. 185]). Подчеркнем, что существуют две относительно самостоятельные проблемы: как в действительности был крещен Мстислав Храбрый в XII в., и не мог ли он считаться *Георгием* в XVI в. Однако даже для того, чтобы разрешить последний вопрос положительно, на сегодняшний день, по-видимому, не собрано достаточного количества аргументов.

554 См. [Янин 1970. Т. I. С. 119–120, 200; Янин, Гайдуков 1998. С. 44].

555 См. [Рыбаков 1964. С. 35]; ср. [Янин 1970. Т. I. С. 99–101; Янин 1972. С. 239–244].

556 См. [Янин 1970. Т. I. С. 23].

557 См. подробнее: [Гавриленко, Чайка 2004. С. 580–581].

Основываясь на данных Любечского синодика, Р.В. Зотов полагал, что крестильным именем Мстислава Святославича было *Пантелеймон*[558].

МСТИСЛАВ, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира-Василия Мономаха, правнук Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича. Кн. новгородский.

Крестильное имя князя не упоминается в летописных источниках.

По мнению В.Л. Янина, Мстислава Юрьевича звали в крещении *Федором*. Основанием для такой гипотезы послужили не только княжеские буллы с изображением св. Федора и св. Георгия и св. Федора и неизвестного святого[559], но и определение первоначальной принадлежности знаменитого шлема Ярослава Всеволодича, где фигурируют имена и патрональные изображения свв. Василия, Георгия и Федора (согласно предположению исследователя, «Федором и владельцем шлема был Мстислав Юрьевич, младший сын Юрия Долгорукого»)[560].

Именно с Мстиславом Юрьевичем И. Граля связывает надпись на византийском энколпионе, принадлежащем «Федору росу из рода базилевсов»[561].

Вероятность того, что Мстислав Юрьевич был в крещении *Федором*, достаточно высока, особенно если учесть позднейшую устойчивость именной пары *Мстислав-Федор* среди потомков Мономаха.

НИКОЛАЙ, см. СВЯТОСЛАВ-НИКОЛАЙ, сын Давыда.

НИКОЛАЙ, см. СВЯТОСЛАВ-НИКОЛАЙ, сын Олега.

ОЛЕГ-ИАКОВ-ИОАКИМ, сын Ивана Коротопола (?), внук Ивана (?), правнук Ярослава Романовича (?) или сын Ивана Рязанского (?), внук Александра Пронского (?), правнук Михаила Ярославича Пронского (?). Кн. рязанский. Принял постриг. Ум. в 1402 г.

Христианские имена этого князя известны из летописных свидетельств о его кончине:

«...преставися князь Олегъ Рязанскыи, нареченныи въ святомъ крещенiи Iаковъ, а въ мнишьскомъ чину Iоакимъ и положенъ бысть на Солодшѣ въ манастыри»[562].

Об обстоятельствах имянаречения Олега Ивановича Рязанского, равно как и о дате его появления на свет, сведений не сохранилось. Необходимо подчеркнуть, что *Олег* оказывается одним из наиболее устойчивых нехристианских имен, долгое время функционировавших в паре с крестильными.

По-видимому, христианское имя *Иаков* использовалось в роду Рюриковичей и прежде. Так, существуют печати с характерными для кня-

558 См. [Зотов 1892. С. 25, 69].

559 См. [Янин 1970. Т. I. С. 121, 131, 198, 233; Янин, Гайдуков 1998. С. 44, 133, 134].

560 См. [Янин 1972. С. 244]; ср. [Янин 1970. Т. I. С. 99–101].

561 См. [Граля 1990. С. 58–60].

562 См. [ПСРЛ. Т. XVIII. С. 150]; ср. [ПСРЛ. Т. VII. С. 175; Т. XI. С. 188].

жеского рода в XII в. изображениями двух святых — Иакова и Иоанна, Иакова Брата Господня и Федора Тирона[563].

Характерно, что монашеское имя князя подобрано к крестильному на основании совпадения первых букв (возможно, какую-то роль играло и совпадение начального вокализма в целом). Отметим, что родители Богородицы Иоаким и Анна особо почитались Рюриковичами по крайней мере с конца XII в. Если же допустить, что святым патроном Олега-Иакова был именно Иаков Брат Господень, то между монашеским и крестильным именем князя наблюдается не только графическая и звуковая, но и определенная семантическая корреляция, апеллирующая к библейской истории. Оговоримся, впрочем, что достоверных сведений о небесных покровителях Олега-Иакова у нас нет.

ОЛЕГ-ПАВЕЛ, сын Игоря-Георгия, внук Святослава-Николая, правнук Олега-Михаила Святославича-(Николаевича?). Ум. в 1205 г.

Крестильное имя князя приведено в летописном свидетельстве о его рождении:

«Того же лѣ^т^ родисѧ Игорю сн҃ъ и нарекоша имѧ ему Ѡлегъ а вь крщеньи Павелъ»[564].

Судя по всему, христианское имя для Олега Игоревича выбиралось с ориентацией на крестильное имя его старшего брата, Владимира-Петра Игоревича (см. выше). Можно было бы предположить, что двум братьям были даны «парные» имена святых апостолов. По-видимому, дело обстоит так и не так одновременно.

Дата рождения Владимира-Петра Игоревича далеко отстоит от празднования памяти св. апостола Петра. Его непосредственным патроном мог стать кто-то другой из святых тезок с этим именем. Тем не менее в XII в., в эпоху синкретического почитания святых, имя *Петр* в той или иной степени неизбежно воспринималось как апостольское. При наречении младшего княжича именем апостола Павла, скорее всего, имена братьев воспринимались как парные. При этом мирские имена этих княжичей прямо друг с другом как будто бы не соотносились, хотя при той богатой традиции родового имянаречения, которая сложилась у Рюриковичей во второй половине XII в., определенные исторические связи и ассоциации существовали едва ли не между двумя любыми княжьими именами. Так, в данном случае могли припоминаться, например, имена Владимира Святого и его брата Олега.

Стоит отметить, что крестильные имена четырех из пяти сыновей Игоря-Георгия Святославича-Николаевича надежно засвидетельствованы в летописных источниках.

---

563 В.Л. Янин и П.Г. Гайдуков предполагают, что эти печати принадлежали сыновьям Ростислава Юрьевича (см. ниже), Ярополку Ростиславичу (см. ниже) и Мстиславу Ростиславичу (см. выше). См. [Янин, Гайдуков 1998. С. 135, 136].

564 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 600 под 1175 г.].

ОЛЕГ, сын Святослава, внук Всеволода-Кирилла, правнук Олега-Михаила Святославича-(Николаевича?). Кн. курский и черниговский. Ум. в 1204 г.

В летописных источниках христианское имя князя не упомянуто.

Р.В. Зотов приписывал крестильное имя *Феодосий*, упоминающееся в Любечском синодике, именно этому князю Олегу Святославичу, а не Олегу Святославичу-Николаевичу, внуку Олега-Михаила (см. ниже)[565].

ОЛЕГ, сын Святослава-Николая, внук Олега-Михаила, правнук Святослава-(Николая?) Ярославича-Георгиевича. Кн. новгород-северский. Ум. в 1180 г.

В летописях христианское имя князя не зафиксировано.

Первые исследователи Любечского синодика приписывали встречающееся в источнике имя *Феодосий* этому князю, Олегу Святославичу-Николаевичу, внуку Олега-Михаила. Однако с этим не согласился Р.В. Зотов, полагая, что *Феодосий* в синодике относится к другому князю — Олегу Святославичу, внуку Всеволода Ольговича-Михайловича (см. выше)[566].

ОЛЕГ-МИХАИЛ («ГОРИСЛАВИЧ»), сын Святослава-(Николая?), внук Ярослава-Георгия Мудрого, правнук Владимира-Василия Святославича Святого. Кн. черниговский, тмутараканский. Ум. в 1115 г.

В летописных источниках крестильное имя князя не упомянуто, однако оно зафиксировано в «Хождении игумена Даниила»[567] и в Любечском синодике[568].

С фигурой Олега Святославича В.Л. Янин, вслед за А.В. Соловьевым, связывает знаменитую печать Михаила, архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии[569], а также печать иного типа с изображением архангела Михаила[570]. Кроме того, Олегу-Михаилу Святославичу атрибутируется группа редких монет (так называемый «Тмутараканский чекан»), несущих на лицевой стороне изображение архангела Михаила, а на оборотной надпись — «Господи, помози Михаилу»[571].

---

565 См. [Зотов 1892. С. 41, 42].

566 См. [Зотов 1892. С. 41, 42].

567 См. [Путешествие игумена Даниила... С. 155; Веневитинов 1885. С. 140; ПСРЛ. Т. XLIII. С. 313]; ср. [Янин 1960. С. 129].

568 См. [Зотов 1892. С. 24, 34].

569 См. [Янин 1970. Т. I. С. 26–30, 171], с указанием литературы.

570 См. [Берг 1983. С. 41–47; Янин, Гайдуков 1998. С. 22, 115].

571 Об этих монетах см. подробнее: [Молчанов 1982; Молчанов 1996], с указанием литературы. По неясным причинам монеты Олега Святославича не вошли в Сводный каталог русских монет X — начала XI в. М. П. Сотниковой и И. Г. Спасского, а также в новое его издание, вышедшее в 1995 г. (о нем см.: [Молчанов 1997г]). На сегодняшний день известны пять экземпляров серебряной монеты Олега-Михаила (см. [Завьялов, Пьянков 2004. С. 132–133]).

Олег Святославич получил крестильное имя *Михаил* при жизни деда, Ярослава Мудрого, и, возможно, не без его непосредственного участия. На участие Ярослава в имянаречении этого внука указывает, неожиданным образом, выбор мирского имени *Олег* для сына Святослава Ярославича. Дело в том, что в 1044 г. Ярослав Мудрый, как известно, выкопал останки двух своих дядьев, Олега и Ярополка Святославичей, умерших в язычестве, крестил их и захоронил в Десятинной церкви[572]. Это действие Ярослава Мудрого апеллирует к родовой истории и явно отражается в имянаречении его внуков: у Изяслава Ярославича вскоре появляется сын *Ярополк* (см. ниже), а у Святослава Ярославича — *Олег*. Отметим также, что один из внуков Ярослава стал полным антропонимическим подобием своего предка — у Олега-Михаила Святославича совпадают с Олегом Древлянским не только родовые имена, но и отчества.

Таким образом, выбор родовых имен для этих княжичей происходил, скорее всего, по инициативе их деда; надо полагать, и крестильные имена для них определял Ярослав (доподлинно известно, например, что он участвовал в выборе родового и крестильного имени для другого своего внука, Владимира-Василия Всеволодича Мономаха (см. выше).

Так или иначе, но Олег-Михаил Святославич был не единственным внуком Ярослава, при жизни деда получившим в крещении имя *Михаил*: так звали и Святополка-Михаила Изяславича (см. ниже) и, возможно, Ростислава Владимировича (см. ниже).

На выходной миниатюре Изборника Святослава Ярославича 1073 г. сохранилось изображение Олега Святославича с соответствующей подписью «ольгъ»[573].

Ян Длугош в своей «Польской истории» неоднократно именует Олега Святославича *Алексеем*, а иногда и *Александром*, однако, как полагают комментаторы Длугоша, в основе такого именование — созвучие имен *Алексей, Александр* и *Олег*[574].

ОЛЬГА-ЕЛЕНА, жена Игоря Рюриковича. Ум. в 969 г.

Крестильное имя надежно зафиксировано в различных источниках, как русских (например, «Память и похвала Иакова Мниха», «Проложное житие» Ольги), так и иностранных (например, «Продолжение хроники Регинона Прюмского»). Упоминается оно и в древнейших летописях:

«...бѣ же има єи нарєчно въ крєщении Ѡлєна ꙗко же и древнаꙗ цєрца мти вєлїкого Костантина»[575].

---

572 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 155]; ср. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 143; Т. III. С. 16]. Об этом событии см. подробнее: [Назаренко 2001. С. 339–390; Ф.Б. Успенский 2002. С. 141–168]; ср. [Алексеев 2003].

573 См. [Кондаков 1906. С. 41].

574 См. [Щавелева 2004. С. 273, 274, 396–397].

575 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 49 под 955 г.]; ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 61].

Скорее всего, именно царица Елена, мать Константина Великого, стала небесной покровительницей княгини Ольги. Однако на выбор крестильного имя *Елена*, несомненно, повлиял тот факт, что *Еленой* звали жену императора Константина Багрянородного, который, судя по летописному рассказу[576], стал восприемником Ольги при крещении. Таким образом, Ольга-Елена была наречена в честь императрицы Елены Лакапины, и, как и императрица, находилась под патронатом св. царицы Елены (21 мая)[577].

Тот факт, что в византийском описании приема Ольги-Елены императором Константином Багрянородным русская княгиня фигурирует не под своим христианским, а под языческим именем (*Эльга*), служило аргументом в полемике о дате крещения Ольги[578]. Однако, как показал А.В. Назаренко, древнерусские князья X — XI вв. своим официальным именем часто считали имя династическое, княжеское, а не крестильное, и именно его могли использовать в официальных ситуациях[579].

ОЛЬГА-ЕВФРОСИНИЯ, дочь Юрия Долгорукого, внучка Владимира-Василия Мономаха, правнучка Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича. Приняла постриг. Ум. в 1181/83 г.

Иноческое имя этой дочери Юрия Долгорукого приводится вместе с княжьим в летописном упоминании о ее кончине:

«Престависа блг҃овѣрнаꙗ кнѧгыни Ѡлга нареченаꙗ чернечьскы Ѥуѳросиньꙗ м҃ца иоулиꙗ въ д дн҃ь И положена бы҃ в ст҃ѣи Бц҃и в Володимери»[580].

Крестильное имя Ольги Юрьевны в источниках отсутствует. Н.М. Карамзин предполагал, что дочь Долгорукого звалась в крещении *Еленой*[581]. В этом, разумеется, нет ничего невозможного, но никаких прямых данных на сей счет у нас нет. Впрочем, у этой достаточно произ-

---

576 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 61].

577 Ср. [Приселков 2003. С. 28; Назаренко 1999. С. 303–304; Б.А. Успенский 2002. С. 274. Примеч. 8; Молчанов 2004. С. 81].

578 См. об этом подробнее: [Назаренко 2001. С. 219–310], с подробным обзором точек зрения и указанием литературы.

579 См. [Назаренко 2001. С. 273–275].

580 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 389 под 1183 г.]; ср. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 624 под 1181 г.; Т. XV: Тверская летопись. Стб. 268; Т. XL. С. 97, 100]. Свидетельство Никоновской летописи можно понять таким образом, что ее составитель считал Ольгу-Евфросинию Юрьевну женой, а не дочерью Юрия Долгорукого: «преставися благовѣрная великая княгини великого князя Юрьа Долгорукаго, нарицаемаа Олга, во святѣмъ же иноческомъ образѣ Ефросиніа...» [ПСРЛ. Т. Т. X. С. 8 под 1182 г.].

581 См. [Карамзин. Т. II. Примеч. 405]. В указателе П.М. Строева Ольга и Елена ошибочно рассматриваются как два самостоятельных лица [Строев 1844. Стб. 90, 180].

вольной и шаткой реконструкции может быть косвенное подтверждение в имянаречении одной из дочерей Всеволода Большое Гнездо (брата Ольги Юрьевны), Елены Всеволодовны (см. выше).

ПАВЕЛ, см. ОЛЕГ-ПАВЕЛ

ПАНКРАТИЙ, см. ЯРОСЛАВ-ПАНКРАТИЙ

ПАНТЕЛЕЙМОН, см. ИЗЯСЛАВ-ПАНТЕЛЕЙМОН

ПЕЛАГЕЯ, см. СБЫСЛАВА-ПЕЛАГЕЯ

ПЕТР, см. ВЛАДИМИР-ПЕТР

ПЕТР, см. ЯРОПОЛК-ПЕТР

П(Е)РЕДСЛАВА-ЕВФРОСИНИЯ (ПОЛОЦКАЯ), дочь Георгия[582], внучка Всеслава, правнучка Брячислава Изяславича. Приняла постриг. Ум. в 1173 г. в Иерусалиме.

Сведения о монашеском имени святой содержатся в Житии Евфросинии Полоцкой:

«...и огласив ю іерей, и остриже ю и нарече имя ей Евфросинія; и облече ю въ черныя ризы»[583].

Крестильное имя полоцкой святой в источниках не упоминается, отмечено лишь, что ее звали мирским именем *П(е)редслава*, «тако бо нарекоста ей имя преже крещения ея»[584].

Известен крест Евфросинии Полоцкой, на котором имеется, в частности, патрональное изображение св. Евфросинии и св. Георгия, небесного покровителя ее отца[585]. На этом кресте упомянуто и иноческое имя княжны.

По мнению В.Л. Янина, П(е)редславе-Евфросинии принадлежала печать с изображением св. Евфросинии и Преображения (другой вариант — св. Евфросинии и Христа) и надписью, содержащей слегка видоизмененную благопожелательную формулу с упоминанием христианского имени владелицы[586].

Никаких точных сведений, кто именно из свв. Евфросиний стал небесной покровительницей П(е)редславы, у нас нет, однако с наибольшей вероятностью это могла быть Евфросиния Александрийская, впоследствии весьма почитаемая в роду Рюриковичей[587].

ПОЗВИЗД, сын Владимира-Василия Святого, внук Святослава, правнук Игоря Рюриковича и Ольги-Елены. Кн. волынский[588].

---

582 О том, кем был отец полоцкой княгини, см. выше — Георгий, сын Всеслава, а также Ростислав, сын Всеслава, и Святослав, сын Всеслава.

583 См. [ПЕП. С. 173].

584 См. [ПЕП. С. 173]..

585 См. [Штыхов 1965. С. 244; Алексеев 1957]; ср. [Янин 1970. Т. I. С. 102].

586 См. [Янин 1970. Т. I. С. 231–232, 234; Янин, Гайдуков 1998. С. 41, 127].

587 См. Евфросиния-Измарагд и Феодулия-Евфросиния.

588 Высказывалось предположение, что у Позвизда в крещении было имя *Василий* (см. подробнее: [Карпов 1997. С. 120; Пчелов 2001. С. 204]). Предположение это ос-

ПРАСКОВЬЯ, см. АЛЕКСАНДРА-ПРАСКОВЬЯ

РОГВОЛОД-ВАСИЛИЙ, сын Бориса, внук Всеслава, правнук Брячислава Изяславича. Кн. полоцкий.

В древнейших летописных источниках христианское имя этого князя отсутствует. Оно зафиксировано в надписи на камне, найденном неподалеку от Друцка:

«Въ лѣ [то] 6679 <1171 г.> м[ѣся]ца мѧ въ 7 д[е]нь <Знамение Креста Господня в Иерусалиме > доспенъ кр[ест]ъ сиі. Г[оспод]и помози [р]абу своюєму Василию в кр[е]щениі іменемъ Рогволоду с[ы]ну Борисову» [589].

Те же сведения о крестильном имени Рогволода Борисовича *Василий* приводятся в Хронике Литовской и Жмотийской, Хронике Быховца и сочинении Матея Стрыйковского (XVI в.) [590].

РОГВОЛОД, сын Всеслава, внук Брячислава, правнук Изяслава Владимировича-Васильевича. Кн. полоцкий.

В современной историографии укоренилась точка зрения, согласно которой этого князя звали в крещении *Борисом* [591]. Единственный источник, который позволяет согласиться с этой гипотезой, — это Густынская летопись:

«Преставися князь Полоцкий Рогволдъ, или Борисъ» [592].

В древнейших летописях в соответствующей погодной статье сообщается о том, что преставился «кнѧзь Полотьскыи Борисъ» [593]. Этому свидетельству предшествует, правда, рассказ о попытке полочан сделать полоцким князем Рогволода. Вывод о тождестве упоминаемых здесь лиц делается, таким образом, на основании смежности погодных статей и весьма ненадежных показаниях Густынской летописи.

Мы полагаем, вслед за целом рядом историков XIX в. [594], что у Всеслава Брячиславича, среди прочих, было два сына: Борис Всеславич

новывается на данных Рогожского летописца, где в перечне сыновей Владимира под 988 г. на том месте, где в других летописях в аналогичных перечнях стоит имя *Позвизд*, указано имя *Василько*: «...Борисъ, Глѣбъ, Станиславъ, Василко, Соудиславъ» (см. [ПСРЛ. Т. XV: Рогожский летописец. Стб. 16]).

589 См. [Рыбаков 1964. С. 33].

590 См. [ПСРЛ. Т. XXXII. С. 23, 131]; подробнее об этом: [Карамзин. Т. IV. Примеч. 103]; ср. [Флоря 1995].

591 См. [Алексеев 1975. С. 230; Рапов 1977. С. 58–59; Янин, Гайдуков 1998. С. 40]; ср. [Флоря 1995. С. 113; Рукавишников 2002. С. 44, 48, 51].

592 См. [ПСРЛ. Т. XL. С. 77].

593 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 299]; ср. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 293].

594 См. [Карамзин. Т. II. Примеч. 251; Соловьев 1988. С. 401, 684. Примеч. 186; Данилевич 1896. С. 71. Примеч. 54. С. 72; Baumgarten 1927. P. 32. Tab. VIII. №№ 7, 8];

(см. выше) и Рогволод Всеславич, чье крестильное имя осталось неизвестным. Косвенным образом в пользу этой версии свидетельствует и общее распределение имен в семье Всеслава Брячиславича. Среди имен его сыновей фигурирует не только *Борис*, но и *Глеб*, *Давид* и *Роман*. Можно предположить, что все четыре имени святых братьев Глеба-Давида и Бориса-Романа давались в этой семье как самостоятельные имена, каждое из которых совмещало в себе функции крестильного и родового.

Таким образом, мы исходим из того, что крестильное имя Рогволода Всеславича остается для нас неизвестным.

РОГНЕДА-ГОРЕСЛАВА / ГОРИСЛАВА-(АНАСТАСИЯ?), дочь Рогволода Полоцкого. Приняла постриг (?). Ум. в 1000 г.

Сведения о монашеском имени Рогнеды Рогволодовны, одной из жен Владимира Святого, содержатся в Тверской и Густынской летописях, в Житии св. Владимира, а также и у В.Н. Татищева:

«Рогнѣдъ же пострижеся во иночество, и нареченно бысть имя ей Анастасия»[595].

Не исключено, что имя *Анастасия* присутствовало в именослове семьи Ярослава Мудрого, одного из сыновей Рогнеды. По свидетельству Яна Длугоша, именно так звали дочь князя (внучку Рогнеды Рогволодовны), вышедшую замуж за венгерского короля Андрея[596]. Если одна из Ярославен и в самом деле носила имя *Анастасия*, это делает несколько более убедительными данные об иноческом имени ее бабки.

РОМАН, см. БОРИС-РОМАН

РОМАН, сын Владимира-Василия Мономаха, внук Всеволода-Андрея, правнук Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича Мудрого. Кн. волынский. Ум. в 1119 г.

Христианское имя князя зафиксировано в Лаврентьевской, Ипатьевской и других более поздних летописях, никакого другого имени этого князя в источниках не приводится.

По всей видимости, имя *Роман* в данном случае совмещало в себе функции родового и крестильного. При этом Роман Владимирович, скорее всего, находился под патронатом своего предка св. Бориса-Романа. Отметим, что у сына Мономаха и св. Бориса-Романа Владимировича-Васильевича совпадали не только христианские имена, но и отчества.

о попытках отождествить Рогволода и Бориса в XIX столетии см. подробнее: [Данилевич 1896. С. 71. Примеч. 54.]).

595 См. [ПСРЛ. Т. XL. С. 45]; ср. [ПСРЛ. Т. XV: Тверская летопись. Стб. 113; Карамзин. Т. I. Примеч. 462].

596 См. подробнее: [Штернберг 1984. С. 181; Щавелева 2004. С. 256, 390], с указанием литературы. В весьма позднем источнике, Синопсисе Иннокентия Гизеля, упоминается еще одна княгиня с именем *Анастасия*, правнучка Ярослава Мудрого, дочь Ярополка Изяславича [Синопсис 2000. С. 445].

Мы располагаем рядом свидетельств о том, что Владимир Мономах, отец князя, особо чтил именно св. Бориса-Романа. Так, во время перенесения мощей святых братьев в 1115 г. Владимир Мономах возглавляет торжественную процессию с мощами Бориса[597], «ст҃го Бориса дн҃ь» упоминает Владимир Мономах и в своем «Поучении»[598].

РОМАН, сын Всеслава, внук Брячислава, правнук Изяслава Владимировича-Васильевича. Ум. в 1116 г.[599] или в 1114 г.[600] (по В.Н. Татищеву, в 1113 г.).

Христианское имя зафиксировано в летописи и косвенно в Житии Евфросинии Полоцкой, где упоминается «княгиня Романовая», игуменья монастыря, постригавшая св. Евфросинию[601].

Один из ранних случаев имянаречения, когда князь получил крестильное имя своего родича св. Бориса-Романа Владимировича (см. выше). Следует отметить, что в семье Всеслава Брячиславича мирские и крестильные имена свв. Бориса-Романа и Глеба-Давида были распределены между четырьмя братьями, сыновьями полоцкого князя, причем каждое из них фигурировало, по-видимому, как единственное, совмещая в себе функции родового и христианского.

Неубедительной и противоречивой представляется гипотеза В.Л. Янина и П.Г. Гайдукова, которые, пытаясь определить принадлежность печатей из Дрогичина и Смоленска с изображением св. Дмитрия, предположили, что Романа Всеславича могли звать «в крещении» (?!) *Дмитрием*[602].

РОМАН, сын Глеба, внук Ростислава, правнук Ярослава-Панкратия Святославича-(Николавевича?). Кн. рязанский. Ум. в 1216 г. (?)

Этот князь фигурирует в летописях исключительно под христианским именем *Роман*. По всей видимости, оно совмещало в себе функции родового и крестильного. Точная дата рождения и обстоятельства имянаречения неизвестны. Существенно, однако, что он, будучи старшим сыном своего отца, Глеба Ростиславича (см. выше), получил имя, перекликающееся с отцовским, — отец носил имя одного из братьев-мучеников, св. Глеба-Давида Владимировича, тогда как сын, судя по всему, получил имя в честь другого брата, св. Бориса-Романа Владимировича.

РОМАН, сын Даниила, внук Романа, правнук Мстислава Изяславича-Пантелеймоновича. Ум. в 1258/59 г.

Христианское имя князя многократно зафиксировано в Ипатьевской летописи, польских и австрийских источниках, а также в папских

---

597 См. [Абрамович 1916. С. 65]; ср. [Алешковский 1972. С. 117–118].

598 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 249].

599 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 284].

600 См. [ПСРЛ. Т. IX. С. 143].

601 См. [ПЕП. С. 173].

602 См. [Янин, Гайдуков 1998. С. 40].

буллах Иннокентия IV[603]. Какое-либо другое имя князя в источниках отсутствует.

Судя по всему, Роман Данилович был наречен именем деда по отцу (см. ниже), имя *Роман* в данном случае совмещало в себе функции родового и крестильного.

РОМАН, сын Игоря, внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича-Панкратьевича. Кн. рязанский. Убит в 1217 г.

Сведения об этом князе крайне немногочисленны и фрагментарны, а потому сказать что-то определенное о функционировании его имени затруднительно. Весьма вероятно, однако, что он был назван в честь родного дяди, Романа Глебовича (см. выше), старшего брата своего отца.

РОМАН, сын Ингваря-(Козьмы?), внук Игоря, правнук Глеба Ростиславича. Кн. рязанский.

Этот князь фигурирует в летописях исключительно под христианским именем. При этом сведения о нем несколько противоречивы. Все же весьма вероятно, что свое имя он получил в честь дяди, Романа Игоревича (см. выше). Правда, мы не можем определенно утверждать, произошло ли это при жизни или после смерти последнего.

Отметим, что у Романа Ингваревича был двоюродный дед, носивший то же имя, и его фигура также могла повлиять на имянаречение этого князя.

Скорее всего, он носил имя *Роман* в качестве единственного (совмещающего в себе функции родового и крестильного) — хотя упоминания о нем самом не слишком многочисленны, необходимо принять во внимание и тот факт, что исключительно под христианским именем *Роман* фигурируют в летописях и его упоминавшиеся старшие родичи-тезки.

РОМАН, сын Мстислава, внук Изяслава-Пантелеймона, правнук Мстислава-Федора Владимировича-Васильевича Великого. Кн. галицко-волынский. Ум. в 1205 г.

Христианское имя князя надежно зафиксировано в летописях и польских источниках. Какое-либо другое имя этого князя не упоминается.

Содержащееся в некоторых современных работах[604] утверждение о том, что Роман Мстиславич имел также имя *Борис*, основанное исключительно на презумпции «постоянной синонимии» (выражение В.Л. Янина) имен *Борис* и *Роман*, *Глеб* и *Давид* в антропонимиконе Рюриковичей, представляется некорректным и несоответствующим действительности. Остается совершенно неясным, в частности, статус элементов, составляющих подобное именование **Борис-Роман* (или **Роман-Борис*) в домонгольскую эпоху, поскольку оба имени в этой реконструкции считаются крестильными (?). Кроме того, мы не знаем ни од-

---

603 См. подробнее специальный очерк об этом князе в работе: [Dąbrowski 2002. S. 115–139], с указанием литературы.

604 См., например: [Янин 1970. Т. I. С. 92, 93; Рапов 1977. С. 175].

ного зафиксированного в письменных источниках случая подобного рода «двуименности» у князей.

Полагаем, что имя *Роман* в данном случае совмещало в себе функции родового и крестильного. При этом Роман Мстиславич, скорее всего, находился под патронатом своего предка св. Бориса-Романа Владимировича.

По мнению В.Л. Янина, Роману Мстиславичу принадлежала печать с изображениями свв. Бориса и Глеба и св. Федора[605]

РОМАН, сын Ростислава-Михаила, внук Мстислава-Федора Великого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Кн. смоленский и киевский. Ум. в 1180 г.

Христианское имя князя надежно зафиксировано в летописных источниках. Уподобление этого князя св. Борису-Роману содержится в плаче княгини по своем муже :

«...ц^с^рю мои бл҃гыи кроткыи смиреныи правдивыи во истиноу тебе нарчено имя Романъ <...> многиꙗ досады приꙗ ѿ Смолнѧнъ и не видѣ тѧ г^с^не николи же противоу ихъ злоу»[606].

Какие бы то ни было другие имена этого князя в источниках отсутствуют. Содержащееся в некоторых современных работах[607] утверждение о том, что Роман Ростиславич носил также имя *Борис*, основанное исключительно на презумпции «постоянной синонимии» (выражение В.Л. Янина) имен *Борис* и *Роман*, *Глеб* и *Давид* в антропонимиконе Рюриковичей, представляется некорректным и несоответствующим действительности. В частности, остается неясным статус элементов, из которых состоит подобное именование **Борис-Роман* (или **Роман-Борис*) в домонгольскую эпоху, поскольку оба имени в этой реконструкции считаются крестильными (?). Кроме того, мы не знаем ни одного зафиксированного в письменных источниках случая подобного рода «двуименности» у князей.

Полагаем, что имя *Роман* в данном случае совмещало в себе функции родового и крестильного. При этом Роман Ростиславич, скорее всего, находился под патронатом своего предка св. Бориса-Романа Владимировича.

По мнению В.Л. Янина, Роману Ростиславичу принадлежала печать с изображениями св. Бориса и архангела[608].

Имя *Борис* было дано в крещении сыну Романа Ростиславича — Мстиславу Старому (см. выше). Таким образом, у отца и сына был один и тот же патрональный святой, но различные христианские имена.

---

605 См. [Янин 1970. Т. I. С. 94–95, 98, 200; Янин, Гайдуков 1998. С. 44, 135].

606 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 617].

607 См., например: [Янин 1970. Т. I. С. 92, 93; Рапов 1977. С. 159].

608 См. [Янин 1970. Т. I. С. 202; Янин, Гайдуков 1998. С. 45, 137].

РОМАН (КРАСНЫЙ), сын Святослава-(Николая?), внук Ярослава-Георгия Мудрого, правнук Владимира-Василия Святославича Святого. Кн. тмутараканский. Ум. в 1079 г.

Христианское имя зафиксировано в летописях, сведения о мирском имени в источниках отсутствуют. Весьма вероятно, что мирского имени у князя не было вовсе, а имя *Роман* совмещало в себе функции родового и крестильного.

Это один из ранних случаев, когда князь получил крестильное имя своего родича св. Бориса-Романа Владимировича (см. выше). Однако вопрос о патрональном святом Романа Святославича остается открытым: если верно предположение В.Л. Янина о том, что найденные неподалеку от Киева и в Новгороде печати принадлежали именно Роману Святославичу, то своим небесным покровителем, судя по изображению на буллах, князь считал Романа Сладкопевца, т.е. того же святого, который был патроном Бориса-Романа Владимировича[609].

На выходной миниатюре Изборника Святослава Ярославича 1073 г. сохранилось изображение Романа Святославича с соответствующей подписью «рѡманъ»[610].

РОСТИСЛАВ, сын Владимира, внук Ярослава-Георгия Мудрого, правнук Владимира-Василия Святославича Святого. Кн. тмутараканский. Ум. в 1067 г. (по В.Н. Татищеву, в 1065 г.).

Сведения о том, что Ростислав Владимирович в крещении был *Михаилом*, содержатся только в сочинении В.Н. Татищева[611]. Если эти сведения верны, то имя *Михаил* получили в крещении три внука Ярослава Мудрого, появившиеся на свет при жизни деда. Четвертый же, Ростислав-(Михаил??) Всеволодич (см. ниже), в таком случае был наречен в честь недавно умершего кузена и получил не только его мирское имя, но, возможно, и крестильное.

РОСТИСЛАВ, сын Всеволода-Андрея, внук Ярослава-Георгия Мудрого, правнук Владимира-Василия Святославича Святого. Кн. переяславский. Ум. в 1093 г.

Крестильное имя князя в источниках отсутствует, однако в летописи содержится сообщение о строительстве церкви св. Михаила, начатом сразу же после рождения княжича:

«Родисѧ оу Всеволода сн҃ъ и нарекоша именем Ростиславъ в се же лѣто заложена бы^с^ цр҃кы ста^г^ Михаила в монастырѣ Всеволожи»[612].

Традиционно эти известия связываются между собой и делается вывод о том, что Всеволод Ярославич заложил храм в честь патрональ-

609 См. [Янин 1970. Т. I. С. 31–32, 173; Янин, Гайдуков 1998. С. 25, 116].

610 См. [Кондаков 1906. С. 41].

611 См. [Татищев. Т. II. С. 78]; ср. [Баумгартен 1908. С. 3–5, 7].

612 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 174 под 1070 г.].

ного святого своего новорожденного сына[613]. Вероятность того, что Ростислав Всеволодич был в крещении *Михаилом*, не так уж мала; подобное сочетание крестильного и мирского имени дважды повторяется позднее у потомков Владимира Мономаха (см. ниже).

РОСТИСЛАВ, сын Всеслава, внук Брячислава, правнук Изяслава Владимировича-Васильевича. Кн. полоцкий.

В Житии Евфросинии Полоцкой отцом святой назван младший сын Всеслава Брячиславича, князь по имени *Георгий*[614]. Одни исследователи отождествляют его с с Ростиславом Всеславичем[615], тогда как другие — со Святославом Всеславичем (см. ниже). То обстоятельство, что отец Евфросинии, не известный нам по мирскому имени, носил христианское имя *Георгий*, подтверждается патрональными изображениями св. Георгия на кресте Евфросинии[616].

РОСТИСЛАВ-МИХАИЛ, сын Мстислава-Федора Великого, внук Владимира-Василия Мономаха, правнук Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича. Кн. киевский. Ум. в 1168 г.

Крестильное имя князя известно из летописного рассказа о рождении его внука, Ростислава Рюриковича (см. ниже), который был назван в честь деда и получил «въ стмь крщньи дѣдне имѧ Михаило»[617]. Кроме того, в летописи приводится предсмертная молитва князя Ростислава:

«...помилуи мене грѣшнаго раба своеґ Михаила»[618].

Напрямую *Михаилом* князь называется также в подтвердительной грамоте смоленского епископа Мануила от 30 сентября 1151 г.:

«Се яз, худый и грешный и недостойный епископ Маноил, с благородным и христолюбивым князем моим Михаилом...»[619].

Кроме того, крестильное имя князя приводится в Родословной книге[620].

Любопытно, что церковь во имя архангела Михаила возводит не только Рюрик-Василий Ростиславич, отец нареченного в честь деда Ростислава-Михаила Рюриковича, но и еще один сын Ростислава Мстиславича, Давыд Ростиславич[621].

---

613 Ср., например: [Куза 1977. С. 123; Янин, Гайдуков 1998. С. 26]. А.Н. Кирпичников связывал с рождением Ростислава Всеволодича строительство еще одной церкви св. Михаила, в Переяславле Южном [Кирпичников 1977. С. 430–431].

614 См. [ПЕП. С. 172].

615 См., например: [Baumgarten 1927. P. 32. Tab. VIII; Алексеев 1975. С. 231].

616 См. [Штыхов 1965. С. 244].

617 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 567].

618 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 532 под 1168 г.].

619 См. [ПРП. С. 43].

620 См. [Родословная книга. С. 37].

621 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 703].

По мнению В.Л. Янина, Ростиславу Мстиславичу принадлежат некоторые княжеские буллы с изображением архангела Михаила и св. Федора (патронального святого Мстислава Великого, отца Ростислава)[622].

РОСТИСЛАВ-МИХАИЛ, сын Рюрика-Василия, внук Ростислава-Михаила, правнук Мстислава-Федора Владимировича-Васильевича Великого. Кн. киевский. Ум. в 1218 г.

В летописи содержится рассказ о наречении этого князя как мирским, так и крестильным именем:

«...а и бы^с^ на Лучинѣ верьбноѣ недѣлѣ в пѧтокъ слнцю въсходѧщю родисѧ оу него сн҃ъ и нарекоша и въ стмь крщньи дѣдне имѧ Михаило а кнѧже Ростиславъ дѣдне же имѧ и бы^с^ радость велика ѡ роженьи его и дасть ему оц҃ь его Лучинъ городъ вѣ нѣмже родисѧ и поставиша на томь мѣстѣ цркв҃ь ст҃го Михаила кде сѧ родилъ»[623].

Отметим, что указанная в летописи дата рождения Ростислава Рюриковича весьма далеко отстоит от каких бы то ни было дней, традиционно связанных с общехристианским михайловским культом[624]. Таким образом, внук был со всей очевидностью назван именно в честь деда, а не в строгом или приблизительном соответствии с церковным календарем.

В.Л. Янин предположил, что часть печатей с изображениями св. Василия и архангела Михаила, обычно присваиваемых отцу Ростислава, Рюрику-Василию Ростиславичу-Михайловичу (см. ниже), могла принадлежать на деле Ростиславу Рюриковичу[625].

РОСТИСЛАВ, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира-Василия Мономаха, правнук Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича. Кн. переяславский. Ум. в 1152 г.

Можно встретить указание на то, что крестильным именем этого князя было *Иаков*. Единственное основание — сфрагистическая реконструкция В.Л. Янина, который атрибутирует сыновьям Ростислава Юрьевича, Ярополку Ростиславичу и Мстиславу Ростиславичу, печати с изображением Иакова Брата Господня и св. Федора, а также Иакова Брата Господня и Иоанна Богослова[626].

РОСТИСЛАВ-ИОАНН, сын Ярослава[627], внук Всеволода-Кирилла, правнук Олега-Михаила Святославича-(Николаевича?). Кн. сновский.

---

622 См. [Янин 1970. Т. I. 117, 197; Янин, Гайдуков 1998. С. 44, 132–133].

623 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 567 под 1173 г.]. В Густынской летописи Ростислав Рюрикович ошибочно назван *Мстиславом* [ПСРЛ. Т. XL. С. 96].

624 См. [Лосева 1996. С. 64–65].

625 См. [Янин 1970. Т. I. С. 117].

626 См. [Янин 1970. Т. I. С. 118–120, 141; Янин 1972. С. 243–244]; ср. [Янин, Гайдуков 1998. С. 42]

627 Можно встретить указание на то, что крестильным именем этого князя было *Прокопий*, однако прямых данных, кроме не вполне ясных сфрагистических, на этот счет нет (см. [Янин 1970. Т. I. С. 122–123]).

Крестильное имя упоминается в летописном сообщении о появлении князя на свет:

«В то же времѧ родисѧ Ꙗрославу сн҃ъ и нарекоша имѧ ему Ростиславъ а въ крщеньи Иванъ бѣ бо родилъсѧ вь рж^с^тво Ивана Кр^с^тителѧ»[628].

Перед нами отмеченный летописью случай наречения мальчика в княжеской семье по дню рождения, который приходился, судя по всему, на 24 июня (именно в этот день церковь празднует Рождество Иоанна Предтечи).

По мнению В.Л. Янина, этому князю принадлежали найденные в Новгороде и в Волгоградской области печати с изображениями св. Иоанна и св. Прокопия (предполагаемого патронального святого отца князя Ростислава — Ярослава Всеволодича)[629].

РОСТИСЛАВА[630]-ФЕОДОСИЯ-ЕВФРОСИНИЯ, дочь Мстислава Удатного, внучка Мстислава Храброго, правнучка Ростислава-Михаила Мстиславича-Федоровича. Приняла постриг. Ум. в 1244 г.

Крестильное и иноческое имя княгини указываются в летописном сообщении о ее кончине:

«Преставися княгыни Ярославляя, постригшися у святого Георгия в манастыри; ту же и положена бысть, сторонь сына своего Федора, мѣсяца маия въ 4, на память святыя Ирины; наречено бысть имя еи Ефросинья»[631].

В Никоновской летописи, в связи с кончиной Ростиславы Мстиславны, приводится уникальный комментарий к обстоятельствам наречения княгини монашеским именем:

«Того же лѣта преставися великая княгини Ярослава Всеволодичя Феодосіа въ Новѣградѣ, и положена бысть въ Юрьевѣ манастырѣ, а во мнишескомъ чину наречена бысть Еѳросинія, понеже тогда даваху имена не съ перваго слова, но въ который день постризашеся кто во иноци, того дни и имя даваху, или потомъ въ той же день»[632].

Как было показано в целом ряде исторических исследований, именно вторая жена Ярослава Всеволодича, Ростислава Мстиславна,

---

628 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 568 под 1174 г.].

629 См. [Янин 1970. Т. I. С. 123, 129, 210].

630 Княжеское имя Ростислава зафиксировано в единственном источнике — Летописце Переяславля Суздальского, в сообщении о ее браке [ПСРЛ. Т. XLI. С. 131 под 1214 г.].

631 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 79 под 1244 г.]; ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 477 под 1263 г.]. Крестильное имя княгини упоминается также в Житии Александра Невского (см. [Бегунов 1965. С. 160]; ср. [Бегунов 2003. С. 193, 201]).

632 См. [ПСРЛ. Т. X. С. 129 под 1244 г.]. Едва ли случайно, что в чем-то сходный комментарий к выбору монашеского имени мы обнаруживаем в Житии суздальской княжны Феодулии, в иночестве Евфросинии (см. ниже).

была матерью всех детей этого князя, и именно она называется в летописи Феодосией (в иночестве Евфросинией)[633].

Если отец княгини, Мстислав Мстиславич (см. выше), в крещении был действительно Федором, то весьма вероятно, что крестильное имя его дочери, Феодосия, перекликалось и с христианским именем отца, и с именем ее старшего сына, Федора Ярославича (см. ниже). Эта возможность тем более любопытна, что родовое имя княгини, Ростислава, является женским вариантом имени ее прадеда — Ростислава Мстиславича (см. выше).

РЮРИК-ВАСИЛИЙ, сын Ростислава-Михаила, внук Мстислава-Федора Великого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Кн. киевский. Насильно был пострижен в монахи, но затем, по выражению летописца, «смета с себе чернечьскыѣ порты и сѣде Кыєвѣ»[634]. Ум. в 1215 г.[635] (по В.Н. Татищеву, в 1211 г.).

Крестильное имя князя известно из летописи:

«...и вдохноувъ мысль блгоу во бгоприꙗтное ср^д^це великомоу кнзю Рюрикови по порожению же еже ѿ бж^с^твеныꙗ коупели дхмъ пронареченоу Василью сноу Ростиславлю»[636].

Патронат св. Василия подтверждается отмеченными в летописи фактами церковного строительства:

«Того же лѣта созда великыи болюбивыи кнзь Рюрикъ црквь стго Васильꙗ во имѧ свое в Кыевѣ на Новомъ дворѣ»[637].

Церковь была освящена «великим священием» 1 января, т.е. на память св. Василия Великого, епископа Кесарии. Кроме того, известна церковь св. Василия, возведенная по заказу Рюрика Ростиславича зодчим Милонегом-Петром в городе Овруч.

Судя по всему, Рюрик Ростилавич унаследовал крестильное имя прадеда. Обстоятельства имянаречения неизвестны. Неизвестно и иноческое имя князя, принятое при насильственном постриге.

По мнению В.Л. Янина, Рюрику Ростиславичу принадлежал ряд печатей с изображениями св. Василия Кесарийского и архангела Михаила[638].

---

633 См. [Экземплярский. Т. I. С. 18–19. Примеч. 42]; ср. [Толстой 1887. С. 219. № 402. С. 226–227. № 411; Кучкин 1986, с указанием литературы].

634 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 426 под 1206 г.].

635 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 438]; ср., однако: [ПСРЛ. Т. VII. С. 235 под 6717 г.; Т. XL. С. 115 под 1219 г.].

636 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 708 под 1199 г.].

637 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 707 под 1198 г.].

638 См. [Янин 1970. Т. I. С. 116–117, 200; Янин, Гайдуков 1998. С. 45, 135]. Впрочем, по предположению В.Л. Янина, некоторые из этих печатей могли принадлежать сыну Рюрика, Ростиславу-Михаилу (см. выше).

САВВА, см. АНДРЕЙ-САВВА

СБЫСЛАВА-ПЕЛАГЕЯ, дочь Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, внучка Юрия Долгорукого, правнучка Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха.

Крестильное имя княжны упомянуто в летописной записи о ее рождении:

«Того же лѣт до Дмитрова дни родиса оу великого Всеволода четвертаꙗ дчи и нарекоша има во стмь крщнии Полагьꙗ а кнзя Сбыслава»[639].

Празднование свв. Пелагей (Антиохийской, Палестинской и Тарсийской) приходится на 7 и 8 октября. Таким образом, если учитывать, что девочек могли называть, отсчитывая по месяцеслову не вперед, а назад, Сбыслава-Пелагея, скорее всего, появилась на свет между 8 и 26 октября (память Дмитрия Солунского).

СВЯТОПОЛК-МИХАИЛ, сын Изяслава-Дмитрия, внук Ярослава-Георгия Мудрого, правнук Владимира-Василия Святославича Святого. Кн. киевский. Ум. в 1113 г.

Крестильное имя князя сообщается в летописной записи о его кончине:

«...престависа благовѣрныи кнзь Михаилъ зовемыи Стополкъ <...> и положиша въ црькви стго Михаила юже бѣ самъ создалъ»[640].

Крестильное имя Святополка Изяславича упомянуто также в «Хождении игумена Даниила»[641].

Патрональным святым Святополка Изяславича был, судя по всему, архангел Михаил. Любопытно при этом, что в сообщении о закладке Михайловской Златоверхой церкви (Михайловского (Святополчь) монастыря?), помещенном в летописи под 1108 г., содержится точная дата начала строительства — 11 июля[642]; 12 же июля церковь отмечает память св. Михаила Малеина.

С личностью Святополка-Михаила связано, вероятно, одно из самых первых упоминаний в летописных источниках празднования именин (незадолго до Собора архистратига Михаила (8 ноября)

---

639 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 613 под 1178 г.].

640 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 275 под 1113 г.]; ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 289]. Ср. также в Никоновской летописи: «...преставися благовѣрный великий князь Михайло Изяславичь, зовомый Святополкъ...» [ПСРЛ. Т IX. С. 143].

641 См. [Путешествие игумена Даниила... С. 155; Веневитинов 1885. С. 140; ПСРЛ. Т. XLIII. С. 313]; ср. [Янин 1960].

642 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 283; Т. II. Стб. 259].

Святополк приглашает остаться на свои именины Василько Теребовльского)[643].

В.Л. Янин связывает с новгородским периодом княжения Святополка Изяславича одну староладожскую и несколько новгородских печатей с изображением архангела Михаила и греческой надписью, с киевским же периодом княжения — целую группу печатей, также несущих на себе изображение архангела[644].

Доподлинно известно, что крестильное имя Михаил получили два внука Ярослава Мудрого, — Святополк-Михаил Изяславич и Олег-Михаил Святославич (см. выше), возможно, впрочем, что это христианское имя было дано еще двум внукам Ярослава, Ростиславу Владимировичу и Ростиславу Всеволодичу (см. выше). Не исключено, что имена для старших из них выбирал дед, который был жив к моменту их рождения.

Вместе с тем обращает на себя внимание определенная семантическая связь между мирским и крестильным именем Святополка-Михаила Изяславича: едва ли можно считать случайным то обстоятельство, что имя предводителя небесного воинства, архистратига Михаила, было дано именно княжичу с исконным двусоставным именем Свято-полк.

СВЯТОПОЛК, сын Мстислава-Федора Великого, внук Владимира-Василия Мономаха, правнук Всеволода-Андрея Ярославича-Георгиевича. Кн. волынский. Ум. в 1154 г.

В научной литературе можно встретить указание на то, что крестильным именем этого князя было Иоанн. Единственное основание — сфрагистическая реконструкция В.Л. Янина, который атрибутирует Святополку Мстиславичу печати с изображением св. Иоанна Предтечи и св. Федора[645].

СВЯТОПОЛК (ОКАЯННЫЙ), сын Ярополка или Владимира-Василия Святого, внук Святослава, правнук Игоря Рюриковича и Ольги-Елены. Кн. туровский и киевский.

Христианское имя Святополка в письменных источниках не зафиксировано, считается, что в крещении он был Петром. Именно это имя («Петрос» или «Петор») засвидетельствовано печатью и монетами, которые, по единодушному мнению исследователей, князь чеканил во время своего правления в Киеве[646]. Предполагается, что при наречении Святополка крестильным именем Петр ориентировались на именослов болгарской династии[647].

---

643 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 258 под 1097 г.; Т. II. Стб. 232].

644 См. [Янин 1970. Т. I. С. 30; 82, 149, 173, 183; Янин, Гайдуков 1998. С. 25, 40, 116, 123].

645 См. [Янин 1970. Т. I. С. 111–113, 125, 195–196; Янин, Гайдуков 1998. С. 43, 131].

646 См. подробнее: [Янин 1956а. С. 163–169; Янин 1970. Т. I. С. 38–39; Сотникова, Спасский 1983. С. 82–96, 180–196. № 177–218; Янин, Гайдуков 1998. С. 18–19, 113]; ср. [Янин 1999. С. 300–301; Назаренко 2001. С. 274, 382].

647 Ср. [Молчанов 2004. С. 82].

СВЯТОСЛАВ, сын Всеволода-Кирилла, внук Олега-Михаила, правнук Святослава-(Николая?) Ярославича-Георгиевича. Кн. киевский. Ум. в 1194 г., перед кончиной принял постриг.

В научной литературе можно встретить указание на то, что крестильным именем этого князя было *Михаил*. Единственное основание — сфрагистическая реконструкция В.Л. Янина, который атрибутирует Святославу Всеволодичу печати с изображением архангела Михаила и св. Кирилла[648]. Косвенным образом такую гипотезу подкрепляет летописное свидетельство о том, что Святослав строит в 1174 г. церковь св. Михаила на княжьем дворе в Чернигове[649].

Если эта реконструкция В.Л. Янина верна, то Святослав унаследовал крестильное имя родного деда.

Об иноческом имени князя данных не сохранилось.

СВЯТОСЛАВ-ГАВРИИЛ, сын Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Кн. суздальский. Ум. в 1252 г.

В Лаврентьевской летописи в записи о рождении князя упоминается только его христианское имя:

«...м^с^ца марта въ к҃з дн҃ь на памѧ^т^ ст҃оє мч҃нци Матроны Родисѧ оу блг҃овѣрнаго и х^с^олюбиваго великаго кнѧзѧ Всеволода Юргевича сн҃ъ и нар^ч^енъ бы^с^ въ ст҃омь крщ҃нии Гаврило»[650].

В дальнейшем тексте летописи князь фигурирует под мирским именем *Святослав*, однако в текстах более позднего происхождения крестильное и мирское имя князя могут соседствовать друг с другом[651].

В канун дня рождения Святослава Всеволодича праздновался Собор Архангела Гавриила (26 марта), а на 25 марта приходился праздник Благовещения. Любопытно, что в той же летописной статье непосредственно за сообщением о рождении княжича следует известие о том, что епископ Иоанн «на воротѣ^х^ ст҃оє Бц҃и» в Суздале заложил «цр҃квь камену во имѧ Акыму и Анны»[652]. Не исключено, что возведение этой церкви, посвященной родителям Богородицы, опосредованным образом связано с рождением и имянаречением княжича.

Святославу Всеволодичу атрибутируется группа новгородских печатей с изображением архангела Гавриила и св. Дмитрия (небесного покровителя отца князя, Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо)[653].

---

648 См. [Янин 1970. Т. I. С. 105–106; Янин, Гайдуков 1998. С. 46, 137].

649 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 571].

650 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 412 под 1196 г.]; ср. [ПСРЛ. Т. VII. С. 102; Т. X. С. 23 под 1195 г.].

651 Ср. [Карамзин. Т. III. Примеч. 102].

652 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 412].

653 См. [Янин 1970. Т. I. С. 106–107, 205–206; Янин, Гайдуков 1998. С. 47, 139–140].

СВЯТОСЛАВ, сын Всеслава, внук Брячислава, правнук Изяслава Владимировича-Васильевича. Кн. полоцкий.

В Житии Евфросинии Полоцкой отцом святой назван младший сын Всеслава Брячиславича, князь по имени *Георгий*[654]. Одни исследователи отождествляют его с известным по летописям Святославом Всеславичем[655], тогда как другие — с Ростиславом Всеславичем (см. выше). То обстоятельство, что отец Евфросинии, неизвестный нам по мирскому имени, носил христианское имя *Георгий*, подтверждается патрональными изображениями св. Георгия на кресте Евфросинии[656].

СВЯТОСЛАВ (СВЯТОША)-НИКОЛАЙ (НИКОЛА), сын Давыда, внук Святослава-(Николая?), правнук Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича Мудрого. Принял постриг в 1106 г.

Христианское имя князя *Никола* (*Николай*) отсутствует в летописи, но упоминается в Киево-Печерском патерике[657]. Неясно, является ли это имя иноческим или крестильным. Целый ряд исследователей[658], без особых на то оснований, считали, что *Никола* — это монашеское имя князя, принятое им при постриге 17 февраля 1106 г.[659] (на память Федора Тирона). Строго говоря, мы не знаем, насколько обязательной была на Руси в XI — первой половине XII в. перемена христианского имени при постриге. Не исключено, что *Николаем* Святослав Давыдович был назван в крещении. В таком случае с дедом, Святославом Ярославичем, в честь которого он со всей очевидностью был наречен, у него совпадало не только княжье, но, возможно, и крестильное имя (см. ниже).

В указателе П.М. Строева к «Истории государства российского» Н.М. Карамзина Святославу Давыдовичу ошибочно приписывается имя *Панкратий* (наряду с правильным — *Николай*)[660].

---

654 См. [ПЕП. С. 172].

655 См. [Строев 1844. С. 210; Данилевич 1896. С. 240; Янин 1970. Т. I. С. 102].

656 См. [Штыхов 1965. С. 244].

657 См. [КПП. С. 83, 86].

658 См. [Зотов 1892. С. 38; Рапов 1977. С. 105]. О князе Николе-Святоше см. также работу М.Ф. Мурьянова, которая, к сожалению, осталась нам недоступна [Мурьянов 1967–1968].

659 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 281].

660 См. [Строев 1844. С. 210]. Недоразумение возникло, по-видимому, по вине Н.М. Карамзина, который неверно отождествил упоминаемого в «Хождении игумена Даниила» Панкратия Святославича (см. [Карамзин. Т. II. Примеч. 211]; ср. [Янин 1960. С. 124, 127, 129]). В действительности *Панкратием* был в крещении Ярослав Святославич, внук Ярослава Мудрого (см. ниже). Впрочем, крестильное имя *Панкратий* и монашеское *Николай* приписываются князю и в «Книге глаголемой описание о российских святых» [Толстой 1887. С. 10. № 13].

СВЯТОСЛАВ-А(Н)ДРИАН, сын Игоря-Георгия, внук Святослава-Николая[661], правнук Олега-Михаила Святославича-(Николаевича?). Кн. новгород-северский и перемышльский. Повешен в Галиче в 1208 г.[662]

Сведения о крестильном имени князя приводятся в летописном сообщении о его рождении:

«Во том же лѣтѣ родиса оу Игора сн҃ъ и нарекоша има емоу въ кр^с^щньи Андрѣꙗнъ а кнажеє С҃тославъ»[663].

Патрональный святой князя в точности неизвестен, возможно, им был св. Адриан, мученик никомидийский (26 августа).

СВЯТОСЛАВ-НИКОЛАЙ, сын Олега-Михаила, внук Святослава-(Николая?), правнук Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича Мудрого. Кн. новгородский и черниговский. Ум. в 1164 г.

Крестильное имя князя зафиксировано в уставной грамоте церкви св. Софии в Новгороде (1136/37 г.):

«Оурадилъ ѥсмь азъ с(вя)тѣи Софии и написалъ Никола кнѧзъ новогородьскыи Свѧтославъ... оурадилъ кнѧзь Никола С(вя)тославъ съ вл(а)д(ы)кою Нифонтомь»[664].

Обстоятельства имянаречения неизвестны, возможно, Святослав Ольгович унаследовал не только мирское, но и крестильное имя деда (см. ниже)[665]. По мнению В.Л. Янина, приведенные показания письменного источника хорошо подтверждаются сфрагистическим материалом: именно этому князю присваивается ряд печатей с изображением св. Николая Мирликийского и архангела Михаила[666].

В летописях содержатся отдельные свидетельства почитания Святославом Ольговичем своего небесного покровителя. Так, сделавшись новгородским князем в 1136 г., Святослав-Николай в том же году, в канун своих именин, освятил «великымь священиемь» церковь св. Николая на Дворище[667]: освящение собора произошло 5 декабря, а празднование памяти Николая Мирликийского отмечается 6 декабря. Именно в этой церкви, «у святого Николы», князь венчался в 1136 г. «своими попы», после того как его отказался венчать в Софии новгородский архиепископ Нифонт[668].

---

661 В именном указателе к Лаврентьевской летописи Игорь-Георгий, отец Святослава, ошибочно назван Ростиславичем [ПСРЛ. Т. I. С. 554].

662 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 727].

663 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 604 под 1177 г.]; ср. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 491–492].

664 См. [Щапов 1976. С. 148].

665 Ср. [Назаренко 2001. С. 593–594].

666 См. [Янин 1970. Т. I. С. 104–105; Янин, Гайдуков 1998. С. 43, 131].

667 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 24, 209].

668 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 24, 209].

Согласно интерпретации данных Любечского синодика, Святослав Ольгович при постриге получил имя *Гавриил*[669].

СВЯТОСЛАВ-БОРИС, сын Олега, внук Святослава-Николая, правнук Олега-Михаила Святославича-(Николаевича?). Кн. рыльский.

Крестильное имя князя зафиксировано в летописном свидетельстве о его рождении:

«Том же лѣ^т^ родисѧ Ѡлгу сн҃ъ и бы^с^ и нарекоша имѧ ему въ крщеньи Борисъ а мирьсти Стославъ»[670].

Таким образом, княжичу в качестве крестильного было дано мирское имя св. Бориса-Романа Владимировича, ставшее к тому времени христианским.

СВЯТОСЛАВ, сын Ростислава-Михаила, внук Мстислава-Федора Великого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Кн. новгородский. Ум. в 1172 г.

В научной литературе можно встретить указание на то, что крестильным именем этого князя было *Иоанн*. Единственное основание — сфрагистическая реконструкция В.Л. Янина, который атрибутирует Святославу Ростиславичу-Михайловичу печати с изображением св. Иоанна Предтечи и архангела Михаила[671].

СВЯТОСЛАВ, сын Ярослава-Георгия Мудрого, внук Владимира-Василия Святого, правнук Святослава Игоревича. Кн. киевский. Ум. в 1076 г.

Данные о крестильном имени Святослава Ярославича-Георгиевича отсутствуют в летописях, но в Любечском синодике, по-видимому, именно он назван *Николаем*[672]. По мнению В.Л. Янина, свидетельство синодика подтверждается сфрагистическим материалом: этому князю принадлежал ряд печатей с изображением св. Николая Мирликийского[673].

Знаменитую надпись «о спасении кагана» в Киевской Софии связывают с фигурой Святослава Ярославича, поскольку граффити выполнено на фресковом изображении св. Николая, а в XI в. ни одного князя с крестильным именем *Николай*, помимо Святослава, не известно[674].

Если князя действительно звали в крещении *Николаем*, то два внука Святослава Ярославича, Святослав Давыдович (Никола Святоша) и Святослав-Николай Ольгович, унаследовали не только мирское, но и крестильное имя деда (см. выше)[675].

---

669 См. [Зотов 1892. С. 39].

670 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 526 под 1167 г.].

671 См. [Янин 1970. Т. I. С. 114–115, 125, 198–199; Янин, Гайдуков 1998. С. 44, 134–135]

672 См. [Зотов 1892. С. 24, 33].

673 См. [Янин 1970. Т. I. С. 34–35]; ср. [Янин, Гайдуков 1998. С. 19–20, 113–114].

674 См. [Высоцкий 1962]; ср. [Кресальный 1972. С. 67–68].

675 Ср. [Назаренко 2001. С. 593–594].

В некоторых работах можно встретить указание на то, что крестильным именем этого князя было *Симеон*[676]. Данных в пользу такого предположения немного: известно лишь, что Святослав Ярославич основал в Киеве монастырь св. Симеона[677]. Кроме того, отметим еще одну любопытную деталь. Как известно, в Изборнике 1073 г. есть запись, где указано, что Изборник выполнен Иоанном дьяком по повелению князя Святослава. В рукописи, однако, имя Святослава написано по соскобленному тексту. Иначе говоря, Иоанн дьяк, по-видимому, сперва написал имя *Симеон*, затем выскоблил его и написал имя *Святослав*[678]. При этом существует список XV в. с текстом Изборника 1073 г., где в записи Иоанна дьяка, в соответствующем ее месте, сохранилось имя *Симеон*[679]. По мнению целого ряда исследователей, объясняется это тем, что «Иоанн дъяк имел перед собой болгарский оригинал, где было указано имя царя Симеона»[680]. Было ли, однако, появление имени *Симеон* результатом простой ошибки переписчика, механически перенесшего его из не дошедшего до нас болгарского оригинала? Нельзя ли допустить, что князь Святослав по христианскому имени был тезкой болгарского царя, что и повлияло на самый выбор объекта для копирования?

На выходной миниатюре Изборника 1073 г. сохранилось изображение Святослава Ярославича с соответствующей подписью «стославъ»[681].

СВЯТОСЛАВ, сын Ярослава-Афанасия, внук Ярослава-Федора, правнук Всеволода-Дмитрия Юрьевича Большое Гнездо. Кн. псковский и тверской.

В научной литературе можно встретить указание на то, что крестильным именем этого князя было *Дмитрий*. Единственное основание — сфрагистическая реконструкция В.Л. Янина и П.Г. Гайдукова, которые с осторожностью атрибутируют Святославу Ярославичу-Афанасьевичу печати с изображением св. Дмитрия[682].

СЕМЕН-СОЗОНТ (ГОРДЫЙ), сын Ивана Калиты, внук Даниила Московского, правнук Александра Ярославича-Федоровича Невского. Вел. кн. московский и владимирский. Ум. в 1353 г.

---

676 См. [Максимович 1877. С. 121; Щапов 1989. С. 136]; ср. [Назаренко 2001. С. 593. Примеч. 3]. Последний автор не соглашается с тем, что Святослав Ярославич был в крещении *Симеоном*, доверяя данным Любечского синодика.

677 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 354 под 1147 г.].

678 См. [Протасьева 1974. С. 207].

679 Вместо слов «Великыи въ кнѧзихъ кнѧзь ст҃ославъ» в этом списке XV в., обнаруженном С.П. Шевыревым, читаем: «Великы въ цр҃ьхъ сумєѡнъ» (см. [Дювернуа 1883. С. 1]; ср. [Изборник...1073 г.]).

680 См. [Каринский 1925. С. 11; Протасьева 1974. С. 207. Примеч. 6; Творогов 1987. С. 194], с указанием литературы.

681 См. [Кондаков 1906. С. 41].

682 См. [Янин, Гайдуков 1998. С. 63, 159].

Имя князя *Симеон* многократно упоминается в летописных источниках. Запись о его рождении присутствовала, судя по всему, в Троицкой летописи:

«Того же лѣта князю Ивану Даниловичю родися сынъ, мѣсяца сентября въ 7 день, на память святого мученика Созонта и нареченъ бысть князь Семенъ»[683].

Как видно из летописного свидетельства, Иван Калита, обычно дававший имена свои детям строго по церковному календарю[684], сделал исключение для старшего сына, родившегося 7 сентября 1317 г. Существенно, однако, что имя *Созонт* не исчезает окончательно из жизни князя с момента наречения его *Симеоном*. Так, перед смертью Семен Гордый, по-видимому, принимает постриг под именем *Созонта*, т. е. под именем того святого, в чей день он появился на свет[685]. Иноческое имя великого князя зафиксировано в духовной грамоте, составленной незадолго до смерти:

«...се ѩзъ, худыи грѣшныи рабъ б(о)жии Созонтъ...»[686].

Необходимо отметить, что подобный пример, когда великий князь в тексте духовной грамоты, распределяющей его владения, именует себя исключительно иноческим именем (если только это имя действительно иноческое), заметно выбивается из общей традиции. Существенно, однако, что к духовной грамоте прикреплена печать с изображением св. Симеона и надписью, упоминающей официальное христианское имя владельца — *Симеон*[687].

Вопрос о патрональном святом князя Семена остается открытым[688]. На 1 сентября (т. е. за 6 дней до рождения Семена Гордого) приходилась память св. Симеона Столпника, а на 13 и 18 сентября (т.е. через 6 и 11 дней после его рождения, соответственно) — память Симеона Иерусалимского[689]. Наиболее аргументированной представляется

683 См. [Карамзин. Т. IV. Примеч. 247; Приселков 1950. С. 355]. О наречении Семена Гордого см. также: [ПСРЛ. Т. XV: Рогожский летописец. Стб. 121; Т. XVIII. С. 120; Т. XXV. С. 194].

684 Ср. [Лосева 1996. С. 69; Лосева 2001а. С. 127].

685 См. подробнее: [Щербатов. Стб. 467–468, 540; Карамзин. Т. IV. С. 175. Примеч. 365; Каштанов 1979. С. 241. Примеч. 24; Кучкин 1989. С. 99–105, особенно с. 102–103, 104]. Отметим, что некоторые исследовали считали имя *Созонт* — крестильным, а не иноческим именем князя (см., например: [Тихомиров 1947. С. 39. Примеч. 3]).

686 См. [ДДГ. С. 13. № 3].

687 См. [Янин 1970. Т. II. С. 26, 164–165]; ср. [Соболева 1991. С. 147–148].

688 См. [Янин 1970. Т. II. С. 26; Каштанов 1979. С. 241. Примеч. 27; Кучкин 1989. С. 103. Примеч. 23]; ср. [Лосева 2001а. С. 127–130].

689 См. [Лосева 2001. С. 142, 148, 153, 157].

точка зрения Л.В. Бетина и О.В. Лосевой, которые считают, что небесным покровителем князя был Симеон Столпник[690]. Однако это означает со всей очевидностью, что Иван Калита назвал старшего сына, отсчитывая по месяцеслову назад, чего как будто бы при наречении мальчиков старались не делать.

Не исключено, правда, что княжич получил в крещении имя своего неофициального небесного покровителя, *Созонт*[691]. Если такое предположение верно и имя *Симеон* не было крестильным, не возникало, соответственно, и сложностей с обратным отсчетом по календарю, потому что какие бы то ни было правила такого рода распространялись, как кажется, только на имена, даваемые в крещении. Имя же, стоящее в духовной грамоте, могло быть получено князем при пострижении в великую схиму, практика возвращения в подобных случаях к крестильному имени существовала в русской церковной традиции.

Разумеется, при такой трактовке событий нельзя полностью исключить и возможность, что князь не принимал пострига[692], а попросту счел необходимым назваться в духовной грамоте (документе особого рода, где пишущий предстает как бы в двух ипостасях: владетеля, распоряжающегося своим земным имуществом, и христианина, готовящегося предстать перед Богом) своим крестильным (а не официальным княжеским) именем.

Любопытно, что один из сыновей Семена Гордого также родился «сеп[тября] въ 7... на память святаго мученика Созонта»[693], однако он был крещен под именем *Михаил* (как полагает В.А. Кучкин, в честь деда матери[694]; Чудо архистратига Михаила в Хонех отмечается 6 сентября).

Еще один сын Семена Гордого стал тезкой своего отца по официальному христианскому имени, он родился на память Симеона Богоприимца и был наречен в честь этого святого (см. ниже).

СЕМЕН, сын Семена Гордого, внук Ивана Калиты, правнук Даниила Александровича Московского. Ум. в 1353 г.

Династическое имя княжича приводится в летописях, его имянаречение описывается следующим образом:

«Въ лѣто 6861 мѣсяца фев[раля] въ 3, на память святаго отца Сїмеона Богопрїемца и Анны пророчици, князю великому Семену Иванович[ю] родися сынъ Семенъ»[695].

---

690 См. [Бетин 1970. С. 61–62; Лосева 2001а. С. 127–130].

691 Ср. близкий по времени пример Дмитрия Константиновича Суздальского (см. выше), которому, как гласит летопись, неофициальное имя *Фома* было дано в крещении.

692 Ср. [Тихомиров 1947. С. 39].

693 См. [ПСРЛ. Т. XV: Рогожский летописец. Стб. 59; Приселков 1950. С. 371].

694 См. [Кучкин 1989. С. 105]; ср. [Лосева 1996. С. 68–69; Лосева 2001а. С. 127].

695 См. [ПСРЛ. Т. XV: Рогожский летописец. Стб. 61–62; Т. VII. С. 217; Т. X. С. 225].

Таким образом, ребенок был назван по дню рождения, и его патроном был св. Симеон Богоприимец. При этом княжич стал тезкой своего отца, хотя их соименность была неполной — судя по всему, небесные покровители отца и сына различались (см. выше). Дополнительные христианские имена Семена Семеновича нам не известны.

СМАРАГД, см. ИВАН-ТИТ-СМАРАГД-ИОНА

СОЗОНТ, см. СЕМЕН-СОЗОНТ

СОФЬЯ, дочь Володаря Минского, внучка Глеба, правнучка Всеслава Брячиславича[696]. Жена конунга Дании Вальдемара Великого. Ум. в 1198 г.

Софья Володаревна в русских летописях не упоминается, ее имя известно лишь из иностранных источников, таких как сочинение Саксона Грамматика[697], «Сага о Кнютлингах»[698], генеалогия датских королей[699], «Обзор саг о датских конунгах»[700], свод саг «Красивая кожа»[701], в датских анналах[702]. В некоторых скандинавских источниках имя приводится в несколько искаженном виде (*Суффия, Сиффия*). Обстоятельства имянаречения неизвестны.

СОФЬЯ (ПАЛЕОЛОГ), дочь Фомы Палеолога. Вторая жена Ивана III. Вел. княгиня московская. Ум в 1503 г.

До замужества, еще будучи в Риме, носила имя *Зоя*. Имя *Софья*, полученное ею на Руси, известно из многочисленных летописных источников[703].

Ее венчание с Иваном III состоялось 12 ноября 1472 г., в канун праздника Иоанна Златоуста — главного патронального святого великого князя (см. выше)[704].

СОФЬЯ, дочь Ярослава-Афанасия, внучка Ярослава-Федора, правнучка Всеволода-Дмитрия Юрьевича Большое Гнездо. Приняла постриг в 1293 г. (по В.Н. Татищеву, в 1291 г.), ум. в 1305 г.

---

696 Происхождение княжны было предметом дискуссии в историографии. Положение о том, что Софья была дочерью князя Володаря Глебовича и Рикицы, дочери Болеслава Кривоустого, было наиболе аргументированно обосновано в работе Я. Галлена [Gallén 1976]. Обзор различных точек зрения на происхождение этой княжны см. в работе: [Джаксон 2000. С. 180–181].

697 См. [Saxo. Lib. XIV. Cap. XIX. P. 408].

698 См. [Knýtl. Bls. 242].

699 См. [SmHD. Bd. I. P. 184, 185].

700 См. [Ágr. Dan. Bls. 334].

701 См. [Fask. Bls. 300].

702 См. [SRD. Bd. I. P. 340].

703 См., например: [ПСРЛ. Т. VIII. С. 154; Т. XII. С. 120]. Ср. замечание М. Клочкова: «Наши летописцы везде называют принцессу Зою — Софией, лишь в одном месте сделан намек на ее настоящее имя и она названа Зинаидой. Вероятно, Зоя переменила свое имя при браке, каковой обычай у нас был нередок» [Клочков 1909. С. 149].

704 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 176; Т. XII. С. 151].

Христианское имя известно из летописей[705] и из обнаруженного в 1972 г. Жития Софьи Ярославны[706], однако из источников остается не вполне ясным — крестильное это имя или иноческое. В Житии рассказывается, как Софья Ярославна, уже будучи монахиней, заложила Афанасьевский монастырь (посвященный небесному покровителю ее отца, Ярослава-Афанасия, см. ниже). Любопытно, что монастырь был освящен 17 сентября, на память Веры, Надежды, Любови и матери их Софьи, т. е., судя по всему, в день ангела самой княжны[707].

ТИМОФЕЙ, см. ИВАН-ТИМОФЕЙ

ТИТ, см. ИВАН-ТИТ-СМАРАГД-ИОНА

УАР, см. ДМИТРИЙ-(УАР?), сын Ивана Грозного.

УАР, см. ДМИТРИЙ-УАР (УГЛИЧСКИЙ), сын Ивана Грозного.

УЛЬЯНА-(ВАРВАРА?), дочь Михаила Холмского, внучка Дмитрия, правнучка Георгия Всеволодича Тверского. Жена Бориса Васильевича Волоцкого. Ум. в 1504 г.

Официальное имя княгини *Ульяна* неоднократно упоминается в летописях[708]. Что же касается ее возможного дополнительного христианского имени *Варвара*, которое в письменных источниках отсутствует, то основания для его реконструкции следующие: сохранилась древняя икона великомученицы Варвары, заказ на написание которой Т.В. Николаева весьма убедительно связывает со свадьбой Бориса Васильевича Волоцкого и Ульяны Михайловны, состоявшейся 9 мая 1471 г.[709] По мнению исследовательницы, великомученица Варвара, наряду с мученицей Иулианией Илиопольской, была патрональной святой невесты, о чем, несомненно, знал ее жених Борис Волоцкий. Празднование памяти св. Иулиании совпадало с днем памяти св. Варвары (4 декабря). Таким образом, можно было бы допустить, что дочь князя Михаила Холмского появилась на свет непосредственно 4 декабря, в день празднования свв. Варвары и Иулиании, и *Варвара* было ее дополнительным христианским именем.

Этому противоречат, однако, данные Вкладной Книги Иосифо-Волоколамского монастыря, где указываются две даты монастырских кормлений по княгине — 4 ноября и 4 марта[710]. Если последняя дата является днем кончины Ульяны Михайловны, то 4 марта церковь праздну-

---

705 См. [ПСРЛ. Т. XVIII. С. 82]; ср. [ПСРЛ. Т. X. С. 168; Т. XXX. С. 98; Приселков 1950. С. 345; Карамзин. Т. IV. Примеч. 182].

706 См. [Тиганова 1972. С. 253–264; Клосс 2001. С. 202–206; Кучкин 2002]; ср. [Кучкин 2002а].

707 См. [Клосс 2001. С. 205; Кучкин 2002. 139].

708 См. [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 169, 370; Т. VIII. С. 243–244; Т. XII. С. 258]; ср. [Карамзин. Т. VI. Примеч. 629].

709 См. [Николаева 1970. С. 382–384].

710 См. [Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря. С 157. Л. 68].

ет память святых мучеников Павла и сестры его Иулиании, т. е. другой соименной княгине святой.

Правда, если исходить из того, что у нарекавших княжну было стремление дать ей вторую небесную покровительницу, вполне естественно предположить, что в качестве таковой все же мыслилась именно св. Варвара, «парная» одной из Иулианий святая. С другой стороны, если считать более или менее общераспространенной практику принятия пострига перед кончиной у княгинь того времени, обращает на себя внимание тот факт, что для Ульяны Михайловны мы не знаем особого иноческого имени. Не исключена возможность, что принимая постриг (?), она сохранила имя, сменив небесную покровительницу. Разумеется, оба последних предположения носят в высшей степени гипотетический характер.

ФЕДОР, см. ДМИТРИЙ-ФОМА-ФЕДОР

ФЕДОР, см. МСТИСЛАВ-ХАРАЛЬД-ФЕДОР, сын Владимира.

ФЕДОР, см. МСТИСЛАВ-ФЕДОР, сын Давыда.

ФЕДОР, см. ЯРОСЛАВ-ФЕДОР

ФЕДОР, сын Андрея, внук Федора, правнук Василия Константиновича Ростовского.

Христианское имя князя известно лишь из родословных книг и летописных упоминаний его сына, Александра Федоровича[711]. Обстоятельства имянаречения неизвестны, ничего не знаем мы и о дополнительных христианских именах этого князя.

ФЕДОР, сын Бориса Волоцкого, внук Василия Темного, правнук Василия Дмитриевича. Кн. волоцкий. Ум. в 1513 г. [712]

Христианское имя князя известно из летописей и актового материала (духовная Бориса Васильевича, его жены, духовная самого князя и духовная его брата Ивана и др.)[713]. Хотя точная дата рождения князя и обстоятельства имянаречения в источниках не зафиксированы, у нас есть достаточно определенные данные о патрональном святом князя. Им, вне всякого сомнения, был св. Федор Стратилат (память празднуется 8 февраля и 8 июня), о чем свидетельствует, например, духовная князя, где мы обнаруживаем следующую фразу:

«А к Федору къ Стратилату, къ анъилу к моему, на городе даю пошлину на Волоце полавочное»[714].

Кроме того, в описи Иосифо-Волоколамского монастыря, где был погребен Федор Борисович, упоминается надгробная икона, где изо-

---

711 См. [Экземплярский. Т. II. С. 43–44].

712 Ср. [Зимин 1948. С. 268, 273].

713 См., например: [ПСРЛ. Т. VIII. С. 253; ДДГ. С. 249–250. № 71. С. 349–350. № 87. С. 351. № 88. С. 406. № 98].

714 См. [ДДГ. С. 408. № 98].

бражен «Ѳеѡдор стратилат да сп҃с в ѡблаце а застратилатом княз Ѳедор Борисович писмо ноугородцево»[715].

О дополнительных христианских именах князя нам ничего не известно.

ФЕДОР, сын Ивана-Тита Грозного, внук Василия-Гавриила III, правнук Ивана-Тимофея Васильевича Великого. Русский царь. Ум. в 1598 г.

Династическое христианское имя зафиксировано во множестве летописных источников, например в записи о рождении царя:

«Того же мѣсяца Маія 31 день родися сынъ царю и великому князю Ивану Васильевичю всея Русіи отъ его царици Анастасіи, царевичь Ѳеодор, на третіем часу часу дни, въ понедѣлникъ седмыя недѣли по Пасцѣ, на четвертомъ часу дни, и крещенъ въ обители Чюда Архистратига Михаила у чюдотворца Алексія, а принялъ его отъ купѣли митрополитъ Макарей»[716].

Судя по всему, официальным небесным патроном Федора Ивановича был св. Федор Стратилат, чья память приходится на 8 июня. В честь рождения сына Иван Грозный построил в 1557 г. соборную церковь в Федоровском монастыре. Сохранилась патрональная икона из местного ряда монастырского собора, созданная иконописцем Федором Дерминым[717]. Среди артефактов, явно связанных с личностью царя, можно упомянуть, например, сохранившееся изображение Федора Стратилата в шитой походной церкви царя 1596 г. Изображение Федора Стратилата (наряду с изображениями Иоанна Лествичника, патронального святого царевича Ивана Ивановича (см. выше), и Иоанна Крестителя, патронального святого Ивана Грозного, см. выше) присутствовало на западном подзоре моленного трона царя Ивана Васильевича в новгородской Софии[718].

Любопытно, что об этом сыне Грозного с некоторой долей условности можно утверждать, что династическое имя ему выбрали по правилу «восьмого дня», т.е. нарекли тем именем, которое при определенном способе подсчетов приходится на восьмой день после его рождения. Существенно при этом, что имя *Федор*, с одной стороны, является для Рюриковичей архидинастическим и вполне годилось для царевича, однако, с другой стороны, у ближайших прямых предков ребенка оно

---

715 См. [Георгиевский 1911. С. 3 (приложение)]; ср. [Сорокатый 1977. С. 412; Меняйло 1991. С. 16–19].

Во Вкладной Книге Иосифо-Волоколамского монастыря указывается только одна дата монастырских кормлений по князю — 3 мая (судя по всему, день его кончины). См. [Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря. С 158. Л. 68 об.].

716 См. [ПСРЛ. Т. XIII. С. 283; Т. XX. С. 583 под 1557 г.].

717 См. подробнее: [Антонова 1967. С. 144–145].

718 См. [Никитина 1987. С. 361].

не встречается. Ориентация на календарные расчеты, таким образом, сыграла здесь весьма существенную роль.

Сведения о дополнительных христианских именах царя Федора Ивановича неизвестны.

ФЕДОР (ЧЕРНЫЙ), сын Ростислава, внук Мстислава-Федора Смоленского, правнук Давыда Ростиславича-Михайловича. Кн. можайский, ярославский и смоленский. Принял постриг. Ум. в 1299 г.

Христианское имя князя зафиксировано в летописях[719], какие-либо другие имена в источниках отсутствуют. Вероятно, имя *Федор* совмещало в себе функции родового и крестильного. Обстоятельства имянаречения неизвестны, однако, судя по всему, Федор Ростиславич получил при рождении крестильное имя деда. Позднее князь был канонизирован, память его отмечается 19 сентября и 5 марта (перенесение мощей).

Монашеское имя князя в различных редакциях его жития не упомянуто, даже после описания пострига князь продолжает называться здесь *Федором*[720]. Однако переписчики, работавшие в XVI и XVII в., определяли его (по-видимому, совершенно произвольно) то как *Феодосий*, то как *Феодорит*[721].

С личностью Федора Черного связывали создание Федоровского Евангелия, которое получило свое название по миниатюре с изображением Федора Стратилата[722]. Соответственно, именно св. Федор Стратилат считался в историографии небесным покровителем князя. Однако гипотеза о происхождении рукописи Федоровского Евангелия была поставлена под сомнение[723]; вопрос же о том, в честь кого был крещен этот князь, остается открытым.

ФЕДОР, сын Ярослава-Федора, внук Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича-Васильевича Долгорукого. Кн. новгородский. Ум. в 1233 г.

---

719 См., например: [ПСРЛ. Т. VII. С. 173; Т. X. С. 153; Т. XXI. 1-я половина. С. 308].

720 См., например: [Клосс 2001. С. 258, 273, 281, 282]

721 См. [Клосс 2001. С. 278].

722 См. [Некрасов 1929. С. 182–185]

723 См. [Князевская, Турилов 1984. С. 128–140, особенно с. 138–140]. Исправим попутно ошибку, вкравшуюся по недоразумению в эту работу. Обсуждая происхождение интересующего нас князя, авторы пишут: «Федор Ростиславич, будучи, как и владимирские Всеволодовичи, потомком Мономаха, происходил по прямой линии от его старшего сына Ростислава, тогда как их (Всеволодовичей) предок — Юрий Долгорукий — был младшим сыном великого князя» [Op. cit. С. 139]. Федор Ростиславич Черный был действительно потомком Мономаха. Однако старшего сына великого князя звали отнюдь не *Ростислав*, а *Мстислав-Федор*. В свою очередь, одним из сыновей (не старшим!) Мстислава-Федора Великого был Ростислав-Михаил, чьим праправнуком и был Федор Черный. О Федоре Черном см. также: [Якунина 1963. С. 264–268].

Крестильное имя князя указывается в летописи:

«Тогож лѣ^т^ родисѧ Ꙗрославу сн҃ъ и нарекоша имѧ юму Феѡдоръ»[724].

Упоминание мирского имени в источниках отсутствует: судя по всему, христианское имя *Федор* совмещало в данном случае функции родового и крестильного. Отец князя, Ярослав-Федор Всеволодич, распределил свои имена между двумя сыновьями: крестильное получил его старший сын, тогда как мирское *Ярослав* досталось одному из младших сыновей князя, Ярославу-Афанасию Ярославичу-Федоровичу (см. ниже).

В тот же год, когда князь Федор Ярославич скончался, на Неревском конце в Новгороде была заложена церковь св. Федора[725], однако кому она посвящалась и, соответственно, кто именно — Федор Тирон, Федор Стратилат или кто-то другой из свв. Федоров — был небесным покровителем князя, определить затруднительно.

Впоследствии Федор Ярославич-Федорович был канонизирован[726], день его памяти совпадает с днем памяти св. Федора Чудотворца (5 июня).

ФЕОДОРА, дочь Романа, внучка Мстислава, правнучка Изяслава-Пантелеймона Мстиславича-Федоровича.

Крестильное имя княжны указывается в летописи[727], упоминание же мирского имени в источниках отсутствует. Обстоятельства ее имянаречения неизвестны, малочисленность упоминаний княгини не позволяет сказать ничего определенного о функционировании ее имени.

ФЕОДОРА, дочь Юрия, внучка Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, правнучка Юрия Владимировича-Васильевича Долгорукого. Ум. в 1238 г.

Крестильное имя княжны указывается в летописи, упоминание же каких-либо других имен в источниках отсутствует:

«Того^ж^ м^с^ца сємтѧ^б^ въ ка҃ дн҃ь на памѧ^т^ ста^г^ м^ч^ка Кондрата Родисѧ Гюргю кнѧзю дщи и наре^ч^ бы^с^ в ст҃омь крщ҃ньи Феѡдора єгѧже памѧ^т^ въ аі҃ се^г^ м^с^ца»[728].

11 сентября празднуется память преподобной Феодоры Египетской, а 21 сентября — память апостола (не мученика!) Кодрата (Кондрата). Таким образом, наречение Феодоры Юрьевны — это пример того, как при выборе имени для девочки могли отсчитывать по месяцеслову назад.

---

724 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 444 под 1219 г.].

725 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 72, 282].

726 См. [Голубинский 1903. С. 122–123].

727 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 660 под 1188 г., 844 под 1259 г.].

728 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 451 под 1228 г.].

Не исключено, что при синкретическом почитании святых, характерном для домонгольского времени, на выбор такого имени могли повлиять и фигуры святых цариц Феодор (память празднуется 14 ноября и 11 февраля). Существенно при этом, что к моменту рождения дочери Юрия Всеволодича *Феодоры* в роду Рюриковичей уже были (см. выше).

ФЕОДОСИЯ, см. РОСТИСЛАВА-ФЕОДОСИЯ-ЕВФРОСИНИЯ

ФЕОДОСИЯ, дочь Ивана-Тимофея Великого, внучка Василия Темного, правнучка Василия Дмитриевича. Ум. в 1501 г.

Не вызывает сомнения, что у Ивана III была дочь с таким христианским именем, которое известно по многочисленным летописным источникам. Вопрос, скорее, заключается в том, сколько дочерей с таким именем было у великого князя.

Некоторые летописные источники упоминают о рождении в семье Ивана III двух девочек с именем *Феодосия* с десятилетним промежутком, под 28 мая 1475 г. и под 29 (28?) мая 1485 г.[729] Целый ряд обстоятельств (тот факт, например, что во многих летописных источниках мы находим упоминание о рождении лишь одной Феодосии, что во всех без исключения летописных источниках упоминается о замужестве и смерти только одной дочери Ивана III с таким именем, а также и некоторые «подозрительные» совпадения в сообщениях о рождении двух Феодосий) позволяют предположить, что у Ивана III все же была только одна дочь с таким именем[730].

Вне зависимости от того, сколько в этой семье было княжон по имени *Феодосия*, их покровительницей должна была быть одна из двух Феодосий, чья память праздновалась 29 мая, — Феодосия Тирская или Феодосия Цареградская.

ФЕОДУЛИЯ-ЕВФРОСИНИЯ, дочь Михаила, внучка Всеволода, правнучка Святослава Всеволодича-Кирилловича. Приняла постриг в 1227 г., ум. в 1250 г.

Сведения о крестильном (*Феодулия*) и иноческом (*Евфросиния*) имени дочери св. Михаила Всеволодича содержатся в Житии преподобной Евфросинии Суздальской (XVI в.)[731] и Русском временнике[732]. Обстоятельства имянаречения неизвестны.

---

729 Ср. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 181, 215; Т. XII. С. 157, 216]. См. также свидетельства Лихачевского летописца: Л. 820 об. (6983 г.) «... Месяца маия 28 нощи родися великому князю дчи Феодосия»; Л. 854 (6993 г.) «Того же лета родилася оу великого князя Ивана Васильевича княжна Феодосиа оуговевъ Петрова говения неделю в неделю вечер на третьем часе в понедлник (sic!) Феодосии месяца маиа 29».

730 Ср. [Карамзин. Т. VI. Примеч. 204; Экземплярский. Т. I. С. 277]]; ср. также указатель к Никоновской летописи [ПСРЛ. Т. XIV].

731 См. [Житие...княжны Евфросинии Суздальской 1888; Клосс 2001. С. 379–380, 383]; ср. [Макарий. Кн. 2-я. Т. 3. С. 312–313; Голубинский 1903. С. 85, 115].

732 См. [Карамзин. Т. III. Примеч. 364].

После пострижения Феодулии ее небесной покровительницей стала св. Евфросиния Александрийская (25 сентября и 15 февраля), причем составитель жития счел необходимым специально объяснить, что иноческое имя было выбрано по дню пострига (25 сентября)[733]. Позднее, когда в XVI в. Феодулия-Евфросиния Суздальская была канонизирована, празднование ее памяти было приурочено именно к 25 сентября, памяти Евфросинии Александрийской.

ФОМА, см. ДМИТРИЙ-ФОМА-ФЕДОР

ХАРАЛЬД, см. МСТИСЛАВ-ХАРАЛЬД-ФЕДОР

ШВАРН, сын Даниила, внук Романа, правнук Мстислава Изяславича-Пантелеймоновича[734].

ЯН, см. ИВАН-ЯН

ЯНКА, дочь Всеволода-Андрея, внучка Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича Мудрого, правнучка Владимира-Василия Святославича. Приняла постриг в 1086 г. Ум. в 1112/13 г.

Княжна упоминается в летописях только под именем *Янка* (*Янька, Янъка*)[735], которое, возможно, является крестильным. В таком случае иноческое имя дочери Всеволода Ярославича неизвестно. Традиционно считается, что форма *Янка* — производное от имени *Анна*, однако А.А. Гиппиус показал, что эта форма может быть образована только от имени *Иоанна*[736]. Обстоятельства имянаречения неизвестны; если княжну действительно звали *Иоанной*, то ее небесной покровительницей была одна из жен-мироносиц.

Андреевский монастырь в Киеве, устроенный отцом Янки, Всеволодом-Андреем, иногда называется в летописях «Янчиным монастырем», именно в нем княжна приняла постриг.

ЯРОПОЛК, сын Владимира-Василия Мономаха, внук Всеволода-Андрея, правнук Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича Мудрого. Кн. киевский. Ум. в 1139 г.

В научной литературе можно встретить указание на то, что крестильным именем этого князя было *Иоанн*. Единственное основание — сфрагистическая реконструкция А.А. Купрариса, В.Л. Янина и П.Г. Гай-

---

733 См. [Клосс 2001. С. 383]. По-видимому, ко времени составления жития (XVI в.) сам факт выбора монашеского имени, начинавшегося не на ту же букву, что и крестильное, уже требовал некоторого комментария.

734 Гипотеза о том, что христианским именем Шварна Даниловича было *Юрий* (*Георгий*), сформулирована в работе [Grala 1985].

Недостаточно аргументированным следует признать предположение М.В. Щепкиной, что само имя *Шварн* — христианское и представляет собой «галицко-волынское произношение латинского имени Северин» [Щепкина 1972. С. 70].

735 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 208, 289, 312; Т. II. Стб. 107, 200, 273; Т. III. С. 18, 202].

736 См. [ПСРЛ. Т. III. С. 646].

дукова, которые атрибутируют Ярополку Владимировичу печати с изображением св. Иоанна Предтечи[737].

ЯРОПОЛК, сын Изяслава-Пантелеймона, внук Мстислава-Федора Великого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Ум. в 1168 г.

В научной литературе можно встретить указание на то, что крестильным именем этого князя было *Стефан*. Единственное основание — сфрагистическая реконструкция В.Л. Янина, который с осторожностью атрибутирует Ярополку Изяславичу печати с изображением свв. Стефана и Пантелеймона[738]

ЯРОПОЛК-ПЕТР, сын Изяслава-Дмитрия, внук Ярослава-Георгия Мудрого, правнук Владимира-Василия Святославича Святого. Кн. волынский и туровский. Ум. в 1086 г.

Крестильное имя *Петр* надежно зафиксировано в молитвеннике матери Ярополка Изяславича, Гертруды, дочери польского короля Мешко-Ламберта II[739]. В летописях оно отсутствует, однако здесь содержатся весьма ценные свидетельства о том, что Ярополк Изяславич заложил церковь, посвященную апостолу Петру, в семейном Дмитриевском монастыре в Киеве[740]. Позднее он был погребен в этом храме.

Согласно предположению В.Л. Янина, крестильным именем Ярополка Изяславича в православии было *Гавриил*, *Петром* же он был наречен при переходе в католичество (в 1075 г.)[741]. Данная гипотеза вызвала целый ряд возражений, сделанных прежде всего с позиций истории церкви. В частности, обоснованной критике подвергся исходный тезис В.Л. Янина о необходимости в ту эпоху формального перекрещивания при переходе из католичества в православие и, соответственно, смене крестильного имени[742].

Ярополк Изяславич получил свое крестильное и мирское имя при жизни деда, Ярослава Мудрого, и, возможно, не без его личного, непосредственного участия. На участие Ярослава в имянаречении этого внука указывает выбор родового имени *Ярополк* для сына Изяслава Ярославича. Дело в том, что в 1044 г. Ярослав Мудрый, как известно, выкопал останки двух своих дядьев, Олега и Ярополка Святославичей, умерших в язычестве, крестил их и захоронил в Десятинной церкви[743].

---

737 См. [Купранис 1996. С. 92–96; Янин, Гайдуков 1998. С.41, 61, 117].

738 См. [Янин 1970. Т. I. С. 104]; ср. [Янин, Гайдуков 1998. С.53–54].

739 См. [Manuscr. Gertr. P. 127, 128, 136, 145, 151–153, 156]; ср. [Северьянов 1922. С. 4]. Молитвенник Гертруды дошел до нас в составе Трирской Псалтири.

740 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 206 под 1086 г.; Т. II. Стб. 198 под 1087 г.].

741 См. [Янин 1963]; ср. [Гавриленко, Чайка 2004. С. 563–572].

742 См. [Назаренко 2001. С. 568; Щавелева 2004. С. 389, 400–401].

743 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 155]; ср. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 143; Т. III. С. 16]. Об этом событии см. подробнее: [Назаренко 2001. С. 339–390; Ф.Б. Успенский 2002. С. 141–168]; ср. [Алексеев 2003].

Это действие Ярослава Мудрого апеллирует к родовой истории и явно отражается в имянаречении его внуков: у Изяслава Ярославича вскоре появляется сын *Ярополк*, а у Святослава Ярославича — *Олег* (см. выше).

Таким образом, выбор родовых имен для этих княжичей происходил, скорее всего, по инициативе их деда; надо полагать, и крестильные имена для них определял Ярослав (доподлинно известно, например, что он участвовал в выборе родового и крестильного имени для другого своего внука, Владимира Всеволодича Мономаха, см. выше).

ЯРОПОЛК, сын Ростислава, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха.

В научной литературе можно встретить указание на то, что крестильным именем этого князя было *Федор*. Единственное основание — сфрагистическая реконструкция В.Л. Янина, который атрибутирует Ярополку Ростиславичу печати с изображением св. Федора Тирона[744].

ЯРОПОЛК, сын Святослава, внук Игоря Рюриковича и Ольги-Елены, правнук Рюрика[745].

ЯРОПОЛК, сын Ярослава, внук Всеволода-Кирилла, правнук Олега-Михаила Святославича-(Николаевича?).

Данные о крестильном имени Ярополка Ярославича отсутствуют в летописях, но, согласно реконструкции Р.В. Зотова, в Любечском синодике он назван *Гавриилом*[746].

На этом основании В. Л. Янин атрибутирует ему печати с изображением архангела Гавриила и св. Прокопия (по мнению исследователя, *Прокопием* звали в крещении Ярослава Всеволодича Черниговского, отца Ярополка)[747].

ЯРОСЛАВ-АФАНАСИЙ, сын Владимира Храброго, внук Андрея, правнук Ивана Даниловича Калиты. Ум. в 1426 г.

Христианское и родовое имя князя известно из летописи:

«Того же мѣсяца 18 родися князю Володимеру сынъ Ярославъ въ Дмитровѣ, а въ крещенiи бысть имя его Афонасiй»[748].

Перед нами, таким образом, поздний случай княжеской двуименности (по модели мирское + крестильное имя).

18 января празднуется память св. Афанасия Александрийского. Очевидно, он и стал патрональным святым княжича. Отметим, что именная пара *Ярослав-Афанасий* встречалась в династии Рюриковичей и прежде (см. ниже).

---

744 См. [Янин 1970. Т. I. С. 119–120, 202–203; Янин, Гайдуков 1998. С.45, 136].

745 Гипотезу о крестильном имени этого князя (*Петр*) см. в работе: [Назаренко 2001. С. 382].

746 См. [Зотов 1892. С. 25, 73].

747 См. [Янин 1970. Т. I. С. 122–123; 205; Янин, Гайдуков 1998. С. 47, 139]

748 См. [ПСРЛ. Т. VIII. С. 52 под 1388 г.; Т. XXIV. С. 157].

О каких-либо дополнительных христианских именах этого князя нам ничего не известно.

ЯРОСЛАВ-ИОАНН, сын Владимира Мачешича, внук Мстислава-Федора Великого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Кн. новгородский.

Христианское имя князя известно из Никоновской летописи:

«...князя Ивана нарицаемаго Ярослава Владимерича <...> князя своего Ивана, глаголемаго Ярослава Владимерича, своака Всеволода Юрьевича Владимерскаго»[749].

Вопреки этому свидетельству летописи, В.Л. Янин и П.Г. Гайдуков, считают на основании сфрагистических наблюдений, что крестильным именем Ярослава Владимировича было *Михаил*[750].

ЯРОСЛАВ-ГЕОРГИЙ (МУДРЫЙ), сын Владимира-Василия Святого, внук Святослава, правнук Игоря Рюриковича и Ольги-Елены. Кн. киевский. Ум. в 1054 г.

В древнейших летописях крестильное имя князя не указывается. При этом сведения о нем надежны и достаточно разнообразны: оно упоминается в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона[751], мирское и крестильное имя князя указываются в прологах[752], в летописи сообщается о возведении при Ярославе монастыря св. Георгия в Киеве[753], при Ярославе был учрежден новый праздник — осенний «Юрьев день», освящение храма св. Георгия в Киеве (празднуется 26 ноября)[754], свое крестильное имя князь «дал» новообразованному в Чудской земле в 1030 г. городу Юрьеву[755], изображение св. Георгия присутствует на знаменитых сребрениках Ярослава Мудрого[756], в Киевской Софии был устроен боковой придел, посвященный св. Георгию, наконец, в 1994 г. была найдена новгородская печать с изображением св. Георгия, принадлежавшая, судя по всему, Ярославу Мудрому[757].

ЯРОСЛАВ-ФЕДОР, сын Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Кн. владимирский. Ум. в 1246 г.

Крестильное имя князя упоминается наряду с мирским в Воскресенской летописи, в сообщении о его рождении, помещенном под 1191 г.:

---

749 См. [ПСРЛ. Т. X. С. 8–9].

750 См. [Янин, Гайдуков 1998. С. 46–47]; ср. [Янин 2004. С. 177–180; Янин 2004а. С. 10–11].

751 См. [Молдован 1984. С. С. 97, 98, 99].

752 См. [Печатный Пролог. С. 66; Соловьев 1988. Кн. I. Т. I. С. 319–320. Примеч. 393].

753 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 151; Т. II. Стб. 139 под 1037 г.].

754 См. [Лосева 2001. С. 95–98].

755 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 149; Т. II. Стб. 137].

756 См. [Сотникова, Спасский 1983. С. 96–111, 196–203. № 222–227].

757 См. [Янин 1999. С. 292–300; Янин, Гайдуков 1998. С. 13–18].

«...родися у великого князя Всеволода сынъ Ѳеодоръ, а прозванъ бысть Ярославъ»[758].

В Лаврентьевской летописи под 1190 г. названо только крестильное имя князя — «родисѧ оу блг҃овѣрьнаго и х^с^олюбиваго кнѧзѧ Всеволода сн҃ъ м^с^цѧ февра^л^ въ и҃ д҃нь на памѧ^т^ ста^г^ пр҃рк^а^ Захарьи и нарекоша и въ ст҃ѣмь крщ҃ньи Ѳеѡдоръ»[759], тогда как в Ипатьевской под 1192 г. только мирское — «...великыи кнѧзь Всеволодъ створи постѣгы сн҃ви своемоу Ꙗрославоу и на конь его всади во дн҃ь ст҃го Семеѡма сродника Г^с^нѧ»[760].

8 февраля отмечается, в частности, память пророка Захарии Серповидца и память великомученика Федора Стратилата[761], а на 17 февраля приходилась память св. Федора Тирона. Скорее всего, патрональным святым Ярослава Всеволодича стал Федор Стратилат, хотя утверждать это со всей определенностью не беремся.

Существует исследовательская гипотеза, связывающая появление в 1239 г. знаменитой иконы Федоровской Богоматери со свадьбой князя Александра Невского, сына Ярослава-Федора. На лицевой стороне этой иконы помещена композиция «Умиление», а на оборотной — изображение Параскевы Пятницы в княжеских одеждах. Высказывалось предположение, что икона была написана по заказу Ярослава Всеволодича[762]. По мнению С.И. Масленицына, Ярослав Всеволодич возвел также церковь св. Федора Стратилата в Костроме[763].

Впоследствии Ярослав-Федор Всеволодич распределил свои имена между двумя сыновьями: крестильное имя *Федор* (по-видимому, в качестве единственного) получил его старший сын (см. выше), тогда как мирское *Ярослав* досталось одному из младших сыновей князя (см. ниже).

ЯРОСЛАВ, сын Изяслава-Пантелеймона, внук Мстислава-Федора Великого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха. Кн. киевский.

В научной литературе можно встретить указание на то, что крестильным именем этого князя было *Иоанн*. Единственное основание — сфрагистическая реконструкция В.Л. Янина, который атрибутирует Ярославу Изяславичу печати с изображением св. Иоанна Предтечи[764].

ЯРОСЛАВ, сын Мстислава, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира-Василия Всеволодича-Андреевича Мономаха.

---

758 См. [ПСРЛ. Т. VII. С. 101].

759 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 408–409].

760 См. [ПСРЛ. Т. II. Стб. 674].

761 В некоторых русских месяцесловах, в частности в месяцеслове Мстиславова Евангелия, память св. Федора Стратилата приходится на 7 февраля (см. [Сергий. Т. I. С. 123; Т. II. С. 37–38]).

762 См. [Масленицын 1976; Масленицын 1977].

763 См. [Масленицын 1977. С. 158].

764 См. [Янин 1970. Т. I. С. 103–104, 184, 196; Янин, Гайдуков 1998. С. 43–44, 53–54].

В научной литературе можно встретить указание на то, что крестильным именем этого князя было *Гавриил*. Единственное основание — сфрагистическая реконструкция В.Л. Янина, который атрибутирует Ярославу Мстиславичу печати с изображением Гавриила[765].

ЯРОСЛАВ, сын Святополка-Михаила, внук Изяслава-Дмитрия, правнук Ярослава-Георгия Владимировича-Васильевича. Ум. в 1123 г.

В научной литературе можно встретить указание на то, что крестильным именем этого князя было *Иоанн*. Единственное основание — сфрагистическая реконструкция В.Л. Янина, который атрибутирует Ярославу Святополчичу печати с изображением св. Иоанна Предтечи[766].

ЯРОСЛАВ-ПАНКРАТИЙ, сын Святослава-(Николая?), внук Ярослава-Георгия Мудрого, правнук Владимира-Василия Святославича Святого. Кн. муромо-рязанский. Ум. в 1129 г.

Христианское имя князя известно из «Хождения игумена Даниила»[767]. В летописях оно не встречается.

Судя по всему, патрональным святым князя был ученик апостола Петра, священномученик Панкратий Тавроменийский (9 июля и 9 февраля).

Существует печать с греческой надписью, упоминающей Панкратия Святославича; по мнению В.Л. Янина и П.Г. Гайдукова, эта печать принадлежит именно Ярославу-Панкратию Святославичу-Николаевичу[768].

На выходной миниатюре Изборника Святослава Ярославича 1073 г. сохранилось изображение Ярослава Святославича с соответствующей подписью «Ꙗрославъ»[769].

В свое время высказывалось предположение, что крестильным именем князя Ярослава Святославича могло быть *Константин*. Дело в том, что 21 мая церковь отмечает память св. Константина Святославича, князя Муромского, окончательно обратившего Муром в христианство и построившего там церкви. Прославлен этот князь поздно, в XVI в., и житие его составлено тогда же. Описываемые в этом житии события приурочены к концу XII в., что противоречит летописным данным о муромских князьях и о христианизации этого края. Время жизни этого муромского князя Константина Святославича, который нигде в летописях под таким именем не фигурирует, установить достаточно сложно. Перечисленные выше обстоятельства послужили поводом для его отождествления с известным по летописям муромским князем Ярославом Святославичем[770]. Данная ги-

---

765 См. [Янин 1970. Т. I. С. 121; Янин, Гайдуков 1998. С. 45, 136].

766 См. [Янин 1970. Т. I. С. 83]; ср. [Янин, Гайдуков 1998. С. 40].

767 См. [Путешествие игумена Даниила... С. 155; Веневитинов 1885. С. 140; ПСРЛ. Т. XLIII. С. 313]; ср. [Янин 1960. С. 124; Назаренко 2001. С. 517].

768 См. [Янин, Гайдуков 1998. С. 22].

769 См. [Кондаков 1906. С. 41].

770 См. подробнее: [Макарий. Кн. II. С. 139–140, 464–465, 608. Примеч. 56*, принадлежащее А.В. Назаренко]; ср. [Толстой 1887. С. 213–214. № 441; Серебрянский 1915. С. 237–247. Приложение VIII. С. 100–107].

потеза с трудом выдерживает критику: как мы уже указали, по куда более надежным данным крестильным именем Ярослава было *Панкратий*. Впрочем, *Константин* могло бы быть его монашеским именем, хотя об обязательности перемены имени при постриге в начале XII столетия мы не знаем ничего достоверного.

ЯРОСЛАВ-АФАНАСИЙ, сын Ярослава-Федора, внук Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича-Васильевича Долгорукого. Кн. тверской, новгородский и суздальский. Ум. в Орде в 1272 г.

В летописных перечнях сыновей Ярослава Всеволодича содержится упоминание некоего Афанасия[771] (иногда наряду с Ярославом), которого еще Н.М. Карамзин отождествил с Ярославом Ярославичем, полагая, что он в этих перечнях фигурирует под своим крестильным именем[772].

Впоследствии догадка Н.М. Карамзина нашла себе подтверждение на достаточно обильном сфрагистическом материале[773]. Кроме того, во второй половине XIII в., до 1294 г., в Твери основывается монастырь во имя св. Афанасия Великого[774], а в житии Софьи, дочери Ярослава Ярославича, говорится о том, что именно она возвела этот монастырь и посвятила церковь св. Афанасию. Согласно житию, Софья Ярославна (см. выше) обращается в молитвах к Богу и «святому Афонасию», который, таким образом, очевидно, был патрональным святым ее отца[775] (память празднуется 2 мая и 18 января).

Отец князя, Ярослав-Федор Всеволодич (см. выше), распределил свои имена между двумя сыновьями: крестильное имя *Федор* (по-видимому, в качестве единственного) получил его старший сын (см. выше), тогда как мирское *Ярослав* досталось одному из младших сыновей князя.

---

771 См. [ПСРЛ. Т. I. Стб. 521].

772 См. [Карамзин. Т. IV. Примеч. 78].

773 См. [Орешников 1903. С. 129–130; Янин 1970. Т. II. С. 8–9].

774 См. [Макарий. Кн. III. С. 650].

775 См. [Клосс 2001. С. 205; Кучкин 2002. 140].

СОКРАЩЕНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Абрамович 1916 — Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Приготовил к печати Д.И. Абрамович. Пг. (Памятники древне-русской литературы. Вып. 2).

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841–1842. Т. 1–5.

Айналов 1936 — *Д.В. Айналов.* К истории древнерусской литературы: I. Эпизод из сношений Киева с Западной Европой II. Иллюстрации к Хронике Георгия Амартола III. Замечания к тексту Слова о полку Игоря // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 3.

Алексеев 1957 — *Л.В. Алексеев.* Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. // Советская археология. № 3.

Алексеев 1975 — *Л.В. Алексеев.* Полоцкая земля // Древнерусские княжества X — XIII вв. М.

Алексеев 2003 — *А.И. Алексеев.* Крещение костей (к интерпретации статьи Повести временных лет под 1044 г.) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. № 1 (11). Март.

Антонова 1967 — *В.И. Антонова.* Московский иконник Посник Дермин // Культура и искусство Древней Руси: Сборник статей в честь профессора М.К. Каргера. Л.

Апракос — Апракос Мстислава Великого / Под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983.

АСЭСВР — Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV — начала XV в. Т. 1–3. М., 1952–1964.

Барсуков 1882 — *Н.П. Барсуков.* Источники русской агиографии. СПб.

Баумгартен 1908 — *Н.А. Баумгартен.* Первая ветвь князей Галицких // Летопись историко-родословного общества в Москве. Вып. 4-й (16-й). Год четвертый.

Бегунов 1965 — *Ю.К. Бегунов.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». М.; Л.

Бегунов 2003 — *Ю.К. Бегунов.* Александр Невский. М. (Жизнь замечательных людей.)

Белецкий, Белецкий 1979 — *В.Д. Белецкий, С.В. Белецкий.* Сосуд из могилы псковского князя Всеволода-Гавриила Мстиславича // Советская археология. № 3.

Белецкий, Белецкий 1988 — *В.Д. Белецкий, С.В. Белецкий.* Печать князя Игоря // Древности славян и Руси. М.

Белокуров 1897 — *С.А. Белокуров.* Синодик московских царей XVI в. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при имп. Московском университете. М. Кн. III (182).

Берг 1983 — *Д.Я. Берг.* Новий тип печатки Олега-Михаила // Археология. № 42.

Бережков 1893 — *М.Н. Бережков.* Блаженный Игорь Ольгович, князь Новгородсеверский и великий князь Киевский. Чернигов.

Бережков 1963 — *Н.Г. Бережков.* Хронология русского летописания. М.

Бетин 1970 — *Л.В. Бетин.* Исторические основы древнерусского высокого иконостаса // Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV — XVI вв. М.

Бибиков 1999 — *М.В. Бибиков.* Византийские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.

Библия 1581 — Библия. Острог.

Блиндерова 1980 — *Н.В. Блиндерова.* Житие Кирилла и Афанасия Александрийских в росписях Кирилловской церкви Киева // Древнерусское искусство: Монументальная живопись XI–XVII вв. М.

Бобров 1979 — *Ю.Г. Бобров.* Новооткрытый деисусный чин из церкви Сергия Радонежского в Изборске // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология. Ежегодник 1978. Л.

Бодянский 1847 — Выпись из государевой грамоты, что прислана к великому князю Василию Ивановичу, о сочетании второго брака и о разлучении первого брака чадородия ради. Творение Паисеино, старца Ферапонтова монастыря [«Повесть о втором браке Василия III». Публикация О. Бодянского] // Чтения в Обществе истории и древностей российских при имп. Московском университете. № 8.

Большакова 1976 — *С.А. Большакова.* Папские послания галицкому князю как исторический источник // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1975 г. М.

Борисов 1995 — *Н. Борисов.* Иван Калита. М. (Жизнь замечательных людей).

Бочаров 1968 — *Г.Н. Бочаров.* Торевтика Великого Новгорода XII — XV веков // Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. М.

Брюсова 1967 — *В.Г. Брюсова.* Вновь открытые фрески церкви архангела Михаила в Смоленске // Культура и искусство Древней Руси: Сборник статей в честь профессора М.К. Каргера. Л.

Брюсова 1968 — *В.Г. Брюсова.* К истории стенописи Софийского собора Новгорода: Фрески Мартирьевской паперти // Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. М.

Бугославский 1902 — *Г.К. Бугославский.* Рукописное пергаменное евангелие апракос Антониева-Сийского монастыря 1339 года // Архангельские епархиальные ведомости. №№ 23, 24.

Бугославский 1904 — *Г.К. Бугославский*. Рукописные евангелия Древлехранилища Архангельского епархиального церковно-археологического комитета. Архангельск.

Буланин 1987 — *Д.М. Буланин*. Мучение Димитрия Солунского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Л.

Бусева-Давыдова 1997 — *И.Л. Бусева-Давыдова*. Храмы Московского Кремля: святыни и древности. М.

Буслаев 1861 — *Ф.И. Буслаев* Историческая христоматия церковно-славянского и древне-русского языков. М.

Веневитинов 1885 — Житье и Хоженье Данила Русьскыя земли игумена 1106–1107 / Под ред. М.А. Веневитинова. СПб. (3-й и 9-й выпуски Православного Палестинского сборника.)

Верещагина 2004 — *Н. Верещагина*. Храмы и чтимые иконы святителя Николая в Киеве // Софійські читання. Вып. 2: Сакральні споруди у житті суспільства: історія і сьогодення. Матеріали Другої міжнародної науково-практичної конференції «Софійські читання» (м. Київ, 27–28 листопада 2003 р.). Київ.

Вздорнов 1972 — *Г.И. Вздорнов*. Из истории искусства русской рукописной книги XIV века // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М.

Водов 2002 — *В.А. Водов*. Замечания о значении титула 'царь' применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь / Сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М.

Воронин 1954 — *Н.Н. Воронин*. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.) // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 3. М.

Воронин 1965 — *Н.Н. Воронин*. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. // Византийский временник. Т. 2.

Воронин 1972 — *Н.Н. Воронин*. Следы раннего смоленского летописания // Новое в археологии. М.

Воронцова 2001 — *Л. Воронцова*. Сокровища ризницы Троице-Сергиевой лавры. М.

Востоков 1842 — Описание русских и словенских рукописей Румянцовскаго Музеума, составленное Александром Востоковым. СПб.

Высоцкий 1962 — *С.А. Высоцкий*. Древнерусские граффити Софии Киевской // Нумизматика и эпиграфика. Т. III.

Высоцкий 1963 — *С.А. Высоцкий*. Запись о саркофаге Всеволода Ярославича // Советская археология. № 4.

Высоцкий 1966 — *С.А. Высоцкий*. Древнерусские надписи Софии Киевской XI — XIV вв. Вып. I. Киев.

ГА — *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских / Предисл., перевод и примеч. Л.М. Поповой. М., 1961.

Ганина 1996 — *Н.А. Ганина.* Ильдико-Гримхильд: основания и смысл трансформации имени в германской традиции // Атлантика. Записки по исторической поэтике. М. Вып. 2.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под редакцией С.Н. Валка. М.; Л., 1949.

Гедеонов 2004 — *С.А. Гедеонов.* Варяги и Русь. М.

Георгиевский 1911 — *В.Т. Георгиевский.* Фрески Ферапонтова монастыря. СПб.

Герасимов 1979 — *Н.Н. Герасимов.* Фрески церкви Симеона Богоприимца в новгородском Зверине монастыре // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология. Ежегодник 1978. Л.

Герберштейн 1988 — *Сигизмунд Герберштейн.* Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М.

Гимон, Гиппиус 1999 — *Т.В. Гимон, А.А. Гиппиус* Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб. Вып. 7 (17).

Гиппиус 2001 — *А.А. Гиппиус.* «Суть людие новгородци от рода варяжьска...» (Опыт генеалогической реконструкции) // Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти: XIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001 г.: Мат. конференции. М.

Гиппиус 2002 — *А.А. Гиппиус.* О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // Russian Linguistics. Vol. 26.

Гиппиус 2003 — *А.А. Гиппиус.* Рагоуилъ: Страница из истории русского именослова // Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag. München (Die Welt der Slaven. Sammelbände / Сборники. Bd. 19).

Гиппиус 2003а — *А.А. Гиппиус.* Сочинения Владимира Мономаха: Опыт текстологической реконструкции // Русский язык в научном освещении. № 2 (6).

Гиппиус 2003б — *А.А. Гиппиус.* К атрибуции молитвенного текста в «Поучении» Владимира Мономаха // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4(14).

Гиппиус 2004 — *А.А. Гиппиус.* О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII века // *В.Л. Янин, А.А. Зализняк, А.А. Гиппиус.* Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1997–2000 годов. Т. XI. М.

Гиппиус 2005 — *А.А. Гиппиус.* Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII века. // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. К 800-летию памятника / Отв. ред. О.Е. Этингоф. М.

Гиппиус, Зализняк 1998 — *А.А. Гиппиус, А.А. Зализняк.* О надписях на Суздальском змеевике // Балто-славянские исследования 1997. М.

Гиппиус, Успенский 2000 — *А.А. Гиппиус, Ф.Б. Успенский.* К вопросу о соотношении языческого и христианского имени: Древнерусские антропонимические дублеты в типологическом освещении // Славяне и их соседи. Христианский мир между Римом и Константинополем: Христианство в странах

центральной, восточной и юго-восточной Европы в эпоху раннего Средневековья. Материалы конференции. М.

Голубинский — *Е.Е. Голубинский.* История Русской церкви. Изд. 2-е. Т. 1: 1–1: 2. М., 1901–1904; Т. 2: 1–2: 2. М., 1911 (репринт: М., 1997).

Голубинский 1903 — *Е.Е. Голубинский.* История канонизации святых в русской церкви. М.

Голубовский 1895 — *П.В. Голубовский.* История Смоленской земли до начала XV ст. Киев.

Гордиенко 1975 — *Э.А. Гордиенко.* Новгородское «Благовещение» с Федором Тироном // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М.

Горматюк 2003 — *А. Горматюк.* Царский лик. Надгробная икона великого князя Василия III. М. (Исследования и реставрация одного памятника. Вып. 3.)

Горский 2001 — *А.А. Горский.* «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальность русского Средневековья. М.

Горский 2002 — *А.А. Горский.* Забытая война Мономаха: Русско-византийский конфликт 1116 года // Родина. Специальный выпуск: Древняя Русь. № 11/12.

Горский 2005 — *А.А. Горский.* К вопросу о судьбк произведений Владимира Мономаха // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В.А. Кучкина. М.

Граля 1990 — *И. Граля.* «Федор рос» византийского кодекса середины XIII в. // Спорные вопросы отечественной истории X — XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. Москва, 13–18 мая 1990 г. М.Т. I.

Григорович 1821 — *И.И. Григорович.* Опыт о посадниках новгородских. М.

Грот 1889 — *К.Я. Грот.* Из истории Угрии и славянства в XII в. Варшава.

Гусев 2005 — *П.Л. Гусев.* Загадочный деисис в новгородской Спасо-Нередицкой церкви / Публикация и примечания Н.В. Пивоваровой // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. К 800-летию памятника / Отв. ред. О.Е. Этингоф. М.

Данилевич 1896 — *В.Е. Данилевич.* Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. М.; Л., 1950.

Джаксон 1993 — *Т.Н. Джаксон.* Александр Невский в исландской саге // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов. М.

Джаксон 1994 — *Т.Н. Джаксон.* Сведения об Александре Невском в «Саге о Хаконе Хаконарсоне» // Древний Псков. Исследования средневекового города. Материалы конференции. СПб.

Джаксон 1995 — *Т.Н. Джаксон.* Александр Невский и Хакон Старый: обмен посольствами // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб.

Джаксон 2000 — *Т.Н. Джаксон.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.). М.

Джаксон, Кучкин 1998 — *Т.Н. Джаксон, В.А. Кучкин*. Год 1251, 1252 или 1257? (К датировке русско-норвежских переговоров) // Восточная Европа в древности и средневековье. X Чтения к 80-летию члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 1998 г. Материалы конференции. М.

Довнар-Запольский 1891 — *М.В. Довнар-Запольский.* Очерки истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII в. Киев.

Дювернуа 1883 — Изборник великаго князя Святослава Ярославича 1073 г. / С предисловием Е.В. Барсова и заметкою А.Л. Дювернуа // Чтения в Имп. Обществе истории и древностей российских при Московском Университете. Книга четвертая. 1882 г.: Октябрь-Декабрь. М.

Живов 1994 — *В.М. Живов.* Святость: Краткий словарь агиографических терминов. М.

Житие...княжны Евфросинии Суздальской 1888 — Житие и жизнь благоверныя великия княжны Евфросинии Суздальской. Списано иноком Григорием. СПб. (Памятники древней письменности. № 91).

Забелин 2000—2001 — *И. Забелин.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Т. 1: 1, 2: Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Т. 2: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М.

Завьялов, Пьянков 2004 — *С.Л. Завьялов, А.В. Пьянков*. О находках древнерусских монет на территории Таманского полуострова // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 19–24 апреля 2004 г. Тезисы докладов и сообщений. М.

Зализняк 1995 — *А.А. Зализняк.* Древненовгородский диалект. М.

Зализняк 2004 — *А.А. Зализняк*. Запись дружинника Дмитра // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.

Зарубин 1932 — Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Подготовил к печати Н.Н. Зарубин. Л.

Зиборов 1995 — *В.К. Зиборов*. О новом экземпляре печати Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха / Под ред. Ю.Н. Бегунова и А.Н. Кирпичникова. СПб.

Зимин 1948 — *А.А. Зимин*. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // Исторические записки. Т. 27.

Зимин 1950 — *А.А. Зимин.* Краткие летописцы XV — XVI вв. // Исторический архив. Т. 5.

Зимин 1963 — *А.А. Зимин.* Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М. Т. 37.

Золтан 1983 — *А. Золтан*. К предыстории русск. «государь» // Studia Slavica Hung. T. XXIX. (репринт: Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь / Сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М., 2002).

Зотов 1892 — *Р.В. Зотов.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб.

Ивакин 1901 — *И.М. Ивакин.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1: Поучение детям, Письмо Олегу и отрывки. М.

Иванова 2002 — *Н.П. Иванова.* Источниковедческое исследование месяцесловных показаний в летописях. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Барнаул.

Изборник... 1073 г. — Изборник великаго князя Святослава Ярославича 1073 г. СПб., 1880

Иловайский 1858 — *Д. Иловайский.* История Рязанского княжества. М.

Ильин 1972 — *М.А. Ильин.* О наименовании приделов собора Василия Блаженного // Новое в археологии. М.

Ильин 1980 — *М.А. Ильин.* Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI в.: Проблемы и гипотезы, идеи и образы. М.

ИЛ — Иоасафовская летопись / Подгот. к печати А.А. Зимин и С.А. Левина. Под ред. А.А. Зимина. М., 1957.

ИС — Исландские саги / Под общ. ред. О.А. Смирницкой. Т. 1–2. СПб., 1999.

Исторические сведения о жизни преподобной Евфросинии — Исторические сведения о жизни преподобной Евфросинии, княгини Полоцкой с описанием и изображением креста, принесенного ею в дар полоцкой Спасской обители. СПб., 1841.

Казанский, Мачинский 1996 — *В.О. Казанский, Д.А. Мачинский.* "Ладожская династия" христианизировала Швецию? // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской, Старая Ладога, 22–23 декабря 1996 г. Материалы к чтениям. СПб.

Каринский 1925 — *Н.М. Каринский.* Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л.

Карамзин — *Н.М. Карамзин.* История государства российского. СПб., 1892. Т. 1–12 (репринт: Slavistic printings and reprintings / C.H. van Schooneveld. Paris, 1969).

Карпов 1877 — *А. Карпов.* Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань.

Карпов 1997 — *А. Карпов.* Владимир Святой. М. (Жизнь замечательных людей.)

Карпов 2001 — *А.Ю. Карпов.* Ярослав Мудрый. М. (Жизнь замечательных людей.)

Каштанов 1979 — *С.М. Каштанов.* К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV — начала XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л. Вып. 11.

Каштанов 1992 — *С.М. Каштанов.* К вопросу о расшифровке имени «Игөшь» в Уставе великого князя Всеволода-Гавриила Мстиславича // Образование древнерусского государства: Спорные проблемы. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 13–15 апреля 1992 г. Тезисы докладов. М.

Каштанов, Столярова 2004 — *С.М. Каштанов, Л.В. Столярова*. Древнейшее московское евангелие и его двинский адресат // Средневековая Русь / Отв. ред. А.А. Горский. М. Вып. 4.

КЗ — *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Изд. подгот.: А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.

Кирпичников 1877 — *А. Кирпичников*. Источники некоторых духовных стихов // Журнал Министерства Народного Просвещения. Октябрь.

Кирпичников 1977 — *А.Н. Кирпичников*. Ладога и Переяславль Южный — древнейшие каменные крепости на Руси // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология. Ежегодник 1977. М.

Кишкин 1972 — *Л.С. Кишкин*. Мария Всеволожая — ясыня или чехыня? // Исследования по истории славянских и балканских народов эпохи Средневековья. М.

Клейненберг 1978 — *И.Э. Клейненберг*. Основные принципы выбора новых личных имен и адаптации иноязычных в России X — XIX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 9.

Клосс 1998 — *Б.М. Клосс*. Избранные труды. М. Т. I. Житие Сергия Радонежского.

Клосс 2001 — *Б.М. Клосс*. Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV — XVI веков. Агиография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля. Сказания о чудотворных иконах. М.

Клосс, Назаров 1984 — *Б.М. Клосс, В.Д. Назаров*. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство: XIV — XV вв. / Отв. ред. О.И. Подобедова. М.

Клочков 1909 — *М. Клочков*. София Фоминична // Русский Биографический словарь. СПб. Т. «Смысловский — Суворина».

Клюг 1994 — *Э. Клюг*. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь.

Ключевский 1871 — *В.О. Ключевский*. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.

Князевская, Турилов 1984 — *О.А. Князевская, А.А. Турилов*. Федоровское Евангелие: О времени создания и происхождении рукописи // Древнерусское искусство: XIV — XV вв. / Отв. ред. О.И. Подобедова. М.

Кобрин 1977 — *В.Б. Кобрин*. Генеалогия и антропонимика (по русским материалам XV — XVI вв.) // История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М.

Комарович 1946 — *В.Л. Комарович*. Рязанский летописный свод XIII в. // История русской литературы. Т. II: Литература 1220-х — 1580-х. Ч. 1. М.; Л.

Комарович 1960 — *В.Л. Комарович*. Культ рода и земли в княжеской среде XI — XIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 16.

Кондаков 1906 — *Н.П. Кондаков*. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб.

Кондаков 1914–1915 — *Н.П. Кондаков*. Иконография Богоматери. Пг. Т. I–II.

Корецкий 1955 — *В.И. Корецкий.* Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. № 5.

Кормовая книга — Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Записки отдела русской и славянской археологии Имп. Археологического общества. СПб., 1851. Т. 1.

Корни Иггдрасиля 1997 — Корни Иггдрасиля: Эдда, скальды, саги / Сост. и отв. ред. О.А. Смирницкая. М., 1997.

Котошихин 1906 — *Григорий Котошихин.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.

КПП — Патерик Киевскаго Печерскаго монастыря / Под ред. Д.И. Абрамовича. СПб., 1911 (Памятники славяно-русской письменности изд. Императорскою Археографическою комиссиею. Т. II.)

Кресальный 1972 — *Н.И. Кресальный.* Новые исследования северо-западной башни Софии Киевской // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М.

Крылова 1962 — *В.Н. Крылова.* Отчет о реставрации стенописи Архангельского собора, выполненной в 1953–55 годах. Отдел рукописных, печатных и графических фондов Музея-заповедника «Московский Кремль», ф. 20, оп., д. 83.

Куза 1977 — *А.В. Куза.* Печати Евстафия: О некоторых особенностях русской сфрагистики конца XI в. // Советская археология. № 3.

Кузьмин 1965 — *А.Г. Кузьмин.* Рязанское летописание. М.

Купранис 1996 — *А.А. Купранис.* Новые сфрагистические находки из Новгорода и Белоозера // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации: Материалы пленума Института Истории Материальной Культуры РАН 14–17 мая 1996. СПб.

Кучкин 1971 — *В.А. Кучкин.* «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60–70-х годов XI века // Советское славяноведение. № 2.

Кучкин 1984 — *В.А. Кучкин.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X — XIV вв. М.

Кучкин 1986 — *В.А. Кучкин.* К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР 1985. М.

Кучкин 1986а — *В.А. Кучкин.* О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. № 2.

Кучкин 1989 — *В.А. Кучкин.* К датировке завещания Симеона Гордого // Древнейшие государства на территории СССР 1987. М.

Кучкин 1995 — *В.А. Кучкин.* Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная История. № 1.

Кучкин 1997 — *В.А. Кучкин.* Княжеский помянник в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны // Древнейшие государства Восточной Европы 1995. М.

Кучкин 1996 — *В.А. Кучкин.* Юрий Долгорукий // Вопросы истории. № 10.

Кучкин 1999 — *В.А. Кучкин.* Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в средние века и новое время. Сборник статей к 70-летию Л.В. Милова. М.

Кучкин 2002 — *В.А. Кучкин.* Житие Софьи, сестры Михаила Ярославича Тверского // Религии мира: История и современность 2002 / Отв. ред. А.В. Назаренко. М.

Кучкин 2002а. — *В.А. Кучкин.* Когда было написано житие Софьи Ярославны Тверской? // Мир житий. Сборник материалов конференции (Москва, 3–5 октября 2001 г.). М. (Общество исследователей Древней Руси).

Кучкин 2002б — *В.А. Кучкин.* Антиклоссицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. Вып. 2 (8) Июнь.

Лаврентьев 1997 — *А.В. Лаврентьев.* «Прекрасный лик на персоне поставлю…» // Знание — сила. № 8 (Август).

Лаврентьев 1997а — *А.В. Лаврентьев.* Нельзя ли взять в музей портрет? // Наука и жизнь. № 6.

Лазарев 1953 — *В.Н. Лазарев.* Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Византийский временник. Т. VI.

Лев Диакон — *Лев Диакон.* История. М. 1988. (Памятники исторической мысли).

Линниченко 1894 — *И.А. Линниченко.* Ново-открытое свидетельство о времени В. Кн. Изяслава Ярославича // Археологические известия и заметки. № 11.

Литвина 2004 — *А.Ф. Литвина.* Биография князя в составе летописи как «документальный» жанр // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Славяне и их соседи: XXII конференция памяти В.Д. Королюка. Тезисы докладов. М.

Литвина, в печати — *А.Ф. Литвина.* Имена и формулы: О характеристиках князей-тезок из рода Рюриковичей // Славяно-германские исследования / Под. ред. А.В. Циммерлинга. Т. 3. М.

Литвина, Успенский 2001 — *А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский.* Выбор славянского и греческого имени для русского князя // Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья. Материалы конференции. М.

Литвина, Успенский 2002 — *А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский.* Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях XI — начала XIII в. // Религии мира: История и современность 2002 / Отв. ред. А.В. Назаренко. М.

Лифшиц 1983 — *Л.И. Лифшиц.* Об одной ктиторской композиции Нередицы // Древний Новгород: История, искусство, археология. М.

Лихачев 1908 — Инока Фомы слово похвальное о благоверном, великом князе Борисе Александровиче / Сообщение Н.П. Лихачева. СПб. (Памятники древней письменности и искусства. Вып. CLXVIII).

Лихачев 1928—1930 — *Н.П. Лихачев.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. I–II. Л. (Труды музея палеографии. Т. I–II).

Лихачев 1963 — *Д.С. Лихачев*. К истории сложения Повести о разорении Рязани Батыем // Археографический ежегодник за 1962 г. М.

Лихачев 1987 — *Д.С. Лихачев*. Повести о Николе Заразском // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Л.

Лихачевский летописец — Лихачевский летописец. Архив СПб. Института истории РАН, ф. 238 (Н.П.Лихачев), оп. 1, № 365.

Лопарев 1902 — *Хр. Лопарев*. Брак Мстиславны (1122 г.) // Византийский временник. Т. 9. Вып. 3–4.

Лосева 1996 — *О.В. Лосева*. Месяцеслов и именослов в Древней Руси // Румянцевские чтения. Материалы научно-практической конференции по итогам научно-исследовательской работы Российской государственной библиотеки (25–27 апреля 1995 г.). М. Ч. II.

Лосева 1996а — *О.В. Лосева*. Одна из загадок месяцеслова Остромирова Евангелия // Румянцевские чтения. Материалы научно-практической конференции по итогам научно-исследовательской работы Российской государственной библиотеки (25–27 апреля 1995 г.). М.Ч. II.

Лосева 2001 — *О.В. Лосева*. Русские месяцесловы XI — XIV веков. М.

Лосева 2001а — *О.В. Лосева*. Патрональные святые русских князей (летописи, месяцесловы, сфрагистика) // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001. Материалы конференции. М.

Лурье 1988 — *Я.С. Лурье*. Елена Ивановна (1476–1513 гг). // Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV — XVI вв. Часть 1. А–К / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.

Макарий 1860 — *Макарий* (*Миролюбов*). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I–II. М. (Репринт: СПб., 2003).

Макарий — *Макарий (Булгаков)*, История Русской церкви . Кн. I–VII. М., 1994–1997.

Максимович 1877 — *М.А. Максимович*. О создании Киевской церкви св. Кирилла // *М.А. Максимович*. Собрание сочинений. Т. II: Отделы историко-топографический, археологический и этнографический. Киев.

Максимович 2004 — *К.А. Максимович*. Моравизмы в древнерусском книжном языке: ст.-сл. **КЪМЬТЬ*, др.-рус. *КМЕТЬ* // Russian Linguistics. Vol. 28.

Мальгин — *Т.С. Мальгин*. Зерцало российских государей. СПб., 1794.

Манушина, Шитова, Николаева 2002 — *Т.Н. Манушина, А.А. Шитова, С.В. Николаева*. Троице-Сергиева лавра и русские государи: Реликвии и художественные сокровища. М.

Масленицын 1976 — *С.И. Масленицын*. К атрибуции изображения Георгия на двусторонней иконе из Успенского собора московского Кремля // Средневековая Русь. М.

Масленицын 1977 — *С.И. Масленицын.* Икона «Богоматери Федоровской» 1239 г. // Памятники культуры. Новые открытия 1976: Письменность, искусство, археология. М.

Масса — *Исаак Масса.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии / Сост. А. Либерман. М., 1997. (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII — XX вв.).

Маясова 1960 — *Н.А. Маясова.* Мастерская художественного шитья князей Старицких // Сообщения Загорского музея-заповедника. Загорск. Вып. III.

Маясова 1968 — *Н.А. Маясова.* Художественное шитье // Троице-Сергиева лавра: Художественные памятники. М.

Маясова 1986 — *Н.А. Маясова.* Об одном редком изображении в шитье XV в. // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология. Ежегодник 1984. Л.

Медынцева 2000 — *А.А. Медынцева.* Грамотность в Древней Руси: По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века. М.

Мельник 1999 — *А.Г. Мельник.* Практика посвящений храмов во имя патрональных великокняжеских и царских святых в XVI в. // Царь и царство в русском общественном сознании. М. (Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 2).

Мельникова 1994 — *Е.А. Мельникова.* Скандинавские антропонимы в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье: Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1994 г. Тез. докл. М., 1994.

Мельникова 1997 — *Е.А. Мельникова.* Источниковедческий аспект изучения скандинавских личных имён в древнерусских летописных текстах // У источника: Сборник статей в честь чл.-корр. Российской академии наук С.М. Каштанова. М.

Меняйло 1991 — *В.А. Меняйло.* Икона инока Паисия в Иосифо-Волоколамском монастыре // Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Материалы научных конференций 1989–1990 гг. Вып. 1. М.

Мильчик, Штендер 1988 — *М.И. Мильчик, Г.М. Штендер.* Западные камеры собора Мирожского монастыря во Пскове (К вопросу о первоначальной композиции храма) // Древнерусское искусство: Художественная культура X — первой половины XIII в. / Отв. ред. А.И. Комеч, О.И. Подобедова. М.

Молдован 1984 — *А.М. Молдован.* Слово о законе и благодати Илариона. Киев.

Молчанов 1982 — *А.А. Молчанов.* Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Святославича // Советская археология. № 1.

Молчанов 1992 — *А.А. Молчанов.* Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей // Образование

Древнерусского государства: Спорные проблемы: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 13–15 апреля 1992 г. Тез. докл. М.

Молчанов 1996 — *А.А. Молчанов.* Монеты древнерусской Тмутаракани // Наука и жизнь. № 11.

Молчанов 1997а — *А.А. Молчанов.* Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (о происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюрятиничей) // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии: Памяти В.Д. Белецкого. СПб.; Псков.

Молчанов 1997б — *А.А. Молчанов.* Скандинавские выходцы среди феодальной элиты Северной Руси (потомки ярла Рёгнвальда Ульвссона в Ладоге и Новгороде) // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Петрозаводск.

Молчанов 1997в — *А.А. Молчанов.* Предыстория московского герба // МАРС. Альманах. № 1.

Молчанов 1997г — *А.А. Молчанов.* [Рец. на кн.]: *М.П. Сотникова.* Древнейшие русские монеты X–XI веков. Каталог и исследование. М., 1995 // Российская археология. № 3.

Молчанов 2004 — *А.А. Молчанов.* Владимир Мономах и его имена (К изучению княжеского именника Рюриковичей X — XII веков) // Славяноведение. № 2.

Монгайт 1961 — *А.Л. Монгайт.* Рязанская земля. М.

Мурьянов 1967–1968 — *М.Ф. Мурьянов.* Святоша Никола // Wiener slavistisches Jahrbuch. Bd. 14.

Мурьянов 1974 — *М.Ф. Мурьянов.* К символике нередицкой росписи // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М.А. Каргера / Отв. ред. А.Н. Кирпичников, П.А. Раппопорт. Л.

Мурьянов 1984 — *М.Ф. Мурьянов.* Фрагмент культурной истории древних славян // Советское славяноведение. № 1.

Мюллер 1995 — *Л. Мюллер.* О времени канонизации святых Бориса и Глеба // Russia Mediaevalis. T. VIII: 1.

Назаренко 1993 — *А.В. Назаренко.* Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная История. № 2.

Назаренко 1994 — *А.В. Назаренко.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков // Древнейшие государства Восточной Европы 1991. М.

Назаренко 1999 — *А.В. Назаренко.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.

Назаренко 2000 — *А.В. Назаренко.* Городенское княжество и городенские князья в XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы 1998. М.

Назаренко 2000а — *А.В. Назаренко.* Порядок престолонаследия на Руси X — XII вв.: Наследственные разделы, сеньорат и попытка десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь) / Сост. В.Я. Петрухин. М.

Назаренко 2001 — *А.В. Назаренко.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX — XII веков. М.

Назаренко, в печати — *А.В. Назаренко.* Владимир Мономах и Вельфы в конце XI в. // Славяно-германские исследования / Отв. ред. А.В. Циммерлинг. Т. 3. М.

Некрасов 1929 — *А.И. Некрасов.* Возникновение московского искусства. Ч. II: Живопись. Федоровское Евангелие. М.

Никитенко 1999 — *Н.Н. Никитенко.* Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской. Киев.

Никитина 1987 — *Ю.И. Никитина.* Монументально-декоративная резьба моленных мест из Новгородской Софии // Памятники культуры. Новые открытия 1986: Письменность, искусство, археология. Л.

Николаева 1970 — *Т.В. Николаева.* О некоторых волоколамских древностях // Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV — XVI вв. М.

Николаева 1977 — *Т.В. Николаева.* Предметы княжеского убора XIV в. // Памятники культуры. Новые открытия 1976: Письменность, искусство, археология. М.

Никольский 1897 — *Н. Никольский.* Кирилло-Белозерский монастырь. Т. I. Вып. 1. СПб.

НЛ — Новгородские летописи. СПб., 1841.

НЛ 1879 — Новгородские летописи. СПб., 1879.

Орешников 1896 — *А.В. Орешников.* Русские монеты до 1547 г. М. (Описание памятников Российского исторического музея. Вып. I).

Орешников 1897 — *А.В. Орешников.* Заметка о потире Переяславль-Залесского собора // Археологические известия и заметки. № 11.

Орешников 1903 — *А.В. Орешников.* Материалы к русской сфрагистике. М. (Труды Московского нумизматического общества. Т. III. Вып. 1).

Орловский 1909 — *И. Орловский.* Борисоглебский монастырь // Смоленская старина. Вып. I. Ч. 1.

Охманьский 1974 — *Е. Охманьский.* Гедиминовичи — «правнуки Сколожендовы» // Польша и Русь: Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII — XIV вв. / Под. ред. акад. Б.А. Рыбакова. М.

Павлова 2004 — *Р. Павлова.* Культ святого великого князя Мстислава у южных славян (Материалы) // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии / Отв. ред. А.А. Романова. СПб.

Памятники архитектуры Москвы 1982 — Памятники архитектуры Москвы: Кремль, Китай-город и центральные площади. М.

Памятники старинной русской литературы — Памятники старинной русской литературы. Т. IV. СПб., 1862.

Пашуто 1966 — *В.Т. Пашуто.* Половецкое епископство // Festschrift für E. Winter. Berlin.

Пашуто 1968 — *В.Т. Пашуто.* Внешняя политика Древней Руси. М.

Пашуто 1977 — *В.Т. Пашуто.* Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.

ПВЛ 1996 — Повесть временных лет / Подг. текста, пер., статьи и ком. Д.С. Лихачева. Изд. 2-е. СПб. (Литературные памятники).

ПЕП — Повесть о Евфросинии Полоцкой // Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 4: Повести религиозного содержания, древние поучения и послания / Извлеч. из рукоп. Н. Костомаровым. СПб., 1862.

Песков, Раппопорт 1987 — *А.А. Песков, П.А. Раппопорт.* Неизвестный памятник волынского зодчества XII в. // Памятники культуры. Новые открытия 1986: Письменность, искусство, археология. Л.

Петрухин 2002 — *В.Я. Петрухин.* Христианство на Руси во второй половине X — первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М.

Печатный пролог — Киевлянин. Печатный пролог. М., 1850. Кн. III.

Пивоварова 1991 — *Н.В. Пивоварова.* Ктиторская тема в иконографической программе церкви Спаса на Нередице // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 23.

Пивоварова 2002 — *Н.В. Пивоварова.* Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде: Иконографическая программа росписи. СПб.

Писарская 1964 — *Л. Писарская.* Памятники византийского искусства V — XV веков в Государственной Оружейной палате. Л.

Плахонин 2004 — *А.Г. Плахонин.* «История Российская» В.Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей // Средневековая Русь. Вып. 4.

Плугин 1972 — *В.А. Плугин.* Фрагмент росписи южной галереи Успенского собора во Владимире // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М.

Повесть о болезни и смерти Василия III — Повесть о болезни и смерти Василия III / Подг. текста, пер. и ком. Н.С. Демковой // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М., 1985.

Повесть о разорении Рязани Батыем — Повесть о разорении Рязани Батыем / Подг. текста, пер. и ком. Д.С. Лихачева // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.

Погодин 1855 — *М.П. Погодин.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М.Т. VI.

Подобедова 1972 — *О.И. Подобедова.* Московская школа живописи при Иване IV: Работы в Московском Кремле 40-х — 70-х годов XVI в. М.

Подобедова 1980 — *О.И. Подобедова.* Изучение русской средневековой монументальной живописи // Древнерусское искусство: Монументальная живопись XI — XVII вв. М.

Покровская 1975 — *В.Ф. Покровская*. Летописный свод 1488 г. из собрания Н.П. Лихачева // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М.

Поппэ 1995 — *А. Поппэ*. О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // Russia Mediaevalis. T. VIII: 1.

Поппэ 1996 — *А. Поппэ*. Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Издание второе, исправленное и дополненное. Перевод А.В. Назаренко под редакцией К.К. Акентьева. СПб. (Subsidia Byzantinorossica. T. 1).

Поппэ, в печати — *А. Поппэ*. Гертруда-Олисава, «русьская княгиня»: Пересмотр биографических данных // Именослов: Записки по исторической семантике имени / Сост. Ф.Б. Успенский. Вып. 2.

Порфиридов 2005 — *Н.Г. Порфиридов*. К вопросу о запрестольном Деисусе Нередицкой церкви / Вступительная статья, публикация и примечания Г.К. Маркиной // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. К 800-летию памятника / Отв. ред. О.Е. Этингоф. М.

Послание митрополита Фотия — Послание Фотея митрополита во Псков: устав о литургии и всякой службе // Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI — XV в. Изд. 2-е. СПб., 1908 (Русская историческая библиотека. Т. 6).

Постникова-Лосева 1976 — *М.М. Постникова-Лосева*. Три камеи Государственной Оружейной палаты // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1975. М.

Похвала роду рязанских князей — Похвала роду рязанских князей / Подг. текста, пер. и ком. Д.С. Лихачева // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.

Приселков 1950 — *М.Д. Приселков*. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л.

Присёлков 2003 — *М.Д. Присёлков*. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X — XII вв. СПб.

Приход чудотворного Николина образа — Приход чудотворного Николина образа Зарайского иже бе из Корсуня града в пределы Рязанския… // Временник Общества истории и древностей российских. М., 1852. Т. 15. Отд. 3.

Протасьева 1974 — *Т.Н. Протасьева*. Византийский орнамент // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сборник второй. М.

ПРП — Памятники русского права. Вып. II. М., 1953.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. СПб./Пг./Л.; М., 1841–2004. Т. 1–43. (В случае переиздания летописи мы, кроме специально отмеченных случаев, ссылаемся на последнее издание).

ПСРЛ 1843 — Ипатьевская летопись [1]. СПб. (ПСРЛ. Т. II).

ПСРЛ 1853 — Софийские летописи. СПб. (ПСРЛ. Т. VI).

ПСРЛ 1917 — Новгородская пятая летопись. Пг. (ПСРЛ. Т. IV).

---

[1] В приложении к этому тому помещена также Густынская летопись (С. 233–373).

Путешествие... Антония в Царьград — Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия / С предисловием и примечаниями П. Савваитова. СПб., 1872.

Путешествие игумена Даниила... — Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в. / Под ред. А.С. Норова. СПб., 1864. (Издание Археографической комиссии).

Пуцко 2003 — *В.Г. Пуцко.* Ювелирное искусство в художественной культуре древнерусского города // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время: Проблемы культуры и культурного наследия. Доклады третьей научной конференции (Муром, 17–20 мая 2000 г.). М.

Пчелов 1994 — *Е.В. Пчелов.* Польская княгиня — Мария Добронега Владимировна // Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1994 г. М.

Пчелов 1999 — *Е.В. Пчелов.* Скандинавские имена в династической традиции Рюриковичей домонгольского периода // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. Материалы конференци. Москва, 19–21 ноября 1997 г. М.

Пчелов 2001 — *Е.В. Пчелов.* Генеалогия древнерусских князей. М.

Пчелов 2004 — *Е.В. Пчелов.* Генеалогия семьи Юрия Долгорукого // Ruthenica. Т. III.

Рапов 1977 — *О.М. Рапов.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М.

Раппопорт 1993 — *П.А. Раппопорт.* О датах закладки и сроках строительства древнерусских храмов // Палестинский сборник. Вып. 32 (95).

Раппопорт 1993а — *П.А. Раппопорт.* Древнерусская архитектура. СПб.

Реформатская 1968 — *М.А. Реформатская.* О группе произведений псковской станковой живописи второй половины XIV века // Древнерусское искусство: Художественная культура Пскова. М.

Родословная книга — Родословная книга // Временник Общества Истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. десятая. М., 1851.

Рождественская 1992 — *Т.В. Рождественская.* Древнерусские надписи на стенах храмов. СПб.

Розанов 1912 — Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему / Приготовил С.П. Розанов. СПб. (Памятники древнерусской литературы. Вып. 1).

Розов 1965 — *Н.Н. Розов.* Похвальное слово великому князю Василию III // Археографический ежегодник за 1964 г. М.

Ромодановская 1999 — *Е.К. Ромодановская.* О поэтике имени в древнерусской литературе // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 51.

Рукавишников 2002 — *А.В. Рукавишников.* Некоторые вопросы истории полоцкой земли домонгольского периода // Русское Средневековье 2000–2001 гг. М.

Рукавишников 2003 — *А.В. Рукавишников*. Почему полоцкие князья были сосланы в Византию: свидетельства источников // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. № 2 (12). Июнь.

Русинов 2002 — *В.Н. Русинов*. Послание епископа Симона к иноку Поликарпу и его источники // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Нижний Новгород.

Рыбаков 1949 — *Б.А. Рыбаков*. Печать Георгия и Софии (Из истории борьбы горожан Киева с князьями в XII в). // Краткие Сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 29.

Рыбаков 1964 — *Б.А. Рыбаков*. Русские датированные надписи XI — XIV веков. М.

Рыдзевская 1978 — *Е.А. Рыдзевская*. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия (IX — XIV вв.). М.

Рындина 1972 — *А.В. Рындина*. Суздальский змеевик // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М.

Рындина 1977 — *А.В. Рындина*. Малоизвестный памятник тверского искусства XV века // Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. М.

Сазонов 1994 — *С.В. Сазонов*. К проблеме восприятия смерти в средневековой Руси // Русская история: Проблемы менталитета. Тезисы докладов научной конференции. Москва, 4–6 октября 1994 г. М.

Сазонов 1994а — *С.В. Сазонов*. Монашеское имя Александра Невского и традиция монашеского имянаречения в средневековой Руси // Сообщения Ростовского музея. Ростов. Вып. VI.

Сазонов 1995 — *С.В. Сазонов*. О монашеском имени Александра Невского // Князь Александр Невский. Материалы научно-практической конференции 1989 и 1994 гг. / Отв. ред. Ю.К. Бегунов и А.Н. Кирпичников. СПб.

Сазонов 1999 — *С.В. Сазонов*. «Молитва мертвых за живых» в русском летописании XII — XV в. // Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М.

Самойлова 1999 — *Т.Е. Самойлова*. «Новооткрытый» портрет Василия III и идеи святости государя и государева рода // Искусствознание. № 1.

Самойлова 2000 — *Т.Е. Самойлова*. Росписи XVI века в усыпальнице Ивана Грозного // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. Материалы научной конференции 1991. М. Вып. II.

Самойлова 2000а — *Т.Е. Самойлова*. К истории возникновения традиции написания мерных икон // Русское искусство позднего Средневековья: XVI век. Тезисы докладов международной конференции. Москва, 12–14 января 2000 г. СПб., 2000.

Самойлова 2004 — *Т.Е. Самойлова*. Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля: Иконографическая программа XVI в. М.

Свердлов 2003 — *М.Б. Свердлов*. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб.

Северьянов 1922 — *С.Н. Северьянов*. Codex Gertrudianus. Пг. [= Сборник ОРЯС Российской Академии Наук. Т. XCIX. № 4.]

Селищев 1968 — *А.М. Селищев*. Избранные труды. М.

Семенов 1959 — *А.И. Семенов*. Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю // Новгородский исторический сборник. Вып. 9.

Сендерович 2000 — *С.Я. Сендерович*. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь) / Сост. В.Я. Петрухин. М.

Серебрянский 1915 — *Н.И. Серебрянский*. Древнерусские княжеские жития: Обзор редакций и тексты. М.

Сергий — *Архиепископ Сергий (Спасский)*. Полный месяцеслов Востока. Т. I–III. Издание второе, исправленное и дополненное. Владимир, 1901. (Репринт: М., 1997).

Сизов 1976 — *Е.С. Сизов*. К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора // Государственные Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. II.

Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря — Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е годы) / Подгот. текста и исслед. Т.И. Шабловой. СПб., 2004. (Святые и святыни Русской земли).

Синопсис 1798 — Синопсис или краткое описание от различных летописцев, о начале славенскаго народа, о первых Киевских князьях, и о житии Святаго Благовернаго и Великаго князя Владимира, всея Руси первейшаго самодержца, и о его Наследниках, даже до Благочестивейшаго Государя Царя и Великаго Князя Феодора Алексиевича. Осмым тиснением изданное. СПб.

Синопсис 2000 — Келейный летописец святителя Димитрия Ростовского с прибавлением его жития, чудес, избранных творений и Киевского Синопсиса архимандрита Иннокентия Гизеля [б. м. изд.], «Паломникъ».

Сказание...1909 — Сказание о явлении и чудесах Федоровской иконы Богоматери в Костроме / С предисловием И.В. Баженова // Вестник археологии и истории. Вып. XIX.

Служебник — Служебник. М., 1646.

Снегирев 1842–1845 — *И.М. Снегирев*. Памятники московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы. М.

Соболева 1991 — *Н.А. Соболева*. Русские печати. М.

Соболевский 1910 — *А.И. Соболевский*. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб. [= Сб. ОРЯС.Т. 88].

Соколов 1923 — *Б.М. Соколов*. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира (Германо-русские отношения в области эпоса) // Ученые записки Государственного Саратовского университета имени Н.Г. Чернышевского.

Саратов. Т. I. Вып. 3: Словесно-историческое отделение педагогического факультета.

Соловьев 1988 — *С.М. Соловьев.* Сочинения. Книга I: История России с древнейших времен. Тома 1–2. Книга II. Тома 3–4. М.

Соловьев 1989 — *С.М. Соловьев.* Сочинения. Книга III: История России с древнейших времен. Тома 5–6. М.

Соловьева 2002 — *Т.Б. Соловьева.* «Перфилей, прозвище Иван». О дуальности личных имен календарного происхождения в именовании людей в России 16–17 вв. // Slavica Gandensia. Vol. 29.

Сорокатый 1977 — *В.М. Сорокатый.* Некоторые надгробные иконостасы Архангельского собора московского Кремля // Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. М.

Сотникова, Спасский 1983 — *М.П. Сотникова, И.Г. Спасский.* Тысячелетие древнейших монет России. Л.

Срезневский 1880 — *И. Срезневский.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Сборник ОРЯС.Т. XX. (LXXXVI. Запись с похвалою в. к. Иоанну Калите).

Срезневский 1882 — *И.И. Срезневский.* Древние памятники русского письма и языка (X — XIV вв).: Общее повременное обозрение. СПб.

Срезневский 1893–1903 — *И.И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб.

Стерлигова 1997 — *И.А. Стерлигова.* Византийский мощевик Димитрия Солунского из Московского Кремля и его судьба в Древней Руси // Дмитриевскиӣ собор: к 800-летию памятника. М.

Столярова 1996 — *Л.В. Столярова.* Мария Дмитриевна — жена псковского князя Довмонта // Средневековая Русь. Вып. 1.

Столярова 2001 — *Л.В. Столярова.* Синодик Стефановской церкви псковского Спасо-Мирожского монастыря конца XVI в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001. Материалы конференции. М.[2]

Строев 1844 — Ключ или алфавитный указатель к Истории государства Российского, Н.М. Карамзина, составленный и ныне дополненный, исправленный и приспособленный к пятому ея изданию П. Строевым… СПб. (Репринт: М., 1988).

Сычев 2005 — *Н.П. Сычев.* К истории церкви Спаса-Нередицы близ Новгорода / Публикация и комментарии О.Е. Этингоф // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. К 800-летию памятника / Отв. ред. О.Е. Этингоф. М.

Татищев — *В.Н. Татищев.* История Российская / Подгот. к печати М.П. Ирошниковой, З.Н. Савельевой; Под ред. А.И. Андреева, С.Н. Валка, М.Н. Тихомирова. М.; Л., 1962–1968. Т. 1–7.

---

2 Текст Синодика опубликован в Приложении к данному тому (С. 211–220).

Творогов 1987 — *О.В. Творогов.* Изборник 1073 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси: XI — первая половина XIV в. Вып. I. Л.

Тиганова 1972 — *Л.В. Тиганова.* Повесть о Софье Ярославне Тверской // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. М. Вып. XXXIII.

Тихомиров 1947 — *М.Н. Тихомиров.* Древняя Москва (XII — XV вв.). М.

Тихомиров 1957 — *М.Н. Тихомиров.* Средневековая Москва в XIV—XV вв. М.

Творогов 1993 — *О.В. Творогов.* На ком были женаты Игорь и Всеволод Святославичи? // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 48.

Толстая 2002 — *С.М. Толстая.* Семантическая модель родства в славянском народном календаре // Славяноведение. № 1.

Толстой 1882 — *И.И. Толстой.* Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. СПб.

Толстой, Кондаков 1899 — *И.И. Толстой, Н.П. Кондаков.* Русские древности в памятниках искусства. СПб. Вып. 6.

Толстой 1887 — Книга глаголемая: Описание о российских святых, где и в котором граде или области или монастыре и пустыни поживе и чюдеса сотвори, всякаго чина святых / Дополнил биографическими сведениями М. В. Толстой // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при имп. Московском университете. Кн. 4.

Томсен — *В. Томсен.* Начало русского государства // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь / Сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М., 2002.

Тупиков 1903 — *Н.М. Тупиков.* Словарь древне-русских личных собственных имен. СПб.

Турилов, в печати — *А.А. Турилов.* К биографии и генеалогии Михаила Клопского // Средневековая Русь. Вып. 6.

Унбегаун 1971 — *Б.О. Унбегаун.* Отчества на *–ич* и их отношение к русским фамилиям // Исследования по славянскому языкознанию: Сб. в честь шестидесятилетия профессора С. Б. Бернштейна. М., 1971.

УС — Успенский сборник XII — XIII вв. / Подгот. к печ. О.А. Князевская и др. М., 1971.

Усачев, в печати — *А.С. Усачев.* Степенная книга и русская средневековая лексикография.

Б.А. Успенский 1996–1997 — *Б.А. Успенский.* Избранные труды. Т. I–III. М.

Б.А. Успенский 1998 — *Б.А. Успенский.* Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.

Б.А. Успенский 2000 — *Б.А. Успенский.* Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М.

Б.А. Успенский 2002 — *Б.А. Успенский.* Когда был канонизирован князь Владимир Святославич? // Palaeoslavica. Vol. X. No. 2: For Professor Ihor Ševčenko on his 80th birthday.

Ф.Б. Успенский 2001 — *Ф.Б. Успенский.* Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М.

Ф.Б. Успенский 2001а — *Ф.Б. Успенский.* Языческое и христианское имя в Скандинавии и на Руси // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Архангельск.

Ф.Б. Успенский 2001б — *Ф.Б. Успенский.* Варяжское имя в русском языковом обиходе (к этимологии слова «олух») // Древнейшие государства Восточной Европы 1999. М.

Ф.Б. Успенский 2001в — *Ф.Б. Успенский.* К вопросу о происхождении русских отчеств // Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001 г. Тез. докл. М.

Ф.Б. Успенский 2002 — *Ф.Б. Успенский.* Скандинавы — Варяги — Русь: Историко-филологические очерки. М.

Ф.Б. Успенский 2002а — *Ф.Б. Успенский.* Из истории Швеции XI века: конунг Стейнкель в Саге о Хервёр и у Адама Бременского // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: XIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 2002 г. Материалы конференции. М.

Ф.Б. Успенский 2004 — *Ф.Б. Успенский.* Категория свойствá (mágsemð) в древнескандинавской модели родовых отношений: К постановке проблемы Слово в перспективе литературной эволюции: К 100-летию М.И. Стеблин-Каменского / Отв. ред. О.А. Смирницкая; Сост. О.А. Смирницкая, Ф.Б. Успенский. М.

Ф.Б. Успенский 2004а — *Ф.Б. Успенский.* Легенды на печатях норвежских правителей XII — XIII вв. (Сверрир-Магнус и Хакон Старый) // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 19–24 апреля 2004 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2004.

Ф.Б. Успенский 2004б — *Ф.Б. Успенский.* «Яростный как лев, кроткий как агнец»: Легенда печати и легенда власти в Норвегии XII — XIII вв. // Historia animata. Памяти Ольги Игоревны Варьяш. Ч. 1–3. М. Ч. 3.

Ф.Б. Успенский 2004в — *Ф.Б. Успенский.* МСТИСЛАВЛЯЯ ХРИСТИНА: Шведско-новгородские связи конца XI в. // XV Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Москва, 23–26 июня 2004 г. Тезисы докладов. Ч. I–II. М.Ч. I.

Ф.Б. Успенский, в печати-а — *Ф.Б. Успенский.* К изучению династической истории Швеции XI в.: Конунг Стейнкель в «Саге о Хервёр» и у Адама Бременского // Древнейшие государства Восточной Европы. М., в печати.

Ф.Б. Успенский, в печати-б — *Ф.Б. Успенский.* Брак Мстислава и Кристины: к вопросу о русско-шведских династических связях XI — начала XII вв. // Мозаика. Фрагменты истории шведской культуры. М.

Федоров-Давыдов 1981 — *Г.А. Федоров-Давыдов.* Монеты Московской Руси: Москва в борьбе за независимое и централизованное государство. М.

Филарет 1874 — *Филарет* [*Гумилевский*]. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. Чернигов.

Флоря 1995 — *Б.Н. Флоря.* Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка // Отечественная История. № 5.

Флоря 2003 — *Б.Н. Флоря.* Иван Грозный. М. (Жизнь замечательных людей).

Франчук 1987 — *В.Ю. Франчук.* Дохристианские личные имена восточных славян в древнерусском летописании XI — XII вв. // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность. Киев.

Франчук 1987а — *В.Ю. Франчук.* Отражение культа почитания предков в древнерусском летописании // Религиозные представления в первобытном обществе. Тезисы докладов. М.

Франчук 1998 — *В.Ю. Франчук.* Отражение языческого мировоззрения славянства в древнерусском летописании // Культура славян и Русь. М.

Хорошкевич 1989 — *А.Л. Хорошкевич.* Конные печати Мстислава Мстиславича Удалого — источник по истории международных отношений Руси начала XIII в. // Славяне и их соседи: Международные отношения в эпоху феодализма. М.

Хорошкевич 1995 — *А.Л. Хорошкевич.* «Конные печати» Александра Невского и традиции средневековой сфрагистики // Князь Александр Невский и его эпоха / Под ред. Ю.Н. Бегунова и А.Н. Кирпичникова. СПб.

Христианские реликвии 2000 — Христианские реликвии в Московском Кремле / Сост. А.М. Лидов. М.

Хрусталев 2002 — *Д.Г. Хрусталев.* Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб.

Хрусталёв 2004 — *Д.Г. Хрусталёв.* Русь: От нашествия до «ига» 30–40 гг. XIII века. СПб.

Чекин 2000 — *Л.С. Чекин.* Безбожные сыны Измаиловы: половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // // Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь) / Сост. В.Я. Петрухин. М.

Чернецов 1981 — *А.В. Чернецов.* Два перстня-печати из Старой Рязани // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология. Ежегодник 1980. Л.

Чичагов 1959 — *В.К. Чичагов* Из истории русских имен, отчеств и фамилий: Вопросы русской исторической ономастики XV — XVII вв. М.

Членов 1970 — *А.М. Членов.* К вопросу об имени Святослава // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем: Проблемы антропонимики. М.

Членов 1979 — *А.М. Членов.* Языческий обряд низложения династии в Киевской Руси (реконструкция) // Обычаи и культурно-дифференцирующие традиции у народов мира. М.

Шахматов 1908 — *А.А. Шахматов.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.

Штаден 1925 — *Генрих Штаден.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника / Пер. и вступ. ст. И.И. Полосина. М.

Штендер 1977 — *Г.М. Штендер*. О ранних Феодоровских храмах древнего Новгорода // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология. Ежегодник 1977. М.

Штернберг 1984 — *Я.И. Штернберг*. Анастасия Ярославна, королева Венгрии // Вопросы истории. № 10.

Штыхов 1965 — *Г.В. Штыхов*. Печать XII в. из Полоцка // Советская археология. № 3.

Щавелева 1989 — *Н.И. Щавелева*. Польки — жены русских князей: XI — середина XIII в. // Древнейшие государства на территории СССР 1987. М.

Щавелева 1990 — *Н.И. Щавелева*. Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. М. (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Щавелева 2004 — *Н.И. Щавелева*. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI). Текст, перевод, комментарий / Под ред. и с дополнениями А.В. Назаренко. М. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

Щапов 1976 — Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв. / Изд. подгот.: Я.Н. Щапов. М.

Щапов 1989 — *Я.Н. Щапов*. Государство и церковь в Древней Руси: X–XIII. М.

Щепкина 1972 — *М.В. Щепкина*. О происхождении Успенского сборника // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М.

Щербатов — *М.М. Щербатов*. История российская от древнейших времен. СПб., 1902. Т. III.

Щетинин 1971 — *Л.М. Щетинин*. Имена и названия. Ростов-на-Дону.

Эйнхард — *Эйнхард*. Жизнь Карла Великого // Историки эпохи Каролингов. М., 2000.

Экземплярский — *А.В. Экземплярский*. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. I: Великие князья Владимирские, и Владимиро-Московские. Т. II: Владетельные князья Владимирских и Московских уделов и великие и удельные князья Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские. СПб. 1889–1891.

Экземплярский 1889 — *А.В. Экземплярский*. Угличские владетельные князья. Ярославль.

Якобсон 1966 — *Р. Якобсон*. О морфологическом составе древнерусских отчеств // *R. Jakobson*. Selected Writings. Vol. IV. Paris.

Якунина 1963 — *Л.И. Якунина*. Памятник портретного шитья конца XV века // Древнерусское искусство: XV — начала XVI веков. М.

Янин 1956 — *В.Л. Янин*. Печать Мстиславовой грамоты // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. 65.

Янин 1956а — *В.Л. Янин*. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М.

Янин 1957 — *В.Л. Янин.* Из истории русской художественной и политической жизни XII в. // Советская археология. № 1.

Янин 1958 — *В.Л. Янин.* О первоначальной принадлежности так называемого шлема Ярослава Всеволодовича // Советская Археология. № 3.

Янин 1960 — *В.Л. Янин.* Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 16.

Янин 1963 — *В.Л. Янин.* Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV.

Янин 1970 — *В.Л. Янин.* Актовые печати Древней Руси X — XV вв. Т. 1: Печати X — начала XIII в. Т. 2: Новгородские печати XIII — XV в. М.

Янин 1972 — *В.Л. Янин.* Еще раз об атрибуции шлема Ярослава Всеволодича // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М.

Янин 1973 — *В.Л. Янин.* Патрональные сюжеты и атрибуция древнерусских художественных произведений // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура. Сборник статей в честь В.Н. Лазарева. М.

Янин 1977 — *В.Л. Янин.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М.

Янин 1999 — *В.Л. Янин.* Две древнерусские вислые печати начала XI в. // ГЄNNАДІОС: к 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М.

Янин 2001 — *В.Л. Янин.* К истории преобразования новгородско-княжеских отношений при Всеволоде Мстиславиче // Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой. М.

Янин 2003 — *В.Л. Янин.* Новгородские посадники. Издание 2-е, переработанное и дополненное. М.

Янин 2004 — *В.Л. Янин.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М.

Янин 2004а — *В.Л. Янин.* К истории создания нередицкой живописи // *Т.С. Щербатова-Шевякова.* Нередица: Монументальные росписи церкви Спаса на Нередице. М.

Янин, Зализняк 1986 — *В.Л. Янин, А.А. Зализняк.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.

Янин, Гайдуков 1998 — *В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков.* Актовые печати Древней Руси X — XV вв. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.

Янин, Зализняк, Гиппиус 2004 — *В.Л. Янин*, *А.А. Зализняк*, *А.А. Гиппиус*. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1997–2000 годов. Т. XI. М.

Верещагіна 1999 — *Н. Верещагіна.* Чи звався князь Володимир Миколаєм? // Людина і світ. № 2.

Верещагіна 2003 — *Н. Верещагіна.* Мощі великомученика Пантелеїмона — святиня Київської Русі // Софійські читання: Матеріали Перших науково-практичних Софійських читань (м. Київ, 27–28 листопада 2002 р.). Київ.

Висоцький 1968 — *С.О. Висоцький*. Давньоруські написи Софії Київської XI — XIX ст. Київ.

Гавриленко, Чайка 2004 — *В. Гавриленко, Р. Чайка*. Вислі свинцеві булли з Плісненська: Факти і гіпотези // До джерел: Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. Т. I–II. Київ; Львів. Т. I.

Грушевський — *Михайло Грушевський*. История України-Руси в одинадцяти томах, дванадцяти книгах. Львів; Кіив, 1904–1922 (репринт: Кіив, 1992–1994).

Коваленко 2002 — *В. Коваленко*. Скарб Ольговичів // А СЄ ЄГО СРЄБРО: Збірник праць на пошану члена-корреспондента НАН України Миколи Федоровича Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ.

Марголіна 2003 — *І. Марголіна*. Розшифровка ктиторської композиції у київській Кирилівській церкви // Софійські читання: Матеріали Перших наукови-практичних Софійських читань (м. Київ, 27–28 листопада 2002 р.). Київ.

Марголіна 2004 — *І. Марголіна*. Щодо присвячення Київської Кирилівської церкви // Софійські читання. Вып. 2: Сакральні споруди у житті суспільства: історія і сьогодення. Матеріали Другої міжнародної науково-практичної конференції «Софійські читання» (м. Київ, 27–28 листопада 2003 р.). Київ.

Рибаков 1950 — *Б.О. Рибаков*. Печатки чернігівських князів // Археология. Т. III.

Франчук 1990 — *В.Ю. Франчук*. Системный характер найменувань в давньоруському княжому род // Шоста республканська ономастична конференця (4–6 грудня 1990 року). Одеса.

Adam — *Adam Bremensis* Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / Ed. B. Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917. (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis separatim editi). Unveränderter Nachdruck, 1977.

AG — *Anonymi Galli* Chronicae et gesta ducum sive principum Polonorum. Ed. K. Maleczyński. Kraków, 1952.

Ágr. — Ágrip af Nóregs konunga sögum / Hrsg. von Finnur Jónsson. Halle, 1929. (Altnordische Saga-Bibliothek. Hft. 18).

Ágr. Dan. — Danakonunga sögur. Skjöldunga saga. Knýtlinga saga. Ágrip af sögu danakonunga / Bjarni Guðnason gaf út. Reykjavík, 1982. (Íslenzk fornrit. Bnd. 35).

Bæcklund 1956 — *A. Bæcklund*. Personal Names in Medieval Velikij Novgorod: I. Common Names. Uppsala. (Acta Universitatis Stockholmiensis. Études de philologie slave. Vol. 9).

Balzer 1895 — *O. Balzer*. Genealogia Piastów. Kraków.

Banaszkiewicz 1990 — *J. Banaszkiewicz*. Bolesław i Peredsława: Uwagi o wroczystósci stanowienia władcy w związku z wejściem Chrobrego do Kijowa // Kwartalnik Historyczny. Warszawa. Rocznik XCVII. Nr 3–4.

Baumgarten 1927 — *N. Baumgarten.* Genealogies et marriages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle. Roma. (Orientalia Christiana. Vol. 9: 1. Num. 35. Maio).

Baumgarten 1934 — *N. Baumgarten.* Généalogies des branches régnantes des Rurikides russes du XIIIe au XIVe siècle. Roma. (Orientalia Christiana. Vol. 35: 1. Num. 94. Iunio).

Beckman 1912 — Ur vår äldsta bok / Utg. af N. Beckman. Stockholm.

Beckman 1922 — *N. Beckman.* Sverige i isländsk tradition // Svensk Historisk Tidsskrift. Årg. 42.

Braun 1910 — *F. Braun.* Hvem var Yngvarr víðförli? Ett bidrag till Sveriges historia under XI århundradets första hälft // Fornvännen. Bnd. 5.

Braun 1924 — *F. Braun.* Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X — XIV. Jahrhunderts // Festschrift Eugen Mogk zum 70. Geburtstag. Halle.

Dąbrowski 2001 — *D. Dąbrowski.* Synowie Mścisława Rościsławowicza Chrobrego. Przyczynek do genealogii smoleńskiej linii Rurykowiczów // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. Nowej serii t. V (XVI).

Dąbrowski 2002 — *D. Dąbrowski.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław. (Biblioteka Genealogiczna. T. 6).

DGP — Danmarks Gamle Personnavne. Bnd. 1. Fornavne / Udg. af Gunnar Knudsen og Marius Kristensen, under Medvirkning af Rikard Hornby. Halvbnd. 1. København, 1936–1940. Halvbnd. 2. København, 1941. [Паг. сплошная].

DR — Danmarks runeindskrifter / L. Jacobsen og E. Moltke under medvirkning af A. Bæksted og K. M. Nielsen. København, 1941–1942. Bnd. 1–2.

Eb. — Eyrbyggjasaga / Hrsg. von H. Gering. Halle, 1897. (Altnordische Saga-Bibliothek. Hft. 6).

Eg. — Egils saga Skalla-Grímssonar / Buið hefir til prentunar Sveinn Bergsveinsson. Rejkjavík, 1950.

Fask. — Fagrskinna / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1902–1903. (Samfund(et) til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bnd. 30).

Flat. — Flateyarbók / Udg. af Gudbrand Vigfusson, C. R. Unger. Bnd. 1–3. Christiania, 1860–1868.

Fms. — Fornmanna sögur. Kaupmannahöfn, 1825–1837. Bnd. 1–12.

Forssman 1970 — *J. Forssman.* Die Beziehungen altrussischer Fürstengeschlechter zu Westeuropa: Mit 22 Stammtafeln ost- und nordeuropäischer Fürsten. Bern.

Gallén 1976 — *J. Gallén.* Vem var Valdemar den stores drottning Sofia? // Historisk Tidskrift för Finland. Årg. 61.

Gillingstam 1981 — *H. Gillingstam.* Utomnordiskt och nordiskt i de äldsta svenska dynastika förbindelserna // Personhistorisk Tidskrift. Årg. 77.

Gðr II. — Guðrúnarkviða II // Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. von G. Neckel. Bd. 1. Text. Heidelberg, 1936. (Germanische Bibliothek).

Gísl. — Gísla saga Súrssonar / Hrsg. von Finnur Jónsson. Halle, 1903. (Altnordische Saga-Bibliothek. Hft. 10).

Grala 1985 — *H. Grala.* Chrzestne imię Szwarna Daniłowicza. Ze studów nad dyplomatyką południoworuską XIII i XIV w. // Słowiańszczyzna i dzieje powszechne. Studia ofiarowane Profesorowi Ludwikowi Bazylowowi w siedemdziesiątą rocznicę Jego urodzin. Warszawa.

Grala 1989 — *H. Grala.* Rurykowicze na Bałkanach w XII i XIII wieku // Balcanica Posnaniensia. T. IV.

GullÞ. — Gull Þoris saga eller Þorkisfirðinga saga / Udg. ved K. Kålund. København, 1898. (Samfund(et) til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bnd. 26).

Gumowski 1913 — *M. Gumowski.* Wyobrażenia monet piastowskich jako zrodło historyczne // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne.

Gumowski 1914 — *M. Gumowski.* Podręcznik nimismatyki polskiej. Kraków.

Hertel 1980 — *J. Hertel.* Imiennictwo dynastii piastowskiej we wcześniejszym średniowieczy. Warszawa; Poznań; Toruń. (Roczniki Towarzystwa Naukowego w Toruni. T. 79. № 2).

Herv. — Hervarar saga ok Heidreks / Ed. G. Turville-Petre, C. Tolkien. London, 1956.

Hkr. — Heimskringla / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1893–1900/1901. Bnd. I–IV. (Samfund(et) til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bnd. 23).

Hrafnk. — Hrafnkels saga Freysgoða // Austfirðinga sögur / Jón Jóhannesson gaf út. Reykjavík, 1950. (Íslenzk fornrit. Bnd. 11).

Hursky 1960 — *Jacob. P. Hursky.* The Origin of Patronymic Surnames in Ukrainian // The Annals of Ukrainian Academy of Arts and Sciences. Vol. VIII. Part 1–2.

IA — Islandske Annaler indtil 1578 / Udg. ved G. Storm. Christiania, 1888.

Ísl. — Ares Isländerbuch / Hrsg. von W. Golther. Halle, 1923. (Altnordische Saga-Bibliothek. Hft. 1).

Janzén 1947 — Personnamn / Utg. av Assar Janzén. Stockholm; Oslo; København. (Nordisk Kultur. Bnd. 7).

Jasiński 1977 — *K. Jasiński.* Wierchosława, corka Wsewołoda // Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław; Warszawa; Kraków. T. 6

Jasiński 1992 — *K. Jasiński.* Rodwód pierwszych Piastów. Warszawa; Wroclaw.

Jasiński 1997 — *K. Jasiński.* Kielich płocki z pateną — dar księcia mazowieckiego Konrada I // Człowiek w społeczeństwie średniowiecznym. Warszawa.

Johannessen 2001 — *O.J. Johannessen.* "Var hann kendr við móður sína". Metronymika, metronymikonbruk og metronymikonbærere i norrøn middelalder // Studia anthroponymica Scandinavica. Vol. 19.

Jón Jónsson 1902 — *Jón Jónsson.* Um íslenzk mannanöfn // Safn til sögu Íslands og íslenzkra Bókmenta ad fornu og nýju. Bnd. 3. Kaupmannahöfn.

Jørgensen 1874–1878 — *A. D. Jørgensen.* Den nordiske Kirkes Grundlaeggelse og første Udvikling. København.

Kaiser 1995 — *D. H. Kaiser.* Naming Cultures in Early Modern Russia // HARVARD UKRAINIAN STUDIES. Камень Краєжгъльнъ: Rhetoric of the Medieval Slavic World. Essays presented to Edward L. Keenan on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students. Vol. 19. Cambridge Mass.

Kazhdan 1990 — *A. Kazhdan.* Rus'-Byzantine princely marriages in the eleventh and twelfth centuries // Harvard Ukrainian Studies 1988/1989. Vol. 12/13.

Keil 1931 — *M. Keil.* Altisländische Namenwahl. Leipzig. (Palaestra. Bd. 176).

Kiersnowski 1958 — *R. Kiersnowski.* O tzw. "ruskich" monetah Bolesława Chrobrego // Studia historica w 35-lecie pracy naukowej Henryka Lowmiańskiego. Warszawa, 1958.

Knýtl. — Sögur Danakonunga. Sögubrot af fornkonungum. Knytlingasaga / Utg. af C. Petersens och E. Olson. København, 1919–1925. (Samfund(et) til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bnd. 46).

Korpela 1995 — *J. Korpela.* Beiträge zur Bevölkerungsgeschichte und Prosopographie der Kiever Rus' bis zum Tode von Vladimir Monomach. Jyväskylä. (Studia Historica Jyväskyläensia. Bd. 54).

Labuda 1988 — *G. Labuda.* Tajemnice budowli grodowych i sakralnych na Ostrowie Lednickim u progu XI stulecia // *Labuda G.* Studia nad początkami Państwa Pólskiego. T. 1–2. Poznań. T. 2.

Ld. — Laxdœlasaga / Udg. ved K. Kålund. København, 1889–1891. (Samfund(et) til utgivelse at gammel nordisk litteratur. Bnd. 19).

Le Jan 2002 — *R. Le Jan.* Personal Names and the Transformation of Kinship in Early Medieval Society (Sixth to Tenth Centuries) // Personal Names Studies of Medieval Europe: Social Identity and Familial Structures / Ed. by G.T. Beech, M. Bourin, P. Chareille. Kalamazoo (Michigan). (Studies in Medieval Culture. Vol. XLIII).

Lewicki 1893 — *A. Lewicki.* Napis na paliuszu z XI wieku // Kwartalnik historiczny. T. 3.

Lind 1990 — *J. H. Lind.* The Martyria of Odense and a twelfth- century Russian prayer: The question of Bohemian influence on Russian religious literature // The Slavonic and East European Review. Vol. 68. No. 1 (January).

Lind 1992 — *J. H. Lind.* De russiske ægteskaber: dynasti- og alliancepolitik i 1130'ernes danske borgerkrig // [Dansk] Historisk Tidsskrift. Bnd. 92. Hft. 2.

Ldn. — Landnámabók I—III: Hauksbók. Sturlubók. Melabók. København, 1900.

Machek 1957 — *V. Machek.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha.

Manuscr. Gertr. — Manuscriptum Gertrudae filiae Meseconis II Regis Poloniae / Ed. W. Meysztowicz // Antemurale: Dissertationes in X internationali congressu scientiarum historicarum Romae a. MCMLV a sociis Societatis historicae Polonorum in exteris praesentatae. Roma, 1955. T. II.

Melnikova 2004 — *E. Melnikova.* The lists of Old Norse personal names in the Russian-Byzantine treaties of the tenth century // Studia Anthroponymica Scandinavica. Tidskrift för nordisk personnamnsforskning. Vol. 22.

MHN — Monumenta Historica Norvegiae. Latinske kildeskrifter til Noregs historie i middelalderen / Udg. G. Storm. Kristiania, 1880.

Milewski 1969 — *T. Milewski.* Indoeuropejskie imiona osobowe. Wrocław; Warszawa; Kraków.

Mitterauer 1988 — *M. Mitterauer.* Zur Nachbenennung nach Lebenden und Toten in Fürstenhäusern des Frühmittelalters // Gesellschaftsgeschichte. Festschrift für K. Bosl zum 80. Geburtstag. München.

Mitterauer 1993 — *M. Mitterauer.* Ahnen und Heilige: Namengebung in der europäischen Geschichte. München.

Mork. — Morkinskinna / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1932. (Samfund(et) til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bnd. 53).

Munch 1852–1859 — *P. A. Munch.* Det Norske Folks Historie. Christiania. Bnd. 1–4.

Munitiz 1984 — Nicephori Blemmydae autobiographia sive curriculum vitae necnon epistula universalior / Ed. J.A. Munitiz. Turnhout. ("Corpus christianorum". Series Graeca. T. XIII).

Munitiz 1988 — Nicephoros Blemmydes. A partial account / Introduction, translation and notes by J.A. Munitiz. Leuven. ("Specilegum sacrum Lovaniense", etudes et documents, fascicule 48).

Nj. — Brennu-Njálssaga (Njála) / Hrsg. von Finnur Jónsson. Halle, 1908. (Altnordische Saga-Bibliothek. Hft. 13).

ÓHLeg. — Ólafs saga hins helga / Udg. ved O.A. Johnsen. Kristiania, 1922.

ÓHm. — Saga Óláfs konungs hins helga. Den store saga om Olav den Hellige. Efter pergamenthåndskrift i kungliga biblioteket i Stockholm nr. 2 4to med varianter fra andre håndskrifter / Udg. ved O.A. Johnsen og Jón Helgason. Oslo, 1941. Bnd. 1–2.

Olrik 1888 — *H. Olrik.* Knud Lavards liv og gaerning. København.

ÓT Oddr — Saga Óláfs Tryggvasonar af Odd Snorrason munk / Udg. af Finnur Jónsson. København, 1932.

OV — Orderici Vitalis Angligenæ cœnobii uticensis monachi Historiæ Ecclesiasticæ // Patrologiae cursus completes. Series latina / Ed. J.–P. Migne. T. 188. Paris, 1855.

Przyborowski 1884 — *J. Przyborowski.* Wykopaliska monet z X i XI w. dokonane w r. 1882 // Biblioteka Warszawska. T. 43. Zes. 1.

Saxo — *Saxo Grammaticus.* Saxonis Gesta Danorum / Ed. J. Olrik, H. Raeder. T. 1. København, 1931.

Schmidt 1957 — *K. H. Schmidt.* Die Komposition in Gallischen Personennamen // Zeitschrift für celtische Philologie. Bd. 26. H. 1/2.

Semkowicz 1887 — *A. Semkowicz.* Rozbiór krytyczne "Dziejów Polski" Jana Dlugosza. Kraków.

Simek 2001 — *R. Simek.* Lust, Sex and Domination. Skírnismál and the Foundation of the Norwegian Kingdom // Sagnaheimur: Studies in honour of Her-

mann Pálsson on his 80th birthday, 26th May 2001 / Ed. by Ásdis Egilsdóttir and Rudolf Simek. Wien. (Studia Medievalia Septentrionalia. Vol. 6).

SmHD — Scriptores minores historiae Danicae medii aevi / Ed. M. Cl. Gertz. Bnd. I–II. Kopenhagen, 1917–1922.

Sobolewski 2002 — *Jan Piotr Sobolewski.* Wasylko Jaropełkowicz i Iziasław Jarosławowicz, dwaj książęta drohiccy z drugiej połowy XII wieku // Inter Orientem et Occidentem: Studia z dziejów Europy Środkowowschodniej ofiarowane Profesorowi Janowi Tyszkiewiczowi w czterdziestolecie pracy naukowej. Warszawa.

SRD — Scriptores rerum Danicarum medii aevi / Ed. Jacob Langebek et al. Hauniae (København), 1772–1878. T. 1–9.

Storm 1893 — *G. Storm.* Vore Forfædres Tro paa Sjælevandring og deres Opkaldelsessystem // Arkiv för nordisk filologi. Hft. 9.

Svarf. — Svarfdœlasaga / Jónas Kristjánsson gaf út. Reykjavík, 1956. (Íslenzk fornrit. Bnd. 9).

Syčev 1932 — *N.P. Syčev.* Su l'historire de l'èglise du Sauveur á Neredicy prés Novgorod // L'art Byzantin chez les Slaves (Recuieil Théodore Uspenskij). Vol. I–II. Paris. Vol. I.

Sørensen 1983 — *J.K. Sørensen.* Patronymics in Denmark and England: The Dorothea Coke Memorial Lecture in Northern Studies delivered at University College London 20 May 1982. London.

Sørensen 1984 — *J.K. Sørensen.* Patronymer i Danmark: Runetid och Medelalder. Bnd. 1. København.

Taszycki 1925 — *W. Taszycki.* Najdawniejsze Polskie imiona osobowe. Warszawa; Kraków; Lublin; Łódź; Poznań; Wilno; Zakopane. (Polska Akademja umiejętności. Wydział Filologiczny. — Rozprawy, T. 42. Nr. 3).

Thietm. — Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung / Hrsg. R. Holtzmann. Berlin, 1935.

Uspenskij 2001 — *F. Uspenskij.* Olof Skötkonungs dotter Ingegerds ryska namn // Släkt och Hävd. 2001. Nr. 4.

Uspenskij 2003 — *F. Uspenskij.* Dynastic names in medieval Scandinavia and Russia (Rus'): Family traditions and international connections // Studia Anthroponymica Scandinavica. Tidskrift för nordisk personnamnsforskning. 2003. Vol. 21.

Vígl. — Víglundarsaga // Barðarsaga Snæfellsass / Udg. ved Guðbrandr Vigfússon. Kjøbenhavn, 1860. (Nordiske Oldskrifter. Bnd. 27).

VMHH — Vetera Monumenta Historica Hungariam Sacram illustrantia / Ed. A. Theiner. Romae, 1859. T. 1.

Vodoff 1988–1989 — *V. Vodoff.* Pourquoi le grand prince Volodimer Svjatoslavič n'a-t-il-pas été canonize // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 12/13.

Vries 1977 — *J. de Vries.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden.

VSE — Vita sanctae Euphrosynae // Patrologiae cursus completes. Accurante J.-P. Migne. Series Latina. T. I–CCXXI. Paris, 1844–1865. T. LXXIII.

Wessén 1927 — *E. Wessén*. Nordiska Namnstudier. Uppsala. (Uppsala Universitets Årsskrift 1927 Filosofi, språkvetenskap och historiska vetenskaper. 3).

WM — The Vita Wulfstani of William of Malmesbury / Ed. R. R. Darlington. London, 1928. (Camden Society. Vol. 40).

YS — Yngvars saga Víðförla / Udg. ved E. Olsen. København, 1912. (Samfund(et) til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bnd. 39).

Þhr. — Þórðar saga hræðu / Valdimar Ásmundarson gaf út. Reykjavík, 1900.

УКАЗАТЕЛЬ ТАБЛИЦ

ГЛАВА I. Родовые имена Рюриковичей

Табл. №№ 1–3 *с. 30–31*

ГЛАВА II. Варьирование родовых имен в княжеском антропонимиконе: опыт династической морфологиии

Табл. №№ 1–17 *с. 70–71*

ГЛАВА III. Стрыи и сыновцы: о наречении племянника именем живого дяди

Табл. №№ 1–12 *с. 110–111*

ГЛАВА IV. Взаимодействие двух именословов: становление родовых христианских имен у Рюриковичей

Табл. №№ 1–21 *с. 174–175*

ГЛАВА V. Формирование христианской двуименности

Табл. №№ 1–4 *с. 214–215*

ГЛАВА VI. Тезки и их патрональные святые в семье Рюриковичей

Табл. №№ 1–10 *с. 237–238*

ГЛАВА VII. Из наблюдений над женскими мирскими именами в роду Рюриковичей

Табл. №№ 1–26 *с. 264–265*

Экскурс 1. «Отнее имя» в династической практике Рюриковичей домонгольской поры

Табл. №№ 1–32 *с. 322–323*

Экскурс 3. Два рассказа о Рогнеде, дочери Рогволода Полоцкого

Табл. №№ 1–4 *с. 354–355*

Экскурс 4. Брак Мстислава и Кристины: к вопросу о русско-шведских династических связях XI — начала XII в.

Табл. №№ 1–9 *с. 367–368*

Экскурс 5. Кем была Мария «Всеволожая»? Отчество и происхождение трех русских княгинь XII в.

Табл. №№ 1–6 *с. 381–382*

Экскурс 6. Иконы и даты: заметки о христианской двуименности в роду Рюриковичей

Табл. №№ 1–2 *с. 388–389*

Экскурс 7. «…А прямое имя ему Уар»: два Дмитрия Ивановича в семье Ивана Грозного

Табл. № 1 *с. 395–396*

Экскурс 8. Иваны, Елены и Феодосии в семье Ивана III

Табл. №№ 1–2 *с. 403–404*

Экскурс 9. Некоторые замечания о святых патронах русских князей по имени *Федор* (по поводу одной группы княжеских печатей XII в.)

Табл. № 1 *с. 418–419*

Экскурс 10. Устойчивые сочетания крестильных и мирских имен у домонгольских Рюриковичей

Табл. №№ 1–9 *с. 432–433*

Экскурс 11. Имена и формулы: о характеристиках князей-тезок из рода Рюриковичей

Табл. №№ 1–3 *с. 447–448*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

АВЕЛЬ, сын датского конунга Авеля, внук Вальдемара Старого, правнук Вальдемара Кнутссона Великого — с. 311.

АВЕССАЛОМ, сын Давида, царевич — с. 348 (примеч.).

АГАФИЯ, имя — с. 252 (примеч.), *461–463*, 576.

АГАФИЯ НИКОМИДИЙСКАЯ, святая — с. 461.

АГАФИЯ СИЦИЛИЙСКАЯ, святая — с. 461.

АГАФЬЯ, дочь Владимира Мономаха, внучка Всеволода, правнучка Ярослава Владимировича Мудрого — с. 248 (примеч.), *461*.
Гл. VII. Табл. № 8.
◈ ее муж (?), см. ВСЕВОЛОД ГОРОДЕНСКИЙ

АГАФЬЯ (?)-МАРИЯ (?), дочь Мстислава Великого, внучка Владимира Мономаха, правнучка Всеволода Ярославича — с. 18, 99, 252, 260, 263 (примеч.), *461–463*, 505, 576.
Гл. VII. Табл. №№ 13, 21, 24, 25.
◈ ее муж, см. ВСЕВОЛОД, сын Олега, внук Святослава, правнук Ярослава Мудрого.

АГАФЬЯ, дочь Мстислава Старого, внучка Романа, правнучка Ростислава Мстиславича — с. 298, *463*.
◈ ее муж, см. КОНСТАНТИН, сын Всеволода Большое Гнездо.

АДАЛЬБЕРТ-ВОЙТЕХ, миссионер, святой — с. 184, 565.

АДАМ БРЕМЕНСКИЙ, хронист — с. 355 (примеч.), 359 (примеч.), 566.

АДРИАН (АНДРИАН), имя — с. 104, 425, 463, *475*, 608.
Гл. III. Табл. № 10; Экскурс 10.
Табл. № 5.
→ См. также СВЯТОСЛАВ, сын Игоря, внук Святослава, правнук Олега Святославича.

АДРИАН НИКОМИДИЙСКИЙ, святой — с. 608.

АЕПА, сын Гиргеня, князь половецкий.
Гл. VII. Табл. № 19.
◈ его дочь, жена СВЯТОСЛАВА, сына Олега, внука Святослава Ярославича.

АЕПА, сын Осеня, князь половецкий — с. 12 (примеч.).
◈ его дочь, жена ГЕОРГИЯ ДОЛГОРУКОГО

АКИЛИНА, святая — с. 84.

АЛБВИН, сын Аудвина, лангобард — с. 33 (примеч.).

АЛБСВИНДА, дочь Аудвина, лангобардка — с. 33–34 (примеч.).

АЛЕКСАНДР, имя — с. 166, 167, 168 (примеч.), 169, 232, 326, *463–466*, 467, 591.
Гл. IV. Табл. № 21; Гл. VI. Табл. № 7.
→ См. также ОЛЕГ, сын Святослава, внук Ярослава Мудрого.

АЛЕКСАНДР, святой — с. 408, 409, 411, 412, 416, 463, 466 (примеч.).

АЛЕКСАНДР ЕГИПЕТСКИЙ, святой — с. 465.

АЛЕКСАНДР РИМЛЯНИН, святой — с. 465, 466 (примеч.).

АЛЕКСАНДР СВИРСКИЙ, святой — с. 208 (примеч.),

АЛЕКСАНДР, патриарх цареградский, святой — с. 208 (примеч.).

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ, царь — с. 465, 477 (примеч.).

АЛЕКСАНДР (ЯГЕЛЛОН), сын Казимира, внук Ягайло, правнук Ольгерда Гедиминовича, великий князь литовский, король польский — с. 397, 399, 546–547.
◈ его жена, см. ЕЛЕНА, дочь Ивана Великого.
АЛЕКСАНДР, сын Всеволода, внук Мстислава, правнук Изяслава Мстиславича — с. 168 (примеч.), 318, 319, 320, *463*, 465.
Гл. IV. Табл. № 21; Экскурс 1. Табл. № 32.
АЛЕКСАНДР, сын Глеба Дубровицкого (???), внук Юрия Туровского (???), правнук Ярослава Святополчича (???), князь дубровицкий — с. 168 (примеч.), 463.
АЛЕКСАНДР (ТВЕРСКОЙ), сын Ивана, внук Михаила, правнук Александра Михайловича Тверского — с. 477.
АЛЕКСАНДР, сын Константина, внук Василия, правнук Константина Борисовича — с. 467, 548.
Гл. VI. Табл. № 7.
АЛЕКСАНДР, сын Михаила Тверского, внук Александра, правнук Михаила Ярославича Тверского — с. 232, *464*.
Гл. VI. Табл. № 7.
АЛЕКСАНДР (ОРДЫНЕЦ), сын Михаила Тверского, внук Александра, правнук Михаила Ярославича Тверского — с. 232, *464*.
Гл. VI. Табл. № 7.
АЛЕКСАНДР (ПРОНСКИЙ), сын Михаила, внук Ярослава, правнук Романа Ольговича — с. 588.
Экскурс 1. Табл. № 11.
АЛЕКСАНДР, сын Михаила Тверского, внук Ярослава, правнук Ярослава Всеволодича — с. 464, 577.
Гл. VI. Табл. № 7; Экскурс 6. Табл. № 1.
АЛЕКСАНДР, сын Федора, внук Андрея, правнук Федора Васильевича Ростовского — с. 615.
АЛЕКСАНДР (НЕВСКИЙ), сын Ярослава, внук Всеволода Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича Долгорукого — с. 25 (примеч.), 127 (примеч.), 130–131, 165 (примеч.), 166, 167, 168 (примеч.), 169, 170, 175, 176, 186 (примеч.), 222, 242 (примеч.), 262, 276 (примеч.), 301, 307 (примеч.), 311, 317, 318, 365 (примеч.), 383, 384, 385, 386, 411, 412, 414, 415, 416, 417, 430, 463, *464–466*, 467, 468, 473, 476, 482, 483, 495, 498 (примеч.), 506 (примеч.), 531, 533, 535, 540, 555, 556, 602 (примеч.), 610, 624.
Гл. IV. Табл. №№ 7, 9, 20, 21; Гл. V. Табл. № 1; Гл. VI. Табл. №№ 3, 5, 8; Гл. VII. Табл. № 22; Экскурс 1. Табл. №№ 20, 24, 25, 31; Экскурс 6. Табл. №№ 1, 2; Экскурс 9. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. № 9.
◈ его жена, см. АЛЕКСАНДРА (?)-ПРАСКОВЬЯ (?), дочь Брячислава.
АЛЕКСАНДРА, имя — с. 383, 384, 385, *466–467*, 594.
Экскурс 6. Табл. № 1.
АЛЕКСАНДРА АНКИРСКАЯ, святая — с. 466 (примеч.).
АЛЕКСАНДРА АМИССКАЯ, святая — с. 385, 467.
Экскурс 6. Табл. № 1.
АЛЕКСАНДРА (???), княгиня — с. 384 (примеч.).
◈ ее муж, см. ВЛАДИМИР, сын Ярослава Мудрого.
АЛЕКСАНДРА, княгиня — с. 384 (примеч.).
◈ ее муж, см. ИВАН КРАСНЫЙ, сын Ивана Калиты.
АЛЕКСАНДРА, княгиня — с. 384 (примеч.).
◈ ее муж, см. СЕМЕН, сын Дмитрия.
АЛЕКСАНДРА (?)-ПРАСКОВЬЯ (?), дочь Брячислава, внучка Василько (?), правнучка Брячислава Васильковича (?) — с. 365 (примеч.), 383, 384, 385, 386, *466–467*, 594.
Экскурс 6. Табл. №№ 1, 2.

◈ ее муж, см. АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ, сын Ярослава.
АЛЕКСАНДРА, дочь Ульяны и Ольгерда, внучка Александра Тверского и Гедимина, правнучка Михаила Ярославича и Будивида (Пукувера) — с. 384 (примеч.).
АЛЕКСЕЙ, имя — с. 196 (примеч.), 464, 466, *467*, 542, 591.
→ См. также: АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ, сын Ярослава; ОЛЕГ, сын Святослава, внук Ярослава Мудрого.
АЛЕКСЕЙ, сын Евстафия, князя в Изборске и в Пскове — с. 112 (примеч.), 467, 542.
АЛЕКСЕЙ ЧИРИКОВ, стольник — с. 329.
АЛЕКСИЙ, епископ юрьевский — с. 496.
АЛЕКСИЙ-СИМЕОН-ЕЛЕВФЕРИЙ, митрополит — с. 196 (примеч.), 616.
АЛЬДВИНИ, брат англосаксонского епископа Эдильвини, Этельхуна и аббатисы Эдильхильд — с. 35.
АЛЬМОШ, сын Гезы I, венгерский герцог — с. 245.
Гл. VII. Табл. № 6.
◈ его жена, см. П(Е)РЕДСЛАВА, дочь Святополка.
АМАЛАБЕРГА, дочь Амалфреды, внучка Теодемира, правителя восточных готов — с. 33, 450.
Гл. II. Табл. № 4.
АМАЛАСВИНТА (АМАЛСУНТА), дочь Теодериха, внучка Теодемира, правителя восточных готов — с. 33, 450.
Гл. II. Табл. № 4.
АМАЛФРЕДА, дочь Теодемира, правителя восточных готов — с. 33, 450.
Гл. II. Табл. № 4.
АМВРОСИЙ, имя — с. 491.
АМВРОСИЙ МЕДИОЛАНСКИЙ, святой — с. 212, 490, 491.
АНАНИЯ, имя — с. *467*, 555.
→ См. также ИВАН КАЛИТА, сын Даниила.
АНАНИЯ, монах (?) — с. 555.
АНАСТАСИЯ, имя — с. 150 (примеч.), 330, 369, *467*, 495–496, 527, 595.
Гл. IV. Табл. № 15, 17; Гл. V. Табл. №№ 2, 4; Гл. VII. Табл. №№ 10, 18, 20, 24; Экскурс 1. Табл. №№ 19, 21; Экскурс 5. Табл. №№ 1, 2; Экскурс 10. Табл. № 8.
→ См. также: ВЕРХУСЛАВА, дочь Всеволода, внучка Мстислава Великого; ВЕРХУСЛАВА, дочь Всеволода, внучка Юрия Долгорукого; РОГНЕДА, дочь Рогволода Полоцкого.
АНАСТАСИЯ РИМЛЯНКА, святая — с. 201 (примеч.).
АНАСТАСИЯ-(УСТИНА?), дочь окольничьего Романа Юрьевича Захарьина, царица — с. 201 (примеч.), 208 (примеч.), 217 (примеч.), 232, 389, 392 (примеч.), 393, 538, 558 (примеч.), 616.
Гл. V. Табл. № 4; Гл. VI. Табл. № 9; Экскурс 7. Табл. № 1.
◈ ее муж, см. ИВАН ГРОЗНЫЙ, сын Василия.
АНАСТАСИЯ (НАСТАСЬКА), наложница Ярослава Осмомысла — с. 259 (примеч.), 261 (примеч.), 330.
Гл. VII. Табл. № 20.
АНАСТАСИЯ (?), дочь Ярополка (?), внучка Изяслава (?), правнучка Ярослава Владимировича Мудрого (?) — с. 595 (примеч.).
АНАСТАСИЯ, дочь Ярослава Мудрого, внучка Владимира Святого, правнучка Святослава Игоревича — с. 595.
◈ ее муж, см. АНДРЕЙ I, король венгерский.
АНДРЕЙ, имя — с. 12 (примеч.), 23 (примеч.), 80, 116, 117, 118, 122, 123, 124, 125, 126–127, 128, 129 (примеч.), 130, 131, 132, 138, 145, 156, 166, 167, 169, 184, 185, 190, 191, 195, 198 (примеч.), 207 (примеч.), 216, 232, 234, 235, 236, 310, 327 (примеч.), 376, 404, 439, 440 (примеч.), 453, 455, 456, 457, 458, 459, 461, 466 (примеч.), *467–475*, 476, 479, 482, 491, 493, 495, 497, 498, 500, 501, 503, 505, 507–508, 509, 512, 514, 522, 526, 529, 542, 544, 545, 554, 560, 563

(примеч.), 564, 568, 570, 572, 573, 579, 581, 582, 584, 586, 587, 588, 592, 595, 598, 599, 600, 601, 603, 604, 605, 606, 609, 620, 621, 622, 623, 624.
Гл. I. Табл. № 2; Гл. III. Табл. № 2; Гл. IV. Табл. №№ 4, 5, 6, 8, 9, 10, 12, 14, 16, 17, 20; Гл. V. Табл. №№ 1, 3; Гл. VI. Табл. № 8, 10; Гл. VII. Табл. №№ 5, 8, 26; Экскурс 4. Табл. № 1; Экскурс 5. Табл. № 5; Экскурс 10. Табл. №№ 1, 4, 8.
→ См. также: ВЛАДИМИР, сын Святослава, внук Всеволода; ВСЕВОЛОД, сын Ярослава Мудрого; МСТИСЛАВ, сын Всеволода, внук Игоря; МСТИСЛАВ, сын Изяслава, внук Ярослава Мудрого; МСТИСЛАВ, сын Святополка, внук Изяслава.

АНДРЕЙ, святой — с. 184, 185, 190, 191, 216, 458, 468, 471, 472, 474, 475, 501, 508, 509, 620.

АНДРЕЙ КРИТСКИЙ, святой — с. 113 (примеч.), 125, 126, 127, 128, 129 (примеч.), 130, 131, 185, 195, 216, 458, 468, 472, 473, 474, 475 (примеч.), 508.

АНДРЕЙ ЛАМПСАКИЙСКИЙ, святой — с. 466 (примеч.).

АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ, апостол — с. 124, 125, 128, 130, 216, 458, 468, 472 (примеч.), 474, 507, 508, 582, 584, 587.

АНДРЕЙ СТРАТИЛАТ, святой — с. 125, 128, 129, 130, 173 (дополн. к с. 129), 174 (дополн. к с. 129), 207 (примеч.), 216, 234, 236, 408, 458, 459, 468–469, 471–472, 474, 508.
Гл. VI. Табл. № 10.

АНДРЕЙ ЮРОДИВЫЙ, святой — с. 130, 474, 508.

АНДРЕЙ I, венгерский король — с. 595.
◈ его жена, см. АНАСТАСИЯ, дочь Ярослава Мудрого.

АНДРЕЙ, сын венгерского короля Андрея II, королевич — с. 301 (примеч.), 574.
Экскурс 1. Табл. № 20.
◈ его жена, см. МАРИЯ-(ЕЛЕНА ?), дочь Мстислава Удатного.

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, см. ГЕНРИХ ШТАДЕН

АНДРЕЙ ЖИРОСЛАВИЧ, брат воеводы Шварна — с. 376.
Экскурс 5. Табл. № 5.

АНДРЕЙ, сын Александра, внук Константина, правнук Василия Константиновича — с. 232, *467–468*, 548–549.
Гл. VI. Табл. № 7.

АНДРЕЙ, сын Александра Невского, внук Ярослава, правнук Всеволода Георгиевича Большое Гнездо — с. 131, *468*.
Гл. IV. Табл. № 9.

АНДРЕЙ (БОЛЬШОЙ, ГОРЯЙ), сын Василия Темного, внук Василия, правнук Дмитрия Ивановича Донского — с. 12 (примеч.), 232, 234, 235, 236, 383 (примеч.), 459, *468–469*.
Гл. VI. Табл. №№ 8, 10.

АНДРЕЙ (МЕНЬШОЙ), сын Василия Темного, внук Василия, правнук Дмитрия Ивановича Донского — с. 12 (примеч.), 131, 232, 234, 235, 236, 459, *469*.
Гл. VI. Табл. №№ 8, 10.

АНДРЕЙ, сын Василия, внук Ярослава, правнук Владимира Андреевича Храброго.
Гл. VI. Табл. № 6.

АНДРЕЙ (СТАРШИЙ), сын Владимира Храброго, внук Андрея, правнук Ивана Даниловича Калиты — с. 232, *469–470*, 604.
Гл. VI. Табл. № 6.

АНДРЕЙ (МЛАДШИЙ), сын Владимира Храброго, внук Андрея, правнук Ивана Даниловича Калиты — с. 232, 469, *470–471*.
Гл. VI. Табл. № 6.

АНДРЕЙ (ДОБРЫЙ), сын Владимира Мономаха, внук Всеволода, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 20, 77, 79, 80, 87 (примеч.), 93, 94, 110 (дополн. к с. 81), 117, 122, 123 (примеч.), 124, 125 (примеч.), 127, 128, 129, 130, 132 (примеч.), 173 (дополн. к

с. 129), 174 (дополн. к с. 129), 453, 455, 456, *471–472*, 474, 498, 507 (примеч.), 512, 563 (примеч.).
Гл. III. Табл. №№ 1, 2; Гл. IV. Табл. №№ 4, 8, 9.

АНДРЕЙ, сын Володьши, внук Василько, правнук Святослава Всеславича — с. 62, 132, 426 (примеч.), *472*.
Гл. II. Табл. № 16; Экскурс 10. Табл. № 6.

АНДРЕЙ, сын Дмитрия Донского, внук Ивана Красного, правнук Ивана Даниловича Калиты — с. 131, 207 (примеч.), *472–473*, 537 (примеч.), 538 (примеч.), 573.

АНДРЕЙ, сын Ивана Великого, внук Василия Темного, правнук Василия Дмитриевича — с. 131.

АНДРЕЙ, сын Ивана Калиты, внук Даниила Московского, правнук Александра Ярославича Невского — с. 131, 310, 386, 469, 470, *473*, 485, 494, 496, 622.
Гл. VI. Табл. №№ 5, 6; Экскурс 1. Табл. № 24; Экскурс 6. Табл. № 2; Экскурс 10. Табл. № 9.

АНДРЕЙ, сын Мстислава, внук Михаила (?), правнук Всеволода Святославича Чермного (?), князь козельский — с. 193 (примеч.).

АНДРЕЙ, сын Федора, внук Василия, правнук Константина Борисовича — с. 559, 568, 615.
Гл. VI. Табл. № 7.

АНДРЕЙ (БОГОЛЮБСКИЙ), сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 12 (примеч.), 75 (примеч.), 76 (примеч.), 80, 87 (примеч.), 93, 102, 109 (дополн. к с. 81), 113 (примеч.), 120, 130, 131 (примеч.), 144 (примеч.), 145, 167, 209 (примеч.), 306 (примеч.), 308, 351, 368 (примеч.), 374 (примеч.), 439, 440, 441, 450, 453, *473–474*, 475, 509, 568.
Гл. III. Табл. № 2; Гл. IV. Табл. №№ 5, 9, 12, 13, 20; Экскурс 1. Табл. № 22; Экскурс 11. Табл. № 1.
◈ его дочь, жена СВЯТОСЛАВА, сына Владимира, внука Давыда.

АНДРЕЙ, сын Ярослава, внук Всеволода Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича Долгорукого — с. 130, 166, 169, 311 (примеч.), 466 (примеч.), 468, *474–475*, 569.
Гл. IV. Табл. №№ 9, 20; Гл. VI. Табл. № 8; Экскурс 1. Табл. №№ 25, 31.

АНДРИАН, см. АДРИАН

АННА, имя — с. 124 (примеч.), *475–476*, 519 (примеч.), *566–567*, 568, 620.
→ См. также: ГИДА, дочь Харальда Годвинсона; Ингигерд, дочь Олава Шведского; ЯНКА, дочь Всеволода, внучка Ярослава Мудрого.

АННА (И ИОАКИМ), Богоотцы — с. 155 (примеч.), 368, 369, 475, 476, 589, 606.

АННА, пророчица — с. 225, 387 (примеч.), 612.

АННА, дочь византийского императора Романа II, сестра византийского императора Василия II — с. 140, 502 (примеч.).
◈ ее муж, см. ВЛАДИМИР СВЯТОЙ, сын Святослава.

АННА, княгиня — с. 185.
◈ ее муж (?), ВСЕВОЛОД, сын Ярослава Мудрого.

АННА, дочь Мстислава Удатного, внучка Мстислава, правнучка Ростислава Мстиславича — с. 167 (примеч.), 168 (примеч.), 301, 302, 304, 379, 465, *475*.
Гл. IV. Табл. № 21; Экскурс 1. Табл. № 20; Экскурс 5. Табл. № 6.
◈ ее муж, см. ДАНИИЛ, сын Романа.

АННА, дочь Юрия, внучка Ярослава, правнучка Святополка Изяславича — с. 261, 262, 300 (примеч.), 369, *475–476*, 527.
Гл. VII. Табл. № 24; Экскурс 1. Табл. № 19; Экскурс 5. Табл. № 1.
◈ ее муж, см. РЮРИК, сын Ростислава.

АНТОНИЙ, имя — с. 499.
→ См. также ВЛАДИМИР, сын Игоря, внук Святослава.

АНТОНИЙ, архиепископ новгородский — с. 269 (примеч.), 270 (примеч.), 275 (примеч.), 573.
АНТОНИЙ, епископ новгородский — с. 495.
АНТОНИЯ (?), имя — с. 496 (примеч.).
→ См. также ВЕРХУСЛАВА, дочь Всеволода Большое Гнездо.
АРИБЕРТ, сын Гундовальда, внук Гарибальда и Вальдрады, лангобард — с. 34 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 5.
АРИЙ, ересиарх — с. 408.
АСА, дочь конунга Харальда — с. 340, 341.
Экскурс 3. Табл. № 2.
АСАФ, см. ИОАСАФ
АСБРАНД, сын Торбьёрна, исландец — с. 37.
Гл. II. Табл. № 7.
АСТА, дочь Гудбранда Шишки, мать Олава Святого.
Экскурс 1. Табл. № 26.
◈ ее первый муж, см. ХАРАЛЬД ГРЕНЛАНДЕЦ, сын Гудрёда.
◈ ее второй муж, см. СИГУРД СВИНЬЯ, сын Хальвдана.
АСТРИД, дочь Ньяля Косого, внучка Финна из Халогаланда — с. 360, 361 (примеч.).
Экскурс 4. Табл. № 6.
◈ ее муж, см. РЁГНВАЛЬД СТАРЫЙ, сын Ульва.
АСТРИД, дочь конунга Олава Шведского и наложницы Эдлы, внучка Эйрика Победоносного, правнучка Бьёрна — с. 37.
Гл. II. Табл. № 8.
◈ ее муж, см. ОЛАВ СВЯТОЙ, сын Харальда.
АТИЛЛА, вождь гуннов — с. 342.
АТЛИ, конунг, персонаж цикла о Нифлунгах (Нибелунгах) — с. 53 (примеч.), 341.
◈ его жена, см. ГУДРУН
АУДВИН, лангобард — с. 33 (примеч.).
АФАНАСИЙ, имя — с. 165, 166 (примеч.), 168, 224, 227, 230, 233, 316, 412, 429–430, 464, *476*, 485, 494, 539, 553, 577, 579, 580, 610, 613–614, 618, 622, 626.
Гл. IV. Табл. №№ 7, 19, 20; Гл. VI. Табл. №№ 3, 5, 6, 7; Экскурс 1. Табл. №№ 29, 31; Экскурс 6. Табл. № 1; Экскурс 9. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. № 9.
→ См. также: ЯРОСЛАВ, сын Владимира Храброго; ЯРОСЛАВ, сын Ярослава, внук Всеволода Большое Гнездо.
АФАНАСИЙ, святой — с. 165 (примеч.), 412, 464 (примеч.), 580, 614, 626.
→ См. также АФАНАСИЙ ВЕЛИКИЙ
АФАНАСИЙ ВЕЛИКИЙ (АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ), святой — с. 113 (примеч.), 165 (примеч.), 230 (примеч.), 429, 430, 476, 622, 626.
Гл. VI. Табл. № 5; Экскурс 9. Табл. № 1.
→ См. также АФАНАСИЙ, святой.
АФАНАСИЙ ВОЛОГОДСКИЙ, святой — с. 113 (примеч.).
АФАНАСИЙ НАВОЛОЦКИЙ, святой — с. 113 (примеч.).
АФАНАСИЙ КАЛЬНОФОЙСКИЙ, печерский монах — с. 406 (примеч.).
АФАНАСИЙ, сын Даниила Московского, внук Александра Невского, правнук Ярослава Всеволодича — с. 166 (примеч.), 430 *476*.
Экскурс 10. Табл. № 9.
АФАНАСИЯ, святая — с. 577.

Б

БАТЫЙ, внук Чингисхана, хан — с. 67 (примеч.), 286, 287, 288, 289, 292, 294.
БЕКБУЛАТ, имя — с. 327 (примеч.).
БЕЛЬКА, имя — с. 137.
БЕЛА IV, сын Андрея II, венгерский король — с. 301 (примеч.), 304.
Экскурс 1. Табл. № 20.
БЕРА, исландка, действующее лицо «Саги о Золотом Торире» — с. 46.

БЕРГТОР, сын Торлака, исландец — с. 37, 48 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 7.
БЕРТАРИ, сын Ариберта, внук Гундовальда, правнук Гарибальда и Вальдрады, лангобард — с. 34 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 5.
БОГДАН, имя — с. 323.
БОГУСЛАВ ГОРИСЛАВИЧ, новгородец — с. 352.
БОЛЕСЛАВ, имя — с. 243.
БОЛЕСЛАВ (КУДРЯВЫЙ), сын Болеслава Кривоустого, внук Владислава, правнук Казимира Восстановителя, князь польский — с. 109 (дополн. к с. 81), 249, 250, 495.
Гл. VII. Табл. №№ 10, 11, 13.
◈ его жена, см. ВЕРХУСЛАВА, дочь Всеволода, внучка Мстислава Великого.
◈ его дочь (?) — с. 109 (дополн. к с. 81).
БОЛЕСЛАВ (ВЫСОКИЙ), сын Владислава Изгнанника, внук Болеслава Кривоустого, правнук Владислава — с. 251.
Гл. VII. Табл. № 12.
◈ его жена, см. ЗВЕНИСЛАВА, дочь Всеволода.
БОЛЕСЛАВ (КРИВОУСТЫЙ), сын Владислава, внук Казимира Восстановителя, правнук Мешко II, князь польский — с. 244, 254, 613 (примеч.).
Гл. VII. Табл. №№ 5, 10, 12, 15.
◈ его жена, см. САЛОМЕЯ
◈ его жена, см. СБЫСЛАВА, дочь Святополка.
БОЛЕСЛАВ (ЩЕДРЫЙ, СМЕЛЫЙ), сын Казимира Восстановителя, внук Мешко II, правнук Болеслава Великого, король польский — с. 347.
Экскурс 3. Табл. № 3.
БОЛЕСЛАВ (ВЕЛИКИЙ, ХРАБРЫЙ), сын Мешко I, польский король — с. 147 (примеч.), 242, 253 (примеч.), 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350.
Гл. VII. Табл. №№ 4, 5, 12, 14, 15; Экскурс 3. Табл. № 3.
◈ его дочь, жена СВЯТОПОЛКА ОКАЯННОГО
◈ его жена, см. ОДА
◈ его наложница (?), жена (?), см. П(Е)РЕДСЛАВА, дочь Владимира Святого.
БОЛЕСЛАВ, сын Мешко Старого, внук Болеслава Кривоустого, правнук Владислава — с. 251.
Гл. VII. Табл. № 11.
◈ его жена, см. ДОБРОСЛАВА
БОЛЕСЛАВА, имя — с. 243, 244, 252.
Гл. VII. Табл. №№ 4, 13.
БОЛЕСЛАВА, дочь Святослава, внучка Всеволода, правнучка Олега Святославича — с. 243, 252.
Гл. VII. Табл. №№ 4, 13.
◈ ее муж, см. ВЛАДИМИР, сын Ярослава Осмомысла.
БОЛЛИ, сын Болли, исландец, персонаж «Саги о людях из Лососьей Долины» — с. 311 (примеч.).
БОЛЛИ, сын Торлейка, исландец — с. 311 (примеч.).
БОРЕМИР, имя — с. 51.
БОРИС, имя — с. 43 (примеч.), 52–53 (примеч.), 62 (примеч.), 70, 84 (примеч.), 104, 112, 113, 114, 115, 121 (примеч.), 137, 139 (примеч.), 145, 146, 149, 151, 152 (примеч.), 166, 172 (дополн. к с. 115), 173 (дополн. к с. 115), 229, 231, 235–236 (примеч.), 269–270, 271, 272, 273, 280 (примеч.), 295 (примеч.), 309 (примеч.), 328, 421, 425, 457, 463, *477–482*, 501, 504, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 569, 585–586, 594–595, 596, 597, 598, 609.
Гл. III. Табл. №№ 4, 10; Гл. IV. Табл. №№ 1, 2, 4, 6, 13; Экскурс 1. Табл. №№ 1, 2, 3, 16, 18, 22; Экскурс 10. Табл. №№ 3, 5.
→ См. также: ВЛАДИМИР, сын Святослава, внук Всеволода; МСТИСЛАВ СТАРЫЙ, сын Романа, внук Ростислава; РОГВОЛОД, сын Всеслава, внук Брячислава; РОСТИСЛАВ, сын Мсти-

слава Старого, внук Романа; СВЯТОСЛАВ, сын Олега, внук Святослава, правнук Олега Святославича.
БОРИС ЗАХАРЬИЧ, княжеский воевода (?), смоленский боярин (?) — с. 84, 85, 297, 299.
БОРИС-МИХАИЛ, болгарский хан — с. 52 (примеч.), 478.
БОРИС (ТВЕРСКОЙ), сын Александра, внук Ивана, правнук Михаила Александровича — с. 436 (примеч.), *477*.
Гл. VI. Табл. № 2; Экскурс 8. Табл. № 2.
БОРИС (ВОЛОЦКИЙ), сын Василия Темного, внук Василия, правнук Дмитрия Ивановича Донского — с. 206 (примеч.), 235–236 (примеч.), 383, 385, *479*, 549, 614, 615.
Гл. V. Табл. № 4; Гл. VI. Табл. № 10; Экскурс 6. Табл. № 1.
◈ его жена, см. УЛЬЯНА, дочь Михаила Холмского.
БОРИС, сын Василько, внук Константина, правнук Всеволода Юрьевича Большое Гнездо — с. 113, 114, 393 (примеч.), *479*, 535, 569.
Гл. VI. Табл. № 7.
БОРИС, сын Владимира Святого, внук Святослава, правнук Игоря Рюриковича и Ольги, святой — с. 24, 43 (примеч.), 49 (примеч.), 50, 52 (примеч.), 76 (примеч.), 112, 113, 114, 115, 116, 117, 122, 126 (примеч.), 134, 146, 149, 151, 169 (примеч.), 172 (дополн. к с. 115), 181, 192, 209 (примеч.), 229, 231, 236 (примеч.), 271, 272, 280 (примеч.), 295 (примеч.), 351, 364, 386 (примеч.), 387 (примеч.), 421, 434 (примеч.), 440, 451, 455, 456, *477–478*, 479, 481, 482, 501, 504, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 544 (примеч.), 569, 572, 583, 584, 586, 594 (примеч.), 595, 596, 598, 599, 609.
Гл. IV. Табл. №№ 1, 2, 4; Гл. VI. Табл. № 10; Экскурс 1. Табл. № 2; Экскурс 6. Табл. № 2; Экскурс 11. Табл. № 1.
БОРИС, сын Всеволода Большое Гнездо, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 113, 139 (примеч.), 145, 146, 149, 151, 166, 257, 388 (примеч.), *479–480*, 522.
Гл. IV. Табл. № 13.
БОРИС, сын Всеслава, внук Брячислава, правнук Изяслава Владимировича — с. 114, 251, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, *480–481*, 491, 523, 528, 548, 558, 594–595, 596.
Гл. II. Табл. № 16; Гл. IV. Табл. № 2; Гл. VII. Табл. № 12; Экскурс 1. Табл. №№ 1, 2; Экскурс 3. Табл. №№ 1, 4.
БОРИС, сын Вячеслава, внук Ярослава Мудрого, правнук Владимира Святославича Святого — с. 96 (примеч.), *481*.
*БОРИС как сын Святослава (?), внук Ярослава Мудрого (?), правнук Владимира Святославича Святого (?) — с. 96 (примеч.), 114, *481–482*.
Гл. IV. Табл. №№ 1, 2.
БОРИС, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 75 (примеч.), 145, 146, 151, 152 (примеч.), 178, 274 (примеч.), 480, *482*, 526, 544.
Гл. IV. Табл. № 13; Гл. V. Табл. № 2.
◈ его жена, N.N. — с. 544 (примеч.).
БОРИСЛАВ, имя — с. 52–53 (примеч.).
БРИДМЕР, житель Кента — с. 35.
БРЯЧИСЛАВ, имя — с. 55, 270 (примеч.), 276 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 13.
*БРЯЧИСЛАВ БОРИСОВИЧ как сын Бориса (?), внук Всеслава (?), правнук Брячислава Изяславича (?) — с. 269 (примеч.).
Экскурс 1. Табл. №№ 1, 2, 3.
БРЯЧИСЛАВ, сын Василько (?), внук Брячислава, правнук Василько

Святославича (?) — с. 276 (примеч.), 383, 384, 466.
Экскурс 6. Табл. №№ 1, 2.
БРЯЧИСЛАВ, сын Василько, внук Святослава, правнук Всеслава Брячиславича — с. 466.
БРЯЧИСЛАВ, сын Давыда (?), внук Всеслава (?), правнук Брячислава Изяславича (?) — с. 260, 269–270 (примеч.), 275 (примеч.), 573.
Гл. VII. Табл. № 21; Экскурс 1. Табл. №№ 1, 2, 3.
◈ его жена, см. КСЕНИЯ, дочь Мстислава Великого.
БРЯЧИСЛАВ, сын Изяслава, внук Владимира Святого, правнук Святослава Игоревича — с. 55, 480, 491, 493, 514, 522, 527, 548, 558, 593, 594, 596, 600, 607.
Гл. II. Табл. №№ 13, 15, 16; Гл. IV. Табл. №№ 2, 10; Гл. V. Табл. № 1; Гл. VII. Табл. №№ 6, 12, 21; Экскурс 1. Табл. №№ 1, 2, 3; Экскурс 3. Табл. №№ 1, 4; Экскурс 10. Табл. № 6.
БУРИЦЛАВ (БУРИСЛЕЙВ), имя персонажей из исландских саг — с. 52, 65 (примеч.).
→ См. также БОРИС
БУРХАРД, настоятель трирской церкви, посол Генриха IV — с. 437–438 (примеч.).
БЬЁРН, конунг, отец Эйрика Победоносного — с. 566.
БЬЁРН, сын Беры, исландец, действующее лицо «Саги о Золотом Торире» — с. 46.
БЬЁРН (КУПЕЦ), сын Харальда Прекрасноволосого, внук Хальвдана Черного, правнук Гудрёда Хальвданарсона Великолепного.
Экскурс 1. Табл. № 26.

В

ВАВИЛА, святой — с. 203 (примеч.).
ВАЛАД (ВАЛАДАР), имя — с. 58.
→ См. также ВОЛОДАРЬ
ВАЛЬДЕМАР, имя — с. 53 (примеч.), 58, 95, 259 (примеч.), 312, 313, 367.
Экскурс 1. Табл. № 27; Экскурс 4. Табл. № 9.
→ См. также ВЛАДИМИР
ВАЛЬДЕМАР (СТАРЫЙ, ПОБЕДОНОСНЫЙ), сын Вальдемара Великого, внук Кнута Лаварда и Ингибьёрг, правнук Эйрика Доброго и Мстислава Великого — с. 313.
Экскурс 1. Табл. № 27.
ВАЛЬДЕМАР (ВЕЛИКИЙ), сын Ингибьёрг и Кнута Лаварда, внук Мстислава Великого и Эйрика Доброго, правнук Владимира Всеволодича Мономаха и Свейна Эстридссона — с. 58, 95, 259 (примеч.), 311, 312, 313, 367, 613.
Гл. II. Табл. № 8; Гл. III. Табл. № 6; Гл. VII. Табл. № 16; Экскурс 1. Табл. № 27; Экскурс 4. Табл. № 9.
◈ его жена, см. СОФЬЯ, дочь Володаря Минского.
ВАЛДИМАР (ВАЛЬДАР) ДАТСКИЙ, лицо, упоминаемое в «Старшей Эдде» и «Саге о Вёльсунгах» — с. 53 (примеч.).
ВАЛЬДРАДА, жена Гарибальда, лангобардка — с. 34 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 5.
ВАЛЬТЕР, имя — с. 327 (примеч.).
ВАЛЬТЕР, отец Генриха Штадена — с. 327 (примеч.).
ВАРВАРА, имя — с. 206 (примеч.), 383, *482*, 614–615.
Гл. V. Табл. № 4; Экскурс 6. Табл. № 1.
→ См. также УЛЬЯНА, дочь Михаила Холмского.
ВАРВАРА, святая — с. 206 (примеч.), 207 (примеч.), 365 (примеч.), 383, 385, 614–615.
Экскурс 6. Табл. № 1.
ВАРЛААМ, имя — с. 197 (примеч.), 466 (примеч.), *482*, 487, 489–490, 508.
Гл. V. Табл. № 4.
→ См. также ВАСИЛИЙ, сын Ивана Великого.

ВАРЛААМ, игумен Киево-Печерского монастыря, святой — с. 113 (примеч.).
ВАРЛААМ, отшельник, святой— с. 113 (примеч.).
ВАРЛААМ ХУТЫНСКИЙ, святой — с. 197 (примеч.), 201 (примеч.), 490.
ВАРТИЛАВ, имя — с. 52.
ВАРФОЛОМЕЙ, апостол — с. 203 (примеч.), 218, 551.
ВАСИЛИЙ, имя — с. 16, 75 (примеч.), 88 (примеч.), 115, 116, 117–118, 119, 122, 125, 126, 130 (примеч.), 133 (примеч.), 134, 135, 136 (примеч.), 137, 138, 140, 141, 145, 148 (примеч.), 166, 167, 169 (примеч.), 181 (примеч.), 184 (примеч.), 185, 191, 195, 198, 199 (примеч.), 200, 201, 202, 212, 216, 217, 219, 224, 226, 228 (примеч.), 230, 231, 254 (примеч.), 261, 271, 272, 274 (примеч.), 275, 277, 315, 328, 330 (примеч.), 331, 362 (примеч.), 386, 409, 419, 421, 422, 423, 424, 428, 432, 434, 454, 455, 456, 458, 461, 464, 471, 473, 474, 475, 477, 479, 480, 481, *482–495*, 496, 497, 498, 499, 500, 501–502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 512, 514, 519, 520, 522, 523, 524, 526, 527, 528, 529, 530, 534, 541, 542, 543, 544, 545, 554, 558, 560–561, 563, 564, 565, 570, 571, 572, 573, 574, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 590, 591, 592, 593–594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 617, 618, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626.
Гл. I. Табл. № 2; Гл. II. Табл. № 1; Гл. IV. Табл. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 16, 17, 18, 20; Гл. V. Табл. №№ 1, 2, 4; Гл. VI. Табл. №№ 1, 2, 3, 5; Гл. VII. Табл. №№ 1, 2, 3, 5, 6, 10, 14, 18, 24, 25, 26; Экскурс 1. Табл. №№ 1, 2, 3, 15, 16, 29; Экскурс 4. Табл. № 1; Экскурс 5. Табл. № 1; Экскурс 6. Табл. № 2; Экскурс 9. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8.
→ См. также: ВЛАДИМИР МОНОМАХ, сын Всеволода; ВЛАДИМИР МАЧЕШИЧ, сын Мстислава Великого; ВЛАДИМИР СВЯТОЙ, сын Святослава; ВЛАДИМИР, сын Ярослава Мудрого; КОНСТАНТИН, сын Константина, внук Ивана; ПОЗВИЗД, сын Владимира Святого; РОГВОЛОД, сын Бориса, внук Всеслава; РЮРИК, сын Ростислава, внук Мстислава.
ВАСИЛИЙ, святой — с. 135, 153, 184 (примеч.), 190, 192, 217, 228, 409, 458, 494, 501, 588, 601, 603.
ВАСИЛИЙ АНКИРСКИЙ, святой — с. 228, 458, 483, 484, 490.
Гл. VI. Табл. № 2.
ВАСИЛИЙ БЛАЖЕННЫЙ, святой — с. 197 (примеч.).
ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ (КЕСАРИЙСКИЙ), святой — с. 126, 210, 217, 227, 228, 458, 483–484 (примеч.), 486–487, 489, 491, 498, 501–502, 553, 603.
Гл, VI. Табл. № 2; Экскурс 6. Табл. № 2.
ВАСИЛИЙ ПАРИЙСКИЙ, святой — с. 201, 202, 203 (примеч.), 217, 483–484 (примеч.), 487–489, 560.
ВАСИЛИЙ ХЕРСОНСКИЙ, святой — с. 228.
Гл. VI. Табл. № 2.
ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬ), автор текста в Лаврентьевской летописи под 1097 г. — с. 135, 328 (примеч.), 434.
ВАСИЛИЙ, епископ рязанский — с. 286 (примеч.).
ВАСИЛИЙ II, византийский император, шурин Владимира Святого — с. 115 (примеч.), 140, 502, 580.
ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬ) НАСТАСИЧЬ, вышегородский боярин — с. 330 (примеч.).
ВАСИЛИЙ ЮРЬЕВИЧ МАЛОЙ-ТРАХАНИОТ, сын Юрия Траханиота, посол Ивана Грозного — с. 392 (примеч.), 393.
*ВАСИЛИЙ, представитель полоцкого княжеского дома (?) — с. 274 (примеч.).

ВАСИЛИЙ, сын Александра Невского, внук Ярослава, правнук Всеволода Юрьевича Большое Гнездо — с. 311, *482–483*, 495.
Экскурс 1. Табл. № 25.

ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО), сын Брячислава, внук Василия, правнук Святослава Всеславича — с. 466.

ВАСИЛИЙ, сын Василия Ярославского, внук Всеволода, правнук Константина Всеволодича Ростовского — с. 224, 226, *483*.
Гл. VI. Табл. № 3.

ВАСИЛИЙ, сын Василия Грозного (Грозные Очи), внук Давыда, правнук Федора Ростиславича Черного — с. *484–485*, 549, 560 (примеч.).

ВАСИЛИЙ (ТЕМНЫЙ), сын Василия, внук Дмитрия Донского, правнук Ивана Ивановича Красного — с. 12 (примеч.), 25 (примеч.), 131, 194 (примеч.), 200 (примеч.), 206 (примеч.), 216, 227, 228, 232, 234, 235, 236, 333 (примеч.), 383, 458, 459, 468, 469, 479, *483–484*, 487, 509–510, 511, 516, 536, 538, 541, 546, 549, 550, 551, 556, 557, 615, 619.
Гл. V. Табл. № 4; Гл. VI. Табл. №№ 1, 2, 8, 10; Экскурс 6. Табл. № 1; Экскурс 7. Табл. № 1.
◈ его жена, см. МАРИЯ, дочь Ярослава.

ВАСИЛИЙ, сын Василия Кашинского, внук Михаила Тверского, правнук Ярослава Ярославича — с. 226, *485*,

ВАСИЛИЙ, сын Василия Боровского, внук Ярослава, правнук Владимира Андреевича Храброго — с. 226–227, *485*.
Гл. VI. Табл. № 6.

ВАСИЛИЙ, сын Владимира Храброго, внук Андрея, правнук Ивана Даниловича Калиты — с. 229–230, 231, 383 (примеч.), *485*, 496.
Гл. VI. Табл. №№ 5, 6.
◈ его жена, см. УЛЬЯНА

*ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО) (?) ВЛАДИМИРОВИЧ, сын Владимира, внук Ярослава Осмомысла, правнук Владимира Володаревича — с. 276–278, *486*.
Экскурс 1. Табл. № 4.
→ См. также ВЛАДИМИР, сын Ярослава Осмомысла и его сыновья.

ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО), сын Володаря, внук Глеба, правнук Всеслава Брячиславича — с. 135, *486*.
Гл. IV. Табл. № 10.

ВАСИЛИЙ (ЯРОСЛАВСКИЙ), сын Всеволода, внук Константина, правнук, Всеволода Юрьевича Большое Гнездо — с. 224, 226, 483, 570–571.
Гл. VI. Табл. № 3.

ВАСИЛИЙ, (ГРОЗНЫЙ, ГРОЗНЫЕ ОЧИ), сын Давыда, внук Федора Черного, правнук Ростислава Мстиславича — с. 484, 549.

ВАСИЛИЙ (ХОЛМСКИЙ), сын Даниила, внук Дмитрия, правнук Дмитрия Юрьевича Холмского — с. 396 (примеч.), 399, 401.
◈ его жена, см. ФЕОДОСИЯ, дочь Ивана Великого.

ВАСИЛИЙ, сын Дмитрия Донского, внук Ивана Красного, правнук Ивана Даниловича Калиты — с. 25 (примеч.), 194 (примеч.), 216, 227, 228, 235, 458, 468, 469, 479, 483, 484, *486–487*, 509–510, 516, 532, 536, 541, 546, 549, 550, 556, 557, 571, 615, 619.
Гл. V. Табл. № 4; Гл. VI. Табл. №№ 1, 2, 8, 10; Экскурс 6. Табл. № 1; Экскурс 7. Табл. № 1.
◈ его жена, см. СОФЬЯ, дочь Витовта.

ВАСИЛИЙ, сын Ивана Великого, внук Василия Темного, правнук Василия Дмитриевича — с. 197, 200, 201, 202, 203 (примеч.), 205 (примеч.), 218, 219, 220, 333 (примеч.), 389 (примеч.), 460, 482, *487–490*, 508, 511–512, 537, 551–553, 558, 560, 616.
Гл. V. Табл. № 4; Гл. VI. Табл. №№ 1, 2, 8, 9; Экскурс 7. Табл. № 1; Экскурс 8. Табл. №№ 1, 2.
◈ его первая жена, см. СОЛОМОНИЯ САБУРОВА
◈ его вторая жена, см. ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ

ВАСИЛИЙ, сын Ивана Грозного, внук Василия, правнук Ивана Васильевича Великого — с. 392 (примеч.), *490*.
Экскурс 7. Табл. № 1.
ВАСИЛИЙ (ШУЙСКИЙ), сын Ивана, внук Петра, правнук Ивана, царь — с. 200 (примеч.).
ВАСИЛИЙ, сын Константина, внук Бориса, правнук Василько Константиновича — с. 199 (примеч.), 467, 568, 569, 615.
Гл. VI. Табл. № 7.
ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО), сын Константина, внук Всеволода Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича Долгорукого — с. 87, 91, 92, 113, 114, 127 (примеч.), 212, 297, 298 (примеч.), 315, 479, *490–491*, 535.
Гл. III. Табл. № 5; Гл. IV. Табл. № 7; Гл. VI. Табл. № 7; Экскурс 1. Табл. №№ 17, 29.
ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО), сын «царевича» Леона и Марицы, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 135, 140, 141, 148 (примеч.), 315, 331, *491*, 574.
Гл. IV. Табл. №№ 10, 11; Экскурс 1. Табл. № 29.
ВАСИЛИЙ, сын Михаила, внук Андрея, правнук Ярослава Всеволодича — с. 539, 541, 569.
Гл. VI. Табл. № 8.
ВАСИЛИЙ (КАШИНСКИЙ), сын Михаила Тверского, внук Ярослава, правнук Ярослава Всеволодича — с. 485.
ВАСИЛИЙ, сын Мстислава Удатного, внук Мстислава Храброго, правнук Ростислава Мстиславича — с. 302, 303, *491*.
Экскурс 1. Табл. № 20.
ВАСИЛИЙ, сын Пантелеймона, внук Мстислава (?), князь козельский — с. 193 (примеч.).
ВАСИЛИЙ, сын Рогволода (?), внук Всеслава (?), правнук Брячислава Изяславича (?) или сын Рогволода-Василия (?), внук Бориса (?), правнук Всеслава Брячиславича (?) — с. 274, 275, *491–492*, 493 (примеч.).
Экскурс 1. Табл. №№ 2, 3.
◈ его дочь (???), жена СВЯТОСЛАВА, сына Всеволода, внука Олега Святославича.
ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО), сын Романа, внук Мстислава, правнук Изяслава Мстиславича — с. 213 (примеч.), 254, 298, 319, *492*, 496, 533–534, 567.
Гл. VII. Табл. №№ 3, 15; Экскурс 1. Табл. №№ 17, 32.
◈ его жена, дочь Юрия, внучка Всеволода Большое Гнездо, правнучка Юрия Долгорукого — с. 254 (примеч.).
Гл. VII. Табл. № 15.
◈ его жена (?), см. ДУБРАВКА
ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО) (ТЕРЕБОВЛЬСКИЙ), сын Ростислава, внук Владимира, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 115, 116 (примеч.), 134, 135, 198 (примеч.), 209 (примеч.), 328 (примеч.), 434, *493*, 553, 605.
Гл. II. Табл. № 1; Гл. IV. Табл. № 3; Экскурс 1. Табл. № 4.
ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО), сын Святослава, внук Всеслава, правнук Брячислава Изяславича — с. 62, 135, 275, 425 (примеч.), 472, 492 (примеч.), *493*, 576.
Гл. II. Табл. № 16; Гл. IV. Табл. № 10; Экскурс 1. Табл. №№ 2, 3; Экскурс 10. Табл. № 6.
◈ его дочь (?), жена СВЯТОСЛАВА, сына Всеволода, внука Олега Святославича.
ВАСИЛИЙ, сын Федора Красного, внук Даниила, правнук N.N., князь острожский — с. 571.
ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО), сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 75 (примеч.), 130 (примеч.), 135, 145, 148, 167, *493–494*.
Гл. IV. Табл. №№ 10, 13, 20.
ВАСИЛИЙ (КОСОЙ), сын Юрия Звенигородского, внук Дмитрия Донского,

правнук Ивана Ивановича Красного.
Гл. VI. Табл. № 10.
ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО) ЯРОПОЛЧИЧ как сын Ярополка, внук Андрея Доброго (?), правнук Владимира Всеволодича Мономаха (?) — с. 110 (дополн. к с. 81).
Гл. III. Табл. № 2.
ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО) ЯРОПОЛЧИЧ как сын Ярополка, внук Владимира Мономаха (?), правнук Всеволода Ярославича (?) — с. 109–110 (дополн. к с. 81).
Гл. III. Табл. № 2.
ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО), сын Ярополка, внук Изяслава, правнук Мстислава Владимировича Великого — с. 109–110 (дополн. к с. 81), 135, *494*.
Гл. III. Табл. № 2; Гл. IV. Табл. № 10.
◈ его жена, согласно В.Н. Татищеву, дочь / сестра (?) князя мазовецкого Лешко (?) — с. 109 (дополн. к с. 81).
ВАСИЛИЙ (ВАСИЛЬКО) ЯРОПОЛЧИЧ как сын Ярополка, внук Мстислава Великого (?), правнук Владимира Всеволодича Мономаха (?) — с. 75 (примеч.).
Гл. III. Табл. № 1.
ВАСИЛИЙ, сын Ярослава, внук Владимира Храброго, правнук Андрея Ивановича Серпуховского — с. 232, 233, 485, *494*, 553.
Гл. VI. Табл. № 6.
◈ его первая жена, N.N. — с. 233, 553–554.
◈ его вторая жена, N.N. — с. 233, 553–554.
ВАСИЛИЙ, сын Ярослава, внук Всеволода Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича Долгорукого — с. 166, 169, 482–483, *494–495*.
Гл. IV. Табл. № 20.
ВАССИАН, архиепископ ростовский — с. 201, 488.
ВАЦЛАВ, см. ВЯЧЕСЛАВ
ВЕНТЕСЛАВ, см. ВЯЧЕСЛАВ
ВЕРА, святая — с. 165 (примеч.), 614.
ВЕРХУСЛАВА, имя — с. 157 (примеч.), 243, 245, 249, 250, 251, 253, 254, 467, *495–496*.
Гл. IV. Табл. № 17; Гл. VII. Табл. №№ 10, 11, 13.
ВЕРХУСЛАВА, дочь Болеслава, внучка Мешко Старого, правнучка Болеслава Кривоустого — с. 251.
Гл. VII. Табл. № 11.
ВЕРХУСЛАВА, дочь Мешко Старого, внучка Болеслава Кривоустого, правнучка Владислава — с. 250, 251.
Гл. VII. Табл. №№ 10, 11, 13.
ВЕРХУСЛАВА, дочь Всеволода, внучка Мстислава Великого, правнучка Владимира Всеволодича Мономаха — с. 157 (примеч.), 243, 249–250, 252, 467, *495*.
Гл. IV. Табл. № 17; Гл. VII. Табл. №№ 10, 11, 13.
◈ ее муж, см. БОЛЕСЛАВ КУДРЯВЫЙ
ВЕРХУСЛАВА, дочь Всеволода Большое Гнездо, внучка Юрия Долгорукого, правнучка Владимира Всеволодича Мономаха — с. 150 (примеч.), 157 (примеч.), 243, 249, 257, 258, 261, 262, 263, 264, 301 (примеч.), 333 (примеч.), 369, 429, 467, *495–496*.
Гл. IV. Табл. №№ 15, 17; Гл. V. Табл. № 2; Гл. VII. Табл. №№ 10, 18, 24; Экскурс 1. Табл. №№ 19, 21; Экскурс 5. Табл. №№ 1, 2; Экскурс 10. Табл. № 8.
◈ ее муж, см. РОСТИСЛАВ, сын Рюрика.
ВИГАРЬ, имя — с. 64 (примеч.).
ВИЛЬГЕЛЬМ, аббат, датский историк XII в. — с. 58.
ВИНЦЕНТИЙ КАДЛУБЕК, хронист — с. 347.
ВЛАДИМИР (ВЛАДИМЕР, ВОЛОДИМИР, ВОЛОДИМЕР), имя — с. 11, 16, 22, 23, 28, 31, 32, 33, 43, 46, 48, 49 (примеч.), 51, 53 (примеч.), 55, 56, 57,

58, 59, 60, 62, 70, 77, 88, 90, 92, 93, 94, 95, 97, 98, 114 (примеч.), 117–118, 119, 122, 133 (примеч.), 134, 135 (примеч.), 138, 141, 142, 143, 144 (примеч.), 145, 166, 181 (примеч.), 198 (примеч.), 223, 224 (примеч.), 226, 229, 230, 231, 259 (примеч.), 261 (примеч.), 264, 272, 276, 277, 278, 279, 312, 316, 319, 325, 327 (примеч.), 353 (примеч.), 362 (примеч.), 367, 380, 386, 387, 419, 421, 423, 424, 427–428, 429, 432, 433, 434, 435, 446, 448, 449, 454, 482, 485, 486, 492, *496–502*, 512, 514 (примеч.), 519 (примеч.), 534–535, 544, 567, 589, 593, 622.
Гл. II. Табл. №№ 10, 13, 14, 15, 16; Гл. III. Табл. №№ 1, 5, 6, 9; Гл. IV. Табл. №№ 3, 4, 6, 10, 12, 13; Гл. VI. Табл. № 5; Гл. VII. Табл. №№ 20, 26; Экскурс 1. Табл. №№ 4, 5, 27, 32; Экскурс 6. Табл. № 2; Экскурс 10. Табл. №№ 1, 7, 8.

ВЛАДИМИР, сын Андрея Доброго, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 77, 79, 80, 93, 94, 173 (дополн. к с. 129).
Гл. III. Табл. №№ 1, 2.

ВЛАДИМИР (ХРАБРЫЙ), сын Андрея, внук Ивана Калиты, правнук Даниила Александровича Московского — с. 165 (примеч.), 224, 229, 230, 231, 232, 233, 309–310, 386, 387, 388, 429–430, 469, 470, 485, 494, *496*, 553, 622.
Гл. VI. Табл. №№ 5, 6; Экскурс 1. Табл. № 24; Экскурс 6. Табл. № 2; Экскурс 10. Табл. № 9.

ВЛАДИМИР, сын Василько, внук Романа, правнук Мстислава Изяславича — с. 158, 213 (примеч.), 242, 243, 492, *496–497*, 534, 567.
Гл. VII. Табл. № 3.
◈ его жена — с. 496, 497 (примеч.).

*ВЛАДИМИР (?) ВЛАДИМИРОВИЧ, сын Владимира, внук Ярослава Осмомысла, правнук Владимира Володаревича — с. 276–278, *497*, 567.
Экскурс 1. Табл. № 4.
→ См. также ВЛАДИМИР, сын Ярослава Осмомысла и его сыновья.

ВЛАДИМИР, сын Володаря, внук Глеба, правнук Всеслава Брячиславича — с. 57, 58, 135 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 15; Гл. IV. Табл. № 10.

ВЛАДИМИР (ВОЛОДИМИРКО) (ГАЛИЦКИЙ), сын Володаря, внук Ростислава, правнук Владимира Ярославича — с. 57, 58, 109 (дополн. к с. 81), 276, 486, 497, 545.
Гл. II. Табл. № 15; Гл. V. Табл. № 1; Гл. VII. Табл. №№ 4, 20, 22, 23; Экскурс 1. Табл. №№ 4, 19.

ВЛАДИМИР, сын Всеволода Большое Гнездо, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 32 (примеч.), 56, 57, 88, 89, 90, 141, 142, 143, 145, 166, 167, 170, 223, 231, 264, 268 (примеч.), 316, 413, 427, 428, 429, 432, 457, *498–499*, 500, 505, 506, 534, 535, 540.
Гл. II. Табл. №№ 2, 14; Гл. III. Табл. № 5; Гл. IV. Табл. №№ 11, 13, 19; Гл. VI. Табл. №№ 3, 5; Гл. VII. Табл. № 26; Экскурс 1. Табл. № 29; Экскурс 5. Табл. № 2; Экскурс 9. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. №№ 7, 8.
◈ его жена, дочь Глеба, внучка Святослава, правнучка Всеволода Ольговича — с. 89.

ВЛАДИМИР (МОНОМАХ), сын Всеволода, внук Ярослава Мудрого, правнук Владимира Святославича Святого — с. 11 (примеч.), 12 (примеч.), 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 32 (примеч.), 50 (примеч.), 56, 58, 70, 75, 76, 81, 84 (примеч.), 87 (примеч.), 88 (примеч.), 91, 92, 93, 95, 96, 97 (примеч.), 98, 106 (примеч.), 108, 109–110 (дополн. к с. 81), 116 (примеч.), 117, 118, 119, 120, 121, 122, 124, 125, 126, 127, 128, 130, 134, 135, 137, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 148, 156, 184 (примеч.), 185, 186, 187, 190, 193, 195, 209 (примеч.), 223, 243, 245 (при-

меч.), 247, 248 (примеч.), 249, 250, 255, 259 (примеч.), 264 (примеч.), 272, 296, 312, 315, 331, 353 (примеч.), 358, 362, 367, 404, 407 (примеч.), 419, 421, 422, 428, 432, 434, 440 (примеч.), 449, 450, 455, 456, 461, 471, 472, 473, 474, 479, 481, 482, 491, 493, 494, 495, *497–498*, 500, 503, 504, 505, 507 (примеч.), 509, 512, 514, 519, 522, 526, 529, 531, 542, 544, 545, 554, 560, 563 (примеч.), 564, 570, 572, 573, 574, 579, 581, 584, 586, 587, 588, 591, 592, 595, 596, 598, 600, 601, 603, 604, 605, 606, 609, 615, 617 (примеч.), 620, 621, 622, 623, 624.
Гл. I. Табл. №№ 1, 2, 3; Гл. II. Табл. №№ 1, 2, 8, 9, 11, 12, 14, 17; Гл. III. Табл. №№ 1, 2, 6, 7, 9; Гл. IV. Табл. №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 16, 17, 18; Гл. V. Табл. №№ 1, 2, 3; Гл. VII. Табл. №№ 1, 2, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 15, 16, 17, 20, 21, 23, 24, 25, 26; Экскурс 1. Табл. №№ 1, 6, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 29, 31, 32; Экскурс 3. Табл. № 1; Экскурс 3. Табл. № 4; Экскурс 4. Табл. №№ 3, 4, 5, 7, 8, 9; Экскурс 5. Табл. №№ 1, 3, 4; Экскурс 6. Табл. № 2; Экскурс 9. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. №№ 1, 2, 3, 4, 7, 8; Экскурс 11. Табл. №№ 1, 2, 3.
◈ его мать — с. 140.
◈ его жена, см. ГИДА, дочь Харальда.
◈ его жена, мать Юрия Долгорукого — с. 137.
Гл. IV. Табл. № 4.

ВЛАДИМИР, сын Глеба, внук Ростислава, правнук Ярослава Святославича — с. 278, 279, 280 (примеч.), 281 (примеч.), 282, 283, 519, 542, 569.
Экскурс 1. Табл. №№ 5, 9, 10, 11, 12, 13, 14.

ВЛАДИМИР, сын Глеба, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 144 (примеч.).
Гл. IV. Табл. № 12.

ВЛАДИМИР, сын Давыда, внук Святослава, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 63 (примеч.), 97, 98, 100, 102, 103.
Гл. III. Табл. №№ 8, 9, 10.
◈ его жена, дочь Всеволода Городенского, внучка Давыда (?), правнучка Игоря Ярославича (?) — с. 102, 132 (примеч.), 326.

ВЛАДИМИР, сын Игоря, внук Святослава, правнук Олега Святославича — с. 114 (примеч.), *499*, 589, 593.

ВЛАДИМИР, сын Константина, внук Василия, правнук Константина Борисовича Ростовского и Угличского — с. 568, 569.

ВЛАДИМИР, сын Константина, внук Всеволода Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича Долгорукого — с. 87, 88, 89, 92, (примеч.), 164 (примеч.), 297–298, 427, 428, 432, *499–500*, 535.
Гл. III. Табл. № 5; Экскурс 1. Табл. № 17; Экскурс 10. Табл. № 7.

ВЛАДИМИР (МАЧЕШИЧ), сын Мстислава Великого, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 28, 75, 76 (примеч.), 93, 94, 95, 118, 158 (примеч.), 333, 363 (примеч.), 372, 373, 424, 449, *500*, 565, 623.
Гл. I. Табл. № 3; Гл. III. Табл. №№ 1, 6; Гл. IV. Табл. №№ 12, 18; Экскурс 4. Табл. № 7; Экскурс 5. Табл. №№ 3, 4; Экскурс 11. Табл. № 2.
◈ его мать, вторая жена МСТИСЛАВА ВЕЛИКОГО, дочь новгородского посадника Дмитрия Завидовича — с. 373.

ВЛАДИМИР (?), сын Мстислава, внук Изяслава, правнук Мстислава Владимировича Великого — с. 319.
Экскурс 1. Табл. № 32.

ВЛАДИМИР, сын Мстислава Храброго, внук Ростислава, правнук Мстислава Владимировича Великого — с. 84, 85, 297, 298, 299, 300, 304, 305, 306, 307, 308, 309.
Гл. III. Табл. № 4; Экскурс 1. Табл. №№ 15, 16, 22.

ВЛАДИМИР, сын Рюрика, внук Ростислава, правнук Мстислава Владимировича Великого — с. 261, 262, 264, 427, 428, 429, 432, 499, *500–501*, 535.
Гл. VII. Табл. № 26; Экскурс 10. Табл. №№ 7, 8.
ВЛАДИМИР, сын Святослава, внук Всеволода, правнук Олега Святославича — с. 106, *501*.
ВЛАДИМИР (СВЯТОЙ), сын Святослава, внук Игоря и Ольги, правнук Рюрика — с. 11, 14–15, 16, 22, 23, 24, 26 (примеч.), 29 (примеч.), 43 (примеч.), 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 58, 59, 60 (примеч.), 61, 98, 100, 105 (примеч.), 111 (примеч.), 112, 115, 116 (примеч.), 122, 134, 135 (примеч.), 140, 141, 147, 149, 150–151 (примеч.), 169 (примеч.), 181, 185–186, 198 (примеч.), 224 (примеч.), 226, 229, 230, 231, 242, 245, 247, 249, 253, 254 (примеч.), 330, 335, 336, 337, 338, 339, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 348, 350, 351, 353, 356 (примеч.), 361 (примеч.), 362 (примеч.), 366, 372 (примеч.), 386, 387, 419, 421, 424, 428, 437, 444, 451, 454, 455, 477, 478, 481, 482, 483, 485, 486, 492, 495, 496, 497, 500, *501–502*, 503 (примеч.), 507, 508, 520, 521, 524, 528, 530, 541, 543–544, 563, 564, 565, 580, 583, 589, 590, 593, 595, 599, 604, 605, 609, 620, 621, 623, 625.
Гл. I. Табл. №№ 1, 2; Гл. II. Табл. №№ 1, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16; Гл. III. Табл. №№ 8, 9, 12; Гл. IV. Табл. №№ 1, 2, 3, 4, 10, 14; Гл. V. Табл. № 1; Гл. VI. Табл. № 5; Гл. VII. Табл. №№ 4, 5, 6, 7, 9, 12, 14, 15, 16, 21, 23, 26; Экскурс 1. Табл. №№ 1, 2, 3, 4, 15, 23, 30; Экскурс 3. Табл. №№ 1, 3, 4; Экскурс 4. Табл. №№ 1, 4, 5, 7, 8; Экскурс 5. Табл. № 4; Экскурс 6. Табл. № 2; Экскурс 10. Табл. №№ 1, 4, 5, 6, 8; Экскурс 11. Табл. №№ 1, 3.
◈ его дочери от Рогнеды — с. 336, 344. Экскурс 3. Табл. № 1.
◈ его жена («болгарыня»), мать свв. Бориса и Глеба — с. 478, 521.
◈ его жена, греческая монахиня («грекиня»), мать Святополка Окаянного — с. 49, 249, 338 (примеч.), 451. Экскурс 3. Табл. № 1.
◈ его жена, см. РОГНЕДА, дочь Рогволода.
◈ его жена, см. АННА, дочь Романа II.
ВЛАДИМИР, сын Святослава, внук Ярослава, правнук Святослава Ярославича — с. 120, 321 (дополн. к с. 315), 513, 515, 517, 518 (примеч.), 531.
Экскурс 1. Табл. №№ 8, 14, 30.
ВЛАДИМИР, сын Юрия, внук Владимира (?), правнук Святослава Ярославича Муромского (?) или сын Юрия, внук Ростислава (?), правнук Ярослава Святославича Муромского (?) — с. 321–322 (дополн. к с. 315), 518, 531 (примеч.).
Экскурс 1. Табл. № 30.
ВЛАДИМИР, сын Юрия, внук Всеволода Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича Долгорукого — с. 90, 92.
Гл. III. Табл. № 5.
ВЛАДИМИР, сын Ярослава Осмомысла, внук Владимира, правнук Володаря Ростиславича — с. 69 (примеч.), 243, 259 (примеч.), 261 (примеч.), 262, 276, 277, 278, 296, 319, 330, 333 (примеч.), 486, 497, 567.
Гл. VII. Табл. №№ 4, 20, 22, 23; Экскурс 1. Табл. № 4.
◈ его жена, см. БОЛЕСЛАВА, дочь Святослава.
◈ его наложница или жена («попадья») — с. 69 (примеч.), 259 (примеч.), 277.
Гл. VII. Табл. № 20; Экскурс 1. Табл. № 4.
◈ его сыновья — с. 69 (примеч.), 259 (примеч.), 262, 276–278, 296, 486, 497.
Гл. VII. Табл. № 20; Экскурс 1. Табл. № 4.

→ См. также: *ВАСИЛИЙ, сын Владимира; *ВЛАДИМИР, сын Владимира.
ВЛАДИМИР, сын Ярослава Мудрого, внук Владимира Святого, правнук Святослава Игоревича — с. 15 (примеч.), 16, 17, 23, 55, 56, 57, 58, 59, 98, с. 115 (примеч.), 116 примеч.), 134, 384 (примеч.), 422 (примеч.), 493, *502*, 553, 599.
Гл. I. Табл. №№ 1, 2; Гл. II. Табл. №№ 1, 13, 14, 15; Гл. III. Табл. № 9; Гл. IV. Табл. № 3; Гл. V. Табл. № 1; Гл. VII. Табл. №№ 4, 20, 23; Экскурс 1. Табл. № 4, 19; Экскурс 4. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. № 4.
◈ его жена, см. АЛЕКСАНДРА (?)
ВЛАДИСЛАВ, имя — с. 134 (примеч.).
ВЛАДИСЛАВ (ВОЛОДИСЛАВ), галицкий боярин — с. 69 (примеч.).
ВЛАДИСЛАВ II (ИЗГНАННИК), сын Болеслава Кривоустого, внук Владислава, правнук Казимира Восстановителя, польский князь — с. 251.
Гл. VII. Табл. № 12.
ВЛАДИСЛАВ-ГЕРМАН, сын Казимира Восстановителя, внук Мешко II, правнук Болеслава Храброго.
Гл. VII. Табл. №№ 5, 10, 12, 15.
ВОИГОСТ, новгородец — с. 405.
ВОИН, имя — с. 173 (дополн. к с. 129), 174 (дополн. к с. 129), 549–550, 560.
ВОИШЕЛК, сын Миндовга, внук Рингольта (?), князь литовский — с. 542.
ВОЙТЕХ, см. АДАЛЬБЕРТ-ВОЙТЕХ
ВОЛОДАРЬ, имя — с. 31, 57, 58, 59, 61, 62, 63, 64, 67, 68, 70, 115 (примеч.), 133 (примеч.), 276, 277, 486.
Гл. II. Табл. №№ 15, 16; Гл. IV. Табл. №№ 3, 10; Экскурс 1. Табл. № 4.
ВОЛОДАРЬ (МИНСКИЙ), сын Глеба, внук Всеслава, правнук Брячислава Изяславича — с. 57, 58, 61, 62, 135, 486, 613.
Гл. II. Табл. №№ 15, 16; Гл. IV. Табл. № 10.
◈ его жена, см. РИКИЦА (РИКСА), дочь Болеслава Кривоустого.
ВОЛОДАРЬ, сын Ростислава, внук Владимира, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 57, 58, 59, 115 (примеч.), 116 примеч.), 134, 545, 559.
Гл. II. Табл. №№ 1, 15; Гл. IV. Табл. № 3; Гл. V. Табл. № 1; Гл. VII. Табл. №№ 4, 20, 22, 23; Экскурс 1. Табл. №№ 4, 19.
ВОЛОДЬША, имя — с. 62, 132, 133–134 (примеч.), 441 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 16.
ВОЛОДЬША, сын Василько, внук Святослава, правнук Всеслава Брячиславича — с. 62, 425 (примеч.), 472, 576.
Гл. II. Табл. № 16. Экскурс 10. Табл. № 6.
ВСЕВОЛОД, имя — с. 11, 23, 26, 32, 33, 48, 49 (примеч.), 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 66 (примеч.), 88 (примеч.), 89, 92, 97, 104–105 (примеч.), 118, 122, 123, 124, 126 (примеч.), 127, 128, 129 (примеч.), 132 (примеч.), 133 (примеч.), 134, 138, 142, 143 (примеч.), 145, 156, 157, 159 (примеч.), 163, 164, 165, 169 (примеч.), 187, 212, 216, 231, 239, 249, 264, 278, 294 (примеч.), 315, 316, 318, 319, 320, 325, 326, 426, 435, 448, 449, 451, 454, 455, 456, 457, 462, 467, 495, *502–508*, 561, 567, 568.
Гл. II. Табл. №№ 10, 13, 14, 15, 16; Гл. III. Табл. №№ 5, 8, 10, 11; Гл. IV. Табл. №№ 5, 8, 9, 13, 17, 18, 19; Гл. VII. Табл. № 2; Экскурс 1. Табл. №№ 5, 32; Экскурс 11. Табл. № 2.
ВСЕВОЛОД, сын Александра Белзского, внук Всеволода, правнук Мстислава Изяславича — с. 318 (примеч.), 319 (примеч.).
Экскурс 1. Табл. № 32.
ВСЕВОЛОД, сын Александра, внук Михаила Тверского, правнук Ярослава Ярославича — с. 169 (примеч.), 579.
Экскурс 6. Табл. № 1.
ВСЕВОЛОД БОРИСОВИЧ, см. ВСЕВОЛОД, сын Мстислава Старого.

ВСЕВОЛОД, сын Владимира Святого, внук Святослава, правнук Игоря Рюриковича и Ольги — с. 23, 48, 336, 451.
Гл. I. Табл. № 1; Гл. II. Табл. № 10.
ВСЕВОЛОД, сын Всеволода, внук Мстислава, правнук Изяслава Мстиславича — с. 318–320.
Экскурс 1. Табл. № 32.
ВСЕВОЛОД, сын Глеба, внук Всеслава, правнук Брячислава Изяславича — с. 61, 62.
Гл. II. Табл. №№ 15, 16.
ВСЕВОЛОД (ПРОНСКИЙ), сын Глеба, внук Ростислава, правнук Ярослава Святославича — с. 191 (примеч.), 278, 279, 280, 281 (примеч.), 282, 283, 285 (примеч.), 291, 292, 294, 295 (примеч.), 568, 577.
Экскурс 1. Табл. №№ 5, 8, 9, 10, 11, 14.
*ВСЕВОЛОД (ПРОНСКИЙ) как сын Ингваря, внук Игоря, правнук Глеба Ростиславича — с. 291, 293 (примеч.), 294 (примеч.), 295 (примеч.).
Экскурс 1. Табл. № 14.
ВСЕВОЛОД (ВСЕВОЛОДКО) (ГОРОДЕНСКИЙ), сын Давыда (?), внук Игоря (?), правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 102, 120 (примеч.), 132 (примеч.), 247 (примеч.), 248 (примеч.), 326, 461, *502–503*.
Гл. VII. Табл. № 8.
◈ его жена, см. АГАФЬЯ, дочь Владимира Мономаха.
◈ его дочь, жена ВЛАДИМИРА, сына Давыда.
◈ его дочь, жена ГЕОРГИЯ, сына Ярослава, внука Святополка.
ВСЕВОЛОД, сын Давыда, внук Святослава, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 97.
Гл. III. Табл. № 8.
ВСЕВОЛОД, сын Игоря, внук Ярослава Мудрого, правнук Владимира Святославича Святого — с. 582.
ВСЕВОЛОД, сын Константина, внук Всеволода Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича Долгорукого — с. 87, 88 (примеч.), 89 (примеч.), 90 (примеч.), 91, 92, 127 (примеч.), 158–159 (примеч.), 161, 163, 165, 212, 297, 298 (примеч.), 315, 483, *503*, 567, 570.
Гл. III. Табл. № 5; Гл. IV. Табл. №№ 7, 14, 18, 19; Гл. VI. Табл. № 3;
Экскурс 1. Табл. №№ 17, 29.
ВСЕВОЛОД, сын Мстислава Великого, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 26, 66 (примеч.), 76 (примеч.), 97, 98, 121, 122, 123 (примеч.), 124, 127, 128, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 184 (примеч.), 187, 243, 249, 250, 252, 366, 373, 435, 449, 456, 495, *503–504*, 508, 554, 581 (примеч.), 582.
Гл. I. Табл. № 3; Гл. III. Табл. № 1;
Гл. IV. Табл. №№ 4, 8, 12, 17, 18;
Гл. VII. Табл. №№ 10, 11, 13;
Экскурс 4. Табл. № 8; Экскурс 5. Табл. № 3; Экскурс 11. Табл. № 2.
◈ его жена, дочь СВЯТОСЛАВА, внучка Давыда, правнучка Святослава Ярославича — с. 123 (примеч.).
ВСЕВОЛОД, сын Мстислава, внук Изяслава, правнук Мстислава Владимировича Великого — с. 168 (примеч.), 318, 319, 463.
Гл. IV. Табл. № 21; Экскурс 1. Табл. № 32.
ВСЕВОЛОД, сын Мстислава Старого, внук Романа, правнук Ростислава Мстиславича — с. 309 (примеч.), *504*, 585.
Экскурс 1. Табл. № 22.
ВСЕВОЛОД, сын Олега, внук Святослава, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 18, 20, 54, 97, 99, 100, 101, 102, 105 (примеч.), 132 (примеч.), 187, 191, 243, 251, 252, 258, 260, 263, 461, 462, 463, 501, *504–505*, 525, 529, 561, 568, 578, 587, 590, 601, 606, 622.
Гл. II. Табл. № 12; Гл. III. Табл. №№ 8, 10, 11, 12; Гл. VII. Табл. №№ 4, 12, 13, 19, 21, 24, 25; Экскурс 1. Табл. № 7;

Экскурс 5. Табл. № 4; Экскурс 10. Табл. № 4.
◈ его жена, см. АГАФЬЯ (?)-МАРИЯ (?), дочь Мстислава Великого.
ВСЕВОЛОД (ЧЕРМНЫЙ), сын Святослава, внук Всеволода, правнук Олега Святославича — с. 106, 167 (примеч.), 424, *505*, 578, 619.
Экскурс 10. Табл. № 4.
◈ его дочь, жена (КИР) МИХАИЛА, сына Всеволода Пронского.
ВСЕВОЛОД, сын Святослава, внук Олега, правнук Святослава Ярославича — с. 103, 104–105 (примеч.), 107.
Гл. III. Табл. №№ 10, 11.
ВСЕВОЛОД (БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО), сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 11 (примеч.), 32 (примеч.), 56, 57, 86, 88, 89, 91, 92, 113, 120, 127 (примеч.), 129 (примеч.), 131 (примеч.), 139 (примеч.), 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148–149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 170, 176 (примеч.), 179, 180, 183, 184, 186 (примеч.), 187, 190, 191 (примеч.), 194 (примеч.), 199, 211, 213 (примеч.), 223, 231, 242, 243, 244, 249, 257, 258, 261, 263, 264, 268 (примеч.), 282 (примеч.), 288, 291, 297, 298 (примеч.), 300 (примеч.), 302, 305, 306, 314, 315, 333 (примеч.), 368–381, 385, 387, 388, 411, 412, 413, 414 (примеч.), 415 (примеч.), 421, 427, 428, 429, 430, 435, 443 (примеч.), 457, 464, 468, 474, 476, 479, 480, 482, 490, 494, 495, 496 (примеч.), 498–499, 500, 503, 504, *505–506*, 507, 514, 522, 531, 534, 535, 540, 545–546, 554, 569, 570, 571, 572, 575, 576 (примеч.), 579, 580, 593, 604, 606, 610, 613, 617, 618, 623–624, 626.
Гл. II. Табл. №№ 2, 14; Гл. III. Табл. № 5; Гл. IV. Табл. №№ 5, 7, 9, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21; Гл. V. Табл. №№ 1, 2; Гл. VI. Табл. №№ 3, 5, 7, 8; Гл. VII. Табл. №№ 2, 5, 10, 15, 18, 22, 24, 26; Экскурс 1. Табл. №№ 17, 19, 20, 21, 22, 25, 29, 31; Экскурс 5. Табл. №№ 1, 2, 3, 4; Экскурс 6. Табл. №№ 1, 2; Экскурс 9. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. №№ 3, 7, 8, 9; Экскурс 11. Табл. №№ 2, 3.
◈ его мать — с. 148, 506.
◈ его жена, см. МАРИЯ, дочь Шварна.
ВСЕВОЛОД, сын Юрия, внук Всеволода Большое Гнездо, правнук Юрия Долгорукого — с. 89, 90, 163, 164, 416 (примеч.), *506–507*, 535.
Гл. III. Табл. № 5; Гл. IV. Табл. № 19.
ВСЕВОЛОД, сын Ярослава Мудрого, внук Владимира Святого, правнук Святослава Игоревича — с. 15, 16, 18, 19, 22 (примеч.), 23, 24, 25, 26, 27, 28 (примеч.), 29, 48, 55, 56, 96, 97, 98, 108, 118, 121, 122, 123, 124, 125, 127, 128, 141, 145, 156, 184, 190, 191, 247, 362, 404, 422, 423 (примеч.), 449, 455, 456, 461, 467, 471, 472 (примеч.), 473, 474, 481, 482, 491, 493, 497, 498, 500, 503, 505, *507–508*, 512, 526, 544, 560, 564, 573, 579, 581, 588, 592, 595, 599–600, 601, 605, 620.
Гл. I. Табл. №№ 1, 2, 3; Гл. II. Табл. №№ 1, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 17; Гл. III. Табл. №№ 2, 7, 8, 9; Гл. IV. Табл. №№ 4, 5, 6, 8, 9, 10, 12, 14, 16, 17; Гл. V. Табл. №№ 1, 3; Гл. VII. Табл. №№ 5, 6, 7, 8, 9, 13, 15, 16, 17, 20, 21, 23, 24, 25, 26; Экскурс 1. Табл. №№ 1, 6, 15, 19, 23; Экскурс 3. Табл. №№ 1, 4; Экскурс 4. Табл. №№ 1, 4, 5, 7, 8, 9; Экскурс 5. Табл. №№ 1, 4; Экскурс 6. Табл. № 2; Экскурс 10. Табл. №№ 1, 4, 8; Экскурс 11. Табл. №№ 1, 3.
◈ его первая жена — с. 16 (примеч.), 140.
◈ его жена, см. АННА
ВСЕВОЛОД, сын Ярослава, внук Изяслава, правнук Мстислава Владимировича Великого — с. 83, 249.
Гл. III. Табл. № 3.

*ВСЕВОЛОДИМЕР, имя — с. 48 (примеч.).
ВСЕСЛАВ, имя — с. 48, 242, 256, 264.
Гл. II. Табл. №№ 15, 16.
ВСЕСЛАВ, сын Брячислава, внук Изяслава, правнук Владимира Святославича Святого — с. 61, 114, 135 (примеч.), 172 (дополн. к с. 115), 271, 272, 275, 480–481, 486, 491, 493, 514–515, 522, 527–528, 548, 558, 593, 594–595, 596, 600, 607, 613.
Гл. II. Табл. №№ 15, 16; Гл. IV. Табл. №№ 2, 10; Гл. VII. Табл. №№ 6, 12, 21; Экскурс 1. Табл. №№ 1, 2, 3; Экскурс 3. Табл. №№ 1, 4; Экскурс 10. Табл. № 6.
ВСЕСЛАВ, сын Изяслава, внук Владимира Святого, правнук Святослава Игоревича.
Гл. II. Табл. №№ 15, 16; Гл. V. Табл. № 1; Экскурс 1. Табл. №№ 1, 2, 3; Экскурс 3. Табл. № 1.
ВСЕСЛАВ, сын Микулы, внук Володьши (?), правнук Василько Святославича (?) — с. 425–426 (примеч.), 576.
Экскурс 10. Табл. № 6.
ВСЕСЛАВА, имя — с. 48, 57, 242, 245, 256, 257, 264.
Гл. II. Табл. № 14; Гл. VII. Табл. №№ 2, 26.
ВСЕСЛАВА, дочь Всеволода Большое Гнездо, внучка Юрия Долгорукого, правнучка Владимира Всеволодича Мономаха — с. 57, 150 (примеч.), 242, 257, 263, 264.
Гл. II. Табл. № 14; Гл. IV. Табл. № 15; Гл. VII. Табл. №№ 2, 24, 26.
◈ ее муж, см. РОСТИСЛАВ, сын Ярослава.
ВСЕСЛАВА, дочь Рюрика, внучка Ростислава, правнучка Мстислава Владимировича Великого — с. 242, 264, 278, 281.
Гл. VII. Табл. №№ 2, 26; Экскурс 1. Табл. № 6.
◈ ее муж, см. ЯРОСЛАВ, сын Глеба.
ВУЗЛЕВ, имя, упоминаемое в договорах с греками — с. 42.
ВУЛЬФГЕВА, мать епископа Вульфстана — с. 35.
ВУЛЬФГИТ, мать Эльгиты, жительница Суффолка — с. 35.
ВУЛЬФНОТ, дед англосаксонского короля Харальда — с. 519.
ВУЛЬФСТАН, сын Этельстана и Вульфгевы, англосаксонский епископ — с. 35.
ВЭБРАНД, сын Асбранда, исландец — с. 37.
Гл. II. Табл. № 7.
ВЫШЕСЛАВ, имя — с. 24 (примеч.), 48, 451.
Гл. II. Табл. № 10.
ВЫШЕСЛАВ, сын Владимира Святого, внук Святослава, правнук Игоря Рюриковича и Ольги — с. 24 (примеч.), 48, 451.
Гл. II. Табл. № 10.
ВЯЧЕСЛАВ, имя — с. 19, 21, 22, 24 (примеч.), 32, 43 (примеч.), 55, 117, 118, 134 (примеч.), 466 (примеч.), *508*, 576.
Гл. II. Табл. № 13.
ВЯЧЕСЛАВ (ВАЦЛАВ), сын Вратислава, внук Борживоя, чешский князь, святой — с. 24 (примеч.), 43 (примеч.), 117 (примеч.), 508.
ВЯЧЕСЛАВ ГОРИСЛАВИЧ, новгородский тысяцкий — с. 352.
ВЯЧЕСЛАВ ПРОКШИНИЧ, новгородец — с. 466 (примеч.).
ВЯЧЕСЛАВ, сын Владимира Мономаха, внук Всеволода, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 19, 20, 21, 22, 78 (примеч.), 79, 92 (примеч.), 94 (примеч.), 117, 118, 132 (примеч.), 157 (примеч.), 579.
Гл. I. Табл. №№ 1, 2; Гл. III. Табл. № 1; Гл. IV. Табл. № 4.
*ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ как сын Владимира Святого (???), внук Святослава (???), правнук Игоря Рюриковича и Ольги (???) — с. 24 (примеч.).
ВЯЧЕСЛАВ, сын Ярослава Мудрого, внук Владимира Святого, правнук Свято-

слава Игоревича — с. 19, 21, 24 (примеч.), 55, 118, 481, *508*, 576.
Гл. I. Табл. №№ 1, 2; Гл. II. Табл. № 13; Экскурс 4. Табл. № 1.
ВЯЧЕСЛАВ, сын Ярослава, внук Святополка, правнук Изяслава Ярославича — с. 132 (примеч.).

Г

ГАВРИИЛ, имя — с. 66 (примеч.), 121, 122 (примеч.), 123, 124, 145, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 184 (примеч.), 187, 197, 198 (примеч.), 200, 201, 202, 203 (примеч.), 205 (примеч.), 213 (примеч.), 243, 369 (примеч.), 371, 373, 388 (примеч.), 409 (примеч.), 415 (примеч.), 426, 427 (примеч.), 460, 482, 487, 488 (примеч.), 489 (примеч.), 490, 495, 503–504, 505, *508*, 511, 513, 537, 551, 554, 558, 561, 562, 581 (примеч.), 606, 609, 616, 621, 622, 625.
Гл. III. Табл. № 5; Гл. IV. Табл. №№ 4, 8, 12, 13, 16, 17, 18; Гл. V. Табл. № 4; Гл. VI. Табл. №№ 1, 2, 9; Гл. VII. Табл. №№ 10, 11, 13; Экскурс 4. Табл. № 8; Экскурс 5. Табл. №№ 2, 3; Экскурс 8. Табл. №№ 1, 2.
→ См. также: ВАСИЛИЙ, сын Ивана Великого; ВСЕВОЛОД, сын Мстислава Великого; ВСЕВОЛОД, сын Олега «Гориславича», внук Святослава; ИГОРЬ, сын Олега «Гориславича», внук Святослава; СВЯТОСЛАВ, сын Всеволода Большое Гнездо; СВЯТОСЛАВ, сын Олега «Гориславича», внук Святослава; ЯРОПОЛК, сын Изяслава, внук Ярослава Мудрого; ЯРОПОЛК, сын Ярослава, внук Всеволода; ЯРОСЛАВ, сын Мстислава, внук Юрия Долгорукого.
ГАВРИИЛ, архангел — с. 123 (примеч.), 155, 158, 201, 202, 205 (примеч.), 371, 408, 409 (примеч.), 458, 487, 488, 606, 622, 625.
ГАВРИИЛ, святой — с. 192.
ГАВРИИЛ ГОРИСЛАВИЧ, псковский воевода — с. 352.
ГАЛАКТИОН, пострадавший с Иулианией, святой — с. 206 (примеч.).
ГАЛЛ АНОНИМ, хронист — с. 344, 345, 346, 347, 348, 349.
ГАРИБАЛЬД, лангобард — с. 34 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 5.
ГЕЗА I, венгерский король — с. 245.
ГЕЗА II, венгерский король — с. 544.
◈ его жена, см. ЕВФРОСИНИЯ, дочь Мстислава Великого.
ГЕЙРМУНД, сын Сэмунда, исландец — с. 37.
ГЕЙРРЁД, исландец — с. 48 (примеч.).
ГЕЛАРИХ, сын Гензо, внук Гензериха, правнук Гундегизеля, вандал — с. 33.
Гл. II. Табл. № 3.
ГЕЛИМЕР, сын Геляриха, внук Гензо, правнук Гензериха, вандал — с. 33.
Гл. II. Табл. № 3.
ГЕНЗЕРИХ, сын Гундегизеля, правитель вандалов — с. 33.
Гл. II. Табл. № 3.
ГЕНЗО, сын Гензериха, внук Гундегизеля, вандал — с. 33.
Гл. II. Табл. № 3.
ГЕНРИХ IV, германский король, император — с. 184, 437–438 (примеч.), 565.
ГЕНРИХ (БОРОДАТЫЙ), сын Болеслава Высокого, внук Владислава Игнанника, правнук Болеслава Кривоустого — с. 251 (примеч.).
Гл. VII. Табл. № 12.
ГЕНРИХ ШТАДЕН (АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ), немец, опричник — с. 327 (примеч.).
ГЕОРГИЙ (ЮРИЙ, ГЮРГИЙ, ДЮРГИ), имя — с. 12 (примеч.), 29 (примеч.), 54, 55, 97, 105 (примеч.), 116, 117, 118, 119–120, 121, 122, 133 (примеч.), 134, 135, 136, 137, 138, 139, 144, 145, 152, 153, 162, 164, 166, 185, 186, 187, 188, 189, 190 (примеч.), 192, 195, 198 (примеч.), 212, 232, 235, 236, 289, 290, 321–322 (дополн. к с. 315), 356 (примеч.),

408, 426, 427, 432, 434, 455, 456, 457, 458, 461, 471, 473, 481, 482, 491, 493, 497, 499, 500, 502, 503, 504, 505, 507, *508–519*, 523, 524, 526, 528, 530, 544, 553, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 573, 574, 579, 581, 582, 583, 584, 586, 587, 588, 589, 590, 595, 599, 600, 601, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 620, 621, 623, 625.
Гл. I. Табл. № 2; Гл. III. Табл. №№ 11, 12; Гл. IV. Табл. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 10, 12, 13, 14, 16; Гл. V. Табл. №№ 1, 3; Гл. VI. Табл. №№ 8, 10; Гл. VII. Табл. №№ 5, 8, 14, 26; Экскурс 1. Табл. №№ 2, 3, 30, 31; Экскурс 3. Табл. № 1; Экскурс 4. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. №№ 1, 4, 5, 8.
→ См. также: ВСЕВОЛОД, сын Олега «Гориславича», внук Святослава; ИГОРЬ, сын Святослава, внук Олега «Гориславича»; ИГОРЬ, сын Олега «Гориславича», внук Святослава; МСТИСЛАВ ВЕЛИКИЙ, сын Владимира Мономаха; МСТИСЛАВ, сын Изяслава, внук Ярослава Мудрого; МСТИСЛАВ ХРАБРЫЙ, сын Ростислава, внук Мстислава Великого; РОСТИСЛАВ, сын Всеслава, внук Брячислава; СВЯТОСЛАВ, сын Всеслава, внук Брячислава; ШВАРН, сын Даниила Галицкого, внук Романа; ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ, сын Владимира Святого.

ГЕОРГИЙ, святой — с. 136, 153, 175, 176, 185, 186 (примеч.), 187, 189, 190, 191, 192, 195, 235, 236, 407 (примеч.), 409, 411, 416 (примеч.), 420 (примеч.), 427, 494, 505, 507, 509, 513, 515, 562, 563, 567, 588, 593, 600, 602, 607, 623.
→ См. также ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ

ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ, святой — с. 120, 121, 122, 164 (примеч.), 185, 186 (примеч.), 187, 188, 189, 191 (примеч.), 192, 356 (примеч.), 407 (примеч.), 408, 409, 411, 416 (примеч.), 420 (примеч.), 427, 507, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 562–563, 567, 588, 593, 600, 623.
Гл. VI. Табл. № 10.
→ См. также ГЕОРГИЙ, святой.

ГЕОРГИЙ, иже на Горе Малее, святой — с. 188, 189, 562.

ГЕОРГИЙ ИСПОВЕДНИК, епископ Митиленский, святой — с. 188, 511 (примеч.), 516, 562.

ГЕОРГИЙ, пострадавший от болгар, святой — с. 236, 510 (примеч.).

ГЕОРГИЙ ХОЗЕВИТ, святой — с. 235, 510.

ГЕОРГИЙ, отрок, убитый со св. Борисом, брат Моисея Угрина — с. 434 (примеч.).

ГЕОРГИЙ, лицо, упомянутое в надписи на Суздальском змеевике — с. 365–366 (примеч.).

ГЕОРГИЙ (ГЮРГИ), сын посадника Иванки Захарьинича — с. 137.

ГЕОРГИЙ (ГЮРГИ), сын Прокопия, боярин — с. 137.

ГЕОРГИЙ, сын Шимона, тысяцкий — с. 434.
Экскурс 11. Табл. № 2.

ГЕОРГИЙ КОШКИН-ЗАХАРЬИН, боярин.
Гл. V. Табл. № 4.

ГЕОРГИЙ, сын Андрея Боголюбского, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимир Всеволодича Мономаха — с. 120, 144 (примеч.), 474, *509*.
Гл. IV. Табл. №№ 5, 12.

ГЕОРГИЙ, сын Василия, внук Дмитрия Донского, правнук Ивана Ивановича Красного — с. 235, *509*, 510.

ГЕОРГИЙ, сын Василия Темного, внук Василия, правнук Дмитрия Ивановича Донского — с. 12 (примеч.), 232, 235, 236, *509*, 511.
Гл. VI. Табл. №№ 8, 10.

ГЕОРГИЙ, сын Василия Темного, внук Василия, правнук Дмитрия Ивановича Донского — с. 12 (примеч.), 232, 234, 235, 236, *510–511*, 516.
Гл. VI. Табл. №№ 8, 10.

ГЕОРГИЙ, сын Василия III, внук Ивана Великого, правнук Василия Васильевича Темного — с. 201 (примеч.), 383 (примеч.), 384 (примеч.), *511–512*.
Гл. V. Табл. № 4.
◈ его жена, см. УЛЬЯНА

ГЕОРГИЙ (ДОЛГОРУКИЙ), сын Владимира Мономаха, внук Всеволода, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 20, 21, 75, 77, 78 (примеч.), 79, 80, 87 (примеч.), 89, 94, 101, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 129 (примеч.), 130, 134, 135, 137, 141, 143, 144, 145, 146, 148, 151, 152, 156, 157 (примеч.), 158 (примеч.), 162, 163, 166, 167, 177, 178, 186, 187, 189, 190, 241, 258, 259 (примеч.), 260, 261, 274 (примеч.), 297, 321 (дополн. к с. 315), 333 (примеч.), 409 (примеч.), 420, 424 (примеч.), 434, 450, 453, 455, 456, 464, 471, 473, 474, 479, 482, 490, 493, 494, 495, 498, 499, 503, 505, 506, 507 (примеч.), 509, *512–513*, 514, 518 (примеч.), 522, 526, 534, 544, 545, 554, 560, 563, 570, 572, 579, 587, 592–593, 601, 604, 606, 617, 618, 622, 623, 624, 626.
Гл. II. Табл. №№ 2, 14; Гл. III. Табл. №№ 2, 5; Гл. IV. Табл. №№ 4, 5, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21; Гл. V. Табл. №№ 1, 2, 3; Гл. VII. Табл. №№ 1, 2, 5, 10, 15, 17, 18, 20, 22, 24, 26; Экскурс 1. Табл. №№ 17, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 29, 31; Экскурс 4. Табл. № 3; Экскурс 5. Табл. №№ 1, 2, 3, 4; Экскурс 6. Табл. № 2; Экскурс 9. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. №№ 2, 3, 4, 7, 8; Экскурс 11. Табл. №№ 1, 2, 3.
◈ одна из его дочерей — с. 258, 263, 333 (примеч.).
Гл. VII. Табл. №№ 18, 24.
◈ его первая жена, дочь половецкого хана Аепы Осенева — с. 12 (примеч.), 450, 473 (примеч.).
◈ его вторая жена, мать Всеволода Большое Гнездо — с. 148, 506.

ГЕОРГИЙ, сын Владимира (?), внук Святослава (?), правнук Ярослава Святославича (?) — с. 120, 321 (дополн. к с. 315), *513–514*, 515, 517, 518 (примеч.), 531.
Экскурс 1. Табл. №№ 8, 14, 30.
→ См. также ГЕОРГИЙ, сын Ростислава, внук Ярослава.

ГЕОРГИЙ, сын Всеволода, внук Александра, правнук Михаила Ярославича Тверского — с. 579, 614.
Экскурс 6. Табл. № 1.

ГЕОРГИЙ, сын Всеволода Большое Гнездо, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 11 (примеч.), 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 120, 127 (примеч.), 139 (примеч.), 145, 146, 152, 153, 162, 163, 164, 166, 183 (примеч.), 186 (примеч.), 187, 254 (примеч.), 257, 297–298, 506, *514*, 535, 618, 619.
Гл. III. Табл. № 5; Гл. IV. Табл. №№ 5, 7, 13, 16, 19; Гл. VII. Табл. № 15; Экскурс 1. Табл. № 17; Экскурс 5. Табл. № 2.
◈ его дочь, жена ВАСИЛЬКО, сына Романа.

ГЕОРГИЙ, сын Всеслава, внук Брячислава, правнук Изяслава Владимировича — с. 192 (примеч.), 246, 352 (примеч.), *514–515*, 527, 593.
Гл. V. Табл. № 1; Гл. VII. Табл. №№ 6, 12; Экскурс 3. Табл. №№ 1, 4.
→ См. также РОСТИСЛАВ, сын Всеслава; СВЯТОСЛАВ, сын Всеслава.

ГЕОРГИЙ, сын Давыда, внук Юрия, правнук Владимира Святославича (?) или Ростислава Ярославича (?) — с. 321 (дополн. к с. 315), *515*.
Экскурс 1. Табл. № 30.

ГЕОРГИЙ, сын Даниила Московского, внук Александра Невского, правнук Ярослава Всеволодича — с. 476.

ГЕОРГИЙ (ЗВЕНИГОРОДСКИЙ), сын Дмитрия Донского, внук Ивана Красного, правнук Ивана Даниловича Калиты — с. 12 (примеч.), 232, 233, 234, 235, 236, 459, 510, *515*, 540.
Гл. VI. Табл. №№ 8, 10.

ГЕОРГИЙ, сын Ивана Великого, внук Василия Темного, правнук Василия Дмитриевича — с. 188 (примеч.), 511 (примеч.), *516*.

ГЕОРГИЙ, сын Игоря, внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича — с. 280 (примеч.), 281 (примеч.), 282, 283 (примеч.), 286 (примеч.), 287, 288, 289, 290, 291 (примеч.), 293, 294 (примеч.), *517*, 560.
Экскурс 1. Табл. №№ 8, 9, 10, 12, 13, 14.

ГЕОРГИЙ, сын Ингваря, внук Игоря, правнук Глеба Ростиславича (?) — с. 66, 286 (примеч.), 287, 288 (примеч.), 289, 290, 293 (примеч.), *517*, 560.
Экскурс 1. Табл. № 13.

ГЕОРГИЙ, сын Мстислава Удатного (?), внук Мстислава Храброго (?), правнук Ростислава Мстиславича (?) — с. 302 (примеч.), 307–308, 415 (примеч.), *517*.
Экскурс 1. Табл. №№ 20, 22.

ГЕОРГИЙ, сын Ростислава (?), внук Ярослава (?), правнук Святослава Ярославича (?) — с. 321 (дополн. к с. 315), *513–514*, 517, 518 (примеч.), 531.
Экскурс 1. Табл. № 30.
→ См. также ГЕОРГИЙ, сын Владимира, внук Святослава.

ГЕОРГИЙ, сын Юрия (?), внук Владимира (?), правнук Святослава Ярославича Муромского (?) или сын Юрия (?), внук Ростислава (?), правнук Ярослава Святославича Муромского (?) — с. 321–322 (дополн. к с. 315), 515, *517–519*, 531 (примеч.), 561.
Экскурс 1. Табл. № 30.

ГЕОРГИЙ (ДЮРГИЙ), сын Ярослава, внук Святополка, правнук Изяслава Ярославича — с. 50, 119, 120 (примеч.), 247, 248 (примеч.), 249, 463, 475, *519*, 526, 561.
Гл. II. Табл. №№ 11, 12; Гл. IV. Табл. № 5; Гл. VII. Табл. №№ 7, 8, 24; Экскурс 1. Табл. № 19; Экскурс 5. Табл. № 1.
◈ его жена, дочь Всеволода Городенского, внучка Давыда (?), правнучка Игоря Ярославича (?) — с. 120 (примеч.), 132 (примеч.), 247–248 (примеч.), 249, 326.
Гл. VII. Табл. № 8.

ГЕОРГИЙ, сын Ярослава, внук Святослава, правнук Ярослава Владимировича Мудрого, князь муромский — с. 97, 120.
Гл. III. Табл. № 8; Экскурс 1. Табл. № 5.

ГЕРМАН, имя — с. 137.
Гл. VII. Табл. №№ 5, 10, 12, 15.

ГЕРТРУДА, дочь Мешко II, внучка Болеслава Великого, правнучка Мешко I — с. 253 (примеч.), 621.
Гл. VII. Табл. № 14.
◈ ее муж, см. ИЗЯСЛАВ, сын Ярослава Мудрого.

ГЕРША, имя — с. 62, 133 (примеч.), 137.

ГИДА, дочь Харальда, внучка Годвина, правнучка Вульфнота — с. 7, 12 (примеч.), 14 (примеч.), 193, 247, 341, 342, 450, *519*, 564, 581 (примеч.).
Гл. I. Табл. № 2; Гл. IV. Табл. № 4; Гл. VII. Табл. № 7; Экскурс 3. Табл. № 1.
◈ ее муж, см. ВЛАДИМИР МОНОМАХ, сын Всеволода.

ГИЗЛАХАД, имя бургундского правителя — с. 34.

ГИЗЛАХАР, имя бургундского правителя — с. 34.

ГИРГЕНЬ, князь половецкий.
Гл. VII. Табл. № 19.

ГЛЕБ, имя — с. 43 (примеч.), 59, 62 (примеч.), 70, 97, 112, 113, 114, 115, 133 (примеч.), 137, 139 (примеч.), 144 (примеч.), 145, 146, 149, 151, 152 (примеч.), 166, 172 (дополн. к с. 115), 231, 271, 272, 279 (примеч.), 280 (примеч.), 294 (примеч.), 295 (примеч.), 478, 479–480, 481, 482, 509 (примеч.), *519–527*, 528, 529, 530, 569, 595, 596, 597, 598.
Гл. IV. Табл. №№ 1, 2, 12, 13; Экскурс 1. Табл. №№ 2, 3; Экскурс 1. Табл. № 5.

ГЛЕБ (??), сын Андрея Боголюбского, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 144 (примеч.), 509 (примеч.).
Гл. IV. Табл. № 12.

ГЛЕБ, сын Василько, внук Константина, правнук Всеволода Юрьевича Большое Гнездо — с. 479.

ГЛЕБ, сын Владимира, внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича — с. 278, 279, 280 (примеч.), 281 (примеч.), 282, 283 (примеч.), 285, 288, 289, 291 (примеч.), 292, 293, 294, *519–520*, 523, 542–543, 569.
Экскурс 1. Табл. №№ 5, 9, 10, 13, 14.

ГЛЕБ, сын Владимира Святого, внук Святослава, правнук Игоря Рюриковича и Ольги, святой — с. 24, 43 (примеч.), 49 (примеч.), 50, 52 (примеч.), 76 (примеч.), 112, 113, 114, 115, 116, 117, 134, 146, 149, 151, 169 (примеч.), 172 (дополн. к с. 115), 181, 192, 209 (примеч.), 231, 236 (примеч.), 271, 272, 280 (примеч.), 295 (примеч.), 351, 364, 386 (примеч.), 387 (примеч.), 421, 440, 451, 455, 456, 477, 478, 479, 481, 482, 501, 504, *520–522*, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 544 (примеч.), 569, 572, 583, 584, 594 (примеч.), 595, 596, 598.
Гл. IV. Табл. №№ 1, 2; Экскурс 1. Табл. №№ 2, 3; Экскурс 6. Табл. № 2; Экскурс 11. Табл. № 1.

ГЛЕБ, сын Всеволода Большое Гнездо, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 139 (примеч.), 145–146, 149, 151, 166, 257, 479–480, *522*.
Гл. IV. Табл. № 13.

ГЛЕБ, сын Всеслава, внук Брячислава, правнук Изяслава Владимировича — с. 114, 271, 486, *522–523*, 528, 595, 596, 613.
Гл. II. Табл. №№ 15, 16; Гл. IV. Табл. №№ 2, 10; Экскурс 1. Табл. №№ 2, 3; Экскурс 3. Табл. № 1.

ГЛЕБ, сын Игоря, внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича, см. ГЛЕБ, сын Романа (?) или Игоря (?), внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича.

*ГЛЕБ (КОЛОМЕНСКИЙ) как сын Ингваря (?), внук Игоря (?), правнук Глеба Ростиславича (?) — с. 66, 291, 293 (примеч.), 294 (примеч.), 295 (примеч.), *523*.
Экскурс 1. Табл. № 14.

ГЛЕБ, сын Олега, внук Святослава, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 97, *523–524*.
Гл. III. Табл. № 8.

ГЛЕБ, сын Романа (?) или Игоря (?), внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича — с. 278, 280, 285, 292, 294 (примеч.), *523*.
Экскурс 1. Табл. №№ 5, 9, 10, 14.

ГЛЕБ, сын Ростислава, внук Ярослава, правнук Святослава Ярославича — с. 278, 279 (примеч.), 280 (примеч.), 281, 283 (примеч.), 284, 285, 288, 291, 293, 308, 517, 519–520, 523, 524, 528, 542, 566, 569, 577, 596, 597.
Гл. II. Табл. № 17; Экскурс 1. Табл. №№ 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 23.
◈ его дочь, жена МСТИСЛАВА ХРАБРОГО, сына Ростислава.

ГЛЕБ, сын Святослава, внук Ярослава Мудрого, правнук Владимира Святославича Святого — с. 96, 114, *524–525*, 530.
Гл. III. Табл. № 7; Гл. IV. Табл. №№ 1, 2.

ГЛЕБ, сын Святослава, внук Всеволода, правнук Олега Святославича — с. 89, 106, 373, *525–526*.
◈ его дочь, жена ВЛАДИМИРА, сына Всеволода Большое Гнездо.
◈ его жена, дочь РЮРИКА, сына Ростислава — с. 373.

ГЛЕБ, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 75 (примеч.), 80 (при-

меч.), 144 (примеч.), 145, 146, 151, 152 (примеч.), 482, 522, *526*.
Гл. IV. Табл. № 12, 13.
ГЛЕБ (ДУБРОВИЦКИЙ), сын Юрия, внук Ярослава, правнук Святополка Изяславича — с. 50, 263, 463, *526–527*.
Гл. II. Табл. № 11; Гл. VII. Табл. № 24.
ГОДВИН, сын Вульфнота — с. 519.
Гл. IV. Табл. № 4; Гл. VII. Табл. № 7.
ГОДЕГИЗЛЬ, имя бургундского правителя — с. 34.
ГОДИБЕРТ, сын Ариберта, внук Гундовальда, правнук Гарибальда и Вальдрады, лангобард — с. 34 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 5.
ГОДОМАР, имя бургундских правителей Восточной Галлии — с. 34.
ГОЛИЦА, имя — с. 325.
ГОРЕСЛАВА, см. ГОРИСЛАВА
ГОРИСЛАВ, имя — с. 352, 440, 457.
Экскурс 3. Табл. № 4; Экскурс 11. Табл. № 1.
ГОРИСЛАВА (ГОРЕСЛАВА), имя — с. 337, 339, 350, 351, 352, 353, 354, 467, *527*, 541, 595.
Экскурс 3. Табл. №№ 3, 4.
→ См. также РОГНЕДА, дочь Рогволода Полоцкого.
ГОРИСЛАВА (ГОРОДИСЛАВА, ГОРДИСЛАВА), дочь Георгия, внучка Всеслава, правнучка Брячислава Изяславича — с. 352, 353, *527*, 541.
Экскурс 3. Табл. № 4.
ГОРМ (СТАРЫЙ), конунг Дании — с. 344 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 9; Гл. VII. Табл. № 4.
ГОР(О)ДИСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ, паломник в Иерусалиме — с. 352 (примеч.).
ГОРЯСЕР, имя — с. 351, 352.
ГОРЯСЕР, убийца св. Глеба — с. 351, 352.
ГРИГОРИЙ, имя — с. 327, 563.
→ См. также ИГОРЬ, сын Ярослава Мудрого.
ГРИГОРИЙ ДВОЕСЛОВ, святой — с. 484 (примеч.).
ГРИГОРИЙ, просветитель Армении, святой — с. 208 (примеч.).
ГРИГОРИЙ, игумен Андреевского монастыря в Киеве — с. 99 (примеч.).
ГРИГОРИЙ VII, папа римский — с. 184, 565.
ГРИМВАЛЬД, сын Гарибальда и Вальдрады, лангобард — с. 34 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 5,
ГРИМОЛЬВ, исландец — с. 48 (примеч.).
ГУДБРАНД (ШИШКА), дед Олава Святого.
Экскурс 1. Табл. № 26.
ГУДМУНД, сын Сёльмунда, внук Гейрмунда, правнук Сэмунда, исландец — с. 37.
ГУДРЁД, сын Бьёрна Купца, внук Харальда Прекрасноволосого, правнук Хальвдана Черного.
Экскурс 1. Табл. № 26; Экскурс 3. Табл. № 2.
ГУДРЁД (ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ), сын Хальвдана Щедрого на Золото и Скупого на Еду, внук Эйстейна, правнук Хальвдана Белая Кость, конунг из династии Инглингов — с. 340.
Экскурс 1. Табл. № 26.
ГУДРУН, героиня цикла о Нифлунгах (Нибелунгах) — с. 53 (примеч.), 341.
◈ ее муж, см. АТЛИ
ГУДРУН, дочь Ярнскегги — с. 340, 341.
Экскурс 3. Табл. № 2.
◈ ее муж, см. ОЛАВ, сын Трюгтви.
ГУНАРЬ, имя, упоминаемое в договорах с греками — с. 64 (примеч.).
ГУНДЕГИЗЕЛЬ, правитель вандалов — с. 33.
Гл. II. Табл. № 3.
ГУНДЕРИХ, сын Гундегизеля, правитель вандалов — с. 33.
Гл. II. Табл. № 3.
ГУНДЕУХ, имя бургундского правителя — с. 34.
ГУНДОБАД, имя бургундских правителей Восточной Галлии — с. 34.
ГУНДОБЕРТ, сын Гундовальда, внук Гарибальда и Вальдрады, лангобард — с. 34 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 5.

ГУНДОВАЛЬД, сын Гарибальда и Вальдрады, лангобард — с. 34 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 5.
ГУННХИЛЬД, дочь ярла Хальвдана.
Экскурс 4. Табл. № 6.
◈ ее муж, см. ФИННН
ГЮДА, дочь конунга Эйрика из Хёрдаланда — с. 344 (примеч.).
Экскурс 3. Табл. № 2.
◈ ее муж, см. ХАРАЛЬД ПРЕКРАСНОВОЛОСЫЙ, сын Хальвдана Черного.
ГЮРД, сын конунга Харальда, брат Асы — с. 340.
Экскурс 3. Табл. № 2.
ГЮРЯТА РОГОВИЧ, сын Рог(волода) (Рагуила) (?), внук Ульва (?) или Эйлива (?), правнук Рёгнвальда Ульвссона (?), новгородец.
Экскурс 4. Табл. №№ 3, 7.

Д

ДАВИД (ДАВЫД), имя — с. 62 (примеч.), 70, 85, 112, 113, 114, 115, 116, 122, 149 (примеч.), 151, 169 (примеч.), 172 (дополн. к с. 115), 231, 270, 271, 272, 280 (примеч.), 294 (примеч.), 295 (примеч.), 328, 435, 455, 456, 457, 478, 481, 482, 520–522, 523, 524, 525, 526, *527–531*, 561, 569, 583, 595, 596, 597, 598.
Гл. IV. Табл. №№ 1, 2; Экскурс 1. Табл. №№ 2, 3; Экскурс 6. Табл. № 2.
→ См. также: ГЛЕБ, сын Владимира Святого; ИГОРЬ, сын Олега «Гориславича», внук Святослава.
ДАВИД, царь — с. 113, 435, 520, 528, 530–531.
ДАВЫД, сын Всеслава, внук Брячислава, правнук Изяслава Владимировича — с. 114, 269 (примеч.), 271–272, 274, 522, 523, *527–528*, 595, 596.
Гл. IV. Табл. № 2; Гл. VII. Табл. № 21; Экскурс 1. Табл. №№ 1, 2, 3; Экскурс 3. Табл. № 1.
ДАВЫД, сын Игоря, внук Ярослава Мудрого, правнук Владимира Святославича Святого — с. 112, 113, 115–116, 122, 328 (примеч.), 434, 502, *528*.
Гл. IV. Табл. № 1; Гл. VII. Табл. № 8.
ДАВЫД, сын Мстислава Храброго (?), внук Ростислава (?), правнук Мстислава Владимировича Великого (?) — с. 84, 85, 151 (примеч.), 297, 298, 300, 304, 305, 306 (примеч.), 307, 309, *529*.
Гл. III. Табл. № 4; Экскурс 1. Табл. №№ 15, 16, 22.
ДАВЫД, сын Олега, внук Святослава, правнук Всеволода Ольговича — с. 420 (примеч.), *529*.
ДАВЫД, сын Ростислава, внук Мстислава Великого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 12 (примеч.), 84, 85, 86, 91, 149 (примеч.), 151 (примеч.), 297, 419, 420 (примеч.), *529–530*, 571, 582–583, 600, 615, 617.
Гл. III. Табл. № 4; Гл. IV. Табл. № 14; Экскурс 1. Табл. №№ 15, 16; Экскурс 9. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. №№ 1, 2.
ДАВЫД, сын Святослава, внук Ярослава Мудрого, правнук Владимира Святославича Святого — с. 17 (примеч.), 96, 97, 98, 112, 113, 114, 115–116, 122, 270, 441, 442, 502 (примеч.), 525, *530–531*, 564, 588, 607.
Гл. III. Табл. №№ 7, 8, 9, 10; Гл. IV. Табл. №№ 1, 2; Экскурс 10. Табл. № 5; Экскурс 11. Табл. №№ 1, 3.
ДАВЫД, сын Федора Черного, внук Ростислава, правнук Мстислава Давыдовича — с. 484, 549.
ДАВЫД (МУРОМСКИЙ), сын Юрия, внук Владимира (?), правнук Святослава Ярославича (?) или сын Юрия, внук Ростислава (?), правнук Ярослава Святославича Муромского (?) — с. 282, 291, 292, 294 (примеч.), 321–322 (дополн. к с. 315), 515, 518, *531*.
Экскурс 1. Табл. №№ 8, 14, 30.
*ДАВЫД (МУРОМСКИЙ) как сын Ингваря, внук Игоря, правнук Глеба Ростиславича — с. 66, 291, 293 (примеч.), 294 (примеч.), *528*.
Экскурс 1. Табл. № 14.

ДАМИАН (И КОСМА), святые — с. 213 (примеч.), 534.
ДАНИИЛ, имя — с. 25 (примеч.), 167, 169, 222, 224, 458, 465, 505, *531–534*.
Гл. IV. Табл. № 21; Гл. VI. Табл. № 3.
→ См. также ВСЕВОЛОД ЧЕРМНЫЙ, сын Святослава, внук Всеволода.
ДАНИИЛ, святой — с. 222.
ДАНИИЛ ИСПОВЕДНИК, святой — с. 534 (примеч.).
ДАНИИЛ ПРОРОК, святой — с. 223, 459, 532, 534.
Гл. VI. Табл. №№ 3, 4.
ДАНИИЛ СТОЛПНИК, святой — с. 222, 223, 225 (примеч.), 459, 531–532, 533, 534.
Гл. VI. Табл. №№ 3, 4.
ДАНИИЛ, игумен, паломник в Святую Землю — с. 23 (примеч.), 148 (примеч.), 188 (примеч.), 272, 352 (примеч.), 480 (примеч.), 497 (примеч.), 522 (примеч.), 528 (примеч.), 581, 582, 590, 604, 607 (примеч.), 625.
ДАНИИЛ, игумен Троицкого монастыря в Переяславле Залесском — с. 512.
ДАНИИЛ ЗАТОЧНИК, предполагаемый автор «Моления» и «Слова» — с. 351.
ДАНИИЛ, сын хана Кобяка, половец — с. 167 (примеч.), 168 (примеч.).
ДАНИИЛ (МОСКОВСКИЙ), сын Александра Невского, внук Ярослава, правнук Всеволода Юрьевича Большое Гнездо — с. 25 (примеч.), 222, 223, 225 (примеч.), 459, 473, 476, 496, *531–532*, 533, 534, 536, 555, 556, 572, 610, 612.
Гл. VI. Табл. №№ 3, 4, 5, 8; Экскурс 1. Табл. № 24; Экскурс 6. Табл. №№ 1, 2; Экскурс 10. Табл. № 9.
ДАНИИЛ, сын Василия, внук Дмитрия Донского, правнук Ивана Ивановича Красного — с. 25 (примеч.), *532*.
ДАНИИЛ, сын Дмитрия Донского, внук Ивана Красного, правнук Ивана Даниловича Калиты — с. 25 (примеч.), *532–533*.
ДАНИИЛ, сын Ивана Калиты, внук Даниила, правнук Александра Ярославича Невского — с. 222, 223, 459, *533*.
Гл. VI. Табл. № 3.
ДАНИИЛ, сын Романа, внук Мстислава, правнук Изяслава Мстиславича — с. 69 (примеч.), 167 (примеч.), 168 (примеч.), 213 (примеч.), 298, 301, 302, 303–304, 318 (примеч.), 319, 379, 465, 475, 492, *533–534*, 567–568, 573, 596, 620.
Гл. IV. Табл. № 21; Экскурс 1. Табл. №№ 17, 20, 32; Экскурс 5. Табл. № 6.
◈ его первая жена, см. АННА, дочь Мстислава Удатного.
◈ его вторая жена, дочь Довспрунка — с. 379 (примеч.).
Экскурс 5. Табл. № 6.
ДАНИИЛ, сын Семена Гордого, внук Ивана Калиты, правнук Даниила Александровича Московского — с. 222–223, *534*.
Гл. VI. Табл. № 3.
ДАНИИЛ, сын Ярослава, внук Всеволода Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича Долгорукого — с. 25 (примеч.), 164 (примеч.), 167, 168 (примеч.), 169, 465, 532, *534*.
Гл. IV. Табл. №№ 20, 21; Гл. VI. Табл. № 3; Экскурс 1. Табл. № 31.
ДЕМЕНТИЙ, «печатник», информант летописца — с. 228 (примеч.).
ДЕМЕНТИЙ, старец — с. 194 (примеч.).
ДИОГЕН, см. РОМАН IV
ДИТРИХ, маркграф лужицкой марки — с. 254.
◈ его жена, см. ДОБРОНЕГА-ЛИУТГАРДА
ДМИТР, дружинник, автор надписи в новгородской Софии — с. 507.
ДМИТРИЙ, имя — с. 12 (примеч.), 56, 57, 88, 89, 129 (примеч.), 138 (примеч.), 141, 142, 143, 145, 156, 158, 161 (примеч.), 163, 164, 167, 170, 172 (дополн. к с. 115), 183, 184, 187, 192, 194 (примеч.), 198 (примеч.), 199, 220 (примеч.), 223–224, 229, 231, 232, 233, 234,

243, 264, 268 (примеч.), 297, 314, 316, 325, 389–395, 410, 411, 413, 414 (примеч.), 415 (примеч.), 416 (примеч.), 419, 427–428, 429, 432, 457, 459, 463, 464, 468, 474, 475, 476, 479, 482, 483, 490, 494, 495, 498–501, 502, 503, 505–507, 514, 519, 522, 526, 531, *534–541*, 545, 554, 555, 561, 564–565, 570, 572, 575, 579, 580, 583, 587, 596, 604, 606, 610, 613, 614, 615, 617, 618, 620, 621, 623, 625, 626.
Гл. II. Табл. №№ 2, 14; Гл. III. Табл. № 5; Гл. IV. Табл. №№ 5, 7, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 20; Гл. V. Табл. № 2; Гл. VI. Табл. №№ 3, 5, 8, 9, 10; Гл. VII. Табл. №№ 5, 8, 14, 26; Экскурс 1. Табл. №№ 17, 29; Экскурс 4. Табл. № 1; Экскурс 5. Табл. № 2; Экскурс 7. Табл. № 1; Экскурс 9. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. №№ 3, 4, 7, 8, 9.
→ См. также: ВЛАДИМИР, сын Всеволода Большое Гнездо; ВЛАДИМИР, сын Константина, внук Всеволода Большое Гнездо; ВЛАДИМИР МАЧЕШИЧ, сын Мстислава Великого; ВЛАДИМИР, сын Рюрика, внук Ростислава; ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО, сын Юрия Долгорукого; ВСЕВОЛОД, сын Юрия, внук Всеволода Большое Гнездо; ИЗЯСЛАВ, сын Ярослава Мудрого; РОМАН, сын Всеслава, внук Брячислава; СВЯТОСЛАВ, сын Ярослава, внук Ярослава.

ДМИТРИЙ, святой — с. 191, 193 (примеч.), 194 (примеч.), 199, 229, 234, 264 (примеч.), 277, 411, 412, 416 (примеч.), 498, 500, 505, 565, 570, 596, 604, 606, 610, 621.
→ См. также ДМИТРИЙ СОЛУНСКИЙ

ДМИТРИЙ ИЗ СКЕПСИИ, святой — с. 535.

ДМИТРИЙ СОЛУНСКИЙ, святой — с. 57, 129 (примеч.), 142, 143, 161 (примеч.), 164 (примеч.), 183, 184, 192, 199, 223, 229, 231, 232, 234, 264 (примеч.), 268 (примеч.), 389–395, 408, 409, 411, 412, 413, 416 (примеч.), 428, 459, 487 (примеч.), 498, 500, 501, 505–507, 535–541, 565, 570, 596, 604, 606.
Гл. VI. Табл. №№ 3, 9, 10; Экскурс 9. Табл. № 1.
→ См. также ДМИТРИЙ, святой.

ДМИТРИЙ ЗАВИДОВИЧ, новгородец — с. 258, 358, 363, 373.
Гл. III. Табл. № 6; Гл. VII. Табл. № 17; Экскурс 4. Табл. №№ 4, 7; Экскурс 5. Табл. № 3.
◈ его дочь, вторая жена МСТИСЛАВА ВЕЛИКОГО

ДМИТРИЙ, сын Марфы Борецкой, новгородец — с. 331.

ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ БЕЛЬСКИЙ, князь, боярин и воевода — с. 333 (примеч.).

ДМИТРИЙ, сын Александра Невского, внук Ярослава, правнук Всеволода Юрьевича Большое Гнездо — с. 412, *535*, 540.
Экскурс 9. Табл. № 1.

ДМИТРИЙ, сын Бориса, внук Василько, правнук Константина Всеволодича Ростовского — с. 393 (примеч.), *535*.

ДМИТРИЙ (ДОНСКОЙ), сын Ивана Красного, внук Ивана Калиты, правнук Даниила Александровича Московского — с. 12 (примеч.), 25 (примеч.), 131, 177, 199 (примеч.), 227, 233, 309, 386, 393 (примеч.), 394, 468, 469, 472, 473, 479, 483, 486, 487 (примеч.), 509–510, 515, 532, *536*, 537 (примеч.), 538 (примеч.), 540, 541, 550, 555 (примеч.), 571.
Гл. VI. Табл. №№ 1, 2, 8, 10; Экскурс 6. Табл. №№ 1, 2; Экскурс 7. Табл. № 1.
◈ его жена, см. ЕВДОКИЯ

ДМИТРИЙ, сын Ивана Грозного, внук Василия III, правнук Ивана Васильевича Великого — с. 220 (примеч.), 232, 389–395, *537*, 538, 614.

Гл. VI. Табл. №№ 8, 9; Экскурс 7. Табл. № 1.
ДМИТРИЙ (УГЛИЧСКИЙ), сын Ивана Грозного, внук Василия, правнук Ивана Васильевича Великого, святой — с. 129 (примеч.), 197, 232, 389–395, 460, *537–538*, 551 (примеч.), 575, 614.
Гл. V. Табл. № 4; Гл. VI. Табл. №№ 8, 9; Экскурс 7. Табл. № 1.
ДМИТРИЙ (ЖИЛКА), сын Ивана Великого, внук Василия Темного, правнук Василия Дмитриевича — с. 393 (примеч.), 397, 402 (примеч.), *536*, 537 (примеч.), 539 (примеч.).
ДМИТРИЙ (ВНУК), сын Ивана Молодого, внук Ивана Великого, правнук Василия Васильевича Темного — с. 219, 220, 397, 402 (примеч.), *538*.
Гл. VI. Табл. № 2; Экскурс 8. Табл. № 2.
ДМИТРИЙ (СТАРШИЙ), сын Константина, внук Василия, правнук Михаила Андреевича — с. 196–197, 199, 202, 203, 232, 537 (примеч.), 538 (примеч.), *539*, 612 (примеч.), 615, 620.
Гл. VI. Табл. № 8.
ДМИТРИЙ (НОГОТЬ), сын Константина, внук Василия, правнук Михаила Андреевича — с. 232, *539*, 541.
Гл. VI. Табл. № 8.
ДМИТРИЙ (ГРОЗНЫЕ ОЧИ), сын Михаила, внук Ярослава, правнук Ярослава Всеволодича — с. 393 (примеч.), *539–540*.
ДМИТРИЙ (ХОЛМСКИЙ), сын Юрия, внук Всеволода, правнук Александра Михайловича Тверского — с. 579, 614.
Гл. V. Табл. № 4; Экскурс 6. Табл. № 1.
ДМИТРИЙ (ШЕМЯКА), сын Юрия Звенигородского, внук Дмитрия Донского, правнук Ивана Ивановича Красного — с. 12 (примеч.), 232, 233–234, 459, *540*, 541.
Гл. VI. Табл. №№ 8, 10.
ДМИТРИЙ (КРАСНЫЙ)), сын Юрия Звенигородского, внук Дмитрия Донского, правнук Ивана Ивановича Красного — с. 12 (примеч.), 232, 233, 234, 459, *540–541*.
Гл. VI. Табл. №№ 8, 10.
ДОБРАВА, имя (?) — с. 253, 254, 541.
Гл. VII. Табл. № 15.
ДОБРОВКА (ДОБРАВКА), см. ДОБРОНЕГА
ДОБРОГНЕВА, см. ДОБРОНЕГА
*ДОБРОДЕЯ, имя (?) — с. 253 (примеч.).
ДОБРОНЕГА (ДОБРОГНЕВА, ДОБРОВКА (?), ДОБРАВКА (?)), имя — с. 51, 253, 254, *541*, 574.
Гл. VII. Табл. № 15.
ДОБРОНЕГА-ЛИУТГАРДА, дочь Болеслава Кривоустого, внучка Владислава, правнучка Казимира Восстановителя — с. 254.
Гл. VII. Табл. № 15.
◈ ее муж, см. ДИТРИХ
ДОБРОНЕГА (ДОБРОГНЕВА, ДОБРОВКА), дочь Владимира Святого, внучка Святослава, правнучка Игоря Рюриковича и Ольги — с. 253, 254, *541*, 574.
Гл. VII. Табл. № 15.
◈ ее муж, см. КАЗИМИР ВОССТАНОВИТЕЛЬ
ДОБРОСЛАВА, поморская княжна — с. 251.
Гл. VII. Табл. № 11.
◈ ее муж, см. БОЛЕСЛАВ, сын Мешко Старого.
ДОБРЫНА, имя — с. 132–133, 325.
ДОБРЫНЯ, воевода, дядя Владимира Святого — с. 337, 338 (примеч.), 343, 345, 350.
Экскурс 3. Табл. №№ 1, 4.
ДОБРЫНЯ, новгородский посадник времен Мстислава Великого — с. 363 (примеч.).
→ См. также ДОБРЫНЯ РАГУИЛОВИЧ
ДОБРЫНЯ РАГУИЛОВИЧ, сын Рог(волода) (Рагуила) (?), внук Ульва (?) или Эйлива (?), правнук Рёгнвальда

Ульвссона (?), воевода, новгородский посадник (?) — с. 363.
Экскурс 4. Табл. № 7.
→ См. также ДОБРЫНЯ, новгородский посадник.
ДОВМОНТ, князь псковский — с. 504.
ДОВСПРУНК, сын Рингольта, князь литовский.
Экскурс 5. Табл. № 6.
◈ его дочь, вторая жена ДАНИИЛА, сына Романа.
ДОМАЛЬДИ, конунг из династии Инглингов — с. 37.
ДОМАР, конунг из династии Инглингов — с. 37.
ДОМЕНТИЙ, юродивый — с. 203 (примеч.), 552.
ДУБРАВА, имя — с. 254 (примеч.).
Гл. VII. Табл. № 15.
ДУБРАВА (ДУБРАВКА), дочь Болеслава I, чешская княжна — с. 254.
Гл. VII. Табл. № 15.
◈ ее муж, см. МЕШКО I
ДУБРАВКА (?), дочь Конрада I (?), внучка Казимира II (?), правнучка Болеслава III (?), княгиня (?) или дочь Юрия (???), внучка Всеволода Большое Гнездо (???), правнучка Юрия Долгорукого (???) — с. 254.
Гл. VII. Табл. № 15.
◈ ее муж (?), см. ВАСИЛИЙ, сын Романа.

Е

ЕВДОКИЯ, имя — с. 177, 352, 527, *541–542*, 544.
Экскурс 3. Табл. № 4.
→ См. также ГОРИСЛАВА, дочь Георгия, внучка Всеслава.
ЕВДОКИЯ, святая — с. 542.
ЕВДОКИЯ БОГДАНОВНА САБУРОВА — с. 384 (примеч.).
◈ ее муж, см. ИВАН, сын Ивана Грозного.
ЕВДОКИЯ, дочь Дмитрия, внучка Константина, правнучка Василия Михайловича — с. 177, *541*, 544,
◈ ее муж, см. ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ, сын Ивана Красного.
ЕВДОКИЯ, дочь Ивана Великого, внучка Василия Темного, правнучка Василия Дмитриевича — с. 400, 401, *541–542*.
Гл. VI. Табл. № 9; Экскурс 8.
Табл. № 1.
◈ ее муж, см. ПЕТР, татарский царевич.
ЕВДОКИЯ, дочь Изяслава (?), внучка Мстислава Великого (?), правнучка Владимира Всеволодича Мономаха (?) — с. 250, 251, 252, *542*.
Гл. VII. Табл. №№ 11, 13.
◈ ее муж, см. МЕШКО СТАРЫЙ, сын Болеслава Кривоустого.
ЕВДОКСИЙ, цареградский епископ — с. 219, 406.
ЕВЛАМПИЙ, имя — с. 538.
ЕВЛАМПИЙ, святой — с. 402 (примеч.), 538.
ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ, рязанец — с. 292 (примеч.).
ЕВПРАКСИЯ, имя — с. 251, 253 (примеч.), *542*, 548.
Гл. VII. Табл. № 12; Экскурс 3.
Табл. № 4.
→ См. также ЗВЕНИСЛАВА, дочь Бориса, внучка Всеслава.
ЕВПРАКСИЯ, княгиня рязанская — с. 292.
◈ ее муж, см. ФЕДОР, сын Юрия.
ЕВСЕВИЙ ПАМФИЛ, епископ Кесарийский, первый церковный историк — с. 323.
ЕВСТАФИЙ, имя — с. 111, 112 (примеч.), 181, 182, *542–544*.
ЕВСТАФИЙ ВОИН, святой — с. 544.
ЕВСТАФИЙ ПЛАКИДА, святой — с. 181, 543–544.
ЕВСТАФИЙ, патриарх константинопольский — с. 543.
ЕВСТАФИЙ, протопроедр — с. 582.
ЕВСТАФИЙ, князь в Изборске и Пскове — с. 112, 467, *542*, 568.
ЕВСТАФИЙ, сын Константина, внук Владимира (?), правнук Глеба

Ростиславича (?), рязанский княжич в XIII в. — с. 111 (примеч.), *542–543*.
ЕВСТАФИЙ, сын Мстислава Тмутараканского, внук Владимира Святого, правнук Святослава Игоревича — с. 111, 181, 182, *543–544*.
ЕВФИМИЙ, имя — с. 177 (примеч.).
ЕВФИМИЙ, архиепископ — с. 200 (примеч.), 550.
ЕВФРОСИНИЯ, имя — с. 148 (примеч.), 167 (примеч.), 175, 176, 177, 178, 179, 180, 242 (примеч.), 259 (примеч.), 260, 262, 466 (примеч.), 482, 515, 527, 541, *544–545*, 548, 564, 577, 592–593, 596, 602–603, 619, 619–620.
Гл. IV. Табл. № 15; Гл. V. Табл. №№ 1, 2; Гл. VII. Табл. №№ 6, 12, 20, 22; Экскурс 3. Табл. № 4.
→ См. также: ЕВДОКИЯ, дочь Дмитрия, внучка Константина; ОЛЬГА, дочь Юрия Долгорукого; П(Е)РЕДСЛАВА, дочь Георгия, внучка Всеслава; РОСТИСЛАВА, дочь Мстислава Удатного; ФЕОДУЛИЯ, дочь Михаила, внучка Всеволода.
ЕВФРОСИНИЯ, святая — с. 178, 593.
ЕВФРОСИНИЯ-СМАРАГД АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ, святая — с. 179, 180, 200 (примеч.), 545, 593, 620.
ЕВФРОСИНИЯ КОРИНФСКАЯ, святая — с. 179 (примеч.).
ЕВФРОСИНИЯ ПОЛОЦКАЯ, святая, см. П(Е)РЕДСЛАВА, дочь Георгия, внучка Всеслава.
ЕВФРОСИНИЯ (БОРИСКОВНА), дочь Бориса, внучка Юрия Долгорукого, правнучка Владимира Всеволодича Мономаха — с. 151, 178, 482, *544*.
Гл. V. Табл. № 2.
◈ ее муж, см. ЯРОСЛАВ, сын Юрия, внук Ярослава, правнук Святополка Изяславича.
ЕВФРОСИНИЯ, дочь Мстислава Великого, внучка Владимира Мономаха, правнучка Всеволода Ярославича — с. 178, *544*.
Гл. V. Табл. № 2.
◈ ее муж, см. ГЕЗА II
ЕВФРОСИНИЯ («ИЗМОРАГДЪ», ИЗМАРАГД), дочь Ростислава, внучка Рюрика, правнучка Ростислава Мстиславича — с. 178–179, 180, 200 (примеч.), 261, 300, 301 (примеч.), *544–545*, 564, 593 (примеч.).
Гл. V. Табл. № 2; Экскурс 1.
Табл. №№ 18, 19, 21.
ЕВФРОСИНИЯ (?), дочь Ярослава Осмомысла, внучка Владимира, правнучка Володаря Ростиславича — с. 178 (примеч.), *545*.
Гл. V. Табл. № 2.
ЕЗЕКИЯ, см. ИЕЗЕКИЙ
ЕКАТЕРИНА, см. КАТАРИНА
ЕКАТЕРИНА II, императрица — с. 178 (примеч.), 545.
ЕЛЕАЗАР-ЕВФИМИЙ ЦЫПЛЕТЕВ, сын Ивана, думный дьяк — с. 177 (примеч.).
ЕЛЕВФЕРИЙ, имя — с. 196 (примеч.).
→ См. также АЛЕКСИЙ-СИМЕОН-ЕЛЕВФЕРИЙ, митрополит.
ЕЛЕНА (ОЛЕНА), имя — с. 134 (примеч.), 138 (примеч.), 148 (примеч.), 150, 151 (примеч.), 232, 233, 301 (примеч.), 371 (примеч.), 396–403, 477, 501, 520, 541, *545–548*, 567 (примеч.), 574, 576, 580, 591–592, 593, 605, 622, 623.
Гл. IV. Табл. № 15; Гл. VI.
Табл. №№ 8, 9; Экскурс 1. Табл. № 20; Экскурс 8. Табл. № 1.
→ См. также: ИНГИГЕРД, дочь Олава Шведского; МАРИЯ, дочь Мстислава Удатного; ОЛЬГА, княгиня, жена Игоря Рюриковича; ОЛЬГА, дочь Юрия Долгорукого.
ЕЛЕНА, царица, мать Константина Великого, святая — с. 115 (примеч.), 147, 150, 233, 372, 397, 488 (примеч.), 546, 547, 570, 591–592.
Экскурс 8. Табл. № 1.
ЕЛЕНА ЛАКАПИНА, дочь Романа I — с. 592.
◈ ее муж, см. КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ

ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ, мать Ивана Грозного — с. 203 (примеч.), 333 (примеч.), 488 (примеч.), 511, 552.
◈ ее муж, см. ВАСИЛИЙ, сын Ивана Великого.
ЕЛЕНА, дочь Всеволода Большое Гнездо, внучка Юрия Долгорукого, правнучка Владимира Всеволодича Мономаха — с. 148 (примеч.), 150, 257, *545–546*, 593.
Гл. IV. Табл. № 15.
ЕЛЕНА, дочь Ивана Великого, внучка Василия Темного, правнучка Василия Дмитриевича — с. 232, 233, 396–403, *546–547*.
Гл. VI. Табл. №№ 8, 9; Экскурс 8. Табл. № 1.
ЕЛЕНА, дочь Ивана Великого, внучка Василия Темного, правнучка Василия Дмитриевича — с. 232, 233, 396–403, *546–547*.
Гл. VI. Табл. №№ 8, 9; Экскурс 8. Табл. № 1.
◈ ее муж, см. АЛЕКСАНДР ЯГЕЛЛОН
*ЕЛЕНА (?), дочь Ивана Великого (?), внучка Василия Темного (?), правнучка Василия Дмитриевича (?) — с. 396–403, *546–547*.
Гл. VI. Табл. № 9; Экскурс 8. Табл. № 1.
ЕЛЕНА (?)-(МАРФА ?), дочь Шварна — с. 157 (примеч.), 371, 373, 374, 375, 377, 381, *547–548*, 576.
Гл. IV. Табл. № 18; Экскурс 5. Табл. №№ 3, 4, 5.
◈ ее муж, см. ЯРОСЛАВ, сын Владимира Мачешича.
*ЕЛЕНА (?) как дочь Юрия Долгорукого , внучка Владимира Мономаха (?), правнучка Всеволода Ярославича (?) — с. 148 (примеч.).
ЕЛИЗАВЕТА, венгерская принцесса — с. 250.
◈ ее муж, см. МЕШКО СТАРЫЙ, сын Болеслава Кривоустого.
ЕЛИЗАВЕТА, королева Англии — с. 394.
ЕЛИЗАВЕТА (ЭЛИСИВ), дочь Ярослава Мудрого, внучка Владимира Святого, правнучка Святослава Игоревича.
Гл. VII. Табл. № 7.
◈ ее муж, см. ХАРАЛЬД СУРОВЫЙ, сын Сигурда Свиньи.
ЕПАНЧА (ЯПАНЧА), татарский князь — с. 208 (примеч.).
ЕФРЕМ (ПЕРЕЯСЛАВСКИЙ), митрополит — с. 125 (примеч.).

Ж

ЖИРОСЛАВ, имя — с. 305 (примеч.), 376, 380 (примеч.), 457.
Экскурс 5. Табл. № 5.
ЖИРОСЛАВ, сын Здеслава (?), внук Жирослава (?), новгородец (?), человек из окружения Мстислава Удатного — с. 305 (примеч.).
ЖИРОСЛАВ, отец Шварна (?)
Экскурс 5. Табл. № 5.
ЖУК-КИРИЛЛ (КАРГОПОЛЕЦ) — с. 212 (примеч.).

З

ЗАВИД, новгородский посадник, отец (?) Дмитрия Завидовича — с. 373.
Гл. VII. Табл. № 17; Экскурс 4. Табл. №№ 4, 7; Экскурс 5. Табл. № 3.
◈ его жена (впоследствии игуменья монастыря Рождества Богородицы) — с. 373.
ЗАВЬЯЛ-КОНДРАТИЙ, Старков сын — с. 212 (примеч.).
ЗАХАРИЯ СЕРПОВИДЕЦ, пророк — с. 152, 211, 388, 624.
Экскурс 6. Табл. № 2.
ЗВЕНИМИР, имя — с. 51.
ЗВЕНИСЛАВА, имя — с. 243, 245, 251, 252, 253, 254, 353, 542, *548*.
Гл. VII. Табл. №№ 12, 13; Экскурс 3. Табл. № 4.
ЗВЕНИСЛАВА, дочь Бориса, внучка Всеслава, правнучка Брячислава Изяславича — с. 251, 353, 542, *548*.
Гл. VII. Табл. № 12; Экскурс 3. Табл. № 4.
ЗВЕНИСЛАВА, дочь Всеволода, внучка Олега, правнучка Святослава Ярославича — с. 243, 251, 252.

Гл. VII. Табл. №№ 12, 13.
◈ ее муж, см. БОЛЕСЛАВ ВЫСОКИЙ, сын Владислава.
ЗВЕНИСЛАВА (?), дочь Мешко Старого и Евдокии (?), внучка Изяслава (?), правнучка Мстислава Владимировича Великого (?) — с. 251, 252.
Гл. VII. Табл. №№ 12, 13.
◈ ее муж (?), см. МСТИВОЙ I
ЗДЕСЛАВ ЖИРОСЛАВИЧ, новгородец (?) из окружения Мстислава Удатного — с. 299, 305 (примеч.).
ЗИНАИДА, имя — с. 613 (примеч.).
→ См. также СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ
ЗИНИСЛАВ, имя — с. 51.
ЗИНОВИЙ, святой — с. 511.
ЗИНОВИЯ, святая — с. 511.
ЗОЯ, имя — с. 613.
→ См. также СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ

И

ИАКОВ (ЯКОВ, ЯКОБ), имя — с. 52 (примеч.), 136 (примеч.), 169 (примеч.), 170 (примеч.), 199, 258, 333 (примеч.), 356, 359 (примеч.), *548*, 550, 559, 567, 588, 601.
Экскурс 4. Табл. № 1.
→ См. также: ОЛЕГ, сын Ивана Коротопола или Ивана Рязанского; РОСТИСЛАВ, сын Юрия Долгорукого.
ИАКОВ, святой — с. 587, 589.
ИАКОВ БРАТ ГОСПОДЕНЬ, апостол — с. 589, 601.
ИАКОВ ПОСТНИК, святой — с. 550.
ИАКОВ МНИХ, автор «Памяти и похвалы Владимиру» — с. 501, 591.
ИВАН, см. ИОАНН
ИВАН-ИОНА БОРЗОБОГАТОВ-КРАСЕНСКИЙ, епископ — с. 197 (примеч.).
ИВАН-ИОНА ШЕРЕМЕТЕВ, сын Василия, боярин и воевода во времена Грозного — с. 197 (примеч.).
ИВАН (ИВАНКО) ЗАХАРЬИНИЧ, новгородский посадник — с. 137.
ИВАН-ЛЕОНТИЙ (БЕЛЬСКИЙ), сын Дмитрия, внук Федора, правнук Федора Ивановича (?), князь — с. 212 (примеч.).
ИВАН-ЕВФИМИЙ ЦЫПЛЕТЕВ, сын Елеазара, внук Ивана — с. 177 (примеч.).
ИВАН-ЕВФИМИЙ ЦЫПЛЕТЕВ, сын Ивана, внук Елеазара — с. 177 (примеч.).
ИВАН КЕЛЬМАМАЕВИЧ, князь — с. 327 (примеч.).
ИВАН-ИОНА ЧОБОТОВ, боярин во времена Ивана Грозного — с. 197 (примеч.).
*ИВАН, представитель полоцкого княжеского дома (?) — с. 274 (примеч.).
ИВАН (РЯЗАНСКИЙ), сын Александра Пронского, внук Михаила, правнук Ярослава Романовича — с. 559, 588.
Экскурс 1. Табл. № 11.
ИВАН (СТАРШИЙ, БРЮХАТЫЙ), сын Андрея, внук Александра, правнук Константина Васильевича Ростовского — с. 232, *548*.
Гл. VI. Табл. № 7.
ИВАН (МЛАДШИЙ), сын Андрея, внук Александра, правнук Константина Васильевича Ростовского — с. 232, *548–549*, 620.
Гл. VI. Табл. № 7.
ИВАН, сын Андрея, внук Ивана Калиты, правнук Даниила Александровича.
Гл. VI. Табл. № 6.
ИВАН, сын Бориса Волоцкого, внук Василия Темного, правнук Василия Дмитриевича — с. 206 (примеч.), *549*, 615.
ИВАН, сын Василия Ярославского, внук Василия Грозного, правнук Давыда Федоровича — с. 549–550.
ИВАН ВОИН, сын Василия Ярославского, внук Василия Грозного, правнук Давыда Федоровича — с. 174 (дополн. к с. 129), *549–550*, 560 (примеч.).
ИВАН (ВЕЛИКИЙ), сын Василия Темного, внук Василия, правнук Дмитрия Ивановича Донского — с. 7, 131, 188

(примеч.), 197, 200, 201, 202, 216, 218, 219, 220, 232, 233, 234, 235, 236, 393 (примеч.), 396–403, 460, 487, 488 (примеч.), 489 (примеч.), 490, 510–511, 516, 536, 537, 538, 539 (примеч.), 541–542, 546–547, *550–551*, 556–557, 558, 579, 613, 614, 616, 619.
Гл. V. Табл. № 4; Гл. VI. Табл. №№ 1, 2, 8, 9, 10; Экскурс 7. Табл. № 1; Экскурс 8. Табл. №№ 1, 2.
◈ его первая жена, см. МАРИЯ, дочь Бориса Тверского.
◈ его вторая жена, см. СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ

ИВАН (ГРОЗНЫЙ), сын Василия, внук Ивана Великого, правнук Василия Васильевича Темного — с. 129 (примеч.), 177 (примеч.), 180 (примеч.), 197, 200, 201 (примеч.), 202, 203, 204, 205 (примеч.), 206, 208 (примеч.), 216, 217, 218, 219–220, 222, 232, 329–330 (примеч.), 383 (примеч.), 384, 389–395, 460, 488, 490, 512, 537, 538, *551–553*, 558, 560 (примеч.), 567, 575, 587 (примеч.), 613, 614, 616.
Гл. V. Табл. № 4; Гл. VI. Табл. №№ 1, 2, 8, 9; Экскурс 7. Табл. № 1.
◈ его первая жена, см. АНАСТАСИЯ-(УСТИНА?)
◈ его последняя жена, см. МАРИЯ НАГАЯ

ИВАН, сын Василько Теребовльского, внук Ростислава, правнук Владимира Ярославича — с. 198 (примеч.), *553*.

ИВАН, сын Василия, внук Федора Красного, правнук Даниила, князь Острожский — с. 571.

ИВАН, сын Василия от первого брака, внук Ярослава, правнук Владимира Андреевича Храброго — с. 232, 233, *553*, 554.
Гл. VI. Табл. № 6.

ИВАН, сын Василия от второго брака, внук Ярослава, правнук Владимира Андреевича Храброго — с. 232, 233, *553–554*.
Гл. VI. Табл. № 6.

ИВАН, сын Владимира Храброго, внук Андрея, правнук Ивана Даниловича Калиты.
Гл. VI. Табл. № 6.

ИВАН, сын Всеволода, внук Мстислава Великого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 66 (примеч.), 159–160, 161, *554*.
Гл. IV. Табл. №№ 17, 18.

ИВАН, сын Всеволода Большое Гнездо, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 88, 89 (примеч.), 145, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 198 (примеч.), 257, 388 (примеч.), 503, *554–555*.
Гл. III. Табл. № 5; Гл. IV. Табл. №№ 13, 17, 18.

ИВАН (КАЛИТА), сын Даниила, внук Александра Невского, правнук Ярослава Всеволодича — с. 25 (примеч.), 131, 142 (примеч.), 166 (примеч.), 182 (примеч.), 198 (примеч.), 216, 220, 221, 222, 224, 229, 235, 383 (примеч.), 384 (примеч.), 469, 470, 472, 473, 485, 486, 496, 515, 532, 533, 534, 536, *555*, 556, 571, 572, 610–612, 622.
Гл. VI. Табл. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10; Экскурс 1. Табл. № 24; Экскурс 6. Табл. №№ 1, 2; Экскурс 7. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. № 9.
◈ его вторая жена, см. УЛЬЯНА, княгиня.

ИВАН, сын Дмитрия Донского, внук Ивана Красного, правнук Ивана Даниловича Калиты — с. 560 (примеч.).

ИВАН (КРАСНЫЙ), сын Ивана Калиты, внук Даниила, правнук Александра Ярославича Невского — с. 216, 220–221, 222, 224, 225, 226, 227, 384 (примеч.), 472, 483, 486, 509, 515, 532, 536, 540, *556*, 571.
Гл. VI. Табл. №№ 1, 2, 4, 8, 10; Экскурс 6. Табл. №№ 1, 2; Экскурс 7. Табл. № 1.
◈ его жена, см. АЛЕКСАНДРА, княгиня.

ИВАН (МОЛОДОЙ), сын Ивана Великого, внук Василия Темного, правнук Василия Дмитриевича — с. 216, 218, 219, 220, 233, 396–403, 538, *556–557*.
Гл. VI. Табл. №№ 1, 2, 9; Экскурс 8. Табл. №№ 1, 2.

ИВАН, сын Ивана Великого (?) или Ивана Молодого (??), внук Василия Темного (?) или Ивана Великого (??), правнук Василия Дмитриевича (?) или Василия Васильевича Темного (??) — с. 219 (примеч.), 233, 396–403, *557–558*.
Гл. VI. Табл. № 9; Экскурс 8. Табл. №№ 1, 2.

ИВАН, сын Ивана Грозного, внук Василия III, правнук Ивана Васильевича Великого — с. 206, 216, 217–218, 222, 384, 390, 393 (примеч.), 460, 552, *558*, 568, 576, 616.
Гл. V. Табл. № 4; Гл. VI. Табл. №№ 1, 2; Экскурс 7. Табл. № 1.
◈ его первая жена, см. ЕВДОКИЯ САБУРОВА
◈ его вторая жена, см. ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА

ИВАН, сын Ивана Красного, внук Ивана Калиты, правнук Даниила Александровича.
Гл. VI. Табл. № 1.

ИВАН (КОРОТОПОЛ), сын Ивана, внук Ярослава, правнук Романа Ольговича — с. 559, 588.

ИВАН, сын Михаила Тверского, внук Александра, правнук Михаила Ярославича Тверского — с. 477, 560 (примеч.).

ИВАН, сын Рогволода (?), внук Всеслава (?), правнук Брячислава Изяславича (?) или сын Рогволода (?), внук Бориса (?), правнук Всеслава Брячиславича (?) — с. 274, 275 (примеч.), *558–559*.
Экскурс 1. Табл. №№ 2, 3.

ИВАН (БЕРЛАДНИК), сын Ростислава, внук Володаря, правнук Ростислава Владимировича Тмутараканского — с. 158, *559*.

ИВАН (СТАРШИЙ), сын Федора, внук Андрея, правнук Федора Васильевича Ростовского — с. 232, *559*.
Гл. VI. Табл. № 7.

ИВАН (МЛАДШИЙ), сын Федора, внук Андрея, правнук Федора Васильевича Ростовского — с. 232, *559*.
Гл. VI. Табл. № 7.

ИВАН, сын Федора, внук Олега, правнук Ивана Александровича, князь рязанский — с. 177 (примеч.), 197 (примеч.), *559–560*, 567.

ИВАН ПОСТНИК, сын Федора, внук Юрия (?), правнук Игоря Глебовича (?) или внук Юрия (?), правнук Ингваря Игоревича (?) — с. 174 (дополн. к с. 129), 292, 550 (примеч.), *560*.

ИВАН, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 130 (примеч.), 145, 158, 159, 161, *560–561*.
Гл. IV. Табл. №№ 13, 18.

ИВАН, сын Юрия, внук Ярослава, правнук Святополка Изяславича — с. 50, 158, *561*.
Гл. II. Табл. № 11.

ИВАН, сын Ярослава, внук Романа, правнук Олега Ингваревича — с. 588.

ИВОР, имя — с. 66 (примеч.), 161 (примеч.), 554 (примеч.).
Гл. IV. Табл. № 17.
→ См. также ИВАН, сын Всеволода, внук Мстислава Великого.

ИВОР, сын Юрия (Гюргевич), внук Мирослава, боярин — с. 137.

ИГНАТИЙ, имя — с. 427 (примеч.), 562.
→ См. также ИГОРЬ, сын Олега «Гориславича», внук Святослава.

ИГОРЬ, имя — с. 11, 24 (примеч.), 31, 38, 39, 43 (примеч.), 55, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 70, 97, 105 (примеч.), 120, 138, 139 (примеч.), 187, 188, 189, 276, 278, 279–280, 294, 295 (примеч.), 321–322 (дополн. к с. 315), 426, 427, 432, 448, 449, 508, 517–519, 553, *561–563*, 582 (примеч.).

Гл. II. Табл. № 8; Гл. III. Табл. № 9, 10, 11; Экскурс 1. Табл. № 5; Экскурс 10. Табл. № 5.
→ См. также ГЕОРГИЙ, сын Юрия, внук Владимира.
ИГОРЬ, «нети» Игоря Рюриковича (?) — с. 38 (примеч.).
ИГОРЬ, сын Глеба, внук Ростислава, правнук Ярослава Святославича — с. 65, 68, 278, 280, 281 (примеч.), 282, 283, 287, 288, 290, 292, 293, 294 (примеч.), 517, 523, 528, 560, 566, 597.
Гл. II. Табл. № 17; Экскурс 1. Табл. №№ 5, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14.
ИГОРЬ, сын Олега, внук Святослава, правнук Ярослава Мудрого — с. 76 (примеч.), 78 (примеч.), 97, 98, 99, 100, 101, 105 (примеч.), 187, 189, 190 (примеч.), 363 (примеч.), 425 (примеч.), 426, 427, 505, 508, *561–562*, 563.
Гл. III. Табл. №№ 8, 9, 10, 11; Гл. V. Табл. № 3; Экскурс 10. Табл. № 5.
ИГОРЬ, сын Рюрика — с. 24 (примеч.), 38, 39 (примеч.), 41, 42, 46, 70, 444, 477, 501, 503 (примеч.), 520, 541, 580, 591, 593, 605, 622, 623.
Гл. I. Табл. № 1; Гл. II. Табл. №№ 1, 8, 9, 10; Гл. III. Табл. №№ 8, 12; Гл. VII. Табл. № 4; Экскурс 11. Табл. №№ 1, 3.
◈ его жена, см. ОЛЬГА, княгиня.
ИГОРЬ, сын Святослава, внук Олега, правнук Святослава Ярославича — с. 103, 104, 105, (примеч.), 106, 107, 114 (примеч.), 120, 121, 136, 187–188, 190 (примеч.), 351, 426, 427, 432, 481, 499, 508, 545, *562–563*, 589, 608.
Гл. III. Табл. №№ 10, 11, 12; Гл. IV. Табл. № 6; Гл. V. Табл. № 3; Экскурс 10. Табл. № 5.
ИГОРЬ, сын Ярослава Мудрого, внук Владимира Святого, правнук Святослава Игоревича — с. 15, 23 (примеч.), 24 (примеч.), 38, 39, 44, 55, 67, 98, 502, 528, *563*, 580, 582.
Гл. I. Табл. № 1; Гл. II. Табл. №№ 8, 13; Гл. III. Табл. № 9; Гл. IV. Табл. № 1; Гл. VII. Табл. № 8; Экскурс 4. Табл. № 1.
ИГӨШЬ (?), имя — с. 503 (примеч.), 504.
ИЕЗЕКИЙ, царь иудейский — с. 437, 438 (примеч.).
ИЕРЕМИЯ, пророк — с. 210 (примеч.).
ИЕРОСЛАВ, имя — с. 51, 53 (примеч.).
ИЗМАРАГД, см. СМАРАГД
ИЗЯСЛАВ, имя — с. 17, 18, 19 (примеч.), 22, 23, 26, 33, 48, 55, 97, 117, 118, 138, 144 (примеч.), 242, 270, 279 (примеч.), 353, 380, 424, 449, 451, 535, *564–565*, 576, 593.
Гл. II. Табл. №№ 10, 13; Гл. III. Табл. № 9; Гл. IV. Табл. № 12; Гл. VII. Табл. № 3; Экскурс 1. Табл. № 5.
ИЗЯСЛАВ, сын Андрея Боголюбского, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 102, 144 (примеч.).
Гл. IV. Табл. № 12.
ИЗЯСЛАВ, сын Владимира Мономаха, внук Всеволода, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 16, 17, 18, 19 (примеч.), 22, 23, 26, 117, 118, 449.
Гл. I. Табл. №№ 1, 2, 3; Гл. IV. Табл. №№ 4, 12.
ИЗЯСЛАВ, сын Владимира, внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича — с. 278, 279, 281 (примеч.), 285, 292.
Экскурс 1. Табл. №№ 5, 9, 10.
ИЗЯСЛАВ, сын Владимира Святого, внук Святослава, правнук Игоря Рюриковича и Ольги — с. 16, 22, 23, 45, 48, 55 (примеч.), 273, 336, 337, 338, 340, 350, 353, 451, 480, 514, 527, 594, 596, 600, 607.
Гл. I. Табл. № 1; Гл. II. Табл. №№ 10, 13, 15, 16; Гл. IV. Табл. №№ 2, 10; Гл. V. Табл. № 1; Гл. VII. Табл. №№ 6, 12, 21; Экскурс 1. Табл. №№ 1, 2, 3; Экскурс 3. Табл. №№ 1, 4; Экскурс 10. Табл. № 6.
ИЗЯСЛАВ, сын Глеба, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Всеволо-

дича Мономаха — с. 144 (примеч.).
Гл. IV. Табл. № 12.
ИЗЯСЛАВ, сын Давыда, внук Святослава, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 75 (примеч.), 97, 98, 100, 375 (примеч.), 531, *564*.
Гл. III. Табл. №№ 8, 9.
ИЗЯСЛАВ, сын Микулы (???) или N.N., внук Володьши, правнук Василько Святославича — с. 426 (примеч.).
Экскурс 10. Табл. № 6.
ИЗЯСЛАВ, сын Мстислава Великого, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 7, 20, 21 (примеч.), 26, 52 (примеч.), 65, 75, 76 (примеч.), 78 (примеч.), 79, 80, 81, 82, 83, 92 (примеч.), 100, 101, 109–110 (дополн. к с. 81), 167 (примеч.), 193, 194 (примеч.), 250, 252, 260, 269, 270, 275 (примеч.), 318, 353 (примеч.), 362 (примеч.), 375, 376, 379, 380, 420, 434, 449, 463, 492, 494, 533, 542, 544, *564*, 573, 582, 593, 597, 618, 621, 624.
Гл. I. Табл. № 3; Гл. II. Табл. № 17; Гл. III. Табл. №№ 1, 2, 3; Гл. IV. Табл. №№ 10, 12, 21; Гл. VII. Табл. №№ 3, 11, 13, 15, 20, 21, 23; Экскурс 1. Табл. №№ 1, 4, 17, 19, 20, 32; Экскурс 5. Табл. № 6; Экскурс 10. Табл. № 2; Экскурс 11. Табл. № 2.
◈ его дочь, жена РОГВОЛОДА, сына Бориса, внука Всеслава.
ИЗЯСЛАВ, сын Ярослава, внук Владимира Мачешича, правнук Мстислава Владимировича Великого — с. 191 (примеч.), 424, *565*, 576.
ИЗЯСЛАВ, сын Ярослава Мудрого, внук Владимира Святого, правнук Святослава Игоревича — с. 15, 17, 18, 19, 22, 23, 24, 27, 28, 50, 54, 55, 76, 81, 96, 97, 98, 106 (примеч.), 118, 184, 245 (примеч.), 253 (примеч.), 404 (примеч.), 438 (примеч.), 444, 481, 502, 519, 535, *564–565*, 583, 587, 591, 604, 621–622, 625.
Гл. I. Табл. №№ 1, 2, 3; Гл. II. Табл. №№ 11, 12, 13; Гл. III. Табл. №№ 2, 7, 8, 9; Гл. IV. Табл. № 5; Гл. VII. Табл. №№ 5, 6, 7, 8, 14, 24; Экскурс 1. Табл. № 19; Экскурс 4. Табл. № 1; Экскурс 5. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. № 4; Экскурс 11. Табл. № 1.
◈ его жена, см. ГЕРТРУДА, дочь Мешко II.
ИЗЯСЛАВА, имя — с. 242, 243.
Гл. VII. Табл. № 3.
ИЗЯСЛАВА, приемная дочь князя Владимира Васильковича, внука Романа Мстиславича — с. 242–243.
Гл. VII. Табл. № 3.
ИИСУС, СЫН СИРАХОВ — с. 323, 332.
ИИСУС ХРИСТОС — с. 125, 181 (примеч.), 192, 332, 411, 412, 593.
ИЛАРИОН, митрополит — с. 54, 55, 134, 356 (примеч.), 501, 566, 623.
ИЛЬЯ, имя — с. 16 (примеч.), 111, 325, *565–566*.
ИЛЬЯ, пророк — с. 16 (примеч.), 566.
ИЛЬЯ, сын Ярослава Мудрого, внук Владимира Святого, правнук Святослава Игоревича — с. 16 (примеч.), 23, 55 (примеч.), 111, *565–566*.
ИНГВАР(Ь) (ИНГВАР, ИНЪГОРЪ, ИНЪГВОР), имя — с. 31, 38, 39, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 70, 276, 285, 286, 287 (примеч.), 289, 291, 292, 293, 294, 295 (примеч.), 322 (дополн. к с. 315), 449, *566*, 568.
Гл. II. Табл. №№ 8, 17; Экскурс 1. Табл. №№ 11, 14.
ИНГВАР(Ь), сын Игоря, внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича — с. 65, 68, 278, 280, 281 (примеч.), 282, 283 (примеч.), 286 (примеч.), 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 517, 523, 528, 560, *566*, 568, 597.
Гл. II. Табл. № 17; Экскурс 1. Табл. №№ 5, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14.
*ИНГВАР(Ь) ИНГВАРЕВИЧ / ИНГОРЕВИЧ как сын Ингваря, внук Игоря, правнук Глеба Ростиславича — с. 66, 67, 285–295, 566.

Гл. II. Табл. № 17; Экскурс 1.
Табл. №№ 11, 14.
ИНГВАР(Ь), сын Ярослава, внук Изяслава, правнук Мстислава Владимировича Великого — с. 65, 66, 67 (примеч.), 68 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 17.
ИНГВАР, конунг из династии Инглингов — с. 37.
ИНГВАР (ПУТЕШЕСТВЕННИК), сын Эймунда (?), племянник (?) Ингигерд — с. 65 (примеч.), 66 (примеч.), 67 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 8.
ИНГВИ, конунг из династии Инглингов — с. 37.
ИНГ(В)И-ФРЕЙР, легендарный основатель династии Инглингов — с. 38.
ИНГИ, имя — с. 39, 45, 67, 255, 366.
Гл. II. Табл. № 8.
ИНГИ (СТАРЫЙ), сын Стейнкеля, внук Рёгнвальда, конунг Швеции — с. 39, 45, 65, 67 (примеч.), 255, 359, 361, 365, 366, 572, 573.
Гл. II. Табл. №№ 8, 17; Гл. III. Табл. № 6; Гл. VII. Табл. №№ 9, 16, 17; Экскурс 4. Табл. №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9.
ИНГИ (ГОРБУН), сын конунга Харальда Гилли и Ингирид, внук Магнуса Голоногого, правнук Олава Харальдссона Тихого, конунг Норвегии — с. 39.
Гл. II. Табл. № 8.
ИНГИБЬЁРГ, имя — с. 45, 65, 67, 255, 361 (примеч.), 366.
Гл. II. Табл. №№ 8, 9; Гл. VII. Табл. № 16; Экскурс 4. Табл. №№ 8, 9.
ИНГИБЬЁРГ, дочь Мстислава Великого, внучка Владимира Мономаха, правнучка Всеволода Ярославича — с. 39–40, 45, 65, 68 (примеч.), 95, 247 (примеч.), 255, 259 (примеч.), 312, 366, 367.
Гл. II. Табл. №№ 8, 9, 17; Гл. III. Табл. № 6; Гл. VII. Табл. № 16; Экскурс 1. Табл. № 27; Экскурс 4. Табл. №№ 8, 9.
◈ ее муж, см. КНУТ ЛАВАРД
ИНГИБЬЁРГ, дочь Трюггви, внучка Олава, правнучка Харальда Хальвданарсона Прекрасноволосого, сестра норвежского конунга Олава — с. 65 (примеч.), 360, 361, 366–367.
Гл. VII. Табл. № 17; Экскурс 4.
Табл. №№ 2, 3; Экскурс 4.
Табл. №№ 6, 8.
◈ ее муж, см. РЁГНВАЛЬД, сын Ульва.
ИНГИБЬЁРГ, дочь Харальда Прекрасноволосого, внучка Хальвдана Черного, правнучка Гудрёда Хальвданарсона Великолепного — с. 361 (примеч.).
Экскурс 4. Табл. № 6.
◈ ее муж, см. ХАЛЬВДАН
ИНГИГЕРД, имя — с. 38, 39, 67, 139, 255, 356, 357, 366, 475, *566–567*, 568.
Гл. II. Табл. № 8.
ИНГИГЕРД, дочь Олава Шведского, внучка Эйрика Победоносного, правнучка Бьёрна — с. 12 (примеч.), 16, 17, 18, 23, 29 (примеч.), 38, 39, 44, 65 (примеч.), 66 (примеч.), 67, 139, 255, 258, 355, 356, 357, 358, 359, 361, 362, 366, 475, 563, *566–567*, 568.
Гл. I. Табл. № 2; Гл. II. Табл. №№ 8, 17; Гл. VII. Табл. №№ 9, 16, 17; Экскурс 4. Табл. №№ 1, 2, 4, 5, 7, 8.
◈ ее муж, см. ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ
ИНГИРИД, дочь Рёгнвальда, внучка Инги Старого, правнучка Стейнкеля Рёгнвальдссона — с. 39.
Гл. II. Табл. № 8.
ИНГУНН, дочь Хельги Тощего и Торунн, исландка — с. 48 (примеч.).
ИНГУНН, мать Торда, исландка — с. 310 (примеч.).
ИНГЬЯЛЬД, конунг из династии Инглингов — с. 37.
ИННОКЕНТИЙ IV, папа римский — с. 213 (примеч.), 254 (примеч.), 492, 533, 597.
ИОАКИМ, имя — с. 169 (примеч.), 170 (примеч.), 199, 548, *567*, 588.
→ См. также ОЛЕГ, сын Ивана Коротопола или Ивана Рязанского.

ИОАКИМ, см. ЯКИМ
ИОАКИМ (И АННА), Богоотцы — с. 155 (примеч.), 368, 369, 476, 589, 606.
ИОАНН (ИВАН), имя — с. 66 (примеч.), 89 (примеч.), 130 (примеч.), 132, 133, 137, 145, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 172 (дополн. к с. 115), 173 (дополн. к с. 115), 174 (дополн. к с. 129), 177 (примеч.), 184 (примеч.), 192, 197 (примеч.), 198–199, 200, 203, 205 (примеч.), 206, 212, 213 (примеч.), 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 224, 230, 232, 233, 235, 274–275 (примеч.), 276, 277, 325, 327 (примеч.), 371, 394, 396–403, 414 (примеч.), 423, 456, 457, 458, 460, 467, 483, 488 (примеч.), 492–493, 496–497, 500, 503, 533–534, 547, *548–561*, 565, *567*, 568, 570, 576, 577, 584, 587, 601–602, 605, 609, 613, 614, 620, 623, 624, 625.
Гл. III. Табл. № 5; Гл. IV. Табл. №№ 13, 14, 17, 18, 19; Гл. V. Табл. № 4; Гл. VI. Табл. №№ 1, 2, 3, 4, 6, 7, 9; Гл. VII. Табл. № 3; Экскурс 1. Табл. №№ 4, 29; Экскурс 5. Табл. № 3; Экскурс 7. Табл. № 1; Экскурс 8. Табл. №№ 1, 2; Экскурс 10. Табл. № 4.
→ См. также: ВАСИЛИЙ, сын Романа, внук Мстислава; ВЛАДИМИР, сын Василия, внук Романа; *ВЛАДИМИР, сын Владимира, внук Ярослава Осмомысла; ВСЕВОЛОД, сын Константина, внук Всеволода Большое Гнездо; ДАНИИЛ, сын Романа, внук Мстислава; МСТИСЛАВ, сын Изяслава, внук Мстислава Великого; МСТИСЛАВ, сын Ростислава, внук Юрия Долгорукого; РОСТИСЛАВ, сын Ярослава, внук Всеволода, правнук Олега «Гориславича»; СВЯТОПОЛК, сын Мстислава Великого; СВЯТОСЛАВ, сын Ростислава, внук Мстислава Великого; ЯРОПОЛК, сын Владимира Мономаха; ЯРОСЛАВ, сын Владимира Мачешича, внук Мстислава Великого; ЯРОСЛАВ, сын Изяслава, внук Мстислава Великого; ЯРОСЛАВ, сын Святополка, внук Изяслава.
ИОАНН, святой — с. 184 (примеч.), 192, 193 (примеч.), 217, 221, 224, 458, 534, 556, 589, 602.
ИОАНН, патриарх цареградский, святой — с. 208 (примеч.).
ИОАНН, сын блаженной Клеопатры, святой — с. 390.
ИОАНН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ, святой — с. 577.
ИОАНН БЕЗМОЛВНИК, святой — с. 218, 220, 221, 556, 558.
Гл. VI. Табл. №№ 2, 4.
ИОАНН БОГОСЛОВ, святой — с. 549, 587, 601.
ИОАНН ВЕТХОПЕЩЕРНИК (ВЕТХИИ ЛАВРЫ), святой — с. 546 (примеч.).
ИОАНН ВОИН, святой — с. 174 (дополн. к с. 129), 550.
ИОАНН ЗЛАТОУСТ, святой — с. 192, 201 (примеч.), 213 (примеч.), 217, 218, 235, 398, 484, 534, 551, 556 (примеч.), 557, 613.
Гл. VI. Табл. № 2, 10; Экскурс 8. Табл. № 2.
ИОАНН ИЕРУСАЛИМСКИЙ, святой — с. 218, 220, 221, 458, 556, 558.
Гл. VI. Табл. №№ 2, 4.
ИОАНН ЛЕСТВИЧНИК, святой — с. 206, 217, 218, 220, 221, 222, 224, 390, 458, 460, 552, 556, 558, 616.
Гл. VI. Табл. №№ 2, 4; Экскурс 7. Табл. № 1.
ИОАНН ПОСТНИК, святой — с. 174 (дополн. к с. 129), 550 (примеч.), 560.
ИОАНН ПРЕДТЕЧА, святой — с. 158, 159, 160, 201 (примеч.), 203 (примеч.), 204, 205 (примеч.), 212 (примеч.), 217, 218, 219, 220, 221, 222, 233, 371, 390, 391 (примеч.), 398, 399, 403, 460, 488 (примеч.), 503, 548, 551–552, 553, 554–555, 557, 558 (примеч.), 602, 605, 609, 616, 621, 624, 625.
Гл. VI. Табл. №№ 2, 4, 9; Экскурс 7. Табл. № 1; Экскурс 8. Табл. №№ 1, 2.

ИОАНН, дьяк — с. 610.
ИОАНН, епископ ростовский — с. 155 (примеч.), 369 (примеч.), 606.
ИОАНН ЦИМИСХИЙ, византийский император — с. 410.
ИОАНН КИННАМ, византийский историк — с. 51.
ИОАНН СКИЛИЦА, византийский историк — с. 51.
ИОАНН (ШУЙСКИЙ), см. ТИМОФЕЙ АКУНДИНОВ
ИОАННА, имя — с. 124 (примеч.), 620.
→ См. также ЯНКА, дочь Всеволода, внучка Ярослава Мудрого.
ИОАННА, из жен-мироносиц, святая — с. 620.
ИОАСАФ, имя — с. 560 (примеч.).
→ См. также ИВАН, сын Дмитрия Донского.
ИОАСАФ, святой, царевич, отшельник — с. 113 (примеч.).
ИОАСАФ СКРИПИЦЫН, игумен Троице-Сергиева монастыря, митрополит Московский и всея Руси — с. 512.
ИОВ, имя — с. 560 (примеч.).
→ См. также ИВАН, сын Михаила Тверского.
ИОНА, имя — с. 177 (примеч.), 197 (примеч.), 203, 551, 553, 559–560, *567*, 613, 614.
Гл. V. Табл. № 4.
→ См. также: ИВАН ГРОЗНЫЙ, сын Василия; ИВАН, сын Федора, внук Олега.
ИОСИФ (ТРИЗНА), настоятель киевского Печерского монастыря, автор редакции Киево-Печерского патерика — с. 173 (дополн. к с. 129), 406 (примеч.), 462, 471 (примеч.), 567 (примеч.).
ИРАКЛИЙ, имя — с. 168 (примеч.), *567–568*.
Гл. IV. Табл. № 21.
ИРАКЛИЙ, сын Даниила, внук Романа, правнук Мстислава Изяславича — с. 168 (примеч.), *567–568*.
Гл. IV. Табл. № 21.
ИРИНА, имя — с. 38, 139, 356, 357, 475, 563, 566–567, *568*.
Гл. I. Табл. № 2; Гл. II. Табл. № 8; Гл. VII. Табл. №№ 9, 16, 17; Экскурс 4. Табл. №№ 1, 4, 7.
→ См. также ИНГИГЕРД, дочь Олава Шведского.
ИРИНА, святая — с. 356 (примеч.), 567, 602.
ИРИНА-ПЕНЕЛОПИЯ, святая — с. 176, 356 (примеч.), 364, 466 (примеч.).
ИРИНА, византийская императрица, святая — с. 356 (примеч.).
ИРИНА ФЕДОРОВНА ГОДУНОВА, царица — с. 384 (примеч.).
◈ ее муж, см. ФЕДОР, сын Ивана Грозного.
ИСААК МАССА, голландский купец, торговый резидент в Москве во времена Ивана Грозного — с. 389 (примеч.).
ИСАИЯ, пророк — с. 438 (примеч.).
ИСИДОР (СИДОР), игумен в монастыре под Новгородом — с. 466 (примеч.).
ИУЛИАНИЯ, имя — с. 206 (примеч.), 383, 482, *614–615*.
Гл. V. Табл. № 4; Экскурс 6. Табл. № 1.
ИУЛИАНИЯ, см. УЛЬЯНА
ИУЛИАНИЯ, святая — с. 385 (примеч.). Экскурс 6. Табл. № 1.
ИУЛИАНИЯ АМИССКАЯ, святая — с. 206 (примеч.).
ИУЛИАНИЯ, пострадавшая с Галактионом, святая — с. 206 (примеч.).
ИУЛИАНИЯ ИЛИОПОЛЬСКАЯ, святая — с. 206 (примеч.), 207 (примеч.), 383, 614.
ИУЛИАНИЯ КИЛИКИЙСКАЯ, святая — с. 206 (примеч.).
ИУЛИАНИЯ НИКОМИДИЙСКАЯ, святая — с. 206 (примеч.).
ИУЛИАНИЯ, сестра Павла, святая — с. 206 (примеч.), 207 (примеч.), 615.
ИУЛИТА, святая — с. 386, 387 (примеч.), 483, 496.
Экскурс 6. Табл. № 2.

ИУСТИНА, имя — Гл. V. Табл. № 4.
→ См. также АНАСТАСИЯ, дочь Романа Захарьина.
ИУСТИНА, святая — с. 201 (примеч.), 208 (примеч.).

К

КАЗИМИР, имя — с. 51, 60 (примеч.).
КАЗИМИР III, сын Владислава I, польский король — с. 63 (примеч.).
КАЗИМИР-АНДРЕЙ IV, сын Ягайло-Владислава II, великий князь литовский, король польский — с. 436 (примеч.).
КАЗИМИР (СПРАВЕДЛИВЫЙ), сын Болеслава Кривоустого, внук Владислава, правнук Казимира Восстановителя. Гл. VII. Табл. № 15.
КАЗИМИР-(КАРЛ?) (ВОССТАНОВИТЕЛЬ, МНИХ), сын Мешко II, внук Болеслава Храброго, правнук Мешко I — с. 254 462, 541.
Гл. VII. Табл. №№ 5, 10, 12, 15; Экскурс 3. Табл. № 3.
◈ его жена, см. ДОБРОНЕГА, дочь Владимира Святого.
КАНИЦАР (КАНЕЦАР), имя, упоминаемое в договорах с греками — с. 64 (примеч.).
КАРЛ (РЫЖИЙ), исландец — с. 310 (примеч.).
КАРЛ, сын Карла Рыжего, исландец — с. 310 (примеч.).
КАРЛ (ВЕЛИКИЙ), сын Пипина Короткого, император — с. 103 (примеч.).
КАРЛОМАН, брат Пипина Короткого — с. 103 (примеч.).
КАРЛОМАН, сын Пипина Короткого, брат Карла Великого — с. 103 (примеч.).
КАРП, имя — с. *568*.
КАРП, сын Евстафия, 14 в. — с. 112 (примеч.), 542, *568*.
КАССИАН (КАСЬЯН), имя — с. 177 (примеч.), 471, *568*, 569–570.
→ См. также: КОНСТАНТИН, сын Андрея, внук Федора; КОНСТАНТИН, сын Владимира, внук Константина.
КАТАРИНА, имя — с. 361, 572.
Экскурс 4. Табл. № 6.
КАТАРИНА, дочь Инги Старого, внучка Стейнкеля, правнучка Рёгнвальда Ульвссона — с. 361, 572.
Экскурс 4. Табл. № 6.
КЕЛЬМАМАЙ, имя — с. 327 (примеч.).
КЕТИЛЬБЬЁРН, исландец — с. 48 (примеч.).
КИПРИАН, святой — с. 208 (примеч.).
КИР (КЮР), имя (?) — с. 577–578.
→ См. также МИХАИЛ, сын Всеволода Пронского.
КИР АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ, святой — с. 577.
КИРААННА, имя — с. 577.
КИРИК ИЗ ТАРСА, святой — с. 386, 387 (примеч.), 483, 496.
Экскурс 6. Табл. № 2.
КИРИЛЛ, имя — с. 191, 206, 212 (примеч.), 461, 501, *504–505*, 525, 529, 558, *568*, 576, 578, 587, 590, 601, 606, 619, 622.
Гл. V. Табл. № 4; Экскурс 10. Табл. № 4.
→ См. также ВСЕВОЛОД, сын Олега «Гориславича», внук Святослава; ИВАН, сын Ивана Грозного.
КИРИЛЛ, святой — с. 462, 504–505, 606.
КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ, святой — с. 505.
КИРИЛЛ ДИАКОН, святой — с. 206, 460, 558.
КИРИЛЛ ТУРОВСКИЙ, епископ — с. 131–132 (примеч.).
КИР МИХАИЛ, имя — с. 191 (примеч.), 294 (примеч.), *568*.
→ См. также МИХАИЛ, сын Всеволода Пронского.
КИР МИХАИЛ, см. МИХАИЛ
КИТАЙ, имя — с. 12 (примеч.), 450, 453, 473, *568*.
→ См. также АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ, сын Юрия Дологорукого.
КЛЕОПАТРА, блаженная — с. 390.
КЛИМ (КЛИМЕНТ) СМОЛЯТИЧ, митрополит киевский — с. 193 (примеч.), 564.

КНУТ-ЛАМБЕРТ (ВЕЛИКИЙ, МОГУЧИЙ), сын Свейна-Отто(на) Вилобородого, внук Харальда Синезубого, правнук Горма Старого, конунг Дании, Англии и Норвегии — с. 41, 243.
Гл. II. Табл. № 9; Гл. VII. Табл. № 4.
◈ его жена, см. ЭЛЬФГИВА
КНУТ (ЛАВАРД), сын датского конунга Эйрика Доброго, внук Свейна Эстридссона, правнук Ульва Торгильссона и Эстрид (дочери Свейна Вилобородого), зять Мстислава Великого — с. 95, 247 (примеч.), 312, 313, 367.
Гл. III. Табл. № 6; Гл. VII. Табл. № 16; Экскурс 1. Табл. № 27; Экскурс 4. Табл. № 9.
◈ его жена, см. ИНГИБЬЁРГ, дочь Мстислава Великого.
КОБЯК, половецкий хан — с. 167 (примеч.), 168 (примеч.).
КОДРАТ (КОНДРАТ), апостол — с. 183 (примеч.), 618.
КОЗЬМА, см. КОСМА
КОНДРАТ, см. КОДРАТ
КОНДРАТИЙ, имя — с. 212 (примеч.).
КОНРАД (МАЗОВЕЦКИЙ), сын Казимира Справедливого, внук Болеслава Кривоустого, правнук Владислава.
Гл. VII. Табл. № 15.
КОНСТАНТИН, имя — с. 22 (примеч.), 87, 92, 111 (примеч.), 145, 146 (примеч.), 147, 148, 149, 150, 166, 167, 169, 199, 199 (примеч.), 279 (примеч.), 435, 482, 543, 546, 563, *568–572*, 580, 625–626.
Гл. I. Табл. № 2; Гл. IV. Табл. №№ 14, 20; Экскурс 1. Табл. № 5.
→ См. также: ИГОРЬ, сын Ярослава Мудрого; МСТИСЛАВ, сын Владимира Святого; ЯРОСЛАВ МУРОМСКИЙ, сын Святослава, внук Ярослава Мудрого.
КОНСТАНТИН (ВЕЛИКИЙ), император, святой — с. 115 (примеч.), 147, 149, 150, 435, 465, 488 (примеч.), 546, 563, 570, 571, 578, 580, 591–592.
КОНСТАНТИН VII (БАГРЯНОРОДНЫЙ), византийский император — с. 592.
◈ его жена, см. ЕЛЕНА ЛАКАПИНА
КОНСТАНТИН VIII, византийский император — с. 580.
КОНСТАНТИН, князь муромский (?) — с. 147–148 (примеч.), 625–626.
→ См. также ЯРОСЛАВ МУРОМСКИЙ, сын Святослава, внук Ярослава Мудрого.
КОНСТАНТИН, сын Андрея, внук Федора, правнук Василия Константиновича, князь ростовский — с. 177 (примеч.), 471, *568–569*, 570.
КОНСТАНТИН, сын Бориса, внук Василько, правнук Константина Всеволодича — с. 467, 569.
Гл. VI. Табл. № 7.
КОНСТАНТИН, сын Василия, внук Константина, правнук Бориса Васильковича, князь ростовский — с. 199 (примеч.), 548, *569*.
Гл. VI. Табл. № 7.
КОНСТАНТИН, сын Василия, внук Михаила, правнук Андрея Ярославича, князь суздальский — с. 232, 539, 541, *569*.
Гл. VI. Табл. № 8.
КОНСТАНТИН, сын Владимира (?), внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича — с. 278, 279, 281 (примеч.), 285, 288, 292, 542–543, *569*.
Экскурс 1. Табл. №№ 5, 9.
КОНСТАНТИН, сын Владимира, внук Константина, правнук Василия Константиновича, князь ростовский — с. 177 (примеч.), 471, 568, *569–570*.
КОНСТАНТИН, сын Всеволода Большое Гнездо, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 86, 87, 88, 89, 90, 91, 127 (примеч.), 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151 (примеч.), 152, 158 (примеч.), 159 (примеч.), 161, 163, 164, 165, 166, 167, 194 (примеч.), 199 (примеч.), 212, 257, 297, 315, 371, 372 (примеч.), 388

(примеч.), 463, 479, 483, 490, 499, 503, 535, 546, 567, 569, *570*, 571, 572.
Гл. III. Табл. № 5; Гл. IV. Табл. №№ 7, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20; Гл. VI. Табл. №№ 3, 7; Экскурс 1. Табл. №№ 17, 29; Экскурс 5. Табл. № 2; Экскурс 10. Табл. № 7.
◈ его жена, см. АГАФЬЯ, дочь Мстислава Старого.

КОНСТАНТИН, сын Всеволода, внук Константина, правнук Всеволода Юрьевича Большое Гнездо — с. 147, *570–571*.
Гл. IV. Табл. № 14.

КОНСТАНТИН, сын Давыда, внук Ростислава, правнук Мстислава Владимировича Великого — с. 85, 147, 149 (примеч.), 297, *571*.
Гл. III. Табл. № 4; Гл. IV. Табл. № 14; Экскурс 1. Табл. № 16.

КОНСТАНТИН, сын Дмитрия Донского, внук Ивана Красного, правнук Ивана Даниловича Калиты — с. 199 (примеч.), 207 (примеч.), 473, *571*.

КОНСТАНТИН, сын Добрыни, новгородский посадник — с. 147 (примеч.).

КОНСТАНТИН, сын Ивана, внук Василия, правнук Федора Даниловича Красного, князь Острожский — с. 571.

КОНСТАНТИН (ОСТРОЖСКИЙ), сын Константина, внук Ивана, правнук Василия Федоровича Красного — с. 197–198, 202, 482, *571–572*.

КОНСТАНТИН, сын Семена Гордого, внук Ивана Калиты, правнук Даниила Александровича Московского — с. 199 (примеч.), *572*.

КОНСТАНТИН, сын Ярослава, внук Всеволода Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича Долгорукого — с. 87, 92, 147, 166, 167, 199 (примеч.), *572*.
Гл. III. Табл. № 5; Гл. IV. Табл. №№ 14, 20; Экскурс 1. Табл. № 31.

КОСМА (И ДАМИАН), святые — с. 213 (примеч.), 534.

КОСМА (КОЗЬМА), имя — с. 293, 517, 523, 528, 560, 566, *568*, 597.
Экскурс 1. Табл. №№ 11, 14.
→ См. также: ИНГВАР(Ь), сын Игоря, внук Глеба; *ИНГВАР(Ь), сын Ингваря, внук Игоря.

КОТЯН, половецкий хан — с. 168 (примеч.), 169, 303, 308.
Экскурс 1. Табл. №№ 20, 23.
◈ его дочь, жена МСТИСЛАВА УДАТНОГО, сына Мстислава.

КРИСТИНА, имя — с. 246 (примеч.), 359, 361, 364, 366, *572*.
Гл. VII. Табл. № 7; Экскурс 4. Табл. №№ 6, 8.
→ См. также ХРИСТИНА

КРИСТИНА (ХРИСТИНА), дочь Инги Старого, внучка Стейнкеля, правнучка Рёгнвальда — с. 7, 40, 45, 65, 68 (примеч.), 246, 247, 255, 341, 342, 355–367, 450, *572*, 573.
Гл. II. Табл. №№ 8, 17; Гл. III. Табл. № 6; Гл. VII. Табл. №№ 7, 9, 16, 17; Экскурс 3. Табл. № 1; Экскурс 4. Табл. №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9.
◈ ее муж, см. МСТИСЛАВ ВЕЛИКИЙ, сын Владимира.

КРИСТИНА, дочь Сигурда Крестоносца и Маль(м)фрид, внучка Магнуса Голоногого и Мстислава Великого, правнучка Олава Харальдссона Тихого и Владимира Всеволодича Мономаха — с. 246 (примеч.), 366, *572*.
Гл. II. Табл. № 8; Гл. VII. Табл. №№ 7, 9; Экскурс 1. Табл. № 25; Экскурс 4. Табл. №№ 8, 9.
◈ ее муж, см. ЭРЛИНГ КРИВОЙ

КРИСТИНА, дочь Хакона Старого, внучка Хакона, правнучка Сверрира Сигурдарсона — с. 311.
Экскурс 1. Табл. № 25.

КСЕНИЯ, имя — с. 269 (примеч.), *573*.
Экскурс 1. Табл. № 1.

КСЕНИЯ (?), дочь Мстислава Великого, внучка Владимира Мономаха, пра-

внучка Всеволода Ярославича — с. 260, 269–270 (примеч.), 275 (примеч.), *573*.
Гл. VII. Табл. № 21; Экскурс 1. Табл. № 1.
◈ ее муж, см. БРЯЧИСЛАВ, сын Давыда.
КУНИНКБЕРТ, сын Бертари, внук Ариберта, правнук Гундовальда, лангобрад — с. 34 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 5.
КУРАКА, имя — с. 325.
КУЩНИК, имя — с. 173 (дополн. к с. 129).

Л

ЛАЗАРЬ, имя — с. 64 (примеч.).
ЛАЗАРЬ, епископ смоленский — с. 496.
ЛАМПЕРТ ХЕРСФЕЛЬДСКИЙ, хронист — с. 184, 437–438 (примеч.), 565.
ЛЕВ (ЛЕОН), имя — с. 168 (примеч.), 331, 491, *573*.
Гл. IV. Табл. № 21.
ЛЕВ, сын Даниила, внук Романа, правнук киевского князя Мстислава Изяславича — с. 168 (примеч.), *573*.
Гл. IV. Табл. № 21.
ЛЕОН (ЛЕОНТИЙ), епископ ростовский — с. 132 (примеч.).
ЛЕОН (ЛЕВ), сын (?) Романа Диогена, византийский "царевич", зять Владимира Мономаха — с. 140, 141, 331, 491.
Гл. IV. Табл. № 11; Экскурс 1. Табл. № 29.
◈ его жена, см. МАРИЦА
ЛЕОНТИЙ, имя — с. 212 (примеч.), 503.
ЛЕОНТИЙ, святой — с. 159 (примеч.), 212.
ЛЕШКО, князь мазовецкий (?) — с. 109 (дополн. к с. 81).
ЛЕШКО, сын Болеслава Кудрявого, внук Болеслава Кривоустого, правнук Владислава — с. 109 (дополн. к с. 81).
ЛЕШКО (БЕЛЫЙ), сын Казимира Справедливого, внук Болеслава Кривоустого, правнук Владислава, польский князь — с. 318 (примеч.).
ЛИБИАР (ИАБИАР), имя, упоминаемое в договорах с греками — с. 64 (примеч.).
ЛИБУША, княгиня — с. 348 (примеч.).
◈ ее муж, см. ПРЖЕМЫСЛ
ЛИУТГАРДА, имя — с. 254.
Гл. VII. Табл. № 15.
→ См. также ДОБРОНЕГА, дочь Болеслава Кривоустого.
ЛИХАЧ, имя — с. 327.
ЛОГГИН, имя — с. 194 (примеч.).
ЛОГГИН, святой — с. 194 (примеч.), 484.
ЛОНГИН, см. ЛОГГИН
ЛУКА, епископ — с. 120, 187, 514.
ЛУКЬЯН, имя — с. 327.
ЛЮБОВЬ, святая — с. 165 (примеч.), 614.
ЛЮДМИЛА, имя.
Гл. VII. Табл. № 11.
→ См. также ВЕРХУСЛАВА, дочь Мешко Старого.

М

МАГНУС (ГОЛОНОГИЙ), сын Олава Тихого, внук Харальда Сурового, правнук Сигурда Хальванарсона Свиньи и Асты Гудбрандсдоттир — с. 246 (примеч.), 572.
Гл. VII. Табл. №№ 7, 9; Экскурс 1. Табл. №№ 25, 28.
◈ его жена, см. МАРГАРЕТА ФРИДКУЛЛА, дочь Инги.
МАГНУС (СЛЕПОЙ), сын Сигурда Крестоносца, внук Магнуса Голоногого, правнук Олава Харальдссона Тихого — с. 332.
МАГНУС, сын ярла Эрлинга и Кристины, внук Сигурда Крестоносца и Маль(м)фрид, правнук Магнуса Олавссона Голоногого и Мстислава Владимировича Великого, король Норвегии — с. 246 (примеч.).
Гл. VII. Табл. №№ 7, 9; Экскурс 1. Табл. № 25.
МАКАРИЙ, митрополит — с. 206, 460, 490, 558, 616.

МАКСИМ, имя — с. 207 (примеч.), 472–473, 537 (примеч.), 538 (примеч.), *573*.
→ См. также АНДРЕЙ, сын Дмитрия Донского.
МАКСИМ ИСПОВЕДНИК, святой — с. 207 (примеч.), 472–473, 537 (примеч.), 538 (примеч.).
МАЛУША, ключница Ольги, наложница Святослава Игоревича, мать Владимира Святого — с. 247, 330, 338 (примеч.), 343 (примеч.).
Экскурс 3. Табл. №№ 1, 4.
МАЛЬФРЕДЬ (МАЛЬ(М)ФРИД), имя — с. 51, 246–247, 248, 249, 253, 366, *573*.
Гл. II. Табл. №№ 8, 9; Гл. VII. Табл. №№ 7, 16; Экскурс 4. Табл. №№ 8, 9.
МАЛЬФРЕДЬ, представительница дома Рюриковичей, член княжеской семьи (?) — с. 247, 248, 249.
Гл. VII. Табл. № 7.
МАЛЬ(М)ФРИД, см. МАЛЬФРЕДЬ
МАЛЬ(М)ФРИД, дочь Мстислава и Кристины, внучка Владимира Мономаха и конунга Инги Старого, правнучка Всеволода Ярославича и конунга Стейнкеля — с. 246, 247, 248, 255, 313, 366, 367, 572, *573*.
Гл. II. Табл. №№ 8, 9; Гл. VII. Табл. №№ 7, 8, 9, 16; Экскурс 1. Табл. № 25; Экскурс 4. Табл. №№ 8, 9.
◈ ее первый муж, см. СИГУРД КРЕСТНОСЕЦ, сын Магнуса.
◈ ее второй муж, см. ЭЙРИК НЕЗАБВЕННЫЙ, сын Эйрика.
МАЛЬФРИД, дочь Юрия, внучка Ярослава, правнучка Святополка Изяславича — с. 247, 249.
Гл. VII. Табл. №№ 7, 8.
◈ ее муж, см. ВСЕВОЛОД, сын Ярослава, внук Изяслава, правнук Мстислава Владимировича Великого.
МАЛЮТА, имя — с. 327.
МАЛЮТА-ГРИГОРИЙ СКУРАТОВ-БЕЛЬСКИЙ, сын Скурата-Лукьяна, думный дворянин при Иване Грозном, один из главных руководителей опричнины — с. 327.
МАНУИЛ, епископ смоленский — с. 600.
МАРГАРЕТА, имя — с. 356 (примеч.), 361, 567 (примеч.), 572, 573.
Экскурс 4. Табл. № 6.
→ См. также: ИНГИГЕРД, дочь Олава Шведского; МАЛЬ(М)ФРИД, дочь Мстислава Великого.
МАРГАРЕТА (ФРИДКУЛЛА = «ДЕВА МИРА»), дочь Инги Старого, внучка Стейнкеля, правнучка Рёгнвальда Старого — с. 248, 361, 572.
Гл. VII. Табл. № 9; Экскурс 4. Табл. № 6.
◈ ее муж, см. МАГНУС ГОЛОНОГИЙ, сын Олава Тихого.
МАРИНА, черница — с. 500.
МАРИЦА, имя — с. 331, 491, *573–574*.
МАРИЦА (МАРИЯ?), дочь Владимира Мономаха, внучка Всеволода, правнучка Ярослава Владимировича Мудрого — с. 140, 141, 331, 491, *573–574*.
Гл. IV. Табл. №№ 10, 11; Экскурс 1. Табл. № 29.
◈ ее муж, см. ЛЕОН (ЛЕВ)
МАРИЯ, имя — с. 176 (примеч.), 252 (примеч.), 301 (примеч.), 326, 331, 368, 369–370, 371, 378 (примеч.), 461–463, 541, *573–576*.
→ См. также: АГАФЬЯ, дочь Мстислава Великого; ДОБРОНЕГА, дочь Владимира Святого.
МАРИЯ, Богоматерь — с. 125, 130, 155 (примеч.), 176 (примеч.), 192, 201 (примеч.), 286 (примеч.), 332, 368, 369, 370, 371, 373, 384, 414, 441, 467, 474, 475, 476, 477, 488, 509, 524, 547–548, 552 (примеч.), 571, 574, 575, 577 (примеч.), 589, 592, 606.
МАРИЯ, святая — с. 371.
МАРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ, святая — с. 370.
МАРИЯ МАГДАЛИНА, святая — с. 369 (примеч.), 370, 574.
МАРИЯ, лицо, упомянутое в надписи на Суздальском змеевике — с. 365–366 (примеч.).

МАРИЯ, племянница английской королевы Елизаветы — с. 394.
МАРИЯ, дочь Александра, внучка Михаила Тверского, правнучка Ярослава Ярославича — с. 612.
◈ ее муж, см. СЕМЕН ГОРДЫЙ, сын Ивана Калиты.
МАРИЯ, дочь Бориса Тверского, внучка Александра, правнучка Ивана Михайловича.
Гл. VI. Табл. №№ 2, 9; Экскурс 8.
Табл. №№ 1, 2.
◈ ее муж, см. ИВАН ВЕЛИКИЙ, сын Василия Темного.
МАРИЯ-(ЕЛЕНА ?), дочь Мстислава Удатного, внучка Мстислава Храброго, правнучка Ростислава Мстиславича — с. 301, 304, *574*.
Экскурс 1. Табл. № 20.
◈ ее муж, см. АНДРЕЙ, венгерский королевич.
МАРИЯ, дочь Святослава, внучка Олега, правнучка Святослава Ярославича — с. 368 (примеч.), *574*.
МАРИЯ, дочь Шварна, княгиня — с. 146 (примеч.), 150–151 (примеч.), 157 (примеч.), 176 (примеч.), 368–381, 443 (примеч.), 547, *575–576*.
Гл. IV. Табл. № 18; Экскурс 5.
Табл. №№ 1, 2, 3, 4, 5; Экскурс 11.
Табл. № 3.
◈ ее муж, см. ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО, сын Юрия.
МАРИЯ (НАГАЯ), дочь боярина Федора Нагого, внучка окольничьего и воеводы Федора Нагого-Немого, правнучка Михаила Нагого, царица — с. 232, 390–391, 394, 537, *575*, 576.
Гл. VI. Табл. № 9; Экскурс 7.
Табл. № 1.
◈ ее муж, см. ИВАН ГРОЗНЫЙ, сын Василия.
МАРИЯ, дочь Ярослава, внучка Владимира Храброго, правнучка Андрея Ивановича — с. 228 (примеч.).
◈ ее муж, см. ВАСИЛИЙ ТЕМНЫЙ, сын Василия.
МАРК, имя — с. 206, 558, 568, *576*.
Гл. V. Табл. № 4.
→ См. также ИВАН, сын Ивана Грозного.
МАРК АРЕФУСИЙСКИЙ, святой — с. 206, 460, 558.
МАРФА, имя — с. 331, 370, 371, 390–391, 547–548, 575, *576*.
Экскурс 7. Табл. № 1.
→ См. также: ЕЛЕНА, дочь Шварна; МАРИЯ НАГАЯ, дочь Федора; МАРИЯ, дочь Шварна.
МАРФА, святая — с. 371, 548.
МАРФА БОРЕЦКАЯ, жена новгородского посадника Исаака Андреевича Борецкого, новгородка — с. 331.
МАТЕЙ СТРЫЙКОВСКИЙ, хронист — с. 594.
МАТРОНА СОЛУНСКАЯ, святая — с. 213 (примеч.), 606.
МАТФЕЙ, имя — с. 577.
→ См. также МИХАИЛ ТВЕРСКОЙ, сын Александра.
МЕРЕВАЛЬД, король Мерсии, муж королевы Эорменбэорги — с. 35.
МЕРЕФИН, сын короля Мерсии Меревальда и королевы Эорменбэорги — с. 35.
МЕРКУРИЙ, имя — с. 19 (примеч.), 481, 508, *576*.
Экскурс 4. Табл. № 1.
→ См. также ВЯЧЕСЛАВ, сын Ярослава Мудрого.
МЕРКУРИЙ КЕСАРИЙСКИЙ, святой — с. 113 (примеч.), 508.
МЕРКУРИЙ СМОЛЕНСКИЙ, святой — с. 113 (примеч.).
МЕШКО I, польский князь — с. 50, 254.
Гл. VII. Табл. №№ 4, 5, 14, 15;
Экскурс 3. Табл. № 3.
◈ его дочь (?), см. СИГРИД ГОРДАЯ
◈ его жена, см. ДУБРАВА, дочь Болеслава I.
МЕШКО III (СТАРЫЙ), сын Болеслава Кривоустого, внук Владислава, правнук Казимира Восстановителя, поль-

ский князь — с. 109 (дополн. к с. 81), 249 (примеч.), 250, 251, 252, 542.
Гл. VII. Табл. №№ 10, 11, 12, 13.
◈ его первая жена, см. ЕЛИЗАВЕТА
◈ его вторая жена, см. ЕВДОКИЯ, дочь Изяслава.
МЕШКО-ЛАМБЕРТ II, сын Болеслава Великого, внук Мешко I — с. 621.
Гл. VII. Табл. №№ 4, 5, 10, 12, 14, 15; Экскурс 3. Табл. № 3.
МИКУЛА, сын Володьши (?), внук Василько (?), правнук Святослава Всеславича (?) — с. 425–426 (примеч.), *576*.
Экскурс 10. Табл. № 6.
МИЛОНЕГ-ПЕТР, зодчий — с. 603.
МИЛЬДБУРГА, дочь короля Мерсии Меревальда и королевы Эорменбэорги — с. 35.
МИЛЬДГИТА, дочь короля Мерсии Меревальда и королевы Эорменбэорги — с. 35.
МИЛЬДРЮД, дочь короля Мерсии Меревальда и королевы Эорменбэорги — с. 35.
МИНДОВГ, сын Рингольта (?), литовский князь — с. 379 (примеч.), 542.
Экскурс 5. Табл. № 6.
◈ его дочь, жена ШВАРНА, сына Даниила Галицкого.
МИРОСЛАВ, имя — с. 51, 457.
МИРОСЛАВ ГЮРЯТИНИЧ, сын Гюряты (?), внук Рог(волода) (Рагуила) (?), правнук Ульва (?) или Эйлива Рёгнвальдссона (?), новгородский посадник — с. 363 (примеч.).
Гл. VII. Табл. № 17; Экскурс 4. Табл. №№ 3, 7.
МИХАИЛ, имя — с. 12 (примеч.), 26, 27, 124, 125 (примеч.), 130 (примеч.), 138, 145, 166, 167, 169, 172 (дополн. к с. 115), 180, 181 (примеч.), 184 (примеч.), 190, 191, 209 (примеч.), 212, 263, 270, 272, 296, 323, 327 (примеч.), 408, 409 (примеч.), 419, 421–422, 423, 424, 428, 431, 432, 440 (примеч.), 456, 457, 458, 461, 463, 475, 478, 490, 491, 495, 498 (примеч.), 499, 500, 501, 504, 505, 517, 519, 523, 525, 526, 527, 529, 544, 561, 562, 563, 565, 568, 571, 574, *576–580*, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 589, 590–591, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604–605, 606, 608, 609, 612, 617, 622, 623, 625.
Гл. I. Табл. № 3; Гл. II. Табл. № 1; Гл. IV. Табл. №№ 5, 6, 7, 12, 14, 20, 21; Гл. V. Табл. №№ 1, 2, 3; Гл. VII. Табл. №№ 1, 2, 3, 5, 6, 8, 10, 14, 18, 22, 24, 25, 26; Экскурс 1. Табл. №№ 15, 16, 17, 31; Экскурс 5. Табл. № 1; Экскурс 9. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8.
→ См. также: ВАСИЛИЙ, сын Константина, внук Всеволода Большое Гнездо; ИЗЯСЛАВ, сын Ярослава, внук Владимира Мачешича; ОЛЕГ «ГОРИСЛАВИЧ», сын Святослава, внук Ярослава Мудрого; РОСТИСЛАВ, сын Владимира, внук Ярослава Мудрого; РОСТИСЛАВ, сын Всеволода, внук Ярослава Мудрого; РОСТИСЛАВ, сын Мстислава Великого; РОСТИСЛАВ, сын Рюрика, внук Ростислава; СВЯТОПОЛК, сын Изяслава, внук Ярослава Мудрого; СВЯТОСЛАВ, сын Всеволода, внук Олега «Гориславича»; ЯРОСЛАВ, сын Владимира Мачешича, внук Мстислава Великого.
МИХАИЛ, святой — с. 27, 180 (примеч.), 181, 191, 206 (примеч.), 263 (примеч.), 363 (примеч.), 422, 423, 427, 440 (примеч.), 599–600, 601, 604, 606.
→ См. также МИХАИЛ, архистратиг.
МИХАИЛ, архистратиг — с. 184 (примеч.), 190, 191, 408, 409 (примеч.), 422, 423, 440 (примеч.), 458, 500, 501, 529, 578, 579, 580, 586, 590, 598, 600–601, 603, 604–605, 606, 608, 609, 612, 616.
→ См. также МИХАИЛ, святой.
МИХАИЛ КЛОПСКИЙ, святой — с. 207 (примеч.), 473.
МИХАИЛ МАЛЕИН, святой — с. 191, 604.

МИХАИЛ III, византийский император, креститель болгар — с. 150–151 (примеч.), 372 (примеч.).
МИХАИЛ, старец — с. 200 (примеч.), 550.
МИХАИЛ НАГОЙ — с. 575.
МИХАИЛ (МИХАЛКО), сын Гюряты (?), внук Рог(волода) (Рагуила) (?), правнук Ульва (?) или Эйлива (?) Рёгнвальдссона, новгородец.
Гл. VII. Табл. №№ 17, 18; Экскурс 4. Табл. № 3.
МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ ГЛИНСКИЙ-ДОРОДНЫЙ, князь — с. 333 (примеч.).
МИХАИЛ (до крещения: САЛНУКНУРЗА) ТЕМРЮКОВИЧ ЧЕРКАССКИЙ, кабардинский княжич, боярин, шурин Ивана Грозного — с. 327 (примеч.).
МИХАИЛ (ТВЕРСКОЙ), сын Александра, внук Михаила, правнук Ярослава Ярославича — с. 232, 464, 477, *577*.
Гл. VI. Табл. № 7.
МИХАИЛ, сын Андрея, внук Ярослава, правнук Всеволода Юрьевича Большое Гнездо — с. 539, 568, 569.
Гл. VI. Табл. № 8.
МИХАИЛ, сын Бориса, внук Александра, правнук Ивана Михайловича Тверского — с. 579.
(КИР) МИХАИЛ, сын Всеволода Пронского, внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича — с. 191 (примеч.), 278, 279, 281 (примеч.), 285, 291, 292, 294, *577–578*.
Экскурс 1. Табл. №№ 5, 8, 9, 10, 14.
◈ его жена, дочь Всеволода Чермного, внучка Святослава, правнучка Всеволода Ольговича — с. 578.
◈ его сын («кюръ Михайловичь») — с. 578.
*(КИР) МИХАИЛ как сын Всеволода Пронского, внук Ингваря, правнук Игоря Глебовича — с. 294 (примеч.).
Экскурс 1. Табл. № 14.
МИХАИЛ, сын Всеволода Чермного, внук Святослава, правнук Всеволода Ольговича, святой — с. 177, 179 (примеч.), 424, *578*, 619.
Экскурс 10. Табл. № 4.
МИХАИЛ (МИХАЛКО), сын Вячеслава, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 21 (примеч.), 94 (примеч.), *579*.
Гл. III. Табл. № 1.
МИХАИЛ (ХОЛМСКИЙ), сын Дмитрия, внук Георгия, правнук Всеволода Александровича Тверского — с. 206 (примеч.), 383, *579*, 614.
Гл. V. Табл. № 4; Экскурс 6. Табл. № 1.
МИХАИЛ, сын Семена Гордого, внук Ивана Калиты, правнук Даниила Александровича Московского — с. 612.
МИХАИЛ (МИХАЛКО), сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 127 (примеч.), 130 (примеч.), 145, 146, 167, 190, 261, 424 (примеч.), *579*.
Гл. IV. Табл. №№ 7, 13, 20; Гл. VII. Табл. № 22; Экскурс 10. Табл. № 4.
◈ его жена N.N. — с. 579.
МИХАИЛ, сын Ярослава, внук Всеволода Большое Гнездо, правнук Юрия Долгорукого — с. 164 (примеч.), 166, 169, *579*.
Гл. IV. Табл. № 20.
МИХАИЛ, сын Ярослава, внук Романа, правнук Олега Ингваревича Красного — с. 588.
Экскурс 1. Табл. № 11.
МИХАИЛ, сын Ярослава, внук Ярослава, правнук Всеволода Георгиевича Большое Гнездо — с. 12 (примеч.), 191 (примеч.), *579–580*.
Гл. VI. Табл. № 7.
МИХАИЛ (ТВЕРСКОЙ), сын Ярослава, внук Ярослава, правнук Всеволода Георгиевича Большое Гнездо — с. 12 (примеч.), 127 (примеч.), 165 (примеч.), 191 (примеч.), 393 (примеч.), 464, 485, 539–540, 577, *580*, 612.
Гл. IV. Табл. № 7; Гл. VI. Табл. № 7; Экскурс 6. Табл. № 1.
МОИСЕЙ (УГРИН), святой — с. 434 (примеч.).

МОИСЕЙ (ЭФИОП), святой — с. 159, 554.
МОИСЛАВ, имя — с. 44 (примеч.).
МОИСЛАВ, князь мазовецкий — с. 44 (примеч.).
МОИСЛАВ ПОПОВИЧ, новгородец — с. 44 (примеч.).
МСТИВОЙ I, поморский князь — с. 252. Гл. VII. Табл. № 13.
◈ его жена (?), см. ЗВЕНИСЛАВА, дочь Мешко Старого.
МСТИСЛАВ, имя — с. 11, 12 (примеч.), 22, 23, 33, 43, 48, 83, 84, 114 (примеч.), 117, 138, 144 (примеч.), 145, 153, 168 (примеч.), 172 (дополн. к с. 115), 193 (примеч.), 231 (примеч.), 239, 260, 270, 272, 280, 283 (примеч.), 285, 296, 299 (примеч.), 300, 305 (примеч.), 306, 309, 325, 353, 358, 362 (примеч.), 404, 407, 408, 415, 419, 420, 421, 423, 432, 434, 435, 446, 448, 450, 451, 454, 461, 467, 477, *580–588*, 601 (примеч.), 615, 617 (примеч.), 620.
Гл. II. Табл. № 10; Гл. III. Табл. №№ 3, 4; Гл. IV. Табл. №№ 12, 21; Гл. VII. Табл. № 21; Экскурс 1. Табл. №№ 10, 15, 18; Экскурс 4. Табл. №№ 3, 4; Экскурс 9. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. №№ 1, 2, 3.
МСТИСЛАВ, сын Андрея Боголюбского, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 127 (примеч.), 144 (примеч.).
Гл. IV. Табл. № 12.
МСТИСЛАВ (ХРАБРЫЙ, ТМУТАРАКАНСКИЙ), сын Владимира Святого, внук Святослава, правнук Игоря Рюриковича и Ольги — с. 16, 22, 23, 24 (примеч.), 48, 111 (примеч.), 147, 181, 242, 336, 353, 437, 444, 446, 451, 543, 563, *580*.
Гл. I. Табл. №№ 1, 2; Гл. II. Табл. № 10; Гл. IV. Табл. № 14; Экскурс 3. Табл. №№ 1, 4; Экскурс 11. Табл. № 1.
МСТИСЛАВ (ВЕЛИКИЙ), сын Владимира Мономаха, внук Всеволода, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 12 (примеч.), 15, 16, 18, 19 (примеч.), 20, 22, 23, 26, 27, 28, 40, 45, 50, 59, 65, 68 (примеч.), 75, 76, 77, 78, 79, 80, 83, 84, 91, 93, 94, 95, 97, 98, 99, 100, 101, 109–110 (дополн. к с. 81), 114 (примеч.), 116 (примеч.), 117, 118 (примеч.), 119, 121, 122 (примеч.), 123 (примеч.), 124, 125 (примеч.), 132 (примеч.), 135, 143, 144, 147, 154 (примеч.), 155, 156, 157 (примеч.), 158 (примеч.), 160, 178, 184 (примеч.), 185–186, 190, 191 (примеч.), 193 (примеч.), 195, 209 (примеч.), 246, 248 (примеч.), 252, 255, 258, 259 (примеч.), 260, 269, 270, 272, 273, 274, 275 (примеч.), 296, 333, 338, 341, 351, 353 (примеч.), 355–367, 372, 373, 404, 405, 406, 407, 415 (примеч.), 419, 420, 421, 427, 432, 434, 446, 449, 450, 453, 461, 462, 494, 495, 500, 503, 529, 542, 544, 554, 564, 565, 571, 572, 573, 577, *581–582*, 583, 584, 585, 586, 597, 598, 600, 601, 603, 605, 609, 615, 617 (примеч.), 620, 621, 623, 624.
Гл. I. Табл. №№ 1, 2, 3; Гл. II. Табл. №№ 1, 8, 9, 11, 12, 17; Гл. III. Табл. №№ 1, 2, 3, 4, 6, 9; Гл. IV. Табл. №№ 4, 5, 6, 8, 10, 12, 14, 17, 18, 21; Гл. V. Табл. №№ 1, 2; Гл. VII. Табл. №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 15, 16, 17, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26; Экскурс 1. Табл. №№ 1, 4, 6, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 31, 32; Экскурс 3. Табл. №№ 1, 4; Экскурс 4. Табл. №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9; Экскурс 5. Табл. №№ 1, 3, 4, 6; Экскурс 9. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. №№ 1, 2, 3, 4, 7, 8; Экскурс 11. Табл. №№ 1, 2, 3.
◈ его первая жена, см. КРИСТИНА (ХРИСТИНА), дочь Инги.
◈ его вторая жена, дочь новгородца Дмитрия Завидовича — с. 118 (примеч.), 258, 333, 358, 359 (примеч.), 363, 373.
Гл. III. Табл. № 6; Гл. VII. Табл. № 17; Экскурс 4. Табл. №№ 4, 7; Экскурс 5. Табл. № 3.

МСТИСЛАВ, сын Всеволода (?), внук Игоря, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 23 (примеч.), 467, *582*.

МСТИСЛАВ (СТАРШИЙ), сын Давыда, внук Ростислава, правнук Мстислава Владимировича Великого — с. 12 (примеч.), 84, 419–420, *582–583*.
Гл. III. Табл. № 4; Экскурс 10. Табл. №№ 1, 2.

МСТИСЛАВ (МЛАДШИЙ), сын Давыда, внук Ростислава, правнук Мстислава Владимировича Великого — с. 12 (примеч.), 84 (примеч.), 85 (примеч.), 297, 419–420, 432, 529, 582, *583*, 586 (примеч.), 615, 617.
Гл. III. Табл. № 4; Экскурс 1. Табл. № 16; Экскурс 9. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. №№ 1, 2.

*МСТИСЛАВ ДАВЫДОВИЧ (???) как сын Давыда (???), внук Олега (???), правнук Святослава Всеволодича (???) — с. 420 (примеч.),

МСТИСЛАВ, сын Даниила, внук Романа, правнук Мстислава Изяславича — с. 168 (примеч.).
Гл. IV. Табл. № 21.

МСТИСЛАВ, сын Изяслава, внук Мстислава Великого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 77, 81, 83, 109–110 (дополн. к с. 81), 172 (дополн. к с. 115), 193 (примеч.), 244, 319, 376, 420, 463, 492, 496, 533, 567, 573, *584*, 596, 597, 618, 620.
Гл. III. Табл. №№ 2, 3; Гл. IV. Табл. № 21; Гл. VII. Табл. №№ 3, 15, 20, 23; Экскурс 1. Табл. №№ 4, 17, 19, 20, 32; Экскурс 5. Табл. № 6; Экскурс 10. Табл. № 2.

МСТИСЛАВ, сын Изяслава, внук Ярослава Мудрого, правнук Владимира Святославича Святого — с. 22, 23, 27, 50, 404 (примеч.), *583–584*.
Гл. I. Табл. № 2, 3; Гл. II. Табл. № 11.

МСТИСЛАВ (УДАТНЫЙ), сын Мстислава Храброго, внук Ростислава, правнук Мстислава Владимировича Великого — с. 85 (примеч.), 167 (примеч.), 168 (примеч.), 242, 262, 296–314, 316, 317, 318, 379 (примеч.), 409, 415, 417, 420, 475, 491, 517, 574, *584–585*, 586, 602, 603.
Гл. III. Табл. № 4; Гл. IV. Табл. № 21; Гл. V. Табл. №№ 1, 2; Гл. VII. Табл. №№ 2, 22; Экскурс 1. Табл. №№ 15, 16, 17, 18, 20, 22, 23, 24, 25, 31; Экскурс 5. Табл. № 6; Экскурс 9. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. № 2.
◈ его первая жена, дочь половецкого хана Котяна — с. 303, 308.
Экскурс 1. Табл. №№ 20, 23.
◈ его вторая жена (?) — с. 308.

МСТИСЛАВ, сын Романа (?), внук Глеба (?), правнук Глеба Ростиславича (?) — с. 282 (примеч.), 284 (примеч.).
→ См. также МСТИСЛАВ, сын Святослава, внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича.

МСТИСЛАВ (СТАРЫЙ), сын Романа, внук Ростислава, правнук Мстислава Владимировича Великого — с. 84 (примеч.), 85, 114 (примеч.), 121 (примеч.), 172 (дополн. к с. 115), 231 (примеч.), 297, 299 (примеч.), 307, 421, 463, 477, 504, *585–586*, 598.
Гл. III. Табл. № 4; Гл. IV. Табл. № 6; Экскурс 1. Табл. №№ 16, 18, 22; Экскурс 10. Табл. № 3.

МСТИСЛАВ (ХРАБРЫЙ), сын Ростислава, внук Мстислава Великого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 83, 84, 85, 86, 91, 183 (примеч.), 296, 297, 298, 299, 300, 301, 304, 305 (примеч.), 306, 307, 308, 309, 317, 420, 446, 475, 491, 517, 529, 574, 584–585, *586–587*, 602.
Гл. III. Табл. № 4; Гл. IV. Табл. № 21; Гл. V. Табл. №№ 1, 2; Гл. VII. Табл. №№ 2, 22; Экскурс 1. Табл. №№ 15, 16, 17, 18, 20, 22, 23, 24, 25, 31; Экскурс 9. Табл. № 1;

Экскурс 10. Табл. № 2; Экскурс 11. Табл. № 1.
◈ его первая (?) жена (?), дочь Ярослава Осмомысла (?) — с. 308, 309.
◈ его вторая (?) жена, дочь Глеба, внучка Ростислава, правнучка Ярослава Святославича — с. 308, 309.
Экскурс 1. Табл. № 23.
МСТИСЛАВ (БЕЗОКИЙ), сын Ростислава, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 144 (примеч.), 258, 358, *587*, 589 (примеч.), 601.
Гл. IV. Табл. №№ 12, 16; Гл. VII. Табл. № 17; Экскурс 4. Табл. № 3.
◈ его жена, дочь новгородского посадника Якуна Мирославича — с. 258, 358.
Гл. VII. Табл. №№ 17; Экскурс 4. Табл. № 3.
МСТИСЛАВ, сын Святополка, внук Изяслава, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 22, 23, *587*.
Гл. I. Табл. № 2.
МСТИСЛАВ, сын Святослава, внук Всеволода, правнук Олега Святославича — с. 106, 373, 374, 375, 376–377, 379, *587–588*.
Экскурс 5. Табл. № 4.
◈ его жена, «ясыня», дочь Шварна, сестра МАРИИ «Всеволожей», свояченица Всеволода Большое Гнездо — с. 373, 374, 375, 381.
Экскурс 5. Табл. №№ 4, 5.
МСТИСЛАВ, сын Святослава (?), внук Глеба, правнук Ростислава Святославича — с. 280, 281 (примеч.), 283–284 (примеч.), 285.
Экскурс 1. Табл. №№ 7, 9, 10.
→ См. также МСТИСЛАВ, сын Романа (?), внук Глеба (?), правнук Глеба Ростиславича (?)
МСТИСЛАВ, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 80 (примеч.), 144 (примеч.), 145, 148, 153, 154, 258, 358, 420, *588*, 624.
Гл. IV. Табл. №№ 12, 13, 16; Гл. VII. Табл. №№ 17, 18; Экскурс 4. Табл. № 3; Экскурс 10. Табл. № 2.
◈ его жена, дочь новгородца Петра Михалковича — с. 258, 358.
Гл. VII. Табл. №№ 17, 18; Экскурс 4. Табл. № 3.
МСТИСЛАВ, сын Юрия, внук Всеволода Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича Долгорукого — с. 90.
Гл. III. Табл. № 5.
МСТИСЛАВ (НЕМОЙ), сын Ярослава, внук Изяслава, правнук Мстислава Владимировича Великого — с. 83.
Гл. III. Табл. № 3.
МСТИСЛАВА, имя — с. 242.
МСТИСЛАВА (?), согласно Яну Длугошу, дочь Владимира Святого (?), внучка Святослава (?), правнучка Игоря Рюриковича и Ольги (?) — с. 242.

Н

НАДЕЖДА, святая — с. 165 (примеч.), 614.
НАСТАСЬКА, см. АНАСТАСИЯ
НАЖИР ПЕРЕЯСЛАВИЧ, боярин — с. 380.
НЕЖАТА (НЕЖКО), имя — с. 133 (примеч.), 253 (примеч.).
НЕРАДЕЦ, убийца князя Ярополка Изяславича — с. 19.
НЕСИСЛАВ, имя — с. 51.
НЕСТОР, киевский монах, летописец — с. 477, 501, 520.
НИКИФОР, святой — с. 398, 402 (примеч.), 558.
НИКИФОР ВЛЕММИД, византийский богослов — с. 176 (примеч.).
НИКОЛАЙ, имя — с. 17 (примеч.), 102, 123 (примеч.), 124, 369 (примеч.), 419, 424–425, 426, 432, 442, 445 (примеч.), 481, 499, 501, 502, 504, 513, 518, 519, 523, 524, 525, 530, 531, 561, 562, 564, 574, 576, 587, *588*, 589, 590, 596, 599, 601, 606, 607, 608, 609, 622, 625.
Гл. III. Табл. № 10; Гл. IV.

Табл. №№ 1, 2, 6; Гл. V. Табл. № 3; Экскурс 4. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. №№ 4, 5, 6; Экскурс 11. Табл. №№ 1, 3.
→ См. также: ВЛАДИМИР СВЯТОЙ, сын Святослава; ИЗЯСЛАВ, сын Давыда, внук Святослава; СВЯТОСЛАВ, сын Давыда, внук Святослава; СВЯТОСЛАВ, сын Олега «Гориславича», внук Святослава; СВЯТОСЛАВ, сын Ярослава Мудрого.

НИКОЛАЙ, см. МИКУЛА

НИКОЛАЙ, святой — с. 192, 258, 563, 582, 608, 609.
→ См. также НИКОЛАЙ МИРЛИКИЙСКИЙ

НИКОЛАЙ МИРЛИКИЙСКИЙ, святой — с. 174 (дополн. к с. 129), 185, 258, 287, 290, 291, 295, 408, 582, 608, 609.
→ См. также НИКОЛАЙ, святой.

НИКОЛАУС, сын Николауса, внук Вальдемара Старого, правнук Вальдемара Кнутссона Великого — с. 311.

НИКОН, святой — с. 188 (примеч.), 516.

НИФОНТ, новгородский архиепископ — с. 258, 608.

НЬЯЛЬ (КОСОЙ), сын Финна — с. 360, 361 (примеч.).
Экскурс 4. Табл. № 6.

О

ОДА, сестра немецкого маркграфа Херманна — с. 346,
◈ ее муж, см. БОЛЕСЛАВ ВЕЛИКИЙ

ОДД, монах, автор жизнеописания норвежского конунга Олава Трюггвасона — с. 312 (примеч.), 341.

ОДОН, сын Мешко Старого и Елизаветы, внук Болеслава Кривоустого, правнук Владислава — с. 250.
Гл. VII. Табл. № 10.

ОЛАВ (АЛЬВ ГЕЙРСТАДИРА), сын Гудрёда Великолепного, внук Хальвдана Щедрого на Золото и Скупого на Еду, правнук Эйстейна Хальвданарсона — с. 312.
Экскурс 1. Табл. № 26.

ОЛАВ, сын Трюггви, внук Олава, правнук Харальда Хальвданарсона Прекрасноволосого, конунг Норвегии — с. 311–312, 340, 341, 357 (примеч.), 360, 361 (примеч.), 366.
Экскурс 1. Табл. № 26; Экскурс 3. Табл. № 2; Экскурс 4. Табл. №№ 6, 8.
◈ его жена, см. ГУДРУН, дочь Ярнскегги.

ОЛАВ (СВЯТОЙ), сын Харальда Гренландца, внук Гудрёда, правнук Бьёрна Харальдссона Купца — с. 311, 357, 358, 566 (примеч.).
Экскурс 1. Табл. №№ 26, 28.
◈ его жена, см. АСТРИД, дочь Олава Шведского.

ОЛАВ (ТИХИЙ), сын Харальда Сурового, внук Сигурда Свиньи, правнук Хальвдана Сигурдарсона — с. 572,
Гл. VII. Табл. № 7; Экскурс 1. Табл. №№ 25, 28.

ОЛАВ, сын Харальда Прекрасноволосого, внук Хальвдана Черного, правнук Гудрёда Хальвданарсона Великолепного — с. 312.
Экскурс 1. Табл. № 26; Экскурс 3. Табл. № 2; Экскурс 4. Табл. № 6.

ОЛАВ (ШВЕДСКИЙ, ШЁТКОНУНГ), сын Эйрика Победоносного, внук Бьёрна, конунг Швеции — с. 37, 38 (примеч.), 39, 248, 355, 357, 359, 361, 563, 566–567.
Гл. II. Табл. № 8; Гл. VII. Табл. №№ 9, 16; Экскурс 4. Табл. №№ 1, 2, 4, 5, 7.
◈ его жена, см. ЭСТРИД
◈ его наложница, см. ЭДЛА

ОЛЕГ, имя — с. 32, 41 (примеч.), 46, 47, 104, 105 (примеч.), 106, 107, 114 (примеч.), 169, 199, 261 (примеч.), 270, 272, 279 (примеч.), 288, 289, 290, 294 (примеч.), 295 (примеч.), 330, 453, 548, 567, 577, *588–591*, 593, 622.
Гл. II. Табл. № 10; Гл. III. Табл. №№ 10, 11, 12; Гл. VII. Табл. № 20; Экскурс 1. Табл. №№ 5, 12, 13.

ОЛЕГ (ВЕЩИЙ), родич (?) Рюрика, воспитатель Игоря Рюриковича — с. 46, 47.
Гл. II. Табл. № 10.

ОЛЕГ, сын Владимира, внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича — с. 279 (примеч.), 281 (примеч.), 282, 283 (примеч.), 288, 289–290, 291 (примеч.).
Экскурс 1. Табл. №№ 5, 9, 10, 12, 13.

ОЛЕГ «ГОРИСЛАВИЧ», см. ОЛЕГ, сын Святослава, внук Ярослава Мудрого, правнук Владимира Святославича Святого.

ОЛЕГ, сын Ивана Коротопола (?), внук Ивана (?), правнук Ярослава Романовича (?) или сын Ивана Рязанского (?), внук Александра Пронского (?), правнук Михаила Ярославича Пронского (?) — с. 169 (примеч.), 170 (примеч.), 199, 286, 548, 559, 567, *588–589*.
Экскурс 1. Табл. № 11.

ОЛЕГ, сын Игоря, внук Святослава, правнук Олега Святославича — с. 106, 107, 114 (примеч.), 499, *589*, 593.
Гл. III. Табл. № 12.

ОЛЕГ (КРАСНЫЙ), сын Ингваря, внук Игоря, правнук Глеба Ростиславича — с. 66, 286 (примеч.), 287, 288, 289–290, 291, 292, 294 (примеч.), 295 (примеч.).
Экскурс 1. Табл. №№ 11, 12, 13, 14.

*ОЛЕГ как сын Игоря, внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича (?) — с. 290 (примеч.), 294 (примеч.), 295 (примеч.).

ОЛЕГ, сын Святослава, внук Всеволода, правнук Олега Святославича — с. 105, 106, 374 (примеч.), 420 (примеч.), 529, *590*.
Гл. III. Табл. № 12.

ОЛЕГ, сын Святослава, внук Игоря и Ольги, правнук Рюрика — с. 46, 47, 105 (примеч.), 438 (примеч.), 589, 591, 621.
Гл. I. Табл. № 1; Гл. II. Табл. № 10; Гл. III. Табл. № 12.

ОЛЕГ, сын Святослава, внук Олега «Гориславича», правнук Святослава Ярославича — с. 103, 104, 105, 106, 107, 121 (примеч.), 375, *590*, 609.
Гл. III. Табл. №№ 10, 11, 12; Гл. IV. Табл. № 6; Экскурс 10. Табл. № 5.
◈ его жена, N.N. («Андреевна» (?)) — с. 375.

ОЛЕГ («ГОРИСЛАВИЧ»), сын Святослава, внук Ярослава Мудрого, правнук Владимира Святославича Святого — с. 17, 18, 19 (примеч.), 20 (примеч.), 50 (примеч.), 54, 96, 97, 98, 99, 104, 106, 114, 121, 208–209 (примеч.), 258, 260, 270, 272, 281, 351, 406–407, 422, 424 (примеч.), 438 (примеч.), 440, 492 (примеч.), 499, 501, 504, 505, 508, 523, 525, 561, 562, 574, 577, 578, 587, 588, 589, *590–591*, 599, 601, 605, 606, 608, 609, 622.
Гл. II. Табл. № 12; Гл. III. Табл. №№ 7, 8, 9, 10, 11, 12; Гл. IV. Табл. № 6; Гл. V. Табл. № 3; Гл. VII. Табл. №№ 4, 12, 13, 19, 21, 24, 25; Экскурс 1. Табл. № 7; Экскурс 3. Табл. № 4; Экскурс 5. Табл. № 4; Экскурс 10. Табл. №№ 4, 5; Экскурс 11. Табл. № 1.

ОЛЕГ, сын Юрия (?), внук Юрия (?), правнук Владимира Святославича (?) или сын Юрия (?), внук Юрия (?), правнук Ростислава Ярославича — с. 321 (дополн. к с. 315).
Экскурс 1. Табл. № 30.

ОЛЕГ (НАСТАСЬЧИЧ), сын Ярослава Осмомысла от наложницы Настаськи, внук Владимира, правнук Володаря Ростиславича — с. 69 (примеч.), 259 (примеч.), 261 (примеч.), 330.
Гл. VII. Табл. №№ 20, 22.

ОЛЬГА (ЭЛЬГА), имя — с. 46, 47 (примеч.), 134 (примеч.), 138 (примеч.), 148 (примеч.), 241, 261, 544, 545, *591–593*.
Гл. II. Табл. № 10; Гл. VII. Табл. №№ 1, 22.

ОЛЬГА, лицо, упоминаемое в договорах с греками — с. 241.

ОЛЬГА, княгиня, святая — с. 41, 42, 46, 47, 150, 151 (примеч.), 343 (примеч.),

372, 445 (примеч.), 477, 501, 503 (примеч.), 520, 541, 545, 580, *591–592*, 593, 605, 622, 623.
Гл. II. Табл. №№ 9, 10.
◈ ее муж, см. ИГОРЬ, сын Рюрика.
ОЛЬГА, дочь Юрия Долгорукого, внучка Владимира Мономаха, правнучка Всеволода Ярославича — с. 148 (примеч.), 150 (примеч.), 177, 178, 183, 241, 259 (примеч.), 260–261, 300 (примеч.), 333 (примеч.), 544, 545, 546, *592–593*.
Гл. IV. Табл. № 15; Гл. V. Табл. №№ 1, 2; Гл. VII. Табл. №№ 1, 20, 22; Экскурс 1. Табл. № 19.
◈ ее муж, см. ЯРОСЛАВ ОСМОМЫСЛ, сын Владимира.
ОЛЬГЕРД, сын Гедимина, великий князь литовский — с. 383 (примеч.), 384 (примеч.).
◈ его жена, см. УЛЬЯНА, дочь Александра.
ОРДЕРИК ВИТАЛИС, хронист — с. 246 (примеч.).
ОСТРОГОТО, дочь Теодериха, внучка Теодемира, правителя восточных готов — с. 33, 450.
Гл. II. Табл. № 4.

П

ПАВЕЛ, имя — с. 106, 114 (примеч.), 499, 589, *593*.
Гл. III. Табл. № 12.
→ См. также ОЛЕГ, сын Игоря, внук Святослава.
ПАВЕЛ, апостол — с. 210, 504, 589.
ПАВЕЛ, брат Иулиании, святой — с. 206 (примеч.), 615.
ПАВЕЛ, патриарх цареградский, святой — с. 208 (примеч.).
ПАВЕЛ ВОИНОВИЧ НАЩОКИН — с. 173 (дополн. к с. 129).
ПАИСИЙ, игумен Троице-Сергиева монастыря — с. 201, 488.
ПАИСИЙ, иконописец — с. 549.
ПАНКРАТИЙ, имя — с. 148 (примеч.), 168, 272, 513, 515, 517, 518, 519, 523, 524, 531, 566, 568, 569, 577, *593*, 596, 597, 607, 625–626.
Гл. II. Табл. № 17; Гл. VII. Табл. № 6.
→ См. также: СВЯТОСЛАВ, сын Давыда, внук Святослава; ЯРОСЛАВ МУРОМСКИЙ, сын Святослава, внук Ярослава Мудрого.
ПАНКРАТИЙ ТАВРОМЕНИЙСКИЙ, святой — с. 625.
ПАНТЕЛЕЙМОН, имя — с. 138, 168, 193, 318, 463, 492, 494, 496, 533, 542, 564, 567, 573, 581 (примеч.), 584, 588, *593*, 596, 597, 618, 620, 621, 624.
Гл. II. Табл. № 17; Гл. IV. Табл. №№ 10, 12, 21; Гл. VII. Табл. №№ 3, 11, 13; Экскурс 1. Табл. №№ 1, 32; Экскурс 5. Табл. № 6; Экскурс 10. Табл. № 2.
→ См. также: ИЗЯСЛАВ, сын Мстислава Великого; МСТИСЛАВ, сын Святослава, внук Всеволода, правнук Олега «Гориславича».
ПАНТЕЛЕЙМОН, святой — с. 192, 193, 194 (примеч.), 564, 584, 621.
ПАНТЕЛЕЙМОН, сын Мстислава, князь козельский (?) — с. 193 (примеч.).
ПАНТЕЛЕЙМОН, сын Мстислава, князь черниговский (?) — с. 193 (примеч.).
ПАРАСКЕВА, святая — с. 385 (примеч.).
ПАРАСКЕВА ПЯТНИЦА, святая — с. 365 (примеч.), 384, 385, 467, 624.
Экскурс 6. Табл. № 1.
ПАТРИКИЙ, святой — с. 147 (примеч.).
ПАХОМИЙ, имя — с. 526.
→ См. также ГЛЕБ, сын Святослава, внук Всеволода, правнук Олега «Гориславича».
ПАХОМИЙ, монах, автор Жития ярославских князей Василия и Константина — с. 571.
ПЕЛАГЕЯ, имя — с. 150 (примеч.), 183, 244, 261, 300 (примеч.), *593*, 604.
Гл. IV. Табл. № 15; Гл. VII. Табл. №№ 5, 22; Экскурс 1. Табл. № 19.
→ См. также СБЫСЛАВА, дочь Всеволода Большое Гнездо.

ПЕЛАГЕЯ АНТИОХИЙСКАЯ, святая — с. 183, 604.
ПЕЛАГЕЯ ПАЛЕСТИНСКАЯ, святая — с. 604.
ПЕЛАГЕЯ ТАРСИЙСКАЯ, святая — с. 183, 604.
ПЕНЕЛОПИЯ, имя — с. 356 (примеч.).
П(Е)РЕДСЛАВА, имя — с. 47 (примеч.), 48, 241, 245–246, 253, 256, 261, 350, 353, 544, *593*.
Гл. II. Табл. № 10; Гл. VII. Табл. №№ 1, 3, 4, 6, 23; Экскурс 3. Табл. № 4.
П(Е)РЕДСЛАВА, лицо, упоминаемое в договорах с греками — с. 47 (примеч.), 241, 245.
Гл. VII. Табл. № 6.
П(Е)РЕДСЛАВА, дочь Владимира Святого, внучка Святослава, правнучка Игоря Рюриковича и Ольги — с. 48, 242, 245, 253, 336, 344, 345–346, 347, 348, 349, 350, 353.
Гл. II. Табл. № 10; Гл. VII. Табл. №№ 4, 6, 15; Экскурс 3. Табл. №№ 1, 3, 4.
П(Е)РЕДСЛАВА, дочь Георгия, внучка Всеслава, правнучка Брячислава Изяславича, святая — с. 176–177, 178, 180, 192, 194 (примеч.), 246, 251, 352, 353, 515, 527, 544, 548, 577, *593*, 596, 600, 607.
Гл. V. Табл. № 1; Гл. VII. Табл. №№ 6, 12; Экскурс 3. Табл. № 4.
П(Е)РЕДСЛАВА, дочь Рюрика, внучка Ростислава, правнучка Мстислава Владимировича Великого — с. 241, 245, 261, 262, 300.
Гл. VII. Табл. №№ 1, 3, 6, 23; Экскурс 1. Табл. №№ 18, 19.
◈ ее муж, см. РОМАН, сын Мстислава, внук Изяслава, правнук Мстислава Великого.
П(Е)РЕДСЛАВА, дочь Святополка, внучка Изяслава, правнучка Ярослава Владимировича Мудрого — с. 245.
Гл. VII. Табл. № 6.
◈ ее муж, см. АЛЬМОШ, сын Гезы I.
П(Е)РЕДСЛАВА («ЧЕРНИЦА»), дочь Святослава, внучка Ярослава (?), правнучка Святослава Ярославича (?) или дочь Святослава, внучка Владимира Мономаха (?), правнучка Всеволода Ярославича (?) — с. 245.
Гл. VII. Табл. № 6.
ПЕТР, имя — с. 114 (примеч.), 253 (примеч.), 325, 499, 502, 504, 561, 589, *593*, 603, 605, 621–622.
Гл. VII. Табл. №№ 7, 14.
→ См. также: ВЛАДИМИР, сын Игоря, внук Святослава, правнук Олега «Гориславича»; ВСЕВОЛОД, сын Мстислава Старого, внук Романа; ИГОРЬ, сын Олега «Гориславича», внук Святослава; СВЯТОПОЛК ОКАЯННЫЙ, сын Ярополка или Владимира Святого, внук Святослава; ЯРОПОЛК, сын Изяслава, внук Ярослава Мудрого; ЯРОПОЛК, сын Святослава, внук Игоря Рюриковича и княгини Ольги.
ПЕТР, святой — с. 184.
ПЕТР, апостол — с. 210, 386, 387 (примеч.), 496, 499, 504, 589, 619 (примеч.), 621.
ПЕТР ГАЛАТ, святой — с. 499.
ПЕТР КАПЕТОЛИЙСКИЙ, святой — с. 499.
ПЕТР, царевич казанский — с. 399, 401.
◈ его жена, см. ЕВДОКИЯ, дочь Ивана Великого.
ПЕТР БОРИСЛАВИЧ / БОРИСОВИЧ, боярин — с. 52–53 (примеч.).
ПЕТР МИХАЛКОВИЧ, сын Михалко, внук Гюряты (?), правнук Рог(волода) (Рагуила) (?), новгородец — с. 258, 326, 358.
Гл. VII. Табл. №№ 17, 18; Экскурс 4. Табл. № 3.
◈ его дочь, жена МСТИСЛАВА, сына Юрия Долгорукого.
ПИПИН (КОРОТКИЙ), король франков — с. 103 (примеч.).

ПЛАКИДА, имя — с. 544.
ПОГАНОПОЛК, именование Святополка Окаянного — с. 440.
ПОЗВИЗД, имя — с. 31, 47, *593*, 594 (примеч.).
ПОЗВИЗД, сын Владимира Святого, внук Святослава, правнук Игоря и Ольги — с. 47 (примеч.), *593*, 594 (примеч.).
ПОЛИКАРП, инок Киево-Печерского монастыря — с. 495.
ПОЛЮД, новгородский протопоп — с. 157 (примеч.).
ПОСТНИК, имя — с. 173 (дополн. к с. 129), 174 (дополн. к с. 129), 549–550, 560.
ПОТАПИЙ, святой — с. 147, 570.
ПРАСКОВЬЯ, имя — с. 383, 384, 385, 466–467, *594*.
Экскурс 6. Табл. №№ 1, 2.
→ См. также АЛЕКСАНДРА, дочь Брячислава.
ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА — с. 384.
◈ ее муж, см. ИВАН, сын Ивана Грозного.
ПРЕДСЛАВА, см. П(Е)РЕДСЛАВА
ПРЖЕМЫСЛ, князь чехов — с. 348 (примеч.).
◈ его жена, см. ЛИБУША
ПРИМИСЛАВ, имя — с. 51.
ПРОКОПИЙ, имя — с. 601 (примеч.), 622.
→ См. также ЯРОСЛАВ, сын Всеволода, внук Олега «Гориславича».
ПРОКОПИЙ, святой — с. 602, 622.
ПУБЬКСАРЬ (АПУБЬКАР) (?), имя, упоминаемое в договорах с греками — с. 64 (примеч.).
ПУТИЛА-СЕМЕН МИХАЙЛОВИЧ МИТРОФАНОВ, дьяк — с. 212 (примеч.).

Р

РАГУИЛ, имя — с. 361 (примеч.), 366.
Экскурс 4. Табл. №№ 2, 6, 7, 8.
→ См. также РОГВОЛОД
РАГУИЛ ДОБРЫНИЧ, сын Добрыни (?), внук Рагуила / Рогволода (?), правнук Ульва (?) или Эйлива (?) Рёгнвальдссона, тысяцкий — с. 363 (примеч.).
Экскурс 4. Табл. № 7.
РАТЬМИР, имя — с. 51.
РЕГИНОН ПРЮМСКИЙ, хронист — с. 591.
РЁГНВАЛЬД, сын шведского конунга Инги Старого, внук Стейнкеля, правнук Рёгнвальда Ульвссона, шурин Мстислава Великого — с. 45, 255 (примеч.), 361.
Гл. II. Табл. № 8; Экскурс 4.
Табл. №№ 6, 7, 8.
РЁГНВАЛЬД (СТАРЫЙ?), сын Ульва (?), шведский ярл в Ладоге — с. 65 (примеч.), 258, 357, 358, 359 (примеч.), 360, 361, 362, 363, 366, 572.
Гл. VII. Табл. № 17; Экскурс 4.
Табл. №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.
◈ его жена, см. АСТРИД, дочь Ньяля Косого.
◈ его жена, см. ИНГИБЬЁРГ, дочь Трюгтви.
◈ его мать — с. 357 (примеч.).
РИКИЦА (РИКСА), дочь Болеслава Кривоустого, внучка Владислава-Германа, правнучка Казимира Восстановителя — с. 58, 613 (примеч.).
◈ ее муж, см. ВОЛОДАРЬ (МИНСКИЙ), сын Глеба.
РИНГОЛЬТ, легендарный князь литовский.
Экскурс 5. Табл. № 6.
РОГВОЛОД (РЁГНВАЛЬД), имя — с. 45, 60, 61, 116 (примеч.), 255, 256, 268, 270, 271, 272, 273, 275, 276, 336 (примеч.), 338, 350, 353, 358, 361, 366, 451, 482, *594–595*.
Гл. II. Табл. №№ 9, 16; Гл. VII.
Табл. № 16; Экскурс 1. Табл. №№ 1, 3; Экскурс 4. Табл. №№ 2, 6, 7, 8.
→ См. также РАГУИЛ
РОГ(ВОЛОД) (РАГУИЛ?), сын Ульва (?) или Эйлива (?), внук Рёгнвальда (?), правнук Ульва (?), новгородец.
Экскурс 4. Табл. №№ 2, 3, 6, 7, 8.
РОГВОЛОД, князь полоцкий — с. 45, 255, 335, 336, 337, 338, 339, 342, 343, 345,

350, 353, 451, 595.
Гл. II. Табл. №№ 9, 16; Гл. VII.
Табл. №№ 7, 9, 16; Экскурс 1.
Табл. № 1; Экскурс 3. Табл. №№ 1, 3, 4; Экскурс 4. Табл. №№ 1, 4, 7, 8.
◈ его дочь, см. РОГНЕДА
◈ его жена — с. 337, 343.
◈ его сыновья — с. 336, 337, 339, 345.

РОГВОЛОД, сын Бориса, внук Всеслава, правнук Брячислава Изяславича — с. 61, 116 (примеч.), 269, 270, 271, 274 (примеч.), 275, 276 (примеч.), 482, 491, 492, 558, *594*.
Гл. II. Табл. № 16; Экскурс 1.
Табл. №№ 1, 2.
◈ его жена, дочь Изяслава, внучка Мстислава Великого, правнучка Владимира Всеволодича Мономаха — с. 269, 270.
Экскурс 1. Табл. №№ 1, 2.

РОГВОЛОД, сын Всеслава, внук Брячислава, правнук Изяслава Владимировича — с. 61, 114, 269, 272, 273, 274, 275, 480–481, 491, 492, 558, *594–595*.
Гл. II. Табл. № 16; Гл. IV. Табл. № 2; Экскурс 1. Табл. №№ 1, 2, 3; Экскурс 3. Табл. № 1.

*РОГВОЛОД РОГВОЛОДИЧ как сын Рогволода, внук Всеслава, правнук Брячислава Изяславича — с. 268, 269–276.
Экскурс 1. Табл. № 3.

РОГНЕДА, имя — с. 45, 51, 61, 253, 255, 256, 260, 336 (примеч.), 350, 351, 353, 366, 451, 467, 527, *595*.
Гл. II. Табл. № 9; Гл. VII.
Табл. №№ 16, 21; Экскурс 3.
Табл. № 4; Экскурс 4. Табл. № 8.

РОГНЕДА, дочь Мстислава Великого, внучка Владимира Мономаха, правнучка Всеволода Ярославича — с. 45, 255, 260, 351, 366, 367.
Гл. II. Табл. № 9; Гл. VII.
Табл. №№ 16, 21; Экскурс 3.
Табл. № 4; Экскурс 4. Табл. № 8.

РОГНЕДА, дочь Рогволода Полоцкого — с. 45, 48, 247, 249, 255, 330, 335–354, 366, 451, 467, 527, *595*.
Гл. II. Табл. №№ 9, 16; Гл. VII.
Табл. №№ 7, 9, 16; Экскурс 1.
Табл. № 1; Экскурс 3. Табл. №№ 1, 3, 4; Экскурс 4. Табл. №№ 1, 4, 7, 8; Экскурс 10. Табл. № 6.
◈ ее муж, см. ВЛАДИМИР СВЯТОЙ, сын Святослава.
◈ ее дочери — с. 336, 344.

РОДИОН, апостол — с. 211.

РОМАН, имя — с. 62 (примеч.), 70, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 122, 126 (примеч.), 149 (примеч.), 151, 168 (примеч.), 169 (примеч.), 172 (дополн. к с. 115), 173 (дополн. к с. 115), 209 (примеч.), 231, 271, 272, 278, 280 (примеч.), 285, 288, 289, 290, 294 (примеч.), 295 (примеч.), 325, 455, 456, 477–478, 481, 482, 492, 507 (примеч.), 521, 523, 524, 528, 530, 563 (примеч.), 569, 586, *595–599*, 609.
Гл. IV. Табл. №№ 1, 2, 4, 6, 21; Гл. VI.
Табл. № 10; Экскурс 1. Табл. №№ 2, 3, 5, 12, 13; Экскурс 6. Табл. № 2.
→ См. также БОРИС, сын Владимира Святого.

РОМАН СЛАДКОПЕВЕЦ, святой — с. 477, 599.

РОМАН ДИОГЕН IV, византийский император — с. 140.
Гл. IV. Табл. № 11.

РОМАН ЗАХАРЬИН, окольничий.
Гл. V. Табл. № 4.

РОМАН, сын Владимира Мономаха, внук Всеволода, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 117, 122, 126 (примеч.), 209 (примеч.), 455, 456, 507 (примеч.), 563 (примеч.), *595–596*.
Гл. IV. Табл. № 4.

РОМАН, сын Всеслава, внук Брячислава, правнук Изяслава Владимировича — с. 114, 172 (дополн. к с. 115), 271, 272, 523, 528, 595, *596*.
Гл. IV. Табл. № 2; Экскурс 1.
Табл. №№ 2, 3; Экскурс 3. Табл. № 1.

◈ его жена («княгиня Романовая») — с. 596.
РОМАН, сын Глеба, внук Ростислава, правнук Ярослава Святославича — с. 278, 280, 281, 282–283, 284, 285, 291 (примеч.), 523, 524, *596*, 597.
Экскурс 1. Табл. №№ 5, 7, 8, 9, 10, 11.
◈ его жена, дочь Святослава, внучка Всеволода, правнучка Олега Святославича — с. 281.
Экскурс 1. Табл. № 7.
◈ его сыновья (?)
Экскурс 1. Табл. №№ 8, 10.
РОМАН, сын Даниила, внук Романа, правнук Мстислава Изяславича — с. 168 (примеч.), *596–597*.
Гл. IV. Табл. № 21.
РОМАН, сын Игоря, внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича — с. 278, 279–280, 281 (примеч.), 282, 285, 288, 289, 290, 292, 294 (примеч.), *597*.
Экскурс 1. Табл. №№ 5, 8, 9, 10, 12, 13.
РОМАН, сын Ингваря, внук Игоря, правнук Глеба Ростиславича — с. 66, 287, 288, 289, 290, 294 (примеч.), 295 (примеч.), 523, *597*.
Экскурс 1. Табл. №№ 12, 13, 14.
РОМАН, сын Мстислава, внук Изяслава, правнук Мстислава Владимировича Великого — с. 69 (примеч.), 167 (примеч.), 168 (примеч.), 172 (дополн. к с. 115), 213 (примеч.), 259 (примеч.), 261, 262, 277, 299 (примеч.), 300 (примеч.), 319, 476, 492, 533, 567, 573, 584, 596, *597–598*, 618, 620.
Гл. IV. Табл. № 21; Гл. VII. Табл. №№ 1, 3, 6, 15, 20, 23; Экскурс 1. Табл. №№ 4, 17, 19, 20, 32; Экскурс 5. Табл. № 6.
◈ его первая жена, см. П(Е)РЕДСЛАВА, дочь Рюрика.
◈ его вторая жена, N.N., предположительно родом из Византии — с. 379, 568, 573.
*РОМАН, сын Мстислава Старого (?), внук Романа (?), правнук Ростислава Мстиславича (?) — с. 586 (примеч.).
РОМАН, сын Олега, внук Ингваря, правнук Игоря Глебовича.
Экскурс 1. Табл. № 11.
РОМАН, сын Ростислава, внук Мстислава Великого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 84 (примеч.), 85 (примеч.), 86, 91, 114 (примеч.), 149 (примеч.), 151 (примеч.), 172 (дополн. к с. 115), 231 (примеч.), 297, 306 (примеч.), 421, 463, 497 (примеч.), 504, 585–586, *598*.
Гл. III. Табл. № 4; Гл. IV. Табл. № 6; Экскурс 1. Табл. №№ 16, 18, 22; Экскурс 10. Табл. № 3.
◈ его жена, дочь Святослава, внучка Олега, правнучка Святослава Ярославича — с. 598.
РОМАН, сын Святослава, внук Ярослава Мудрого, правнук Владимира Святославича Святого — с. 96, 112, 113, 114, 115–116, 122, 530, *599*.
Гл. III. Табл. № 7; Гл. IV. Табл. №№ 1, 2.
РОСИСЛАВ, имя — с. 51, 55, 124.
РОСЛАВ, имя — с. 170 (примеч.).
РОСЛАВ (РОДИСЛАВ, РОДОСЛАВ), сын Олега Рязанского, внук Ивана, правнук Александра Михайловича Пронского — с. 170 (примеч.).
РОСТИСЛАВ, имя — с. 26, 27, 32, 41, 55, 97, 98, 145, 158, 166, 242, 263, 264, 274–275 (примеч.), 280, 282, 283 (примеч.), 284, 285, 302, 419, 421–422, 423, 424, 432, 567, 577, *599–602*, 603, 608, 617 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 13; Гл. III. Табл. №№ 8, 9; Гл. VII. Табл. №№ 2, 6, 24, 25; Экскурс 1. Табл. №№ 7, 9, 10, 20; Экскурс 3. Табл. № 4; Экскурс 10. Табл. № 4.
РОСТИСЛАВ, моравский правитель — с. 41.
*РОСТИСЛАВ, представитель полоцкого княжеского дома (?) — с. 274 (примеч.).
РОСТИСЛАВ, сын Владимира, внук Ярослава Мудрого, правнук Владимира

Святославича Святого — с. 15 (примеч.), 32, 55, 58, 59, 69, 98, 105 (примеч.), 115, 138, 422 (примеч.), 493, 553, 559, 591, *599*, 605.
Гл. I. Табл. № 1; Гл. II. Табл. №№ 1, 13, 15; Гл. III. Табл. № 9; Гл. IV. Табл. № 3; Гл. V. Табл. № 1; Гл. VII. Табл. №№ 4, 20, 23; Экскурс 1. Табл. №№ 4, 19; Экскурс 10. Табл. № 4.

РОСТИСЛАВ, сын Володаря, внук Ростислава, правнук Владимира Ярославича — с. 559.

РОСТИСЛАВ, сын Всеволода, внук Ярослава Мудрого, правнук Владимира Святославича Святого — с. 26, 27, 96 (примеч.), 98, 125 (примеч.), 191, 422, 424 (примеч.), *599–600*, 605.
Гл. I. Табл. № 3; Гл. II. Табл. № 1; Гл. III. Табл. № 9; Гл. IV. Табл. № 12; Экскурс 10. Табл. № 4.

РОСТИСЛАВ, сын Всеслава, внук Брячислава, правнук Изяслава Владимировича — с. 114, 274, 515, 527 (примеч.), 593 (примеч.), *600*, 607.
Гл. IV. Табл. № 2; Гл. V. Табл. № 1; Гл. VII. Табл. № 6; Экскурс 1. Табл. №№ 2, 3; Экскурс 3. Табл. №№ 1, 4.
→ См. также ГЕОРГИЙ, сын Всеслава.

РОСТИСЛАВ, сын Давыда, внук Святослава, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 97, 98.
Гл. III. Табл. №№ 8, 9.

РОСТИСЛАВ, сын Михаила, внук Всеволода Чермного, правнук Святослава Всеволодича — с. 424.
Экскурс 10. Табл. № 4.

РОСТИСЛАВ, сын Мстислава, внук Давыда, правнук Ростислава Мстиславича — с. 585 (примеч.), 617.

РОСТИСЛАВ, сын Мстислава Великого, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 21 (примеч.), 26, 27, 32, 75, 78 (примеч.), 84, 92 (примеч.), 151 (примеч.), 184 (примеч.), 191, 263, 296, 300, 302, 409 (примеч.), 420, 421–422, 423, 424, 428, 432, 443 (примеч.), 463, 475, 491, 500, 504, 517, 529, 530, 544, 571, 574, 577, 582–583, 584, 585, 586, 598, *600–601*, 602, 603, 609, 617 (примеч.).
Гл. I. Табл. № 3; Гл. II. Табл. № 1; Гл. III. Табл. №№ 1, 4, 9; Гл. IV. Табл. №№ 6, 12, 14, 21; Гл. V. Табл. №№ 1, 2; Гл. VII. Табл. №№ 1, 2, 3, 6, 10, 22, 23, 24, 25, 26; Экскурс 1. Табл. №№ 6, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 31; Экскурс 5. Табл. № 1; Экскурс 9. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. №№ 1, 2, 3, 4, 7, 8; Экскурс 11. Табл. №№ 1, 3.

РОСТИСЛАВ, сын Мстислава, внук Изяслава, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 27.
Гл. I. Табл. № 3.

РОСТИСЛАВ, сын Мстислава Старого, внук Романа, правнук Ростислава Мстиславича — с. 585.

РОСТИСЛАВ, сын Рогволода (?), внук Бориса (?), правнук Всеслава Брячиславича (?) — с. 274–275 (примеч.).
Экскурс 1. Табл. № 3.

РОСТИСЛАВ (?) (ЯРОСЛАВ ?), сын Романа (?), внук Глеба (?), правнук Ростислава Святославича (?) — с. 278, 280, 281 (примеч.), 282, 283–284, 285, 292.
Экскурс 1. Табл. №№ 5, 9.
→ См. также РОСТИСЛАВ (?) (ЯРОСЛАВ ?), сын Святослава (?) или Романа (?), внук Глеба (?), правнук Ростислава Святославича (?)

РОСТИСЛАВ, сын Рюрика, внук Ростислава, правнук Мстислава Владимировича Великого — с. 27, 179, 191, 249, 258, 261, 262, 263, 264, 299, 300, 301 (примеч.), 369, 422, 423, 428, 429, 432, 495, 544–545, 577, 600, *601*, 603 (примеч.).
Гл. V. Табл. № 2; Гл. VII. Табл. №№ 10, 18, 24, 25; Экскурс 1.

Табл. №№ 18, 19, 21; Экскурс 5.
Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. №№ 4, 7, 8.
◈ его жена, см. ВЕРХУСЛАВА, дочь Всеволода Большое Гнездо.

РОСТИСЛАВ (?) (ЯРОСЛАВ ?), сын Святослава (?), внук Глеба (?), правнук Ростислава Святославича (?) — с. 278, 280, 281 (примеч.), 282, 283–284, 285, 292.
Экскурс I. Табл. №№ 5, 7, 9, 10.
→ См. также РОСТИСЛАВ (?) (ЯРОСЛАВ ?), сын Романа (?), внук Глеба (?), правнук Ростислава Святославича (?)

РОСТИСЛАВ, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 80 (примеч.), 144 (примеч.), 145, 153, 166, 424 (примеч.), 587, 589 (примеч.), *601*, 622.
Гл. IV. Табл. №№ 12, 13, 16, 20;
Гл. VII. Табл. № 17; Экскурс 4.
Табл. № 3; Экскурс 10. Табл. № 4.

РОСТИСЛАВ, сын Ярослава, внук Всеволода, правнук Олега Святославича — с. 158, 242, 263, 264, 423, 567, *601–602*.
Гл. VII. Табл. №№ 24, 25; Экскурс 10.
Табл. № 4.
◈ его жена, см. ВСЕСЛАВА, дочь Всеволода Большое Гнездо.

РОСТИСЛАВ, сын Ярослава, внук Святослава, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 97, 98, 263 (примеч.), 284, 321 (дополн. к с. 315), 513, 515, 517, 518, 519, 523, 531, 566, 569, 577, 596, 597.
Гл. II. Табл. № 17; Гл. III. Табл. №№ 8, 9; Гл. VII. Табл. № 25; Экскурс 1.
Табл. №№ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 23, 30.

РОСТИСЛАВА, имя — с. 242, 245, 257, 262, 302, 475, 544, *602–603*, 619.
Гл. VII. Табл. №№ 2, 22; Экскурс 1.
Табл. № 20.

РОСТИСЛАВА, дочь Мстислава Удатного, внучка Мстислава Храброго, правнучка Ростислава Мстиславича — с. 167 (примеч.), 175, 176, 177, 242, 262, 301, 302, 303 (примеч.), 307 (примеч.), 317, 318, 414, 417 (примеч.), 465, 466 (примеч.), 475, 544, *602–603*.
Гл. IV. Табл. № 21; Гл. V. Табл. №№ 1, 2; Гл. VII. Табл. №№ 2, 22; Экскурс 1.
Табл. №№ 20, 24, 25, 31; Экскурс 9.
Табл. № 1.
◈ ее муж, см. ЯРОСЛАВ, сын Всеволода Большое Гнездо.

РУЛАВ, имя, упоминаемое в договорах с греками — с. 42.

РУПЕРТ ИЗ ДОЙЦА, аббат, автор «Похвального слова св. Пантелеймону» — с. 581 (примеч.).

РУСИН, имя — с. 327.

РУСИН ЛИХАЧЕВ СЫН — с. 327.

РЮАРЬ, имя, упоминаемое в договорах с греками — с. 64 (примеч.).

РЮРИК, имя — с. 11, 15 (примеч.), 32, 41 (примеч.), 43, 59, 105 (примеч.), 115 (примеч.), 482, *603*.
Гл. IV. Табл. № 3.

РЮРИК, основатель княжеской династии Рюриковичей — с. 15 (примеч.), 30, 46, 59, 178 (примеч.), 501, 622.
Гл. II. Табл. № 1; Гл. III. Табл. № 8;
Гл. VII. Табл. № 4; Экскурс 11.
Табл. № 1.

РЮРИК, сын Ростислава, внук Владимира, правнук Ярослава Владимировича Мудрого, князь перемышльский — с. 15 (примеч.), 32, 59, 105 (примеч.), 115 (примеч.).
Гл. I. Табл. № 1; Гл. II. Табл. №№ 1, 15; Гл. IV. Табл. № 3; Экскурс 1.
Табл. № 4.

РЮРИК, сын Ростислава, внук Мстислава Великого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 27, 32, 59, 84, 85, 91, 116 (примеч.), 179, 180, 183 (примеч.), 191, 241, 242, 245, 261, 262, 263, 264, 278, 281, 297, 299–300, 369, 423, 427, 428, 429, 475, 482, 499, 500, 527, 535, 544, 571, 577, 578, 600, 601, *603*.
Гл. II. Табл. № 1; Гл. III. Табл. № 4;
Гл. V. Табл. № 2; Гл. VII. Табл. №№ 1, 2, 3, 6, 10, 18, 23, 24, 25, 26; Экскурс 1.

Табл. №№ 6, 15, 16, 18, 19, 21; Экскурс 5. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. №№ 4, 7, 8.
◈ его жена, см. АННА, дочь Юрия, внучка Ярослава.

С

САВВА, имя — с. 470, *604*.
→ См. также: АНДРЕЙ, сын Владимира Храброго; СЕМЕН, сын Владимира Храброго.
САКСОН ГРАММАТИК, датский хронист — с. 613.
САЛОМЕЯ, дочь графа Генриха — с. 249 (примеч.), 254.
◈ ее муж, см. БОЛЕСЛАВ КРИВОУСТЫЙ
СБЫСЛАВ (СОБЕСЛАВ, СОБЫСЛАВ) — с. 244.
СБЫСЛАВ (СОБЫСЛАВ) ЖИРОСЛАВИЧ, дружинник Мстислава Изяславича — с. 244.
СБЫСЛАВ СТАНИСЛАВИЧ, галицкий боярин — с. 244.
СБЫСЛАВ, новгородец, упоминающийся в берестяных грамотах — с. 244.
→ См. также СБЫШКА (СБЫСЛАВ?) ВОЛОСОВИЧ
СБЫСЛАВ СТЕПАНИЧ, новгородец — с. 244.
СБЫСЛАВ ЯКУНОВИЧ, новгородец — с. 244.
СБЫСЛАВА, имя — с. 183, 244, 245, 253, 593, *604*.
Гл. VII. Табл. № 5.
СБЫСЛАВА, дочь Всеволода Большое Гнездо, внучка Юрия Долгорукого, правнучка Владимира Всеволодича Мономаха — с. 150 (примеч.), 183, 244, 257, 261, 300 (примеч.), 593, *604*.
Гл. IV. Табл. № 15; Гл. VII. Табл. №№ 5, 22; Экскурс 1. Табл. № 19.
СБЫСЛАВА, дочь Святополка, внучка Изяслава, правнучка Ярослава Владимировича Мудрого — с. 244.
Гл. VII. Табл. № 5.
◈ ее муж, см. БОЛЕСЛАВ КРИВОУСТЫЙ, сын Владислава.
СБЫШКА (СБЫСЛАВ?) ВОЛОСОВИЧ, новгородец — с. 244.
СВЕЙН, имя — с. 313.
Экскурс 1. Табл. № 27.
СВЕЙН, сын Свейна, внук Эстрид-Маргареты и ярла Ульва, правнук Свейна Харальдссона Вилобородого — с. 313.
Экскурс 1. Табл. № 27.
СВЕЙН-ОТТО(Н) (ВИЛОБОРОДЫЙ), сын Харальда Синезубого, внук Горма Старого, конунг Дании и Англии — с. 41.
Гл. II. Табл. № 9; Гл. VII. Табл. № 4.
◈ его жена, см. СИГРИД ГОРДАЯ
СВЕЙН-ПЕТР (ГРАТЕ), внебрачный (?) сын Эйрика Незабвенного, внук Эйрика Доброго, правнук Свейна-Магнуса Эстридссона, конунг Дании — с. 247 (примеч.).
Гл. VII. Табл. № 7.
СВЕЙН-МАГНУС, сын Эстрид-Маргареты, внук Свейна-Отто(на) Вилобородого, правнук Харальда Синезубого, конунг Дании — с. 313, 332, 367.
Гл. VII. Табл. № 16; Экскурс 1. Табл. № 27; Экскурс 4. Табл. № 9.
СВЕРРИР-МАГНУС, сын (?) Сигурда Рта, внук (?) Харальда Гилли, правнук (?) Магнуса Олавссона Голоногого, конунг Норвегии — с. 311.
Экскурс 1. Табл. №№ 25, 28.
СВЯТОПЛУК, моравский правитель — с. 41, 50.
СВЯТОПОЛК, имя — с. 11, 27, 28, 41, 49, 50, 51, 54, 253 (примеч.), 270, 272, 380, 408, 431, 440, 451, 452, 577, *604–606*.
Гл. II. Табл. №№ 10, 11, 12; Гл. VII. Табл. № 14; Экскурс 11. Табл. № 1.
СВЯТОПОЛК, сын Мешко I — с. 50.
СВЯТОПОЛК, сын Изяслава, внук Ярослава Мудрого, правнук Владимира Святославича Святого — с. 22, 23, 27, 28, 50, 96, 97, 180–181, 191, 209 (при-

меч.), 244, 245, 253 (примеч.), 270, 272, 362 (примеч.), 408 (примеч.), 422, 424 (примеч.), 431, 438 (примеч.), 440 (примеч.), 519, 526, 527, 561, 565, 577, 587, 591, 599, *604–605*, 625.
Гл. I. Табл. №№ 2, 3; Гл. II. Табл. №№ 11, 12; Гл. III. Табл. № 7; Гл. IV. Табл. № 5; Гл. VII. Табл. №№ 5, 6, 7, 8, 14, 24; Экскурс 1. Табл. № 19; Экскурс 5. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. № 4.

СВЯТОПОЛК, сын Мстислава Великого, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 27, 50, 379, 582, *605*.
Гл. I. Табл. № 3; Гл. II. Табл. №№ 11, 12; Экскурс 5. Табл. № 6.
◈ его жена, N.N., из Моравии — с. 379.
Экскурс 5. Табл. № 6.

СВЯТОПОЛК, сын Юрия, внук Ярослава, правнук Святополка Изяславича — с. 50.
Гл. II. Табл. №№ 11, 12.

СВЯТОПОЛК (ОКАЯННЫЙ), сын Ярополка или Владимира Святого, внук Святослава, правнук Игоря Рюриковича и Ольги — с. 27, 49, 50, 147 (примеч.), 249, 253 (примеч.), 293, 338, 349, 440, 451, 452, 520, *605*.
Гл. II. Табл. № 10, 11; Гл. VII. Табл. № 14; Экскурс 3. Табл. №№ 1, 3; Экскурс 11. Табл. № 1.
◈ его жена, дочь польского короля Болеслава Великого, внучка Мешко I — с. 253 (примеч.), 349.
Гл. VII. Табл. № 14; Экскурс 3. Табл. № 3.

СВЯТОСЛАВ, имя — с. 17, 18, 22, 23, 32, 41, 43, 45–46, 48, 49, 55, 97, 99, 101, 102, 103, 104, 106, 117, 118, 121 (примеч.), 124, 133 (примеч.), 134, 145, 152 (примеч.), 155, 156 (примеч.), 158, 162, 166, 169, 172 (дополн. к с. 115), 186, 216, 230, 243, 256, 278, 281, 282, 284, 285, 369 (примеч.), 419, 424–425, 429, 432, 433–445, 448, 449, 451, 453, 457, 463, 475, 477, 478, 493 (примеч.), 521, 588, 591, *606–610*.
Гл. II. Табл. №№ 10, 13; Гл. III. Табл. №№ 8, 10, 11, 12; Гл. IV. Табл. №№ 13, 16; Гл. VII. Табл. №№ 4, 6; Экскурс 1. Табл. №№ 5, 7, 9; Экскурс 3. Табл. № 4; Экскурс 10. Табл. № 5; Экскурс 11. Табл. №№ 1, 3.

СВЯТОСЛАВ, сын Стефана Держислава, хорватский князь — с. 41.

СВЯТОСЛАВ, сын Владимира Мономаха, внук Всеволода, правнук Ярослава Владимировича Мудрого, князь переяславский — с. 16, 17, 18, 21, 22, 23, 80 (примеч.), 117, 118, 245 (примеч.), 493 (примеч.).
Гл. I. Табл. №№ 1, 2; Гл. IV. Табл. № 4; Гл. VII. Табл. № 6.

СВЯТОСЛАВ, сын Владимира Святого, внук Святослава, правнук Игоря Рюриковича и Ольги — с. 16–17, 22, 23, 48, 451.
Гл. I. Табл. № 1; Гл. II. Табл. № 10.

СВЯТОСЛАВ, сын Владимира, внук Давыда, правнук Святослава Ярославича — с. 102, 103, 104.
Гл. III. Табл. № 10.
◈ его жена, дочь Андрея Боголюбского, внучка Юрия Долгорукого, правнучка Владимира Всеволодича Мономаха — с. 102,

СВЯТОСЛАВ, сын Всеволода, внук Олега, правнук Святослава Ярославича — с. 99, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 191, 243, 252, 260, 281, 299 (примеч.), 373, 462, 492 (примеч.), 501, 504, 505, 525, 529, 578, 587, 590, *606*, 619.
Гл. III. Табл. №№ 10, 12; Гл. VII. Табл. №№ 4, 13, 21; Экскурс 1. Табл. № 7; Экскурс 5. Табл. № 4; Экскурс 10. Табл. № 4.
◈ его дочь, жена РОМАНА, сына Глеба, внука Ростислава.
◈ его жена, дочь Василия, внучка Святослава (?) или Рогволода (???),

правнучка Всеслава Брячиславича — с. 492 (примеч.).
СВЯТОСЛАВ, сын Всеволода Большое Гнездо, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 88, 145, 155, 156, 157–158, 162, 166, 187, 213 (примеч.), 305, 306, 369 (примеч.), 371, 388 (примеч.), 415 (примеч.), 443 (примеч.), 506, 508, 513, *606*.
Гл. III. Табл. № 5; Гл. IV. Табл. № 13, 16, 17; Экскурс 1. Табл. № 22; Экскурс 5. Табл. № 2; Экскурс 11. Табл. № 3.
СВЯТОСЛАВ, сын Всеслава, внук Брячислава, правнук Изяслава Владимировича — с. 114, 135, 274, 275, 472, 493, 515, 527 (примеч.), 576, 593 (примеч.), 600, *607*.
Гл. II. Табл. № 16; Гл. IV. Табл. №№ 2, 10; Гл. V. Табл. № 1; Гл. VII. Табл. № 6; Экскурс 1. Табл. №№ 2, 3; Экскурс 3. Табл. №№ 1, 4; Экскурс 10. Табл. № 6.
→ См. также ГЕОРГИЙ, сын Всеслава.
СВЯТОСЛАВ, сын Глеба, внук Ростислава, правнук Ярослава Святославича — с. 278, 280–281, 282, 283, 284 (примеч.), 285, 291 (примеч.).
Экскурс 1. Табл. №№ 5, 7, 8, 9, 10, 11.
◈ его сыновья (?)
Экскурс 1. Табл. № 8.
СВЯТОСЛАВ («СВЯТОША»), сын Давыда, внук Святослава, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 17 (примеч.), 97, 99, 102, 103, 123 (примеч.), 369 (примеч.), 425, 432, 441, 442, 443, 444, 445 (примеч.), 588, *607*, 609.
Гл. III. Табл. №№ 8, 10; Экскурс 10. Табл. № 5; Экскурс 11. Табл. №№ 1, 3.
◈ его дочь, жена ВСЕВОЛОДА, сына Мстислава Великого.
СВЯТОСЛАВ, сын Ивана, внук Александра, правнук Глеба Ростиславича, князь смоленский — с. 230, 383 (примеч.).
СВЯТОСЛАВ, сын Игоря и Ольги, внук Рюрика — с. 41, 42, 45, 46, 47, 48, 49 50 (примеч.), 55, 249, 330, 343 (примеч.), 360 (примеч.), 435, 436, 437, 438, 444, 445 (примеч.), 446, 452, 477, 482, 501, 502, 507, 508, 520, 541, 543, 563, 564, 565, 580, 593, 605, 609, 622, 623.
Гл. I. Табл. № 1; Гл. II. Табл. №№ 1, 8, 9, 10, 11; Гл. III. Табл. №№ 8, 12; Гл. VII. Табл. №№ 4, 6, 7, 9, 14, 15; Экскурс 3. Табл. №№ 1, 4; Экскурс 4. Табл. №№ 1, 4, 5; Экскурс 11. Табл. №№ 1, 3.
СВЯТОСЛАВ, сын Игоря, внук Святослава, правнук Олега Святославича — с. 104, 242, 425, 463, 475, *608*.
Гл. III. Табл. № 10; Экскурс 10. Табл. № 5.
◈ его жена, см. ЯРОСЛАВА, дочь Рюрика.
*СВЯТОСЛАВ (???), сын Изяслава (???), внук Ярослава Мудрого (???), правнук Владимира Святославича Святого (???) — с. 245 (примеч.).
СВЯТОСЛАВ, сын Мстислава, внук Изяслава, правнук Мстислава Владимировича Великого — с. 319.
Экскурс 1. Табл. № 32.
СВЯТОСЛАВ, сын Олега, внук Святослава, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 17 (примеч.), 97, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105 (примеч.), 106, 110 (дополн. к с. 81), 120, 188, 189, 258, 368 (примеч.), 375 (примеч.), 425, 426, 427, 432, 499, 508, 562, 574, 588, 589, 590, *608–609*.
Гл. III. Табл. №№ 8, 10, 12; Гл. IV. Табл. № 6; Гл. V. Табл. № 3; Гл. VII. Табл. № 19; Экскурс 10. Табл. № 5.
◈ его первая жена, дочь половецкого князя Аепы, внучка Гиргеня.
Гл. VII. Табл. № 19.
◈ его вторая жена.
Гл. VII. Табл. № 19.
◈ его дочь, жена РОМАНА, сына Ростислава.
СВЯТОСЛАВ, сын Олега, внук Святослава, правнук Олега Святославича —

с. 103, 104, 114, 121 (примеч.), 172 (дополн. к с. 115), 425, 477, 520 (примеч.), 521, 524 (примеч.), *609*.
Гл. III. Табл. №№ 10, 11, 12; Гл. IV. Табл. № 6; Экскурс 10. Табл. № 5.

СВЯТОСЛАВ, сын Ростислава, внук Мстислава Великого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 183 (примеч.), *609*.
Гл. III. Табл. № 4; Экскурс 1. Табл. № 18.

СВЯТОСЛАВ как сын Романа (?) или Ярослава (??) или Всеволода (???), внук Глеба (?), правнук Ростислава Ярославича (?) — с. 278, 280, 282, 284, 285 (примеч.), 292.
Экскурс 1. Табл. №№ 5, 9.
→ См. также *СВЯТОСЛАВ СВЯТОСЛАВИЧ

*СВЯТОСЛАВ СВЯТОСЛАВИЧ как сын Святослава, внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича — с. 278–285.
Экскурс 1. Табл. №№ 5, 7.

СВЯТОСЛАВ, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 145, 155, 156, 158, 369 (примеч.), 440–441, 443.
Гл. IV. Табл. №№ 13, 16; Экскурс 5. Табл. № 2; Экскурс 11. Табл. №№ 1, 3.

СВЯТОСЛАВ, сын Ярослава Мудрого, внук Владимира Святого, правнук Святослава Игоревича — с. 15, 17, 18, 23, 28 (примеч.), 55, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 102, 104, 105 (примеч.), 106 (примеч.), 108, 114, 118, 121, 172 (дополн. к с. 115), 191, 209 (примеч.), 245 (примеч.), 252, 263 (примеч.), 285, 321 (дополн. к с. 315), 424, 425, 426, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 481–482, 502 (примеч.), 504, 513, 518, 519, 523, 524–525, 530–531, 561, 562, 564, 574, 590–591, 599, 606, 607, 608, *609–610*, 622, 625.
Гл. I. Табл. №№ 1, 2; Гл. II. Табл. №№ 12, 13, 17; Гл. III. Табл. №№ 7, 8, 9, 10, 11, 12; Гл. IV. Табл. №№ 1, 2, 6; Гл. V. Табл. № 3; Гл. VII. Табл. №№ 4, 6, 12, 13, 19, 21, 24, 25; Экскурс 1. Табл. №№ 5, 6, 7, 8, 11, 12, 13, 14, 23, 30; Экскурс 3. Табл. № 4; Экскурс 4. Табл. № 1; Экскурс 5. Табл. № 4; Экскурс 10. Табл. №№ 4, 5; Экскурс 11. Табл. №№ 1, 3.

СВЯТОСЛАВ, сын Ярослава, внук Святослава, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 97, 99, 102, 120, 245 (примеч.), 321 (дополн. к с. 315), 513, 517, 518 (примеч.), 531.
Гл. III. Табл. №№ 8, 10; Гл. VII. Табл. № 6; Экскурс 1. Табл. №№ 5, 8, 14, 30.

СВЯТОСЛАВ, сын Ярослава, внук Ярослава, правнук Всеволода Юрьевича Большое Гнездо — с. 164 (примеч.), 165 (примеч.), *610*.

СВЯТОСЛАВА, имя — с. 41, 243.
Гл. VII. Табл. № 4.

СВЯТОСЛАВА, дочь Свейна-Отто(на) Вилобородого, внучка Харальда Синезубого, правнучка Горма Старого — с. 41, 243.
Гл. II. Табл. № 9; Гл. VII. Табл. № 4.

СВЯТОША, имя (?) — с. 62, 441–442.

СЕВЕРИН, имя — с. 380 (примеч.), 620 (примеч.).

СЕМЕН, см. также СИМЕОН

СЕМЕН ЗОЛОТИЛОВ, мастер — с. 536, 555 (примеч.).

СЕМЕН, сын Александра (Олелько), внук Владимира, правнук Ольгерда — с. 333 (примеч.).

СЕМЕН (до крещения САИН БУЛАТ) БЕКБУЛАТОВИЧ, касимовский царевич — с. 327 (примеч.).

СЕМЕН, сын Владимира Храброго, внук Андрея, правнук Ивана Даниловича Калиты — с. 470.
Гл. VI. Табл. № 6.

СЕМЕН, сын Дмитрия, внук Константина, правнук Василия Михайловича Суздальского — с. 384 (примеч.).

◈ его жена, см. АЛЕКСАНДРА, княгиня.
СЕМЕН (ГОРДЫЙ), сын Ивана Калиты, внук Даниила, правнук Александра Ярославича Невского — с. 142 (примеч.), 182 (примеч.), 199 (примеч.), 203, 204, 207, 216, 222, 224, 225, 226, 387 (примеч.), 534, 572, *610–612*, 613.
Гл. VI. Табл. №№ 1, 3, 4; Экскурс 6. Табл. № 2.
◈ его третья жена, см. МАРИЯ, дочь Александра.
СЕМЕН, сын Мстислава Вяземского, внук N.N., правнук N.N. — с. 383 (примеч.).
◈ его жена, см. УЛЬЯНА, княгиня.
СЕМЕН, сын Семена Гордого, внук Ивана Калиты, правнук Даниила Александровича Московского — с. 216, 224, 225, 387 (примеч.), *612–613*.
Гл. VI. Табл. №№ 1, 4; Экскурс 6. Табл. № 2.
СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ, святой — с. 201 (примеч.), 204, 488.
СЁЛЬМУНД, сын Гейрмунда, внук Сэмунда, исландец — с. 37.
СИГВАТ, сын Торда, скальд — с. 360 (примеч.).
СИГЕРИХ, имя бургундского правителя — с. 34.
СИГИЗМУНД ГЕРБЕРШТЕЙН, австрийский дипломат — с. 200, 490.
СИГИМУНД, имя бургундского правителя — с. 34.
СИГМУНД, отец Сигурда Драконобойцы, героя цикла о Нифлунгах (Нибелунгах) — с. 36.
СИГРИД (ГОРДАЯ), дочь Скёгларр-Тости (?), согласно некоторым источникам, дочь Мешко I (???) или дочь Болеслава Храброго (???) — с. 41, 357.
Гл. II. Табл. № 9; Гл. VII. Табл. №№ 4, 17; Экскурс 4. Табл. №№ 2, 5, 6.
◈ ее первый муж, см. ЭЙРИК ПОБЕДОНОСНЫЙ, сын Бьёрна.
◈ ее второй муж, см. СВЕЙН ВИЛОБОРОДЫЙ, сын Харальда.
СИГУРД (КРЕСТНОСЕЦ), сын Магнуса Голоногого, внук Олава Тихого, правнук Харальда Сигурдарсона Сурового — с. 246 (примеч.), 366, 572.
Гл. VII. Табл. №№ 7, 9; Экскурс 1. Табл. № 25; Экскурс 4. Табл. № 9.
◈ его первая жена, см. МАЛЬ(М)ФРИД, дочь Мстислава Великого и Кристины.
◈ его вторая жена (?), см. ЦЕЦИЛИЯ
СИГУРД (ДРАКОНОБОЙЦА), сын Сигмунда, герой цикла о Нифлунгах (Нибелунгах) — с. 36.
СИГУРД (ВОСПИТАННИК МАРКУСА), сын Сигурда Рта, внук Харальда Гилли, правнук Магнуса Олавссона Голоногого — с. 314 (примеч.).
Экскурс 1. Табл. № 28.
СИГУРД (СВИНЬЯ), сын Хальвдана, внук Сигурда Хриси, правнук Харальда Хальвданарсона Прекрасноволосого.
Экскурс 1. Табл. № 26.
◈ его жена, см. АСТА, дочь Гудбранда Шишки.
СИГУРД (РОТ), сын Харальда Гилли, внук Магнуса Голоногого, правнук Олава Харальдссона Тихого, норвежский конунг — с. 314 (примеч.).
Экскурс 1. Табл. №№ 25, 28.
СИГУРД (ХРИСИ), сын Харальда Прекрасноволосого, внук Хальвдана Черного, правнук Гудрёда Хальвданарсона Великолепного.
Экскурс 1. Табл. № 26.
СИДОР, см. ИСИДОР
СИЛЬВЕСТР, монах Киево-Печерский, святой — с. 113 (примеч.).
СИЛЬВЕСТР, папа римский, святой — с. 113 (примеч.).
СИМЕОН (СЕМЕН), имя — с. 182 (примеч.), 196 (примеч.), 203, 207, 212 (примеч.), 216, 225, 326, 327 (примеч.), 425 (примеч.), 458, 503, *610–613*.
Гл. VI. Табл. №№ 1, 4.
→ См. также: ВСЕВОЛОД ГОРОДЕНСКИЙ, сын Давыда, внук Игоря; СВЯ-

ТОСЛАВ, сын Ярослава Мудрого, внук Владимира Святого.
СИМЕОН, святой — с. 217, 225, 226, 425 (примеч.), 458, 610.
СИМЕОН БОГОПРИИМЕЦ, святой — с. 225, 226, 387 (примеч.), 612–613.
Гл. VI. Табл. № 4; Экскурс 6.
Табл. № 2.
СИМЕОН СРОДНИК ГОСПОДЕНЬ, святой — с. 624.
СИМЕОН ИЕРУСАЛИМСКИЙ, святой — с. 182 (примеч.), 225, 611.
Гл. VI. Табл. № 4.
СИМЕОН СТОЛПНИК, святой — с. 182 (примеч.), 225, 226, 458, 611–612.
Гл. VI. Табл. № 4.
СИМЕОН, царь болгарский — с. 610.
СИМОН, см. также ШИМОН
СИМОН, епископ суздальский и владимирский, автор «Послания Симона к Поликарпу» — с. 369, 443 (примеч.), 495.
СКУРАТ, имя — с. 325, 327.
СКУРАТ, отец Малюты — с. 327.
СЛУДЫ, посол (?)-родич (?) Игоря, лицо, упоминаемое в договоре с греками — с. 38 (примеч.), 39 (примеч.).
СМАРАГД (ИЗМОРАГДЪ, ИЗМАРАГД), имя — с. 179, 180 (примеч.), 197, 200, 544–545, 551–553, *564*, 567, 593 (примеч.), *613*, 614.
Гл. V. Табл. №№ 2, 4; Экскурс 1.
Табл. №№ 18, 19, 21.
→ См. также: ЕВФРОСИНИЯ, дочь Ростислава; ИВАН ГРОЗНЫЙ, сын Василия.
СМАРАГД, святой — с. 200 (примеч.).
СНОРРИ, сын Снорри Годи, исландец — с. 310 (примеч.).
СНОРРИ СТУРЛУСОН, исландский скальд и политический деятель, автор «Круга Земного» и «Младшей Эдды» — с. 312 (примеч.), 341, 357 (примеч.), 360 (примеч.).
СНОРРИ (ТОРГРИМ) (ГОДИ), сын Торгрима, знатный исландец — с. 310 (примеч.).
СОБЕСЛАВ, имя — с. 244.
СОБЕСЛАВ, см. также СБЫСЛАВ
СОБЕСЛАВ I, чешский князь — с. 244.
СОБЕСЛАВ II, чешский князь — с. 244.
СОБЫСЛАВ, новгородец, упоминающийся в берестяных грамотах — с. 244.
СОЗОНТ, имя — с. 182 (примеч.), 203, 204, 207, 225, 610–612, *613*.
Гл. VI. Табл. № 4.
→ См. также СЕМЕН ГОРДЫЙ, сын Ивана Калиты.
СОЗОНТ, святой — с. 142 (примеч.), 182 (примеч.), 203, 207, 225, 611–612.
Гл. VI. Табл. № 4.
СОЛОМОН, царь ассирийский — с. 437, 438 (примеч.).
СОЛОМОНИЯ САБУРОВА — с. 488.
◈ ее муж, см. ВАСИЛИЙ, сын Ивана Великого.
СОФИЯ, имя — с. 464 (примеч.), *613–614*.
СОФИЯ, святая — с. 16 (примеч.), 165 (примеч.), 192, 306, 432, 464, 552 (примеч.), 558 (примеч.), 562, 608, 614, 616.
СОФЬЯ (?), бабка (?) тверского князя Александра Михайловича — с. 464.
СОФЬЯ, дочь Витовта — с. 333 (примеч.).
◈ ее муж, см. ВАСИЛИЙ, сын Дмитрия Донского.
СОФЬЯ, дочь Володаря Минского, внучка Глеба, правнучка Всеслава Брячиславича — с. 58, *613*.
◈ ее муж, см. ВАЛЬДЕМАР ВЕЛИКИЙ, сын Кнута Лаварда.
СОФЬЯ (ПАЛЕОЛОГ), дочь Фомы Палеолога — с. 201, 233, 397–403, 487, 488, 516, 546 (примеч.), 551, 557, *613*.
Гл. VI. Табл. №№ 2, 9; Экскурс 8.
Табл. №№ 1, 2.
◈ ее муж, см. ИВАН ВЕЛИКИЙ, сын Василия Темного.
СОФЬЯ, дочь Ярослава, внучка Ярослава, правнучка Всеволода Юрьевича Большое Гнездо — с. 165 (примеч.), 464 (примеч.), *613–614*, 626.
СПИРИДОН, архиепископ новгородский — с. 466 (примеч.).

СТАНИМИР, имя — с. 51
СТАНИСЛАВ, имя — с. 48, 134 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 10.
СТАНИСЛАВ, сын Владимира Святого, внук Святослава, правнук Игоря Рюриковича и Ольги — с. 48, 594 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 10.
СТАХИЙ, имя — с. 512.
Гл. V. Табл. № 4.
→ См. также ГЕОРГИЙ, сын Василия, внук Ивана Великого.
СТАХИЙ, апостол — с. 201 (примеч.), 512.
СТЕЙНКЕЛЬ, сын Рёгнвальда, конунг Швеции — с. 39, 359, 360, 361, 572, 573.
Гл. II. Табл. № 8; Гл. VII. Табл. №№ 9, 16; Экскурс 4. Табл. №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9.
◈ его жена (?), дочь (?) Эймунда Старого, внучка Олава Шведского, правнучка Эйрика Победоносного.
Гл. II. Табл. № 8; Гл. VII. Табл. № 9; Экскурс 4. Табл. № 5.
СТЕЙНТОР, сын Олава, исландец — с. 311 (примеч.).
СТЕЙНТОР, сын Торлака, исландец — с. 37, 48 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 7.
СТЕПЕН (СТЕПАН?) МИЛЯТИЧ, боярин — с. 380.
СТЕФАН, имя — с. 193, 534 (примеч.), 621.
→ См. также ЯРОПОЛК, сын Изяслава, внук Мстислава Великого.
СТЕФАН, святой — с. 192, 193, 194 (примеч.), 621.
СТЕФАН, дьяк, информант летописца — с. 228 (примеч.).
СТЕФАН (ДЕРЖИСЛАВ), хорватский правитель — с. 41.
СТЕФАН, сын Мешко Старого и Елизаветы, внук Болеслава Кривоустого, правнук Владислава — с. 250.
Гл. VII. Табл. № 10.
СУДИСЛАВ, имя — с. 17 (примеч.), 25, 43 (примеч.), 48.
Гл. II. Табл. № 10.
СУДИСЛАВ, галицкий боярин — с. 25 (примеч.).
СУДИСЛАВ, сын Владимира Святого, внук Святослава, правнук Игоря Рюриковича и Ольги — с. 25, 48, 594 (примеч.).
Гл. I. Табл. № 1; Гл. II. Табл. № 10.
СФАНДР, имя — с. 241.
СФАНДР, лицо, упоминаемое в договорах с греками — с. 241.
СЭМУНД, исландец — с. 37.

Т

ТВОРИМИР, имя — с. 51, 457.
ТЕМРЮК, имя — с. 327 (примеч.).
ТЕОДЕГИЗЛЬ, сын Теодехада, внук Амалафреды, правнук Теодемира, правителя восточных готов — с. 33, 450.
Гл. II. Табл. № 4.
ТЕОДЕГОТО (ТИУДИГОТО), дочь Теодериха, внучка Теодемира, правителя восточных готов — с. 33, 450.
Гл. II. Табл. № 4.
ТЕОДЕМИР (ТИУДЕМЕР), правитель восточных готов — с. 33, 450.
Гл. II. Табл. № 4.
ТЕОДЕМУНД, сын правителя восточных готов Теодемира — с. 33, 450.
Гл. II. Табл. № 4.
ТЕОДЕНАНТИС, сын Теодехада, внук Амалафреды, правнук Теодемира, правителя восточных готов — с. 33, 450.
Гл. II. Табл. № 4.
ТЕОДЕРИХ, сын правителя восточных готов Теодемира — с. 33, 450.
Гл. II. Табл. № 4.
ТЕОДЕРИХ, сын Гензериха, внук Гундегизеля, правитель вандалов — с. 33.
Гл. II. Табл. № 3.
ТЕОДЕХАД, сын Амалфреды, внук правителя восточных готов Теодемира — с. 33, 450.
Гл. II. Табл. № 4.
ТИМОН, имя — с. 487.

ТИМОН, апостол — с. 487.
ТИМОФЕЙ, имя — с. 132, 172 (дополн. к с. 115), 173 (дополн. к с. 115), 197, 200, 201, 202, 460, 487, 489 (примеч.), 490, 504, 511, 516, 536, 537, 538, 541, 546, 550–551, 556, 558, *614*, 616, 619.
Гл. V. Табл. № 4; Гл. VI. Табл. № 1, 10.
→ См. также: ДОВМОНТ, князь псковский; ИВАН ВЕЛИКИЙ, сын Василия Темного.
ТИМОФЕЙ, апостол — с. 200 (примеч.), 201 (примеч.), 218, 234, 235, 236, 356 (примеч.), 510–511, 550–551.
Гл. VI. Табл. № 10.
ТИМОФЕЙ АКУНДИНОВ, самозванец — с. 200 (примеч.).
ТИРОН, имя — с. 173 (дополн. к с. 129).
ТИТ, имя — с. 172 (дополн. к с. 115), 197, 200, 202, 203, 204, 460, 490, 537, 551–552, 558, 567, 613, *614*, 616.
Гл. V. Табл. № 4.
→ См. также ИВАН ГРОЗНЫЙ, сын Василия.
ТИТ, апостол — с. 201 (примеч.), 203, 204, 218, 551.
ТИТМАР МЕРЗЕБУРГСКИЙ, хронист — с. 60 (примеч.), 346, 348.
ТОРАРИН, сын Торбарда, внук Торбьёрна, исландец — с. 37.
Гл. II. Табл. № 7.
ТОРБАРД, сын Торбьёрна, исландец — с. 37.
Гл. II. Табл. № 7.
ТОРБРАНД, сын Торбьёрна, исландец — с. 37.
Гл. II. Табл. № 7.
ТОРБЬЁРН, исландец — с. 37.
Гл. II. Табл. № 7.
ТОРБЬЁРН, исландец — с. 37.
Гл. II. Табл. № 7.
ТОРГЕЙР, сын Гейррёда, исландец — с. 48 (примеч.).
ТОРГИЛЬС, сын Торбарда, внук Торбьёрна, исландец — с. 37.
Гл. II. Табл. № 7.
ТОРГРИМ, имя — с. 310 (примеч.).
ТОРГРИМ (ГРИМ), сын Гримольва, исландец — с. 48 (примеч.).
ТОРД, сын Торда, исландец — с. 310–311 (примеч.).
ТОРД, сын Торда, внук Ингунн, исландец — с. 310 (примеч.).
ТОРИР, исландец, персонаж «Саги о Золотом Торире» — с. 46.
ТОРКАТЛА, дочь Кетильбьёрна, исландка — с. 48 (примеч.).
ТОРЛАК, исландец — с. 37, 48 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 7.
ТОРЛАУГ, дочь Сэмунда, исландка — с. 37.
ТОРУНН, жена Хельги Тощего, исландка — с. 48 (примеч.).
ТОРФИНН, сын Финнгейра, исландец — с. 48 (примеч.).
ТРИФОН, святой — с. 364.
ТРЮГГВИ, сын Олава, внук Харальда Прекрасноволосого, правнук Хальвдана Черного — с. 312, 367.
Гл. VII. Табл. № 17; Экскурс 1. Табл. № 26; Экскурс 3. Табл. № 2; Экскурс 4. Табл. №№ 6, 8.
ТУР, князь варяжский — с. 336 (примеч.), 337.
ТЬОДОЛЬВ ИЗ ХВИНИРА, скальд, автор «Перечня Инглингов» — с. 341.
ТЬОДРИК, монах, автор «Истории о древних норвежских королях» — с. 312 (примеч.), 566 (примеч.).

У

УАР, имя — с. 129 (примеч.), 197, 389–395, 460, 537–538, 551 (примеч.), *614*.
Гл. V. Табл. № 4; Экскурс 7. Табл. № 1.
→ См. также: ДМИТРИЙ, сын Ивана Грозного; ДМИТРИЙ УГЛИЧСКИЙ, сын Ивана Грозного.
УАР, святой — с. 129 (примеч.), 389–395, 537–538.
УИЛЬЯМ МАЛЬМСБЕРИЙСКИЙ, английский хронист — с. 35.
УЛИТА, см. ИУЛИТА

УЛЬВ, отец ярла Рёгнвальда — с. 357.
Гл. VII. Табл. № 17; Экскурс 4.
Табл. №№ 2, 3, 5, 6, 7, 8.
УЛЬВ, сын Рёгнвальда, внук Ульва, ярл в Ладоге — с. 361.
Гл. VII. Табл. № 17; Экскурс 4.
Табл. №№ 2, 3, 6, 7, 8.
УЛЬЯНА, см. также ИУЛИАНИЯ
УЛЬЯНА, княгиня — с. 383 (примеч.).
◈ ее муж, см. ВАСИЛИЙ, сын Владимира Храброго.
УЛЬЯНА, княгиня — с. 383 (примеч.).
◈ ее муж, см. ИВАН КАЛИТА, сын Даниила.
УЛЬЯНА, княгиня — с. 383 (примеч.).
◈ ее муж, см. СЕМЕН, сын Мстислава Вяземского.
УЛЬЯНА, дочь Дмитрия Палецкого-Щереды, внучка Федора, правнучка Ивана Палецкого Хруля — с. 383 (примеч.), 384 (примеч.).
◈ ее муж, см. ГЕОРГИЙ, сын Василия, внук Ивана Великого.
УЛЬЯНА, дочь Александра Тверского, внучка Михаила, правнучка Ярослава Ярославича — с. 383 (примеч.), 384 (примеч.).
◈ ее муж, см. ОЛЬГЕРД
УЛЬЯНА, дочь Андрея Большого, внучка Василия Темного, правнучка Василия Дмитриевича — с. 383 (примеч.).
УЛЬЯНА, дочь Михаила Холмского, внучка Дмитрия, правнучка Георгия Всеволодича Тверского — с. 206 (примеч.), 207 (примеч.), 383, 385, 482, 549, *614–615*.
Гл. V. Табл. № 4; Экскурс 6.
Табл. № 1.
◈ ее муж, см. БОРИС ВОЛОЦКИЙ, сын Василия Темного.
УЛЬЯНА, дочь Святослава, внучка Ивана, правнучка Александра Глебовича Смоленского — с. 383 (примеч.).
УЛЬЯНА, дочь Ярослава, внучка Всеволода Большое Гнездо, правнучка Юрия Владимировича Долгорукого — с. 383 (примеч.).
УСТИНА, см. ИУСТИНА
УТА, имя — с. 241.
УТА, лицо, упоминаемое в договорах с греками — с. 241.

Ф

ФАРЛОФ, имя, упоминаемое в договорах с греками — с. 42.
ФЕДОР, имя — с. 12 (примеч.), 26, 84 (примеч.), 85 (примеч.), 122 (примеч.), 125 (примеч.), 131–132 (примеч.), 132, 138, 145, 152, 153, 154, 155 (примеч.), 162, 164, 165, 166, 167, 169, 170, 171, 175, 184 (примеч.), 185, 186 (примеч.), 190, 195, 197, 199, 203, 209 (примеч.), 211, 212, 219, 232 (примеч.), 242 (примеч.), 270, 272, 297, 316, 317, 318 (примеч.), 366 (примеч.), 387, 388, 391 (примеч.), 404–418, 419, 420, 421, 423, 430, 432, 450, 457, 458, 461, 463, 464, 467, 468, 473, 474, 475, 476, 482, 485, 491, 492, 494, 495, 500, 503, 504, 514 (примеч.), 517, 529, 531, 533, 534, 535, 539, 542, 544, 554, 555, 556, 564, 565, 569, 571, 572, 573, 574, 577, 579, 580, 581–582, 583, 584–585, 586, 587, 588, 597, 598, 600, 601, 602, 603, 605, 609, 610, 613, *615–618*, 620, 621, 622, 623, 624, 626.
Гл. I. Табл. № 2; Гл. III. Табл. №№ 4, 5; Гл. IV. Табл. №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 16, 17, 19, 20, 21; Гл. V. Табл. №№ 1, 2; Гл. VI. Табл. №№ 3, 5, 7, 8; Гл. VII. Табл. №№ 1, 2, 22, 26; Экскурс 1. Табл. №№ 1, 16, 20, 24, 25, 29, 31; Экскурс 5. Табл. № 2; Экскурс 6. Табл. №№ 1, 2; Экскурс 9. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. №№ 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9.
→ См. также: ДМИТРИЙ, сын Константина, внук Василия; МСТИСЛАВ ВЕЛИКИЙ, сын Владимира Мономаха; МСТИСЛАВ, сын Давыда, внук Ростислава; МСТИСЛАВ, сын Давыда внук Ростислава; МСТИСЛАВ, сын Изяслава, внук Ярослава Мудрого;

МСТИСЛАВ, сын Изяслава, внук Мстислава Великого; МСТИСЛАВ УДАТНЫЙ, сын Мстислава Храброго; МСТИСЛАВ ХРАБРЫЙ, сын Ростислава, внук Мстислава Великого; МСТИСЛАВ БЕЗОКИЙ, сын Ростислава, внук Юрия Долгорукого; МСТИСЛАВ, сын Святополка, внук Изяслава; МСТИСЛАВ, сын Юрия Долгорукого; ЯРОПОЛК, сын Ростислава, внук Юрия Долгорукого; ЯРОСЛАВ, сын Всеволода Большое Гнездо.

ФЕДОР, святой — с. 153, 165 (примеч.), 170, 171, 184 (примеч.), 186 (примеч.), 190, 193 (примеч.), 268 (примеч.), 317 (примеч.), 404, 405, 406, 407, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 420 (примеч.), 423 (примеч.), 458, 504, 564, 581–582, 583, 584, 585, 586, 588, 598, 601, 605, 616, 618.

ФЕДОР ОСВЯЩЕННЫЙ, святой — с. 404.

ФЕДОР ПЕРГИЙСКИЙ, святой — с. 404, 405.

ФЕДОР СИКЕОТ, святой — с. 404, 405.

ФЕДОР СТРАТИЛАТ, святой — с. 152, 153 (примеч.), 170, 171, 186 (примеч.), 190, 317 (примеч.), 388, 391 (примеч.), 404, 405, 407, 408, 409, 410, 413, 418 (примеч.), 458, 552, 558 (примеч.), 581, 583, 615–616, 617, 618, 624.
Экскурс 6. Табл. № 2; Экскурс 7. Табл. № 1; Экскурс 9. Табл. № 1.

ФЕДОР ТИРОН, святой — с. 170, 171 (примеч.), 186 (примеч.), 190, 209 (примеч.), 219, 404, 405, 406, 407, 408, 410, 413, 418 (примеч.), 458, 557, 581, 583, 589, 607, 618, 622, 624.
Экскурс 9. Табл. № 1.

ФЕДОР ТРИХИН, святой — с. 404, 405.

ФЕДОР ЧУДОТВОРЕЦ, святой — с. 113 (примеч.), 317 (примеч.), 618.

ФЕДОР (ФЕДОРЕЦ), епископ ростовский — с. 131–132 (примеч.).

ФЕДОР ДАНИЛОВИЧ, боярин — с. 414.

ФЕДОР ДЕРМИН, иконописец — с. 616.

ФЕДОР (ДУРЕНЬ), сын Марфы Борецкой, новгородец — с. 331.

ФЕДОР НАГОЙ-НЕМОЙ, сын Михаила Нагого — с 575.

ФЕДОР (НАГОЙ), сын Федора Нагого-Немого — с. 575.

ФЕДОР, сын Андрея, внук Федора, правнук Василия Константиновича Ростовского — с. 232, 559, *615*.
Гл. VI. Табл. № 7.

ФЕДОР, сын Бориса Волоцкого, внук Василия Темного, правнук Василия Дмитриевича — с. 206 (примеч.), *615–616*.

ФЕДОР, сын Василия, внук Константина правнук Бориса Васильковича — с. 559, 568, 615.
Гл. VI. Табл. № 7.

ФЕДОР, сын Владимира Храброго, внук Андрея, правнук Ивана Даниловича Калиты.
Гл. VI. Табл. № 6.

ФЕДОР (КРАСНЫЙ), сын Даниила, внук N.N., правнук N.N., князь Острожский — с. 571.

ФЕДОР, сын Ивана Грозного, внук Василия, правнук Ивана Васильевича Великого — с. 384 (примеч.), 391 (примеч.), 394, 552, 558 (примеч.), *616–617*.
Экскурс 7. Табл. № 1.

ФЕДОР, сын Олега, внук Ивана, правнук Александра Михайловича (?) или Ивана Ивановича Коротопола (?) — с. 559.

ФЕДОР (ЧЕРНЫЙ), сын Ростислава, внук Мстислава Смоленского, правнук Давыда Ростиславича — с. 484, *617*.

ФЕДОР, сын Юрия, внук Игоря (?), правнук Глеба Ростиславича (?) или сын Юрия, внук Ингваря (?), правнук Игоря Глебовича (?) — с. 292, 560.
Экскурс 1. Табл. № 14.
◈ его жена, см. ЕВПРАКСИЯ, княгиня.

ФЕДОР, сын Ярослава, внук Всеволода Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича Долгорукого — с. 113 (примеч.), 164, 165, 166, 167, 169, 170,

171, 176, 268 (примеч.), 316, 317, 318, 409, 413–414, 415, 416, 417 (примеч.), 418, 457, 602, 603, *617–618*, 624, 626.
Гл. IV. Табл. № 19, 20; Гл. VI. Табл. №№ 3, 5; Экскурс 1. Табл. №№ 29, 31; Экскурс 9. Табл. № 1.

ФЕОДОРА, имя — с. 151 (примеч.), 183 (примеч.), *618–619*.
Гл. VII. Табл. № 23.

ФЕОДОРА ЕГИПЕТСКАЯ, святая — с. 183 (примеч.), 618.

ФЕОДОРА, жена византийского императора Феофила, святая — с. 150–151 (примеч.), 372, 619.

ФЕОДОРА, жена императора Юстиниана, святая — с. 619.

ФЕОДОРА, дочь Романа, внучка Мстислава, правнучка Изяслава Мстиславича — с. 69 (примеч.), 259 (примеч.), 262, 277, *618*.
Гл. VII. Табл. №№ 20, 23; Экскурс 1. Табл. № 4.
◈ ее муж, один из сыновей Владимира, сына Ярослава Осмомысла — с. 259 (примеч.), 262, 277.
Гл. VII. Табл. №№ 20, 23; Экскурс 1. Табл. № 4.

ФЕОДОРА, дочь Юрия, внучка Всеволода Большое Гнездо, правнучка Юрия Владимировича Долгорукого — с. 183 (примеч.), *618–619*,

ФЕОДОРИТ, имя — с. 617.
→ См. также ФЕДОР ЧЕРНЫЙ, сын Ростислава.

ФЕОДОСИЙ, имя — с. 204 (примеч.), 370 (примеч.), 439 (примеч.), 590, 617.
→ См. также: ОЛЕГ, сын Святослава, внук Всеволода, правнук Олега «Гориславича»; ОЛЕГ, сын Святослава, внук Олега «Гориславича»; ФЕДОР ЧЕРНЫЙ, сын Ростислава.

ФЕОДОСИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ, святой — с. 204 (примеч.).

ФЕОДОСИЙ ПЕЧЕРСКИЙ, святой — с. 204 (примеч.), 370 (примеч.), 439 (примеч.).

ФЕОДОСИЙ ВЯТКА, духовник Ивана Грозного — с. 553.

ФЕОДОСИЯ, имя — с. 167 (примеч.), 175, 176, 242 (примеч.), 262, 301, 307 (примеч.), 317, 318 (примеч.), 396–403, 417 (примеч.), 466 (примеч.), 475, 544, 602–603, *619*.
Гл. IV. Табл. № 21; Гл. V. Табл. №№ 1, 2; Гл. VI. Табл. № 9; Гл. VII. Табл. №№ 2, 22; Экскурс 1. Табл. №№ 20, 24, 25, 31; Экскурс 8. Табл. № 1; Экскурс 9. Табл. № 1.
→ См. также РОСТИСЛАВА, дочь Мстислава Удатного.

ФЕОДОСИЯ ТИРСКАЯ, святая — с. 400 (примеч.), 619.

ФЕОДОСИЯ ЦАРЕГРАДСКАЯ, святая — с. 400 (примеч.), 619.

ФЕОДОСИЯ, дочь Ивана Великого, внучка Василия Темного, правнучка Василия Дмитриевича — с. 396–403, *619*.
Гл. VI. Табл. № 9; Экскурс 8. Табл. № 1.
◈ ее муж, см. ВАСИЛИЙ ХОЛМСКИЙ, сын Даниила.

*ФЕОДОСИЯ (?), дочь Ивана Великого (?), внучка Василия Темного (?), правнучка Василия Дмитриевича (?) — с. 396–403, *619*.
Гл. VI. Табл. № 9; Экскурс 8. Табл. № 1.

ФЕОДОТ, святой — с. 575.

ФЕОДУЛИЯ, имя — с. 179 (примеч.), 544, 593 (примеч.), *619–620*.

ФЕОДУЛИЯ, дочь Михаила, внучка Всеволода Чермного, правнучка Святослава Всеволодича — с. 177, 179 (примеч.), 544, 545 (примеч.), 593 (примеч.), 602 (примеч.), *619–620*.

ФЕОФИЛ, византийский император — с. 150 (примеч.).

ФИЛИПП, апостол — с. 120, 514.

ФИНН (ИЗ ХАЛОГАЛАНДА) — с. 360. Экскурс 4. Табл. № 6.
◈ его жена, см. ГУННХИЛЬД, дочь ярла Хальвдана.

ФИННГЕЙР, исландец — с. 48 (примеч.).

ФЛАРЬ (ФЕЛАРЬ), имя — с. 64 (примеч.).
ФОКА, святой — с. 499.
ФОМА, имя — с. 172 (дополн. к с. 115), 197, 199, 202, 203, 232 (примеч.), 536, 537 (примеч.), 538 (примеч.), 539, 612 (примеч.), 615, *620*.
Гл. VI. Табл. № 8.
→ См. также ДМИТРИЙ, сын Константина, внук Василия.
ФОМА, апостол — с. 536, 537 (примеч.), 539.
ФОМА ПАЛЕОЛОГ, деспот — с. 546 (примеч.), 613.
Гл. VI. Табл. № 2; Экскурс 8.
Табл. № 2.
ФОМА, инок, автор похвального слова о князе Борисе Александровиче — с. 436 (примеч.).
ФРЕЛАВ, имя, упоминаемое в договорах с греками — с. 42.
ФРЕЙР, древнескандинавское божество — с. 360 (примеч.).
ФРИДРИХ, германский император — с. 397.
ФРОЛ, см. ФЛАРЬ

Х

ХАДУБРАНТ, сын Хильтибранта, героя древненемецкой «Песни о Хильдебранде» — с. 36.
Гл. II. Табл. № 6.
ХАДУВУЛЬФ, сын Херувульфа, автор-заказчик рунической надписи на камне из Истабю — с. 36.
Гл. II. Табл. № 6.
ХАКОН, сын Сверрира, внук (?) Сигурда Рта, правнук (?) Харальда Магнуссона Гилли, норвежский конунг — с. 311, 314, 316.
Экскурс 1. Табл. №№ 25, 28.
ХАКОН (СТАРЫЙ), сын Хакона, внук Сверрира, правнук (?) Сигурда Харальдссона Рта, норвежский король — с. 311, 314, 316, 475.
Экскурс 1. Табл. №№ 25, 28.
ХАКОН (МОЛОДОЙ), сын Хакона, внук Хакона, правнук Сверрира Сигурдарсона — с. 313–314, 316.
Экскурс 1. Табл. № 28.
ХАЛФ, конунг в «Саге о Вёльсунгах» — с. 53 (примеч.).
ХАЛЬВДАН, ярл — с. 361 (примеч.).
Экскурс 4. Табл. № 6.
◈ его жена, см. ИНГИБЬЁРГ, дочь Харальда Прекрасноволосого.
ХАЛЬВДАН (ЧЕРНЫЙ), сын конунга Гудрёда Великолепного и Асы, внук Хальвдана Щедрого на Золото и Скупого на Еду, правнук Эйстейна Хальвданарсона, норвежский конунг — с. 340, 341.
Экскурс 1. Табл. № 26; Экскурс 3.
Табл. № 2.
ХАЛЬВДАН, сын Сигурда Хриси, внук Харальда Прекрасноволосого, правнук Хальвдана Черного.
Экскурс 1. Табл. № 26.
ХАЛЬВДАН (ЩЕДРЫЙ НА ЗОЛОТО И СКУПОЙ НА ЕДУ), сын Эйстейна, внук Хальвдана Белая Кость, конунг из династии Инглингов.
Экскурс 1. Табл. № 26; Экскурс 3.
Табл. № 2.
ХАЛЬСТЕЙН, сын Стейнкеля, внук Рёгнвальда.
Гл. II. Табл. № 8.
ХАРАЛЬД (АРАЛЬТ), имя — с. 12 (примеч.), 450, 581, 615, *620*.
Гл. IV. Табл. № 4.
→ См. также МСТИСЛАВ ВЕЛИКИЙ, сын Владимира Мономаха.
ХАРАЛЬД, конунг, отец Асы — с. 340, 341.
Экскурс 3. Табл. № 2.
ХАРАЛЬД, сын Годвина, внук Вульфнота, английский король — с. 12 (примеч.), 14 (примеч.), 247, 450, 519, 581 (примеч.).
Гл. IV. Табл. № 4; Гл. VII. Табл. № 7.
ХАРАЛЬД (СИНЕЗУБЫЙ), сын Горма Старого, конунг, креститель Дании.
Гл. II. Табл. № 9; Гл. VII. Табл. № 4.

ХАРАЛЬД (ГРЕНЛАНДЕЦ), сын Гудрёда, внук Бьёрна Купца, правнук Харальда Хальвданарсона Прекрасноволосого — с. 312.
Экскурс 1. Табл. № 26.
◈ его жена, см. АСТА, дочь Гудбранда Шишки.
ХАРАЛЬД ГИЛЛИ, сын Магнуса Голоногого, внук Олава Тихого, правнук Харальда Сигурдарсона Сурового.
Экскурс 1. Табл. №№ 25, 28.
ХАРАЛЬД (СУРОВЫЙ), сын Сигурда Свиньи, внук Хальвдана, правнук Сигурда Харальдссона Хриси.
Гл. VII. Табл. № 7; Экскурс 1.
Табл. №№ 26, 28.
◈ его жена, см. ЕЛИЗАВЕТА, дочь Ярослава Мудрого.
ХАРАЛЬД (ПРЕКРАСНОВОЛОСЫЙ), сын Хальвдана Черного, внук Гудрёда Великолепного, правнук Хальвдана Эйстейнссона Щедрого на Золото и Скупого на Еду, конунг Норвегии — с. 344 (примеч.), 361 (примеч.).
Экскурс 1. Табл. № 26; Экскурс 3.
Табл. № 2; Экскурс 4. Табл. № 6.
◈ его жена, см. ГЮДА
ХАРИВУЛЬФ, родич Хадувульфа, автора-заказчика рунической надписи на камне из Истабю — с. 36.
Гл. II. Табл. № 6.
ХЕАЛЬФДЭНЕ, отец Хродгара и Хеорогара, персонаж англосаксонского эпоса «Беовульф» — с. 36.
Гл. II. Табл. № 6.
ХЕЛЬГА, имя — с. 46.
ХЕЛЬГА, дочь Хельги, исландка — с. 46.
ХЕЛЬГА, дочь Хельги Тощего, исландка — с. 46, 48 (примеч.).
ХЕЛЬГИ, имя — с. 41 (примеч.), 46.
ХЕЛЬГИ, исландец — с. 46.
ХЕЛЬГИ (ТОЩИЙ), знатный исландец — с. 46, 48 (примеч.).
ХЕОРОВЭРД, сын Хеорогара, персонаж англосаксонского эпоса «Беовульф» — с. 36.
Гл. II. Табл. № 6.
ХЕОРОГАР, сын Хеальфдэне, герой англосаксонского эпоса «Беовульф» — с. 36.
Гл. II. Табл. № 6.
ХЕРИБРАНТ, отец Хильтибранта, героя древненемецкой «Песни о Хильдебранде» — с. 36.
Гл. II. Табл. № 6.
ХЕРУВУЛЬФ, отец Хадувульфа, автора-заказчика рунической надписи на камне из Истабю — с. 36.
Гл. II. Табл. № 6.
ХИЛЬТИБРАНТ, сын Херибранта, герой древненемецкой «Песни о Хильдебранде» — с. 36.
Гл. II. Табл. № 6.
ХОЛЬМФРИД, дочь (?) Эйрика Победоносного, сестра (?) конунга Олава Шведского — с. 38 (примеч.), 248.
Гл. II. Табл. № 8; Гл. VII. Табл. № 9.
ХОЛЬМФРИД, дочь конунга Олава Шведского и Эдлы, внучка Эйрика Победоносного — с. 38, 248.
Гл. II. Табл. № 8; Гл. VII. Табл. № 9.
ХОЛЬТИ (СМЕЛЫЙ), сын Ярослава Мудрого, внук Владимира Святого, правнук Святослава Игоревича — с. 12 (примеч.).
ХОТЕМИР, имя — с. 51, 457.
ХРАФНКЕЛЬ (ГОДИ ФРЕЙРА), знатный исландец, персонаж одноименной саги — с. 360 (примеч.).
ХРЕДРИК, сын Хродгара, персонаж англосаксонского эпоса «Беовульф» — с. 36.
Гл. II. Табл. № 6.
ХРЁРИК, имя — с. 41 (примеч.).
ХРИСТИНА, имя — с. 364, 365 (примеч.).
→ См. также КРИСТИНА
ХРИСТИНА, святая — с. 364, 365, 572.
ХРИСТИНА ПЕРСИДСКАЯ, святая — с. 364.
ХРИСТИНА ТИРСКАЯ, святая — с. 364, 365, 572.
ХРИСТИНА, игуменья Варваринского монастыря в Новгороде — с. 365 (примеч.).

ХРИСТИНА, лицо, упомянутое в надписи на Суздальском змеевике — с. 365–366 (примеч.).
ХРОДГАР, сын Хеальфдэне, герой англосаксонского эпоса «Беовульф» — с. 36.
Гл. II. Табл. № 6.
ХРОДМУНД, сын Хродгара, персонаж англосаксонского эпоса «Беовульф» — с. 36.
Гл. II. Табл. № 6.
ХУДЫНА, имя — с. 325.
ХУНЕРИХ, сын Гензериха, внук Гундегизеля, правитель вандалов — с. 33.
Гл. II. Табл. № 3.

Ц

ЦЕЦИЛИЯ, наложница (?), вторая жена (?) норвежского конунга Сигурда Крестоносца — с. 246 (примеч.).

Ш

ШВАРН, имя — с. 168 (примеч.), 374, 375, 376, 377, 378, 379–380, *620*.
Гл. IV. Табл. № 21; Экскурс 5.
Табл. №№ 4, 5, 6.
ШВАРН, сын Даниила, внук Романа, правнук Мстислава Изяславича — с. 168 (примеч.), 379, *620*.
Гл. IV. Табл. № 21; Экскурс 5.
Табл. № 6.
◈ его жена, дочь Миндовга, князя литовского — с. 379 (примеч.).
Экскурс 5. Табл. № 6.
ШВАРН ЖИРОСЛАВИЧ, воевода — с. 371, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 547, 575.
Экскурс 5. Табл. №№ 4, 5; Экскурс 11.
Табл. № 3.
◈ его сестра, замужем за чехом (?) — с. 378, 379.
Экскурс 5. Табл. № 5.
◈ его дочь (?), жена МСТИСЛАВА, сына Святослава, внука Всеволода.
◈ его жены (???)
Экскурс 5. Табл. № 4.
ШВАРН, «сестричич» (племянник) Шварна (?) — с. 376, 377, 378, 379.
Экскурс 5. Табл. № 5.
→ См. также ШВАРН ЖИРОСЛАВИЧ
ШВАРНО, легендарный князь литовский — с. 380 (примеч.).
ШИМОН, варяг.
Экскурс 11. Табл. № 2.

Э

ЭАДВЕРД (ЭДВАРД) (СВЯТОЙ), сын англосаксонского короля Эдгара и королевы Этельфлед — с. 34 (примеч.).
ЭАДВИГ (ЭДВИГ), сын англосаксонского короля Эадмунда — с. 34.
ЭАДГАР (ЭДГАР) , сын англосаксонского короля Эадмунда — с. 34.
ЭАДГЕВА, жительница Кента, мать Эадмера — с. 35.
ЭАДГИВА (ЭДГИВА), незаконная дочь англосаксонского короля Эдгара и Вульфтрюд — с. 34 (примеч.).
ЭАДМЕР (ЭДМЕР), житель Кента, сын Бридмера и Эадгевы — с. 35.
ЭАДМУНД (ЭДМУНД), англосаксонский король — с. 34.
ЭДВАРД, см. ЭАДВЕРД
ЭДВИГ, см. ЭАДВИГ
ЭДГАР, см. ЭАДГАР
ЭДГИВА, см. ЭАДГИВА
ЭДМЕР, см. ЭАДМЕР
ЭДМУНД, см. ЭАДМУНД
ЭДИЛЬВИНИ, англосаксонский епископ — с. 35.
ЭДИЛЬХИЛЬД, сестра Эдильвини, Альдвини и Этельхун, аббатиса — с. 35.
ЭДЛА, имя — с. 357 (примеч.).
ЭДЛА, наложница конуга Олава Шведского — с. 37, 357 (примеч.).
Экскурс 4. Табл. № 2.
ЭЙЛИВ, ярл — с. 246 (примеч.).
ЭЙЛИВ, сын Рёгнвальда, внук Ульва, ярл в Ладоге — с. 361.
Гл. VII. Табл. № 17; Экскурс 4.
Табл. №№ 2, 3, 6, 7, 8.
ЭЙМОД (ЭУМОД), лицо, упоминаемое в «Старшей Эдде» и «Саге о Вёльсунгах» — с. 53 (примеч.).

ЭЙМУНД, варяг, персонаж «Пряди об Эймунде» и «Саги об Ингваре Путешественнике» — с. 51, 65 (примеч.), 357 (примеч.), 358 (примеч.).
ЭЙМУНД (СТАРЫЙ, ЗЛОЙ), сын Олава Шведского и наложницы Эдлы, конунг Швеции — с. 39, 65 (примеч.), 359, 361 (примеч.).
Гл. II. Табл. № 8; Гл. VII. Табл. № 9; Экскурс 4. Табл. № 5.
◈ его дочь (?), жена (?) конунга СТЕЙНКЕЛЯ, сына Рёгнвальда.
ЭЙРИК, конунг из Хёрдаланда (Норвегия), персонаж «Саги о Харальде Прекрасноволосом» — с. 344 (примеч.).
Экскурс 3. Табл. № 2.
ЭЙРИК (ПОБЕДОНОСНЫЙ), сын Бьёрна, конунг Швеции — с. 65 (примеч.), 344 (примеч.), 566.
Гл. II. Табл. № 8; Гл. VII. Табл. №№ 9, 17; Экскурс 4. Табл. №№ 1, 2, 4, 5.
◈ его жена, см. СИГРИД ГОРДАЯ
ЭЙРИК (ДОБРЫЙ), сын Свейна-Магнуса, внук Эстрид-Маргареты, правнук Свейна Харальдссона Вилобородого.
Гл. VII. Табл. № 16; Экскурс 1. Табл. № 27; Экскурс 4. Табл. № 9.
ЭЙРИК, сын Эйрика, внук Кнута, правнук Эйрика Святого — с. 311.
ЭЙРИК (НЕЗАБВЕННЫЙ), сын Эйрика Доброго, внук Свейна-Магнуса, правнук Ульва Торгильссона и Эстрид-Маргареты, зять Мстислава Великого — с. 247 (примеч.), 313, 573 (примеч.).
Гл. VII. Табл. № 7; Экскурс 1. Табл. № 27; Экскурс 4. Табл. № 9.
◈ его жена, см. МАЛЬ(М)ФРИД, дочь Мстислава Великого и Кристины.
ЭЙСТЕЙН, сын Харальда Гилли, внук Магнуса Голоногого, правнук Олава Харальдссона Тихого — с. 314 (примеч.).
Экскурс 1. Табл. № 28.
ЭЙСТЕЙН (ДЕВЧУШКА), сын Эйстейна (?), внук Харальда Гилли (?), правнук (?) Магнуса Олавссона Голоногого — с. 314 (примеч.).
Экскурс 1. Табл. № 28.
ЭЛЬГИТ, дочь Эльфвине и Вульфгит, жительница Суффолка — с. 35.
ЭЛЬФВИНЕ, житель Суффолка, отец Эльгит — с. 35.
ЭЛЬФГИВА, королева — с. 35.
◈ ее первый муж, см. ЭТЕЛЬРЕД НЕРЕШИТЕЛЬНЫЙ
◈ ее второй муж, см. КНУТ ВЕЛИКИЙ, сын Свейна.
ЭЛЬФРЕД, сын короля Этельреда Нерешительного и Эльфгивы — с. 35.
ЭМУНД, см. ЭЙМУНД
ЭНУНД, имя — с. 356.
ЭНУНД (АНУНД)-ЯКОБ, сын Олава Шведского, внук Эйрика Победоносного, правнук Бьёрна — с. 356, 359 (примеч.).
Экскурс 4. Табл. № 1.
ЭОРМЕНБЭОРГ, королева Мерсии, жена короля Меревальда — с. 35.
ЭРЛИНГ (КРИВОЙ), норвежский ярл.
Гл. VII. Табл. №№ 7, 9.
◈ его жена, см. КРИСТИНА, дочь Сигурда Крестоносца.
ЭСТРИД, шведская королева, мать Ингигерд — с. 355, 357 (примеч.).
Экскурс 4. Табл. №№ 1, 2.
◈ ее муж, см. ОЛАВ ШВЕДСКИЙ, сын Эйрика.
ЭСТРИД-МАРГАРЕТА, дочь Свейна-Отто(на) Вилобородого, внучка Харальда Синезубого, правнучка Горма Старого — с. 332.
ЭТЕЛЬРЕД (НЕРЕШИТЕЛЬНЫЙ), сын короля Эдгара и Эльфтрюд, англосаксонский король — с. 34 (примеч.), 35.
◈ его жена, см. ЭЛЬФГИВА
ЭТЕЛЬСТАН, отец епископ Вульфстана — с. 35.
ЭТЕЛЬХУН, брат епископа Эдильвини, аббатисы Эдильхильд и Альдвини — с. 35.

Ю

ЮРИЙ, см. ГЕОРГИЙ

Я

ЯВОЛОД (ЯСВОЛОД), галицкий боярин — с. 69 (примеч.).
ЯКИМ (ИОАКИМ), тиун — с. 414.
ЯКОБ, см. ИАКОВ
ЯКОВ ВОИН, сын Ивана, внук Василия Ярославского, правнук Василия Давыдовича Грозного — с. 550.
ЯКОВ, внук Юрия Долгорукого, «сестричичь» (племянник от сестры) Всеволода Большое Гнездо — с. 258, 263, 333 (примеч.).
Гл. VII. Табл. №№ 18, 24.
◈ его жена — с. 258.
ЯКУН, имя — с. 52 (примеч.), 136 (примеч.).
ЯКУН МИЛЯТИЧ, боярин — с. 380.
ЯКУН МИРОСЛАВИЧ, сын Мирослава, внук Гюряты (?), правнук Рог(волода) (Рагуила) (?), новогородец — с. 258, 358.
Гл. VII. Табл. № 17; Экскурс 4. Табл. № 3.
◈ его дочь, жена МСТИСЛАВА БЕЗОКОГО, сына Ростислава.
ЯН, имя — с. 548–549, *620*.
ЯН ДЛУГОШ, польский хронист — с. 48 (примеч.), 49 (примеч.), 242, 301 (примеч.), 306 (примеч.), 462 (примеч.), 495, 541, 563, 574, 586 (примеч.), 591, 595.
ЯНКА, имя — с. 124 (примеч.), *620*.
→ См. также АННА и ИОАННА
ЯНКА, дочь Всеволода, внучка Ярослава Владимировича Мудрого, правнучка Владимира Святославича Святого — с. 124, 508, *620*.
ЯРИЦКАР, имя — с. 53 (примеч.).
ЯРИЦКАР, лицо, упоминаемое в «Старшей Эдде» — с. 53 (примеч.).
ЯРИЦЛЕЙВ, имя — с. 52, 53 (примеч.), 357.
→ См. также ЯРОСЛАВ
ЯРИЦЛЕЙВ, лицо, упоминаемое в «Старшей Эдде» и «Саге о Вёльсунгах» — с. 53 (примеч.).
ЯРНСКЕГГИ, персонаж «Саги об Олаве Трюггвасоне», отец Гудрун — с. 340, 341.
Экскурс 3. Табл. № 2.
ЯРОМИР, имя — с. 51.
ЯРОПОЛК, имя — с. 19, 20, 21, 22, 24, 25, 28, 32, 33, 43, 46, 49, 50, 51, 54, 69 (примеч.), 75, 76, 77, 79, 80, 81, 82, 93, 106 (примеч.), 117, 144 (примеч.), 270, 448, 451, 453, 494, 591, 593, *620–622*.
Гл. II. Табл. №№ 10, 11, 12; Гл. III. Табл. № 1; Гл. III. Табл. № 2; Гл. IV. Табл. № 12.
ЯРОПОЛК, боярин галицкий — с. 69 (примеч.).
ЯРОПОЛК ТОМЗАКОВИЧ, князь половецкий — с. 54.
ЯРОПОЛК, сын Андрея Доброго, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 77, 79, 93, 110 (дополн. к с. 81).
Гл. III. Табл. №№ 1, 2.
ЯРОПОЛК, сын Владимира Мономаха, внук Всеволода, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 19, 20, 21, 22, 24, 25, 28, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 91, 93, 100, 109–110 (дополн. к с. 81), 117, 124, 126–127 (примеч.), 127, 270, 453, 560–561, *620–621*.
Гл. I. Табл. №№ 1, 2, 3; Гл. III. Табл. №№ 1, 2; Гл. IV. Табл. №№ 4, 7, 8, 12.
ЯРОПОЛК, сын Изяслава, внук Мстислава Великого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 80, 81, 82, 109–110 (дополн. к с. 81), 494, *621*.
Гл. III. Табл. №№ 2, 3; Гл. IV. Табл. № 10.
◈ его жена, дочь Святослава, внучка Олега, правнучка Святослава Ярославича — с. 110 (дополн. к с. 81).
ЯРОПОЛК, сын Изяслава, внук Ярослава Мудрого, правнук Владимира Святославича Святого — с. 19, 20, 21,24, 25, 28, 50, 54, 76, 77, 81, 106 (примеч.), 135, 253 (примеч.), 502, 591, 593, *621–622*.
Гл. I. Табл. №№ 1, 2, 3; Гл. II. Табл. №№ 11, 12; Гл. III. Табл. № 2; Гл. VII. Табл. № 14.

ЯРОПОЛК, сын Мстислава Великого, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 28, 50, 75, 76, 77, 79, 80, 81, 82, 93, 453.
Гл. I. Табл. № 3; Гл. II. Табл. №№ 11, 12; Гл. III. Табл. №№ 1, 2; Гл. IV. Табл. № 12.

ЯРОПОЛК, сын Ростислава, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 144 (примеч.), 589 (примеч.), 601, *622*.
Гл. IV. Табл. №№ 12, 16.

ЯРОПОЛК, сын Святослава, внук Игоря и Ольги, правнук Рюрика — с. 46, 49, 54, 105 (примеч.), 249, 335, 336, 337, 338, 339, 343, 438 (примеч.), 451, 591, 605, 621, *622*.
Гл. I. Табл. № 1; Гл. II. Табл. №№ 10, 11; Гл. III. Табл. № 12; Гл. VII. Табл. № 14; Экскурс 3. Табл. № 1.
◈ его жена, «грекиня», греческая монахиня, мать Святополка Окаянного — с. 49, 249, 338 (примеч.), 451.
Экскурс 3. Табл. № 1.

ЯРОПОЛК, сын Юрия, внук Ярослава, правнук Святополка Изяславича, князь пинский — с. 50.
Гл. II. Табл. №№ 11, 12.

ЯРОПОЛК, сын Ярослава, внук Всеволода, правнук Олега Святославича — с. 54, *622*.
Гл. II. Табл. № 12.

ЯРОСЛАВ, имя — с. 11, 28–29 (примеч.), 32, 33, 43, 48, 52 (примеч.), 53 (примеч.), 54, 61, 118, 119, 121, 134 (примеч.), 138, 139 (примеч.), 144 (примеч.), 145, 153, 154, 162, 164, 165, 166, 169, 170, 178 (примеч.), 186 (примеч.), 224 (примеч.), 230, 242, 251 (примеч.), 256, 272, 278, 280, 283 (примеч.), 314, 315, 316, 319, 353, 408, 429–430, 451, 454, 455, 457, 476, 494, 508, 514 (примеч.), 515, 519, 545, 567, 568, 593, 615, 618, *622–626*.
Гл. II. Табл. №№ 10, 11, 12, 13; Гл. IV. Табл. №№ 12, 13, 20; Гл. VI. Табл. №№ 3, 5; Гл. VII. Табл. №№ 2, 12; Экскурс 1. Табл. №№ 7, 10, 29, 31; Экскурс 10. Табл. № 9.

ЯРОСЛАВ, сын Болеслава Высокого, внук Владислава Изгнанника, правнук Болеслава Кривоустого — с. 251 (примеч.).
Гл. VII. Табл. № 12.

ЯРОСЛАВ, сын Владимира Храброго, внук Андрея, правнук Ивана Даниловича Калиты — с. 165 (примеч.), 224, 227, 230, 233, 429–430, 476, 485, 494, 553, *622–623*.
Гл. VI. Табл. №№ 5, 6; Экскурс 10. Табл. № 9.

ЯРОСЛАВ (ОСМОМЫСЛ), сын Владимира, внук Володаря, правнук Ростислава Владимировича — с. 69 (примеч.), 148 (примеч.), 177, 178, 241, 259 (примеч.), 260–261, 276, 300 (примеч.), 308, 309, 319, 330, 333 (примеч.), 486, 497, 545.
Гл. IV. Табл. № 15; Гл. V. Табл. № 1; Гл. VII. Табл. №№ 1, 4, 20, 22, 23; Экскурс 1. Табл. №№ 4, 19.
◈ его дочь, первая (?) жена (?) МСТИСЛАВА ХРАБРОГО
◈ его жена, см. ОЛЬГА, дочь Юрия Долгорукого.
◈ его наложница, см. АНАСТАСИЯ (НАСТАСЬКА)

ЯРОСЛАВ, сын Владимира Мачешича, внук Мстислава Великого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 157 (примеч.), 158 (примеч.), 160, 161, 191 (примеч.), 371, 372–373, 374, 375, 376, 377, 379, 381, 414 (примеч.), 435, 500, 504, 547, 548, 565, 567, *623*.
Гл. IV. Табл. № 18; Экскурс 5. Табл. №№ 3, 4; Экскурс 11. Табл. № 2.
◈ его жена, см. ЕЛЕНА-МАРФА, дочь Шварна.

ЯРОСЛАВ, сын Владимира, внук Мстислава Храброго, правнук Ростислава Мстиславича — с. 307–308.
Экскурс 1. Табл. № 22.

ЯРОСЛАВ (МУДРЫЙ), сын Владимира Святого, внук Святослава, правнук

Игоря Рюриковича и Ольги — с. 12 (примеч.), 15, 16, 17, 18, 22 (примеч.), 23, 24, 25, 26 (примеч.), 27, 28–29 (примеч.), 31, 38, 39, 44, 45, 48, 49 (примеч.), 50, 53 (примеч.), 54, 55, 57, 58, 59, 61, 65 (примеч.), 66 (примеч.), 67, 69, 74 (примеч.), 96, 98, 104, 106 (примеч.), 112, 117, 118, 119, 121, 122, 134, 135, 136, 139, 144, 147 (примеч.), 153, 185–186, 187, 191 (примеч.), 224 (примеч.), 247, 253, 255, 258, 263 (примеч.), 285, 332–333, 335, 336, 338, 344, 345, 346, 351, 353, 355, 356, 357, 359, 361 (примеч.), 362, 366, 384 (примеч.), 406 (примеч.), 408 (примеч.), 419, 422, 424, 450, 451, 455, 456, 461, 471, 481, 493, 497, 502, 503 (примеч.), 504, 507, 508, 512–513, 515, 519, 523, 524, 528, 530, 541, 561, 563, 564, 565–566, 567, 573, 580, 581, 582, 583, 587, 590–591, 595, 599, 604, 605, 607, 608, 609, 620, 621–622, *623*, 625.
Гл. I. Табл. №№ 1, 2; Гл. II. Табл. №№ 1, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17; Гл. III. Табл. №№ 2, 7, 8, 9, 10, 11, 12; Гл. IV. Табл. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 10, 14, 16; Гл. V. Табл. №№ 1, 3; Гл. VII. Табл. №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 21, 23, 24, 25, 26; Экскурс 1. Табл. №№ 1, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12, 13, 14, 15, 19, 23, 30; Экскурс 3. Табл. №№ 1, 3, 4; Экскурс 4. Табл. №№ 1, 4, 5, 7, 8; Экскурс 5. Табл. №№ 1, 4; Экскурс 6. Табл. № 2; Экскурс 10. Табл. №№ 1, 4, 5, 8; Экскурс 11. Табл. №№ 1, 3.
◈ его первая жена (?) — с. 567.
◈ его вторая (?) жена, см. ИНГИГЕРД, дочь Олава Шведского.

ЯРОСЛАВ, сын Всеволода, внук Олега «Гориславича», правнук Святослава Ярославича — с. 105 (примеч.), 158, 263, 601–602, 622.
Гл. II. Табл. № 12; Гл. VII. Табл. №№ 24, 25; Экскурс 10. Табл. № 4.

ЯРОСЛАВ, сын Всеволода Большое Гнездо, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 87, 88, 89, 90, 91, 92, 127 (примеч.), 139 (примеч.), 145, 152, 153, 154, 155 (примеч.), 162, 164, 165, 166, 167, 168 (примеч.), 169, 170, 171, 175, 176, 186 (примеч.), 190, 199 (примеч.), 211, 242, 262, 268 (примеч.), 301, 302, 303 (примеч.), 308, 315, 316, 317, 318, 319, 383 (примеч.), 384, 385–386, 388, 409, 410–411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 421, 430, 435, 457, 464, 465, 467, 468, 474, 476, 482, 494–495, 506, 517, 531, 534, 535, 539, 555, 572, 579, 580, 588, 602, 610, 613, 615, 617–618, *623–624*, 626.
Гл. III. Табл. № 5; Гл. IV. Табл. №№ 7, 9, 13, 14, 16, 19, 20, 21; Гл. V. Табл. № 1; Гл. VI. Табл. №№ 3, 5, 7, 8; Гл. VII. Табл. №№ 2, 22; Экскурс 1. Табл. №№ 20, 24, 25, 29, 31; Экскурс 5. Табл. № 2; Экскурс 6. Табл. №№ 1, 2; Экскурс 9. Табл. № 1; Экскурс 10. Табл. №№ 3, 9.
◈ его жена, см. РОСТИСЛАВА, дочь Мстислава Удатного.

ЯРОСЛАВ, сын Глеба, внук Ростислава, правнук Ярослава Святославича — с. 242, 278, 280, 281, 283, 284, 285 (примеч.).
Экскурс 1. Табл. №№ 5, 6, 7, 8, 9, 11.
◈ его жена, см. ВСЕСЛАВА, дочь Рюрика.

ЯРОСЛАВ, сын Изяслава, внук Мстислава Великого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 66, 67, 81, 83, 109–110 (дополн. к с. 81), 193 (примеч.), *624*.
Гл. II. Табл. № 17; Гл. III. Табл. №№ 2, 3.

ЯРОСЛАВ, сын Мстислава, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Всеволодича Мономаха — с. 144 (примеч.), 154, 409 (примеч.), *624–625*.
Гл. IV. Табл. №№ 12, 16.

ЯРОСЛАВ, сын Романа, внук Олега, правнук Ингваря Игоревича — с. 588.
Экскурс 1. Табл. № 11.

ЯРОСЛАВ, сын Святополка, внук Изяслава, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 54, 119–120, 247, 248 (примеч.), 362 (примеч.), 463, 475, 519, 526, 561, *625*.
Гл. II. Табл. №№ 11, 12; Гл. IV. Табл. № 5; Гл. VII. Табл. №№ 7, 8, 24; Экскурс 1. Табл. № 19; Экскурс 5. Табл. № 1.
◈ его жена, дочь Мстислава Великого, внучка Владимира Мономаха, правнучка Всеволода Ярославича (?) — с. 119–120, 247, 248 (примеч.).
Гл. IV. Табл. № 5; Гл. VII. Табл. № 8.

ЯРОСЛАВ, сын Святослава, внук Глеба, правнук Ростислава Ярославича.
Экскурс 1. Табл. №№ 7, 10.
→ См. также РОСТИСЛАВ (?) (ЯРОСЛАВ ?), сын Романа, и РОСТИСЛАВ (?) (ЯРОСЛАВ ?), сын Святослава.

ЯРОСЛАВ (МУРОМСКИЙ), сын Святослава, внук Ярослава Мудрого, правнук Владимира Святославича Святого — с. 28 (примеч.), 96, 97, 98, 99, 114, 147–148 (примеч.), 245 (примеч.), 272, 286, 321 (дополн. к с. 315), 513, 518, 519, 524, 531, 568, 593, 596, 607 (примеч.), *625–626*.
Гл. II. Табл. № 17; Гл. III. Табл. №№ 7, 8, 9, 10; Гл. VII. Табл. №№ 6, 25; Экскурс 1. Табл. №№ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 23, 30.

ЯРОСЛАВ, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха, правнук Всеволода Ярославича — с. 144 (примеч.), 145, 153, 154.
Гл. IV. Табл. №№ 12, 13, 16.

ЯРОСЛАВ, сын Юрия, внук Давыда, правнук Юрия Владимировича (?) или Ростиславича (?) — с. 515.

ЯРОСЛАВ, сын Юрия, внук Ярослава, правнук Святополка Изяславича — с. 50.
Гл. II. Табл. №№ 11, 12.
◈ его жена, см. ЕВФРОСИНИЯ, дочь Бориса.

ЯРОСЛАВ, сын Ярополка, внук Изяслава, правнук Ярослава Владимировича Мудрого — с. 54, 502.

ЯРОСЛАВ, сын Ярослава, внук Всеволода Большое Гнездо, правнук Юрия Владимировича Долгорукого — с. 12 (примеч.), 164, 165, 166, 168, 170, 191 (примеч.), 224, 314–318, 319, 412, 430, 457, 476, 485, 539, 577, 579–580, 610, 613–614, 618, 624, *626*.
Гл. IV. Табл. №№ 7, 19, 20; Гл. VI. Табл. №№ 3, 5, 7; Экскурс 1. Табл. №№ 29, 31; Экскурс 6. Табл. № 1; Экскурс 9. Табл. № I; Экскурс 10. Табл. № 9.

ЯРОСЛАВА, имя — с. 242, 245, 256, 257.
Гл. VII. Табл. № 2.

ЯРОСЛАВА, дочь Рюрика, внучка Ростислава, правнучка Мстислава Владимировича Великого — с. 242.
Гл. VII. Табл. № 2.
◈ ее муж, см. СВЯТОСЛАВ, сын Игоря, внук Святослава.